4° Russ.
59 y
Bogoslovskij

Б-1446.

М. Богословскій.

ОБЛАСТНАЯ РЕФОРМА
ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

ПРОВИНЦІЯ 1719—27 гг.

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ С.П.БУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

ИЗДАНІЕ
ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.

1902.

Дублет Гос. Публ. Б-ка Обмен
1-54
12

М. Богословскій.

ОБЛАСТНАЯ РЕФОРМА

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

ПРОВИНЦІЯ 1719—27 гг.

1 35/214

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ С.П.БУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

ИЗДАНІЕ
ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1902.

Г. п. 5176

1-54

12

BAYERISCHE
STAATS-
BIBLIOTHEK
MUENCHEN

Печатано подъ наблюденіемъ автора.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ царствованіе Петра Великаго мѣстное управленіе Россіи испытало двѣ крупныя реформы. Первою было раздѣленіе Россіи на восемь обширныхъ губерній и созданіе особыхъ учрежденій для управленія ими. Это губернское устройство, если относить его начало къ 1708 г., просуществовало, терпя постоянно различныя измѣненія, около одиннадцати лѣтъ. Вторая крупная областная реформа Петра относится къ 1719 году. Она заключалась въ образованіи новой областной единицы—провинціи, замѣнившей собою прежнюю губернію, и въ созданіи новой системы провинціальныхъ учрежденій. Это провинціальное устройство управленія 1719 года было еще болѣе кратковременнымъ, чѣмъ губернское, просуществовавъ всего восемь лѣтъ, до начала 1727 года, когда оно было отмѣнено. Оно-то и составляетъ предметъ настоящаго изслѣдованія.

Такая тема казалась удобною для монографическаго изученія. Именно потому, что провинціальная реформа 1719 г. была кратковременной попыткой, что учрежденія, тогда введенныя, дѣйствовали недолго и затѣмъ были отмѣнены, она представляетъ изъ себя нѣкоторое цѣлое, законченное явленіе, начало, продолженіе и конецъ котораго вполнѣ доступны наблюденію и которое можетъ быть предметомъ отдѣльнаго законченнаго разсказа. Однако такая кратковременность явленія служитъ причиной и нѣкоторой опасности для изслѣдователя, не давая ему повтореній однороднаго факта для постройки общихъ выводовъ. Реформа Петра Великаго проходила ускореннымъ даже лихорадочнымъ темпомъ. Въ создаваемомъ ею было нерѣдко очень мало прочнаго, и каждый день приносилъ съ собою новыя и новыя перемѣны. Учрежденіе не успѣвало принять тѣ формы, какія для него предназначались, какъ уже издавался указъ о тѣхъ или иныхъ его измѣненіяхъ; оно иногда едва только возникало, какъ уже должно было исчезнуть. Вотъ почему авторъ всего болѣе боялся излишней догматичности изложенія и старался слѣдить за всѣми перемѣнами, которымъ подвергались учрежденія, какъ бы ни были микроскопичны

тѣ хронологическія грани, въ предѣлахъ которыхъ эти перемѣны совершались.

Избранная тема казалась также стоящею непосредственно на очереди. Мѣстному управленію особенно посчастливилось въ нашей исторической литературѣ, и цѣлый рядъ работъ посвященъ главнѣйшимъ фазамъ его эволюціи. Кромѣ общаго обзора его развитія, сдѣланнаго Андреевскимъ въ его книгѣ: «О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ», уѣздъ московскаго государства XVI—XVII в. нашелъ себѣ спеціальнаго изслѣдователя въ лицѣ Градовскаго; строй областныхъ учрежденій XVII вѣка мастерски изображенъ перомъ Б. Н. Чичерина. Первой областной реформѣ Петра посвящены: спеціальная работа проф. Мрочекъ-Дроздовскаго: «Областное управленіе Россіи XVIII вѣка до учрежденія о губерніяхъ 7 ноября 1775 г. Часть I. Областное управленіе эпохи перваго учрежденія губерній (1708—1719)» и обширный второй отдѣлъ въ книгѣ П. Н. Милюкова: «Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго». Тянущееся непрерывной цѣпью послѣдовательное изученіе областныхъ учрежденій Россіи доведено было именно до второй, провинціальной реформы Петра. Это облегчало трудъ, позволяя начать изслѣдованіе прямо съ того момента, на которомъ оно остановилось. Но и здѣсь грозила автору своего рода опасность, и онъ не скрывалъ отъ себя ни той тяжелой отвѣтственности, которую налагала на него попытка продолжать работу ряда представителей русской науки съ такими блестящими именами, ни того риска, которому эта попытка его подвергала.

При изученіи реформы учрежденій приходится имѣть дѣло съ двумя задачами. Изъ нихъ первая состоитъ въ выясненіи идей реформы и ихъ генезиса. Вторая заключается въ томъ, чтобы выяснить встрѣчу идей съ дѣйствительною жизнью и прослѣдить послѣдствія этой встрѣчи. Обстоятельный очеркъ генезиса и подготовки областной реформы 1719 г. былъ также данъ въ указанномъ выше трудѣ П. Н. Милюкова. Авторъ настоящаго изслѣдованія поставилъ себѣ задачей изучить эту реформу со стороны соприкосновенія ея съ дѣйствительностью. Прослѣдить взаимодѣйствіе плановъ реформатора съ жизнью, показать не только то, чѣмъ *должны были быть* учрежденія 1719 г., но чѣмъ они *дѣйствительно были*, посмотрѣть на нихъ въ ихъ ежедневной практикѣ и, такъ какъ они скоро разрушились, выяснить, какія условія въ окружающей средѣ и въ нихъ самихъ были причинами ихъ паденія — вотъ цѣли, достигнуть которыхъ стремился авторъ.

Такія цѣли должны были неминуемо повести въ архивы, въ которыхъ хранятся памятники практики изучаемыхъ учрежденій; эти памятники и легли въ основу изслѣдованія. Такъ какъ все это неизданные источники, то авторъ и считаетъ своею обязанностью нѣсколько остановиться на ихъ указаніи. Документы, которыми пришлось пользоваться при составленіи этой книги, сосредоточены въ трехъ архивахъ: Государственномъ—въ Петербургѣ, Иностранныхъ дѣлъ и Юстиціи—въ Москвѣ [1]. Главную ихъ группу составляютъ дѣлопроизводства петровскихъ учрежденій. Подобно самымъ учрежденіямъ ихъ можно подраздѣлить на двѣ категоріи. Въ первую входятъ дѣлопроизводства тѣхъ самыхъ областныхъ учрежденій, которыя и подлежали изученію. Архивы этихъ учрежденій унаслѣдованы были отъ нихъ воеводскими канцеляріями 1727 г., а во второй половинѣ XVIII в. екатерининскими губернскими и уѣздными учрежденіями и вмѣстѣ съ бумагами послѣднихъ съ 60-хъ гг. XIX в. были переданы въ Архивъ Министерства Юстиціи въ Москвѣ. Такое сосредоточеніе источниковъ въ одномъ мѣстѣ дѣлаетъ ихъ разработку удобной для изслѣдователя. При изученіи ихъ приходится сказать, что архивы областныхъ учрежденій сохранились съ очень различною степенью полноты, и тогда какъ отъ нѣкоторыхъ осталось всего лишь по нѣскольку дѣлъ, другіе уцѣлѣли довольно полно, такъ что въ нихъ за цѣлый рядъ лѣтъ можно найти документы почти отъ каждаго присутственнаго дня. Притомъ, кромѣ подлинныхъ производствъ, иногда уцѣлѣли книги протоколовъ и регистры входящихъ и исходящихъ бумагъ, дающіе возможность заполнять пробѣлы, причиненные утратою подлинныхъ дѣлъ и возстановлять дѣятельность учрежденій въ значительной полнотѣ. Разумѣется, для идеальной точности изслѣдованія было бы необходимо изученіе документовъ каждаго изъ областныхъ учрежденій за каждый день его существованія. Но, во-первыхъ, обычная ежедневная практика учрежденій различныхъ областей представляетъ изъ себя нѣчто до такой степени однообразное и повторяющееся, что едва ли достовѣрность выводовъ во многомъ пострадаетъ отъ тѣхъ пробѣловъ, съ какими сохранились мѣстные архивы. А затѣмъ, пробѣлы мѣстныхъ архивовъ восполняются въ значительной степени документами, уцѣлѣвшими отъ центральныхъ учрежденій.

Эти послѣдніе документы составляютъ вторую категорію данныхъ, положенныхъ въ основу изслѣдованія. Въ нее вошли бумаги кабинета

[1]) Первые два архива всегда указаны въ ссылкахъ. Тамъ, гдѣ указанія на архивъ нѣтъ, слѣдуетъ подразумѣвать Московскій Архивъ Министерства Юстиціи. Пользуемся случаемъ принести признательность архиваріусу этого архива В. И. Холмогорову за его любезныя указанія при работѣ надъ источниками.

Петра Великаго, хранящіяся въ Государственномъ архивѣ; дѣла двухъ коллегій, имѣвшихъ наибольшее соприкосновеніе съ областными учрежденіями: камеръ-коллегіи и юстицъ-коллегіи, хранящіяся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Наконецъ, наиболѣе богатымъ и обширнымъ источникомъ этой категоріи было дѣлопроизводство сената, хранящееся въ томъ же архивѣ. Дѣла сената, всеобъемлющаго правительственнаго органа при Петрѣ, центральнаго узла, въ которомъ сходились нити всѣхъ частей управленія — это обильная сокровищница матеріаловъ для исторіи Россіи въ эпоху реформы [1]).

Содержаніе указанныхъ архивовъ областныхъ и центральныхъ учрежденій такъ разнообразно, что предуказать заранѣе сколько-нибудь точно, какой родъ свѣдѣній можетъ дать тотъ или другой видъ дѣлъ совершенно невозможно. При ихъ разработкѣ изслѣдователю постоянно приходится имѣть дѣло съ случайностями, съ пріятными и непріятными сюрпризами. Онъ нерѣдко находитъ то, чего найти въ извѣстной группѣ дѣлъ нельзя было и надѣяться, и не находитъ того, съ чѣмъ встрѣтиться ожидалъ. Подъ обложкой съ сухимъ канцелярскимъ заглавіемъ таятся иногда художественно-яркія бытовыя черты. Небольшое дѣло въ нѣсколько листовъ отвѣтитъ на цѣлый рядъ вопросовъ и съ другой стороны чтеніе цѣлаго ряда дѣлъ съ сотнями листовъ оставляетъ изслѣдователя неудовлетвореннымъ. Вотъ почему только въ слишкомъ общихъ и главныхъ чертахъ можно указать, какого рода свѣдѣнія даютъ для поставленной темы бумаги двухъ намѣченныхъ выше категорій, т. е. областныхъ и центральныхъ учрежденій. Само собою разумѣется, что документы первыхъ, какъ ближе стоявшихъ къ жизни, знакомятъ съ ея отдѣльными мелкими фактами, которыхъ они касаются, во всей ихъ индивидуальной конкретности. Затѣмъ, они знакомятъ съ дѣлопроизводствомъ областныхъ учрежденій, преимущественно съ текущею, ежедневною ихъ практикою, съ тѣми предметами мѣстнаго управленія, которые вполнѣ разрѣшались компетенціей мѣстныхъ властей и не восходили выше. Документы центральныхъ учрежденій имѣютъ прежде всего обобщающее значеніе. Въ центральныя учрежденія сходятся бумаги изъ всѣхъ областей, изъ нихъ разсылаются приказанія по всѣмъ областямъ и такимъ образомъ по документамъ центральнаго учрежденія можетъ быть окинута взоромъ дѣятельность всѣхъ областныхъ, чѣмъ и восполняются пробѣлы въ ар-

[1]) Дѣла сената въ М. Арх. Мин. Юстиціи носятъ два номера: общій по общему ихъ реестру и частный по отдѣламъ, на которые они распредѣлены. Въ ссылкахъ указанъ только первый.

хивахъ послѣднихъ. Съ другой стороны тотъ документъ, который идетъ изъ областнаго учрежденія въ центральное, имѣетъ обобщающій характеръ, разъ это какой-нибудь отчетъ за извѣстный періодъ времени, охватывающій и объединяющій болѣе или менѣе значительное количество однородныхъ явленій, и это обобщающее значеніе увеличивается еще тою работою, которая продѣлывается съ этого рода документами въ центральномъ учрежденіи, гдѣ изъ нихъ составляются разнаго рода сводки, выборки, общія вѣдомости и т. п. Такого рода документами богаты архивы сената и кабинета Петра. Далѣе, если въ архивахъ областныхъ учрежденій слѣдуетъ искать изображенія текущей ежедневной практики, то въ архивахъ центральныхъ учрежденій сосредоточивались бумаги о всякаго рода эпизодахъ, которые выходили изъ русла этого ежедневнаго теченія и заставляли мѣстную администрацію доводить о нихъ до свѣдѣнія центральныхъ органовъ и обращаться къ нимъ за разрѣшеніемъ возбуждаемыхъ такими эпизодами вопросовъ. Наконецъ, въ архивахъ центральныхъ учрежденій хранятся слѣды не только практики учрежденій, но и той творческой мысли, которая ихъ созидала, не только дѣлопроизводства уже функціонирующихъ учрежденій, но и всякаго рода проекты, соображенія и предварительные разсчеты и планы различныхъ преобразованій и измѣненій.

Какую критическую цѣну имѣютъ памятники обѣихъ этихъ категорій, какова степень ихъ достовѣрности? Она та же, какая вообще принадлежитъ классу источниковъ, представляемыхъ офиціальными актами. Въ значительной степени задачи критики упрощаются временемъ и характеромъ актовъ, послужившихъ матеріаломъ для этой книги. Относительно актовъ такого поздняго времени, какъ XVIII вѣкъ, притомъ касающихся такихъ сторонъ жизни, какія по взглядамъ ихъ современниковъ и не должны были стать предметомъ историческаго изученія, вовсе не приходится прибѣгать къ малой, или внѣшней критикѣ. Подлинность актовъ несомнѣнна уже потому, что никому не было ни малѣйшаго интереса поддѣлывать такія бумаги, какъ переписка учрежденій. Время и мѣсто происхожденія актовъ всегда обозначены. Но и задачи большой, или внутренней критики относительно этого рода памятниковъ суживаются въ кругъ очень небольшаго радіуса. Одною изъ опасностей, грозящихъ при пользованіи офиціальными актами, бываетъ ихъ форма, которая иногда совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, скрывая за собою совсѣмъ не тѣ отношенія, о какихъ идетъ рѣчь въ актѣ. Но такъ бываетъ съ актами, въ которыхъ самая форма имѣетъ большое значеніе и поэтому склонна

бываетъ застывать въ неподвижности и не мѣняться параллельно съ жизнью, напр., съ актами гражданскаго права. Такіе же документы, какъ переписка учрежденій, гарантированы отъ этой опасности, такъ какъ ихъ форма, не имѣя юридическаго значенія, отличается большею гибкостью и подвижностью. Затѣмъ есть еще одно условіе, упрощающее дѣло критики. Авторы всѣхъ этихъ бумагъ, составляющихъ дѣлопроизводства учрежденій, никогда не думали ни объ отдаленномъ будущемъ, практически не заинтересованномъ въ дѣлѣ, читателѣ, подобно составителямъ лѣтописи, ни тѣмъ болѣе о будущемъ историкѣ, подобно авторамъ мемуаровъ. Вотъ почему они свободны отъ того намѣренія навязать свои взгляды и заразить своимъ впечатлѣніемъ, которое неизбѣжно порождается мыслью о будущемъ читателѣ и которое заставляетъ окрашивать изображаемыя событія субъективными тонами. Правда, даже и въ сухихъ офиціальныхъ бумагахъ взгляды и впечатлѣнія ихъ авторовъ не могли не отражаться и вносили свою окраску, но эта окраска не выходила изъ границъ ближайшаго практическаго интереса. Офиціальныя бумаги иногда не полно отражали, иногда искажали дѣйствительность, но эти недостатки имѣютъ всегда свой надежный коррективъ. Если пробѣлы и искаженія случались ненамѣренно, напр., по небрежности, то неполнота и невѣрность отраженія въ одномъ случаѣ восполняется и исправляется другими подобными. Но и намѣренная порча изображенія не можетъ оказать здѣсь сколько-нибудь ощутительныхъ послѣдствій. Если перо подьячаго кривило нѣсколько, записывая показанія въ судебномъ дѣлѣ или выводя цыфры въ финансовыхъ вѣдомостяхъ, можетъ ли такое искаженіе, больно или пріятно ощущавшееся въ свое время прикосновенными къ дѣлу лицами, повліять чѣмъ-нибудь на вѣрность представленія о составѣ и функціяхъ судебнаго учрежденія или о дѣятельности финансовыхъ органовъ? Если воевода въ своемъ донесеніи высшей власти преувеличивалъ или уменьшалъ дѣйствительность, онъ всетаки допускалъ эти отклоненія въ ту или другую сторону, не выходя за предѣлы вѣроятности, иначе ему никто бы изъ современниковъ не повѣрилъ: обманывать можно только вѣрнымъ подобіемъ истины. Но отъ такого рода искаженій пострадаютъ въ историческомъ трудѣ, можетъ быть, описанія отдѣльныхъ конкретныхъ случаевъ; на общіе и отвлеченные выводы они окажутъ такъ же мало вліянія, какъ неровности почвы и морская зыбь на шарообразность земной поверхности.

Таковы были задачи предлагаемаго изслѣдованія и таковы были средства, которыми оно располагало. Благодаря тому, что лежащій въ его основѣ фактическій матеріалъ не изданъ, оно должно было при-

нять значительный объемъ, такъ какъ казалось необходимымъ иллюстрировать выводы хотя немногими фактическими примѣрами, не ограничиваясь глухими ссылками на архивы.

Въ заключеніе авторъ считаетъ долгомъ принести глубокую благодарность Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, помѣстившему его трудъ на страницахъ своего изданія.

Москва, 25 мая 1902 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе III — IX

Глава первая. Основныя черты областной реформы 1719 г. 1—66

I. **Общій характеръ реформы Петра Великаго.** Законодательство московскаго государства 1—2. Значеніе обычая 2—3. Борьба реформы съ обычаемъ 3. Всеобъемлющая полицейская дѣятельность государства Петра 3—11. Разумъ, какъ руководящее начало реформы 12—13 1—13

II. **Абсолютизмъ и раціонализмъ государства Петра В., какъ обще-европейскія явленія XVII—XVIII в.** Западно-европейская политическая дѣйствительность 14. Политическія идеи 14 - 18. Знакомство Петра и русскаго общества съ этою дѣйствительностью и идеями 18—21. Раціонализмъ законодательства Петра 21—24. Необходимость перемѣны учрежденій въ связи съ задачами реформы 24—25 14—25

III. **Заимствованіе учрежденій съ запада.** Послѣдовательность западнаго вліянія 25—26. Неудача самостоятельныхъ политическихъ построеній 27—29. Выборъ западныхъ учрежденій 29—30. Почему получили предпочтеніе шведскія 30—31. Переработка шведскихъ учрежденій 31—34. Отзывъ Фокеродта объ административной реформѣ 34—36 25—36

IV. **Правильное разчлененіе учрежденій.** Отсутствіе общаго плана реформы 36—38. Безпорядокъ системы приказовъ XVII в. 38—39 Преимущества коллегіальнаго порядка 39—40. Распредѣленіе дѣлъ между коллегіями 41. Дифференціація органовъ мѣстнаго управленія. Отдѣленіе суда отъ администраціи 41—42. Развѣтвленіе органовъ администраціи 42—44 36—44

V. **Однообразіе областнаго раздѣленія.** Регламентація учрежденій 44—45. Эволюція областной единицы 45—47. Губернія 1708 г. 47. Подраздѣленія губерніи 47—49. Провинція и дистриктъ 49—52. 44—52

Стр.

VI. **Однообразіе областнаго управленія.** Областное управленіе XVII в. 52—55. Отдѣленіе центральныхъ инстанцій отъ областныхъ 55. Однообразіе устройства мѣстныхъ органовъ 55—56. Однообразіе ихъ дѣятельности 56—58. 52—58

VII. **Задачи, поставленныя учрежденіямъ 1719 г.** На учрежденіяхъ 1719 г. отразился духъ времени 58—59. Бюрократизмъ 59—62. Широта задачъ, поставленныхъ учрежденіямъ 62—65. Идеализмъ реформатора 65—66. 58—66

Глава вторая. Областныя административныя учрежденія. . **67—163**

I. **Организація провинціальныхъ учрежденій.** Организація коллегій 67—68. Устройство камеръ-коллегіи 68—69. Назначеніе провинціальнаго штата 69—70. Вступленіе его въ дѣйствіе 70—73. Прежняя администрація медлитъ разставаться съ провинціей 73—74. Безпорядокъ въ управленіи вслѣдствіе смѣны администрацій 75. 67—75

II. **Отношеніе провинціи къ губерніи и къ центральнымъ органамъ.** Самостоятельное значеніе провинціи 76. Отношеніе воеводы къ губернатору 77—78. Вмѣшательство губернаторовъ въ провинціальное управленіе 78—79. Значеніе губернскаго дѣленія послѣ 1719 г. 79—81. Воеводы охраняютъ свою самостоятельность 81—82. Отношеніе провинціи къ сенату и коллегіямъ 82—83. Отношеніе ея къ камеръ-коллегіи 84—86. 76—86

III. **Полицейская дѣятельность провинціальной администраціи.** Анализъ воеводской инструкціи 87—91. Дѣятельность воеводы по даннымъ практики 91—94. Заботы о безопасности 94—96. Медицина и общественное призрѣніе 96—97. Народное просвѣщеніе 97—98. Другіе предметы полицейской дѣятельности, указанные инструкціей 98—101 87—101

IV. **Средства и характеръ провинціальной администраціи.** Отсутствіе рессурсовъ на удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ 101—102. Отсутствіе инціативы, какъ результатъ исключительной работы для центра 103—105. Воевода—агентъ исполнитель въ мѣстности 105—106. Провинціальная администрація 1719 г. служитъ продолженіемъ губернской 1708 г. 106—108. 101—108

V. **Отношеніе провинціальной администраціи къ классамъ провинціальнаго общества.** Двоякія фупкціи мѣстныхъ органовъ власти 108—109. Отношеніе къ дворянству. Въ какой степени провинціальный воевода удовлетворяетъ интересы дворянства 109—112. Исполненіе требованій правительства, предъявляемыхъ къ дворянству 112—113. Отношеніе провинціальныхъ властей къ городу до изданія регламента главнаго магистрата 113—117. Отношеніе послѣ изданія этого регламента 117—121. 108—121

Стр.

VI. **Отношеніе провинціальной администраціи къ классамъ провинціальнаго общества**. Церковныя земли. Изъятіе ихъ изъ вѣдомства общей администраціи и возстановленіе монастырскаго приказа 122—123. Комиссары синодальной команды 123—124. Вмѣшательство общей администраціи въ управленіе церковныхъ земель 124—125. Правительство само уполномочиваетъ къ такому вмѣшательству 125—126. Дворцовыя земли 126—127. Резюме 127—128.............. 122—128

VII. **Финансовая дѣятельность провинціальной администраціи.** Финансовая дѣятельность воеводы по инструкціи 128—129. Дѣятельность его на практикѣ 130. Обязанности камерира 130—131. Отношеніе воеводы къ камериру 131—134. Прямые налоги 134—135. Косвенные сборы 136—137. Судебная дѣятельность камерира 137—139. Рентмейстеръ 139—140.......................... 128—140

VIII. **Земскій комиссаръ.** Два періода въ исторіи института земскихъ комиссаровъ 140—141. Земскіе комиссары 1719—1724 гг. назначались камеръ-коллегіей 141—145. Округъ земскаго комиссара 146—147. Отношеніе къ воеводѣ и камериру 148. Подчиненные комиссары 148. Дѣятельность земскаго комиссара. Общій характеръ 149. Полиція безопасности 149—150. Отношеніе къ судебнымъ органамъ 151—154. Исполнительная дѣятельность 154—155. Пути сообщенія 156—158. Движеніе полковъ черезъ дистриктъ 158—159. Сборы повинностей 159—162. Отношеніе къ городу 162—163...................... 141—163

Глава трэтья. Областныя судебныя учрежденія.. 164—256

I. **Подготовка судебной реформы.** Назначеніе гр. Матвѣева президентомъ юстицъ-коллегіи 164—165. Подготовительныя работы 165—166. Проектъ Матвѣева 167—170. Проектъ Фика 170—171. Значеніе обоихъ проектовъ въ организаціи судебныхъ учрежденій 171—172. Отдѣленіе суда отъ администраціи 172—173............... 164—173

II. **Центральныя судебныя учрежденія.** Судебное значеніе сената 173—176. Организація юстицъ-коллегіи 176—178. Значеніе юстицъ-коллегіи, какъ органа, вѣдающаго администрацію судебныхъ учрежденій 178—182. Значеніе ея, какъ судебнаго трибунала 182—184.. 173—184

III. **Надворные суды.** Организація областныхъ судебныхъ учрежденій 185—186. Округи надворныхъ судовъ 186—187. Составъ надворныхъ судовъ 187—188. Проектъ инструкціи надворному суду 189—194. Прокуроры при надворныхъ судахъ 194—198. Компетенція надворнаго суда 198—201. Сравненіе съ шведскимъ оригиналомъ 201—202.. 185—202

Стр.

IV. **Нижніе суды 1719—22 гг.** Коллегіальные нижніе суды 203—204. Городовые судьи 205—206. Компетенція нижняго суда 206—209. Нижніе суды единоличные не были низшей инстанціей относительно нижнихъ судовъ коллегіальныхъ 209—214 203—214

V. **Взаимоотношеніе судебныхъ инстанцій.** Движеніе дѣлъ по инстанціямъ: по иниціативѣ сторонъ 214—215; по свойству дѣла 215; по иниціативѣ судьи 215—218; по иниціативѣ высшей инстанціи 218. Нетвердость судебныхъ рѣшеній 218—221 214—221

VI. **Судебныя учрежденія и областная администрація.** Отступленія отъ начала раздѣленія властей 221—223. Отношенія судебной и административной власти по закону 224—226. Отношенія между ними на практикѣ. Участіе судей въ администраціи 226—228. Вмѣшательство администраціи въ судебныя дѣла 228—230. Столкновенія органовъ суда и администраціи 231—234 221—234

VII. **Судебная реформа 1722 г.** Причины изданія указовъ 1722 г. 235—236. Устройство судебной системы по этимъ указамъ 237. Провинціальные суды 237—238. Значеніе асессоровъ 239—241. Судебные комиссары 242—243. Число инстанцій 243—244. Реакціонный характеръ указовъ 1722 г. 244—245. Остатки раздѣленія властей съ 1722 г. 245 235—245

VIII. **Результаты судебной реформы.** Измѣненія въ процессѣ 246. Причины неуспѣха судебной реформы 246—248. Медленность суда 248—251. Его безсиліе 251—254. Неуваженіе къ нему общества 254—256 246—256

Глава четвертая. Областныя учрежденія 1719 г. не соотвѣтствовали средствамъ общества .. **257—321**

I. **Недостатокъ денежныхъ средствъ.** Предварительныя замѣчанія 257—258. Вознаграждаемость гражданской службы при Петрѣ 258—261. Вопросъ о стоимости областныхъ учрежденій при обсужденіи реформы 261—262. Неисправность казны въ выдачѣ жалованья 263—266. Послѣдствія этой неисправности 267—270 257—270

II. **Недостатокъ личныхъ средствъ.** Усиленный спросъ, предъявленный реформой къ служилому классу 270—272. Недостатокъ приказнаго люда 272—274. Смотры, какъ средство контроля за состояніемъ служилаго класса 274—275. Смотръ 1722 г. 276—277. Вызовы на смотры отвлекали служилый персоналъ отъ обязанностей по управленію 278—281 270—281

III. **Недостатокъ подготовки у служилаго персонала.** Новыя формы и задачи администраціи 282 — 283. Воспитаніе служилаго

Стр.

персонала не развивало въ немъ качествъ, необходимыхъ для новыхъ требованій 283—287. Злоупотребленія областной администраціи и суда 287—294 282—294

IV. **Органы надзора въ провинціи.** Организація института фискаловъ 295—300. Обязанности фискаловъ 300—301. Средства надзора 301—303. Отношеніе администраціи и общества къ институту 304—307. Сенаторская ревизія 308—309. Ревизоры военной коллегіи 310 295—310

V. **Гвардейцы въ роли органовъ надзора въ провинціи.** Недѣйствительность органовъ надзора 311. Отношеніе Петра къ гвардіи 312—313. Дѣятельность гвардейцевъ въ провинціи 313—315. Ихъ отношеніе къ областной администраціи 315—321 311—321

Глава пятая. Областная реформа и подушная подать **322—443**

I. **Перепись населенія и ревизія.** Идея подушной подати и расположенія полковъ арміи на души 322—326. Перепись населенія 326—327. Ревизія переписи и организація «переписныхъ канцелярій» 328—331. Неясность соціальнаго состава населенія, какъ причина медленнаго хода переписи 332—343 322—343

II. **Сопротивленіе населенія переписи.** Способы и размѣры утайки душъ 343—345. Законодательство о взысканіяхъ за утайку 345—349. Участіе переписныхъ канцелярій въ выработкѣ и исполненіи этого законодательства 349—353. Другія причины медленности переписи 353—355 343—355

III. **Расположеніе полковъ на души.** Пробное расположеніе двухъ полковъ въ новгородской провинціи 355—360. Составленіе общаго плана расположенія полковъ 360—364. Постройка «вѣчныхъ квартиръ» для полковъ. Правила постройки 365—367. Съѣзды мѣстнаго общества для рѣшенія вопросовъ, связанныхъ съ постройкой квартиръ 367—372. Медленный ходъ построекъ 372—376. Передвиженіе полковъ на квартиры 376—378 355—378

IV. **Провинціальная администрація и переписныя канцеляріи.** Переписныя канцеляріи пріобрѣтаютъ характеръ постоянныхъ учрежденій въ области 378—379. Кругъ дѣятельности переписчиковъ 380—381. Порученіе имъ административныхъ дѣлъ 381—384. Отношеніе переписчиковъ къ провинціальной администраціи 384—389 378—389

V. **Провинціальная администрація и полковые штабы.** Отношеніе полковъ къ населенію 390—391. Участіе полковника въ дѣлахъ мѣстнаго управленія: сборъ подушной 392—393; дѣла, связанныя съ производствомъ сбора 393—394; дѣла общеадминистративнаго харак-

Стр.

тера 394—396. Отношеніе полковой администраціи къ провинціальной 396—403 390—403

VI. Выборный комиссаръ отъ земли. Различіе его отъ земскаго комиссара, назначавшагося камеръ-коллегіей 404—405. Первые общіе выборы комиссаровъ отъ земли въ концѣ 1723 г. 405—408. Выборы комиссара имѣли значеніе повинности 409. Перемѣна въ значеніи уѣздной дворянской корпораціи 409—415. Признаки корпоративной дѣятельности уѣздныхъ дворянскихъ обществъ въ первой четверти XVIII в. 415—419. Избирательные съѣзды для выбора комиссаровъ отъ земли 419—423 404—423

VII. Выборный комиссаръ отъ земли. Полковой дистриктъ 424—426. Значеніе уѣзда при образованіи дистриктовъ 426—427. Инструкція комиссару отъ земли 427—429. Связь комиссара отъ земли съ полкомъ 430—431. Обязанности комиссара отъ земли сверхъ сбора подушной 431—432. Отношеніе его къ камеръ-коллегіи 433—434. Отношеніе его къ провинціальнымъ и полковымъ властямъ 434—436. Прежніе камеръ-коллежскіе земскіе комиссары продолжаютъ существовать въ 1724—27 гг. 436—441. Резюме главы пятой 441—443 424—443

Глава шестая. Отмѣна областныхъ учрежденій Петра Великаго 444—521

I. Резюме предыдущаго. Идеалы реформы 444—445. Дѣятельность административныхъ учрежденій 446—449. Судебныя учрежденія 449—452. Областныя учрежденія и общество 452—453. Вліяніе подушной подати 453—454. Моменты въ разрушеніи областныхъ учрежденій 454—455 444—455

II. Разстройство финансоваго хозяйства въ концѣ царствованія Петра. Проектъ перемѣнъ въ администраціи, предложенный Фикомъ 455—458. Отзывъ Кохіуса 458. Неаккуратность отчетности 458—460. Размѣры недоимокъ 460—463 455—463

III. Разстройство народнаго хозяйства. Неурожаи 463—465. Увеличеніе податной тягости: возрастаніе цыфръ налога 466—468; сборы сверхъ подушной 468—471; раскладочный характеръ подушной въ связи съ побѣгомъ крестьянъ 471—478 463—478

IV. Областныя учрежденія Петра В. разсматривались въ 1725—27 гг., какъ причина разстройства финансовъ и народнаго хозяйства. Записка Ягужинскаго 478—481. Докладъ сената 481—482. Мнѣніе генералитета 482—484. Мнѣнія въ верховномъ тайномъ совѣтѣ: критика областной реформы Петра 484—492 478—492

V. Отмѣна областныхъ учрежденій Петра В. Выводъ военныхъ командъ изъ уѣздовъ 492—493. Отмѣна рентмейстеровъ и вальдмей-

Стр.

стеровъ 493—494. Реакціонные взгляды 494—496. Черты воеводскаго управленія 1727 г.: сліяніе власти 496—500. Возстановленіе воеводъ въ городахъ, гдѣ они бывали въ XVII в. 500—502. Іерархическій порядокъ 502—504. Задачи мѣстнаго управленія по наказу 1728 г. 504—506 ... 492—506

VI. **Положительные результаты областной реформы 1719 г.** Непрочность областныхъ учрежденій 1719 г. 506—507. Они не были основаны на сознательно и твердо усвоенномъ принципѣ 507—513. Они не заинтересовали правящаго общественнаго класса 513—519. Вліяніе областныхъ учрежденій Петра В. на дальнѣйшій порядокъ мѣстнаго управленія 519—521 ... 506—521

Приложенія ... 1—44

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Основныя черты областной реформы 1719 г.

I.

Законодательство Петра Великаго отличается многими чертами отъ законодательства предыдущей эпохи — московскаго государства. Одно изъ такихъ отличій — его разносторонній, можно даже сказать, всеобъемлющій характеръ. Въ московской Руси при тѣхъ узкихъ задачахъ, которыя ставило себѣ государство и которыя практически не шли далѣе внѣшней обороны, сбора средствъ на нее и суда для поддержанія внутренней безопасности, законодательная норма касалась немногихъ сторонъ жизни частнаго человѣка, задѣвая ихъ лишь постольку, поскольку это было необходимо для рѣшенія немногихъ и несложныхъ государственныхъ задачъ. Правда, государство въ московскую эпоху ложилось тяжелымъ бременемъ на общество, привязавъ значительную его часть къ повинностямъ службы или тягла, стѣсняя свободу этихъ служилыхъ и тяглыхъ элементовъ, запрещая имъ покидать свое состояніе и мѣнять родъ занятій, прикрѣпляя ихъ къ извѣстной общинѣ, сковывая самую общину порукой и, наконецъ, прикрѣпляя извѣстную часть тяглецовъ не только къ общинамъ, но и къ отдѣльнымъ лицамъ. Но въ житейскій обиходъ лицъ, обязанныхъ государственною повинностью, государство вмѣшивалось лишь въ томъ размѣрѣ, въ какомъ это было нужно для обезпеченія ея исправнаго несенія. Государство не отказывалось и отъ педагогической роли, но исполняло ее лишь въ весьма скромныхъ размѣрахъ и скорѣе дѣйствовало отрицательно, воспрещая и преслѣдуя нарушенія тѣхъ немногихъ и несложныхъ нормъ, на которыхъ покоилась внутренняя безопасность, чѣмъ выступало въ качествѣ ментора, диктующаго положительныя предписанія. До всего остальнаго въ складѣ частной жизни, что не относилось къ казенной повинности и что не нарушало внутренней безопасности, ему не было дѣла; оно предоставляло частному

житейскому обиходу и частнымъ отношеніямъ устраиваться и развиваться безъ своего руководства. Вообще въ московскомъ государствѣ мы встрѣчаемъ лишь слабые зачатки того, что называется полицейскою дѣятельностью въ широкомъ смыслѣ слова. Если цѣлями понимаемой такъ полицейской дѣятельности государства служатъ безопасность и благосостояніе населенія, то можно сказать, что вся забота о второмъ со стороны московскаго государства заключалась лишь въ мѣрахъ самаго примитивнаго свойства, направленныхъ на достиженіе первой. Почти все, что государство дѣлало для благосостоянія подданныхъ, состояло въ той внѣшней и внутренней безопасности, которую оно имъ давало. Защитивъ ихъ отъ непріятельскаго вторженія извнѣ и отъ лихихъ людей внутри, оно считало свою задачу оконченной, предоставляя затѣмъ подданнымъ самимъ устраивать свои отношенія и самимъ достигать какихъ угодно степеней благополучія.

Но, не будучи назойливымъ руководителемъ подданныхъ и предоставляя ихъ самимъ себѣ, государство однако не оставляло ихъ безъ опоры. Въ московской Руси была одна руководящая сила, которая дѣлала излишней всестороннюю опеку государства, какъ и подробную разработку юридическихъ нормъ: это былъ обычай. Обычай былъ регуляторомъ и дѣйствія правительственной машины, и поведенія частныхъ лицъ. Руководимые имъ московскіе дипломаты разрѣшали вопросы внѣшней политики, боярская дума законодательствовала, судьи управляли и судили въ приказахъ, а воеводы въ областяхъ, всегда находя въ немъ готовый отвѣтъ на возникавшіе передъ ними вопросы. «Такъ повелось отъ предковъ», и этой ссылки было достаточно, чтобы устранить всѣ сомнѣнія и колебанія; такъ не повелось—и иногда никакими пытками и казнями нельзя было сломить упорство, поддерживаемое этимъ основаніемъ. Такое руководящее начало было выгодно въ практическомъ отношеніи однимъ своимъ послѣдствіемъ: оно сообщало поведенію твердость и ясность. Справившись съ тѣмъ, что и какъ повелось, московскій человѣкъ хорошо зналъ, куда и какъ ему идти, и шелъ безъ колебаній. Но такое начало годилось только для узкаго и замкнутаго кругозора и несложныхъ отношеній и отживало свой вѣкъ ко второй половинѣ XVII столѣтія, когда московское государство вступило въ сложныя общеевропейскія отношенія, когда все растущее иноземное вліяніе стало расширять горизонты, видимые московскими людьми, когда потокъ новыхъ западныхъ идей сталъ затемнять старинное родное преданіе. Процессъ паденія обычая пошелъ постепенно сверху внизъ; отъ его вліянія все болѣе освобождались высшіе классы общества въ то время, какъ онъ еще ясно помнился и дѣйствовалъ

въ народныхъ глубинахъ. Реформа Петра, давшая сильный толчокъ впередъ столь многимъ явленіямъ русской жизни—ускорила значительно и этотъ процессъ паденія обычая.

Реформа вступила съ обычаемъ въ рѣшительную и безпощадную борьбу; но одною разрушительною дѣятельностью она ограничиться, разумѣется, не могла. Уничтожая основаніе, на которомъ держался и которымъ опредѣлялся весь порядокъ государственной и частной жизни, реформаторъ долженъ былъ строить и опредѣлять этотъ порядокъ вновь, на иныхъ началахъ. Сдвинутыя съ своего вѣковаго обычнаго фундамента государственныя и частныя отношенія стали нуждаться въ законодательной нормѣ, какъ въ опорѣ для своего дальнѣйшаго существованія. Законодательство эпохи Петра и вышло разностороннимъ и развитымъ; разностороннимъ потому, что реформа не удерживалась въ одной какой-либо сферѣ и ставила себѣ широкія задачи пересозданія и государственнаго порядка, и частной жизни: если законодательство XVII вѣка въ очень малой степени можно назвать учредительнымъ, то законодательство Петра было учредительнымъ по преимуществу. Развитымъ оно вышло потому, что надо было заранѣе предусмотрѣть всѣ подробности въ дѣйствіи тѣхъ новшествъ и въ развитіи тѣхъ явленій, которыя реформа вызывала къ жизни. Всему тому, что вводила реформа, законодательство должно было дать опредѣленіе. Поэтому оно и не ограничивается, какъ прежнее, только отрицательнымъ указаніемъ предѣловъ, за которыя не должны переступать не имъ созданныя отношенія; оно обильно предписаніями положительнаго характера, стремящимися вызвать къ жизни отношенія, до тѣхъ поръ не существовавшія и опредѣлить до мелочей ихъ дальнѣйшее развитіе. Если оно не менѣе запрещаетъ, чѣмъ прежнее законодательство, роль котораго на этомъ и оканчивалась, то за то гораздо болѣе предписываетъ, и его предписанія разрастаются въ подробные статуты съ многочисленными статьями. Законодательство Петра отличается регламентарнымъ характеромъ. Вмѣсто прежнихъ коротенькихъ нормъ, которыя отрывочно опредѣляютъ отдѣльные частные казусы и пробѣлы которыхъ восполняются указаніями обычая — оно замыкается въ форму подробныхъ, обширныхъ уставовъ, предусматривающихъ и старающихся опредѣлить каждую мельчайшую деталь.

Путемъ этихъ подробныхъ указовъ и регламентовъ правительство Петра развиваетъ самую обширную полицейскую дѣятельность. Изъ нихъ оно дѣлаетъ помочи, на которыхъ ведетъ подданнаго, лишивъ его вѣкового посоха, помогавшаго ему медленно подвигаться впередъ, какимъ былъ для него обычай. Оно окружаетъ его теперь самою за-

ботливою опекою и вмѣшивается во всѣ сферы его жизни, подчиняя ихъ своимъ указаніямъ, которыя оно считаетъ благодѣтельными. Горячей вѣры въ полицейское могущество государства исполнены правящіе круги того времени, и можетъ быть лучшимъ символомъ этой вѣры надо считать десятую главу изданнаго въ 1721 г. регламента главному магистрату, гласящую, что «полиція способствуетъ въ правахъ и правосудіи, рождаетъ добрые порядки и нравоученія, всѣмъ безопасность подаетъ отъ разбойниковъ, воровъ, насильниковъ и обманщиковъ и симъ подобныхъ; непорядочное и непотребное житіе отгоняетъ и принуждаетъ каждаго къ трудамъ и къ честному промыслу; чинитъ добрыхъ домостроителей, тщательныхъ и добрыхъ служителей; города и въ нихъ улицы регулярно сочиняетъ, препятствуетъ дороговизнѣ и приноситъ довольство во всемъ, потребномъ къ жизни человѣческой, предостерегаетъ всѣ приключившіяся болѣзни, производитъ чистоту по улицамъ и въ домахъ, запрещаетъ излишества въ домовыхъ расходахъ и всѣ явныя погрѣшенія; призираетъ нищихъ, бѣдныхъ, больныхъ, увѣчныхъ и прочихъ неимущихъ, защищаетъ вдовицъ, сирыхъ и чужестранныхъ; по заповѣдямъ Божіимъ воспитываетъ юныхъ въ цѣломудренной чистотѣ и честныхъ наукахъ; вкратцѣ-жъ надъ всѣми сими полиція есть душа гражданства и всѣхъ добрыхъ порядковъ и фундаментальный подпоръ человѣческой безопасности и удобности». Въ этой главѣ начертана цѣлая программа полицейской дѣятельности, удивительная по своей широтѣ. Въ нее входятъ полиціи безопасности и благоустройства, и санитарная полиція, и народное просвѣщеніе и призрѣніе бѣдныхъ, и полиція нравовъ. Такими широкими цѣлями задается государство Петра, недовольствуясь уже только устройствомъ повинностей для внѣшней обороны и организаціей элементарнаго правосудія. И эта программа не осталась безъ попытокъ къ ея осуществленію, не была простымъ теоретическимъ трактатомъ. Стоитъ пробѣжать собраніе указовъ времени Петра, чтобы замѣтить почти на каждой страницѣ воодушевленное стремленіе осуществить тотъ или другой ея пунктъ. Государство сознательно ведетъ подданныхъ къ благосостоянію. Цѣлые ряды указовъ открываютъ имъ пути къ различнымъ сторонамъ благосостоянія, и золотой вѣкъ долженъ наступить, если вся совокупность указовъ будетъ исполнена. Притомъ ввиду неопытности ведомыхъ государство не ограничивается постановкой только рѣдкихъ вѣхъ, достаточныхъ, чтобы намѣтить общее направленіе пути, но руководитъ каждымъ ихъ шагомъ, не оставляя ихъ ни на минуту и вторгаясь нерѣдко въ самые интимные уголки частной жизни. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, оговариваясь, что число ихъ при же-

ланіи можно умножить до безконечности. Правительство беретъ на себя просвѣщеніе подданныхъ, учреждаетъ академію, которая будетъ двигать науку и подготовлять учителей; заводитъ школы, гдѣ эти учителя будутъ обучать насильно загнанныхъ туда дѣтей; переводитъ и печатаетъ книги, по которымъ пойдетъ обученіе, изобрѣтаетъ шрифтъ, которымъ будутъ печататься книги; на этихъ мѣрахъ общаго характера оно не останавливается и простираетъ заботу о распространеніи знаній въ народѣ до послѣднихъ мелочей: «его императорское величество указалъ» читаемъ мы въ одномъ указѣ 1723 г. [1]), «отнынѣ въ новопечатаемыхъ книгахъ, гдѣ упоминаются имена городовъ, не такимъ, именованіемъ прежде нарицавшихся, употреблять противъ тѣхъ строкъ на брезѣхъ (=на поляхъ) аннотаціи съ показаніемъ прежняго тѣхъ городовъ именованія, дабы чтущимъ и прежнее, и нынѣшнее каждаго города именованіе было извѣстно». Держась меркантилистическихъ взглядовъ эпохи, правительство беретъ на себя также задачу обогащенія подданныхъ путемъ искусственнаго насажденія промышленности и развитія торговли. Оно не останавливается передъ принужденіемъ, какъ бы стараясь насильственно, вопреки его волѣ, дѣлать населеніе богатымъ: «и когда» писалъ Петръ, «въ томъ старомъ и заобыкломъ государствѣ (Голландіи) принужденіе чинится, которое и безъ того какъ обычаемъ долгимъ въ коммерціи цвѣтетъ, такъ и едино сіе пропитаніе имѣетъ, то кольми паче у насъ надобно принужденіе въ томъ, яко у новыхъ людей во всемъ [2])». Принимались обширныя мѣры въ цѣляхъ развитія промышленности и торговли: строились казенные заводы и фабрики, учреждались промышленныя и торговыя компаніи, которыя поддерживались казенными субсидіями и всякаго рода привилегіями, распространялось промышленное и коммерческое образованіе путемъ посылки русскихъ за границу и выписки оттуда иностранныхъ мастеровъ, поощрялось со стороны частныхъ лицъ, а чиновникамъ даже вмѣнялось въ обязанность открывать природныя богатства и изыскивать новые источники народнаго обогащенія, «сыскивать новые токи прибыли безъ тягости народа». Но правительство не останавливалось на общихъ мѣрахъ и, помимо общаго надзора за промышленною и торговою дѣятельностью, вмѣшивалось въ детали производства и торговыхъ сношеній, заявляя свои требованія и суровыми угрозами принуждая ихъ исполнять. Такъ оно предписывало ткать холсты только опредѣленной ширины, согласно съ образцами полотенъ, разослан-

[1]) П. С. З. № 4285.
[2]) П. С. № 4348.

ными по губерніямъ. Подъ страхомъ ссылки на галеру, оно съ 1 февраля 1718 г. запретило выдѣлывать кожу для обуви съ дегтемъ и указало обрабатывать ее ворваннымъ саломъ, для чего въ Москвѣ были открыты специальные курсы, на которыхъ преподавался промышленникамъ этотъ новый способъ выдѣлки. Въ 1723 г. сенатомъ былъ изданъ указъ, регламентирующій обработку пеньки: «чтобъ въ уѣздахъ (т.-е. уѣздное населеніе) у пеньки концы или коренья отрывали и обрѣзывали, и кострику выбивали начисто, и на торги въ городы съ лапками и мокрую не возили, и не продавали, а возили бъ пеньку сухую безъ лапокъ. Купечеству запретить, чтобъ и они отъ крестьянства мокрой и съ кореньемъ или лапками пеньки отнюдь не покупали подъ штрафомъ, смотря по важности вины, а которые купцы въ городахъ чистятъ пеньку въ домахъ своихъ, тѣмъ чистить начисто и за трепальщиками того смотрѣть накрѣпко, дабы кострики и никакого обмана не было [1])». Вся Россія жала хлѣбъ серпомъ, какъ продолжаетъ дѣлать это и теперь; но весной 1721 г. президентъ камеръ-коллегіи кн. Д. М. Голицынъ получилъ отъ Петра изъ Риги такой указъ: «понеже въ здѣшнихъ краяхъ въ Курляндіи, въ Лифляндіи также и въ Пруссахъ у мужиковъ обычай есть, что вмѣсто серповъ хлѣбъ снимаютъ малыми косами съ граблями, что передъ нашими серпами гораздо споряе и выгоднѣе, что средній работникъ за десять человѣкъ сработаетъ, изъ чего видѣть можно, какое великое подспорье въ работѣ будетъ, для чего и хлѣба умножать будутъ. Того для, сыскавъ такихъ людей изъ здѣшнихъ мужиковъ по нѣскольку человѣкъ для обученія, послали мы отсель въ наши хлѣбородные города съ такими косами и граблями съ нарочно посланными офицерами и писали къ губернаторамъ и воеводамъ, чтобъ они распорядили сами и послали ихъ въ тѣ мѣста, гдѣ лучше хлѣбъ родится... о чемъ и изъ коллегіи отъ себя подтвердите, чтобъ конечно нынѣшнимъ лѣтомъ выучить сколько возможно. Также велите противъ образцовыхъ косы и грабли дѣлать, дабы умножить, и въ будущее лѣто въ тѣхъ хлѣбныхъ мѣстахъ, чтобъ всѣ такъ косили (*ибо сами знаете, хотя что добро и надобно, а новое дѣло, то наши люди безъ принужденія не сдѣлаютъ*)». Въ

[1]) П. С. З. №№ 3156, 3677, 3141, 3496, 4210. Изъ уѣздныхъ служилыхъ людей были назначены отъ мануфактуръ—коллегіи особые наблюдатели за исполненіемъ указовъ о пенькѣ и о широкихъ полотнахъ. Въ орловской, напр., провинціи они были назначены по одному въ каждомъ станѣ. Они офиціально именовались: «дворяне у присмотру пенечнаго дѣла и дѣланія широкихъ полотенъ». Дѣла орловск. пров. канц. № 1601.

сентябрѣ и октябрѣ воеводы должны были представить донесенія о количествѣ сдѣланныхъ косъ и грабель и о количествѣ скошеннаго такимъ способомъ сѣна [1]). Трудно себѣ представить, сколько энергіи пришлось потратить правительству, чтобы ввести постройку рѣчныхъ судовъ новаго типа, которыя оно считало болѣе пригодными и чтобы отучить судохозяевъ отъ «староманерныхъ» судовъ. «Судно, называемое коломенку», пишетъ Петръ 14 февр. 1718 г., «которую я передѣлалъ, послать въ Дѣдиновъ (на Окѣ, село извѣстное кораблестроеніемъ, гдѣ строился и знаменитый «Орелъ»), заплатя хозяину деньги, и тамъ оную поставить и чтобъ противъ ея всѣ вновь дѣлали подъ наказаніемъ и ссылкою вѣчною на галеры, ежели инако станутъ дѣлать». За пять лѣтъ съ 1718 по 1723 было издано не менѣе 14 указовъ, воспрещавшихъ употребленіе судовъ стараго образца, опасныхъ при плаваніи по Ладожскому озеру и часто тамъ погибавшихъ, но новые образцы туго прививались «отъ глупости и упрямства, принимая въ пользу себѣ то, что старыя суда дешевле, а того не разсуждая, сколько пропадаетъ», какъ жаловался Петръ [2]), не смотря на угрозы конфискаціи всего имущества и ссылки на галеры и на распоряженія сломать «староманерныя суда». Въ 1721 г. царь замѣтилъ, что на рѣчныхъ товарныхъ судахъ, «на которыхъ возятъ матеріалы, отъ недоумѣнія своего дѣлаютъ у нихъ для выливанія воды окошки близъ воды такъ низки, что токмо дюйма на два и меньше», отчего во время непогоды суда затопляются; было предписано именнымъ указомъ такихъ окошекъ впредь не дѣлать, существующія закрыть, а воду выкачивать черезъ бортъ насосомъ. Пассажирское рѣчное сообщеніе по Невѣ должно было быть непремѣнно парусным, и жителямъ запрещалось пользоваться гребными судами. Такъ какъ употребленіе такихъ судовъ, благодаря непривычкѣ, представляло большія затрудненія, то были изданы подробныя наставленія, какъ надо пользоваться ими, и хозяева ихъ каждое воскресенье должны были собираться по установленному сигналу для обязательныхъ экзерцицій подъ руководствомъ особо назначеннаго къ тому комиссара, и несмотря на то, что обязательное плаваніе подъ парусами стоило жизни ежегодно значительному числу людей, не умѣвшихъ справляться съ ними, Петръ настаивалъ на его необходимости [3]).

[1]) № 3781.

[2]) П. С. З. №№ 3139, 3165, 3215, 3238, 3229, 3323, 3424, 3431, 3638, 3666, 3689, 3866, 4095, 4106.

[3]) П. С. З. №№ 3833, 3193.

Были приняты многочисленныя мѣры для благоустройства въ городахъ. Полиція, дѣйствительно, стала «регулярно сочинять города и улицы». Регламентъ и инструкція магистратамъ, инструкціи петербургскому генералъ-полицiймейстеру и московскому оберъ-полицiймейстеру и цѣлый рядъ отдѣльныхъ указовъ полны правилъ, касающихся не только соблюденія тишины и огражденія безопасности, но также санитарнаго состоянія города, строительной полиціи. Послѣднія были особенно развиты. Петръ во всѣ подробности строительнаго дѣла въ частныхъ постройкахъ входилъ самъ. Именнымъ указомъ предписывалось печи дѣлать съ фундамента, а не на полахъ; чтобъ трубы были такъ широки, чтобъ человѣку пролѣзть было можно; чтобъ потолки были съ глиною, а не бревенчатые; чтобъ кровли были крыты черепицею, дерномъ или гонтами, а не досками и дранью и т. п., и были приглашены спеціалисты гонтоваго дѣла изъ малороссіянъ и изъ жителей Смоленска для дароваго обученія ему столичныхъ обывателей, при чемъ указъ обязательно разъяснялъ, что изъ одного бревна можетъ быть сдѣлано отъ двадцати до тридцати гонтинъ и больше. Въ 1723 г. генералъ-полицiймейстеръ Девьеръ объявилъ жителямъ, что его императорское величество указалъ: «ежели кто въ домахъ своихъ сѣни будутъ дѣлать съ потолками, чтобъ подмазывали у нихъ потолки такъ же, какъ и у жилыхъ покоевъ подмазывать указомъ повелѣно, а по старому какъ прежде дѣлывали сѣни—того чинить не указалъ». Строительныя правила коснулись и деревни. По областямъ былъ разосланъ высочайше утвержденный чертежъ съ размѣрами, по которому слѣдовало строить крестьянскія избы [1], въ цѣляхъ предохраненія ихъ отъ пожаровъ.

Но законъ не только заботился о тишинѣ, порядкѣ и чистотѣ улицы, о прочности и безопасности постройки, онъ не удерживался стѣнами дома, назойливо стремился внутрь его и старался также «регулярно сочинить» и частную жизнь его обитателя, опутывая его такими же подробными предписаніями, какими опредѣлялъ постройку стѣнъ, крышъ и потолковъ. Внѣшность обитателя дома была подчинена такимъ же обязательнымъ правиламъ, какимъ подчинялся и фасадъ дома. Растительность на лицѣ, матеріалъ, покрой и цвѣтъ одежды и обуви—все это тщательно регламентировалось указами. Былъ разрядъ людей, которымъ запрещалось носить бороду и платье стараго фасона; былъ другой разрядъ, которому не разрѣшалось носить никакого другого платья, кромѣ стараго покроя, да еще самаго стариннаго, долгаго «съ долгимъ ожерельемъ и съ нашивками на грудяхъ, по четверти на

[1]) П. С. З. №№ 3192, 4016, 3730, 4321, 4070.

бокахъ, на подолѣ прорѣхи съ петлями, шапка высокая съ прорѣхами и съ петлями жъ». Слишкомъ хорошо извѣстна борьба петровскаго законодательства съ бородой и платьемъ, чтобы повторять ее здѣсь еще разъ; она была не менѣе упорна, чѣмъ борьба его съ «староманерными» судами. Она продолжалась и при его преемницѣ, которая 31 мая 1726 г. издала указъ, предписывавшій всѣмъ военнымъ чинамъ, получившимъ полную отставку и живущимъ по деревнямъ, а также уволеннымъ во временный отпускъ или занимавшимъ гражданскія должности—словомъ, всему дворянству, не занятому въ арміи—продолжать неуклонно хранить тотъ внѣшній видъ, который для него былъ обязателенъ въ военной службѣ, а именно: платье носить нѣмецкое и шпаги, а бороды брить. Указъ предусмотрительно входилъ въ мелочное перечисленіе препятствій, которыя могли встрѣтиться при его исполненіи въ деревнѣ; «ежели гдѣ въ деревняхъ», гласилъ онъ, «такихъ людей, кто брить умѣетъ, при нихъ не случится, то подстригать ножницами до плоти въ каждую недѣлю по дважды и каждому содержать себя всегда въ чистотѣ»; кто по бѣдности не могъ бы купить нѣмецкаго сукна на платье, можетъ дѣлать его изъ русскаго сермяжнаго сукна, но непремѣнно придѣлавъ къ рукавамъ обшлага иного цвѣта [1]).

Нарядивъ подданныхъ въ костюмы установленнаго образца, государство заботилось объ ихъ увеселеніи и развлеченіи. Теперешнее государство беретъ на себя устройство общественныхъ развлеченій, организуя ихъ такъ, какъ считаетъ это полезнымъ. У государства начала XVIII вѣка не было средствъ для такой задачи, но зато оно вторгается въ частныя развлеченія, и подробно ихъ регламентируетъ, устраивая ихъ на свой ладъ. 26 ноября 1718 г., въ тотъ же день, когда былъ изданъ знаменитый указъ о подушной подати, состоялось распоряженіе объ устройствѣ въ частныхъ домахъ ассамблей. Указъ о нихъ начинался съ объясненія самаго этого слова, а затѣмъ въ семи параграфахъ устанавливалъ правила «какимъ образомъ оныя ассамблеи отправлять, покамѣстъ въ обычай войдетъ», опредѣлялъ время назначенія ассамблей, порядокъ приглашенія, обязанности хозяина, занятія гостей, которымъ во время ассамблеи позволялось сидѣть, ходить, играть, и поведеніе лакеевъ. Игры были регулированы указомъ 1717 г., запретившимъ игру на деньги. Перестроивъ увеселенія высшаго общества на европейскій образецъ, законодательство не оставило безъ вниманія и развлеченій простонародья, любимыми изъ которыхъ были кулачные бои. Замѣтивъ, что на этихъ бояхъ «случается иногда, что

[1]) П. С. З. №№ 3962, 4893.

многіе, ножи вынявъ, за другими бойцами гоняются, а иные въ рукавицахъ положа ядра и каменья и кистени бьютъ многихъ безъ милости смертными побоями, отъ которыхъ боевъ есть и не безъ смертныхъ убойствъ, которое убойство между подлыми и въ убойство и въ грѣхъ не вмѣняютъ, также и пескомъ въ глаза бросаютъ», Екатерина не рѣшавшаяся отмѣнить совсѣмъ эту народную забаву, въ 1726 г. старалась ее упорядочить, запрещая устройство боевъ безъ особаго разрѣшенія, выдаваемаго изъ полиціймейстерской канцеляріи, учредивъ за ними надзоръ и преподавъ для нихъ правила, недозволявшія между прочимъ бить лежачаго [1]). Обучая подданныхъ веселиться по опредѣленнымъ уставамъ, правительство обучало ихъ лѣчиться въ случаѣ болѣзни по такимъ же уставамъ. Въ 1717 г. Петръ изъ-за границы поручилъ сенату позаботиться отысканіемъ въ Россіи ключевыхъ водъ, которыми можно бы пользоваться отъ болѣзней, подобныхъ пирмонтскимъ и другимъ водамъ, какія ему пришлось видѣть на западѣ. Поиски увѣнчались успѣхомъ; олонецкіе желѣзистые источники были объявлены цѣлительными. Петръ самъ неоднократно ими пользовался и заявлялъ, что они помогали ему лучше заграничныхъ и поэтому «милосердуя къ своимъ подданнымъ, яко отецъ», приказалъ составить подробныя медицинскія правила объ ихъ употребленіи, которыя были распубликованы во всеобщее свѣдѣніе для того, чтобы, какъ говорилъ указъ, сопровождавшій правила, «невѣдѣніемъ вмѣсто пользы паче траты здоровью своему кто не принесъ и тѣмъ бы сей отъ Бога дарованный даръ хулы отъ неразсужденія простыхъ людей не воспріялъ». Для аристократіи и придворныхъ стало обязательнымъ лѣчиться на этихъ водахъ, и олонецкій курортъ сдѣлался моднымъ. Такъ какъ не всѣ однако получали ожидаемое исцѣленіе, и хула на источникъ дѣйствительно раздалась, то послѣдовалъ именной указъ, объяснившій неуспѣхъ водъ въ иныхъ случаяхъ несоблюденіемъ изданныхъ для лѣченія высочайше одобренныхъ правилъ и осуждавшій людей, которые «яко сущіе невѣжды, не разсуждая о нерегулярныхъ своихъ и глупыхъ поступкахъ» осмѣливались порочить дарованіе Божіе [2]). Если бы лѣченіе сопровождалось полною неудачею и окончилось смертью, то и въ этомъ случаѣ не прекращалась регламентація: правительство не оставляло попеченіемъ умершаго подданнаго, какъ оно не оставляло его при жизни. Оно запрещало хоронить мертвыхъ внутри города, дѣлая исключеніе только для «знатныхъ персонъ», употреблять дубовые гроба, указывало,

[1]) П. С. З, №№ 3246, 3127, 4939.

[2]) П. С. З. №№ 3092, 3338, 3579.

какіе надгробные памятники ставить на могилахъ, запрещая строить на нихъ деревянныя будки для чтенія псалтыря и требуя «обрѣтающіеся въ Москвѣ и въ городахъ у приходскихъ церквей, также и въ монастыряхъ положенные надъ гробами погребенныхъ тамо человѣческихъ тѣлесъ камни, которые лежатъ неуравненно съ землею, окопавъ, опустить въ землю такою умѣренностью, дабы оные съ положеніемъ мѣста лежали ровно... и впредь такъ неуравненно съ землею камней надъ погребаемыми не класть» [1]). Оно простирало свои заботы даже и на судьбу подданнаго въ загробномъ мірѣ и принимало мѣры для принудительнаго спасенія его души, не боясь касаться самыхъ интимныхъ сторонъ его духовной жизни. Подъ страхомъ штрафа оно предписывало ему ходить въ церковь, исповѣдываться и причащаться. «Великому государю вѣдомо учинилось», читаемъ мы въ одномъ указѣ 1718 г., «что многіе разночинцы, и посадскіе, и поселяне обыкли жить праздны и не токмо что по воскреснымъ днямъ, но и въ великіе господскіе праздники николи въ церковь къ службѣ Божіей не ходятъ и не исповѣдываются; для того указалъ, дабы всѣ вышеписанные люди въ господскіе праздники и въ воскресные дни ходили въ церковь Божію къ вечернѣ, къ заутренѣ, а паче же ко святой литургіи (кромѣ того, развѣ кто заболитъ или какая невозможность недопуститъ) и по вся бъ годы исповѣдывались». Ходящимъ и не ходящимъ къ исповѣди священники должны были вести особыя книги, взыскивать съ нихъ денежные штрафы и объ упорствующихъ доносить свѣтской власти, губернаторамъ и ландратамъ, которые, подвергнувъ ихъ наказанію, должны были принуждать идти къ исповѣди. Поведеніе молящихся въ церкви также опредѣлялось именнымъ указомъ, предписывавшимъ «всякаго чина людямъ... во время пѣнія божественной литургіи стоять съ безмолвіемъ и слушать со всякимъ благоговѣніемъ» подъ угрозой денежнаго штрафа «не выпуская изъ церкви по рублю съ человѣка». Самимъ пастырямъ, притомъ облеченнымъ особою благодатью Святаго Духа — епископамъ, законъ не стѣснялся предписывать «во время литургіи упражняться въ богомысліи». Регулируя отношеніе подданныхъ къ церкви и поведеніе ихъ въ храмѣ, свѣтская власть налагала свою руку и на самое богослуженіе. Послѣднимъ ея шагомъ въ этой духовной области было предписаніе церковнымъ властямъ сочинять спеціальные тропари, кондаки и другія пѣснопѣнія на дни празднованія особенно замѣчательныхъ «викторій», одержанныхъ во время сѣверной войны [2]).

[1]) П. С. З. №№ 4322, 4377, 4330, 3965.

[2]) П. С. З. № 3250. Опис. Арх. Св. Син. д. № 1247.

Трудно себѣ представить болѣе широкую сферу правительственнаго воздѣйствія, проводимаго закономъ. Законъ стремится все регламентировать, на все наложить свою печать, всему дать свое опредѣленіе въ хаосѣ той перестройки, которой подвергла Россію реформа. Все то, что прежде жило десятками лѣтъ, что для всѣхъ было привычно, ясно и понятно, но что обозначить отвлеченнымъ опредѣленіемъ затруднились бы, все это, передѣлываясь, формулировалось теперь самымъ точнымъ образомъ. Опредѣлялось понятіе самой верховной власти, ея права и прерогативы, создавались новыя высшія государственныя учрежденія и администрація, дѣятельность которыхъ опредѣлялась обширными уставами; перестраивалось судоустройство и процессъ, предпринята была грандіозная попытка кодификаціи уголовнаго и гражданскаго права; создавались войско и флотъ, учреждались новыя подати, вызывались къ жизни новыя отрасли промышленности, давалось развитіе торговлѣ, мѣнялось соціальное устройство. Но законъ не ограничивался сферою этихъ публично-правовыхъ отношеній. Онъ властно вторгался въ частную жизнь, охватывая каждое поведеніе, проникая до самыхъ потаенныхъ глубинъ души человѣческой. Власть вмѣшивалась во «всякіе обряды гражданскіе и церковные, перемѣны обычаевъ, употребленіе платья, домовъ строенія, чины и церемоніи въ пированіяхъ, свадьбахъ, погребеніяхъ и прочая, и прочая, и прочая», какъ обозначилъ предѣлы ея правомѣрнаго вмѣшательства Ѳеофанъ Прокоповичъ въ своемъ трактатѣ «Правда Воли Монаршей». Законъ регулировалъ не только тѣ отношенія частной жизни, въ которыхъ соприкасаются и сталкиваются различные частные интересы и въ которыхъ онъ является неизбѣжнымъ и естественнымъ раздѣлителемъ и умиротворителемъ; его бдительное попеченіе не прекращалось съ этимъ кругомъ взаимныхъ отношеній людей къ государству и другъ къ другу, не останавливалось передъ болѣе скрытымъ и трудно поддающимся воздѣйствію кругомъ личной жизни съ ея индивидуальными потребностями, склонностями, вкусами, взглядами, вѣрованіями, мыслями и чувствами; касалось такихъ дѣйствій личности, которыя никого и ничего не затрогивали, безцеремонно переступая предѣлы, установленные психологіей, регулируя не только поступки, но не стѣсняясь предписывать чувства и настроенія. Все и въ этой личной сферѣ опредѣлялось указомъ, все должно было быть «указнымъ», какъ тогда выражались. Подданный не только обязанъ былъ нести установленную указами службу государству, онъ долженъ былъ жить не иначе какъ въ жилищѣ, построенномъ по указному чертежу, носить указное платье и обувь, предаваться указнымъ увеселеніямъ, указнымъ порядкомъ и въ указныхъ мѣстахъ

лѣчиться, въ указныхъ гробахъ хорониться и указнымъ образомъ лежать на кладбищѣ, предварительно очистивъ душу покаяніемъ въ указные сроки. Извѣстны слова одного изъ молодыхъ сподвижниковъ Петра — Неплюева о значеніи дѣятельности преобразователя: «на что въ Россіи ни взгляни — все его началомъ имѣетъ»; они несомнѣнно преувеличены, такъ какъ доказано, что большинство тѣхъ явленій, начало которыхъ Неплюевъ относилъ къ Петру, начались до него; но они не лишены справедливости, поскольку они указываютъ на широту той сферы, которой касалась реформа. Не всему тому, что казалось Неплюеву, далъ онъ начало, но безспорно всего онъ коснулся своимъ указомъ, и поэтому преувеличеніе современниковъ, видѣвшихъ причину всѣхъ явленій въ личной волѣ Петра, представляется очень понятнымъ. Историческіе прецеденты его дѣлъ не были имъ извѣстны, связи его съ прошлымъ они не видѣли, передъ ними была поражавшая ихъ энергія и необычайная разносторонность дѣятельности. Государственный порядокъ, взаимныя отношенія людей, поведеніе каждаго отдѣльнаго человѣка, всего этого касалась путемъ закона верховная власть, на все налагала свою руку, все хотѣла перестроить и направить по инымъ, чѣмъ прежде, русламъ. Верховная власть становилась руководительницей государственной, общественной и личной жизни, все подчиняла себѣ, всему указывала путь, не довѣряя отдѣльнымъ силамъ и способностямъ. Ранѣе она довольствовалась болѣе узкою сферою проявленія своей дѣятельности, касаясь только немногихъ сторонъ жизни, предоставляя остальнымъ складываться и руководиться обычаемъ. Въ лицѣ Петра верховная власть вступила въ жестокую борьбу съ обычаемъ и истребляла его безпощадно, всецѣло взявъ на себя задачу вести подданныхъ. Чѣмъ же руководилась сама верховная власть въ этой задачѣ направлять подданныхъ? Этимъ началомъ, этимъ свѣтомъ, во имя котораго она боролась съ «глупостью и недознаніемъ» и вооружалась противъ обычая—было то самое, которое было открыто философіей XVI в., провозглашено въ XVII в., стало руководящимъ и было даже обоготворено въ XVIII в. Это былъ разумъ. Абсолютную верховную власть, ведущую народъ и перестраивающую его жизнь по требованіямъ разума, мы и видимъ въ реформѣ Петра. Разумъ не мирится съ обычаемъ, онъ стремится перестроить жизнь по своему—вотъ почему эта реформа получила такой радикальный характеръ всеобъемлющей ломки. Она и должна была заглянуть во всѣ темные уголки, гдѣ господствовалъ обычай, чтобы изгнать его оттуда, она должна была дотронуться до всѣхъ явленій современной жизни, чтобы положить подъ каждое изъ нихъ новое основаніе.

II.

Въ абсолютизмѣ и раціонализмѣ петровскаго государства не было ничего исключительнаго —это были общеевропейскія явленія XVII вѣка. То было время Людовика XIV, Стюартовъ, бранденбургскихъ курфюрстовъ—неограниченныхъ хозяевъ и устроителей своей земли, Карла XI въ Швеціи. «Духъ семнадцатаго вѣка», говоритъ Блунчли, «былъ рѣшительно благопріятенъ образованію абсолютной монархіи, а въ республиканскихъ государствахъ абсолютной власти существующаго правительства. Вѣра въ непосредственное божественное право власти вопреки сомнѣнію, возбужденному естественно—правовымъ ученіемъ, находила при дворахъ государей, въ проповѣдяхъ духовенства и въ публичныхъ школахъ многочисленныхъ и усердныхъ представителей, понималась еще болѣе односторонне и болѣе преувеличенно чѣмъ прежде и защищалась съ большею страстностью. Эта вѣра съ мистической силой овладѣвала душами. Когда она соединилась съ ученіемъ римскихъ юристовъ, которое вызвало вновь римскую государственную идею съ ея абсолютизмомъ человѣческой воли, верховная власть получила религіозное освященіе и неизвѣстныя въ прежніе вѣка силу и распространеніе... Почти всѣ государи континента подражали великому королю Франціи и почти вездѣ удачно и съ успѣхомъ. Феодальныя силы аристократіи, которыя въ средніе вѣка нерѣдко соперничали въ могуществѣ съ королевскою властью и всегда ее значительно ограничивали, неизлѣчимо зачахли. Еще до Людовика XIV не считали стоющимъ труда собирать штаты и добиваться ихъ согласія. Во Франціи генеральные штаты собрались послѣдній разъ въ 1614 г.; въ Пруссіи не созывались сеймы съ 1643, въ Баваріи съ 1669. Въ Австріи значеніе земскихъ чиновъ было поколеблено уже Фердинандомъ II; въ 1660 г. была введена абсолютная монархія въ Даніи съ устраненіемъ чиновъ. Горожане и крестьяне смотрѣли безучастно на это паденіе конституціи земскихъ чиновъ. Они надѣялись отъ новой неограниченной полицейской дѣятельности государей получить скорѣе защиту противъ произвольной власти мелкихъ владѣтелей и удовлетвореніе новыхъ культурныхъ потребностей» [1]).

За политической практикой слѣдовала политическая философія, возводя въ отвлеченную теорію совершавшіеся факты и въ свою очередь служа оправданіемъ для политики. Въ обоихъ сво-

[1]) *Bluntschli*. Geschichte des allgemeinen Staatsrechts und der Politik, стр. 75; 153—4.

ихъ развѣтвленіяхъ эта философія, столь блестяще развившаяся въ XVII вѣкѣ, одинаково высоко поддерживала значеніе абсолютизма. Сторонники божественнаго права выводили верховную власть монарха непосредственно отъ Бога и въ этомъ видѣли основаніе абсолютизма. «Тотъ, кто далъ людямъ королей», говорилъ Людовикъ XIV, «соблаговолилъ, чтобы ихъ почитали, какъ Его намѣстниковъ. Его воля, чтобы тотъ кто родился подданнымъ, повиновался безъ разсужденія». Тѣ же взгляды развивалъ въ своихъ трактатахъ и Боссюэ. «Величество», разсуждаетъ онъ, «образъ Божій въ государѣ... Государи—боги по свидѣтельству Писанія и причастны дѣйствительно божественной независимости. Королевскій тронъ, не человѣчскій—но тронъ самого Бога. Государя — какъ государя нельзя разсматривать, какъ частное лицо—все государство въ немъ, воля цѣлаго народа заключена въ его волѣ» [1]). Но и сторонники естественнаго права, раціоналисты, выводившіе верховную власть изъ разумнаго договора людей, пожелавшихъ прекратить естественное состояніе—склонны были отождествлять государство съ государемъ и рисовали абсолютизмъ чертами самаго крайняго характера. «Высочайшая власть (величество нарицаемая) есть, которой дѣянія ничьей же власти не подлежатъ»,—какъ переводилъ Ѳеофанъ Прокоповичъ слова Гуго Гроція въ своей Правдѣ Воли Монаршей. Верховная власть, училъ Гоббесъ, подобна душѣ въ человѣческомъ тѣлѣ. Она не подлежитъ ничьему контролю. Она выше закона, такъ какъ отъ нея законы получаютъ свою силу. Она даруетъ всѣ права подданнымъ, и подданные по отношенію къ ней лишены всякаго права. Подданные — не болѣе какъ рабы; между тѣми и другими одно только различіе, что подданный подчиненъ государю, а рабъ—частному лицу. Подданные не могутъ имѣть права собственности, котораго не могло бы нарушить государство, даже не могутъ имѣть собственнаго сужденія о добрѣ и злѣ. Это составляетъ исключительное право власти. Только ей принадлежитъ также право толкованія воли Спасителя, принципъ, который былъ уже осуществленъ на практикѣ реформаціей въ знаменитой формулѣ: cujus regio—ejus religio. Безъ такихъ крайностей, но тоже въ сущности ученіе о верховной власти, неподчиняющейся другой власти, безотвѣтственной и стоящей выше человѣческихъ законовъ, которые ею же даются, проводилъ и Пуфендорфъ, тотъ самый Пуфендорфъ, котораго такъ жадно читали тогда въ Европѣ, котораго такъ пропагандировалъ Петръ, приказывая его

[1]) *Koser.* Die Epochen der absoluten Monarchie in der neueren Geschichte въ Historische Zeitschrift. 1889. 61. стр. 270, 269.

переводить и издавая, и книги котораго занимали почетное мѣсто на полкѣ его кабинета [1]). Быть можетъ трудно было бы указать другую эпоху, когда политическая теорія шла бы такъ рука объ руку съ практикой, какъ это было въ эпоху абсолютизма. Въ XVIII в. философы займутъ троны, появятся во главѣ правительствъ, и абсолютизмъ сдѣлается послушнымъ орудіемъ «просвѣщенія». Но и въ XVII, не проводя еще въ жизнь такихъ широкихъ раціоналистическихъ и гуманныхъ идей, которыя были формулированы великими французами XVIII вѣка, абсолютная власть, окончательно сложившаяся, побѣдившая средневѣковыя самостоятельности, стала сознавать и уяснять себя благодаря публицистикѣ свою силу, и стремилась осуществлять задачи, указанныя тою же публицистикой. Помогая государямъ уяснить новое значеніе своей власти, публицисты XVII вѣка помогли имъ выяснить и задачи дѣятельности этой власти. Въ этомъ отношеніи философія XVIII в. развила скорѣе въ широкой степени только ученіе о средствахъ. Цѣли государства были ясно указаны уже мыслителями XVII в. Уже тогда разрабатывался въ теоріи и проводился на практикѣ принципъ общаго блага—salus publica, какъ цѣли государства, къ которой и должна вести подданныхъ верховная власть. Раціоналистическіе взгляды эпохи господствовали въ выработкѣ теоріи о цѣли государства. По ученію Гоббеса люди прекращаютъ естественное состояніе и вступаютъ въ договоръ объ образованіи государства съ цѣлью избѣжать зла той всеобщей войны, которая свирѣпствуетъ въ этомъ состояніи. На этой отрицательной ступени ученіе объ общемъ благѣ, какъ цѣли государства, не остановилось; этому понятію стали давать болѣе положительное содержаніе, разумѣя подъ благомъ не только избѣжаніе зла, но и положительное благосостояніе. Еще Гроцій, утверждалъ, что только въ государственномъ союзѣ находитъ полное свое проявленіе человѣческая природа, такъ какъ человѣкъ—существо общественное. Томазій понималъ цѣль государства какъ осуществленіе человѣческаго счастія и блаженства (Glückseligkeit)—то именно «блаженство рода человѣческаго», о которомъ у насъ такъ много будутъ говорить при Екатеринѣ II. Наконецъ, Вольфъ, дѣлая еще шагъ впередъ въ томъ же направленіи, ставитъ принципъ совершенства (Vollkommenheit)—нравственной задачей человѣческаго рода. Такіе возвышенные идеалы и должны были осуществлять въ государствѣ

[1]) De officio hom. et. civ. II cap. IX § III... summum imperium legibus humanis et civilibus... superius... Istae enim leges a summo imperio tam in origine, quam in duratione dependent.

люди, руководимые верховною властью и обязанные ей безусловнымъ подчиненіемъ, все равно, исходила ли она непосредственно отъ божества или возникала путемъ договора, перенесшаго на нее всю совокупность тѣхъ частныхъ неограниченныхъ воль, которыя существовали порознь въ естественномъ состояніи. Ей одной принадлежало право выбирать путь и средства къ достиженію этой цѣли. Только она обладала для этого широтой разумѣнія; разумѣніе подданныхъ считалось ограниченнымъ. Ея всестороннее попеченіе должно было всецѣло окружить подданнаго, объятаго темнотою, чтобы вести его къ цѣли. Государство XVII вѣка получаетъ полицейскій характеръ; правительство беретъ на себя заботы рѣшительно о всѣхъ сторонахъ, о всѣхъ потребностяхъ жизни подданнаго, не покидаетъ его ни на минуту и не прекращаетъ своей роли зоркаго и бдительнаго ментора. Оно не только печется о безопасности жизни, имущества и здоровья подданныхъ, доставляетъ имъ правосудіе; оно ихъ обогащаетъ и просвѣщаетъ; оно совершенствуетъ ихъ нравственно и развиваетъ ихъ эстетическіе вкусы; оно слѣдитъ за чистотою ихъ вѣрованій и правильностью ихъ убѣжденій. Оно вмѣшивается не только въ ихъ общественныя отношенія, но и въ болѣе замкнутый кругъ ихъ домашняго обихода и даже въ еще болѣе замкнутый кругъ личной душевной жизни. Оно становится на возвышеніе дирижера въ оркестрѣ и желаетъ, не только подчинить всѣ движенія подданныхъ мановенію своего жезла, но и вдохновляетъ въ нихъ чувства, которыя оно считаетъ цѣлесообразными для успѣшнаго исполненія пьесы. «Власть», какъ говоритъ Токвиль, «дѣлается для подданныхъ единственною пружиною соціальнаго механизма, единственнымъ и необходимымъ двигателемъ общественной жизни. Правительство занимаетъ мѣсто Провидѣнія». Для него создается тысяча хлопотъ и обязанностей, отъ которыхъ оно было свободно прежде, оно беретъ въ свои руки тысячу нитей, которыя сплетались прежде сами. Эта polizeiliche Vielregiererei, какъ удачно называютъ этотъ усложненный правительственный порядокъ— получаетъ точно также свое теоретическое обоснованіе въ политической философіи. Знаменитый Вольфъ «платитъ дань своему времени, плѣняется началами, къ которымъ прибѣгали правительства того времени, раздѣляетъ ихъ предразсудки относительно необходимости для правительства во чтобы то ни стало благодѣтельствовать гражданъ и силою доставлять имъ усовершенствованіе»[1]). Если мы прибавимъ къ этому, что онъ требуетъ самаго широкаго вмѣшательства въ личную свободу ради общаго

[1]) *Андреевскій*, Полицейское право, т. I, XCIII.

благополучія, предоставленія правительству права или обязанности принуждать каждаго къ работѣ, таксировать заработную плату и цѣну товаровъ, заботиться объ устройствѣ хорошихъ улицъ, прочныхъ и красивыхъ зданій, услаждать зрѣніе обывателей радующими картинами и скульптурными изображеніями, а уши музыкою, пѣніемъ птицъ, и журчаніемъ воды, содѣйствовать общественному развлеченію театральными представленіями и другими зрѣлищами; поощрять поэзію; стараться о школьномъ образованіи дѣтей; наблюдать за тѣмъ, чтобы взрослые подданные прилежали добродѣтели и благочестію, посѣщали церковь и принимали участіе въ общественномъ богослуженіи, наказывать атеистовъ или даже деистовъ—не узнаетъ ли читатель въ этой идеальной правительственной программѣ философа той же пестроты и всесторонности, того же всеобъемлющаго полицейскаго попеченія о подданномъ, которымъ отличалась правительственная практика Петра Великаго, какъ она выражалась въ законодательствѣ, образцы котораго приведены выше?

Это законодательство было порожденіемъ своего времени и носило на себѣ печать его духа. Если только видѣть сознательную цѣль въ реформѣ первой четверти XVIII вѣка, а едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что реформа въ ея послѣдніе годы преслѣдовала задачи болѣе широкія, чѣмъ простую организацію силъ и средствъ для борьбы съ Швеціей, то этою цѣлью, тѣмъ идеаломъ, къ достиженію котораго она стремилась—было *регулярное государство*, такое, какимъ его въ то время знала западноевропейская политическая практика, и такое, о какомъ учила западно-европейская политическая теорія. Этотъ идеалъ носился передъ Петромъ по крайней мѣрѣ во второй періодъ его реформаціонной дѣятельности, когда война, привлекавшая такъ много его вниманія, близилась къ концу, и когда онъ, какъ гласилъ одинъ изъ его указовъ, «и о земскомъ справедливомъ правленіи не изволилъ пренебречь, но трудился и сіе въ такой же добрый порядокъ привесть, какъ и воинское дѣло» [1]). Тѣмъ же стремленіемъ была одушевлена и та общественная группа, которая, познакомясь ближе съ западомъ, активно поддерживала реформу, не только исполненіемъ предписаній правительства, но и собственнымъ участіемъ, представляя царю проекты различныхъ усовершенствованій, нововведеній и учрежденій по западно-европейскому образцу. Это стремленіе питалось знакомствомъ съ западно-европейскимъ государствомъ и съ политической литературой, принявшимъ значительные размѣры въ первой четверти

[1]) П. С. З. №№ 3261, 22 дек. 1718 г.

XVIII в. благодаря массовымъ посылкамъ за границу дворянской молодежи, когда едва-ли можно было найти сколько-нибудь выдающуюся фамилію, представитель которой не побывалъ бы за границей въ качествѣ гардемарина, посланнаго обучаться плаванію и кораблестроенію, офицера въ заграничномъ походѣ 1712—14 гг., въ свитѣ государя или же какого нибудь посла. Политическія разсужденія, происходившія въ дворянскихъ кружкахъ вскорѣ послѣ смерти преобразователя во время извѣстныхъ событій 1730 г., когда обсуждались формы правленія и теоріи происхожденія государства, показываютъ, насколько въ наиболѣе интеллигентномъ обществѣ того времени распространился интересъ къ политическимъ вопросамъ, вкусъ къ политической литературѣ и знакомство съ нею.

Въ первой четверти XVIII вѣка въ Россіи не мало было слѣпаго, механическаго подражанія западу, безсознательнаго, какъ бываетъ безсознательно подражаніе ребенка взрослому или дикаря цивилизованному человѣку. Но, несомнѣнно, что заимствованіе съ запада имѣло до извѣстной степени и сознательное значеніе, будучи разсматриваемо какъ средство осуществить нѣкоторый идеалъ. Самый тотъ идеалъ, осуществить который стремилась реформа, самый образецъ, по которому пытались преобразовать Россію, неизбѣжно долженъ былъ близко подойти къ европейскому, регулярному государству той же эпохи, потому что онъ складывался изъ признаковъ, почерпнутыхъ въ знакомствѣ съ западно-европейскимъ государственнымъ строемъ и политическими идеями, представлявшими богатый и готовый запасъ элементовъ для политическаго творчества, которыхъ не въ состояніи была доставить родная дѣйствительность, оказавшаяся несостоятельной и безсильной къ XVII в. Если только русскіе реформаторы не были упорными старовѣрами, черпающими идеалы изъ стариннаго строя съ его тусклыми идеями, или идеологами, могущими созидать политическія построенія только изъ запаса собственной мысли, творя конституціи съ закрытыми глазами и ушами, то они неизбѣжно должны были попасть въ общеевропейское теченіе, которое подхватило ихъ и понесло за собою, увлеченныхъ силою потока, но сознательно цѣнящихъ превосходство его направленія. Они не только усвоили направленіе влекущей ихъ струи, но и пропитались ея ароматомъ, не только стали перенимать западно-европейскую дѣйствительность, но и руководиться новыми политическими идеями. Для усвоенія послѣднихъ не требовалось особенно многаго. Петръ не былъ вовсе самостоятельнымъ политическимъ мыслителемъ и не имѣлъ совершенно досуга изучать современныя ему политическія теоріи. Но, обладая живымъ, любознательнымъ и прони-

цательнымъ умомъ, онъ не могъ не присмотрѣться къ западно-европейскимъ политическимъ порядкамъ, какъ бы сильно ни привлекали его вниманіе во время заграничныхъ поѣздокъ верфи и мастерскія, и не могъ не подвергнуться, хоть сколько-нибудь, вліянію тогда распространенныхъ и ходячихъ политическихъ идей, которыя вообще имѣютъ свойство носиться въ воздухѣ, какъ бациллы, и щадятъ отъ своего заразительнаго дѣйствія только совершенно глухихъ и слѣпыхъ людей. Правда, отвлеченное въ этихъ идеяхъ ему не давалось, какъ и вообще ему не давались отвлеченныя системы, и онъ не занимался досужими разысканіями о происхожденіи государства, но то, что было въ нихъ практическаго, онъ,—практическій дѣлецъ по преимуществу—хорошо усвоилъ. Въ очень неуклюжихъ выраженіяхъ и неловко, но все-таки очень ясно высказалъ онъ свой взглядъ на общее благо, какъ цѣль государства, въ извѣстной рѣчи, произнесенной имъ 22 октября 1721 г. въ Троицкомъ соборѣ въ отвѣтъ на привѣтствіе сенаторовъ по случаю заключенія Ништадтскаго мира, сказавъ, что задача государя заключается въ томъ, чтобы «трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ». Это былъ все тотъ же взглядъ, который провозглашался имъ еще въ 1702 г. въ манифестѣ о вызовѣ иностранцевъ, гдѣ онъ облеченъ былъ въ болѣе гладкую, изящную форму, можетъ быть, данную ему иностраннымъ перомъ, гдѣ говорилось о намѣреніи «государствомъ управлять такимъ образомъ, чтобъ всѣ наши подданные попеченіемъ нашимъ *о всеобщемъ благѣ* болѣе и болѣе приходили въ лучшее и благополучнѣйшее состояніе». Этотъ взглядъ на «всенародную пользу», какъ конечную цѣль монархіи, распространялся и въ публику въ трактатѣ Ѳеофана «Правда Воли Монаршей». Къ этой возвышенной цѣли вела вездѣ въ Европѣ верховная власть, абсолютная на практикѣ и долженствующая именно быть такой по ученіямъ теоріи—и русскому самодержавію впервые Петромъ дано было ясное и точное опредѣленіе: «его величество есть самодержавный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣта дать не долженъ; но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій государь, по своей волѣ и благомнѣнію управлять» [1]). Пусть это опредѣленіе почти буквально переведено съ шведскаго закона 1693 г.—это не значитъ, чтобы Петръ не могъ хорошо его усвоить и имъ руководиться. Европейское абсолютное государство со второй половины XVII и въ XVIII в. развиваетъ широкую полицейскую дѣятельность, и правительственная

[1]) *Соловьевъ,* XV, 87. П. С. З. № 3006. Уставъ воинскій. Артикулы. Гл. III, 20.

практика Петра—такая же polizeiliche Vielregiererei, какая замѣтна въ то время и въ другихъ государствахъ Европы. Эта полицейская дѣятельность его государства проникнута раціоналистическимъ направленіемъ, вполнѣ согласно духу эпохи. Она сокрушаетъ старый порядокъ, державшійся исторической традиціей, и стремится перестроить его согласно требованіямъ разума. Борясь на каждомъ шагу съ «глупостью и недознаніемъ невѣждъ»,она разрѣшаетъ раціоналистически тѣ многочисленные вопросы разнообразнѣйшихъ калибровъ, которые ежедневно возникаютъ передъ реформаторомъ, начиная отъ государственнаго строя и высшихъ соображеній политики, до мелочей частнаго житейскаго обихода, всему давая цѣлесообразное устройство. Она перестраиваетъ на раціональныхъ началахъ церковное управленіе, посягая на историческое значеніе патріархата и ставя во главѣ этого управленія коллегію—правительственный механизмъ, признававшійся тогда лучшимъ орудіемъ разума, и мѣняетъ неудобный длинный историческій русскій халатъ на раціонально устроенное европейское платье. Хотя «просвѣщеніе» эпохи Петра и не достигло еще того широкаго масштаба, какой оно получило во вторую половину XVIII вѣка, ничто не мѣшаетъ причислять и его царствованіе къ эпохѣ просвѣщеннаго абсолютизма. Если его время менѣе руководилось требованіями разума, чѣмъ время Іосифа II, то только потому, что самыя эти требованія тогда еще не были такъ обстоятельно развиты, съ такой простотой формулированы и съ такою широтой распространены, какъ это было во второй половинѣ XVIII вѣка, благодаря блестящей французской литературѣ, словомъ только потому, что время Петра I не было еще временемъ Екатерины II. Но разница здѣсь лишь въ степени развитія руководящаго начала, а не въ самомъ началѣ.

Направляемое разумомъ законодательство реформы заговорило съ подданнымъ на иномъ языкѣ, чѣмъ говорило съ нимъ прежнее законодательство, на языкѣ, носившемъ на себѣ также замѣтные слѣды раціоналистической эпохи. Это различіе языка происходило отъ различія взглядовъ на средства, которыя должны были обезпечивать исполненіе закона со стороны тѣхъ, для кого онъ издавался. Прежнему законодательству было извѣстно одно только такое средство — суровая угроза. Верховная власть, воздѣйствуя на общество путемъ законодательства, выступала въ роли немногорѣчиваго и строгаго педагога, выражавшаго свои велѣнія или запрещенія въ краткихъ словахъ, но съ кнутомъ или плетью въ рукѣ. Откройте уложеніе 1649 г. или просмотрите рядъ послѣдовавшихъ за нимъ указовъ, и вы на каждомъ шагу встрѣтитесь тамъ со словами: «а будетъ которые люди учнутъ дѣлать то-то

и то-то..., и тѣхъ людей казнити безъ всякаго милосердія» или «и тѣмъ людемъ учинити наказаніе, бити кнутомъ, чтобы, на то смотря, инымъ неповадно было такъ дѣлати». Законодательныя нормы, изданныя Петромъ, сопровождаются не менѣе, если не болѣе устрашающими угрозами; но онѣ сопровождаются также и мотивами, которые указываютъ и разъясняютъ причины и цѣли предпринимаемыхъ мѣръ и направлены къ вразумленію тѣхъ, отъ которыхъ законъ ждетъ исполненія. Законодательство до-петровской эпохи дѣйствуетъ только на чувство страха; законодательство Петра стремится прежде всего подѣйствовать на разсудокъ подданнаго и обращается къ угрозѣ только на случай неуспѣха. Оно не только устрашаетъ подданнаго, но прежде всего стремится его убѣдить. Въ каждомъ почти изъ указовъ Петра непремѣнно встрѣтимъ союзъ «понеже», открывающій собою мотивировку закона: «въ С.-Петербургѣ всякаго чина людямъ коровъ, козъ, свиней и другихъ безъ пастуховъ изъ дворовъ своихъ не выпускать..., понеже оная скотина, ходя по улицамъ и по другимъ мѣстамъ, портитъ дороги и деревья», и затѣмъ уже слѣдуетъ угроза жестокаго штрафованья и безповоротной конфискаціи скотины.—Не ѣздить на невзнузданныхъ лошадяхъ, «понеже отъ такихъ чинится немалая вреда людямъ, для того, что вскорѣ невзнузданную лошадь не можно удержать»; строго соблюдать всѣ уставы и регламенты, «понеже ничто такъ ко управленію государства нужно есть, какъ крѣпкое храненіе правъ гражданскихъ, понеже всуе законы писать, когда ихъ не хранить или ими играть, какъ въ карты, прибирая масть къ масти, чего нигдѣ въ свѣтѣ такъ нѣтъ, какъ у насъ было, а отчасти еще есть...» [1]). Вмѣстѣ съ отмѣной обычая писаться уменьшительными именами и земныхъ поклоновъ при встрѣчѣ съ государемъ эта неважная часть рѣчи является важнымъ знаменателемъ новаго отношенія, въ какое верховная власть, снимая съ себя прежнее мистическое обличье, стремится стать къ управляемому обществу. Она разсчитываетъ теперь на сознательное исполненіе закона ради его разумныхъ цѣлей, а не на рабское подчиненіе изъ страха плети. Когда Петръ пишетъ указъ, онъ непремѣнно резонируетъ, и иногда мотивировка указовъ разрастается въ цѣлыя поученія политическаго, юридическаго, даже естественно-научнаго характера, совершенно согласно тому ученію Томазія, по которому «мудрые управляются скорѣе добрыми совѣтами, чѣмъ строгими повелѣніями». Эти мотивы, выходящіе изъ-подъ пера преобразователя подчасъ наивны; они стремятся убѣдить въ вещахъ очень ясныхъ; но ясное теперь было во

[1]) П. С. З. №№ 3589, 3633, 3970.

многихъ случаяхъ непонятно современникамъ, которыхъ приходилось обучать азбукѣ. Вотъ нѣсколько примѣровъ такой обширной мотиваціи. Петръ не разъ издавалъ указы о томъ, чтобы никто не обращался съ просьбами лично къ государю, не подавъ прошенія въ установленныхъ учрежденіяхъ и не пройдя предварительно всѣхъ инстанцій. Указъ о томъ же, изданный 22 декабря 1718 г., онъ началъ такъ: «понеже челобитчики непрестанно его царскому величеству докучаютъ о своихъ обидахъ вездѣ во всякихъ мѣстахъ, не дая покою; и хотя съ ихъ стороны легко разсудить можно, что всякому своя обида горька есть и несносна, но притомъ каждому разсудить же надлежитъ, что какое ихъ множество, а кому бьютъ челомъ, одна персона есть и та коликими воинскими и прочими несносными трудами объята, что всѣмъ извѣстно есть. И хотя бъ и такихъ трудовъ не было, возможно ль одному человѣку за такъ многими усмотрѣть? Воистину, не точію человѣку, ниже ангелу»; далѣе слѣдуетъ богословско-метафизическое разсужденіе объ ограниченной природѣ ангеловъ: «понеже и оные мѣстомъ описаны суть, ибо гдѣ присутствуетъ, индѣ его нѣтъ». Указъ о собираніи разнаго рода рѣдкостей, которыя предписывалось приносить къ губернаторамъ и воеводамъ для устраивавшейся кунсткамеры, мотивированъ такимъ образомъ: «понеже извѣстно есть, что какъ въ человѣческой породѣ, такъ въ звѣрской и птичьей случается, что родятся монстра, т. е. уроды, которые всегда во всѣхъ государствахъ собираются для диковинки... но таятъ невѣжды, чая что такіе уроды родятся отъ дѣйства дьявольскаго черезъ вѣдовство и порчу, чему быть невозможно, ибо единъ Творецъ всея твари—Богъ, а не дьяволъ, которому ни надъ какимъ созданіемъ власти нѣтъ» — далѣе объясняются естественныя причины происхожденія такихъ уродовъ. Знаменитый указъ о единонаслѣдіи 23 марта 1714 г. начинается словами: «понеже раздѣленіемъ имѣній послѣ отцовъ дѣтямъ недвижимыхъ великій есть вредъ въ государствѣ нашемъ, какъ интересамъ государственнымъ, такъ и подданнымъ и самимъ фамиліямъ паденіе», открывающими обширное написанное царемъ предисловіе съ примѣрами, наглядно показывающими пользу издаваемаго указа. Для объясненія нѣкоторыхъ своихъ дѣйствій и распоряженій Петръ принужденъ былъ прибѣгать къ услугамъ политической литературы и, за неимѣніемъ газетъ и журналовъ, заказывалъ особые политическіе трактаты. Таково было происхожденіе «Правды Воли Монаршей», задачей которой было доказать законность новаго порядка престолонаслѣдія; «Духовнаго Регламента, объясняющаго разумныя основанія новаго порядка церковнаго управленія; «Разсужденія о причинахъ сѣверной войны», порученнаго перу Шафирова, въ кото-

ромъ дѣлается общій обзоръ совершенныхъ преобразованій и оцѣниваются ихъ результаты [1]).

Итакъ, преобразованіе Россіи въ европейское государство, общее благо, какъ цѣль государства; абсолютная власть, какъ руководительница къ достиженію этой цѣли; разумъ, какъ руководящее начало въ этой ея дѣятельности; всеобъемлющая до мелочей, тонкая сѣть попеченія надъ подданнымъ, какъ лучшій способъ достиженія цѣли — вокругъ такихъ идей и взглядовъ вращалась реформаціонная мысль, такія задачи ставила себѣ реформа. Законодательство Петра проникнуто этими идеями. Оно является орудіемъ государственнаго попеченія надъ подданными, разсчитаннымъ на иную психологію, чѣмъ прежде; оно призываетъ не только чувство страха, сурово грозя, но и разсудокъ, поучая и убѣждая. На себя Петръ смотритъ, какъ на педагога, обучающаго дѣтей, какъ на мастера, окруженнаго лѣнивыми учениками: «нашъ народъ, яко дѣти, которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ, которымъ досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарятъ, что явно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ—не все ль неволею сдѣлано, и уже за многое благодареніе слышится» [2]). Но одного законодательства, какъ выраженія воли верховной власти, подкрѣпленнаго убѣдительными объясненіями и принуждающими угрозами—было недостаточно для педагогическаго воздѣйствія; нужны были и другія орудія, чтобы руководить подданными въ исполненіи этой воли—учрежденія. Ихъ прежняя система, которая выросла исторически на почвѣ инаго, вотчиннаго государства, развившагося изъ московскаго удѣла Ивана Калиты и во многомъ хранившая слѣды своего происхожденія, для «регулярнаго» государства не годилась. Ее и рѣшено было теперь перестроить. Старое историческое зданіе, кстати уже почти совсѣмъ развалившееся, рѣшено было замѣнить системой, основанной на иныхъ, разумныхъ началахъ, приспособленной для дѣйствія съ иными цѣлями. То былъ вѣкъ вѣры въ учрежденія. Теперь мы смотримъ на нихъ очень хладнокровно, если не скептически, и скорѣе склонны ихъ считать результатами, чѣмъ причинами общественнаго порядка. Тогда имъ приписывалась магическая сила; стоило измѣнить учрежденія, какъ долженъ былъ перемѣниться и порядокъ. Идеи своего вѣка раздѣлялъ и Петръ. «На послѣднемъ праздникѣ», пишетъ французскій резидентъ въ Петербургѣ Лави, «его царское величество провозгласилъ тостъ за то, чтобы 1719-й годъ былъ такъ же замѣча-

[1]) П. С. З. №№ 3261; 3159; 2789.

[2]) П. С. З. № 4345.

теленъ, какъ и годъ 1709-й, навѣки памятный битвой подъ Полтавой. Затѣмъ, обозрѣвая съ горечью старый русскій міръ, онъ выразилъ надежду, что посредствомъ учрежденія нѣсколькихъ совѣтовъ и коллегій ему удастся придать новый видъ этому міру»[1]). Какъ и самыя задачи, которыя они должны были осуществлять, эти учрежденія были заимствованы съ запада.

III.

Въ начавшемся задолго до Петра процессѣ сближенія Россіи съ западомъ первая четверть XVIII вѣка была только однимъ изъ моментовъ, правда крупнѣйшимъ по значенію, но не первымъ и не послѣднимъ, и реформа занимала только одну изъ ступеней въ длинномъ хронологическомъ рядѣ заимствованій съ запада. Китайской стѣны между Россіею и Европой никогда не существовало: общеніе съ западомъ шло и непосредственно, и черезъ Польшу, которая, не выработавъ никакой самостоятельной культуры, усвоивая западную и въ то же время будучи славянскою, родственною московской Руси страною, была какъ бы предназначена играть роль проводника западно-европейской культуры въ московское государство. Издавна еще это европейское вліяніе получило двоякій характеръ, касаясь обѣихъ сторонъ жизни: и матеріальной, и духовной, и шло, прогрессируя въ той и другой области, хотя и различными путями. Вліяніе перваго порядка проводилось путемъ сознательнаго и намѣреннаго заимствованія, имѣвшаго по большей части оффиціальное значеніе, такъ какъ иниціаторомъ его было само государство, приведенное къ необходимости пересаживать растенія европейской культуры на русскую почву. Вліяніе въ духовной сферѣ просачивалось само собою, являясь неизбѣжнымъ, хотя и нежелательнымъ съ точки зрѣнія правительства и большинства современниковъ, послѣдствіемъ непрекращавшагося общенія съ западной Европой. Первое проводилось сверху государственною властью, второе шло снизу, захватывая отдѣльныя личности, нерѣдко встрѣчая противодѣйствіе со стороны государства и церкви. Каждое проходило свои послѣдовательныя фазы. Идейное вліяніе начиналось въ религіозной сферѣ въ видѣ разнаго рода проникавшихъ къ намъ религіозныхъ ученій; затѣмъ оно несло въ московскую Русь изящную литературу, элементы научнаго знанія; наконецъ, политическія идеи. Вліяніе матеріальной западно-европей-

[1]) Сб. И. О. XL, 8.

ской культуры началось съ заимствованія внѣшнихъ, техническихъ усовершенствованій, необходимыхъ для государственныхъ цѣлей. Призывались иностранные архитекторы для постройки крѣпостныхъ стѣнъ и зданій, иностранные мастера, знавшіе разнаго рода ремесла, дотолѣ неизвѣстныя въ Россіи. Затѣмъ, оказалось необходимымъ заводить европейское вооруженіе; далѣе, регулярные полки иноземнаго строя, выписывая для нихъ иностранныхъ инструкторовъ. Всѣми этими нововведеніями были вызваны болѣе позднія попытки развить разработку богатствъ страны, и въ XVII в. зарождается заводская промышленность, начало которой положено также иностранцами. Болѣе частной инициативы замѣтно въ перенесеніи западно-европейской житейской обстановки: убранства дома, мебели, экипажей, костюмовъ, вкусъ къ которой довольно сильно сказывается къ концу XVII вѣка. Итакъ: общественныя постройки, вооруженіе, организація войска промышленность, частная житейская обстановка — таковы были стадіи, проходимыя послѣдовательно западнымъ вліяніемъ въ матеріальной сферѣ до Петра. Въ петровскую эпоху примкнуло новое звено къ этой цѣпи: *заимствованъ былъ механизмъ государственныхъ учрежденій*. Этому заимствованію учрежденій соотвѣтствовало въ намѣченномъ выше рядѣ идейнаго вліянія знакомство съ политическими идеями запада. Именно въ этомъ заимствованіи заключается оригинальность реформы Петра, ея отличіе отъ предыдущихъ моментовъ западнаго вліянія. Всѣми иными своими сторонами реформа имѣла значеніе только развитія, усиленія, ускоренія темпа предыдущихъ явленій; какое бы изъ нововведеній Петра мы ни взяли: переустройство арміи, мѣры къ развитію промышленности и торговли, насажденіе образованности, даже устройство флота—всему этому можно найти антецеденты въ московской Руси XVII вѣка. Только заимствованіе иностранныхъ административныхъ и судебныхъ учрежденій и введеніе ихъ въ Россіи было дѣйствительно новымъ, оригинальнымъ явленіемъ петровской эпохи, рѣзко отличающимъ ее отъ предыдущаго вѣка. Со времени Петра заимствованія учрежденій были не рѣдки въ нашей исторіи, но при Петрѣ они начались впервые. Въ томъ, что это была первая попытка пересадки чужеземнаго правительственнаго механизма на родную почву, можно видѣть заранѣе причины ея неудачи; но въ томъ, что эта попытка не была и послѣдней, что она начала собою рядъ другихъ болѣе успѣшныхъ и плодотворныхъ, не законченныхъ и въ наши дни, можно находить интересъ къ ея подробному изученію, котораго несомнѣнно не могло бы быть, если бы она осталась единственной.

Эпохой заимствованія иностранныхъ учрежденій было главнымъ образомъ только послѣднее десятилѣтіе царствованія Петра, т. е. какъ разъ то время, когда чисто фискальныя цѣли въ администраціи стали уступать мѣсто болѣе широкимъ задачамъ управленія; ранѣе можно указать только на отдѣльные блѣдные опыты, въ которыхъ иностранное гораздо болѣе заключалось въ названіи, чѣмъ въ содержаніи. Далеко не такъ рѣшительно и сразу реформаторъ обратился на западъ за учрежденіями, какъ онъ обращался туда за изученіемъ военнаго искусства и кораблестроенія. Предварительно были испробованы собственныя домашнія средства въ переустройствѣ стараго, неудовлетворявшаго болѣе правительственнаго механизма. По мѣрѣ возникновенія дававшихъ о себѣ знать новыхъ потребностей сколачивались кое-какъ, безъ опредѣленнаго плана необходимыя учрежденія, на скорую руку, лишь бы только отвѣтить поскорѣе на запросы минуты, изъ стараго матеріала, по старымъ образцамъ. Не имѣя общаго плана и не будучи согласованы другъ съ другомъ, эти учрежденія получали случайный характеръ, оказывались въ противорѣчіи одно съ другимъ и разрушали иногда другъ друга.

Въ извѣстной работѣ проф. Милюкова «Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великаго» обстоятельно показано, къ какому кризису привели попытки преобразованія учрежденій, предпринятыя въ первую половину царствованія. Здѣсь выяснено, какое вліяніе на возникновеніе административныхъ учрежденій этого времени оказывали финансовыя потребности, вызванныя войною; какъ непослѣдователенъ былъ ходъ ихъ переустройства; какъ административная реформа началась съ созданія въ 1699 г. особаго вѣдомства городовъ съ московскою ратушей во главѣ; какъ слѣдующая затѣмъ губернская реформа 1708—10 гг. опрокинула всѣ результаты городской реформы и разрушила только что созданное и начавшее было функціонировать вѣдомство ратуши; какъ она въ то же время нанесла ударъ и старой системѣ приказовъ, которые или закрылись, или обратились въ губернскія присутственныя мѣста московской губерніи, и какъ, наконецъ, сенатъ, поставленный во главѣ управленія, оказался не въ силахъ руководить имъ, такъ какъ былъ заваленъ рѣшеніемъ безконечной массы мелкихъ дѣлъ, не разрѣжаемой приказами, облегчавшими работу старинной боярской думы. Понятно, въ чемъ должны были заключаться причины такого неуспѣха въ дѣятельности сената, сравнительно съ дѣятельностью прежней думы. Между тѣмъ, какъ послѣдняя представляла изъ себя не единственный органъ центральнаго управленія, а только верхній этажъ его, опиравшійся

на нижній этажъ приказовъ, сенатъ, замѣняя собою и государя, находившагося въ отлучкахъ, и думу, и приказы, соединялъ въ своихъ рукахъ все центральное управленіе. Въ думу шли далеко не всѣ дѣла, притекавшія изъ областей къ центру; туда поступала только та ихъ часть, которую почему-либо затруднялись рѣшить распредѣлявшіе ихъ между собою, хотя и безъ особаго порядка, приказы. Въ сенатъ восходила непосредственно изъ губернскихъ центровъ вся масса дѣлъ, не фильтруясь предварительно въ приказахъ, и поэтому сенату не приходилось ограничивать свою дѣятельность лишь общимъ направленіемъ и руководствомъ администраціи или рѣшеніемъ только важнѣйшихъ и чрезвычайныхъ дѣлъ; онъ долженъ былъ топить свое вниманіе въ мелочахъ, въ неважныхъ текущихъ дѣлахъ, ежедневно приливавшихъ изъ областей благодаря тому отсутствію самостоятельности, которымъ петровскій губернаторъ не отличался отъ воеводы XVII в., навлекавшаго на себя нерѣдко выговоръ за отписки къ государю «о многихъ, о небольшихъ дѣлѣхъ, которыя вершити ему самому мочно». И только послѣ того, какъ этотъ кризисъ былъ сознанъ, только послѣ того, какъ совершенно неудовлетворительнымъ оказался созданный въ первые пятнадцать лѣтъ XVIII вѣка административный механизмъ, послѣ полной неудачи всѣхъ этихъ самобытныхъ построеній, непрочныхъ и не отвѣчавшихъ въ достаточной мѣрѣ потребностямъ, преобразователь рѣшился сдѣлать новый важный шагъ въ западномъ направленіи и взять оттуда чертежи усовершенствованныхъ правительственныхъ машинъ, болѣе пригодныхъ для новыхъ цѣлей государственной работы. Къ этому заимствованію онъ подведенъ былъ, такимъ образомъ, самою силою вещей: крушеніемъ старой московской системы и тѣми пробѣлами, которые не замедлили обнаружиться въ поставленномъ на ея мѣсто строѣ учрежденій, пробѣлами, восполнить которые, повидимому, не было въ силахъ самостоятельное политическое творчество. Политическимъ инженеромъ Петръ былъ въ несравненно меньшей степени, чѣмъ корабельнымъ, и всѣ попытки самостоятельной постройки учрежденій не удавались ему, приводя къ самымъ неожиданнымъ результатамъ. Быть можетъ, эти неудачи и не позволяли надѣяться на успѣхъ подобныхъ же попытокъ въ будущемъ. Между тѣмъ мысль реформатора привыкла уже обращаться за элементами реформы на западъ и тамъ находить средства къ удовлетворенію домашнихъ нуждъ. И теперь, когда сильно почувствовалась нужда въ новыхъ учрежденіяхъ, благодаря усвоенію новыхъ государственныхъ задачъ и благодаря распаденію старой правительственной системы, эта мысль привычно обратилась туда же, куда

она направлялась и въ тѣхъ случаяхъ, когда давала себя знать нужда въ войскѣ, во флотѣ и въ усовершенствованіяхъ техники. Къ тому же эту мысль дразнили постоянно многочисленныя предложенія иностранныхъ политическихъ прожектеровъ, назойливо предлагавшихъ преобразователю то тѣ, то другія учрежденія на иностранный образецъ. Разочарованный въ предпринятыхъ самостоятельныхъ попыткахъ, соблазняемый представленными проектами и во время заграничныхъ путешествій нѣсколько присмотрѣвшійся къ западнымъ административнымъ порядкамъ Петръ постепенно пришелъ къ рѣшенію перенести въ Россію западныя административныя учрежденія, и центральныя, и областныя. Такъ, его реформа прошла свой законченный циклъ: начавшись съ заимствованія иноземнаго платья, она оканчивалась заимствованіемъ государственнаго устройства.

Было бы, однако, рискованно проводить параллель между этими двумя полюсами заимствованія. Европейское платье было взято безъ особаго разбора и цѣликомъ такъ, какъ его надѣвали европейцы. Учрежденія не были скопированы безъ разбора и рабски. Среди западныхъ образцовъ произведенъ былъ нѣкоторый выборъ, и выбранные подверглись перекройкѣ сообразно съ условіями страны, гдѣ собирались ихъ вводить. Та система учрежденій, которая стала осуществляться съ этого года вырабатывалась и подготовлялась въ теченіе довольно долгаго времени. Окончательное рѣшеніе ввести коллегіи на иностранный образецъ созрѣло у Петра въ 1715 г. Въ письмѣ къ Лейбницу отъ 26 апрѣля этого года ганноверскій уполномоченный при русскомъ дворѣ Веберъ увѣдомлялъ его, что «царь твердо рѣшился устроить коллегіи». Тогда же былъ принятъ на русскую службу извѣстный голштинецъ Генрихъ Фикъ, спеціалистъ по государственному праву, и отправленъ въ Швецію для изученія и описанія тамошнихъ административныхъ учрежденій. Но и послѣ того, какъ созрѣло рѣшеніе ввести администрацію на иностранный образецъ, нѣсколько лѣтъ было посвящено на сравнительное изученіе западныхъ учрежденій. Предпринятъ былъ ихъ обзоръ: очевидно, что представленными ему до того проектами Петръ не довольствовался. Помимо миссіи Фика, русскимъ резидентамъ при иностранныхъ дворахъ поручено было составлять описанія учрежденій тѣхъ странъ, при которыхъ они были аккредитованы. Такъ кн. В. Долгорукову, посланнику въ Копенгагенѣ, предписано было «прислать весь анштальтъ экономіи государства датскаго, а именно: сколько коллегіумъ, что каждой должность и о штатѣ ихъ». Такое же порученіе получилъ Веселовскій въ Вѣнѣ. Предписывалось высылать изъ-за границы свѣдущихъ въ административномъ устройствѣ чиновниковъ,

которые бы могли познакомить русскихъ съ иностранными учрежденіями, «понеже», какъ жаловался царь, «всѣхъ циркумстанцій въ книгахъ не пишутъ». Отъ иностранцевъ, состоявшихъ на русской службѣ, требовались свѣдѣнія объ иностранныхъ административныхъ учрежденіяхъ. Петръ однако не ограничивался чтеніемъ доставляемыхъ ему описаній; гдѣ было можно, обозрѣвалъ учрежденія самъ. Сохранилось извѣстіе, что въ бытность въ Копенгагенѣ въ 1716 г. онъ посѣщалъ датскія коллегіи и самъ списывалъ правила ихъ дѣлопроизводства. Можно поэтому думать, что когда пришлось сдѣлать окончательный выборъ учрежденій для Россіи, и выборъ этотъ палъ на шведскія, онъ сдѣланъ былъ сознательно, и самъ преобразователь изъ личныхъ наблюденій, изъ книгъ, изъ спеціально составленныхъ описаній и изъ бесѣдъ со свѣдущими иностранцами былъ уже довольно знакомъ съ управленіемъ нѣсколькихъ европейскихъ странъ, чтобы оцѣнить по достоинству шведское [1]).

Не трудно понять, почему это послѣднее должно было получить предпочтеніе при выборѣ. Прежде всего самыя природныя и бытовыя условія Швеціи казались Петру довольно близко подходящими къ такимъ же условіямъ Россіи: такую мысль онъ высказывалъ Бестужеву, отправляя его посломъ въ Швецію; поэтому царь имѣлъ основаніе разсчитывать, что шведская администрація скорѣе и съ наибольшимъ успѣхомъ привьется въ Россіи. Затѣмъ, по своей систематичности, стройности и удобству дѣйствія шведскія административныя учрежденія въ XVII вѣкѣ считались лучшими въ Европѣ. Ими могли быть объясняемы тѣ успѣхи и тотъ разцвѣтъ могущества, которыми Швеція поразила въ XVII вѣкѣ Европу, а въ началѣ XVIII столѣтія Россію, испытавшую съ такою болью ея превосходство въ первые годы сѣверной войны. Наконецъ, шведскія учрежденія были въ Россіи лучше другихъ извѣстны. Самая эта столь долговременная и столь напряженная, потребовавшая отъ русскаго общества такого огромнаго количества силъ и средствъ война со шведами не могла, конечно, не возбуждать и въ правительствѣ, и въ народѣ сильнаго интереса къ Швеціи и ко всему шведскому, и, между прочимъ, къ ея государственному строю, которымъ она тѣмъ болѣе такъ славилась. Война представила и средства для детальнаго и даже практическаго знакомства съ шведскими учрежденіями. Была завоевана значительная

[1]) *Герье*, Отношеніе Лейбница къ Россіи и Петру В. Ж. М. Н. П. 1870 г. апрѣль, стр. 369. *Милюковъ*, Госуд. хозяйство. стр. 574, 589. *Берендтсъ*, Нѣсколько словъ о коллегіяхъ Петра В. Яросл. 1896 г., стр. 17 (актовая рѣчь).

шведская территорія; управленіе этой территоріей становилось вопросомъ, который приходилось рѣшать русскому правительству — и здѣсь оно на практикѣ могло познакомиться съ устройствомъ и дѣятельностью шведской администраціи. Война давала также и другое средство для этого: въ Россіи находилось большое число шведскихъ плѣнныхъ, которые могли знакомить русское общество съ порядками своей родины, и недаромъ русское правительство усердно старалось привлекать этихъ плѣнниковъ къ занятію должностей въ русской гражданской службѣ [1]). Съ другой стороны русскіе плѣнники въ Швеціи могли еще ближе въ качествѣ очевидцевъ узнать шведскую администрацію. «Генералъ Вейде и нѣкоторые другіе русскіе офицеры», сообщаетъ ганноверскій резидентъ Веберъ въ цитированномъ уже выше письмѣ къ Лейбницу, «находившіеся въ плѣну въ Швеціи со времени нарвскаго дѣла и познакомившіеся съ устройствомъ шведскаго государства, руководятъ его величество въ учрежденіи коллегій». По всѣмъ этимъ причинамъ шведскія учрежденія должны были болѣе другихъ привлекать къ себѣ ищущую мысль реформатора, какъ казавшіяся лучшими вообще, притомъ ближе подходящими для Россіи и какъ бывшія наиболѣе въ ней извѣстными къ тому времени. Послѣ того, какъ Фикъ въ 1717 г. вернулся изъ командировки и привезъ съ собою цѣлую кипу описаній шведскаго управленія, рѣшеніе въ пользу шведскихъ образцовъ вполнѣ созрѣло. Проектамъ Фика данъ былъ ходъ, и они были подвергнуты дальнѣйшей разработкѣ.

Итакъ, шведскія учрежденія не были заимствованы случайно: въ ихъ выборѣ слѣдуетъ видѣть сознательную оцѣнку. Но получивъ предпочтеніе, они не были введены въ Россіи цѣликомъ такъ, какъ они существовали въ Швеціи и были описаны Фикомъ. Они подверглись переработкѣ и измѣненіямъ. Менѣе всего можно упрекнуть Петра въ намѣреніи рабски копировать заграничныя учрежденія. Въ цѣломъ рядѣ указовъ весьма ясно выражается его желаніе вводить въ Россіи только тѣ изъ нихъ, которыя можно ввести сообразно съ русскимъ бытомъ и условіями русской дѣйствительности. То, что не можетъ быть приспособлено къ этому быту и условіямъ, должно быть оставлено совсѣмъ или замѣнено и дополнено соотвѣтственно требованіямъ русской жизни. «Всѣмъ коллегіямъ», пишетъ царь 28 апр. 1718 г. «надлежитъ нынѣ на основаніи шведскаго устава сочинить во всѣхъ дѣлѣхъ и порядкахъ по пунктамъ. А которые пункты въ шведскомъ регламентѣ неудобны или съ ситуаціей сего государства несходны и оные составить по

[1]) П. С. З. №№ 3101, 3259, 3497 и др.

своему разсужденію». Открывалась, такимъ образомъ, нѣкоторая свобода самостоятельному политическому творчеству. «Надлежитъ»—возвращается Петръ къ тому же предмету въ іюнѣ того же года, «шведскій регламентъ съ русскимъ сводить... а что перемѣнить и какимъ образомъ оному быть, оное, поставя, приносить въ сенатъ, одну коллегію по другой. А въ сенатѣ оныя спорныя дѣла рѣшить и ставить свое мнѣніе, и готовить тогда въ докладъ, гдѣ буду присутствовать, и ставить на мѣрѣ». Въ этихъ распоряженіяхъ проводится мысль о необходимости сличенія шведскихъ порядковъ съ русскими и переработки первыхъ для приспособленія ко вторымъ, при чемъ указывается и самый порядокъ переработки: участіе въ ней отдѣльныхъ коллегій, представляющихъ проекты, сената ихъ обсуждающаго и государя, утверждающаго представленія сената. Точно такая же мысль о необходимости переработки шведскихъ уставовъ, какую мы видимъ въ приведенныхъ указахъ относительно коллегій, высказывается и въ указахъ, касающихся областной реформы. Организацію шведскаго областнаго управленія царь предписываетъ «спускать съ русскими обычаи, что можетъ быть по старому и что перемѣнить». На докладѣ Фика о томъ, чтобы областную реформу проводить не сразу, а подвергнуть ее предварительному обсужденію, «дабы ничего супротивъ пользы натуры обстоятельства сей земли не учинилось», Петръ собственноручно написалъ резолюцію: «земское управленіе надлежитъ, шведское съ русскимъ сложа и на мѣрѣ свои мнѣнія поставя—изготовить въ докладъ». Наконецъ, предписывая ввести въ провинціяхъ вновь установленное управленіе, царь приказалъ дать его чинамъ «инструкціи и прочіе порядки всѣ противъ шведскаго», однако не удержался, чтобы тотчасъ же въ скобкахъ не замѣтить: «или что переправя». Такимъ образомъ ясно, что въ намѣренія реформатора вовсе не входило безусловное введеніе шведскихъ учрежденій въ ихъ полномъ составѣ. Сенату, обсуждавшему проекты реформы, предписывалось удерживать то изъ существующаго стараго русскаго, что сохранить онъ призналъ бы необходимымъ, и отсѣкать въ шведскихъ образцахъ то, что ввести оказалось бы невозможнымъ. [1])

Но могло ли время Петра справиться съ такой трудно разрѣшимой задачей, какъ приспособленіе къ русской жизни чужеземныхъ учрежденій? Присматриваясь къ осуществленію административной реформы, мы, дѣйствительно, найдемъ не мало отступленій отъ шведскихъ

[1]) П. С. З. № 3197. Дѣл. сен. кн. 42 л. 121. П. С. З. № 3208. Сб. И. О. т. XI стр. 371.

образцовъ и въ центральномъ, и въ областномъ управленіи. Нѣкоторыя шведскія учрежденія не нашли себѣ мѣста въ Россіи; съ другой стороны сохранены были нѣкоторые старые русскіе порядки; наконецъ, были введены нѣкоторые порядки, какихъ не было ни въ Швеціи, ни въ Россіи ранѣе, и происхожденія которыхъ надобно искать изъ другихъ странъ. Такъ, напр., въ Россіи была учреждена юстицъ-коллегія, которой въ Швеціи не существовало. Регламенты коллегій не во всѣхъ случаяхъ составлялись по шведскимъ образцамъ. Наиболѣе близкимъ къ шведскому оригиналу вышло новое русское финансовое управленіе, въ особенности областное. Но регламентъ камеръ-коллегіи былъ составленъ довольно самостоятельно отъ шведскихъ источниковъ; составитель инструкціи коммерцъ-коллегіи слѣдовалъ проекту другаго знаменитаго спеціалиста по государственному праву на русской службѣ—Любераса болѣе, чѣмъ шведскому регламенту той же коллегіи; при составленіи регламента адмиралтействъ-коллегіи были приняты во вниманіе не только шведскій, но также англійскій, голландскій, французскій и датскій регламенты, а между тѣмъ этотъ адмиралтейскій регламентъ долженъ былъ послужить впослѣдствіи образцомъ для всѣхъ другихъ частей управленія. [1]) Уже совер-

[1]) *Милюковъ*, Госуд. хозяйство стр. 596: «Оригиналъ для регламента камеръ-коллегіи можно предполагать въ шведскомъ Порядкѣ для камеръ-коллегіи...» Однако, «самое содержаніе русскаго регламента показываетъ», какъ говоритъ далѣе авторъ, «что въ данномъ случаѣ заимствованіе не было особенно близкимъ». Ср. стр. 605: о составленіи инструкціи коммерцъ-коллегіи. О составѣ и значеніи адмиралтейскаго регламента см. *Берендтсъ*, Нѣсколько словъ о коллегіяхъ стр. 24. П. С. З. №№ 3981. 4125. 4165. 4232. 4008: «во всѣхъ коллегіяхъ сдѣлать регламенты противъ адмиралтейской коллегіи; только, гдѣ потребно, имена перемѣнить, а анштaлтъ чтобъ былъ весьма сходенъ во всѣхъ порядкахъ». Указаніе на составленіе и переработку регламентовъ коллегій по образцу адмиралтейскаго см. у Милюкова op. cit. стр. 608. (ср. *Ардашевъ*, Регламентъ вотчинной коллегіи). Дополнимъ эти свѣдѣнія ссылкой на хранящійся въ дѣлахъ сената документъ, содержащій проектъ новой инструкціи камеръ-коллегіи, составленный на основаніи приведеннаго выше указа и представленный сенату, но не получившій почему-то утвержденія. Дѣл. сен. кн. 225 л. 34—111. Этотъ новый регламентъ камеръ-коллегіи былъ составленъ изъ слѣдующихъ элементовъ: изъ 77 его статей—18 заимствованы изъ перваго регламента камеръ-коллегіи, утвержденнаго 11 Дек. 1719 г. (П. С. З. № 3466). Это статьи: 1, 7, 16, 19, 20—22, 24—32, 76, 77 новаго регламента. Далѣе, 11 статей представляютъ «мнѣнія» камеръ-коллегіи (8—13, 15, 17—18, 23, 75 новаго регл.), въ которыхъ, очевидно, находили себѣ удовлетвореніе потребности, выясненныя практикой (напр. ст. 17 о

шенно чуждымъ духу и практикѣ шведскихъ коллегій являлся указъ 11 Декабря 1717 г. [1]), вводившій выборное начало при организаціи личнаго состава коллегій и предписывавшій совѣтниковъ и ассессоровъ «выбирать баллотиромъ» въ соединенномъ присутствіи всѣхъ коллегій. Точно такъ же при обсужденіи областной реформы была совершенно оставлена низшая шведская областная единица—приходъ, и въ русскомъ устройствѣ такой единицей оказалась шведская средняя—дистриктъ, который притомъ вышелъ совершенно инымъ по размѣрамъ, чѣмъ въ Швеціи. Наконецъ, и въ самыхъ инструкціяхъ, регулирующихъ дѣятельность чиновъ областнаго управленія и представляющихъ иногда буквально точный переводъ шведскаго текста, приходилось дѣлать измѣненія сообразно съ условіями русской жизни [2]).

Всѣ эти наблюденія должны, несомнѣнно, смягчить характеристику административной реформы послѣдняго десятилѣтія царствованія, дан-

предоставленіи коллегіи наблюденія за подушнымъ сборомъ). Къ этимъ двумъ отдѣламъ относятся статьи, опредѣляющія самое *содержаніе* дѣятельности камеръ-коллегіи. Статьи, взятыя изъ адмиралтейскаго регламента, опредѣляютъ главнымъ образомъ *форму* ея дѣятельности. Ихъ всего 46 (2—6; 33—79; 72—74). Наконецъ, но одной статьѣ взято изъ «пунктовъ ижерской канцеляріи» (14) и изъ устава морскаго (71).

[1]) П. С. З. № 3128. По генеральному регламенту (П. С. З. № 3534 гл. XI) совѣтниковъ и ассессоровъ предписано выбирать въ сенатѣ. Но по указу 12 Янв. 1722 г. (П. С. З. № 3877) президентъ юстицъ-коллегіи избирается особой избирательной коллегіей, въ которую входятъ: 1) сенатъ, 2) всѣ офицеры, 3) сто человѣкъ лучшихъ дворянъ. Коллегія производитъ выборъ изъ 9 кандидатовъ, представляемыхъ по 3 отъ каждой группы.

[2]) Анализъ этихъ инструкцій сравнительно съ ихъ шведскими оригиналами сдѣланъ проф. *Милюковымъ*: Госуд. хоз. 626—633. Если подвести итоги его наблюденіямъ, передѣлка шведскихъ инструкцій въ русскія выразится въ такомъ видѣ: въ шведской инструкціи ландсгевдингу содержится всего 52 параграфа. При составленіи русской инструкціи воеводѣ изъ нихъ: переведено буквально—2, совсѣмъ опущено 6, переведено съ сокращеніями 26, переведено съ значительными сокращеніями 8, передѣлано съ приспособленіемъ къ русскимъ порядкамъ 3, замѣнено совершенно самостоятельными параграфами—7. Точно такъ же въ инструкціи камериру изъ 22 параграфовъ соотвѣтствующей шведской переведено, притомъ съ болѣе или менѣе значительными измѣненіями—12, остальные 10 опущены, и вмѣсто нихъ вставлено самостоятельныхъ—8. Изъ статей шведской инструкціи герадсъ-фохту въ русскую инструкцію земскому комиссару заимствовано безъ измѣненій—7; опущено совершенно 6, остальныя передѣланы. Весь конецъ русской инструкціи, начиная съ статьи 20, совершенно оригинальный.

ную внимательнымъ наблюдателемъ современной ему русской жизни, извѣстнымъ секретаремъ прусскаго посольства при дворѣ Петра, Фокеродтомъ, писавшимъ притомъ 13 лѣтъ спустя послѣ смерти преобразователя, что давало ему возможность видѣть и оцѣнить ближайшіе результаты реформы. «Увидѣвъ ясно безпорядки въ управленіи и царившее всюду взяточничество, котораго далеко не чуждались его ближайшіе и наиболѣе довѣренные сотрудники», разсказываетъ Фокеродтъ, «Петръ I напалъ на мысль установить во внутреннемъ управленіи царства, подобно военному дѣлу, такой же порядокъ, какой былъ заведенъ въ другихъ европейскихъ земляхъ. Признавая шведовъ своими учителями въ военномъ дѣлѣ, онъ думалъ, что такъ же точно и ихъ учрежденія по благоустройству и государственнымъ доходамъ можно съ такимъ же хорошимъ успѣхомъ ввести въ своемъ царствѣ. И до того допустилъ онъ овладѣть собой такому предубѣжденію, что, не совѣтуясь ни съ кѣмъ, въ 1716 г. тайно послалъ одного человѣка вь Швецію, надававъ ему множество денегъ, чтобы только достать наказы и правила тамошнихъ коллегій. Они такъ понравились ему, что безъ дальнѣйшаго изслѣдованія, годятся ли еще подобныя учрежденія и насколько годятся въ Россіи, быстро рѣшился ввести ихъ у себя и для этой цѣли велѣлъ набрать себѣ на службу у нѣмцевъ порядочную толпу людей, которые должны были служить въ этихъ коллегіяхъ вице-президентами, совѣтниками и секретарями. Въ началѣ 1719 г. всѣ эти учрежденія открыты были въ Петербургѣ. Но скоро оказалось, что ими поторопились, что только больше путаницы можно ожидать отъ нихъ въ дѣлопроизводствѣ, а не порядка и точности Это заставило Петра I въ 1722 г. подвергнуть вторичному измѣненію его новыя коллегіи, распустить большую часть иностранцевъ, а самымъ коллегіямъ съ удержаніемъ ихъ нѣмецкаго названія, дать такое устройство, которое близко подходило бы къ старинному русскому». [1]). Въ этой характеристикѣ, разумѣется, сильныя преувеличенія. Преувеличена та поспѣшность, съ которою преобразователь пришелъ къ необходимости реформы административныхъ учрежденій: все дѣло представлено какимъ то внезапнымъ и случайнымъ осѣненіемъ; преувеличена и та степень подражанія шведскому оригиналу, съ которой реформа была проведена. Къ заимствованію иностранныхъ учрежденій приводилъ, какъ мы видѣли, самый ходъ обстоятельствъ, и оно началось только послѣ многихъ попытокъ самостоятельной реформы. Не

[1]) Чт. О И. Др. 1874 г. кн. 2. § 26. 27.

такъ внезапно, какъ это казалось Фокеродту, преобразователь остановился на шведскихъ учрежденіяхъ; не съ такою полнотой и безусловностью онъ ихъ намѣревался вводить и вводилъ.

И все же въ этой характеристикѣ есть большая доля правды. Несмотря на отмѣченныя отступленія, административная реформа все таки близко подходила къ шведскому устройству. Отступленія касались деталей и мелочей; но основныя начала всецѣло совпадали съ тѣми, на которыхъ была построена шведская администрація. Въ особенности это справедливо относительно областныхъ учрежденій 1719 г., структура которыхъ болѣе напоминала шведскій образецъ, чѣмъ структура центральныхъ, и которыя безъ особой натяжки можно поэтому называть шведскими. Дальнѣйшія главы этой книги покажутъ намъ, насколько правъ былъ Фокеродтъ, приписывая причину неудачи реформы несоотвѣтствію заимствуемыхъ учрежденій той средѣ, въ которой имъ предстояло дѣйствовать. Изслѣдовать сколько нибудь глубоко и детально степень пригодности новыхъ учрежденій къ средѣ не было ни умѣнія, ни средствъ. При всѣхъ благихъ намѣреніяхъ согласовать реформу съ «ситуаціей сего государства»—это оказывалось невозможнымъ, такъ какъ эта ситуація не была въ достаточной мѣрѣ извѣстна и не поддавалась выясненію. Впрочемъ, на такой недостатокъ довольно легко тогда смотрѣли. Вѣкъ раціонализма и полицейскаго государства, вѣкъ Фиковъ и Люберасовъ, бродячихъ политическихъ прожектеровъ и знатоковъ государственныхъ учрежденій, нанимавшихся въ любую страну, подобно наемнымъ полководцамъ, былъ не только полонъ самой оптимистической вѣры въ благодѣтельное дѣйствіе законовъ и учрежденій, но также и вѣры въ безусловную возможность приложить раціональные, какими и казались тогда шведскіе, или близкіе къ шведскимъ образцамъ законы и учрежденія, ко всякой средѣ, изучать которую поэтому и не считали нужнымъ. За то и среда мстила смѣлымъ реформаторамъ совершенно неожиданнымъ крушеніемъ ихъ раціоналистическихъ построеній.

IV.

Процессъ подготовки административной реформы въ его обѣихъ стадіяхъ: и въ стадіи переработки иностранныхъ оригиналовъ въ первоначальныхъ проектахъ, и въ стадіи обсужденія этихъ проектовъ, былъ такъ обстоятельно изложенъ почтеннымъ авторомъ «Государственнаго хозяйства Россіи въ первой четверти XVIII в.», что это избавляетъ

насъ отъ обязанности разсказывать его еще разъ. Административная реформа проходила такъ же безсистемно, какъ и всѣ вообще петровскія реформы, и жестоко ошибся бы тотъ, кто представлялъ бы себѣ въ ней какую-либо планомѣрность, кто ждалъ бы видѣть въ ея основѣ какой либо предварительный планъ, хотя бы отдаленно похожій на извѣстный планъ преобразованія, составленный столѣтіемъ позже Сперанскимъ. Въ самомъ дѣлѣ, приступая къ реформѣ, не опредѣляли заранѣе ея границъ, и только уже сама практическая необходимость наталкивала въ дальнѣйшемъ на такія опредѣленія. Заимствуя коллегіи, не знали, что придется перестраивать сенатъ; до представленія Фика отъ 9 мая 1718 г. о томъ, что «всѣ коллегіи касаются до губерній, и того ради потребно, чтобъ правительство губернское на извѣстной мѣрѣ поставить» — не думали, что преобразованіе надо будетъ распространить и на областныя учрежденія. Точно такъ же административную реформу въ эпоху ея подготовки не считалось нужнымъ согласовать съ другими параллельно предпринятыми реформами, напр., военной, и отсюда институты одной оказывались въ противорѣчіи съ институтами другой. Благодаря такому отсутствію заранѣе достаточно разработаннаго и согласованнаго съ другими реформами общаго плана, неизбѣжны были недосмотры, пробѣлы, противорѣчія и ошибки, которые отклоняли реформу отъ первоначальныхъ намѣреній реформатора, которые потомъ приходилось исправлять съ откровенными признаніями, что «неразсмотря тогда учинено было». И однако, несмотря на весь этотъ хаосъ, среди котораго вырабатывались новыя государственныя учрежденія, въ нихъ, какъ въ ихъ внѣшнемъ устройствѣ, такъ и въ тѣхъ цѣляхъ, которыхъ достигать должна была ихъ дѣятельность, нельзя не замѣтить присутствія нѣкоторыхъ общихъ основныхъ началъ. Этими началами проникнуты проекты новыхъ учрежденій въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ проекты должны были переходить въ дѣйствительность. Правда, отсутствіе общаго плана реформы отнимаетъ у насъ иногда возможность съ полной отчетливостью судить о намѣреніяхъ реформатора; но этотъ недостатокъ до нѣкоторой степени восполняется тѣми нормами, по которымъ должны были устраиваться и дѣйствовать учрежденія, и которыя заключаются въ регламентахъ и инстукціяхъ, регулирующихъ ихъ устройство и дѣйствіе. Эти документы драгоцѣнны для насъ тѣмъ, что открываютъ намъ идеалы реформатора и показываютъ, чѣмъ *должна была быть* реформа по его мысли. Жизнь, разумѣется, не осуществитъ во многомъ этихъ идеаловъ; это не трудно предвидѣть заранѣе. Въ самомъ дѣлѣ, учрежденіямъ только что созданнымъ, пришлось тотчасъ же стол-

кнуться съ дѣйствительностью, и это столкновеніе нерѣдко извращало и затемняло основныя начала, на которыхъ учрежденія строились. Но въ намѣреніяхъ преобразователя, по скольку эти намѣренія сказались въ изданныхъ имъ инструкціяхъ и регламентахъ, ихъ можно прослѣдить вполнѣ ясно. Какъ и слѣдовало ожидать, эти начала, естественные продукты своего времени, назойливо проникали въ міровоззрѣніе реформатора, овладѣвали его мыслью, подчиняли ее себѣ и затѣмъ неизбѣжно отражались въ созданіяхъ этой мысли, даже помимо его воли.

Итакъ, въ чемъ же можно видѣть эти новые принципы? Выше мы замѣтили ихъ присутствіе и во внѣшнемъ устройствѣ, которое должны были получить новыя учрежденія, и въ цѣляхъ, которыя этимъ учрежденіямъ были поставлены. Мы и разсмотримъ ихъ въ такой послѣдовательности.

Двѣ основныя черты отличаютъ собою устройство новыхъ учрежденій. Это были: во-первыхъ, логически правильное разчлененіе частей управленія и, во-вторыхъ, единство всей его системы. Правильное разчлененіе и стройный синтезъ были, конечно, требованіями разума, вносящаго ихъ всюду, гдѣ только онъ дѣйствуетъ, потому что они являются непремѣнными условіями его работы. Въ этихъ чертахъ учрежденій и отразилась печать той раціоналистической эпохи просвѣщеннаго абсолютизма, въ которую осуществлялась реформа.

Логически правильное разчлененіе органовъ управленія было крупнымъ вкладомъ, внесеннымъ реформою Петра въ устройство русскаго государственнаго механизма. Значеніе этого вклада станетъ ясно, если припомнить въ общихъ чертахъ устройство правительственной системы XVII вѣка. Хорошо извѣстно, какую неудачу терпятъ всѣ попытки классифицировать старинные московскіе приказы благодаря полному исторически образовавшемуся безпорядку въ распредѣленіи дѣлъ между ними, и эта задача, вѣроятно, навсегда останется своего рода квадратурой круга въ исторіи русскаго государственнаго права. «При отсутствіи общихъ началъ управленія и разнообразіи возникавшихъ потребностей», говоритъ проф. Градовскій, «число приказовъ было крайне неопредѣленно; приказовъ могло быть столько, сколько было потребностей у государства, и каждая потребность, каково бы ни было ея относительное значеніе, могла дать существованіе самостоятельному приказу. Никакой іерархіи между отраслями управленія, а слѣдовательно, и возможности расположить разныя вѣдомства по отдѣльнымъ группамъ не было. Приказы, создаваемые по мѣрѣ потребностей, размножаются безконечно». Притомъ въ одномъ и томъ же приказѣ вѣ-

дались нерѣдко дѣла самыхъ различныхъ категорій. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, распредѣлить приказы по роду дѣлъ, когда, напр., посольскій приказъ, ведя дипломатическія сношенія и разрѣшая сложные международные вопросы, завѣдывалъ въ то же время отдачей на откупъ кружечныхъ дворовъ въ смоленскомъ уѣздѣ, а приказъ тайныхъ дѣлъ, родъ собственной его величества канцеляріи, параллельно съ негласнымъ контролемъ надъ всей государственной администраціей управлялъ также придворной охотой? На мѣсто приказовъ учреждались коллегіи, которыя считались тогда необходимою принадлежностью хорошо устроеннаго государства, и безъ которыхъ невозможны были его процвѣтаніе и успѣхи. «Искусство до сего времени довольно доказало», говорилось въ одномъ проектѣ учрежденія коллегій, поданномъ Петру, «что государства и земли въ лучшее состояніе приведены быть не могутъ иначе, какъ учрежденіемъ добрыхъ коллегій». Проводникъ и сторонникъ западно-европейскаго государственнаго устройства, Петръ былъ горячимъ приверженцемъ коллегіальной формы управленія, на которую возлагалъ самыя розовыя надежды. Выразителемъ его взглядовъ на преимущества этого управленія можно считать Ѳеофана Прокоповича, который въ Духовномъ Регламентѣ, составлявшемся какъ разъ въ то время, когда вводились коллегіи, доказывая удобство коллегіальнаго порядка для церковнаго управленія, выясняетъ его достоинство вообще. Коллегія, по его мнѣнію, можетъ скорѣе и легче постигнуть истину, такъ какъ вообще «извѣстнѣе взыскуется истина соборнымъ сословіемъ, нежели единымъ лицомъ», а въ коллегіи именно «предложенную нужду разбираютъ умы многіе, и что единъ не постигнетъ, то постигнетъ другій, а чего не увидитъ сей, то онъ увидитъ»; далѣе, коллегія внушаетъ гораздо большую охоту повиноваться своимъ опредѣленіямъ сравнительно съ единоличными указами, благодаря авторитету этихъ опредѣленій; теченіе дѣлъ въ коллегіи равномѣрнѣе, такъ какъ не прерывается съ перемѣной лицъ, какъ это бываетъ въ случаѣ болѣзни или смерти единоличнаго правителя; въ коллегіи нѣтъ мѣста тѣмъ порокамъ, которыми страдала тогда единоличная администрація: въ ней не можетъ быть пристрастія и лихоимства, потому что члены ея взаимно контролируютъ другъ друга; съ другой стороны, она можетъ дѣйствовать болѣе свободно, потому что всей совокупности ея состава не придется испытывать страхъ отъ «гнѣва сильныхъ» и поддаваться ихъ вліянію. Наконецъ, цѣнное свойство коллегіальной формы еще и то, что коллегія—хорошая правительственная школа для еще неопытныхъ членовъ. Такова вкратцѣ аргументація Духовнаго Регламента. Пропитанный этими взглядами Петръ считалъ коллегіальную форму

обязательной даже въ военномъ дѣлѣ. «Понеже все лучшее устроеніе черезъ совѣты бываетъ», гласитъ одна изъ статей воинскаго устава, «того ради повелѣваемъ, дабы, какъ въ генералитетѣ, такъ и въ полкахъ совѣты о всякихъ дѣлахъ заранѣе имѣли». Главнокомандующему арміей, который, по выраженію устава, по отношенію къ арміи «душѣ человѣческой въ тѣлѣ уподобляется», строго запрещено подъ страхомъ штрафа «чинить главныя и великія дѣла и всякія начинанія безъ консиліи генераловъ собственнымъ своимъ изволеніемъ». Мнѣнія на этихъ военныхъ совѣтахъ должны подаваться письменно за подписями ихъ авторовъ, и только въ случаѣ внезапнаго нападенія непріятеля разрѣшается отправлять «словесный консиліумъ, хотя и на лошадяхъ сидящимъ». Тѣ же предписанія содержитъ и морской уставъ относительно генералъ-адмирала. Въ извѣстномъ указѣ 22 дек. 1718 г. о запрещеніи обращаться съ челобитными непосредственно къ государю, не пройдя предварительно всѣхъ инстанцій, написанномъ или продиктованномъ самимъ Петромъ, слишкомъ ясно, во всякомъ случаѣ, носящемъ на себѣ всѣ особенности его слога, преобразователь, ставя себѣ въ заслугу учрежденіе коллегій, указалъ главное преимущество ихъ сравнительно съ прежними учрежденіями: въ нихъ больше мѣста законности и стѣсняется прежній произволъ. «Нынѣ, управя войско», говорится въ этомъ указѣ, «милосердуя его величество о народѣ, и о земскомъ справедливомъ правленіи не изволилъ пренебречь, но трудится и сіе въ такой же добрый порядокъ привесть, какъ и воинское дѣло, чего ради учинены коллегіи, т. е. собраніе многихъ персонъ, вмѣсто приказовъ, въ которыхъ президенты, или предсѣдатели, не такую мочь имѣютъ, какъ старые судьи дѣлали, что хотѣли. Въ коллегіяхъ же президентъ не можетъ безъ соизволенія товарищей своихъ ничего учинить. Также и прочія обязательства великія суть, что отымаютъ старыя поползновенія дѣлать». Еще ранѣе общаго преобразованія администраціи Петръ пытался примѣнить коллегіальную форму и въ городскомъ управленіи въ видѣ бурмистерской палаты, и въ губернскомъ въ видѣ ландратскихъ коллегій подъ предсѣдательствомъ губернатора. Ихъ неудача не останавливала его, и теперь та же форма была примѣнена ко всѣмъ центральнымъ органамъ управленія и къ нѣкоторымъ мѣстнымъ [1]).

Но, помимо большаго совершенства въ формѣ рѣшенія дѣлъ сравнительно съ прежнимъ порядкомъ, введеніе коллегій вносило еще

[1]) Государств. архивъ, кабин. дѣл. II, 38, л. 182; П. С. З. № 3718; уставъ воинскій I, § 5; ibid. гл. X; уставъ морской, кн. I, гл. I, 3; П. С. З., № 3261.

другую и, можетъ быть, гораздо болѣе важную черту въ устройство управленія. Система коллегій отличалась правильностью разчлененія центральныхъ органовъ и правильностью распредѣленія дѣлъ между ними. Реестръ коллегій, приложенный къ указу 12 дек. 1718 г. объ ихъ учрежденіи, опредѣляетъ родъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію каждой, и насчитываетъ ихъ девять. Три изъ нихъ вѣдаютъ внѣшнія сношенія и національную оборону на сушѣ и на морѣ, это—коллегіи: иностранныхъ дѣлъ, воинская и адмиралтейская; три другія распредѣляютъ между собою государственное хозяйство: камеръ-коллегія, которая должна была вѣдать «всякое расположеніе и вѣдѣніе доходовъ денежныхъ всего государства»; штатсъ-конторъ-коллегія, которой принадлежало «вѣдѣніе всѣхъ государственныхъ расходовъ», и ревизіонъ-коллегія, сосредоточивавшая въ своихъ рукахъ контроль государственныхъ приходовъ и расходовъ. Двѣ коллегіи несутъ заботы о торговлѣ и промышленности: коммерцъ-коллегія, обязанность которой—«смотрѣть надъ всѣми торгами и торговыми дѣйствіи»; далѣе, мануфактуръ-и-бергъ-коллегія (впослѣдствіи распавшаяся на двѣ), къ вѣдомству которой относилось горное дѣло, заводы и фабрики. Наконецъ, послѣдняя, девятая—юстицъ-коллегія стала во главѣ судебныхъ учрежденій государства; къ ея же вѣдомству были отнесены и поземельныя дѣла, и помѣстный приказъ сдѣлался подчиненнымъ ей учрежденіемъ, какъ бы ея департаментомъ. Впослѣдствіи эта система коллегій терпѣла измѣненія, однѣ коллегіи закрывались, другія теряли самостоятельность, третьи открывались вновь, но основная черта системы—правильность въ распредѣленіи дѣлъ между ними, если и страдала, то все же не настолько, чтобы сдѣлать систему коллегій похожей на прежнюю систему приказовъ [1]).

Та же стройность была придана и мѣстному управленію. Въ систему мѣстной администраціи реформа вносила дифференціацію органовъ и правильность въ распредѣленіи дѣлъ между ними. Прежде всего она разчленяла областное управленіе по инстанціямъ, устанавливая ихъ двѣ: провинцію и дистриктъ. Затѣмъ, подобно тому, какъ и въ центрѣ, она создавала для каждой отрасли дѣлъ спеціальные органы. Уже областное управленіе XVII в. было до нѣкоторой степени дифференцировано: та или другая категорія дѣлъ поручалась отдѣльнымъ лицамъ; но разчлененіе обязанностей между различными органами областнаго управленія XVII в. было довольно случайнымъ. Теперь реформа стремилась регулировать его общими и постоянными нор-

[1]) *Градовскій*, Соч. II, 351. П. С. З. № 3255.

мами. Здѣсь, во-первыхъ, слѣдуетъ отмѣтить выдѣленіе судебныхъ функцій изъ сферы администраціи въ особое вѣдомство. Мысль объ отдѣленіи суда отъ администраціи, которую проводила Екатерина II и осуществить которую вполнѣ, хотя и не на долго, удалось только времени Александра II, впервые блеснула въ эпоху Петра Великаго; она очень ясно была выражена въ новой системѣ областнаго управленія, при чемъ, вводя это заимствованное изъ чужихъ источниковъ начало, реформа шла совершенно наперекоръ духу старинной русской администраціи. Насколько судебная власть считалась существенной принадлежностью древне-русскаго администратора, видно хотя бы изъ того, что начальники приказовъ, даже не имѣвшихъ спеціально судебнаго характера, назывались *судьями*, такъ какъ нѣкоторая доля судебной власти была у каждаго приказа. Теперь административнымъ чинамъ предписано было «до юстиціи не касаться»; учреждены были особые судебные органы въ областяхъ, объединенные въ вѣдомствѣ юстицъ—коллегіи.

Далѣе, сама общая администрація развѣтвлялась. Во главѣ провинціи поставленъ былъ воевода, подчиненный коллегіямъ и сенату. Въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ главными городами были прежніе губернскіе центры, воеводы сохранили титулы губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ, напр., Меньшиковъ въ петербургской, Апраксинъ въ ревельской. По инструкціямъ 1719 г. на обязанности воеводы лежали общій надзоръ за ходомъ провинціальнаго управленія и попеченіе о безопасности и благосостояніи края. Онъ долженъ былъ охранять въ мѣстности прерогативы верховной власти, заботясь, «чтобъ царскаго величества высокость ни въ чемъ отъ подданныхъ, ниже отъ постороннихъ не была нарушена». Онъ долженъ былъ также наблюдать за исполненіемъ въ провинціи закона, и въ этомъ отношеніи воеводскому надзору подлежали всѣ органы провинціальнаго управленія, какъ подчиненные ему непосредственно, такъ и тѣ, которые были изъяты изъ этого подчиненія. Провинціальный воевода засѣдалъ въ особомъ присутственномъ мѣстѣ, которое носило названіе «провинціальной канцеляріи». Въ значительныхъ центрахъ командованіе гарнизономъ возлагалось на особую должность оберъ-коменданта или коменданта, подчиненнаго губернатору. Для финансоваго управленія создавались реформой 1719 г. въ провинціи особые органы: камерирь, рентмейстеръ, провіантмейстеръ. Камерирь, или надзиратель сборовъ, завѣдуетъ казенными сборами, прямыми и косвенными, ведетъ имъ отчетность и наблюдаетъ за казенными имуществами. Онъ отправляетъ свою дѣятельность также въ особомъ присутственномъ мѣстѣ — земской конторѣ. Рентмейстеръ управляетъ провинціальнымъ казначействомъ, выдѣлен-

нымъ теперь въ особое учрежденіе; провіантмейстеръ—хлѣбными магазинами, также своего рода казначействомъ, такъ какъ значительная часть сборовъ поступала тогда натурою. Въ спискѣ провинціальныхъ должностей, приложенномъ къ указу о введеніи ихъ 26 ноября 1718 г., упоминается еще «ландмессеръ», земскій межевщикъ, что указываетъ на предполагавшееся выдѣленіе въ особую часть межеваго управленія. Сѣть общей областной администраціи послѣ того, какъ пришлось отказаться отъ мысли о приходѣ, какъ низшей инстанціи, замкнулась земскими коммиссарами, ближайшимъ образомъ подчиненными камериру — представителями администраціи въ дистриктахъ, на которые раздѣлилась провинція, съ финансовыми и полицейскими функціями.

Наконецъ, мѣстное управленіе дифференцировалось еще и тѣмъ, что въ немъ отъ органовъ общей администраціи отдѣлялись органы спеціальныхъ вѣдомствъ. Эти вѣдомства имѣли особыя учрежденія въ центрѣ и своихъ особыхъ агентовъ въ области. Таковы были: городское, съ главнымъ магистратомъ въ центрѣ и съ подчиненными ему магистратами въ городахъ; церковное (собственно управленіе церковными землями), съ монастырскимъ приказомъ въ центрѣ и съ уполномоченными отъ него «комиссарами синодальной команды» въ провинціяхъ; дворцовое, управляемое дворцовымъ приказомъ, которому подчинены были прикащики дворцовыхъ вотчинъ. Предполагалось также завести особое горное управленіе. По крайней мѣрѣ, въ указѣ объ учрежденіи бергъ-коллегіи, которая должна была взять на себя завѣдываніе горнымъ дѣломъ, предписывалось, чтобы представители общей администраціи: губернаторы и воеводы «въ рудокопныя дѣла не вступали и не мѣшались, кромѣ того случая, когда оной бергъ-коллегіумъ или отъ онаго опредѣленные къ тому служители» обратятся къ нимъ за содѣйствіемъ—слова, изъ которыхъ можно заключать, что эта коллегія предполагала завести свои спеціальные органы по областямъ. Далѣе, для охраны «заповѣдныхъ» лѣсовъ, пригодныхъ для кораблестроенія, было учреждено особое лѣсное вѣдомство, которое составило департаментъ тогдашняго морскаго министерства — адмиралтействъ коллегіи. Во главѣ его стоялъ вальдмейстеръ, которому въ провинціяхъ, изобиловавшихъ лѣсомъ и расположенныхъ по удобнымъ для сплава рѣкамъ, были подчинены унтеръ-вальдмейстеры, начальствовавшіе въ свою очередь надъ штатомъ «лѣсныхъ надзирателей». Наконецъ, отдѣльное вѣдомство составляли органы надзора—фискалы по городамъ, подчиненные провинціалъ-фискаламъ, находившимся въ губернскихъ центрахъ и имѣвшимъ во главѣ оберъ, а потомъ генералъ-фискала. Вѣдомство это находилось сначала непо-

средственно въ подчиненіи сенату, потомъ юстицъ-коллегіи и затѣмъ опять сенату. Всѣ эти обстоятельства: отдѣленіе суда отъ администраціи, развѣтвленіе самихъ административныхъ органовъ, наконецъ, выдѣленіе мѣстныхъ органовъ особыхъ вѣдомствъ дѣлали мѣстное управленіе, введенное съ 1719 г., очень разчлененнымъ, дифференцированнымъ и создавали въ провинціи тотъ правительственный порядокъ, который стали впослѣдствіи характерно называть «разнымъ установленіемъ».

V.

Новыя учрежденія: центральныя и областныя отличались отъ прежнихъ, на смѣну которыхъ они явились, также и тѣмъ регуляторомъ, который руководилъ дѣятельностью тѣхъ и другихъ. Московскія учрежденія складывались исторически; ихъ начало относится къ тѣмъ временамъ, когда московское государство еще только зарождалось въ видѣ микроскопической вотчины, затерянной гдѣ-то на берегахъ Москвы рѣки, и до послѣднихъ дней своего существованія они сохраняли въ значительной мѣрѣ слѣды своего вотчиннаго происхожденія. Весь этотъ неуклюжій, примитивный строй московской администраціи росъ и осложнялся органическими наслоеніями, и всѣ отношенія въ немъ, какъ правительства къ населенію, такъ и различныхъ правительственныхъ органовъ между собою опредѣлялись или создаваемымъ долговременной практикой вѣковымъ обычаемъ, или же отдѣльными распоряженіями, наказами, которыми въ тотъ или другой моментъ хозяинъ—вотчинникъ находилъ нужнымъ снабдить лицо, принимавшее на себя то или другое порученіе по управленію вѣдомствами или частями вотчины. Такимъ образомъ, регуляторами всей русской административной машины были: или правительственный навыкъ, или отдѣльное, единичное распоряженіе, по большой части продиктованное тѣмъ же навыкомъ. Реформа Петра и стремилась замѣнить эти устарѣлые регуляторы новымъ, какимъ являлся раціонально выработанный общій и постоянный законъ, выражавшійся въ постоянномъ регламентѣ учрежденія, которымъ опредѣлялись составъ послѣдняго, кругъ вѣдомства, порядокъ дѣйствій, отношеніе къ управляемому населенію и къ другимъ правительственнымъ учрежденіямъ. Въ стремленіи замѣнить слѣпой обычай и невѣжественный произволъ раціональнымъ и обязательнымъ закономъ можно видѣть вообще одну изъ главныхъ чертъ административной реформы Петра. Старыя учрежденія XVII в. не имѣли никакихъ писанныхъ уставовъ и регламентовъ; ихъ, строго говоря, нельзя

даже и называть учрежденіями. То были скорѣе отдѣльныя лица или совокупности лицъ, исполнявшія отдѣльныя порученія, возложенныя на нихъ довѣріемъ государя. Изъ новыхъ, созданныхъ реформой учрежденій каждое получило или, по крайней мѣрѣ, должно было получить свой регламентъ, и отсюда такая масса этихъ регламентовъ и инструкцій среди законодательныхъ памятниковъ царствованія Петра. Военный и морской уставы должны были регулировать военное и морское управленіе; центральные органы получили: во-первыхъ, общій для всѣхъ генеральный регламентъ, а затѣмъ, для каждаго вырабатывался спеціальный, каковы были регламенты: штатсъ-конторъ коллегіи, камеръ-коллегіи, мануфактуръ и коммерцъ-коллегій, главнаго магистрата, духовной коллегіи, регламентъ объ управленіи адмиралтейства и верфи, уставъ о должности сената, инструкціи генералъ-прокурору, рекетмейстеру, вальдмейстеру и т. п. Дѣятельность каждаго изъ областныхъ органовъ также опредѣлялась постоянной инструкціей; таковы были инструкціи: воеводѣ, камериру, рентмейстеру, земскому секретарю, земскому комиссару, фискалу. Въ этой подробной регламентаціи, въ этомъ стремленіи закона стать въ администраціи на мѣсто обычая и сказался съ особенною яркостью переходъ отъ вотчинной, средневѣковой формы государства къ новой, европейской.

Понятно, что раціонально составленный законъ, который легъ въ основу вновь создаваемыхъ учрежденій и долженъ былъ сдѣлаться ихъ душою, обезпечивалъ *однообразіе* устройства и дѣйствія всѣхъ этихъ крупныхъ и мелкихъ колесъ государственной машины, непохожее на ту пестроту, съ которою прежде въ разныхъ вѣдомствахъ и разныхъ областяхъ дѣйствовалъ обычай. Такой общій статутъ, какъ генеральный регламентъ, регулировалъ дѣятельность коллегій въ центрѣ. Въ области однообразіе вводилось, какъ въ областномъ раздѣленіи, такъ и въ устройствѣ мѣстнаго управленія, руководимаго общими для всѣхъ областей нормами инструкцій. Эту новую черту областнаго раздѣленія и управленія мы и разсмотримъ нѣсколько подробнѣе. Поступить такъ слѣдуетъ, между прочимъ, и потому, что, тогда какъ для центра она явилась довольно внезапно, для области эта черта была въ значительной мѣрѣ подготовлена ходомъ предыдущей исторіи, который вкратцѣ мы и должны припомнить.

Процессъ выработки административнаго раздѣленія Россіи шелъ постепенно, параллельно образованію и развитію самаго государства. Извѣстно, какъ Москва смыкала государственную территорію въ цѣлое, не создавая обширныхъ областныхъ дѣленій съ сильною властью на мѣстѣ, а привязывая старинныя мелкія областныя единицы непосред-

ственно къ центру и сосредоточивая управленіе ими не на мѣстѣ, а въ центральномъ приказѣ. Такимъ образомъ, присоединяемая область, теряя свое, объединявшее ее, мѣстное управленіе и представляя изъ себя только нѣкоторое количество отдѣльныхъ, очень мелкихъ административныхъ единицъ, руководимыхъ московскимъ приказомъ, теряла единство и переставала глядѣть на себя, какъ на единое цѣлое. Введеніе земскаго самоуправленія въ половинѣ XVI вѣка лишь усилило дальнѣйшій процессъ дробленія и безъ того мелкихъ областныхъ единицъ. Въ качествѣ самоуправляющихся цѣлыхъ, прямо и непосредственно сносившихся съ московскимъ приказомъ, теперь появляются дѣленія болѣе мелкія, чѣмъ старинные округа намѣстниковъ и волостелей. Отдѣльныя промышленныя слободы въ городахъ составляли отдѣльные самоуправляющіеся міры, независимые отъ мѣстной администраціи и связанные сношеніями непосредственно съ центромъ.

XVII-й вѣкъ, собирая разоренное государство для тяжелой борьбы съ сосѣдями и ставя его на военную ногу, создаетъ новую административную единицу—уѣздъ, имѣвшую до того времени, главнымъ образомъ, лишь экономическое значеніе. Уѣздъ, это—округъ, тянувшій къ городу, издавна связанный съ нимъ экономическими нитями. Эта исконная, органически и естественно сложившаяся, областная единица дѣлается теперь административной, получая особаго управителя въ лицѣ воеводы. Въ сравненіи съ прежними она уже гораздо болѣе крупная. Тѣмъ не менѣе, какъ всякое территоріальное дѣленіе, возникавшее и развивавшееся естественно, эти единицы были крайне неравномѣрны, иногда очень крупны, иногда очень мелки. Вслѣдствіе этой неравномѣрности число такихъ областныхъ дѣленій при значительно меньшей территоріи государства, сравнительно съ нынѣшней, было громадно; оно значительно превосходило число теперешнихъ губерній. Еще въ 1625 году насчитывалось 146 городовъ съ уѣздами [1]), въ которые посылались воеводы, непосредственно сносившіеся съ Москвой. Это значительное число областей и непосредственность ихъ сношеній съ центромъ должны были затруднять работу административной машины, дѣлая ее неуклюжей въ структурѣ и неповоротливой въ дѣйствіи. Нестройность и пестрота этого областнаго раздѣленія XVII вѣка увеличивалась еще встрѣчавшимися остатками прежнихъ административныхъ единицъ, и среди уѣздовъ кое-гдѣ, въ особенности въ дворцовыхъ земляхъ, сохраняли самостоятельное административное значеніе старинныя волости.

[1]) *Градовскій*, Сочин. II, 359.

Съ расширеніемъ государственной территоріи и съ развитіемъ государственныхъ понятій все болѣе давали себя чувствовать потребности въ децентрализаціи управленія и въ большей правильности административнаго устройства, которыми и вызывается образованіе болѣе крупныхъ, чѣмъ прежде, областныхъ единицъ. Такія единицы, дѣйствительно, формируются во второй половины XVII вѣка путемъ сочетанія уѣздовъ въ іерархическія системы. Воеводы мелкихъ городовъ теряютъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ самостоятельность, подчиняясь воеводѣ крупнаго города. Это былъ пріемъ, аналогичный съ тѣмъ, которымъ правительство пыталось ввести нѣкоторую іерархію въ систему приказовъ, подчиняя по нѣскольку мелкихъ приказовъ одному крупному. Особенно широкое развитіе получаютъ такія іерархическія системы областей на окраинахъ государства, гдѣ потребность децентрализаціи управленія ощущалась сильнѣе подъ вліяніемъ опасности отъ сосѣдей. Такъ сложились здѣсь извѣстные военно-финансовые округа, подготовившіе собою петровскія губерніи. Къ концу XVII вѣка относится и извѣстный общій планъ раздѣленія Россіи на восемь обширныхъ военныхъ округовъ, осуществленіе котораго нельзя не видѣть въ губерніяхъ 1708 г. Но учрежденіе губерній само по себѣ не рѣшало еще вопроса о приведеніи областнаго управленія въ болѣе правильный и стройный видъ. Губернская реформа 1708 года состояла въ учрежденіи восьми мѣстныхъ центровъ, между которыми были распредѣлены прежніе историческіе неравномѣрные воеводскіе уѣзды, тянувшіе ранѣе къ одному московскому центру. Однако, процессъ усовершенствованія областной единицы далеко этимъ не заканчивался. Въ границахъ этихъ громадныхъ пространствъ, которыя охватывались губерніями, идетъ дальнѣйшая систематизація, складываются крупныя дѣленія, занявшія среднее положеніе между уѣздомъ и губерніей. За весь періодъ, когда функціонировала губернія, т. е. съ 1710 г. до 1719 г., смѣняются два рода такихъ занимавшихъ среднее положеніе областныхъ единицъ, стоявшихъ между уѣздами и губернскимъ центромъ. Съ 1710 г. до 1715 г. такое значеніе имѣла оберъ-комендантская провинція. Какъ извѣстно, около 1710 г. прежніе уѣздные воеводы переименовываются въ комендантовъ, причемъ эта новость не была простой перемѣной именъ. Между воеводскимъ и комендантскимъ управленіями можно отмѣтить значительную разницу въ томъ, что въ послѣднемъ іерархическія отношенія получили гораздо большее развитіе. Выработанный XVII вѣкомъ принципъ приписки второстепенныхъ городовъ къ главному и подчиненія воеводъ этихъ второстепенныхъ воеводѣ главнаго и легъ въ основу оберъ-комендантской провинціи. Къ городу, въ которомъ правитъ оберъ-комендантъ, приписываются

нѣсколько городовъ близъ лежащихъ, которыми правятъ коменданты, подчиненные первому. Именно такая іерархически связанная система городовъ съ уѣздами и называлась въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в. «провинціей». Но не слѣдуетъ думать, чтобы оберъ-комендантская провинція была явленіемъ повсемѣстнымъ. Общаго указа о введеніи такого областнаго дѣленія издано не было, и было бы невѣрнымъ предположеніе, что на такія провинціи были правильно раздѣлены восемь петровскихъ губерній. Въ провинціи по большей части складывались города, удаленные отъ губернскаго центра. Такъ, въ петербургской губерніи группа верхневолжскихъ городовъ съ Ярославлемъ во главѣ составила ярославскую провинцію, округъ, настолько выдѣляющійся изъ губерніи, что при перечисленіи губерній онъ иногда упоминается на ряду съ послѣдними въ видѣ особой областной единицы. Это и была единственная провинція въ петербургской губерніи, такъ какъ другая группа городовъ, объединенная припиской къ олонецкой корабельной верфи, такого названія не носила. Въ архангелогородской губерніи организовались двѣ провинціи изъ городовъ, наиболѣе удаленныхъ отъ ея двухъ губернскихъ центровъ, находившихся въ Архангельскѣ и Вологдѣ. Это были провинціи: галицкая и устюжская. Наибольшее развитіе провинціальное дѣленіе получило въ московской губерніи: здѣсь образовалось цѣлыхъ восемь провинцій. Въ азовской губерніи провинціальными центрами были города Тамбовъ и Воронежъ. Въ казанской обозначились двѣ группы городовъ на сѣверной и южной окраинахъ съ центрами въ Нижнемъ и Астрахани, которыя потомъ составили отдѣльныя губерніи: нижегородскую и астраханскую. Смоленская губернія подраздѣлилась на двѣ провинціи съ центрами въ Смоленскѣ и въ Ригѣ, также потомъ превратившіяся въ отдѣльныя губерніи. Въ кіевской провинціальнаго дѣленія въ 1710—15 гг. не находимъ, вѣроятно, потому, что здѣсь сохранялось старинное дѣленіе на полки. Итакъ, группы городовъ съ уѣздами, смыкавшіяся въ провинціи подъ управленіемъ оберъ-комендантовъ, возникали довольно случайно подъ вліяніемъ удаленности отъ губернскаго центра.

Съ 1715 г. было введено иное дѣленіе губерній, гораздо болѣе совершенное. Областными единицами, на которыя были онѣ подраздѣлены, сдѣлались ландратскія доли. По указу 28 января 1715 г. долею становилась территорія, охватывавшая собою опредѣленное число тяглыхъ дворовъ—приблизительно 5536, причемъ практика отступала отъ этой цыфры въ ту и въ другую сторону. Во главѣ доли стоялъ ландратъ, по закону подчиненный губернскому ландратскому совѣту подъ предсѣдательствомъ губернатора, на дѣлѣ же оказавшійся подчиненнымъ губернатору. Это областное раздѣленіе значительно отличалось отъ

предыдущаго тѣмъ, что было искусственнымъ. Благодаря этой искусственности оно, во-первыхъ, стало общимъ и повсемѣстнымъ для всей территоріи Россіи; во-вторыхъ, оно было гораздо болѣе правильнымъ. Это была первая попытка раціональнаго искусственнаго областнаго раздѣленія, въ основу котораго былъ положенъ статистическій принципъ — опредѣленное количество тяглаго населенія. Это раздѣленіе близко уже подходило къ провинціальному раздѣленію 1719 г.

Еще весной 1718 г. одобривъ вполнѣ представленія Фика о необходимости измѣненій въ областномъ устройствѣ съ цѣлью согласовать его съ новой организаціей центральныхъ учрежденій, Петръ поручилъ ему представить проектъ такой реформы. Къ осени того же года Фикъ подалъ сенату описаніе шведскаго областнаго устройства сравнительно съ существующимъ русскимъ и затѣмъ продолжалъ представлять свои соображенія, которыя и послужили матеріаломъ для сужденій объ областной реформѣ въ сенатѣ. Какъ уже говорилось выше, сенатъ отступилъ отъ шведскаго образца въ заимствованіи мѣстныхъ учрежденій. Въ Швеціи областное раздѣленіе имѣло три іерархическія ступени, изъ которыхъ низшею былъ «приходъ», кирхшпиль, среднею—герадъ, округъ, обнимавшій собою 800—1000 дворовъ сельскаго населенія, и высшею—губернія, или ландсгевдингство. По этимъ этажамъ располагались инстанціи административной и судебной власти. Кирхшпиль-фохтъ, герадсъ-фохтъ и ландсгевдингъ были представителями первой; герадсъ-гевдингъ (въ остейскихъ провинціяхъ—ландрихтеръ) и лагманъ (= оберъ-ландрихтеръ) — представителями второй; послѣдніе въ двухъ высшихъ областныхъ подраздѣленіяхъ. При выработкѣ русскаго проекта низшая шведская областная единица была совсѣмъ оставлена. Мотивируя свой отказъ ввести ее въ Россіи, сенатъ, во-первыхъ, указывалъ, что она слишкомъ уже чужда существовавшему до тѣхъ поръ порядку, что приходъ былъ бы слишкомъ непривычнымъ административнымъ центромъ и не могъ бы замѣнить слишкомъ привычнаго—города; какъ на другую причину невозможности ввести эту новую областную единицу, сенатъ указывалъ на слишкомъ низкій уровень развитія крестьянства, на то, что «въ уѣздѣхъ изъ крестьянства умныхъ людей нѣтъ», которымъ можно было бы вручать низшія должности по областному управленію и изъ которыхъ можно бы было выбирать засѣдателей въ судебное присутствіе прихода, какъ въ Швеціи, гдѣ среди крестьянства была распространена грамотность, и гдѣ оно, по свидѣтельству доклада Фика, было «въ такое приведено состояніе, что едва во всемъ христіанствѣ честнѣе, вѣрнѣе, угоднѣе, набожнѣе и храбрственнѣе крестьянства найти можно». Двѣ остальныя шведскія адми-

нистративныя единицы были заимствованы, но въ Россіи онѣ должны были получить гораздо болѣе обширные размѣры. Гераду долженъ былъ соотвѣтствовать «дистриктъ»; но тогда какъ въ Швеціи это былъ округъ, охватывавшій 800—1000 крестьянскихъ дворовъ, въ Россіи онъ проектировался вдвое большимъ и по соображеніямъ сената долженъ былъ включать въ себѣ отъ полуторы до двухъ тысячъ тяглыхъ дворовъ. Точно такъ же и «провинція», соотвѣтствующая шведскому ландсгевдингству, получила гораздо болѣе обширные размѣры. Недостатокъ финансовыхъ рессурсовъ и, быть можетъ, уже предвидимый недостатокъ служилаго персонала для занятія всѣхъ должностей новой администраціи, который такъ рѣзко далъ себя знать впослѣдствіи, препятствовалъ установить шведскіе размѣры областныхъ единицъ. Будучи выкроены по шведскимъ мѣркамъ, онѣ были бы гораздо болѣе многочисленны и обошлись бы несравненно дороже учрежденій прежняго областнаго управленія, а между тѣмъ сенатъ всячески старался не выйти изъ предѣловъ стараго бюджета и, несмотря на всѣ увѣренія Фика, что болѣе дорогая, но лучше отправляющая свое дѣло администрація въ концѣ концовъ выгоднѣе для государства, такъ устраивалъ новыя областныя учрежденія, чтобы они обошлись развѣ немногимъ дороже старыхъ. Все-таки то и другое новое раздѣленіе: и дистриктъ, и провинція были гораздо мельче соотвѣтствующихъ предыдущихъ: доли и губерніи. Тогда какъ доля заключала въ себѣ около 5000 дворовъ, а иногда и гораздо болѣе (до 8000), дистриктъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, какъ онъ проектировался, не долженъ былъ превосходить по размѣрамъ округа въ 1500—2000 дворовъ. Насколько были меньше размѣры провинцій сравнительно съ предыдущими губерніями, видно изъ того, что вмѣсто десяти губерній, цыфра, какой достигло ихъ количество въ 1715 г., было образовано 50 провинцій, не считая притомъ группъ городовъ приписанныхъ къ адмиралтейству [1]).

[1]) Проекты Фика и обсужденіе ихъ въ сенатѣ см. дѣл. сен., кн. 58. *Милюковъ*, Госуд. хоз. § 36. Въ указѣ о провинціальномъ раздѣленіи 29 мая 1719 г., П. С. З. № 3380, отдѣльными номерами обозначены 46 провинцій. Но къ этому числу надо прибавить 2 провинціи, выдѣлившіяся изъ сибирской (енисейскую и иркутскую): одну (симбирскую), выдѣлившуюся изъ астраханской, и одну (бахмутскую) въ азовской губ., почему-то необозначенную номеромъ. Ср. П. С. З. № 3901, гдѣ обѣ послѣднія указаны въ числѣ провинцій. 50 ихъ считаетъ и *Кирилловъ* въ своей книгѣ «Цвѣтущее состояніе всероссійскаго государства». Впослѣдствіи встрѣчаемъ отдѣльныхъ воеводъ въ г. Можайскѣ, входившемъ по расписанію 1719 г. въ составъ московской провинціи, и въ г. Лухѣ, входившемъ въ составъ юрьевпольской. Д. сен., кн. 1882, л. 172; кн. 124, л. 872; кн. 128, л. 346.

Къ веснѣ 1719 г. планъ провинціальнаго раздѣленія былъ готовъ, кромѣ нѣкоторыхъ деталей, затруднявшихъ сенатъ [1]), и 29 мая утвержденъ Петромъ. Новое раздѣленіе должно было вводиться тотчасъ же, и уже съ 1 іюля 1719 г. въ провинціяхъ петербургской губерніи предписано было начать управленіе по новымъ инструкціямъ. При образованіи провинцій принималась во вниманіе географическая связь мѣстностей, включаемыхъ въ ихъ составъ. При распредѣленіи городовъ по провинціямъ, какое находимъ въ указѣ 29 мая 1719 г., обозначено разстояніе ихъ отъ провинціальныхъ центровъ. Вѣроятно, брались въ разсчетъ и такія естественныя связи между мѣстностями, какъ пути сообщенія. Провинція составлялась такъ, что къ городу, назначенному провинціальнымъ центромъ, «приписывались» ближайшіе города, связанные съ провинціальнымъ путями сообщенія, какими были главнымъ образомъ рѣки. Размѣры разстояній варьировались въ зависимости отъ края: въ центральныхъ частяхъ они бывали меньше, на окраинахъ больше. Въ тѣхъ провинціяхъ, на которыя распалась прежняя московская губернія, самое далекое разстояніе отъ приписнаго города до провинціальнаго центра не превышало 150 верстъ, тогда какъ въ архангелогородской губерніи встрѣчаемъ разстояніе въ 910 верстъ. Количество тяглаго населенія не получило такого значенія при раздѣленіи на провинціи, какое оно имѣло при образованіи доли. Доля, какъ показываетъ самое ея названіе, обозначала прежде часть приходившагося на губернію податнаго оклада, идущую съ 5536 дворовъ, и затѣмъ уже, только съ 1715 года, территорію, заключающую въ себѣ столько или приблизительно столько дворовъ и платящую эту часть оклада. Первоначально она была только счетной, бухгалтерской единицей и только съ этого года получила значеніе территоріальной и административной. При образованіи провинціи эти соображенія платежа не имѣли мѣста; опредѣленной нормы тяглыхъ дворовъ для провинціи, какая была положена для доли, установлено не было. Въ упомянутомъ выше расписаніи провинцій, находящемся въ указѣ 29 мая 1719 года, приведены и цыфры тяглыхъ дворовъ по уѣздамъ, входящимъ въ составъ каждой, но самыя эти данныя страдаютъ неполнотой и неточностью. Такъ напр., противъ названій городовъ, вошедшихъ въ составъ бахмутской провинціи, цыфръ тяглыхъ дворовъ не поставлено, и мы находимъ тамъ слѣдующую объясняющую отмѣтку: «что въ нихъ двороваго числа—

[1]) Такъ, сенатъ затруднялся раздѣлить на провинціи Сибирь и указалъ произвести это раздѣленіе на мѣстѣ сибирскому губернатору, назначивъ только число провинцій, на которое она должна была разчлениться, именно три. П. С. З. № 3380.

не вѣдомо». Цыфры отсутствуютъ также для уѣздовъ кіевской провинціи. Число дворовъ на посадахъ почему-то не вошло въ разсчеты. Въ однихъ провинціяхъ цыфры взяты по переписи 1678 г., въ другихъ 1710 г. Что число тяглыхъ дворовъ не играло роли въ провинціальномъ раздѣленіи, видно изъ тѣхъ колебаній, которымъ оно подвергается по отдѣльнымъ провинціямъ. Большинство тѣхъ изъ нихъ, для которыхъ показаны числа дворовъ въ расписаніи 29 мая 1719 г., именно 33 заключали въ себѣ отъ 10 до 40 тысячъ тяглыхъ дворовъ каждая. Въ пяти число дворовъ колебалось отъ 4 до 10 тысячъ и въ трехъ оно превышало 40 тысячъ: въ нижегородской (40.387), казанской (48.412) и московской (57.327), т. е. какъ разъ въ провинціяхъ, составлявшихъ центральныя ядра прежнихъ губерній.

Позже мы увидимъ, какъ эти провинціи дробились на дистрикты Въ общемъ новое провинціальное раздѣленіе было значительнымъ шагомъ впередъ въ развитіи областной единицы сравнительно съ предыдущимъ губернскимъ. Если воеводскій уѣздъ XVII вѣка бывалъ иногда слишкомъ мелокъ, чтобы имѣть значеніе самостоятельной областной единицы, то губернія 1708 г. страдала противоположнымъ недостаткомъ, слишкомъ обширными размѣрами. Дѣленіе 1719 г. заняло среднее положеніе между тѣмъ и другимъ, между исторически сложившимся уѣздомъ XVII вѣка и губерніей начала XVIII. Оно было устроено искусственно и благодаря этому отличалось двумя чертами, возможными только при искусственности дѣленія: во-первыхъ, правильностью, по крайней мѣрѣ въ проектѣ, по которому каждая провинція должна была дробиться на равномѣрные дистрикты; во-вторыхъ, оно было общимъ и однообразнымъ для всей территоріи Россіи.

VI.

Параллельно съ однообразіемъ областнаго раздѣленія реформа стремилась къ однообразію въ самомъ составѣ и дѣйствіи областнаго управленія и въ этомъ отношеніи дѣлала также большой шагъ впередъ сравнительно съ XVII вѣкомъ. Трудно себѣ представить, въ самомъ дѣлѣ, что-либо болѣе запутанное и безпорядочное, менѣе поддающееся какой либо схемѣ, чѣмъ областное управленіе этого вѣка, которое не было опредѣлено никакими законодательными актами и не регулировалось никакими писанными уставами, а складывалось исторически и руководилось накоплявшимся долговременной практикой обычаемъ. Но правительственный обычай, узаконяя и утверждая мѣстныя особенности и

различія, допускаемыя практикой, вносилъ въ управленіе разнообразіе, не допускающее никакихъ обобщеній, производящее впечатлѣніе полной путаницы, въ которой тогдашній администраторъ благодаря навыку оріентировался свободно, и въ которой теперешній изслѣдователь совершенно теряется.

Областное управленіе XVII вѣка слагалось изъ двухъ ступеней, изъ которыхъ одна, приказъ, находилась въ центрѣ, и это было наиболѣе оригинальною чертою этого управленія, а другая, воеводское управленіе—въ мѣстности. И на той, и на другой—полное отсутствіе единства. Второй инстанціей областнаго управленія, этой его центральной ступенью бывали и общіе приказы, предназначенные для отправленія какихъ-либо отдѣльныхъ отраслей государственныхъ дѣлъ, напримѣръ: посольскій приказъ, разрядъ, которые кромѣ своего опредѣленнаго круга дѣлъ управляли отдѣльными городами и областями по дѣламъ, вовсе не касавшимся главнаго назначенія этихъ приказовъ, и также приказы областнаго характера, существовавшіе спеціально для областнаго управленія. Но и среди послѣднихъ одни были непохожи на другіе: одни управляли областями, представлявшими изъ себя географическія цѣлыя, какъ казанскій дворецъ, сибирскій приказъ, приказъ княжества смоленскаго, новгородская четверть; другіе вѣдали довольно случайныя сочетанія мѣстностей, расположенныхъ въ различныхъ краяхъ государства и «приписанныхъ» къ тому или другому приказу по соображеніямъ, для насъ теперь совершенно неуловимымъ, каковы были чети: галицкая, костромская, владимірская, устюжская. Различія на этомъ не останавливались, простираясь и на самый родъ дѣлъ, подлежавшихъ вѣдомству этихъ приказовъ. Иногда областной приказъ сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ всю совокупность дѣлъ областнаго управленія; иногда изъ этой совокупности выдѣлялись части, вѣдавшіяся другими, общими приказами, и въ этомъ отношеніи существовало также большое различіе между отдѣльными мѣстностями. Иные города вѣдались по военнослужилымъ и по финансовымъ дѣламъ въ одномъ своемъ областномъ приказѣ, другіе въ областномъ приказѣ вѣдались по финансовымъ дѣламъ, а по военно-служилымъ въ общемъ. Далѣе, завѣдываніе городомъ по военно-служилымъ дѣламъ общими приказами также дробилось и не было одинаково. Въ однихъ городахъ разрядъ вѣдалъ служилое сословіе во всѣхъ отношеніяхъ: и службой и землей; въ другихъ поземельныя дѣла оставались на долю помѣстнаго приказа. Точно такія же различія и въ финансовомъ управленіи: въ иныхъ городахъ областному приказу подлежало и посадское, и уѣздное населеніе, въ другихъ только посадское, а уѣздное вѣдалось уже инымъ приказомъ.

Точно такимъ же отсутствіемъ однообразныхъ общихъ началъ отличалась и первая ступень областнаго управленія, воеводская администрація въ самой мѣстности. И здѣсь регуляторомъ былъ тотъ же правительственный обычай, вносившій въ порядки и въ пріемы этого управленія большую пестроту. Мы уже видѣли выше, что число самостоятельныхъ областныхъ единицъ, воеводы которыхъ непосредственно сносились съ Москвою превышало значительно сотню. Воеводы крупныхъ городовъ, люди высокаго служебнаго ранга, были поставлены въ этомъ отношеніи въ совершенно одинаковыя условія съ воеводами мелкихъ сосѣднихъ городовъ, если послѣдніе не были приписаны къ главному. Каждый имѣлъ право непосредственнаго сношенія съ Москвою; поэтому воевода нерѣдко отказывался исполнить законное требованіе сосѣда подъ тѣмъ предлогомъ, что у него «о томъ отъ великаго государя указа не присылывано». Притомъ сосѣдніе воеводы благодаря черезполосицѣ областнаго управленія оказывались подчиненными разнымъ приказамъ, что въ значительной степени затрудняло сношенія между ними, такъ какъ одинъ отказывался слушать другаго безъ особой послушной грамоты изъ своего приказа. И отношенія воеводъ главныхъ городовъ къ воеводамъ приписныхъ не были ясно опредѣлены закономъ и однообразны, также обусловливаясь обычаемъ. Въ иныхъ случаяхъ воевода приписнаго города сносится съ Москвою черезъ главнаго, въ другихъ непосредственно, и его зависимость отъ главнаго воеводы принимаетъ то большіе, то меньшіе размѣры. Самый составъ воеводскаго управленія по городамъ былъ чрезвычайно разнообразенъ: въ одни назначались воеводы съ товарищами, въ другіе безъ нихъ, въ иные съ дьяками, подьячими «съ приписью» и подьячими безъ такого права. Отношенія главнаго воеводы къ товарищамъ настолько неуловимы, что не поддаются никакому обобщенію. Они опредѣлялись только практикою и поэтому были чрезвычайно различны: иногда воевода рѣшалъ съ товарищемъ всѣ дѣла, въ другихъ случаяхъ они раздѣляли между собою дѣла по категоріямъ, не вмѣшиваясь одинъ въ дѣятельность другого. Правительство отказывалось давать имъ въ этомъ отношеніи какое-нибудь общее указаніе и руководство. Оно опредѣляло только ихъ личныя отношенія, требовало чтобы воеводы съ товарищами не ссорились, жили дружно, и не касалось отношеній служебныхъ, предоставляя имъ самимъ опредѣлять сферу вѣдомства каждаго. Такъ же неопредѣленны были отношенія воеводъ и къ другимъ подчиненнымъ лицамъ областнаго управленія. «Воевода», говоритъ проф. Градовскій, «занималъ первое мѣсто между постоянными исполнителями правительственныхъ распоряженій, но былъ далеко не единственнымъ. Ямскіе и

городовые прикащики, стрѣлецкіе, пушкарскіе, засѣчные и житничные головы дѣйствовали подъ его наблюденіемъ, но большею частью по наказамъ изъ Москвы». Въ различныхъ мѣстахъ ихъ зависимость отъ воеводы была различна [1]).

Всю эту путаницу обѣихъ ступеней областнаго управленія реформа замѣняла строгимъ единствомъ. Вводя однообразную и общую для всей Россіи областную единицу, она прежде всего упрощала административныя отношенія этихъ единицъ къ высшимъ центральнымъ органамъ, дѣлая ихъ одинаковыми для всѣхъ. Она уничтожала дѣленіе областнаго управленія на двѣ ступени: все оно теперь сосредоточивалось на мѣстѣ; она упраздняла областные органы, находившіеся въ центрѣ, какими были областные приказы, которые она еще въ 1708—10 гг. перенесла въ мѣстность въ видѣ губернскихъ канцелярій. Съ другой стороны центральные органы, созданные ею не имѣли уже того отчасти областнаго характера, какимъ обладали прежніе общіе приказы. Коллегіи и приказы временъ Петра управляли изъ центра всѣми областями по извѣстному роду дѣлъ; къ ихъ вѣдомству не приростала случайно та или другая область, которою они управляли бы на правахъ областнаго приказа, какъ это бывало прежде. Центральное управленіе было теперь рѣзко разграничено отъ областнаго; правительственные органы, помѣщавшіеся въ центрѣ, стали распредѣлять между собою именно одно только центральное управленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ приведены были въ ясность и отношенія ихъ къ областному управленію, чему должна была не мало содѣйствовать уже самая простота постройки центральныхъ органовъ. Первыя губерніи 1708—10 гг. подчинены были по его учрежденіи сенату, какъ центральному органу, замѣнившему собою цѣлую сѣть приказовъ. Провинціи 1719 г. были подвѣдомствены коллегіямъ и черезъ нихъ сенату; только въ нѣкоторыхъ, строго опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, имъ предоставлялось право непосредственныхъ сношеній съ сенатомъ, а именно только по чрезвычайнымъ дѣламъ, которыя не отнесены были къ вѣдѣнію ни одной изъ коллегій, какъ то: начало военныхъ дѣйствій, моръ или народное возмущеніе. По всѣмъ остальнымъ губернаторы и воеводы должны были относиться въ коллегіи, въ каждую по роду дѣлъ, находящемуся въ ея вѣдомствѣ [2]).

Во всѣхъ однообразныхъ областныхъ дѣленіяхъ реформа устраивала управленіе однообразное по составу и дѣйствію. Это стремленіе

[1]) *Градовскій*. Сочин. II. 463. 464. *Чичеринъ*, Областныя учрежденія.

[2]) П. С. З. № 3508.

къ единству было уже осуществлено въ областной реформѣ 1715 г., раздѣлившей губерніи 1708 года на равномѣрныя доли и снабдившей эти доли однообразнымъ повсюду ландратскимъ управленіемъ, за исключеніемъ только окраинныхъ областей, въ которыхъ управленіе въ рукахъ комендантовъ и оберъ-комендантовъ получило военный характеръ. Тою же тенденціей была проникнута и провинціальная реформа 1719 года. Во всѣхъ областныхъ подраздѣленіяхъ, на которыя она дробила территорію Россіи, она учреждала одинаковые административные органы. Во главѣ провинціи она ставила воеводу, губернатора или генералъ-губернатора (въ пограничныхъ провинціяхъ: петербургской, ревельской и рижской), при чемъ однако эти названія были только простыми титулами, не сопряженными съ различіями въ компетенціи. Финансовая и другія отрасли, на которыя разчленялась провинціальная администрація, управленіе дистриктами, на которые провинціи подраздѣлялись, а также областныя судебныя инстанціи—все это получило однообразное устройство по всѣмъ провинціямъ.

Точно такъ же и дѣятельность всѣхъ этихъ органовъ реформа направляла къ однообразію посредствомъ изданія общихъ, для всѣхъ областныхъ подраздѣленій одинаково обязательныхъ инструкцій, каковы были перечисленныя выше инструкціи: воеводѣ, камериру, рентмейстеру, земскому комиссару, фискалу. Общая инструкція для каждаго органа областнаго управленія—также успѣхъ въ его развитіи сравнительно съ наказами, которыми руководились областные чины XVII в. Послѣдніе не имѣли общаго однообразнаго характера; это были отдѣльныя частныя наставленія, даваемыя отдѣльнымъ лицамъ, различавшіяся по мѣсту и времени. Наказы воеводамъ разныхъ мѣстностей содержали въ себѣ различныя предписанія: астраханскимъ воеводамъ предписывались однѣ обязанности, вяземскимъ другія, якутскимъ третьи и т. д., сообразно съ порядками и отношеніями каждой мѣстности, вызывающими дѣятельность воеводы въ томъ или другомъ направленіи. Воеводскіе наказы различались и по времени. Для каждаго вновь назначаемаго воеводы наказъ долженъ былъ изготовляться вновь; въ его основу входилъ наказъ предыдущему воеводѣ той же мѣстности, и къ нему дѣлались добавленія, содержавшія частныя указанія по отдѣльнымъ случаямъ, которыя требовались положеніемъ дѣлъ въ мѣстности въ моментъ назначенія. Составленіе наказа каждый разъ было особымъ, совершенно индивидуальнымъ актомъ при назначеніи воеводы, хотя на практикѣ большею частью новому воеводѣ повторяли наказъ предыдущаго. Наказы отражали въ себѣ всю пестроту и разнообразіе сложившагося исторически

мѣстнаго управленія. Не было выработано единаго общаго ихъ типа, содержащаго общія нормы воеводской дѣятельности, обязательныя для всѣхъ воеводъ, хотя въ самомъ концѣ XVII вѣка потребность въ такомъ обобщеніи видимо чувствовалась, и предприняты были шаги къ сводкѣ воеводскихъ наказовъ. Не будучи результатомъ самостоятельной кодификаціонной работы надъ старыми наказами, а уже результатомъ заимствованія шведскихъ образцовъ, это необходимое обобщеніе и было, наконецъ, осуществлено въ инструкціяхъ, составленныхъ воеводамъ и другимъ областнымъ чинамъ въ 1719 г. Петровская инструкція состоитъ изъ ряда общихъ нормъ, одинаково приложимыхъ ко всѣмъ мѣстностямъ и не измѣняемыхъ съ новымъ назначеніемъ воеводъ, хотя это не мѣшало давать управленіямъ отдѣльныхъ мѣстностей сверхъ того и дополнительныя спеціальныя указанія, также разнообразившіяся по мѣстностямъ [1]). Притомъ петровская инструкція отличалась отъ воеводскаго наказа и другою особенностью, благодаря которой она и имѣла гораздо большее объединяющее значеніе сравнительно съ последнимъ. Воеводскій наказъ XVII вѣка состоялъ въ значительной мѣрѣ изъ предписаній отрицательнаго характера, не направлявшихъ дѣятельности воеводы, а имѣвшихъ цѣлью лишь поставить воеводскую власть въ извѣстныя рамки съ тѣмъ, чтобы оградить населеніе отъ ея произвола. Воеводѣ давались предписанія въ родѣ такихъ, чтобы «служилымъ и посадскимъ, и жилецкимъ, и уѣзднымъ, и пріѣзжимъ всякимъ людямъ для своей корысти обидъ никакихъ и налогъ не дѣлать; и посуловъ, и поминковъ ни отъ какихъ дѣлъ ни у кого ничего не имать; и пашни на себя пахать, и сѣна косить, и вина сидѣть, и дровъ возить, и никакія работы посадскимъ и жилецкимъ, и уѣзднымъ, и никакимъ людямъ на себя работать не велѣть, чтобъ ни отъ какихъ людей ни въ какихъ обидахъ и налогахъ, и въ посулахъ челобитья государю на него не было». Здѣсь больше запрещеній, чѣмъ положительныхъ велѣній; наказъ больше перечислялъ, чего воеводѣ не дѣлать, чѣмъ указывалъ, что ему дѣлать. Наоборотъ, инструкціи областнымъ чинамъ 1719 г. полны нормъ положительнаго характера, стремящихся

[1]) П. С. З., № 3622, іюль 1720 г. Инструкція астраханскому губернатору Волынскому. При ея составленіи приняты были во вниманіе и старые наказы. Дѣл. сен. кн. 1886. 1720 г. 6 іюля «прав. сенатъ, слушавъ доношенія и пунктовъ астраханской губерніи губернатора, приказали: дать ему изъ сената инструкцію, сочиня изъ нынѣшнихъ губернаторскихъ и воеводскихъ новыхъ инструкцій *и изъ старыхъ наказовъ*»; П. С. З. № 4700, 22 апр. 1725 г., инструкція азовскому губернатору; № 3686, инструкція бѣлгородскому воеводѣ 14 дек. 1720 г.

направить ихъ дѣятельность въ ту или другую сторону. Статьи наказа были въ значительной мѣрѣ маяками и вѣхами, предупреждавшими объ опасности и обозначавшими границы фарватера для воеводской власти, переходъ за которыя сопряженъ былъ съ тяжестью для управляемыхъ и съ опасностью опалы для воеводы; инструкція 1719 г. должна была служить компасомъ, дававшимъ положительное руководящее направленіе администраціи и указывавшимъ ей задачи, которыя должны были достигаться ея дѣйствіями. Такъ какъ инструкція 1719 г. была общей для всѣхъ провинцій, то она и могла направлять дѣятельность всего областнаго управленія на одни и тѣ же задачи. Экземпляры инструкціи, вручаемые воеводамъ и другимъ чинамъ при ихъ отъѣздѣ на мѣсто назначенія, указывали имъ теперь ихъ правительственный путь съ тѣмъ же единствомъ, съ какимъ указываютъ сѣверъ стрѣлки всѣхъ отдѣльныхъ экземпляровъ компаса.

VII.

Правильное разчлененіе органовъ, однообразно для всей территоріи регламентированные составъ и дѣйствіе управленія—таковы были новыя, навѣянныя духомъ раціоналистической эпохи, начала, положенныя въ основу административнаго устройства и опредѣлившія его формы. Они придавали учрежденіямъ, въ основѣ которыхъ лежали, характеръ правильно построенной системы правительственныхъ орудій, которая должна была замѣнить собою исторически сложившуюся, нестройную и неуклюжую администрацію. Система учрежденій, ими проникнутая, сравнительно съ прежней болѣе сообразовалась съ требованіями разума, этой руководящей силы вѣка, и въ большей степени имъ удовлетворяла. Подраздѣленія системы согласовались съ требованіемъ логической классификаціи, въ ея единствѣ осуществлялась необходимость логическаго синтеза. Правительственная практика давно уже стала ощущать потребность въ этихъ началахъ и стремиться къ нимъ; она только не успѣла до нихъ доработаться къ тому времени, когда правительственная мысль обратилась къ заимствованію иноземныхъ образцовъ, которое казалось болѣе простымъ и скорымъ средствомъ для достиженія тѣхъ же результатовъ. Въ заимствованіи учрежденій видно стремленіе къ разумному и, слѣдовательно, къ общечеловѣческому порядку, а вовсе не простое желаніе подражать иностранному образцу. Административная реформа раздѣляетъ этотъ общій смыслъ реформы первой четверти XVIII вѣка, хотя она и несвободна отъ общихъ всей

реформѣ ошибокъ, являвшихся слѣдствіемъ недостаточнаго различенія общечеловѣческаго и разумнаго отъ случайныхъ явленій, свойственныхъ той или иной западной странѣ. Мы уже видѣли другую ея погрѣшность въ отсутствіи глазомѣра, въ неумѣніи всегда вѣрно понять условія дѣйствительности и разсчитать поэтому пригодность и прочность нововведеній.

Духъ времени можно видѣть и еще въ одной чертѣ административной реформы, проведенной послѣдовательно, впрочемъ, только въ проектахъ и инструкціяхъ 1719 г., какъ они выходили изъ подъ пера ихъ иностранныхъ составителей, и тотчасъ же нарушенной практикой жизни. Система учрежденій, какъ ее рисовали въ своихъ разсужденіяхъ Фикъ и Люберасъ, и какъ ее изображаютъ составленныя при помощи шведскихъ оригиналовъ инструкціи — должна была получить бюрократическій характеръ. Земскія силы игнорируются этими проектами, составлявшимися въ то время, когда на западѣ догорала и замирала дѣятельность всякаго рода земскихъ чиновъ, да и самый «разумъ подданныхъ» вызывалъ сомнѣнія въ своей доброкачественности и начиналъ считаться ограниченнымъ. Въ особенности ярко сказался бюрократическій характеръ въ системѣ областнаго управленія: выборныхъ земскихъ должностей мы въ ней совсѣмъ не встрѣчаемъ по инструкціямъ 1719 года; земскій комиссаръ, на котораго обыкновенно указываютъ, какъ на выборную отъ уѣздныхъ дворянскихъ обществъ должность, сталъ такимъ только впослѣдствіи, съ конца 1723 г. По проектамъ личный составъ всѣхъ органовъ назначается правительствомъ. Этотъ бюрократическій порядокъ встрѣчалъ однако, хотя и ослабѣвавшее сопротивленіе съ старомъ складѣ управленія, и вотъ почему онъ не могъ овладѣть взглядами русскихъ правительственныхъ сферъ сразу; онъ упрочивался постепенно и на первыхъ шагахъ, дѣлая все бóльшіе успѣхи, всетаки принужденъ былъ мириться съ противорѣчіями и въ областяхъ, и въ центрѣ. Въ первыхъ земскія силы были слишкомъ необходимы для исконной организаціи податей и повинностей, взимаемыхъ государствомъ при помощи и подъ отвѣтственностью земскихъ міровъ, чтобы реформа могла отказаться отъ ихъ самодѣятельности. Она и прибѣгла къ ней въ мѣстномъ управленіи тотчасъ же, какъ только зашелъ вопросъ о серьезномъ податномъ преобразованіи, введеніи подушной подати, сдѣлавъ ея сборщика, земскаго комиссара, выборнымъ и дѣйствующимъ подъ контролемъ уѣзднаго общества; она пользовалась этою самостоятельностью въ широкой степени въ организаціи городскаго устройства, хотя и подчинила городское управленіе надзору воеводы; она даже, вполнѣ себѣ противорѣча, дѣлала шагъ впередъ въ развитіи

участія земскихъ силъ въ управленіи, пыталась вывести это участіе изъ его узкой фискальной сферы и дать ему болѣе видное политическое значеніе. Создано было особое учрежденіе, не успѣвшее, впрочемъ, получить даже и опредѣленнаго названія и тѣмъ менѣе какихъ-либо опредѣленныхъ очертаній; его называли просто: «сто дворянъ». То была своеобразная коллегія представителей дворянства, назначенныхъ правительствомъ, которая совмѣстно съ сенатомъ и офицерствомъ должна была участвовать въ выборахъ кандидатовъ на высшія государственныя должности. Эта коллегія, какой-то безформенный и такъ и не достигшій развитія зародышъ представительства руководящаго общественнаго класса, вмѣстѣ съ офицерствомъ, состоявшимъ почти поголовно изъ дворянства и поэтому также въ извѣстной степени имѣвшимъ значеніе представительства, должна была служить оффиціальнымъ проводникомъ вліянія дворянства на составъ высшихъ государственныхъ учрежденій [1]). Такъ исконное земское начало боролось съ надвигав-

[1]) Это любопытное учрежденіе заслуживаетъ обстоятельнаго изслѣдованія, въ особенности въ виду несомнѣнной его связи съ шляхетскими проектами 1730 г. Оно, очевидно, давало фактическую опору шляхетскимъ притязаніямъ, выраженнымъ въ этихъ проектахъ, служа для нихъ прецедентомъ. Проекты и требовали учрежденія, очень похожаго на эту группу «ста дворянъ», при чемъ и составъ, и кругъ политическаго участія проектировавшейся дворянской палаты намѣчались шляхетствомъ весьма близко къ составу и компетенціи «ста дворянъ». Въ проектахъ 1730 г. рѣчь шла именно объ участіи дворянской палаты (также изъ ста членовъ по проекту кн. Черкасскаго) въ назначеніи кандидатовъ на высшія государственныя должности, роль, которую и играли «сто дворянъ» при Петрѣ. Въ указѣ 12 янв. 1722 г. (годъ, когда вообще были предприняты важныя нововведенія въ управленіи), П. С. З. № 3877, п. 6, такъ обозначенъ составъ собранія, которое должно было избрать кандидатовъ въ президенты юстицъ-коллегіи (на мѣсто гр. А. Матвѣева): «и понеже юстицъ-коллегія касается до всего государства, и чтобъ не нарекали, что выбрали кого по какой страсти, того ради кажется лучше учинить такъ, чтобъ выбрали въ кандидаты въ сенатѣ двухъ или трехъ, всѣми офицеры, которые здѣсь, трехъ же, *также изъ дворянъ отобрать лучшихъ человѣкъ сто*, и имъ также трехъ, и когда выберутъ, тогда позвать всѣхъ тѣхъ, кои выбирали кандидатовъ, въ столовую и велѣть баллотировать. При семъ выборѣ и баллотированіи присягать». Въ протоколахъ сената содержится описаніе этихъ выборовъ, дѣйствительно происшедшихъ 19 янв. 1722 г. въ Москвѣ, въ Столовой палатѣ дворца въ присутствіи Петра. Въ составъ собранія вошли: сенаторы, генералъ-майоры, гвардіи майоры и другіе офицеры, члены коллегій, 100 человѣкъ выборныхъ изъ дворянства. *Соловьевъ* XVIII, 157 изд. 1884 г. Однако эта сотенная коллегія едва ли могла быть на выборахъ въ полномъ комплектѣ, какъ объ этомъ

шимся уже издавна и овладѣвавшимъ почвой бюрократизмомъ. Эта борьба отразилась и на реформѣ, не примкнувшей рѣшительно къ ко-

свидѣтельствуетъ письмо Ягужинскаго къ Петру *отъ августа* 1722 г.: «люди, какъ въ коллегіи, такъ и въ провинціи во всѣ чины едва не всѣ опредѣлены; однакожъ, воистину, трудно было людей достойныхъ сыскивать, *и по нынѣ еще во сто человѣкъ числа не могутъ набрать*». *Солов.* ibid. стр. 158. Назначенія, о которыхъ говоритъ Ягужинскій, производились, очевидно, во время генеральнаго смотра въ Москвѣ весной 1722 г., на который собрано было все дворянство. Что «дворянское сто» не имѣло характера корпораціи, составленной ad hoc именно для выбора президента юстицъ-коллегіи, а имѣло болѣе постоянное назначеніе видно изъ того, что это «сто» существовало и въ слѣдующіе годы, что его собирали и изъ него увольняли дворянъ. Такъ, областная администрація получала предписанія выслать въ Петербургъ дворянъ, принадлежащихъ къ составу ста человѣкъ, въ 1724 г. См., напр., въ Моск. Арх. Мин. Юст. дѣла пошехонск. уѣздн. суда по II описи кн. 48, подъ № 594: «указъ къ земскому комиссару кн. Ив. Вадбольскому о высылкѣ дворянъ въ С.-Петербургъ, которые по реестру написаны во сто человѣкъ»; ibid. по III описи вязка 2, книга 3, № 1095, доношеніе земскаго комиссара П. Языкова, «что де въ дистриктѣ его шляхетства никого не явилось, которые написаны во сто человѣкъ»; № 1322, 23 дек. 1724 г., доношеніе земскаго комиссара Ив. Самарина, «что де велѣно ему по присланному реестру о высылкѣ дворянъ, которые написаны во сто человѣкъ, въ вѣдѣніи его явились только стольникъ кн. Ѳед. Алекс. Голицынъ, Ѳед. Яковл. Собакинъ, Назаръ Петровъ Мельницкій». Ср. дѣла сен. кн. 701, л. 749: «1723 г. Окт. 16. прав. сенатъ приказали: по доношенію генералъ-фискала Мякинина о высылкѣ къ нему бывшаго елецкой провинціи воеводы В. Зиновьева къ слѣдованію о собранныхъ о душахъ м. п. сказкахъ... А по справкѣ въ сенатѣ оной Зиновьевъ написанъ былъ во ста человѣкахъ. А марта 18 дня сего году изо ста человѣкъ за старостью и за болѣзнью отмѣченъ, и велѣно объ немъ доложить его в—ву». Присутствія «ста дворянъ» незамѣтно на совѣщаніи, созванномъ въ концѣ царствованія для рѣшенія вопроса объ отвѣтственности за преступленія по должности. См. *Павловъ—Сильванскій*, Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго стр. 123. Данныя о составѣ этого дворянскаго ста, вѣроятно, кроются въ дѣлахъ герольдмейстерской конторы или въ дѣлахъ сената по этой конторѣ въ М. Арх. Мин. Юстиціи. Много недоумѣній возбуждаетъ указъ отъ 17 янв. 1722 г., напечатанный въ П. С. З. подъ № 3878: «Когда въ мартѣ послѣднихъ дворянъ пересмотрятъ и выберутъ лучшихъ людей, и, которые останутся отъ опредѣленія въ чины, выбрать лучшихъ человѣкъ сто и употребить пополамъ въ надворный нижній (?) судъ въ Петербургѣ, перемѣняясь черезъ годъ, а изъ половины оставлять треть всегда въ другой годъ, дабы знали прошедшаго года дѣла; сіе для того, дабы всегда на упалыя мѣста знаемые люди готовы были всегда». Въ актахъ, касающихся дѣятельности и состава надворныхъ судовъ (см. гл. III этой книги), намъ не встрѣтилось никакихъ указаній на существованіе такой коллегіи при петербургскомъ надворномъ судѣ.

торому нибудь одному началу и потому впадавшей въ противорѣчіе, когда она одною рукой усиливала бюрократію, а другой пыталась не только сохранить, но и развить падавшее участіе общества въ управленіи. Впрочемъ, это паденіе шло слишкомъ замѣтно, и слишкомъ ясно можно отмѣтить въ новой системѣ присутствіе настроенія, гибельнаго для роста общественныхъ силъ и благотворнаго для процвѣтанія бюрократіи, чтобы затрудняться предсказаніемъ, на какой сторонѣ въ этой борьбѣ окажется перевѣсъ. Недовѣріе къ подданному сквозитъ повсюду въ реформѣ. Имъ проникнуто и новое устройство администраціи. Развитіе бумажнаго производства, учрежденіе разнаго рода контроля, требованіе мелочной отчетности все это—яркіе признаки недовѣрія и неизбѣжные спутники бюрократическаго режима.

Не довѣряя ему, реформа однако предъявляла къ личному составу этой бюрократической системы такія высокія требованія, которыя были бы въ пору вышколенному долговременной дисциплиной западному чиновничеству, прусскому или шведскому. Этими требованіями полны инструкціи областнымъ чинамъ 1719 года. Онѣ возбуждаютъ каждое звено администраціи, какъ бы мелко оно ни было, до какого-нибудь рентмейстера включительно, къ инціативѣ. Личный составъ администраціи не можетъ ограничиваться только исполненіемъ предписаній свыше; администрація не должна быть простымъ механическимъ снарядомъ, машиной, движущейся по заведеному. Проникнутый высокимъ сознаніемъ государственнаго интереса, принесшій торжественную присягу, петровскій чиновникъ, какъ его представляетъ себѣ инструкція, обязанъ не только исполнять указы, но и самъ искать способовъ къ усовершенствованію и улучшенію различныхъ отраслей управленія. Каждый изъ областныхъ чиновъ, если «что прочее», т. е. сверхъ исполненія своихъ ближайшихъ обязанностей, «къ его царскаго величества услугѣ по должности чина своего основательное предложить имѣетъ», долженъ представлять о томъ проектъ непосредственному начальству, и, если это послѣднее не удостоитъ его вниманіемъ, то долженъ обращаться къ высшему [1]).

Эта высота требованій, предъявляемыхъ къ персоналу новыхъ учрежденій, соотвѣтствовала высотѣ тѣхъ задачъ, которыя этимъ учрежденіямъ ставились и которыя должны были составлять внутреннее содержаніе ихъ дѣятельности. И здѣсь, на опредѣленіи цѣлей, достигать которыхъ должна была реформированная администрація, отразились взгляды вѣка, ставившіе цѣлью государства общее благо, осуществля-

[1]) П. С. З. № 3304, 14. Инструкція рентмейстеру.

емое всеобъемлющимъ попеченіемъ государственной власти надъ безпомощнымъ подданнымъ при посредствѣ учрежденій. Прежній кругъ ихъ задачъ, сводившійся къ сбору правительственныхъ средствъ и къ отправленію элементарнаго правосудія, становится слишкомъ узокъ. Правда, и въ дѣятельности новыхъ учрежденій интересамъ фиска отводится главное мѣсто, что прежде всего видно уже изъ самаго количества органовъ финансовой администраціи сравнительно съ другими: изъ девяти первоначально учрежденныхъ коллегій три служатъ цѣлямъ этого управленія. Равнымъ образомъ въ области наиболѣе развитой является финансовая администрація. Параграфы инструкцій областнымъ чинамъ, касающіеся этой отрасли управленія, наиболѣе многочисленны и наиболѣе разработаны, а ихъ содержаніе ясно говоритъ о значеніи фискальнаго интереса. Главнымъ объектомъ воеводскаго надзора инструкція всетаки ставитъ правильность въ сборѣ податей и повинностей. По инструкціи ближайшему къ населенію органу власти, земскому комиссару, «главнѣйшая должность его въ томъ состоитъ, чтобъ онъ въ повѣренномъ ему уѣздѣ въ надлежащее и указное время всѣ его царскаго величества доходы собиралъ и приписывалъ». Но если тѣмъ значеніемъ, которое отведено въ инструкціяхъ фискальнымъ цѣлямъ, реформа платила дань условіямъ дѣйствительности, то она платила также дань и идеямъ времени. Другою, также очень ясно намѣченною въ инструкціяхъ, цѣлью управленія является благосостояніе управляемыхъ. Уже сама фискальная дѣятельность административныхъ органовъ получаетъ значительно болѣе широкое опредѣленіе: она заключается не только въ заботахъ о своевременномъ и полномъ сборѣ податей въ казну; средство къ обезпеченію выгодъ казначейства инструкція воеводѣ видитъ въ общемъ подъемѣ матеріальнаго процвѣтанія населенія, въ обогащеніи его посредствомъ промышленности и торговли и предписываетъ воеводѣ заботиться о городахъ и смотрѣть, «черезъ которые способы въ торгу, въ рукодѣліяхъ, мануфактурахъ и прочихъ на государственную пользу въ лучшее состояніе произвестися могутъ». Кругозоръ финансоваго управленія расширялся. Что здравыя идеи о значеніи народнаго богатства начали распространяться въ обществѣ того времени, показываютъ извѣстныя вступительныя слова въ знаменитомъ сочиненіи «О скудости и богатствѣ»: «не то царственное богатство, еже въ царской казнѣ лежащія казны много, но то самое царственное богатство, ежели бы весь народъ по мѣрностямъ своимъ богатъ былъ самыми домовыми внутренними своими богатствы». Новыя широкія задачи финансовой политики, заключавшіяся въ обогащеніи народа, усердно пропагандиро-

вались иностранными камералистами, состоявшими на русской службѣ, въ проектахъ, представляемыхъ правительству. «Въ общемъ», пишетъ одинъ изъ нихъ, Кохіусъ, въ своихъ «Размышленіяхъ объ улучшеніи русскихъ финансовъ», «все, что только какимъ-нибудь образомъ прямо или косвенно можетъ способствовать благосостоянію и процвѣтанію страны, есть именно то, отъ чего зависитъ увеличеніе государственныхъ доходовъ, и къ чему финансовое управленіе должно приложить заботу» [1]). Была даже мысль создать особые центральные органы, задачею которыхъ былъ бы подъемъ благосостоянія страны во всѣхъ отношеніяхъ. Такими органами по проекту Любераса должны были служить двѣ новыя коллегіи: полиціи и экономіи; полиціи-коллегію предполагалось раздѣлить на два отдѣленія, изъ которыхъ къ вѣдѣнію перваго относятся заботы о путяхъ сообщенія, о различныхъ статьяхъ городскаго благоустройства, какъ то: о постройкахъ, мощеніи улицъ, пожарныхъ приспособленіяхъ, чистотѣ общественныхъ мѣстъ и рынковъ, о правильности мѣръ и вѣсовъ, о народномъ продовольствіи; къ вѣдѣнію втораго: заботы о народномъ просвѣщеніи, устройство школъ и академій. Экономіи-коллегія должна была слѣдить за количествомъ обработанныхъ и необработанныхъ земель, изслѣдовать причины запустѣнія пашенъ и обѣднѣнія населенія, наблюдать за количествомъ, качествомъ и эксплуатаціей лѣсовъ; имѣть высшій надзоръ за скотоводствомъ и рыболовствомъ и т. д. Эти проекты не осуществились, но предметы въ нихъ намѣченные, не были оставлены безъ вниманія; они поручены были общей администраціи, въ инструкціи которой найдется не мало статей и о путяхъ сообщенія, и о требованіяхъ строительной и санитарной полиціи, и о надзорѣ за мѣрами и вѣсами, и о процвѣтаніи земледѣлія. Но мѣрами, направленными къ внѣшнему благоустройству и матеріальному благосостоянію, инструкціи не ограничиваютъ полицейской дѣятельности администраціи. Онѣ поручаютъ ей заботы о народномъ просвѣщеніи и даже о нравственномъ преуспѣяніи населенія, возлагая на нее задачи замѣчательной высоты. Земскому комиссару

[1]) Beförderung des Landes Wohlfahrt. In Summa: Alles, was nur auf einige Art und Weise directe oder indirecte das Wohl und den Flor des Landes befördern kan, ist dasjenige, woran die Vermehrung der Cammer-revenüen hanget und wofür die Cammer Sorge zu tragen hat. *Posselt*, Peter der Grosse und Leibnitz. Приложеніе XI. Generale Reflexions über die Ordnung und Oeconomie der Finanzen in Russland und ihre Verbesserung. Стр. 255. О принадлежности этого проекта Кохіусу см. *Милюковъ*, Госуд. хоз. 681 примѣч. 2.

ближайшимъ образомъ, а такъ какъ инструкціи каждой отдѣльной должности были обязательны и для всѣхъ другихъ, то, слѣдовательно, и всей остальной администраціи, предписывалось «старатися, чтобъ подданные при всѣхъ случаяхъ страху Божію и добродѣтели, къ добрымъ поступкамъ, правдѣ и справедливости ко всѣмъ людямъ, такожъ къ подданнѣйшей вѣрности и покорности его царскому величеству обучены и наставливаны были; такожъ, чтобъ они своихъ дѣтей въ такихъ добрыхъ порядкахъ воспитали и, сколь возможно, читанію и письму обучали; къ тому жъ никому никакого плутовства, татьбы, обмана, богохуленія, прелюбодѣянія, содомскаго и прочихъ всякихъ грѣховъ не попускать, но отдать такихъ немедленно къ суду, дабы такимъ образомъ всѣ погрѣшенія искоренены, христіанство же и добродѣтели произведены были, и, вмѣсто клятвы, Божіе благословеніе надъ его царскаго величества государствомъ воспослѣдовало». Эта статья инструкціи земскому комиссару вполнѣ самостоятельнаго происхожденія, ея нѣтъ въ шведскомъ оригиналѣ. Итакъ, не только матеріальные успѣхи, но умственное и нравственное совершенство населенія и въ конечной цѣли снисканіе Божія благословенія на все государство — вотъ тотъ возвышенный путь, по которому должна вести управляемыхъ администрація [1]).

Въ этихъ задачахъ нельзя не видѣть большой доли идеализма, котораго вообще полны ожиданія преобразователя, какъ они отразились въ изданныхъ имъ регламентахъ и инструкціяхъ. Если эти регламенты и инструкціи можно сравнить съ компасомъ, указывающимъ путь администраціи, то надо согласиться съ тѣмъ, что они указывали путь въ какую-то идеальную страну. Заимствуя органы управленія, казавшіеся ему совершенными, реформаторъ не всегда возстанавливаетъ ту дѣйствительную обстановку, въ которой этимъ органамъ придется дѣйствовать. Онъ видитъ передъ собой близкое будущее, явившееся слѣдствіемъ его благодѣтельныхъ преобразованій. Въ инструкціи воеводѣ ему уже поручается попеченіе объ «академіяхъ», и это въ той провинціи, гдѣ еще предстояло создавать начальныя цыфирныя школы; въ регламентѣ и инструкціи главному магистрату воображенію преобразователя рисуется русскій городъ, населенный учеными и художниками, процвѣтающій ремеслами, промышленностью и торговлей. Въ инструкціи земскому комиссару онъ вѣритъ въ возможность искорененія всѣхъ прегрѣшеній и въ торжество добродѣтели, чего и предпи-

[1]) П. С. З. № 3295 г. (инстр. земск. ком.); № 3294, 17 (инстр. воеводѣ). *Милюковъ*, Госуд. хоз., 584; П. С. З. № 3295, 20.

сываетъ добиваться администраціи. Таково уже свойство реформаціонныхъ эпохъ, которыя всегда проникнуты оптимистическими чаяніями, смѣлыми надеждами и вѣрою въ достижимость высокихъ намѣченныхъ задачъ. Эти черты носитъ на себѣ и административная реформа Петра. Дѣйствительность разбила во многомъ мечты и надежды. Широкія задачи администраціи, намѣченныя въ инструкціяхъ, должны были съ первыхъ же шаговъ построенныхъ на новыхъ началахъ учрежденій, вступить въ борьбу съ узкою, но неизбѣжною практикою дѣйствительности, и не онѣ вышли побѣдителями. Прослѣдить ихъ крушеніе въ одной категоріи реформированныхъ учрежденій, въ областномъ управленіи и составитъ предметъ дальнѣйшаго изслѣдованія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Областныя административныя учрежденія.

I.

Введеніе новой администраціи по шведскому образцу, какъ въ центрѣ, такъ и въ мѣстности шло медленнѣе, чѣмъ это предполагалось преобразователемъ. Первыя практическія распоряженія объ организаціи системы коллегій, давно уже предварительно обсуждавшейся, относятся къ 11 и 15 декабря 1717 г., когда были установлены штаты коллегій, назначены ихъ президенты и вице-президенты, указанъ порядокъ комплектованія ихъ необходимымъ персоналомъ, и опредѣлено время вступленія ихъ въ дѣйствіе. Въ теченіе всего 1718 г. должна была идти въ коллегіяхъ лишь подготовительная работа; открыть же ихъ настоящую дѣятельность предполагалось только съ 1719 года. Однако, подготовка къ открытію подвигалась съ медленностью, раздражавшей нетерпѣливаго преобразователя. «Господа сенатъ», писалъ онъ уже 2 іюня 1718 г., «въ прошломъ декабрѣ я при отъѣздѣ своемъ начало учинилъ коллегіямъ, и чтобъ оныя въ нынѣшнемъ году себя въ такое состояніе привели, дабы съ будущаго 1719 года въ состояніи были каждая свое дѣло зачать. А когда возвратился я изъ Москвы, тогда нашелъ въ нѣкоторыхъ немного, а въ иныхъ ничего. Того ради господамъ президентамъ накрѣпко нынѣ подтверждается, дабы коллегіи свои съ ревностью въ дѣло производили». Для ускоренія хода организаціи коллегій Петръ принялъ энергическія мѣры. Надзоръ за этимъ дѣломъ, напоминаніе о немъ президентамъ коллегій и возбужденіе ихъ энергіи было поручено генералу Ягужинскому; кромѣ того царь приказалъ доносить себѣ ежемѣсячно, «сколько которая коллегія аванжировала, дабы видѣть ревностнаго и презорцу». Уѣзжая изъ Петербурга въ іюлѣ того же года, онъ вновь черезъ Ягужинскаго напомнилъ президентамъ коллегій, чтобы они «не ослабѣвали». Несмотря однако на эти настойчивыя понуканія, подготовительныя работы къ концу 1718 года были настолько еще далеки отъ своего завершенія, что 12 декабря былъ

изданъ указъ, откладывавшій вступленіе коллегій въ дѣйствіе еще на годъ и предписывавшій въ 1719 году въ коллегіяхъ вести дѣло старымъ порядкомъ, «а съ 1720 года новымъ манеромъ, понеже новымъ манеромъ еще не управились». Но и въ 1720 году организація коллегій не была еще вполнѣ закончена. Для большинства коллегій не было составлено инструкцій, которыми должна была регулироваться ихъ дѣятельность. Хотя въ одномъ изъ указовъ, относящихся еще къ декабрю 1718 года, было дано категорическое обѣщаніе опубликовать вскорѣ регламенты всѣхъ коллегій, однако въ 1719 году были утверждены регламенты только трехъ: камеръ, штатсъ-конторъ и коммерцъ-коллегій, а остальнымъ пришлось ждать ихъ напрасно и въ теченіе 1720 года. Точно такъ же и комплектованіе коллегій персоналомъ не было въ этомъ году закончено, и юстицъ-коллегія, напр., жаловалась сенату на недостатокъ въ членахъ. Значительная доля персонала коллегій должна была состоять изъ иностранцевъ, но назначенные иностранцы страдали, не получая обѣщаннаго жалованья, приставали съ упреками и жалобами къ Фику, завѣдывавшему приглашеніемъ ихъ на службу въ коллегіи, который въ свою очередь постоянно докучалъ объ этомъ сенату, указывая, что иностранные служители, не обезпеченные помѣстьями, съ которыхъ обязаны были служить русскіе чины коллегій, принуждены терпѣть жестокую нужду. Иностранцамъ этимъ обѣщаны были казенныя квартиры, но тотъ же Фикъ доносилъ, что отведенные имъ шесть дворовъ неисправны, а архитекторъ Трезенъ, на обязанности котораго лежало устройство квартиръ для коллежскихъ служащихъ изъ иностранцевъ, на вопросы ихъ о квартирахъ отвѣчаетъ съ раздраженіемъ, кричитъ и «невѣжливо отсылаетъ».

Для новой областной администраціи былъ особенно важенъ успѣхъ въ организаціи камеръ-коллегіи, съ которою мѣстное управленіе должно было имѣть наиболѣе тѣсную связь. Но и здѣсь дѣло шло не лучше другихъ коллегій. Главною ея задачей былъ сборъ государственныхъ доходовъ, и первымъ ея шагомъ должно было быть составленіе окладной книги по всему государству, безъ которой невозможно было ихъ взиманіе. Между тѣмъ въ концѣ 1719 г., даннаго на предварительную подготовку, президентъ этой коллегіи кн. Д. М. Голицынъ донесъ Петру, что въ коллегіи еще не имѣется полныхъ свѣдѣній о приходахъ и расходахъ государства, и что поэтому она и не можетъ начать своихъ дѣйствій, и Петръ принужденъ былъ на этомъ докладѣ положить резолюцію, что «на наступающій 1720 годъ дается сроку по старому, но съ начала 1721 года, конечно, зачать по новому регламенту». Для составленія общей окладной книги необходимо было стя-

нуть въ коллегію финансовыя вѣдомости изъ провинцій, а провинціи высылали ихъ неаккуратно, да и составляли ихъ неправильно, такъ что приходилось ихъ возвращать. Для ускоренія дѣятельности мѣстной администраціи принимались также чрезвычайныя мѣры, и подобно тому, какъ для надзора надъ президентами коллегій былъ поставленъ генералъ Ягужинскій, въ провинціи командировались офицеры гвардіи съ чрезвычайными полномочіями. Но эти посланные принуждены были доносить, что мѣстныя власти въ иныхъ мѣстахъ вѣдомостей не окончили, а «въ иныхъ и ничего не учинили, а которыя и сочиняются и то съ послабленіемъ, о чемъ ихъ оные посланные понуждаютъ, и они ихъ не слушаютъ». Въ свою очередь и губернаторы оправдывались въ медленности своихъ дѣйствій дальностью разстояній и недостаткомъ имѣвшагося въ ихъ распоряженіи приказнаго персонала: малолюдствомъ подъячихъ при многодѣльствѣ въ канцеляріяхъ, какъ тогда выражались. Перемѣна административныхъ учрежденій въ мѣстности, совпавшая какъ разъ съ требованіемъ вѣдомостей для коллегій, также не могла не отразиться на успѣшности ихъ составленія. Въ результатѣ, «вѣдомости по вопросамъ», т. е. отвѣты мѣстной администраціи на запросы камеръ-коллегіи, необходимые для составленія окладной книги, не всѣ были присланы еще и въ 1721 г., такъ что составленіе этой книги, безъ которой коллегія не могла начать серьезно дѣйствовать, было окончено только въ 1722 г. [1]).

Не быстрѣе шла организація и новыхъ провинціальныхъ учрежденій. Какъ мы уже видѣли выше, расписаніе Россіи на новыя областныя единицы, провинціи, было окончено и утверждено Петромъ 29 мая 1719 года. Въ этотъ же день назначены были и воеводы въ провинціи петербургской губерніи, гдѣ начать управленіе новымъ порядкомъ предписано было съ 1 іюля того же года. Воеводъ въ остальныя провинціи долженъ былъ назначить сенатъ съ тѣмъ, чтобы новая администрація вездѣ могла вступить въ дѣйствіе съ 1 января слѣдующаго 1720 года. Прежнему административному персоналу губерній, т. е. ландратамъ, было предписано немедленно же начать приготовляться къ сдачѣ своихъ округовъ вновь назначеннымъ воеводамъ.

[1] П. С. З. №№ 3128, 3129, 3133. Дѣла сената, кн. 650, л. 109; кн. 42, л. 424; кн. 605, л. 106; кн. 42, л. 259. П. С. З. №№ 3244, 3255, 3468. Дѣла сен. кн. 78, л. 1073; кн. 68, л. 115. П. С. З. № 3495. Дѣл. сената, кн. 811, л. 111: «изъ воронежской и изъ другихъ губерній многихъ вѣдомостей по вопросамъ не прислали. Ландраты.., не учиня оныхъ вѣдомостей, отбыли къ другимъ дѣламъ». *Милюковъ*, Госуд. хоз. 590—91, 599—600.

Освобождавшійся такимъ образомъ ландратскій составъ поступалъ въ вѣдѣніе камеръ-коллегіи и, по большой части, вновь получалъ изъ нея назначенія на открывавшіяся провинціальныя должности. Въ теченіе всей осени 1719 г., съ августа по декабрь, сенатъ занимался назначеніемъ и отправкою воеводъ по провинціямъ. Кандидаты въ воеводы доставлялись обыкновенно тѣмъ же слоемъ служилаго класса, изъ котораго замѣщались ранѣе должности ландратовъ и комендантовъ, слоемъ, который до Петра назывался чинами московскими, а при немъ сталъ носить названіе «царедворцевъ». Вновь назначенному на воеводство вручался въ сенатской канцеляріи указъ о назначеніи, а также экземпляръ воеводской инструкціи; онъ захватывалъ съ собою указъ на имя прежней администраціи тѣхъ городовъ съ уѣздами, изъ которыхъ состояла его провинція, о сдачѣ ему управленія и указъ на имя соборнаго протопопа его будущей резиденціи о приведеніи его къ спеціальной присягѣ, текстъ которой былъ помѣщенъ во главѣ инструкціи. Снабдивъ воеводу всѣми этими бумагами и снесясь съ коллегіей иностранныхъ дѣлъ, завѣдывавшей ямскимъ приказомъ, о выдачѣ ему подорожной на десять подводъ, сенатская канцелярія отправляла его къ мѣсту его назначенія. Вмѣстѣ съ воеводами назначались и земскіе секретари, обыкновенно по представленію первыхъ. Секретарямъ также при отправленіи вручалась инструкція и указъ о приведеніи къ соотвѣтствующей присягѣ, причемъ обыкновенно взыскивалось со вновь назначеннаго 100 рублей на содержаніе лазаретовъ. Если припомнить, что эта цыфра въ переводѣ на наши деньги составитъ развѣ немногимъ меньше тысячи рублей, то легко понять, что должность земскаго секретаря въ провинціи настолько манила аппетитъ, что кандидаты на нее не задумывались передъ такимъ значительнымъ единовременнымъ взносомъ въ казну [1]).

Указы Петра о томъ, чтобы новое областное управленіе вездѣ вступило въ дѣйствіе не позже 1 января 1720 г., не осуществились, и во многихъ провинціяхъ организація новаго административнаго штата замедлилась. Несмотря на то, что сенатъ предписывалъ коллегіямъ, производившимъ назначенія на второстепенныя должности по мѣстному управленію, доводить о нихъ до своего свѣдѣнія, онъ еще въ февралѣ 1720 г. не имѣлъ извѣстій ни о многихъ изъ этихъ назначеній, ни вообще о ходѣ новаго порядка управленія во многихъ про-

[1]) П. С. З. № 3380; дѣл. сен. кн. 114, л. 507 и сл. П. С. З. №№ 3390, 3354. Дѣл. сен. кн. 69, л. 382: кн. 1882, л. 172, 176, 191, 196, 226; кн. 69, л. 363—439; кн. 81, л. 781.

винціяхъ. Да и самъ сенатъ долго не могъ привыкнуть ни къ новому областному раздѣленію, ни къ новымъ административнымъ назначеніямъ и еще въ іюнѣ 1720 г. продолжалъ посылать указы въ азовскую губернію на имя генералъ-адмирала Апраксина, несмотря на то, что этотъ послѣдній въ маѣ 1719 г. былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ ревельской провинціи. Въ теченіе 1720 г. поступали въ сенатъ извѣстія, показывавшія, что новый порядокъ не вездѣ могъ открыть свои дѣйствія съ начала этого года. Во-первыхъ, новый административный персоналъ не вездѣ былъ назначенъ къ сроку, а затѣмъ не во всѣ провинціи явился къ сроку тотъ персоналъ, который былъ назначенъ. Изъ московской губерніи доносили, что въ провинціи, на которыя эта губернія была теперь раздѣлена, въ январѣ 1720 г. воеводъ и прочихъ чиновниковъ, положенныхъ по штату, «явилось малое число, и тѣ еще въ дѣйство не вступили». Въ одну изъ провинцій этой губерніи, тульскую, воевода прибылъ только 6 апрѣля этого года. Воеводъ приходилось торопить выѣзжать въ свои провинціи, и на одного изъ секретарей сената была возложена спеціальная обязанность «понуждать» тѣхъ воеводъ, которые загостились въ Москвѣ и не спѣшили съ ней разставаться. Иныхъ приходилось разыскивать по ихъ деревнямъ, гдѣ они крылись, со дня на день откладывая отъѣздъ на службу. «Къ стольнику и воеводѣ Бестужеву-Рюмину», читаемъ мы въ одномъ сенатскомъ постановленіи, «послать изъ Москвы нарочнаго курьера съ указомъ и его, Бестужева-Рюмина, изъ козельской его вотчины выслать въ Москву, несмотря ни на какія отговорки, немедленно» и затѣмъ, приведя его къ присягѣ и вручивъ ему инструкцію, отправить его какъ можно скорѣе въ пошехонскую провинцію, въ которую онъ былъ назначенъ. Еще медленнѣе, чѣмъ воеводы, прибывалъ въ провинціи второстепенный административный персоналъ: камериры, рентмейстеры, земскіе комиссары и секретари. Въ половинѣ января 1720 года шацкая провинція доносила сенату, что назначенные въ нее камериръ и восемь человѣкъ земскихъ комиссаровъ—никто не явились, отчего денежнымъ сборамъ и другимъ положеннымъ дѣламъ чинится немалая остановка Въ половинѣ февраля того же года въ тамбовскую провинцію не пріѣхали еще ни камериръ, ни рентмейстеръ, ни земскіе комиссары за исключеніемъ трехъ. Астраханская провинція жаловалась уже въ сентябрѣ 1720 года, что въ ней нѣтъ ни камерира, ни рентмейстера, ни единаго земскаго комиссара. Въ галицкую провинцію рентмейстеръ не явился еще и въ іюлѣ 1721 г. Сенатъ принужденъ былъ предписать воеводамъ самимъ «сыскивать» неявившихся въ ихъ провинціи каме-

рировъ и комиссаровъ, грозя этимъ послѣднимъ конфискаціей имуществъ [1]).

Но и послѣ того, какъ новые чины мѣстнаго управленія являлись въ провинціи, они иногда не скоро могли приступить къ исполненію своихъ обязанностей, будучи силою обстоятельствъ вынуждены бездѣйствовать. Смѣна двухъ областныхъ управленій, которая тогда происходила, не могла не тормазить начала дѣятельности новой администраціи. Прежнему ландратскому персоналу предписывалось не прежде уѣзжать съ своихъ постовъ, какъ сдавъ всѣ дѣла въ полномъ порядкѣ вновь назначеннымъ воеводамъ и камерирамъ и обмѣнявшись съ ними «росписными списками», содержавшими въ себѣ опись передаваемыхъ дѣлъ и казеннаго имущества, и это предписаніе ставило ландратовъ въ затруднительное положеніе. Большинство изъ нихъ были назначены на новыя провинціальныя должности: въ воеводы, въ камериры или судьи, и нерѣдко случалось, что къ получившему такое назначеніе ландрату приходили въ одно и то же время два указа: однимъ предписывалось ему въ качествѣ вновь назначеннаго воеводы или камерира какъ можно скорѣе ѣхать въ свою провинцію; другимъ—дожидаться на мѣстѣ новаго, иногда запаздывавшаго воеводу, чтобы сдать ему свою должность. Такимъ образомъ многіе ландраты принуждены были нарушать либо одинъ, либо другой изъ двухъ противорѣчивыхъ указовъ, если только не нарушали и тотъ, и другой, уѣзжая и скрываясь въ деревнѣ. Вотъ почему одни изъ нихъ вопреки второму указу соблюдали первый и спѣшили уѣхать изъ своихъ долей, не дождавшись пріѣзда вновь на-

[1]) Дѣл. сен. кн. 1884, 14 окт. 1719 г.; кн. 1885, 6 февр. 1720 г.; кн. 68, л. 260 и сл.; кн. 1886, 8 іюня 1720 г.; кн. 126, л. 724; кн. 124, л. 414; кн. 1884, 9 окт. 1719; 28 окт. 1719 г.; кн. 1885, 18 февр. 1720; кн. 69, л. 157, л. 374-5; кн. 93, л. 183; кн. 81, л. 857 и сл.; кн. 126, л. 1405. Другіе случаи неявки въ срокъ: кн. 93, л. 99; кн. 107, л. 238; кн. 68, л. 283, л. 415. Въ провинціяхъ, входившихъ въ составъ прежней петербургской губерніи, дѣйствіе новаго управленія должно было начаться съ 1 іюня 1719 г., но земскіе секретари псковской и новгородской провинцій получили назначеніе только осенью того же года. Во многихъ провинціяхъ эта должность не была занята и втеченіе всего 1720 года. Дѣла сен. кн. 191, л. 332 и сл.; кн. 124, л. 865; кн. 93, л. 99; кн. 68, л. 283. Секретарь въ шацкую провинцію назначенъ только 17 дек. 1720 г.; только въ январѣ 1721 г. состоялось назначеніе секретарей въ провинціи: рижскую, тверскую, арзамасскую, свіяжскую, тамбовскую, владимірскую, галицкую: ibid., кн. 69, л. 437; въ устюжской секретаря не было еще и въ февралѣ 1721 г.: кн. 81, л. 886 и сл.

значенныхъ воеводъ и не сдавъ имъ должность, а отсутствіе росписнаго списка мѣшало новой администраціи скоро разобраться въ дѣлахъ своего вѣдомства и заставляло ее блуждать въ канцелярскихъ потемкахъ и потратить много времени на разборъ путаницы въ дѣлахъ, оставленныхъ ей въ наслѣдство; другіе вопреки первому указу соблюдали второй и запаздывали пріѣздомъ на новыя мѣста, ожидая на старыхъ тѣхъ администраторовъ, которымъ они должны были сдать во всемъ порядкѣ должность. Тульскій воевода И. Даниловъ, пріѣхавъ въ свою провинцію, какъ мы видѣли, съ большимъ опозданіемъ, только въ апрѣлѣ 1720 года, писалъ въ сенатъ, что оба ландрата, доли которыхъ образовали тульскую провинцію, уѣхали, не сдавъ ему дѣлъ и не расписавшись съ нимъ. Изъ нихъ одинъ, алексинской доли, М. Шепелевъ получилъ назначеніе въ алексинскіе же судьи и въ этомъ новомъ званіи, очевидно, считая себя нисколько не подчиненнымъ воеводѣ, уѣхалъ въ свою калужскую вотчину и не обнаруживалъ никакого намѣренія являться къ воеводѣ, несмотря на его многократныя повѣстки. Куда изчезъ другой ландратъ, тульской доли, воеводѣ вовсе не было извѣстно. Точно такая же жалоба была представлена елецкимъ воеводой на ландрата скопинской доли, вошедшей въ составъ елецкой провинціи—Ѳ. Ляпунова, который, получивъ назначеніе въ воеводы въ Шацкъ, уѣхалъ туда, не дождавшись елецкаго воеводы и передавъ дѣла доли одному изъ подъячихъ, съ которымъ ни въ чемъ не расписался. Создавалась оригинальная цѣпь обвиненій, такъ какъ ландратъ Ляпуновъ, пріѣхавъ въ Шацкъ и сдѣлавшись воеводой, выступилъ съ такою же жалобой противъ ландратовъ керенской и темниковской долей, входившихъ въ составъ его провинціи, и обвинялъ ихъ въ такомъ же съѣздѣ безъ сдачи должности, въ какомъ обвинялся и самъ со стороны елецкаго воеводы [1]).

Бывали, впрочемъ, и противоположные случаи, когда чины прежней администраціи крѣпко сидѣли на своихъ мѣстахъ, спугнуть съ которыхъ долго не могла ихъ прибывшая новая. Въ одномъ изъ своихъ указовъ камеръ-коллегія уже осенью 1720 года обращала вниманіе на то, что повсемѣстно въ провинціяхъ можно встрѣтить еще чиновъ

[1]) Дѣла сен. кн. 374, л. 75 и сл.: росписной списокъ г. Углича; кн. 124, л. 414; кн. 69, л. 415 и сл.; л. 434; кн. 81, л. 781, 787. Ливенскій ландратъ Плаутинъ былъ назначенъ камериромъ въ Бѣлгородъ, куда и отправился, не дожидаясь пріѣзда провинціальнаго воеводы, и, такъ какъ некому было сдать должность, то принужденъ былъ «силою» посадить на свое мѣсто одного изъ ливенскихъ обывателей. Другіе примѣры: дѣла сената, кн. 126, л. 358 и слѣд.; кн. 128, л. 460—467,

старой администраціи, «ландратовъ и другихъ сборщиковъ», которые продолжаютъ свою финансовую дѣятельность, несмотря на прибытіе уже назначенныхъ изъ камеръ-коллегіи камерировъ и земскихъ комиссаровъ. Причины такой цѣпкой привязанности къ насиженному мѣсту бывали различны. Иногда прежній администраторъ встрѣчалъ затрудненія при составленіи отчета, необходимаго при передачѣ должности. Такъ, угличскій ландратъ Нарышкинъ долго не хотѣлъ сдавать должности пріѣхавшему въ Угличъ воеводѣ Бутурлину и не выѣзжалъ въ Ярославль, куда онъ самъ былъ назначенъ воеводой; впослѣдствіи было обнаружено, что этотъ ландратъ за время своего управленія угличской долей совершилъ значительную растрату казенныхъ денегъ, раскрытія которой и боялся при передачѣ должности. Въ московской губерніи прежнихъ ландратовъ старалось удержать само губернское начальство. Воевода рязанской провинціи Ржевскій въ концѣ 1720 г. жаловался сенату, что онъ, хотя и явился въ свою провинцію, но все еще не можетъ приступить къ дѣлу, такъ какъ ландраты не сдаютъ ему безъ указа отъ московскаго губернатора, которому они были подчинены, своихъ областей; что прибывшій въ провинцію камериръ захваченъ въ губернскую канцелярію, а рентмейстеръ изъ той же губернской канцеляріи посланъ въ одинъ изъ городовъ исполнять должность ландрата. Такъ какъ нѣкоторые изъ прежнихъ ландратовъ уѣхали изъ рязанской провинціи, то на мѣсто ихъ губернаторъ прислалъ новыхъ, которые и продолжаютъ управлять провинціей на старыхъ основаніяхъ, а онъ, воевода, живетъ безъ всякаго дѣла. Дѣло въ томъ, что московскій губернаторъ истолковалъ указы, откладывавшіе до 1721 года новый порядокъ дѣятельности камеръ-коллегіи по взиманію сборовъ, какъ отсрочку дѣятельности также и новаго областнаго персонала, и поэтому не только удерживалъ на своихъ мѣстахъ старыхъ ландратовъ, но и продолжалъ замѣщать открывавшіяся ландратскія вакансіи назначеніемъ новыхъ. Другою причиною, по которой ландраты продолжали сидѣть въ своихъ доляхъ, было то, что многіе изъ нихъ не успѣли окончить къ 1720 году подворную перепись, составленіе которой имъ было поручено еще въ 1715 г., и которую они должны были кончить къ 1717 г., а также не собрали поголовныхъ сказокъ, какія стали требоваться съ 1718 г. для предполагавшагося тогда введенія подушной подати. При этомъ значительное осложненіе и путаницу во взаимныя отношенія обѣихъ администрацій вносили указы центральнаго правительства, которыми вновь назначеннымъ воеводамъ предписывалось высылать запоздавшихъ переписью или пріемомъ сказокъ ландратовъ въ Петербургъ подъ карауломъ и даже въ око-

вахъ. Такимъ образомъ смѣна администрацій вызывала полный хаосъ въ мѣстномъ управленіи, котораго слѣдовало ожидать и который слѣдовало предупредить заблаговременными обстоятельными распоряженіями; но такихъ распоряженій и вообще какого-либо предварительнаго плана смѣны двухъ системъ сдѣлано не было. Отсюда и выходило, что въ однихъ провинціяхъ новый порядокъ управленія не могъ начать своего дѣйствія потому, что представители старой администраціи уѣхали, не дождавшись прибытія новаго персонала и не посвятивъ его въ ходъ управленія, такъ что этотъ персоналъ, не получивъ необходимыхъ финансовыхъ вѣдомостей и документовъ, былъ на нѣкоторое время парализованъ, пока не оріентировался въ новой обстановкѣ. Въ другихъ, наоборотъ, старый персоналъ сидѣлъ настолько крѣпко, что его приходилось выживать путемъ жалобъ въ сенатъ, и не давалъ новому открыть дѣйствія. Возникалъ запутанный и неразрѣшимый узелъ противорѣчій. Вновь назначеннымъ воеводамъ строго предписывалось вступить въ должность непремѣнно съ 1 января 1720 г. Прежній ландратъ, во-первыхъ, получалъ указъ не покидать своей доли, не сдавъ правленія воеводѣ; во-вторыхъ, если онъ былъ назначенъ въ составъ новой администраціи,—спѣшить въ свою провинцію, и, наконецъ, въ-третьихъ, его велѣно было иногда везти въ цѣпяхъ въ Петербургъ съ переписными книгами. Воевода предъявлялъ ландрату указъ о сдачѣ должности, а ландратъ показывалъ воеводѣ указъ губернатора о продолженіи своей дѣятельности. Въ результатѣ, конечно, получалось переходное состояніе, когда старый порядокъ прекращалъ свое дѣйствіе, а новый его еще не начиналъ, переходное состояніе, порождавшее въ мѣстномъ управленіи тотъ полный безпорядокъ, картину котораго рисуетъ московскій губернаторъ въ своихъ донесеніяхъ сенату. «Все стало въ остановкѣ», пишетъ онъ въ одномъ изъ нихъ, «нынѣ не точію по новому манеру, но и по старому сбирать стало некому, понеже ландраты, которые въ московской губерніи были у дѣлъ въ доляхъ, и оные указами изъ канцеляріи сената и изъ коллегій разобраны къ разнымъ дѣламъ и въ другія губерніи, а именно: въ камериры, въ рентмейстеры и въ комиссары, и въ судьи», тогда какъ воеводъ въ Москвѣ «явилось малое число, и тѣ еще въ дѣйство не вступили» [1]).

[1]) Дѣла сен. кн. 374, л. 75; кн. 126, л. 1405, л. 358 и сл.; кн. 128, л. 218; кн. 124, л. 854; кн. 85, л. 194; кн. 126, л. 731; кн. 191, лл. 14—26, 30, 57, 35—48, 103; кн. 126, л. 724, 726, 1333. Въ Сибири, расписать которую на провинціи было велѣно сибирскому губернатору кн. Черкасскому, вве-

II.

Итакъ, реформа учрежденій и въ центрѣ, и въ мѣстности двигалась далеко не съ тою скоростью, какъ бы хотѣлось преобразователю. Коллегіи значительно опаздывали сравнительно съ даннымъ имъ срокомъ; въ областномъ управленіи въ 1719 г. было осуществлено лишь расписаніе старыхъ губерній на провинціи, да составлены инструкціи новымъ областнымъ чинамъ. Слѣдующій 1720 годъ прошелъ въ организаціи провинціальнаго штата и въ отправкѣ его на мѣста дѣйствія, и только съ 1721 г. начинаетъ болѣе или менѣе правильно функціонировать повсюду новая областная администрація.

Прежде, чѣмъ посмотрѣть, какъ эта администрація дѣйствовала въ тотъ недолгій періодъ времени, въ какой она существовала, надо опредѣлить ея мѣсто въ общей административной системѣ государства, для чего рѣшить два неизбѣжные вопроса: во-первыхъ, въ какія отношенія стала новая провинція къ прежней губерніи, а во-вторыхъ, въ какія отношенія она стала къ центральнымъ органамъ: коллегіямъ и сенату. Какъ мы уже видѣли выше, по проектамъ Фика провинція предполагалась, какъ совершенно самостоятельная, независимая отъ губернскаго центра областная единица, и въ этомъ заключалось ея отличіе отъ предыдущаго областнаго дѣленія, ландратской доли. Такой порядокъ былъ отраженіемъ шведскаго, гдѣ, какъ его изображалъ Фикъ, «хотя одинъ губернаторъ больше, честнѣе и важнѣе предъ другимъ, однакожъ начальство оныхъ въ повѣренныхъ имъ провинціяхъ и княжествахъ равное, и ни въ чемъ не зависитъ малый отъ большаго, но токмо, какъ одинъ, такъ и другой прямо королевскаго и государственнаго коллегія указомъ и дирекціи послушны». Въ какой же мѣрѣ это предположеніе было проведено въ дѣйствительности? «Въ 1719 году Петръ замѣнилъ ландратовъ воеводами», писалъ С. М. Соловьевъ, коснувшись этого вопроса, «и въ какихъ отношеніяхъ находились послѣдніе къ губернаторамъ, мы не знаемъ». Новые документы бросаютъ свѣтъ на эти неясныя для историка Россіи отношенія. Съ замѣной ландратской администраціи воеводами должно было прекратиться воздѣйствіе губернской власти на провинціи, выкроенныя изъ прежнихъ губерній. Въ концѣ 1719 г. сенатъ предписывалъ ландратамъ и ихъ комиссарамъ подчиняться губернаторамъ до тѣхъ поръ,

деніе новаго штата не было завершено еще въ концѣ 1724 г. П. С. З. №№ 3378; 4606.

пока они не сдадутъ власти вновь назначеннымъ воеводамъ, и факты показываютъ, что самостоятельность провинціальнаго управленія и независимость его отъ губернскаго центра осуществились на практикѣ въ гораздо большей степени, чѣмъ какая-либо другая черта реформы. Общаго и постояннаго іерархическаго отношенія къ губернатору, подобнаго отношенію ландратовъ въ періодъ ихъ управленія долями (1715—1719 гг.), у воеводъ, назначенныхъ съ 1719 г., не было; они не были подчинены губернаторамъ и не составляли относительно послѣднихъ низшей инстанціи по всему объему своей дѣятельности. Только по нѣкоторымъ предметамъ этого объема воевода иногда становился въ іерархическія отношенія къ губернатору, а именно: во-первыхъ, какъ къ органу военной власти, по дѣламъ о рекрутскомъ наборѣ и высылкѣ на губернаторскій смотръ служилыхъ недорослей, такъ какъ эти дѣла поручались губернаторамъ; эти отношенія напоминаютъ отношенія современнаго намъ губернатора къ командующему войсками военнаго округа; во-вторыхъ, какъ къ президенту надворнаго суда, составлявшаго высшую инстанцію относительно суда провинціальнаго, предсѣдателемъ котораго сталъ воевода. Но второй случай сталъ возможенъ только съ 1722 г., когда судебная власть въ провинціи, прежде представленная особыми органами, перешла въ руки воеводъ, и имѣлъ мѣсто не во всѣхъ губерніяхъ, такъ какъ не вездѣ губернаторы сдѣлались президентами надворныхъ судовъ [1]. Притомъ это было подчиненіе не губернатору лично, а цѣлому коллегіальному судебному учрежденію, во главѣ котораго онъ стоялъ. До 1722 г. воевода, хотя и обязанъ былъ приводить въ исполненіе рѣшенія надворнаго суда, но не былъ ему подчиненъ непосредственно, такъ какъ не принадлежалъ къ составу судебной іерархіи; по инструкціи 1719 г. онъ могъ даже пріостановить исполненіе рѣшенія суда, войдя о томъ къ суду съ особымъ представленіемъ. Итакъ, на практикѣ подчиненіе провинціальныхъ воеводъ губернаторамъ существовало только въ нѣкоторыхъ сферахъ ихъ дѣятельности, а именно: по дѣламъ военной повинности и по судебнымъ дѣламъ; но дѣла перваго рода имѣли экстренный характеръ, возникая только при объявленіи рекрутскихъ наборовъ и вы-

[1]) Только съ такими ограниченіями можетъ быть принято мнѣніе проф. Милюкова, Госуд. хоз. стр. 624: «На практикѣ старыя губерніи продолжали сохранять значеніе высшихъ областныхъ центровъ, и провинціальный воевода продолжалъ подчиняться мѣстному губернатору. Такимъ образомъ, провинція сдѣлалась сперва фактически, а потомъ и юридически подраздѣленіемъ русской губерніи, только нѣсколько болѣе крупнымъ, чѣмъ до нея была доля».

зова недорослей, а второй родъ іерархическихъ отношеній возникъ только съ 1722 г. и не былъ явленіемъ, общимъ для всѣхъ губерній. По всѣмъ остальнымъ предметамъ своей дѣятельности воеводы были независимы отъ губернаторовъ.

Правда, въ особенности въ первое время дѣйствія новаго порядка администраціи, бывали отдѣльные случаи вмѣшательства губернаторовъ въ провинціальныя дѣла и послѣ того, какъ ландраты удалились изъ областей, и въ управленіе провинціями вступили воеводы. Такъ, тамбовскій воевода Глѣбовъ въ концѣ 1720 года доносилъ сенату, что въ одну изъ деревень его провинціи явился командированный изъ губернскаго города Воронежа отъ вице-губернатора Колычева отрядъ солдатъ подъ предводительствомъ офицера, который, собравъ жителей деревни, жестоко ихъ избилъ, а дворы ихъ разорилъ безъ остатка. Дѣло, очевидно, шло о взысканіи какихъ нибудь недоимокъ. «И того», добавляетъ воевода въ своемъ донесеніи, «вице-губернатору господину Колычеву, не писавъ ко мнѣ, дѣлать не надлежало, понеже вашимъ, царскаго величества, указомъ *въ губерніи опредѣлены разныя провинціи*». Подобныя же нападенія испытывалъ г. Кинешма, входившій прежде въ составъ архангелогородской губерніи, а по новому расписанію включенный въ ярославскую провинцію. Ярославскій воевода жаловался, что въ Кинешму присылаются изъ губернской канцеляріи офицеры, драгуны и солдаты, требуютъ всякаго рода вѣдомостей, арестуютъ и увозятъ въ губернскую канцелярію земскихъ и таможенныхъ бурмистровъ, подъячихъ и посадскихъ людей [1]).

Изъ этихъ донесеній видно, однако, что провинціальные воеводы

[1]) Дѣл. сен. кн. 58, л. 1—16; п. 2; *Соловьевъ*, Ист. Россіи, XVIII, 159, изд. 1884 г. Дѣла сената, кн. 1884: «1719 г. 11 дек. прав. сенатъ приказали: въ губерніи къ прежнимъ губернаторамъ..., также къ прежнимъ, въ доляхъ будучимъ ландратомъ, комиссаромъ и прочимъ управителямъ съ прочетомъ послать указы, въ которыхъ написать, дабы они, прежніе управители, имъ, губернаторамъ, во исправленіи надлежащихъ по е. в. г. указомъ дѣлахъ были послушны пота, пока въ тѣ города новоопредѣленные воеводы прибудутъ и съ ними, прежними управители, распишутся, понеже между такими перемѣнами отъ непослушанія ихъ, прежнихъ управителей, могутъ настоящіе сборы въ доимкѣ, а прочія касающіяся дѣла въ неисполненіи остаться. А буде они, прежніе управители, и по симъ указомъ имъ, губернаторамъ, послушны не будутъ, и за то они жестоко суждены будутъ съ отнятіемъ всѣхъ ихъ имѣній». Дѣла орловской пров. канц. № 1076: производство рекрутскаго набора. Кіевскій губернаторъ налагаетъ штрафъ на орловскую провинціальную администрацію за плохихъ присланныхъ рекрутъ. П. С. З. № 3631. Дѣла сен. кн. 70, л. 330; кн. 195, л. 435; кн. 81, л. 833.

смотрятъ на подобныя вмѣшательства губернской власти, какъ на нарушеніе своихъ правъ, на которое и жалуются сенату. Случаи такого вмѣшательства порождались въ значительной мѣрѣ тѣмъ противорѣчіемъ, которое не было устранено при смѣнѣ административныхъ порядковъ, благодаря отсутствію предварительно разработаннаго плана перехода отъ одной системы управленія къ другой. Вторгаться въ провинціальное управленіе губернаторъ былъ принужденъ иногда самою силою вещей. Дѣло въ томъ, что въ то время, какъ губернатора лишали власти надъ провинціями, забывали снимать съ него отвѣтственность за полноту сборовъ и за доставку разныхъ вѣдомостей, простиравшуюся на всю территорію прежней губерніи. Такимъ образомъ губернаторская власть сокращалась до предѣловъ провинціи губернскаго города, тогда какъ его отвѣтственность продолжала покрывать собою и тѣ провинціи, которыя выдѣлены были изъ губерніи, и правительство продолжало взыскивать съ него за провинціальныя недоимки. Эта продолжавшая тяготѣть на губернаторѣ послѣ 1719 г. отвѣтственность ставила его въ затруднительное положеніе между непокорнымъ провинціальнымъ воеводой съ одной стороны и требовательной центральной властью съ другой и иногда побуждала его дѣйствовать силой. До какой степени неясно было ихъ положеніе для самихъ губернаторовъ въ переходное время, видно, напримѣръ, изъ того, что московскій губернаторъ въ началѣ 1720 г. совершенно недоумѣвалъ, обязаны ли вновь назначенные воеводы высылать сборы съ провинцій въ Москву, въ губернское казначейство, какъ это дѣлали прежде ландраты, или же должны отправлять ихъ непосредственно въ коллегіи; онъ сѣтовалъ въ своей перепискѣ съ сенатомъ на то, что не сдѣлано никакого постановленія, которое бы освобождало губернаторовъ отъ всякихъ взысканій за неисправность воеводъ въ сборахъ [1]).

Быть можетъ также, случаи вмѣшательства губернаторовъ въ сферу вѣдомства провинціальнаго воеводы, то здѣсь, то тамъ встрѣчающіеся, вызывала и другая причина — старая привычка хозяйничать на всей территоріи губерніи, мѣшавшая забывать разницу между прежнимъ ландратомъ и смѣнившимъ его воеводой. Отвыкнуть отъ прежнихъ порядковъ губернатору было тѣмъ труднѣе, что губернское дѣленіе сохранилось и послѣ 1719 г. и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ продолжало давать себя чувствовать. Правда, значеніе этого дѣленія стало теперь чисто формальнымъ, лишеннымъ конкретнаго содержанія, но сохранившаяся форма не позволяетъ иногда забыть объ изчезнувшемъ

[1]) Дѣл. сен. кн. 126, л. 726.

содержаніи. Губернское дѣленіе продолжало сохраняться въ дѣлопроизводствѣ: по губерніямъ въ центральныхъ учрежденіяхъ составлялись всякаго рода списки, финансовыя вѣдомости и статистическія таблицы. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ мы видѣли, губернское дѣленіе имѣло болѣе, чѣмъ просто бумажный, канцелярскій характеръ. Губерніи получили значеніе территоріальныхъ раздѣленій по спеціальнымъ отраслямъ управленія, военныхъ и судебныхъ округовъ съ губернаторами, какъ окружными органами военной власти, и съ надворными судами, какъ окружными судебными трибуналами. Сюда еще надо присоединить порядокъ сношеній, какой установился между провинціями съ одной стороны и центральными учрежденіями: сенатомъ и коллегіями съ другой, который и послѣ 1719 г. носилъ старыя черты. Эти сношенія продолжали идти черезъ губернію. Какъ извѣстно, до 1719 г. губерніи высылали особыхъ комиссаровъ въ канцелярію сената, которые, постоянно присутствуя въ этой канцеляріи, служили посредниками между сенатомъ и губерніями: черезъ нихъ шли въ сенатъ всѣ губернскія бумаги; они же принимали изъ сенатской канцеляріи указы сената для пересылки въ губернію. Этотъ институтъ губернскихъ комиссаровъ при сенатѣ не только сохранился и послѣ 1719 г., но сталъ также проводникомъ въ сообщеніи съ сенатомъ и для провинцій: губернскій комиссаръ передавалъ сенатскіе указы и въ тѣ провинціи, которыя сформировались изъ его прежней губерніи. Но онъ пересылалъ эти указы въ провинціи черезъ губернскій центръ. Такъ, напр., указъ сената, адресованный въ вологодскую провинцію, попадалъ сначала въ Архангельскъ, несмотря на то, что отъ Вологды до Петербурга считалось всего 670 верстъ, тогда какъ отъ Петербурга до Архангельска 1040 в. Спрошенный въ сенатѣ о причинахъ такого способа пересылки, архангелогородскій комиссаръ объяснилъ, что указы сената и коллегій, данные вологодской провинціи, посылаетъ онъ изъ Петербурга въ Архангельскъ къ вице-губернатору Лодыженскому потому, что такъ было прежде, до расписанія провинцій, когда вице-губернаторъ былъ въ той губерніи главнымъ. Вице-губернаторъ командируетъ въ распоряженіе его, комиссара, нѣкоторое число солдатъ, съ которыми и отправляются бумаги, тогда какъ отъ отдѣльныхъ провинцій такихъ солдатъ при немъ нѣтъ, и поэтому вести съ ними отдѣльныя сношенія ему не черезъ кого. Объясненіе это потребовалось потому, что сенатомъ было обращено вниманіе на чрезмѣрную медленность, съ какою въ провинціи доходили сенатскіе указы, а въ сенатъ получались отвѣты. Выслушавъ его, сенатъ не сдѣлалъ никакого постановленія, и старый порядокъ сношеній продол-

жалъ, очевидно, сохраняться. Губернская канцелярія играла въ этомъ случаѣ, разумѣется, только роль простаго передаточнаго пункта, а не посредствующей инстанціи, какъ это было прежде при сношеніи сената съ ландратской долей черезъ губернію. Но канцелярская рутина не скоро разстается съ старыми привычками, въ особенности если онѣ поддерживаются старыми формами. Этотъ порядокъ сношеній не только губернаторамъ мѣшалъ разучиться дѣйствовать по старому, но наводилъ нѣкоторое затменіе и на центральные органы. Привыкнувъ имѣть дѣло съ комиссарами отъ губерній, канцелярія сената и коллегіи иногда какъ будто совершенно забывали о состоявшемся провинціальномъ дѣленіи, и губернаторамъ приходилось получать отъ нихъ указы, вызывавшіе протестъ съ ихъ стороны. Такъ, кіевскій губернаторъ принужденъ былъ обратиться въ сенатъ съ энергическимъ заявленіемъ, въ которомъ указывалъ, что, несмотря на раздѣленіе кіевской губерніи на самостоятельныя провинціи, къ нему продолжаютъ изъ столицы писать по дѣламъ, касающимся всѣхъ провинцій, да еще и налагаютъ на него взысканія за неисправности въ провинціальномъ управленіи, и сенатъ весной 1721 г. сдѣлалъ особое распоряженіе по своей канцеляріи, чтобъ къ кіевскому губернатору писали о дѣлахъ, касающихся только кіевской провинціи, и штрафовъ за другія, не состоящія въ его вѣдѣніи провинціи на него не налагали [1]).

Если губернаторы и позволяли себѣ иногда вмѣшиваться въ провинціальное управленіе, въ чемъ еще вовсе нельзя видѣть іерархическихъ отношеній, то провинціальные воеводы не только не обнаруживали стремленія подчиняться губернаторамъ, но, напротивъ, довольно

[1]) Дѣл. сен. кн. 86, л. 219; кн. 114, л. 544: доношеніе кіевскаго губернатора отъ 23 ноября 1720 г.: «Въ прошломъ 719 г. по именному ц. в. указу кіевская губернія расписана по провинціямъ на четыре части, въ которыхъ трехъ опредѣлены всякимъ правленіемъ особливые воеводы. И какъ ко мнѣ о исполненіи высокомонаршескихъ дѣлъ, такъ и въ провинціи, прежде къ Кіеву присутственныя въ равной силѣ къ воеводамъ, всякому порознь, присланы изъ канцеляріи пр. сената инструкціи, и по тому... именному указу и инструкціи *я и воеводы, каждый въ своей провинціи, стали быть особливо, а не въ моей диспозиціи.* Но понеже и донынѣ изъ канцеляріи прав. сената и изъ коллегій въ присланныхъ его ц. в. указѣхъ, по которымъ надлежитъ исполнять кромѣ кіевской, въ мою диспозицію порученной, кіевской губерніи въ провинціяхъ онымъ воеводамъ, а приписываютъ къ моему неисправленію и показываютъ штрафы въ такихъ дѣлахъ, которыя къ моей диспозиціи не присутствуютъ, того ради прошу о неприсутственныхъ къ правленію моей диспозиціи дѣлахъ къ Кіеву въ указѣхъ меня впредь не упоминать и напрасные штрафы не приписывать».

упорно отстаивали свою независимость отъ послѣднихъ. Такъ, московскій губернаторъ доносилъ сенату, что тѣ воеводы, которые прибыли въ свои провинціи, ни въ чемъ его не слушаются и запретили своимъ подчиненнымъ исполнять губернаторскія распоряженія. Воевода юрьевъ-польской провинціи, пишетъ далѣе губернаторъ, заявилъ ему словесно, что по посланнымъ отъ него, губернатора, указамъ исполнять и доходовъ къ нему присылать не будетъ; воевода калужской провинціи запретилъ остававшемуся тамъ ландратскому комиссару слушаться губернаторскихъ указовъ. Точно съ такою же жалобою на отказъ провинціальныхъ воеводъ въ повиновеніи обращается къ сенату въ тоже время и архангелогородскій губернаторъ, и сенатъ во всѣхъ этихъ случаяхъ поддерживаетъ самостоятельность воеводъ противъ губернаторскихъ притязаній. Такъ, напр., онъ вполнѣ удовлетворилъ ярославскаго воеводу въ его жалобѣ на вмѣшательство архангелогородской губернской канцеляріи въ его провинцію. Вятка съ Кайгородомъ и Кунгуромъ, прежде входившіе въ составъ сибирской губерніи, по распредѣленію 1719 г. составили особую вятскую провинцію, и въ іюлѣ 1729 г. сенатъ запрещаетъ сибирскому губернатору писать къ вятскому воеводѣ о дѣлахъ вятской провинціи, «понеже та вятская провинція и онъ, воевода, опредѣлены быть особо, и о дѣлахъ, о какихъ принадлежитъ, посылаются изъ сената указы каждой провинціи ко управителямъ особливые» [1]).

Наконецъ, наиболѣе яснымъ показателемъ независимости провинціальнаго воеводы отъ губернатора на практикѣ служитъ отношеніе воеводы къ центральнымъ учрежденіямъ, къ вопросу о которомъ, второму изъ поставленныхъ въ этомъ параграфѣ, мы теперь и подошли. Если бы воевода былъ подчиненъ губернатору, то очевидно, что сношенія съ центральными правительственными учрежденіями онъ велъ бы черезъ него и что въ тѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, въ которыхъ воеводы обращались за указами къ центру, они обращались бы къ губернатору. Между тѣмъ провинція сносится съ центральными мѣстами непосредственно, и если переписка доходитъ изъ провинціи до одной изъ столицъ черезъ губернскую канцелярію, то послѣдняя играетъ въ этомъ движеніи только роль посредствующей почтовой станціи, а не административной инстанціи.

Эти сношенія съ центромъ имѣютъ очень оживленный темпъ. Воевода 1719 г., охраняя свою независимость отъ губернатора, не

[1]) Дѣл. сен. кн. 126, л. 726; кн. 86, л. 49, л. 88; кн. 1885. 1720 г. 11 янв.; 23 іюля.

пріобрѣлъ большей самостоятельности въ дѣйствіяхъ сравнительно съ своимъ предшественникомъ XVII вѣка и поэтому такъ же часто обращался къ центральной власти за разрѣшеніемъ каждаго, даже малѣйшаго случая, казавшагося ему сомнительнымъ. Приэтомъ новое устройство центральной администраціи, съ которой приходилось провинціи вести переписку, доставляло воеводамъ не мало затрудненій. Въ то время, какъ нисхожденіе дѣлъ отъ центра къ провинціи было просто, и сенатъ обращался въ провинціи непосредственно, посылая туда указъ черезъ свою канцелярію, восхожденіе дѣлъ снизу вверхъ, изъ провинцій къ центру, было сложнѣе. Провинціи подчинялись системѣ коллегій по роду дѣлъ каждой и должны были вообще обращаться въ ту коллегію, вѣдѣнію которой подлежало дѣло; только по тѣмъ дѣламъ, которыя не относились къ вѣдомству какой-либо изъ коллегій, провинція обязана была писать непосредственно въ сенатъ. Этотъ порядокъ съ трудомъ налаживался, и воеводы склонны были обращаться въ сенатъ по всѣмъ дѣламъ. Здѣсь прежде всего, можетъ быть, сказывалась привычка знать одно только центральное учрежденіе, какимъ и былъ сенатъ до 1719 г.; затѣмъ, воеводская инструкція не давала яснаго руководства въ томъ, какія дѣла направлять въ сенатъ и какія въ коллегіи; наконецъ, воеводу, очевидно, затрудняла необходимость раздѣлять дѣла по категоріямъ, какъ этого требовало распредѣленіе ихъ между коллегіями, такъ что онъ иногда и не зналъ, въ какую коллегію о какихъ дѣлахъ слѣдовало писать, тѣмъ болѣе, что и самыя коллегіи, какъ мы видѣли, формировались съ большою медленностью. Писать въ сенатъ было во всякомъ случаѣ проще, и, несмотря на то, что уже осенью 1719 г. былъ изданъ указъ, точно опредѣлившій ту категорію дѣлъ, по которымъ воеводы должны были обращаться непосредственно въ сенатъ, а именно: бунтъ, моръ, начало военныхъ дѣйствій, слѣдовательно, только случаи, прерывавшіе и нарушавшіе правильное теченіе управленія—воеводы упорно продолжаютъ не соблюдать этого правила и писать по старому обычаю въ сенатъ, такъ что послѣднему понадобилось неоднократно подтверждать установленное правило и путемъ общихъ распоряженій, и путемъ частныхъ указовъ отдѣльнымъ воеводамъ. Но еще и въ 1723 г. новый порядокъ нарушался. Въ маѣ этого года сенатъ приказалъ присланную отъ бѣлозерскаго воеводы отписку по дѣлу о бѣгломъ разбойникѣ «отослать въ коллегіумъ юстиціи, понеже о такихъ дѣлахъ изъ губерній и провинцій писать въ сенатъ запрещено.., и за такое его, воеводы, несмотрѣніе и продерзость доправить на немъ штрафу 30 рублей» [1]).

[1]) Дѣла сен. кн. 126, л. 1194; П. С. З. № 3508. Дѣла сен. кн. 657,

Изъ всей системы коллегій въ наиболѣе близкія отношенія къ мѣстной администраціи должны были по самому ходу вещей стать двѣ финансовыхъ: штатсъ-конторъ и камеръ-коллегіи подобно тому, какъ мѣстныя судебныя власти стали въ тѣсную связь съ юстицъ-коллегіей. Штатсъ-конторъ-коллегія, составляя бюджетъ расхода всего государства, разрѣшала расходованіе денегъ изъ провинціальныхъ рентерей; она же назначала рентмейстеровъ въ провинціи. Въ особенности тѣсной оказалась зависимость мѣстныхъ учрежденій отъ главной изъ финансовыхъ коллегій — камеръ-коллегіи, къ которой они очутились въ такомъ же отношеніи, въ какое стала бы теперь областная администрація къ министерствамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, если бы представить себѣ эти два министерства соединенными въ одно. Камеръ-коллегія, какъ опредѣляетъ ея дѣятельность ея регламентъ, «имѣетъ вышнее надзираніе и правленіе надъ окладными и неокладными приходы», сама однако не пользуясь правомъ устанавливать новые налоги, которое принадлежало сенату. Она должна была «чинить всякіе сборы, наряды и расположенія». Въ ея вѣдѣніи, кромѣ всякаго рода денежныхъ сборовъ, прямыхъ и косвенныхъ, окладныхъ и неокладныхъ, находилось до учрежденія должности особаго генералъ-провіантмейстера заготовленіе провіанта для войска. Въ значительной мѣрѣ на ней лежитъ и самое комплектованіе войска, такъ какъ ею дѣлается расположеніе рекрутской повинности на населеніе, и самый сборъ рекрутъ до момента передачи ихъ военнымъ властямъ производится подъ ея надзоромъ. Къ администраціи повинностей, податей и всякихъ казенныхъ сборовъ и свелась на практикѣ въ изучаемую эпоху вся дѣятельность

л. 691—695; кн. 92, л. 126: «о расположеніи и о наборѣ рекрутъ указъ учинить въ каморъ-коллегіи и впредь, что объ ономъ сборѣ надлежитъ, требовать и о томъ писать во оную коллегію, и въ сенатъ писать не надлежитъ, понеже рекрутскія расположенія и другіе всякіе сборы вѣдомы въ каморъ-коллегіи, и о томъ великолуцкому воеводѣ послать указъ»; кн. 93, л. 10: «присланное изъ Астрахани отъ воеводы Кикина о разныхъ дѣлахъ доношеніе отослать для изслѣдованія и учиненія указа въ каморъ-коллегію, понеже оныя дѣла касаются до той коллегіи, и о томъ къ нему, Кикину, чтобъ онъ впредь о такихъ дѣлахъ въ сенатъ не писалъ, подъ штрафомъ послать указъ»; кн. 198, л. 170: «и впредь ему, псковскому воеводѣ,... оныя судныя дѣла присылать въ юстицъ-коллегію, а въ сенатъ о томъ писать не надлежитъ, за что подлежалъ было воевода штрафа», 1721 г. 22 марта; кн. 128, л. 219: «а впредь ему, воеводѣ, о такихъ дѣлахъ требовать указа изъ юстицъ-коллегіи»; л. 230 — «впредь ему требовать указа изъ военной коллегіи». См. также: дѣла сен. кн. 814, л. 949; кн. 124, л. 445; кн. 114, л. 657, 664, 705.

камеръ-коллегіи, хотя ея регламентъ ставилъ ей гораздо болѣе широкія задачи, предписывая ей слѣдить за состояніемъ такой крупной отрасли народнаго хозяйства, какою было сельское, содѣйствовать успѣхамъ земледѣлія, скотоводства и рыбныхъ промысловъ, заселять опустѣвшія мѣстности, предотвращая запустѣніе населенныхъ, заботиться о сохраненіи и насажденіи лѣсовъ. Эти предписанія, направленныя къ подъему народнаго благосостоянія, разумѣется, такъ и остались платоническими пожеланіями на бумагѣ, и камеръ-коллегія вмѣсто администраціи тѣхъ источниковъ, откуда шли правительственные рессурсы, занялась исключительно администраціей самихъ этихъ рессурсовъ, распредѣляя ихъ на населеніе и взимая ихъ. Разъ что извлеченіе рессурсовъ изъ населенія въ казну сдѣлалось задачей камеръ-коллегіи, вполнѣ естественно, что она должна была стать въ ближайшія отношенія къ мѣстнымъ орудіямъ этого извлеченія, то есть къ провинціальной администраціи, съ которою ей и предписывалось имѣть «наибольшую корреспонденцію». На камеръ-коллегію было возложено и самое назначеніе агентовъ финансоваго управленія провинціи, вѣдавшихъ взиманіе сборовъ: камерировъ и земскихъ комиссаровъ [1]). Въ нее, далѣе, направлялись жалобы на областную администрацію, на воеводъ и камерировъ въ неправильныхъ дѣйствіяхъ по взиманію податей и сборовъ, и ей было предоставлено право судить и штрафовать ихъ въ случаѣ неисправности въ сборахъ податей, недоставки требуемой коллегіей отчетности и другихъ неправильныхъ дѣйствій по финансовому управленію. Такъ, въ 1720 г. предписано было сенатомъ воеводу ярославской провинціи Нарышкина за неисполненіе посланныхъ къ нему указовъ изъ камеръ-коллегіи и за неприсылку финансовыхъ вѣдомостей «взять въ С.-Петербургъ къ суду въ камеръ-коллегію немедленно». Въ томъ же году

[1]) Воеводы всегда получали назначеніе изъ сената. Ср. словарь Брокгауза XXVII, 202 подъ словомъ камеръ-коллегія: «даже воеводы одно время назначались изъ камеръ-коллегіи». Что воеводы назначались не камеръ-коллегіей, а сенатомъ, это хорошо видно изъ самыхъ производствъ о назначеніи воеводъ въ провинціи, хранящихся въ дѣлахъ сената въ М. Арх. Мин. Юст. См., напр., д. сен. кн. 1882, л. 172—191; ср. дѣл. сен. кн. 1885, 6 февр. 1720 г.: «дабы по преждепосланнымъ изъ сената указомъ о опредѣленныхъ въ губерніи и въ провинціи отъ тѣхъ коллегій къ дѣламъ и впредь опредѣляемыхъ, а именно: изъ *каморъ* о камерирахъ и земскихъ комиссарахъ, и писаряхъ; изъ *штатсъ-конторъ*—о рентмейстерахъ, изъ *юстицъ* о судьяхъ» и т. д.... увѣдомляли сенатъ о прибытіи ихъ на мѣста назначенія. Д. сен. кн. 607, л. 365: «которые *изъ сената* губернаторы и воеводы, также изъ коллегій камериры и рентмейстеры опредѣлены будутъ»... и т. д.

сенатъ грозилъ вообще губернаторамъ и воеводамъ за несвоевременную доставку денежнаго сбора за провіантъ тѣмъ, что они будутъ взяты въ камеръ-коллегію къ суду. «А губернаторовъ и воеводъ», читаемъ мы въ одномъ указѣ слѣдующаго 1721 года, «за неприсылку вѣдомостей и отвѣтовъ и въ другихъ неисправленіяхъ штрафовать въ камеръ-коллегіи по разсмотрѣнію». Итакъ, провинціальная администрація по финансовому управленію подчинялась двумъ финансовымъ коллегіямъ: штатсъ-конторъ и камеръ, а такъ какъ финансовое управленіе, какъ увидимъ ниже, стало главной задачей областной администраціи, то финансовые чины этой администраціи: рентмейстеры, камериры и земскіе комиссары могутъ быть разсматриваемы, какъ дѣйствующіе въ мѣстности органы этихъ коллегій, и преимущественно камеръ-коллегіи, сразу же оттѣснившей штатсъ-конторъ-коллегію на второй планъ. Что касается до поставленныхъ во главѣ провинціальнаго управленія воеводъ, то они со времени отмѣны особыхъ судебныхъ учрежденій и порученія имъ судебной власти становятся совмѣстно провинціальными органами двухъ коллегій: камеръ и юстицъ, не переставая, разумѣется, въ то же время сохранять подчиненное положеніе относительно всѣхъ остальныхъ коллегій, менѣе съ ними связанныхъ [1]).

[1]) П. С. З. № 3303: регламентъ штатсъ-конторъ коллегіи, ст.: 2, 5, 7; № 3281; № 3466: регламентъ камеръ-коллегіи, ст.: 2, 12, 7. Ср. дѣла сен. кн. 1887, 1721 г. 24 февр.: «впредь, какъ изъ военной, такъ и изъ другихъ коллегій, ежели какимъ новоположеннымъ сборомъ надлежитъ быть, и о такихъ, не объявя и не требовавъ указа въ сенатѣ, *собою не опредѣлять*», указъ, показывающій, какъ сенатъ охранялъ свое исключительное право обложенія; П. С. З. № 3466,13. Расположеніе и взиманіе повинностей и сборовъ, какъ функція камеръ коллегіи см. д. сен. кн. 1886, 1720 г. 28 апр.; кн. 1884, 1719 г. 14 окт.— въ ея вѣдомствѣ котлинское домовое строеніе, какъ особая повинность; кн. 1884, 30 ноября—камеръ-коллегія ведетъ слѣдствіе о взиманіи съ населенія излишняго провіанта и фуража; П. С. З. № 3732—сборъ штрафныхъ денегъ за отсутствіе на исповѣди—въ вѣдѣніи камеръ-коллегіи; дѣл. сен. кн. 811, л. 373—судебныя учрежденія должны были доносить камерному штату о судебныхъ сборахъ. Въ ея вѣдѣніи находится расположеніе рекрутской повинности: дѣл. сен. кн. 1884, 1719 г. 27 ноября; кн. 1887, 1721 г. 1 февр.; кн. 694, л. 143; дѣла камеръ-коллегіи, вязка 19, дѣло 2; заготовленіе провіанта—д. сен. кн. 604, л. 1346; «репартиція» войскъ на зимнія квартиры вмѣстѣ съ военной коллегіей—дѣл. сен. кн. 688, л. 302. Впослѣдствіи съ 1724 г.—надзоръ за сборомъ подушной подати, дѣл. сен. кн. 225, л. 600; дѣла камеръ-коллегіи, вязка 22, л. 34. Отвѣтственность камеръ-коллегіи передъ сенатомъ—П. С. З. №№ 4546, 4580. Подчиненіе ей мѣстной администраціи—регл. камеръ-колл. ст. 12; П. С. З. № 3648. Дѣла сен. кн. 195,

III.

Если при изученіи дѣятельности мѣстной администраціи ограничиться только данными этой администраціи наказами, то можно много говорить о высотѣ цѣли, къ которой ея дѣятельность должна была быть направлена, о разнообразіи предметовъ, которыхъ она должна была касаться, и о широкой степени иниціативы, которую она должна была обнаруживать. Той конечной цѣлью, стремиться къ которой предписывалось мѣстной администраціи, было достиженіе «благословенія Божія надъ государствомъ» — выраженіе, равнозначащее тому «блаженству каждаго и всѣхъ», которое было употребительно въ еще болѣе проникнутый идеей общаго блага вѣкъ Екатерины II. Высотѣ цѣли соотвѣтствовала и широта задачъ, разрѣшать которыя призывалась закономъ мѣстная администрація. Чтобы познакомиться съ этими задачами, заглянемъ въ инструкцію, какою былъ снабженъ главный представитель провинціальнаго управленія—воевода [1]).

Кромѣ спеціальнаго надзора надъ всѣми чинами провинціальнаго управленія, инструкція возлагаетъ на воеводу широкій кругъ обязанностей. Прежде всего она предписываетъ ему «во всемъ царскаго величества интересъ и государственную пользу тщательно остерегать». Онъ долженъ былъ охранять въ мѣстности прерогативы верховной власти. На него возлагается вообще надзоръ за исполненіемъ закона; въ частности особенному его вниманію порученъ надзоръ за исполненіемъ недавно изданнаго и неуспѣвшаго привиться къ жизни указа о единонаслѣдіи 1714 г. Далѣе, онъ обязанъ заботиться о внѣшней безопасности провинціи отъ непріятельскаго вторженія, не допускать въ нее непріятельскихъ шпіоновъ и въ случаѣ внезапнаго нападенія врага давать немедленно знать объ этомъ сосѣднимъ воеводамъ и военному

л. 472—497. П. С. З. № 3640. Дѣла сен. кн. 811, л. 111. Противорѣчило стройности іерархическаго порядка въ отношеніяхъ провинціи къ коллегіямъ назначеніе Меньшикова и Ѳ. Апраксина, президентовъ военной и адмиралтейской коллегій, генералъ-губернаторами: перваго петербургской, втораго ревельской губерній (провинцій). Выходило такимъ образомъ, что въ качествѣ губернаторовъ они были подчинены сами себѣ, какъ президентамъ коллегій. Но званія генералъ-губернаторовъ были для нихъ только почетными титулами. Дѣйствительное управленіе въ ревельской провинціи велось вице-губернаторомъ, а въ петербургской особымъ «воеводой надъ уѣздами» этой провинціи.

[1]) П. С. З. № 3294.

начальству расположенныхъ въ провинціи войскъ; ему предписывается «крѣпости провинціи своей по вѣрности его царскому величеству содержать и оныхъ никому другому не сдавать», а также въ мирное время слѣдить за исправностью крѣпостныхъ сооруженій. Разумѣется, что болѣе военнымъ характеромъ сравнительно съ другими областными начальниками отличались губернаторы. Они числятся въ спискахъ чиновъ военной коллегіи и оттуда получаютъ жалованье вмѣстѣ съ другими чисто военными чинами: оберъ-комендантами и комендантами. Этотъ военный характеръ власти губернаторовъ стоитъ въ тѣсной связи съ командованіемъ гарнизонами губерніи, которое имъ было поручено и которое опредѣлено было особою составленной въ военной коллегіи инструкціей, по которой губернаторы должны находиться въ постоянныхъ сношеніяхъ съ военной коллегіей, представлять туда рапорты о личномъ составѣ гарнизоновъ и происходящихъ въ немъ измѣненіяхъ, о состояніи военной аммуниціи, о приходѣ и расходѣ суммъ, отпускаемыхъ на гарнизоны. Какъ органамъ военной власти, имъ поручается пріемъ и смотръ рекрутъ передъ отправленіемъ ихъ въ полки, равно какъ и дворянскихъ недорослей. Но и относительно военной власти мѣстныхъ органовъ въ реформѣ 1719 г. проведено было начало разчлененія. Высшій надзоръ надъ гарнизонными войсками сохранялся за губернаторомъ, а ближайшее командованіе ими поручалось особымъ военнымъ органамъ: оберъ-комендантамъ и комендантамъ, подчиненнымъ губернатору. Только въ трехъ пограничныхъ провинціяхъ: выборгской, нарвской и великолуцкой воеводской власти были поручены и военныя функціи, при чемъ послѣднія выступали настолько рѣзко, что правители двухъ первыхъ изъ этихъ провинцій назывались не воеводами, а оберъ-комендантами, а воевода великолуцкой провинціи носилъ оба званія: воеводы и коменданта [1]).

[1]) Позже, въ 1726 г., когда, по учрежденіи верховнаго тайнаго совѣта, точно были обозначены права сената относительно назначеній областной администраціи, было установлено, что кандидаты на губернаторскіе посты должны избираться сенатомъ по соглашенію съ военной коллегіей, равно какъ и кандидаты въ коменданты, тогда какъ назначать воеводъ было предоставлено сенату. *Соловьевъ*, XVIII, 288. Дѣл. сен. кн. 1883, л. 279:«1719 г. 21 іюля прав. сен. приказали: генераламъ-губернаторамъ, губернаторамъ и вице-губернаторамъ, и оберъ-комендантамъ, и комендантамъ, какимъ образомъ опредѣленные имъ гварнизоны, а именно крѣпости и гварнизонные полки, и артиллерію, и прочія къ тому принадлежности содержать, надлежитъ инструкціи дать изъ *военной коллегіи*, а каковы даны будутъ, таковы жъ для вѣдома прислать въ канцелярію сената. Самый текстъ инструкціи см. дѣл.

Въ обязанности воеводы входили также надзоръ за внутреннею безопасностью провинціи и принятіе мѣръ относительно антиобщественныхъ элементовъ: «чтобъ никому насилія и грабежа чинено не было, а воровство бъ и всякіе разбои и преступленія весьма бъ были прекращены и по достоинству наказаны». Особенно зорко онъ долженъ былъ смотрѣть, чтобъ не было въ провинціи всякаго рода гулящихъ людей и просителей милостыни, которыхъ всегда такъ сурово преслѣдовалъ Петръ, и въ случаѣ ихъ появленія отсылать ихъ въ какую-нибудь работу.

Мѣстное общество ввѣрялось попеченію воеводы; онъ долженъ былъ смотрѣть, чтобы соблюдались всѣ права и преимущества, дарованныя государственными уставами и уложеніями каждому изъ сословій, какъ объ этомъ гласитъ инструкція, забывая, что такіе уставы и уложенія еще предстояло создать: шляхетству, городскимъ жителямъ, духовенству «и прочимъ»; подъ этимъ послѣднимъ выраженіемъ она, очевидно, разумѣетъ низшее, крестьянское сословіе, которому посвящаетъ далѣе отдѣльную обширную статью. По этой статьѣ крѣпостное крестьянство поручается особой заботливости воеводы, и на него возложена охрана этого сословія отъ тѣхъ помѣщиковъ, которые оказались бы «непотребными и безпутными разорителями» своихъ деревень. Надъ такими разорителями воевода долженъ былъ учреждать опеку. Онъ долженъ охранять населеніе провинціи отъ притѣсненій, которымъ оно могло подвергаться со стороны квартирующихъ въ ней и проходящихъ черезъ нее войскъ, наблюдая, съ другой стороны, чтобы повинности, вызываемыя постоемъ или проходомъ войскъ равномѣрно распредѣлялись между всѣмъ населеніемъ провинціи, не падая всею своею тяжестью только на жителей нѣкоторыхъ мѣстностей.

Всѣми этими обязанностями элементарнаго полицейскаго надзора инструкція не ограничивала еще кругъ обязанностей воеводы; она идетъ дальше, вступаетъ въ область полиціи въ высшемъ значеніи этого слова и предписываетъ воеводѣ рядъ заботъ, касающихся матеріаль-

сен. кн. 376, л. 328. Госуд. арх. каб. д. I, 89. л. 873—912. Примѣръ дѣятельности губернатора по рекрутскому набору: дѣла орловск. пров. канц. № 1076. Смотръ недорослямъ—П. С. З. № 3631. Оберъ-коменданты и коменданты назначались въ слѣдующіе города: Петербургъ, Кронштадтъ, Нарва, Шлюссельбургъ, Выборгъ, Кексгольмъ, Рига, Перновъ, Динаминдъ, Ревель, Москва, Кіевъ, Глуховъ, Астрахань, Казань, Симбирскъ, Воронежъ, Архангельскъ, Смоленскъ, В. Луки. См. д. сен. кн. 50, л. 210—216: «Штатъ отъ военной коллегіи о губернаторахъ и комендантахъ на 1725 г.»

наго, умственнаго и нравственнаго благосостоянія населенія, соотвѣтственно задачамъ обогащать, просвѣщать и совершенствовать подданныхъ, какія беретъ на себя государство Петра Великаго. На воеводу возлагается наблюденіе за промышленностью и торговлей и содѣйствіе ихъ процвѣтанію. Онъ долженъ смотрѣть, чтобы «всякіе заводы, гдѣ какіе есть, въ добромъ состояніи были содержаны», въ особенности наблюдать за заводами, получающими казенную субсидію, во-первыхъ, въ интересахъ казны за тѣмъ, соотвѣтствуетъ ли производимая ими работа той суммѣ денегъ, которая на нихъ отпускается, и во-вторыхъ, за положеніемъ рабочихъ на этихъ заводахъ, достаточно ли «удовольствованы работные и рукодѣльные люди». Инструкція содержитъ также нѣсколько предписаній, клонящихся къ развитію торговли; сюда относятся: надзоръ за исправностью обращающейся монеты, мѣръ и вѣса; надзоръ за исправностью путей сообщенія и заботы о томъ, чтобы въ городахъ находилось достаточное число постоялыхъ дворовъ, харчевенъ и магазиновъ, торгующихъ съѣстными припасами. Относительно промышленности и торговли инструкція не ограничиваетъ роль воеводы только пассивнымъ наблюденіемъ и исполненіемъ идущихъ сверху указовъ; она требуетъ отъ него широкой иниціативы, предписывая ему представлять въ особыхъ меморіалахъ въ сенатъ и коллегіи свои соображенія о способахъ улучшеній въ торговлѣ и мануфактурахъ. Надзору воеводы поручаются, далѣе, благотворительныя и просвѣтительныя учрежденія, предполагаемыя инструкціей въ провинціи: сиротскіе домы, госпитали, академіи и школы. Наконецъ, на воеводу же возложена высокая обязанность наблюдать за чистотою вѣры: «чтобъ прямая каѳолическая вѣра твердо была содержана».

Изъ этого обзора содержанія воеводской инструкціи можно видѣть, что въ ней заключается обширная и новая программа дѣятельности мѣстной администраціи. Расположивъ статьи инструкціи по рубрикамъ, выработаннымъ современной намъ наукой такъ называемаго полицейскаго права, и дополнивъ эти рубрики изъ отдѣльныхъ указовъ, касавшихся мѣстнаго управленія, предшествовавшихъ инструкціи и сохранившихъ силу или слѣдовавшихъ за нею, можно этой обширной программѣ придать еще и очень систематическій, стройный видъ. Это и сдѣлалъ въ своемъ изслѣдованіи о мѣстномъ управленіи проф. Андреевскій. «Кромѣ попеченія о сохраненіи тишины», говоритъ онъ, «и отсутствіи политическихъ безпорядковъ, на губернаторовъ Петръ возложилъ совершенно новыя обязанности—полиціи въ обширномъ смыслѣ слова». Въ двухъ главныхъ развѣтвленіяхъ возлагалась на областную администрацію полицейская дѣятельность: во-первыхъ, заботы о безо-

пасности, во-вторыхъ, заботы о благосостояніи провинціи. Рубрика безопасности распадается въ свою очередь на слѣдующіе подотдѣлы: безопасность жизни, здоровья и имущества отъ злой воли человѣка и отъ разныхъ несчастныхъ случаевъ: пожаровъ, болѣзней. Рубрика благосостоянія также подраздѣляется на: благосостояніе духовное, куда относятся: чистота вѣры, просвѣщеніе, охраненіе нравственности, и благосостояніе матеріальное, куда относятся мѣры относительно промышленности и торговли, которыя указаны уже выше [1]).

Получается, такимъ образомъ, цѣлая картина полицейской дѣятельности мѣстной администраціи, удивительная по широтѣ, если разсматривать ее, какъ идеалъ преобразователя, и очень обманчивая, если судить по ней о дѣйствительной жизни. Жестоко ошибся бы, разумѣется, тотъ, кто счелъ бы ее за изображеніе того, что было, а не за платоническое только указаніе на то, что должно было быть. Для изученія дѣйствительности у насъ есть иные болѣе вѣрные пути, это— уцѣлѣвшіе памятники практическаго дѣлопроизводства воеводскихъ канцелярій, и, перечитывая ихъ, мы находимъ иногда лишь очень рѣдкіе и блѣдные слѣды той полицейской дѣятельности мѣстной администраціи, какую указывала ей инструкція, а для многихъ категорій этой дѣятельности не находимъ и никакихъ слѣдовъ. Тотъ, кто описалъ бы эту дѣятельность, ограничиваясь изложенною выше систематическою и разносторонней программою, очень напоминалъ бы того газетнаго репортера, который, прочтя афишу, далъ отчетъ о несостоявшемся концертѣ. Правда, нѣкоторое исполненіе по данной инструкціи все-таки состоялось, но далеко не въ томъ объемѣ и не съ тою полнотой, какъ можно было судить по программѣ; многіе ея нумера были при дѣйствительномъ исполненіи совсѣмъ опущены; многіе исполнены изъ рукъ вонъ плохо. Чтобы избѣжать указанной опасности, мы съ программою въ рукахъ прослѣдимъ за ея исполненіемъ на мѣстѣ и для этого въ любой присутственный день заглянемъ въ одну изъ провинціальныхъ канцелярій, хотя бы, напр., въ пошехонскую, дѣла которой довольно хорошо сохранились. Посмотримъ, что тамъ дѣлалось 24 января 1724 г.—день, который избираемъ совершенно случайно.

Въ этотъ день воевода пошехонской провинціи подполковникъ Матвѣй Ивановичъ Хитрово, прибывъ утромъ въ канцелярію и сѣвъ за присутственный столъ, прежде всего приказалъ земскому секретарю доложить себѣ указы, пришедшіе изъ центральныхъ правительственныхъ мѣстъ. Прочитывая указы, секретарь помѣчалъ на нихъ

[1]) *Андреевскій*, О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ, 121—126.

резолюціи. Земскій секретарь, это — преемникъ прежняго дьяка при воеводѣ XVII в. Назначаемый сенатомъ по представленію воеводы, онъ начальствуетъ надъ личнымъ составомъ канцеляріи, хранитъ дѣла и слѣдитъ за правильностью дѣлопроизводства. За эту правильность онъ ручается своею подписью на каждой исходящей изъ воеводской канцеляріи бумагѣ. На немъ лежитъ обязанность докладывать дѣло воеводѣ и быть не только его правою рукою, но и его ходячею памятью; снабжать его всякаго рода справками, какія потребовались бы для рѣшенія дѣла, напоминать ему изданные ранѣе законы и смотрѣть за тѣмъ, чтобъ воеводскіе указы и резолюціи не противорѣчили законамъ и рѣшеніямъ высшихъ государственныхъ учрежденій [1]). На дѣлѣ, быть можетъ, нерѣдко секретарь оказывался не только памятью, но и мыслью воеводы, подъ видомъ справокъ и напоминаній придумывавшей самое рѣшеніе, подсказываемое затѣмъ воеводѣ.

Итакъ, были прежде всего прочтены указы изъ высшихъ правительственныхъ учрежденій. Ихъ было нѣсколько. Военная коллегія писала о высылкѣ въ нее капраловъ азовскаго пѣхотнаго полка, проживавшихъ въ отпуску въ своихъ деревняхъ. Воевода положилъ резолюцію: «послать о томъ указы къ земскимъ комиссарамъ», которые и должны будутъ, каждый въ своемъ дистриктѣ, разыскавъ требуемыхъ капраловъ, сообщить имъ распоряженіе коллегіи. Далѣе, былъ прочтенъ указъ сената уже общаго законодательнаго характера, которымъ опредѣлялись правила о взиманіи пошлинъ при отдачѣ изъ правительственныхъ мѣстъ бѣглыхъ людей и крестьянъ ихъ помѣщикамъ. Воевода постановилъ записать указъ въ книгу: онъ будетъ принятъ къ руководству въ тѣхъ случаяхъ, какихъ онъ касался. Слѣдовалъ указъ изъ штатсъ-конторы, требующій разъясненій, почему при отсылкѣ собранной съ провинціи денежной казны въ Петербургъ было изъ нея вынуто рентмейстеромъ 46 руб. 22 алт. 3 деньги; указъ было велѣно записать пока въ книгу и дальнѣйшихъ распоряженій не сдѣлано. Не скоро соберется отвѣчать воевода; онъ подождетъ другаго и третьяго указа о томъ же, а иногда и еще большаго ихъ числа: штатсъ-контора — учрежденіе не особенно вліятельное, съ ея дѣлами можно и не торопиться. Слѣдовалъ указъ изъ коммерцъ-коллегіи, излагавшій правила обработки пеньки; онъ также былъ записанъ въ книгу для руководства. Чтеніе указовъ закончилось указомъ изъ герольдмейстерской конторы о сообщеніи ей списка проживающихъ въ провинціи отставныхъ дворянъ, которые еще могутъ быть годны «къ посылкамъ и къ дѣламъ»,

[1]) П. С. З. № 3571. Наказъ земскому секретарю.

т. е. на должности по гражданской службѣ. Покончивъ съ указами, воевода подписалъ составленныя въ канцеляріи исходящія бумаги, которыхъ въ этотъ день было всего двѣ, а именно два доношенія въ ярославскій надворный судъ, къ судебному округу котораго принадлежала пошехонская провинція.

Пока воевода былъ занятъ этими казенными, или, какъ ихъ тогда называли, «интересными» дѣлами, въ канцеляріи дожидались уже просители, имѣвшіе надобность до воеводы, также по казеннымъ или по своимъ частнымъ, «челобитчиковымъ», дѣламъ. Въ качествѣ челобитчиковъ въ воеводской канцеляріи обыкновенно появлялся весьма демократическій элементъ: крестьянское населеніе провинціи, представители вотчинной администраціи: выборные, старосты, приказчики. Изъ самихъ помѣщиковъ показывались тамъ иногда только мелкіе люди неважнаго чина. Все сколько нибудь выдающееся дворянство хронически отсутствуетъ изъ провинціи, занятое въ арміи или на гражданскихъ должностяхъ. Да и живя въ деревнѣ, родовитый дворянинъ и крупный землевладѣлецъ никогда не явится самъ въ воеводскую канцелярію, а пришлетъ своего повѣреннаго, — того же старосту, прикащика или особаго «приказнаго человѣка», спеціалиста по юридическимъ дѣламъ, неуступавшаго любому подъячему знатока законовъ, доморощеннаго адвоката изъ крѣпостной дворни, какіе начали появляться въ барскихъ вотчинахъ XVIII вѣка. Посмотримъ, съ какими дѣлами обратились къ воеводѣ дожидавшіеся его въ этотъ день просители.

Первымъ было принято явочное челобитье «человѣка» капитанъ-лейтенанта преображенскаго полка Мурзина—Василья Егупова о томъ, что въ ночь на 17 января въ вотчинѣ его господина, въ романовскомъ уѣздѣ, въ спасскомъ стану, на рѣкѣ Колокшѣ напали разбойники на мельницу; мельника Макара Родіонова били, мучили и жгли огнемъ, и, забравъ всѣ его инструменты, пожитки и деньги, скрылись. Всему пограбленному онъ представилъ подробную роспись, а также привелъ съ собою потерпѣвшаго мельника для осмотра. Выслушавъ челобитную, воевода приказалъ записать ее въ книгу, а приведеннаго мельника «осмотрѣть и раны, и жженіе описать». Мы бы ожидали, конечно, что тотчасъ будутъ приняты мѣры къ обезпеченію безопасности, что немедленно будетъ отдано распоряженіе о поимкѣ скрывшихся разбойниковъ по горячимъ слѣдамъ, но, къ удивленію, такого приказа отдано не было. Слѣдовало затѣмъ доношеніе человѣка другаго вотчинника провинціи, кн. Касаткина-Ростовскаго — Ѳедора Кропачева, который представилъ копію съ производства московскаго надворнаго суда по дѣлу о бѣгломъ крестьянинѣ князя и ходатайствовалъ о запискѣ этого бѣглаго согласно

рѣшенію надворнаго суда за его господиномъ. Состоялась резолюція: представленную копію принять и «выписать». Это значило, что челобитчикъ долго еще принужденъ будетъ «имѣть по дѣлу хожденіе» въ воеводскую канцелярію, пока будетъ тамъ составляться выписка изъ подлиннаго дѣла, пока дойдетъ до нея очередь доклада, и состоится по ней приговоръ воеводы. Третьей и послѣдней поступила челобитная сельскаго выборнаго, который привелъ съ собою въ канцелярію бѣглаго рекрута, поставленнаго въ случившійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ наборъ съ вотчины его помѣщика, бѣжавшаго отъ рекрутства и вернувшагося въ родную деревню. Укрывательство бѣглыхъ рекрутъ строго преслѣдовалось, и вотчинная администрація поспѣшила выдать бѣглеца. Ему предстояла печальная участь, ничего хорошаго не обѣщающимъ введеніемъ къ которой была резолюція воеводы о снятіи съ него допроса. Если допросъ этотъ не производился сейчасъ же, то этимъ и кончился присутственный день для воеводы, день довольно короткій. Въ другіе раза онъ будетъ долѣе засѣдать въ канцеляріи: придетъ больше указовъ, потребуется отправить больше бумагъ и принять больше челобитій; сверхъ того еще поступитъ къ нему кипа бумагъ и вѣдомостей изъ камерирской конторы, которыя вызовутъ необходимость продолжительнаго совѣщанія съ камериромъ [1]).

Пересматривая день за днемъ по подлиннымъ дѣлопроизводствамъ и по протоколамъ дѣятельность другихъ провинціальныхъ воеводъ, мы можемъ ясно убѣдиться, въ какой малой степени ими осуществлялась та широкая программа, съ которою въ рукахъ мы начали наши наблюденія. Вновь переберемъ эту программу по пунктамъ. На воеводѣ лежитъ обязанность заботиться о безопасности жителей его провинціи отъ злой воли человѣка, смотрѣть, «чтобъ никому насилія и грабежа чинено не было, а воровство бъ и всякіе разбои и преступленія весьма бъ были прекращены и по достоинству наказаны», — онъ долженъ, слѣдовательно, принимать мѣры предупрежденія и пресѣченія противъ разбоевъ и воровства, не ограничиваясь только мѣрами, направленными къ тому, чтобы преступники получили достойное возмездіе. Правда, не всегда воевода такъ безучастно отнесется къ заявленію о разбоѣ и грабежѣ, какъ это сдѣлалъ пошехонскій воевода 24 янв. 1724 г. Въ другихъ случаяхъ, въ особенности если подобное заявленіе будетъ исходить отъ болѣе вліятельнаго лица, напр., отъ прикащика какого-либо изъ высокопоставленныхъ сановниковъ, владѣющихъ землею

[1]) Дѣла пошехонск. уѣздн. суда, по III оп. вязка 2, дѣло № 3; по II оп. вязка 4, дѣло № 46, л. 72—73.

въ провинціи, онъ разошлетъ указы къ земскимъ комиссарамъ, чтобы они, собравъ наличное находящееся въ деревняхъ, разумѣется, мелкое шляхетство, а также сотскихъ, десятскихъ и крестьянъ, преслѣдовали показавшихся разбойниковъ, ловили ихъ и приводили къ розыску. Въ то время разбойничьи ватаги, нерѣдко очень многолюдныя, вооруженныя, а иногда даже обмундированныя, водились въ каждой провинціи и были въ ней обыкновеннымъ явленіемъ, можно даже сказать, составляли какъ бы необходимое дополненіе провинціальнаго штата. Въ орловской провинціи у такой шайки былъ выстроенъ особый притонъ, укрѣпленный и охраняемый стражею. Какъ разсказывалъ на допросѣ очевидецъ, «въ лихвинскомъ уѣздѣ близъ большой московской дороги, верстахъ въ восьми отъ села, въ лѣсу... живутъ воры и разбойники Г. И. Сиротка съ товарищи, 101 человѣкъ, съ ружьемъ, въ драгунскомъ мундирѣ..; построенъ у нихъ дворъ, огороженъ заборомъ, и на томъ дворѣ двѣ избы... одна рубленая наружи, а другая земляная; а на томъ ихъ воровскомъ дворѣ имѣется караулъ въ день и въ ночь у земляной избы, въ которой онъ, Сиротка, живетъ: у дверей по два, да у воротъ по три человѣка съ фузеи и шпаги..; а ѣздятъ оные разбойники разбивать отъ помянутой московской дороги въ дальнія мѣста». Но сладить съ этимъ зломъ русской провинціи XVIII в., корни котораго обильно питались въ почвѣ крѣпостнаго права, были не въ силахъ обыкновенные органы мѣстнаго управленія; сознавіе своего безсилія, вѣроятно, и принуждало ихъ смотрѣть на него, сложа руки. Истребленіе разбойниковъ возлагалось на особыя военныя команды, разсылавшіяся по провинціямъ, и по большей части воевода, получивъ заявленіе о случаѣ разбоя, о томъ, что на такой-то большой дорогѣ «незнаемые и воровскіе люди, человѣкъ съ 30, съ огненнымъ и студенымъ ружьемъ, выскоча изъ лѣсу, разбили» какого-либо проѣзжавшаго или напали на чье-нибудь имѣнье, ограничивался увѣдомленіемъ о томъ офицера, командовавшаго отрядомъ, назначеннымъ для истребленія разбойниковъ. Впослѣдствіи, со времени введенія подушной и расположенія полковъ на души, это дѣло было поручено расквартированнымъ по провинціямъ полкамъ. Изъ общихъ мѣръ по предупрежденію разбоевъ можно указать развѣ только одну, практиковавшуюся воеводскимъ управленіемъ, которая однако едва ли достигала хоть сколько-нибудь дѣйствительныхъ результатовъ. Инструкція предписывала воеводѣ наблюдать, чтобы не было въ провинціи всякаго рода гулящихъ людей и просителей милостыни, и, въ самомъ дѣлѣ, въ воеводскую канцелярію то и дѣло приводятъ низшіе чины полиціи «пришлыхъ неизвѣстно откуда», подозрительныхъ людей. Снявъ съ нихъ допросъ, онъ отдаетъ ихъ на поруки

тому, кто пожелаетъ ихъ взять, или сажаетъ ихъ въ тюрьму, откуда они нерѣдко и спасаются бѣгствомъ [1]).

Въ категорію безопасности, о которой долженъ былъ заботиться воевода, включается безопасность отъ другаго бича русскаго города и деревни—пожара. Въ этомъ отношеніи мѣры, принимаемыя воеводой, не идутъ ни въ чемъ далѣе практики XVII в. Вотъ къ чему онѣ сводятся. Замѣтивъ учащеніе пожарныхъ случаевъ въ городѣ, воевода повторитъ старинныя, заключавшіяся еще въ давнихъ воеводскихъ наказахъ распоряженія, которыми предписывалось горожанамъ избрать изъ своей среды на каждые десять дворовъ десятскаго, а на каждую сотню сотскаго для наблюденія за осторожностью съ огнемъ и для организаціи ночныхъ карауловъ. Лѣтомъ топить избы и поварни разрѣшалось только по воскреснымъ днямъ и большимъ праздникамъ, притомъ только въ одинъ и тотъ же опредѣленный часъ дня. На всякомъ строеніи должны быть поставлены чаны съ водою; на дворѣ у каждаго десятскаго устраивалось своего рода пожарное депо, гдѣ должны были храниться топоры, ведра, лубяные щиты и другіе употреблявшіеся при тушеніи пожаровъ инструменты. При первыхъ звукахъ набата всѣ граждане обязывались бѣжать «съ великимъ поспѣшеніемъ» на пожаръ и тушить его подъ руководствомъ сотскихъ и десятскихъ. За нарушеніе всѣхъ этихъ правилъ воевода грозилъ денежными штрафами, а если бы пожаръ произошелъ по винѣ нарушителя, то и жестокимъ наказаніемъ. Распоряженіе воеводы о противопожарныхъ мѣрахъ публиковалось во всеобщее свѣдѣніе и простиралось не только на главный городъ провинціи, но и на всѣ другіе. Надобно, впрочемъ, сказать, что такое распоряженіе найдено нами только въ архивѣ одной воеводской канцеляріи—орловской. Очень возможно, что во многихъ провинціяхъ даже и такихъ примитивныхъ мѣръ не принималось. Не видно, чтобы воеводскія управленія издавали какія-нибудь строительныя правила съ цѣлью предупрежденія пожаровъ или смотрѣли за соблюденіемъ установленныхъ указами для построекъ правилъ о разрывахъ между дворами [2]).

Въ еще болѣе зачаточномъ состояніи находится въ изучаемые годы дѣло медицинской полиціи. Нечего, разумѣется, искать въ дѣя-

[1]) Дѣла орловской пров. канц. № 1584. Дѣла пошехонск. уѣздн. суда, по III оп. вязка 2, кн. 6, № 48. Дѣла угличской пров. канц. № 511. Дѣла переславск. уѣздн. суда, оп. VI, вязка 1, д. 93. Дѣла орловск. пров. канц. №№ 1431, 1475, 1477, 1490, 1514, 1556, 1565, 1573, 1589, 1602, 1709.

[2]) Дѣла орловск. пров. канц. № 1754.

тельности воеводъ слѣдовъ какихъ-нибудь общихъ санитарныхъ мѣропріятій, кромѣ развѣ чрезвычайныхъ случаевъ появленія моровой язвы, когда прибѣгали къ способамъ борьбы съ нею, выработаннымъ также XVII столѣтіемъ. Хотя воеводская инструкція краснорѣчиво вмѣняла воеводамъ въ обязанность имѣть попеченіе о «госпиталяхъ», но, кромѣ столицъ и развѣ немногихъ большихъ городовъ, едва ли гдѣ существовали какія-либо учрежденія для медицинской помощи населенію. Самый медицинскій персоналъ въ первой четверти XVIII вѣка былъ рѣдкостью и появлялся только въ арміи. Вѣроятно, далеко не во всѣхъ провинціяхъ имѣлся даже и фельдшеръ, котораго, однако, мы встрѣтили въ пошехонской. Изъ того, что этотъ послѣдній довольно регулярно безпокоилъ воеводскую канцелярію просьбами о выдачѣ ему жалованья, можно думать, что онъ получалъ казенное содержаніе, если только, впрочемъ, оно выдавалось ему не въ качествѣ солдата при воеводской канцеляріи, при которой онъ состоялъ. Точно то же слѣдуетъ сказать и объ общественномъ призрѣніи. Предписывая пресѣкать прошеніе милостыни, воеводская инструкція разсчитывала на правительственную организацію благотворительности и наравнѣ съ госпиталями поручала попеченію воеводы также и «сиротскіе домы». Эти домы, разумѣется, такъ и остались пустымъ звукомъ. Дѣло общественнаго призрѣнія продолжало всецѣло сосредоточиваться въ рукахъ церкви. Въ матеріалѣ для призрѣнія не было недостатка; въ годы реформы Петра его даже, вѣроятно, было гораздо болѣе, чѣмъ прежде, вслѣдствіе тягости, какою ложилась реформа на народное хозяйство; но мѣстная администрація была совершенно лишена средствъ для осуществленія предписаній о призрѣніи, и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ надо было оказать благотворительную помощь, она оказывалась сама въ безпомощномъ состояніи.

Въ очень рѣдкихъ случаяхъ воевода могъ исполнить и тотъ пунктъ инструкціи, который поручалъ ему заботиться о народномъ просвѣщеніи. Гдѣ же кромѣ столицъ и Кіева существовали эти «академіи», о которыхъ говорилось въ инструкціи? Въ провинціи то здѣсь, то тамъ начинали вспыхивать и слабо мерцать среди окружающаго мрака рѣдкіе огоньки просвѣщенія, очагами для которыхъ были духовныя школы, заводимыя образованными архіереями, преимущественно изъ малороссовъ, геройски выдерживавшими упорную борьбу со всевозможными матеріальными препятствіями: и съ недостаткомъ средствъ, книгъ, учителей и учениковъ, и, главное, съ коснымъ невѣжествомъ подвластнаго имъ духовенства, съ тупою враждой взиравшаго на ихъ небывалыя затѣи. Съ трудомъ поддерживаемыя, эти школы

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

быстро падали и глохли, когда прекращались источники энергіи, ихъ питавшей, когда ихъ основатели умирали или переводились на другія кафедры. Дѣятельность свѣтской провинціальной администраціи въ основаніи школъ почти совершенно незамѣтна. Едва ли не единственнымъ надо признать то рвеніе, съ какимъ стремился положить начало просвѣщенія въ своей провинціи вятскій воевода Чаадаевъ, желавшій во что бы то ни стало открыть тамъ цыфирную школу. Встрѣтивъ противодѣйствіе со стороны епархіальныхъ властей и духовенства, на сочувствіе которыхъ онъ разсчитывалъ, онъ рѣшилъ устроить цыфирную школу при провинціальной канцеляріи. Одно изъ главныхъ затрудненій для ея открытія заключалось въ собраніи самаго педагогическаго матеріала, который бѣжалъ отъ школы при каждомъ удобномъ случаѣ и который приходилось привлекать въ нее силою. Были разосланы по уѣзду солдаты воеводской канцеляріи съ порученіемъ хватать всѣхъ годныхъ для школы и доставлять ихъ въ Вятку. Но преодолѣть всѣхъ затрудненій воевода не былъ въ силахъ, и попытка этого ревнителя просвѣщенія окончилась неудачей. Кое гдѣ въ провинціяхъ цыфирныя школы основались; но тамъ, гдѣ онѣ открыли свое дѣйствіе, попеченіе о нихъ со стороны администраціи выражалось лишь въ томъ, что учитель время отъ времени подавалъ въ воеводскую канцелярію вѣдомости объ успѣхахъ немногочисленныхъ учениковъ изъ подьяческихъ дѣтей, о томъ, кто изъ нихъ «науку выучили», кто еще «изучаютъ геометрію», о томъ, что такіе-то лежатъ больны, а такіе-то явились къ ученію негодны [1]).

Совершенно уже не пошли далѣе бумаги два другіе пункта программы, касавшіеся духовнаго благосостоянія провинціи, а именно: надзоръ за чистотою вѣры и охраненіе нравственности, если подъ первымъ не разумѣть наложеніе штрафа на неявляющихся къ исповѣди по доносамъ приходскаго духовенсгва, что на практикѣ, кажется, также не исполнялось, а подъ вторымъ вообще судебной дѣятельности воеводъ, каравшей нарушеніе нравственности. Въ томъ и другомъ случаѣ это были карательныя, а не предупредительныя мѣры. Точно такъ же изъ широкаго круга указанныхъ программою мѣръ къ подъему матеріальнаго благосостоянія населенія, въ который входили: мѣры къ развитію мануфактуръ и торговли, наблюденіе за веденіемъ частныхъ хозяйствъ, учрежденіе опеки надъ помѣщиками—разорителями своихъ имѣній, огражденіе отъ тяжкихъ работъ помѣщичьихъ крестьянъ, охра-

[1]) Дѣла пошехонск. уѣздн. суда по III оп. вязка 2, кн. 6, № 87; 50; кн. 3, № 232; 202. *Знаменскій*, Духовныя школы въ Россіи, стр. 74.

неніе лѣсовъ, наблюденіе за монетами, мѣрами и вѣсами, устройство и улучшеніе путей сообщенія—осуществлялось на дѣлѣ только очень немногое и притомъ почти исключительно то, что имѣло фискальное значеніе. Поддѣлыватели монеты, разумѣется, преслѣдовались, какъ и другіе преступники, но для развитія торговли это была мѣра еще не большаго значенія. Цѣлью охраненія лѣсовъ были вовсе не потребности сельскаго хозяйства, а удовлетвореніе казенныхъ нуждъ, именно постройки флота: воспрещалось рубить лѣсъ, годный для кораблестроенія. Съ 1722 года охрана этого лѣса была возложена, кромѣ чиновъ общей администраціи, еще, какъ мы уже знаемъ, на особое лѣсное вѣдомство съ вальдмейстеромъ, или оберъ-вальдмейстеромъ во главѣ, которое подчинено было не камеръ-коллегіи, вѣдавшей сельское хозяйство, а адмиралтействъ-коллегіи, вѣдавшей кораблестроеніе. Подъ руководствомъ оберъ-вальдмейстера въ богатыхъ лѣсомъ провинціяхъ, откуда былъ удобный сплавъ, дѣйствовала цѣлая система областныхъ чиновъ—вальдмейстеровъ и унтеръ-вальдмейстеровъ изъ служилыхъ людей съ подчиненными имъ лѣсными надзирателями изъ приказчиковъ, старостъ и крестьянъ частныхъ имѣній. Вальдмейстеры обязаны были наблюдать за цѣлостью заповѣдныхъ лѣсовъ, выдавать разрѣшенія на срубъ опредѣленнаго количества деревьевъ для хозяйственныхъ надобностей окрестнымъ помѣщикамъ и крестьянамъ и преслѣдовать самовольныя лѣсныя порубки. Въ тѣхъ же мѣстахъ, откуда сплавъ лѣса къ верфямъ былъ неудобенъ, они и не были охраняемы [1]). Дѣятельность

[1]) П. С. З. №№ 3905, 3941, 3967, 4060—инструкція оберъ-вальдмейстеру 4135, 4590. Дѣла пошехонск. уѣздн. суда оп. III вязка 2, кн. 3, № 1243: промеморія пошехонской провинціи изъ Романова отъ вальдмейстерскихъ дѣлъ: «надзиратели А. Ушаковъ, П. Толбузинъ, С. Ахматовъ къ вальдмейстерскимъ дѣламъ сысканы и къ надзиранію лѣсовъ, гдѣ они были, попрежнему опредѣлены». Образцы производства въ вальдмейстерской канцеляріи: д. орловской пров. канц. № 1727. Въ іюнѣ 1726 г. въ мценскую канцелярію вальдмейстерскихъ дѣлъ староста помѣщика Черемисинова обратился со слѣдующимъ прошеніемъ: «За помѣщикомъ моимъ въ бѣлевскомъ у., въ стану, въ с. Ѳирсовѣ дв. помѣщиковъ, да крестьянскихъ три дв., да въ деревнѣ Теремцахъ три дв. крестьянскихъ; а при селѣ Ѳирсовѣ въ дачахъ помѣщика моего лѣсныхъ угодій довольное число. А надлежитъ вырубить на вышеозначенный одинъ дв. помѣщиковъ на хоромные уборы, на столы, на шафы, на стулья 20 деревъ по 2 саж., въ отрубѣ по 7 и 8 вершк. и т. д., а безъ повелительнаго указа отъ вальдмейстерскихъ дѣлъ рубить не смѣю». Была составлена выписка изъ вальдмейстерскихъ инструкцій, и затѣмъ состоялось разрѣшеніе рубить съ слѣдующимъ однако обязательствомъ: «1726 г. іюня 15 дня во Мценскѣ у вальдмейстерскихъ дѣлъ въ небытность подчиненнаго вальдмейстера Т. Кривцова

мѣстной администраціи по устройству и улучшенію путей сообщенія можно наблюдать въ очень рѣдкихъ случаяхъ главнымъ образомъ экстреннаго характера. Если отъ воеводы разсылается указъ къ земскимъ комиссарамъ починить дорогу и построить на ней станціи, это—вѣрный признакъ, что черезъ провинцію ожидается «прошествіе его величества» или что онъ получилъ объ этомъ указъ сверху ввиду значенія дороги для казенныхъ нуждъ; благосостояніе провинціи въ этихъ случаяхъ совершенно не играетъ роли. Улучшеніе дорогъ производится иногда частной коммерческой предпріимчивостью и служитъ фискальнымъ интересамъ. Въ провинціальную канцелярію поступитъ отъ частнаго лица заявленіе, что въ такомъ-то мѣстѣ учинена на большой дорогѣ гать самая худая, отчего проѣзжающіе всякаго чина люди терпятъ не малые убытки и топятъ лошадей, и просьба разрѣшить ему построить здѣсь мостъ и отдать ему его на откупъ, такъ какъ мостовая пошлина была однимъ изъ казенныхъ сборовъ, отдававшихся на откупъ. Командировавъ чиновника для провѣрки этихъ показаній и получивъ его донесеніе, мѣстныя власти дадутъ просимое разрѣшеніе, чѣмъ и оканчивается ихъ дѣятельность въ этомъ случаѣ [1]). Другіе перечисленные выше пункты программы не имѣли практическаго осуществленія даже и въ такой степени. По инструкціи воеводы должны были представлять высшему правительству свои соображенія о способахъ къ развитію и усовершенствованію промышленности и торговли, но въ перепискѣ ихъ съ коллегіями и сенатомъ нѣтъ рѣшительно никакихъ слѣдовъ такой самостоятельной дѣятельности воеводъ; все, къ чему въ этомъ отношеніи она сводилась, было механическое исполненіе указовъ тѣхъ коллегій, которыя завѣдывали промышленностью и торговлей. Для наблюденія за веденіемъ частныхъ хозяйствъ у воеводы не было никакихъ средствъ, и онъ могъ только констатировать, а не предотвращать «пустоту» въ доводимыхъ до разоренія имѣніяхъ. Наконецъ, можно ли было въ началѣ XVIII в. осуществлять такія задачи, какъ учрежденіе опекъ надъ разорителями помѣщиками и огражденіе крестьянскаго труда отъ помѣщичьяго произвола, когда онѣ не были по силамъ администраціи даже и въ концѣ этого вѣка?

заповѣдныхъ лѣсовъ передъ надсмотрщикомъ (=унтеръ-вальдмейстеромъ) Г. Н. Шепшинымъ означенный проситель сказалъ по заповѣди св. евангелія, что онъ заповѣдныхъ ея вел. дубовыхъ и прочихъ лѣсовъ, которые во Мценскѣ отъ вальдмейстерскихъ дѣлъ рубить позволены, кору на отправленіе новоманернаго кожевнаго дѣла сымая, къ кожевнымъ заводамъ для продажи, гдѣ оные имѣются, отвозить будетъ. См. также №№ 1734, 1804.

[1]) Дѣла орловск. пров. канц. № 1068.

Всѣ эти стремленія законодателя возложить на мѣстное управленіе обязанности, по широтѣ своей не уступающія тѣмъ, которыя осуществляются въ наше время органами земскаго и городскаго самоуправленія, и цѣлью которыхъ является благосостояніе мѣстности, слишкомъ опережали свое время и остались безплодными мечтами. Тонкіе и нѣжные ростки новыхъ взглядовъ на значеніе мѣстнаго управленія, пробивающіеся въ инструкціяхъ, быстро были заглушены дѣйствительностью и погибли, не найдя для своего дальнѣйшаго развитія ни нужнаго климата, ни соотвѣтствующей почвы. Отдавая громадную долю своей работы удовлетворенію фискальныхъ запросовъ, диктуемыхъ центромъ, мѣстная администрація едва справлялась даже съ самыми примитивными изъ остальныхъ своихъ задачъ, каковы были унаслѣдованныя еще отъ XVIII вѣка: обезпеченіе безопасности и правосудіе; понятно, что она не могла даже и приступить къ осуществленію тѣхъ статей петровскихъ инструкцій, которыя возлагали на нее заботу о христіанскомъ воспитаніи и всеобщемъ обученіи дѣтей, о медицинѣ и благотворительности, о развитіи промышленности и торговли.

IV.

Для того, чтобы широкія задачи, которыя возлагались законодательствомъ на мѣстную провинціальную администрацію, не оставались мертвой буквой, у нея не было одного необходимаго условія: матеріальныхъ средствъ для ихъ осуществленія. Очевидно, что для осуществленія этихъ задачъ, всегда проявляющихся въ формѣ мѣстныхъ пользъ и нуждъ, въ распоряженіе мѣстной администраціи должно было быть предоставлено нѣкоторое количество рессурсовъ, расходуемыхъ на мѣстѣ. Но центръ, высасывая изъ мѣстности всѣ ея рессурсы до послѣдней копѣйки и тратя ихъ главнымъ образомъ на нужды государственной обороны, не оставлялъ въ провинціальной кассѣ никакихъ остатковъ на расходы по подъему благосостоянія края. Мѣстная администрація лишена была права спеціальнаго обложенія на удовлетвореніе своихъ нуждъ. Въ распоряженіи суммами, стекавшимися въ рентерею, она была крайне стѣснена, не будучи въ состояніи произвести изъ нихъ какой-нибудь расходъ безъ указа изъ центральнаго вѣдомства, завѣдывавшаго расходами,—штатсъ-конторъ-коллегіи. До чего доходило это стѣсненіе, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. Въ 1723 году воевода соликамской провинціи доносилъ сенату, что въ Соликамскѣ «тюремный острогъ и избы весьма погнили и стоятъ на подпорахъ», такъ что была опас-

ность, что всѣ заключенные разбѣгутся. «А о строеніи тюремнаго острогу и избъ», спрашиваетъ далѣе воевода, «указомъ вашего императорскаго величества что повелѣно будетъ, а безъ указу строить не смѣю». Точно такъ же московскій губернаторъ обращается въ сенатъ за разрѣшеніемъ починить деревянную мостовую въ Москвѣ на Болотѣ, между Балчугомъ и Пятницкой слободой, которую сломало и разнесло весеннимъ половодьемъ, прибавляя то же выраженіе: «а безъ указу царскаго величества тѣхъ мостовъ строить не смѣемъ». Правда, въ бюджетахъ провинцій, заключающихся въ представленныхъ ими отчетахъ, мы найдемъ статьи мѣстныхъ расходовъ, деньги на которыя выдавались изъ провинціальныхъ рентерей. Такъ, напр., по отчету елецкой провинціи за 1726 г.,—беремъ его случайно, по нему можно судить и объ остальныхъ,—въ рентереѣ состояло 15.502 р. 90 к., полученныхъ отъ разныхъ косвенныхъ сборовъ, не включая сюда прямаго подушнаго сбора. Изъ нихъ израсходовано за годъ было 13.077 р. 15 к., а именно: 12.149 р. 71 к. отослано въ центральныя учрежденія или передано по ихъ ассигновкамъ, и остальные 927 р. 44 к., т. е. 7% всей суммы расхода, истрачены на мѣстныя нужды. Но на какія же мѣстныя нужды былъ направленъ этотъ послѣдній расходъ? Сюда относится прежде всего расходъ на содержаніе провинціальной и комиссарскихъ канцелярій, именно: на бумагу, сальныя свѣчи, дрова, чернила, сургучъ, лубяныя коробки для храненія дѣлъ, т. е. на отопленіе и освѣщеніе канцелярій и письменныя принадлежности—73 р. 66 к.; далѣе, 145 р. 93 к. было затрачено на содержаніе кружечныхъ дворовъ провинціи и на поставку для нѣкоторыхъ изъ нихъ питейныхъ припасовъ,—статья, которую едва ли даже будетъ правильно включать въ составъ мѣстныхъ расходовъ, такъ какъ кружечные дворы скорѣе разсматривались, какъ статьи казеннаго дохода, чѣмъ какъ необходимая мѣстная потребность. Наконецъ, остальные 707 р. 85 к. пошли на жалованье административному персоналу провинціи. Содержаніе административнаго персонала, содержаніе присутственныхъ мѣстъ и питейныхъ заведеній, вотъ— и всѣ мѣстныя пользы и нужды, на которыя провинціальная администрація могла черпать средства изъ рентерей. За исключеніемъ этихъ расходовъ, всѣ остальные собиравшіеся съ провинціи рессурсы передавались прямо на содержаніе арміи (подушный сборъ) или стягивались къ центру [1]).

[1]) Дѣл. сен. кн. 239, л. 192—201. Нижегородскій вице-губернаторъ привлекался къ отвѣтственности за самовольное обложеніе населенія на содержаніе канцеляріи и за самовольный расходъ на постройку казеннаго двора. Дѣл. сен.

Итакъ, у воеводской власти не было матеріальныхъ рессурсовъ для осуществленія широкихъ задачъ благосостоянія, которыя на нее возлагались, и это обстоятельство не могло не оказать своей доли вліянія на ея характеръ. Задачи подъема духовнаго и матеріальнаго благосостоянія могутъ разрабатываться успѣшно мѣстною властью не иначе, какъ только въ формѣ мѣстныхъ пользъ и нуждъ, когда онѣ облекаются въ конкретные образы, способные возбудить энергію мѣстнаго администратора, вызвать въ немъ чувство удовлетворенія, дающее въ свою очередь новый толчекъ для инициативы и энергіи. О народномъ просвѣщеніи, о медицинѣ, объ общественномъ призрѣніи, о путяхъ сообщенія, о развитіи промышленности и торговли онъ будетъ ревностно заботиться только тогда, когда сѣмена его заботъ дадутъ ему радующіе его взоръ наглядные всходы въ видѣ школъ, больницъ, богадѣленъ и пріютовъ, благоустроенныхъ дорогъ, заводовъ и фабрикъ, вырастающихъ въ его области, увеличивающихъ ея благосостояніе. Его энергія будетъ несравненно меньше, если плоды его трудовъ будутъ созрѣвать гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, вдалекѣ отъ него, если онъ мало будетъ даже о нихъ знать, если вся его работа вмѣсто живой устроительной, хозяйственной дѣятельности обратится только въ сборъ рессурсовъ, предназначенныхъ на надобности, наглядно ему не ощутительныя, словомъ, если мѣстность подавится центромъ, и если мѣстныя нужды оттѣснятся общегосударственными на второй планъ. Администрація, лишенная возможности заботиться о мѣстныхъ нуждахъ, будетъ лишенною иниціативы, инертною, вялою, механическою исполнительницею приказаній сверху, дѣйствующею безъ одушевленія, потому что единственнымъ стимуломъ ея дѣятельности будетъ исполнительность, а можетъ ли одушевлять такой стимулъ? Такою и была областная администрація 1719 года. Воеводская власть совершенно не проявляетъ иниціативы. Она возбуждается къ дѣйствію или просьбой снизу, или указомъ сверху. Въ первомъ случаѣ она разрѣшаетъ дѣло, руководясь однажды навсегда установленнымъ обычнымъ порядкомъ; во второмъ ограничивается исполненіемъ, держась указанныхъ рамокъ. Въ обоихъ случаяхъ она дѣйствуетъ, какъ неодушевленный механизмъ, приводимый толчкомъ снизу или сверху въ опредѣленное однообразное движеніе. Не проявляя никакой собственной иниціативы въ области широкой полиціи, иниціативы, вызываемой живымъ отношеніемъ къ дѣлу, сознаніемъ потребностей и стремленіемъ удовлетворить ихъ, вое-

кн. 713, л. 15; кн. 814, л. 949; кн. 124, л. 445. Дѣла камеръ-коллегіи, вязка 18: финансовые отчеты провинцій.

вода не выступаетъ, какъ самостоятельный активный дѣятель, руководящійся выработанными самостоятельными или, по крайней мѣрѣ, усвоенными заимствованными взглядами, принимающими видъ програмы, которую онъ стремился бы провести въ своей дѣятельности. Поэтому въ области вопросовъ безопасности и благосостоянія его власть не высказываетъ себя въ той формѣ, въ которой дѣйствуетъ современная намъ мѣстная администрація. Она почти совсѣмъ не законодательствуетъ, не издаетъ мѣстныхъ законовъ, такъ называемыхъ обязательныхъ постановленій, какія вырабатываются нашими земскими собраніями и городскими думами и издаются теперешними губернаторами. Въ тѣхъ же рѣдкихъ случаяхъ, когда она прибѣгаетъ къ нимъ, она не вноситъ въ нихъ ничего оригинальнаго, самостоятельнаго, а только повторяетъ нормы, выработанныя XVII вѣкомъ.

Учрежденія, удовлетворяющія главнымъ образомъ мѣстныя нужды, имѣютъ наклонность дѣлаться болѣе независимыми въ своихъ дѣйствіяхъ отъ центра, децентрализоваться. Это и понятно. Ихъ сильнѣе притягиваетъ мѣстность, чѣмъ центръ; въ нихъ развивается центробѣжная сила, получающая перевѣсъ надъ центростремительной. Съ теченіемъ времени они пріобрѣтаютъ самостоятельность, индивидуальныя физіономіи, давая различныя направленія своей дѣятельности въ зависимости отъ особенностей различныхъ мѣстностей, въ которыхъ они дѣйствуютъ. Наоборотъ, учрежденія, удовлетворяющія главнымъ образомъ требованія центральной власти, склонны становиться все болѣе зависимыми отъ центра. Послѣдній притягиваетъ ихъ болѣе, чѣмъ мѣстность, и въ нихъ центростремительная сила получаетъ перевѣсъ надъ центробѣжной. Ихъ индивидуальныя черты сглаживаются, ихъ физіономіи и дѣятельность носятъ на себѣ однообразіе казенной печати, ихъ самостоятельность уступаетъ мѣсто простому повиновенію указамъ изъ центра. Власть, которая призвана заботиться о нуждахъ мѣстности, законодательствуя въ видѣ обязательныхъ постановленій или даже только исполняя законъ и дѣйствуя въ распорядительномъ порядкѣ, имѣетъ бо́льшую возможность разсужденія. Она выясняетъ прежде всего, въ чемъ заключаются интересы мѣстности, различаетъ въ нихъ главные отъ второстепенныхъ, скорѣе нуждающіеся въ удовлетвореніи, отъ тѣхъ, съ которыми можно медлить. Она обсуждаетъ, далѣе, самые способы удовлетворенія тѣхъ и другихъ, при чемъ ей иногда приходится дѣлать выборъ изъ многихъ возможныхъ способовъ. Все это операціи, дающія и развивающія широкую и самостоятельную работу мысли. Напротивъ, власть, поставленная въ мѣстности для того, чтобы работать на центръ, руководится не самостоятельнымъ разсужденіемъ, а однообразными ве-

лѣніями центра; ей не о чемъ думать, ей надо главнымъ образомъ аккуратно исполнять по указанному свыше наставленію, и она кончаетъ тѣмъ, что усваиваетъ привычку слѣпаго повиновенія. Она не можетъ ни входить въ обсужденіе интересовъ, ни выбирать средствъ къ ихъ удовлетворенію, такъ какъ ей все продиктовано, и она обязана лишь исполнить то, чего отъ нея требуютъ. Итакъ, первая дѣйствуетъ сознательно, вторая механически. Въ свою очередь это различіе въ дѣйствіяхъ требуетъ и различія въ свойствахъ дѣйствующихъ лицъ. Сознательное дѣйствіе связано съ бо́льшей самостоятельностью, механическое требуетъ отчетливости и исполнительности. Власть, только исполняющая, не теряетъ изъ виду, что есть нѣкто высшій ея, къ которому она можетъ обратиться въ случаѣ затрудненія, и это сознаніе не можетъ не лишать ее той самостоятельности, какая развивается у власти, сознательно проводящей мѣры, ею самой обдуманныя и выбранныя, которой не на кого полагаться, кромѣ самой себя.

Работая на центръ, областная администрація 1719 года и вышла поэтому мало самостоятельной и сильно централизованной исполнительницей велѣній центральной власти. Воевода въ вопросахъ широкой полиціи—только механическій исполнитель. Эту свою исполнительную функцію онъ отправляетъ двоякимъ путемъ. Во-первыхъ, какъ органъ надзора, онъ обязанъ былъ наблюдать за исполненіемъ всего того разнообразнаго полицейскаго законодательства, которымъ отличалось царствованіе Петра. Получая указы и правила отъ центральнаго правительства, онъ знакомилъ съ ними населеніе провинціи, для чего разсылалъ ихъ въ копіяхъ къ земскимъ комиссарамъ по дистриктамъ и къ бурмистрамъ по городамъ провинціи и приказывалъ публиковать ихъ, вывѣшивая ихъ на видныхъ мѣстахъ. Задача наблюденія за исполненіемъ закона требовала все же нѣкоторой доли самостоятельности и инниціативы, и надо сказать, что воеводы съ нею совсѣмъ не справлялись. Всѣ эти поражавшія своею неожиданностью и новизной полицейскія предписанія Петра мало входили въ жизнь и туго къ ней прививались; это значитъ, что они часто нарушались,—а пересмотрите самымъ тщательнымъ образомъ бумаги воеводскихъ канцелярій, много ли вы найдете тамъ слѣдовъ дѣйствія воеводскаго надзора за соблюденіемъ полицейскихъ требованій. Гораздо болѣе по плечу воеводѣ былъ второй родъ исполнительной дѣятельности, гдѣ онъ выступалъ, не какъ органъ надзора за исполненіемъ, а какъ непосредственный исполнитель, играя ту же роль, какую теперь приходится нести чинамъ городской и уѣздной полиціи. Въ этомъ качествѣ онъ исполнялъ порученія высшаго правительства, какъ общаго характера, возлагавшіяся

на воеводъ по всей территоріи государства, напр.: собрать свѣдѣнія о хлѣбныхъ цѣнахъ въ провинціи или пересмотрѣть въ монастыряхъ и соборахъ провинціи древнія грамоты и другія «куріозныя гисторическія письма» и, составивъ имъ описи, прислать въ сенатъ и т. п., такъ и отдѣльныя частныя распоряженія, съ которыми сенатъ и коллегіи обращались то въ ту, то въ другую провинцію, примѣры которыхъ были приведены выше при обзорѣ ежедневной дѣятельности воеводы. Такъ преобразованное въ 1719 году мѣстное управленіе, выигравъ сравнительно съ администраціей XVII вѣка въ однообразіи, продолжало оставаться такимъ же исполнительнымъ механизмомъ центральнаго правительства, какимъ была и эта послѣдняя. Увеличеніе однообразія и порядка въ механизмѣ, сообщавшихъ ему стройность при возрастающемъ усложненіи, служитъ признакомъ его собственнаго развитія и даже совершенствованія, такъ какъ эти свойства являются одними изъ наиболѣе цѣнныхъ для механизма. Но это было совершенствованіе только внѣшнее, только улучшеніе самаго аппарата, который сталъ теперь, можетъ быть, болѣе точнымъ и приспособленнымъ; духъ и направленіе его дѣятельности остались тѣ же. Сдѣлавшись болѣе послушнымъ и быстрымъ благодаря внесеннымъ въ его устройство измѣненіямъ, онъ продолжалъ быть такимъ же слѣпымъ орудіемъ центральной воли, какимъ былъ и прежде.

Гармонируя въ этомъ отношеніи съ характеромъ областнаго управленія XVII вѣка, провинціальная администрація 1719 года служила непосредственнымъ продолженіемъ также и губерніи 1708 г., ей предшествовавшей, отъ которой она должна была бы сильно различаться, если бы данныя ей инструкціи не остались только мечтою законодателя. Здѣсь слѣдуетъ сдѣлать, впрочемъ, одну небольшую оговорку. Говоря о характерѣ губерніи 1708—1719 гг., которую смѣнили изучаемыя нами учрежденія, мы понимаемъ его такъ, какъ его рисуютъ намъ факты, обильно приведенные въ обстоятельномъ изслѣдованіи проф. Мрочекъ-Дроздовскаго «Областное управленіе эпохи перваго учрежденія губерній 1708—1719 гг.»; но именно такъ, какъ его рисуютъ приведенные факты и частные выводы изъ нихъ, а не то общее положеніе, къ которому приходитъ авторъ, заключая обзоръ дѣятельности губернаторовъ, и которое является совершенно неожиданнымъ и прямо противорѣчащимъ и фактамъ, и частнымъ выводамъ. «Власть губернаторовъ», говоритъ онъ, «не была только исполнительною во всѣхъ отношеніяхъ: губернаторы были администраторами, а будучи, какъ и всѣ правительственныя лица того времени, вмѣстѣ съ тѣмъ и прибыльщиками казны, губернаторы были истинными *хозяевами* губерній. Широтѣ правитель-

ственнаго полномочія много способствовало полное въ то время преобладаніе политическихъ мѣропріятій надъ твердыми юридическими нормами. Чѣмъ былъ сенатъ для всего государства, тѣмъ былъ губернаторъ для области». Начнемъ съ конца этой цитаты. Противъ него можно привести одинъ доводъ, сразу показывающій громадную разницу, которая существовала между властью сената и властью губернатора. Это различіе было не только количественнымъ, какъ кажется автору, и заключалось не только въ томъ, что сенатъ простиралъ свою власть на всю Россію, а губернаторъ только на одну свою губернію; оно было кромѣ того и качественнымъ и заключалось также и въ томъ, что губернаторъ не имѣлъ права обложенія, которое принадлежало одному только сенату, а между тѣмъ, какъ свидѣтельствуетъ самъ авторъ, «расходы, на которые назначались губернскіе доходы, были удовлетвореніемъ потребностей исключительно государственныхъ; губернія, живя исключительно для государства, внутреннихъ земскихъ потребностей какъ бы не имѣла». Трудно понять, почему же авторъ называетъ губернатора «хозяиномъ», если онъ не имѣлъ возможности истратить ни копѣйки на свое хозяйство, и администраторомъ, если онъ принужденъ былъ совершенно игнорировать потребности той мѣстности, которою управлялъ. Далѣе, этотъ заключительный общій выводъ о значеніи губернатора 1708 г., какъ хозяина и администратора губерніи, сходнаго по своему положенію относительно губерніи съ положеніемъ сената по отношенію ко всей Россіи, идетъ въ разрѣзъ съ основнымъ взглядомъ, высказаннымъ въ самомъ началѣ обзора предметовъ дѣятельности губернатора, гдѣ авторъ прямо говоритъ, что «губернаторъ есть главнымъ образомъ исполнитель сенатскихъ предначертаній». Наконецъ, разборъ предметовъ дѣятельности губернатора по отдѣльнымъ рубрикамъ приводитъ автора къ частнымъ итогамъ, совершенно не дающимъ того общаго итога, который подводится въ концѣ книги. Во многихъ мѣстахъ этого разбора предметовъ, входившихъ въ составъ губернаторской компетенціи, авторъ приходитъ къ заключеніямъ объ исполнительномъ по преимуществу характерѣ губернаторской власти. Такія заключенія можно встрѣтить и въ рубрикѣ военныхъ дѣлъ, и въ рубрикѣ разрядныхъ, гдѣ авторъ заявляетъ, что «областные начальники, а во главѣ ихъ губернаторы, по отношенію къ служилымъ людямъ, находившимся въ ихъ районѣ, и вообще къ разряднымъ дѣламъ, сосредоточивавшимся въ сенатѣ, были только исполнителями», и, наконецъ, въ рубрикѣ иностранныхъ дѣлъ, гдѣ говорится, что власть губернатора въ этой категоріи дѣлъ ограничивалась однимъ исполненіемъ сенатскихъ предписаній. Въ тѣхъ же остальныхъ отдѣлахъ разбора,

гдѣ авторъ самъ не дѣлаетъ такихъ выводовъ, они очень ясно подсказываются фактами, которые онъ приводитъ. Такимъ образомъ, совершенно вѣрнымъ является основной тонъ, взятый авторомъ въ прелюдіи къ изложенію предметовъ губернаторскаго вѣдомства, послѣдовательно разработаны и частныя мелодіи пьесы, и тѣмъ большимъ диссонансомъ звучитъ аккордъ, которымъ онъ ее заключаетъ [1]).

Итакъ, губернаторъ 1708 г. въ области администраціи—простой исполнитель распоряженій сената, и воевода 1719 года служитъ его прямымъ продолженіемъ, оказавшись также простымъ исполнителемъ распоряженій сената и коллегій. Вопреки планамъ реформатора, намѣчавшимъ для мѣстнаго управленія 1719 г. иное значеніе сравнительно съ предшествовавшей администраціей, въ дѣйствительности между этими двумя періодами въ исторіи мѣстнаго управленія не было рѣзкихъ различій въ его духѣ, и всѣ измѣненія ограничивались только внѣшними формами. Жизнь развивала мѣстное управленіе, какъ и всѣ другія государственныя явленія, ровнымъ и послѣдовательнымъ ходомъ, и мысль придать провинціальному воеводѣ значеніе хозяина и опекуна провинціи, самостоятельнаго осуществителя широкихъ запросовъ благосостоянія, которая проведена въ инструкціяхъ 1719 г., не могла измѣнить дѣйствительности съ тою быстротой, на которую разсчитывалъ преобразователь. Такъ же, какъ и въ предыдущую эпоху, мѣстная администрація служила центру, а не мѣстности; такъ же, какъ и прежде, ея самостоятельность была крайне ограничена, сводясь къ исполненію приказовъ свыше. Мѣнялись, развиваясь, формы; содержаніе было болѣе постояннымъ, проходя болѣе медленную эволюцію.

V.

Работа воеводы на центръ приняла однообразный — фискальный характеръ, и это ея свойство замѣтно сказывалось на его отношеніи къ общественнымъ классамъ, составлявшимъ населеніе провинціи. Занимая среднее положеніе между центральнымъ правительствомъ и управляемымъ обществомъ, мѣстная власть можетъ исполнять двоякую функцію: во-первыхъ, она можетъ осуществлять попеченіе надъ обществомъ, съ одной стороны сама удовлетворяя его нужды, съ другой служа представительницей его нуждъ передъ правительствомъ и поддерживая его интересы своимъ авторитетнымъ голосомъ; во-вторыхъ, она можетъ

[1]) *Мрочекъ-Дроздовскій*, op. cit. стр.: 339, 279, 282, 141, 220, 310.

служить представительницей интересовъ правительства передъ обществомъ и поддерживать требованія, предъявляемыя первымъ къ послѣднему. Въ воеводской инструкціи 1719 г. есть статья, которую уже приходилось указывать, и которая пытается установить значеніе воеводы именно въ первомъ смыслѣ. Она возлагаетъ на воеводу обязанность «всѣхъ подчиненныхъ своей провинціи: шляхетство, посадскихъ, духовныхъ и прочихъ по государственнымъ уложеніямъ, уставамъ и даннымъ привилегіямъ содержать», т. е. быть защитникомъ интересовъ каждаго класса, поскольку эти интересы нашли бы себѣ выраженіе въ законодательствѣ въ видѣ тѣхъ правъ и преимуществъ, которыми предполагалось пожаловать каждое сословіе. Но, какъ сословіямъ пришлось еще болѣе полустолѣтія ждать жалованныхъ грамотъ, устанавливавшихъ ихъ права и преимущества, такъ и воеводѣ Петра далеко было до значенія екатерининскаго губернатора и намѣстника, «истиннаго опекуна» губерніи и «ходатая за пользу общую», какъ его опредѣляли законодательные акты этой государыни. Приведенная статья инструкціи была не болѣе, какъ первый проблескъ того представленія о значеніи мѣстной власти, какое было развито въ учрежденіяхъ Екатерины II, проблескъ, не озарившій пока еще дѣйствительности. На практикѣ, осуществляя только вторую изъ указанныхъ выше функцій, петровскій воевода удовлетворяетъ запросамъ правительства, предъявляемымъ къ обществу въ несравненно большей степени, чѣмъ запросамъ общества, обращаемымъ къ правительству. Онъ не опекунъ провинціи и не ходатай за нее передъ высшей властью; наоборотъ, онъ исполнительный агентъ высшей власти, посланный въ провинцію предъявлять требованія и наблюдать за ихъ исполненіемъ. Съ этими полномочіями, не отличающими его отъ его предшественника XVII вѣка, такъ хорошо характеризованнаго проф. Градовскимъ, онъ высится надъ классами провинціальнаго общества. Мы и разсмотримъ теперь его отношеніе къ этимъ классамъ.

Наиболѣе близкія и непосредственныя отношенія должны были быть у воеводы къ высшему общественному классу — дворянству, такъ какъ городскія общины предполагалось объединить въ особомъ вѣдомствѣ главнаго магистрата, духовенство вѣдалось своимъ церковнымъ начальствомъ, а между крѣпостнымъ крестьянствомъ и государственными властями все болѣе врѣзывалась власть землевладѣльца, во многомъ устранявшая ихъ непосредственныя сношенія. Эти различныя степени близости, въ какихъ стояла воеводская власть къ различнымъ слоямъ провинціальнаго населенія, ясно сказались, напр., въ томъ порядкѣ, въ какомъ эти слои приводились къ присягѣ по случаю пере-

мѣны на престолѣ, происшедшей въ январѣ 1725 года. Помѣщики провинціи, находившіеся въ деревняхъ, вызывались въ провинціальный городъ и подписывали присяжные листы подъ непосредственнымъ руководствомъ воеводы; городское населеніе—подъ руководствомъ магистратовъ, а церковное общество—подъ руководствомъ чиновъ церковнаго управленія. Но воевода вовсе не былъ какимъ-либо опекуномъ дворянства; онъ не выступалъ съ ходатайствами о его нуждахъ въ какихъ-нибудь чрезвычайныхъ случаяхъ; онъ даже не былъ снабженъ достаточною широтою полномочій для удовлетворенія самыхъ обычныхъ ежедневныхъ его интересовъ, и за удовлетвореніемъ ихъ оно должно было обращаться непосредственно къ центру, такъ же, какъ это бывало и въ XVII в. Главный интересъ этого класса въ то время былъ, разумѣется, землевладѣльческій, и имъ вызывались постоянно два рода дѣлъ, касавшихся тѣхъ двухъ главныхъ элементовъ, изъ которыхъ слагалось дворянское хозяйство: земли и крѣпостнаго труда. Изъ дѣлъ перваго рода, поземельныхъ, мѣстное управленіе разрѣшало далеко не всѣ; ему подвѣдомствены были только мелкія сельскія столкновенія: дѣла о завладѣніяхъ, потравахъ, порубкахъ, перекосахъ и т. п., но поземельныя тяжбы, равно какъ и всякаго рода переходъ имѣній изъ рукъ въ руки: наслѣдованіе, купля-продажа, дареніе, мѣна и проч. вѣдались въ центрѣ, въ вотчинной коллегіи, учрежденіи, замѣнившемъ собою помѣстный приказъ, куда дворянство должно было отправляться лично или посылать уполномоченныхъ, что въ обоихъ случаяхъ обходилось не дешево. Какъ и въ XVII в., воевода въ этихъ насущнѣйшихъ дѣлахъ для дворянства былъ только исполнителемъ рѣшеній вотчинной коллегіи. Рѣшивъ дѣло, послѣдняя отправляла къ воеводѣ указъ объ «отказѣ» имѣнія такому-то лицу, и воевода посылалъ подьячаго или поручалъ земскому комиссару отправиться на мѣсто и совершить актъ ввода во владѣніе того лица, къ которому оно переходило. Тяжесть этой централизаціи поземельныхъ дѣлъ живо ощущалась обществомъ и хорошо сознавалась правительствомъ первой четверти XVIII в. «Народу, а особливо шляхетству», говорила Екатерина въ своемъ манифестѣ 9 янв. 1727 г., «великая тягость происходитъ отъ случающихся волокитъ въ вотчинную коллегію, и что иные изъ весьма отдаленныхъ провинцій принуждены пріѣзжать въ С.-Петербургъ». Манифестъ предполагалъ для облегченія дворянству или подраздѣлить вотчинную коллегію на два отдѣленія, по одному въ каждой изъ столицъ, или распредѣлить ея компетенцію между губернаторами. Но это намѣреніе децентрализовать такъ или иначе поземельныя дѣла не осуществилось, и много лѣтъ спустя въ знаменитой комиссіи 1767 г. раз-

давались со стороны дворянства громкія жалобы на необходимость поѣздокъ въ коллегію [1]).

Изъ дѣлъ о крѣпостныхъ также не всѣ могли быть рѣшены провинціальнымъ воеводой. Такъ, за разрѣшеніемъ на переводъ крестьянъ изъ одного имѣнія въ другое надо было обращаться въ центръ, въ камеръ-коллегію. На мѣстѣ производились сдѣлки на крѣпостныхъ, какъ и вообще всякаго рода имущественныя сдѣлки, кромѣ поземельныхъ, у такъ называемыхъ «надсмотрщиковъ крѣпостныхъ дѣлъ», нотаріусовъ, находившихся въ провинціальныхъ и уѣздныхъ городахъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи юстицъ-коллегіи и сначала подчиненныхъ ея судьямъ и надворнымъ судамъ, а затѣмъ, послѣ отмѣны судей, воеводамъ. Другой родъ дѣлъ, касавшихся крѣпостнаго населенія, составляли дѣла о бѣглыхъ. Крестьянскій побѣгъ, все возраставшій съ XVI в. и принимавшій массовые размѣры, былъ больнымъ мѣстомъ дворянскаго хозяйства XVIII в. Въ архивахъ воеводскихъ канцелярій дѣла о бѣглыхъ крѣпостныхъ составляютъ большой процентъ общаго числа рѣшавшихся тамъ дѣлъ «интересныхъ», т. е. казенныхъ, и «челобитчиковыхъ», т. е. начинавшихся по частнымъ просьбамъ. Въ журналъ входящихъ бумагъ въ пошехонской канцеляріи за 1725 г. внесено всего 1308 померовъ; изъ нихъ 137, т. е. 10,5% по дѣламъ о бѣглыхъ, и этотъ процентъ во много разъ увеличится, если исключить изъ общей суммы бумагъ всѣ «интересныя», составлявшія въ каждой канцеляріи наибольшую долю, и принять въ разсчетъ только вторую категорію, т. е. «челобитчиковы» дѣла. То же явленіе и въ другихъ канцеляріяхъ провинцій съ крѣпостнымъ населеніемъ. Когда перебираешь ихъ архивы, то среднимъ числомъ изъ десяти дѣлъ одно непремѣнно о крестьянскомъ побѣгѣ. Но въ чемъ заключалась роль воеводы въ этихъ дѣлахъ? Она была совершенно пассивной. Разысканныхъ и пойманныхъ бѣглыхъ приводятъ или присылаютъ въ канцелярію съ своими старостами и приказчиками сами владѣльцы; розыскъ и поимка ихъ—дѣло частное; мѣстная власть не только не занимается этимъ сама, но и не оказываетъ помѣщикамъ никакого содѣйствія. Произведя бѣглому допросъ и распорядившись о наказаніи его кнутомъ по указу, чтобъ ему впредь было бѣгать непо-

[1]) *Градовскій*, Сочиненія т. II, 410 и сл. Дѣла пошехонск. уѣздн. суда по III оп. вязка 2, кн. 6, февраль, № 73; мартъ, № 14. Дѣла угличской пров. канц., №№ 346, 348, 363, 388, 426, 438, 464, 559, 566, 601 и др. Дѣла переяславль-залѣсск. уѣздн. суда, опись VI, вязка 2, д. 45, 46; вязка 3, д. 68, 70, 71, 76, 86, 87, 96 и друг. Манифестъ 9 янв. 1727 г. въ Сб. Отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, IX, стр. 95.

вадно, воевода возвращаетъ его владѣльцу, если доказаны его права на бѣглаго. Здѣсь предъявленіе бѣглаго органу публичной власти и санкція этого органа были необходимы для дальнѣйшаго владѣнія крѣпостнымъ. Но дальше такой пассивной санкціи и не идетъ роль воеводы въ дѣлахъ о побѣгѣ, и, несмотря на необыкновенно частое повтореніе подобныхъ случаевъ, не замѣтно, чтобы какой-нибудь изъ воеводъ принялъ или, по крайней мѣрѣ, предложилъ высшему правительству какія-нибудь мѣры общаго характера для ихъ предупрежденія.

Не удовлетворяя, такимъ образомъ, наиболѣе существенныхъ потребностей провинціальнаго дворянства или удовлетворяя ихъ далеко не всѣ, воевода является представителемъ интересовъ правительства, предъявляемыхъ къ этому классу и строгимъ наблюдателемъ за исполненіемъ лежавшихъ на немъ казенныхъ повинностей. Двѣ обязанности, какъ извѣстно, лежали тогда на дворянствѣ по отношенію къ государству: одна—давняя—личная служба, другая,— болѣе свѣжаго происхожденія, это — все возрастающая отвѣтственность за отбываніе казеннаго тягла крѣпостнымъ населеніемъ его земель. Воевода и былъ органомъ надзора и побужденія при отбываніи дворянствомъ той и другой, но и въ этомъ случаѣ его роль была главнымъ образомъ исполнительная. Подобно тому, какъ землевладѣльческіе интересы дворянства разрѣшались не въ провинціальной канцеляріи, а въ центрѣ, и служилыя его отношенія привязывали его также къ центральнымъ учрежденіямъ: во-первыхъ, къ вѣдавшему дворянскую службу и замѣнившему собою прежній разрядный приказъ— управленію герольдмейстера, затѣмъ, къ военной коллегіи, распоряжавшейся дворяниномъ, состоявшимъ уже на дѣйствительной военной службѣ. Воевода только исполнялъ на мѣстѣ требованія этихъ учрежденій относительно дворянства. Такихъ-то недорослей герольдмейстерская контора предписывала ему собрать къ себѣ, переписать и выслать на смотръ къ губернатору, такихъ-то дворянъ велитъ сыскать и выслать на службу военная коллегія, и вотъ по захолустнымъ деревенскимъ уголкамъ, гдѣ ютятся дворянскія усадьбы, разсылаются солдаты воеводской канцеляріи съ наказами привезти требуемыхъ дворянъ. Дворяне собираются, другіе кроются или «чинятся сильны», и разсыльные ѣдутъ за ними въ другой и въ третій разъ уже съ болѣе рѣшительными полномочіями: подъѣзжая къ усадьбѣ ослушника, призвать сотскаго и сотенныхъ людей и при ихъ помощи взять его силой и привезти въ канцелярію подъ карауломъ, а ежели укроется, взять и привезти людей его и крестьянъ человѣкъ пять и больше.

Такимъ образомъ, дворянство провинціи, какъ служилый контингентъ, состоитъ подъ особымъ контролемъ воеводы. Возвращаясь со службы въ отпускъ или въ отставку, помѣщики предъявляютъ воеводѣ копіи съ данныхъ имъ увольнительныхъ свидѣтельствъ. Мелкое дворянство образуетъ изъ себя служилый запасъ не только для арміи, но и для мѣстнаго управленія, и воевода беретъ изъ него тѣхъ или другихъ членовъ для различныхъ чрезвычайныхъ порученій по провинціальному управленію въ помощь обыкновенной мѣстной администраціи: для расположенія войскъ на зимнія квартиры, для сопровожденія проходящихъ черезъ провинцію полковъ, для поисковъ въ монастырскихъ библіотекахъ требуемыхъ указомъ памятниковъ старины и т. п.

Предписанія герольдмейстерской конторы и военной коллегіи воевода исполнялъ относительно самихъ дворянъ; предписанія камеръ-коллегіи онъ исполнялъ относительно дворянскихъ имѣній, побуждая каждое имѣніе къ отбыванію всѣхъ видовъ падавшаго на него тягла: сбору рекрутъ, работниковъ, всякаго рода натуральныхъ повинностей и денежныхъ взносовъ. Обязанность сбора всѣхъ этихъ видовъ повинностей и податей лежала на провинціальномъ управленіи до тѣхъ поръ, пока не началось расположеніе полковъ на души и расквартированіе арміи по провинціямъ, когда сборъ вновь введенной подушной подати перешелъ къ штабамъ расположенныхъ полковъ. Воеводская канцелярія и камерирская контора были всегда полны старостъ и приказчиковъ имѣній, привозившихъ платежи, приводившихъ рекрутъ и ожидавшихъ здѣсь полученія «платежныхъ отписей», т. е. квитанцій, или суровой расправы въ случаѣ неаккуратности взносовъ.

Ту же обязанность надзора за исправностью отбыванія повинностей и податей воевода несетъ и относительно посадскаго населенія, и роль побудителя къ исполненію тягла сдѣлалась до такой степени существеннымъ признакомъ воеводской власти, что воевода продолжалъ играть ее, несмотря на всѣ стремленія правительства изъять посадское населеніе изъ его вѣдомства. Въ исторіи отношеній провинціальной администраціи къ городу съ 1719 по 1727 г. надо различать, при всей краткости этого періода, два момента: до и послѣ изданія регламента главнаго магистрата (1721), закона, имѣвшаго цѣлью выдѣлить города Россіи въ особое вѣдомство, независимое отъ общей администраціи и подчиненное только сенату. Какъ извѣстно, учрежденіе главнаго магистрата было уже не первою попыткой созданія такого особаго самостоятельнаго вѣдомства. Еще въ 1699 г. управленіе городомъ, точнѣе посадскимъ населеніемъ городовъ, изъятое изъ компетенціи воеводъ, было сосредоточено въ московской бурмистерской палатѣ, ратушѣ,

которой подчинялись городскія «земскія избы». Съ введеніемъ губернскаго дѣленія эта система городскаго управленія была разрушена, «земскія избы» были подчинены губернатору, а московская ратуша сохранила значеніе высшей инстанціи по городскому управленію только московской губерніи. Когда, затѣмъ, въ 1719 г. губерніи раздробились на самостоятельныя провинціи, города, до учрежденія главнаго магистрата, оказались подчиненными провинціальной воеводской администраціи. Дѣлая ту ошибку, что онъ не различаетъ двухъ періодовъ въ развитіи самой областной администраціи, именно губернскаго управленія 1708—1719 г. отъ провинціальнаго 1719—1727 г., проф. Дитятинъ совершенно вѣрно однако рисуетъ отношеніе той и другой къ городу, говоря, что воеводамъ и губернаторамъ «поручалось вѣдать все въ городѣ, или, лучше, городъ во всѣхъ отношеніяхъ», причемъ непосредственное завѣдываніе торговопромышленнымъ посадскимъ населеніемъ остается въ рукахъ земскихъ избъ, которыя теперь, со времени учрежденія губерній, вполнѣ подчинены губернаторамъ и воеводамъ. Анализъ воеводской инструкціи вполнѣ подтверждаетъ основательность такого взгляда. Несмотря на то, что въ эпоху изданія инструкціи мысль о выдѣленіи городовъ въ особое вѣдомство занимала преобразователя, и разрабатывался проектъ учрежденія главнаго магистрата, инструкція провозглашаетъ города «подчиненными воеводѣ» [1]), ввѣряя городскихъ жителей его попеченію, а городскую администрацію его надзору. Какъ мы уже видѣли выше, воеводѣ поручается охраненіе правъ и безопасности посадскихъ людей наравнѣ съ прочими классами общества. Недовольствуясь этимъ, инструкція въ слѣдующей затѣмъ статьѣ вновь рекомендуетъ посадское населеніе особому вниманію воеводы, предписывая ему оберегать его отъ обидъ «чужихъ и постороннихъ людей». Воевода постоянно долженъ слѣдить за степенью благосостоянія городовъ его провинціи, освѣдомляясь, «въ какомъ состояніи городы и обрѣтающіеся въ нихъ находятся». Кромѣ этихъ выраженныхъ въ слишкомъ общихъ чертахъ предписаній, инструкція заключаетъ въ себѣ и болѣе детальную разработку отношенія воеводы къ городу. Онъ долженъ заботиться о возможной полнотѣ состава посадскаго населенія, наблюдая, чтобы ремесленники не селились за

[1]) П. С. З. № 3294, ст. 17: инструкц. воеводѣ. Ср. П. С. З. № 3295, ст. 21: инструкц. земскому комиссару: «когда во опредѣленномъ ему, земскому комиссару, уѣздѣ одинъ или болѣе городовъ обрѣтается и во оныхъ порядочный магистратъ и собственный судъ учрежденъ, *то подлежатъ такіе города прямо подъ губернаторскую или воеводскую власть*».

предѣлами городской черты и такимъ образомъ не уклонялись отъ участія въ городскомъ тяглѣ. Взаимныя отношенія различныхъ классовъ городскаго населенія инструкція дѣлаетъ также предметомъ его надзора; воевода долженъ наблюдать, чтобы одинъ классъ не мѣшалъ другому въ спеціальномъ промыслѣ каждаго, чтобы «каждый обрѣтался при своемъ и двухъ ремеслъ одинъ не употреблялъ». Далѣе, на его обязанности было слѣдить за цѣлостью и сохранностью принадлежавшаго городу имущества, «пожалованныхъ городу доходовъ, маетностей и земель», чтобы они не попали въ руки къ «партикулярнымъ персонамъ». Наконецъ, составъ и дѣйствія выборнаго городскаго управленія также подлежали его наблюденію, и на него возлагалась забота, чтобы «ратушскіе чины угодными и искусными персоны были снабдены» [1]).

Факты дѣйствительной жизни подтверждаютъ тотъ же взглядъ, ярко рисуя полную подчиненность города воеводѣ до учрежденія главнаго магистрата, совершенно согласную съ требованіемъ воеводской инструкціи. Прежде всего воевода вообще служитъ посредникомъ въ сношеніяхъ центральнаго правительства съ городомъ въ это время. Высшія правительственныя учрежденія пишутъ, правда, иногда свои указы непосредственно на имя городскихъ бурмистровъ, но такіе случаи рѣдки; обыкновенно ихъ указы сообщаются городскому управленію для исполненія черезъ воеводу. Воевода исполняетъ различныя порученія правительства относительно города. Въ свою очередь и городское населеніе, видя въ воеводѣ посредника между нимъ и центральной властью, обращается къ нему съ ходатайствами, которыя оно желаетъ довести до ея свѣдѣнія. Такъ, въ 1720 г. «земскіе бурмистры и всѣ градскіе посадскіе люди» города Вологды били челомъ вологодскому воеводѣ о непомѣрной тягости лежавшихъ на нихъ повинностей, и воевода передалъ ихъ просьбу сенату, ссылаясь въ своемъ донесеніи на тѣ пункты инструкціи, которыми онъ былъ обязанъ имѣть попеченіе надъ городомъ.

Впрочемъ, въ дѣйствительности отношенія воеводы къ городу были гораздо проще сравнительно съ тѣмъ, какъ они обозначаются въ законѣ. Функція охраны и попеченія, выдвигаемая закономъ на первый планъ и заставлявшая воеводу входить въ детали городскаго управленія и хозяйства, совершенно стушевывалась на практикѣ и давала мѣсто другой, выступавшей ярко и рѣзко — функціи побудителя посадскаго населенія къ отбыванію тягла. И надъ посадомъ воевода стоялъ, какъ

[1]) *Дитятинъ*, Устройство и управленіе городовъ въ Россіи, т. I, 191—197; П. С. З. № 3294, ст. 14, 17, 18.

агентъ правительства, отвѣтственный за его податную исправность и потому оказывавшій на посадъ самое тяжелое воздѣйствіе. То и дѣло то изъ воеводской канцеляріи, то изъ камерирской конторы отправляются къ земскимъ бурмистрамъ указы съ предписаніемъ поспѣшить производствомъ того или инаго сбора, падавшаго на городское населеніе, или съ напоминаніемъ общаго характера: «на прошлый годъ изъ доимки, а на нынѣшній по окладомъ сбирать съ великимъ рвеніемъ, не запущая въ доимку ничего». Денежные сборы поступаютъ въ провинціальную рентерею, и отсюда уже воевода отправляетъ ихъ по назначенію. Для записи прихода и расхода казенныхъ сборовъ воевода выдаетъ земскимъ бурмистрамъ книги за своею скрѣпою, а камериръ настойчиво требуетъ у городскаго управленія своевременной доставки отчетовъ. Неприсылка сборовъ или отчетныхъ вѣдомостей сопровождалась для выборной городской администраціи весьма непріятными послѣдствіями. «Ѣхать тебѣ въ Бѣжецкій Верхъ», читаемъ мы въ наказѣ, данномъ изъ угличской камерирской конторы ея разсыльному солдату, «а пріѣхавъ, взять тебѣ съ собою бѣжецкаго земскаго бурмистра Петра Попова, а взявъ, привезть въ Угличъ и объявить въ конторѣ земскихъ дѣлъ господину камериру В. И. Милюкову, понеже оный бурмистръ по многимъ указамъ ослушаніемъ своимъ мѣсячныхъ вѣдомостей не присылывалъ».

Точно такъ же провинціальная администрація побуждаетъ посадское населеніе къ отбыванію и натуральныхъ повинностей. Сборъ рекрутъ и работниковъ, выборъ разнаго рода бурмистровъ, цѣловальниковъ и счетчиковъ къ различнымъ казеннымъ операціямъ, отводъ домовъ для постоя различныхъ чиновъ администраціи, наборъ вооруженныхъ посадскихъ людей въ помощь земскому комиссару и т. п.—распоряженія по всѣмъ этимъ дѣламъ передаются или отдаются городу воеводой или камериромъ, которые и наблюдаютъ за ихъ исполненіемъ, грозя за неисправность. Дѣти посадскихъ людей съ 10 до 15-лѣтняго возраста обязаны были особою повинностью: обучаться цыфирной наукѣ, и за ея исполненіемъ слѣдилъ также воевода. Къ нему должны всѣ города провинціи высылать дѣтей посадскихъ въ требуемомъ возрастѣ; онъ производитъ имъ смотръ и годныхъ отдаетъ въ школу, совершенно такъ же, какъ годныхъ рекрутъ, онъ отсылаетъ въ полки. Посадскія дѣти угличской провинціи отправлялись въ школу въ Ярославль къ навигатору Смирнову, такъ какъ въ этой провинціи не было школы, и вотъ въ 1720 г. бурмистры города Бѣжецка получаютъ отъ угличскаго воеводы такой грозный указъ: «и вы, бурмистры, посадскихъ людей дѣтей въ угличскую канцелярію сего іюня по 4 число не присылывали

ни одного человѣка и посланные къ вамъ указы вмѣнили вы ни во что, за что повинны взятья на себѣ большаго денежнаго штрафа». Воевода приказывалъ далѣе бурмистрамъ привезти посадскихъ дѣтей въ Угличъ лично. Наблюдая за исполненіемъ посадскимъ населеніемъ лежавшихъ на немъ повинностей, провинціальная администрація производитъ и разверстку повинности между отдѣльными городами провинціи. Такъ, въ 1720 г. посады той же угличской провинціи должны были выбрать двухъ бурмистровъ и тринадцать цѣловальниковъ къ таможеннымъ, кабацкимъ и другимъ сборамъ въ Петербургъ и другіе «новозавоеванные города». Воевода и камериръ распредѣлили исполненіе этой повинности между четырьмя городами, входившими въ составъ провинціи: Угличемъ, Кашиномъ, Бѣжецкомъ и Мологой. Дальнѣйшая разверстка повинностей внутри каждаго города между отдѣльными обывателями принадлежала уже выборному городскому управленію [1]).

Такимъ образомъ, до изданія регламента главнаго магистрата—городъ находится въ полномъ подчиненіи провинціальной администраціи, отвѣтственной за его податную исправность передъ высшимъ правительствомъ. Съ изданіемъ этого закона должны были начаться иныя отношенія. Главный магистратъ долженъ былъ стать въ рядъ съ остальными коллегіями, для губернаторовъ и воеводъ его указы были обязательны наравнѣ съ указами послѣднихъ, а городовые магистраты подчинялись главному и были изъяты изъ подчиненія провинціальнымъ властямъ. Слѣдовательно, городовой магистратъ и воеводское управленіе становились учрежденіями равными, соподчиненными одинаково главному магистрату. Однако дѣйствительность въ значительной мѣрѣ отступила отъ этого порядка, и воеводская власть, пробиваясь въ прежнемъ своемъ значеніи сквозь призрачную дымку новыхъ намѣреній, продолжала дѣйствовать относительно городовъ по старому. Проф. Дитятинъ замѣтилъ, что въ самомъ регламентѣ уже включены были статьи, дававшія основаніе провинціальной администраціи вмѣшиваться въ городскія дѣла, и къ числу ихъ принадлежитъ та статья, которою и самое введеніе новаго магистратскаго управленія въ городахъ поручалось той же провинціальной администраціи: губернаторамъ и воеводамъ. Онъ привелъ, далѣе, примѣры фактическаго угнетенія городовъ этой

[1]) Дѣла сен. кн. 81, л. 827. Дѣла бѣжецкаго уѣздн. суда, опись II, дѣло № 269, лл. 51, 49, 17—19, 78, 111, 58, 40, 59, 52, 65, 75, 79; 30, 33, 34; 107—123; 43, 44; 108; 12 — 13, 81 — 82, 97, 76, 80, 104; № 320 passim; № 349.

администраціей, заимствованные у Соловьева. Эти фактическіе примѣры, несмотря на всю свою яркость, рисуютъ однако ненормальныя явленія, отдѣльные случаи нарушенія закона произволомъ мѣстной администраціи. Но если мы, оставивъ ихъ, присмотримся къ обычнымъ ежедневнымъ отношеніямъ между провинціальной администраціей и городомъ, какія установились на практикѣ послѣ изданія регламента, то не трудно будетъ замѣтить, что сохранились отношенія старыя. Какъ слабо подѣйствовалъ на измѣненіе ихъ регламентъ, видно уже изъ того, что и впослѣдствіи неоднократно правительство принуждено было издавать отдѣльные указы, имѣвшіе цѣлью подтвердить мысль объ изъятіи городовъ изъ вѣдомства воеводской власти, проведенную въ регламентѣ, и предписывавшіе губернаторамъ и воеводамъ въ дѣла магистратскія «конечно не вступать». Издавая такіе указы, само же высшее правительство ихъ тѣмъ не менѣе часто игнорировало. Воевода опять выступаетъ иногда въ роли посредника между городовыми магистратами и высшими учрежденіями, которыя сносятся съ городскими управленіями черезъ него, а не черезъ главный магистратъ. Такъ, напр., требованія камеръ-коллегіи о сборѣ рекрутъ, о сборѣ провіанта, о доставкѣ свѣдѣній о хлѣбныхъ цѣнахъ, распоряженіе о томъ, чтобы собранное въ городахъ въ качествѣ провіанта для войскъ свиное мясо было посолено, указы главной соляной конторы — всѣ эти и тому подобныя сношенія ведутся съ городами провинціи черезъ воеводу. Такъ же, какъ и прежде, дѣятельность воеводы относительно посада продолжаетъ главнымъ образомъ заключаться въ побужденіи посадскаго населенія и городской администраціи къ исправному отбыванію тягла: денежныхъ сборовъ и натуральныхъ повинностей, личныхъ и вещныхъ, общегосударственныхъ и мѣстныхъ. Выше были приведены образцы указовъ, которые получалъ городъ Бѣжецкъ изъ угличскаго провинціальнаго управленія до 1721 года объ исполненіи разнаго рода повинностей. Такіе же онъ продолжаетъ получать и впослѣдствіи: камериръ пишетъ о высылкѣ провіантскаго сбора, воевода посылаетъ особаго подъячаго понуждать бѣжецкихъ бурмистровъ къ высылкѣ доимочныхъ рекрутъ; такіе же, какъ и прежде, побудительные указы о высылкѣ подводъ, кузнецовъ, цѣловальниковъ, счетчиковъ и т. д. Въ тульскій магистратъ идутъ постоянно такого же рода распоряженія отъ провинціальныхъ властей. Предписывается публиковать о сдачѣ съ торговъ на откупъ того или инаго сбора; прислать въ камерирскую контору вѣдомости и рапорты, которыхъ требуетъ камеръ-коллегія, прислать копіи съ указовъ, находящихся въ таможнѣ и т. п. Постоянной нитью, связывавшей городское управленіе съ провинціальной адми-

нистраціей и служившею проводникомъ подчиненныхъ отношеній, былъ въ особенности одинъ изъ видовъ городскаго тягла, проявлявшійся въ завѣдываніи таможенными избами и кружечными дворами. Тѣ и другіе находились въ вѣдомствѣ провинціальной администраціи, но городъ долженъ былъ избирать къ нимъ служебный персоналъ, особыхъ таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда таможенные и кабацкіе сборы отдавались на откупъ, такъ и въ тѣхъ, когда они оставались на вѣрѣ.

Эта понудительная дѣятельность воеводы въ отбываніи тягла была слишкомъ цѣнна для центральныхъ учрежденій, чтобы они скоро и легко могли отъ нея отказаться и стали соблюдать требованія регламента главнаго магистрата о независимости городовъ отъ провинціальной администраціи. Воеводская власть была все-таки лишнимъ и притомъ привычнымъ стрекаломъ въ различныхъ сборахъ, необходимыхъ центру и столь туго вытягиваемыхъ изъ населенія, что этотъ центръ, издавая строгія распоряженія о независимости воеводъ, когда до него доносились жалобы на воеводскія притѣсненія, въ то же время опять по старой привычкѣ обращался къ тому же испытанному воеводскому воздѣйствію, когда рѣчь заходила о сборахъ. Но если въ центрѣ такъ легко забывали о городской независимости, которую намѣревались утверждать, то, разумѣется, тѣмъ труднѣе было привыкать къ новымъ отношеніямъ самому воеводѣ. Вотъ почему воеводы и послѣ регламента не переставали разсматривать себя, какъ начальство надъ городами. Регламентъ и послѣдующіе законы предписывали воеводамъ сноситься съ городовымъ магистратомъ «промеморіями», какъ съ учрежденіемъ равнымъ; на практикѣ воеводы нерѣдко сносятся съ городскимъ управленіемъ попрежнему указами, какъ высшіе съ подчиненнымъ. Взглядъ на подчиненныя отношенія выражался иногда болѣе, чѣмъ въ той или иной формѣ бумаги. Воевода считалъ городскихъ бурмистровъ отвѣтственными передъ собою, а себя вправѣ подвергать ихъ взысканіямъ. Въ 1722 году ларечный угличской таможни пожаловался воеводѣ на угличскаго земскаго бурмистра Шетенева, который «взялъ его изъ таможни съ великимъ безчестіемъ и боемъ» и, приведя въ земскую избу, наказалъ батожьемъ. Воевода распорядился составить протоколъ осмотра полученныхъ жалобщикомъ побоевъ, а также привести земскаго бурмистра въ свою канцелярію. Будучи «сысканъ» и приведенъ, бурмистръ попробовалъ было сопротивляться, ссылаясь на регламентъ, и объявилъ, что онъ безъ особаго указа изъ главнаго магистрата отвѣчать передъ воеводою не будетъ. Пять сутокъ ареста при воеводской канцеляріи, которому подвергъ воевода этого представителя городскаго управленія, сдѣлали его сго-

ворчивѣе, и онъ уже не отказывался отвѣчать на вторичномъ допросѣ. Сопротивленіе, которое пытались оказать воеводамъ городскіе магистраты, опираясь и ссылаясь на законы, вообще оканчивалось не въ ихъ пользу. Въ февралѣ 1723 г. тульскіе воевода и камериръ отправили въ тульскій магистратъ указъ, въ которомъ сообщали городскому управленію, что таможенные и канцелярскіе сборы въ Тулѣ сданы ими на четыре года на откупъ серпуховскимъ посадскимъ людямъ Сокольникову и Кишкину, и предписывали магистрату выбрать къ откупщикамъ одного бурмистра изъ тульскихъ посадскихъ людей для наблюденія за сборами, котораго и прислать къ воеводѣ для принятія инструкціи. Далѣе указъ предписывалъ сдать новымъ откупщикамъ всю обстановку и необходимыя принадлежности таможенной избы: клейма, печати, хлѣбныя мѣры, таможенные вѣсы и проч. Магистратъ, находя ихъ неправильными, отказался исполнить эти распоряженія безъ указа изъ главнаго магистрата, не отдалъ таможни новымъ откупщикамъ, да еще укололъ воеводское управленіе тѣмъ, что откупъ былъ сданъ за меньшую сумму, чѣмъ отдавался прежде. Произошли обычныя послѣдствія. Присланъ былъ особый воеводскій комиссаръ съ подьячимъ, которые стали «дѣйствовать собою», опечатали таможенныя книги, сундуки и ящики, а таможеннаго цѣловальника «били по щекамъ». Затѣмъ явился цѣлый отрядъ солдатъ, которые взяли сопротивлявшагося таможеннаго бурмистра «съ нечестью» и отвели въ воеводскую канцелярію, гдѣ онъ и былъ посаженъ подъ караулъ. Такимъ образомъ воевода взялъ таможню силой. Земскіе бурмистры послали жалобу въ главный магистратъ, откуда такъ и не получили отвѣта. Тѣмъ не менѣе они принуждены были исполнить всѣ требованія камерира, грозившаго штрафомъ въ томъ случаѣ, еслибы откупщики отказались отъ откупа. Примѣръ воеводы, разумѣется, находитъ себѣ подражаніе и въ его подчиненныхъ, и иногда вторгается въ городскія дѣла и притѣсняетъ магистратъ даже какой-нибудь «управитель», т. е. подьячій, находящійся въ непровинціальномъ городѣ для исполненія воеводскихъ указовъ.

Съ другой стороны, само населеніе, очевидно, забывало или не хотѣло знать новыя нормы регламента, и, вопреки тѣмъ заявленіямъ закона, что магистратъ «яко глава и начальство есть всему гражданству», и граждане поэтому губернаторамъ и воеводамъ «въ томъ, что до градскаго суда и экономіи касается, подчинены быть не должны» — обращалось въ иныхъ случаяхъ къ воеводѣ и по судебнымъ дѣламъ, то въ качествѣ первой, то въ качествѣ второй инстанціи. Въ 1722 г. посадскій человѣкъ города Углича Зиминъ искалъ на своей мачихѣ

разныхъ крѣпостныхъ документовъ, оставшихся ему послѣ смерти отца. Сначала онъ предъявилъ искъ въ земской избѣ, а затѣмъ, недовольный рѣшеніемъ, обратился къ воеводѣ, который и разбиралъ это дѣло вновь. Въ томъ же году приказчикъ извѣстныхъ соляныхъ промышленниковъ Строгоновыхъ предъявилъ въ угличской провинціальной канцеляріи искъ о трехстахъ рубляхъ ко всему городу Кашину. Эта гражданская тяжба и велась воеводой, нашедшимъ ее вполнѣ себѣ подсудной. Такимъ образомъ, власть воеводы надъ городомъ послѣ изданія регламента главнаго магистрата проявляется не только въ порывахъ произвола, возможныхъ благодаря превосходству силъ воеводскаго управленія надъ городскимъ, но продолжаетъ давать себя знать и въ обычномъ ежедневномъ теченіи жизни, и старыя отношенія не кажутся ненормальными при существованіи новаго закона. И центральныя учрежденія, и городское населеніе, и, конечно, естественнѣе всего самъ воевода временами какъ будто совершенно забываютъ о состоявшемся изданіи новаго устава, который долженъ былъ измѣнить прежніе порядки. Но если нормальныя отношенія воеводы къ городу послѣ 1721 г. продолжаютъ хранить на себѣ печать старины, то нисколько не удивительно, что воеводскій произволъ и злоупотребленія разыгрываются надъ городомъ съ прежней силой. Главный магистратъ постоянно обращается къ сенату, доводя до его свѣдѣнія о поступающихъ изъ городовъ жалобахъ на воеводскія обиды. А между тѣмъ слѣдующій примѣръ даетъ поводъ думать, что города выступали съ жалобами на воеводу только въ случаяхъ, превосходящихъ всякую мѣру терпѣнія. Бурмистры города Калуги жаловались на своего воеводу въ томъ, что «они его, воеводу, съ 1722 г. *по гражданской ихъ обыкности* всякою пищею и всякими потребами довольствовали. Однакожъ де и тѣмъ онъ сталъ быть недоволенъ, магистрату и купечеству чинитъ обиды, ставилъ на посадскихъ дворахъ постои, указа изъ главнаго магистрата о сводѣ этихъ постоевъ не принялъ». Регламентъ главнаго магистрата былъ, очевидно, только новыми мѣхами, куда вливалось старое вино, и воевода попрежнему продолжалъ считать городъ «въ своей командѣ», которая тогда только начинала безпокоить издавна привыкшихъ къ ней гражданъ, когда выходила за предѣлы ихъ «гражданской обыкности» [1]).

[1]) *Дитятинъ*, opus cit. I, 230—241; П. С. З. №№ 3832, 4811; 3708, реглам. главн. маг., гл. XIV. Дѣла тульскаго уѣздн. суда по I оп. №№ 820, 833, 838, 883 и др. Дѣла угличской пров. канц. №№ 358, 428, 540, 549, 561, 579 и др. Дѣла тульскаго уѣздн. суда и магистрата оп. I, № 830. Дѣла камеръ-кол-

VI.

Попытка выдѣлить управленіе посадскимъ классомъ провинціальнаго общества въ особое вѣдомство, независимое отъ общей администраціи—не была единственной. Въ подобныя же вѣдомства были выдѣлены еще два разряда земель: церковныя и дворцовыя. Такимъ образомъ въ непосредственномъ управленіи провинціальныхъ властей должны были остаться черныя и частновладѣльческія земли.

Управленіе прежними патріаршими вотчинами, а также архіерейскими и монастырскими землями сосредоточивалось въ возстановленномъ съ 1701 г. учрежденіи царя Алексѣя, столь ненавистномъ духовенству монастырскомъ приказѣ. Когда вводились коллегіи, устроенныя по иностранному образцу, предположено было распредѣлить между ними управленіе церковными землями на общихъ основаніяхъ; поэтому 17 авг. 1720 г. монастырскій приказъ былъ закрытъ, его финансовыя дѣла передавались въ камеръ и штатсъ-конторъ коллегіи, а судебныя въ юстицъ-коллегію. Едва, однако, это распоряженіе стало осуществляться, какъ послѣдовали неожиданныя перемѣны. 14 февраля слѣдующаго 1721 г. открыта была новая коллегія домашняго происхожденія—святѣйшій синодъ. Въ тотъ же день, тотчасъ же послѣ молебствія по случаю торжества открытія, новая коллегія представила Петру докладъ съ вопросомъ: вѣдать ли ей тѣ церковныя земли, которыя прежде вѣдались въ монастырскомъ приказѣ. Въ докладѣ было приведено и основаніе для рѣшенія этого вопроса, а именно заявлялось, что эти земли «отъ гражданскихъ управителей пришли въ скудость и пустоту». Царь разрѣшилъ вопросъ въ желательномъ для синода смыслѣ, и такимъ образомъ управленіе церковными землями, раздробленное между отдѣльными коллегіями, должно было опять сосредоточиться въ синодѣ. Для ближайшаго завѣдыванія ими — дѣло, которое вести непосредственно самому синоду было бы затруднительно, — былъ вновь возстановленъ въ томъ же 1721 году монастырскій приказъ, просуществовавшій подъ этимъ названіемъ до 1725 г., когда онъ былъ преобразованъ въ «камеръ-контору синодальнаго правительства», а впослѣдствіи въ кол-

легіи кн. 671, лл. 1—151; вязка 8, д. № 25, лл. 71 и слѣд.; вязка 21, д. № 51: подушные сборы съ купечества за 724, 725, 726 гг. поступаютъ въ провинціальную рентерею. Дѣла сен. кн. 711, л. 311; кн. 812, л. 29. Дѣла пошехонск. уѣздн. суда по III оп. вязка 2, кн. 3, № 910. П. С. З. №№ 4565, 4751, 4921. Дѣла сен. кн. 686, л. 416.

легію экономіи. Общія административныя и судебныя учрежденія, какъ центральныя, такъ и областныя, должны были теперь прекратить свое воздѣйствіе на населеніе церковныхъ земель. Синодъ объявилъ по своему вѣдомству, что церковныя вотчины всего государства сборами и судомъ, и расправою, и всякимъ правленіемъ будутъ вѣдомы въ синодѣ, а не въ коллегіяхъ и провинціяхъ, и запретилъ присылаемыхъ изъ провинцій камерировъ, комиссаровъ и прочихъ чиновъ пускать въ архіерейскія и монастырскія вотчины. Этотъ указъ не остался кое-гдѣ безъ исполненія, и крестьяне церковныхъ земель стали отказывать въ повиновеніи чинамъ общей провинціальной администраціи. Быть можетъ, хуже всѣхъ оказалось положеніе администраціи въ пошехонской провинціи. Резиденція пошехонскаго воеводы, камерирская контора, канцелярія судьи и вообще всѣ присутственныя мѣста этой провинціи расположены были въ монастырскомъ селѣ Пертомѣ, на монастырской землѣ, которую они арендовали, причемъ крестьяне этого села исполняли изстари частію по найму, частію въ видѣ повинности различныя, вызываемыя административнымъ обиходомъ порученія: служили сторожами и разсыльщиками при канцеляріяхъ, наряжали выборныхъ цѣловальниковъ для тюремнаго двора, для отвода денежныхъ и натуральныхъ сборовъ, отводили свои дворы для постоя пріѣзжавшихъ въ воеводскую канцелярію и камерирскую контору по дѣламъ службы земскихъ комиссаровъ. Получивъ упомянутый указъ синода, архимандритъ монастыря запретилъ своимъ крестьянамъ исполнять всѣ эти службы и вступать въ какія-нибудь сношенія съ администраціей. Застигнутое врасплохъ пошехонское провинціальное управленіе лишилось сразу низшаго служебнаго персонала и очутилось какъ бы въ непріятельской странѣ въ осадѣ.

Однако на практикѣ осуществить этотъ указъ объ устраненіи общей провинціальной администраціи отъ управленія церковными землями было труднѣе, чѣмъ казалось. Вмѣстѣ съ возобновленіемъ монастырскаго приказа, какъ подчиненнаго синоду центральнаго учрежденія, управлявшаго церковными вотчинами, предположено было ввести и спеціальные мѣстные органы для государственныхъ сборовъ и суда въ церковныхъ вотчинахъ въ видѣ особыхъ «комиссаровъ синодальной команды», по одному на каждую провинцію. Но ни въ 1721, ни въ слѣдующемъ году этихъ спеціальныхъ органовъ учреждено не было. Только въ 1723 г. были назначены синодальные комиссары, для которыхъ выработана была инструкція, во многомъ весьма сходная съ инструкціей земскому комиссару—однако далеко не во всѣ провинціи. Въ распоряженіе синода давалось очень мало служилаго контингента, «си-

подальныхъ дворянъ», изъ котораго производились назначенія такихъ комиссаровъ, и монастырскій приказъ жаловался, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ онъ не имѣетъ никакихъ мѣстныхъ правителей, потому что взять ихъ не изъ кого. Съ другой стороны, въ камеръ-коллегію сообщали воеводы и камериры изъ четырнадцати провинцій, что никакихъ управителей отъ синода въ ихъ провинціи не прислано и различныхъ финансовыхъ вѣдомостей, которыя они должны были имъ вручать, вручить не кому. Притомъ разосланный синодомъ персоналъ не внушалъ къ себѣ въ монастырскомъ приказѣ ни малѣйшаго довѣрія, и послѣдній заявлялъ прямо, что онъ на назначенныхъ комиссарами синодальныхъ дворянъ «ни малыя въ ономъ отправленіи надежды не имѣетъ». Иные изъ нихъ, дѣйствительно, получивъ отъ свѣтской администраціи касающіяся до церковныхъ владѣній книги и вѣдомости, передали ихъ въ монастыри или приказчикамъ церковныхъ вотчинъ и, покинувъ свои посты безъ разрѣшенія начальства, пріѣхали въ Москву, будучи, вѣроятно, вызваны на производившійся въ то время грандіозный смотръ всему русскому служилому классу. Другіе, сидя на мѣстахъ, не давали о себѣ въ приказъ никакихъ извѣстій. Въ концѣ 1722 года были посланы синодальные комиссары въ 31 провинцію изъ 50, изъ нихъ о дѣятельности 19 не было ничего извѣстно еще въ іюлѣ 1723 г. Многіе изъ нихъ не могли приступить къ какимъ-либо дѣйствіямъ по управленію церковными вотчинами по той причинѣ, что провинціальная администрація замедляла выдачу документовъ, относившихся до этихъ вотчинъ, безъ которыхъ нельзя было начать никакихъ сборовъ.

Послѣ всего сказаннаго не удивительно, что въ первые годы по возобновленіи монастырскаго приказа (1721—1723) общая провинціальная администрація продолжаетъ хозяйничать въ церковныхъ вотчинахъ. Въ 1721 году Стефанъ Яворскій жаловался синоду, что въ его епархіи, въ тамбовской провинціи, воеводы и комиссары не только по дѣламъ о разнаго рода сборахъ, но и по судебнымъ дѣламъ влекутъ въ свои канцеляріи поповъ, дьяконовъ и церковнослужителей съ обычными для того времени взятками, «излишними харчами» и битьемъ на правежѣ, отъ чего духовенство этой епархіи разбрелось и разорилось въ конецъ. Другой іерархъ, архіепископъ новгородскій Ѳеодосій, свидѣтельствовалъ о тѣхъ же явленіяхъ въ своей епархіи; «гражданскіе управители», писалъ онъ, «какъ до церковныхъ вотчинъ, такъ и до подчиненныхъ намъ служителей всякими дѣлами и нынѣ касаются и подручныхъ своихъ въ тѣ вотчины посылаютъ, и напрасное наносятъ крестьянамъ отягощеніе, а иныхъ ...емлютъ къ провинціальному суду и держатъ подъ карауломъ многое время, и чинятъ имъ немалые

убытки и озлобленіе». Синодъ принужденъ былъ сообщить сенату, что въ нѣкоторыхъ свѣтскихъ командахъ чинятъ именнымъ указамъ презрѣніе, святѣйшему правительствующему синоду уничтоженіе и съ неподвѣдомственнымъ имъ духовенствомъ поступаютъ «зѣло дерзостно». Эти жалобы мало однако помогали, и земскіе комиссары продолжаютъ забывать указы о запрещеніи имъ вѣдать церковныя вотчины, посылаютъ туда солдатъ и приставовъ и, захватывая старостъ и крестьянъ, держатъ ихъ у себя подъ карауломъ и бьютъ на правежѣ.

Само высшее правительство смотрѣло на нарушеніе мѣстной администраціей прерогативъ духовнаго вѣдомства сквозь пальцы. Его главнымъ желаніемъ была исправность въ сборахъ съ населенія, но спеціальные мѣстные органы «синодальной команды» оказывались слишкомъ плохими орудіями въ этомъ дѣлѣ, и поэтому приходилось пускать въ ходъ болѣе сильный и удовлетворительный механизмъ, какимъ всетаки была общая провинціальная администрація. Сенатъ и коллегіи какъ-то двусмысленно относились къ этому выдѣленію церковныхъ земель въ особое вѣдомство. Уже въ самую инструкцію синодальнымъ комиссарамъ были включены пункты, допускавшіе вмѣшательство общей администраціи въ сборы съ церковныхъ вотчинъ: нѣкоторые виды сборовъ были предоставлены этой послѣдней, какъ-то: пошлины съ мельницъ и прочихъ промысловъ. По введеніи подушной подати было предписано комиссарамъ синодальной команды, собирая ее съ церковныхъ вотчинъ, отдавать земскимъ комиссарамъ и камерирамъ. Далѣе, изъятіе церковныхъ земель изъ вѣдѣнія провинціальной администраціи, какъ это было и ранѣе въ эпоху перваго возобновленія монастырскаго приказа (1701—1720 г.) относительно губерній—не повлекло за собою освобожденія провинцій отъ отвѣтственности за податную исправность также и церковныхъ земель. Въ расписаніи провинцій 29 мая 1719 г. было обозначено общее число тяглыхъ дворовъ каждой безъ раздѣленія ихъ на различные разряды, и по этому числу правительство взыскивало съ провинціи наложенную на нее норму тягла. Такимъ образомъ, отвѣтственность за сборъ податей съ церковныхъ земель не была снята съ провинціальной администраціи, и трудно было удержать эту администрацію отъ вмѣшательства въ ту сферу, за которую она отвѣчала.

Запрещая провинціальнымъ чинамъ вѣдать въ финансовомъ и судебномъ отношеніяхъ церковныя земли, правительство само вынуждено было постоянно въ отдѣльныхъ случаяхъ нарушать эту неприкосновенность, побуждая органы общей администраціи къ воздѣйствію на эти земли въ интересахъ болѣе аккуратнаго и скораго отбыванія тягла. Такъ, въ 1721 г. предписано было губернаторамъ и воеводамъ лично

провѣрить результаты производившейся тогда поголовной переписи между прочимъ и въ патріаршихъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ вотчинахъ, хотя и съ тою оговоркой, чтобы имъ при этой повѣркѣ ревизскихъ сказокъ тѣмъ вотчинамъ никакихъ обидъ и налоговъ не чинить. Въ 1723 г., не полагаясь на мѣстную синодальную организацію въ такомъ трудномъ дѣлѣ, какъ сборъ запущенной недоимки, Петръ поручилъ производство этого сбора въ церковныхъ вотчинахъ командированнымъ по всей Россіи для провѣрки ревизскихъ сказокъ генераламъ и офицерамъ, а въ слѣдующемъ 1724 г., очевидно, совсѣмъ махнувъ рукою на синодальныхъ комиссаровъ, передалъ эту обязанность сбора недоимки земскимъ комиссарамъ, возвращая, такимъ образомъ, до извѣстной степени церковныя земли въ вѣдомство общей администраціи. Да и синодъ теперь уже не дорожилъ самостоятельностью финансоваго управленія, хорошо сознавая все несовершенство своихъ орудій, а съ другой стороны всю тяжесть отвѣтственности—этой оборотной стороны самостоятельности, и не только не протестовалъ, но охотно согласился съ указомъ Петра, повелѣвшаго въ 1724 г. съ церковныхъ вотчинъ сборъ подушныхъ, равно какъ и наборъ рекрутъ съ 250 душъ по человѣку произвести «опредѣленнымъ отъ камеръ-коллегіи свѣтскимъ командирамъ», разсуждая, что синодальные комиссары, все еще не снабженные финансовыми документами, необходимыми для сборовъ, все равно не могли бы приступить къ нимъ и произвести ихъ съ требуемой царемъ быстротой и только понапрасну получили бы себѣ отягощеніе [1]).

Въ томъ же 1721 г. было выдѣлено изъ сферы дѣйствія общей провинціальной администраціи еще одно вѣдомство—дворцовое. Былъ возстановленъ дворцовый приказъ, въ которомъ должно было сосредоточиться вновь управленіе дворцовыми землями, также съ 1710 г. распредѣленное по губерніямъ на общихъ основаніяхъ. Его мѣстными органами стали «управители» отдѣльныхъ дворцовыхъ волостей. Но дворцовому вѣдомству не дано было такой широкой самостоятельности, какъ главному магистрату или монастырскому приказу. Хотя воеводамъ, камерирамъ и земскимъ комиссарамъ строго было запрещено въѣзжать

[1]) *Горчаковъ*, Монастырскій приказъ, 247—295 и приложенія стр. 103, 110, 122, 118, 56, 57, 59; 104 п. 2; 114; 87; 120. *Милюковъ*, Госуд. хоз. 610, примѣч. 4. Дѣла сената, кн. 198, л. 1027 и сл. Дѣла угличск. пров. канц. № 616; № 648, л. 75. Дѣла муромскаго уѣзднаго суда оп. I, д. 27, л. 19. Дѣла камеръ-коллегіи, вязка 22, д. 3; вязка 19, д. 1. Дѣла сената, кн. 812, л. 44. П. С. З. №№ 3782, 3786, 3796. Описаніе архива св. Синода II. №№ 944, 957.

лично въ дворцовыя волости или посылать туда своихъ подчиненныхъ, и по всѣмъ дѣламъ, касавшимся этихъ волостей, провинціальное управленіе должно было, не воздѣйствуя на нихъ непосредственно, обращаться къ ихъ управителямъ; но, во-первыхъ, центральное учрежденіе дворцоваго вѣдомства—дворцовый приказъ—былъ подчиненъ камеръ-коллегіи; а затѣмъ, самые эти управители дворцовыхъ вотчинъ были по закону подчинены воеводамъ, которые уполномочивались «о чемъ надлежитъ требовать у нихъ и взыскивать на нихъ указами безъ всякаго упущенія». И въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, воевода является агентомъ надзора за исправнымъ отбываніемъ тягла, несущимъ отвѣтственность за такое отбываніе и побуждающимъ къ нему дворцовыя земли черезъ посредство ихъ особой администраціи [1]).

Итакъ, стремленіе выдѣлить нѣкоторыя общественныя группы въ особыя вѣдомства на практикѣ не всегда удавалось. Колеса общаго административнаго механизма продолжали зацѣплять въ силу привычки и городъ, и церковныя имѣнія, и населеніе дворцовыхъ земель, только что изъятые изъ общей машины. Но и само правительство, тревожимое

[1]) Дѣла камеръ-коллег. вязка 2, д. 16, л. 45: «А имъ, губернаторамъ и воеводамъ, и камерирамъ, и комиссарамъ, въ дворцовыя волости для сборовъ и ни для чего самимъ не въѣзжать и посыльныхъ не посылать. А о чемъ надлежитъ, требовать у тѣхъ управителей и взыскивать на нихъ указами безъ всякаго упущенія»; вязка 22, д. 3. П. С. З. № 4677, 4653, 4754, 4957, 3782. Д. сен. кн. 713, л. 29. Самостоятельность дворцоваго вѣдомства съ теченіемъ времени, однако, увеличивается. Во 1-хъ, въ финансовомъ отношеніи: съ 1725 г. только подушныя деньги дворцовыя волости должны передавать полкамъ или вносить въ общія провинціальныя казначейства; остальные казенные сборы имъ предоставлено направлять въ дворцовый приказъ. Поэтому въ 1726 г. поступилъ цѣлый рядъ жалобъ губернаторовъ и воеводъ на дворцовыхъ управителей, не вносящихъ въ провинціальныя рентереи казенныхъ сборовъ, хотя послѣдніе продолжаютъ взыскиваться центральнымъ правительствомъ съ общей провинціальной администраціи. Во 2-хъ, въ судебной области замѣтенъ также ростъ самостоятельности. Тяжбы дворцовыхъ крестьянъ между собою разбирались дворцовыми управителями; только по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ: татьбѣ, разбойнымъ и убійственнымъ они были подсудны общей провинціальной юстиціи. Но указомъ 8 іюля 1725 г. и эти преступленія, если они случаются между дворцовыми крестьянами, а не съ посторонними, изъяты изъ юрисдикціи общихъ судебныхъ учрежденій и переданы дворцовому приказу. Все это приводитъ къ тому, что дворцовые управители отказываютъ губернаторамъ и воеводамъ въ повиновеніи и сносятся съ ними «промеморіями», какъ съ равными, такъ что сенатъ долженъ былъ напоминать имъ, чтобъ они губернаторамъ и воеводамъ были послушны и исполняли ихъ указы.

заботой о своевременномъ пополненіи государственной казны и недовольное работой спеціальныхъ механизмовъ, установленныхъ имъ для выдѣленныхъ общественныхъ классовъ, вновь принуждено было подвергать ихъ воздѣйствію общаго, болѣе сильнаго и надежнаго. Въ этой тревогѣ оно постоянно кидалось изъ стороны въ сторону, не будучи въ состояніи усвоить себѣ разъ навсегда одно направленіе, котораго бы твердо и послѣдовательно держалось. То оно вводило стройную европейскую администрацію, разчлененную единственно по территоріальнымъ границамъ, независимо отъ соціальной структуры населенія; то возвращалось опять къ соціальнымъ различіямъ и, кромѣ территоріальнаго разчлененія, вводило еще соціальное, путало первоначальную стройность и учреждало особыя вѣдомства, считая лучшимъ средствомъ для развитія благосостоянія различныхъ общественныхъ классовъ какъ разъ изъятіе ихъ изъ подъ власти общей администраціи, отрицательныя стороны которой не могли отъ него укрыться. Но только что устроивъ такое выдѣленіе, оно не обладало достаточной терпѣливостью, чтобы долго выжидать, пока созрѣютъ плоды благосостоянія той или другой выдѣленной группы, и, испуганное видомъ пустой кассы, забывая объ установленной самостоятельности, подъ впечатлѣніемъ минуты опять прибѣгало къ дѣйствію общей администраціи. Такимъ образомъ, несмотря на всевозможныя изъятія и ограниченія, провинціальное воеводское управленіе при Петрѣ простирало фактически свою руку на всѣ общественные классы. Взиманіе податей лежало въ основаніи отношенія воеводской власти ко всѣмъ этимъ классамъ, и тягло было той силой, которая мѣшала высвобождать ихъ изъ подъ ея дѣйствія.

VII.

Дѣятельность воеводы, какъ правительственнаго агента по надзору за отбываніемъ повинностей провинціальнымъ населеніемъ, поглотила все его вниманіе и на практикѣ стала главною изъ его обязанностей. За неисправное исполненіе ея ему грозитъ наиболѣе суровая отвѣтственность; камеръ-коллегія издаетъ указъ за указомъ о своевременномъ сборѣ податей и повинностей, устрашая губернаторовъ и воеводъ отдачей подъ судъ, какъ преступниковъ, безповоротной конфискаціей движимаго и недвижимаго имѣнія, арестомъ и даже ссылкой на галеры. Такой щедрости на угрозы и такой энергіи тона незамѣтно въ указахъ, касающихся другихъ обязанностей провинціальной администраціи, и такъ какъ нѣтъ вовсе данныхъ заключать, чтобы въ испол-

веніи этихъ другихъ обязанностей воеводское управленіе дѣйствовало успѣшнѣе, то очевидно, что взиманіе податей ставилось для него, какъ главная задача. Механизмъ мѣстнаго управленія, будучи реформированъ, продолжалъ служить старой цѣли, добыванію правительственныхъ средствъ изъ народной массы, только попутно, какъ второстепенныя, исполняя и другія назначенія. Намъ слѣдуетъ теперь ближе познакомиться съ устройствомъ и дѣйствіемъ этого механизма, который, расчленившись, сталъ болѣе сложнымъ [1]).

По плану устройства мѣстнаго управленія, насколько онъ выразился въ инструкціяхъ 1719 г., на воеводу предполагалось возложить высшій надзоръ за финансовымъ управленіемъ провинціи и отвѣтственность за него. Въ чемъ бы въ провинціи ни проявлялись интересы фиска, инструкція обязываетъ воеводу слѣдить за ними и охранять ихъ. Прежде всего, конечно, онъ долженъ былъ наблюдать за правильностью взиманія положенныхъ на населеніе сборовъ; за исправностью храненія собранныхъ суммъ въ казначействѣ и хлѣбныхъ запасовъ въ провіантскихъ магазинахъ, для чего онъ имѣлъ право ревизовать то и другое; за исполненіемъ всѣхъ расходовъ, нести которые обязана была провинція и, наконецъ, за своевременностью и вѣрностью отчетности по всѣмъ этимъ финансовымъ операціямъ. Во вторыхъ, воеводѣ поручался надзоръ за государственными имуществами въ провинціи и ихъ эксплуатаціей: сюда относились обязанности надзора за казенными землями, которыя жаловались во временное пользованіе частнымъ лицамъ; за цѣлостью и сохранностью заповѣдныхъ лѣсовъ, чтобы они не были «весьма искоренены», наконецъ, за казенными заводами и заводами, получавшими субсидію отъ казны. Въ третьихъ,—предметъ, котораго приходилось уже касаться выше—на воеводу возлагалась обязанность, требовавшая большей самостоятельности и инціативы, — слѣдить за матеріальнымъ процвѣтаніемъ провинціи, заботиться не только объ аккуратности самыхъ сборовъ, но и о расширеніи источника сборовъ, о подъемѣ народнаго благосостоянія [2]). Очевидно, что обязанности второй и третьей категоріи требовали для своего осуществленія широкой самостоятельной хозяйственной дѣятельности, тогда какъ для отправленія первой нуженъ былъ лишь агентъ—

[1]) П. С. З. № 3640. Дѣл. сен. кн. 814, л. 173, 367—376: «и оное все взыщется на нихъ, губернаторахъ и воеводахъ, и камерирахъ, съ отнятіемъ движимаго и недвижимаго имѣнія и ссылкою на галеры, а по важности неисправленія судимы будутъ, яко преступники указомъ».

[2]) П. С. З. № 3294, ст. 9, 24, 27, 29, 34, 37, 39, 32. № 3304, ст. 5, 18.

исполнитель. Къ этой узкой роли и свелась на практикѣ дѣятельность воеводы по финансовому управленію провинціей: онъ явился главнымъ образомъ лишь передаточнымъ пунктомъ въ теченіи рессурсовъ въ государственную казну. Собрать безъ недоимки все, что слѣдовало съ провинціи, и во время отправить по назначенію — вотъ на что были направлены помыслы воеводы и что отъ него строже всего требовалось. Исполнивъ эту обязанность, онъ могъ чувствовать себя спокойнымъ. Вторая и въ особенности третья категорія возлагавшихся на него дѣлъ остались лишь благими пожеланіями.

Жизнь расходилась съ намѣреніями законодателя и еще въ одномъ отношеніи. По инструкціямъ финансовое управленіе дробилось. Создавались особые провинціальные органы управленія финансами въ видѣ камерировъ, рентмейстеровъ и земскихъ комиссаровъ, а за воеводою оставлялись только общій надзоръ и руководство. На практикѣ воевода сдѣлался непосредственнымъ участникомъ финансоваго управленія провинціей, не ограничиваясь ролью надзора, и бывали случаи, когда воевода даже совсѣмъ одинъ управлялъ финансовыми дѣлами въ отсутствіи камерира. Такъ, орловскій воевода Отяевъ доносилъ сенату, что онъ исполняетъ кромѣ воеводскихъ, также и камерирскія обязанности потому, что камериръ еще не присланъ въ провинцію, а бѣлозерскій, Ляпуновъ, потому, что камериръ уѣхалъ въ отпускъ въ свои помѣстья. Но бывали случаи, когда и при камерирѣ воевода рѣшалъ одинъ дѣла по финансовому управленію, иногда только выслушивая мнѣніе камерира, представленное письменно. Такой порядокъ былъ, кажется, обычнымъ для рѣшенія дѣлъ губернаторами въ губерніяхъ, такъ какъ губернаторъ по своему рангу былъ несоизмѣримо большой величиной сравнительно съ камериромъ, чиновникомъ всего XIV класса по табели, чтобы входить съ нимъ въ составъ одной коллегіи.

По инструкціи [1]) камериръ состоитъ «подъ вѣдѣніемъ и надзираніемъ воеводы» и является по финансовымъ дѣламъ его совѣтникомъ, котораго «совѣтъ и мнѣніе воевода долженъ въ надлежащее разсужденіе принимать». Но, кромѣ подачи совѣтовъ воеводѣ, инструкція возлагаетъ также на камерира и самостоятельныя обязанности, не даромъ называя его «знатнѣйшимъ камернымъ служителемъ провинціи». Его вѣдѣнію подлежатъ дѣла двоякаго рода. Во-первыхъ, онъ является «ландбухгалтеромъ» провинціи; во-вторыхъ, завѣдующимъ казеннымъ имуществомъ. Какъ бухгалтеръ, онъ принимаетъ отчетность отъ под-

[1]) П. С. З. № 3296.

чиненныхъ ему чиновъ финансоваго управленія: рентмейстера, провіантмейстера, земскихъ комиссаровъ и контролируетъ ее, свѣряя съ подлинными документами. Инструкція предписываетъ ему вести четыре книги провинціальному хозяйству: «переписную книгу» всѣмъ деревнямъ, дворамъ, въ нихъ людямъ, землямъ и угодьямъ, т. е. кадастръ, служащій основаніемъ для разверстки податей, падающихъ на населеніе; «земскую книгу», куда онъ долженъ вносить приходо-расходныя вѣдомости земскихъ комиссаровъ по ихъ провѣркѣ; далѣе, «вычетную книгу» для записи недоимокъ и, наконецъ, «главную книгу» всѣмъ окладнымъ и неокладнымъ доходамъ провинціи, кромѣ таможенныхъ. Въ опредѣленные сроки онъ обязанъ представлять отчетность по финансамъ провинціи въ соотвѣтствующія коллегіи.

Какъ завѣдующій казеннымъ имуществомъ, находящимся въ провинціи, камериръ былъ обязанъ ревизовать казначейство и провіантскіе магазины, слѣдить за правильностью пользованія государственными землями, отдаваемыми частнымъ лицамъ въ пожизненную аренду; наблюдать, чтобы не было убытковъ казнѣ при подрядахъ и поставкахъ провіанта и фуража на армію; контролировать хозяйство на казенныхъ земляхъ, эксплуатируемыхъ хозяйственнымъ способомъ; производить торги на казенные подряды и на сдачу различныхъ оброчныхъ статей на откупъ и, наконецъ, наблюдать за хозяйствомъ въ имѣніяхъ, пожалованныхъ городамъ или различнымъ государственнымъ и общественнымъ учрежденіямъ.

На практикѣ камерирская контора ведетъ обширную переписку: она посылаетъ ордеры въ казначейство къ рентмейстеру на пріемъ и выдачу денежныхъ суммъ; къ завѣдующему провіантскими магазинами о пріемѣ и выдачѣ хлѣбныхъ запасовъ; указы къ земскимъ комиссарамъ, ближайшимъ образомъ подчиненнымъ камериру; она сносится по финансовымъ дѣламъ съ дворцовымъ и синодальнымъ управленіями въ провинціи и съ городскими магистратами и составляетъ донесенія въ коллегію. Но камериръ въ дѣйствительности менѣе самостоятеленъ, чѣмъ можно думать объ этой должности, судя по инструкціи. Одинъ онъ отправляетъ только текущія, наиболѣе обыкновенныя дѣла исполнительнаго характера. Все, сколько нибудь выходящее изъ рамокъ текущихъ исполнительныхъ дѣйствій, рѣшается имъ вмѣстѣ съ воеводой, и такой порядокъ слѣдуетъ считать на практикѣ наиболѣе обычнымъ, при нормальныхъ, разумѣется, отношеніяхъ между этими обоими чинами провинціальнаго управленія—оговорка, которую, какъ увидимъ впослѣдствіи, сдѣлать необходимо, когда рѣчь идетъ о взаимныхъ отношеніяхъ воеводъ и камерировъ. Указы изъ центральныхъ учреж-

деній пишутся на имя обоихъ: «стольнику и воеводѣ... да камериру». Въ свою очередь и они оба подписываются подъ донесеніями по финансовымъ дѣламъ, идущими изъ провинціи къ центру. Точно такъ же и въ сношеніяхъ съ подчиненными органами воевода и камериръ посылаютъ нерѣдко указы земскимъ комиссарамъ, подписывая ихъ оба, и съ другой стороны бумаги отъ этихъ подчиненныхъ органовъ и челобитныя отъ подвѣдомственнаго населенія пишутся на имя обоихъ. Такимъ образомъ, въ этихъ внѣшнихъ формахъ дѣлопроизводства сквозятъ тѣ же отношенія, какія въ XVII в. были у воеводы къ товарищу, и, быть можетъ, именно старая привычка поддерживала сохраненіе этихъ старыхъ формъ. Иногда въ указахъ центральныхъ учрежденій въ провинцію прямо и употреблялось старинное выраженіе: «воеводѣ съ товарищи». И прежде отношенія воеводы къ товарищамъ устраивались иногда такъ, что они дѣлили между собою различныя отрасли воеводскаго вѣдомства. Камериръ, въ такомъ случаѣ, былъ бы не болѣе, какъ тотъ же воеводскій товарищъ XVII в., завѣдующій финансовыми дѣлами, если бы реформа 1719 г. не вносила одной существенной новизны: въ XVII в. и воевода, и товарищи сидятъ въ одномъ присутственномъ мѣстѣ, приказной палатѣ или избѣ, дѣля между собою обязанности путемъ частнаго взаимнаго соглашенія. Въ XVIII в., кромѣ того, что обязанности воеводы и камерира раздѣлены и опредѣлены закономъ, для каждаго устроены особыя канцеляріи: «земская канцелярія», гдѣ сидитъ воевода, и «земская контора», или, какъ она иногда называется на практикѣ, «контора камерирскихъ дѣлъ», гдѣ начальствуетъ камериръ. Въ XVII в. на первый планъ выдвигается лицо администратора, и въ немъ, какъ въ фокусѣ, сходятся всѣ нити управленія. Всякое постановленіе въ приказѣ составляется отъ имени его начальника, а въ воеводскомъ управленіи отъ имени воеводы; приказъ даже и называется иногда просто по имени своего начальника. Реформа 1719 г. выдвигаетъ на первый планъ идею учрежденія, присутственнаго мѣста, покрывающаго собою личность и болѣе постояннаго. Поэтому въ тѣхъ случаяхъ, когда въ XVII вѣкѣ писалось въ бумагахъ: «слушавъ сего дѣла, воевода такой-то съ товарищи приговорили», теперь стали выражаться такъ: «канцелярія провинціи такой-то и контора камерирскаго правленія, слушавъ сей выписки, согласно приговорили», хотя все это соединенное присутствіе двухъ такъ торжественно обозначаемыхъ учрежденій состоитъ всего изъ двухъ лицъ: воеводы и камерира. Новыя понятія объ учрежденіяхъ вызываютъ и новыя болѣе сложныя формы дѣлопроизводства: земская канцелярія и камерирская контора или, иными словами, воевода и камериръ, помѣщаясь по требованію ин-

струкціи въ одномъ и томъ же зданіи, сносятся между собой однако письменно, умножая канцелярскую переписку, являющуюся неизмѣнной спутницей бюрократической системы. Совмѣстныя рѣшенія дѣлъ, постановленныя воеводой и камериромъ, выражаются въ двоякой формѣ: или въ видѣ постановленія отъ имени соединеннаго присутствія земской канцеляріи и камерирской конторы; или постановленіе и указъ составлялись отъ имени одной земской конторы и только подписывались воеводой и камериромъ. Трудно уловить какую-либо существенную разницу въ основаніяхъ для той и другой формы, и можно думать, что все различіе сводилось здѣсь лишь къ способамъ выраженія, которыми канцелярскія бумаги обозначали совмѣстную дѣятельность этихъ двухъ провинціальныхъ чиновъ. Вообще, изучая практику провинціальнаго управленія, мы находимъ, что воевода дѣйствовалъ или единолично, или составляя различныя присутствія съ своими различными помощниками, смотря по роду дѣлъ. Финансовыя дѣла онъ рѣшаетъ вмѣстѣ съ камериромъ. Такая совмѣстная дѣятельность воеводы съ камериромъ по всѣмъ такъ называемымъ «интереснымъ» дѣламъ, т. е. по дѣламъ финансоваго управленія, требовалась, какъ соображеніями высшаго правительства, такъ и выгодой самихъ этихъ чиновъ. Высшему правительству было важно, чтобы было болѣе лицъ, къ которымъ оно могло бы предъявить матеріальное взысканіе въ случаѣ неисправности, и чтобы успѣхъ этого взысканія былъ такимъ образомъ болѣе обезпеченнымъ. Воеводѣ и камериру вести дѣла вмѣстѣ было выгоднѣе, такъ какъ они раздѣляли отвѣтственность за дѣло, подписанное обоими [1]). Въ частности по дѣламъ, относящимся до высылки суммъ изъ провинціальнаго казначейства, указы изъ штатсъ-конторы въ провинціи писались на имя воеводы съ рентмейстеромъ. Наконецъ, когда къ воеводамъ съ 1722 г. перешла и судебная власть, судебныя дѣла рѣшались воеводой въ особомъ присутствіи совмѣстно съ назначенными тогда по провинціямъ

[1]) Дѣла угличск. пров. канц. №№ 459, 513, 351, 512, 542. Дѣла сен. кн. 114, л. 465. Дѣла воронежск. губернск. канц. оп. II, д. 111, 118. Дѣла угличск. пров. канц. №№ 353, 425, 508, 519, 554, 579, 611. Дѣла сената, кн. 196, л. 503: «камериръ отправляетъ камерирскія и всякія дѣла и крѣпитъ со мною (воеводою) купно»; кн. 195, л. 472: «указы изъ камеръ-коллегіи, которые посылаются обще къ нему, воеводѣ, и къ камериру». Дѣла орловск. пров. канц. № 1246. Дѣла угличской пров. канц. №№ 586, 616, 727, 736; по X описи № 66. Дѣла галицкаго уѣздн. суда, № 332. Первая форма совмѣстнаго рѣшенія воеводы съ камериромъ: д. угличск. пров. канц. № 736; оп. X, д. 25, д. 76; вторая форма: дѣла угличск. пр. канц. №№ 562, 420, 727, л. 5.

судебными асессорами. Въ этихъ провинціальныхъ присутствіяхъ, безформенныхъ и мало опредѣленныхъ, можно видѣть, кажется, блѣдные первообразы позднѣйшихъ екатерининскихъ губернскихъ палатъ.

Въ числѣ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію провинціальнаго по казеннымъ дѣламъ присутствія, состоящаго изъ воеводы и камерира, на первомъ мѣстѣ, конечно, стоитъ производство прямыхъ и косвенныхъ сборовъ съ провинціи. До введенія подушной подати тѣ и другіе лежатъ всецѣло на провинціальной администраціи. Получивъ сверху указъ о сборѣ прямаго налога, «повсягоднаго», т. е. обыкновеннаго, и «запроснаго», т. е. чрезвычайнаго, воевода и камериръ разсылаютъ указы земскимъ комиссарамъ и затѣмъ наблюдаютъ за скоростью и точностью исполненія. Точно такъ же они исполняютъ приходящія изъ центральныхъ учрежденій требованія относительно натуральныхъ повинностей, падавшихъ на провинцію. Такъ, воевода и камериръ заботятся о расквартированіи, продовольствіи и снабженіи подводами проходящихъ черезъ провинцію полковъ, о сборѣ и высылкѣ рекрутъ и работниковъ, о производствѣ выборовъ и высылкѣ разнаго рода выборныхъ людей, которыхъ провинція обязана была доставить на службу по казеннымъ порученіямъ въ другія мѣстности. Приведемъ нѣсколько конкретныхъ примѣровъ, взятыхъ изъ практики провинціальныхъ управленій для иллюстраціи этого рода дѣятельности. Вотъ случай движенія войскъ черезъ провинцію, вызывавшаго цѣлый рядъ повинностей со стороны ея населенія и задававшаго цѣлый рядъ заботъ ея администраціи. Для пополненія «низоваго корпуса», совершившаго персидскій походъ и названнаго такъ потому, что округомъ его расположенія было низовье Волги, лѣтомъ 1724 г. было назначено два отряда изъ кіевскаго и глуховскаго гарнизоновъ, всего въ количествѣ 1745 чел., которыхъ предстояло привести сухимъ путемъ въ Орелъ, откуда отправить Окою въ Нижній для дальнѣйшей отсылки Волгою въ Астрахань. Камеръ-коллегія шлетъ указъ въ орловскую провинцію, предписывающій заготовить необходимый для этихъ отрядовъ провіантъ и соль на шесть недѣль пути отъ Орла до Нижняго. Съ своей стороны начальство отряда требуетъ отъ провинціальной администраціи приготовить въ Орлѣ суда и лодки, набрать кормщиковъ и проводниковъ. Удовлетворяя эти требованія, орловская провинціальная канцелярія «согласно съ земскою конторою», приводятъ въ извѣстность запасы провіанта и соли, находящіеся въ провинціи, посылаютъ запросы къ земскимъ комиссарамъ о запасахъ, имѣющихся у нихъ и предписываютъ доставить ихъ въ Орелъ; сдаютъ на подрядъ заготовленіе судовъ и лодокъ и распоряжаются о наймѣ требуемыхъ

людей.—Вотъ, далѣе, случай рекрутскаго набора. Въ томъ же 1724 г. былъ объявленъ новый наборъ съ 250 душъ по человѣку и кромѣ того было предписано выбрать всю недоимку въ рекрутахъ, накопившуюся въ старые наборы съ 1711 г. Въ ту же орловскую провинцію поступаетъ изъ камеръ-коллегіи рядъ указовъ на имя воеводы съ камериромъ объ этихъ наборахъ. Они разсылаютъ указы къ земскимъ комиссарамъ, а затѣмъ для ускоренія хода дѣла камериръ объѣзжаетъ дистрикты провинціи самъ. Собранные рекруты высылаются земскими комиссарами къ воеводѣ, который, пересматривая ихъ, отсылаетъ ихъ къ кіевскому губернатору. Закончимъ эти примѣры случаемъ выбора вѣрныхъ людей, которыхъ обязана была поставлять провинція для финансоваго вѣдомства. Въ 1721 году угличская провинція получила указъ изъ камеръ-коллегіи выбрать по расположенію съ двороваго числа въ Петербургъ и въ прибалтійскіе, пріобрѣтенные у шведовъ города къ таможеннымъ, кабацкимъ и другимъ сборамъ и дѣламъ двухъ бурмистровъ и 13 цѣловальниковъ и, взявъ на нихъ «выборы за руками», прислать ихъ въ камеръ-коллегію. Разверставъ все это число выборныхъ между городами провинціи пропорціонально ихъ податнымъ силамъ, воевода и камериръ послали указы о выборахъ въ каждый изъ этихъ городовъ. Итакъ, во всѣхъ операціяхъ, касающихся прямыхъ податей и повинностей воевода и камериръ дѣйствуютъ вмѣстѣ. Совмѣстно они участвуютъ въ разверсткѣ и взиманіи податей и повинностей. Совмѣстно они слѣдятъ за платежной способностью населенія, какъ это имъ предписывалось инструкціями, и когда, напр., поступитъ заявленіе отъ помѣщика о томъ, что его помѣстье запустѣло, а сборы продолжаютъ взиматься по старымъ окладамъ, они приказываютъ мѣстному земскому комиссару освидѣтельствовать пустоту, произведя «большой повальный обыскъ», т. е. снять допросъ съ окрестныхъ жителей о причинахъ запустѣнія. О такихъ случаяхъ они должны были представлять въ камеръ-коллегію для исключенія опустѣвшихъ мѣстностей изъ податнаго оклада [1]).

[1]) Дѣла угличск. пров. канц. №№ 425, 428, 449, 519, 586. Дѣла орловской пров. канцеляріи, №№ 1065, 1066, 1076. Дѣл. сен. кн. 196, л. 503: «а въ майскій и сентябрьскій нарядъ», пишетъ бѣлозерскій воевода, «работныхъ людей также и рекрутъ отправлялъ и отсылалъ съ нимъ, камериромъ, обще»; кн. 195, л. 472..:«да имъ, (ярославскимъ) воеводѣ и камериру, велѣно выслать въ С.-Петербургъ по расположенію съ ярославской провинціи къ таможеннымъ и кабацкимъ сборамъ бурмистровъ и цѣловальниковъ добрыхъ». Дѣла угличской пров. канцел. № 362.

Вмѣстѣ воевода и камериръ рѣшаютъ дѣла, касавшіяся косвенныхъ сборовъ: таможенныхъ, питейныхъ и другихъ болѣе мелкихъ. Они производятъ отдачу казенныхъ доходныхъ статей на откупъ или учреждаютъ вѣрное управленіе ими, если не находится охотниковъ ихъ снять, а также распредѣляютъ отставной военный персоналъ, приставленный къ управленію питейными сборами по отдѣльнымъ кружечнымъ дворамъ [1]. Они слѣдятъ за косвенными сборами, принимаютъ отчетность по нимъ и руководятъ откупщиками, вѣрными сборщиками и военными начальниками кабаковъ. Приведемъ также нѣсколько конкретныхъ примѣровъ изъ практики управленія косвенными сборами. Совмѣстно воеводой и камериромъ рѣшался вопросъ объ основаніи новыхъ питейныхъ заведеній.—Въ 1726 г. поручикъ Мухортовъ, управлявшій болховскимъ кружечнымъ дворомъ, донесъ въ орловскую провинціальную канцелярію, что въ болховскомъ уѣздѣ есть пристойное мѣсто на большой дорогѣ въ деревнѣ Спѣшневой, гдѣ, по его мнѣнію, «надлежитъ быть кабачку», такъ какъ благодаря сильному движенію по большой дорогѣ можно отъ этого заведенія ожидать значительной казенной прибыли. Донесеніе было передано въ камерирскую контору, въ которую оно собственно и должно было поступить, и которой было предписано представить докладъ по этому дѣлу. Выслушавъ докладъ, провинціальная канцелярія и земская контора, какъ значится въ дѣлѣ, приказали «кабачокъ вновь учинить», сначала отведя подъ него крестьянскій дворъ, а затѣмъ построить особую избу, и для открытія кабачка поручику велѣно было командировать одного изъ подчиненныхъ ему цѣловальниковъ. Съ бо́льшими затрудненіями и осложненіями разрѣшался вопросъ о перемѣнѣ мѣста таможенныхъ избъ и кружечныхъ дворовъ. Бурмистры города Мологи обратились къ провинціальнымъ властямъ съ просьбой перенести на другое мѣсто кабакъ и таможню, такъ какъ ихъ заливало весною при разливѣ рѣки тамъ, гдѣ они находились. Дѣло это превышало компетенцію

[1]) Предполагалось вѣрную, избираемую тяглыми мірами, администрацію замѣнить отставными офицерами, унтеръ-офицерами и солдатами по назначенію военной коллегіи съ раскольниками и «бородачами» въ качествѣ помощниковъ по назначенію городовъ. Предположеніе это, выраженное въ апрѣльскихъ указахъ 1722 г., осуществилось въ очень слабой степени, и въ огромномъ большинствѣ случаевъ вѣрная администрація продолжала существовать. *Милюковъ*, Госуд хоз. 612, примѣч. 2. Дѣла орловск. пров. канц. № 1316. Съ 1722 по 1726 г. было прислано въ орловскую провинцію для занятія должностей по питейному управленію 22 военныхъ чина; но остальныя 49 мѣстъ бурмистровъ, ларечныхъ и цѣловальниковъ замѣщались еще вѣрными людьми изъ посадскихъ.

провинціальной администраціи, такъ какъ всѣ существующіе источники казеннаго дохода зорко охранялись центральнымъ правительствомъ, и переносъ ихъ могъ возбуждать боязнь умаленія сбора; поэтому воевода и камерирь вступили о немъ въ переписку съ финансовыми коллегіями, вмѣстѣ подписывая бумаги. Кружечный дворъ въ городѣ Бѣжецкѣ съ «повоучиненными кабачками», т. е. мелкими филіальными отдѣленіями, въ бѣжецкомъ уѣздѣ держалъ на откупѣ посадскій человѣкъ Рыбной слободы Нечаевъ, который выразилъ желаніе снять также на откупъ продажу табаку, трубокъ и картъ, производившуюся при тѣхъ же питейныхъ заведеніяхъ особыми вѣрными выборными изъ бѣжецкихъ посадскихъ людей. Получивъ такое заявленіе, воевода и камерирь отправили указъ къ бѣжецкому земскому комиссару, предписавъ ему публиковать въ его уѣздѣ, не желаетъ ли еще кто явиться на торги, и такъ какъ другихъ охотниковъ не оказалось, то въ соединенномъ присутствіи воеводской канцеляріи и камерирской конторы «при горѣніи свѣчи»—срокъ для производства торговъ, установленный регламентомъ,—торговля перечисленными выше предметами и была сдана просителю. Такимъ же порядкомъ производятся и другія дѣла о сдачѣ мельницъ, рыбныхъ ловель, мостовыхъ сборовъ, сѣнныхъ покосовъ на казенныхъ лугахъ, квасной и сусляной продажи и иныхъ подобныхъ статей казеннаго дохода. Совмѣстно дѣйствовали воевода и камерирь и въ операціяхъ по продажѣ въ провинціи соли, бывшей тогда предметомъ казенной монополіи. Они подряжаютъ съ торговъ перевозчиковъ соли, бравшихъ на себя ея доставку, наблюдаютъ за ея храненіемъ и продажей, производившейся особыми соляныхъ дѣлъ головами и заречными, и ведутъ по всѣмъ этимъ дѣламъ переписку, какъ съ центральнымъ учрежденіемъ, завѣдывавшимъ продажей соли—соляной конторой, такъ и съ городскими магистратами своей провинціи [1]).

Наблюдая дѣятельность камерира по даннымъ практики, мы находимъ, что онъ занятъ иногда дѣлами, имѣвшими болѣе отдаленное отношеніе къ финансовому управленію, хотя и связанными съ этимъ послѣднимъ. Таковы были судебныя функціи, которыя онъ исполняетъ въ тѣхъ связанныхъ съ финансовымъ управленіемъ случаяхъ, гдѣ наруша-

[1]) Дѣла орловск. пров. канц. № 1503. Дѣла угличск. пров. канц. № 358; по X описи № 78. Другіе примѣры: дѣл. орлов. пр. канц. № 1068. Дѣла переясл. залѣсск. уѣздн. суда. опись VI, вязка 1, № 85; вязка 2, №№ 49, 63, 66. Дѣла угличск. пров. канц. №№ 505, 714, 420, 562, 447. Управленіе соляными дѣлами провинціи: дѣл. угличск. пров. канц. №№ 508, 579, 611; опись X, дѣл. 66.

лись интересы казны. Разграниченіе между административной и судебной властями не вошло съ новыми учрежденіями настолько глубоко, чтобы уничтожить старинный обычай, по которому каждый администраторъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и судьею по дѣламъ, входившимъ въ кругъ его административнаго вѣдомства. Вотъ почему и камериръ производитъ иногда судебныя дѣйствія, не передавая ихъ спеціальной судебной власти. Опять обратимся къ примѣрамъ.—Отмахиваясь отъ кабака, столь услужливо навязываемаго старавшейся объ умноженіи казенныхъ доходовъ провинціальной администраціей, сельскія власти села Рябинокъ, болховскаго уѣзда, орловской провинціи, отказались впустить къ себѣ цѣловальника, посланнаго съ болховскаго кружечнаго двора для торговли у нихъ виномъ, подъ которую крестьяне разныхъ владѣльцевъ этого села отводили по очереди свои избы. Командированные изъ воеводской канцеляріи съ тѣмъ, чтобы привезти «противниковъ», солдаты получили довольно обычный въ такихъ случаяхъ отвѣтъ отъ старосты села: «сами въ городъ не поѣдемъ, а ежели вы станете насъ брать неволею, и мы станемъ васъ бить», и возвратились съ пустыми руками. Позже представители сельской администраціи, можетъ быть, одумавшись и не желая доводить дѣла до крайности, сами явились въ Орелъ, въ земскую контору. Слѣдствіе по этому дѣлу о сопротивленіи властямъ велось камериромъ. Въ 1724 г. угличскій камериръ велъ слѣдствіе по обвиненію жителей Калязинской слободы въ томъ, что нѣкоторые изъ нихъ «били каменьемъ и дубьемъ смертно» таможенныхъ цѣловальниковъ, подвѣдомственныхъ камерирскому управленію. Судебныя функціи исполняетъ также камериръ относительно подчиненнаго ему персонала по преступленіямъ по должности. Такъ, въ 1723 г. тверской и угличскій камериры вели слѣдствія о подъячихъ своихъ конторъ по дѣламъ о похищеніи казны. Послѣдній въ томъ же году требовалъ въ свою контору жену одного изъ земскихъ комиссаровъ, на которую поступилъ доносъ въ похищеніи ею трехъ стопъ бумаги и шести сотъ сальныхъ свѣчей изъ комиссарской канцеляріи. Иногда камериръ расширяетъ свою судебную компетенцію и далѣе случаевъ нарушенія интересовъ казны, связанныхъ съ финансовымъ управленіемъ. Галицкому камериру, присутствовавшему на Макарьевской ярмаркѣ на Унжѣ для личнаго наблюденія за таможенными сборами, подана была жалоба о покражѣ лошади. Камериръ принялъ жалобу, допрашивалъ пойманныхъ воровъ и повелъ судебное дѣло, такъ что впослѣдствіи уже самъ потерпѣвшій принужденъ былъ обращаться въ воеводскую канцелярію съ просьбой

перенести это дѣло туда отъ камерира, мотивируя просьбу тѣмъ, что «таковыя дѣла къ нему, камериру, правленіемъ не касаются» [1]).

Провинціальное казначейство—«рентерея», какъ оно тогда называлось, находилось, какъ уже мы знаемъ, въ завѣдываніи особаго должностнаго лица, подчиненнаго камериру—рентмейстера. На рентмейстерѣ лежало также храненіе хлѣбныхъ запасовъ, которыми производилась въ первой четверти XVIII вѣка часть сборовъ съ населенія, въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ хлѣбные магазины не достигали большихъ размѣровъ; въ противномъ случаѣ для храненія послѣднихъ назначались особые провіантмейстеры, какого, напр., встрѣчаемъ въ пошехонской провинціи. Рентмейстеровъ назначала штатсъ-конторъ-коллегія. Обязанности рентмейстера по инструкціи состояли: во-первыхъ, въ пріемѣ денегъ, поступающихъ, какъ непосредственно отъ плательщиковъ, такъ и отъ земскихъ комиссаровъ и городскихъ управленій; для этого ему должны были выдаваться воеводою и камериромъ «смѣтныя окладныя книги», по которымъ слѣдовало ему принимать деньги, выдавая надлежащія квитанціи и совершая этотъ пріемъ исключительно только въ рентереѣ безъ выѣзда куда-либо въ провинцію для сборовъ. Во-вторыхъ, его обязанностью было храненіе денегъ «въ крѣпкомъ безопасномъ мѣстѣ, въ сундукахъ съ замками и печатями за добрымъ карауломъ». Ключи отъ этихъ замковъ должны были находиться одновременно у трехъ лицъ: воеводы, камерира и рентмейстера. На текущіе расходы дозволялось этому послѣднему имѣть до тысячи рублей на рукахъ. Наконецъ, въ третьихъ, рентмейстеръ долженъ былъ производить выдачу казенныхъ денегъ по ассигновкамъ воеводы и камерира, наблюдая, чтобы получающіе деньги расписывались на этихъ ассигновкахъ. Всѣмъ поступленіямъ и выдачамъ рентмейстеру вмѣняется въ обязанность вести строгую отчетность, для которой адмиралтейскій регламентъ, сдѣлавшійся руководящимъ для дѣлопроизводства во всѣхъ канцеляріяхъ, устанавливалъ цѣлыхъ пять особыхъ книгъ: журналъ, книгу прихода, книгу расхода, книгу для счета съ штатсъ-конторою и другими мѣстами и книгу для мѣсячныхъ и годовыхъ вѣдомостей о приходѣ и расходѣ. Ежегодно въ декабрѣ инструкція предписываетъ производить ревизію казначейства и за похищеніе казенныхъ суммъ грозитъ рентмейстеру лишеніемъ имущества, чести и жизни.

Изъ всѣхъ инструкцій 1719 г. эта инструкція рентмейстеру

[1]) Дѣла орловск. пров. канц. № 1504. Дѣла юстицъ-коллегіи, вязка 1965, д. 6. Дѣла угличской пров. канц. №№ 589, 641, 720. Дѣла галицкаго уѣздн. суда, оп. I, № 439.

наиболѣе полно осуществилась въ дѣйствительности. Но роль рентмейстера была слишкомъ скромна и незамѣтна въ финансовомъ управленіи провинціи. Хотя указы изъ штатсъ-конторъ-коллегіи и писались на имя воеводы и рентмейстера, такъ что послѣдній въ нихъ получалъ значеніе также какъ бы воеводскаго товарища, и хотя онъ вмѣстѣ съ камериромъ подписывалъ финансовые отчеты, но это была только бумажная форма. Подобно тому, какъ самая штатсъ-конторъ-коллегія, назначавшая рентмейстеровъ, отъ нея ближайшимъ образомъ зависѣвшихъ, скоро (въ 1723 г.) потеряла самое названіе коллегіи, а затѣмъ, въ 1726 г., утратила свое самостоятельное существованіе, сдѣлавшись лишь однимъ изъ отдѣленій камеръ-коллегіи, и ея мѣстные органы—рентмейстеры еще ранѣе оказались совершенно подчиненными воеводѣ и камериру автоматическими исполнителями ихъ приказаній по пріему и выдачѣ денегъ [1]).

VIII.

Во главѣ управленія дистриктами, на которые подраздѣлялась провинція, областная реформа 1719 г. ставила земскихъ комиссаровъ. Въ исторіи этого института земскихъ комиссаровъ при Петрѣ Великомъ слѣдуетъ различать два періода: въ первый съ 1719 г. до 1724 г. дѣйствуютъ земскіе комиссары, безсрочно назначенные камеръ-коллегіей, служащіе продолженіемъ общей бюрократической системы областныхъ учрежденій. Съ 1724 г. появляются и начинаютъ дѣйствовать, притомъ рядомъ съ этими первыми, земскіе комиссары инаго рода, такъ называемые «комиссары отъ земли», избираемые уѣздными землевладѣльцами изъ своей среды на опредѣленный срокъ и вызванные къ жизни въ связи съ расквартированіемъ полковъ арміи по уѣздамъ, которое тогда начало приводиться въ исполненіе и внесло нѣкоторое оживленіе въ дѣятельность мѣстнаго общества. Это были совсѣмъ особые комиссары, отличавшіеся отъ первыхъ и своимъ небюрократическимъ, а именно земскимъ происхожденіемъ, такъ какъ они были выборными изъ мѣстнаго общества, и округомъ, и нѣкоторыми особенностями компетенціи. Между тѣмъ предыдущая литература вопроса обыкновенно или смѣшивала эти двѣ различныя должности, давая имъ общую характеристику, или, если и

[1]) П. С. З. № 3304: инстр. рентмейстеру; № 3303: регламентъ штатсъ-конторъ-коллегіи; №№ 4588, 4928. Дѣла орловск. пров. канц. №№ 1069, 1167. Дѣла пошехонскаго уѣздн. суда по II описи, вязка 4, кн. 37; по III описи, вязка 2, кн. 3, № 425. Дѣла угличск. пров. канц. №№ 353, 508, 554.

различала, то, опираясь на источники исключительно законодательнаго характера, сомнѣвалась въ самомъ существованіи земскихъ комиссаровъ въ 1719—1724 годахъ. Она представляла себѣ дѣло такъ, что введеніе дистриктныхъ властей въ томъ смыслѣ, въ какомъ онѣ предполагались реформою 1719 года, не успѣло осуществиться на практикѣ, какъ уже началось расквартированіе полковъ и взиманіе подушной подати, создавшія и новаго земскаго комиссара, дѣятельность котораго опредѣлялась уже другою инструкціей—1724 г., не тою, какая была издана въ 1719 г. и представляла изъ себя снимокъ съ шведской инструкціи ландфогту.

Источники другаго рода—памятники практическаго дѣлопроизводства, не даютъ мѣста сомнѣніямъ, ясно показывая, что въ періодъ между 1719 и 1724 годами земскіе комиссары дѣйствительно существовали и функціонировали именно на тѣхъ бюрократическихъ основаніяхъ, на которыхъ ихъ ставила инструкція 1719 г. Правда, въ то самое время, какъ обсуждалась и вводилась эта инструкція, въ мысляхъ преобразователя возникъ и сталъ складываться уже совсѣмъ иной типъ земскаго комиссара, а именно земскаго комиссара, какъ избираемаго мѣстнымъ дворянскимъ обществомъ и отвѣтственнаго передъ нимъ сборщика подушной подати, посредника между этимъ обществомъ и полкомъ арміи, который оно обязано было содержать. Этотъ типъ уже намѣченъ въ извѣстномъ первомъ указѣ о всеобщей поголовной переписи и подушной подати 26 ноября 1718 года. Но реальное осуществленіе эта мысль преобразователя получила только уже позже, съ того времени, когда впервые стала взиматься подушная подать. Только въ концѣ 1723 г. къ наступающему 1724-му были впервые избраны мѣстными обществами комиссары новаго типа, которые съ этого года и начали свою дѣятельность. До тѣхъ же поръ съ 1719 г. дѣйствовали одни земскіе комиссары, назначавшіеся камеръ-коллегіей. Обратимся къ фактамъ [1]).

«Въ прошломъ 1722 г. написанъ я, нижеименованный», заявлялъ о себѣ одинъ изъ земскихъ комиссаровъ костромской провинціи, «въ столовой палатѣ на смотру земскимъ комиссаромъ, и изъ государственной камеръ-коллегіи прислано имя мое въ Кострому въ канцелярію воеводскаго правленія, и изъ канцеляріи опредѣленъ я въ костромской провинціи въ красносельскій дистриктъ для всякихъ денежныхъ сборовъ». «Въ 1722 г. съ сенатскаго смотра», читаемъ мы въ другомъ документѣ, «по опредѣленію камеръ-коллегіи опредѣлено въ бѣлозер-

[1]) *Милюковъ*, Госуд. хоз. 634. П. С. З. № 3245.

скую провинцію земскихъ комиссаровъ двѣнадцать человѣкъ». Эти свидѣтельства достаточно убѣждаютъ въ томъ, что земскихъ комиссаровъ въ годъ общаго смотра дворянству назначала камеръ-коллегія изъ числа съѣхавшихся на этотъ смотръ дворянъ и, слѣдовательно, ни о какихъ выборахъ дворянскимъ мѣстнымъ обществомъ не можетъ быть и рѣчи для этого времени. Такія же свидѣтельства можно привести и для другихъ лѣтъ того же періода 1719—1724 гг. Напр.: «1720 г. 20 іюня правительствующій сенатъ слушали доношеніе новгородскаго воеводы кн. Хилкова, что... оной Семенъ Пушкинъ опредѣленъ отъ камеръ-коллегіи ради сбору въ шелонской пятинѣ комиссаромъ», или: «1724 г. января 14 камеръ-коллегія приказали: въ бѣлозерскую провинцію къ воеводѣ и камериру послать указъ, велѣть имъ комиссара Петра Лихачева, который въ Устюжнѣ Желѣзнопольской, по приходнымъ и расходнымъ книгамъ по указу счесть, а сочтя, выслать его въ камеръ-коллегію. А на мѣсто его, Лихачева, въ той Устюжнѣ у сборовъ велѣть быть изъ опредѣленныхъ отъ камеръ-коллегіи во оную провинцію земскихъ комиссаровъ, кому пристойно, и въ камеръ-коллегію писать». Число этихъ примѣровъ можно произвольно умножить [1]). Иногда на-

[1]) Дѣла камеръ-коллегіи, вязка 19, д. 2; вязка 4, д. 6. Дѣла сен. кн. 1885. Дѣла камеръ-колл. вязка 4, д. 16. Дѣла сен. кн. 81, л. 857 и сл.: галицкая провинція, 10 іюля 1721 г.: «при опредѣленіи оныхъ комиссаровъ по дистриктамъ... росписаны *опредѣленные отъ камеръ-коллегіи* комиссары». Дѣл. сен. кн. 114, л. 574 и сл.: орловская провинція, 13 ноября 1720 г.: «комиссары подъ вѣдѣніемъ и *опредѣленіемъ изъ камеръ-коллегіи* для сборовъ». Дѣл. сен. кн. 114, л. 641: бѣлгородская провинція, 4 апр. 1721 г.: «а положенные табельные доходы и прочіе по указамъ запросные сбираютъ оной провинціи въ городѣхъ *опредѣленные изъ камеръ-коллегіи комиссары*, которые вѣдомы у камерира». Дѣл. сен. кн. 1885: «4 авг. 1720 г. правит. сенатъ приказали: объ опредѣленіи къ нему, (петербургскому) воеводѣ, нижеписанныхъ чиновъ указъ учинить, а именно: *о земскихъ комиссарехъ въ каморъ*, а о рентмейстерахъ въ штатсъ-конторъ коллегіяхъ безволокитно». Дѣл. сен. кн. 1884: 21 окт. 1719 г. «бывшаго шведскаго арестанта Аврама Хѣга за принятіе православной христіанской каѳолической вѣры опредѣлить *изъ камеръ-коллегіи* земскимъ комиссаромъ по его прошенію въ тобольскую провинцію». Дѣл. сен. кн. 812, л. 424: свіяжская провинція, 12 сент. 1722 г.: «да сего сентября 3-го въ указѣ изъ камеръ-коллегіи писано: опредѣлены въ свіяжскую провинцію къ прежнимъ въ дополнку въ комиссары, а кто имены при томъ присланъ реестръ, въ томъ числѣ въ земскіе Егоръ Тишенковъ, въ подчиненные Иванъ Матюнинъ». Дѣла камеръ-коллегіи вязка 7, д. 19: «въ прошломъ 720 г. опредѣленъ *изъ камеръ-коллегіи* патріарша дому служитель Степанъ Владыкинъ въ московскомъ уѣздѣ комиссаромъ»;

значеніе земскаго комиссара предоставлялось камеръ-коллегіей мѣстному воеводѣ или воеводѣ съ камериромъ, и требовалось только донесеніе объ этихъ назначеніяхъ въ коллегію. Въ этихъ случаяхъ камеръ-коллегія оставляла за собою утвержденіе кандидатовъ, назначенныхъ областною администраціей, при чемъ на практикѣ утвержденіе сводилось къ простому молчаливому признанію представленныхъ [1]). Но право увольненія земскихъ комиссаровъ всецѣло оставалось за камеръ-коллегіей, и воевода съ камериромъ должны были обращаться въ такихъ случаяхъ къ ней за указомъ. Въ 1720 г. бѣлозерскій воевода оправдывался передъ сенатомъ въ томъ, что онъ безъ указа двухъ комиссаровъ «отъ дѣлъ не отставливалъ»—знакъ, что такой поступокъ былъ бы превышеніемъ его власти. Сама камеръ-коллегія производила назначенія въ земскіе комиссары изъ того свободнаго служилаго персонала, который предоставлялся коллегіямъ для разнаго рода служебныхъ назначеній разряднымъ столомъ

мы его и встрѣчаемъ, дѣйствительно, въ числѣ земскихъ комиссаровъ московскаго уѣзда въ 1720—23 гг. см. дѣл. сен. кн. 814, л. 358 и сл. П. С. З. № 4444: «и сбирать тѣ деньги камерирамъ и комиссарамъ, которые опредѣлены отъ камеръ-коллегіи, и оныя отдавать въ рентереи»—28 янв. 1724 г. Дѣл. камеръ-колл. вязка 2, дѣло 22.

[1]) Дѣла сен. кн. 196, л. 503. Д. камеръ-коллегіи, вязка 2, д. 22, л. 29 и сл.: О. М. Офросимовъ въ 1719 г. «отъ каморъ-коллегіи опредѣленъ былъ въ сѣвскую провинцію комиссаромъ и въ 1720 г. по прошенію его за старостью и болѣзнью велѣно на мѣсто его опредѣлить инаго, а кто опредѣленъ, не отвѣтствовано». Ibid. вязка 7, д. 19: 24 іюня 1724 г. въ московскую губернію изъ камеръ-конторы присланъ указъ, велѣно земскаго комиссара московскаго уѣзда Владыкина отправить въ камеръ-коллегію, «а на мѣсто онаго комиссара Владыкина въ долю его опредѣлить инаго», на что губернская канцелярія отвѣтила: «по губернской канцеляріи и по камерирской конторѣ отставныхъ и закомплектныхъ офицеровъ не имѣется и на мѣсто комиссара Владыкина опредѣлить некого». Ibid. вязка 8, д. 25 въ подобномъ же случаѣ: «въ доношеніи отъ рязанскаго воеводы Новикова и отъ камерира Головнина написано: на мѣсто Барыкова (земскаго комиссара зарайскаго дистрикта) опредѣлили подчиненнаго комиссара Гвоздева». Дѣл. сен. кн. 128, л. 310: «и потому вел. госуд. указу и по инструкціямъ опредѣленъ изъ канцеляріи рязанской провинціи отъ камерирскихъ дѣлъ въ комиссары В. И. Карамышевъ, а къ нему, комиссару Карамышеву, для способу къ сбору денежной казны и другихъ указныхъ отправъ опредѣленъ въ подчиненные комиссары изъ отставныхъ недорослей рязанскій помѣщикъ И. С. Агдавлетевъ». Дѣл. камеръ-колл. вязка 3, д. 17: «для взятья комиссаровъ Бакѣева (каширскаго дистрикта) и Тутолмина (подчиненный того же дистрикта) посыланъ изъ каморъ-коллегіи курьеръ. А на мѣсто оныхъ комиссаровъ велѣно вице-губернатору и камериру (московскимъ) опредѣлить другихъ, добрыхъ и къ тому достойныхъ».

сената, а впослѣдствіи герольдмейстеромъ. Въ этомъ запасѣ всегда ощущался сильный недостатокъ, поэтому камеръ-коллегія и предоставляла ихъ назначеніе провинціальнымъ властямъ изъ тѣхъ свободныхъ служилыхъ рессурсовъ, которые находились въ распоряженіи послѣднихъ, изъ отставныхъ и закомплектныхъ офицеровъ, отставныхъ недорослей и тому подобныхъ служилыхъ элементовъ, свободныхъ отъ военной службы [1]).

Служа по назначенію камеръ-коллегіи, а не по выбору мѣстныхъ дворянскихъ обществъ, земскіе комиссары не мѣнялись ежегодно, какъ это было установлено закономъ для позднѣйшихъ выборныхъ комиссаровъ, избиравшихся ежегодными дворянскими съѣздами. Такъ, земскіе комиссары коломенскаго, боровскаго, верейскаго, малоярославецкаго, серпуховскаго и двое московскаго уѣздовъ московской провинціи занимали неизмѣнно свои мѣста за время съ 1720 до 1723 г. включительно. Многихъ комиссаровъ этой провинціи мы встрѣчаемъ на тѣхъ же мѣстахъ въ теченіе двухъ лѣтъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ принуждены были покинуть свои должности только потому, что попали подъ слѣдствіе за разнаго рода злоупотребленія. Бюрократическій характеръ назначенія земскихъ комиссаровъ сказывается иногда и въ отсутствіи земельной связи ихъ съ тою мѣстностью, куда ихъ назначали, и не только съ дистриктами, которыми они управляли, но даже и съ самой провинціей, гдѣ они состояли комиссарами. Общимъ правиломъ было, что такая земельная связь принималась во вниманіе при назначеніи земскихъ комиссаровъ, какъ и вообще при всякихъ служебныхъ назначеніяхъ изъ центра, и обыкновенно кандидаты, представленные герольдмейстеромъ, распредѣлялись коллегіей на должности въ тѣ провинціи, въ которыхъ они владѣли землею. Однако встрѣчаются и исключенія, случаи, когда камеръ-коллегія назначала въ земскіе комиссары лицъ, не бывшихъ вовсе землевладѣльцами въ той провинціи, куда они посылались, и владѣвшихъ землею совсѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ. «Въ прошломъ 1722 г.», разсказываетъ о себѣ въ прошеніи, поданномъ въ камеръ-коллегію, городовой дворянинъ Сазоновъ, «послѣ смотра въ герольдмейстерской канцеляріи отосланъ я для опредѣленія къ дѣламъ въ камеръ-коллегію, и написано имя мое въ списокъ въ оной коллегіи, и по размѣткѣ на томъ спискѣ назначенъ я въ воронежскую провинцію земскимъ комиссаромъ... и во оной провинціи жилъ много и пришелъ въ разоренье до остатку, а деревнишекъ во оной провинціи моихъ не имѣется, а имѣются деревнишки въ тульской провинціи». Онъ поэтому

[1]) Д. сен. кн. 196, л. 503.

и просилъ камеръ-коллегію перевести его на службу въ свою тульскую провинцію. Въ петербургскую провинцію были назначены въ 1719 г. камеръ-коллегіей въ число комиссаровъ двое: Коптевъ и Тарбѣевъ, изъ которыхъ первый владѣлъ шестью крестьянскими дворами въ холмскомъ и торопецкомъ уѣздахъ, т. е. въ псковской провинціи, а за вторымъ числилось два двора въ пошехонской; они жаловались, что имъ безъ жалованья содержаться нечѣмъ и что они «за совершенною скудостью помираютъ голодною смертью». Камеръ-коллегія ходатайствовала передъ сенатомъ о назначеніи имъ жалованья на томъ основаніи, что у нихъ «въ здѣшнихъ мѣстахъ помѣстій нѣтъ», тогда какъ «въ другія провинціи комиссары опредѣлены тамошніе помѣщики. Очевидно, что подобные случаи были бы невозможны при выборахъ земскихъ комиссаровъ мѣстными землевладѣльцами изъ своей среды. Понятна и общая причина такихъ ошибокъ коллегіи въ назначеніи земскихъ комиссаровъ. Списки дворянства велись въ разрядномъ столѣ сената по прежнимъ большимъ губерніямъ 1708 г., земельная связь съ которыми и принималась въ разсчетъ при назначеніи дворянина. Этими списками продолжали руководствоваться при служебныхъ назначеніяхъ и послѣ того, какъ Россія была раздѣлена на провинціи. Дворянина посылали въ одну изъ провинцій, входившихъ въ составъ той прежней большой губерніи, въ которой онъ значился землевладѣльцемъ, хотя благодаря недосмотру мѣсто службы могло не совпасть съ мѣстомъ владѣнія землей и оказаться совсѣмъ въ другой провинціи, какъ это и было въ приведенныхъ случаяхъ. Припомнимъ, что часть тульской провинціи включена была въ составъ прежней воронежской губерніи, а псковская и пошехонская провинціи, гдѣ находились помѣстья двухъ петербургскихъ комиссаровъ, входили прежде въ составъ петербургской губерніи [1].

Итакъ, земскіе комиссары, дѣйствовавшіе въ 1719—24 гг., не были выборными должностями, назначались или камеръ-коллегіей, или провинціальной администраціей съ утвержденіемъ камеръ-коллегіей, не имѣли опредѣленнаго срока должности и не всегда были связаны землей съ тою мѣстностью, гдѣ служили. Мы и познакомимся теперь съ дѣятельностью этихъ земскихъ комиссаровъ, отлагая изученіе дѣятельности выборныхъ комиссаровъ 1724 г. до главы, посвященной перемѣнамъ въ провинціальной администраціи, вызваннымъ расквартированіемъ арміи по провинціямъ и введеніемъ подушной подати, въ связи съ которыми они появились.

[1]) Дѣл. сен. кн. 814, л. 358 и сл. Дѣла камеръ-коллег. вязка 7, д. 17. Дѣла сен. кн. 198, л. 254.

Округомъ земскаго комиссара былъ дистриктъ, новая областная единица, при образованіи которой предполагалось, по крайней мѣрѣ, принять раціональное статистическое основаніе. По проекту Генриха Фика дистриктъ долженъ былъ заключать въ себѣ 3000—4000 крестьянъ. При обсужденіи проекта сенатъ колебался относительно размѣровъ дистрикта, предположивъ сначала нормою его величины 5000 дворовъ, затѣмъ 3000, пока, наконецъ, не остановился на 2000 дворахъ по переписи 1678 г. Это количество и было принято за нормальное. Намъ не удалось найти указаній, какъ и какими учрежденіями было произведено расписаніе провинцій на дистрикты на практикѣ, мѣстными или центральными. Впослѣдствіи областная администрація не считала себя въ правѣ перекраивать установленное раздѣленіе. Въ 1722 году два вотчинника московской губерніи обратились въ губернское управленіе съ просьбою переписать ихъ село изъ малоярославецкаго дистрикта въ серпуховской, такъ какъ отъ этого села до Серпухова было гораздо ближе, чѣмъ до Малоярославца, куда приходилось ѣздить ихъ крестьянамъ со всякаго рода платежами, а именно всего шесть верстъ вмѣсто пятидесяти. Губернаторъ и камериръ не рѣшились сдѣлать этой перемѣны сами, а обратились въ камеръ-коллегію, которая разрѣшила исполнить просьбу. Число дистриктовъ въ провинціяхъ было различно, смотря, конечно, по густотѣ населенія провинціи. Тогда какъ, напр., въ московской ихъ было 19, въ вологодской, орловской, шацкой и калужской по восьми, въ тульской—семь, въ пошехонской—шесть, а въ угличской — четыре. При раздѣленіи провинцій на дистрикты старинное историческое областное дѣленіе на уѣзды должно было подвергнуться нѣкоторой перекройкѣ, подобно тому, какъ это уже было разъ при дѣленіи губерній на ландратскія доли. Иногда уѣздъ дробился на нѣсколько дистриктовъ, заключавшихъ въ себѣ каждый по нѣскольку становъ. Такъ, напр., московскій уѣздъ, одинъ изъ самыхъ обширныхъ былъ раздѣленъ на семь дистриктовъ, тогда какъ каширскій на три, а коломенскій и дмитровскій каждый на два. Иногда, но въ гораздо болѣе рѣдкихъ случаяхъ, наоборотъ, по два небольшихъ уѣзда соединялись въ одинъ дистриктъ. Такъ, напр., по одному дистрикту составили слѣдующія пары уѣздовъ: верейскій и малоярославецкій; волоколамскій и клинскій; перемышльскій и воротынскій; верхне- и нижне ломовскіе, а одинъ изъ дистриктовъ московской провинціи составился даже изъ трехъ старинныхъ уѣздовъ: серпуховскаго, тарусскаго и оболенскаго. Но значительное число уѣздовъ совпало съ новыми дистриктами, не подвергаясь перемѣнамъ; таковы, напр., были въ московской провинціи уѣзды: боровскій, звенигородскій, можайскій и рузскій. Старинное, вѣ-

ковое дѣленіе — уѣздъ, обнаруживаетъ необыкновенную живучесть и оказываетъ сопротивленіе всѣмъ раціональнымъ операціямъ, которыя производила надъ нимъ реформа, стремясь сохранить свою неприкосновенность и въ очень большомъ числѣ случаевъ только переименовываясь въ новую областную единицу. Даже въ сложныхъ, составленныхъ изъ двухъ уѣздовъ дистриктахъ уѣзды продолжали сохранять нѣкоторую самостоятельность, и въ этихъ случаяхъ всѣ приходо-расходныя вѣдомости и всю отчетность земскій комиссаръ ведетъ отдѣльно по тѣмъ уѣздамъ, изъ которыхъ составился дистриктъ, не забывая этого раздѣленія. Наконецъ, по числу тяглыхъ дворовъ дистрикты 1719 г,. какъ они были составлены на практикѣ, не соотвѣтствовали нормамъ предположеній, иногда превосходя эти нормы, иногда не достигая ихъ, притомъ съ очень значительными отступленіями. Такъ, напр., въ дистриктахъ, на которые раздѣлилась бѣлозерская провинція, находимъ слѣдующія цыфры тяглыхъ дворовъ: 2010, 1854, 1252, 1089, 693. Одинъ изъ дистриктовъ московской провинціи, въ составъ котораго вошли уѣзды: серпуховской, оболенскій и тарусскій, заключалъ въ себѣ по переписи 1678 года несомнѣнно болѣе 2392 тяглыхъ дворовъ, такъ какъ это число представляетъ изъ себя сумму дворовъ только двухъ первыхъ изъ названныхъ уѣздовъ. Въ звенигородскомъ уѣздѣ, составившемъ отдѣльный дистриктъ, считалось 1583 тяглыхъ двора по тѣмъ же книгамъ, тогда какъ въ можайскомъ, образовавшемъ также отдѣльное комиссарство, было всего 1164 двора [1]).

[1]) Дѣла сен. кн. 58, л. 295—297, л. 302. *Милюковъ*, Госуд. хоз. 621, 623. Сенатскій дистриктъ съ 2000 дворовъ по переписи 1678 не меньше по размѣрамъ, чѣмъ дистриктъ, предложенный Фикомъ съ 3—4000 человѣкъ, такъ какъ по переписи 1678 г. крестьянскіе дворы такъ густо населены (6—7 человѣкъ муж. п.), что въ 2000 дворахъ должно было оказаться значительно больше 3—4000 человѣкъ. Дѣла камеръ-колл. вязка 2, д. 25; вязка 4, д. 14, л. 76. Дѣл. сен. кн. 87, л. 297. Дѣла камеръ-колл. вязка 18, д. 1, лл. 417—681. Дѣла сен. кн. 814 л. 286. Дѣла камеръ-колл. вязка 19, д. 2. Дѣла сен. кн. 380, л. 440. Дѣла орловск. пров. канц. № 1065 и др. Дѣла угличск. канц. №№ 586, 618. Дѣл. сен. кн. 814, л. 358 и сл. Дѣла камеръ-колл. кн. 1/671, л. 1—151; вязка 18, д. 1, л. 329—417. Писцовыя книги въ М. А. М. Ю. №№ 10.320; 11.838; 10.820. Другіе примѣры отношенія дистриктовъ къ уѣздамъ: на два дистрикта раздѣлились каждый уѣзды: тамбовскій, ряжскій, тульскій, козельскій, бѣжецкій, бѣлевскій, орловскій. Уѣзды бѣлозерскій и шацкій были раздѣлены каждый на четыре дистрикта. Совпали съ дистриктами уѣзды: веневскій, епифанскій, алексинскій, крапивенскій, дѣдиловскій, инсарскій, козловскій, устюженскій, лихвинскій, одоев-

Распредѣленіе по дистриктамъ назначеннаго въ провинцію камеръ-коллегіей персонала земскихъ комиссаровъ предоставлялось самой провинціальной администраціи, т. е. воеводѣ съ камериромъ. Ближайшимъ образомъ земскіе комиссары были подчинены камериру и затѣмъ уже, какъ выражалась инструкція, «принадлежали подъ губернаторское или подъ воеводское вѣдѣніе». Жалобы на медленность ихъ дѣйствій или злоупотребленіе властью приносились или воеводѣ, или воеводѣ вмѣстѣ съ камериромъ. Вмѣстѣ съ камериромъ воевода привлекалъ земскихъ комиссаровъ къ отвѣтственности по финансовому управленію, и въ свою очередь оба отвѣчали за нихъ въ неисправностяхъ по этому управленію, получая изъ камеръ-коллегіи грозные запросы, «для чего они за такимъ-то комиссаромъ въ упущеніи сборовъ не смотрѣли и не взыскивали». При земскихъ комиссарахъ, какъ и предполагалось инструкціей, состояли еще «подчиненные комиссары», по одному, иногда по два, которые назначались и камеръ-коллегіей, и провинціальной администраціей обыкновенно изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ дистрикта. Они помогали земскому комиссару во всѣхъ отрасляхъ его дѣятельности, а во время его отсутствія одинъ изъ нихъ исполнялъ его должность. Совершенно незамѣтно, чтобы въ числѣ помощниковъ земскаго комиссара состоялъ особый «мостовой надзиратель», т. е. инспекторъ путей сообщенія, который предполагался инструкціей. Дѣла свои земскій комиссаръ отправляетъ въ своей дистриктной «земской канцеляріи», снабженной небольшимъ штатомъ приказныхъ и низшихъ служителей: подъячихъ, солдатъ и разсыльныхъ. Управленіе земскаго комиссара замыкаетъ собою снизу бюрократическую іерархію, введенную реформой 1719 г.; за нимъ непосредственно слѣдуетъ выборная крестьянская полицейская и финансовая администрація сотскихъ и десятскихъ, сельскихъ старостъ и выборныхъ, избираемыхъ крестьянскими мірами [1]).

скій, мещевскій, масальскій, серпѣйскій, углицкій, кашинскій, новосильскій, болховскій, мценскій, чернскій. Примѣры отчетности комиссара, составленной по уѣздамъ, образовавшимъ дистриктъ см. дѣл. камеръ-коллег. вязка 18, д. 1, л. 407 и сл.: вязка 4, д. 14, л. 66 и сл.

[1]) Дѣла сен. кн. 81, л. 857 и сл.: доношеніе воеводы галицкой провинціи: «приговоры и инструкціи крѣпилъ онъ, камериръ, со мною обще кромѣ одного приговора, по которому расписаны опредѣленные отъ камеръ-коллегіи комиссары по дистриктамъ, въ небытіе его, камерира, въ Галичѣ». Дѣла камеръ-колл. вязка 19, д. 2. П. С. З. № 3295, п. 26. Дѣла углицкой пров. канц. №№ 442, 616, 451. Дѣла муромскаго уѣзднаго суда, опись 1, д. 18. Дѣла камеръ-колл. вязка 8, д.

Вполнѣ естественно, конечно, что дистриктная администрація отличается тѣми же чертами, какъ и провинціальная. Въ инструкціяхъ 1719 г. на земскаго комиссара въ довольно широкой степени возложено попеченіе о мѣстномъ благосостояніи, о просвѣщеніи, нравственномъ и матеріальномъ успѣхѣ населенія его округа, требующее значительно развитой самостоятельной дѣятельности. Но инструкція земскому комиссару шла такъ же въ разрѣзъ съ дѣйствительностью, какъ и большинство другихъ. Въ его дѣятельности, если разсмотрѣть ее по оставленнымъ ею слѣдамъ, почти все направлено на удовлетвореніе нуждъ и запросовъ центра; мѣстности отдано очень немногое, не идущее далѣе самыхъ примитивныхъ заботъ о безопасности. Въ дѣятельности земскаго комиссара въ дистриктѣ такъ же, какъ и въ дѣятельности провинціальной администраціи, можно различить функціи полицейскаго и финансоваго управленія, но та и другая проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ механическаго исполненія приказаній высшихъ инстанцій. Земскій комиссаръ не былъ самостоятельно дѣйствующимъ попечителемъ, стоящимъ на стражѣ благосостоянія своего округа, онъ былъ только простымъ исполнителемъ предписаній начальства, непосредственно на мѣстѣ ихъ осуществлявшимъ. Къ этому и сводилось все значеніе этой должности, задуманной съ гораздо болѣе широкими полномочіями.

Какъ представитель полицейской власти, земскій комиссаръ былъ обязанъ инструкціею смотрѣть, чтобы въ его округѣ не было всякаго рода грозящихъ безопасности, подозрительныхъ элементовъ: бѣглыхъ крестьянъ и людей, солдатъ и матросовъ, бродягъ и преступниковъ, укрывающихся отъ опредѣленнаго имъ наказанія, и, находя ихъ, забирать подъ арестъ, «дабы такимъ образомъ уѣздъ чистъ содержанъ былъ». Въ его вѣдѣніи

25. Ibid. вязка 7, д. 17: «въ вѣдомости въ герольдмейстерскую контору изъ камеръ-коллегіи сентября 11 дня 722 г. написано: опредѣлены въ провинціи въ камериры и въ земскіе, и въ *подчиненные* комиссары» и т. д. Ibid. вязка 3, д. 17: подчиненный комиссаръ Хотяинцевъ въ разспросѣ сказалъ: «испомѣщенъ де онъ въ каширскомъ уѣздѣ и въ прошедшемъ де маѣ мѣсяцѣ 1722 г. по опредѣленію камеръ-коллегіи посланъ онъ въ Каширу въ подчиненные комиссары и былъ подъ вѣдѣніемъ земскаго комиссара И. Бакѣева». Дѣла сен. кн. 224, л. 2 и сл.: «при отправленіи надлежащихъ ихъ (земскихъ комиссаровъ) дѣлъ и сборовъ въ дистриктахъ ихъ обрѣтаются и ѣздятъ опредѣленные отъ камеръ-коллегіи въ помочь къ нимъ подчиненные комиссары»—1722 г. Дѣла камеръ-колл. вязка 8, д. 25.: «а въ небытность его (зарайскаго земскаго комиссара) въ Зарайскѣ въ долѣ его былъ подчиненный комиссаръ М. Балкашинъ».

находилась выборная сельская полиція, черезъ которую и дѣйствуетъ земскій комиссаръ. Чины этой сельской полиціи избирались обыкновенно на годъ на особыхъ избирательныхъ сходахъ, въ которыхъ принимали участіе старосты и выборные, т. е. сельскохозяйственная администрація вотчинъ или волостей, представлявшая за избранныхъ сю лицъ поручительство въ видѣ обычнаго «выбора за руками». Избранные приводились въ воеводскую канцелярію, которая дѣлала распоряженіе о приводѣ ихъ къ присягѣ и выдавала имъ инструкцію [1]). Наблюденію сотскаго поручалось около сотни крестьянскихъ дворовъ, по большей части составлявшейся изъ нѣсколькихъ деревень, такъ что власть сотскаго простиралась на цѣлую небольшую округу. Изъ жителей болѣе значительныхъ изъ этихъ деревень, входившихъ въ составъ сотни, избиралось девять десятскихъ, подчиненныхъ сотскому. Обязанностью тѣхъ и другихъ было слѣдить за появленіемъ въ мѣстности подозрительныхъ людей, арестовать ихъ, ловить разнаго рода лихихъ людей, разбойниковъ, убійцъ, татей, вынимать поличное, а также исполнять обязанности низшихъ полицейскихъ служителей, состоя въ распоряженіи земскаго комиссара; къ этимъ обязанностямъ относились, напр.: стража заключенныхъ въ комиссарской канцеляріи арестантовъ, конвоированіе ихъ и т. п. Какъ мы видѣли, для борьбы съ разбоями въ уѣзды назначались нерѣдко особыя военныя команды, и въ такихъ случаяхъ земскому комиссару предписывалось оказывать военнымъ отрядамъ всякое содѣйствіе [2]).

[1]) Дѣла пошех. уѣздн. суда по III оп. вязка 2, кн. 3, № 122.—1724 г. 29 янв. представленъ воеводѣ «выборъ вотчины генералъ-фельдмаршала и кавалера свѣтлѣйшаго князя А. Д. Меньшикова Шелшедамскія Луховскія шестыни старосты Максима Яковлева, Высоковскія шестыни старосты Герасима Максимова, Парапуповскія шестыни старосты Ивана Григорьева, Михайловскія шестыни старосты Никифора Вахрамѣева, Рогалевскаго конца старосты Өедора Минѣева и всѣхъ крестьянъ тое волости на крестьянина на Артемья Кочеваго, что ему быть сотскимъ сей 1724 г.» Резолюція воеводы: «записать въ книгу, а сотскаго привесть къ присягѣ, взявъ съ него печатныя и крестоприводныя деньги по указу, и дать ему указъ съ пункты по надлежащему». Ibid. кн. 6, февр. № 72: «Выборъ ухтомской волости вотчины Кириллова монастыря села Семеновскаго старосты Ив. Петрова, села Климовскаго старосты Гр. Мартынова, села Тутанова старосты Андр. Иванова, села Кукобоя старосты Ив. Яковлева, что они выбрали въ сотскіе на сей 725 г. села Стараго Борисоглѣбскаго крестьянина Ивана Иванова». Резолюція такая же. Ср. ibid. апр. № 29.

[2]) Дѣла угличск. пров. канц. № 565. Староста и прихожане одной изъ угличскихъ церквей подали доношеніе воеводѣ объ ограбленіи этой церкви. Воевода посылаетъ указы къ земскимъ комиссарамъ: «вѣдѣнія твоего сотскимъ и десятскимъ

Эта полицейская обязанность земскаго комиссара по обезпеченію безопасности приводила его въ близкое отношеніе къ судебнымъ учрежденіямъ. Реформа раздѣляла власти судебную и административную также и на низшихъ ступеняхъ, и дистриктному комиссару предписывалось въ уѣздѣ «до юстиціи дѣла не имѣть». Его дѣятельность должна была ограничиваться лишь тѣми полицейскими функціями, которыя и теперь несетъ общая полиція относительно суда: содѣйствіе суду поимкой преступниковъ, доставленіе всякаго рода требуемыхъ судебною властью письменныхъ справокъ, исполненіе судебныхъ рѣшеній, вотъ все, что требовалось въ этомъ случаѣ отъ земскаго комиссара данной ему инструкціей. Такой взглядъ на земскаго комиссара, по которому онъ долженъ былъ быть вспомогательнымъ и исполнительнымъ органомъ по отношенію къ суду, проводили и заведенныя Петромъ судебныя учрежденія, какъ это можно видѣть по одному изъ отвѣтовъ курскаго надворнаго суда, данныхъ этимъ судебнымъ трибуналомъ на цѣлый рядъ вопросовъ, съ которыми обратился къ нему воевода орловской провинціи, входившей въ составъ курскаго судебнаго округа. Земскимъ комиссарамъ, пояснялъ надворный судъ, не слѣдуетъ отправлять судныхъ и розыскныхъ дѣлъ, но они обязаны только ловить воровъ и разбойниковъ и отсылать ихъ къ судьямъ съ надлежащими бумагами, такъ какъ земскіе комиссары не состоятъ подъ вѣдѣніемъ юстицъ-коллегіи, но назначаются камеръ-коллегіей «для сборовъ его, государевыхъ, интересовъ, а не для расправныхъ дѣлъ».

Знакомясь съ дѣятельностью земскихъ комиссаровъ на практикѣ, мы видимъ ихъ именно въ качествѣ вспомогательныхъ и исполнительныхъ органовъ. Къ нимъ обращается судъ для разнаго рода справокъ. Кашинскому судьѣ Олсуфьеву при разбирательствѣ одного процесса понадобилось свѣдѣніе о количествѣ тяглыхъ дворовъ по переписнымъ книгамъ въ одной вотчинѣ бѣжецкаго уѣзда: за этой справкой онъ и обращается къ бѣжецкому земскому комиссару. Далѣе, земскому комиссару приносится жалоба потерпѣвшими въ случаяхъ разнаго рода преступленій; онъ принимаетъ мѣры къ аресту подозрѣваемыхъ въ совершеніи ихъ лицъ и, произведя имъ предварительное дознаніе, для котораго иногда выѣзжаетъ лично на мѣсто преступленія, пересылаетъ ихъ затѣмъ судебной власти, обыкновенно провинціальному воеводѣ послѣ того, какъ

сказать сей е. и. в. указъ, чтобъ каждый десятскій въ своемъ десяткѣ жителей осмотрѣли и, ежели по осмотру что явится у кого, таковыхъ имя присылать въ канцелярію провинціи угличской». Дѣла курмышской воев. канц. оп. III, д. 329, лл. 214, 215.

судебная власть перешла въ его руки. Вотъ примѣры. Въ февралѣ 1723 г. въ канцелярію муромскаго земскаго комиссара десятскій привелъ задержаннаго человѣка по подозрѣнію въ убійствѣ и грабежѣ. Комиссаръ на письменномъ заявленіи этого десятскаго положилъ такую резолюцію: «челобитье принять и записать въ книгу, а приводнаго разспросить съ пристрастіемъ, а по разспросѣ отослать съ приводцемъ во владимірскую провинскую канцелярію для указнаго рѣшенія»— 3 мая того же года въ канцелярію того же земскаго комиссара явилась помѣщица вдова Ненила Языкова, била челомъ и извѣщала словесно, что прошедшею ночью пріѣхали къ ней въ ея сельцо Макарово невѣдомые воровскіе люди, человѣкъ съ десять, разбоемъ, побрали всѣ ея пожитки безъ остатка, ее самое били и увѣчили смертнымъ боемъ, дочь ея жгли огнемъ, а мужа зарѣзали до смерти. Комиссаръ, захвативъ съ собой канцеляриста, тотчасъ же отправился на мѣсто происшествія и прежде всего произвелъ осмотръ тѣла убитаго мужа челобитчицы, на которомъ «по осмотру явилось ножевое рѣзанье — горло перерѣзано, спина бита плетьми, брюхо и бока жжены огнемъ», какъ гласитъ протоколъ этого судебно-медицинскаго осмотра. Потерпѣвшая заявила подозрѣніе на одного изъ своихъ дворовыхъ Бориса Трофимова, который былъ замѣченъ «въ шептаніи съ ворами». Послѣдній здѣсь же былъ схваченъ и допрошенъ съ пыткой, оговорилъ въ соучастіи нѣсколько человѣкъ дворовыхъ же сосѣднихъ помѣщиковъ. Произведя этотъ допросъ, который былъ записанъ, и арестовавъ подозрѣваемаго, земскій комиссаръ вернулся въ канцелярію, откуда затѣмъ были разосланы подъячіе отыскивать оговоренныхъ разбойниковъ, которыхъ однако не удалось поймать. Борисъ Трофимовъ и все дѣло были отправлены комиссаромъ во владимірскую провинціальную канцелярію, гдѣ оно и производилось и такъ и осталось неоконченнымъ.— Въ ноябрѣ того же 1723 г. въ той же канцеляріи комиссарскихъ дѣлъ подалъ жалобу человѣкъ стольника Черткова: на одного изъ дворовыхъ людей его господина, отправившагося по дѣламъ въ сосѣднее село, наѣхалъ приказчикъ сосѣдняго имѣнія, села Чуди, Степанъ Ивановъ съ крестьянами, «били его смертнымъ боемъ и грабили, а грабежемъ взяли лошадь, мерина гнѣда, да сани съ хомутомъ, фузею да шпагу съ портупеею, да пять рублей денегъ». Потерпѣвшаго невозможно было привезти въ Муромъ, такъ какъ онъ лежалъ при смерти. Челобитчикъ просилъ послать изъ комиссарской канцеляріи подъячаго осмотрѣть и описать «бой и раны» на потерпѣвшемъ, а виновнаго приказчика и крестьянъ взять въ Муромъ и допросить. Эти дѣйствія и исполняются земскимъ комиссаромъ.—Пока производилось дѣло объ

этомъ разбоѣ, началось уже новое. На проѣзжавшую помѣщицу, вдову Алфимову, напала шайка изъ крестьянъ сосѣднихъ съ ея имѣньемъ деревень, принадлежавшихъ Салтыковымъ и Нарышкинымъ. Свита дворовыхъ людей, конвоировавшихъ Алфимову, бросилась въ погоню за нападавшими, подняла тревогу въ окрестныхъ деревняхъ и переловила разбойниковъ, которые были приведены въ Муромъ и допрошены земскимъ комиссаромъ. Оба дѣла переданы въ провинціальную канцелярію.—Въ 1724 г. гороховецкій земскій комиссаръ Карамзинъ получилъ доносъ отъ крестьянъ помѣщика Неѣлова на нѣкоторыхъ крестьянъ того же помѣщика въ дѣланіи фальшивыхъ денегъ. Земскій комиссаръ вытребовалъ обвиняемыхъ и указанныхъ свидѣтелей и, произведя имъ допросъ, отослалъ ихъ въ провинціальную канцелярію. — Крестьяне деревни Боринковой, бѣжецкаго уѣзда, убили въ дракѣ крестьянина деревни Горки, того же уѣзда, принадлежавшей кн. Хилкову. «Выборный» вотчины кн. Хилкова подалъ жалобу бѣжецкому земскому комиссару, который распорядился послать подъячаго описать мертвое тѣло и похоронить его, а виновныхъ выслать въ комиссарскую канцелярію для допроса. Такого рода дѣлъ сколько угодно можно найти въ любомъ уцѣлѣвшемъ архивѣ мѣстныхъ учрежденій времени Петра Великаго. Точнѣе говоря, все это только начала дѣлъ; немногія изъ нихъ достигаютъ своего законнаго окончанія: виновному или удастся убѣжать изъ плохо построеннаго и плохо оберегаемаго мѣста заключенія, или онъ умретъ тамъ съ голоду, такъ и недождавшись «указнаго рѣшенія» воеводы, занятаго другими, «интересными» дѣлами.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видна полицейская роль земскаго комиссара въ судебныхъ дѣлахъ. Онъ—не судья, онъ только полицейскій чиновникъ, производящій предварительное дознаніе и отсылающій дѣло къ компетентной судебной инстанціи. Однако нѣтъ недостатка въ исключеніяхъ изъ этого правила, когда комиссаръ выступаетъ въ качествѣ судебной власти. Такъ, онъ рѣшаетъ дѣла о возвращеніи пойманныхъ бѣглыхъ крестьянъ и дворовыхъ людей ихъ владѣльцамъ. Произведя допросъ приведенному бѣглому, онъ обыкновенно тотчасъ постановляетъ и рѣшеніе объ отдачѣ послѣдняго на «прежнее жилище», не отправляя дѣла въ провинцію. Побѣги крестьянъ были въ XVIII в. жгучимъ вопросомъ, этимъ и объясняется практика такого суммарнаго судебнаго разбирательства. Но можно встрѣтить случаи, когда земскіе комиссары ведутъ и другаго рода гражданскія тяжбы. Такъ, въ 1720 г. въ бѣжецкомъ уѣздѣ земскій комиссаръ В. Заборовскій разбиралъ тяжбу о завладѣніи землей. По челобитной одной изъ сторонъ дѣло было перенесено въ провинціальную канцелярію, но не

потому, чтобы эта апеллировавшая сторона усумнилась въ судебной компетенціи земскаго комиссара, а только по той причинѣ, что она подозрѣвала его въ пристрастіи, такъ какъ онъ оказался въ свойствѣ съ противной стороною, а родство или свойство судьи—обычный поводъ апелляціи въ то время. Точно такъ же земскій комиссаръ гороховецкаго уѣзда разбиралъ процессъ о займѣ. Искъ былъ предъявленъ посадскимъ человѣкомъ гостиной сотни города Гороховца къ крестьянамъ дворцовой Мурашкинской волости. Комиссаръ вызвалъ къ себѣ отвѣтчиковъ. Оказалось, что заемъ былъ обезпеченъ поручительствомъ нѣкоего Нащокина, который былъ взятъ подъ караулъ въ комиссарскую канцелярію и посаженъ въ тюрьму, гдѣ и просидѣлъ безъ малаго годъ, пока не уплатилъ части долга. При господствовавшей въ первой четверти XVIII в. слѣдственной формѣ процесса легко было смѣшивать предварительное дознаніе съ судебнымъ слѣдствіемъ, поэтому земскій комиссаръ, забывая это различіе, и выступаетъ иногда въ роли судьи, хотя, впрочемъ, въ видѣ исключеній [1]).

Поимкой преступниковъ и подозрительныхъ людей, снятіемъ съ нихъ допроса и отсылкой ихъ въ провинціальную канцелярію для судебнаго разбирательства ограничивалась дѣятельность комиссара по охраненію безопасности въ дистриктѣ, какъ видимъ, мало самостоятельная и гораздо болѣе узкая сравнительно съ дѣятельностью древняго губнаго старосты, вооруженнаго правомъ суда и казни пойманныхъ вѣдомыхъ лихихъ людей. Еще менѣе самостоятельности проявляетъ земскій комиссаръ въ отправленіи прочихъ лежавшихъ на немъ полицейскихъ функцій, гдѣ вся его роль сводится къ исполненію порученій, идущихъ свыше, къ механическому сообщенію въ народную массу законодательнаго тока, возбужденнаго въ центрѣ. Когда провинціальная администрація получаетъ какой-либо указъ верховной власти, сената или коллегіи, она разсылаетъ его въ копіяхъ или въ печатныхъ экземплярахъ земскимъ комиссарамъ для публикаціи въ дистриктахъ. Точно такъ же земскій комиссаръ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія о распоряженіяхъ самихъ провинціальныхъ властей: когда, напр., камерирская контора производитъ торги на отдачу на откупъ какихъ-либо оброчныхъ статей

[1]) Дѣла сената, кн. 114, л. 574. Дѣл. угличск. пров. канц. № 371. Дѣл. гороховецкаго уѣздн. суда, оп. I, д. 47, 48, 51. Дѣл. муромскаго уѣзднаго суда, оп. I, д. 9, 12, 14. Дѣл. угличск. пров. канц. №№ 376, 397. Дѣл. гороховецк. уѣзд. суда, оп. I, д. 52. Дѣл. пошех. уѣздн. суда по III оп. вязка 2, кн. 3, май № 492, 766. Дѣл. муромск. уѣздн. суда, оп. I, д. 6. Дѣл. угличск. пров. канц. № 360. Дѣл. гороховецк. уѣзд. суда, оп. I, д. 43.

или на какіе-либо казенные подряды, онъ публикуетъ въ дистриктѣ о вызовѣ къ торгамъ желающихъ торговаться. Онъ совершаетъ, далѣе, всякаго рода исполнительныя дѣйствія: передаетъ казенныя оброчныя статьи лицамъ, за которыми онѣ остались на торгахъ и охраняетъ ихъ права; вводитъ во владѣніе имѣньями тѣхъ, за кѣмъ они утверждены постановленіемъ помѣстнаго приказа, впослѣдствіи вотчинной коллегіи, получая указъ о совершеніи такого ввода черезъ провинціальную инстанцію, а иногда даже и непосредственно изъ помѣстнаго приказа. Дѣло въ томъ, что эти указы изъ помѣстнаго приказа не пересылались въ провинціи казенной почтой, а выдавались на руки самимъ челобитчикамъ, которые уже и везли ихъ къ мѣстнымъ властямъ: указы и писались на имя должностнаго лица, указаннаго самимъ челобитчикомъ, такъ какъ въ иныхъ центральныхъ учрежденіяхъ не всегда былъ даже извѣстенъ личный составъ мѣстнаго управленія, а въ интересахъ челобитчика было, конечно, сократить число инстанцій, которыя должно было пройти дѣло, устранивъ изъ числа ихъ провинціальную. То и дѣло тревожатъ земскаго комиссара указы изъ провинціи отъ воеводы, камерира или отъ обоихъ вмѣстѣ съ требованіями сыскать и выслать разнаго рода лицъ, находящихся въ дистриктѣ, которыя зачѣмъ-либо понадобились провинціальной администраціи или которыхъ надо переслать въ центральныя учрежденія; то ему поручается разслѣдовать справедливость заявленія о запустѣніи помѣстья, поданнаго въ провинціальную канцелярію его владѣльцемъ, и о невозможности платить съ него подати по окладу, для чего земскій комиссаръ долженъ былъ произвести опросъ сосѣдняго съ помѣстьемъ населенія, такъ называемый «повальный обыскъ»; то отъ него требуютъ выслать въ камерирскую контору свѣдѣнія о состояніи урожая въ дистриктѣ и хлѣбныхъ цѣнахъ, о которыхъ пишетъ въ провинцію запросъ камеръ-коллегія; то возлагается на него какое-нибудь экстраординарное порученіе, имѣющее цѣлью охраненіе казеннаго интереса: на рѣкѣ, протекающей по его округу, зазимовали случайно барки, нагруженныя корабельнымъ лѣсомъ, отправляемымъ въ Петербургъ — и вотъ для комиссара новая задача: охранять казенное имущество отъ расхищенія и поврежденія. Словомъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда высшее правительство требуетъ исполненія отъ воеводы, послѣдній передаетъ непосредственное исполненіе ближе стоящимъ къ населенію земскимъ комиссарамъ по тѣмъ дѣламъ, исполненіе которыхъ зависитъ отъ этой близости [1]).

[1]) Дѣл. курмышской воеводск. канц. оп. III, д. 329, л. 50—55, 98, 99,

Инструкція довольно подробно распространяется объ обязанностяхъ земскаго комиссара по содержанію въ порядкѣ путей сообщенія: онъ долженъ стараться объ исправномъ состояніи лѣтнихъ и зимнихъ дорогъ и мостовъ, ремонтировать ихъ, когда это потребуется. Когда камеръ-коллегія распорядится о постройкѣ на дорогахъ постоялыхъ дворовъ и гостиницъ, земскій комиссаръ долженъ позаботиться, чтобы они были построены, гдѣ слѣдуетъ, имѣли довольное число помѣщеній для людей и лошадей, были бы снабжены всѣмъ потребнымъ, «съѣстными харчами и конскими кормами» и находились бы въ рукахъ добрыхъ хозяевъ, такъ чтобы проѣзжающимъ никакой нужды и обиды не было. Устройство путей сообщенія, этого важнѣйшаго нерва торговли, очень тревожило правительство Петра. Предполагалось выработать нѣчто въ родѣ общаго дорожнаго устава, проектъ котораго и былъ представленъ государю камеръ-коллегіей въ 1724 году. Въ его основу легло шведское и лифляндское законодательство о дорогахъ и обычное право, а также, вѣроятно, составленное Генрихомъ Фикомъ описаніе дорогъ въ Швеціи. Камеръ-коллегія вносила въ свой проектъ отступленія отъ шведскихъ образцовъ, вызванныя условіями страны. Такъ, замѣтивъ, что въ Швеціи обязанность содержать и исправлять дорогу лежитъ на крестьянахъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ она пролегаетъ, которые «по досмотру и приказу герадсъ-фогта весною и осенью въ неработныя поры ту дорогу починиваютъ, чтобъ всегда была ровна и цѣла, и пескомъ насыпана»,—коллегія сочла слишкомъ несправедливымъ наложить дорожную повинность только на придорожныя мѣстности и поэтому предлагала раздѣлить дороги на двѣ категоріи—большія и малыя. Содержаніе и ремонтъ послѣднихъ должны были производить «мужики, на которыхъ дорогахъ живутъ въ деревняхъ, весною и осенью въ неработную пору по досмотру герадсъ-фогта, или земскаго комиссара». Содержаніе же большихъ дорогъ по мнѣнію коллегіи слѣдовало разложить на цѣлую провинцію, и эта разверстка должна была производиться земскими комиссарами. Петръ, читая проектъ коллегіи, отступилъ отъ шведскихъ порядковъ еще дальше, чѣмъ предполагала коллегія: «быть по шведскому», написалъ онъ на докладѣ, «а править дороги большія, а

102, 104, 71, 93. Дѣла угличск. пров. канцеляріи: №№ 367, 386, 463, 469. Иногда, впрочемъ, отказъ помѣстья совершается помимо земскаго комиссара спеціально командированнымъ изъ провинціальной канцеляріи подъячимъ: ibid. №№ 363, 388, 426. Дѣл. углич. пров. канц. №№ 505, 714, 447, 362, 432, 366, 568, 459. Дѣл. сен. кн. 713, л. 21. Дѣл. камеръ-коллегіи, вязка 19, д. 2. Дѣла сен. кн. 380, л. 440.

не проселочныя». Такимъ образомъ, предметомъ дорожной повинности дѣлалось содержаніе только большихъ трактовъ, имѣющихъ общегосударственное значеніе; отъ обязанности содержать пути сообщенія, важныя лишь для той или другой мѣстности, уѣздное населеніе этою резолюціей государя освобождалось. Преобразователь приказалъ, далѣе, въ этой же резолюціи «ставить по верстамъ столбы, а на перекресткахъ руки съ надписаніемъ, куда которая лежитъ».

Но эти хорошо устроенныя по шведскому образцу дороги, снабженныя верстовыми столбами и руками, указывающими направленіе, гостиницами съ добрыми содержателями и съ изобиліемъ припасовъ остались такою же мечтою преобразовательной эпохи, какою были провинціальные госпитали, дома призрѣнія, академіи и гимназіи. Въ дѣйствительности оказывалось, что «по большимъ проѣзжимъ дорогамъ мосты весьма обветшали и во многихъ мѣстахъ на грязяхъ ненамощены», какъ доносили провинціальныя канцеляріи. Не осуществился и проектъ камеръ-коллегіи разверстывать тяжесть содержанія большихъ дорогъ на населеніе всей провинціи, такъ что она всецѣло падала по прежнему на придорожныя деревни. На несправедливость расположенія этой тяжести жаловалось дворянство еще въ 60-хъ годахъ XVIII в. въ наказахъ депутатамъ въ екатерининскую комиссію 1767 г. Большія дороги поручались, дѣйствительно, надзору земскихъ комиссаровъ, но собственной инициативы послѣднихъ въ дорожномъ дѣлѣ совершенно незамѣтно; они ограничиваются исполненіемъ распоряженій провинціальной канцеляріи, въ свою очередь приводимой въ движеніе сверху, предписывающей предпринять починку дороги, «а въ строеніи и въ починкѣ надсмотрѣніе и понужденіе имѣть опредѣленнымъ комиссарамъ съ подчиненными комиссары». Къ этому «понужденію» придорожнаго населенія чинить дорогу и сводилась дѣятельность земскаго комиссара по дорожной части. Онъ распоряжался, чтобы придорожныя селенія нарядили необходимый контингентъ рабочихъ для постройки мостовъ, въ чемъ собственно и заключался весь ремонтъ дороги, такъ какъ ни о какихъ шоссе, посыпанныхъ пескомъ, какъ въ Швеціи, разумѣется, не было и рѣчи. Построенные мосты земскій комиссаръ отдавалъ старостамъ, сотскимъ и крестьянамъ тѣхъ сельскихъ общинъ, черезъ которыя проходила дорога, съ распискою, подкрѣплявшею обязательство этихъ общинъ починить мосты, какъ только они обветшаютъ или попортятся. Ставить и поддерживать верстовые столбы на большихъ дорогахъ должны были тѣ же общины. Провинціальная канцелярія указывала иногда земскимъ комиссарамъ осмотрѣть верстовые столбы и составить имъ опись съ обозначеніемъ, на чьихъ земляхъ они по-

ставлены, и велѣть приказчикамъ и старостамъ тѣхъ селъ и деревень, на земляхъ которыхъ они окажутся, смотрѣть, чтобы столбы были всегда въ цѣлости. Земскіе комиссары сами или черезъ подчиненныхъ производили такой осмотръ и высылали въ провинціальную канцелярію «описныя книги верстовымъ столбамъ», въ которыхъ находились подписки сельскихъ старостъ, обязавшихся наблюдать за ними. Содержаніе большихъ дорогъ, имѣвшихъ государственное значеніе, было государственнымъ тягломъ, положеннымъ на сельское населеніе; земскій комиссаръ и выступаетъ здѣсь въ качествѣ органа власти, принуждающей мѣстное населеніе къ отбыванію государственнаго тягла.

Особенно много хлопотъ бывало земскому комиссару, когда случалось движеніе черезъ его дистриктъ полковъ и расположеніе ихъ тамъ на зимнія квартиры. Постой войска и снабженіе его провіантомъ и фуражемъ были также повинностью, падавшею на населеніе, и инструкціи обязывали провинціальную администрацію распредѣлять эту повинность между всѣмъ населеніемъ равномѣрно. За тѣмъ же долженъ былъ смотрѣть земскій комиссаръ въ предѣлахъ своего дистрикта. Въ дѣйствительности, конечно, вся тяжесть прохода и постоя падала на мѣстности, лежавшія при дорогѣ. На неравномѣрность въ распредѣленіи этой повинности также жаловалось дворянство въ 1767 году, указывая на разореніе и отягощеніе, которое несетъ отъ этой повинности «бѣдный для претерпѣнія созданный трудникъ», какъ называетъ крестьянина одинъ изъ дворянскихъ наказовъ. Инструкція земскому комиссару знаетъ, какъ велика была эта тяжесть для мирныхъ обывателей и возлагаетъ на него обязанности попечителя, оберегающаго населеніе дистрикта отъ всякихъ притѣсненій со стороны войска, какъ и наблюденіе съ другой стороны за тѣмъ, чтобы войскамъ было доставлено все то, на что они имѣли право. Но, разумѣется, земскій комиссаръ былъ слишкомъ незначительная и безсильная величина, чтобы «запрещать и не допускать всѣ насильства и самовольства, которыя жителямъ при такихъ случаяхъ могутъ приключаться», какъ предписывалось ему инструкціей, если и провинціальная администрація бывала при такихъ обстоятельствахъ безсильной, и поэтому на практикѣ получила осуществленіе только вторая сторона его дѣятельности. И здѣсь, слѣдовательно, не попеченіе надъ населеніемъ, а побужденіе обывателей къ исправному отбыванію тягла сдѣлалось задачей комиссара. Когда становилось извѣстнымъ о предстоящемъ проходѣ войскъ, въ канцеляріяхъ земскихъ комиссаровъ закипала усиленная работа. Приходилъ указъ отъ воеводы и камерира съ предписаніемъ избрать въ дистриктѣ себѣ въ помощь особыхъ комиссаровъ изъ дворянъ «добрыхъ и къ такому дѣлу заобычайныхъ»;

заблаговременно составить расписаніе мѣстъ остановокъ полковъ «по препорціи верстъ» и отводить имъ квартиры, собрать съ вотчинъ дистрикта провіантъ и фуражъ, необходимый войскамъ, выставить для нихъ подводы, наконецъ, встрѣтить войска на границѣ своего округа и сопровождать ихъ въ его предѣлахъ. За первымъ указомъ слѣдовали предписанія спѣшить, подкрѣпляемыя обычною угрозою: «а ежели въ маршѣ учинится остановка, то жестоко на тебѣ взыщется», и выговоры за то, что земскій комиссаръ недостаточно часто доноситъ воеводѣ о принятыхъ имъ мѣрахъ. Возбуждалась оживленная переписка земскаго комиссара съ провинціальными властями, съ командирами приближающихся и проходящихъ полковъ, съ земскими комиссарами другихъ дистриктовъ по поводу столкновеній изъ-за распредѣленія войскъ по дистриктамъ, при чемъ, разумѣется, каждый старался, какъ возможно меньше разставить войскъ въ своемъ дистриктѣ и какъ возможно больше отослать въ сосѣдніе. «Благородный господинъ комиссаръ Семенъ Степановичъ!» пишетъ, напр., въ подобномъ случаѣ комиссаръ одного изъ двухъ дистриктовъ, на которые былъ раздѣленъ бѣжецкій уѣздъ, Извѣковъ, своему сосѣду, комиссару другаго бѣжецкаго дистрикта, Ергольскому, «посланъ ко мнѣ указъ изъ угличской провинціи, повелѣно мнѣ разставить на винтеръ-квартиры слютенбургскій (шлюссельбургскій) батальонъ, а людей въ немъ 718 человѣкъ. А въ моей долѣ, который батальонъ тобольскій опредѣленъ въ вашу долю, и онаго батальону вы поставили въ мою долю въ село Молоково 130 человѣкъ; а вамъ чего указомъ не повелѣно, дабы ваше благородіе повелѣлъ изъ нашей доли выше помянутаго тобольскаго батальону вывесть и показать въ своей долѣ квартиры. И о томъ ваше благородіе къ намъ отвѣтствовать поволь письменно... Слуга вашъ, государя моего, С. Извѣковъ» [1]).

Въ обоихъ этихъ случаяхъ: и въ дорожномъ дѣлѣ, и въ дѣлахъ, вызываемыхъ повинностью военнаго постоя, комиссаръ является не хозяиномъ-администраторомъ, заботящимся о благоустройствѣ края, о проведеніи какихъ-либо улучшеній, и не попечителемъ надъ уѣзднымъ населеніемъ, пекущимся о его благосостояніи—черты, какія придаются его должности инструкціей. Одна обязанность дѣлается преобладающей въ сферѣ его дѣятельности: понужденіе населенія дистрикта къ отбы-

[1]) П. С. З. № 3295 ст. 19, 17. Дѣла сената, кн. 604, л. 579—593; кн. 711, л. 382. Дѣла угличской провинціальной канцеляріи №№ 583, 586. Дѣла сен. кн. 68, л. 247. Дѣл. камеръ-коллегіи, вязка 2, д. 5. Сб. И. О. т. XIV, наказы №№ LXIV_5, LXIX_8. Дѣла орлов. пров. канц. № 1065.

ванію лежащаго на немъ казеннаго тягла. Эта черта имѣетъ такое же опредѣляющее значеніе въ дѣятельности дистриктной, какъ и въ дѣятельности провинціальной администраціи; да иначе, конечно, не могло и быть, такъ какъ получилось бы рѣзкое противорѣчіе въ бюрократической системѣ, проникнутой единымъ духомъ. Пользы и нужды самого дистрикта такъ же мало привлекаютъ къ себѣ вниманіе земскаго комиссара, какъ и пользы и нужды провинціи — вниманіе воеводы. Казенный интересъ и отсутствіе самостоятельности для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ, для проведенія какихъ-нибудь улучшеній въ условія мѣстнаго быта—вотъ общія черты, одинаково свойственныя той и другой инстанціи мѣстнаго управленія. Комиссаръ, какъ мы видѣли, развивалъ и нѣкоторую полицейскую дѣятельность по охраненію безопасности, но его обязанности по фискальному управленію, т. е. по сбору казенныхъ повинностей и податей берутъ рѣшительный верхъ надъ его полицейскими функціями, придавая ему гораздо болѣе значенія сборщика податей въ уѣздѣ, чѣмъ агента полицейской администраціи.

На его обязанности былъ сборъ какъ натуральныхъ повинностей, личныхъ и вещныхъ: рекрутъ, разнаго рода работниковъ, необходимыхъ для казенныхъ работъ, подводъ, хлѣба и всякихъ припасовъ, собираемыхъ казною на провіантъ и фуражъ войскамъ, такъ точно и денежныхъ податей. Производство этихъ сборовъ инструкція прямо и считаетъ «главнѣйшею должностью» земскаго комиссара. Взиманіе податей совершалось двоякимъ способомъ: или сами плательщики, обыкновенно старосты и приказчики вотчинъ, являлись въ канцелярію комиссара для взноса податей, или же комиссаръ, подобно древне-русскому князю, отправлявшемуся въ полюдье, объѣзжалъ вотчины дистрикта, взыскивая сборы съ старостъ и приказчиковъ, и подвергая недоимщиковъ жестокому правежу. Иногда вмѣсто себя земскій комиссаръ посылалъ для такого объѣзда подчиненнаго комиссара или подъячихъ своей канцеляріи въ сопровожденіи солдатъ съ наказомъ надлежащіе сборы взимать, а «ослабы имъ, приказчикамъ и старостамъ, и крестьянамъ, отнюдь никакой не давать».

Инструкція поручала земскому комиссару только прямые сборы кромѣ пошлинъ. На практикѣ мы видимъ, что его вѣдѣнію подлежатъ кромѣ прямыхъ сборовъ, всякаго рода «новсягодныхъ» и «запросныхъ», замѣненныхъ съ 1724 г. одною подушною податью, также и косвенные налоги, промысловые сборы, оброки, регаліи и нѣкоторыя пошлины, тѣ именно, которыя не отданы на откупъ, или не управляются вѣрной администраціей, избираемой тяглыми мірами, или военной администраціей, назначенной правительствомъ. Такъ, на-

примѣръ, въ дистриктѣ зарайскаго земскаго комиссара: таможенными и кабацкими доходами завѣдывали вѣрные сборщики, поставленные отъ зарайскаго магистрата; сборы съ найма подводъ, съ мостовъ, съ конскихъ площадокъ были отданы на откупъ разнымъ лицамъ, крестьянамъ; крѣпостныя пошлины собирались по вѣдомству юстицъ-коллегіи. Но въ вѣдѣніи земскаго комиссара оставалось еще много видовъ косвенныхъ сборовъ: съ бань, съ клейменья кубовъ, съ рыбныхъ ловель, съ оброчной земли, съ мельницъ, съ постоялыхъ дворовъ, съ сѣнныхъ покосовъ и т. п., которые не были отданы на откупъ и не завѣдывались вѣрной администраціей. Откупщики и вѣрные сборщики имѣли дѣло, какъ заявлялъ зарайскій комиссаръ, непосредственно съ камерирской конторой, куда и дѣлали слѣдующіе съ нихъ взносы. Однако камерирская контора постоянно предписывала земскому комиссару «оныхъ откупщиковъ и вѣрныхъ сборщиковъ въ высылкѣ денегъ понуждать». Въ другихъ случаяхъ откупщики и вѣрные сборщики кромѣ таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ, вносятъ деньги земскому комиссару, который и передаетъ ихъ въ провинцію вмѣстѣ съ другими сборами. За неисправность и недоимки въ производимыхъ имъ сборахъ земскій комиссаръ несетъ тяжелую отвѣтственность, постоянно получая сверху угрозы: «а ежели твоимъ послабленіемъ и нерадѣніемъ запустится въ сборѣ какая доимка, и та доимка доправлена на тебѣ будетъ изъ собственныхъ твоихъ пожитковъ».

Въ финансовомъ управленіи всѣ обязанности земскаго комиссара и сводились лишь къ тому, чтобы исправно собрать подати съ дистрикта и въ цѣлости выслать ихъ до послѣдней копѣйки въ провинціальную рентерею. Никакого опредѣленнаго собственнаго бюджета дистриктъ не имѣлъ, такъ что у земскаго комиссара было такое же полное отсутствіе матеріальныхъ средствъ на пользы и нужды дистрикта, какъ и у воеводы на мѣстныя потребности провинціи. Не было даже установлено, на какія средства должно было содержаться самое дистриктное управленіе. Земскому комиссару предписывалось платить прогонныя деньги уѣзднымъ обывателямъ за тѣхъ лошадей, которыми онъ пользовался при объѣздѣ дистрикта для производства сборовъ; но земскіе комиссары рѣшительно не знали, откуда имъ брать эти прогонныя деньги. Одинъ изъ комиссаровъ московскаго уѣзда обратился было за разъясненіемъ этого вопроса въ губернскую канцелярію, но тамъ также затруднились дать ему отвѣтъ, и въ результатѣ дѣло сводилось къ тому, что комиссары продолжали ѣздить, не платя никакихъ прогоновъ за подводы, поставляемыя уѣзднымъ населеніемъ. То же было и съ другими статьями расходовъ на содержаніе комиссарскаго управ-

ленія. Оно ложилось всецѣло на населеніе дистрикта, причемъ благодаря отсутствію какой-нибудь регламентаціи поборовъ на содержаніе мѣстнаго управленія, подобной той, какая была установлена при ландратахъ, эти поборы различались въ различныхъ мѣстностяхъ. Въ бѣлгородской провинціи на содержаніе комиссарскихъ канцелярій, «на покупку писчей бумаги и сургучу, и сальныхъ свѣчъ, и на прочія необходимыя нужды, безъ чего пробыть невозможно», установился обычай взимать съ плательщиковъ при выдачѣ имъ квитанцій особый сборъ въ размѣрѣ гривны съ каждой квитанціи. Въ дистриктахъ нижегородской провинціи сельскіе міры поставляли въ комиссарскія канцеляріи необходимый персоналъ низшихъ служителей: счетчиковъ для пріема денежной казны у плательщиковъ при взносѣ денегъ земскому комиссару, караульщиковъ и разсыльщиковъ при перевозѣ ихъ въ провинціальный городъ, равно какъ и подводы для этого перевоза, производя между собою разверстку этой тягости особыми мірскими приговорами. По такимъ же «опредѣленіямъ уѣздныхъ обывателей по мірскимъ приговорамъ» разверстывались на отдѣльныя тяглыя единицы и другіе приказные расходы на комиссарскія канцеляріи.

Значеніе земскаго комиссара, какъ побудителя населенія къ отбыванію казенныхъ повинностей, сказалось и въ отношеніи его къ городу. Инструкціи 1719 года еще до окончательной выработки регламента главнаго магистрата дѣлали уже шагъ къ освобожденію городовъ отъ мѣстной администраціи. Не освобождая еще городъ отъ вѣдомства высшихъ областныхъ правителей: губернаторовъ и воеводъ, инструкція земскому комиссару устанавливаетъ изъятіе, по крайней мѣрѣ, большихъ городовъ, снабженныхъ органами самоуправленія, изъ подъ власти земскаго комиссара, запрещая послѣднему въ этихъ городахъ «повелѣвать» и предоставляя ему вѣдать наравнѣ съ селами только незначительные города и слободы, не отличающіеся отъ селъ. Въ дѣйствительности это освобожденіе городовъ отъ комиссарской власти такъ же мало осуществилось, какъ болѣе позднее освобожденіе ихъ отъ воеводской власти съ изданіемъ регламента главнаго магистрата, и земскій комиссаръ продолжаетъ стоять надъ городомъ, какъ живая угроза.

Нерѣдко комиссаръ, которому предписывается инструкціей жить по серединѣ дистрикта, имѣетъ свою резиденцію въ самомъ городѣ, находящемся въ дистриктѣ, занимая бывшій воеводскій дворъ, сохранившійся съ начала вѣка, или же требуя у города отвода себѣ одного изъ посадскихъ дворовъ. Такая близость земскаго комиссара къ городу должна была служить непремѣнною причиною усиленія его значенія относительно городской администраціи, такъ какъ давала возможность

воеводѣ, этому юридически до регламента, а фактически и послѣ него высшему начальству города, пользоваться земскимъ комиссаромъ, какъ посредствующимъ орудіемъ въ своихъ сношеніяхъ съ городомъ. Указы воеводы иногда адресованы непосредственно земскимъ бурмистрамъ, иногда же распоряженія провинціальной инстанціи передаются городу земскимъ комиссаромъ, который сносится съ послѣднимъ нерѣдко въ формѣ указа. Черезъ земскаго комиссара доходятъ иногда до города общіе указы высшаго правительства. По порученію провинціальной администраціи земскій комиссаръ требуетъ отъ городскаго управленія тѣхъ или другихъ справокъ. Но властный тонъ замѣтенъ особенно въ тѣхъ указахъ земскаго комиссара къ городскимъ бурмистрамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ исполненіи какихъ-нибудь казенныхъ повинностей. Въ концѣ 1719 г. городъ Бѣжецкъ долженъ былъ закупить и отправить въ Ревель 400 пудовъ масла, избравъ для исполненія этой повинности особыхъ цѣловальниковъ. «И къ той покупкѣ масла цѣловальники кто имены выбраны и что въ покупкѣ масла пудъ, и почему цѣною», пишетъ бѣжецкій земскій комиссаръ, «о томъ вы, бурмистры, въ бѣжецкую канцелярію вѣдѣнія не присылали. И въ томъ знатно, что учинили вы въ покупкѣ того масла великую остановку. И по полученіи сей памяти учинить тебѣ, бурмистру, съ товарищи въ бѣжецкую канцелярію вѣдѣніе немедленно». По отношенію къ городскимъ бурмистрамъ земскій комиссаръ сыплетъ угрозы съ тою же щедростью, съ какою получаетъ ихъ самъ: «а ежели вы»—по дѣлу о высылкѣ городомъ рекрутъ къ воеводѣ—«отвѣтствовать не будете и воономъ учините остановку, и за то истязаны будете жестоко». Такими же остаются и сношенія земскаго комиссара съ городомъ и послѣ изданія регламента главнаго магистрата. Въ 1723 году бѣжецкій подчиненный комиссаръ предписываетъ городскимъ бурмистрамъ «отвести въ Бѣжецкѣ на посадѣ съѣзжій и постоялые дворы унтеръ-вальдмейстеру и объ отводѣ оныхъ дворовъ отвѣтствовать письменно къ комиссарскимъ дѣламъ», а самъ земскій комиссаръ обращается къ нимъ съ слѣдующей бумагой: «по указу изъ канцеляріи провинціи угличской велѣно мнѣ взять васъ съ товарищи въ канцелярію.., и ваша милость извольте въ бѣжецкую судную канцелярію прибыть». Бумага написана, правда, уже въ формѣ «промеморіи», а не указа, и обращеніе болѣе вѣжливое, но въ сути дѣла нѣтъ разницы. Бурмистры обязаны явиться въ канцелярію къ земскому комиссару, производящему слѣдствіе по порученію воеводы и, если «ихъ милость» не явятся добровольно, ихъ возьмутъ туда силою [1]).

[1]) Дѣла курмышской воеводск. канц. оп. III. д. 329 passim. Дѣл. камеръ-

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Областныя судебныя учрежденія.

I.

Въ собственноручно набросанномъ преобразователемъ 11 декабря 1717 г. спискѣ коллегій находится наряду съ прочими и юстицъ-коллегія съ указаніемъ ея обязанности—вѣдать «всякій судъ во всѣхъ дѣлахъ», которая должна была объединить судебную часть государства въ одномъ особомъ вѣдомствѣ. Тотчасъ же было положено и начало организаціи самой коллегіи. 15 декабря того же 1717 г. были назначены въ нее президентъ и вице-президентъ, гр. Матвѣевъ и лифляндецъ изъ Риги Бревернъ. Причины назначенія послѣдняго понятны: въ большинство коллегій на вторую роль назначались иностранцы—знатоки коллегіальныхъ порядковъ; но гораздо труднѣе разгадать, что руководило Петромъ при выборѣ дипломата гр. Матвѣева на постъ министра юстиціи. Быть можетъ, въ широкомъ по тому времени просвѣщеніи, которымъ отличался Матвѣевъ, выступавшій даже на литературномъ поприщѣ съ переводными и самостоятельными трудами, въ его знакомствѣ съ западомъ и горячихъ симпатіяхъ, питаемыхъ имъ къ западнымъ порядкамъ, слѣдуетъ искать мотивовъ порученія ему той отрасли государственной жизни, которую предстояло пересоздать на западныхъ началахъ. Гр. Андрей Матвѣевъ, человѣкъ одного поколѣнія съ Петромъ Великимъ, былъ однимъ изъ первыхъ русскихъ европейцевъ. Сынъ извѣстнаго царскаго друга Артамона Сергѣевича Матвѣева, онъ вынесъ любовь къ западу изъ дѣтской роднаго дома, гдѣ

коллегіи. вязка 3, д. 17; вязка 7, д. 19. Дѣла сената, кн. 230, л. 108 и сл. Дѣла сен. кн. 706, л. 70. Дѣл. камеръ-колл. вязка 18, д. 1, л. 329—417; дѣл. 25, л. 21—24 и сл., л. 71—74; вязка 19, д. 2, л. 1—14. Дѣла сен. кн. 814, л. 178; кн. 814, л. 369—376; кн. 224, л. 2 и сл. Дѣла бѣженц. уѣзднаго суда оп. II, д. 269 passim: напр. л. 53, 54, 28, 5, 19—20, 349. П. С. З. № 3295. Дѣл. камеръ-коллегіи, кн. 1/671, л. 1—151.

онъ былъ окруженъ предметами европейской обстановки. По обычаю времени ребенкомъ на восьмомъ году онъ былъ пожалованъ въ комнатные стольники, что не мѣшало родителю одѣвать его по европейски, не стричь ему волосы наголо, какъ требовалъ народный обычай, и приглашать иностранныхъ учителей для обученія его манерамъ, языкамъ и разнымъ наукамъ. На француза Невилля, познакомившагося съ нимъ въ Москвѣ, когда Матвѣеву было 23 года, онъ произвелъ впечатлѣніе весьма умнаго молодаго человѣка; умѣнье хорошо говорить на латинскомъ языкѣ, любовь къ чтенію, жадность, съ какою онъ слушалъ разсказы о Европѣ, и дружественныя чувства къ иностранцамъ—таковы были качества, снискавшія ему расположеніе Невилля. Въ домѣ молодаго Матвѣева замѣтны уже иностранные нравы: его жена выходила къ гостямъ и даже къ иноземцу, и хотя, отдавая дань старинному обычаю, выпивала въ честь гостя чарку водки, однако, уже совсѣмъ вопреки этимъ обычаямъ, она не бѣлилась и не румянилась—единственная женщина во всей Московіи, какъ замѣчаетъ Невилль. Хорошо познакомиться съ манившею его къ себѣ европейскою жизнью Матвѣевъ могъ въ теченіе своей шестнадцатилѣтней дипломатической карьеры въ Голландіи, при англійскомъ и австрійскомъ дворахъ и въ путешествіяхъ по Европѣ съ дипломатическими цѣлями. Это болѣе близкое знакомство съ западомъ еще усилило расположеніе къ нему Матвѣева, пріобрѣтенное съ дѣтства, и вотъ почему Петръ нашелъ въ немъ ревностнаго сотрудника въ своихъ попыткахъ перенести въ Россію западныя формы жизни [1]).

Весь 1718 годъ долженъ былъ пройти въ подготовительныхъ работахъ. Президентамъ коллегій было поручено «сочинять» свои коллегіи, т. е. устраивать, какъ самыя коллегіи, такъ и областныя учрежденія, имъ подвѣдомственныя. Предстояло для юстицъ-коллегіи разработать планъ судебныхъ учрежденій, составить регламенты и инструкціи, опредѣляющіе ихъ дѣятельность, и подыскать необходимый для нихъ персоналъ. Были, какъ извѣстно, указаны два основанія, которыми слѣдовало руководиться въ выработкѣ проектовъ учрежденій и опредѣленіи ихъ дѣятельности: образцомъ должно было служить шведское устройство, а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ «ситуація сего государства» не позволяла примѣнить шведскіе порядки, предписывалось измѣнять или замѣнять ихъ «по своему разсужденію», чѣмъ открывался нѣко-

[1]) Сб. И. О. XI, 361. *Лизекъ*, Сказаніе о посольствѣ отъ императора Леопольда. Ж. М. Н. П. 1837, № 11, стр. 368. Записки Невилля, Русск. Старина 1891, IX, 435.

торый просторъ самостоятельному политическому творчеству. Но одинаково для того и для другаго: и для того, чтобы правильно судить, какія изъ шведскихъ учрежденій и въ чемъ пригодны или нѣтъ, и для самостоятельныхъ построеній потребовались обширные матеріалы, и юстицъ-коллегія въ теченіе всего 1718 г. съ большимъ трудомъ, понукая и жалуясь въ сенатъ, собирала изъ центральныхъ и областныхъ учрежденій разнаго рода статистическія свѣдѣнія: о числѣ рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлъ, о прежнемъ судебно-административномъ персоналѣ областныхъ учрежденій, о количествѣ населенія по губерніямъ и городамъ Россіи, свѣдѣнія, необходимыя, какъ базисъ реформы. По мѣрѣ полученія и обработки этихъ данныхъ составлялись коллегіей и обсуждались въ сенатѣ проекты судебнаго устройства примѣнительно къ шведскому образцу [1]).

Шведское судебное устройство состояло изъ трибуналовъ трехъ инстанцій. Въ каждомъ дистриктѣ находился «нижній земскій судъ» (Unterlandgericht); надъ этими судами въ качествѣ слѣдующей высшей инстанціи былъ учрежденъ въ каждой провинціи «верхній земскій судъ» (Oberlandgericht). Наконецъ, третьей и послѣдней инстанціей былъ «надворный судъ» (Hofgericht) въ центрѣ каждой изъ тѣхъ историческихъ областей, изъ которыхъ слагалось шведское государство: въ Стокгольмѣ, въ Іенкöпингѣ, въ Финляндіи: въ Або, въ Ригѣ, въ Ревелѣ, въ Висмарѣ. Никакого центральнаго учрежденія въ родѣ юстицъ-коллегіи, вѣдавшаго всю судебную часть государства, въ Швеціи не существовало. Кассаціонныя жалобы на надворный судъ приносились уже самому королю, который и разсматривалъ ихъ при помощи нѣсколькихъ сановниковъ особо къ тому назначенныхъ.[2]) Извѣстный знатокъ государственнаго права и составитель многочисленныхъ проектовъ государственныхъ учрежденій для Россіи баронъ Люберасъ въ одной изъ своихъ записокъ, посвященной описанію шведскаго политическаго устройства, говоритъ, что Швеція и не нуждалась совершенно въ центральномъ учрежденіи для надзора за судебнымъ вѣдомствомъ благодаря строгому порядку инстанцій, ясности законовъ и необыкновенной дисциплинѣ въ этомъ вѣдомствѣ. Отличительной особенностью шведскаго судоустройства было полное отдѣленіе судебной власти отъ административной. Судебныя учрежденія: герадсъ-гёвдингъ,

[1]) П. С. З. № 3129, 3197. Дѣла сената, кн. 42, л. 155, 215, 245, 298 и сл.

[2]) Der König mit gewissen senatoribus, какъ писалъ Фикъ. Дѣл. сен. кн. 58, л. 34—35.

или ландрихтеръ, въ дистриктѣ, оберъ-ландрихтеръ, или лагманъ, въ провинціи, какъ и надворный судъ въ области—существуютъ параллельно съ областными административными чинами: ландфогтомъ, ландсъгёвдингомъ, губернаторомъ или генералъ-губернаторомъ и дѣйствуютъ независимо отъ нихъ, и послѣдніе «до юстиціи не касаются» [1]).

Перенесеніе въ Россію шведскаго устройства вызывало не мало затрудненій и колебаній. Однимъ изъ такихъ затрудненій было отсутствіе юстицъ-коллегіи въ Швеціи и ея учрежденіе въ Россіи прежде всѣхъ другихъ перемѣнъ въ судебномъ устройствѣ, и Матвѣевъ долго недоумѣвалъ, какое значеніе придать этой коллегіи. Онъ склоненъ былъ приравнивать ее шведскому надворному суду и въ докладѣ государю, сдѣлавъ очеркъ шведскихъ надворныхъ судовъ, спрашивалъ, распространять ли ея дѣйствіе на всю территорію Россіи, или только на предѣлы петербургской губерніи. Съ обычной краткостью Петръ положилъ резолюцію на этомъ докладѣ: «судамъ быть по городамъ, а главнымъ въ каждой губерніи по одному, а малые подъ онымъ, а главные губернскіе подъ юстицъ-коллегіей», утвердившую Матвѣева въ его мнѣніи. Резолюція эта имѣла, несомнѣнно, въ виду шведскій порядокъ: суды по городамъ соотвѣтствовали нижнимъ судамъ въ Швеціи; главные суды въ каждой губерніи—шведскимъ провинціальнымъ, и само собою выходило, что юстицъ-коллегія получала значеніе шведскаго надворнаго суда. Такъ и понялъ мысль Петра Матвѣевъ. Въ проектѣ указа о порядкѣ инстанцій, поднесенномъ Петру въ концѣ 1718 г., онъ уже называетъ юстицъ-коллегію «Вышнимъ надворнымъ судомъ».

Другимъ важнымъ затрудненіемъ было введеніе низшихъ трибуналовъ. Шведскія учрежденія приходилось перекраивать по новому масштабу, пригонять къ инымъ размѣрамъ и потребностямъ, «понеже государство россійское», какъ писалъ Матвѣевъ, «передъ Швеціею въ земскихъ всякихъ дѣлахъ за многонародствомъ и за умноженіемъ чело-

[1]) «По деревнямъ каждый дистриктъ своего ландрихтера имѣетъ, который, присовокупя нѣсколько честныхъ, въ правахъ искусныхъ крестьянъ, судъ держитъ. Отъ сего суда апеллируютъ до оберъ-ландрихтера всея провинціи, а отъ онаго къ надворному суду всего государства».—«Вышніе суды въ Швеціи, отъ которыхъ апеллировать не можно, суть: надворный судъ въ Стокгольмѣ надъ государствомъ шведскимъ, надворный судъ въ Іенкöпингѣ надъ государствомъ готскимъ, прежде сего надворный судъ въ Абовѣ надъ всею Финляндіей, надворный судъ въ Ригѣ, оберъ-ландгерихтъ въ Ревелѣ и трибуналъ въ Висмарѣ для германскихъ провинцій». Госуд. архивъ, кабин. д. II, 88, л. 419. Архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Любераса, № 49.

битья гораздо пространнымъ есть». Въ ноябрѣ 1718 г. онъ представилъ въ сенатъ выработанный имъ проектъ областныхъ судебныхъ учрежденій, развивающій упомянутую выше резолюцію Петра. Въ каждой губерніи устанавливался по этому проекту единоличный судъ оберъ-ландрихтера, назначаемаго «изъ знатныхъ и дѣльныхъ царедворцевъ», при которомъ долженъ былъ состоять секретарь изъ приказныхъ людей. Слѣдующею низшею инстанціей этотъ проектъ предполагалъ «городовые меньшіе земскіе суды изъ ландрихтеровъ, подчиненныхъ оберъ-ландрихтерамъ. Но въ распредѣленіи этихъ низшихъ судовъ по территоріи Россіи проектъ отступалъ отъ шведскаго образца. Въ Швеціи ландрихтеръ находился въ каждомъ дистриктѣ. Въ Россіи округъ ландрихтера составляется по проекту изъ двухъ городовъ съ уѣздами. Читая проектъ, не трудно замѣтить, какія соображенія легли въ основу такого разсчета. Онъ представляетъ minimum расхода людей и денегъ на новыя учрежденія, «меньше чего опредѣлить было нельзя». Приходилось соблюдать строгую экономію, какъ въ служиломъ персоналѣ, которому предстояло занять вновь учреждаемыя должности, и въ которомъ ощущался большой недостатокъ, такъ и въ рессурсахъ, потребныхъ на содержаніе этого персонала. Въ юстицъ-коллегіи было подсчитано число всѣхъ русскихъ городовъ, имѣвшихъ уѣзды, и, такъ какъ въ распоряженіи коллегіи едва ли было достаточно служилаго персонала, чтобы посадить судью въ каждый городъ съ уѣздомъ, то Матвѣевъ просто сократилъ это число вдвое. Такимъ образомъ общее число ландрихтеровъ должно было равняться на всю Россію 124, тогда какъ, если бы ихъ назначить по дистриктамъ, только одна петербургская губернія потребовала бы ихъ 70, такъ какъ она была подраздѣлена на 70 дистриктовъ. Грубость этого ариѳметическаго пріема образованія округа низшей судебной инстанціи была вынужденной. Матвѣевъ хорошо понималъ, что безъ свѣдѣній о числѣ жителей въ городахъ и уѣздахъ «по состоянію свейскаго уставу невозможно никакого опредѣленія учинить», но онъ тщетно добивался присылки изъ сената такихъ свѣдѣній, гдѣ бы было обозначено количество дворовъ по городамъ, волостямъ и селамъ порознь, а въ его распоряженіи находились только валовыя цыфры дворовъ по губерніямъ. Не согласуясь съ дистриктнымъ подраздѣленіемъ и создавая, помимо дистрикта, особое областное дѣленіе въ видѣ округа низшаго суда изъ двухъ уѣздовъ, проектъ Матвѣева лишь отчасти былъ согласованъ и съ провинціальнымъ дѣленіемъ Россіи. Къ ноябрю 1718 г. петербургская губернія была подраздѣлена на 12 самостоятельныхъ провинцій, по крайней мѣрѣ, на бумагѣ; проектъ и сажаетъ въ каждую изъ нихъ особаго оберъ-ландрихтера. Подраздѣленіе

остальныхъ губерній еще не было готово ко времени матвѣевскаго проекта, и поэтому туда назначается лишь по одному оберъ-ландрихтеру на цѣлую губернію, несмотря ни на то, что округъ оберъ-ландрихтера одной изъ петербургскихъ провинцій съ двумя тремя городами и округъ оберъ-ландрихтера всей прежней московской губерніи, еще не подраздѣленной на провинціи, съ тѣми 40 городами, которые насчитываетъ въ ней проектъ—были бы крайне неравновелики, ни на то, что раздѣленіе всѣхъ прежнихъ губерній на провинціи было лишь вопросомъ очень недалекаго будущаго и стояло на очереди. Благодаря всему этому проектъ выходилъ крайне неуклюжимъ и нестройнымъ. При 124 нижнихъ судьяхъ, ландрихтерахъ, на всю Россію приходилось по вычисленіямъ проекта 22 оберъ-ландрихтера. Изъ этого послѣдняго числа 12 назначалось на одну только петербургскую губернію въ ея прежнемъ объемѣ и 10 на всю остальную Россію, тогда какъ по количеству населенія петербургская губернія относилась къ остальной Россіи лишь какъ 1 къ 3,6; въ ней считалось 32 доли, каждая по 5536 тяглыхъ дворовъ, а въ остальныхъ губерніяхъ вмѣстѣ 114 такихъ долей. Далѣе, крайне несообразнымъ являлось отношеніе числа низшихъ инстанцій къ числу высшихъ. Во всѣхъ провинціяхъ прежней петербургской губерніи проектъ насчиталъ всего 20 городовъ, такъ что въ нихъ, считая по одному на два города, должно было быть всего 10 ландрихтеровъ, и такимъ образомъ число низшихъ инстанцій въ губерніи должно было оказаться меньше числа высшихъ, предназначенныхъ для той же губерніи. Наконецъ, дѣятельность одного и того же органа въ двухъ смежныхъ губерніяхъ должна была оказаться, если бы разсчетъ Матвѣева былъ приведенъ въ исполненіе, крайне неравномѣрной, и между тѣмъ, какъ къ оберъ-ландрихтеру петербургской провинціи восходили бы въ апелляціонномъ порядкѣ дѣла много отъ двухъ подчиненныхъ ему ландрихтеровъ, къ московскому оберъ-ландрихтеру стали бы восходить дѣла изъ 20 подчиненныхъ ему нижнихъ судовъ. Впрочемъ, Матвѣевъ и не держался особенно крѣпко за свой проектъ; онъ смотрѣлъ на него лишь какъ на черновой набросокъ, необходимый для разсужденій въ сенатѣ, которому и предоставлялъ «что прибавить или убавить» по своему усмотрѣнію, ставя себѣ въ заслугу достигнутое проектомъ сокращеніе судебнаго персонала сравнительно съ прежнимъ, ландратскимъ [1]).

Такимъ образомъ, проектъ Матвѣева, развившій мысль Петра, знаетъ только три судебныя инстанціи: ландрихтера въ каждыхъ двухъ уѣз-

[1]) П. С. З. № 3202, 9 мая 1718 г. Госуд. архивъ, кабин. дѣл. II, 39 л. 496—499. Дѣла сен. кн. 58, л. 285—289 (проектъ Матвѣева).

дахъ, оберъ-ландрихтера въ каждой старой губерніи, кромѣ петербургской, и въ каждой новой провинціи, на которыя раздѣлена была петербургская губернія, и, наконецъ, юстицъ-коллегію, соотвѣтствовавшую шведскому надворному суду. Такое же устройство принято и въ росписи областныхъ чиновъ, составленной Петромъ 26 ноября 1718 г., гдѣ упомянуты тѣ же чины: ландрихтеръ и оберъ-ландрихтеръ—и нѣтъ ни слова о какихъ либо судебныхъ учрежденіяхъ между послѣднимъ и юстицъ-коллегіей [1]).

3 декабря того же 1718 года представилъ свой проектъ судоустройства въ Россіи Генрихъ Фикъ, въ которомъ онъ, давая описаніе шведской судебной системы, предлагаетъ тѣ измѣненія и отступленія отъ нея, какія по его мнѣнію, вызывались особенностями русскаго быта. Измѣненія эти начинаются уже съ низшей инстанціи. То же основаніе, которое давало ему возможность въ проектѣ административной организаціи сдѣлать отступленіе отъ шведскаго оригинала, значительно расширяя размѣры округа низшей административной инстанціи — земскаго комиссара, позволяло ему сдѣлать такое же измѣненіе и въ округѣ низшей судебной инстанціи. Этимъ основаніемъ были особенности власти русскаго помѣщика надъ крестьянами, неизвѣстныя въ Швеціи. Подобно тому, какъ онъ предлагалъ поручить помѣщикамъ взиманіе податей съ ихъ крѣпостныхъ крестьянъ, возлагая такимъ образомъ на нихъ долю обязанностей, лежащихъ въ Швеціи на низшихъ административныхъ органахъ, онъ пользуется существовавшей въ Россіи вотчинной юстиціей для того, чтобы упростить государственную судебную организацію. Въ Швеціи дворянинъ не имѣетъ права наказывать крестьянина, разсуждалъ Фикъ; поэтому крестьянинъ даже по самымъ незначительнымъ дѣламъ обращается къ судьѣ. Такъ какъ въ Россіи помѣщику принадлежитъ судебная власть надъ крѣпостными, и онъ имѣетъ право налагать на крестьянъ имущественные штрафы и тѣлесныя наказанія, то это дѣлаетъ излишней для Россіи низшую шведскую судебную инстанцію. Поэтому въ проектѣ Фика низшую инстанцію для Россіи предлагается учредить прямо въ провинціи. Ей были бы подсудны крестьяне по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ, влекущимъ за собою смертную казнь, а также по всѣмъ дѣламъ жители небольшихъ городовъ, не имѣющихъ собственныхъ магистратовъ. Такимъ образомъ, округъ низшаго судебнаго трибунала расширялся отъ шведскаго дистрикта до предѣловъ огромной русской про-

[1]) П. С. З. № 3244.

винціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ мѣнялся и самый характеръ состава суда первой инстанціи. Онъ становился коллегіальнымъ: подъ предсѣдательствомъ ландрихтера должны были въ немъ участвовать четыре или шесть асессоровъ.

Другою важною особенностью проекта Фика было учрежденіе нѣсколькихъ надворныхъ судовъ и независимо отъ нихъ юстицъ-коллегіи. Относительно первыхъ его проектъ копировалъ шведское устройство. Въ Швеціи надворныхъ судовъ было нѣсколько, и для Россіи Фикъ предлагалъ учредить ихъ въ главнѣйшихъ областныхъ городахъ, а именно: въ Петербургѣ, Москвѣ, Казани, Тобольскѣ, Кіевѣ, Ригѣ и Ревелѣ. Къ нимъ должна была идти апелляція отъ провинціальныхъ судовъ первой инстанціи и городовыхъ магистратовъ. На надворные суды, какъ и въ Швеціи, апелляцію проектъ дѣлаетъ невозможной и допускаетъ только кассаціонную жалобу, подаваемую государю. Но, если его царское величество, разсуждаетъ далѣе авторъ проекта, не желаетъ себѣ безпокойства отъ этихъ судебныхъ дѣлъ, (припомнимъ, что какъ разъ въ декабрѣ 1718 г. Петръ написалъ предисловіе къ знаменитому указу о порядкѣ инстанцій, гдѣ горько жаловался, что «челобитчики ему непрестанно докучають о своихъ обидахъ вездѣ, во всякихъ мѣстахъ, не дая покою»), то онъ можетъ предоставить кассаціонное разсмотрѣніе дѣлъ, поступающихъ изъ надворныхъ судовъ, какому либо особому трибуналу: или нѣсколькимъ сенаторамъ подъ предсѣдательствомъ президента юстицъ-коллегіи, или всему сенату въ его цѣломъ составѣ, или же, наконецъ, юстицъ-коллегіи. Какъ бы то ни было, существованіе послѣдней Фикъ признавалъ въ Россіи, во всякомъ случаѣ, необходимымъ, какъ органа, разъясняющаго законы, устанавливающаго процессуальныя формы и руководящаго дѣятельностью низшихъ судебныхъ учрежденій. Въ необходимости особой юстицъ-коллегіи для надзора за скоростью и правильностью правосудія съ нимъ вполнѣ согласился и Люберасъ, составившій для нея проектъ регламента именно въ этомъ смыслѣ [1]).

Итакъ, оба проекта: и проектъ гр. Матвѣева, и проектъ Фика заимствуютъ черты будущаго русскаго судебнаго устройства изъ шведскаго, но оба дѣлаютъ отступленія отъ оригинала. Въ проектѣ Матвѣева, развивавшемъ указаніе Петра, эти отступленія менѣе значительны. Сохраняя три шведскія судебныя инстанціи, онъ, побуждаемый, главнымъ образомъ, экономическими соображеніями, учреждаетъ иной болѣе обширный округъ для низшей, притомъ несовпадающій съ низ-

[1]) Записка Фика въ дѣл. сен. кн. 58, л. 34—35. Записка Люберас. А. М. И. Д. Дѣла Любераса, № 49.

шимъ административнымъ округомъ; затѣмъ, вмѣсто шести шведскихъ надворныхъ судовъ онъ устанавливаетъ одинъ въ видѣ юстицъ-коллегіи, очевидно, подъ вліяніемъ тѣхъ же соображеній. Гораздо далѣе отступаетъ отъ оригинала проектъ Фика. Вся шведская система, состоявшая изъ трехъ инстанцій, сокращается до двухъ: низшею инстанціей онъ предлагаетъ сдѣлать провинціальный судъ, шведскую вторую, пользуясь для этого упрощенія помѣщичьей юстиціей. Отдаляясь отъ шведскаго оригинала внизу судебной системы, Фикъ не менѣе отклонился отъ него и вверху — сохранивъ особую юстицъ-коллегію съ значеніемъ органа надзора за судебнымъ вѣдомствомъ. Всего ближе къ оригиналу онъ подходитъ въ проектѣ организаціи надворныхъ судовъ: въ Швеціи ихъ существовало шесть, для Россіи Фикъ предлагалъ ихъ немногимъ больше, семь. Ни тотъ, ни другой проектъ не были назначены къ осуществленію въ цѣломъ видѣ, но оба оказали несомнѣнное вліяніе на судебное устройство. Петра, очевидно, не убѣдили доводы Фика объ излишествѣ и ненадобности низшихъ городовыхъ судей, и онъ не отказался отъ мысли, развитой Матвѣевымъ; но мысль о нѣсколькихъ надворныхъ судахъ, подчиненныхъ юстицъ-коллегіи, вмѣсто одной юстицъ-коллегіи пришлась ему по душѣ, и изъ области отвлеченнаго обсужденія она тотчасъ же переходитъ въ акты, выражающіе правительственную волю. Фикъ подалъ свой проектъ сенату 3-го декабря 1718 г., а въ указѣ Петра о порядкѣ инстанцій отъ 22 декабря есть уже обѣщаніе учредить нѣсколько надворныхъ судовъ «въ знатныхъ губерніяхъ». Это обѣщаніе получаетъ вскорѣ и опредѣленныя формы въ указѣ 8 января слѣдующаго 1719 г., которымъ съ обычнымъ своимъ лаконизмомъ Петръ предписывалъ; «гофгерихтамъ быть въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Казани, Курскѣ, Ярославлѣ, Воронежѣ, Нижнемъ, Смоленскѣ и Тобольскѣ», при чемъ число ихъ увеличивалось сравнительно съ предположеніемъ Фика [1]).

Отступая отъ оригинала въ тѣхъ или другихъ частностяхъ, оба проекта были однако вполнѣ вѣрны одному главному началу, лежавшему въ основѣ подлинника, которое они и стремились всецѣло перенести въ русское судоустройство, несмотря на все его противорѣчіе съ русскою дѣйствительностью. Это было—отдѣленіе суда отъ администраціи, на которомъ покоилась шведская судебная организація и которое было совершенно незнакомо русскимъ взглядамъ, напротивъ, всегда неразрывно сливавшимъ судебную и административную власти.

[1]) П. С. З. №№ 3261, 3269.

Новое начало, ожидая еще трактата Монтескье, не возводится проектами въ идею и не обсуждается теоретически, но въ обоихъ оно послѣдовательно проведено практически въ самыхъ схемахъ судебныхъ учрежденій, совершенно отдѣльныхъ отъ учрежденій административныхъ. Эта общая черта проектовъ сдѣлалась руководящей и съ настойчивостью проводилась правительственными распоряженіями 1719 года. Она очень ясно выражена въ утвержденныхъ въ этомъ году инструкціяхъ органамъ администраціи: воеводѣ и земскому комиссару, которымъ предписывается «до юстиціи не касаться и въ судѣ участія не принимать». Въ теченіе этого года, когда судебныя учрежденія еще не вездѣ организовались, правительство принуждено было поручать судебныя дѣла административнымъ органамъ, но оно подчеркиваетъ временный характеръ этого порученія. 15 января 1719 г. сенатъ предписывалъ московскому губернатору «надъ судьями, не описався въ юстицъ-коллегію, власти не имѣть» и судебныя дѣла, взносимыя къ нему изъ стариннаго судебнаго учрежденія—земскаго приказа, рѣшать лишь «до предбудущаго вновь о всемъ томъ опредѣленія», т. е. до введенія новыхъ судебныхъ учрежденій. Въ концѣ того же года юстицъ-коллегія передала разборъ дѣлъ, возникшихъ по доносамъ фискаловъ, надворнымъ и нижнимъ судамъ и только тамъ, гдѣ еще не открылись новые суды, предписала разсмотрѣть ихъ губернаторамъ и воеводамъ. Попытка отдѣленія суда отъ администраціи была наиболѣе замѣчательною чертою судебной реформы 1719 года [1]).

II.

Система судебныхъ учрежденій съ унтеръ-ландгерихтами въ уѣздахъ, оберъ-ландгерихтами въ провинціяхъ и надворными судами въ нѣсколькихъ областныхъ центрахъ, какъ она сложилась въ проектѣ къ началу 1719 года и была назначена къ введенію, довольно близко подходила къ шведской. Юстицъ-коллегія, поставленная надъ надворными судами, была уже первымъ отступленіемъ отъ шведскаго образца, сдѣланнымъ въ самыхъ проектахъ. Введеніе въ жизнь предположенной системы повело къ дальнѣйшимъ отступленіямъ. Съ первыхъ же дней существованія она осложнилась еще однимъ учрежденіемъ, также неизвѣстнымъ въ Швеціи, которое естественно и неизбѣжно должно было въ нее вдвинуться, занявъ мѣсто выше юстицъ-коллегіи.

[1]) П. С. З. №№ 3282, 3453.

Это былъ правительствующій сенатъ. Изъ круга полномочій сената, который въ первое десятилѣтіе своего существованія дѣйствовалъ «вмѣсто собственной его величества персоны», которому монархъ во время частыхъ отлучекъ ввѣрялъ всю совокупность верховной власти, какъ своему замѣстителю, не могла быть исключена, конечно, власть судебная, какъ одна изъ частей, составлявшихъ совокупность верховной власти. Какъ всѣ развѣтвленія власти сливались въ особѣ монарха, такъ точно въ нераздѣльномъ видѣ они передавались послѣднимъ сенату. И впослѣдствіи, въ 20-хъ годахъ, въ присутствіи монарха въ столицѣ сенатъ разсматривался, какъ ближайшій уполномоченный, «высокоповѣренный» государя, которому государь поручалъ осуществленіе своей воли по всѣмъ дѣламъ управленія. Это верховное мѣсто должно было руководить всѣми коллегіями и наблюдать за ихъ дѣйствіями. Наравнѣ съ прочими ему была подчинена также и юстицъ-коллегія, а слѣдовательно, и всѣ судебныя областныя учрежденія, подчиненныя этой послѣдней.

Нѣкоторую долю вниманія мы обязаны удѣлить двумъ высшимъ обладавшимъ судебной властью учрежденіямъ, изъ которыхъ слагалась вершина судебной системы Петра. Это отклонитъ насъ отъ нашей прямой задачи — изслѣдовать областные суды. Но система судебныхъ инстанцій, по которымъ подобно кровообращенію въ организмѣ движутся судебныя дѣла, составляетъ такое единое цѣлое, скрѣплена такими живыми связями, что изученіе такихъ отдѣльныхъ ея частей, какими были областные трибуналы, возможно не иначе, какъ въ связи со всею системой. Изуродовавъ ихъ разрѣзомъ, мы рисковали бы совершенно не понять ихъ значенія и дѣятельности, если бы стали разсматривать ихъ, устранивъ связь ихъ съ ихъ вершиною. Вотъ почему мы и должны выяснить прежде всего значеніе въ судебной системѣ сената и юстицъ-коллегіи.

Въ судебномъ отношеніи сенатъ выступаетъ съ двоякаго рода функціями: во-первыхъ, ему принадлежитъ высшее руководство судебными учрежденіями и надзоръ за ихъ дѣятельностью и, во-вторыхъ, онъ является въ качествѣ особаго судебнаго трибунала иногда высшей, иногда первой инстанціи. Функцію руководства сенатъ осуществлялъ, давая указанія юстицъ-коллегіи и разрѣшая ея сомнѣнія въ тѣхъ случаяхъ, когда она обращалась къ нему съ своими затрудненіями. Для осуществленія функціи надзора у сената было нѣсколько средствъ. Онъ требовалъ у коллегіи отчетовъ о ея дѣйствіяхъ. Онъ оставлялъ за собою право утвержденія судебнаго персонала изъ кандидатовъ, представляемыхъ юстицъ-коллегіей. Съ 1722 г. средствомъ надзора за дѣятельностью судебныхъ

учрежденій сдѣлалась прокуратура. При юстицъ-коллегіи и надворныхъ судахъ учреждены были прокуроры, подчиненные генералъ-прокурору, состоявшему при сенатѣ, который доводилъ до свѣдѣнія послѣдняго полученныя имъ прокурорскія донесенія. Черезъ него же доходили до сената и донесенія фискаловъ. Наконецъ, жалобы частныхъ лицъ на судебныя учрежденія, приносимыя на высочайшее имя и попадавшія въ сенатъ черезъ рекетмейстера, также давали сенату возможность слѣдить за правильностью дѣйствія судебныхъ трибуналовъ. Такая жалоба, поданная частнымъ лицомъ, приводила, если ее находили основательной, къ одному изъ двухъ результатовъ: или она вызывала указъ сената, направленный къ устраненію обстоятельствъ, послужившихъ предметомъ жалобы, напр., къ ускоренію слишкомъ медленнаго производства; или же она влекла за собою перенесеніе дѣла въ сенатъ, если ея предметомъ было неправильное рѣшеніе дѣла въ юстицъ-коллегіи. Въ послѣднемъ случаѣ сенатъ выступаетъ въ качествѣ высшаго апелляціоннаго трибунала, на который не допускается уже никакой жалобы, по крайней мѣрѣ съ 1718 года, «понеже», какъ объяснялъ такое воспрещеніе жаловаться на сенатъ указъ, изданный въ концѣ этого года, «тотъ вышній сенатъ отъ его царскаго величества высокоповѣреннымъ есть и въ особахъ честныхъ и знатныхъ состоитъ, которымъ не токмо челобитчиковы дѣла, но и правленіе государства повѣрено есть». За «неразумную продерзливость» челобитчику, который, не будучи доволенъ рѣшеніемъ сената, осмѣлился бы подать на него жалобу государю, указъ грозилъ смертною казнью [1]).

Иногда сенатъ разсматривалъ судебныя дѣла и въ качествѣ первой инстанціи. Трудно установить какія-нибудь общія правила подсудности сенату, какъ первой инстанціи, по роду дѣлъ или по категоріямъ лицъ, участвующихъ въ дѣлѣ. Кажется, вѣрнѣе будетъ думать, что сенатъ исполнялъ такую функцію каждый разъ по особому повелѣнію государя, получая такимъ образомъ значеніе чрезвычайнаго трибунала. Въ особенности часто сенату приходилось судить въ первой инстанціи преступленія по должности; но можно указать примѣры разбора имъ политическихъ преступленій и даже дѣлъ гражданскаго характера. Изучая указъ 22 декабря 1718 г., легко замѣтить, что, какъ въ случаѣ переноса дѣлъ въ сенатъ въ апелляціонномъ порядкѣ въ томъ видѣ, въ какомъ говоритъ о немъ этотъ указъ, такъ и въ разборѣ сенатомъ дѣлъ въ качествѣ

[1]) П. З. С. № 3979, 3, 4; № 3261.

первой инстанціи онъ сохраняетъ одно и то же значеніе: ближайшаго довѣреннаго исполнителя высочайшихъ порученій, среди которыхъ бывали и порученія пересмотрѣть или разсмотрѣть то или другое судебное дѣло. Апелляціонная жалоба на коллегію по указу 22 дек. 1718 г. идетъ не прямо въ сенатъ. Она пишется на имя государя, и подается секретарю сената, играющему въ этомъ случаѣ роль начальника канцеляріи прошеній на высочайшее имя приносимыхъ, который докладываетъ о ней государю. На разсмотрѣніе сената должны были поступать только тѣ жалобы, которыя направитъ туда резолюція государя, которыя онъ «подпишетъ», какъ тогда выражались. Такимъ образомъ пересмотръ дѣла сенатомъ въ апелляціонномъ порядкѣ былъ возможенъ только по особому каждый разъ высочайшему повелѣнію. Таковъ, по крайней мѣрѣ, былъ взглядъ на значеніе сената у самого Петра въ то время, когда составлялся указъ объ инстанціяхъ 22 дек. 1718 г. На практикѣ съ учрежденіемъ въ 1722 г. должности рекетмейстера дѣла стали восходить въ сенатъ непосредственно черезъ него безъ особаго доклада государю. Но въ томъ случаѣ, когда сенатъ выступалъ въ качествѣ первой инстанціи, онъ сохранялъ вполнѣ свое значеніе ближайшаго исполнителя порученій самого государя, которому послѣдній передавалъ разбирательство судебныхъ дѣлъ, по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ его наиболѣе интересовавшихъ. Вотъ почему соединеніе въ рукахъ сената власти административной и судебной нельзя разсматривать какъ нарушеніе начала раздѣленія властей. Сенатъ является въ судебныхъ дѣлахъ лишь замѣстителемъ монарха, соединяющаго въ своей особѣ всѣ виды власти [1]).

Раздѣленіе властей начиналось съ коллегій, и юстицъ-коллегія должна была сосредоточить въ своемъ вѣдомствѣ судебныя учрежденія, отдѣленныя отъ административныхъ. Какъ и слѣдовало ожидать, организація и введеніе новыхъ судебныхъ учрежденій совершалось медленнѣе, чѣмъ предполагалось. Открыть свои дѣйствія съ 1719 г. они такъ же, какъ и новыя административныя учрежденія, не могли, и 12 декабря 1718 г. Петръ распорядился продолжать втеченіе наступающаго 1719 г. вести дѣла «старымъ манеромъ, понеже новымъ манеромъ еще не управились». Не только областные суды не были готовы къ сроку, но едва успѣла организоваться и самая юстицъ-коллегія. Неоднократно составлялись и мѣнялись проекты ея штата, при чемъ приходилось лавировать между двумя хорошо предвидимыми затрудненіями: съ одной сто-

[1]) *Петровскій*, О сенатѣ, стр. 253—254.

роны было ясно, что въ коллегію, принявшую на себя «бремя несносное», по выраженію Матвѣева, замѣнившую собою или объединившую въ своемъ вѣдомствѣ цѣлыхъ семь прежнихъ приказовъ, стечется огромное количество дѣлъ и потребуется большое количество служебныхъ силъ; съ другой было не менѣе очевидно, что на содержаніе персонала, который могъ бы справляться съ массой дѣлъ, подлежащихъ рѣшенію коллегіи, не хватитъ денегъ. Втеченіе всей второй половины 1718 г. юстицъ-коллегія съ большимъ трудомъ комплектуется персоналомъ, высшимъ и низшимъ, русскимъ и иноземнымъ. Спросъ на служилыхъ людей превысилъ предложеніе, и приходилось пускать въ дѣло служилый персоналъ далеко не первой физической свѣжести и сомнительной нравственной чистоты или же совсѣмъ неподходящій для той отрасли занятій, куда онъ назначался. Въ числѣ этого персонала, отпущеннаго изъ разряднаго стола въ юстицъ-коллегію, были дряхлые и больные старики, лица, находившіяся подъ слѣдствіемъ въ преступленіяхъ по должности, и, наконецъ, кандидаты, которые оказались «хотя и добрыми людьми», но съ однимъ недостаткомъ—неумѣющими грамотѣ и потому «къ дѣламъ юстицъ-коллегіи весьма неспособными». Изъ совѣтниковъ коллегіи уже къ августу 1718 г. одинъ умеръ, другой не могъ выѣхать изъ деревни за старостью и болѣзнью, третій былъ задержанъ въ одной изъ слѣдственныхъ комиссій, учрежденныхъ для разслѣдованія казенныхъ хищеній. Такія назначенія, естественно, вызывали со стороны юстицъ - коллегіи просьбы о перемѣнѣ присланныхъ лицъ другими. Должность вице-президента, часть мѣстъ совѣтниковъ и низшаго персонала коллегіи были замѣщены иноземцами изъ разныхъ странъ: остзейскими нѣмцами изъ Риги, Ревеля и Дерпта, изъ цесарской и французской земли и изъ шведскихъ плѣнныхъ. Назначеніе иностранцевъ, совершенно не знавшихъ русскаго языка, потребовало снабженія коллегіи достаточнымъ количествомъ переводчиковъ, безъ которыхъ они не могли приступить къ исполненію своихъ обязанностей. Много хлопотъ доставило коллегіи добываніе необходимаго приказнаго персонала, безъ котораго не могло двигаться все болѣе осложнявшееся и разраставшееся бумажное производство. Спросъ на этого рода служебный персоналъ, необыкновенно сильно поднятый реформою, еще болѣе расходился съ имѣющимся налицо предложеніемъ, чѣмъ спросъ на служилыхъ людей высшаго слоя. Правительственныя учрежденія, старыя и новыя, ведутъ между собою упорную и ожесточенную борьбу за обладаніе этимъ персоналомъ. Часть подъячихъ въ юстицъ-коллегію было назначено отдать изъ приказа большой казны, часть долженъ былъ доставить московскій губернаторъ; но приказъ донесъ сенату, что ему отдать

подьячихъ совсѣмъ невозможно, такъ какъ остановятся всѣ дѣла, а на московскаго губернатора юстицъ-коллегія «вседокучно» жаловалась сенату, что онъ «подъ нѣкоторыми неважными притворы никакого довольства ей не учинилъ». Наконецъ, и самое помѣщеніе юстицъ-коллегія принуждена была брать себѣ почти съ бою. Ей отведены были четыре палаты надъ помѣстнымъ приказомъ, но въ нихъ коллегіи, какъ находилъ Матвѣевъ, было бы слишкомъ тѣсно; тогда ей назначено было помѣщеніе надъ прежнею расправною палатой, но тамъ уже расположилась подрядная канцелярія, которую надо было сначала выжить оттуда. Къ 1719 году Матвѣевъ, который очень спѣшилъ своимъ дѣломъ, могъ справиться болѣе или менѣе со всѣми трудностями въ вопросахъ объ организаціи и помѣщеніи коллегіи, но ему не удалось преодолѣть одной. Для нея не было составлено регламента; она жаловалась, что «не призрѣна никакою спеціальною инструкціей» еще и во второй половинѣ 1720 г. Этой инструкціи она такъ и не получила въ царствованіе преобразователя [1]).

По расписанію 12 декабря 1718 г., кратко опредѣлившему обязанности каждой изъ учрежденныхъ коллегій, юстицъ-коллегія должна была вѣдать «судныя и розыскныя дѣла», т. е. дѣла гражданскія, рѣшавшіяся «судомъ», состязательнымъ процессомъ, и уголовныя, рѣшавшіяся до 1723 г. «розыскомъ», т. е. слѣдственнымъ порядкомъ. Кромѣ того это же расписаніе отдавало въ вѣдѣніе юстицъ-коллегіи старинный помѣстный приказъ съ его поземельными дѣлами и архивомъ,

[1]) П. С. З. № 3255. *Соловьевъ,* XVI, 172: юстицъ-коллегія объединила въ своемъ вѣдомствѣ приказы: «помѣстный, судные всѣ, сыскной, земскій, и прибавлены еще фискальскія дѣла». Проекты штатовъ юстицъ-коллегіи см. въ дѣлахъ сената, кн. 42, л. 380 и сл. Фикъ, мало знакомый практически съ будущимъ объемомъ дѣлъ юстицъ-коллегіи, предлагалъ для нея всего 25 человѣкъ высшаго и канцелярскаго персонала. Вице-президентъ коллегіи Бреверпъ считалъ необходимымъ назначить 48 человѣкъ. Матвѣевъ соглашался на среднюю цыфру въ 38 человѣкъ, но впослѣдствіи принужденъ былъ самъ жаловаться на недостатокъ персонала. Дѣла сен. кн. 650, л. 109. Дѣла сен. кн. 654, л. 119. Реестръ иноземцамъ, служащимъ въ юстицъ-коллегіи (1719 г.). Вице-президентъ фонъ Бреверпъ—изъ Риги лифляндецъ. Совѣтникъ Сигизмундъ Адамъ Вольфъ—лифляндецъ дерптскаго ландгерихта изъ асессоровъ. Совѣтникъ Гансъ Генрихъ Стрикъ—лифляндецъ изъ дерптскаго шляхетства. Протонотаріусъ Фердинандъ Гейденрейхъ—цесарской земли. Архиваріусъ Реймерсъ—лифляндецъ изъ Ревеля. Переводчики: Яковъ Вернизоберъ—французской земли изъ академіи. Яганъ Вурла—лифляндецъ, Яганъ Венцель—изъ шведскихъ арестантовъ. Копіистъ Карлъ Вильгельмъ Штельмецъ—изъ Данцига. Дѣл. сен. кн. 42, лл. 209, 289, 336—368, 422, 426, 263, 269.

составившій особый департаментъ коллегіи до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не былъ впослѣдствіи въ 1722 г. преобразованъ въ самостоятельную вотчинную коллегію. На практикѣ въ системѣ судебныхъ учрежденій юстицъ-коллегія получила двоякое значеніе: во-первыхъ, она сдѣлалась центральнымъ органомъ, вѣдавшимъ администрацію судебныхъ учрежденій, соотвѣтствующимъ теперешнему министерству юстиціи; во вторыхъ, она была судебнымъ трибуналомъ, непосредственно слѣдующимъ низшимъ послѣ сената.

Какъ министерство юстиціи, управляющее судебною частью, юстицъ-коллегія исполняла слѣдующія функціи. Прежде всего, конечно, на ея обязанности лежала организація новыхъ судебныхъ учрежденій, когда вводилась реформа. Затѣмъ, когда новыя учрежденія были созданы, она завѣдывала судебнымъ персоналомъ государства, избирая изъ предоставленнаго въ ея распоряженіе служилаго контингента кандидатовъ на различныя судебныя должности и представляя ихъ на утвержденіе сената. Самой ей производить окончательныя назначенія было запрещено въ 1720 г. Такимъ порядкомъ замѣщались не только высшія судебныя должности членовъ коллегіи, президентовъ и членовъ надворныхъ судовъ, но и должности городовыхъ судей и даже мѣста начальниковъ судебныхъ канцелярій, высшихъ, по крайней мѣрѣ, секретарей надворныхъ судовъ. Подбирая персоналъ для судебныхъ учрежденій, юстицъ-коллегія имѣетъ, далѣе, и надзоръ за его дѣйствіями, за скоростью и правильностью въ отправленіи правосудія и вообще за исполненіемъ законовъ и частныхъ указовъ высшими и низшими судами. Именно какъ органъ надзора за отправленіемъ правосудія и проектировалъ юстицъ-коллегію извѣстный Люберасъ, считая учрежденіе такого органа въ Россіи необходимымъ вслѣдствіе общаго неустройства русскаго управленія. Не ограничившись разсужденіями и замѣчаніями общаго характера относительно судоустройства въ Россіи сравнительно съ шведскимъ, Люберасъ представилъ проектъ регламента для юстицъ-коллегіи. По этому проекту обязанности юстицъ-коллегіи, хорошо освѣдомленной въ законодательствѣ по судебной части, состоятъ въ надзорѣ за дѣятельностью низшихъ трибуналовъ и въ представленіи о ней свѣдѣній государю. Средствами такого надзора служатъ: поступающая въ коллегію отчетность судовъ, очень развитая и подробная, мѣсячная, четвертная и годичная, содержащая свѣдѣнія о числѣ начатыхъ и оконченныхъ процессовъ, о положеніи неоконченныхъ, о видахъ преступленій и предметахъ тяжебъ, о заключенныхъ преступникахъ и тому подобное. Далѣе, какъ средство надзора, можетъ служить корреспонденція фискаловъ, кото-

рымъ слѣдуетъ быть при всѣхъ судахъ, съ доносами о нарушеніяхъ порядка въ судопроизводствѣ и о несоблюденіи закона; наконецъ, жалобы въ коллегію частныхъ лицъ на отказъ имъ въ правосудіи, по которымъ юстицъ-коллегія должна производить разслѣдованіе и оказывать помощь потерпѣвшимъ. Трудно сказать, въ какой мѣрѣ проектъ Любераса, оказавшаго, какъ извѣстно, нѣкоторое вліяніе въ устройствѣ коммерцъ и бергъ-и-мануфактуръ коллегій, отразился на дѣятельности юстицъ-коллегіи. Регламента послѣдней издано не было, не найдено пока даже и какого-нибудь офиціальнаго проекта такого регламента. Поэтому вліяніе бумагъ Любераса нельзя доказать здѣсь съ тою же ясностью, съ какою оно доказано относительно регламента коммерцъ-коллегіи. Повидимому, безъ его вліянія, хотя и близко ко времени представленія имъ своихъ соображеній, изданъ былъ указъ о передачѣ въ вѣдомство юстицъ-коллегіи системы фискаловъ, сдѣлавшейся между прочимъ и тѣмъ органомъ надзора за дѣятельностью судебныхъ учрежденій, о которомъ писалъ Люберасъ.

Какъ бы то ни было, на практикѣ одною изъ главныхъ функцій юстицъ-коллегіи, былъ надзоръ за судебными учрежденіями. Сохранился проектъ инструкціи ея отдѣленію, такъ называемой юстицъ-конторѣ, который, конечно, слѣдуетъ считать отраженіемъ или проекта инструкціи для самой юстицъ-коллегіи, по всей вѣроятности составлявшагося, или же, во всякомъ случаѣ, того порядка дѣйствій, который установился въ юстицъ-коллегіи на практикѣ. Надзоръ за скоростью и правильностью рѣшенія судебныхъ дѣлъ и за исполненіемъ указовъ стоитъ въ этомъ проектѣ на первомъ планѣ въ числѣ обязанностей конторы. Совѣтникъ коллегіи, завѣдующій конторою, узнавъ о медленности процесса или неправильностяхъ въ немъ, долженъ былъ сдѣлать внушеніе тому или другому суду путемъ посылки туда указа или призвавъ составъ суда къ себѣ для словеснаго замѣчанія. Той утонченной отчетности, которую рекомендовалъ Люберасъ, не видно въ практикѣ судебныхъ учрежденій, такъ что главнымъ средствомъ надзора для юстицъ-коллегіи оставались ревизія дѣлъ, фискальскій доносъ и частная жалоба. То и другое: и доносъ фискала, и жалоба, поданная потерпѣвшимъ, влекли за собою или указъ объ ускореніи производства и исправленіи неправильностей, допущенныхъ въ процессѣ, или назначеніе разслѣдованія, если рѣчь шла о явномъ злоупотребленіи судей.—Въ мартѣ 1720 г. въ юстицъ-коллегію обратился человѣкъ канцлера графа Головкина, Ермолай Герасимовъ, съ жалобой на пензенскаго судью Соловцова въ томъ, что этотъ судья, «мстя господину его сосѣдскія земляныя (поземельныя) ссоры, чинитъ къ пен-

зенскимъ вотчинамъ посягательство, присылаетъ подъячихъ съ солдаты многолюдствомъ и, забравъ крестьянъ господина его, якобы по судебнымъ дѣламъ, держитъ въ тюрьмѣ безвинно и моритъ голодною смертью», да хвалится еще и впредь чинить вотчинамъ господина его обиды и разоренья. Благодаря такому притѣсненію отъ судьи крестьяне вотчины господина его, села Вазерокъ, разбѣжались, а это бѣгство сопровождалось его обычнымъ послѣдствіемъ—остановкой въ сборахъ и платежахъ государевыхъ податей. По этой жалобѣ состоялся приговоръ юстицъ-коллегіи: произвести слѣдствіе о поступкахъ пензенскаго судьи, временно отрѣшивъ его отъ должности, при чемъ это слѣдствіе было возложено на его сосѣда, саранскаго судью. Жалоба Ермолаева, однако, не подтвердилась, а населеніе пензенскаго уѣзда подало даже въ коллегію коллективную челобитную объ оставленіи у нихъ судьи Соловцова потому, что «онъ человѣкъ добрый, и градскимъ и уѣзднымъ людямъ отъ него никакія обиды и разоренія, и налогъ, и стѣсненія нѣтъ, и въ дѣлахъ чинитъ правое разсужденіе безволокитно». Коллегія уважила это ходатайство. За злоупотребленія коллегія предавала судебныхъ чиновъ суду, за простыя нарушенія правилъ дѣлопроизводства или въ случаяхъ неисполненія указовъ подвергала ихъ дисциплинарному взысканію, налагая денежные штрафы. Каждое присутственное мѣсто обязано было по генеральному регламенту, получивъ указъ высшей инстанціи, немедленно рапортовать о его полученіи, не дожидаясь его исполненія. Въ 1723 г. московскій надворный судъ подвергся штрафу въ 300 рублей за то, что не увѣдомилъ юстицъ-коллегію о полученіи двухъ ея указовъ. Въ 1724 году былъ оштрафованъ юстицъ-коллегіей казанскій надворный судъ на сто рублей за то, что доношеніе изъ этого суда въ коллегію было подписано только однимъ президентомъ, а не совмѣстно съ членами, какъ того требовалъ порядокъ. Къ 1728 г. на персоналѣ воронежскаго надворнаго суда наросла такого рода наложенныхъ на него юстицъ-коллегіей штрафовъ огромная по тому времени сумма въ 2050 рублей, уплатить которую виновные не были въ состояніи [1]).

[1]) П. С. З. №№ 3255, 3881. Случаи назначенія судей: дѣла сен. кн. 649. л. 594, 660; кн. 650, л. 9: «а по указу изъ сената (1720 г. 27 сент.) изъ оной юстицъ-коллегіи ни въ какіе чины опредѣлять не велѣно, а велѣно объ оныхъ доносить въ сенатъ». Ibid. кн. 1886, 1720 г. 1 сент.; кн. 1887, 1721 г. 13 марта, 27 марта; кн. 649, л. 132—340; кн. 1882, л. 107; кн. 1886, л. 375; кн. 1885, 1720 г. 1 апрѣля; кн. 650, л. 123. Дѣла Любераса въ М. А. М. И. Д. №№ 49, 106. *Милюковъ*, Госуд. хоз., 605—607. П. С. З. № 3280. Дѣл. сен.

Наконецъ, третьей функціей юстицъ-коллегіи въ области администраціи судебныхъ учрежденій было руководство ими. Подобно тому, какъ сенатъ руководилъ дѣятельностью коллегій, послѣднія обязаны были руководить подчиненными имъ учрежденіями. Это руководство состояло, во-первыхъ, въ разрѣшеніи тѣхъ отдѣльныхъ сомнѣній, съ которыми обращались въ коллегію подчиненныя мѣста и лица, какъ въ судебныхъ процессахъ, такъ и во всякаго рода затрудненіяхъ. Судья при разборѣ дѣла могъ обращаться до постановленія приговора за указаніями въ высшую инстанцію, если самъ почему-либо затруднялся рѣшить дѣло. Затѣмъ, коллегія руководила дѣятельностью судебныхъ учрежденій, устанавливая общія правила этой дѣятельности, и иногда разрѣшеніе отдѣльныхъ сомнительныхъ случаевъ давало поводъ къ изданію ею общихъ нормъ. Въ 1726 году воронежскій надворный судъ просилъ коллегію разрѣшить его недоумѣніе по слѣдующему дѣлу. Въ этотъ судъ поступила жалоба капитана В. Ѳ. Салтыкова на асессора шацкаго провинціальнаго суда Москотиньева, обвиняющая послѣдняго въ злоупотребленіяхъ по службѣ. Москотиньевъ, проѣзжая съ конвоемъ драгунъ «многолюдствомъ» изъ Шацка въ Касимовъ, захватилъ силой въ шацкой вотчинѣ челобитчика, селѣ Потапьевѣ, 20 крестьянскихъ подводъ, а крестьянъ «билъ и увѣчилъ смертнымъ боемъ», не уплатилъ прогонныхъ денегъ за взятыя подводы и кромѣ того загналъ 7 лошадей. Надворный судъ затруднялся рѣшить самъ вопросъ о подсудности ему асессора провинціальнаго суда, такъ какъ не нашелъ такого указа, «чтобъ изъ подчиненныхъ къ тому суду провинціальныхъ судовъ асессоровъ брать». Юстицъ-коллегія рѣшила этотъ случай, признавъ обвиняемаго асессора подсуднымъ даже не надворному, а провинціальному же суду въ составѣ воеводы съ остальными асессорами; но тутъ же сдѣлала и общее постановленіе, опредѣляющее «впредь» подсудность членовъ провинціальныхъ судовъ самимъ же провинціальнымъ, а предсѣдателей этихъ судовъ—воеводъ, надворному суду [1]).

Итакъ, помимо самой ихъ организаціи, административная дѣятельность юстицъ - коллегіи относительно судебныхъ учрежденій заключалась въ завѣдываніи судебнымъ персоналомъ, надзорѣ за дѣятельностью судовъ и руководствѣ этою послѣдней, словомъ, въ

кн. 225, л. 112—127 (проектъ инструкціи юстицъ-конторѣ). Дѣла юстицъ-колл. вязка 1960, д. 39; вязка 1958, д. 11. Дѣла юстицъ-колл., вязка 1954, д. 20. Дѣла сен. кн. 226, л. 696; кн. 225, л. 906—914.

[1]) Дѣла елатомск. уѣздн. суда, оп. III, д. 12.

томъ кругѣ дѣлъ, который теперь вѣдается министерствомъ юстиціи, значительно, можетъ быть, различаясь отъ него размѣрами, такъ какъ добрая доля обязанностей по руководству и надзору за судебными учрежденіями, сосредоточенныхъ прежде въ юстицъ-коллегіи, унаслѣдована отъ нея не министерствомъ юстиціи, а правительствующимъ сенатомъ. Существуетъ, далѣе, различіе и въ составѣ между *единоличнымъ* министерствомъ и *коллегіей* Петра. Но можно указать еще одну черту, которая рѣзко отличаетъ петровскую юстицъ-коллегію отъ нашего министерства юстиціи. Теперешнее министерство—только административный органъ судебной части. Юстицъ-коллегія была сверхъ того также и судебнымъ трибуналомъ, и это ея значеніе, полученное ею на практикѣ, уже совершенно не предусмотрѣно регламентомъ Любераса. Подобно петровскому сенату въ качествѣ судебнаго трибунала юстицъ-коллегія выступаетъ въ двоякомъ видѣ. Во-первыхъ, она представляетъ изъ себя судъ высшей инстанціи, непосредственно слѣдующій за сенатомъ, въ который восходили дѣла изъ надворныхъ судовъ въ апелляціонномъ и ревизіонномъ порядкѣ, и въ этомъ случаѣ, пересматривая рѣшенное дѣло, попавшее въ нее по апелляціи, или утверждая приговоръ по дѣлу, представленному на ревизію, юстицъ-коллегія осуществляла такого же рода надзоръ за дѣятельностью низшихъ судебныхъ органовъ, какой теперь осуществляется не министерствомъ юстиціи, а кассаціонными департаментами сената, хотя и въ иномъ порядкѣ производства, кассаціонномъ, неизвѣстномъ судопроизводству времени Петра. Затѣмъ, юстицъ-коллегія играла также въ нѣкоторыхъ случаяхъ роль трибунала первой инстанціи подобно петровскому сенату, но съ тѣмъ различіемъ, что сенатъ судилъ въ первой инстанціи дѣла, вносимыя въ него по отдѣльнымъ повелѣніямъ государя, тогда какъ въ юстицъ-коллегію попадали дѣла для рѣшенія въ силу другихъ причинъ. Древнему судоустройству было присуще правило, по которому высшая инстанція бывала первой для той мѣстности, гдѣ эта высшая инстанція находилась. Старинные московскіе приказы, будучи второю инстанціей для провинціи, бывали первою для Москвы. По этому началу и впослѣдствіи послѣ отмѣны петровскихъ областныхъ учрежденій Екатериной I, вплоть до учрежденій 1775 года, губернская канцелярія была третьею инстанціей для уѣзднаго жителя, второю для жителя провинціальнаго города и только первою для населенія губернскаго города съ его уѣздомъ. Вотъ почему и въ юстицъ-коллегію попадало иногда, какъ въ первую инстанцію, какое-нибудь дѣло о дракѣ двухъ петербургскихъ жителей, тѣмъ болѣе, что петербургскій надворный судъ открылъ свои дѣйствія довольно поздно. Что такіе случаи были не-

рѣдки, видно изъ того, что потребовалось запретить особымъ указомъ обращаться прямо въ юстицъ-коллегію, не бивъ предварительно челомъ въ петербургскомъ надворномъ судѣ. Но нѣкоторыя дѣла должны были начинаться въ юстицъ-коллегіи по общему правилу. Такъ, закономъ 16 окт. 1720 г. была установлена подсудность юстицъ-коллегіи иноземнаго персонала, служащаго въ коллегіяхъ; къ ней эти иноземцы должны были обращаться въ качествѣ истцовъ, туда же слѣдовало привлекать ихъ и въ качествѣ отвѣтчиковъ [1]).

[1]) П. С. З. №№ 3227, 3403. Дѣла юстицъ-колл. вязка 1956, д. 15; вязка 1954, д. 14. П. С. З. № 3658. Одною изъ особенностей коллежскаго управленія было учрежденіе въ Москвѣ 19 янв. 1722 г. отдѣленій каждой коллегіи, такъ называемыхъ конторъ, съ сенатскою конторою во главѣ. Эти отдѣленія должны были замѣнять самыя коллегіи для мѣстностей ближайшихъ къ Москвѣ съ цѣлью избавить населеніе этихъ мѣстностей отъ волокиты, необходимо сопряженной съ поѣздками по дѣламъ въ отдаленный Петербургъ, а съ другой стороны облегчить трудъ самихъ коллегій, оттягивая отъ послѣднихъ значительное количество дѣлъ. Въ числѣ такихъ конторъ была учреждена и контора юстицъ-коллегіи, состоявшая изъ одного совѣтника коллегіи, откомандированнаго въ Москву, при которомъ находилась канцелярія. Былъ изготовленъ и внесенъ въ сенатъ проектъ инструкціи, регулирующей дѣятельность этой конторы, однако онъ не былъ окончательно разсмотрѣнъ и утвержденъ сенатомъ еще и къ апрѣлю 1725 г., когда контора юстицъ-коллегіи была закрыта. Дѣла сен. кн. 225, л. 112—127. «Е. И. В. инструкція, или наказъ, юстицъ-коллегіи совѣтнику, которому по должности чина своего надлежитъ поступать во учрежденной въ Москвѣ юстицъ-коллегіи конторѣ нижеслѣдующимъ образомъ. Данъ въ Москвѣ 722 г.» Проектъ состоитъ изъ 16 пунктовъ. Что онъ всетаки разсматривался, видно изъ тѣхъ поправокъ и измѣненій, которыя были внесены въ нѣкоторыя статьи. Однако онъ не былъ возвращенъ изъ сената въ юстицъ-коллегію, его представившую. Въ этомъ проектѣ конторѣ придавался двойственный характеръ. Она должна была имѣть значеніе отдѣленія юстицъ-коллегіи, представляющаго и замѣняющаго эту послѣднюю для округовъ надворныхъ судовъ, кромѣ петербургскаго и рижскаго. Надворные суды обязаны были исполнять ея указы совершенно такъ же, какъ и указы самой коллегіи (п. 4). Недовольные рѣшеніемъ надворныхъ судовъ должны были обращаться съ жалобами въ контору и переносить туда дѣла въ апелляціонномъ порядкѣ, которыя пересматриваются и перевершиваются конторой такъ же, какъ бы и самой коллегіей. Однако, въ то же время допускались, какъ апелляція отъ конторы въ юстицъ-коллегію со стороны челобитчиковъ, недовольныхъ рѣшеніемъ конторы, такъ и внесеніе дѣла въ коллегію со стороны конторы въ ревизіонномъ порядкѣ. Таковы были предположенія проекта. На практикѣ, какъ узнаемъ изъ одного доклада юстицъ-коллегіи сенату (Д. сен. кн. 686, л. 329), относящагося уже къ 1728 году и содержащаго историческій очеркъ дѣятельности конторы юстицъ-коллегіи,

III.

Весь 1718-й годъ, какъ мы уже знаемъ, прошелъ въ организаціи самой юстицъ-коллегіи, весь слѣдующій 1719 г. посвященъ былъ организаціи подвѣдомственныхъ ей областныхъ судебныхъ учрежденій, совершавшейся съ неменьшею медленностью. Еще къ іюлю 1720 года были замѣщены далеко не всѣ судебныя должности. Для замѣщенія ихъ по всѣмъ областнымъ судамъ государства требовалось всего 371 лицо; такая потребность не могла быть удовлетворена имѣвшимся налицо свободнымъ служилымъ персоналомъ, и въ распоряженіе юстицъ-коллегіи было предоставлено всего 326 человѣкъ для назначеній по судебному вѣдомству, такъ что на сорокъ пять остальныхъ мѣстъ не хватало людей. Изъ этого запаса всего къ концу іюля 1720 г. было сдѣлано 199 назначеній. Остальная часть запаса по разнымъ причинамъ (смерть, опредѣленіе на другаго рода службу, старость и болѣзнь, неявка къ службѣ) не получила назначеній или фактически не заняла мѣстъ, такъ что общее количество такихъ незанятыхъ мѣстъ достигло весьма почтенной цыфры 172, т. е. немногимъ менѣе половины всѣхъ должностей въ областныхъ трибуналахъ. Недостатокъ людей, какъ и средствъ, объясняетъ, почему эти трибуналы, надворные и нижніе суды, вводились такъ медленно и открывали свои дѣйствія такъ поздно. Указъ объ учрежденіи надворныхъ судовъ былъ изданъ 8 января 1719 г. Но составъ петербургскаго и московскаго

тогда уже закрытой, она не получила значенія судебной инстанціи, равной самой коллегіи или ей подчиненной. Она не была учрежденіемъ коллегіальнымъ, ходатайство юстицъ-коллегіи о назначеніи къ совѣтнику конторы еще двухъ асессоровъ не было удовлетворено. Поэтому, можетъ быть, и въ самой рукописи проекта при первоначальномъ его разсмотрѣніи въ сенатѣ статьи 8 и 9, опредѣлявшія судебную дѣятельность конторы и порядокъ апелляціоннаго переноса дѣлъ въ контору изъ надворныхъ судовъ, поставлены были въ скобки. Въ результатѣ, дѣятельность конторы юстицъ-коллегіи въ 1722—25 гг. на практикѣ сводилась къ помощи коллегіи въ функціи надзора за исполненіемъ областными судебными учрежденіями указовъ юстицъ-коллегіи и за скорымъ отправленіемъ правосудія. Совѣтникъ конторы, получивъ жалобу на медленность веденія дѣла въ какомъ-нибудь областномъ судѣ, посылалъ туда указъ, требовалъ отчета, имѣлъ даже право подвергать областной судъ выговору и штрафу, такъ что контора, не сдѣлавшись, какъ учрежденіе неколлегіальное—представительницей и замѣстительницей коллегіи въ ея судебной дѣятельности, сдѣлалась для нѣкоторыхъ ближайшихъ къ ней судебныхъ округовъ ея отдѣленіемъ лишь по административной части.

надворныхъ судовъ былъ назначенъ только въ апрѣлѣ этого года. Въ общемъ, только 1720 годъ слѣдуетъ считать началомъ дѣйствія большей части новыхъ областныхъ судебныхъ учрежденій. Члены воронежскаго надворнаго суда не явились въ Воронежъ еще и въ іюлѣ 1721 г., но это былъ уже исключительный случай замедленія [1]).

Намъ предстоитъ теперь познакомиться съ составомъ и дѣятельностью областныхъ судовъ: надворныхъ, состоявшихъ «подъ правленіемъ юстицъ-коллегіи», и нижнихъ, находившихся «подъ правленіемъ» надворныхъ. Какъ уже было сказано выше, учрежденіе надворныхъ судовъ предполагалось въ «знатныхъ губерніяхъ», и предписано было открыть ихъ: въ обѣихъ столицахъ, а затѣмъ въ Казани, Курскѣ, Ярославлѣ, Воронежѣ, Нижвемъ, Смоленскѣ и Тобольскѣ. Въ дѣйствительности существовалъ еще надворный судъ въ Енисейскѣ и кромѣ того для остзейскихъ провинцій сохраненъ былъ гофгерихтъ въ Ригѣ. Вся территорія тогдашней Россіи распредѣлена была въ судебномъ отношеніи на округа, приписанные каждый къ своему надворному суду, составлявшему высшую инстанцію для «нижнихъ судовъ» округа. При расписаніи этихъ судебныхъ округовъ сыграли роль прежнія большія губерніи, изъ которыхъ пять совпали съ новыми судебными округами (московская, кіевская, азовская, нижегородская и казанская). Въ трехъ изъ прежнихъ губерній было теперь образовано по два округа въ каждой. Легко, впрочемъ, замѣтить, что эти губерніи уже и раньше склонны были къ раздѣленію на самостоятельныя областныя единицы, которыя и получили теперь по особому надворному суду. Такъ, на территоріи прежней петербургской губерніи были учреждены два такіе суда: въ Петербургѣ для петербургской губерніи собственно и въ Ярославлѣ для давно уже выдѣлившагося изъ этой губерніи самостоятельнаго округа, который еще въ 1710—19 гг. носилъ названіе «ярославской провинціи». Прежняя рижская губернія, составленная изъ рижской и смоленской областей, получила теперь по особому надворному суду для Риги и для Смоленска. Учрежденіе двухъ судовъ въ сибирской губерніи: въ Тобольскѣ и въ Енисейскѣ—обнаруживаетъ

[1]) Дѣла сен. кн. 648, л. 405, 550 и др.; кн. 649, л. 381. П. С. З. № 3269. Дѣла сен. кн. 648, л. 991. П. С. З. № 3344. Дѣла юстицъ-коллегіи, вязка 1960, д. 39. Дѣла сен. кн. 68, л. 283; кн. 126, л. 266; кн. 1884, 1719 г. 3 декабря. Московскій надворный судъ не могъ найти мѣста для своихъ засѣданій еще въ декабрѣ 1719 г. Ему отведено было помѣщеніе бывшаго разряднаго приказа, но военная канцелярія, тамъ находившаяся, отказывалась выѣхать и очистить для суда это помѣщеніе.

тенденцію этой окраины раздѣлиться на восточную и западную половины. Въ двухъ прежнихъ губерніяхъ: архангелогородской и астраханской надворныхъ судовъ учреждено не было [1]).

Надворные суды составлялись по образцу самой юстицъ-коллегіи. Это были коллегіи изъ президента, вице-президента и нѣсколькихъ членовъ. По табели о рангахъ должность президента надворнаго суда полагалась въ шестомъ, вице-президента въ седьмомъ классахъ. Кажется, судя по табели, предполагалось раздѣлить составъ членовъ надворнаго суда на два разряда: совѣтниковъ и асессоровъ; въ дѣйствительности всѣ члены назывались обыкновенно асессорами въ дѣлопроизводствѣ этихъ трибуналовъ, что не помѣшало званію «надворнаго совѣтника» сохраниться въ видѣ особаго чина въ русской чиновной іерархіи. Президенты бывали не во всякомъ надворномъ судѣ; ихъ мы видимъ въ Воронежѣ, Смоленскѣ, Казани, Енисейскѣ и Ригѣ; въ остальныхъ судахъ предсѣдательствовали вице-президенты. Обычное число асессоровъ при назначеніи было, какъ кажется, шесть; но, судя по подписямъ на дѣлахъ, рѣшенныхъ надворными судами, въ засѣданіяхъ ихъ нерѣдко участвовало и меньше,—пять, четыре, три и даже двое. Они назначались изъ разныхъ чиновъ: изъ царедворцевъ и изъ офицеровъ, причемъ въ столичные асессоры — лица болѣе высокаго чина, чѣмъ въ провинціальные, что соотвѣтствовало и табели о рангахъ, считающей асессора надворнаго суда въ резиденціи въ высшемъ классѣ сравнительно съ такимъ же асессоромъ въ губерніяхъ. Такъ, напр., въ 1719 г. членами московскаго надворнаго суда были назначены четыре полковника и два царедворца. Въ числѣ шести асессоровъ нижегородскаго надворнаго суда въ 1721 г. были: одинъ полковникъ, одинъ майоръ, три капитана и одинъ царедворецъ, тогда какъ изъ четырехъ асессоровъ, значащихся въ енисейскомъ надворномъ судѣ въ 1724 г., было два капитана, одинъ поручикъ и одинъ прапорщикъ. При надворномъ судѣ полагалась канцелярія подъ начальствомъ секретаря, назначаемаго сенатомъ, и особый нотаріусъ для веденія протоколовъ.

Возстанавливая по уцѣлѣвшимъ памятникамъ личный составъ петровскихъ надворныхъ судовъ, мы видимъ, что предсѣдателями ихъ съ званіями президентовъ или вице-президентовъ являются въ большинствѣ случаевъ провинціальные начальники: губернаторы, вице-губернаторы и воеводы. Этими назначеніями агентовъ мѣстной администраціи въ составъ надворныхъ судовъ нарушалась идея отдѣленія

[1]) П. С. З. №№ 3261, 3269. Дѣла сен. кн. 227, л. 609.

суда отъ администраціи, такъ ясно проведенная въ инструкціяхъ представителямъ административной власти. Первоначально, какъ было замѣчено раньше, такое назначеніе имѣло временный характеръ: «до предбудущаго вновь о всемъ томъ опредѣленія», и предсѣдательство въ судахъ поручалось областнымъ правителямъ, вѣроятно, за невозможностью сразу найти подходящій персоналъ для занятія такихъ высокихъ должностей. Но уже въ 1721 г. юстицъ-коллегія, принявъ за образецъ назначеніе вице-президентомъ московскаго надворнаго суда московскаго вице-губернатора, дѣлаетъ его общимъ правиломъ, подкрѣпляя это правило тѣмъ соображеніемъ, что благодаря такому соединенію должностей произойдетъ «лучшее въ тѣхъ дѣлахъ отправленіе». Такимъ образомъ, областные правители предсѣдательствовали въ надворныхъ судахъ: московскомъ, рижскомъ, ярославскомъ, смоленскомъ, казанскомъ, нижегородскомъ и воронежскомъ. Правда, инструкція азовскому губернатору Чернышеву, утвержденная уже 22 апр. 1725 года, повторяя параграфъ воеводской инструкціи 1719 г., запрещаетъ губернатору участвовать въ засѣданіяхъ воронежскаго надворнаго суда, однако это запрещеніе является анахронизмомъ и совершенно противорѣчитъ практикѣ. Въ этомъ судѣ президентомъ въ 1722 г. и 23 г. состоялъ именно азовскій губернаторъ. Назначая въ 1726 г. особаго президента въ курскій надворный судъ, верховный тайный совѣтъ въ своемъ указѣ отмѣчалъ какъ общее явленіе, что въ губерніяхъ въ надворныхъ судахъ «президують губернаторы и вице-губернаторы», если же для курскаго суда, вѣдавшаго кіевскій судебный округъ, дѣлается исключеніе, то только потому, что предсѣдательствовать въ немъ ни кіевскому губернатору, ни бѣлгородскому воеводѣ за дальностью разстоянія невозможно. Простой уѣздный городъ бѣлгородской провинціи, Курскъ не былъ тогда ни губернскимъ, ни провинціальнымъ центромъ [1]).

[1]) П. С. З. №№ 3282, 3453. Дѣла сената, кн. 649, л. 594: «а которые изъ губернаторовъ и вице-губернаторовъ, и воеводъ опредѣлены президентами и вице-президентами въ тѣ надворные суды, гдѣ они имѣются въ губернскихъ и воеводскихъ правительствахъ, то для лучшаго учинено и общаго въ тѣхъ дѣлахъ отправленія, понеже именнымъ его ц. в. указомъ московскаго надворнаго суда судьямъ велѣно съ московскимъ вице-губернаторомъ той губерніи дѣла обще для того жъ лучшаго способу отправлять». Ср. П. С. З. № 3847. Дѣла сен. кн. 704, л. 1 и сл. Дѣла юстицъ-коллег. вязка 1961, д. 10, Сб. И. О. LV, 431. Въ виду того, что въ нашей спеціальной литературѣ по исторіи судебныхъ учрежденій слишкомъ мало извѣстно о составѣ надворныхъ судовъ [См. *Дмитріевъ*, Исторія судебныхъ

Дѣятельность областныхъ судебныхъ учрежденій предполагалось регулировать особыми инструкціями. Указъ 22 декабря 1718 г., обѣщая учрежденіе различныхъ судебныхъ инстанцій, заявлялъ, что регламентъ этимъ инстанціямъ «вскорѣ публикованъ будетъ». Однако уже въ концѣ слѣдующаго 1719 г. московскій надворный судъ испытывалъ затрудненія, не имѣя инструкціи, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ асессоровъ этого суда, полковникъ Юрловъ, въ своей перепискѣ съ кабинетъ-секретаремъ Макаровымъ, жалуясь, что многія дѣла въ Москвѣ, благодаря отсутствію инструкціи, стали. Только къ 1722 г. были составлены въ юстицъ-коллегіи проекты инструкцій надворнымъ и нижнимъ судамъ, которые были внесены въ декабрѣ этого года въ сенатъ для аппробаціи, гдѣ, очевидно, и были погребены въ грудахъ сенатскаго дѣлопроизводства. По крайней мѣрѣ, нѣтъ указа-

инстанцій, изд. 1859 г. стр. 446: «изъ надворныхъ судовъ намъ извѣстенъ только составъ московскаго»], приводимъ свѣдѣнія о составѣ этихъ судовъ, какія намъ удалось извлечь изъ неизданныхъ документовъ. Они, къ сожалѣнію, далеко не полны, такъ какъ по большей части приходилось возстанавливать составъ судовъ по подписямъ въ дѣлопроизводствѣ. *Московскій надворный судъ*: 1720 г. Вице-президентъ вице-губернаторъ Воейковъ, асессоры: полковники: Г. Т. Ергольскій. С. А. Юрловъ, С. Б. Оленинъ, И. Н. Плещеевъ, царедворцы: А. Савеловъ (бывшій ландратъ), М. В. Желябужскій. *Петербургскій*, замѣнившій собою расправную палату. 1719 г. Вице-президентъ С. Т. Клокачевъ, асессоры: кн. Солнцевъ-Засѣкинъ, Ржевскій, Стрѣшневъ, Коробьинъ, Ляпуновъ, Зиновьевъ—царедворцы. *Ярославскій*: 1721 г. Вице-президентъ ярославскій воевода Нарышкинъ, асессоры: Исленьевъ, Дашковъ, Васильчиковъ, Камынинъ, Шейдяковъ, Волковъ. *Нижегородскій*: 1721 г. Вице-президентъ кн. В. И. Гагаринъ, асессоры: полковникъ Исуповъ, майоръ Карауловъ, капитанъ Плещеевъ, капитанъ кн. Бабичевъ, капитанъ Толстой, царедворецъ Васильчиковъ. *Казанскій*: 1722 г. Президентъ казанскій губернаторъ А. Л. Салтыковъ, вице-президентъ Толстой, асессоры: Гр. Нечаевъ, Аф. Кроткой, Никита Змѣевъ (бывшій ландратъ). *Воронежскій*: 1723 г. Президентъ бригадиръ и губернаторъ П. Измайловъ. Вице-президентъ полковникъ Стремоуховъ, асессоры: майоръ Плоховъ, подпоручикъ Телѣгинъ, Хоняковъ, оберъ-ландрихтеръ Свѣшниковъ. *Курскій*: 1723 г. Вице-президентъ Ив. Батуринъ, асессоры: М. Пашковъ майоръ, Ив. Арсеньевъ, Ив. Сафоновъ. *Смоленскій*: 1723 г. Президентъ смоленскій вице-губернаторъ А. Панинъ, вице-президентъ полковникъ Ив. Потемкинъ, асессоры: полковникъ Дементій Храповицкій, полковникъ М. Радванскій, подполковники Веселовскій и Полонскій. *Рижскій*: президентъ рижскій губернаторъ кн. Репнинъ. *Тобольскій*: 1724 г. Президентъ? Асессоры: майоръ кн. Н. Мещерскій, майоръ Никита Кондыревъ, майоръ Артемій Каратѣевъ. *Енисейскій*: 1724 г. Президентъ полковникъ Вогницынъ, вице-президентъ подполковникъ Апухтинъ, асессоры:

нiй, чтобы они были разсмотрѣны и утверждены сенатомъ, такъ что обѣщанiе указа 22 дек. 1718 г. осталось невыполненнымъ [1]).

Въ этихъ проектахъ инструкцiй областнымъ судамъ мы встрѣчаемся съ проблесками тѣхъ гуманныхъ началъ правосудiя, которыя достигли полнаго разцвѣта позже въ екатерининскомъ Наказѣ, и нѣкоторыя статьи проектовъ, говорящiя о гуманныхъ задачахъ суда, можно смѣло поставить рядомъ съ относящимися до суда параграфами этого знаменитаго памятника. Такъ, инструкцiя надворному суду предписываетъ ему «въ цѣлости правду содержать съ всесовершенною вѣрностью и со всемѣрною прилежностью безъ всякаго лицемѣрiя, не взирая ни на чье лицо, кто бы какого званiя и имени ни былъ», въ особенности же «обидимымъ всегда оказывать правосудiе и безволокитное рѣшенiе». Устанав-

капитанъ Воейковъ, капитанъ Харитоновъ, поручикъ Кобелевъ, прапорщикъ Сколковъ. Дѣла сен. кн. 126, л. 266. П. С. З. № 3344. Дѣла юст.-колл. вязка 1967, д. 6. Дѣла сен. кн. 649, л. 594. Дѣла сен. кн. 648, л. 400 и сл.; кн. 1882, л. 107; кн. 1886, 1720 г. 8 марта и 1 сент.; кн. 649, л. 132.; кн. 1887, 1721 г. 27 марта. Дѣла юстицъ-кол. в. 1955, д. 43; вязка 1966, д. 2; вязка 1961, д. 13. Дѣла сен. кн. 704, л. 180. Дѣла юст.-колл., вязка 1961, д. 10; вязка 1965, д. 22; вязка 1964, д. 36; вязка 1968, д. 4. Дѣла сен. кн 227, л. 609. Дѣла юст.-колл., вязка 1967, д. 5. Въ книгѣ *Кириллова* «Цвѣтущее состоянiе всероссiйскаго государства» можно найти слѣдующiя свѣдѣнiя о составѣ надворныхъ судовъ за 1726 г.: *Петербургскiй*: вице-президентъ полк. Ергольскiй, асессоры изъ царедворцевъ: П. Квашнинъ-Самаринъ, И. Веригинъ. *Ярославскiй*: вице-президентъ полк. Ѳед. Вельяминовъ, асессоровъ 4. *Московскiй*: президентъ ген.-маiоръ В. Зотовъ, асессоровъ 5. *Смоленскiй*: президентъ вице-губернаторъ ген.-м. Панинъ, вице-президентъ изъ смоленской шляхты И. Потемкинъ, асессоровъ 3. *Курскiй*: президентъ бригадиръ Ларiоновъ, вице-президентъ подполк. Батуринъ, асессоровъ 3. *Воронежскiй*: президентъ губернаторъ Измайловъ, вице-президентъ полк: В. Стремоуховъ, асессоровъ 4. *Нижегородскiй*: президентъ вице-губернаторъ Ржевскiй, вице-президентъ кн. В. Гагаринъ, асессоровъ 2. *Казанскiй*: президентъ—вакансiя, вице-президентъ тоже, асессоровъ 3. *Тобольскiй*: президентъ—вак.; вице-президентъ—вак., асессоры: майоры: кн. Ник. Кондыревъ, Артемiй Каратѣевъ, капитанъ Ѳед. Милюковъ. *Енисейскiй*: президентъ полк. Адрiанъ Возницынъ, вице-президентъ подполк. Григ. Апухтинъ, асессоровъ — 4. *Рижскiй* — гофгерихтъ: президентъ генералъ-губернаторъ, вице-президентъ—1: асессоровъ 11. *Ревельскiй*—оберъ-ландгерихтъ: 12 ландратовъ.

[1]) П. С. З. № 3261. Госуд. арх., кабин. д. II, 42, л. 610 и сл. Инструкцiи эти находятся въ М. Арх. М. Юстицiи въ дѣлахъ сената: кн. 382, лл. 190—254. Инструкцiя надворнымъ судамъ состоитъ изъ 49 статей. Инструкцiя нижнимъ судамъ относится уже къ провинцiальнымъ судамъ, преобразованнымъ указами 1722 года, и состоитъ изъ 18 статей, по большей части, повторяющихъ соотвѣтствующiя статьи первой. Мы печатаемъ эти любопытные документы въ приложенiи I.

ливая порядокъ коллегіальнаго рѣшенія дѣлъ, инструкція предписываетъ въ случаѣ раздѣленія мнѣній: гражданскія дѣла рѣшать по большинству голосовъ, а при равенствѣ голосовъ принимать то рѣшеніе, къ которому присоединяется президентъ; въ уголовныхъ же дѣлахъ при равенствѣ голосовъ принимать мнѣніе той стороны, которая стоитъ за болѣе снисходительный и выгодный для обвиняемаго приговоръ, «*понеже*», какъ гласитъ одна изъ статей, «*разумъ наономъ основаніи правитъ весьма повелѣваетъ, ибо въ сомнительныхъ и не въ ясныхъ дѣлѣхъ сей способъ праведнѣе и безопаснѣе естъ—лучше повиннаго оправдатъ, нежели неповиннаго безразсмотрительно осуждатъ*». Таковы были указанные инструкціей принципы, которыми должно было руководиться судопроизводство съ его внутренней стороны. Въ правилахъ, регулирующихъ внѣшнюю сторону дѣятельности судебныхъ учрежденій, замѣтна другая черта, общая всей бюрократической системѣ Петра Великаго, это—полное недовѣріе высшихъ органовъ къ низшимъ. Отсюда постоянный и всесторонній контроль начальства, слѣдящій за каждымъ движеніемъ подчиненнаго, и, какъ средство контроля, развитіе письменнаго дѣлопроизводства. Каждый шагъ суда долженъ былъ оставлять свой слѣдъ на бумагѣ, и въ инструкціяхъ находится не мало правилъ, опредѣляющихъ: порядокъ письменныхъ сношеній судовъ между собою, веденіе протоколовъ, въ которые заносится все происходившее на судѣ особымъ спеціально для того существующимъ чиновникомъ—нотаріусомъ, и которые «помѣсячно надлежитъ на бѣло переписывать, присматривая, повсягодно переплетать и съ надлежащими реестрами хранить», составленіе различныхъ книгъ, въ которыя должны записываться «криминальные» приговоры и гражданскія рѣшенія, получаемыя и отправляемыя бумаги «по нумерамъ и поденно», и другія детали канцелярскаго устройства [1]).

Въ одномъ эти инструкціи рѣзко отличаются отъ инструкцій чинамъ администраціи, изданныхъ въ 1719 г. Послѣднія не опирались на опытъ; онѣ регулировали дѣятельность совершенно новыхъ, впервые вводимыхъ учрежденій, для которыхъ диктовали новыя, не эмпирическимъ путемъ добытыя нормы, и впослѣдствіи дополнялись, развивались и измѣнялись отдѣльными указами и распоряженіями. Совершенно наоборотъ, инструкціи судебнымъ учрежденіямъ не имѣли такого самостоятельнаго новаторскаго характера. Онѣ были составлены уже довольно поздно, когда судебныя учрежденія, регулировать дѣятельность которыхъ было ихъ задачей, примѣнены были на практи-

[1]) Приложеніе I. Инстр. надворнымъ судамъ, ст. 21, 24, 2, 3, 44, 18.

кѣ, дѣйствовали, даже пережили одинъ періодъ своего существованія и подверглись реформамъ въ своихъ частяхъ. Онѣ послѣдовали за многими общими регламентами и частными указами, которые нормировали довольно полно порядокъ отправленія правосудія, и ограничивались лишь кодификаціонной работой, лишь сводомъ предыдущихъ постановленій, извлекая общія нормы коллегіальнаго дѣлопроизводства изъ генеральнаго регламента, а различныя частныя правила, касающіяся именно судебной сферы—изъ отдѣльныхъ спеціальныхъ указовъ, на которые онѣ и ссылаются [1]). Вотъ почему, оставшись только проектами, не обращенными въ законъ апробаціей сената, инструкціи надворнымъ и нижнимъ судамъ могутъ отражать въ себѣ дѣятельность этихъ учрежденій въ той же мѣрѣ, какъ если бы онѣ имѣли характеръ закона, такъ какъ онѣ заимствуютъ свое содержаніе изъ дѣйствовавшаго законодательства. Будучи сводомъ существовавшихъ постановленій объ устройствѣ и порядкѣ дѣйствія судебныхъ учрежденій, онѣ рисуютъ намъ этотъ порядокъ съ его нормальной стороны, не изображая его, конечно, съ дѣйствительной, несомнѣнно во многомъ отступавшей отъ первой, показываютъ его такимъ, какимъ онъ долженъ былъ быть, а не такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности. Онѣ и могутъ служить намъ надежными источниками для изученія этого нормальнаго порядка, съ которымъ мы теперь и познакомимся.

Составляя низшую инстанцію относительно юстицъ-коллегіи, будучи ей подчиненъ и находясь «подъ особливымъ ея повелѣніемъ и указами», какъ выражается инструкція, надворный судъ не лишенъ

[1]) Такъ, инструкція надворному суду ссылается на слѣдующіе законодательные акты: генеральный регламентъ (П. С. З. № 3534) вообще и въ частности на главы: II, III, IV, V, VII, VIII, X, XIII, XVI, XXIX, XXX, LI, LII; регламентъ главнаго магистрата, гл. IX; уложеніе, гл. X, ст. 124; отдѣльные указы: 4 февр. 1706 г.; 17 марта, 1714 г. (П. С. З. № 2786); 4 апр. 1714 (№ 2791); 28 янв. 1715 г. (№ 2879); 19 янв. 1718 г. (№ 3143); 22 дек. 1718 (№ 3261); 24 янв. 1719 г. (№ 3290); 19 марта 1719 г. (№ 3333); 13 апр. 1719 (?); 19 іюня 1719 (?); 10 авг. 1719 г. (№ 3415—12 авг.); 19 авг. 1719 (?); 2 окт. 1719 (?); 14 окт. 1719 г. (№ 3435—15 окт.); 21 окт. 1719 г. (№ 3438); 5 янв. 1720 г. (№ 3480); 19 янв. 1720 г. (№ 3493); 27 янв. 1721 г. (?); 8 марта 1721 г. (№ 3761—15 марта); 28 апр. 1721 г. (?); 15 мая 1721 г. (?); 31 мая 1721 г. (?); 3 іюня 1721 г. (?); 8 ноября 1721 г. (№ 3847); 19 ноября 1721 г. (№ 3854); 18 янв. 1722 г. (№ 3880); 27 февр. 1722 г. (№ 3904—8 февр.); 4 апр. 1722 г. (№ 3947); 16 апр. 1722 г. (?); 18 апр. 1722 г. (№ 3970—17 апр.); 28 апр. 1722 г. (№ 3984).

однако нѣкоторой доли самостоятельности, выражающейся въ правѣ возраженія. Если онъ усмотритъ, что какое-нибудь распоряженіе коллегіи противно указамъ и высокому интересу его величества, онъ, не исполняя предписаннаго, обязанъ представить о томъ коллегіи; но, если коллегія останется при своемъ мнѣніи и подтвердитъ предписанное, то надворный судъ обязанъ распоряженіе коллегіи исполнить, однако немедленно долженъ довести о немъ до свѣдѣнія сената. Слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ инструкція внѣшній порядокъ дѣятельности надворнаго суда. Надворный судъ собирается въ засѣданіе въ назначенные дни и часы. Членъ суда, опаздывающій къ засѣданію безъ уважительной причины, уплачиваетъ штрафъ въ размѣрѣ ста копѣекъ за каждый просроченный часъ. Въ случаѣ невозможности прибыть въ судъ должно быть прислано письменное извѣщеніе. Инструкція выражаетъ настойчивое требованіе, чтобы въ собраніе суда по возможности являлись всѣ члены, чтобы за отлучками ихъ челобитчики въ дѣлахъ своихъ волокиты не терпѣли. Для предварительной подготовки и доклада дѣла распредѣляются между отдѣльными членами. Президентъ суда начальствуетъ надъ канцеляріей, наблюдаетъ за дѣятельностью членовъ и, если замѣтитъ, «что нѣкоторый изъ нихъ малоразуменъ или по должности чина его отъ слабости дѣла свои отправлять не можетъ», долженъ донести о немъ юстицъ-коллегіи. Онъ назначаетъ дѣла къ слушанію по очереди ихъ вступленія въ судъ, отнюдь не дозволяя «послѣднимъ челобитчикамъ упрежденія передъ первыми, кромѣ крайнихъ и самыхъ необходимыхъ причинъ». Президентъ, ведя процессъ, говоритъ одинъ, прочіе же члены хранятъ молчаніе, прерывая его только въ тѣхъ случаяхъ, «когда что припамятовать понадобится»; только тогда имъ разрѣшалось «съ надлежащимъ почтеніемъ ему, президенту, объявить, и того безъ крайней нужды имъ не чинить, дабы честный порядокъ и власть того суда въ добромъ респектѣ тѣмъ состоялась, ибо изъ того безстройство и смущеніе не малое приключается, ежелибъ всякъ изъ нихъ, членовъ, говорилъ и другъ другу въ слушаніи дѣлъ мѣшалъ». Во время совѣщанія президентъ отбираетъ мнѣнія членовъ по порядку, не высказывая заранѣе своего, чтобы никто изъ членовъ не имѣлъ повода соглашаться съ нимъ «для угожденія какого или ради страха». По окончаніи судебнаго разбирательства составляется выписка изъ дѣла, закрѣпляемая подписями сторонъ, которая и служитъ основаніемъ для совѣщанія; однако для справокъ предписывается имѣть на столѣ и подлинное дѣло. Въ случаѣ разногласія записываются въ протоколъ мотивированныя мнѣнія отдѣльныхъ членовъ, и дѣло, какъ мы видѣли, рѣшается различнымъ порядкомъ

въ зависимости отъ того, будетъ ли оно гражданское или уголовное. До произнесенія приговора каждый членъ суда, высказавъ свое мнѣніе, можетъ его перемѣнить, если признаетъ мнѣніе другаго основательнѣе. «Всякое упрямство въ голосахъ» инструкція предписываетъ оставить, «ибо то упрямство есть едина изъ самыхъ большихъ человѣческой жизни злоба, которая наипаче помрачаетъ судью, которому весьма надлежитъ свое мнѣніе и склонность на одну правду имѣть». Всѣ, участвовавшіе въ совѣщаніи, обязаны хранить его тайну, «понеже молчаніе есть едина отъ начальнѣйшихъ добродѣтелей судьямъ». За несоблюденіе инструкціи и указовъ надворнымъ судамъ грозило «жестокое истязаніе»[1]).

За правильностью дѣлопроизводства въ надворныхъ судахъ должны были слѣдить учрежденные при нихъ съ 1722 г. прокуроры. Какъ извѣстно, съ этого времени для контроля дѣйствій преобразованнаго правительственнаго и судебнаго механизма вводится особый органъ надзора въ видѣ генералъ-прокурора при сенатѣ, стоящаго во главѣ цѣлой системы прокуроровъ. Обязанности генералъ-прокурора двоякаго рода: во-первыхъ, надзоръ за ходомъ дѣлъ въ самомъ сенатѣ; во-вторыхъ, надзоръ за дѣятельностью другихъ правительственныхъ учрежденій. При центральныхъ учрежденіяхъ, коллегіяхъ, были въ то же время поставлены прокуроры, по одному при каждой, подчиненные генералъ-прокурору. Однако надзоръ генералъ-прокурора не ограничивался сферой высшихъ центральныхъ учрежденій; онъ идетъ далѣе, въ область, завершая собою до него существовавшую и дѣйствовавшую на иныхъ началахъ систему фискаловъ. Нѣсколько дней спустя послѣ указа 12 янв. 1722 г., установившаго должности генералъ-прокурора при сенатѣ и прокуроровъ при коллегіяхъ, состоялось повелѣніе: «прокурорамъ быть и въ надворныхъ судахъ». Отличительною особенностью прокуратуры было отсутствіе въ ея построеніи развитаго іерархическаго начала, и прокуроры надворныхъ судовъ не были подчинены прокурору юстицъ-коллегіи, хотя сами надворные суды были ей подчинены. Ихъ непосредственнымъ начальникомъ былъ генералъ-прокуроръ. Какъ этотъ послѣдній на образномъ языкѣ Петра былъ названъ «окомъ государевымъ», такъ прокуроры коллегій и судовъ получили названіе очей генералъ-прокурора, сдѣлавшись его прямыми агентами. Сложное іерархическое начало, по всей вѣроятности, установилось бы въ прокуратурѣ при болѣе широкомъ развитіи этого института; но прокуроры были установлены лишь при настолько немногихъ учрежде-

[1]) Приложеніе I. Инструкція надворн. суд.: 2, 3, 4, 7, 8, 22, 18, 19, 23.

ніяхъ, что не предвидѣлось затрудненій для генералъ-прокурора, при которомъ еще состоялъ особый помощникъ, вести съ ними сношенія непосредственно. Легко замѣтить, что границы расширенія прокурорской системы опредѣлялись стремленіемъ вводить особаго прокурора только въ наиболѣе обширныя коллегіальныя учрежденія: сенатъ, синодъ, коллегіи, надворные суды. Для наблюденія за дѣятельностью немногочисленныхъ по составу коллегій въ родѣ позднѣйшихъ трехчленныхъ провинціальныхъ судовъ считалось достаточнымъ фискальскаго надзора.

Обязанности второстепенныхъ очей были тѣ же, что и обязанности главныхъ, разумѣется, въ предѣлахъ болѣе узкаго горизонта. Онѣ опредѣлены адмиралтейскимъ регламентомъ, глава котораго: «О должности прокурора» стала образцомъ для инструкцій прокурорамъ коллегій и надворныхъ судовъ. Онѣ также заключаются въ надзорѣ двоякаго рода: за ходомъ дѣлъ въ самомъ надворномъ судѣ, осуществляемомъ непосредственнымъ участіемъ прокурора въ дѣлопроизводствѣ этого суда и, затѣмъ, за дѣятельностью судовъ, подчиненныхъ надворному, черезъ областныхъ фискаловъ, отъ которыхъ прокуроръ долженъ принимать доношенія, предлагать послѣдвія на усмотрѣніе суда, при которомъ состоитъ, и возбуждать по нимъ производство, «инстиговать». Предметами прокурорскаго надзора въ самомъ дѣлопроизводствѣ надворнаго суда являются: во-первыхъ, скорость дѣлопроизводства; ему предписывается «смотрѣть накрѣпко, чтобы коллегія (въ данномъ случаѣ надворный судъ) «безъ потерянія времени всѣ дѣла порядочно отправляла.., чтобъ не на столѣ токмо дѣла вершились, но чтобъ по онымъ самыя дѣйства по указамъ, какъ скоро возможно, исполнены были». Во-вторыхъ, правильность дѣлопроизводства, точное исполненіе указовъ и согласіе судебныхъ рѣшеній съ законами; онъ обязанъ «смотрѣть, чтобы коллегія въ судахъ и расправѣ праведно и нелицемѣрно поступала». Позже изданный отдѣльный указъ присоединялъ къ прокурорскимъ обязанностямъ наблюденіе за тѣмъ, чтобы служащіе въ коллегіи: и члены, и канцелярскій персоналъ, сдѣлавъ выписки изъ генеральнаго регламента о своихъ обязанностяхъ, затверживали ихъ путемъ такого же частаго чтенія, какъ читаются солдатамъ выписки изъ воинскаго артикула. Цѣлью этого распоряженія было болѣе близкое знакомство коллегій съ закономъ и болѣе строгое его исполненіе. За отступленіе отъ своихъ обязанностей и въ особенности за послабленіе въ случаѣ замѣченныхъ непорядковъ прокуроръ несъ тяжелую отвѣтственность: ему грозила смертная казнь или ссылка въ вѣчную каторгу съ рваньемъ ноздрей и конфискаціей

имущества. Хотя система фискаловъ и вступила въ служебныя отношенія къ прокуратурѣ, но прокурорскій надзоръ отличался отъ фискальскаго существенными чертами: прокуроры участвовали въ самомъ дѣлопроизводствѣ коллегій, присутствуя въ ихъ засѣданіяхъ, тогда какъ фискалы въ засѣданіяхъ участія не принимали. Поэтому прокурорскій надзоръ предупреждалъ нарушеніе закона, тогда какъ фискалу приходилось имѣть дѣло уже съ совершившимся его нарушеніемъ. Наконецъ, дѣятельность фискала имѣла обвинительный характеръ, онъ возбуждалъ обвиненіе въ нарушеніи закона передъ тѣмъ или другимъ судебнымъ трибуналомъ, выступая такимъ образомъ въ роли современнаго намъ прокурорскаго надзора. Дѣятельность петровскаго прокурора такого обвинительнаго характера не имѣла: о замѣченныхъ непорядкахъ онъ доносилъ генералъ-прокурору, не возбуждая никакого судебнаго преслѣдованія [1]).

Средствомъ, которымъ прокуроръ надворнаго суда обладалъ для осуществленія возложенной на него обязанности надзора, было прежде всего личное его наблюденіе за дѣлопроизводствомъ. Законъ предоставлялъ ему широкую возможность слѣдить за дѣлопроизводствомъ суда, присутствуя въ его засѣданіяхъ или путемъ справокъ въ его канцеляріи, обязанной въ этомъ случаѣ безусловно исполнять требованія прокурора безъ всякаго предварительнаго доклада суду. Затѣмъ, если что либо ускользало отъ личнаго наблюденія прокурора, сами участвующія въ судѣ стороны обращали его вниманіе на то или другое отступленіе отъ закона. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, рисующихъ участіе прокуроровъ въ дѣйствіяхъ надворныхъ судовъ въ виду того, что дѣятельность прокуроровъ въ ея практикѣ мало изслѣдована.— Въ 1723 году въ московскомъ надворномъ судѣ въ первой инстанціи разбиралось дѣло о ссорѣ двухъ помѣщицъ сосѣдокъ: Е. Ѳ. Зотовой, жены извѣстнаго генералъ-ревизора В. Н. Зотова, съ А. Е. Бутурлиной изъ за рыбной ловли въ общемъ прудѣ. Повѣренный Зотовой во время процесса подалъ прокурору суда кн. Гагарину заявленіе объ одномъ упущеніи въ ходѣ дѣла, а именно: не было послано по приговору надворнаго суда отношеніе въ петербургскій надворный судъ о допросѣ нѣкоторыхъ свидѣтелей по дѣлу, жившихъ въ Петербургѣ. Прокуроръ согласился съ этимъ заявленіемъ и сдѣлалъ соотвѣтствующее предложеніе суду. Такія предложенія, устныя и письменныя, были

[1]) П. С. З. №№ 3880, 3937, гл. II, 3981: регламентъ о управленіи адмиралтейства, гл. II, п. 1, 2, 3, 4. П. С. З. № 4422. *Муравьевъ*, Русскій прокурорскій надзоръ отъ Петра В. до Екатерины II, Юридическій Вѣстникъ т. XXIX.

однимъ изъ результатовъ, къ которымъ приводило наблюденіе прокурора за производствомъ дѣла. Они дѣлались и во время процесса, и послѣ приговора. — Въ ярославскомъ надворномъ судѣ въ качествѣ также первой инстанціи было въ 1723 г. возбуждено помѣщикомъ Бѣлеутовымъ обвиненіе противъ помѣщика Шестакова въ наѣздѣ людей Шестакова въ его, Бѣлеутова, имѣніе, по которому состоялся обвинительный приговоръ противъ Шестакова, отказавшагося представить наѣзжавшихъ людей. Но прокуроръ нашелъ основанія, по которымъ это дѣло не могло быть рѣшено безъ участія высшей инстанціи, и дѣло было отослано въ юстицъ-коллегію. Въ томъ же году въ московскомъ надворномъ судѣ шла тяжба между наслѣдниками умершаго полковника и гвардіи капитана В. И. Чаадаева, оставившаго духовную, по которой онъ завѣщалъ согласно съ закономъ о единонаслѣдіи $^1/_4$ недвижимости женѣ, всю остальную недвижимость старшему сыну, а движимость въ раздѣлъ между нѣсколькими младшими дѣтьми, сыновьями и дочерьми поровну. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказывалъ старшему сыну въ возмѣщеніе шести тысячъ рублей изъ женина приданаго, которые онъ прожилъ, выдѣлить ей нѣсколько деревень изъ своей доли, если это будетъ позволено по указамъ. Старшій сынъ и оспаривалъ именно этотъ пунктъ завѣщанія, доказывая при помощи сговорной записи, что шести тысячъ отецъ въ приданое за его мачихою не получалъ, деревни же велѣлъ выдѣлить мачихѣ не для инаго чего, какъ для раздѣла ихъ между остальными дѣтьми въ обходъ закона о единонаслѣдіи. Самъ онъ, хотя и приложилъ къ духовной покойнаго руку, однако сдѣлалъ это, только боясь «отцовскаго заклятія». Прокуроръ во время процесса внесъ въ судъ представленіе, въ которомъ указывалъ на противорѣчіе спорнаго пункта завѣщанія закону о единонаслѣдіи и предложилъ обратиться за разъясненіемъ къ юстицъ-коллегіи. — Любопытное предложеніе было сдѣлано прокуроромъ того же суда по дѣлу о взысканіи капитаномъ Голенищевымъ-Кутузовымъ съ Бориса Бидѣева четырехсотъ рублей неустойки по одной записи, выданной истцу отцомъ отвѣтчика. Отвѣтчикъ былъ присужденъ къ уплатѣ. Прокуроръ однако обратилъ вниманіе на заявленное вдовой покойнаго Бидѣева, мачихой отвѣтчика, подозрѣніе въ подлинности записи, ссылавшейся на то, что запись помѣчена 196 (1688) годомъ, а между тѣмъ мужъ ея скончался во время *послѣдняго* крымскаго похода, который она относила къ 195 (1687) г. Прокуроръ, обнаруживая невысокій уровень своихъ свѣдѣній по новѣйшей отечественной исторіи, указалъ суду, что дѣло вершено, «не справясь о крымскомъ послѣднемъ походѣ, въ которомъ году былъ, а надлежало бы справиться о томъ

послѣднемъ крымскомъ походѣ, гдѣ надлежитъ, а по справкѣ можетъ быть, что оная крѣпость явится и подлинно подозрительна». Черезъ нѣсколько дней судъ обсуждалъ это письменное мнѣніе прокурора и не обладая большею сравнительно съ нимъ твердостью въ хронологіи, приговорилъ: по предложенію прокурора «о крымскомъ послѣднемъ походѣ, въ которомъ году тотъ походъ былъ, справиться промеморіей съ герольдмейстерской канцеляріей для изслѣдованія по сему дѣлу сущей правды». Въ своемъ отвѣтѣ на эту промеморію герольдмейстерская канцелярія просила, чтобы московскій надворный судъ «благоволилъ вѣдать, что послѣдній крымскій походъ былъ въ 197 (1689) году», и такимъ образомъ справка дала аргументъ не въ пользу отвѣтчика. Судъ обязанъ былъ принять во вниманіе предложеніе прокурора, въ противномъ случаѣ прокуроръ могъ предъявить протестъ противъ того или другаго дѣйствія суда и обратиться съ доносомъ къ генералъ-прокурору, и это былъ второй возможный результатъ прокурорскаго наблюденія за ходомъ дѣлопроизводства. Такъ, прокуроръ того же московскаго надворнаго суда доноситъ по начальству, что въ судѣ «происходитъ челобитчикамъ волокита, а паче колодникамъ задержаніе», вслѣдствіе неаккуратности канцелярскаго персонала, который не во время отлучается изъ канцеляріи и приходитъ туда не въ указные часы. Онъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ доносу послѣ того, какъ судомъ не было принято никакихъ мѣръ по его многократнымъ словеснымъ и письменнымъ предложеніямъ [1]).

Надворному суду были подсудны дѣла, какъ уголовныя—«криминальныя» по терминологіи инструкціи, различающей ихъ отъ гражданскихъ, такъ и эти послѣднія. Какъ мы уже видѣли выше, ему подлежали также преступленія по должности даже такихъ высокихъ чиновъ мѣстной администраціи, какими были воеводы. Дѣла, ему подсудныя, надворный судъ рѣшалъ или въ качествѣ высшей инстанціи относительно нижнихъ судовъ, откуда эти дѣла попадали къ нему путемъ переноса, или въ качествѣ первой инстанціи. Въ этомъ послѣднемъ значеніи онъ выступаетъ по нѣкоторымъ родамъ дѣлъ, а именно: по дѣламъ о преступленіяхъ по должности, по разслѣдованію фискальскихъ доносовъ. Иногда мы видимъ его въ качествѣ первой инстанціи благодаря случайнымъ обстоятельствамъ. Такъ, въ Петербургѣ еще весной 1721 г. не былъ сформированъ нижній судъ, и дѣла для жи-

[1]) П. С. З. № 3981, гл. II, п. 5. Дѣла моск. надв. суда, вязка 2, д. 16. Дѣла юстицъ-коллегіи, вязка 1967, д. 2. Дѣла моск. надв. суда, вязка 2, д. 5. Дѣла юстицъ-коллегіи, вязка 1970, д. 31; вязка 1964, д. 8.

телей Петербурга начинались прямо въ надворномъ, подобно тому, что происходило, какъ мы уже знаемъ, и въ юстицъ-коллегіи. Здѣсь также имѣло силу то обычное для того времени правило, по которому трибуналъ высшей инстанціи былъ первою для того мѣста, гдѣ онъ находился. Съ 1722 г. это правило нашло себѣ ясное подтвержденіе и въ законѣ, устранившемъ нижніе суды въ тѣхъ городахъ, гдѣ находились надворные. Въ качествѣ первой инстанціи въ надворномъ судѣ разсматриваются даже мелкія уголовныя дѣла и гражданскіе иски. Такъ, московскій надворный судъ разбиралъ въ 1723 г. искъ о займѣ сорока рублей, дѣло о недоплатѣ трехъ рублей за нанятыя подводы, обвиненіе въ уводѣ лошади, дѣло о кражѣ одежи въ кабакѣ на сумму въ четыре рубля, о свозѣ хлѣба съ пустоши и т. п. Въ особенности много дѣлъ поступало въ надворный судъ по тяжбамъ о крѣпостныхъ людяхъ. Въ судъ приводились также бѣглые крѣпостные ихъ владѣльцами для утвержденія ихъ за собою, и въ этомъ случаѣ этотъ «вышній судъ» исполнялъ ту же самую функцію, которая въ уѣздѣ исполнялась городовымъ судьей или земскимъ комиссаромъ.

Въ компетенціи надворнаго суда были однако ограниченія по роду дѣлъ и по роду лицъ ему неподсудныхъ. Само собою разумѣется, что тѣмъ болѣе эти же ограниченія касались и нижнихъ судовъ, подчиненныхъ надворному. По нѣкотораго рода дѣламъ лица всѣхъ сословій были изъяты закономъ изъ подсудности надворному суду. Таковы были дѣла по политическимъ преступленіямъ: «объ умышленіи на государево здоровье, о бунтѣ и измѣнѣ». Обвинителей по такимъ преступленіямъ, людей, сказавшихъ за собой «государево слово», надворные суды должны были немедленно, не разспрашивая, отсылать въ особые политическіе трибуналы: въ преображенскій приказъ или въ тайную канцелярію. Туда же велѣно было отсылать и обвиняемыхъ подъ крѣпкимъ карауломъ, заковавъ въ ручныя и ножныя желѣза. Вѣдѣнію надворнаго суда не подлежали также поземельныя дѣла, для которыхъ учреждена была особая вотчинная коллегія, замѣнившая собою помѣстный приказъ. Съ другой стороны, нѣкоторыя общественныя группы были изъяты изъ подсудности надворному, слѣдовательно, и нижнимъ по всѣмъ дѣламъ. Такъ, офицеры и солдаты преображенскаго и семеновскаго полковъ имѣли привилегію судиться въ преображенскомъ приказѣ по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ въ качествѣ истцовъ и отвѣтчиковъ. Такая исключительная подсудность была крайне невыгодна для лицъ, съ которыми судились привилегированные, вводя ихъ въ издержки на поѣздку и житье въ столицѣ, и кромѣ того влекла за собою путаницу въ ходѣ судебнаго дѣла, которое отражало въ своемъ

движенiи перемѣны въ служебной карьерѣ лица, въ немъ участвующаго. Въ 1715 г. въ Веневѣ еще у ландрата С. М. Хрущева началась тяжба между мѣстными помѣщиками Домнинымъ и Макшеевымъ о бѣглыхъ крестьянахъ. Въ 1717 г. она была перенесена по апелляцiи къ московскому губернатору и разбиралась въ «канцелярiи земскихъ дѣлъ», утвердившей приговоръ ландрата, постановленный не въ пользу Домнина. Тогда Домнинъ ухватился за новое средство; припомнивъ, что онъ, какъ солдатъ семеновскаго полка, имѣетъ право судиться въ преображенскомъ приказѣ, онъ потребовалъ переноса дѣла туда. Въ 1719 году оно было вытребовано въ этотъ приказъ. Но въ 1725 г. оно было возвращено по ходатайству противной стороны въ московскiй надворный судъ, такъ какъ Домнинъ успѣлъ за это время перейти изъ семеновскаго полка въ другой. Наиболѣе обширною изъ такихъ изъятыхъ группъ было посадское населенiе городовъ, которое регламентъ главнаго магистрата подчинялъ юрисдикцiи городовыхъ магистратовъ и въ качествѣ высшей инстанцiи главному. Между магистратами уѣздныхъ и провинцiальныхъ городовъ и главнымъ магистратомъ устанавливалось отношенiе инстанцiй, соотвѣтствовавшее системѣ нижнихъ судовъ, надворныхъ и юстицъ-коллегiи. Общимъ судебнымъ учрежденiямъ строго, хотя очень часто и безрезультатно, воспрещалось «касаться» посадскаго населенiя, подсуднаго магистратамъ, и въ юстицъ-коллегiю поступало много жалобъ на ея судей въ томъ, что они, нарушая запрещенiе, чинятъ купечеству въ городахъ многiя обиды и разоренiя. Мы увидимъ примѣры того, какъ, наоборотъ, иногда само это купечество предпочитаетъ юрисдикцiю общихъ судовъ своимъ магистратамъ и обращается къ первымъ. Только въ одномъ случаѣ надворный судъ могъ вмѣшиваться въ судебныя дѣла горожанъ. Это былъ случай такъ называемаго «смѣснаго суда». Дѣла между посадскими людьми и лицами другихъ состоянiй, «не магистратскаго вѣдѣнiя», подсудными общему суду, должно было разбирать соединенное присутствiе изъ судей надворнаго суда и магистрата, къ вѣдомству которыхъ относились участвующiя въ дѣлѣ лица поровну съ каждой стороны, причемъ предсѣдательство въ такомъ присутствiи опредѣлялось состоянiемъ отвѣтчика. Если послѣднiй былъ посадскiй человѣкъ, предсѣдательство принадлежало одному изъ членовъ магистрата, въ противоположномъ случаѣ—одному изъ надворныхъ судей. Въ случаѣ затрудненiй въ процессѣ каждая изъ составныхъ частей такого присутствiя обращалась за руководствомъ къ своей высшей инстанцiи: члены надворнаго суда въ юстицъ-коллегiю, члены магистрата въ главный магистратъ. Къ сожалѣнiю намъ не встрѣтилось ни одного практиче-

скаго случая такого совмѣстнаго разбирательства, и потому трудно сказать, насколько оно было усвоено дѣйствительною жизнью. Это изъятіе посадскихъ людей изъ подсудности надворнымъ судамъ было значительнымъ отклоненіемъ отъ судебныхъ порядковъ Швеціи, гдѣ эти суды были высшею инстанціей также и для городовыхъ магистратовъ. Наконецъ, нѣкоторыя общественныя группы подлежали общимъ судебнымъ учрежденіямъ только по нѣкоторымъ дѣламъ. Населеніе церковныхъ земель, такъ называемая «синодальная команда», судилось въ общихъ судахъ только по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ и по всѣмъ дѣламъ только съ лицами другихъ состояній, подвѣдомственныхъ общимъ судамъ; по гражданскимъ же тяжбамъ и мелкимъ уголовнымъ дѣламъ между собою—у своихъ спеціальныхъ властей, управлявшихъ церковными вотчинами. Таковы были изъятія изъ подсудности общему суду по закону. На практикѣ сфера изъятія еще болѣе расширялась. Въ такихъ же случаяхъ, т. е. по гражданскимъ и мелкимъ уголовнымъ дѣламъ между собою, крестьяне крѣпостные обращались къ вотчинной юстиціи, черные судились у своихъ выборныхъ судей, дворцовые у управителей дворцовыхъ вотчинъ. Такимъ образомъ надворный судъ не охватывалъ своею юрисдикціей всѣхъ классовъ общества, и продолжало дѣйствовать старое начало, по которому каждая общественная группа судилась у своихъ судей въ особомъ спеціальномъ приказѣ. Общая юстиція не привлекала къ себѣ и всей суммы судебныхъ дѣлъ государства, и значительное ихъ количество не достигало трибунала судьи или обходило его [1]).

Таковы были составъ, порядокъ дѣятельности и сфера компетенціи надворныхъ судовъ. Въ томъ видѣ, какъ эти учрежденія стали существовать въ Россіи, они сильно разнились отъ своего шведскаго образца. Въ Швеціи надворный судъ былъ высшимъ трибуналомъ, постановляющимъ окончательныя рѣшенія, на которыя не допускалось

[1]) Дѣла елатомскаго уѣзди. суда по III оп. № 12. Дѣл. сен. кн. 1887: «1721 г. марта 3 дня прав. сенатъ приказали:.... арзамасскаго воеводу кн. Оболенскаго ко изслѣдованію того дѣла изъ той провинціи выслать въ Москву въ надворный судъ». Дѣл. сен. кн. 198, л. 433. Дѣл. моск. надв. суда, вязка 2, д. 2, 14, 15, 20, 22 и др. Дѣла юстицъ-коллегіи, вязка 1966, д. 160. Дѣла моск. надв. суда, вязка 1, д. 10. Госуд. архивъ, каб. д. II, 43, л. 170—173: преображенскій приказъ отказывается считать юстицъ-коллегію высшей относительно себя инстанціей. Дѣла юстицъ-колл., вязка 1965, д. 22. Инструкція надв. судамъ (прилож. I), ст.: 25, 38, 39. Регламентъ главн. магистр. гл. IX. П. С. З. №№ 3761, 3854.

апелляціи. Въ Россіи онъ получилъ двойственное значеніе, въ обоихъ случаяхъ отличное отъ оригинала. Во-первыхъ, онъ отступалъ отъ оригинала, какъ средняя инстанція между нижними судами и юстицъ-коллегіей, на которую приносились жалобы въ юстицъ-коллегію. Затѣмъ, еще болѣе русскій надворный судъ отклонялся отъ оригинала и отъ первоначальнаго проекта, сдѣлавшись не только апелляціонной, но и первой инстанціей, разбиравшей самыя незначительныя гражданскія и уголовныя дѣла. Вотъ почему трудно согласиться съ мнѣніемъ проф. Градовскаго, утверждавшаго по поводу введенія прокуратуры въ надворные суды, что послѣдніе «*считались* такъ же центральными учрежденіями, какъ и коллегіи, хотя и были расположены въ областяхъ». Прежде всего, находясь въ областяхъ, они въ эпоху Петра не могли уже по этому самому считаться центральными, такъ какъ различіе между центральными и областными учрежденіями, доведенное до ясности въ теоріи Градовскаго, не могло быть тогда въ такой же степени отчетливо сознаваемо. А затѣмъ и съ точки зрѣнія этой самой теоріи нельзя назвать петровскій надворный судъ центральнымъ учрежденіемъ, какимъ былъ шведскій, окончательно удовлетворявшій потребности провинціи, незнавшій надъ собою никакой высшей инстанціи, и только находившійся въ мѣстностяхъ, да и то, впрочемъ, бывшихъ когда-то центрами прежнихъ самостоятельныхъ государствъ. Не давая окончательныхъ рѣшеній и, слѣдовательно, не замыкая собою движенія по судебной лѣстницѣ для дѣла, возникшаго въ провинціи, подчиненный юстицъ-коллегіи, петровскій надворный судъ былъ не только среднею, но даже съ 1722 г. низшею областною инстанціей. Въ этомъ отношеніи онъ совсѣмъ не походилъ на позднѣйшія екатерининскія судебныя палаты, которыя должны были замѣнить собою юстицъ-коллегію, расчлененную по губерніямъ, и никогда не выступали въ качествѣ суда первой инстанціи, и тѣмъ менѣе на проектированный еще позже Сперанскимъ судебный сенатъ—дѣйствительно центральное учрежденіе, хотя и расположенное по мѣстностямъ. Тѣми же потребностями практики, которыя, отдаляя русскій надворный судъ отъ шведскаго оригинала, придали ему значеніе областнаго суда первой инстанціи, было обусловлено также и отступленіе отъ первоначальной мысли о раздѣленіи властей, довольно ясно блеснувшей въ проектѣ, но, очевидно, не особенно прочно укрѣпившейся въ головахъ и быстро начавшей тускнѣть подъ дѣйствіемъ житейскихъ обстоятельствъ. Предсѣдателями надворныхъ судовъ стали назначаться представители областной администраціи, и въ этомъ также ихъ разница съ ихъ шведскимъ оригиналомъ [1]).

[1]) *Градовскій*, Высшая администрація и генералъ-прокуроры. 119—120.

IV.

Въ устройствѣ подчиненныхъ надворному суду «нижнихъ» судовъ слѣдуетъ, несмотря на всю краткость существованія судебной системы Петра Великаго, различать два рѣзко разнящіеся періода, хронологическую грань между которыми составляютъ указы первой половины 1722 года. Къ этому году вообще относится много измѣненій въ устройствѣ управленія, отклонявшихъ это устройство еще далѣе отъ иностранныхъ образцовъ и приспособлявшихъ его къ русской жизни. Точнѣе разграничены были сферы дѣятельности и отношенія сената и коллегій, измѣненъ былъ составъ сената; потерпѣла перемѣны система коллегій, одна изъ которыхъ была закрыта, ревизіонъ-коллегія, одна открыта вновь, вотчинная, одна раздѣлена на двѣ самостоятельныхъ: бергъ-и-мануфактуръ-коллегія. Учреждена была важная должность герольдмейстера и создана прокуратура. Этотъ же годъ дѣлилъ также и исторію областнаго судоустройства изучаемаго времени на двѣ эпохи. Различіе между этими двумя эпохами заключалось въ томъ, что въ первую изъ нихъ, съ 1719 по 1722 годъ, въ организаціи нижнихъ судовъ проведено было вполнѣ отдѣленіе суда отъ администраціи, съ этого же года представители областной администраціи входятъ въ составъ этихъ судовъ, становясь ихъ предсѣдателями и принимая дѣятельное участіе въ ихъ функціяхъ. Въ изученіи этихъ низшихъ областныхъ трибуналовъ мы пока остановимся на первомъ періодѣ ихъ существованія и прослѣдимъ, какимъ образомъ и насколько въ ихъ устройствѣ осуществлялось начало раздѣленія властей.

Въ эти первые три года существованія введенныхъ Петромъ судебныхъ учрежденій общимъ названіемъ «нижнихъ» судовъ обозначались суды двухъ видовъ: коллегіальные и единоличные. Первые, называясь также «провинціальными судами», находились въ нѣкоторыхъ болѣе важныхъ городахъ, а именно: въ Москвѣ, Петербургѣ, Смоленскѣ, Казани, Нижнемъ, Симбирскѣ, Новгородѣ, Ярославлѣ и Воронежѣ. Встрѣчающееся иногда названіе московскаго нижняго суда «земской канцеляріей» указываетъ на связь этого суда съ стариннымъ земскимъ приказомъ, который сдѣлался теперь московскимъ нижнимъ судомъ, сохранивъ неизмѣннымъ свой личный составъ. Хотя въ одномъ докладѣ юстицъ-коллегіи сенату коллегія эта говорила, что «нижніе коллегіальные суды опредѣлены въ знатныхъ городахъ при надворныхъ судахъ», однако нельзя считать общимъ правиломъ, чтобы такого вида нижній судъ существовалъ непремѣнно при надворномъ судѣ: были

города, гдѣ были коллегіальные нижніе суды и не было надворныхъ, и, наоборотъ, въ Курскѣ былъ надворный судъ и не было коллегіальнаго нижняго. Предсѣдатели этихъ нижнихъ коллегіальныхъ судовъ носили званіе оберъ-ландрихтеровъ; большинство изъ нихъ, какъ видно изъ ихъ фамилій, было взято изъ выслужившихся приказныхъ людей. Число асессоровъ въ нижнихъ судахъ бывало отъ двухъ до четырехъ. Послѣдніе назначались изъ мѣстнаго служилаго дворянскаго или приказнаго персонала. Такъ, въ московскомъ нижнемъ судѣ, предсѣдателемъ состоялъ оберъ-ландрихтеръ Ив. Топильскій, который былъ назначенъ ландрихтеромъ московской губерніи еще въ эпоху перваго учрежденія губерній и въ этомъ званіи правилъ земскимъ приказомъ. Изъ четырехъ асессоровъ этого суда двое были взяты изъ прежнихъ ландратскихъ комиссаровъ и двое изъ дьяковъ, сидѣвшихъ въ прежнемъ земскомъ приказѣ. Оберъ-ландрихтеромъ петербургскаго нижняго суда въ 1721 г. предположено было назначить прежняго ландрихтера петербургской губерніи Ѳ. Манукова, состоявшаго по раздѣленіи губерній на провинціи при воеводѣ, управлявшемъ уѣздами петербургской провинціи, а къ нему въ асессоры двухъ дворянъ, бывшихъ до того «у дѣлъ», т. е. отправлявшихъ должности по гражданскому вѣдомству. Впрочемъ, эти назначенія не состоялись: о Мануковѣ взмолился «слезно» петербургскій воевода, у котораго этотъ опытный, давно служившій, во «всемъ свѣдомый» приказный дѣлецъ былъ, очевидно, правою рукою, за одного изъ асессоровъ, Ив. Байкова, вступилась адмиралтейская коллегія, которою онъ былъ командированъ «къ смотрѣнію заповѣдныхъ лѣсовъ», а другой, А. Челищевъ, оказался семидесятичетырехлѣтнимъ старикомъ, уже пять лѣтъ тому назадъ уволеннымъ «отъ дѣлъ» за старостью и дряхлостью. Коллегія принуждена была подыскивать другихъ кандидатовъ. Просматривая составъ остальныхъ нижнихъ коллегіальныхъ судовъ, мы также нигдѣ не встрѣчаемъ въ немъ участія представителей администраціи, подобнаго тому, какое эти послѣдніе имѣли въ надворныхъ судахъ въ качествѣ ихъ предсѣдателей [1]).

[1]) Дѣла сен. кн. 42, л. 293. П. С. З. № 3282. Дѣл. юст.-коллег. вязка 1959, д. 12. Дѣл. моск. надв. суда, вязка 1, д. 7. Многіе процессы, начавшіеся еще въ земскомъ приказѣ, разсматривались наслѣдовавшимъ ихъ отъ него нижнимъ московскимъ судомъ. Дѣл. сен. кн. 198, л. 433. Приводимъ свѣдѣнія (также неполныя) о личномъ составѣ другихъ нижнихъ коллегіальныхъ судовъ. *Смоленскій*: оберъ-ландрихтеръ майоръ Г. Шатиловъ, асессоры: изъ дьяковъ: Ив. Грамотинъ,

«Нижними судами» въ эпоху 1719—1722 гг. назывались также единоличные трибуналы городовыхъ судей, находившіеся въ незначительныхъ городахъ, въ которыхъ не было коллегіальныхъ нижнихъ судовъ. По проекту Матвѣева, какъ мы уже знаемъ, предполагалось округъ такихъ городовыхъ судей составлять изъ двухъ уѣздовъ. Практика не согласовалась съ этимъ проектомъ, и наряду съ округами такихъ нижнихъ судей, состоящими изъ двухъ уѣздовъ, можно замѣтить округа и изъ одного уѣзда, и также изъ нѣсколькихъ уѣздовъ. На вычурномъ приказномъ языкѣ первой четверти XVIII вѣка эти низшіе областные трибуналы носили иногда очень длинныя и сложныя названія: канцелярій государственной юстицъ-коллегіи, канцелярій земскихъ дѣлъ, судныхъ дѣлъ, правленія дѣлъ юстицъ-коллегіи. Городовые, или, какъ они иногда назывались еще—земскіе судьи вѣдали въ качествѣ первой инстанціи тѣ же гражданскія и уголовныя дѣла, что и нижніе коллегіальные суды. Ихъ компетенція въ общихъ чертахъ опредѣлялась особымъ краткимъ наказомъ, вручаемымъ имъ при назначеніи на должность въ юстицъ-коллегіи, взамѣнъ котораго коллегія давала обѣщаніе выработать впослѣдствіи полную и обстоятельную инструкцію. Судьѣ предписывалось въ наказѣ, пріѣхавъ къ мѣсту своего назначенія, принять у прежнихъ управителей судебныя дѣла, относящіяся къ вѣдомству юстицъ-коллегіи, и во всемъ съ ними расписаться. Въ его компетенцію, какъ ее опредѣляетъ наказъ, входили «дѣла судныя, розыскныя, сыскныя и прочія земскія дѣла, принадлежавшія до государственной коллегіи юстиціи». Изъ нихъ простыя и не возбуждающія сомнѣнія судья долженъ былъ вершить самъ, а въ важныхъ и спорныхъ ему запрещалось постановлять окончательное рѣшеніе безъ сношенія съ высшею инстанціей—надворнымъ судомъ. Всѣ дѣла судья былъ обязанъ рѣшать «безъ всякой своей страсти, въ самую правду, безволокитно, безъ особливой склонности» къ той или другой сторонамъ. Его особен-

Ив. Меньшой Сибилевъ, Яковъ Лебедевъ. *Казанскій*: ландрихтеръ Михаилъ Юрьевъ, асессоры: «изъ тамошнихъ дворянъ» Ив. Сѣчихинъ, изъ дьяковъ Осипъ Протопоповъ. *Нижегородскій*: оберъ-ландрихтеръ Андрей Михайловъ, асессоры: «изъ тамошнихъ дворянъ»: Г. Есинъ, С. Кашкаровъ, М. Пановъ, Ив. Симанскій. *Симбирскій*: оберъ-ландрихтеръ Степанъ Нестеровъ, асессоры «изъ тамошнихъ помѣщиковъ»: О. Самсоновъ, И. Рязановъ, Ѳед. Обуховъ. *Новгородскій*: оберъ-ландрихтеръ Ив. Мякининъ, асессоры «изъ тамошнихъ дворянъ»: Ив. Веригинъ и Т. Теглевъ. Въ Воронежѣ и Ярославлѣ упоминаются оберъ-ландрихтеры: Свѣшниковъ, Ив. Григорьевъ. Думаемъ поэтому, что послѣдніе два трибунала имѣли также коллегіальный характеръ. Дѣла сен. кн. 649, л. 592 и сл.

ному вниманію поручались дѣла «татины и разбойныя», которыя требовалось вести поспѣшно и немедленно [1]).

Суду «городоваго», или земскаго, судьи были подсудны сельскіе обыватели и тѣ изъ городскихъ, которые не принадлежали къ составу посадскихъ людей. Однако на практикѣ не рѣдки случаи уклоненія отъ этого правила, и посадскіе люди обращаются къ городовымъ судьямъ даже по своимъ гражданскимъ тяжбамъ. Вотъ примѣры. Въ 1720 г. угличанинъ посадскій человѣкъ И. Панинъ предъявилъ искъ также къ угличскому посадскому человѣку В. Калистратову. Отцы ихъ вели въ компаніи торговыя дѣла. Истецъ и искалъ на отвѣтчикѣ денегъ, должныхъ по ликвидаціи дѣла его отцу отцомъ Калистратова. Онъ обратился сначала, какъ и слѣдовало, къ угличскимъ земскимъ бурмистрамъ, но тамъ его челобитную почему то не принимали, тогда онъ подалъ ее угличскому судьѣ Вельяшеву, который и разбиралъ эту тяжбу. Въ слѣдующемъ году искъ къ посадскому человѣку о дворовой его землѣ въ г. Кашинѣ былъ предъявленъ истцомъ-солдатомъ у кашинскаго судьи Олсуфьева, не отказавшагося его принять, несмотря на указъ 28 янв. 1715 г., устанавливавшій подсудность посадскихъ людей въ качествѣ отвѣтчиковъ земскимъ избамъ. Не всѣ дѣла, воз-

[1]) Дѣла сен. кн. 649, л. 588: «Копія съ данныхъ изъ юстицъ-коллегіи земскимъ судьямъ наказовъ». Дѣла юст.-коллегіи, вязка 1958, д. 40; вязка 1961, д. 13. Приводимъ списокъ округовъ (неполный), въ которыхъ находились отдѣльные городовые судьи, составленный по старымъ губерніямъ. *Петербургская* губ.: В. Луки, Ст. Руса, Порховъ, Ржева Пустая + Заволочье (одинъ судья), Старица, Кинешма, Угличъ, Пошехонье, Выборгъ, Деревская пятина, Бѣжецкая пятина, Ладога, Псковъ, Островъ, Гдовъ + Кобыльскій уѣздъ, Почепъ + Красный + Воронецкой, Бѣлоозеро, Устюжна Желѣзнопольская, Бѣжецкій Верхъ, Романовъ, Торжокъ, Тверь, Торопецъ, Кашинъ, Ржева Владимірова + Осташковъ + Зубцовъ + Городище. *Московская*: Клинъ, Звенигородъ, Верея, Михайловъ, Кострома, Парфеньевъ, Солигаличъ, Галичъ, Переяславль-Залѣсскій, Алексинъ, Дѣдиловъ+Скопинъ, Богородицкъ, Веневъ, Одоевъ, Переяславль Рязанскій, М. Ярославецъ, Крапивна, Суздаль, Вязники (см. дѣла гороховецкаго уѣздн. суда), Владиміръ, Епифань, Можайскъ+Борисовъ, Кашира, Коломна, Юрьевъ Польскій, Руза, Зарайскъ+Пронскъ, Печерники+Гремячевъ, Муромъ, Ростовъ, Тула, Воротынскъ, Перемышль, Калуга, Лихвинъ, Шуя, Козельскъ. *Кіевская*: Бѣлгородъ, Суджа + Мирополье, Чугуевъ, Новый Осколъ, Сѣвскъ, Брянскъ, Карачевъ, Болховъ, Орелъ, Чернь, Василь, Бѣлевъ. *Воронежская*: Чернавскъ, Демшинскъ + Усмань + Орловъ, Ольшанскъ + Усердъ, волости Корецкая и Битюцкая, Ефремовъ, Добрый+Борисоглѣбскъ, Красная слобода, Наровчатый, Троицкій острогъ, Сокольскъ. Дѣла сен. кн. 649, л. 574. Дѣла галицк. уѣздн. суда. Дѣла угличск. пров. канцеляріи.

никавшія среди сельскаго населенія, восходили до городоваго судьи. Несомнѣнно, что вотчинная юстиція, развиваясь, отвлекала все большее количество дѣлъ отъ его трибунала. Крѣпостное населеніе разнаго рода земель: помѣщичьихъ, церковныхъ, дворцовыхъ, приписанныхъ къ заводамъ судилось у государственнаго судьи только по важнѣйшимъ уголовнымъ преступленіямъ; по неважнымъ уголовнымъ дѣламъ оно все болѣе становилось подсудно юрисдикціи своего владѣльца, разбиравшаго также и гражданскія тяжбы, въ которыхъ обѣ стороны оказывались его крестьянами. Къ государственному судьѣ направлялись дѣла между самими владѣльцами крѣпостныхъ, или между помѣщиками и чужими крестьянами, или, наконецъ, между крестьянами разныхъ владѣльцевъ. Немногіе уцѣлѣвшіе архивы, сохранившіе бумаги городовыхъ судей, вскрываютъ намъ ихъ судебную дѣятельность за краткое время существованія этихъ органовъ юстиціи. Изъ документовъ этихъ архивовъ можно заключить, что юрисдикція городоваго судьи ограничивается гораздо болѣе моментомъ процесса, чѣмъ родомъ дѣлъ. Онъ разбираетъ дѣла уголовныя различной степени важности, отъ потравы и перекоса до убійства и разбоя, и гражданскія тяжбы съ различными размѣрами цѣнъ иска, но и первыя, и вторыя съ тѣмъ ограниченіемъ, что болѣе важныя дѣла онъ не можетъ довести до заключительной стадіи процесса, до окончательнаго постановленія и исполненія приговора, не представивъ предварительно проекта своего приговора на утвержденіе высшей инстанціи. Такъ, напр., въ теченіе 1720 года у кашинскаго судьи разсматривались дѣла: объ убійствѣ крестьянина, о разбоѣ и грабежѣ, о нанесеніи побоевъ и увѣчій крестьянину чужимъ помѣщикомъ, объ оскорбленіи, о кражахъ имущества разнаго рода и множество столкновеній, частыхъ въ сельской жизни: о потравѣ поля, о перекосѣ луга, о насильственномъ завладѣніи землей. Передъ тѣмъ же судьей велись тяжбы о займѣ 80 рублей денегъ, о наймѣ земли въ аренду, о бѣглыхъ людяхъ. Въ канцелярію судьи приводятся помѣщиками или ихъ приказчиками бѣглые крѣпостные для утвержденія ихъ за ихъ владѣльцами, функція, которую исполняли также воеводы и земскіе комиссары. Дѣла, разобранныя низшими судебными трибуналами, живо рисуютъ намъ провинцію начала XVIII вѣка съ ея крупными темными пятнами и мелкими житейскими дрязгами, съ ея постоянными «разбоями» и «избитіями смертнымъ боемъ» и съ ежедневными столкновеніями въ родѣ разбиравшихся у угличскаго судьи Вельяшева дѣлъ: «о называніи угличскаго помѣщика, школьника Кожина, другимъ помѣщикомъ — драгуномъ Федюрневымъ, сатаною и бѣглецомъ» или о ссорѣ между двумя братьями А. и Н. Валмасовыми,

принадлежавшими также къ составу землевладѣльцевъ этой провинціи, вслѣдствіе увода однимъ у другаго борзой суки «съ похвальбою домъ соперника выжечь и пепелъ развѣять» и т. п. [1]).

Помимо чисто судебныхъ обязанностей трибуналы низшей инстанціи являлись исполнительными органами относительно высшихъ, осуществляя на мѣстѣ идущія изъ центра распоряженія. Такъ, съ учрежденіемъ городовыхъ судей грамоты изъ помѣстнаго приказа объ отказѣ помѣстья пишутся на имя судьи, который и приводитъ ихъ въ исполненіе, посылая подьячаго изъ своей канцеляріи для составленія «отказныхъ книгъ», т. е. описи имѣнья, и ввода во владѣніе тѣхъ лицъ, кому выдана отказная грамота. Точно такъ же низшія инстанціи исполняютъ требованія высшихъ о сыскѣ и высылкѣ прикосновенныхъ лицъ по дѣламъ, производящимся въ этихъ высшихъ инстанціяхъ, о снятіи на мѣстѣ допросовъ и присылкѣ допросныхъ рѣчей, т. е. тѣ обязанности, которыя возлагались также и на представителей администраціи, воеводъ и земскихъ комиссаровъ. Наконецъ, въ кругъ вѣдомства областныхъ судебныхъ учрежденій входитъ надзоръ за нотаріальной частью. Съ основаніемъ юстицъ-коллегіи ей былъ подчиненъ персоналъ нотаріусовъ, такъ называемыхъ «надсмотрщиковъ надъ крѣпостными дѣлами», которые ранѣе вѣдались въ оружейной палатѣ. Въ Москвѣ для совершенія разнаго рода нотаріальныхъ актовъ существовала особая подчиненная московскому надворному суду крѣпостныхъ дѣлъ контора, которой были подвѣдомствены нотаріусы въ предѣлахъ прежней московской губерніи. Въ Петербургѣ роль такой конторы исполнялъ особый секретарь при юстицъ-коллегіи. Въ 1701 г. надсмотрщиковъ надъ крѣпостными дѣлами было велѣно по городамъ назначать воеводамъ или бурмистрамъ изъ добрыхъ подьячихъ по два или по одному, смотря по величинѣ города, приводить ихъ къ присягѣ и собирать по нихъ поручныя записи. Въ 1719 г. право назначенія надсмотрщиковъ было предоставлено крѣпостной конторѣ — для городовъ московской губерніи, но и здѣсь они иногда назначались мѣстной администраціей. Съ передачей ближайшаго надзора за ихъ дѣя-

[1]) *Кавелинъ*, Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства, сочин. I, 237, изд. 1859 г. Дѣла угличской пров. канц. №№ 373, 493, 349, 365, 375, 380, 383, 389, 399, 401, 403, 423. Дѣла галицкаго уѣздн. суда, опись I, №№ 285, 297, 300, 304, 307, 325, 333 и др. Дѣла гороховецкаго уѣздн. суда, опись I passim. Дѣла переславль-залѣсскаго уѣздн. суда, опись VI, №№ 15, 16, 17, 19, 22, 30, 33, 34, 36, 40. Дѣла юстицъ-коллегіи, вязка 1959, д. 10; вязка 1961, д. 13; вязка, 1960, д. 44.

тельностью судьямъ, вѣроятно, къ этимъ послѣднимъ перешло и право назначенія надсмотрщиковъ. Отъ нотаріуса того времени требовалось, чтобъ онъ былъ «человѣкъ добрый и заобычайный, чтобъ его съ таковое дѣло стало и чтобъ былъ въ службу ненаписанъ». При назначеніи на должность онъ давалъ письменное обязательство «всякія крѣпости писать правдиво и въ книги записывать, и пошлинныя деньги съ крѣпостей брать по указу, и излишняго ничего не брать, и тѣ пошлинныя деньги на свои домашніе расходы никуда не употреблять и въ займы не давать». Подъ этимъ обязательствомъ подписывались также и поручители по нотаріусѣ, которые въ случаѣ его неисправности должны были нести за него отвѣтственность. Къ наблюденію за правильностью этихъ пошлинныхъ сборовъ съ крѣпостей и сводился главнымъ образомъ надзоръ судьи надъ нотаріусомъ [1]).

Сравнивая организацію низшей судебной инстанціи въ томъ видѣ, какой она получила на практикѣ въ 1719—1722 гг. съ первоначальными проектами и предположеніями, нельзя не замѣтить, что въ одномъ она согласовалась съ ними. Эти низшія судебныя учрежденія: коллегіальные суды подъ предсѣдательствомъ оберъ-ландрихтеровъ въ нѣкоторыхъ болѣе важныхъ городахъ и единоличные суды городовыхъ судей въ остальныхъ получили обособленное существованіе отъ администраціи. Провинція въ достаточной мѣрѣ была наполнена судами, которые были отдѣлены отъ областныхъ административныхъ учрежденій и должны были быть независимы отъ послѣднихъ, подчиняясь особому центральному судебному вѣдомству. Въ низшихъ инстанціяхъ раздѣленіе власти было проведено съ тою отчетливостью, съ какою не удалось его провести въ высшей. Но во многихъ отношеніяхъ организація и дѣятельность судовъ низшей инстанціи отступали отъ первоначальныхъ замысловъ. Въ проектѣ Матвѣева не предполагалось учрежденія нѣсколькихъ надворныхъ судовъ, и судъ оберъ-ландрихтеровъ, провинціальныхъ или губернскихъ, долженъ былъ относиться къ суду ландрихтеровъ (городовыхъ судей), какъ высшая инстанція къ низшей. По его проекту ландрихтеры (городовые судьи) должны по судебнымъ дѣламъ имѣть сношеніе съ оберъ-ландрихтеромъ и обращаться къ нему въ тѣхъ случаяхъ, когда они сами почему-либо не могутъ рѣшить дѣла, а оберъ-ландрихтеру поручается «присмотръ» надъ судьями. И еще

[1]) Дѣла юстицъ-коллегіи, вязка 1960, д. 37; вязка 1958, д. 14; вязка 1968, дд. 1, 16, 17; вязка 1960, д. 16. Инструкція надворному суду, приложеніе I, ст. 36.

въ 1720 г. юстицъ-коллегія толковала извѣстный указъ 22 декабря 1718 г.[1]) о соблюденіи порядка инстанцій такъ, что дѣла должны восходить по апелляціи изъ нижняго суда (т. е. отъ городоваго судьи) въ провинціальный, т. е. судъ оберъ-ландрихтера, а изъ провинціальнаго въ надворный. На практикѣ однако сложились совсѣмъ иныя отношенія между разными видами суда низшей инстанціи. Оберъ-ландрихтеры стали предсѣдателями нижнихъ коллегіальныхъ судовъ, открытыхъ въ немногихъ главныхъ городахъ; число ихъ было значительно меньше сравнительно съ числомъ, предлагавшимся Матвѣевымъ, и судъ оберъ-ландрихтера сдѣлался не высшею инстанціей относительно городоваго судьи, а равною съ нею первою инстанціей, только дѣйствующей въ болѣе значительныхъ городахъ. Тотъ и другой судъ: и коллегіальный, въ которомъ предсѣдательствовалъ оберъ-ландрихтеръ, и единоличный трибуналъ городоваго судьи различались между собою не по сферамъ своей компетенціи, а лишь по мѣстностямъ, гдѣ находились и по своему личному составу, и оба были одинаково судами первой инстанціи, коллегіальный для столицы или большаго провинціальнаго города съ уѣздомъ, единоличный для остальныхъ городовъ съ ихъ уѣздами. Въ процессахъ совершенно ясной является роль нижняго коллегіальнаго суда, какъ суда первой инстанціи для того города и уѣзда, гдѣ онъ находился, стоящаго на томъ же разстояніи отъ надворнаго суда, какъ и городовые судьи. Приведемъ примѣръ. Весной 1722 г. въ Москвѣ у вдовы Анны Волынской, урожденной Заболоцкой, собрались на обѣдъ нѣсколько человѣкъ ея близкихъ родныхъ и друзей: родной братъ ея, академіи комиссаръ Артемій Заболоцкій, вдова Вельяминова, вдова Заболоцкая (тетка хозяйки), дворянинъ Соколовскій, попъ Максимъ съ сыномъ и нѣкая женка Нестерова, имѣвшая келью въ Зачатіевскомъ монастырѣ. Тотчасъ же послѣ обѣда Заболоцкій почувствовалъ себя дурно и, будучи отвезенъ домой, вскорѣ умеръ. «Архіатеръ» и президентъ медицинской канцеляріи Блументростъ, вскрывъ тѣло, нашелъ, что Заболоцкій умеръ отъ отравленія. Жена покойнаго заявила подозрѣніе на «бродящую бабу» Нестерову, близкую къ Волынской и разсчитывавшую на наслѣдство послѣ нея, въ чемъ покойный, какъ братъ Волынской, могъ ей оказать помѣху. Академическая канцелярія увѣдомила о слу-

[1]) П. С. З. № 3261. Проектъ этого указа, составленный Матвѣевымъ и исправленный рукою Петра см. Госуд. арх. каб. д. II, 39, л. 496—499. На поляхъ противъ вступительныхъ словъ проекта находится отмѣтка рукою Петра: «написать предисловіе». Это предисловіе и было написано или продиктовано имъ самимъ, какъ можно заключать по его стилю. П. С. З. № 3577, 4 мая 1720 г.

чившемся юстицъ-коллегію съ приложеніемъ свидѣтельства Блументроста. Послѣдняя отправила указъ московскому надворному суду «о смерти Заболоцкаго и о подносѣ ему Нестеровою квасу» изслѣдовать и указное рѣшеніе учинить. Надворный судъ передалъ указъ въ московскій нижній провинціальный судъ, которому и подлежало это дѣло, какъ первой инстанціи. Тамъ оно и разсматривалось. Если бы преступленіе было совершено не въ самой Москвѣ, а въ одномъ изъ городовъ округа московскаго надворнаго суда, то послѣдній направилъ бы дѣло къ мѣстному городовому судьѣ.

Что слѣдующей высшей инстанціей для городоваго судьи былъ вовсе не «провинціальный» коллегіальный, а непосредственно надворный судъ, въ этомъ не позволяетъ сомнѣваться наказъ городовымъ судьямъ, предписывающій имъ рѣшеніе по важнымъ и спорнымъ дѣламъ представлять на утвержденіе именно этого послѣдняго. О нижнемъ коллегіальномъ судѣ наказъ даже и не упоминаетъ [1]. Въ томъ же направленіи идетъ и свидѣтельство примѣровъ практики. Перемышльскій судья кн. Львовъ по дѣлу между двумя помѣщиками о бѣглыхъ крестьянахъ обращается въ 1721 г. за указомъ въ московскій надворный судъ. Въ мартѣ того же года пензенскій судья П. Соловцовъ разбиралъ дѣло по иску повѣреннаго капитана И. И. Болтина къ кн. С. Б. Голицыну также о бѣглыхъ крестьянахъ. На судѣ фигурировали и сами бѣглые, которые не спорили и признали, что они дѣйствительно крѣпостные Болтина. 12 октября судья постановилъ возвратить ихъ истцу. Недовольный однако неполнотою этого рѣшенія повѣренный Болтина въ ноябрѣ подалъ жалобу въ казанскій надворный судъ на судью Соловцова въ томъ, что онъ не даетъ рѣшенія ни о зажилыхъ деньгахъ, которыя полагались за держаніе чужихъ крѣпостныхъ въ пользу ихъ законнаго владѣльца, ни о судебныхъ издержкахъ, «проѣстяхъ и волокитахъ». Надворный судъ предписалъ пензенскому судьѣ какъ можно скорѣе рѣшить это дѣло; если же судья въ чемъ либо затрудняется самъ постановить приговоръ, то прислать «выписку изъ него съ подлиннымъ изъясненіемъ» въ надворный судъ. Дѣло туда и было перенесено въ слѣдующемъ 1722 году, и въ маѣ уже 1723 г. надворный судъ рѣшилъ его, дополнивъ приговоръ пензенскаго судьи въ желательномъ для истца смыслѣ.—Дѣло между бѣжецкими помѣщиками В. Таракановымъ и М. Коновницынымъ, рѣ-

[1]) Дѣла сен. кн. 649, л. 558: «А если же самыя важныя и спорныя приключатся изъ вышепомянутыхъ какія дѣла, и о тѣхъ прежде описываться во опредѣленный надворный судъ. А буде отъ надворнаго суда отъ судей по тѣмъ твоимъ отпискамъ указу многое время не будетъ, писать о томъ въ юстицъ-коллегію».

шенное еще въ 1711 году въ первой инстанціи бѣжецкимъ уѣзднымъ комендантомъ, переносится въ 1721 г. въ апелляціонномъ порядкѣ въ ярославскій надворный судъ по распоряженію юстицъ коллегіи, котора? не уважила ходатайства одной изъ сторонъ о переносѣ дѣла къ угличскому городовому судьѣ, считая судъ коменданта равнымъ по степени суду городоваго судьи и направляя дѣло, какъ въ слѣдующую высшую инстанцію, въ надворный судъ.—Въ апрѣлѣ 1721 г. къ вяземскому городовому судьѣ А. Толстому поступилъ доносъ на нѣкоего жителя г. Вязьмы Петра Карпова о произнесеніи имъ дерзкихъ словъ «про послѣднія времена». Обвинителемъ явился драгунъ новгородскаго полка Бочарниковъ. Встрѣтившись съ драгуномъ въ домѣ у своего зятя, вяземскаго посадскаго человѣка, и разговорившись съ нимъ за кружкой пива, Петръ Карповъ сталъ ему, драгуну, говорить: «въ послѣднія де времена будутъ люди лбы голить и косы заплетать, и будутъ ходить яко бѣсы, и вы де нынѣ такъ ходите, но и пуще бѣсовъ». «И онъ, Бочарниковъ», гласитъ далѣе документъ, «ему, Петру, сказалъ: врешь ты, мужикъ, мы ходимъ за волю монарха своего. И онъ де, Петръ, и больше сталъ говорить: вы де ледунки и перевязи носите будто кресты бѣсовскіе и съ полками ходите, и знамена де у васъ въ полкахъ бѣсовскія». Не стерпѣвъ такой ядовитой критики на вновь заведенную военную аммуницію и вступившись за честь знамени, драгунъ, не нашедшій лучшаго средства продолжать полемику, ударилъ своего оппонента «въ щеку» и пошелъ съ того двора на свою квартиру. Спохватясь, что сказалъ лишнее, предвѣщатель послѣднихъ временъ въ тотъ же день бросился къ обиженному драгуну «и сталъ его просить, чтобъ онъ его въ тѣхъ словахъ простилъ, и кланялся въ ноги. И на утріе онъ, Петръ, повторне приходилъ къ нему и просилъ о томъ же, чтобъ онъ такихъ его скверныхъ словъ не доносилъ и кланялся ему и стоявшему здѣсь же часовому въ ноги». Однако роковыя слова были сказаны, и драгунъ донесъ о нихъ по начальству. Полковое начальство и переслало арестованнаго Петра къ вяземскому судьѣ. Допросивъ доносчика и свидѣтелей и затрудняясь самъ вести такое важное дѣло, судья обратился за указаніями въ смоленскій надворный судъ, который сначала руководилъ судьею въ производствѣ дальнѣйшаго слѣдствія, а затѣмъ вытребовалъ все дѣло къ себѣ. Дѣло восходило до юстицъ-коллегіи, постановившей виновнаго «за неистовыя рѣчи, учиня наказанье, бивъ кнутомъ, сослать на каторгу на 5 лѣтъ». Въ Смоленскѣ, какъ намъ извѣстно, существовалъ провинціальный судъ. Очевидно, что если бы онъ составлялъ

среднюю инстанцію между городовымъ судьей и надворнымъ судомъ, дѣло не миновало бы его въ своемъ движеніи [1]).

Итакъ, можно считать достаточно твердо установленнымъ, что между двумя различными видами нижняго суда: коллегіальнымъ и единоличнымъ не было іерархическихъ отношеній. Это были лишь различные судебные трибуналы, а не разныя судебныя инстанціи. Слѣдовательно, вся система судебныхъ учрежденій 1719—1722 гг. слагалась, включая высшее правительственно-судебное учрежденіе — сенатъ, изъ четырехъ инстанцій; то были: сенатъ, юстицъ-коллегія, надворный судъ и нижній судъ: коллегіальный въ нѣсколькихъ главныхъ городахъ и единоличный въ остальныхъ. По этимъ четыремъ ступенямъ судебной лѣстницы и восходило дѣло, движущееся въ нормальномъ порядкѣ. Но практика нерѣдко отступала отъ нормы, и иное судебное дѣло шагало черезъ промежуточныя ступени. Нарушенія общаго порядка совершались, какъ самими судебными трибуналами, такъ еще тѣмъ болѣе частными лицами. Какъ примѣръ нарушенія правила слѣдуетъ разсматривать поступокъ дѣдиловскаго судьи Татаринова, разбиравшаго въ 1720 г. дѣло о спорной землѣ между дѣдиловскими солдатами съ одной стороны и полковникомъ В. Ѳ. Салтыковымъ съ другой. Судья, выслушавъ стороны, ѣздилъ на мѣсто и произвелъ осмотръ спорной земли при постороннихъ людяхъ, навелъ справку въ дѣдиловскихъ писцовыхъ книгахъ, выписалъ соотвѣтствующія статьи изъ уложенія, но дѣло вершить самъ затруднился и, сдѣлавъ изъ него выписку, отослалъ ее не въ надворный судъ, какъ бы слѣдовало, а прямо въ юстицъ-коллегію, заканчивая выписку вопросомъ: «и о томъ что, великій государь, укажешь?» Юстицъ-коллегія принуждена была дѣлать особое напоминаніе судьямъ, чтобы они о спорныхъ дѣлахъ, которыхъ имъ рѣшить будетъ невозможно, писали прежде всего въ подлежащій надворный судъ, а, не писавъ предварительно въ этотъ судъ, въ юстицъ-коллегію не обращались. Если сами судьи нарушали постоянно порядокъ инстанцій, то неудивительно, что потребовался цѣлый рядъ указовъ, устанавливающихъ этотъ порядокъ и запрещающихъ частнымъ лицамъ, обходя инстанціи, подавать прошенія самому государю. Но указы, какъ сознавалось само правительство, имѣли мало дѣйствія и не обладали

[1]) Дѣла юстицъ-коллегіи, вязка 1963, д. 3; вязка 1961, д. 13; вязка 1958, д. 24; вязка 1960, д. 47; вязка 1958, д. 40. Дѣла моск. надв. суда, вязка 1, д. 1, 7. Дѣла юстицъ-коллегіи, вязка 1961, д. 6; вязка 1960, д. 30; вязка 1966, д. 13, 11.

достаточной силой, чтобы справиться съ нехотѣвшими признавать никакого порядка инстанцій привычками общества [1]).

V.

Чтобы уяснить взаимоотношеніе судебныхъ инстанцій, введенныхъ петровской реформой, недостаточно указать ихъ взаимное іерархическое положеніе, необходимо еще обозначить и главнѣйшія изъ тѣхъ условій, при которыхъ совершалось по нимъ движеніе дѣла. Движеніе это различалось по его поводамъ, по тому, кто его возбуждалъ и, наконецъ, по тѣмъ послѣдствіямъ, къ которымъ движеніе приводило. Въ переносѣ дѣла отъ одной инстанціи къ другой можно замѣтить четыре случая: дѣло переносилось по инціативѣ сторонъ или по самому свойству дѣла, или по инціативѣ судьи низшей инстанціи, или, наконецъ, по распоряженію высшей инстанціи. Причиной переноса въ первомъ случаѣ было недовольство рѣшеніемъ. Недовольная рѣшеніемъ суда сторона могла обжаловать его въ высшую инстанцію, и послѣдняя производила пересмотръ дѣла. Но переносить для пересмотра дозволялось только вершеное низшей инстанціей дѣло, причемъ непремѣнно должны были быть взысканы пошлины, слѣдующія по приговору. Переносъ дѣла сторонами имѣлъ всегда характеръ обвиненія судьи низшей инстанціи передъ высшей; апелляторъ указывалъ, что рѣшеніе судьи несправедливо потому, что онъ былъ пристрастенъ, велъ дѣло изъ корыстныхъ побужденій, «дружа и норовя» противной сторонѣ «изо взятковъ», а его, апеллятора, желая изволочить и изубытчить, «и вершилъ то дѣло—не дѣломъ». Это обвиненіе могло окончиться печально для судьи. Если высшая инстанція находила рѣшеніе дѣла низшею неправильнымъ, она постановляла приговоръ низшей отставить, здѣсь же сама давая новый приговоръ, а съ судьи взыскать въ двойномъ размѣрѣ пошлины, какія должны были уплатить по его приговору обѣ тяжущіяся стороны, выигравшая и проигравшая дѣло. Пока дѣло низшею инстанціей не было еще рѣшено, воспрещалось переносить его въ высшую. Въ теченіе процесса стороны могли лишь жаловаться въ высшую инстанцію, указывая на медленность процесса или на неправильности, допускаемыя въ немъ судьею. Послѣдствіями такой жалобы могли быть: указъ судьѣ низшей

[1]) Дѣла юстицъ-коллегіи, вязка 1960, д. 1; вязка 1958, д. 11, 32. П. С. З. №№ 3536, 3947.

инстанціи о болѣе скоромъ разбирательствѣ или объ устраненіи допущенныхъ неправильностей, или въ иныхъ случаяхъ передача дѣла другому трибуналу равной же инстанціи. Въ 1720 г. суздальскій судья Л. Г. Толмачевъ производилъ «розыскное дѣло» о наѣздѣ воровскихъ людей на имѣніе задворнаго конюха В. Г. Вралова, причемъ напавшіе «домъ его, Вралова, разбили и сожгли, и мать его били, и шпагами рубили, и огнемъ жгли, и пожитки и лошадей побрали». Враловъ жаловался въ надворный судъ на пристрастіе судьи, утверждая, что онъ при розыскѣ допускаетъ «великую неправду и поноровку». Надворный судъ предписалъ обвиняемыхъ, свидѣтелей и все дѣлопроизводство отослать къ ближайшему юрьевъ-польскому городовому судьѣ кн. Львову, которому и разбирать это дѣло. Такая передача дѣла другому трибуналу равной инстанціи была обыкновеннымъ явленіемъ, когда одна изъ сторонъ заявляла отводъ противъ судьи, который допускался въ двухъ случаяхъ: или вслѣдствіе ссоры съ судьей, или вслѣдствіе родственныхъ связей съ нимъ противоположной стороны [1]).

Нѣкоторыя дѣла по самому своему свойству должны были переноситься въ высшую инстанцію потому, что окончательное рѣшеніе такихъ дѣлъ было изъято изъ компетенціи низшей. Это случай восхожденія дѣла въ ревизіонномъ порядкѣ. Такъ, важнѣйшія уголовныя дѣла, «криминальныя», за которыя полагалась смертная казнь или политическая смерть, не могли быть окончательно рѣшены нижними судами. Послѣдніе, произведя слѣдствіе и составивъ проектъ приговора, были обязаны представить дѣло на утвержденіе надворнаго суда. Пересмотръ дѣла въ ревизіонномъ порядкѣ могъ такъ же непріятно кончиться для нижняго суда, какъ и при апелляціонной жалобѣ. Если надворный судъ находилъ проектъ приговора, представленный нижнимъ судомъ, неправильнымъ, онъ долженъ былъ увѣдомить объ этомъ юстицъ-коллегію, и нижнему суду грозило наложеніе штрафа [2]).

Третьимъ случаемъ движенія дѣла въ высшую инстанцію было движеніе по иниціативѣ самого судьи низшей, когда онъ, встрѣчая какое-либо затрудненіе въ обстоятельствахъ дѣла или въ недостат-

[1]) П. С. З. № 3403. Дѣла юстицъ-коллегіи, вязка 1964, д. 32. Инструкція надворному суду, ст.: 13, 15 (прилож. I). Дѣла юстицъ-коллегіи, вязка 1966, д. 8. Дѣла гороховецкаго уѣздн. суда. оп. I, д. 26. Дѣла юстицъ-коллегіи, вязка 1961, д. 13; вязка 1959, д. 10; вязка 1966, д. 6; вязка 1954, д. 12. П. С. З. № 3577. Дѣла московск. надв. суда, вязка 1, д. 1.

[2]) П. С. З. № 3847. Инструкція надв. суду ст. 28, 30 (прилож. I).

кахъ матеріальнаго или процессуальнаго права, ибо, какъ замѣчаетъ инструкція надворнымъ судамъ, «уложеніе никогда такъ довольнымъ быть достаетъ, чтобъ оное все къ приключившимся случаямъ содержать могло», не рѣшался постановить приговора самъ и обращался за приговоромъ кверху. Самый законъ предписывалъ судьѣ въ дѣлахъ самыхъ трудныхъ и спорныхъ непремѣнно «описываться въ высшую инстанцію, а, не описываясь, ихъ не рѣшать», совершенно обратно нашимъ судебнымъ уставамъ, обязывающимъ судью постановить приговоръ во всякомъ случаѣ, какіе бы недостатки ни представляла наличность имѣющихся въ его распоряженіи юридическихъ средствъ. Въ этомъ случаѣ такъ же, какъ и въ предыдущемъ, дѣло переносилось въ высшую инстанцію не въ цѣломъ его составѣ: изъ него извлекалась только выписка, которая и заключалась вопросомъ о томъ, какъ укажетъ поступить высшая инстанція. Вотъ примѣръ такого случая. Въ одномъ дѣлѣ по иску о духовномъ завѣщаніи, разбиравшемуся въ петербургскомъ нижнемъ судѣ, статьи уложенія относительно заочныхъ рѣшеній возбудили у суда сомнѣнія. Съ одной стороны, по стт. 120 и 185, гл. X уложенія неявившійся отвѣтчикъ проигрывалъ процессъ; съ другой, ст. 109 устанавливала исключеніе относительно постановки заочныхъ рѣшеній въ дѣлахъ крѣпостныхъ, а настоящій искъ могъ быть отнесенъ къ этой послѣдней категоріи, такъ какъ въ немъ фигурировали крѣпостные документы: духовное завѣщаніе и запись. Провинціальный судъ рѣшилъ обратиться за разъясненіемъ въ надворный. Высшая инстанція, повидимому, неохотно давала такія разъясненія. Иногда она просто отказывалась принимать дѣло и возвращала его для рѣшенія обратно въ тотъ судъ, откуда оно поступало. Такъ и было въ разбираемомъ случаѣ. Донесеніе провинціальнаго суда о встрѣченномъ недоразумѣніи понесъ въ надворный судъ подьячій провинціальнаго, который, возвратившись, объявилъ, что вице-президентъ надворнаго суда П. П. Толстой, просмотрѣвъ донесеніе, сказалъ, что принять его не надлежитъ, потому что въ немъ указаны ссылки на уложенье, «и когда де въ провинціальномъ судѣ уложенье и пункты имѣются, и потому надлежитъ чинить по уложенью». Но и принявъ дѣло, высшая инстанція иногда не выводила низшую изъ затрудненія, давая отвѣтъ, по загадочности напоминавшій изрѣченія дельфійскаго оракула, и на вопросъ о томъ или другомъ толкованіи закона или о пробѣлѣ въ законахъ, ограничивалась благимъ совѣтомъ: «по оному дѣлу изслѣдовать и указъ учинить по указу, какъ о томъ его царскаго величества указъ повелѣваетъ и въ указныя числа, чтобъ о томъ челобитья не было». Эта неохота

высшей инстанціи отвѣчать на запросы снизу и разъяснять недоразумѣнія равнялась той готовности, съ которой низшая отказывалась отъ всякой самостоятельности въ рѣшеніи дѣла и спѣшила передать его кверху. Однимъ изъ поводовъ такого представленія дѣла на рѣшеніе высшей инстанціи по иниціативѣ самихъ судей было въ коллегіальныхъ судахъ разногласіе его членовъ, дѣлавшее фактически невозможнымъ выработку какого-либо приговора. Въ смоленскомъ надворномъ судѣ разсматривалось дѣло по обвиненію шляхтича Прокоповича въ убійствѣ шляхтича Гурскаго. Весь составъ суда: президентъ смоленскій вице-губернаторъ Панинъ, вице-президентъ полковникъ Потемкинъ и два асессора: полковники Храповицкій и Радванскій оказались при различныхъ мнѣніяхъ, которыя каждый изъ нихъ подалъ письменно. Эти четыре мнѣнія и были представлены въ юстицъ-коллегію съ требованіемъ объ указѣ. Юстицъ-коллегія предварительно запросила судъ: имѣлъ ли онъ послѣ слушанія затруднявшаго его дѣла общее разсужденіе и сообщали ли другъ другу его члены свои письменныя мнѣнія? Судъ отвѣчалъ, что общее разсужденіе у нихъ по тому дѣлу было, но что въ общую сентенцію они не могли согласиться. Затрудненіе въ этомъ дѣлѣ вызывалъ вопросъ, возможно ли было или нѣтъ подвергать обвиняемаго «розыску», т. е. слѣдствію съ пытками, такъ какъ убитый Гурскій, не явившись въ срокъ на царскій смотръ 1722 г., подлежалъ по закону о неявкѣ на смотръ «шельмованію», и убійство его должно было оставаться безнаказаннымъ. Юстицъ - коллегія разъяснила, что убитый Гурскій не могъ явиться на смотръ, такъ какъ сидѣлъ въ то время подъ арестомъ, и поэтому предписала немедленно подвергнуть обвиняемаго розыску безъ всякаго послабленія и упущенія. Внесеніе дѣла на усмотрѣніе высшей инстанціи по иниціативѣ самого судьи служило для этой инстанціи также ревизіоннымъ средствомъ, позволявшимъ не только руководить дѣятельностью низшей, но и контролировать ее. Вотъ почему и въ этомъ случаѣ судья могъ подвергнуться отвѣтственности, если оказывалось, что онъ не умѣлъ рѣшить вполнѣ яснаго дѣла и тревожился ни на чемъ не основанными сомнѣніями. Въ томъ, что смоленскимъ надворнымъ судомъ было оставлено безъ вниманія обстоятельство, лишившее возможности убитаго шляхтича явиться на смотръ, на которое потомъ указала юстицъ-коллегія, послѣдняя нашла серьезное упущеніе со стороны суда, повлекшее за собою обремененіе коллегіи напраснымъ трудомъ и причинившее остановку въ ходѣ дѣла, а потому она и опредѣлила взыскать съ смоленскаго надворнаго суда штрафъ въ раз-

мѣрѣ двухсотъ рублей въ теченіе мѣсяца подъ опасеніемъ взысканія его, при неуплатѣ въ срокъ, въ двойномъ размѣрѣ [1]).

Наконецъ, четвертый случай переноса дѣла изъ низшей инстанціи въ высшую былъ возможенъ по иниціативѣ самой высшей. Причиной такого распоряженія было недовѣріе къ способности низшаго трибунала рѣшить правильно дѣло, казавшееся почему-либо сложнымъ и важнымъ. Недовѣріе и вызывало потребность въ провѣркѣ дѣла высшей инстанціей, такъ что здѣсь мы имѣемъ также случай ревизіоннаго восхожденія дѣла, хотя бы уже и рѣшеннаго низшей инстанціей. Иногда такая ревизія дѣла возбуждалась центральнымъ органомъ, завѣдующимъ судебнымъ вѣдомствомъ. Вотъ одинъ изъ примѣровъ такого переноса дѣла по указу юстицъ-коллегіи. Въ 1721 г. въ Калугѣ на торгу собрались «многолюдствомъ» крестьяне, «учинили великій бунтъ», напали на драгунъ квартировавшаго въ Калугѣ астраханскаго драгунскаго полка и избили ихъ «смертнымъ боемъ». Унимать происшедшую свалку выѣзжалъ самъ полковникъ, которому удалось заарестовать коноводовъ движенія: крестьянина вотчины кн. Ромодановскаго Мочалу, да заречнаго городскаго кружечнаго двора. Этихъ коноводовъ, равно какъ и избитыхъ драгунъ, командиръ полка отослалъ для разбирательства къ калужскому воеводѣ, а послѣдній передалъ дѣло калужскому судьѣ Давыдову. Являлся вопросъ, былъ ли это бунтъ, т. е. преступленіе политическаго характера, или простая ссора крестьянъ съ драгунами. Изъ показаній сторонъ и свидѣтелей судья пришелъ къ послѣднему заключенію, найдя, что «та драка учинилась отъ пьянства, а не умысломъ къ бунту», тѣмъ болѣе, что драгуны съ избившими ихъ крестьянами въ бою помирились, о чемъ и подали судьѣ мировую челобитную. Дѣло было рѣшено миромъ. Обо всемъ этомъ происшествіи воевода доносилъ сенату, исполняя предписаніе сообщать туда о всякаго рода замѣшательствахъ. Изъ сената отписка воеводы была передана на усмотрѣніе юстицъ-коллегіи, которая распорядилась о передачѣ копіи съ этого уже оконченнаго дѣла въ московскій надворный судъ для ревизіи. Цѣлью ревизіи было выяснить, не было ли въ дѣлѣ чего-либо политическаго, «подлинно ль оная драка къ бунту не прилична, и судья Давыдовъ то дѣло, по надлежащимъ ли указомъ изслѣдовавъ, рѣшилъ» [2]).

Изъ разобранныхъ четырехъ случаевъ восхожденія судебнаго дѣла

[1]) П. С. З. № 3435. Дѣла юстицъ-коллегіи, вязка 1960, д. 30; вязка 1964, д. 36. Инструкція надворн. суду, ст. 14. (прилож. I).

[2]) Дѣла сената, кн. 128, л. 197.

по инстанціямъ его движеніе въ первомъ различается отъ движенія въ трехъ остальныхъ. Переносъ рѣшеннаго дѣла въ первомъ случаѣ совершается въ апелляціонномъ порядкѣ и влечетъ за собою иногда новое разбирательство дѣла по существу, иногда дополненіе или измѣненіе приговора. Въ остальныхъ трехъ дѣло, не рѣшаясь окончательно въ той инстанціи, гдѣ оно производится, восходитъ въ высшую инстанцію въ ревизіонномъ порядкѣ: высшая инстанція въ этихъ случаяхъ или, провѣряя производство дѣла, утверждаетъ постановленный приговоръ, или постановляетъ свой новый, или же, въ свою очередь, обращается къ слѣдующей высшей инстанціи. Во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло поднималось изъ низшей инстанціи въ высшую не окончательно рѣшеннымъ. Особой кассаціонной провѣрки уже рѣшеннаго окончательно какою-либо инстанціей дѣла, чѣмъ кассація и отличается отъ ревизіи, русское судопроизводство этой эпохи не знало, такъ какъ не было, кромѣ сената, никакой инстанціи, которая бы рѣшала дѣло окончательно, а на сенатъ не допускалось уже никогда никакихъ жалобъ. Всякое судебное рѣшеніе, слѣдовательно, за исключеніемъ сенатскаго, подлежало обжалованію его передъ высшей инстанціей или ревизіонному пересмотру его со стороны этой послѣдней, и того раздѣленія между инстанціями, какое существуетъ у насъ между апелляціонными и кассаціонными трибуналами, не было въ судебной системѣ Петра Великаго. Подводя теперь итоги всему сказанному о движеніи дѣлъ по инстанціямъ, какъ онѣ сложились въ этой системѣ, можно придти къ слѣдующимъ заключеніямъ. Причинами движенія дѣла были: или недовольство участвующихъ въ немъ сторонъ его производствомъ и рѣшеніемъ, или недовѣріе высшей власти къ способностямъ низшей, которое лежитъ въ основѣ всякой бюрократической системы, или сомнѣніе самой низшей власти въ своихъ способностяхъ и силахъ, какое бываетъ обыкновеннымъ послѣдствіемъ бюрократической системы. Недовѣріе общества къ агентамъ власти и отсюда недовольство ихъ рѣшеніями, недовѣріе самой власти къ своимъ агентамъ, и, наконецъ, недовѣріе самихъ агентовъ, лишенныхъ всякой самостоятельности и не имѣющихъ права окончательнаго рѣшенія, къ своимъ собственнымъ силамъ, словомъ, недовѣріе во всѣхъ видахъ и во всѣхъ степеняхъ— неизбѣжная черта бюрократическаго и централизованнаго управленія. Оно порождаетъ потребность строить іерархическую лѣстницу учрежденій, наблюдающихъ одни за другими, оно же двигаетъ по этой лѣстницѣ судебное дѣло. Иниціатива въ этомъ движеніи исходитъ отъ всѣхъ тѣхъ, кто испытывалъ чувство недовѣрія: отъ стороны, недовольной рѣшеніемъ близкой къ ней власти, которой она не довѣряетъ—

такимъ образомъ возникаетъ апелляціонный переносъ дѣла послѣ его рѣшенія или рядъ жалобъ на судью во время его хода. Инициатива движенія дѣла исходитъ, далѣе, отъ высшей власти, изъявшей по общему правилу цѣлый кругъ дѣлъ изъ сферы самостоятельнаго рѣшенія судьи, которому она не довѣряетъ, и могущей въ отдѣльныхъ случаяхъ вытребовать къ себѣ на пересмотръ дѣло, почему-либо ее особенно интересующее— и такимъ образомъ получается взятіе дѣла на ревизію. Наконецъ, эта инициатива исходитъ отъ самого судьи, неувѣреннаго въ силѣ своего разумѣнія, не привыкшаго къ самостоятельному шагу, трепещущаго передъ суровой отвѣтственностью и поэтому предпочитающаго лишь исполнять рѣшенія, продиктованныя сверху—отсюда постоянное обращеніе судьи за руководствомъ не только въ самыхъ важныхъ, трудныхъ и спорныхъ дѣлахъ, какъ это ему предписывалось закономъ, но и во всѣхъ случаяхъ, сколько-нибудь отклонявшихся отъ шаблона, гдѣ надо было затратить нѣкоторую малую долю юридическаго размышленія и творчества. Послѣдствіями возбужденнаго движенія дѣла могло быть его новое производство или простая менѣе сложная и болѣе формальная провѣрка его путемъ ревизіи, оканчивающейся утвержденіемъ приговора, проектированнаго судьей, или постановкой новаго своего, или обращеніемъ въ свою очередь за рѣшеніемъ въ слѣдующую высшую инстанцію. Обиліе инстанцій и легкость, съ какою могло совершать движеніе по ихъ лѣстницѣ судебное дѣло, если только участвующія въ немъ лица имѣли необходимыя для того время и средства, сообщали судебнымъ приговорамъ большую подвижность. Недовѣріе, на которомъ была построена судебная система Петра, возбуждая усиленное движеніе дѣлъ по инстанціямъ и колебля приговоры, приводило къ своему конечному результату: не давая суду устойчивости, оно вело къ отсутствію правосудія. Возможно ли правосудіе тамъ, гдѣ судъ лишенъ твердости и увѣренности въ своихъ дѣйствіяхъ, гдѣ каждый состоявшійся приговоръ можетъ быть тотчасъ же измѣненъ, гдѣ самъ судья произноситъ этотъ приговоръ неувѣреннымъ голосомъ? Всѣми этими чертами и отличались судебныя учрежденія Петра. Судья того времени дѣйствовалъ съ тою же нетвердостью, съ какою дѣйствуетъ человѣкъ, которому никто не вѣритъ. Ему не вѣрило общество, которое онъ судилъ: оно не видѣло правды въ его приговорахъ и искало ее выше; ему не вѣрила и власть, которая его поставила: она боялась, хватитъ ли у судьи силъ справиться съ порученнымъ ему дѣломъ. Кончалось тѣмъ, что менѣе всего судья сталъ вѣрить въ самого себя, и вотъ почему онъ, опасаясь всякихъ апелляцій и ревизій, предпочиталъ, принимая челобитную, не давать ей никакого дальнѣйшаго дви-

женія. Просмотрите любую вязку дѣлъ, оставшуюся отъ судебныхъ учрежденій Петра: значительно большая половина судебныхъ дѣлъ, въ ней находящихся,—не окончены, и на многихъ изъ нихъ вы встрѣтите надпись, сдѣланную уже при разборѣ ихъ въ царствованіе Екатерины II: «передать въ архивъ къ вѣчному забвенію».

VI.

Въ ходѣ судебной реформы Петра можно наблюдать ту же послѣдовательность явленій, какая замѣтна была и въ ходѣ административной. Реформаторъ вдохновляется признанными имъ за лучшіе шведскими образцами; но уже проектъ, стремящійся согласовать русскую дѣйствительность съ этими образцами, по мѣрѣ его обсужденія и провѣрки въ значительной степени долженъ отъ нихъ отступать, удовлетворяя требованіямъ и условіямъ русской жизни. Введенныя и начавшія дѣйствовать учрежденія, на каждомъ своемъ шагу встрѣчая непредвидѣнныя препятствія, приспособляются къ обстоятельствамъ, все болѣе уступаютъ имъ и все далѣе отступаютъ отъ своего иноземнаго первообраза. Судебныя учрежденія такъ, какъ они сложились въ 1719—1722 годахъ, мало были похожи на шведскія; о послѣднихъ напоминали только иногда употреблявшіяся для обозначенія ихъ иностранныя названія. Содержаніе жизни быстро овладѣвало формами, въ которыя его хотѣли облечь, и изъ подъ этой новой непрочной оболочки ясно сквозили старыя начала. И въ самой конструкціи системы инстанцій, и въ значеніи ихъ оказалась большая разница съ Швеціей. Вершина государственныхъ учрежденій—сенатъ, какъ верховный органъ надзора за юстиціей и какъ судебный трибуналъ высшей, а нерѣдко и первой инстанціи; подчиненная ему юстицъ-коллегія, вѣдавшая администрацію судебной части подобно теперешнему министерству юстиціи и въ то же время выступающая въ роли трибунала, то высшей, то первой инстанціи—были особенностями русской судебной системы, отличавшими ее отъ шведской. Въ Швеціи судебная система слагалась изъ трехъ инстанцій: ландрихтера, оберъ-ландрихтера и надворнаго суда. Въ Россіи ихъ оказалось четыре: нижній судъ—въ видѣ «провинціальнаго» суда подъ предсѣдательствомъ оберъ-ландрихтера въ нѣсколькихъ большихъ городахъ и въ видѣ городоваго судьи въ остальныхъ; далѣе: надворный судъ, юстицъ-коллегія и сенатъ. Такимъ образомъ, въ русской системѣ сравнительно съ шведской оказалось двумя трибуналами больше въ центрѣ и зато однимъ меньше въ мѣстности, такъ какъ провин-

ціальная инстанція, соотвѣтствовавшая суду шведскаго оберъ-ландрихтера, которая должна была занять середину между городовымъ судьей и надворнымъ судомъ, въ учрежденіяхъ 1719 — 1722 г. не осуществилась, и суды оберъ-ландрихтеровъ въ тѣхъ немногихъ провинціальныхъ центрахъ, гдѣ они были открыты, получили значеніе не второй, а только первой инстанціи для своихъ округовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и верховная власть въ Россіи не получила относительно судебныхъ учрежденій того значенія, какое она имѣла въ Швеціи, гдѣ ей при содѣйствіи особой комиссіи принадлежало право кассаціоннаго пересмотра оконченныхъ судебныхъ дѣлъ. Свои судебныя функціи эта власть передавала сенату, но послѣдній не пріобрѣлъ значенія кассаціоннаго трибунала, онъ сдѣлался такою же апелляціонною инстанціей, какими были и всѣ другія.

Только одною своею чертой, заимствованной изъ шведскаго порядка, судебная система 1719—1722 г. близко напоминала свое происхожденіе. Это было довольно полно, хотя и не всецѣло, проведенное въ ней отдѣленіе судебной власти отъ исполнительной. Особая коллегія была учреждена для управленія судебнымъ вѣдомствомъ, отдѣленнымъ теперь отъ администраціи. Затѣмъ, въ особенности ярко это начало раздѣленія властей реформа стремилась осуществить въ нижнихъ судахъ: появились независимые отъ административныхъ властей городовые судьи и нижніе «провинціальные» суды оберъ-ландрихтеровъ. Однако, показавшись на короткій мигъ, это начало современной намъ юстиціи тотчасъ же и начало меркнуть за надвинувшимися условіями дѣйствительности. Раздѣленіе властей было однимъ изъ свойствъ шведскихъ учрежденій, которое и было перенесено въ Россію вмѣстѣ съ ними. Но это свойство не было возведено на высоту отвлеченной идеи, откуда оно могло бы получить то значеніе юридическаго догмата, какимъ оно стало во второй половинѣ XVIII вѣка, и поэтому въ глазахъ современниковъ реформы оно имѣло значеніе случайной, а не существенной черты, которая могла казаться нѣкоторой роскошью, и которою можно было по требованіямъ необходимости и пожертвовать. Уже съ первыхъ шаговъ новаго суда начались отъ него отступленія. Сперва только временныя и исключительныя, допускаемыя въ виду необходимости, эти отступленія скоро становились постоянными и общими. При открытіи надворныхъ судовъ въ большинство изъ нихъ предсѣдателями были назначены представители областной администраціи, — это былъ уже значительный шагъ къ сліянію судебной власти съ исполнительной, въ особенности если принять во вниманіе, какое выдающееся положеніе долженъ былъ получить въ соста-

вѣ надворнаго суда такой вооруженный административною властью предсѣдатель. Съ 1721 г. назначеніе предсѣдателями надворныхъ судовъ мѣстныхъ губернаторовъ сдѣлалось общимъ правиломъ. Далѣе, изъ подсудности общимъ судебнымъ учрежденіямъ: юстицъ-коллегіи, надворнымъ и нижнимъ судамъ стали одно за другимъ совершаться изъятія различныхъ категорій лицъ и различныхъ категорій дѣлъ съ подчиненіемъ ихъ юрисдикціи административныхъ учрежденій, которыя такимъ образомъ вновь снабжались судебными функціями. Такъ, населеніе церковныхъ земель, за исключеніемъ важныхъ уголовныхъ дѣлъ, сдѣлалось подсуднымъ своимъ особымъ «управителямъ» — «комиссарамъ синодальной команды», соединившимъ въ своихъ рукахъ полицейскія обязанности земскихъ комиссаровъ съ судебными функціями городовыхъ судей. Точно такъ же изъятіе городскаго населенія изъ подсудности общимъ судамъ соединило въ городскихъ магистратахъ значеніе административныхъ и судебныхъ учрежденій. Такими же послѣдствіями сопровождалось и исключеніе отдѣльныхъ родовъ судебныхъ дѣлъ изъ компетенціи общихъ судебныхъ учрежденій. По указу 18 янв. 1722 г. въ дѣлахъ о преступленіяхъ по должности общія судебныя учрежденія должны были ограничиваться лишь производствомъ слѣдствія, право же произносить приговоръ было предоставлено той коллегіи, къ вѣдомству которой принадлежалъ виновный, и такимъ образомъ каждая административная коллегія становилась судебнымъ мѣстомъ по преступленіямъ по должности лицъ, ей подвѣдомственныхъ, притомъ не только чиновниковъ, но и лицъ, вступающихъ въ подряды, берущихъ откупа по вѣдомству коллегіи и пр. Нѣкоторыя административныя коллегіи выступали въ качествѣ судебныхъ учрежденій по дѣламъ, имѣвшимъ отношеніе къ сферѣ ихъ управленія. Коммерцъ-коллегіи, напр., были подсудны торговыя и вексельныя дѣла и судебные процессы, въ которыхъ участвовали иностранные купцы. Такъ, ограниченіе компетенціи общихъ судебныхъ учрежденій искажало начало раздѣленія властей, отдавая судебныя дѣла административнымъ учрежденіямъ, безъ созданія особыхъ спеціальныхъ трибуналовъ. Все это шло въ разрѣзъ съ тѣмъ основаніемъ, на которомъ были построены суды 1719 — 1722 гг. Наконецъ, отношеніями, въ какихъ очутились эти суды къ административнымъ учрежденіямъ въ области, вызваны были дальнѣйшія отступленія отъ начала раздѣленія властей, даже и въ томъ неполномъ видѣ, въ какомъ оно было проведено въ судебной системѣ перваго періода [1]).

[1]) *Кавелинъ*, Сочин. т. I, 271, изд. 1859 г.

Эти отношенія, какъ они въ 1719 — 22 гг. сложились на практикѣ, были совсѣмъ не такими, какими они должны были быть по закону. Законъ опредѣлялъ ихъ, отдѣляя власть судебную отъ исполнительной. Но такъ какъ мысль объ этомъ раздѣленіи не вошла еще въ сознаніе въ видѣ отвлеченнаго принципа, общей теоріи или догмата государственнаго права, то и самое это опредѣленіе страдало въ значительной степени неясностью. Законъ рѣшительно воспрещалъ судебному персоналу вмѣшиваться въ административныя дѣла, вступать въ какіе-нибудь «губернскіе денежные окладные и неокладные поборы и расходы», какъ гласилъ наказъ судьямъ. Съ другой стороны и представителямъ областной администраціи предписывалось: «что отъ юстиціи принадлежитъ, то впредь губернатору или воеводѣ и земскому комиссару до онаго дѣла не имѣть», какъ гласила инструкція земскимъ комиссарамъ. Воевода не долженъ былъ «ссоръ тяжебнаго дѣла между подданныхъ судить и судьямъ въ расправѣ ихъ помѣшательство чинить», а «смертныя дѣла» онъ былъ обязанъ «каждое къ своему надлежащему суду отсылать». Въ такихъ выраженіяхъ устранялось воеводской инструкціей участіе воеводы въ судопроизводствѣ по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ. Однако администрація не совсѣмъ удалена закономъ отъ судебнаго процесса. Прежде всего на нее возложена обязанность помощи суду посредствомъ различныхъ исполнительныхъ дѣйствій, оказываемой въ различные моменты судебнаго процесса. Поимка преступниковъ и производство предварительнаго дознанія до открытія процесса, доставленіе суду разнаго рода справокъ во время его хода и, наконецъ, исполненіе судебнаго приговора, завершающаго процессъ,— всѣ эти дѣйствія отнесены инструкціями къ числу функцій областной администраціи, которыми она «чинитъ вспоможеніе» судебной власти. Воевода обязанъ рѣшенія надворнаго суда по уголовнымъ дѣламъ «къ подобающему и дѣйствительному исполненію въ дѣйство производить» и точно такъ же оказывать содѣйствіе сторонѣ выигравшей гражданскую тяжбу въ исполненіи судебнаго приговора. И земскому комиссару «надлежитъ экзекуціи (то-есть исполненіе приговоровъ о наказаніи и казни) чинить» по письменному повелѣнію губернатора или воеводы. Но этой помощью суду и исполненіемъ его рѣшеній отношенія между административной и судебной властями не ограничивались. Въ нихъ привходила еще функція надзора, которая и нарушала равновѣсіе между властями. Законъ давалъ перевѣсъ административной власти тѣмъ, что дѣятельность судебной поставлена имъ подъ надзоръ со стороны администраціи. Чинамъ областнаго финансоваго управленія принадлежалъ финансовый контроль надъ денежными суммами, проходившими черезъ

судебныя учрежденія въ видѣ взимаемыхъ съ судебныхъ дѣлъ пошлинъ. О приходѣ этихъ суммъ и ихъ расходованіи на содержаніе своихъ канцелярій областные суды должны были помѣсячно рапортовать мѣстному камериру, а самыя деньги передавать на храненіе въ провинціальную рентерею. Надзоръ воеводы проникалъ болѣе глубоко въ дѣятельность судебныхъ учрежденій: онъ касался именно ея судебной стороны. Законъ уполномочивалъ воеводу смотрѣть за исполненіемъ городовыми судьями данной имъ инструкціи, за тѣмъ, чтобы они не утѣсняли никого волокитой, чтобъ каждой изъ сторонъ, участвующихъ въ процессѣ былъ прочтенъ приговоръ и даже за соблюденіемъ со стороны нижняго суда его обязательныхъ отношеній къ надворному суду: чтобъ «протоколы отъ уѣздныхъ судовъ его царскаго величества въ надворный судъ присылали». Отъ надзора администраціи не былъ свободенъ и надворный судъ. Воевода могъ «припоминать» надворному суду, если въ немъ оставались нерѣшенными какія-либо дѣла; ему предоставлялся даже нѣкоторый контроль надъ приговорами этого трибунала: прежде чѣмъ исполнять приговоръ, воевода имѣлъ право, если былъ съ нимъ несогласенъ, сдѣлать о томъ мотивированное представленіе суду, который могъ «воспріять за благо воеводскіе доклады и резоны». Итакъ, реформа 1719 г., изъявъ судебную функцію изъ рукъ администраціи, оставила однако за послѣдней по отношенію къ суду не только значеніе органа исполнительной полиціи, но и право надзора за дѣятельностью судебныхъ учрежденій. При этомъ самыя средства надзора были обозначены настолько неясно, и вообще относившіеся сюда пункты воеводской инструкціи были изложены настолько сбивчиво и туманно, что вовсе не удивительно, если они вызывали полное недоумѣніе и сомнѣніе со стороны воеводъ. Орловскій воевода не зналъ, какъ ему поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда населеніе обращалось къ нему съ жалобами на неправильности, допускаемыя судьями при отправленіи правосудія; онъ склонялся къ тому мнѣнію, что въ этихъ случаяхъ онъ могъ вытребовать къ себѣ изъ судейскихъ канцелярій то или другое дѣло. Курскій надворный судъ, къ судебному округу котораго принадлежала его провинція, и къ которому онъ обратился за указаніями, разъяснилъ ему, что вытребовать къ себѣ дѣлъ отъ судей воевода не имѣетъ права, но что, получивъ жалобу на дѣйствія судьи, онъ обязанъ ограничиться лишь простою передачей ея судьѣ и сообщеніемъ ея надворному суду. Воеводу, повидимому, совершенно не удовлетворило это разъясненіе; по крайней мѣрѣ, онъ, донося сенату о своемъ обращеніи къ надворному суду по поводу встрѣченныхъ неясностей въ инструкціи, жаловался, что въ отвѣтѣ

надворнаго суда на его вопросы «показано наипаче къ послабленію имъ, судьямъ» [1]).

Легко предвидѣть, какъ далеко будетъ отступать практика отъ нормъ закона, такъ несовершенно разработанныхъ и съ такою неясностью устанавливавшихъ начало раздѣленія властей. Нарушеніе закона идетъ съ обѣихъ сторонъ: и отъ суда, и отъ администраціи. Несмотря на строгія запрещенія наказа, судьи не соблюдаютъ ихъ и вмѣшиваются въ административныя дѣла. Орловскій воевода составилъ длинный списокъ жалобъ на судей своей провинціи, въ которомъ перечислилъ цѣлый рядъ «противностей», чинимыхъ ему послѣдними. Судьи, занявъ свои должности не сообщили ему копій съ данныхъ имъ наказовъ, рѣшаютъ дѣла, подлежащія воеводскому рѣшенію, забираютъ къ себѣ своевольно воеводскихъ и комиссарскихъ подьячихъ, чѣмъ вредятъ успѣшности казенныхъ сборовъ, требуютъ къ своему суду посадскихъ людей, посылаютъ по своимъ дѣламъ дворянъ, состоящихъ при воеводской канцеляріи и т. п. Что это не былъ единственный случай, видно изъ того, что сенатъ, по докладу камеръ-коллегіи, счелъ нужнымъ особымъ общимъ указомъ повелѣть «опредѣленнымъ отъ юстицъ-коллегіи судьямъ камеръ-коллегіи камерирамъ въ сборѣхъ помѣшательства отнюдь никакого не чинить и не въ свои дѣла не вступать». Но, запрещая судьямъ входить въ сферу администраціи, правительство само было иногда принуждено нарушать эту рѣзкую грань между судебной и исполнительной властями и само привлекало судей къ участію въ администраціи. Тотъ же указъ, который организовалъ московскій надворный судъ, назначая въ члены его полковниковъ и царедворцевъ, предписывалъ этимъ членамъ «и во управленіи губернскихъ дѣлъ быть обще» съ московскимъ вице-губернаторомъ, и, такимъ образомъ, московскій надворный судъ былъ привлеченъ къ участію въ губернской администраціи еще прежде, чѣмъ представитель этой администраціи, вице-губернаторъ Воейковъ, сталъ принимать участіе въ судебныхъ дѣлахъ надворнаго суда, будучи назначенъ его вице-президентомъ. Вице-губернаторъ даже жаловался на членовъ надворнаго суда въ томъ, что они ему въ губернскихъ дѣлахъ «вспоможенія чинятъ мало», въ губернскую канцелярію ѣздятъ всего только по два, а то и по одному разу въ недѣлю, притомъ не всѣ, да и не долго въ ней бываютъ, а въ

[1]) П. С. З. № 3294: инструкція воеводѣ, п. 5, 6, 9. № 3295: инструкція земскому комиссару, п. 22. Наказъ судьямъ: д. сен. кн. 649, л. 588. П. С. З. № 3786. Дѣла сен. кн. 114, л. 574 и слѣд.

прочіе дни отправляютъ свои дѣла. Но имъ было не въ силу справляться и съ судебными дѣлами. Изъ шести членовъ надворнаго суда къ ноябрю 1720 г. одинъ умеръ, двое были вытребованы въ Петербургъ, двое сверхъ своихъ судейскихъ обязанностей получили особыя порученія административнаго свойства и были заняты описью дѣлъ и имущества нѣкоторыхъ старинныхъ приказовъ, такъ что весь постоянный составъ суда свелся къ одному члену.

Были случаи, когда даже все управленіе провинціей поручалось судьѣ. Такъ, въ сент. 1720 г. было предписано юрьевъ-польскому судьѣ управлять суздальскою провинціей вмѣстѣ съ камериромъ. Это порученіе дано было судьѣ потому, что суздальскій воевода Постельниковъ былъ временно отрѣшенъ отъ должности по поводу одного изъ тѣхъ обычныхъ столкновеній, которыми богата лѣтопись русскаго областнаго управленія,—ссоры мѣстныхъ представителей свѣтской и духовной власти. Воевода сильно не ладилъ съ архіереемъ. Вражда вызвала съ обѣихъ сторонъ рядъ доносовъ въ столицу, исполненныхъ самыхъ злобныхъ обвиненій. Воевода писалъ на архіерея, что тотъ отказывается вносить казенныя повинности съ кафедральныхъ вотчинъ, обвинялъ его во взяточничествѣ, въ вымогательствѣ денегъ путемъ угрозы церковнымъ отлученіемъ, въ насиліи надъ городскими жителями, которыхъ архіерей держитъ у себя въ домѣ на цѣпи, въ блудномъ сожительствѣ съ игуменьей женскаго монастыря, въ устройствѣ въ этомъ монастырѣ оргій («будучи въ монастырѣ на обѣдѣ у игуменьи напился и послѣ обѣда дѣвку лѣтъ двѣнадцати, которая пострижена въ ряску, снявъ съ нея наметку и поставя ее посреди кельи, велѣлъ съ поддьякомъ своимъ цѣловаться, а соборному попу и старицамъ—пѣть стихи и былъ весь день до другаго часу ночи») и даже въ убійствѣ («въ селѣ Покровскомъ весною, ѣздя по рѣкѣ Нерли въ лодкѣ и ловя рыбу, велѣлъ вытолкнуть изъ лодки крестьянина, который при немъ и утонулъ»). Духовенство не оставалось въ долгу и мстило за своего главу также доносами. Разслѣдовать это столкновеніе и было велѣно юрьевъ-польскому судьѣ кн. Львову, а суздальскому воеводѣ предписывалось на время разслѣдованія выѣхать изъ провинціи, чтобы не стѣснять свидѣтельскихъ показаній. Но вмѣстѣ съ производствомъ слѣдствія судьѣ было поручено вести и административное управленіе провинціей: «тое суздальскую провинцію вѣдать и его, великаго государя, дѣла управлять оному судьѣ съ камериромъ». Это правленіе судьи и продолжалось до назначенія новаго воеводы. Въ томъ же 1720 г. за отъѣздомъ воеводы ярославской провинціи

Нарышкина управлялъ этой провинціей одинъ изъ членовъ ярославскаго надворнаго суда А. Дашковъ [1]).

Еще чаще нарушала границу раздѣленія властей областная администрація, чувствовавшая себя болѣе сильной и болѣе прочно поставленной въ провинціи сравнительно съ судебнымъ персоналомъ, подлежавшимъ ея же надзору. Въ 1720 г. юстицъ-коллегія открыто заявляла, что ея указы не только не исполняются губернаторами и воеводами, обязанными исполнять ихъ наравнѣ съ указами сената, но что представители мѣстной администраціи оказываютъ ей явное ослушаніе, «вмѣняя эти указы якобы ни во что». Губернаторы и воеводы постоянно, несмотря на неоднократное запрещеніе, вступаютъ въ дѣла юстицъ-коллегіи, отчего въ отправленіи правосудія происходитъ остановка. Коллегія выражала неудовольствіе на дѣятельность мѣстныхъ фискаловъ, недостаточно зорко наблюдающихъ за нарушеніемъ чинами администраціи прерогативъ судебнаго вѣдомства, и строго предписывала имъ немедленно доносить о всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда губернаторы и воеводы будутъ тормазить ходъ судебныхъ дѣлъ, присвоивать себѣ непринадлежащую имъ судебную власть и разбирать судебныя дѣла помимо присланныхъ для отправленія такихъ дѣлъ особыхъ судей, медлить исполненіемъ указовъ коллегіи или вовсе не исполнять ихъ. Коллегія предписывала также и самимъ судьямъ не скрывать незаконныхъ дѣйствій администраціи и «о противностяхъ» губернаторовъ и воеводъ тотчасъ же сообщать фискаламъ. Этотъ указъ однако не оказалъ дѣйствительныхъ результатовъ, и вторженіе областныхъ правителей въ судебную сферу продолжалось по прежнему. Воевода не ограничивался въ судебныхъ дѣлахъ отведенными ему закономъ предѣлами надзора; по архивамъ воеводскихъ канцелярій видно, что онъ продолжаетъ принимать исковыя прошенія и разбирать судебныя дѣла въ то время, когда бокъ о бокъ съ нимъ сидитъ назначенный юстицъ-коллегіей судья. Предѣлы воеводскаго надзора надъ ходомъ юстиціи въ провинціи были слишкомъ туманно очерчены, чтобы поставить воеводу въ ясныя рамки. Если уже само верховное правительство, проводившее новыя учрежденія съ раздѣленіемъ судебной и исполнительной властей, настолько неотчетливо усвоило себѣ это начало, что стало нарушать его при самомъ осуществленіи реформы и легко и скоро отъ него отказалось, то что же удивительнаго, что его совсѣмъ не могли усвоить представители областной администраціи? Люди, занявшіе вое-

[1]) Дѣл. сен. кн. 811, л. 381. П. С. З. №№ 3791, 3344. Дѣл. сен. кн. 126, л. 337 и сл.; кн. 657, л. 723—778; кн. 128, л. 93; кн. 198, л. 222.

водскія мѣста въ областномъ управленіи 1719 г., воспитались при иныхъ взглядахъ и порядкахъ. Они выросли съ тѣмъ взглядомъ, по которому судъ и управленіе нераздѣльно сливались въ одно понятіе. Они сами, до назначенія ихъ воеводами въ 1719 г., на практикѣ примѣняли уже этотъ усвоенный съ дѣтства взглядъ, управляя долями въ качествѣ ландратовъ, для которыхъ не было извѣстно отдѣленіе судебной власти отъ исполнительной, такъ какъ ландратъ соединялъ въ себѣ обязанности администратора и судьи. Такимъ образомъ, и унаслѣдованные взгляды, и собственный правительственный опытъ шли совершенно въ разрѣзъ съ началомъ, проводимымъ реформой. Управленіе настолько срослось съ судомъ въ понятіяхъ и привычкахъ людей конца XVII и начала XVIII вѣка, что недостаточно было многихъ указовъ, нужны были многіе годы, чтобы создать новую привычку раздѣлять эти функціи. Достаточно усваивая іерархическое распредѣленіе власти по ея высшимъ и низшимъ ступенямъ, русскій служебный міръ и русское общество съ трудомъ привыкали къ заводимому Петромъ логическому раздѣленію власти по категоріямъ дѣлъ, подлежавшихъ ея вѣдѣнію. Благодаря всему этому воевода не умѣлъ раздѣлять функціи власти, такъ какъ не былъ въ состояніи вполнѣ усвоить новое начало управленія, или не хотѣлъ соблюдать этого раздѣленія, такъ какъ оно слишкомъ противорѣчило его унаслѣдованнымъ взглядамъ и пріобрѣтеннымъ привычкамъ. Притомъ отказаться отъ судебныхъ дѣлъ въ глазахъ воеводы того времени значило потерять одну изъ самыхъ доходныхъ статей, одну изъ самыхъ главныхъ приманокъ своей должности. Вотъ почему тамъ, гдѣ по какой-либо причинѣ нельзя было эти дѣла узурпировать, грубо отстраняя судью, воевода вступалъ съ нимъ въ полюбовное соглашеніе и заключалъ для обоихъ выгодную сдѣлку. По донесенію тамбовскаго провинціалъ-фискала судьи тамбовской провинціи, высказывая полную враждебность по адресу фискаловъ, «фискальное дѣйство ни во что вмѣняя и обращаясь съ ними, фискалами, съ свирѣпствомъ», въ то же время необыкновенно дружатъ съ воеводой, имѣютъ съ нимъ такой союзъ, «какъ если бы они были его подданными». Судьи отдаютъ воеводѣ поступающія къ нимъ судебныя дѣла, а воевода ихъ за то «снабдѣваетъ», обязывая населеніе слободами возить судьямъ дрова, косить сѣно и отправлять на нихъ другія работы. Тамбовскій судья Колобовъ «уступилъ» воеводѣ два важные процесса: одинъ—уголовный—дѣло о нѣкоемъ «ворѣ» Чичасовѣ, державшемъ по Хопру воровскія станицы, который однако благодаря этому соглашенію между судьей и воеводой почему то оказался отпущеннымъ на свободу, другой—гражданскій—тяжбу кригсъ-комиссара И. Ѳ. Бутурлина

съ крестьянами села Олгасова. За эту любезность воевода предоставилъ къ услугамъ судьи шесть человѣкъ слободскихъ жителей и нѣсколько гарнизонныхъ солдатъ для работъ въ его домѣ и установилъ въ пользу судьи особый сборъ дровами и сѣномъ съ городскаго населенія [1]).

Съ другой стороны, и само населеніе рѣшительно не хотѣло знать никакого логическаго раздѣленія функцій между вновь установленными органами мѣстной власти и въ тѣхъ случаяхъ, когда это было ему нужно, обращалось къ ближайшему наличному ея представителю, не всегда справляясь съ предѣлами его компетенціи. Являясь къ судьѣ съ дѣлами полицейскаго характера, подлежавшими вѣдѣнію земскаго комиссара, оно нерѣдко несло свои судебныя дѣла къ воеводѣ. Въ особенности склонно было общество, нарушая установленный закономъ порядокъ судебныхъ инстанцій, апеллировать отъ судьи къ воеводѣ, разсматривая послѣдняго, какъ слѣдующую высшую инстанцію надъ судьей, и по такимъ жалобамъ воеводы не задумывались требовать отъ судей присылки производившихся ими дѣлъ въ свою канцелярію. Однодворцы тульскаго уѣзда В. и Г. Дьяковы подали тульскому воеводѣ челобитную, которою обжаловали рѣшеніе тульскаго судьи Д. Ивашкина по ихъ дѣлу съ однодворцемъ Карандышевымъ; воевода тотчасъ же потребовалъ это дѣло отъ судьи къ себѣ. Въ 1721 г. стольникъ Зыбинъ велъ тяжбу съ галицкимъ помѣщикомъ Верховскимъ о землѣ передъ галицкимъ судьей Нелидовымъ. Недовольныя рѣшеніемъ судьи обѣ стороны обратились съ прошеніями къ галицкому воеводѣ, въ которыхъ ходатайствовали о переносѣ ихъ дѣла въ галицкую воеводскую канцелярію. Воевода по ихъ челобитью приговорилъ послать къ судьѣ указъ, въ которомъ ему объявить, чтобы онъ производившееся у него подлинное дѣло Зыбина съ Верховскимъ, оставивъ у себя съ него копію, прислалъ въ воеводскую канцелярію *къ разсужденію и для лучшаго въ томъ дѣлѣ усмотрѣнія*. Какъ на мотивъ къ такому переносу дѣла, воевода сослался на прошенія сторонъ. Ни сторонамъ, ни воеводѣ, очевидно, и въ голову не приходило, что они дѣйствовали совершенно вопреки законамъ о порядкѣ судебныхъ инстанцій, отдѣлявшимъ судъ отъ администраціи [2]).

[1]) П. С. З. № 3608. Дѣл. угличской пров. канц. №№ 453, 454, 510 и др. Дѣл. юстицъ-колл., вязка 1960, д. 39.

[2]) Дѣла галицкаго уѣздн. суд. оп. I, д. 337. Дѣл. гороховецкаго уѣздн. суд. оп. I, дд. 39, 41. Дѣл. сен. кн. 114, л. 574 и сл.; кн. 126, л. 1383. Дѣл. галицкаго уѣздн. суд. оп. I, д. 399.

Впрочемъ, иныя дѣла сами возбуждали сомнѣніе, какой компетенціи они подлежали. Орловскій воевода велъ споръ съ судьями своей провинціи о дѣлахъ по нарушенію казенныхъ интересовъ, возбуждаемыхъ доносами фискаловъ. Воевода доказывалъ, что слѣдствіе по этимъ дѣламъ должно производиться имъ, такъ какъ ему подчинялось финансовое управленіе провинціей и поручался надзоръ вообще за финансовыми дѣлами. Судьи же относили такого рода дѣла къ обыкновеннымъ судебнымъ и отказывались передавать воеводѣ фискальскія жалобы. Курскій надворный судъ, куда воевода обратился за разъясненіемъ, и самъ не могъ принять опредѣленнаго рѣшенія; на вопросъ воеводы онъ ограничился двусмысленнымъ и туманнымъ отвѣтомъ, указавъ послѣднему «чинить, какъ данная ему инструкція повелѣваетъ». Всѣ эти обстоятельства взятыя вмѣстѣ: и неясность раздѣленія властей въ сознаніи высшаго правительства, порождавшая противорѣчія въ его дѣйствіяхъ, начиная съ самаго введенія реформы, и непривычка мѣстныхъ органовъ власти, равно какъ и самого общества различать компетенціи новыхъ учрежденій по роду дѣлъ, и, наконецъ, неясность относительно компетенціи, возбуждаемая иногда свойствомъ дѣлъ при отсутствіи опредѣленныхъ указаній закона—вели къ полной дисгармоніи между носителями обоихъ родовъ власти: судебной и административной. У судей съ воеводами, если только они не сумѣли устроить полюбовное размежеваніе на счетъ мѣстнаго населенія, подобное тому, какое установилось въ тамбовской провинціи,—постоянныя недоразумѣнія, неудовольствія и ссоры, сопровождавшіяся обыкновенно безчисленными доносами другъ на друга и взаимными жалобами на нарушеніе компетенціи, летѣвшими въ столицу и наполнившими собою архивъ сената. Тульскій воевода жалуется на алексинскаго судью, который при объѣздѣ воеводою провинціи, не пожелавъ съ нимъ встрѣтиться, уѣхалъ въ свою калужскую деревню, и несмотря на неоднократныя приглашенія воеводы, къ нему не явился. Въ Переяславлѣ Залѣсскомъ воевода, по прибытіи къ мѣсту службы судьи Л. Танѣева, пригласилъ его принести положенную присягу. Судья обидѣлся, велѣлъ отвѣтить, что онъ къ присягѣ нейдетъ, не признавая за воеводой права приводить его къ присягѣ. Владимірскій воевода доносилъ на владимірскаго судью Г. Трегубова, что онъ въ дѣлахъ чинитъ волокиту и продолженіе, его, воеводу, не слушаетъ и впредь слушать не хочетъ, не только ничего не сообщаетъ воеводѣ о движеніи судебныхъ дѣлъ, но даже отказался представить ему для свѣдѣнія полученную изъ юстицъ-коллегіи инструкцію. Онъ же жаловался и на другаго судью своей провинціи—муромскаго, С. Владыкина, который отка-

зался неизвѣстно по какимъ причинамъ принять посланное ему воеводой дѣло о разбоѣ, вообще «не имѣетъ старанія и къ дѣламъ рѣшенія», воеводѣ «для разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ не объявляетъ», ни на какіе вопросы изъ воеводской канцеляріи отвѣчать не желаетъ и держитъ долгое время въ тюрьмѣ колодниковъ, изъ которыхъ «многіе помираютъ безвременно, а иные изъ тюрьмы уходятъ». Въ свою очередь новый владимірскій судья, Ѳ. Тяпкинъ, въ 1721 г. смѣнившій Трегубова, принужденъ былъ жаловаться въ надворный судъ на вмѣшательство воеводы въ судебныя дѣла. По дѣлу владимірскаго помѣщика гр. Апраксина съ Всегодичскою дворцовою волостью объ укрывательствѣ бѣглыхъ крестьянъ перваго судья отправилъ въ эту волость подьячаго для привода спорныхъ бѣглыхъ. Сельская администрація дворцоваго села Всегодичъ оказала было полное содѣйствіе командированному подьячему судьи, отрядивъ въ его распоряженіе десятскихъ, которые и задержали бѣглыхъ, какъ вдругъ въ село пріѣхалъ воевода и запретилъ дворцовому приказчику исполнять какія-либо распоряженія судьи. Надворный судъ принужденъ былъ писать владимірскому воеводѣ, чтобы онъ «впредь въ дѣла, касающіяся до юстицъ-коллегіи, не вступалъ и судьѣ препятствія въ тѣхъ дѣлахъ никакого не чинилъ», и для лучшаго подкрѣпленія своего авторитета послалъ въ то же время жалобу на воеводу въ юстицъ-коллегію и въ сенатъ. Судьею въ Архангельскѣ былъ назначенъ дьякъ И. Хрипуновъ. У него тотчасъ же вышло столкновеніе съ архангельскимъ вице-губернаторомъ, и послѣдній писалъ въ сенатъ, что этотъ судья хвалился ему, вице-губернатору, что «будетъ сидѣть на его мѣстѣ». Великолуцкій воевода нигдѣ не отвелъ двора судьѣ И. Чирикову, отобралъ у него служилую команду, назначенную для ловли разбойниковъ, разбиралъ самъ судебныя дѣла, а челобитчиковъ, которые обращались къ судьѣ, «устращивалъ». Новгородскій провинціальный судъ тщетно просилъ у воеводы, кн. Хилкова, отвести себѣ помѣщеніе. За тѣснотою пришлось пріостановить судебные процессы, «и многіе колодники», какъ доносилъ судъ «помирали отъ духоты». Воевода не хотѣлъ дать суду помѣщенія потому, что былъ въ ссорѣ съ его предсѣдателемъ оберъ-ландрихтеромъ Мякининымъ, обострившейся особенно съ того времени, какъ послѣдній, будучи новгородскимъ ландратомъ и запоздавъ составленіемъ порученной ландратамъ народной переписи, былъ высланъ въ Петербургъ воеводою, примѣнившимъ къ нему всю строгость суроваго указа о запоздавшихъ переписью ландратахъ, въ оковахъ и подъ карауломъ. При проѣздѣ черезъ Новгородъ въ августѣ 1720 г. самого президента юстицъ-коллегіи Мякининъ обратился къ нему съ ходатайствомъ объ отводѣ по-

мѣщенія, и тотъ указалъ воеводѣ отвести для суда прежній, необитаемый воеводскій дворъ. Проводивъ президента коллегіи, распоряженіе котораго онъ обѣщалъ исполнить, воевода письменно извѣстилъ оберъ-ландрихтера, что всетаки стараго воеводскаго двора для суда не отведетъ, а предложилъ ему на выборъ: либо занять помѣщеніе прежняго дворцоваго приказа, либо палаты на гостиномъ дворѣ. Первое, по свидѣтельству Мякинина, совершенно обветшало и было темно, да притомъ тамъ же помѣщалась провинціальная рентерея, такъ что въ залѣ засѣданій суда пришлось бы стоять часовымъ, охраняющимъ замки и печати казначейства; вторыя же были настолько тѣсны, что въ нихъ не только не могли бы помѣститься судьи и канцелярія, но некуда было бы уложить дѣлъ, да кромѣ того были расположены надъ кабакомъ. Въ теченіе этого спора отношенія воеводы къ судьѣ приняли даже характеръ какого то издѣвательства и злой насмѣшки. Получивъ новый указъ изъ юстицъ-коллегіи объ отдачѣ просимаго судомъ помѣщенія, воевода положилъ его подъ сукно и нѣкоторое время медлилъ; затѣмъ извѣстилъ судъ, что онъ можетъ перебраться на старый воеводскій дворъ. Мякининъ распорядился перевозкою туда дѣлъ, но на другой день, когда онъ съ асессорами суда подошелъ къ новому помѣщенію, въ которомъ уже были сложены перевезенныя наканунѣ дѣла, онъ нашелъ тамъ часоваго съ ружьемъ, который, загородивъ имъ путь, объявилъ, что воевода «имѣть имъ канцелярію на томъ дворѣ не велѣлъ». Новгородская администрація шла далѣе. Не давая суду помѣщенія, она старалась парализовать его дѣятельность и другими средствами и не стѣснялась прибѣгать даже къ грубому насилію, чтобы прекращать неудобные для нея процессы. Новгородской ратушѣ было строго запрещено воеводой высылать въ провинціальный судъ необходимыя ему при веденіи процессовъ дѣла. Челобитчики, донесшіе суду о хищеніяхъ казенныхъ денегъ, новгородскіе посадскіе люди Щеколдинъ и Пановъ подверглись преслѣдованію. У перваго была схвачена и посажена въ приказную палату жена, а второй былъ захваченъ самъ камериромъ Ушаковымъ, который «билъ его тростью по головѣ и голову пробилъ до крови», посадилъ его подъ арестъ, пріѣхалъ разъ въ приказную палату, гдѣ онъ сидѣлъ въ заключеніи, «въ ночномъ часу, и взявъ его, Панова, передъ себя, билъ батоги въ три перемѣны до умертвія».—Тѣ же нелады у судьи съ воеводою въ угличской провинціи. Назначенный угличскимъ судьею капитанъ Г. Вельяшевъ явился къ мѣсту своей службы въ февралѣ 1720 г., представилъ угличскому воеводѣ указъ о своемъ назначеніи и просилъ у него отвести ему дворъ для присутствія,

снабдить его необходимымъ персоналомъ подьячихъ и служилыхъ людей и передать ему изъ воеводской канцеляріи судебныя дѣла. 2-го апрѣля онъ жалуется воеводѣ, что ни одна изъ этихъ его просьбъ не исполнена и онъ живетъ въ Угличѣ безъ дѣла. 11-го апрѣля воевода послалъ ему двухъ подьячихъ, изъ которыхъ одного, какъ писалъ судья, онъ рѣшительно отказался принять, такъ какъ выяснилось, что тотъ «за пьянствомъ быть при дѣлахъ недостоинъ». Наконецъ, былъ отведенъ подъ судейскую канцелярію дворъ, который оказался тѣсенъ и негоденъ: «только изба одна, и та вся гнила, и кровли развалились, и течь отъ дождя великая, и въ окошкахъ окончинъ нѣтъ». Тюремнаго двора воевода судьѣ не отдалъ, такъ что колодники, какъ жаловался судья, содержатся на дворѣ въ холодномъ амбарѣ «и отъ морозовъ позябаютъ». Требованіе судьи о передачѣ судебныхъ дѣлъ изъ воеводской канцеляріи исполнялось туго, и судьѣ приходилось шагъ за шагомъ отвоевывать область, отведенную ему закономъ. Съ марта по сентябрь 1720 г. изъ воеводской канцеляріи было передано ему всего только одно дѣло. Въ концѣ октября было послано еще четыре. Между тѣмъ, не пересылая дѣлъ, воеводское управленіе, очевидно, не замедлило освободиться отъ тяготившей его толпы арестантовъ, которыхъ было человѣкъ пятьдесятъ, и прислало ихъ судьѣ. Не получивъ, несмотря на всѣ свои просьбы, для ихъ стражи больше трехъ человѣкъ служилыхъ людей, судья въ мартѣ 1721 г. распорядился собрать съ уѣзднаго населенія выборныхъ тюремныхъ цѣловальниковъ,—и за это послѣдовалъ ему суровый выговоръ отъ воеводы: «въ губернскіе ни въ какіе поборы и расходы безъ указовъ изъ надлежащихъ коллегій вступать тебѣ не велѣно, о чемъ данъ тебѣ наказъ. И ты оный его царскаго величества указъ презрѣлъ, вступаешь противъ даннаго тебѣ наказу». Судья, вынужденный на невольное бездѣйствіе, грозилъ съ своей стороны жаловаться на воеводу въ Петербургъ. Такъ не уживалась въ области юстиція съ администраціей, и справедливъ былъ одинъ указъ юстицъ-коллегіи, который, замѣчая, что генеральный регламентъ повелѣваетъ всѣмъ властямъ быть между собою въ соединеніи и общимъ вѣрнымъ трудолюбіемъ оказывать другъ другу всякое вспоможеніе, жаловался, что эти власти «съ яростью и презрѣніемъ тщатся» уничтожать одна сдѣланное другою [1]).

[1]) Дѣл. сен. кн. 114, л. 574 и сл., л. 453; кн. 128, л. 219, л. 460—467; кн. 124, л. 414, 405; кн. 117, л. 725; кн. 85, л. 319; кн. 198, л. 107—120; кн. 191, л. 103; кн. 196, л. 384—419; кн. 195, л. 573; кн. 198, л. 531 и сл. Дѣл. угличской пров. канц. № 369. П. С. З. № 3608.

VII.

Эта дисгармонія между судебными и административными учрежденіями, тормазившая дѣятельность тѣхъ и другихъ и наиболѣе тяжело отражавшаяся, разумѣется, на населеніи, повела къ дальнѣйшимъ отступленіямъ отъ принципа раздѣленія судебной и административной властей, положеннаго въ основу реформы 1719 г. За два года дѣйствія судовъ, отдѣленныхъ отъ управленія: 1720 и 1721 успѣло достаточно ясно обнаружиться его неудобство, чтобы послужить вѣскимъ аргументомъ для противниковъ раздѣленія властей, какихъ было не мало въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Въ сенатъ при обсужденіи табели о рангахъ по вопросу о рангахъ судебныхъ чиновъ было представлено мнѣніе военной коллегіи, авторомъ котораго слѣдуетъ, несомнѣнно, считать ея вліятельнаго президента кн. Меньшикова, о неудобствѣ существованія многихъ надворныхъ судовъ, «понеже въ Швеціи», какъ аргументирсвала коллегія, «такой судъ въ одной резиденціи, да въ такихъ провинціяхъ, которыя черезъ аккорды той области поддалися». Меньшиковъ предлагалъ оставить надворные суды только въ двухъ мѣстахъ: въ Петербургѣ, «яко въ резиденціи», и въ Москвѣ «для старости того мѣста». Но, заботясь о сближеніи русскаго судебнаго устройства съ шведскимъ въ первой части своего предложенія, онъ еще далѣе отступалъ отъ него во второй, проектируя вмѣсто надворныхъ судовъ учредить въ каждой провинціи провинціальный судъ съ провинціальными воеводами въ качествѣ президентовъ. Горячимъ противникомъ раздѣленія властей былъ и второй выдающійся сподвижникъ Петра, президентъ адмиралтействъ-коллегіи генералъ-адмиралъ Апраксинъ. 10 января 1722 г. онъ выступилъ въ сенатѣ въ присутствіи государя противъ низшихъ судебныхъ учрежденій, «учиненныхъ въ губерніяхъ, провинціяхъ и городахъ въ правленіи особомъ», и настаивалъ на необходимости подчинить эти суды воеводамъ, отъ чего ожидалъ самыхъ благихъ послѣдствій. Повидимому, и въ самой юстицъ-коллегіи начало раздѣленія не находило себѣ твердой поддержки. Коллегія легко отступила отъ него въ вопросѣ о назначеніи губернаторовъ президентами надворныхъ судовъ. Теперь она его не защищала противъ нападеній такихъ могущественныхъ лицъ, какъ Меньшиковъ и Апраксинъ. Разсужденія послѣднихъ убѣдили Петра, который и указалъ «нижніе суды подчинить воеводамъ». Къ обсужденію этого вопроса сенатъ не разъ возвращался, какъ видно изъ его протоколовъ, въ февралѣ 1722 года. Практическимъ послѣдствіемъ этого обсужденія были два указа:

12 марта и 4 апрѣля того же года, которыми перестраивались низшія судебныя учрежденія на началахъ, находившихъ себѣ сочувствіе въ сенатѣ, и которые представляли значительный шагъ назадъ отъ шведскихъ учрежденій къ старымъ русскимъ порядкамъ. Измѣненія, произведенныя этими указами въ системѣ судебныхъ учрежденій 1719 г., заключались въ слѣдующемъ. Городовые судьи, назначенные юстицъ-коллегіей отмѣнялись. Судебная власть, принадлежавшая имъ, поручалась «провинціальнымъ судамъ», но не тѣмъ провинціальнымъ судамъ, которые существовали въ нѣсколькихъ городахъ до этого времени, и во главѣ которыхъ стояли оберъ-ландрихтеры: эти суды, соотвѣтствовавшіе городовымъ судьямъ, также отмѣнялись; ихъ предсѣдатели, оберъ-ландрихтеры, вошли теперь въ составъ надворныхъ судовъ въ качествѣ членовъ, сохраняя однако званіе оберъ-ландрихтеровъ. Новый «провинціальный судъ», вводимый указами 1722 г., долженъ былъ находиться въ каждой провинціи, кромѣ тѣхъ, гдѣ имѣлись надворные суды. Онъ состоялъ изъ провинціальнаго воеводы, которому въ помощь «для скораго управленія и чтобъ въ дѣлахъ челобитчикамъ волокиты не было» придавалось въ знатныхъ провинціяхъ по два асессора, а въ остальныхъ по одному. Въ городахъ, отстоявшихъ отъ провинціальнаго центра болѣе двухсотъ верстъ, воеводѣ предоставлялось по своему усмотрѣнію учреждать для облегченія жителей отъ расходовъ, вызываемыхъ поѣздками по судебнымъ дѣламъ, «меньшій нижній судъ», единоличный. Этотъ единоличный трибуналъ состоялъ изъ одного особаго асессора, или, какъ его называетъ указъ 4 апрѣля, «судебнаго комиссара», назначаемаго воеводой и ему подчиненнаго, состоящаго подъ его «командой». Компетенція судебнаго комиссара была ограничена въ частныхъ тяжбахъ цѣной иска. По первому изъ этихъ указовъ ему предоставлялось судить дѣла по искамъ до 10 и 20 рублей; по второму цыфра эта была повышена до 50 рублей. Иски на болѣе высокую сумму должны были направляться прямо къ воеводѣ. Надворные суды сохранялись въ качествѣ высшей инстанціи надъ провинціальными судами. Но въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ были надворные суды, провинціальныхъ судовъ учреждать не предполагалось, и надворный судъ, представлявшій изъ себя высшую инстанцію для провинціальныхъ судовъ своего округа долженъ былъ играть роль первой инстанціи для той провинціи, въ городѣ которой онъ находился [1]).

[1]) Госуд. арх. каб. д. II, 93, л. 220—223. *Соловьевъ*, XVIII, 159. П. С. З. №№ 3917, 3935: «И быть тѣмъ судебнымъ комиссарамъ подъ командою тѣхъ провинцій воеводъ... А провинціальнымъ судамъ, гдѣ есть надворные суды, не быть».

Послѣ реформы 1722 г., измѣнившей ея нижній этажъ, система судебныхъ учрежденій Петра получила слѣдующій видъ: высшимъ органомъ судебнаго надзора, какъ и высшимъ трибуналомъ, былъ правительствующій сенатъ. Въ подчиненной ему юстицъ-коллегіи сосредоточивалось ближайшее руководство судебными учрежденіями и ихъ администрація; вмѣстѣ съ тѣмъ юстицъ-коллегія представляла изъ себя трибуналъ слѣдующей низшей послѣ сената инстанціи. Третьей инстанціей, считая сверху, были надворные суды, находившіеся въ обѣихъ столицахъ и въ городахъ: Ярославлѣ, Нижнемъ, Казани, Воронежѣ, Курскѣ, Смоленскѣ, Тобольскѣ и Енисейскѣ. Трибуналами четвертой инстанціи были провинціальные суды, учрежденные въ каждой провинціи кромѣ тѣхъ, гдѣ находились надворные. Провинціальный судъ составляли воевода съ однимъ или нѣсколькими асессорами, смотря по значенію провинціи. Указъ 12 марта предписывалъ назначать въ асессоры отставныхъ офицеровъ или дворянъ «къ тому дѣлу заобычайныхъ». Нерѣдки случаи, когда въ качествѣ асессоровъ встрѣчаемъ прежнихъ городовыхъ судей той же провинціи. Такъ, въ угличскомъ провинціальномъ судѣ асессоромъ сдѣлался бывшій кашинскій городовой судья А. Олсуфьевъ. Изъ асессоровъ галицкой провинціи одинъ, Я. Г. Сытинъ, былъ до указовъ 1722 г. судьею въ Солигаличѣ. Тамбовскій судья Л. Колобовъ, съ которымъ мы познакомились выше, дѣйствуетъ впослѣдствіи въ качествѣ асессора тамбовскаго провинціальнаго суда, продолжая въ этомъ новомъ званіи то же взяточничество, за которое его такъ обвиняли въ старомъ [1]).

[1]) Только въ петербургской и ярославской провинціяхъ при существованіи надворныхъ судовъ при воеводахъ находились по 2 асессора; въ остальныхъ, гдѣ есть надворные суды асессоровъ при губернаторахъ не встрѣчаемъ. Курскій надворный судъ находился не въ провинціальномъ городѣ, поэтому при бѣлгородскомъ воеводѣ состоятъ также 2 асессора. Но въ первыхъ двухъ случаяхъ асессоры исполняютъ административныя функціи, а не судебныя. Въ 1723 г. ярославская воеводская канцелярія, т. е. воевода съ асессорами постановили отослать одно дѣло въ ярославскій надворный судъ, «понеже оное дѣло—*тяжебное* и къ слѣдованію подлежитъ онаго надворнаго суда»; значитъ, воевода съ асессорами не считали себя въ правѣ рѣшать судебныя дѣла. См. дѣл. юстицъ-колл. вязка 1966, д. 2. *Кириловъ*, Цвѣтущее состояніе всероссійскаго государства. По статистикѣ, приводимой этимъ послѣднимъ, въ большинствѣ провинцій находилось по два асессора; по одному было въ двухъ: угличской и юрьевъ-польской: по три: въ новгородской, костромской, сѣвской и шацкой; по четыре: въ свіяжской, вятской и галицкой. Не было совсѣмъ асессоровъ, кромѣ провинцій съ надворными судами, еще: въ нарвской, выборгской, бахмутской, кіевской, астраханской и иркутской.

Дѣятельность провинціальныхъ судовъ должна была регулироваться особой инструкціей, проектъ которой былъ выработанъ юстицъ-коллегіей, но такъ же, какъ и проектъ инструкціи надворнымъ судамъ, не былъ утвержденъ сенатомъ. Оба эти проекта, представляя сводъ однихъ и тѣхъ же указовъ, и по составу, и по внутреннему содержанію очень близки одинъ къ другому. Въ инструкціи провинціальнымъ судамъ опущены статьи, опредѣляющія коллегіальный порядокъ, какимъ должны были рѣшаться дѣла въ надворныхъ судахъ: роль президента, подачу голосовъ и т. д., а также порядокъ восхожденія дѣлъ по инстанціямъ. За исключеніемъ этихъ отдѣловъ всѣ остальные параграфы: объ обязанностяхъ суда, о соблюденіи генеральнаго регламента, о порядкѣ письменныхъ сношеній съ другими судебными учрежденіями, о пріемѣ челобитныхъ, объ «искорененіи воровъ», какъ одной изъ главнѣйшихъ обязанностей также и провинціальнаго суда, о надзорѣ за нотаріальною частью, объ исключеніи нѣкоторыхъ родовъ дѣлъ изъ компетенціи провинціальныхъ судовъ—совершенно тѣ же, что и въ инструкціи надворнымъ судамъ; иные повторяются буквально, иные съ незначительною разницею въ изложеніи. Такъ же, какъ инструкція надворнымъ судамъ, инструкція провинціальнымъ не вноситъ никакихъ новыхъ началъ въ судоустройство или судопроизводство сравнительно съ изданнымъ до нея законодательствомъ, представляя лишь сводъ и объединеніе этого послѣдняго [1]).

Вѣдѣнію провинціальнаго суда подлежали, какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла, первыя безъ какихъ-либо ограниченій, вторыя съ нѣкоторыми ограниченіями; а именно: провинціальный судъ не могъ постановить окончательнаго приговора по дѣламъ о преступленіяхъ, за которыя полагалась смертная казнь или ссылка на каторгу. Произведя слѣдствіе, онъ долженъ былъ представить выписку изъ дѣла и проектъ приговора на утвержденіе надворнаго суда. Изъ компетенціи провинціальнаго суда были, далѣе, изъятія по роду дѣлъ и по сословію лицъ: инструкція, разъясняя указъ 18 янв. 1722 г. [2]) воспрещала провинціальнымъ судамъ рѣшать дѣла по донесеніямъ фискаловъ; послѣ предварительнаго дознанія дѣла эти предписывалось передавать въ надворный судъ. Само собою разумѣется также, что тѣ ограниченія, которыя существовали для надворныхъ судовъ относительно нѣкото-

[1]) Приложеніе I. Инструкція провинціальнымъ судамъ.

[2]) П. С. З. № 3880. Этотъ указъ запрещалъ вершить дѣла по фискальскимъ доносамъ и надворнымъ судамъ. Прилож. I, В., ст. 12.

рыхъ категорій лицъ: напр., посадскихъ людей и населенія церковныхъ земель, были обязательны и для провинціальныхъ судовъ.

Въ процессахъ, разбиравшихся провинціальнымъ судомъ, асессоры исполняютъ подготовительныя и предварительныя дѣйствія, каковы были: принятіе челобитной, распоряженіе о посылкѣ за отвѣтчикомъ, принятіе «доѣзда», т. е. отчета объ этой посылкѣ командированнаго за отвѣтчикомъ канцелярскаго служителя, назначеніе дня судебнаго засѣданія, къ которому должны были явиться стороны и т. п. Дѣло слушается воеводою иногда съ обоими асессорами, иногда только съ однимъ изъ нихъ. Тульскій провинціальный судъ состоялъ въ 1725 г. изъ воеводы тульской провинціи подполковника М. А. Шепелева и двухъ асессоровъ: майоровъ Хотяинцева и Зыбина. 28 октября этого года въ провинціальную канцелярію, которая была теперь также и канцеляріей суда, подалъ челобитье староста села Воскресенскаго Есиповъ о покражѣ изъ его села четырехъ лошадей съ упряжью и санями. Воры были задержаны съ поличнымъ и отвезены къ крапивенскому земскому комиссару Абакумову, который вмѣсто того, чтобы отослать ихъ къ разбирательству въ провинціальную канцелярію, отпустилъ ихъ на свободу, возвративъ владѣльцу лошадей безъ саней и упряжи. Староста обвинялъ земскаго комиссара въ укрывательствѣ. Процессъ по закону 5 ноября 1723 г. о формѣ суда велся въ состязательномъ «судномъ», порядкѣ. Челобитье старосты было принято однимъ изъ асессоровъ, Хотяинцевымъ, который помѣтилъ: записать его въ реестръ и въ протоколъ а отвѣтчика сыскать и привезти для допроса. Въ этой же помѣтѣ тотъ же асессоръ сдѣлалъ распоряженіе и административнаго характера объ исправленіи обязанностей земскаго комиссара на время процесса его подчиненному комиссару, облеченное затѣмъ въ форму указа отъ тульской провинціальной канцеляріи на имя этого подчиненнаго комиссара. 1-го ноября вернулся писецъ канцеляріи, возившій повѣстку обвиняемому земскому комиссару и указъ о принятіи должности подчиненному, и подалъ «доѣздъ» о томъ, что обвиняемаго онъ «изъѣхалъ» и наказную память ему объявилъ, но что тотъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ отказался, а обѣщалъ прибыть самъ въ Тулу къ отвѣту 2-го ноября. Помѣту на этомъ доѣздѣ «о пріобщеніи» его къ дѣлу и о вторичной посылкѣ за комиссаромъ, если онъ не явится, сдѣлалъ уже другой асессоръ, Зыбинъ. Въ срокъ обвиняемый не явился; онъ увѣдомилъ воеводу, что подчиненный комиссаръ лежитъ боленъ въ своей деревнѣ и что поэтому онъ, не сдавъ должности, пріѣхать въ Тулу не смѣетъ. Тотъ же асессоръ Зыбинъ сдѣлалъ нѣсколько распоряженій, вызванныхъ этимъ заявленіемъ, судебныхъ и

административныхъ: о вторичной посылкѣ за обвиняемымъ, объ освидѣтельствованіи больнаго подчиненнаго комиссара, о назначеніи на его мѣсто другаго «достойнаго», если окажется, что тотъ дѣйствительно боленъ, и сообщеніи объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ въ камерирскую контору. «Доѣздъ» о второй посылкѣ попалъ уже въ руки опять первому асессору—Хотяинцеву, который приказалъ послать за отвѣтчикомъ въ третій разъ, такъ какъ онъ не явился и по второму зову. Только 15 января 1726 г. началось разбирательство этого дѣла. Въ протоколахъ обозначалось, что его слушали воевода «съ товарищи», тогда какъ, судя по подписи, въ засѣданіи принималъ участіе съ воеводой одинъ Хотяинцевъ. Такимъ образомъ, воевода выступаетъ только въ главной стадіи процесса послѣ того, какъ всѣ предварительныя дѣйствія были совершены асессорами. Бывали случаи, когда все дѣло велъ и даже постановлялъ приговоръ одинъ асессоръ, но такой порядокъ считался уклоненіемъ отъ нормальнаго. Въ 1724 г. въ рязанской провинціи судебное дѣло между помѣщиками Кропотовымъ и Мышковымъ о свезенной ржи производилось однимъ только асессоромъ, который и рѣшилъ его; однако московскій надворный судъ предписалъ воеводѣ и другому асессору отвѣчать, почему они не принимали участія въ этомъ дѣлѣ и не закрѣпили приговора своими подписями. Нормальнымъ считалось слушаніе и рѣшеніе дѣла воеводою съ участіемъ по крайней мѣрѣ хотя бы одного изъ асессоровъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ и долженъ былъ быть по штату одинъ асессоръ. Разногласіе въ такой двучленной коллегіи, если бы оно возникло, влекло, кажется, за собою обращеніе къ надворному суду, которому были подчинены провинціальные. Такой случай имѣлъ мѣсто въ іюнѣ 1725 г. въ пошехонскомъ провинціальномъ судѣ, состоявшемъ изъ воеводы и одного асессора—другой былъ въ отпуску. Въ этотъ судъ подалъ жалобу земскій комиссаръ В. Д. Плоховъ на помѣщика Леонтьева въ брани и безчестьѣ. Поведеніе истца во время подачи имъ челобитной показалось асессору оскорбительнымъ, и онъ приказалъ записать въ журналъ, что Плоховъ, «пришедъ въ канцелярію предъ судъ, подалъ челобитную и говорилъ шумно, невѣжливо предъ судомъ и называлъ незнаемо кого лайкою»; поэтому асессоръ и считалъ нужнымъ подвергнуть его штрафу въ 10 рублей по закону о нарушеніи благочинія въ присутственномъ мѣстѣ. Но воевода не согласился съ асессоромъ и въ тотъ же журналъ занесъ свое мнѣніе, въ которомъ свидѣтельствовалъ, что Плоховъ предъ судомъ шумно и невѣжливо не говорилъ, только на вопросъ воеводы: «что его съ онымъ Леонтьевымъ спесло?» тихо отвѣтилъ, «что де и собака такъ не лаетъ, какъ онъ, Леонтьевъ, его въ

канцеляріи пожаловалъ». Воевода не находилъ основаній для взысканія штрафа съ Плохова, но въ виду разногласія съ асессоромъ рѣшилъ обратиться въ ярославскій надворный судъ за разрѣшеніемъ вопроса, слѣдуетъ ли подвергать его штрафу. Едва ли однако такіе случаи разногласія были часты, и едва ли коллегіальный порядокъ могъ строго примѣняться въ провинціальныхъ судахъ. Воеводскій голосъ не часто могъ находить препятствіе въ голосѣ асессора, такъ какъ асессоръ былъ подчиненъ воеводѣ. Что значеніе этихъ должностныхъ лицъ было слишкомъ несоизмѣримо, видно изъ того, что асессоры были подсудны провинціальному суду, членами котораго они были, иными словами, подлежали юрисдикціи провинціальнаго воеводы. Судебные асессоры стали не самостоятельными членами коллегіи, въ которой воевода былъ бы только первымъ между равными, а такими же помощниками воеводы въ судебныхъ дѣлахъ, какимъ камериръ былъ по финансовымъ: засѣдая въ судебномъ присутствіи съ однимъ асессоромъ, воевода рѣшалъ дѣло приготовленное этимъ послѣднимъ и по совѣту съ нимъ такъ же, какъ по совѣту съ камериромъ онъ рѣшалъ финансовое дѣло, подготовленное камерирской конторой. Не даромъ изъ проекта инструкціи провинціальнымъ судамъ были исключены тѣ параграфы, которыми опредѣлялся коллегіальный порядокъ рѣшенія дѣлъ. Способъ рѣшенія дѣлъ воеводой съ асессоромъ долженъ былъ быть такой же, каковъ былъ онъ у воеводъ XVII в. съ ихъ товарищами—рѣшеніе съ общаго согласія. Асессоры 1722 г. могутъ, пожалуй, напомнить тѣхъ воеводскихъ товарищей, которыхъ предписывали избрать уѣздному дворянству изъ своей среды извѣстные указы 1702 и 1705 гг. и которые на практикѣ были назначены самой администраціей: воеводой или приказомъ. Существовала однако большая разница въ значеніи этихъ обоихъ институтовъ. Цѣлью учрежденія выборныхъ воеводскихъ товарищей 1702 и 1705 гг. было ограниченіе власти воеводы: имъ предписывалось «вѣдать всякія дѣла и указъ чинить съ воеводами обще», воеводѣ же запрещалось принимать какія-нибудь единоличныя рѣшенія. Наоборотъ, асессорамъ 1722 г. придавалось значеніе только помощниковъ воеводы: они и учреждались, какъ гласили указы этого года, «для вспоможенія воеводѣ» и для ускоренія хода судебныхъ дѣлъ въ интересахъ челобитчиковъ, и нигдѣ нѣтъ такихъ запрещеній воеводѣ рѣшать дѣла единолично, какъ это было въ 1702—5 гг. [1]).

[1]) Дѣла юстицъ-коллегіи, вязка 1966, д. 17, д. 9. Дѣла елатомскаго уѣздн. суда, оп. III, д. 12. Дѣла пошехонск. уѣздн. суда, оп. III, кн. 6, іюнь № 13.

Наконецъ, для нѣкоторыхъ отдаленныхъ отъ провинціальныхъ центровъ мѣстностей указы 1722 г. устанавливали еще пятую инстанцію суда—«меньшій нижній судъ». Судьями этой низшей инстанціи были иногда командируемые воеводой провинціальные асессоры. Такъ, прежній владимірскій городовой судья Ѳ. Тяпкинъ съ 1722 г. сдѣланъ былъ асессоромъ при воеводѣ и въ этомъ званіи отправлялъ судебныя функціи въ г. Муромѣ. Въ новгородской провинціи особый судебный комиссаръ находился въ г. Ладогѣ, причемъ обязанности этого ладожскаго комиссара исполняли, ежегодно чередуясь, асессоры новгородской провинціи. Въ 1726 г. сенатъ по ходатайству новгородскаго воеводы разрѣшилъ въ виду незначительнаго количества дѣлъ, поступающихъ къ этому комиссару назначать для отправленія этой должности мѣстныхъ ладожскихъ дворянъ на годовой срокъ безъ жалованья, ставя одно условіе, чтобы назначались немолодые люди. Но въ большинствѣ случаевъ для суда низшей инстанціи назначались спеціальные судебные комиссары, не входившіе въ составъ провинціальныхъ асессоровъ, причемъ должность судебныхъ комиссаровъ считалась ниже должности асессоровъ: въ 1725 г. назначенія на нее предоставлено было производить герольдмейстеру безъ особаго доклада сенату, какой требовался непремѣнно при назначеніи на должность асессоровъ. Такихъ судебныхъ комиссаровъ встрѣчаемъ, напр., въ отдаленныхъ отъ провинціальнаго центра городахъ казанской провинціи, а именно: въ Уржумѣ, Мензелинскѣ, Шешминскѣ и Маинскѣ; въ нижегородской провинціи—въ г. Юрьевѣ Поволжскомъ, въ бѣлозерской—въ г. Каргополѣ. Въ московской провинціи было пять судебныхъ комиссаровъ: одинъ изъ нихъ вѣдалъ коломенскій уѣздъ, остальные по нѣскольку уѣздовъ каждый. Такъ, округъ другаго судебнаго комиссара составляли уѣзды: дмитровскій, клинскій и волоколамскій; третьяго: серпуховской и каширскій; четвертаго: можайскій, звенигородскій и рузскій и, наконецъ, пятаго: боровскій, верейскій и малоярославецкій. Изъ этого перечня видно, что судебные комиссары дѣйствовали и на болѣе близкихъ разстояніяхъ отъ провинціальнаго города, чѣмъ это требовалось закономъ. Компетенція судебнаго комиссара была очень ограничена даже и послѣ того, какъ указъ 4 апрѣля поднялъ цѣну исковъ, подлежавшихъ его вѣдѣнію съ 10—20 р. до 50. Ему подсудны были незначительныя гражданскія и уголовныя дѣла, «челобитчиковы», т. е. возникавшія путемъ иска со стороны частныхъ лицъ; по болѣе важнымъ дѣламъ судебный комиссаръ долженъ былъ ограничиваться принятіемъ «явочныхъ челобитныхъ» и производствомъ предварительнаго дознанія и затѣмъ отсылать самыя дѣла въ провинціальную канцелярію. Однако практика

не всегда соблюдала установленные для компетенціи судебнаго комиссара предѣлы. Въ 1724 г. асессоръ владимірской провинціи Тяпкинъ, отправлявшій обязанности муромскаго судебнаго комиссара, разбиралъ тяжбу старостъ и сотскихъ вотчины Нарышкиныхъ съ муромскимъ земскимъ комиссаромъ о взяткахъ этого послѣдняго. Асессоръ не ограничился принятіемъ явочной челобитной, а велъ самый процессъ несмотря на то, что сумма предъявленнаго къ отвѣтчику иска превышала пятьдесятъ рублей. Въ 1725 г. староста вотчины П. С. Глѣбовскаго заявлялъ, что у него ведется передъ муромскимъ асессоромъ Тяпкинымъ дѣло съ крестьянами стольника Черткова «о смертномъ убійствѣ» ими одного изъ крестьянъ его господина [1]).

Итакъ, измѣненія, произведенныя въ системѣ судебныхъ учрежденій въ 1722 г. устанавливали различное число инстанцій: три, четыре и пять въ различныхъ мѣстностяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, для жителей тѣхъ провинцій, гдѣ находились надворные суды, лѣстница трибуналовъ состояла всего изъ трехъ ступеней, такъ какъ жители этихъ провинцій начинали свои судебныя дѣла прямо въ надворномъ судѣ, какъ въ первой инстанціи и апеллировали затѣмъ въ юстицъ-коллегію и сенатъ. Для жителей остальныхъ провинцій число судебныхъ инстанцій было уже четыре, такъ какъ первою была провинціальная канцелярія, откуда дѣло восходило въ надворный судъ. Наконецъ, для жителей мѣстностей, отдаленныхъ отъ провинціальныхъ центровъ, судебныхъ инстанцій было пять, такъ какъ первою былъ, по крайней мѣрѣ по нѣкоторымъ дѣламъ, судебный комиссаръ, «меньшій нижній судъ», отъ котораго дѣло восходило въ провинціальную канцелярію. Нарушая стройность порядка 1719 г., эти измѣненія вносили значительную неравномѣрность въ разстоянія жителей различныхъ мѣстностей отъ верховнаго судебнаго трибунала имперіи. Въ установленіи этой неравномѣрности нельзя не видѣть возвра-

[1]) Составъ провинц. суда см. П. С. З. № 4899. *Кирилловъ*, Цвѣтущее состояніе. Дѣла елатомск. уѣздн. суда оп. III, д. 12. Дѣла галицкаго уѣздн. суда, оп. I, д. 485. Дѣла юстицъ-коллегіи, вязка 1966, д. 17: составъ ярославской провинціальной канцеляріи: воевода полк. Волковъ, асессоры: Л. Толмачевъ, майоръ И. Савельевъ; вязка 1965, д. 26: составъ елецкаго провинц. суда: воевода подполк. Коробовскій, асессоры: капитанъ Страховъ, капитанъ Зыбинъ. Дѣл. сен. кн. 814, л. 952. Дѣла угличск. пров. канц. №№ 569, 581, 584. Дѣла юстицъ-коллегіи, вязка 1966, д. 9. Дѣла сен. кн. 688, л. 417. Дѣла муромск. уѣздн. суда оп. I. д. 18, 19. П. С. З. № 3935: судебнымъ комиссарамъ «судить челобитчиковы дѣла до 50 руб. и о всякихъ дѣлахъ явочныя челобитныя принимать и осмотры чинить».

щенія къ старому русскому началу, по которому центральное учрежденіе исполняло функціи первой инстанціи для той мѣстности, гдѣ оно само находилось. Это начало было настолько жизненно и сильно, что его не удалось заглушить судебной реформѣ 1719 г., вводившей въ компетенцію судебныхъ учрежденій болѣе стройную и логичную іерархію; оно въ иныхъ случаяхъ продолжало дѣйствовать на практикѣ и до 1722 г., а въ этомъ году было признано нормальнымъ и подтверждено указами. Тяготѣніе къ старинѣ замѣтно и въ ограниченіяхъ компетенціи пятой инстанціи, «меньшаго нижняго суда», какія вносилъ указъ 12 марта 1722 г. Эта цыфра 10—20 руб., какъ предѣльная цѣна исковъ, разсматриваемыхъ городовымъ асессоромъ, хорошо извѣстна судебной практикѣ XVII вѣка: ею, по свидѣтельству Котошихина, ограничивалась судебная компетенція воеводъ небольшихъ городовъ, при которыхъ не бывало дьяковъ, а только подьячіе. «А въ иныхъ городѣхъ, гдѣ воеводы одни сидятъ или и съ подьячими, а дьяковъ не бываетъ, велѣно суды давати въ долговыхъ дѣлѣхъ въ 10 и въ 20 рублевъ, а больше двадцати рублевъ суда давати имъ не велѣно никому».

Реакціоннымъ характеромъ, стремленіемъ къ старымъ русскимъ началамъ, проникнуты новеллы 1722 г., искажавшія шведскія черты только что введеннаго судебнаго устройства 1719 г. Это возвращеніе къ дореформенному суду особенно рѣзко замѣтно въ нарушеніи того главнаго основанія, на которомъ создавалась система судебныхъ учрежденій: отдѣленія суда отъ администраціи. Возвращеніе это слишкомъ настойчиво подсказывалось требованіями жизни, не хотѣвшей мириться съ новыми началами, внесенными реформой, и слишкомъ недоразвившейся до нихъ, чтобы ихъ усвоить. Сліяніе судебной и административной власти въ лицѣ воеводы было вторымъ и болѣе рѣшительнымъ шагомъ въ томъ направленіи къ старинѣ, въ которомъ первымъ и робкимъ было назначеніе областныхъ правителей предсѣдателями въ нѣкоторыхъ надворныхъ судахъ. Въ этомъ сліяніи практика пошла, разумѣется, далѣе закона. Послѣдній велъ къ соединенію властей, поручая воеводѣ судебную власть; первая повела къ тому же, привлекая судебныхъ асессоровъ къ участію въ административной, и судебные асессоры еще болѣе стали походить благодаря этому на старинныхъ воеводскихъ товарищей XVII вѣка. Такъ несмотря на то, что въ Петербургѣ и Ярославлѣ судами первой инстанціи съ 1722 г. стали надворные суды, при петербургскомъ и ярославскомъ воеводахъ существовали асессоры, и есть указанія, что они были заняты административными, а не судебными дѣлами. Асессоры вмѣстѣ съ воеводой скрѣпляютъ «протоко-

лы»—краткія записи рѣшеній не только судебнаго, но и административнаго характера, что свидѣтельствуетъ объ ихъ участіи въ этихъ рѣшеніяхъ совмѣстно съ воеводой и объ отвѣтственности за нихъ. Въ отсутствіе же воеводы все управленіе провинціей переходило въ руки асессоровъ. Такимъ образомъ, сліяніе властей административной и судебной шло съ обѣихъ сторонъ: представителю административной власти въ провинціи поручались закономъ и судебныя дѣла, съ другой стороны на практикѣ установилось, что асессоры, члены провинціальнаго суда, стали завѣдывать также и административными дѣлами [1].

Измѣненія, испытанныя судебными учрежденіями Петра въ 1722 г. не всецѣло однако покончили съ раздѣленіемъ властей, на которомъ были построены эти учрежденія; нѣкоторые его остатки можно наблюдать и послѣ указовъ 1722 г. Такими остатками можно прежде всего считать существованіе въ ряду коллегій особаго высшаго органа, завѣдующаго общими судебными учрежденіями, какимъ была юстицъ-коллегія и послѣ 1722 года, и такихъ областныхъ судебныхъ трибуналовъ, какими были надворные суды. Далѣе, несмотря на то, что воевода съ этого времени сталъ опять администраторомъ и судьею, граница между самыми функціями судебными и административными стала замѣтно рѣзче, и хотя онѣ отправлялись однимъ и тѣмъ же лицомъ, но въ разныхъ порядкахъ. Судебныя дѣла воевода слушаетъ обыкновенно въ присутствіи, если не обоихъ, то, по крайней мѣрѣ, одного асессора, финансовыя дѣла, главнѣйшія изъ административныхъ, онъ рѣшаетъ вмѣстѣ съ камериромъ; такимъ образомъ, слѣдуетъ отличать провинціальное по казеннымъ дѣламъ присутствіе отъ присутствія судебнаго. Соотвѣтственно различію въ функціяхъ устанавливается различіе и въ подчиненіи воеводы: его судебныя рѣшенія обжалуются въ надворный судъ и ревизуются послѣднимъ; въ своемъ судебномъ значеніи воевода подчиненъ надворному суду и юстицъ-коллегіи, тогда какъ по административнымъ дѣламъ онъ подчиняется: по нѣкоторымъ дѣламъ полицейскаго характера прямо сенату, а по финансовымъ — камеръ-коллегіи. Наконецъ, нѣкоторое дѣйствіе раздѣленія властей надо видѣть и въ учрежденныхъ въ 1722 г. судебныхъ комиссарахъ, съ исключительно судебными функціями, существующихъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ рядомъ съ представителями администраціи, земскими комиссарами, занятыми главнымъ образомъ дѣлами финансоваго управленія.

[1]) *Котошихинъ*, VIII, 3. Асессоры Чихачевъ и Колобовъ правили тамбовской провинціей въ 1722—24 гг. Дѣл. сен. кн. 814, л. 952: «опредѣленный воевода въ тамбовскую провинцію не прибылъ, и присланъ изъ сената указъ, ве-

VIII.

Въ изложеніи судебной реформы Петра мы касались только одной стороны дѣла, слѣдя за перемѣнами въ устройствѣ судебныхъ учрежденій и оставляя въ сторонѣ, какъ не относящуюся къ задачѣ, другую не менѣе важную—процессъ, который подвергся также очень важнымъ измѣненіямъ. Однимъ изъ главнѣйшихъ преобразованій въ процессѣ была отмѣна слѣдственнаго судопроизводства, «розыска», съ его обычными средствами: очными ставками, повальнымъ обыскомъ и пытками, и установленіе для гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, возникающихъ по частному обвиненію, устнаго состязательнаго процесса, порядокъ котораго и былъ опредѣленъ извѣстнымъ указомъ 5 ноября 1723 г. «о формѣ суда». Реформы, касавшіяся обѣихъ сторонъ суда: и судоустройства, и процесса, были предприняты съ одною цѣлью, постоянно заботившею преобразователя: усовершенствовать правосудіе, ускоривъ дѣйствіе суда и обезпечивъ его правду. Высокое назначеніе судебной власти хорошо сознавалось правительственными сферами, и юстицъ-коллегія предписывала подчиненнымъ ей учрежденіямъ судебныя дѣла «разсматривать въ самую правду, какъ судъ Божій истиннымъ быть имѣетъ», ставя имъ проникнутыя гуманностью задачи: «призирать бѣдныхъ людей, вдовъ и сиротъ безгласныхъ и безпомощныхъ, которымъ самъ его царское величество всемилосердымъ защитителемъ есть и взыскателемъ обидъ ихъ напрасныхъ, несмотря ни на какое лицо». Ни та, ни другая реформа не приводили однако къ осуществленію такъ высоко намѣченной цѣли.

Въ какомъ состояніи находилась судебная часть въ губернскихъ административно-судебныхъ учрежденіяхъ перваго періода (1708—1719 гг.) до реформы 1719 г., лучшимъ свидѣтельствомъ является отзывъ самого тогдашняго министра юстиціи, который въ іюлѣ 1719 г. указывалъ на необходимость своего личнаго присутствія въ Москвѣ, ссылаясь на полученныя коллегіей вѣрныя свѣдѣнія о томъ, что «судъ тамъ до конца изчезъ, и вопль безприкладный (безпримѣрный) на правительство губернское прежнее». Но и новыя учрежденія, введенныя съ 1719 г., нимало не улучшили дѣла, и Посошковъ спустя

лѣно воеводское дѣло править до прибытія его асессорамъ». Дѣл. сен. кн. 700, л. 205—208; кн. 688, л. 417. *Кирилловъ,* Цвѣтущее состояніе, I, 64: въ 1726 г. псковской провинціей въ небытность воеводы управляли асессоры. Дѣл. пошехонскаго уѣздн. суда, оп. III, вязка 2, кн. 3, № 274.

нѣсколько лѣтъ, когда уже достаточно могли выясниться результаты судебной реформы, горько жаловался на печальное положеніе русскаго правосудія. «Намъ сіе вельми зазорно», писалъ онъ въ своемъ разсужденіи «О скудости и богатствѣ»,—«не точію у иноземцевъ, свойственныхъ христіанству, но и басурманы судъ чинятъ праведенъ; а у насъ вѣра святая благочестивая и на весь свѣтъ славная, а судная расправа никуда не годная, какіе указы его императорскаго величества ни состоятся, всѣ ни во что обращаются, но всякъ по своему обычаю дѣлаетъ». Что эта характеристика не была преувеличенной, показываетъ изученіе памятниковъ современнаго Посошкову судопроизводства, которое приводитъ къ заключеніямъ, заставляющимъ признать справедливость упрека, сдѣланнаго суду знаменитымъ крестьяниномъ-публицистомъ. Въ двухъ обстоятельствахъ коренились причины неуспѣха судебной реформы Петра: во-первыхъ, въ положеніи законодательства въ эпоху осуществленія реформы и, затѣмъ, въ самихъ судебныхъ учрежденіяхъ, вводимыхъ ею. Первое хорошо сознавалось тогда же: уложеніе царя Алексѣя Михайловича переставало удовлетворять потребностямъ времени, необходимость новой кодификаціи сказывалась все яснѣе, но, какъ извѣстно, кодификаціонныя работы, предпринятыя преобразователемъ, не привели ни къ какимъ осязательнымъ результатамъ, и попытка составить новое уложеніе осталась безплодной. Судъ не могъ хорошо дѣйствовать, когда былъ плохъ законъ, который онъ долженъ былъ въ своемъ дѣйствіи примѣнять. Главнымъ недостаткомъ самихъ судебныхъ учрежденій было слишкомъ большое количество судебныхъ инстанцій [1]).

Слишкомъ большое число инстанцій, введенныхъ реформой 1719 г., при отсутствіи ясно опредѣленнаго и твердо соблюдаемаго отношенія между ними, открывало возможность безпрестаннаго и мало чѣмъ ограниченнаго движенія по нимъ судебныхъ дѣлъ, а это движеніе сообщало неустойчивость судебнымъ приговорамъ и подрывало авторитетъ низшихъ судебныхъ учрежденій. Съ другой стороны, это чрезмѣрное изобиліе инстанцій влекло за собою ту медленность, ту извѣстную судебную «волокиту», которою страдала дѣятельность судебныхъ учрежденій Петра. Судъ неторопливо и вяло отправлялъ свои обязанности, постоянно нуждаясь въ понуканіи въ видѣ особыхъ указовъ сверху объ ускореніи дѣлъ. Въ 1725 г. юстицъ-коллегія жаловалась сенату, что въ надворныхъ судахъ «зѣло слабое отправленіе идетъ», за что, хотя коллегія и

[1]) П. С. З. №№ 3298, 3435. Госуд. архивъ, кабинетн. дѣл. II, 41, л. 478. *Посошковъ*, изд. Погодина, I, 87, 75.

налагала на присутствія этихъ судовъ установленные закономъ штрафы, но никто ихъ платить не хочетъ. Для ускоренія хода дѣлъ въ надворныхъ судахъ юстицъ-коллегія предлагала своеобразную, впрочемъ, вполнѣ согласную съ практикой въ другихъ сферахъ управленія, мѣру: для «понужденія» этихъ надворныхъ судовъ, сверхъ наблюдавшихъ за ихъ дѣятельностью прокуроровъ, оказывавшихся недостаточными, учредить еще при нихъ особыхъ «экзекуторовъ изъ обрѣтающихся тамъ гарнизонныхъ офицеровъ». Сенатъ не нашелъ, однако, возможнымъ поручить надзоръ за юстиціей этой оригинальной гарнизонной магистратурѣ, проектированной коллегіей. Низшія судебныя учрежденія не только не слушались указовъ высшихъ, но несмотря на самыя строгія предписанія, не считали нужнымъ даже просто отвѣчать объ ихъ полученіи, дожидаясь новыхъ и новыхъ указовъ все съ болѣе сильными угрозами. 4 апрѣля 1722 г. юстицъ-коллегія отправила въ московскій надворный судъ указъ о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣла Бобынина съ Татищевымъ съ приказаніемъ отвѣчать о полученіи немедленно. Судъ однако не собрался отвѣтить и къ 22 ноября, когда былъ посланъ второй указъ о томъ же, который также не былъ исполненъ; третій указъ 16 февраля слѣдующаго 1723 г., давая недѣльный срокъ для отвѣта, налагалъ уже штрафъ на судъ за неисполненіе первыхъ двухъ, и, конечно, самъ былъ осужденъ на такое же вниманіе со стороны суда. Дѣла, вытребованныя верхнею инстанціей изъ нижней, не присылались годами, и послѣдняя также отмалчивалась на всѣ указы объ ихъ присылкѣ [1]).

Понятно поэтому, какъ медленно должны были тянуться процессы; для нихъ недостаточно было человѣческой жизни. Лицамъ, участвующимъ въ нихъ, не часто приходилось дожить до ихъ окончанія, но сами процессы отличались необыкновенною живучестью: они были не только живучѣе лицъ, но и учрежденій, и мало мальски серьезный судебный процессъ въ эпоху Петра Великаго переживалъ цѣлый рядъ судебныхъ учрежденій, мѣнявшихся гораздо быстрѣе, чѣмъ протекали послѣдовательныя стадіи процесса. Въ судебномъ механизмѣ неоднократно мѣнялись колеса за то время, пока черезъ него успѣвало пройти пущенное въ него судебное дѣло. Дѣло, начавшееся при дореформенномъ воеводѣ или губномъ старостѣ, переходило потомъ къ коменданту, отъ котораго его наслѣдовалъ ландратъ, передававшій его городовому судьѣ, затѣмъ его разсматривалъ провинціальный судъ изъ воеводы съ

[1]) П. С. З. № 4813. Дѣла юстицъ-коллегіи, вязка 1954, д. 20; вязка 1966, д. 9, л. 771, 812.

асессорами и, наконецъ, оно возвращалось опять къ тому же дореформенному воеводѣ, воскрешенному въ провинціи преемниками Петра. Въ 1715 г. началось дѣло между суздальскими помѣщиками: кн. Кольцовымъ-Масальскимъ и стольникомъ Павловымъ объ убійствѣ крестьянина перваго, совершенномъ крестьянами втораго. Дѣло разбиралъ владимірскій оберъ-комендантъ А. И. Чаплинъ. Въ 1716 году это же дѣло, неоконченное оберъ-комендантомъ, продолжалъ разбирать ландратъ суздальской доли Каратѣевъ. По жалобѣ истца, кн. Кольцова-Масальскаго, принесенной московскому вице-губернатору на несправедливость ландрата, который, какъ писалъ истецъ, «дружилъ и норовилъ» отвѣтчику и поэтому тянулъ дѣло, оно по указу вице-губернатора было передано сосѣднему владимірскому ландрату, кн. Ухтомскому. Однако этотъ послѣдній не успѣлъ его покончить до отмѣны ландратуры. Въ 1720 г. дѣло это поступило къ владимірскому судьѣ, который, наконецъ, постановилъ приговоръ о взысканіи съ отвѣтчика одного изъ его крестьянъ и объ отдачѣ его истцу за убитаго крестьянина. Процессъ, однако, этимъ далеко не окончился, такъ какъ недовольный приговоромъ судьи отвѣтчикъ обжаловалъ его въ московскій надворный судъ, куда дѣло и было вытребовано для пересмотра. Неизвѣстенъ конецъ дѣла, но нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что, протянувшись нѣсколько лѣтъ въ надворномъ судѣ, оно перейдетъ затѣмъ въ юстицъ-коллегію, гдѣ будетъ подвигаться съ такою же проволочкою и окончится при совершенно измѣнившейся судебной системѣ, изъ которой изчезли уже всѣ тѣ инстанціи, по которымъ оно проходило: и оберъ-коменданты, и ландраты, и городовые судьи, и надворные суды.

Процессъ, медленно тянувшійся въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ, замедлялся еще вмѣшательствомъ особыхъ судовъ, которые по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, по роду дѣла или по сословному положенію участвующихъ въ немъ лицъ, могли считать его себѣ подсуднымъ. Въ 1703 году крестьяне кашинской вотчины московскаго Новодѣвичьяго монастыря убили крестьянина кашинскаго помѣщика Кисловскаго. Дѣло объ этомъ убійствѣ началось тогда же въ кашинской губной канцеляріи. Посланнаго для поимки убійцъ изъ губной канцеляріи солдата крестьяне монастырской вотчины, какъ это бывало тогда большею частью, встрѣтили «всею волостью съ дубьемъ», въ выдачѣ подозрѣваемыхъ отказали, и солдату удалось захватить только одного изъ обвиняемыхъ, Ивана Дворникова, который былъ приведенъ въ губную канцелярію, допрошенъ, но потомъ почему-то отпущенъ, можетъ быть, за недостаткомъ уликъ, а, можетъ быть, потому, что истецъ, недоросль, будучи занятъ поступленіемъ на службу, не «ходилъ за дѣломъ». Дѣло,

однако, не кончилось; въ немъ только наступилъ продолжительный, длившійся цѣлыхъ семнадцать лѣтъ антрактъ. Оно возобновилось въ 1720 г. и разсматривалось у кашинскаго городоваго судьи Олсуфьева, которымъ по челобитной нашедшаго теперь большій досугъ истца, къ тому времени уже *поручика* Кисловскаго, обвиняемый Дворниковъ былъ вновь взятъ и посаженъ подъ караулъ. Прошло еще два года, и въ 1722 г. истецъ подалъ новую челобитную, въ которой жаловался судьѣ, что колодникъ Дворниковъ освобожденъ изъ заключенія «незнамо чьимъ воровствомъ, наполняя несытость, знатно за взятокъ отпущенъ». При разслѣдованіи оказалось, что Дворниковъ, дѣйствительно, бѣжалъ изъ тюрьмы; онъ содержался тамъ подъ надзоромъ двухъ тюремныхъ цѣловальниковъ, которые, не зная, чѣмъ его кормить, стали отпускать его утромъ изъ тюрьмы на цѣлый день для прошенія милостыни и найма въ работу съ тѣмъ, чтобы ночевать онъ возвращался къ нимъ «въ подклѣть». Прирученная птица въ одинъ прекрасный день не вернулась въ свою клѣтку. Испугавшись слуха о какой-то полученной въ канцеляріи кашинскаго судьи бумагѣ, которою будто бы требовали его въ страшный преображенскій приказъ, Дворниковъ, дотолѣ честно исполнявшій условіе, заключенное съ своими снисходительными стражами, скрылся въ Москву въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ и поселился въ подмонастырной слободѣ, и тамъ былъ во время первой ревизіи записанъ въ ревизскія сказки. Въ концѣ 1722 г. Кисловскому удалось вновь его разыскать, но на этотъ разъ мы встрѣчаемъ ихъ въ монастырскомъ приказѣ, куда истецъ билъ челомъ о рѣшеніи своего дѣла, такъ какъ Дворниковъ принадлежалъ къ «синодальной командѣ», будучи монастырскимъ крестьяниномъ, и такъ какъ за уголовнымъ обвиненіемъ Дворникова скрывался въ этомъ дѣлѣ гражданскій искъ къ самому Новодѣвичьему монастырю о вознагражденіи за убитаго крестьянина. Продержавъ обвиняемаго въ заключеніи недѣль съ десять, монастырскій приказъ нашелъ въ концѣ концовъ это дѣло себѣ неподсуднымъ и постановилъ отправить его опять въ уже несуществующую «кашинскую судныхъ и розыскныхъ дѣлъ канцелярію», такъ какъ судьи были тѣмъ временемъ отмѣнены, и кашинскій судья Олсуфьевъ, какъ мы знаемъ, сдѣлался асессоромъ угличскаго провинціальнаго суда. Кашинскій земскій комиссаръ, къ которому привелъ Дворникова монастырскій приказчикъ, не найдя въ городѣ судьи, отказался его принять, сказавъ, «что въ Кашинѣ губныхъ дѣлъ ему вѣдать невелѣно, а вѣдомы губныя дѣла въ городѣ Угличѣ». Потребовалось особое сношеніе съ монастырскимъ приказомъ, чтобы исправить ошибку, допущенную приказомъ, неумѣвшимъ слѣдить за преобразова-

ніемъ судебныхъ учрежденій, и особый указъ оттуда тѣмъ болѣе, что угличская провинціальная канцелярія, куда направилъ Дворникова кашинскій комиссаръ, всячески отмахиваясь отъ этого дѣла, отказывалась его принять безъ такого указа. Наконецъ, когда всѣ эти формальности были улажены, дѣло стало разсматриваться угличскимъ провинціальнымъ судомъ. Обвиняемый, быть можетъ, уже успѣвшій состариться втеченіе этого процесса, не выдержалъ пытки при допросѣ, которой его подвергли черезъ *двадцать лѣтъ* послѣ совершенія преступленія, въ которомъ онъ, быть можетъ, не былъ и виновенъ; 15 октября 1723 г. его допрашивали съ пыткой, а уже 5 ноября онъ «умре», какъ гласитъ находящаяся въ дѣлѣ офиціальная бумага. Его смертью дѣло однако не было прекращено: гражданскій процессъ Кисловскаго съ монастыремъ продолжался. Черезъ пять лѣтъ онъ находился вновь въ духовномъ судѣ, въ коллегіи экономіи, которая по челобитью уже *капитана* Кисловскаго всетаки не рѣшила его, а постановила 23 августа 1728 года отослать его для рѣшенія опять въ тотъ же Кашинъ, гдѣ оно началось четверть вѣка тому назадъ, на этотъ разъ къ кашинскому воеводѣ, такъ какъ въ Кашинѣ по отмѣнѣ областныхъ учрежденій Петра Великаго было возстановлено воеводское управленіе. Только въ 1730 г., т. е. ровно черезъ двадцать семь лѣтъ послѣ его начала, кашинская воеводская канцелярія рѣшила дѣло въ пользу истца, *майора* Кисловскаго, которому и присудила взыскать съ Новодѣвичьяго монастыря вознагражденіе за убитаго крестьянина въ видѣ одного изъ крестьянъ монастырской вотчины «съ женою, дѣтьми и со всѣми животы». Въ продолженіе этого процесса обвиняемый состарился и умеръ, обвинитель, начиная процессъ вступающимъ на службу юнымъ недорослемъ, дождался его окончанія, дослужившись до высокаго чина майора, тотъ трибуналъ, гдѣ дѣло началось, могъ сдѣлаться предметомъ археологическихъ изслѣдованій, и все судебное устройство успѣло пережить цѣлую эволюцію [1]).

Медленности суда въ эпоху Петра Великаго равнялось его безсиліе, которое нерѣдко, вѣроятно, было также одною изъ причинъ продолжительности процессовъ. Трудно себѣ представить ту безпомощность, въ которой оказывался иногда судъ начала XVIII вѣка. Онъ въ постоянномъ страхѣ передъ «сильными персонами», съ которыми, конечно, ничего не можетъ подѣлать; ему приходится лавировать между правосудіемъ и гнѣвомъ сильныхъ персонъ. Самъ президентъ юстицъ-коллегіи, чувствуя себя «въ сиротствѣ»,

[1]) Дѣла юстицъ-коллегіи, вязка 1954, д. 13; вязка 1958, дѣло 54.

опасаясь знатныхъ особъ, угрожающихъ ему за его безпристрастіе, проситъ защиты у государя. Но, помимо сильныхъ особъ, судъ не всегда былъ въ состояніи справиться даже и съ обыкновеннымъ нежелающимъ явиться отвѣтчикомъ. Судебный агентъ, посланный съ повѣсткой, всюду встрѣчалъ сопротивленіе. Сельскій міръ, куда появлялся подьячій съ понятыми для исполненія какого-нибудь судебнаго распоряженія или приговора, собирался ему на встрѣчу «многолюдствомъ» и принималъ его «съ дубьемъ, съ цѣпы и съ кольи завостренными, съ крючьи желѣзными», присланнаго указа не слушалъ и при малѣйшихъ поползновеніяхъ со стороны подьячаго совершать какія-либо дѣйствія исполнительнаго характера съ крикомъ бросался на судебныхъ чиновъ, которымъ едва удавалось унести ноги. Любопытнѣе всего, что эти вооруженныя сопротивленія судебной власти остаются совершенно безнаказанными; судъ ограничится тѣмъ, что пошлетъ подьячаго съ небольшимъ числомъ солдатъ другой и третій разъ и, встрѣтивъ вновь такое же упорное сопротивленіе, откажется отъ дальнѣйшихъ попытокъ довести до конца начатое дѣло, которое и продолжаетъ лежать въ канцеляріи безъ всякаго движенія. У суда не только не хватало средствъ справиться съ вооруженной толпой, но онъ нерѣдко бывалъ безсиленъ и противъ отдѣльнаго человѣка. Въ 1723 г. драгунъ И. Н. Зиновьевъ предъявилъ обвиненіе въ московскомъ надворномъ судѣ противъ своего брата, «школьника математической школы навигацкихъ наукъ» В. Н. Зиновьева, въ разбоѣ и грабежѣ. Дѣлу данъ былъ ходъ, за отвѣтчикомъ былъ посланъ изъ суда подьячій съ солдатами. «И я», писалъ въ «доѣздѣ», т. е. въ отчетѣ о поѣздкѣ, подьячій, «вшелъ въ хоромы, въ которыхъ онъ стоитъ, для объявленія ему указа, и онъ, Зиновьевъ, вышедъ самъ ко мнѣ и прочетчи тотъ наказъ, сказалъ, что де то дѣло истцово. И въ то число прибѣжали къ нему незнамо какіе люди въ тѣ хоромы и учали меня бить въ сѣняхъ полѣньемъ, и бивъ, выпихали изъ сѣней вонъ». Такъ какъ все это происходило въ Москвѣ, то подьячій тотчасъ же отрядилъ одного изъ своей команды въ судъ за подкрѣпленіемъ и съ помощью прибывшаго резерва еще изъ пятерыхъ солдатъ ему удалось, наконецъ, захватить сопротивлявшагося смѣлаго математика навигацкой школы, котораго онъ и привелъ въ судъ. Сраженіе, несомнѣнно, приняло бы иной оборотъ, если бы происходило въ деревнѣ отвѣтчика, гдѣ онъ чувствовалъ бы себя на болѣе твердой позиціи, и гдѣ подьячій былъ бы лишенъ возможности получить такую скорую помощь.—Еще болѣе дѣйствительнымъ противъ всѣхъ усилій со стороны суда оказывалось пассивное и хладнокровное, но упорное, выдержанное до конца сопротивленіе отвѣтчика, не прибѣгавшаго къ

средствамъ вооруженной защиты. 3 iюня 1721 года въ петербургскiй провинцiальный судъ подалъ искъ фендрикъ преображенскаго полка Нелюбохтинъ къ вдовѣ Аксиньѣ Голенищевой-Кутузовой. Еще въ 1717 г. вдова эта взяла у него взаймы 2000 рублей, а ему написала духовную, по которой отказывала ему послѣ своей смерти вотчину въ рязанскомъ уѣздѣ, однако этой духовной ему подъ разными предлогами не отдавала. Узнавъ, что вдова собирается уѣзжать въ Москву, гдѣ у нея были родственники, и опасаясь въ виду преклоннаго возраста отвѣтчицы за судьбу духовной и своихъ денегъ, предусмотрительный фендрикъ просилъ судъ заставить вдову отдать ему обѣщанную духовную. 5-го iюня изъ провинцiальнаго суда были посланы за отвѣтчицей солдаты съ повѣсткой. Она оказалась больною. Солдаты, возвратясь въ провинцiальный судъ, отрапортовали, что ко оной вдовѣ на дворъ, гдѣ она нынѣ живетъ, они ходили и повѣщали ей, чтобъ она въ провинцiальный судъ была къ допросу, и оная вдова сказала имъ, что она отвѣчать за старостью и за скорбiю своей не можетъ, а пришлетъ вмѣсто себя повѣреннаго. 8 iюня солдаты ходили второй разъ, но съ тѣмъ же результатомъ. 10 iюня провинцiальный судъ постановилъ отправить къ отвѣтчицѣ подьячаго съ понятыми, задержать ея крѣпостныхъ людей—захватъ заложниковъ былъ обычнымъ принудительнымъ средствомъ въ борьбѣ суда съ отвѣтчиками, нежелавшими являться въ судъ. Явившемуся исполнить возложенное на него судомъ порученiе подьячему, вдова заявила, что она стоитъ не на своемъ дворѣ, а гоститъ у своего родственника, подполковника кроншлотскаго полка С. М. Голенищева-Кутузова, крѣпостныхъ ея людей при ней только два человѣка, да и тѣхъ она услала на рѣку Тосну сгонять дрова для домашняго обихода. Чтобы не вернуться въ судъ съ пустыми руками, подьячiй захватилъ было встрѣченныхъ на дворѣ двухъ дѣвокъ, какъ вдругъ, откуда ни возьмись, съ крикомъ: «вамъ до дѣвокъ дѣла нѣтъ!» выскочили два драгуна кроншлотскаго полка, жившiе при подполковникѣ и, вступясь за дѣвокъ, послѣ рукопашной схватки съ судейскими солдатами, сопровождавшими подьячаго, отбили одну изъ нихъ. Другая изъ плѣнницъ была всетаки приведена въ судъ, но оказалась не крѣпостной, а только по найму служившей у вдовы, а поэтому вскорѣ и была отпущена, какъ не могущая быть задержанной въ качествѣ залога. 17 iюня посылка подьячаго за крѣпостными людьми была повторена, но на этотъ разъ онъ вернулся совсѣмъ съ пустыми руками. Постановить заочное рѣшенiе судъ опасался, такъ какъ дѣло о духовномъ завѣщанiи могло подходить подъ категорiю крѣпостныхъ дѣлъ, а высшая инстанцiя, куда онъ обратился было за помощью, от-

неслась къ его затрудненію совершенно безучастно, предоставивъ ему рѣшать дѣло по законамъ. До осени отвѣтчица была оставлена въ покоѣ. 9 сентября судъ постановилъ послать къ ней уже не подьячаго, а дьяка, сказать, что если она не придетъ сама или не пришлетъ повѣреннаго, то будетъ приведена къ допросу силой. Прошло около двухъ мѣсяцевъ прежде, чѣмъ дьякъ собрался исполнить постановленіе суда, и только 27 ноября онъ донесъ, что ко вдовѣ въ домъ онъ ѣздилъ, но вдова сказалась больною и обѣщала явиться, когда выздоровѣетъ. Судъ рѣшилъ подвергнуть ее медицинскому освидѣтельствованію, о чемъ была отправлена промеморія въ медицинскую канцелярію. Но медикъ, командированный изъ этой послѣдней для осмотра вдовы, донесъ 7 декабря, что дома ее не засталъ, такъ какъ больная уѣхала въ Москву. Такъ петербургскому суду и не удалось привлечь къ допросу ускользнувшую изъ его рукъ отвѣтчицу. Дѣло, однако, этимъ не окончилось, и весной слѣдующаго 1722 г. оно шло уже въ юстицъ-коллегіи, находившейся въ то время въ Москвѣ. Въ этомъ трибуналѣ разыгралась та же исторія. 14 марта юстицъ-коллегія постановила послать канцеляриста, велѣть вдовѣ Голенищевой-Кутузовой явиться въ коллегію. Канцеляристъ донесъ, что вдова лежитъ больна, и явиться ей «никоторыми дѣлы не возможно». 24 апрѣля новый приговоръ коллегіи: вдовѣ Аксиньѣ паки повѣстить, чтобъ она явилась или кого-нибудь прислала. Канцеляристъ донесъ, что ко вдовѣ онъ ходилъ, но на этотъ разъ не засталъ ея дома, уѣхала къ своему племяннику. Такъ дѣло благополучно для отвѣтчицы дотянулось и до слѣдующаго 1723 года. Истецъ подавалъ новыя и новыя челобитныя, судъ посылалъ за отвѣтчицей, а послѣдняя либо болѣла, либо разъѣзжала по родственникамъ. 15 февраля 1723 года посланы за вдовою изъ юстицъ-коллегіи солдаты,— отвѣтъ: за болѣзнью идти не можетъ. 17 февраля тотъ же отвѣтъ. 9 марта новая посылка съ угрозой, что взята будетъ въ коллегію сама и обвинена по тому дѣлу. Но твердая вдова хладнокровно встрѣчала всякія угрозы и упорно не исполняла требованія суда. Дѣло тянулось еще и лѣтомъ 1723 года и, кажется, такъ и осталось неоконченнымъ. Юстицъ-коллегія, министерство юстиціи и высшій судебный трибуналъ имперіи, такъ и не могла сладить съ простою престарѣлой вдовою Аксиньею Голенищевой-Кутузовой [1]).

Могъ ли этотъ медленный и безсильный, не всегда притомъ опрятный судебный механизмъ внушать къ себѣ какое-либо довѣріе и ува-

[1]) Дѣла юстицъ-коллегіи, вязка 1954, д. 12; вязка 1966, д. 3; вязка 1960, д. 30. Дѣла московск. надворн. суда, вязка 2, д. 1.

женіе въ обществѣ, среди котораго онъ дѣйствовалъ, даже при всей непритязательности послѣдняго? Нѣкоторые испытывали передъ нимъ страхъ—это именно тѣ «слабые и безпомощные люди», которыхъ онъ долженъ былъ «призирать» по намѣренію реформатора, но никто не питалъ къ этому суду уваженія. Судящійся всегда былъ склоненъ видѣть «несытость» и «корысть» судьи въ качествѣ мотивовъ рѣшенія, и обвиненіе судьи въ недобросовѣстномъ вершеніи дѣла вслѣдствіе дружбы и «поноровки» противной сторонѣ стало обычной казенной формой апелляціонной жалобы, при чемъ возможности для судьи совершить то или иное процессуальное упущеніе bona fide даже и не предполагалось. Въ этомъ отношеніи новыя судебныя учрежденія ничѣмъ не отличались отъ замѣненныхъ ими: то же недовѣріе къ судьѣ, тѣ же признаки неуваженія къ суду. Самый внѣшній видъ иной судебной залы во время засѣданія можетъ дать понятіе, какъ мало почтенія внушало присутствіе суда собравшейся публикѣ. Законъ предписывалъ челобитчикамъ входить въ судъ «весьма со всякою учтивостью и приступать съ надлежащимъ почтеніемъ», но прокуроръ московскаго надворнаго суда доносилъ, что «отъ многолюдства отъ челобитчиковъ бываетъ многій крикъ и въ дверяхъ судейской конторы стукъ, и всегда ломятся необыкновенно съ крикомъ и съ бранью, и съ дракою». Суду нерѣдко приходилось выслушивать оскорбленія, иногда даже остававшіяся безнаказанными, несмотря на строгость кары, назначаемой въ такихъ случаяхъ закономъ. 3 декабря 1724 г. комиссаръ П. Крекшинъ, извѣстный впослѣдствіи составитель баснословныхъ сказаній о Петрѣ Великомъ, причастный къ одному дѣлу о хищеніяхъ, явясь въ петербургскій надворный судъ во время засѣданія, при постороннихъ людяхъ говорилъ о себѣ, что онъ знаетъ, кто кралъ казенные сухари и возилъ ихъ къ себѣ въ деревню, будучи назначенъ на Бѣлоозеро къ отправленію провіанта. Онъ намекалъ этими словами на участвовавшаго въ засѣданіи асессора суда Квашнина-Самарина; а потомъ не вытерпѣлъ и, обратясь къ самому асессору, «называлъ его слономъ и надобно де ему голову отсѣчь, и полно де ему воровать и задерживать, муха де, гдѣ тебя держать? выголилъ глаза одинъ туда, а другой сюда, и передражнивалъ его, Квашнина-Самарина, какъ онъ говоритъ», замѣчаетъ документъ, стенографически живо передавшій происшедшую въ судѣ скандальную сцену. Изъ дѣла не видно, чтобы Крекшинъ подвергся какому-либо взысканію за оскорбленіе суда. Самой юстицъ-коллегіи приходилось переживать подобные же эпизоды. Въ одномъ изъ засѣданій коллегіи нѣкій фискалъ Косой «чинилъ оной коллегіи великое безчиніе: при собраніи той коллегіи съ измѣнившимся лицомъ и съ крикомъ великимъ,

приблизясь къ президентскому столу, ударя въ столъ рукою, говорилъ, что де онъ непослушенъ будетъ никакому суду до прибытія его царскаго величества, что вся коллегія та, паче же иноземцы, за многій себѣ аффронтъ приняли», какъ замѣчаетъ президентъ ея гр. Матвѣевъ въ одномъ изъ писемъ въ кабинетъ-секретарю государя Макарову. 4 мая 1719 г. въ одиннадцатомъ часу до полудня, когда президентъ, вице-президентъ и совѣтники были въ собраніи и слушали дѣла, въ другой палатѣ, гдѣ находилась канцелярія, «учинился необычный крикъ». Спрошенный о «такой озорнической причинѣ» придверный служитель Евстратъ Дементьевъ отрапортовалъ президенту и всему собранію коллегіи, что изъ петербургской губернской канцеляріи пришли три драгуна, которые, схвативъ одного изъ дожидавшихся въ коллегіи челобитчиковъ, жаловавшихся на губернскую канцелярію, «съ безчестіемъ тащили его вонъ и учинили великій крикъ и шумъ». Коллегія принуждена была просить сенатъ объ оборонѣ и запрещеніи петербургской губернской канцеляріи уничижать юстицъ-коллегію присылкой драгунъ «съ такою наглою продерзливостью» [1]).

[1]) Приложеніе I, инструкція надворн. суд., статья 17. Дѣла юстицъ-коллегіи, вязка 1964, д. 8; вязка 1966, д. 10. Госуд. архивъ, кабин. дѣл. II, 41, л. 452—464. Дѣл. сен. кн. 194, л. 513.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Областныя учрежденія 1719 года не соотвѣтствовали средствамъ общества.

I.

Новое начало раздѣленія власти, внесенное въ строй областныхъ учрежденій, не содѣйствовало какимъ-нибудь успѣхамъ ни въ области администраціи, ни въ области правосудія. Дѣятельность первой не поднялась выше прежнихъ узко-фискальныхъ задачъ и не улучшилась качественно; съ другой стороны и въ отправленіи правосудія также не стало замѣтно какого-либо прогресса. Да это начало и не было сколько нибудь прочнымъ: при первомъ же соприкосновеніи съ средой оно было нарушено и скоро оказалось непримѣнимымъ. Къ условіямъ среды и надо обратиться прежде всего, чтобы искать объясненія его непрочности. Одну изъ главныхъ причинъ неуспѣха основанныхъ на началѣ раздѣленія власти учрежденій слѣдуетъ видѣть въ ихъ несоотвѣтствіи средствамъ того общества, въ которомъ они вводились. Когда составляется проектъ постройки учрежденій надо вычислить заранѣе ея вѣсъ, чтобы сообразить, выдержитъ ли предполагаемое давленіе постройки тотъ общественный грунтъ, на которомъ ее поставятъ. Разсчетъ этотъ не изъ легкихъ, такъ какъ средства и способности общественной среды не вполнѣ поддаются учету. Въ составъ формулы, по которой будетъ производиться такое вычисленіе, войдутъ не одни только экономическіе рессурсы общества. Запасъ персонала, необходимый для состава учрежденій, соотвѣтствіе уровня его профессіональной подготовки и нравственныхъ качествъ уровню требованій, предъявляемыхъ новыми учрежденіями; наконецъ, способность того общества, на которое учрежденія будутъ воздѣйствовать къ воспринятію этого воздѣйствія—вотъ данныя, безъ которыхъ не можетъ обойтись такая формула. Понятно, что учрежденія, не соотвѣтствующія всей этой совокупности необходимыхъ для ихъ существованія и развитія условій или какихъ-нибудь изъ нихъ въ отдѣльности, станутъ на практикѣ тотчасъ же претерпѣвать большія

или меньшія измѣненія. Тотъ или другой строй учрежденій вызывается назрѣвшими въ обществѣ потребностями, но въ свою очередь и учрежденія предъявляютъ свои требованія къ обществу и въ случаѣ неудовлетворенія ихъ атрофируются, превращаясь въ формы, лишенныя содержанія. Если учрежденія окажутся слишкомъ дороги для общества, и оно не будетъ въ силахъ ихъ содержать, или если окажется недостатокъ въ необходимыхъ для нихъ личныхъ средствахъ,—явится непремѣнное стремленіе къ экономіи, къ разнаго рода сокращеніямъ и урѣзкамъ, которыя искажаютъ положенныя въ нихъ начала и парализуютъ ихъ способность дѣйствовать съ тою отчетливостью и быстротой, на которыя они были разсчитаны и, такимъ образомъ, потеряетъ смыслъ самая реформа. Если общество не будетъ въ состояніи поставить для учрежденій людей съ необходимой профессіональной подготовкой и уровнемъ нравственныхъ качествъ, соотвѣтствующимъ задачамъ, которыя преслѣдуются учрежденіями, то очевидно, что измѣнятся только названія и формы, а духъ останется тотъ же. Наполните учрежденія, задачей которыхъ, поставленной имъ законодателемъ, будетъ достиженіе общаго блага, людьми, недоразвившимися до пониманія этой идеи и не отрѣшившимися отъ взгляда на управленіе, какъ на средство удовлетворенія своихъ личныхъ интересовъ,—ясно, въ какомъ направленіи пойдетъ дѣятельность такихъ учрежденій. Всѣ усилія реформатора дать созданной имъ машинѣ то дѣйствіе, какое онъ предполагалъ, останутся тщетными; машина, едва пущенная въ ходъ, съ первыхъ же шаговъ станетъ работать сообразно достоинству того матеріала, изъ котораго она сама сдѣлана, и какъ бы ни былъ геніаленъ замыселъ такой машины, строенъ ея планъ и высока задача ея работы, ея дѣйствіе не можетъ не зависѣть отъ свойства этого матеріала. Въ томъ взаимодѣйствіи, которое между ними происходитъ, общество и учрежденія не равновелики по значенію: не общество приспособляется къ учрежденію, а наоборотъ, учрежденіе служитъ отраженіемъ уровня матеріальнаго и духовнаго развитія общества, и то вліяніе, которое оказываютъ учрежденія на общество, гораздо менѣе того, какое на строй и дѣйствіе учрежденій оказываетъ общественная среда. Намъ теперь и слѣдуетъ показать, насколько новыя учрежденія не соотвѣтствовали средствамъ того общества, въ которомъ они вводились.

Одной изъ характерныхъ чертъ административной реформы Петра было между прочимъ отдѣленіе военной службы отъ гражданской, прежде смѣшанныхъ. Но, раздѣляя ихъ, реформа далеко не уравнивала ихъ по значенію. Правда, табель о рангахъ ставила лѣстницу гражданскихъ чиновъ рядомъ съ лѣстницей военныхъ, но законъ не давалъ еще

служилому человѣку права заносить ногу при совершеннолѣтіи на ту или другую по свободному выбору, ограничивая извѣстнымъ процентомъ число членовъ служилой семьи, могущихъ поступать на гражданскую службу. Въ этомъ случаѣ гражданская служба получала значеніе преміи многолюднымъ семьямъ подобно тому, какъ теперь въ иныхъ законодательствахъ, поощряющихъ приростъ населенія, нѣкоторые члены многолюдныхъ семей получаютъ свободу отъ воинской повинности. Въ частности на высшія должности въ мѣстномъ управленіи и судѣ преобразователь продолжалъ смотрѣть, какъ на награду за предыдущую исправную военную службу, предписывая, напр., назначать въ ландраты офицеровъ, «которые много служили» и отставлены за старостью или за ранами, и жалуясь на то, что губернаторы по своей прихоти даютъ назначенія въ мѣстномъ управленіи «тунеядцамъ», которые нигдѣ не служили. Значитъ, должности по внутренней администраціи еще не считались въ полномъ смыслѣ слова службой, во всякомъ случаѣ не имѣли одинаковаго значенія съ военной службой, къ которой исключительно и пріурочивается въ изложенномъ указѣ самый терминъ «служить». Не утративъ однако значенія награды за службу, должности по мѣстному управленію одною чертою стали въ эпоху реформы существенно отличаться отъ предыдущихъ формъ мѣстнаго управленія.

Въ развитіи системы этого управленія до Петра надо различать два главные момента, въ которые различнымъ образомъ складываются отношенія областнаго правительственнаго агента къ правительству и къ мѣстности: кормленіе удѣльнаго времени и воеводское управленіе московскаго государства, если опустить средній между этими двумя моментъ, когда правительство не посылало своихъ агентовъ въ мѣстность, а возлагало исполненіе своихъ требованій на избранные самимъ мѣстнымъ обществомъ земскіе органы управленія. Хорошо извѣстно значеніе кормленія удѣльной эпохи, близкое къ значенію частной аренды, когда мѣстность «жаловалась» княземъ его слугѣ въ управленіе на извѣстный срокъ для извлеченія изъ нея доходовъ въ видѣ налоговъ и судебныхъ пошлинъ, изъ которыхъ только извѣстную большую или меньшую долю онъ обязанъ былъ уплачивать въ казну князя. На первомъ планѣ въ этомъ управленіи стоялъ личный интересъ, карманъ кормленщика. Воеводское управленіе московской эпохи офиціально рѣзко отличалось отъ кормленія тѣмъ, что на первомъ планѣ въ немъ долженъ былъ стоять государственный интересъ: воевода обязанъ былъ собирать подати не для своего дохода, а для наполненія государственной казны, и судить не ради сбора пошлинъ, а въ высшихъ интересахъ правосудія. Онъ долженъ былъ содержаться съ своихъ помѣстій

и вотчинъ и не разсматривать управляемую мѣстность, какъ предметъ своей хозяйственной эксплуатаціи. Но воеводское управленіе удержало два признака управленія удѣльнаго времени: его безвозмездность изъ государственной казны, такъ какъ воеводы не получали жалованья за исправленіе своей должности, и его срочность, такъ какъ они назначались на опредѣленный, очень короткій срокъ. Эти двѣ сохранившіяся черты были только показателями того, что подъ новыми юридическими формами скрывались хорошо сохранившіяся старыя фактическія отношенія. Несмотря на все различіе между удѣльнымъ волостелемъ, арендаторомъ казенныхъ доходныхъ статей, и воеводой, правительственнымъ чиновникомъ безъ жалованья, срочно управлявшимъ мѣстностью въ государственныхъ интересахъ, суть дѣла была одна и та же, и хорошо извѣстно, что безвозмездное воеводское управленіе служило обильнымъ источникомъ частнаго дохода. Безвозмездность должности и ея ограниченіе срокомъ свидѣтельствовали о признаніи такого характера кормленія за воеводскою должностью со стороны самого правительства, если не прямомъ, то косвенномъ. Такимъ образомъ, воеводское управленіе XVII в. не усвоило вполнѣ значенія государственной службы нашего времени, не порвало со всѣми чертами стариннаго кормленія и обладало чертами, свойственными обоимъ этимъ порядкамъ, занимая середину между ними. Реформа Петра и стремилась положить конецъ такому двусмысленному значенію мѣстной администраціи. Если преобразователь смотрѣлъ на службу по мѣстному управленію, какъ на награду, то только потому, что она была болѣе легкой, безопасной и спокойной, чѣмъ военная служба, а вовсе не потому, чтобы она была болѣе доходной — взглядъ, который онъ стремился искоренить всѣми силами. За службу по мѣстному управленію, какъ и вообще за гражданскую службу, было теперь положено казенное жалованье въ строго опредѣленномъ размѣрѣ и, слѣдовательно, она стала такъ же вознаграждаться, какъ издавна вознаграждалась военная служба, переставъ сама быть этимъ «жалованьемъ». Уже въ 1715 году, когда губерніи были подраздѣлены на доли, надъ которыми сдѣланы были правителями ландраты, были установлены опредѣленные оклады жалованья чинамъ губернской администраціи, губернаторамъ, вице-губернаторамъ, ландратамъ, ихъ помощникамъ—комиссарамъ и составу ихъ канцелярій. Содержаніе этой ландратской администраціи было возложено на населеніе доли, и рессурсы для него должна была доставлять особая подать по гривнѣ съ тяглаго двора, собиравшаяся въ мѣстную кассу доли и расходуемая на мѣстѣ, безъ отсылки въ центральное казначейство, при чемъ остатокъ за покрытіемъ расхо-

довъ на содержаніе ландратской администраціи дѣлился между ея чинами пропорціонально размѣрамъ ихъ окладовъ. Мѣстному управленію было строго воспрещено налагать на населеніе какіе-либо налоги безъ разрѣшенія сената, а всякіе поборы сверхъ жалованья въ личную пользу объявлены были преступленіемъ, за которое грозило «лишеніе живота». Итакъ, прежде вознаграждалась изъ государственнаго казначейства только военная служба; гражданская же и въ особенности должности по мѣстному управленію изъ казначейства не вознаграждались, потому что не считались службой и разсматривались не какъ объектъ вознагражденія, а какъ самое вознагражденіе. При Петрѣ гражданская служба вообще и въ томъ числѣ должности по мѣстному управленію получили также значеніе службы, хотя привилегированной, болѣе легкой и не всѣмъ доступной, но такъ же ставшей предметомъ казеннаго вознагражденія. Сдѣлавшись вознаграждаемымъ трудомъ, переставая быть источникомъ дохода и потерявъ значеніе хозяйственной эксплуатаціи, управленіе перестало быть срочнымъ, и назначенія на должности по мѣстной администраціи не ограничивались какимъ-либо періодомъ, какъ это было въ XVII вѣкѣ, такъ какъ цѣлью назначенія было удовлетвореніе государственныхъ, а не личныхъ интересовъ, и очередь между служилыми людьми, соблюдавшаяся при назначеніи на воеводства, теряла свой смыслъ. Реформа устанавливала ясно принципъ казеннаго вознагражденія за гражданскую службу и ставила ее на европейскую ногу, такъ что указаніе Фика на примѣръ всѣхъ христіанскихъ государствъ, которыя «честно и по нуждѣ пропитываютъ своихъ служителей», не пропало напрасно. Отъ азіатскаго управленія сатраповъ, преслѣдующихъ личную наживу, Россія переходила къ бюрократическому управленію западно-европейскаго государства посредствомъ чиновниковъ, дѣйствующихъ въ интересахъ государства и имъ оплачиваемыхъ. Воевода или судья 1719 г., какъ проектировала эту должность реформа, это—агентъ правительственной власти, назначаемый безъ срока, вознаграждаемый изъ государственнаго казначейства и дѣйствующій въ государственныхъ интересахъ.

Являлся однако вопросъ, насколько послѣдовательное проведеніе новаго принципа по всѣмъ ступенямъ предполагавшейся къ заимствованію административной системы будетъ по плечу современному обществу. Новый болѣе сложный строй мѣстнаго управленія долженъ былъ потребовать гораздо большихъ расходовъ не только въ сравненіи съ управленіемъ до введенія губерній, но сравнительно съ болѣе простой губернской администраціей перваго періода. Рѣшеніе этого вопроса и сдѣлалось центромъ тяжести при обсужденіи проектовъ реформы въ

сенатѣ втеченіе 1718 года. Собственноручнымъ указомъ 19 мая этого года Петръ предписывалъ собрать свѣдѣнія о расходахъ на жалованье во всѣхъ учрежденіяхъ центральной и областной администраціи, «дабы, вѣдавъ, по тому качеству и коллегіи устроить». При сравненіи стоимости шведскаго областнаго управленія, которое предполагалось заимствовать, съ русскимъ, которое было предназначено къ отмѣнѣ, оказывалось, что первое во много разъ обходилось дороже втораго. О степени превосходства въ дороговизнѣ даетъ хорошее понятіе тотъ разсчетъ, по которому выходило, что содержаніе одной только лифляндской губерніи со всѣмъ составомъ шведскихъ учрежденій и съ сохраненіемъ шведскихъ нормъ жалованья требовало 200.000 руб., т. е. обходилось бы дороже, чѣмъ содержаніе всей русской областной администраціи, которое въ 1715 г., когда введено было жалованье ландратамъ, потребовало всего 173.383 рубля. При рѣшеніи вопроса самый принципъ государственнаго вознагражденія администраціи стоялъ незыблемо, реформаторъ урѣзывалъ только размѣры вознагражденія и скорѣе готовъ былъ упрощать самую систему управленія, ради соблюденія экономіи, чѣмъ отказываться отъ этого принципа. Стремленіе приспособить новое управленіе къ силамъ русскаго бюджета и послужило главной причиной всѣхъ тѣхъ отмѣнъ, сокращеній и урѣзокъ, которымъ подверглись шведскія учрежденія при ихъ перекройкѣ на русскій ладъ. Сокращенія въ размѣрахъ жалованья нашли себѣ горячаго противника въ составителѣ проектовъ реформы, Фикѣ, который убѣждалъ сенатъ не скупиться въ средствахъ на администрацію и доказывалъ, что для казны выгоднѣе платить больше своимъ слугамъ, но имѣть зато болѣе честное и способное чиновничество: лучше, говорилъ онъ, дать 100 рублей лишнихъ, чѣмъ допустить на 200 или на 300 рублей подлоговъ. Притомъ государство не терпитъ никакого убытка отъ жалованья своимъ чиновникамъ, если всѣ выдаваемыя этимъ послѣднимъ деньги остаются въ странѣ. Стоимость новаго областнаго управленія въ томъ видѣ, какъ оно было проектировано послѣ разсчетовъ и соображеній, была вычислена близко къ стоимости предыдущей системы; но всетаки новая администрація должна была обойтись дороже. Содержаніе прежней петербургской губерніи стоило казнѣ 41.293 р. Съ новымъ провинціальнымъ раздѣленіемъ при жалованьѣ воеводѣ въ 600, камериру въ 200, земскимъ комиссарамъ и судьямъ въ 120 рублей та же губернія должна была обойтись въ 47.816 р. [1]).

[1]) П. С. З № 3003. *Милюковъ*, Государств. хоз., 619—622. Разсчеты стоимости стараго и новаго управленія—дѣл. сен. кн. 42 и кн. 58. *Перри*, Со-

Между тѣмъ бюджетъ расходовъ былъ слишкомъ чувствителенъ даже и для столь незначительныхъ повышеній, и въ этомъ именно качествѣ бюджета намѣреніе законодателя наладить правильное содержаніе администраціи встрѣтило себѣ рѣшительное противодѣйствіе, несмотря на ту скромную долю въ $3{,}_2\%$, какую занимала эта статья въ общей суммѣ расходовъ. Такая чувствительность станетъ, впрочемъ, легко понятной, если припомнить, какихъ огромныхъ размѣровъ достигала ежегодная недоимка доходовъ и какую огромную часть расхода составляли въ то время издержки на войско и флотъ. Послѣдствіемъ непрочности бюджета и была та неаккуратность, съ какою производилась выдача казеннаго содержанія административному персоналу. Проф. Мрочекъ-Дроздовскій, быть можетъ, придаетъ этой неаккуратности слишкомъ принципіальное значеніе, говоря, что она находилась въ причинной связи съ самымъ понятіемъ жалованья въ началѣ XVIII в., когда на него смотрѣли не какъ на необходимое средство обезпеченія, выдаваемое государствомъ своему слугѣ для поддержанія въ немъ способности къ возложенному на него труду, а какъ на награду за отличный по качествамъ трудъ, выдававшуюся только тогда, когда это позволяло состояніе казначейства. Это едва-ли такъ. Въ проектахъ реформы Фикъ проводилъ на жалованье взглядъ именно не какъ на награду за выдающійся трудъ, а какъ на необходимое средство содержанія служащихъ, и самъ Петръ, установивъ опредѣленные оклады жалованья ландратамъ, сдѣлавшимся правителями долей, на которыя подраздѣлена была губернія въ 1715 г., предписывалъ назначать на эту должность преимущественно безпомѣстныхъ офицеровъ, т. е. такихъ служилыхъ людей, для которыхъ жалованье и должно было быть единственнымъ средствомъ содержанія. Если бы жалованью хотѣли придать значеніе экстраординарной награды, зачѣмъ было заранѣе устанавливать ея опредѣленные размѣры, расписывать табели окладовъ и наконецъ, что важнѣе всего, налагать на населеніе особую подать по гривнѣ съ двора для полученія рессурсовъ на эту награду? Не проще ли было бы тогда выдавать ее изъ свободныхъ остатковъ казначейства, сообразуя ея размѣры каждый разъ съ величиной этихъ остатковъ? Въ средствахъ, которыя должны были получаться мѣстной администраціей 1715—1719 гг. былъ элементъ награды: это тѣ остатки отъ гривеннаго сбора, которые распредѣлялись между чинами доли пропорціонально окладамъ ихъ ежегоднаго регулярнаго жалованья. Но самое

стояніе Россіи при нынѣшнемъ царѣ, изд. О. И. и Др. стр. 122. *Мрочекъ-Дроздовскій*. Областное управленіе, 31—32.

жалованье, вводимое реформой по идеѣ ничѣмъ не отличалось отъ современнаго намъ: оно не было ни чрезвычайной наградой, ни заработной платой, подлежавшей закону спроса и предложенія: оно имѣло значеніе необходимаго матеріальнаго обезпеченія государствомъ его хотя и обязательно ему служащихъ. Въ частности денежное жалованье было лишь однимъ изъ видовъ этого обезпеченія, другими видами котораго были выдача хлѣба и помѣстье. Эта идея однако не могла вполнѣ осуществиться на практикѣ, и въ выдачѣ жалованья чиновникамъ господствовала такая же безурядица, какою отличаются всѣ мало-культурныя государства съ дурно устроенными финансами. Эта выдача получила, дѣйствительно, чрезвычайный характеръ, только не въ силу взгляда на жалованье, какъ на награду, а по требованіямъ практической необходимости. Обязательность военной и гражданской службы для служилаго класса гарантировала государство отъ опасности забастовки чиновниковъ и позволяла легко смотрѣть на отступленія отъ первоначальнаго намѣренія реформатора; отсюда сокращенія размѣровъ въ жалованьи и невыдача его цѣлыми годами. 9-го февраля 1723 г. появился оригинальный указъ, предписывавшій, «когда придетъ какая нужда въ деньгахъ на какое дѣло необходимое, искать способу, отколь оную сумму взять; а когда никакого способу не найдется, тогда нужды ради разложить оную сумму со всѣхъ чиновъ всего государства, которые жалованье получаютъ». Такая нужда почувствовалась вскорѣ же, и 13 апрѣля того же года былъ изданъ указъ о вычетѣ изъ жалованья на 1723 годъ четвертой части. Но и оставшіяся три четверти уплачивались весьма неаккуратно. Въ августѣ 1723 г. сенатъ, получивъ извѣстіе, что «коллежскіе и канцелярскіе служители отъ неполученія жалованья конечную пріемлютъ нужду», распорядился выдать имъ его за истекшія генварскую и майскую трети, но такъ какъ денегъ въ казнѣ не было, то выдачу эту предписалъ произвести сибирскими мѣхами и прочими сибирскими товарами, имѣвшимися въ Петербургѣ. Жалованье сильно запаздывало даже такимъ важнымъ чинамъ администраціи, какъ губернаторы, которымъ приходилось подавать челобитья о немъ «за прошлые годы», и тѣмъ болѣе, конечно, отъ такихъ задержекъ страдали низшіе чины. Путаница и замедленіе въ его выдачѣ происходили также и отъ того, что въ бюджетѣ того времени при отсутствіи единства кассы каждая статья расхода покрывалась соотвѣтствующей, спеціально на это покрытіе назначенной, статьей дохода, а между тѣмъ выработка общихъ штатовъ содержанія администраціи, при чемъ были бы указаны соотвѣтствующія статьи рессурсовъ для этихъ штатовъ, очевидно, предполагавшаяся, такъ и не была осуще-

ствлена при Петрѣ. Со времени введенія подушной сборъ гривенныхъ денегъ, установленныхъ на содержаніе ландратовъ, изчезаетъ изъ бюджета. Новые чины мѣстной администраціи должны были брать себѣ жалованье изъ различныхъ статей мѣстныхъ сборовъ по ассигновкѣ отъ штатсъ-конторъ-коллегіи, иногда не знали, изъ какихъ именно сборовъ его брать, и благодаря такой неясности подвергались взысканію взятаго жалованья въ двойномъ размѣрѣ, если взяли его не оттуда, откуда слѣдовало. Притомъ получать его они могли только при условіи сбора казеннаго дохода безъ недоимки [1]).

Больше всего неуплата жалованья била по карману малообезпеченный землею приказный персоналъ, и если уже вліятельный оберъ-секретарь сената Анисимъ Щукинъ принужденъ былъ жаловаться, что онъ, не получая заслуженнаго содержанія, «изживъ все свое, еже аще и малое имѣнійце... пришелъ въ крайнюю нищету и *мизеріе*», то легко понять въ какомъ положеніи обстояло дѣло съ его невидными провинціальными собратіями, количество которыхъ должно было притомъ очень возрасти при усложнившейся системѣ учрежденій. Отовсюду идутъ жалобы, что приказнымъ не назначено жалованья, или что они не получаютъ назначеннаго. Воевода костромской провинціи доносилъ, что подьячимъ его канцеляріи жалованья не опредѣлено, а ему не указано изъ какихъ доходовъ его выдавать. Въ ярославской провинціальной канцеляріи сидѣло всего 11 человѣкъ подьячихъ, и управлявшій ярославской провинціей членъ надворнаго суда Дашковъ сообщалъ, что они послѣ запрещенія брать съ просителей плату за работу «отъ приказныхъ дѣлъ пищи не имѣютъ», а между тѣмъ казеннаго содержанія не получаютъ, да принуждены еще нанимать себѣ помощниковъ изъ церковныхъ причетниковъ, такъ какъ завалены дѣлами. Составъ подьячихъ орловской провинціальной канцеляріи, заявляя, что имъ и до-

[1]) *Милюковъ*. Госуд. хоз. 665. *Мрочекъ-Дроздовскій*, Областн. управл. 68, 69. Дѣла сен. кн. 198, л. 282: «1721 г. апр. 17 правит. сен. приказали: судьѣ Дашкову.... о жалованьѣ отказать и впредь ему о томъ не бить челомъ, *понеже опредѣленіе учинено будетъ при сочиненіи штатовъ генерально*». Дѣл. камеръ-колл. вязка 21, д. 31, л. 237: челобитная воеводы бахмутской провинціи: «а мнѣ жалованья... съ 1718 по 724, по сентябрьскую треть бралъ я въ бахмутской крѣпости изъ солянаго сбору, такожъ и изъ другихъ сборовъ, и въ штатсъ-конторѣ спрашиваютъ на мнѣ вдвое вышеобъявленнаго жалованья и за прочихъ служителей (которымъ воевода его выдалъ), и велѣно за оныя деньги деревнишки мои отписать». Дѣла сен. кн. 1886, 1720 г. 26 окт. П. С. З. №№ 4163, 4281. Дѣл. сен. кн. 1887, 1721 г., 1 февр.; 1721 г. 24 мая.

машнимъ ихъ кормиться нечѣмъ, такъ какъ они люди непожиточные и скудные, одолжали и пришли во всеконечную скудость, просилъ опредѣлить имъ государево денежное и хлѣбное жалованье «по ихъ трактаменту, дабы имъ, будучи въ государевыхъ дѣлѣхъ, голодомъ не помереть». Приказный персоналъ архангелогородской губерніи просилъ въ 1720 г. выдать ему жалованье за 1717-й, ссылаясь на то, что ему кромѣ опредѣленнаго жалованья питаться нечѣмъ. Въ сентябрѣ 1720 г. вологодскимъ подьячимъ не было еще выдано жалованья за 1719 и истекшіе мѣсяцы 1720 года, отчего, какъ они говорили, они пришли во всеконечную нищету и разорились безъ остатку, а безъ жалованья имъ, будучи у дѣлъ царскаго величества, питаться нечѣмъ, «и за труды ихъ кто чѣмъ ради всеконечной ихъ скудости хотя бъ и почтили, и то де нынѣ весьма взять запрещено подъ жестокимъ страхомъ». Они свидѣтельствовали, что помѣстій, вотчинъ, торговъ, промысловъ или заводовъ у нихъ никакихъ нѣтъ, а дворы и движимость, какая у нихъ была, они распродали и заложили, и только запрещеніе закона удерживаетъ ихъ отъ прошенія милостыни. Воевода, донеся, что онъ «опасенъ» безъ особаго разрѣшенія сената удовлетворить ихъ просьбу, поддерживалъ ходатайство подьячихъ о томъ, чтобы имъ выдано было жалованье за прошлые годы и впредь выдавалось аккуратно, такъ какъ подьячіе въ противномъ случаѣ могли «разбрестись врознь», и уже одинъ изъ нихъ бѣжалъ изъ канцеляріи за неимѣніемъ средствъ къ жизни. Подьячіе камерирской конторы выборгской провинціи пишутъ въ своей челобитной, что вслѣдствіе неуплаты имъ хлѣбнаго жалованья за два года они, продавъ и заложивъ съ себя и съ женъ своихъ все платье за безцѣнокъ, «стали быть наги и босы, дневной пищи не имѣютъ, милостыни просить за запретительнымъ указомъ не смѣютъ и помираютъ голодною смертью». Отбросимъ все то, что въ этихъ свидѣтельствахъ приходится на долю канцелярскаго краснорѣчія,—тотъ фактъ, что государство, заведя сложную канцелярскую машину управленія, не имѣло достаточныхъ средствъ содержать ее, останется несомнѣннымъ. Воеводъ ставило въ немалое затрудненіе отсутствіе даже тѣхъ небольшихъ средствъ, которыхъ требовало самое канцелярское хозяйство; они не знали, откуда брать денегъ на дрова, бумагу, свѣчи, чернила и «всякіе приключающіеся канцелярскіе расходы», которые также теперь значительно должны были возрасти съ умноженіемъ числа канцелярій и на которые до реформы 1719 г. употреблялись судебныя пошлины, перешедшія въ руки судебнаго вѣдомства съ отдѣленіемъ суда отъ администраціи [1]).

[1]) Дѣл. сен. кн. 124, л. 864; кн. 198, л. 282; кн. 114, л. 711; кн. 81.

Понятно, къ какимъ послѣдствіямъ долженъ былъ повести недостатокъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе мѣстной администраціи. Не получая его изъ казны, какъ предполагалось проектами реформы, она стала брать его съ населенія, какъ было заведено встарину; если послѣднее не приносило его добровольно, она выколачивала его силой. Въ 1724 г. въ подмосковной вотчинѣ оберъ-гофмейстера М. Олсуфьева былъ «пойманъ» подьячій земскаго комиссара, который, будучи посланъ по дистрикту для сбора податей, бралъ незаконные поборы и пользовался крестьянскими подводами, не платя за нихъ прогоновъ. На слѣдствіи онъ объяснилъ, что онъ никакого опредѣленнаго жалованья не получаетъ; отправляя возложенное на него порученіе, «интересу похищенія не чинивалъ и съ народу никакихъ излишнихъ сверхъ указу сборовъ не сбирывалъ, а уѣздные люди давали ему *для его неимущества* на пропитаніе изъ своей воли деньгами и хлѣбомъ по малому числу, а именно деньгами по копѣйкѣ и по грошу, а хлѣба по четвертой долѣ четверика и меньше съ вотчины». Въ вотчинѣ школьника Замятнина староста далъ ему полъ-осьмины овса, видя его скудость, на пропитаніе безъ его просьбы. За взятыя подводы онъ денегъ не платилъ, потому что комиссаръ ему ихъ не выдавалъ, а комиссаръ не давалъ, потому что не зналъ, гдѣ ихъ взять. Другой подьячій того же самаго комиссара, А. Шараповъ, былъ менѣе скроменъ и поступалъ гораздо рѣшительнѣе. Съ села Васильевскаго, вотчины кн. Черкасскаго, онъ собралъ взятокъ 6 рублей 14 алтынъ и ведро вина. Ревизія нижегородской губерніи, произведенная въ 1725 г., рисуетъ яркую картину порядковъ областной администраціи, и нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы обычаи этой губерніи были исключительнымъ явленіемъ. Комиссаръ лысковскаго дистрикта Мокѣевъ «показалъ на себя харчевыхъ приносовъ въ три года на 60 рублей». Комиссаръ воротынскаго дистрикта Лопатинъ бралъ при выдачѣ отписей, т. е. квитанцій при уплатѣ податей деньгами по 10, по 20 и по 30 копѣекъ съ каждой, да подьячій при немъ взялъ деньгами 30 рублей, да 30 барановъ, харчу на 2 рубля, какъ онъ объяснилъ, «за неполученіемъ жалованья». Въ павловскомъ комиссарствѣ тѣ же поборы при выдачѣ квитанцій. Въ терюшевскомъ дистриктѣ комиссару Лѣнивцеву крестьяне терюшевской волости передавали всего деньгами 61 рубль, да всякаго харчу и хлѣбомъ на 30 р. 30 коп., причемъ въ эту оцѣнку не были включены 59 свиныхъ тушъ, 14 барановъ, солодъ и хмѣль «на

л. 837, 809; кн. 700, л. 82; кн. 86, л. 35; кн. 114, л. 641; кн. 107, л. 203; кн. 128, л. 180.

винныя браги и на пивныя варенія», бревна и дрова, отправленныя къ нему въ деревню. Балахонскій комиссаръ кн. Болховской показалъ, что бралъ по «малому числу харчевые приносы, которые приносили въ честь, а не изъ подъ неволи», но его подьячій сознался, что онъ по приказу своего начальника перебралъ съ уѣздныхъ людей 104 рубля подмоги. Юрьевскій комиссаръ Назарьевъ показалъ, «что взятки бралъ, а сколько—не упомнитъ». Подьячій городецкаго комиссарства Поповъ велѣлъ, не увѣдомивъ даже своего комиссара, собирать лишнія деньги съ крестьянскихъ бань и съ ульевъ, «кто что дастъ въ честь», и перебралъ такимъ образомъ примѣрно рублей съ пять, при чемъ бралъ ихъ «за неполученіемъ жалованья». Виновными оказались не одни подьячіе и комиссары. Въ длинномъ спискѣ лицъ, которыя «коснулись лакомства», фигурируютъ: секретарь губернской канцеляріи, предсѣдатель провинціальнаго суда оберъ-ландрихтеръ Михайловъ, фискалы, камериръ, и даже на самого вице-губернатора было предъявлено обвиненіе въ принятіи «харчевыхъ приносовъ». Слѣдствіе подвело итоги взяткамъ. Всего съ 1720 г. по 1724 годъ было получено чинами губернской администраціи «въ честь» или иными способами 3632 рубля 69½ коп. Списокъ подраздѣленъ на двѣ категоріи: получавшихъ и не получавшихъ жалованье. «О тѣхъ взяткахъ», какъ замѣчаетъ актъ слѣдствія, «безжалованные сказали, что брали за неполученіемъ жалованья, безъ чего пропитаться было нечѣмъ». Такихъ было большинство. Но и тѣ, которые получили жалованье, не рѣшались его тратить, такъ какъ не были увѣрены, что его не потребуютъ у нихъ назадъ, какъ это нерѣдко тогда практиковалось. «А которымъ хотя и жалованье дано», продолжаетъ тотъ же документъ, «и тѣмъ де жалованьемъ они не обнадеживаны, понеже де взяты у нихъ подписки, что ежели то жалованье спросятъ, имъ возвратить». Отсутствіе казеннаго жалованья влекло за собою взятку или, по крайней мѣрѣ, служило ей оправданіемъ. Недостатокъ денегъ на самое содержаніе канцелярскаго обихода вызывалъ незаконные поборы съ населенія, устанавливаемые мѣстною администраціей, незаконные потому, что они не были разрѣшены сенатомъ, которому одному, кромѣ верховной власти, принадлежало право назначать новые налоги. Та же ревизія нижегородской губерніи насчитала за тѣ же четыре года, о которыхъ она производила слѣдствіе, 31.226 руб. такихъ излишне собранныхъ денегъ съ населенія губерніи на такъ называемые «приказные расходы». Земскіе комиссары заявили, что они не вмѣшивались въ эти сборы, т. е. очевидно, ограничивались только назначеніемъ общей суммы, которую затѣмъ разверстывали между собою и собирали сами тяглые міры дистриктовъ

«безъ ихъ комиссарскаго принужденія». Одинъ изъ комиссаровъ показалъ, что въ его дистриктѣ такіе сборы взимались въ размѣрѣ 29 к. съ двора. Если припомнимъ, что въ 20 хъ годахъ XVIII вѣка средняя цыфра ежегодныхъ податей съ крестьянскаго двора могла считаться въ 4 рубля, то сборъ на «приказные расходы» доходилъ до очень высокой нормы, составляя цѣлыхъ $7 \frac{1}{4}\%$ этой суммы. Вице-губернаторъ на обвиненіе въ томъ, что онъ самовольно далъ указъ комиссарамъ собирать съ населенія эти деньги, отвѣтилъ, что онъ опредѣлилъ требовать ихъ отъ уѣздныхъ людей потому, что «кромѣ того опредѣленія брать было неоткуда»; онъ обращался въ этомъ случаѣ къ привычному источнику всякихъ рессурсовъ, «понеже всякіе сборы были съ нихъ же, уѣздныхъ людей». Когда его вниманіе обратили на указъ сената 25 февраля 1712 г., воспрещавшій губернаторамъ накладывать на народъ какія-либо подати безъ вѣдома сената, то блюститель закона отвѣтилъ, что этотъ указъ ему неизвѣстенъ, такъ какъ онъ былъ изданъ до его вступленія въ управленіе нижегородской губерніей, которое имѣло мѣсто только въ 1719 г.

Такъ состояніе государственнаго хозяйства, при которомъ пришлось проводить реформу, мѣшало осуществленію начала, положеннаго въ ея основу. На мѣсто прежняго управленія, содержавшагося на счетъ управляемыхъ и незнавшаго предѣловъ этому счету, реформаторъ предполагалъ ввести администрацію, оплачиваемую казною. Народныя средства не позволяли этого. Другія задачи, разрѣшеніе которыхъ ставилось Петромъ на первый планъ и сравнительно съ которыми реформа администраціи получала въ его глазахъ второстепенное значеніе, оттягивали всѣ рессурсы казны, съ такимъ трудомъ туда поступавшія. При крайней степени напряженія, до какого доведена была платежная способность населенія, нельзя было требовать отъ него ничего больше, и приходилось откладывать оплату администраціи. Отступленія отъ оплаты дѣлаются постоянно при Петрѣ, не желавшемъ однако отказаться отъ самаго принципа. Правительство, смѣнившее преобразователя, принуждено было отказаться и отъ принципа и вернуться въ значительной мѣрѣ къ старымъ порядкамъ. Въ 1726 г. былъ изданъ указъ, предписывавшій выдавать жалованье въ юстицъ и вотчинной коллегіяхъ, въ главномъ магистратѣ и въ надворныхъ судахъ только президентамъ и членамъ, «а приказнымъ людямъ не давать, а довольствоваться имъ отъ дѣлъ по прежнему обыкновенію съ челобитчиковъ, кто что дастъ по своей волѣ». Запрещено было только вымогать излишнюю плату путемъ волокиты. Такимъ образомъ офиціально была разрѣшена взятка въ скромныхъ размѣрахъ и запрещалась только въ неумѣренномъ ко-

личествѣ. Вскорѣ это начало было распространено и на провинціальное управленіе и опять со ссылкой на прежній обычай: «понеже и напередъ сего (т. е. до реформы) жалованья имъ не бывало, а пропитаніе и безъ того жалованья имѣли» [1]).

II.

Недостатокъ денежныхъ средствъ разстраивалъ ходъ заимствованнаго съ запада административнаго механизма. Недостатокъ людей, необходимыхъ для формировки этого механизма, былъ также однимъ изъ обстоятельствъ, роковымъ образомъ повліявшихъ на успѣхъ реформы. Въ составъ механизма входили элементы изъ обоихъ главныхъ классовъ общества, служилаго и тяглаго, и было бы ошибкой сказать, что служба по администраціи лежала на одномъ служиломъ классѣ. Тяглыя группы общества не были отъ нея избавлены подобно тому, какъ и служилый классъ не былъ совершенно избавленъ отъ участія въ платежѣ податей, и въ составѣ администраціи онѣ играли немаловажную роль. Членами городскаго тяглаго класса замѣщались должности въ такой важной отрасли администраціи, какою было городское управленіе. Въ сѣверныхъ областяхъ государства, въ общинахъ свободныхъ государственныхъ крестьянъ сохранило свое значеніе выборное крестьянское самоуправленіе, непосредственно примыкавшее къ общей административной сѣти и осуществлявшее государственныя требованія, предъявляемыя къ мѣстности. Впослѣдствіи здѣсь и на должности земскихъ комиссаровъ выбирались представители этого класса. Даже и крѣпостное крестьянство остальной Россіи не было избавлено отъ службы по внутреннему управленію: оно поставляло контингентъ для низшихъ полицейскихъ должностей сотскихъ и десятскихъ, вѣдавшихъ полицію безопасности въ уѣздѣ подъ начальствомъ земскаго комиссара, а также разнаго рода выборныхъ для исполненія иныхъ экстренныхъ казенныхъ порученій, напр., конвоировать перевозимую денежную казну, охранять пришедшія по рѣкѣ барки съ казеннымъ лѣсомъ, сплавляемымъ въ Петербургъ, конвоировать пересылаемыхъ колодниковъ и т. п. Въ особенности замѣтное участіе принимали тяглые классы общества въ службѣ по казенному финансовому управленію: изъ ихъ среды выбирались, какъ главные агенты, на которыхъ возлагалось производство

[1]) Дѣл. камеръ-коллегіи, вязка 7, д. 19. Дѣл. сен. кн. 230, л. 108 и сл. П. С. З. №№ 4889, 4971.

казенныхъ сборовъ, каковы были бурмистры у таможенныхъ сборовъ, у питейнаго и солянаго дѣла и сборщики другихъ болѣе мелкихъ сборовъ, если они не были отданы на откупъ, такъ и состоявшіе при нихъ второстепенные помощники: ларечные, цѣловальники и др. Какъ извѣстно, попытка правительства снять эти службы съ тяглыхъ классовъ путемъ замѣны тяглыхъ сборщиковъ податей отставными служилыми людьми: унтеръ-офицерами и солдатами не удалась, такъ какъ служилыхъ людей на эти должности не хватало.

Итакъ, тяглыя группы не были свободны отъ службы по внутреннему управленію, которая составляла одну изъ частей лежавшаго на нихъ тягла. Но это участіе въ службѣ было далеко не сравнимо съ тяжестью той служебной повинности, которую несъ на своихъ плечахъ служилый классъ. Тогда какъ первыя несли службу, поставляя для нея изъ своей среды только нѣкоторую долю своихъ членовъ, послѣдній обязанъ былъ отбывать ее поголовно; притомъ для первыхъ она ограничивалась обыкновенно извѣстнымъ срокомъ, тогда какъ послѣдній служилъ безсрочно. Такимъ образомъ, государство привлекало къ службѣ только нѣкоторую часть тяглаго населенія и расходовало на нее весь составъ служилаго класса, который былъ занятъ ею въ полкахъ и флотѣ, въ центральныхъ и областныхъ учрежденіяхъ администраціи. Къ служилому запасу, оставленному преобразователю его предшественниками, реформа предъявила повышенные запросы, которымъ удовлетворить онъ не былъ въ состояніи прежде всего потому, что онъ не соотвѣтствовалъ ея требованіямъ своимъ количествомъ. Его не хватало для исполненія задачъ, поставленныхъ реформой, сразу поднявшей спросъ на служилыхъ людей и осуществлявшейся при такихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, отъ которыхъ служилый классъ долженъ былъ сильно порѣдѣть. Почти непрерывная, болѣе чѣмъ двадцатилѣтняя война вызывала постоянный и напряженный приливъ служилыхъ силъ въ полки регулярной арміи, отвлекая ихъ отъ внутренняго управленія, а выигрываемыя или проигранныя битвы, одинаково причиняя потери людьми, губили значительную долю этихъ силъ. Между тѣмъ для осуществленія реформы во всѣхъ ея частяхъ требовались люди. Армія съ болѣе сильной артиллеріей и съ новой сложной системой военнаго хозяйства; вновь созданный флотъ, съ верфями, на которыхъ онъ строился, съ казеннымъ лѣснымъ хозяйствомъ, вызваннымъ кораблестроеніемъ; промышленность съ ея казенными заводами, подъ начальствомъ командируемыхъ туда «надзирателей» изъ служилаго персонала; наконецъ, администрація съ коллегіальнымъ порядкомъ, съ отдѣльнымъ финансовымъ и судебнымъ управленіемъ, болѣе сложная и

развѣтвленная — для приведенія всего этого въ дѣйствіе нужно было гораздо большее количество служилаго люда сравнительно съ прежнимъ временемъ. Притомъ же обязательная подготовка служилаго человѣка въ школѣ, безъ которой обходились прежде, отодвигала время поступленія его на дѣйствительную службу, тѣмъ самымъ уменьшала продолжительность этой послѣдней и сокращала запасъ кандидатовъ, откуда правительство могло дѣлать назначенія на должности. Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ было сильное превышеніе спроса въ служиломъ элементѣ надъ его предложеніемъ. Спросъ этотъ возрасталъ слишкомъ непропорціонально естественному приросту служилаго класса, и отсюда необходимость въ искусственныхъ мѣрахъ къ его увеличенію, что и достигалось табелью о рангахъ. Недостатокъ почувствовался въ обоихъ слояхъ служилаго класса: и въ верхнемъ, дворянскомъ собственно, верхи котораго продолжали занимать должности въ центральной и областной администраціи, и въ нижнемъ, приказномъ, наполнявшемъ собою канцеляріи. Въ недостаткѣ дворянства крылась одна изъ причинъ, по которымъ новыя учрежденія могли открыть свои дѣйствія гораздо позже, чѣмъ это было предположено, и тотъ фактъ, что въ 1720 г. еще оставались вакантными 48% всѣхъ мѣстъ по судебному управленію, служитъ лучшимъ показателемъ размѣровъ этого недостатка.

Не менѣе ощутительна была нужда и въ приказномъ людѣ. Этотъ классъ, черпавшій свои элементы изъ темныхъ слоевъ народной массы, «изъ поповичей и простаго всенародства» еще по выраженію Курбскаго и передававшій свои выслужившіеся верхи въ дворянство, пріобрѣталъ все болѣе важное значеніе въ системѣ управленія, — не даромъ взору наблюдателя казалось, что Россія первой половины XVIII в. управляется оберъ-секретарями и секретарями. Бюрократическій духъ, какой стала усвоивать русская администрація съ XVII вѣка выдвигалъ канцелярію на видное мѣсто, и державшееся не всегда опрятною и безупречною рукой перо подьячаго становилось необходимымъ орудіемъ управленія по мѣрѣ того, какъ бумага все болѣе дѣлалась его душою. Усложненіе административнаго механизма, произведенное реформой, повлекло за собою увеличеніе числа канцелярій, а усложненіе формъ дѣлопроизводства и отчетности со всѣми этими выписками, экстрактами, протоколами, книгами, рапортами, вѣдомостями и прочимъ канцелярскимъ арсеналомъ должно было неминуемо вызвать расширеніе ихъ личнаго состава, расплодить секретарей, канцеляристовъ, копіистовъ, подкопіистовъ, нотаріусовъ и др., какъ стали теперь обозначаться иностранными терминами прежніе дьяки и подьячіе трехъ статей, старые,

средніе и молодые. Но реформа застала приказный классъ врасплохъ, и его наличныхъ силъ не хватало для той массы канцелярской работы, которую она задавала. Нужду въ приказныхъ силахъ испытывали и центральныя учрежденія; еще болѣе жаловались на нее области, откуда оттягивали ихъ эти центральныя учрежденія. Московскій вице-губернаторъ доносилъ сенату, «что при губернскихъ всякихъ дѣлахъ быть всесовершенно некому, ибо добрые и заобыкновенные подьячіе всѣ разобраны въ разныя коллегіи и команды», а остались старые, плохіе и къ дѣламъ совершенно неспособные. Воевода угличской провинціи писалъ, что требуемой центральными учрежденіями отчетности, вѣдомостей мѣсячныхъ и годовыхъ ему «вскорѣ сочинить невозможно за малолюдствомъ подьячихъ», такъ какъ въ угличской канцеляріи оставлено ихъ самое малое число, «и изъ тѣхъ не токмо могутъ такія вѣдомости и репорты сочинить, но и писать иные мало умѣютъ». По устюжской провинціи случилась «всеконечная остановка» въ исполненіи указовъ за «умаленіемъ подьяческимъ». По той же самой причинѣ «умедленіе» въ дѣлахъ ярославской провинціи. Въ астраханской губерніи подьячихъ оказалось «самое малое число, и тѣ самые худые и ни о чемъ невѣдомые», отъ чего все дѣлопроизводство происходитъ «зѣло бѣдственно и продолжительно». Такого же рода жалобы шли изъ тульской, галицкой, вологодской, калужской, рязанской, пошехонской, орловской и другихъ провинцій. Если даже допустить, что иные воеводы писали неправду, то очевидно, что они для ея прикрытія ссылались на такое обстоятельство, которое могло имѣть наибольшее вѣроятіе въ глазахъ начальства, какимъ и былъ недостатокъ приказныхъ людей.

Ихъ наличное количество до такой степени неспособно было удовлетворять потребностямъ въ нихъ вновь заведенныхъ присутственныхъ мѣстъ, что они становились яблокомъ раздора между этими присутственными мѣстами и наиболѣе частою причиною ссоръ между представителями отдѣльныхъ частей областной администраціи. Дѣло доходило до того, что эти послѣдніе чуть не силой отнимали другъ у друга канцелярскій персоналъ. Въ бѣлозерской провинціи было только трое приказныхъ «добрыхъ» людей, на которыхъ и заявили одновременныя притязанія воевода и камериръ; воевода подкрѣплялъ свои притязанія тѣмъ, что онъ уже взялъ ихъ въ свою канцелярію раньше, еще до пріѣзда камерира. Орловскій воевода жаловался на камерира, который воеводскихъ подьячихъ «забралъ къ себѣ собою», а въ воеводской канцеляріи оставилъ «подьяческихъ дѣтей и служивыхъ робятъ», не умѣющихъ писать, отъ чего опасался медленности въ исправленіи го-

сударевыхъ дѣлъ. Камериръ галицкой провинціи жаловался на воеводу, который не далъ ему должнаго числа подьячихъ, а воевода оправдывался, ссылался на то, что «приказныхъ людей въ оной провинціи зѣло имѣетъ быть оскудѣніе», и что если исполнить всѣ требованія камерира, то у него самого не останется подьячихъ ни одного человѣка. Камериръ калужской провинціи «отнялъ» у воеводы подьячаго Тимофея Астафьева въ свою контору, и «за тѣмъ отнятіемъ», какъ писалъ воевода, «учинилось въ отправѣ вѣдомостей помѣшательство и весьма остановка». Несмотря на всѣ просьбы воеводы, камериръ рѣшительно отказывался возвратить ему этого опытнаго приказнаго дѣльца. 24 марта 1721 г. воевода просилъ камерира отдать по крайней мѣрѣ писца воеводской канцеляріи, взятаго вмѣстѣ съ Астафьевымъ въ камерирскую контору, но камериръ встрѣтилъ посланнаго угрозою, закричавъ, что «ежели кто его писца возьметъ и онъ, камериръ, того шпагою просодитъ насквозь». Спустя нѣсколько дней воевода отправилъ для выручки плѣннаго подьячаго вооруженную силу въ лицѣ капитана Тюнина и рейтарскаго сына Леонтія Анненкова. Но и капитанъ вернулся такъ же безрезультатно, какъ возвратились и прежніе посланные. «Оный камериръ говорилъ мнѣ», доносилъ онъ воеводѣ о неудачѣ своей экспедиціи, «чтобъ я нынѣ впредь по онаго подьячаго не ходилъ, а ежели опять придешь, то де ты отъ меня обезчещенъ будешь; оному Анненкову говорилъ же, ежели де онъ для взятья онаго Астафьева придетъ опять, то де его, Анненкова, бивъ батожьемъ по спинѣ и по брюху и взявъ дубину, руки и ноги переломаетъ» [1]).

Такой недостатокъ въ служиломъ персоналѣ и для военной службы, и для проектированной системы администраціи побуждалъ соблюдать въ немъ строгую экономію и зорко слѣдить за прибылью и убылью въ его составѣ. Два средства контроля за состояніемъ служилаго класса: одно постоянно дѣйствовавшее, другое примѣнявшееся періодически имѣлись въ рукахъ у правительства. Для постояннаго завѣдыванія имъ существовало особое учрежденіе, какимъ до 1711 г. былъ разрядный приказъ, затѣмъ съ этого года разрядный столъ въ канце-

[1]) *Градовскій*, Высш. админ. стр. 96. Дѣла сен. кн. 126, л. 328. Дѣла угличской пров. канц. № 741. Дѣла пошех. уѣздн. суда по III оп. вязка 2, кн. 3, №№ 1258, 1263. Дѣла сен. кн. 86, л. 337; кн. 198, л. 282; кн. 93, л. 99. Дѣла камеръ-коллегіи, вязка 19, д. 2. Дѣла сен. кн. 813, л. 453; кн. 126, л. 1387; кн. 81, л. 815, л. 890; кн. 87, л. 297; кн. 195, л. 448; кн. 114, л. 715, л. 711; кн. 81, л 857; кн. 811, л. 111; кн. 657, л. 691 — 695; кн. 126, л 1411.

ляріи сената и, наконецъ, съ 1722 г. контора герольдмейстера. На обязанности этого учрежденія лежало вести учетъ служилому классу, составляя его списки; имѣть на готовѣ запасъ служилыхъ людей на случай надобности и представлять кандидатовъ для служебныхъ назначеній по требованіямъ различныхъ вѣдомствъ. Кромѣ этого постояннаго контроля время отъ времени предпринималась чрезвычайная провѣрка служилой наличности, производившаяся посредствомъ такъ называемыхъ смотровъ. Такіе смотры бывали и до Петра, но тогда они производились по большей части въ провинціи, въ столицѣ же кажется, только въ рѣдкихъ случаяхъ, притомъ не для всего состава служилаго класса, а лишь для отдѣльныхъ его частей, которыя туда вызывались. Обыкновенно производство такого смотра въ XVII в. заключалось въ слѣдующемъ. Въ уѣздъ посылалась комиссія съ бояриномъ во главѣ, которая пересматривала, «разбирала», какъ тогда выражались, служилое населеніе уѣзда, недорослей зачисляла въ службу, старымъ и дряхлымъ давала отставку. Съ разборомъ соединялось иногда верстанье денежными и помѣстными окладами. Комиссія переводила служилыхъ людей изъ одной служилой статьи въ другую и вообще приводила служебную тягость каждаго отдѣльнаго служилаго человѣка въ соотвѣтствіе съ его физическимъ и экономическимъ состояніемъ. Для подобныхъ же операцій Петръ началъ стягивать служилый классъ къ центру, назначая смотры въ одной изъ столицъ, и эти смотры при немъ происходили довольно часто. Они бывали или частными, когда вызывалась извѣстная отдѣльная группа служилыхъ людей, или общими, когда пересматривался и перебирался весь классъ. Такъ, напр., въ мартѣ 1713 г. былъ назначенъ въ обѣихъ столицахъ смотръ «нѣтчикамъ», неявившимся на смотры двухъ предыдущихъ годовъ, а также недорослямъ; въ маѣ того же года—подьячимъ и ихъ дѣтямъ; въ декабрѣ—недорослямъ только одной категоріи служилыхъ людей, именно царедворцевымъ дѣтямъ возрастомъ отъ десяти лѣтъ и выше. Въ февралѣ слѣдующаго 1714 г. состоялся указъ о высылкѣ на смотръ дворянскихъ дѣтей отъ 13 лѣтъ и выше. Въ 1718 г. высылались на смотръ изо всѣхъ губерній царедворцы. Въ ноябрѣ 1719 г. было велѣно явиться на смотръ къ февралю слѣдующаго 1720 г. всѣмъ офицерамъ, служащимъ въ гарнизонахъ и внѣ полевыхъ полковъ и т. д. Общихъ смотровъ всему служилому классу за послѣднее десятилѣтіе царствованія состоялось два: въ 1715 и въ 1721—22 г. Изъ нихъ послѣдній, предпринятый въ наиболѣе широкихъ размѣрахъ, оставилъ послѣ себя наиболѣе документальныхъ данныхъ, позволяющихъ познакомиться съ порядкомъ производства смотровъ при Петрѣ.

Причиной, побудившей его назначить, была по всей вѣроятности мысль о персидскомъ походѣ, заставлявшая преобразователя произвести общую повѣрку находившихся въ его распоряженіи служилыхъ силъ. 30 іюля 1721 г. былъ изданъ указъ, открывшій собою цѣлый рядъ другихъ относящихся къ тому же предмету, которымъ повелѣвалось явиться дворянамъ всякаго званія, состоящимъ на службѣ и отставнымъ, кромѣ занятыхъ въ отдаленныхъ сибирской и астраханской губерніяхъ, на смотръ въ два пріема; одной половинѣ въ декабрѣ 1721 г., другой въ мартѣ 1722 г. въ одну изъ столицъ, а именно дворянамъ района бывшей петербургской губерніи въ Петербургъ, а изъ мѣстностей остальныхъ губерній въ Москву [1]). Эти указы произвели однако мало дѣйствія. На декабрьскій смотръ съѣхались далеко не всѣ тѣ, кто должны были на него собраться. Въ январѣ 1722 г. Петръ новымъ указомъ предписывалъ собраться къ марту мѣсяцу на этотъ разъ уже въ Москву всѣмъ тѣмъ, которые не явились на смотръ въ декабрѣ, грозя въ противномъ случаѣ страшными взысканіями въ видѣ шельмованія, конфискаціи имущества и прибитія именъ неявившихся къ висѣлицѣ. Съ марта 1722 г. и началось производство смотра въ Москвѣ. Для подготовки этого дѣла была учреждена особая комиссія съ ближнимъ стольникомъ Колычевымъ, который былъ назначенъ герольдмейстеромъ, во главѣ. При комиссіи долженъ быть состоять командированный изъ аптекарской канцеляріи докторъ для медицинскаго освидѣтельствованія пересматриваемыхъ. Самый процессъ смотра слагался изъ слѣдующихъ моментовъ. Служилый человѣкъ, являясь въ столицу, «записывалъ свой пріѣздъ» у герольдмейстера и представлялъ ему письменную «сказку» о своей службѣ, родъ послужнаго списка или curriculum vitae, съ указаніемъ на свое семейное и имущественное положеніе. Въ этой сказкѣ, составляемой по однообразной формѣ служилый человѣкъ давалъ свѣдѣнія «безъ всякаго закрытія и фальши по должности вѣрной своей присяги» о возрастѣ, о времени начала службы, описывалъ иногда очень подробно ея теченіе, перечисляя тѣ походы, въ которыхъ онъ находился, и тѣ служебныя порученія, которыя онъ исполнялъ, указывая на совершенные имъ подвиги или на бѣдствія, которымъ подвергался: плѣнъ у непріятеля, по-

[1]) Первоначально предполагалось сдѣлать смотръ дворянству нижегородской и казанской губерній на мѣстѣ, но это предположеніе не осуществилось. По крайней мѣрѣ, 1) въ дальнѣйшихъ указахъ, послѣдовавшихъ за распоряженіемъ 30 іюля 1721 г. нѣтъ уже исключенія для этихъ губерній, 2) чины администраціи этихъ губерній высылались на смотръ 1722 г. въ Москву.

лученныя раны и увѣчья. Далѣе онъ давалъ показаніе о составѣ своей семьи, называя каждаго изъ ея членовъ мужскаго пола и обозначая ихъ возрастъ, и о своемъ имущественномъ положеніи, перечисляя находившіяся въ его владѣніи вотчины и помѣстья. Въ сказкѣ же онъ заявлялъ о своихъ родственникахъ, которые почему-либо не могли явиться на смотръ, и указывалъ на причины неявки, а также удостовѣрялъ, что не знаетъ никого укрывающихся отъ службы и ручался что въ его домѣ такихъ не находится. Всѣ эти показанія скрѣплялись рукоприкладствомъ. Послѣ этихъ предварительныхъ формальностей, сенаторы, а иногда и самъ государь, пересматривали отдѣльно каждаго изъ явившихся, и тутъ же въ «смотрѣнномъ» спискѣ противъ его фамиліи отмѣчалась перемѣна въ его служебномъ назначеніи: недорослей однихъ назначали въ школу, другихъ къ посылкѣ заграницу; старымъ, дряхлымъ и получившимъ увѣчья давалась полная отставка; годные къ службѣ одни назначались въ военную, другіе отмѣчались «къ дѣламъ», т. е. въ гражданскую службу и распредѣлялись между коллегіями, смотря по надобности каждой. Менѣе свѣжій составъ, но еще способный служить, вносился въ «валовой списокъ» и, не получая еще полной отставки, отпускался по домамъ съ обязательствомъ явиться, когда спросятъ.

Эти смотры служилымъ людямъ имѣли большое значеніе въ исторіи образованія русскаго дворянскаго сословія: они помогали процессу сліянія различныхъ отдѣльныхъ служилыхъ группъ въ единый цѣлый классъ и, по крайней мѣрѣ, должны были содѣйствовать возникновенію и развитію въ этомъ объединенномъ классѣ сословнаго самосознанія. Во время этихъ смотровъ въ столицу съѣзжался, если не весь составъ служилаго класса, то всетаки значительная его доля. Такимъ образомъ большіе дворянскіе смотры получили характеръ всероссійскихъ дворянскихъ съѣздовъ, на которые собирались дворяне изо всѣхъ концовъ Россіи. На такихъ съѣздахъ можно было окинуть взглядомъ все сословіе во всей его совокупности; поэтому съѣзды, реально соединяя всю массу дворянства въ одно конкретное цѣлое, давали поводъ къ возникновенію и представленія о дворянствѣ, какъ о единомъ цѣломъ. Соотвѣтственно новому представленію явилось и новое слово, обозначившее это представленіе: «шляхетство», замѣненное потомъ уже словомъ «дворянство». Способствуя введенію такого представленія о дворянствѣ, какъ цѣльномъ единомъ сословіи, съѣзды на смотры давали съ другой стороны возможность собравшимся завязывать знакомства и отношенія, представляли удобный случай къ разговорамъ объ общихъ интересахъ и къ жалобамъ на общія нужды класса.

Но такое средство контроля надъ служилымъ классомъ, какимъ были смотры, сопровождалось послѣдствіями, весьма невыгодно отразившимися на дѣятельности новыхъ только что введенныхъ и еще неуспѣвшихъ окрѣпнуть и наладиться областныхъ учрежденій. Вызовы на частные смотры, которымъ подвергались время отъ времени служилые люди, занимавшіе должности по областной администраціи, мѣшали имъ исполнять свои административныя обязанности и тѣмъ вредили дѣятельности едва начавшей функціонировать областной системы. Они ставили иногда чиновъ областной администраціи въ затруднительное положеніе передъ двумя отвѣтственностями. Такъ въ 1720 г. орловскій воевода Отяевъ былъ потребованъ отъ военной коллегіи въ Петербургъ на смотръ. Онъ не явился, ссылаясь на то, что обязанъ отправить дѣла по указамъ камеръ-коллегіи, за исполненіемъ которыхъ наблюдалъ присланный изъ этой коллегіи поручикъ Карабановъ, державшій его, воеводу, подъ карауломъ, а подьячихъ его канцеляріи въ оковахъ. Тогда изъ военной коллегіи былъ командированъ другой поручикъ— Исаковъ, для того чтобы побудить воеводу немедленно ѣхать въ Петербургъ на смотръ, и въ результатѣ воевода очутился между двумя поручиками, какъ между двумя огнями: исполнивъ предписаніе, переданное однимъ, онъ нарушилъ бы распоряженіе другаго. Дѣло дошло до сената, который и велѣлъ воеводѣ явиться въ Петербургъ, найдя однако недоказаннымъ обвиненіе его въ ослушаніи военной коллегіи, предъявленное къ нему этой послѣдней. Общій смотръ 1721—22 гг. причинялъ, разумѣется, много больше вреда областному управленію, въ широкихъ размѣрахъ отвлекая едва начавшій дѣйствовать административный персоналъ вновь учрежденной провинціи отъ его обязанностей и собирая его въ столицу. Вызываемые на смотръ всѣ эти воеводы, камериры, рентмейстеры, судьи и земскіе комиссары, почти только что занявшіе свои мѣста и только что начавшіе управленіе по новому порядку, должны были бросать дѣла и ѣхать въ Москву. Правда, указъ о вызовѣ областныхъ чиновниковъ на смотръ предписывалъ соблюдать въ ихъ явкѣ извѣстную очередь: они должны были пріѣхать въ двѣ смѣны. Только половина провинцій должна была выслать сразу свою администрацію на смотръ, причемъ управленіе этими покинутыми провинціями поручалось сидѣвшимъ на мѣстѣ чиновникамъ сосѣднихъ провинцій, которымъ слѣдовало ѣхать на смотръ уже во вторую смѣну. Но такой порядокъ чередованія провинцій тотчасъ же оказался крайне неудобнымъ на практикѣ: воевода и прочіе областные чины едва справлялись съ дѣлами и одной своей провинціи; вести управленіе двумя при обширности провинцій, при дальности

разстояній, при той массѣ хлопотъ, которую доставлялъ сборъ казенныхъ доходовъ,—этотъ главный предметъ мѣстнаго управленія,—превышало силы и средства провинціальной администраціи, а та суровая отвѣтственность, которая грозила въ случаѣ недоимокъ и которой въ настоящемъ случаѣ пришлось бы подвергаться за чужую вину, не могла, конечно, представлять никакой пріятной перспективы. Несомнѣнно, правъ былъ рязанскій воевода, когда доносилъ, что «въ двухъ провинціяхъ однимъ командирамъ ни по какой мѣрѣ управить государевыхъ дѣлъ и всякихъ денежныхъ сборовъ за дальностью пути невозможно для того, что отъ провинціи до провинціи и разъѣздами по провинціямъ разстояніе многое будетъ». Воевода предвидѣлъ, что при такомъ одновременномъ управленіи сразу двумя провинціями во всѣхъ дѣлахъ и въ особенности въ казенныхъ сборахъ произойдетъ «конечная остановка», такъ какъ на одно только принятіе дѣлъ сосѣдней провинціи пришлось бы затратить значительное количество времени, и это одно вызвало бы задержку въ ходѣ управленія. Правительство, повидимому, признало затрудненія, связанныя съ порядкомъ чередованія провинцій при вызовѣ на смотръ чиновъ областной администраціи; по крайней мѣрѣ, уже въ ноябрѣ того же 1721 г. сенатъ предписывалъ вызывать ихъ къ смотру, не чередуя провинціи, а дѣля пополамъ штатъ каждой изъ нихъ такимъ образомъ, чтобы половина чиновниковъ ѣхала на смотръ, а другая оставаясь на мѣстахъ, въ то же время исполняла бы обязанности первой, причемъ уѣхавшій воевода долженъ былъ замѣняться камериромъ. Такъ или иначе смотръ, отнимая у провинціи весь или половину ея притомъ даже не всегда полнаго административнаго штата, неизбѣжно велъ къ разстройству только что заведеннаго провинціальнаго управленія, вызывая замедленіе или даже полную остановку въ его дѣйствіи. Первая смѣна областныхъ чиновъ не всегда успѣвала возвратиться къ тому времени, когда уже спѣшила выѣхать на смотръ, боясь грозныхъ послѣдствій опозданія, вторая, и провинція принуждена была оставаться безъ суда и управленія. Изъ четырехъ асессоровъ, находившихся въ 1721 г. въ казанскомъ надворномъ судѣ, въ первую смѣну поѣхали на смотръ въ декабрѣ этого года двое: Н. Змѣевъ и Т. Бараковъ. Но они еще не возвратились къ февралю слѣдующаго 1722 г., когда, рискуя не попасть къ сроку, должны были уѣхать и другіе двое: А. Кротковъ и В. Наумовъ. Лишь осенью этого года возвратились въ Казань, но уже только двое изъ всего состава асессоровъ, остальные же получили на смотру иныя назначенія. Такимъ образомъ, казанскій надворный судъ не могъ дѣйствовать всю весну и лѣто 1722 г., по крайней мѣрѣ, въ качествѣ

коллегіальнаго учрежденія, такъ какъ въ судѣ «обрѣтался», замѣняя отсутствующихъ членовъ нѣкій подполковникъ Хвостовъ, котораго и самого однако требовали въ Москву на смотръ, и это грозило дѣламъ надворнаго суда уже совершеннымъ прекращеніемъ. Калужскій воевода Глѣбовъ, уѣзжая въ Москву на смотръ, захватилъ съ собою всѣ важнѣйшія бумаги своей канцеляріи: «подлинные указы и всякія дѣла, и подьячимъ и прочимъ служителямъ росписные списки», а между тѣмъ ему уже не пришлось вернуться въ Калугу, и новый воевода, туда назначенный, долженъ былъ испытывать рядъ затрудненій, не имѣя подъ рукою всѣхъ этихъ необходимыхъ для принятія должности бумагъ. Судопроизводство же въ калужской провинціи совсѣмъ пріостановилось, такъ какъ всѣ судьи отправились на смотръ и никѣмъ замѣнены не были.—При ревизіи угличской провинціальной рентереи въ 1723 г. былъ обнаруженъ недочетъ казенныхъ денегъ; рентмейстеръ отозвался, что о состояніи рентереи въ 1722 г. ему ничего неизвѣстно, такъ какъ онъ ею не управлялъ, будучи вызванъ въ Москву на смотръ. Посланный для ревизіи дѣлопроизводства земскихъ комиссаровъ свіяжской провинціи гвардейскій солдатъ Ѳ. Ендогуровъ доносилъ, что ему исполнить возложеннаго на него порученія невозможно, потому что земскіе комиссары и ихъ подьячіе уѣхали въ Москву на смотръ. Въ особенности тормазила ходъ новаго провинціальнаго управленія съ его сложнымъ бумажнымъ производствомъ отлучка въ Москву приказнаго персонала, также вызваннаго на смотръ 1721—22 г. и также не всегда возвращаемаго на прежнія мѣста службы. Рязанскій воевода и камерирѣ, съ которыхъ присланный изъ камеръ-коллегіи капралъ правилъ, держа подъ карауломъ ихъ крѣпостныхъ людей, штрафъ, наложенный на нихъ за недоставку требуемыхъ центральными управленіями рапортовъ и вѣдомостей, указывали, что этотъ штрафъ взыскивается съ нихъ несправедливо, что рапортовъ писать было некому, такъ какъ подьячіе были высланы на смотръ. Нижегородская губернія ссылалась на ту же причину для объясненія медленности и неаккуратности, съ какими составлялась провинціальная отчетность: подьячіе отправились на смотръ въ Москву, многіе оттуда не вернулись, а на ихъ мѣсто въ губернскую канцелярію были присланы съ смотра «многіе непотребные, шельмованные и писать неумѣющіе, которые у дѣлъ быть не довлѣютъ». Наконецъ, на ту же отлучку подьячихъ для смотра, какъ на главную причину невысылки во время рапортовъ и вѣдомостей изъ провинцій въ коллегіи, указывала и штатсъ-контора въ своемъ докладѣ, представленномъ сенату. Такимъ образомъ, на первыхъ же порахъ дѣйствія вновь введенныхъ областныхъ учрежденій имъ при-

шлось испытать существенное затрудненіе отъ недостатка въ служебномъ персоналѣ, необходимомъ для состава этихъ учрежденій, когда для нихъ не хватало того запаса служилыхъ людей, какимъ располагалъ реформаторъ ко времени ихъ открытія. Этотъ недостатокъ служилаго люда влекъ за собою два невыгодныхъ для новыхъ учрежденій послѣдствія. Страдая неполнотой состава, они не могли дѣйствовать съ тою быстротой, на которую они были разсчитаны, а эта медленность, эти постоянныя запаздыванія въ сборахъ и въ отчетности не могли не наводить на вопросъ о пригодности новаго провинціальнаго управленія, болѣе сложнаго и дорогаго и всетаки не лучше прежняго исполняющаго свое дѣло. А затѣмъ, недостатокъ служилыхъ людей въ арміи побуждалъ правительство, жертвовавшее для военныхъ задачъ всякими другими, къ урѣзкамъ и сокращеніямъ въ только что введенномъ областномъ штатѣ. Несомнѣнно, напр., что недостатокъ, ощущавшійся въ служилыхъ людяхъ, былъ также одною изъ причинъ отмѣны городовыхъ судей въ 1722 г.; при такой малочисленности персонала для занятія судебныхъ должностей приходилось отказываться отъ самыхъ должностей, упрощая схему судебныхъ учрежденій и сливая вновь оба вида власти въ однихъ рукахъ [1]).

[1]) *Зерцаловъ*, О верстаніи новиковъ всѣхъ городовъ, Чт. О. И. Др. 1895 г. О смотрахъ при Петрѣ см. П. С. З. №№ 2652, 2679, 2751, 2779, 3184, 3456, 1782, 2845, 2925, 3810, 3820, 3825, 3874, 3897, 3909, 3920. Иностранные свидѣтели: *Бассевичъ* и *Бергхольцъ* видѣли цѣль смотра въ провѣркѣ нравственнаго ценза служилыхъ людей, занимавшихъ должности. «Служилые люди, собранные на смотръ», пишетъ первый, «должны были отвѣчать на слѣдующіе вопросы: кѣмъ поручены имъ занимаемыя ими должности или какимъ образомъ они достигли ихъ? Не расхищали ли казны государевой? Не были ли публично наказываемы и, если были, то за какія вины? Страшное множество злоупотребленій открылось по протоколу этой комиссіи». Русск. Арх. 1865 г. кн. 5—6, стр. 571. «Когда ихъ собираютъ на смотръ», повѣствуетъ второй, «назначаются особые ревизоры, и всѣ явившіеся по вызову должны открыто и громко отвѣчать на нѣкоторые вопросы. Передъ тѣмъ ихъ увѣщеваютъ говорить сущую правду и внушаютъ имъ, что они въ такомъ случаѣ могутъ, если въ чемъ-нибудь виновны, надѣяться на помилованіе. Въ противномъ же случаѣ, если будутъ уличены во лжи, подвергнутся еще строжайшему наказанію. Главные изъ этихъ вопросовъ, на которые каждый долженъ тотчасъ громко отвѣчать, слѣдующіе: 1) кто ты такой? 2) кто опредѣлилъ тебя къ должности, которую исправляешь? 3) не обкрадывалъ ли казну и государя? 4) не былъ ли публично наказанъ кнутомъ или инымъ образомъ? и нѣкоторые другіе подобные. Иностранцевъ избавили отъ нихъ и, слѣдовательно, въ этомъ случаѣ предпочли русскимъ». Дневникъ Бергхольца II, 153. Такую мысль о значеніи смотра 1722 г.

III.

Запасъ служилыхъ людей, находившійся въ распоряженіи преобразователя, когда ему пришлось проводить административную реформу, не удовлетворялъ новымъ учрежденіямъ не только своимъ количествомъ, такъ какъ его не хватало для замѣщенія всѣхъ вновь введенныхъ должностей, но также и качествомъ, такъ какъ степень подготовки этихъ служилыхъ людей не соотвѣтствовала ни тѣмъ пріемамъ, которыми должна была дѣйствовать новая административная система, ни тѣмъ задачамъ, какія она должна была осуществлять. Новые пріемы управленія съ коллегіальнымъ порядкомъ и съ раздѣленіемъ властей были несравненно сложнѣе прежнихъ, когда должностное лицо дѣйствовало единолично и соединяя въ себѣ нѣсколько видовъ власти. Они требовали иныхъ качествъ и иной выдержки со стороны административнаго персонала. Для совмѣстнаго дѣйствія въ коллегіальномъ учрежденіи необходимо было обладать большимъ запасомъ такта, уваженія къ чужому образу мыслей, способности убѣждать другихъ въ достоинствѣ и превосходствѣ своего мнѣнія, чтобы доставить ему торжество и побѣду, и умѣнья подчиниться мнѣнію большинства даже и при несогласіи съ нимъ. Эта способность проводить свое мнѣніе путемъ убѣжденія и подчиниться чужому въ случаѣ неуспѣха своего — главныя достоинства, требуемыя коллегіальной формой управленія. Въ свою очередь раздѣленіе властей могло вполнѣ осуществиться въ дѣйствительности только при точномъ сознаніи представителями каждаго рода власти круга своихъ правъ и обязанностей, которое удерживало бы отъ возможности переходить границы своего круга и вторгаться въ предѣлы чужаго. Реформа ставила также администраціи новыя задачи и выдвигала на первый планъ государственный интересъ, который долженъ былъ стать единой путеводной звѣздою и единой цѣлью всѣхъ дѣйствій чиновника, и безкорыстная преданность этому интересу, заслоняющая собою всѣ личныя блага и выгоды, требовалась теперь отъ

могъ внушить указъ 20 февр. этого года. (П. С. З. № 3809), который обязывалъ служилыхъ людей давать въ сказкахъ или при самомъ смотрѣ показаніе о судимости и о понесенныхъ уголовныхъ наказаніяхъ, если не послѣдовало прощенія. Дѣла сен. кн. 114, л. 465; кн. 128, л. 265; кн. 87, л. 384; кн. 226, л. 696. Дѣла юстицъ-кол. вязка 1960, д. 67. Дѣла сен. кн. 701, л. 257—265. Дѣла камеръ-колл. вязка 22 д. 4. Дѣла сен. кн. 813, л. 500, 446; кн. 814, л. 236—240; кн. 700, л. 94—107. Дѣла камеръ-коллегіи. вязка 8, д. 25.

него, какъ необходимое качество. Для исполненія тѣхъ широкихъ обязанностей, которыя возлагала реформа на чиновъ мѣстной администраціи, нуженъ былъ обширный умственный и нравственный цензъ. На какой высокой ступени развитія долженъ былъ стоять простой земскій комиссаръ, чтобы исполнять тотъ параграфъ инструкціи, который предписывалъ ему стараться о воспитаніи населенія въ страхѣ Божіемъ, о распространеніи образованія и насажденіи христіанскихъ добродѣтелей въ своемъ дистриктѣ, и каковъ долженъ былъ быть уровень развитія воеводы, если на него возлагалось руководство земскими комиссарами въ исполненіи такихъ обязанностей? Каждая система управленія требуетъ спеціальнаго воспитанія и спеціальной подготовки, развивающихъ соотвѣтственныя цѣнныя качества въ людяхъ, которымъ придется осуществлять эту систему,—и одною изъ главныхъ причинъ неуспѣха административной реформы Петра было, безъ сомнѣнія, то, что ей пришлось проводить новыя начала при помощи старыхъ орудій, созданныхъ при иныхъ условіяхъ и приспособившихся къ инымъ цѣлямъ.

Административный персоналъ, занявшій должности въ мѣстномъ управленіи 1719 г. не могъ удовлетворять тѣмъ возвышеннымъ требованіямъ, которыя это управленіе къ нему предъявляло. Высшія должности въ его составѣ были заняты людьми, вышедшими изъ того класса, который давно уже поставлялъ контингентъ для приказнаго и воеводскаго управленія, изъ того дворянства, которое прежде стояло подъ боярствомъ, а теперь стало на его мѣсто, которое въ XVII вѣкѣ носило названіе «чиновъ московскихъ», а при Петрѣ Великомъ стало называться «царедворцами», и въ которомъ за долгое время практики успѣли сложиться извѣстные правительственные привычки и взгляды, передаваемые наслѣдственно отъ поколѣнія къ поколѣнію. Эти привычки и взгляды складывались подъ двоякимъ вліяніемъ: во-первыхъ, той обстановки барской вотчины съ крѣпостнымъ населеніемъ, въ которой люди этого класса выростали и, во-вторыхъ, правительственной практики въ мѣстномъ управленіи, которое имъ издавна поручалось. Еще до вступленія на государственную службу дворянинъ XVII вѣка навыкалъ къ государственной дѣятельности; онъ вѣдь былъ законодателемъ, администраторомъ и судьей,—совсѣмъ маленькимъ владѣтельнымъ княземъ, въ своей вотчинѣ надъ очень значительнымъ иногда числомъ подданныхъ. Но крѣпостная атмосфера вотчины по мѣрѣ развитія крѣпостнаго права, принимавшаго все болѣе тяжелый характеръ, становилась все болѣе способной развить въ вотчинникѣ скорѣе свойства рабовладѣльца-барина, чѣмъ качества европей-

скаго чиновника, какія были нужны для службы въ учрежденіяхъ, созданныхъ на европейскій образецъ. Воспитаніе въ холопской обстановкѣ и управленіе крѣпостными не сообщали русскому дворянину XVII вѣка сознанія своихъ правъ и обязанностей и не развивали въ немъ чувства долга и способности жертвовать личнымъ интересомъ для общаго; они скорѣе пріучали его не знать границъ своему произволу и не терпѣть противорѣчій; что же удивительнаго, если онъ перенесетъ потомъ сложившіяся здѣсь привычки и усвоенные здѣсь пріемы и въ служебныя отношенія, когда его назначатъ судьей или воеводой. Недаромъ въ русскія инструкціи чинамъ областнаго управленія введенъ одинъ параграфъ, такъ существенно различающій ихъ отъ ихъ шведскихъ образцовъ, параграфъ, предписывающій подчиненныхъ «безвинно бранью не безчеститъ и побоями на нихъ не дерзать». Станетъ ли администраторъ воспитанный при такихъ условіяхъ уважать другую власть, дѣйствующую рядомъ съ нимъ, если въ своей вотчинѣ онъ привыкъ соединять въ своемъ лицѣ всѣ виды власти?

Съ другой стороны реформѣ приходилось бороться съ прочными традиціями, установившими въ классѣ высшаго дворянства путемъ долговременной правительственной практики тѣ взгляды и пріемы, съ которыми правилъ воевода XVII вѣка. Препятствія, встрѣченныя въ этомъ отношеніи реформой, были слишкомъ застарѣлы, чтобы легко было одолѣть ихъ. Всѣ эти царедворцы, полковники и другіе чины, которые были призваны занять должности въ реформированномъ и построенномъ на иныхъ началахъ мѣстномъ управленіи, хотя и брили теперь бороду и носили нѣмецкій камзолъ, парикъ и треугольную шляпу, однако несли съ собой въ это новое управленіе традиціонные взгляды и привычки отцовъ и дѣдовъ, въ которыхъ они выросли и воспитались. Измѣнить костюмъ этихъ людей было возможно, но поздно было передѣлывать ихъ міровоззрѣніе. Между ними бывали люди уже не первой молодости: на смотру 1722 г. пришлось иныхъ камерировъ и земскихъ комиссаровъ увольнять въ отставку «за старостью». По сказкамъ, поданнымъ ими на этомъ смотру, можно видѣть, что служилые люди, занявшіе мѣста въ петровской областной администраціи, начинали свою служебную карьеру еще въ послѣдней четверти XVII вѣка, ходили съ кн. В. В. Голицынымъ на Крымъ; продолжали ее затѣмъ въ азовскихъ походахъ Петра, участвовали, наконецъ, въ «акціяхъ и баталіяхъ» сѣверной войны. Увольняемые отъ военной службы «за ранами и увѣчьемъ» или за негодностью вслѣдствіе преклонныхъ лѣтъ, они назначались «къ дѣламъ», т. е. на гражданскія должности: «къ досмотру въ засѣчныхъ линіяхъ надъ караульными людьми», «къ

надзиранію корабельныхъ лѣсовъ», «къ надзиранію желѣзнымъ и суконнымъ заводамъ», «къ пріему подряднаго провіанта», а если принадлежали къ высшимъ дворянскимъ кругамъ, въ ландраты, а затѣмъ въ воеводы и судьи. Естественно, что такіе люди стараго закала не могли быть проводниками новыхъ формъ и началъ, на которыхъ строилось теперь областное управленіе. А тѣ молодые «брызгалы», которые, по свидѣтельству Посошкова, всякими способами уклоняясь отъ военной службы, еще въ цвѣтущемъ возрастѣ добивались къ «наживочнымъ» дѣламъ: въ комиссары, въ подкомиссары и въ судьи, могли быть проводниками новыхъ началъ еще менѣе, разъ ихъ главною цѣлью было именно «наживать пожитки» на службѣ.

Итакъ, воспитаніе, которое получали будущіе администраторы, не прививало имъ свойствъ, необходимыхъ для управленія коллегіальнымъ порядкомъ при раздѣленіи властей. Было бы однако ошибкой сказать, что практикой предыдущаго столѣтія служилый человѣкъ вовсе не былъ пріученъ къ дѣйствію сообща; напротивъ, и въ центральномъ управленіи въ приказахъ, и въ областномъ на воеводствахъ въ главныхъ городахъ было обычнымъ назначеніе цѣлой коллегіи, состоявшей изъ главнаго начальника «съ товарищи». Но этотъ порядокъ управленія «съ товарищи», справедливо названный «неопредѣленной коллегіальностью», отличался крайней непрочностью благодаря свойству того основанія, на которомъ онъ покоился, и которое было гораздо болѣе психологическимъ, чѣмъ юридическимъ. Онъ держался на согласіи между товарищами, которое было или слѣдствіемъ ихъ взаимнаго расположенія и уваженія другъ къ другу, или же слѣдствіемъ страха передъ тяжкими взысканіями, грозившими имъ за нарушеніе согласія,—но въ основѣ этого порядка не лежало строгое опредѣленіе правъ и обязанностей каждаго изъ членовъ коллегіи и ихъ взаимныхъ отношеній, которое было бы отчетливо сознано и настолько хорошо усвоено ими, чтобы сдѣлаться привычнымъ руководствомъ ихъ дѣятельности. Все зависѣло, слѣдовательно, отъ душевнаго равновѣсія, а душевное равновѣсіе русскаго человѣка XVII столѣтія не отличалось устойчивостью. Не пріученный воспитаніемъ владѣть собою и сдерживать свои порывы онъ тотчасъ же вскипалъ гнѣвомъ, бившимъ черезъ край, въ особенности если еще при этомъ его «мутилъ діаволъ» послѣ излишне выпитой чары, что нерѣдко случалось. Тогда все было забыто, и важнѣйшіе государственные интересы должны были отступать передъ личнымъ раздраженіемъ. Тѣ же черты и въ эпоху Петра; тѣ же характеры въ составѣ его администраціи. Провинціальные чины вздорятъ при каждомъ удобномъ случаѣ: въ гостяхъ на званомъ обѣдѣ или на

службѣ въ присутственномъ мѣстѣ. 10 іюня 1724 г. асессоръ соликамской воеводской канцеляріи подполковникъ Т. Крюковъ и провинціальный рентмейстеръ Д. Шетневъ сошлись въ гостяхъ у секретаря воеводской канцеляріи Ѳ. Швецова. Послѣ того какъ достаточное количество вина было выпито, рентмейстеръ «невѣдомо съ какого случая» сталъ укорять асессора за его бѣдность. «Ты де», говорилъ ему рентмейстеръ, «не имѣешь у себя ничего, нѣтъ де у тебя ни двора, ни кола!»—«Богатъ я Божіею милостью», съ достоинствомъ отпарировалъ этотъ упрекъ асессоръ, «понеже я заслужилъ свой рангъ отъ солдатства».—«Чортъ тебя во оный рангъ жаловалъ!» сгоряча бросилъ ему въ отвѣтъ расходившійся рентмейстеръ, совершенно забывая, что за такія неосторожныя слова онъ могъ познакомиться съ преображенскимъ приказомъ. Ссора между двумя чинами провинціальной администраціи повлекла за собою судебную тяжбу между ними, къ счастію для обоихъ скоро окончившуюся примиреніемъ. Гдовскій судья псковской провинціи А. Сновидовъ жаловался псковскому воеводѣ, что, будучи на крестинахъ у одного изъ мѣстныхъ дворянъ, получилъ жестокое оскорбленіе отъ находившагося тамъ же гдовскаго земскаго комиссара Козлянинова, который, увидѣвъ его, судью, «зачитался съ нимъ и бранилъ его неоднократно и говорилъ, будто у него живутъ подъ скрытомъ измѣнники и переметчики, и тѣмъ онъ, комиссаръ, оболгалъ и обезчестилъ его, судью, напрасно». Самая обстановка присутственнаго мѣста не дѣйствовала достаточно внушительно, чтобы сдерживать возбужденныя страсти, и если даже въ сенатѣ была возможна сцена, какая разыгралась между вице-канцлеромъ Шафировымъ и оберъ-прокуроромъ Скорняковымъ-Писаревымъ, когда вице-канцлеръ, вспыливши, называлъ оберъ-прокурора въ присутствіи всего сената «воромъ», то легко себѣ представить, что происходило въ провинціи, какими «ругательными словами» поносили другъ друга члены въ надворныхъ судахъ и въ другихъ провинціальныхъ учрежденіяхъ.

Вообще, провинціальныя власти, которымъ пришлось дѣйствовать коллегіально или подѣлить между собою разныя отрасли управленія, не уживались дружно. Представители судебной и административной власти постоянно сталкивались. Но воеводамъ не всегда удавалось установить сносныя отношенія къ своимъ ближайшимъ сотрудникамъ по финансовому управленію—камерирамъ. Здѣсь также частыя ссоры, сопровождавшіяся доносами другъ на друга въ Петербургъ и, разумѣется, очень невыгодно отражавшіяся на успѣхѣ провинціальнаго финансоваго управленія. Камеръ-коллегія доводила до свѣдѣнія сената жалобы камерировъ на воеводъ, которые недопускаютъ ихъ къ отпра-

вленію ихъ обязанностей и «чинять имъ помѣшательства». Но и воеводѣ въ свою очередь нерѣдко приходилось страдать отъ камерира, забывавшаго тотъ «респектъ», съ которымъ по инструкціи подчиненный долженъ былъ относиться къ лицу высшему. Соликамскій воевода кн. Вадбольскій жаловался сенату, что камериръ не хочетъ исполнять его воеводскихъ указовъ. Отъ устюжскаго камерира не было житья никому изъ состава провинціальной администраціи. «Онъ, камериръ», писалъ въ камеръ-коллегію устюжскій преосвященный, «какъ съ воеводою, такъ и юстицкихъ дѣлъ съ ландрихтеромъ, и съ земскими бурмистрами, и съ нашимъ смиреніемъ со всѣми въ ссорахъ и пишетъ на всѣхъ многія крамолы.... и ежели онъ, камериръ, будетъ на Устюгѣ и впредь такое же отправленіе чинить, то, конечно, во всѣхъ нашихъ дѣлахъ учинится остановка, понеже ничего другаго въ немъ, камерирѣ, не видимъ, развѣ живетъ со всѣми въ ссорахъ». Камериръ совершенно не признавалъ надъ собою власти воеводы, «властвовалъ» надъ его канцеляріей, билъ безвинно его подьячихъ и довелъ воеводу до того, что тотъ не вытерпѣлъ, сталъ просить уволить его изъ устюжской провинціи, опасаясь отвѣтственности за упущеніе въ дѣлахъ, которое должно было явиться неизбѣжнымъ слѣдствіемъ ссоры съ камериромъ. Калужскій воевода Глѣбовъ обратился къ сенату съ просьбой издать указъ по поводу «наглаго нападенія и тѣсноты», чинимыхъ ему, воеводѣ, отъ калужскаго камерира Щербачева. Посадивъ въ земскіе комиссары провинціи свою родню и свойственниковъ, камериръ знать не хотѣлъ воеводы; мало того, по его доносамъ было назначено надъ воеводой слѣдствіе. Командированный въ Калугу слѣдователь приказалъ солдатамъ воеводу изъ канцеляріи тащить при свидѣтеляхъ въ тюрьму, гдѣ и держалъ его въ заключеніи съ ворами и разбойниками, какъ жаловался Глѣбовъ. Если воевода въ своемъ донесеніи сенату и сгущалъ краски, преувеличивая испытанныя имъ отъ камерира злоключенія, то всетаки его жалоба хорошо свидѣтельствуетъ намъ о тѣхъ чувствахъ, какія испытывали другъ къ другу эти главные чины калужской провинціальной администраціи, о тѣхъ отношеніяхъ, въ какія они стали другъ къ другу, и даетъ возможность легко представить себѣ тѣ практическіе результаты для хода провинціальныхъ дѣлъ, къ которымъ должны были повести эти отношенія [1]).

[1]) Дѣл. сен. кн. 812, л. 424. *Посошковъ*, изд. Погодина I, 91. Дѣл. юстицъ-коллегіи, вязка 1967, д. 3. Дѣл. сен. кн. 198, л. 170. *Соловьевъ*, XVIII, 146—147. Дѣл. юстицъ-коллегіи, вязка 1967, д. 5. Дѣл. сен. кн. 811, л. 111; кн. 814.

Не будучи въ состояніи приспособиться скоро къ новымъ формамъ администраціи, служилый человѣкъ первой четверти XVIII столѣтія за рѣдкими исключеніями еще менѣе готовъ былъ проникнуться тѣмъ духомъ, который стремилась вдохнуть въ администрацію реформа. Реформа созидала сложныя и стройныя учрежденія, которымъ она давала единственное назначеніе—быть орудіями цѣлей, преслѣдуемыхъ государствомъ. Бюрократическая администрація должна была сдѣлаться совершеннымъ механизмомъ, работающимъ только для этихъ цѣлей, вполнѣ чистымъ отъ всякихъ личныхъ интересовъ и разсчетовъ. Но лица, наполнявшія собою новыя учрежденія не могли забыть этихъ интересовъ. Они не получали той бюрократической выправки, какую проходили прусскіе чиновники XVIII вѣка въ школѣ, руководимой рядомъ строгихъ и экономныхъ королей хозяевъ, которая и создала извѣстный типъ честнаго и безкорыстнаго прусскаго чиновника въ духѣ Фридриха II, преданнаго слуги государства, способнаго не въ рѣдкіе и торжественные моменты широкаго патріотическаго подъема, а въ ежедневной мелочной и будничной обстановкѣ жертвовать всѣмъ личнымъ для государственнаго интереса. Въ нѣсколько лѣтъ воеводы, камериры, комиссары и судьи не успѣли отвыкнуть отъ вѣковыхъ привычекъ, и старинный взглядъ на гражданскую должность, какъ на пожалованіе для личнаго обогащенія продолжалъ жить, не смотря на всю борьбу съ нимъ преобразователя. Къ тому же и самая необезпеченность чиновника со стороны государства благодаря неудачѣ попытки ввести казенное вознагражденіе за гражданскую службу усиливала живучесть старыхъ взглядовъ и привычекъ. Вотъ почему населенію отъ новой администраціи пришлось страдать нисколько не меньше, чѣмъ отъ прежней. Изъ городовъ по всѣмъ губерніямъ и провинціямъ шли жалобы на «обиды и разоренія» отъ гражданскихъ правителей—воеводъ и судей, чинимыя посадскимъ людямъ. Едва только новое областное управленіе успѣло открыть свои дѣйствія, какъ уже нѣсколько воеводъ очутилось подъ слѣдствіемъ за различнаго рода злоупотребленія по должности. Уже въ 1720 г. были отрѣшены отъ своихъ мѣстъ воеводы ярославскій и суздальскій; надъ послѣднимъ было наряжено слѣдствіе по обвиненію его въ излишнихъ поборахъ и другихъ обидахъ, причиненныхъ имъ населенію церковныхъ земель его провинціи. Въ 1721 г. арзамасскій воевода былъ отданъ подъ судъ за отпускъ знатнаго шведскаго плѣнника, а шацкій подъ слѣдствіе по обвиненію въ

л. 1077. Дѣл. камеръ-коллегіи, вязка 2, д. 13. Дѣл. сен. кн. 81, л. 886; кн. 657, л. 691—695.

грабежѣ елатомскихъ земскихъ бурмистровъ и вымогательствѣ взятокъ съ посадскихъ людей г. Елатьмы. О бѣлозерскомъ воеводѣ камеръ-коллегія доносила сенату, что онъ, отправившись въ г. Каргополь по розыскному дѣлу, ѣхалъ туда всѣмъ домомъ съ женою и дѣтьми, поэтому бралъ для своего путешествія на уѣздныхъ ямахъ по тридцати подводъ и «отъ того розыскнаго дѣла» взялъ съ крестьянъ 100 рублей, да при производствѣ переписи собралъ еще взятокъ 13 рублей; о псковскомъ, что онъ также беретъ съ населенія, но не самъ лично, а отправляетъ по уѣздамъ своей провинціи разсыльщиковъ, и уже, разумѣется, не даетъ никакого хода жалобамъ населенія на обиды со стороны этихъ разсыльщиковъ. Ревизія сенатора Матвѣева, бывшаго президента юстицъ-коллегіи, наряженная уже послѣ смерти Петра, вскрыла настолько крупныя хищенія казны въ суздальской провинціи, что дѣло кончилось смертной казнью черезъ повѣшеніе двухъ и наказаніемъ кнутомъ пятерыхъ, какъ это впрочемъ по большей части бываетъ, мелкихъ чиновниковъ, подьячихъ. Противъ нижегородскаго вице-губернатора Ржевскаго было начато обширное слѣдствіе, которое открыло цѣлый рядъ злоупотребленій различныхъ чиновъ нижегородскаго управленія, начиная съ самого вице-губернатора и кончая подьячими въ канцеляріяхъ земскихъ комиссаровъ. Выше приведены были данныя, обнаруженныя этимъ слѣдствіемъ въ особенности относительно нижегородскихъ земскихъ комиссаровъ. Тѣ же явленія и въ другихъ провинціяхъ. Надъ каширскимъ земскимъ комиссаромъ Бакѣевымъ производилось слѣдствіе по обвиненію его въ томъ, что онъ былъ «корыстенъ многимъ взяткамъ, что возили къ нему уѣздные крестьяне хлѣбные припасы и харчи: утокъ, и гусей, и барановъ». Подчиненный комиссаръ того же каширскаго дистрикта судился за взятки при наборѣ подводъ, которыя онъ долженъ былъ заготовлять для проѣзда государя изъ персидскаго похода. Муромскій земскій комиссаръ Войниковъ взятки съ населенія дистрикта выколачивалъ «смертнымъ правежомъ». Староста вотчины Нарышкиныхъ, села Погоста, доносилъ, что этотъ комиссаръ «для своихъ бездѣльныхъ корыстей и взятковъ» крестьянъ бьетъ смертно, отъ чего нѣкоторые крестьяне умерли, а другіе лежатъ при смерти, вотчина приходитъ въ разореніе, а въ сборѣ казенныхъ денегъ чинится остановка. Посланный провѣрить доносъ старосты подьячій писалъ, что въ самомъ дѣлѣ по его осмотру у нѣсколькихъ крестьянъ ноги были избиты до синихъ и багровыхъ пятенъ и болѣе или менѣе вспухли, у четверыхъ же совсѣмъ были переломаны, и они лежали при смерти. Пострадавшіе говорили, что избили ихъ солдаты, сопровождавшіе земскаго комиссара по его при-

казу «для прихотей и взятокъ», такъ какъ всѣ подати ими уже уплачены, и недоимокъ на нихъ не числилось. Одинъ изъ крестьянъ на третій день послѣ правежа, дѣйствительно, умеръ, причемъ приходскій священникъ засвидѣтельствовалъ, что этого крестьянина послѣ правежа комиссарскаго онъ исповѣдывалъ и причащалъ, и ноги у него были перебиты въ кровь. Этому сельскому священнику вскорѣ пришлось и самому пострадать отъ земскаго комиссара, который сталъ съ него взыскивать неплаченную нѣсколько лѣтъ недоимку баннаго сбора, держалъ его на съѣзжемъ дворѣ подъ карауломъ цѣлую недѣлю и отсталъ отъ него только тогда, когда заключенный пообѣщалъ ему стогъ сѣна, обязуясь перевезти это сѣно до квартиры комиссара на своихъ лошадяхъ, чѣмъ впрочемъ доставилъ себѣ лишь временную передышку. На слѣдующій годъ комиссаръ предъявилъ къ нему взысканіе тѣхъ же денегъ, которое на этотъ разъ производилось строже. Комиссаръ «держалъ его, попа, у себя на квартирѣ подъ сѣнями въ свинарникѣ, раздѣвъ, въ одномъ полукафтаньѣ, безъ шапки и морилъ студеною смертью трои сутки». Банныя деньги комиссаръ съ попа доправилъ, но расписки въ нихъ не далъ, да притомъ всетаки «взялъ налогою своею съ него, попа, арзамасскихъ старыхъ гусей, а именно: гуся да двѣ гусыни цѣною въ два рубля слишкомъ». Администрація нарышкинской вотчины представила подробный перечень взятокъ комиссара деньгами и хлѣбомъ [1]). Одинъ изъ его подьячихъ признавался, что комиссаръ морилъ старостъ стужей и смертнымъ правежомъ, вымучивая «приносы въ гостинецъ». Когда подьячій собрался было донести о поступкахъ комиссара, послѣдній, «про то увѣдавъ, билъ его и увѣчилъ смертнымъ боемъ, связавъ руки назадъ и ноги сковавъ, и за связанныя руки тянулъ кверху и мучилъ ругательски, якобы сущаго

[1]) «Всего отъ вышеписанныхъ старостъ и сотскихъ комиссару Войникову 52 р. 28 алтынъ; Климу Дубенскому 10 руб. 5 алт. 4 д.; Алексѣю Клипикову 29 алт. 4 д.; солдатамъ 9 руб. 28 алт. Людямъ комиссарскимъ 37 алт. 4 д. Въ разныхъ деревняхъ въ пріѣздахъ показаннаго жъ комиссара при платежахъ правежа денежной казны онымъ отдано порознь подъ неволею деньгами и всякимъ хлѣбомъ, а именно: комиссару Войникову денегъ и по цѣнѣ всякаго хлѣба на 10 руб. 4 алт. 4 д.; солдатамъ, при немъ комиссарѣ имѣющимся, денегъ 3 р. 27 алт. 4 д.» Дѣла муромск. уѣздн. суда оп. I, д. 18.—Реестръ «что съ котораго старосты комиссаръ Войниковъ съ правежу взялъ себѣ во взятокъ вотчины гг. Нарышкиныхъ: Погостской трети съ старосты сукна зеленаго широкаго 12 аршинъ да денегъ 5 руб.; Варежской трети съ старосты 45 руб.; Загоринской трети — 25 р.; Яковцовской—5 руб.; Новосельской—5 руб.; Вацкой—5 руб.» Дѣла муромск. уѣздн. суда оп. I, д. 27.

вора». На судѣ земскій комиссаръ защищался слабо; онъ соглашался, что дѣйствительно билъ крестьянъ на правежѣ, но чтобы они отъ этого правежа умирали или лежали при смерти—того онъ не вѣдаетъ. Взятки, показанныя на него онъ отрицалъ, но признавалъ, что отъ всѣхъ крестьянъ нарышкинской вотчины его *кормили* особые *подрядчики*, спеціально для этого дѣла у крестьянъ подряжавшіеся, принося ему хлѣбъ и мясо, а по постнымъ днямъ рыбу. Какъ будто все еще продолжала дѣйствовать статья Русской Правды о приносѣ вирнику «въ говѣніе рыбами», и какою глубокою стариной вѣетъ отъ челобитья старосты села Погоста муромскаго уѣзда, гдѣ онъ говоритъ, что съ крестьянъ управляемой имъ вотчины земскому комиссару идетъ *на кормъ* на каждую недѣлю по пяти и по шести рублей, кромѣ другихъ доходовъ и взятокъ, причемъ самаго корма онъ даже и не считаетъ взяткой! Село Погостъ, быть можетъ, просуществовало не одно столѣтіе; оно пережило цѣлый рядъ административныхъ системъ, смѣнявшихъ одна другую, но его старостамъ эти смѣны были безразличны; они совершенно одинаково должны были заботиться о сборѣ кормовъ представителямъ каждой.

Всѣ подобные эпизоды, характеризующіе мѣстную администрацію эпохи Петра, извѣстны намъ благодаря тому, что занесены въ судебную хронику. Но легко себѣ представить, какъ много было такихъ, которые отъ этой хроники ускользнули, такъ какъ до суда и слѣдствія несмотря на всю строгость преобразователя доходилъ только ничтожный процентъ такихъ дѣлъ. Впрочемъ, и самый судъ, отдѣленный отъ администраціи, дѣйствовалъ нисколько не лучше прежняго, соединеннаго съ ней. Уровень подготовки судебнаго персонала также не соотвѣтствовалъ строю тѣхъ учрежденій, гдѣ этотъ персоналъ долженъ былъ проявлять свою дѣятельность. Роль подготовленныхъ юристовъ, изъ которыхъ формировался составъ шведскихъ судовъ, въ Россіи предназначены были играть все тѣ же капитаны, майоры и подполковники, которые, получивши начальное образованіе подъ руководствомъ сельскаго понамаря и завершая его въ пѣхотныхъ и драгунскихъ полкахъ, считались спеціалистами рѣшительно по всѣмъ сферамъ государственнаго управленія. Но военная служба все же кое-чему научала; она расширяла кругозоръ служилаго человѣка, которому походы замѣняли образовательное путешествіе, и пріучала его до нѣкоторой степени къ административной и судебной дѣятельности, когда онъ исполнялъ порученія такого свойства въ предѣлахъ военнаго управленія. Дворянинъ, прошедшій хоть такую школу, былъ, разумѣется, пригоднѣе для гражданской службы, чѣмъ тотъ дворянскій недо-

рослъ, птенецъ, никуда не вылетавшій изъ роднаго насиженнаго гнѣзда и ничего не видавшій кромѣ ближайшихъ окрестностей, которому благодаря родственнымъ связямъ удавалось получить судейское мѣсто, не бывъ въ военной службѣ, какъ это удалось двумъ знакомымъ Посошкову братьямъ Чоглоковымъ, нигдѣ не служившимъ и «добившимся въ судьи случаемъ». Юстицъ-коллегія отказывалась давать назначенія на судебныя должности людямъ совсѣмъ безграмотнымъ, но люди малограмотные на нихъ попадали. Тамбовскій судья Колобовъ былъ человѣкъ «грамотѣ мало умѣющій», не служившій и дѣлъ земскихъ незнающій. Въ окружающемъ обществѣ вслѣдствіе своей недалекости онъ не снискалъ къ себѣ уваженія и однажды «за многое просторѣчіе свое» былъ сильно побитъ тамбовскимъ земскимъ комиссаромъ.

Судьи также были дѣтьми своего времени, носившими въ себѣ всѣ его пороки. Точно такъ же требовалось совершенно перевоспитать современнаго Петру служилаго человѣка, чтобы отучить его отъ стариннаго взгляда на судъ, какъ на «наживочное дѣло», сулящее большія личныя выгоды и привить ему новое, проводимое реформаторомъ воззрѣніе, по которому судъ былъ тяжелою обязанностью отыскивать истину, несомою судьей ради общественнаго интереса, а не въ удовлетвореніе личной корысти, и заставить судью осуществить этотъ привитый взглядъ на дѣлѣ. Все кругомъ смотрѣло на гражданскую службу, какъ на источникъ дохода; не было причинъ, по которымъ судьи были бы здѣсь исключеніемъ, если они вообще ничѣмъ не выдѣлялись изъ общаго уровня. Не изъ послѣднихъ въ длинномъ спискѣ пятенъ на дѣятельности суда этой эпохи является намѣренная «волокита», затягиваніе дѣла судьей ради личныхъ выгодъ. «И ты», гласилъ грозный выговоръ изъ московскаго надворнаго суда суздальскому судьѣ Толмачеву, «во всемъ ему, челобитчику, отказываешь и никакого рѣшенія не чинишь, знатно хотя себѣ отъ него нѣкоторой корысти, и говорилъ де ты ему, что—еще не десять лѣтъ за тѣмъ дѣломъ онъ ходитъ,—а за онымъ де дѣломъ волочится онъ ровно десять мѣсяцевъ и отъ оной де такой многой волокиты разорился». Населенію приходилось страдать отъ судей и помимо ихъ судебной дѣятельности, какъ и отъ всѣхъ другихъ агентовъ власти. Бѣлевскій судья Тяжкогорскій, прибывъ къ мѣсту своего назначенія, «на отведенныхъ ему отъ городскихъ бурмистровъ дворахъ не сталъ, а сталъ собою безъ отводу у посадскаго человѣка Чуфрина и показалъ къ нему обиду и утѣсненіе». Однажды онъ учинилъ нападеніе на земскую избу, т. е. зданіе городской управы, самовольно освободилъ колодника, который былъ заклю-

ченъ тамъ за неплатежъ оброчныхъ денегъ, причемъ разбѣжались и другіе сидѣвшіе тамъ заключенные и, какъ доносили бурмистры, все городское управленіе «отъ такихъ непотребныхъ судейскихъ дѣлъ и обидъ» остановилось. Бѣжецкій судья Ѳ. М. Бѣшенцевъ захватилъ нарочно въ ярмарочный день бѣжецкаго откупщика канцелярскихъ сборовъ, держалъ его въ судейской канцеляріи подъ карауломъ весь день напрасно, «билъ его и увѣчилъ смертнымъ боемъ безвинно, ругалъ неподобными словами и похвалялся его ошельмовать и убить до полусмерти». Что было причиной такого внезапнаго нападенія и слишкомъ суммарнаго судопроизводства, неизвѣстно. Несмотря на всю свою «простоту» тамбовскій судья Колобовъ жестоко тѣснилъ мѣстное населеніе и превосходно умѣлъ обманывать казну. По соглашенію съ воеводой слободы города Тамбова были обложены въ пользу судьи особой данью. Далѣе, имъ была набрана цѣлая команда изъ подьяческихъ дѣтей и дворянскихъ недорослей, которую онъ скрывалъ отъ смотровъ и которая, разъѣзжая по уѣзду, забирала въ судейскую канцелярію въ рабочую пору ни въ чемъ неповинныхъ людей и распускала ихъ потомъ, взимая особый сборъ за освобожденіе. Судья не записывалъ челобитныхъ въ установленную книгу и допускалъ производство на простой бумагѣ, причемъ гербовыя пошлины опускались въ его карманъ. Надъ нимъ было назначено слѣдствіе, которое однако почему то не состоялось, и мы его встрѣчаемъ нѣсколько времени спустя асессоромъ въ Тамбовѣ. Только въ 1724 г. онъ, наконецъ, былъ арестованъ по обвиненію его во взяткахъ съ рекрутъ и съ поставки подводъ для проѣзда Петра. Если вѣрить тамбовскому фискалу, не ошибавшемуся въ своихъ доносахъ на Колобова, и другіе судьи тамбовской провинціи «вникнули во взятки» и дѣлали то же, что и первый. Вполнѣ понятно, что еще хуже было положеніе судебнаго дѣла на далекой окраинѣ государства, въ Сибири. Въ 1725 г. возбуждено было слѣдствіе по обвиненію въ лихоимствѣ противъ одного изъ судебныхъ комиссаровъ тобольской провинціи, на котораго было подано *пятьдесятъ двѣ* жалобы. При слѣдствіи оказалось, что въ томъ же повинны были и другіе судебные комиссары провинціи и что съ ними дѣлились и члены тобольскаго надворнаго суда, обязаннаго наблюдать за ихъ дѣйствіями.

Послѣ всего сказаннаго насъ не будетъ удивлять, что иностранцамъ, жившимъ въ Россіи при Петрѣ и наблюдавшимъ современные имъ порядки, реформированная администрація казалась сплошной системой злоупотребленій. «Вообще Россія», пишетъ Кампредонъ, «гораздо менѣе разоряется отъ уплачиваемыхъ народомъ податей, чѣмъ

отъ лихоимства тѣхъ лицъ, на которыхъ возложена обязанность собирать эти подати. Царь отъ этого ничего не теряетъ, потому что онъ отъ времени до времени конфискуетъ имущество провинившихся въ лихоимствѣ, но народу это не приноситъ никакого облегченія. Веберъ замѣчаетъ, что въ Россіи честный, неподкупный комиссаръ встрѣчается такъ же рѣдко, какъ трилистникъ о четырехъ листкахъ. Неурядица, происходящая отъ крестьянскихъ побѣговъ, говоритъ онъ далѣе, «не причиняетъ странѣ такого большаго вреда, какъ злоупотребленія ея ландратовъ, правителей канцелярій и канцеляристовъ, которымъ поручено взиманіе податей. На этихъ людей нельзя иначе смотрѣть, какъ на хищныхъ птицъ, которыя думаютъ, что со вступленіемъ ихъ въ должность имъ предоставлено право высасывать крестьянина до костей и на его разореніи устраивать свое счастье. Поэтому такой писецъ, хотя у него, при взятіи его на службу, едва хватало на прикрытіе наготы, въ четыре или пять лѣтъ такъ разживается, что тамъ, гдѣ крестьяне принуждены покидать свои дома, онъ въ состояніи построить себѣ каменный дворецъ, котораго онъ, разумѣется, не могъ бы воздвигнуть на жалованье». По разсчету Вебера болѣе 50% всего платежа, падающаго на крестьянскій дворъ, не доходитъ до казны, оставаясь въ рукахъ чиновниковъ, а Бассевичъ долженъ былъ признать, что «между множествомъ предпріятій, совершавшихся послѣдовательно по волѣ русскаго героя, одно изъ самыхъ близкихъ его сердцу и самыхъ необходимыхъ для пользы его народовъ, повидимому, не удавалось ему—именно: введеніе основаннаго на непоколебимой честности управленія юстиціей и финансами. Напрасно онъ издавалъ указъ за указомъ, чтобъ поставить преграды обману, обманъ не переставалъ гнѣздиться по прежнему» [1].

[1]) Дѣла сен. кн. 195, л. 472—497; кн. 657, л. 723—778. П. С. З. № 3832. Дѣла сен. кн. 379, л. 16; кн. 686, л. 275. Дѣл. камеръ.-колл., вязка 3, д. 17. *Посошковъ*, I, 93. Дѣла гороховецкаго уѣзднаго суда, опись I, д. 26 Дѣл. сен. кн. 114, л. 453. Дѣла бѣжецкаго уѣзднаго суда, оп. II, д. 323. Дѣла юстицъ-коллегіи, вязка 1960, д. 39. П. С. З. № 5015. Дѣла юстицъ-коллегіи. вязка 1964, д. 8. Дѣла сен. кн. 688, л. 417. Дѣл. юст.-коллег. вязка 1966, д. 9. Сб. И. О. т. XLIX, стр. 402. *Weber*, Das veränderte Russland, I, §§ 191 и 208. Русскій Архивъ 1872 г. I, стр. 1126 и 1135; 1865 г. кн. 5—6.

IV.

У Петра не было никакихъ иллюзій относительно служебнаго персонала, которымъ онъ наполнялъ вновь вводимыя учрежденія, и его скорѣе можно было бы упрекать въ излишествѣ подозрительности и недовѣрія, чѣмъ въ ихъ недостаткѣ. Отъ «плутовъ, которые ни во что иное тщатся, точію мины подъ всякое добро дѣлать и несытость свою исполнять», онъ всегда былъ готовъ ждать всякаго непріятнаго сюрприза въ администраціи. «Господинъ генералъ-прокуроръ», пишетъ онъ Ягужинскому въ маѣ 1724 г., «которые прокуроры отъ коллегій здѣсь (въ Москвѣ), прикажи имъ, чтобъ они свои конторы здѣсь гораздо посмотрѣли, такъ ли дѣлается, какъ надобно..., понеже за глазами, чаю, много диковинокъ есть». И самая бюрократическая система управленія съ ея развитымъ бумажнымъ дѣлопроизводствомъ, требующимъ отъ чиновника оставить слѣдъ каждаго своего служебнаго дѣйствія на бумагѣ, чтобы оно было доступно контролю, могла нравиться Петру именно благодаря тому элементу недовѣрія высшаго къ низшему, который входилъ въ нее въ такой значительной дозѣ. Кромѣ того, цѣлый рядъ мѣръ былъ принятъ для устройства самаго бдительнаго надзора за администраціей, и въ этомъ устройствѣ сквозитъ такое открытое недовѣріе къ этой послѣдней, что совершенно справедливо вся правительственная система Петра была названа «организованнымъ недовѣріемъ». Органы этого надзора должны были занимать относительно административной системы боковое положеніе, дѣйствуя помимо прямаго іерархическаго надзора, осуществляемаго высшими учрежденіями относительно низшихъ, и представляя изъ себя какъ бы нѣкоторый посторонній наростъ на административной системѣ, вызванный ея нездоровымъ состояніемъ. Надзоръ учреждался двоякаго рода: постоянный и временный. Органами перваго были два института: прокуратура и фискалы. Подъ начальствомъ генералъ-прокурора, состоявшаго при сенатѣ, прокуроры въ коллегіяхъ и надворныхъ судахъ должны были слѣдить за исполненіемъ закона, принимая участіе въ дѣлопроизводствѣ. Но непосредственный надзоръ прокуратуры не шелъ далѣе этихъ центральныхъ учрежденій и высшихъ областныхъ судовъ. Для наблюденія за дѣйствіемъ правительственной сѣти, уходившей вглубь страны, былъ сохраненъ и приложенъ къ новой реформированной системѣ учрежденій старый институтъ фискаловъ, заимствованный изъ шведской администраціи въ прибалтійскихъ провинціяхъ и учрежденный одновременно съ сенатомъ въ 1711 году. Въ 1714 г. организація и обязанности

этого института получили болѣе подробное законодательное опредѣленіе. Фискальскій надзоръ складывался въ цѣлую систему, дѣйствующую параллельно съ системой администраціи. Во главѣ фискаловъ поставленъ былъ оберъ-фискалъ, назначаемый государемъ и имѣющій непосредственныя сношенія съ сенатомъ; при немъ учреждалось четверо помощниковъ, въ числѣ которыхъ двое непремѣнно изъ купечества, знакомые съ положеніемъ дѣлъ этого класса [1]). Въ каждой губерніи при губернскомъ управленіи долженъ былъ находиться провинціалъ-фискалъ съ тремя помощниками. Наконецъ, въ каждомъ городѣ учреждалось по одному или по два фискала, смотря «по препорціи» города.

Съ учрежденіемъ коллегій фискальская организація передана была изъ сената въ вѣдомство юстицъ-коллегіи, которой и былъ подчиненъ оберъ-фискалъ. Когда проектировалась областная реформа 1719 г., возникъ планъ, по которому предполагалось ввести фискаловъ въ общую систему областныхъ учрежденій, сосредоточивъ управленіе фискалами въ камеръ-коллегіи и подчинивъ мѣстныхъ провинціальныхъ фискаловъ воеводамъ. Была наряду съ прочими инструкціями 1719 г. составлена особая инструкція земскому фискалу, которая и даетъ возможность заключать о такомъ планѣ. Однако онъ не былъ осуществленъ на практикѣ, и система фискаловъ осталась подчиненной юстицъ-коллегіи [2]). Съ 1722 г., когда были учреждены должности генералъ-прокурора при сенатѣ и прокуроровъ при коллегіяхъ и надворныхъ судахъ, въ число обязанностей прокуратуры было включено также и наблюденіе за фискалами. Генералъ-прокурору предписывалось «за фискалами смотрѣть и, ежели что худое увидитъ, немедленно донести сенату». Въ свою очередь прокуроры въ такихъ случаяхъ были обязаны доносить генералъ-прокурору. Система фискаловъ служила какъ бы продолженіемъ системы прокуратуры: послѣдняя должна была принимать фискальскіе доносы и давать имъ ходъ въ учрежденіяхъ, при которыхъ чины прокуратуры состояли, т. е. въ надворныхъ судахъ, коллегіяхъ и сенатѣ. Но система фискаловъ не была прямо и непо-

[1]) На практикѣ ихъ бывало больше. Такъ, «1720 г. 16 дек. прав. сенатъ приказали быть при оберъ-фискалѣ въ товарищахъ фискаламъ же изъ москвичъ *А. Бѣгичеву*, старорушанину *Ю. Погребову*, псковскимъ помѣщикамъ: *И. Бочкину*, *И. Кожевникову*, лучанину *К. Лаврову*; изъ купечества: *П. Бусаревскому*, *Л. Пѣтухову*, *К. Петрову*, *И. Кашинцеву*, которыхъ привесть къ присягѣ изъ юстицъ-коллегіи и инструкціи дать изъ юстицъ-коллегіи». Д. сен. кн. 1886.

[2]) П. С. З. № 3479. *Петровскій*, О сенатѣ, стр. 110 и сл.

средственно подчинена системѣ прокуратуры. Прокуроры, наблюдая за дѣйствіями фискаловъ, играли роль не начальства надъ подчиненными, а только надзора надъ надзоромъ. Въ самомъ дѣлѣ, генералъ-прокурору не предоставлено было права дѣлать какія-либо распоряженія по институту фискаловъ, онъ только служилъ передаточнымъ звеномъ между этимъ послѣднимъ и сенатомъ, доводя до его свѣдѣнія донесеніе, идущее отъ фискаловъ и наблюдая за тѣмъ, чтобы такое донесеніе вызвало необходимыя дѣйствія со стороны сената. Въ случаѣ замѣченныхъ неисправностей въ дѣятельности оберъ-фискала генералъ-прокуроръ не могъ предпринять противъ него какихъ-либо самостоятельныхъ дѣйствій, которыя показывали бы между этими двумя должностями отношенія начальника къ подчиненному; о такихъ неисправностяхъ генералъ-прокуроръ обязанъ былъ ограничиться только докладомъ сенату. До извѣстной степени эти двѣ расположенныя одна надъ другой системы надзора переплетались въ своей дѣятельности: прокурорамъ поручалось слѣдить за фискалами, но въ свою очередь и фискаламъ предписывалось о тѣхъ прокурорахъ, которые стали бы замедлять движеніе дѣлъ по фискальскому доносу, сообщать по своей іерархіи—оберъ-фискалу и черезъ него генералъ-прокурору. Такимъ образомъ, обѣ эти системы надзора наблюдали одна за другой. Подчиненіе института фискаловъ юстицъ-коллегіи продолжалось до 8 марта 1723 г., когда во главѣ системы выше оберъ-фискала былъ поставленъ генералъ-фискалъ, должность, назначеніе на которую получилъ пользовавшійся особымъ довѣріемъ Петра полковникъ Мякининъ, одинъ изъ военныхъ чиновъ, производившихъ ревизію подушной переписи. При немъ оберъ-фискалъ остался въ качествѣ товарища и помощника подобно тому, какъ при генералъ-прокурорѣ въ качествѣ помощника находился оберъ-прокуроръ. Стремленіе повысить значеніе института фискаловъ, не пользовавшагося дотолѣ уваженіемъ, было мотивомъ учрежденія этой высокой должности генералъ-фискала; это учрежденіе состоялось въ связи съ поднятіемъ значенія фискальскихъ должностей вообще и повышеніемъ требованій къ кандидатамъ на эти послѣднія, такъ какъ Петру пришлось признаться, что первоначально фискалы «выбраны были изъ самыхъ нижнихъ людей, которые нынѣ явились въ великихъ преступленіяхъ и злодѣйствахъ». Теперь, съ одной стороны, были повышены самыя ступени высшихъ фискальскихъ должностей: генералъ-фискалу и оберъ-фискалу даны ранги генералъ-майорскій и бригадирскій, должности провинціалъ-фискаловъ приравнены рангу капитана, — а съ другой, на эти высшія должности получили назначеніе «знатные офицеры». Дѣйствительно, съ учрежденіемъ гене-

ралъ-фискала вѣдомство фискаловъ получаетъ бо́льшую самостоятельность, его подчиненіе юстицъ-коллегіи прекращается, и оно становится опять въ непосредственное подчиненіе сенату.

Институтъ фискаловъ не успѣлъ при Петрѣ принять законченныя и постоянныя формы, которыя позволяли бы дать его систематическое описаніе, не считающееся съ хронологіей. Со времени изданія общаго фискальскаго устава въ 1714 г. едва ли не каждый годъ вносилъ въ устройство учрежденія перемѣны. Уже послѣ смерти преобразователя, въ 1725 г. былъ изданъ новый обстоятельный сводъ правилъ «о должности генералъ-фискала», опредѣляющій устройство и дѣйствіе системы фискаловъ въ томъ ея видѣ, какой она приняла со времени установленія должности генералъ-фискала. Съ этого момента систему можно представить въ слѣдующихъ чертахъ [1]). Во главѣ ея стоитъ генералъ-фискалъ, подчиненный непосредственно сенату, при немъ въ качествѣ ближайшаго товарища—оберъ-фискалъ, затѣмъ четверо помощниковъ, въ томъ числѣ двое непремѣнно изъ купечества, и канцелярія, называемая главной фискальской. Къ этому главному узлу сходились нити цѣлой сѣти фискальскаго надзора, охватывавшей собою всю страну. По провинціямъ стоятъ провинціалъ-фискалы. По уставу 1714 г. провинціалъ-фискалами назывались главные фискалы губерній. По уставу 1725 г. провинціалъ-фискалъ полагается въ каждой провинціи, на которыя была раздѣлена Россія въ 1719 г. На практикѣ въ царствованіе Петра многія мѣста этихъ провинціалъ-фискаловъ втораго періода оставались незанятыми; за то въ нѣкоторыхъ крупныхъ провинціальныхъ центрахъ ихъ число превышало требуемое уставомъ: такъ, въ Москвѣ ихъ было 4, въ Воронежѣ 3. При провинціалъ-фискалахъ должно было состоять по одному помощнику, которыхъ однако статистика, сдѣланная Кирилловымъ, насчитываетъ только въ очень немногихъ провинціяхъ. Провинціалъ-фискалы назначались сенатомъ сначала по непосредственному представленію оберъ-фискала, затѣмъ по его же представленію, внесенному въ сенатъ юстицъ-коллегіей и, наконецъ, со времени учрежденія генералъ-фискала по непосредственному докладу этого послѣдняго.

Подъ надзоромъ и руководствомъ провинціалъ-фискаловъ дѣйствовали по городамъ съ уѣздами «городовые» фискалы, которыхъ законъ предписывалъ имѣть по одному или по два въ городѣ, смотря по его значенію. Впрочемъ, иногда число городовыхъ фискаловъ также

[1]) Вѣдомства: военное, морское и духовное имѣли свои особыя системы фискаловъ, не входившія въ общую.

превышало эту указанную закономъ норму въ нѣкоторыхъ городахъ [1]). Но иногда нѣсколько сосѣднихъ небольшихъ городовъ составляли группу, вѣдаемую однимъ фискаломъ [2]). Городовые фискалы назначались обыкновенно изъ представителей двухъ общественныхъ классовъ: дворянства и купечества; но въ заселенныхъ исключительно крестьянствомъ мѣстахъ сѣвера фискалы назначались и изъ крестьянъ, какъ это было, напр., въ Чарондѣ. Назначеніе городовыхъ фискаловъ производилось оберъ—впослѣдствіи генералъ-фискаломъ по представленію провинціалъ-фискала; но вмѣстѣ съ такимъ бюрократическимъ порядкомъ назначеніе фискаловъ изъ купечества соединяло до нѣкоторой степени и земскій. Кандидаты въ фискалы отъ купечества избираются городской общиной: «по выбору отъ посадскихъ людей», «по общему купечества согласію». Дѣло и въ этихъ выборахъ, какъ во многихъ другихъ подобныхъ, сводилось къ тому, что кандидатъ въ фискалы назначался бурмистрами, а посадскіе люди обязаны были дать на него лишь «выборъ за руками», т. е. подписать протоколъ выбора, ручаясь тѣмъ за благонадежность избраннаго лица. Эта зависимость выбора купеческихъ фискаловъ отъ городской администраціи подавала поводъ послѣдней присвоивать себѣ также иногда непринадлежавшее ей право смѣщенія фискаловъ. Пропорція, въ которой дворянство и купечество поставляли городовыхъ фискаловъ разнообразилась по мѣстностямъ, причемъ трудно указать основанія такого разнообразія. Въ нѣкоторыхъ городахъ изъ тѣхъ, въ которыхъ находилось по два фискала, оба общественные класса были представлены фискалами въ равной степени: по одному изъ дворянства и по одному изъ купечества. Въ городахъ, гдѣ было болѣе двухъ фискаловъ, купеческій элементъ преобладалъ надъ дворянскимъ въ составѣ фискаловъ. Далѣе, были города, въ которыхъ было только по одному фискалу и только изъ шляхетства, но зато въ другихъ оба фискала выбирались изъ купечества. Были, наконецъ, случаи, когда фискалъ отъ шляхетства вѣдалъ группу городовъ, въ каждомъ изъ которыхъ находился свой особенный фискалъ отъ купечества [3]). Но, различаясь по числу, въ какомъ они представляли

[1]) Такъ, было по три фискала въ Орлѣ, Болховѣ, Устюжнѣ Желѣзнопольской, Туринскѣ. *Кирилловъ*, op. cit. Дѣл. сен. кн. 690, л. 712—717.

[2]) Таковы, напр., были группы городовъ: Серпуховъ+Можайскъ+Серпѣйскъ; Верея+Руза+Звенигородъ; Михайловъ+Пронскъ; Буй+Судиславль; Одоевъ+Лихвинъ; Воротынскъ+Перемышль; Мещовскъ+Козельскъ. *Кирилловъ*. op. cit.

[3]) По одному фискалу изъ шляхетства и изъ купечества имѣли города: Тверь, Ржева Владимірова, В. Луки, Торопецъ, Бѣлевъ, Бѣлгородъ, Курскъ. Одинъ

участіе дворянства и купечества въ мѣстномъ надзорѣ, фискалы отъ того и другаго класса не имѣли никакихъ различій въ обязанностяхъ. Тѣ и другіе вѣдали дѣла одного и того же характера. Участіе представителей того и другаго класса въ надзорѣ было важно по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыми были вооружены тѣ и другіе благодаря своимъ связямъ съ общественными слоями, изъ которыхъ они исходили. Само собою разумѣется, что фискалы отъ купечества были болѣе освѣдомлены въ дѣлахъ купеческаго круга и могли «купеческое состояніе тайно вѣдать», тогда какъ фискаламъ изъ шляхетства могли быть извѣстнѣе случаи нарушенія закона въ своемъ шляхетскомъ кругу. Но какъ фискалъ отъ шляхетства обязанъ былъ не исключать изъ сферы своего наблюденія городскаго управленія и купеческаго класса, такъ и фискалъ отъ купечества не освобождался отъ надзора за мѣстнымъ дворянствомъ или за органами администраціи, имѣвшими чисто дворянскій характеръ. Цѣлью, которой должны были руководиться фискалы въ своей дѣятельности былъ общегосударственный интересъ безъ всякихъ сословныхъ разграниченій. Сословія должны были поставлять каждое свою долю контингента для фискальской службы, какъ они поставляли персоналъ для другихъ отраслей государственной службы, но этотъ разносословный контингентъ долженъ былъ отбывать возложенную на него службу, какъ бы забывая свое происхожденіе. Обязанности фискаловъ того и другаго класса были тождественны.

Эти обязанности, какъ онѣ формулированы въ обоихъ общихъ уставахъ, регулировавшихъ дѣйствіе фискальскаго института: 1714 и 1725 гг. сводились къ выступленію фискаловъ въ роли государственныхъ истцовъ по такъ называемымъ «безгласнымъ дѣламъ», т. е. по такимъ, въ которыхъ не было частныхъ истцовъ и возбужденіе которыхъ брало на себя государство въ лицѣ фискаловъ. Такихъ дѣлъ

фискалъ изъ шляхетства находился въ каждомъ изъ слѣдующихъ городовъ: Торжкѣ, Бѣлоозерѣ, В. Волочкѣ. Обоихъ фискаловъ изъ купцовъ встрѣчаемъ въ Устюжнѣ, Каргополѣ, Старой Русѣ. Слѣдующія пары городовъ вѣдаетъ каждую одинъ фискалъ изъ шляхетства: Ладога+Тихвинъ; Старица+Зубцовъ; но въ каждомъ изъ этихъ городовъ есть свой фискалъ отъ купечества. *Кирилловъ*, Цвѣтущее состояніе. Дѣл. сен. кн. 690, л. 712—717. Положенія *Петровскаго*, О сенатѣ, стр. 133, что «*всѣ* городовые фискалы выбирались изъ купечества» нельзя, какъ видимъ, считать правильнымъ. Фискалы въ В. Волочкѣ, Торжкѣ, Ржевѣ Владимiровой, Торопцѣ и др. были именно *городовые* фискалы, а не провинціалъ фискалы, такъ какъ эти города не были провинціальными. Но въ этихъ городахъ, какъ и во многихъ другихъ непровинціальныхъ существовали городовые фискалы *изъ шляхетства*.

было двѣ категоріи: во-первыхъ, тѣ дѣла, которыми непосредственно не затрогивались интересы частныхъ лицъ, но гдѣ страдали интересы государства въ цѣломъ и гдѣ уже вслѣдствіе этого, какъ отраженіе этого общаго вреда, испытываемаго государствомъ въ цѣломъ, необходимо должны были страдать также и интересы отдѣльныхъ частныхъ лицъ. Сюда относилось нарушеніе законовъ вообще, какъ властями, такъ и частными лицами—такое нарушеніе, которое ближайшимъ образомъ не причиняло ущерба ничьимъ частнымъ правамъ и которое не могло, слѣдовательно, вызвать къ дѣйствію частнаго истца. Затѣмъ, сюда же относилось нарушеніе фискальныхъ интересовъ государства, вредъ, причиняемый государственному казначейству, отъ котораго ближайшимъ образомъ никто не страдалъ, но который въ послѣднемъ счетѣ непремѣнно давалъ себя чувствовать и отдѣльнымъ частнымъ карманамъ. Во-вторыхъ, въ число «безгласныхъ дѣлъ» включались такія правонарушенія, вредъ которыхъ ближайшимъ образомъ ощущался отдѣльными частными лицами, не бывшими однако въ состояніи подать голоса въ качествѣ истцовъ, напр., малолѣтними сиротами, не имѣвшими родственниковъ и опекуновъ,—и уже затѣмъ, въ болѣе отдаленномъ и производномъ отношеніи, не могъ не отражаться на порядкѣ всей государственной жизни. Роль истца въ такихъ частныхъ дѣлахъ брало на себя также государство, отъ лица котораго и выступалъ фискалъ. Итакъ, фискаламъ принадлежалъ надзоръ прежде всего за исполненіемъ законовъ должностными и частными лицами, затѣмъ надзоръ за соблюденіемъ имущественнаго казеннаго интереса и, наконецъ, защита интересовъ частныхъ лицъ, не могшихъ выступать истцами. Для осуществленія этихъ обязанностей по надзору фискалы вооружены были особыми средствами. Они уполномочивались, слѣдя за всѣмъ ходомъ общественной жизни, «провѣдывать» обо всѣхъ случаяхъ нарушенія закона, поврежденія интересовъ казны или безгласнаго преступленія противъ частныхъ лицъ. Существовало нѣсколько способовъ, при помощи которыхъ фискалы могли осуществлять такое провѣдываніе. Кромѣ личнаго непосредственнаго наблюденія, фискалы должны были принимать доносы частныхъ лицъ о всевозможныхъ злоупотребленіяхъ. За неимѣніемъ другихъ болѣе самостоятельныхъ средствъ доносъ частныхъ лицъ былъ излюбленнымъ орудіемъ правительственнаго контроля въ XVIII вѣкѣ; правительство предписывало доносъ, какъ обязанность и кромѣ того старалось привлекать къ нему и развивать его обѣщаніемъ значительныхъ наградъ, какъ напр., прощенія собственныхъ преступленій доносчика, если какія-нибудь за нимъ были, свободы отъ крѣпостнаго состоянія, значительной доли изъ имущества обвиняемаго

лица, если обвиненіе будетъ доказано. Наряду съ этимъ тайнымъ средствомъ провѣдыванія существовали также и другія, открытыя и явныя, и совершенно несправедливо почему-то институтъ фискаловъ считаютъ иногда органомъ исключительно тайнаго надзора. Такимъ открытымъ средствомъ фискальскаго надзора былъ, во-первыхъ, просмотръ дѣлъ въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ. Фискалъ не участвовалъ подобно прокурору въ самомъ дѣлопроизводствѣ и не могъ влiять на тотъ или иной ходъ дѣла силой своего голоса; но ему было предоставлено право, являясь въ присутственное мѣсто, находиться тамъ при производствѣ дѣлъ, а въ канцеляріи просматривать дѣла и извлекать изъ нихъ необходимыя выписки. Затѣмъ, требовалось присутствіе фискала при различныхъ актахъ правительственныхъ лицъ, которое давало ему возможность слѣдить за ихъ правильностью. Такъ, при нѣкоторыхъ стадіяхъ судебнаго процесса, именно при производствѣ пытокъ, практика дѣлала присутствіе фискаловъ обязательнымъ. Но они появляются также и при разборѣ гражданскихъ тяжбъ, причемъ иногда приглашаются самимъ судомъ, какъ молчаливые свидѣтели правильности его дѣйствій. Въ 1723 г. въ ярославскомъ надворномъ судѣ разсматривалось дѣло между двумя помѣщиками о бѣглыхъ крестьянахъ. Повѣренный отвѣтчика, проигравшій дѣло и недовольный такимъ исходомъ процесса, не только отказался приложить руку къ составленной въ судѣ выпискѣ изъ дѣла, но не захотѣлъ даже читать ее или слушать. Тогда судомъ приглашенъ былъ фискалъ, который и подписался подъ особымъ протоколомъ объ этомъ отказѣ повѣреннаго. Приглашеніемъ свидѣтеля съ такимъ публичнымъ характеромъ, какой имѣлъ фискалъ, блюститель публичныхъ интересовъ, судъ гарантировалъ себя отъ дальнѣйшихъ возможныхъ жалобъ недовольной стороны на неправильность его дѣйствій, жалобъ, въ которыхъ могла быть извращена истина. При фискалѣ производился осмотръ служилыхъ людей, ссылавшихся на болѣзнь и просившихъ отставки отъ службы. Въ особенности требовалось необходимо присутствіе фискала при такихъ публичныхъ актахъ, гдѣ затрогивались такъ или иначе денежные интересы казны. Такъ напр., при нихъ производилась ревизія провинціальной рентереи, опись и оцѣнка казеннаго или конфискуемаго имущества, публичные торги на казенные подряды, поставки и аренды.

Послѣдствія такого тайнаго или явнаго надзора могли быть двояки: доносъ по начальству въ административномъ порядкѣ или вызовъ виновнаго въ судъ и «обличеніе» его передъ судебной властью. Узнавъ съ достовѣрностью о какихъ-либо злоупотребленіяхъ чиновъ администраціи, фискалъ представлялъ о нихъ ихъ непосредственному началь-

ству, причемъ, если послѣднее не давало движенія этому доносу и не предпринимало никакихъ вытекающихъ изъ него дѣйствій, фискалъ долженъ былъ сообщить объ этомъ по своей іерархіи, чтобы вызвать воздѣйствіе высшихъ фискальскихъ инстанцій на административныя сферы. Замѣтивъ, напр., неправильныя дѣйствія камерира, фискалъ обязанъ былъ донести о нихъ воеводѣ. Если бы воевода не принялъ никакихъ мѣръ къ устраненію замѣченнаго, городовой фискалъ увѣдомлялъ объ этомъ провинціалъ-фискала. Такой порядокъ требовался уставомъ о фискалахъ 1714 г., но уставъ 1725 г. съ цѣлью сократить число неосновательныхъ фискальскихъ доносовъ ограничиваетъ право доноса, предоставленное городовому фискалу, согласіемъ на него его прямаго начальства, т. е. провинціалъ-фискала, которому городовой фискалъ долженъ представить свой доносъ на предварительный просмотръ, не давая еще ему дальнѣйшаго движенія. Право непосредственнаго доноса отъ фискала стѣснено было еще извѣстнымъ соотвѣтствіемъ іерархическихъ отношеній, причемъ той или другой административной инстанціи соотвѣтствовала извѣстная фискальская. По уставу 1714 г. городовой фискалъ могъ самъ подать доносъ только оберъ-коменданту, но губернатору онъ могъ его представить не иначе, какъ черезъ посредство своего провинціалъ-фискала. Точно такъ же и провинціалъ-фискалъ могъ доносить на губернатора въ сенатъ или коллегію только черезъ оберъ-фискала. Но изъятій изъ области фискальскаго надзора не было ни для какой ступени административной лѣстницы. Первые оберъ-фискалы доносили государю и на замѣченныя неправильности дѣйствій самого сената, верховнаго мѣста въ государствѣ. Уставъ 1725 г. узаконяетъ эту практику, разрѣшая жалобы на сенатъ государынѣ. Другой путь, какимъ могъ дѣйствовать фискалъ противъ виновника замѣченныхъ злоупотребленій и который могъ примѣняться также и къ лицамъ, не входившимъ въ составъ административной системы, было судебное преслѣдованіе. Законъ вмѣнялъ ему въ обязанность такое виновное лицо «обличать», выступая противъ него въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ, собравъ всѣ доказательства для обвиненія, т. е. дѣйствовать въ роли чиновъ современнаго намъ прокурорскаго надзора.

Фискальская служба хорошо вознаграждалась, и фискаламъ были предоставлены значительныя преимущества. По закону 1712 года они были изъяты изъ вѣдѣнія мѣстной администраціи, подчиняясь только оберъ-фискалу. Фискалы изъ купечества освобождались отъ податей. Вознагражденіе фискала было сдѣльнымъ. Фискалъ, представившій справедливый доносъ, послѣдствіемъ котораго было взысканіе

штрафа съ виновнаго, получалъ до 1714 г. половину штрафныхъ денегъ; другая половина ихъ поступала въ казну. Съ этого года доля сдѣлавшаго доносъ фискала была уменьшена до $^1/_4$ штрафной суммы. Половину ея по прежнему брала себѣ казна, а остальная четверть должна была поступать въ раздѣлъ между провинціалъ-фискаломъ и всѣми фискалами той провинціи, откуда шелъ доносъ.

Несмотря однако на такія преимущества эта должность не всегда находила охотниковъ занимать ее. Учрежденіе было встрѣчено неудовольствіемъ въ тѣхъ кругахъ общества, взгляды которыхъ выразилъ Стефанъ Яворскій, обрушившійся на этотъ институтъ въ своей знаменитой проповѣди 17 марта 1712 г. въ Успенскомъ соборѣ. Правящія сферы, разумѣется, не могли испытывать пріятныхъ чувствъ къ этимъ вездѣсущимъ «очамъ и ушамъ», какими должны были быть фискалы, размѣщеннымъ по всѣмъ ступенямъ администраціи и проникавшимъ въ ея подозрительную темноту и тишину. Присутствіе фискала ощущалось административнымъ персоналомъ, какъ присутствіе посторонняго тѣла въ организмѣ, которое раздражало и тревожило, потому что лишало властную руку возможности съ прежнею развязностью совершать оба ея обычныя движенія, какъ для нанесенія удара, такъ и для полученія взятки. Ту и другую манипуляцію фискалъ могъ, если не парализовать совсѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, заставить совершать съ большей опаской. Уже первый оберъ-фискалъ жаловался Петру на то презрѣніе, съ какимъ къ нему и его помощникамъ относились въ сенатѣ, гдѣ они встрѣчали къ себѣ «гордый гнѣвъ, позорное поношеніе и непотребныя укоризны»: сенаторъ Племянниковъ, какъ ихъ ни встрѣтитъ, называетъ ихъ уличными судьями, а князь Яковъ Долгорукій— антихристами и плутами. Недаромъ и самъ преобразователь долженъ былъ признать, что чинъ фискальскій «тяжелъ и ненавидимъ». Но и въ болѣе широкихъ кругахъ общества институтъ не встрѣтилъ сочувствія; простой народъ тотчасъ же передѣлалъ иностранное названіе фискаловъ на русскій ладъ и дразнилъ ихъ, называя «свисталами». Какую бы государственную пользу иногда ни былъ способенъ оказать доносъ, въ этомъ пріемѣ всегда есть что-то вызывающее антипатію, и эта сторона дѣятельности фискаловъ могла въ значительной мѣрѣ даже и въ XVIII вѣкѣ, въ эту эпоху доносовъ, сообщить институту отталкивающій характеръ. Въ частности въ посадскомъ населеніи эта должность возбуждала неудовольствіе тѣмъ, что увеличивала податное бремя посадскихъ тяглецовъ, такъ какъ оклады освобожденныхъ отъ платежа податей фискаловъ, не вычеркиваясь изъ общей суммы падав-

шаго на городъ налога, раскладывались на остальное посадское общество, причемъ доли, приходившіяся на отдѣльныя хозяйства по этой разверсткѣ, какъ бы онѣ ни были малы, не могли не быть чувствительны въ эти годы крайняго податнаго напряженія. Эти доли, впрочемъ, могли быть значительными, когда въ фискалы попадали первостатейные купцы съ большими окладами, какъ это случилось, напр., въ Курскѣ, по жалобѣ посадскихъ людей котораго сенатъ принужденъ былъ въ 1714 г. издать общее постановленіе, запрещавшее избраніе фискаловъ изъ первостатейныхъ гражданъ.

Съ большими выгодами въ видѣ свободы отъ податей и въ видѣ доли штрафовъ, которыя она сулила, должность фискала открывала однако и непріятныя перспективы, ставя человѣка, ее занимающаго, между двухъ огней. Ревностное и честное исполненіе обязанностей, съ нею соединенныхъ, грозило всѣми послѣдствіями столкновенія съ сильными людьми, которыми наполнялся верхній слой мѣстной администраціи и которые нерѣдко были связаны узами родства съ высшими правительственными кругами. Недаромъ нѣкоторые авторы проектовъ, представленныхъ Петру, и предлагали назначать административный и судебный персоналъ изъ низшихъ классовъ общества, изъ умныхъ приказныхъ людей, такъ какъ шляхетство, пользуясь связями съ родственными фамильными людьми, защищено отъ доносовъ. «Доносить на такихъ злодѣевъ невозможно», пишетъ въ своихъ статьяхъ одинъ изъ прожектеровъ, Ив. Филипповъ, «понеже онъ отправленъ къ дѣламъ отъ фамильнаго и доношеніе подавать ему же,—то въ томъ какъ можетъ быть правое рѣшеніе?» Съ другой стороны, фискалу грозило взысканіе отъ своего начальства, если бы онъ сталъ смотрѣть сквозь пальцы на грѣхи администраціи, о которыхъ правительство могло узнать изъ другихъ источниковъ. Вотъ почему должность фискала не всегда была привлекательной, и назначать на нее въ иныхъ случаяхъ приходилось чуть не силой. Енисейскій фискалъ К. Аксеновъ изъ служилыхъ людей, состоявшихъ при енисейскомъ комендантѣ, попалъ въ фискалы совершенно для себя неожиданно и помимо всякаго желанія. Будучи разъ отправленъ въ Тобольскъ къ губернатору кн. Матвѣю Гагарину, онъ вернулся отъ него съ запечатанными пакетами на имя коменданта. Каково же было его удивленіе, когда въ одномъ изъ этихъ пакетовъ оказался указъ о назначеніи его, Аксенова, енисейскимъ фискаломъ—назначеніе фискаловъ въ Сибири принадлежало губернатору. Всѣ его дальнѣйшія просьбы объ освобожденіи его отъ этой должности остались безрезультатными. Городовымъ фискаломъ въ Мещовскѣ былъ назначенъ одинъ изъ мещовскихъ помѣщиковъ

Григорій Богдановъ. Возвѣстить ему объ этомъ пріѣхалъ въ село Сухиничи, гдѣ жилъ Богдановъ, самъ смоленскій провинціалъ-фискалъ С. Ергольскій. «И вышедъ изъ церкви», какъ показывали потомъ свидѣтели очевидцы происшествія, «на паперти провинціалъ-фискалъ говорилъ Богданову, назвавъ его именемъ и отечествомъ, и сказывалъ государевымъ указомъ, что ему, Богданову, велѣно быть у фискальскихъ дѣлъ, и онъ де, Григорій, его, Степана, называлъ воромъ и разбойникомъ, и смертнымъ убойцемъ, и худымъ человѣкомъ; хуже де тебя и въ Мещовскѣ нѣтъ и называлъ себя: я де господинъ твой и метался на него, Ергольскаго, бить, и кричалъ: дайте ножъ и шпагу! Да онъ же, Григорій, говорилъ: кто де тебя отпущалъ и прислалъ—и тотъ воръ. И Ергольскій де сказалъ ему: «страдничаешь,—прислалъ меня государь». И онъ де, Григорій, говорилъ: прислалъ де тебя воръ Михайло Желябужскій (оберъ-фискалъ)». И однако Григорій Богдановъ всетаки былъ принужденъ оставаться фискаломъ поневолѣ, уплативъ только «безчестье» за оскорбленіе начальства.

Итакъ, институтъ фискаловъ, столь новый для русской жизни, не встрѣтилъ сочувствія ни въ администраціи, которой былъ непріятенъ всякій контроль, ни въ обществѣ, которое онъ отвращалъ отъ себя своими отталкивающими сторонами, и далъ гораздо менѣе результатовъ, чѣмъ отъ него ожидалось. Администрація не имѣла никакой склонности поддерживать учрежденіе, направленное противъ нея же, мѣшавшее осуществленію частныхъ интересовъ на государственной службѣ, и фискалы жаловались, что мѣстныя власти не давали хода ихъ доносамъ, что надворные суды не разсматривали возбуждаемыхъ ими дѣлъ, откладывали ихъ со дня на день и обращались къ нимъ «съ непріятными выговоры, что де у нихъ и опричь фискальныхъ дѣлъ есть дѣла». Въ такомъ пренебрежительномъ отношеніи къ себѣ со стороны властей фискалы видѣли опасность потери институтомъ всякаго уваженія со стороны общества, которое, видя, что доносы фискаловъ не приводятъ ни къ какимъ непріятнымъ послѣдствіямъ для виновныхъ, могло придти легко къ заключенію, что и вообще «фискальство—ничто суть», какъ писалъ оберъ-фискалъ Нестеровъ. Въ отвѣтъ на эти жалобы издавались указы, которыми предписывалось областнымъ властямъ «поступать къ фискаламъ въ дѣлахъ государевыхъ пріятно» и воспрещалось въ случаѣ неисправности ихъ, расправляться съ ними самовольно, безъ жалобы въ юстицъ-коллегію, вѣдавшую институтъ, распоряженіе, хорошо показывающее, въ какомъ положеніи относительно администраціи оказались органы надзора, поставленные наблюдать за нею.

И общество не поддержало института, хотя и направленнаго въ защиту его же интересовъ потому, что институтъ не всегда стоялъ на стражѣ этихъ интересовъ, а слѣдуя духу времени и общему теченію, столь же часто употреблялъ свою офиціальную дѣятельность для личныхъ цѣлей, какъ и администрація, и былъ лишь осложненіемъ административной машины, не облегчающимъ ея давленія на народную массу своимъ надзоромъ, а еще болѣе усиливающимъ ея вѣсъ. Фискалы, быть можетъ, не мало раскрыли злоупотребленій, чѣмъ они справедливо и гордились; но и сами они совершили такихъ же злоупотребленій едва ли еще не болѣе, чѣмъ открыли. Самъ глава фискаловъ, оберъ-фискалъ Нестеровъ, попалъ подъ судъ за преступленія по должности. Въ приговорѣ, присуждавшемъ его къ смертной казни, значилась между прочимъ и такая вина: въ провинціальные и городовые фискалы опредѣлялъ изъ недостойныхъ и за то деньгами, лошадьми, запасомъ и другими разными вещами взятки съ нихъ бралъ. Правительство само принуждено было признать неудачу института, заявивъ, что фискалы, которые должны были бы преслѣдовать преступленія другихъ, сами «явились въ великихъ преступленіяхъ и злодѣйствахъ». Оно жаловалось на двоякій недостатокъ въ дѣятельности фискаловъ: они прикрывали грѣхи администраціи, не донося о ея злоупотребленіяхъ, а съ другой стороны, слишкомъ широко пользуясь предоставленнымъ имъ правомъ доноса, нестѣсненнымъ вначалѣ совсѣмъ, а затѣмъ умѣряемымъ недостаточною отвѣтственностью—выступали съ публичнымъ обвиненіемъ противъ ни въ чемъ неповинныхъ людей, съ которыми имѣли какіе-либо личные счеты: «ссору деревенскую или свою партикулярную обиду». Въ отсутствіи всякаго ценза при назначеніи на фискальскія должности, въ томъ, что даже на высшія мѣста фискальской іерархіи «выбраны были изъ самыхъ нижнихъ людей безъ свидѣтельства и, съ другой стороны, въ чрезмѣрной свободѣ фискальскаго доноса—находило правительство причины неудачи института. Съ 1723 г. оно мѣняетъ высшій фискальскій персоналъ, поручая болѣе значительныя должности, которыя притомъ повышаетъ въ рангѣ и дѣлаетъ болѣе самостоятельными, людямъ, пользующимся большимъ довѣріемъ, а затѣмъ предпринимаетъ пересмотръ общаго устава о фискалахъ, стараясь поставить фискальскій надзоръ въ болѣе правильныя рамки [1]).

[1]) П. С. З. №№ 3586, 4507. *Градовскій*, Высшая администр. стр. 35. П. С. З. №№ 2786, 3280, 3602, 3479. *Петровскій*, О сенатѣ, стр. 98–157. *Муравьевъ*, Русскій прокурорскій надзоръ отъ Петра В. до Екатерины II. Юридич.

Кромѣ постоянно и повсемѣстно дѣйствующихъ органовъ надзора въ лицѣ прокуратуры и фискаловъ преобразователь предполагалъ назначать и временныя ревизіи отдѣльныхъ мѣстностей государства. Мысль о такихъ ревизіяхъ онъ высказалъ въ указѣ 4 апр. 1722 г., предписывая ежегодно посылать для ихъ производства одного изъ сенаторовъ, который долженъ былъ объѣзжать провинціи во главѣ цѣлой комиссіи изъ прикомандированныхъ къ нему членовъ коллегій по одному отъ каждой. Цѣлью ревизіи, поручаемой комиссіи такого широкаго состава, Петръ ставилъ контроль за всѣмъ ходомъ дѣлъ въ области, «чтобъ во всякихъ дѣлахъ была правда». Къ той же мысли онъ возвратился еще разъ въ ноябрѣ слѣдующаго 1723 г. Но на этотъ разъ организація ревизіи предполагалась на иныхъ основаніяхъ; ея исполненіе откладывалось до окончанія расположенія полковъ по провинціямъ, и ея задача значительно съуживалась: указъ о ней имѣлъ въ виду только ревизію податныхъ сборовъ, а не тотъ всеобъемлющій контроль, который поручался сенаторской ревизіи. Соотвѣтственно этому съуживался и личный составъ ревизоровъ, на которыхъ возлагалось ея исполненіе. Это не была уже комиссія изъ представителей отъ всѣхъ коллегій съ сенаторомъ во главѣ; ревизія должна была по этому предположенію производиться членами генералитета въ сопровожденіи одного изъ членовъ вѣдавшей финансы камеръ-коллегіи. Очень возможно, что одна ревизія съ болѣе широкими задачами — сенаторская—могла и не исключать другую съ болѣе тѣсными—генеральскую. Какъ бы то ни было, ни та, ни другая не состоялись при жизни Петра. Однако его мысль о ревизіи не осталась безрезультатной. Въ своей запискѣ, изображавшей внутреннее и внѣшнее положеніе государства, поданной его преемницѣ, генералъ-прокуроръ Ягужинскій между другими мѣрами, которыя онъ рекомендовалъ предпринять для облегченія податной тягости и улучшенія администраціи, напомнилъ Екатеринѣ намѣре-

Вѣстн. т. XXIX. П. С. З. №№ 3979, п. 4, 7; 3937, гл. II; 4170, 4698 (о должности генералъ-фискала, 1725 г.). *Кирилловъ*, Цвѣтущее состояніе и пр. Дѣл. сен. кн. 690, л. 712—717. Дѣла юстицъ-колл., вязка 1966, д. 8. П. С. З. №№ 3168, 3203_9, 3245, 3479_{14}, 3743_7, 3762, 3787_3, 3984, 4022_{16}, 4023, 4434, 4435, 3571_{14}. Дѣла юстицъ-коллегіи, вязка 1960, д. 47. Дѣла камеръ-колл., вязка 22, д. 4. П. С. З. №. 3304_5. Дѣла камеръ-колл., вязка 8, д. 25. Дѣла юстицъ-коллегіи, вязка 1954, д. 12; вязка 1966, д. 10. *Павловъ-Сильванскій*, Проекты реформъ, 119. *Посошковъ*, О скудости и богатствѣ, гл. III. Дѣл. юст.-коллегіи, вязка 1956, д. 49; вязка 1954, д. 3. П. С. З. № 3602. Дѣла сен. кн. 650, л. 18—23. П. С. З. № 4698_{1-3}.

ніе преобразователя посылать одного изъ сенаторовъ для обревизованія провинцій. Ягужинскій и предлагалъ исполнить это намѣреніе, вооруживъ ревизующаго сенатора обширными полномочіями до права приговаривать за обнаруженныя ревизіей преступленія къ смертной казни включительно. Безъ такой ревизіи онъ не видѣлъ возможности внушить чѣмъ либо страхъ провинціальной администраціи и установить порядокъ въ областномъ управленіи. На докладъ Ягужинскаго было обращено вниманіе, и 17 мая 1726 г. гр. А. А. Матвѣевъ, бывшій президентъ юстицъ-коллегіи, теперь же президентъ сенатской конторы въ Москвѣ, получилъ назначеніе ревизовать московскую и смежныя съ нею провинціи. Въ помощь Матвѣеву командировались представители отъ двухъ коллегій, дѣятельность которыхъ наиболѣе соприкасалась съ областнымъ управленіемъ, а именно одинъ изъ совѣтниковъ камеръ-коллегіи и одинъ изъ асессоровъ юстицъ-коллегіи. Составленной такимъ образомъ комиссіи было поручено обревизовать провинціальное управленіе, въ особенности финансовую часть,—«порядочно-ль подушныя деньги съ крестьянъ сбираютъ», и судопроизводство,—«а наипаче въ провинціальныхъ судахъ, что правдою-ль людей судятъ»,—причемъ Матвѣеву дано было право въ случаѣ замѣченныхъ злоупотребленій производить слѣдствіе, судить виновныхъ и постановлять окончательный приговоръ безъ сношеній съ какими-либо высшими учрежденіями—мѣра, которую и предлагалъ Ягужинскій. Получивъ такія обширныя полномочія, Матвѣевъ сталъ давать своей комиссіи громкое названіе «канцеляріи государственныхъ расправныхъ дѣлъ», что однако было воспрещено ему сенатомъ. Екатерина, повидимому, сама обнаруживала нѣкоторый интересъ къ назначенію Матвѣева; по крайней мѣрѣ, въ журналахъ верховнаго тайнаго совѣта подъ 6 іюля 1726 г. записано, что она «изволила спросить о тайномъ дѣйствительномъ совѣтникѣ Матвѣевѣ, поѣхалъ ли онъ съ Москвы для исправленія порученнаго ему дѣла» и указала немедленно отправить къ нему и его помощниковъ. Приступивъ къ дѣйствію, комиссія тотчасъ же открыла, что въ московской и въ шести другихъ провинціяхъ: переяславль-залѣсской, юрьевъ-польской, суздальской, владимірской, ярославской и костромской, которыя ревизовать она была назначена, «есть не безъ обидъ народныхъ», нашла большіе безпорядки въ финансовомъ управленіи, недоимки и казенныя хищенія, за которыя она и приговаривала къ кнуту и висѣлицѣ. Но ей не пришлось долго дѣйствовать. Уже въ іюлѣ 1727 г. Матвѣевъ получилъ отставку отъ службы, и его комиссія была упразднена [1]).

[1]) П. С. З. №№ 3931, 4370. Дѣла сен. кн. 814, л. 139. Чт. О. И. Д.

Не заглохла также и другая мысль Петра о назначенiи на ревизiю генералитета. Одновременно съ сенаторской ревизiей Матвѣева въ томъ же 1726 г. были отправлены изъ военной коллегiи по губернiямъ генералы и полковники въ качествѣ ревизоровъ. Ихъ задачей было выяснить причины недоимокъ въ подушномъ сборѣ, на который содержалась армiя, и разобрать взаимныя жалобы двухъ администрацiй, со времени расквартированiя войскъ параллельно дѣйствовавшихъ въ провинцiи: военной полковой и гражданской провинцiальной, функцiи которыхъ, какъ увидимъ ниже, во многомъ сходились. Къ этимъ военнымъ чинамъ для производства ревизiи должны были присоединяться вице-президенты или за ихъ отсутствiемъ асессоры мѣстныхъ надворныхъ судовъ. Была составлена также инструкцiя этимъ ревизорамъ, которою имъ предписывалось, поселившись въ центрѣ губернiй, прежде всего обревизовать состоянiе денежной казны, для чего мѣстныя власти, а также военныя управленiя расквартированныхъ полковъ должны были имъ доставить финансовыя вѣдомости и свезти всю денежную наличность въ губернскiй городъ. Затѣмъ, принимая жалобы на гражданскую и военную администрацiи, ревизоры должны были производить по нимъ слѣдствiе лично или черезъ прикомандированныхъ штабъ-офицеровъ помощниковъ, въ обоихъ случаяхъ непремѣнно въ присутствiи фискаловъ, виноватыхъ судить, постановлять и исполнять приговоры безъ предварительныхъ сношенiй съ военной коллегiей, испрашивая конфирмацiи только для смертныхъ приговоровъ. О наложенныхъ наказанiяхъ ревизорамъ предписывалось публиковать во всеобщее свѣдѣнiе для устрашенiя административнаго персонала. Ревизiя распространялась и на финансовое управленiе городовъ, и командированные генералы и полковники должны были «освидѣтельствовать города губернiи по порядку, всѣ ли сборы порядочно идутъ». Задачи ревизiи были болѣе широки, чѣмъ простой контроль, и ревизорамъ вмѣнялось въ обязанность представлять свои соображенiя и проекты различныхъ улучшенiй по мѣстной администрацiи. Во второй половинѣ 1726 г. назначенные для ревизiи генералы и полковники разъѣхались по губернiямъ и открыли свои дѣйствiя на мѣстахъ, увеличивъ и безъ того большое количество различныхъ областныхъ учрежденiй еще своими канцелярiями, которыя стали носить названiя: «канцелярiй ревизiи» или «канцелярiй смотрѣнiя вѣчныхъ квартиръ и разобранiя ссоръ» [1].

1860 г. IV, смѣсь: записка Ягужинскаго. П. С. З. № 4886. Сб. И. О. т. LVI, стр. 119; т. LV, стр. 407. Дѣл. сен. кн. 686, л. 275.

[1]) П. С. З. № 4857: «Инструкцiя генералитету и полковникамъ, наряжен-

V.

Всѣ перечисленныя мѣры надзора за дѣятельностью провинціальной администраціи не могли принести тѣхъ результатовъ, на которые онѣ были разсчитаны, и мало могли улучшить мѣстное управленіе. Въ самомъ дѣлѣ, прокуратура дѣйствовала лишь въ высшихъ учрежденіяхъ, при которыхъ она была установлена и могла простирать свой надзоръ за низшими судебными и административными инстанціями только при помощи плохо приведенной съ ней въ связь системы фискаловъ. Но институтъ фискаловъ не удался благодаря тому дурному личному составу, которымъ онъ былъ наполненъ, какъ принуждено было признать и само правительство. Наконецъ, сенаторскія и генеральскія ревизіи осуществились уже послѣ смерти преобразователя и далеко не въ той мѣрѣ, на которую онъ разсчитывалъ. Однако, во все время существованія изслѣдуемыхъ областныхъ учрежденій при Петрѣ, они не оставались безъ весьма внушительнаго надзора, созданнаго практикой и неимѣвшаго основаній ни въ какихъ регламентахъ, употреблявшагося, какъ временное средство и превратившагося въ постоянное орудіе, предназначеннаго ускорять ходъ областной правительственной машины и въ конецъ ее разстраивавшаго. То былъ своеобразный надзоръ надъ областной администраціей, поручавшійся Петромъ гвардейскимъ офицерамъ и даже нижнимъ чинамъ.

нымъ для разысканія недоимокъ въ сборѣ подушныхъ денегъ и обидъ отъ офицеровъ обывателямъ». Были назначены ревизорами слѣдующія лица: генералъ-лейтенантъ Чекинъ въ казанскую и астраханскую губерніи. Генералъ-майоры: Порошинъ въ петербургскую, кн. Мещерскій въ нижегородскую, Венедигеръ въ архангелогородскую. Полковники: Таракановъ въ кіевскую, Леонтьевъ въ московскую и смоленскую, кн. Солнцевъ-Засѣкинъ въ сибирскую, Загряжскій въ азовскую. Такимъ образомъ, въ числѣ ревизоровъ оказались два «переписчика»: Чекинъ и кн. Солнцевъ, изъ которыхъ второй получилъ назначеніе въ ту же губернію, въ которой онъ велъ подушную перепись. Назначенный въ кіевскую губернію полк. Таракановъ учредилъ свою канцелярію въ г. Рыльскѣ. Канцелярія эта имѣла коллегіальный характеръ и кромѣ него состояла еще изъ полковника Давыдова и вице-президента курскаго надворнаго суда И. Батурина и начала свои дѣйствія требованіемъ приходо-расходныхъ вѣдомостей и свѣдѣній о платежѣ подушной отъ «полковыхъ дворовъ» тѣхъ полковъ, которые были расположены въ кіевской губерніи. Дѣла орловск. провинц. канц. №№ 1609, л. 84; 1726, 1745, 1790, 1824, 1958. Дѣла сен. кн. 691, л. 175. Эти канцеляріи «разобранія ссоръ» сдѣлались инстанціями въ сношеніяхъ военной коллегіи съ полковыми дворами; онѣ были закрыты февральскими указами 1727 г. см. гл. VI.

Къ гвардіи преобразователь питалъ необыкновенную любовь и довѣріе, и во вторую половину царствованія составъ гвардейскихъ полковъ исполнялъ не менѣе административныя, чѣмъ военныя назначенія. Не слѣдуетъ забывать соціальнаго значенія этихъ полковъ въ то время: они наполнялись молодежью изъ лучшихъ дворянскихъ фамилій, служившей въ нихъ не только офицерами, но и въ качествѣ рядовыхъ. Условія, при которыхъ выросло и воспиталось это молодое поколѣніе дворянства, были иныя, чѣмъ тѣ, при которыхъ росли и воспитывались его отцы. Реформа Петра не застала людей этого новаго поколѣнія вдругъ въ зрѣлые годы, когда уже сложились убѣжденія, взгляды и привычки. Они слышали шумъ реформы еще вокругъ дѣтской колыбели; ихъ юность проходила подъ впечатлѣніемъ постоянныхъ преобразованій, и поэтому имъ не приходилось испытывать того рѣзкаго перелома, разрушавшаго старые дорогіе и священные обычаи, какой пришлось пережить ихъ отцамъ. Для нихъ чуть не ежедневно производившіяся перемѣны сдѣлались привычнымъ ходомъ вещей. Они не чувствовали себя оторванными отъ прочныхъ старинныхъ устоевъ, въ которыхъ они привыкли бы находить надежную опору подобно отцамъ; напротивъ, они пріобрѣли склонность къ движенію, воспитавшись среди непрерывныхъ перемѣнъ. Вотъ почему въ гвардіи этого времени не только не замѣчалось какой-либо преданности старинѣ, но явно было сочувствіе нововведеніямъ Петра, выразившееся впослѣдствіи въ той горячей поддержкѣ, которую гвардейскіе полки оказали преемницѣ преобразователя, какъ продолжательницѣ его направленія. Можно думать, что въ гвардіи въ послѣдніе годы царствованія Петра уже шло то склонное къ болѣе радикальнымъ новшествамъ политическое броженіе, которое такъ ярко обнаружилось черезъ пять лѣтъ послѣ его смерти въ извѣстныхъ событіяхъ 1730 г., когда дворянство выступило съ цѣлымъ рядомъ конституціонныхъ проектовъ. Понятно, что не въ этой сферѣ было искать Петру своихъ враговъ, и отсюда объясняется его расположеніе къ гвардіи. Мало стѣсняясь различными условностями при выборѣ средствъ, разъ послѣднія казались ему наиболѣе пригодными для достиженія намѣченной цѣли, преобразователь давалъ гвардейскимъ офицерамъ, какъ особенно довѣреннымъ лицамъ, порученія, которыя ставили ихъ несравненно выше положенія, занимаемаго ими на ступеняхъ служебной іерархіи. Извѣстно, что въ 1721 г. онъ назначилъ гвардейскихъ штабъ-офицеровъ надзирателями надъ высшимъ учрежденіемъ въ государствѣ—сенатомъ. Эти штабъ-офицеры, дежуря въ засѣданіяхъ сената по очереди, обязаны были наблюдать за порядкомъ при обсужденіи и рѣшеніи дѣлъ и получили весьма широкое

право не только доносить о замѣченныхъ его нарушеніяхъ государю, но и собственной властью сажать его нарушителей—сенаторовъ подъ арестъ въ крѣпость. Комиссіямъ изъ гвардейскихъ офицеровъ Петръ поручалъ разслѣдованіе важнѣйшихъ дѣлъ, почему-либо особенно его интересовавшихъ, причемъ такія комиссіи не стѣснялись привлекать къ отвѣту самыхъ высокопоставленныхъ лицъ. Такое расположеніе царя къ гвардейскимъ офицерамъ останавливало на себѣ вниманіе иностранныхъ наблюдателей, а нѣкоторыя его послѣдствія непріятно ихъ поражали. «Царь неоднократно выражалъ гвардейскимъ офицерамъ свое исключительное довѣріе», пишетъ французскій резидентъ Лави, «и поручалъ комиссіямъ изъ нихъ важнѣйшія государственныя дѣла. Удивительно видѣть, что члены сената встаютъ съ своихъ мѣстъ передъ поручикомъ и относятся къ нему съ подобострастіемъ, чему былъ примѣръ на дняхъ, и что достоинство имперіи до такой степени унижено». Брауншвейгскій резидентъ Веберъ, разсказывая о порученіи слѣдствія по важнѣйшимъ государственнымъ преступленіямъ комиссіямъ изъ гвардейскихъ офицеровъ, замѣчаетъ, что «въ Россіи дошло до того, что иной почтенный членъ сената изъ важнѣйшихъ родовъ государства долженъ былъ являться передъ поручикомъ и давать ему объясненія и отвѣты».

Младшіе гвардейскіе офицеры и нижніе чины посылались съ чрезвычайными порученіями также въ провинцію. Такъ въ 1719 г. было разослано въ восемь губерній два поручика, два подпоручика и четыре прапорщика преображенскаго полка. Къ 1724 г. число такихъ командированныхъ въ области гвардейцевъ достигаетъ уже 87, изъ которыхъ только 16 офицеровъ, остальные—нижніе чины [1]). Въ составъ порученія, которое давалось этимъ своеобразнымъ missi dominici, входили: ревизія той или другой стороны мѣстнаго управленія, главнымъ образомъ, финансоваго; иногда спеціальное разслѣдованіе по какому-нибудь отдѣльному дѣлу; но наиболѣе частымъ и главнымъ мотивомъ разсылки гвардейцевъ по провинціямъ было побужденіе мѣстной администраціи къ скорѣйшему отправленію возложенныхъ на нее дѣлъ. Они должны были ускорять движеніе областныхъ колесъ административной машины, которое, будучи слишкомъ медленнымъ, задерживало вращеніе центральныхъ. Составленіе и отправка къ центру разнаго рода финансовыхъ вѣдомостей, требовавшихся новымъ поряд-

[1]) Д. сен. кн. 656, л. 212. Поручики: кн. П. Барятинскій. В. Мельгуновъ; подпоручики: И. Селивановъ, В. Карабановъ; прапорщики: П. Рихтеровъ, Б. Тургеневъ, кн. В. Вадбольскій, И. Арсеньевъ. Д. сен. кн. 813, л. 434.

комъ управленія; производство денежныхъ сборовъ, сборъ недоимокъ, высылка денежной казны, сборъ рекрутъ—таковы были дѣла, съ которыми должны были торопить областную администрацію эти «понудители», какъ ихъ стали называть офиціально. «Понужденіе» сдѣлалось обычнымъ и необходимымъ средствомъ поддерживать энергію и исправность мѣстной администраціи, и когда какая-нибудь коллегія была недовольна дѣятельностью областныхъ органовъ, она испрашивала у сената гвардейскій контингентъ для посылки по провинціямъ [1]). «Понудители» вооружались обширными полномочіями относительно мѣстнаго административнаго персонала и могли прибѣгать къ весьма внушительнымъ средствамъ воздѣйствія на этотъ послѣдній. Прежде всего ихъ содержаніе въ провинціи относилось нерѣдко на счетъ неисправныхъ администраторовъ, торопить которыхъ они пріѣзжали. Гвардейскимъ солдатамъ, разосланнымъ камеръ-коллегіей понуждать губернаторовъ, воеводъ и камерировъ, предписывалось взыскивать по два алтына суточныхъ денегъ изъ собственныхъ пожитковъ этихъ чиновъ до тѣхъ поръ, пока тѣ не окончатъ требуемыхъ отъ нихъ дѣлъ. Далѣе, имъ предоставлена была власть подвергать областную администрацію аресту въ болѣе или менѣе тяжелой формѣ. Солдаты, разосланные въ 1723 г. камеръ-коллегіей, должны были въ случаѣ неисправности держать подъ карауломъ камерировъ самихъ, а у губернаторовъ и воеводъ брать секретарей и посылать въ тюрьму за неисправность ихъ начальниковъ. Но упомянутые выше гвардейскіе офицеры, посланные по губерніямъ въ 1719 г., были снабжены еще большими полномочіями. Имъ предписывалось «губернаторамъ непрестанно докучать», чтобы они исполнили неотложно предъявленныя къ нимъ требованія, въ противномъ случаѣ офицеры должны были, «какъ губернаторовъ, такъ и вице-губернаторовъ и прочихъ подчиненныхъ сковать за ноги и на шею положить цѣпи и по то время ихъ не освобождать, пока они ис-

[1]) Д. сен. кн. 700, л. 94—107. Штатсъ-контора доносила сенату, что «по посланнымъ указамъ счетныхъ выписокъ съ перечневыми экстракты и приходныхъ и расходныхъ книгъ... изо всѣхъ губерній и провинцій съ 1720 по 1726 г. також многихъ репортовъ не прислано и такая неприсылка не причтена бъ была штатсъ-конторѣ въ неисправленіе». Свое донесеніе штатсъ-контора заключала такой просьбой: «того ради для понужденія въ сочиненіи репортовъ и счетныхъ выписокъ съ перечневыми экстракты и о немедленной присылкѣ въ штатсъ-контору и о правежѣ за неприсылку, какъ репортовъ, такъ и счетовъ на указные сроки для посылки въ губерніи и провинціи изъ гвардіи унтеръ-офицеровъ и солдатъ 41 человѣка... штатсъ-контора отъ высокоправ. сената требуетъ опредѣленія».

готовятъ». Земскихъ комиссаровъ, допускавшихъ большую недоимку, гвардейскіе солдаты, а иногда даже отряженные этими послѣдними унтеръ-офицеры мѣстнаго гарнизона возили въ оковахъ по ихъ дистриктамъ. За всякія отступленія отъ подобнаго рода инструкцій и за снисхожденіе къ администраціи, воздѣйствовать на которую они посылались, гвардейцамъ самимъ грозила суровая отвѣтственность «безъ всякаго милосердія» по военному артикулу, какъ оказавшимъ неповиновеніе приказанію начальства. Въ 1723 г. сенатъ, недовольный слабостью воздѣйствія гвардейскихъ оберъ и унтеръ-офицеровъ и солдатъ, разосланныхъ по провинціямъ, на областную администрацію, распорядился учредить надъ ними особое слѣдствіе въ самомъ сенатѣ, а въ провинціи на ихъ мѣсто командировать другихъ.

Не всѣхъ, однако, разосланныхъ гвардейцевъ можно было упрекнуть въ излишней мягкости, и многіе изъ нихъ въ точности исполняли инструкціи, которыми были снабжены. Съ администраціей провинціи, въ которую онъ былъ посланъ, гвардейскій солдатъ—«понудитель» говорилъ не только тономъ строгаго ревизора, но и властнымъ тономъ начальника. «Благородный господинъ провинціи угличской воевода да камерherъ», такъ начинается одно изъ офиціальныхъ писемъ лейбъ-гвардіи солдата Ѳ. Левашова къ высшему административному персоналу угличской провинціи, «въ нынѣшнемъ 1723 г. въ разныхъ мѣсяцахъ и числахъ я васъ понуждалъ въ счетѣ всякихъ сборовъ сборщиковъ, на которое понужденіе отвѣтствія не получилъ. Того ради извольте считать въ немедленномъ времени, а пока не сочтете.., держаны будете подъ карауломъ». Угрозы не оставались безъ исполненія. Тверской воевода, камерherъ и ихъ подчиненные за упущеніе въ сборахъ долгое время содержались подъ карауломъ въ оковахъ, которыя наложилъ на нихъ присланный гвардейскій солдатъ. Орловскій воевода не могъ выѣхать въ Петербургъ по требованію военной коллегіи, потому что его держалъ подъ карауломъ преображенскій поручикъ, командированный камеръ-коллегіей. Рѣдко эти гвардейцы встрѣчали такой отпоръ со стороны чиновъ областной администраціи, какой былъ оказанъ преображенскому сержанту Яблонскому московскимъ вице-губернаторомъ, почтеннымъ и заслуженнымъ бригадиромъ И. Л. Воейковымъ. «Чинится непослушенъ», доносилъ о немъ сержантъ, «понужденія моего не слушаетъ, токмо бранитъ и изъ канцеляріи вонъ высылалъ, и тростью замахивался бить, и сказалъ: не токмо де тебя, но и лучшихъ вашихъ преображенскихъ офицеровъ не боюсь, а вашу де братью, преображенскихъ сержантовъ, бивалъ батожьемъ, а тебя, отпоровъ и оковавъ, пошлю въ Петербургъ». Однако и Воейковъ принуж-

денъ былъ смириться, когда вмѣсто сержанта Яблонскаго явился въ 1720 г. болѣе энергичный и суровый солдатъ того же преображенскаго полка Поликарпъ Пустошкинъ, который сдѣлался полнымъ хозяиномъ губернскаго управленія. Онъ остался крайне недоволенъ тѣми финансовыми вѣдомостями за 1717 и 1718 годы по московской губерніи, которыя были ему представлены. «Вице-губернатора и камерира, и прочихъ управителей понуждаю», жаловался онъ камеръ-коллегіи, «но точію и по принужденію моему оныя вѣдомости сочиняютъ весьма лѣностно и продолжительно». Вопреки военной іерархіи этотъ *солдатъ*, какъ видно далѣе изъ его сообщенія, разсылалъ въ провинціи, составлявшія прежнюю московскую губернію, *оберъ-офицеровъ* московскаго гарнизона для понужденія провинціальныхъ воеводъ; однако воеводы оказывались всетаки очень неаккуратны, въ особенности воевода калужской провинціи, который вмѣстѣ съ камериромъ, хотя и «держаны были въ цѣпи и въ желѣзахъ немалое время, точію и за тѣмъ одержаніемъ ничего не учинили». Плохо довѣряя способностямъ московскихъ гарнизонныхъ офицеровъ, Пустошкинъ писалъ коллегіи, что вотъ если бы ему прислать на помощь человѣкъ двухъ его собратьевъ—солдатъ преображенскаго полка, тогда онъ скорѣе исполнилъ бы данное ему порученіе въ московской губерніи. Картину «понужденія» губернскихъ властей, производимаго Пустошкинымъ по всей строгости инструкціи, живо изобразилъ бывшій въ то время (октябрь 1720 г.) въ Москвѣ проѣздомъ въ свои рязанскія деревни гр. А. А. Матвѣевъ въ одномъ изъ писемъ къ кабинетъ-секретарю Макарову. «Отсюда доношу», писалъ онъ, «что присланный изъ камеръ-коллегіи ундеръ-офицеръ, именемъ Пустошкинъ, жестокую передрягу учинилъ и всѣ канцеляріи опустошилъ, и всѣмъ здѣшнимъ правителямъ, кромѣ военной коллегіи и юстиціи, не только ноги, но и шею смирилъ цѣпми. Между которыми здѣшній вице-губернаторъ господинъ Воейковъ токмо отвѣтствовалъ тому нарочно присланному, что онъ послушенъ на цѣпь идтить, однакожъ чтобъ прежде сказана была ему вина, чего тотъ Пустошкинъ учинить не дерзнулъ безъ указу военной коллегіи. Однакожъ онъ, вице-губернаторъ, отъ него, Пустошкина, равно въ той губернской канцеляріи при такой же тѣснотѣ содержится, какъ и прочіе. Вельми удивительно и жалко, что вѣдомостей съ прошлаго 1710 году за всѣхъ губернаторовъ и товарищей ихъ спрашиваютъ на нихъ. А особливо на вице-губернаторѣ и на товарищахъ его новыхъ, къ тѣмъ дѣламъ по новымъ инструкціямъ присоединенныхъ, которые едва ли больше полугода по своемъ пріѣздѣ здѣсь были. (Воейковъ вступилъ въ должность только 25 сент. 1719 г.). Итако сбылося одно-

слово изъ древняго письма, что—«отцы ядоша квасное, а чадомъ зубы oтерпоша», а по другому старосвѣтскому наказу осмьдесятыхъ лѣтъ сказанному: «и то де твоя вина, что загорѣлося подлѣ твоего двора». Я, тѣхъ узниковъ по должности христіанской посѣщая, воистину съ плачемъ видѣлъ въ губернской канцеляріи здѣшней, что множество цѣпей и желѣзъ, и честныхъ особъ, сидящихъ въ нихъ, и токи слезъ, превосходящіе галерныхъ прямыхъ дворовъ». Матвѣевъ заканчиваетъ письмо, выражая свое мнѣніе, что нельзя позволять солдату или унтеръ-офицеру «ковать» бригадира безъ особаго ордера изъ военной коллегіи [1]).

Такъ дѣйствовалъ этотъ четвертый видъ правительственнаго надзора надъ мѣстной администраціей, не предусмотрѣнный никакимъ предварительнымъ планомъ, не обоснованный никакимъ закономъ. Созданный и укрѣпленный практикой, онъ отразилъ на себѣ тѣ патріархальные пріемы, къ которымъ прибѣгалъ преобразователь. Чиня съ своими ближайшими сотрудниками по центральному управленію собственноручную расправу, въ провинціи онъ разсылалъ своихъ довѣренныхъ гвардейцевъ съ цѣлью такого же воздѣйствія на сотрудниковъ по мѣстному управленію. Если прокуроры и фискалы играли роль очей и ушей государя, то гвардейскіе офицеры и солдаты передавали въ провинцію дѣйствіе его тяжелой руки. Порученіе, которое имъ давалось, требовало именно скорѣе дѣйствія руки, чѣмъ глаза: оно состояло гораздо болѣе въ ускореніи хода провинціальной административной машины, чѣмъ въ наблюденіи за его правильностью. Ихъ дѣломъ было—сообщать мѣстной администраціи, отстававшей отъ центральныхъ учрежденій, ускоренный темпъ и устранять происходившую отъ этой разницы дисгармонію въ дѣйствіи центральныхъ и областныхъ органовъ. Ихъ средствомъ въ этомъ ускореніи было внушеніе страха, и они служатъ, быть можетъ, наиболѣе яркимъ воплощеніемъ этого начала въ администраціи первой четверти XVIII вѣка. Правда, въ многочисленныхъ инструкціяхъ и регламентахъ, которыми опредѣлялся кругъ дѣйствій различныхъ учрежденій и должностныхъ лицъ,

[1]) Сб. И. О. XXXIV, 289. Русскій Архивъ, 1872 г.: записки Вебера, § 343. Дѣл. сен. кн. 813, лл. 434, 446, 490: образцы инструкцій гвардейскимъ посланцамъ. Дѣл. сен. кн. 814, л. 173; кн. 656, л. 212; кн. 813, л. 440; кн. 114, л. 715. Дѣл. камеръ-коллегіи, вязка 4, д. 14, лл. 66, 171. Дѣл. сен. кн. 814, лл. 369, 295. Дѣл. угличской пров. канц. № 626. Дѣла камеръ-коллегіи, вязка 19, д. 2. Дѣл. сен. кн. 114, л. 465; кн. 124, л. 515; кн. 813, л. 440. Госуд. архивъ, кабин. дѣла II, 45, л. 200; II, 407, л. 204. Дѣл. сен. кн. 127, л. 73.

на первомъ мѣстѣ всегда находится текстъ присяги, которую приносилъ вступавшій на ту или другую должность и которая обязывала его руководиться въ своихъ правительственныхъ дѣйствіяхъ сознаніемъ долга вѣрнаго слуги государя. Нельзя однако сказать, чтобы это сознаніе долга, отдѣльныхъ случаевъ проявленія котораго нельзя, разумѣется, отрицать, живо ощущалось и просвѣчивало въ дѣйствіи всей административной системы эпохи Петра. Въ этой администраціи, новой по иностраннымъ названіямъ ея органовъ и по бумажнымъ опредѣленіямъ ея задачъ, но слишкомъ тѣсно связанной плотью и кровью, взглядами и привычками личнаго ея состава съ администраціей прежняго времени,—частные и личные интересы продолжали брать верхъ надъ гражданскими мотивами и заботой объ общемъ благѣ, о которыхъ твердили регламенты и инструкціи. Гражданская служба разсматривалась всетаки, какъ «наживочное дѣло». Вмѣстѣ съ этими старыми взглядами на управленіе продолжало быть постояннымъ явленіемъ и то нарушеніе равновѣсія между личнымъ и общимъ интересомъ, которое выражалось въ цѣломъ рядѣ злоупотребленій новой администраціи, ничѣмъ не отличающихъ ее отъ старой. Вмѣстѣ съ этими взглядами и съ этими злоупотребленіями сохраняло свою живучесть и то чувство страха, которое было однимъ изъ руководящихъ началъ стараго управленія, замѣнявшимъ для него сознаніе гражданскаго долга. Это чувство страха считалось въ московскую эпоху вообще однимъ изъ лучшихъ средствъ устраивать житейскій и государственный порядокъ. Внушеніе страха было неизбѣжнымъ пріемомъ воспитанія, котораго лучшимъ подспорьемъ считался «жезлъ». Плеть Домостроя должна была регулировать и укрѣплять отношенія между мужемъ и женою, между родителями и дѣтьми, и на первыхъ русскихъ людей, попавшихъ при Петрѣ заграницу, отсутствіе этихъ инструментовъ въ педагогикѣ и семейной жизни производило сильное впечатлѣніе. Но начала семейныхъ отношеній были тождественны съ началами государственнаго порядка. Въ той неширокой сферѣ педагогическаго воздѣйствія, которое оказывалось государствомъ того времени на общество, въ сферѣ суда—за устрашеніемъ признавалось значеніе единственнаго общественно-педагогическаго средства, и на устрашеніи была построена вся система наказаній. То же начало было двигательной пружиной и въ администраціи, да и могли ли люди, воспитанные страхомъ, управлять или быть управляемы иначе, чѣмъ при помощи внушенія или воспріятія этого чувства? Угроза служила необходимымъ элементомъ въ отношеніяхъ высшаго къ низшему. Рѣдкая инструкція, начинающаяся указывающимъ на долгъ текстомъ присяги, не закончится объ-

щаніемъ «жестокаго истязанія» за уклоненіе отъ предписываемыхъ ею обязанностей; рѣдкій указъ обойдется безъ угрозъ, начинающихся словами: «а ежели ты», или «а ежели такимъ твоимъ слабымъ стараніемъ» и т. д., безъ того, чтобы развернуть перспективу «безпощаднаго» взысканія за его неисполненіе. Опасеніе служило необходимымъ элементомъ въ отношеніяхъ низшаго къ высшему, и постоянно «доношенія» и отвѣты подчиненныхъ лицъ и учрежденій заканчиваются самоограждающимъ выраженіемъ: «чтобы мнѣ», или «чтобы такой-то коллегіи или канцеляріи не причлось къ неисправленію», «чтобы не быть въ его царскаго величества гнѣвѣ». Не сдѣлать дѣло такъ, какъ повелѣваетъ долгъ и помогаетъ разумѣніе, а только исполнить приказаніе такъ, чтобы избѣжать гнѣва начальства,—такова была цѣль подчиненнаго. Начальникъ, котораго не боялись, былъ лишенъ всякаго авторитета, какими бы талантами онъ ни обладалъ и какъ бы способенъ ни былъ; подчиненный, пока онъ недоступенъ былъ чувству страха, не зналъ границъ своему произволу. Посошковъ, безъ сомнѣнія, отражаетъ взгляды современной ему эпохи, когда въ террористическихъ мѣрахъ относительно судебнаго персонала видитъ одинъ изъ лучшихъ способовъ поднять уровень правосудія, «не чая безъ такого страха истребить злаго коренія застарѣлой на Руси неправды». «Злую застарѣлость въ народѣ», разсуждаетъ онъ, «зломъ надлежитъ и истребляти. Нельзя посѣять пшеницу на землѣ поросшей терніемъ, не выжегши предварительно этого тернія; точно такъ же невозможно правому суду установиться, аще сто другое судей не падетъ». Противъ неправедныхъ судей онъ рекомендуетъ самыя жестокія казни и штрафы, а чтобы судебный персоналъ болѣе былъ доступенъ страху передъ этими мѣрами, совѣтуетъ назначать въ суды людей низкородныхъ, которые не могли бы найти себѣ поддержки и защиты въ вліятельныхъ связяхъ [1]).

Легко себѣ представить, какія чувства должны были испытывать воевода и прочіе чины мѣстной администраціи, когда узнавали, что въ ихъ провинцію ѣдетъ гвардеецъ, посланникъ высшаго правительства, который закуетъ ихъ въ кандалы, посадитъ въ тюрьму или будетъ держать безвыходно въ канцеляріи, будетъ взыскивать съ нихъ деньги

[1]) Дѣла сен. кн. 813, л. 526; кн. 195, л. 472—497; кн. 700, л. 94—107. Дѣл. курмышской воев. канц. оп. III, д. 329. Дѣл. угличской пров. канц. № 364. Дѣл. камеръ-коллегіи, вязка 4, д. 14, л. 114. Дѣл. сен. кн. 192, л. 49, 330; кн. 81, л. 886; кн. 86, л. 49; кн. 128, л. 460, л. 218. П. С. З. №№ $3304_{16,17}$, 3294_{46}, 3295_{10}. *Посошковъ*, изд. Погодина I, 85.

себѣ на продовольствіе и стоять надъ душою, пока не окончатъ требуемой работы, а главное, будетъ постоянно писать о нихъ въ Петербургъ. Присутствіе такого могущественнаго гвардейскаго солдата заставляло мѣстную администрацію подтянуться, увеличить усилія, поспѣшить съ заданнымъ дѣломъ и исполнить то, къ чему не могли принудить угрозы, изложенныя на бумагѣ указа. Можетъ быть, такое примитивно грубое средство воздѣйствія на мѣстное управленіе и сопровождалось успѣхомъ въ очень большомъ числѣ случаевъ; но оно не могло не оказать и своихъ вредныхъ послѣдствій. Присланный въ провинцію съ чрезвычайными полномочіями гвардейскій солдатъ своимъ давленіемъ на администрацію нерѣдко разстраивалъ или даже останавливалъ ходъ управленія. Стремясь ускорить составленіе какихъ-нибудь рапортовъ или вѣдомостей, за которыми пріѣхалъ, онъ, держа въ цѣпяхъ воеводу, камерира, секретаря и подьячихъ, приковывалъ ихъ въ буквальномъ смыслѣ слова къ одному этому занятію, отвлекая ихъ отъ всѣхъ другихъ ежедневно возникающихъ дѣлъ администраціи. Могъ ли, въ самомъ дѣлѣ, воевода исполнять предписываемыя ему инструкціей авторитетныя обязанности надзора за совокупностью провинціальнаго управленія и руководства имъ, если онъ сидѣлъ подъ арестомъ въ канцеляріи за составленіемъ рапортовъ, и могъ ли онъ своевременно и надлежащимъ образомъ отправлять лежавшія на немъ обязанности правосудія, если его шею вмѣсто почетной судейской цѣпи, охватывалъ позорный ошейникъ, въ который онъ былъ закованъ солдатомъ, какъ преступникъ? Развѣ возможно было земскому комиссару не только внушать подвѣдомственному населенію правила нравственности и внѣдрять въ немъ просвѣщеніе, что требовалось отъ земскаго комиссара инструкціей, но даже и отправлять самыя обычныя дѣла своей должности въ то продолжительное время, когда его въ оковахъ возили по деревнямъ его дистрикта?

Притомъ гвардейскіе посланцы заживались въ провинціи довольно по долгу, иногда по три и по четыре года, такъ какъ никогда не прекращалась нужда въ ускореніи провинціальной администраціи, и едва было окончено одно дѣло, служившее предметомъ «понужденія», какъ уже надо было торопить съ другимъ. Тѣмъ больше былъ вредъ, приносимый провинціальному управленію этими чрезвычайными его элементами. Не слѣдуетъ также забывать, что благодаря широтѣ своихъ полномочій гвардейскіе офицеры и солдаты получали столь же широкую возможность злоупотреблять своимъ положеніемъ. Заживаясь въ провинціи по долгу и властно распоряжаясь административнымъ персоналомъ, гвардеецъ скоро начиналъ чувствовать себя хозяиномъ

положенія, фактическимъ главою провинціальной администраціи, и въ результатѣ получалось въ провинціи однимъ злоупотребляющимъ органомъ больше. Появленіе этихъ missi dominici въ провинціяхъ нерѣдко ознаменовывалось многими неистовствами, и вотъ какого рода жалобы несутся изъ провинцій на незнавшихъ удержа гвардейцевъ. Управлявшій ярославской провинціей членъ надворнаго суда Дашковъ доноситъ, что присланный въ эту провинцію солдатъ Черевинъ, «пришедъ въ канцелярію къ судейскому мѣсту съ невѣжествомъ, приказалъ его, Дашкова, держать въ канцеляріи за карауломъ безъ выпуска». Камериръ вятской провинціи писалъ, что находившійся тамъ такой же солдатъ Нетесевъ «поступаетъ весьма непорядочно, приходитъ въ канцелярію пьяный не въ указные часы, днемъ въ восьмомъ и въ девятомъ, а ночью во второмъ и въ третьемъ часахъ и караульныхъ капраловъ и часовыхъ солдатъ бьетъ палкою, а намъ не объявляя вины и безъ всякой причины держитъ насъ подъ арестомъ почасту, а другимъ временемъ и скованныхъ и, забравъ вятскихъ обывателей, какъ посадскихъ, такъ и уѣздныхъ лучшихъ людей, которые бывали въ прошлыхъ годѣхъ у таможенныхъ и питейныхъ сборовъ бурмистрами, головами, и ларешными, держитъ подъ земскою конторою за карауломъ и скованныхъ, гдѣ прежъ сего держаны были тати и разбойники и беретъ взятки». Этотъ солдатъ доходилъ до какого то опьяненія властью, которое, кажется, совпадало у него съ опьяненіемъ водкой. «Многократно говорилъ похвальныя рѣчи, что де онъ, пришедъ въ канцелярію камерира и его секретаря, сковавъ, замучитъ въ желѣзахъ до смерти; а если де они въ желѣза сами не скуются, и тѣми желѣзами будетъ ихъ бить и головы испроломаетъ». Жену секретаря онъ грозилъ «шпагою изрубить на мелкія части» и исполнить это свое намѣреніе поклялся, приложившись къ образу Спасителя при свидѣтеляхъ [1]).

[1]) Дѣл. сен. кн. 81, л. 792; кн. 813, лл. 490, 495, 526; кн. 814 л. 930, 937.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Областная реформа и подушная подать.

I.

Вопросъ о введенiи подушной подати и замѣнѣ ею прежняго подворнаго обложенiя сталъ на очередь со втораго десятилѣтiя XVIII в., вскорѣ послѣ того, какъ была закончена извѣстная столь разочаровавшая Петра подворная перепись 1710 г. Его выдвинулъ въ своемъ «доношенiи объ уравнительномъ платежѣ», поданномъ въ 1714 г., знаменитый оберъ-фискалъ Алексѣй Нестеровъ, проектъ котораго не помѣшалъ однако предпринять въ слѣдующемъ же году новую также подворную перепись, такъ называемую ландратскую (1715—1717). Но мысль о переходѣ къ новой формѣ обложенiя не глохнетъ, и какъ разъ съ производствомъ этой послѣдней подворной переписи совпадаетъ усиленное обсужденiе ея русскими публицистами въ ихъ проектахъ, представленныхъ Петру. Въ двухъ отношенiяхъ прежнiй подворный налогъ оказывался неудовлетворительнымъ. На плательщиковъ онъ падалъ слишкомъ неравномѣрно, частiю благодаря естественной неравномѣрности самой податной единицы, частiю благодаря тѣмъ злоупотребленiямъ, къ которымъ прибѣгали плательщики, сбивая передъ переписью по нѣскольку дворовъ въ одинъ и тѣмъ искусственно увеличивая эту неравномѣрность. Для казны онъ не давалъ достаточныхъ средствъ на покрытiе усиленныхъ расходовъ, вызванныхъ военными нуждами. Первая изъ этихъ его отрицательныхъ сторонъ занимала мысль такихъ публицистовъ, какъ Нестеровъ, Посошковъ, Ив. Филипповъ, Юрловъ, стремившихся сдѣлать подать болѣе уравнительною; вторая сильно безпокоила самого Петра, стремившагося создать болѣе обильный притокъ средствъ въ казначейство. При помощи ли сравненiя съ иностранными податными организацiями, или путемъ самостоятельныхъ размышленiй, авторы финансовыхъ проектовъ приходили именно къ той самой единицѣ обложенiя, которая была необходимымъ слѣдующимъ моментомъ податной эволюцiи, поставившей на мѣсто древней сохи

«живущую четверть» — искусственный комплексъ опредѣленнаго числа тяглыхъ дворовъ съ опредѣленнымъ количествомъ обработанной земли, разложившей затѣмъ этотъ комплексъ на отдѣльные дворы и, такимъ образомъ, естественнымъ путемъ подошедшей къ душамъ, какъ составнымъ элементамъ, на которые долженъ былъ разложиться тяглый дворъ. Уже и самая практика, не выжидая общаго разрѣшенія поднятаго вопроса въ законодательствѣ, переходила къ новой податной единицѣ. Въ азовской губерніи съ 1715 г. вице-губернаторъ Колычевъ приказалъ «для уравненія людей и всенародной лучшей пользы» собирать прямыя подати «съ числа людей, а не съ дворовъ». Не доказано прямо вліяніе на Петра представленныхъ ему проектовъ податной реформы, хотя въ немъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Какъ бы то ни было, съ принципомъ новаго обложенія онъ уже знакомъ въ 1715 г., когда онъ употребляетъ терминъ «поголовщина» въ письмѣ къ Брюсу, которому поручалъ освѣдомиться о шведскомъ порядкѣ содержанія арміи. Въ ноябрѣ 1717 г., болѣе чѣмъ когда нибудь занятый этимъ вопросомъ, онъ предписалъ сенату вычислить, во что обойдется содержаніе одного солдата, драгуна и офицера, разсчитавъ со сколькихъ податныхъ единицъ, «душъ или дворовъ (что удобнѣе)» будетъ собираться нужная для этого сумма, и предоставивъ такимъ образомъ самому сенату избрать ту единицу обложенія, которая окажется болѣе удобной. Рѣшеніе остановиться на поголовномъ обложеніи окончательно созрѣло у Петра къ ноябрю слѣдующаго года, когда и появился знаменитый указъ о начатіи поголовной переписи, которая должна была лечь въ основу новой подушной подати [1]).

[1]) Дѣла сен. кн. 221, л. 15—20. Колычевымъ была установлена въ азовской губерніи новая номинальная податная единица «дворъ», которую составляли 8 человѣкъ (четверо мужчинъ и четыре женщины) въ возрастѣ отъ 10 до 60 лѣтъ. Мотивомъ къ установленію такой искусственной единицы была именно слишкомъ рѣзкая неравномѣрность прежняго естественнаго двора. Она введена была «для того, что по той переписи (1710 г.) во дворехъ число людей писано неравнымъ образомъ: въ одномъ дворѣ семей по 3 и по 4, и больше, а въ иныхъ и по одной семьѣ. И ежели бъ нынѣ имать подати съ двороваго числа по прежнему со всѣхъ равно, а не съ числа людей, и отъ того бъ въ которыхъ дворехъ написано въ людяхъ неравенство, въ народѣ была бъ многая тягость и разореніе, а паче въ сборехъ доимка». Очевидно, что Колычевъ перешелъ уже къ подушному обложенію въ томъ видѣ, какъ оно рекомендовалось нѣкоторыми проектами. Дворъ въ этой системѣ не былъ реально-хозяйственной, а только номинально-счетной единицей, смягчавшей переходъ отъ прежняго обложенія къ новому. Какъ это нерѣдко бываетъ, старая форма продолжала еще жить, прикрывая уже совершенно новое содер-

Итакъ, главнымъ интересомъ большинства прожектеровъ, представившихъ Петру свои соображенія о подушной подати было облегченіе податнаго бремени плательщиковъ. Главнымъ интересомъ Петра, побуждавшимъ его прислушиваться къ этимъ проектамъ благосклонно, было повышеніе цыфры государственныхъ доходовъ. Громадное количество средствъ, требовавшихся на вновь созданную регулярную армію, ставило на очередь вопросъ объ этомъ повышеніи. Новый налогъ и заинтересовалъ Петра главнымъ образомъ, какъ новое средство для содержанія арміи,— и этимъ спеціальнымъ его назначеніемъ объясняется та удивительная примитивность въ разсчетѣ величины, въ какой новый налогъ долженъ былъ упасть на населеніе. Преобразователь дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ не какъ финансистъ, принимающій во вниманіе хозяйственныя силы страны, а какъ ариѳметикъ, производящій операціи только съ цыфрами. Цѣлью налога было содержаніе арміи; источникомъ налога были записанныя въ тягло души. Поэтому общая сумма налога опредѣлилась цыфрой расхода на армію, а размѣръ платежа, приходившагося на каждую душу, очевидно, должно было дать частное отъ дѣленія суммы налога на число тяглыхъ душъ. Было высчитано, что содержаніе арміи обходилось приблизительно въ 4.000.000 руб. Послѣ многихъ хлопотъ удалось получить и число тяглыхъ душъ — около 5.400.000. Раздѣливъ первое число на второе, Петръ и установилъ окладъ подушной подати въ 4/5,4=0,74 руб. съ души.

Но идея о подушномъ налогѣ, какъ спеціальномъ средствѣ для содержанія арміи, осложнялась еще крайне своеобразной идеей о самомъ способѣ ея содержанія. Замѣтная близость окончанія войны естественно вновь выдвигала въ 1717 г. вопросъ о размѣщеніи занятой большею частью на чужой территоріи регулярной арміи, полки которой не предполагалось уже распускать по домамъ, какъ это дѣлалось прежде. Вопросъ этотъ ставился на очередь въ то время не впервые: онъ занималъ собою преобразователя еще въ 1710—11 гг. въ эпоху организаціи губерній, вскорѣ послѣ полтавскаго разгрома шведовъ, когда являлась также надежда на возможность скораго окончанія войны. Расписаніе отдѣльныхъ полковъ арміи по губерніямъ, которыя должны были черезъ особыхъ губернскихъ комиссаровъ, посредниковъ между губерніей и содержимыми ею полками, высылать

жаніе. Въ послѣднемъ счетѣ при раскладкѣ Колычева равное количество подати падало на каждую изъ 4 душъ муж. п., входившихъ въ составъ «двора», имъ установленнаго. *Милюковъ*, Госуд. хоз., 556—562, 271 примѣч. *Павловъ-Сильванскій*, Проекты реформъ, 103—108. П. С. З. № 3245.

имъ деньги изъ губернскихъ казначействъ—было только первымъ шагомъ къ осуществленію дальнѣйшаго проекта расквартированія полковъ по содержащимъ ихъ губерніямъ. Улыбнувшаяся тогда надежда была однако слишкомъ призрачна; теперь она имѣла болѣе дѣйствительныя основанія, и вопросъ о размѣщеніи арміи сталъ вновь тревожить правительство. За его рѣшеніемъ Петръ обратился къ Швеціи, гдѣ пѣхотные полки, расквартированные по крестьянскимъ землямъ, содержались крестьянами, расписанными для этой цѣли по числу поземельно-податныхъ единицъ въ особыя группы—«роты», причемъ каждая должна была не только ставить солдата, но и содержать его, выдавая ему мундиръ, опредѣленное количество денегъ и хлѣба и строя для него небольшой домъ. Но шведскій порядокъ только навѣялъ на Петра самую идею о расквартированіи арміи; въ дальнѣйшемъ детальномъ ея осуществленіи нѣтъ ничего общаго съ шведскимъ образцомъ. Наиболѣе оригинальною чертою русскаго порядка было сочетаніе расквартировки войскъ съ спеціальнымъ подушнымъ налогомъ, назначеннымъ на ихъ содержаніе. Въ большинствѣ случаевъ полкъ долженъ былъ разселиться въ томъ областномъ округѣ, на который возложено было его содержаніе, причемъ и самый этотъ округъ, «дистриктъ», составлялся изъ столькихъ душъ, сколько ихъ было необходимо для того, чтобы сумма собираемаго съ нихъ подушнаго платежа равнялась суммѣ, въ какую обходилось содержаніе полка. Дистриктъ долженъ былъ передавать въ полковую казну размѣстившагося въ немъ полка собранныя деньги прямо безъ посредства центральнаго учрежденія, вѣдавшаго армію, т. е. военной коллегіи. Но шведская рота, эта группа крестьянъ, ставя своего рекрута, не теряла съ нимъ тѣсной связи: именно своего, поставленнаго ею рекрута она содержала, одѣвая его, снабжая его хлѣбомъ и деньгами, отводя ему участокъ земли и строя жилище. Русскія души вносили поголовную подать въ полковую казну всѣмъ дистриктомъ, и дистриктъ, какъ комплексъ душъ, былъ связанъ непосредственно только съ полкомъ, какъ комплексомъ военно-служащихъ людей, которому онъ платилъ налогъ. Въ округѣ, гдѣ размѣщался полкъ не возникало обособленныхъ группъ крестьянъ, связанныхъ именно съ тѣмъ, а не съ другимъ пѣхотинцемъ или драгуномъ, подобно шведской ротѣ [1]).

И самое введеніе подушнаго налога, и устройство того порядка, какимъ на этотъ налогъ должна была содержаться расквартированная

[1]) *Милюковъ*, Госуд. хоз., 646; 396—405. *Павловъ-Сильванскій*, Проекты реформъ, 108. *Берендтсъ*, Государственное хозяйство Швеціи, 406.

по странѣ армія, задали тяжелую работу правительству. Прежде всего потребовалось предпринять двоякаго рода подготовительныя дѣйствія: во-первыхъ, надо было сосчитать души, на которыхъ падалъ налогъ, т. е. произвести поголовную перепись тяглаго населенія; во-вторыхъ, надо было расположить на эти души армейскіе полки, т. е. раздѣлить Россію на новые округа съ опредѣленнымъ числомъ душъ въ каждомъ, построить въ нихъ жилища для полковъ и расквартировать въ нихъ многіе изъ этихъ послѣднихъ. Введеніе подушной сопровождалось вообще очень важными, частію предвидѣнными, частію совершенно неожиданными послѣдствіями. Оно очень наглядно обнаружилось въ области финансоваго хозяйства, произведя рѣзкую перестановку въ относительномъ значеніи различныхъ статей бюджета, и дало себя очень сильно почувствовать въ области хозяйства народнаго, на которое легло новою тягостью. Вліяніе подушной подати оказало неменьшее дѣйствіе и на соціальный строй, привлекая къ тяглу дотолѣ нетяглые классы общества и развивая неволю, сдѣлавшуюся неизбѣжной спутницей податнаго тягла. Но этими экономическими и соціальными послѣдствіями сфера ея вліянія не заканчивалась. Его пришлось испытать на себѣ и административной системѣ, и въ особенности новымъ областнымъ учрежденіямъ, организація которыхъ совпадала по времени съ податною реформой. Обѣ фазы введенія подушной: и тѣ подготовительныя дѣйствія, которыя предшествовали ея взиманію, и, затѣмъ, самый порядокъ ея взиманія оказали свое вліяніе на областное устройство 1719 г. и внесли въ него значительныя перемѣны. Это вліяніе и перемѣны намъ и предстоитъ теперь изслѣдовать.

Указъ Петра 26 ноября 1718 г., повелѣвавшій «взять сказки у всѣхъ (дать на годъ сроку), чтобъ правдивыя принесли, сколько у кого въ которой деревнѣ душъ мужескаго пола», опредѣлялъ порядокъ производства переписи слишкомъ лаконично и былъ въ январѣ слѣдующаго года развитъ обстоятельнѣе сенатомъ. Составленіе и подача сказокъ, т. е. списковъ тяглыхъ душъ, въ дворцовыхъ, черныхъ и церковныхъ имѣніяхъ были возложены на приказчиковъ, старостъ и такъ называемыхъ «выборныхъ», которые, избираясь крестьянскими мірами, состояли въ качествѣ помощниковъ при старостахъ. Помѣщики, крупные и мелкіе, жившіе въ своихъ деревняхъ, обязаны были представить сказки сами; въ тѣхъ вотчинахъ, изъ которыхъ ихъ владѣльцы были въ отлучкѣ, дѣло это точно такъ же поручалось приказчикамъ, старостамъ и выборнымъ изъ крестьянъ. Тѣмъ вотчинникамъ, которые находились въ 1719 г. въ Петербургѣ, велѣно было представить сказки самимъ. Для пріема сказокъ со всей Россіи былъ назначенъ В. Н.

Зотовъ, сынъ извѣстнаго Никиты Моисеевича, до того времени наблюдавшій за дѣятельностью сената въ довольно неудачной должности генералъ-ревизора, который и открылъ для этого пріема особую канцелярію въ Петербургѣ. На мѣстѣ, въ областяхъ, принимать сказки отъ помѣщиковъ и вотчинной администраціи должны были чины областнаго управленія, слѣдовательно въ 1718—19 гг. ландраты подъ надзоромъ губернаторовъ, а затѣмъ по мѣрѣ того, какъ ихъ смѣняли провинціальные воеводы, эти послѣдніе, дѣйствуя уже независимо отъ губернаторовъ.

Для исполненія всей этой работы преобразователемъ данъ былъ годовой срокъ, и сенатъ въ своемъ указѣ предписывалъ областной администраціи «сіе, яко главное дѣло, окончать въ семъ настоящемъ году безо всякаго отлагательства». Но дѣло шло крайне медленно и неисправно. Въ концѣ 1719 г. сенатъ принужденъ былъ объявить, что несмотря на неоднократное повтореніе указа о сказкахъ подъ самыми суровыми угрозами, сказкамъ ниоткуда присылки нѣтъ, а тѣ немногія, которыя присланы, оказались составленными неудовлетворительно. Петръ прибѣгъ къ своему обычному средству воздѣйствія на административную машину, разослалъ гвардейскихъ солдатъ по провинціямъ, приказалъ всѣхъ областныхъ правителей, не успѣвшихъ со сказками, «держать въ канцеляріяхъ на цѣпяхъ и въ желѣза скованныхъ», не выпуская до тѣхъ поръ, пока не кончатъ этого дѣла. Однако въ январѣ слѣдующаго 1720 г. и онъ принужденъ былъ отложить срокъ подачи сказокъ Зотову еще на полгода до 20 іюля. Но даже и къ концу 1720 г. дѣло было далеко отъ окончанія. Изданы были грозные указы о конфискаціи имѣній у вотчинниковъ, неподавшихъ сказки къ сроку, о высылкѣ ихъ въ Петербургъ къ розыску и о такихъ же наказаніяхъ воеводамъ за невысылку сказокъ. Но сказки поступали всетаки медленно, и притомъ обнаружилось, что тотъ переписной матеріалъ, который къ веснѣ 1721 г. былъ собранъ въ канцеляріи Зотова, оказался негоденъ: въ поданныхъ сказкахъ замѣчена была огромная «утайка» душъ. Еще ранѣе сенатъ, получая доклады Зотова о такой утайкѣ то въ одной, то въ другой мѣстности, предписывалъ провинціальнымъ воеводамъ произвести на мѣстѣ повѣрку переписей, сдѣланныхъ въ сказкахъ, «освидѣтельствовать и разыскать», какъ тогда выражались. Въ маѣ 1721 г. предпринята была повсемѣстная ревизія переписи во всѣхъ земляхъ, кромѣ частновладѣльческихъ, порученная областнымъ правителямъ: губернаторамъ и воеводамъ [1]).

[1]) П. С. З. №№ 3245, 3287, 3460, 3470, 3492, 3687, 3707, 3747. Дѣл.

Едва ли однако губернаторы и воеводы успѣли исполнить возложенную на нихъ задачу; какъ бы то ни было, вскорѣ эта провѣрка, «ревизія», переписи организовалась совершенно инымъ образомъ. Еще въ январѣ 1721 г. въ новгородскую провинцію былъ командированъ генералъ-майоръ Волковъ съ порученіемъ произвести въ этой провинціи опытъ расквартированія двухъ армейскихъ полковъ: пѣхотнаго и драгунскаго, опытъ, изъ котораго можно было бы извлечь указанія для дальнѣйшаго общаго расквартированія всей арміи. Ему также поручено было обревизовать перепись въ новгородской провинціи, очевидно потому, что ему изъ канцеляріи Зотова были переданы сказки этой провинціи, необходимыя для расположенія полковъ. Въ началѣ января 1722 г. было рѣшено приступить къ этому расположенію по всей Россіи, и Петръ предписалъ сенату представить ему «знатныхъ людей», которымъ можно бы было поручить это дѣло. Въ концѣ того же мѣсяца назначенія были сдѣланы. Въ московскую губернію были отправлены два генерала, Юсуповъ и Волковъ, которые должны были подѣлить ее пополамъ ввиду густоты ея населенія; двѣ губерніи: казанская и астраханская, издавна между собою тѣсно связанныя Волгой, были поручены бригадиру фонъ-Менгдену. Въ каждую изъ остальныхъ прежнихъ губерній было назначено по одному лицу [1]). Такъ какъ большинство этихъ лицъ были генеральскаго чина, то они вообще стали называться «генералитетомъ». Такъ какъ прежде, чѣмъ расквартировывать полки по числу душъ, было необходимо знать точное число самыхъ душъ, то на генералитетъ была возложена и ревизія переписи, отъ чего эти генералы стали также носить названіе «переписчиковъ». Но генералитетъ стоялъ только во главѣ дѣла ревизіи переписи и расположенія полковъ въ губерніяхъ. Подъ его руководствомъ дѣй-

сен. кн. 127, л. 47, 69, 73, 91; кн. 656, л. 532. *Милюковъ*, Госуд. хоз. 638, 639. *Ключевскій*, Подушная подать и отмѣна холопства. Русск. Мысль, 1886 г., № 5. П. С. З. №№ 3474. 3657, 3762. Дѣл. сен. кн. 1885, 5 авг. 1720 г.; кн. 1886, 8 іюня 1720 г. П. С. З. № 3782.

[1]) А именно: въ петербургскую ген. М. Чернышевъ, въ кіевскую—Леваневъ, въ азовскую—Мякининъ, въ рижскую(смоленскую)—Вельяминовъ, въ архангелогородскую—Чекинъ, въ нижегородскую—Салтыковъ, въ сибирскую—кн. Солнцевъ-Засѣкинъ. Сб. И. О. т. XI, стр. 449—451. Дѣл. сен. кн. 380, л. 390. Въ апрѣлѣ того же 1722 г. Чернышевъ и Волковъ помѣнялись мѣстами; первый былъ назначенъ въ московскую губ. вмѣстѣ съ Юсуповымъ, а второму, уже открывшему дѣйствія въ новгородской провинціи, была поручена включавшая ее петербургская губернія. Дѣл. сен. кн. 814, л. 987. Впослѣдствіи въ кіевской губ. бригадира Левашева смѣнилъ полк. А. Чернышевъ, а въ азовской Мякинина полк. Есиповъ.

ствовали въ каждой губерніи цѣлые отряды штабъ и оберъ-офицеровъ, прикомандированныхъ къ генераламъ изъ тѣхъ полковъ, которые были назначены для расквартированія въ губерніи [1]). Между этими своими помощниками, штабъ и оберъ-офицерами генералъ распредѣлялъ отдѣльныя провинціи или части провинцій, входившія въ составъ порученной ему губерніи [2]), а они въ свою очередь разсылали по отдѣльнымъ городамъ своихъ подчиненныхъ болѣе низкаго ранга. Величина этихъ военныхъ отрядовъ, занятыхъ переписью и расположеніемъ полковъ, была настолько значительна, что возбуждала жалобы военнаго вѣдомства. Въ 1723 г. въ одной только небольшой нижегородской губерніи было занято переписью 54 офицера и 207 нижнихъ чиновъ. Въ этомъ же году французскій резидентъ Кампредонъ доносилъ своему правительству, что «командиры полковъ, назначенныхъ къ посадкѣ на суда, почти всѣ заняты народной переписью». Что онъ не преувеличивалъ положенія дѣла, показываютъ офиціальныя свидѣтельства. Въ 1724 г. военная коллегія докладывала сенату, что въ Низовомъ корпусѣ вслѣдствіе назначенія офицерскаго состава полковъ къ переписному дѣлу офицеровъ при полкахъ остается очень мало, а въ нѣкоторыхъ полкахъ штабъ-офицеровъ и совсѣмъ никого нѣтъ. Въ мартѣ 1725 г. фельдмаршалъ кн. Репнинъ довелъ до свѣдѣнія сената письмо кн. М. М. Голицына, командовавшаго другимъ значительнымъ корпусомъ арміи, стоявшимъ на Украйнѣ, въ которомъ тотъ жаловался на такой же недостатокъ офицеровъ въ полкахъ. Попытка Петра сократить численность этихъ занятыхъ переписью отрядовъ, оставивъ отъ

[1]) Дѣл. сен. кн. 688, л. 294: «по указамъ изъ сената ко опредѣленнымъ въ губерніяхъ для свидѣтельства душъ и расположенія полковъ генералитету и полковникамъ командировано отъ тѣхъ полковъ отъ каждаго полку по штабъ-офицеру, а гдѣ неполный комплектъ, по старшему капитану, по полковому писарю, да изъ оберъ-офицеровъ отъ каждой роты по одному жъ, а именно отъ одной роты капитанъ, отъ другой поручикъ, да отъ каждой же роты по фурьеру, да по рядовому... А иные отъ полковъ штабъ и оберъ-офицеры по указамъ опредѣлены къ дѣламъ. И за командированіемъ и за неполнымъ ихъ комплектомъ при полкахъ офицеровъ обрѣтается самое малолюдство, а при иныхъ полкахъ штабъ-офицеровъ и никого нѣтъ".

[2]) Дѣл. сен. кн. 688, л. 354. Вѣдомость кому имены въ азовской губерніи штабъ и оберъ-офицерамъ, которые провинціи и города съ уѣзды опредѣлено свидѣтельствовать: маіору Агалину — шацкая провинція; поручику Лихачеву—шацкаго уѣзду вотчины гг. Нарышкиныхъ и др.; капитану Иванчину—тамбовской провинціи тамбовскій уѣздъ; капитану Жеребятникову—3 города: Инсара, Верхній и Нижній Ломовы; капитану Желябужскому—г. Козловъ и два стана; поручику Ржевскому:—козловскаго уѣзда три стана.

каждаго полка только по одному оберъ-офицеру, вызвала энергичный протестъ генераловъ переписчиковъ, которые рѣшительно отказывались окончить «свидѣтельство душъ» въ скоромъ времени, если составъ ихъ помощниковъ будетъ убавленъ, и распоряженіе это было взято обратно [1]).

Эти штабъ и оберъ-офицеры, занимавшіеся переписью, собираясь подъ предсѣдательствомъ генерала, составляли въ каждой губерніи особую коллегію, которая носила различныя названія, напр.: канцелярія вѣдѣнія господина генералъ-майора такого-то и присутствующихъ штабъ и оберъ-офицеровъ; канцелярія переписныхъ дѣлъ; переписная канцелярія; канцелярія ревизіи, свидѣтельства мужескаго пола душъ, слѣдованія и ревизіи, расположенія полковъ. Разумѣется, однако, что ихъ члены скорѣе играли роль членовъ военнаго совѣта при генералѣ—переписчикѣ, чѣмъ обладали дѣйствительною самостоятельностью членовъ коллегіи. Канцеляріи собирались въ болѣе или менѣе обширномъ составѣ для обсужденія важнѣйшихъ вопросовъ и рѣшенія затрудненій, съ которыми приходилось сталкиваться въ переписномъ дѣлѣ. Такъ, напр., переписная канцелярія азовской губерніи разсматривала въ 1724 г. подъ предсѣдательствомъ завѣдывавшаго ревизіей душъ и расположеніемъ полковъ въ этой губерніи полковника Мякинина дѣла объ утайкѣ отъ переписи цѣлой огромной вотчины Раненбургъ кн. Меньшикова и о злоупотребленіяхъ при сборѣ сказокъ тамбовскаго воеводы Глѣбова. Приговоры этого совѣщанія начинаются обычной формулой: «господинъ отъ инфантеріи полковникъ А. А. Мякининъ и присутствующіе господа штабъ и оберъ-офицеры, слушавъ сего дѣла и учиненной выписки, согласно приговорили». Подъ ними подписывались кромѣ предсѣдателя еще два подполковника, одинъ майоръ, три капитана и три поручика. Присутствіе переписной канцеляріи кіевской губерніи, засѣдавшее по подобному же дѣлу, состояло изъ двухъ майоровъ, одного капитана, поручика и подпоручика. Самыя донесенія въ сенатъ по болѣе важнымъ дѣламъ подписываются не только предсѣдателемъ, но и членами переписной канцеляріи; тотъ же порядокъ въ нѣкоторыхъ переписныхъ канцеляріяхъ былъ принятъ и въ перепискѣ съ провинціальной администраціей и съ полковыми дворами. Такъ, напр., указы и промеморіи кіевской канцеляріи подписывались

[1]) Дѣл. сен. кн. 701, л. 257; кн. 814, л. 987; кн. 688, л. 159; кн. 701, л. 131—132. Сб. И. О. т. XLIX, стр. 359. Дѣл. сен. кн. 688, л. 294. П. С. З. №№ 4673, 4191. Дѣл. сен. кн. 701, л. 384, л. 432. П. С. З. № 4207.

кромѣ предсѣдателя полковника А. Чернышева, двумя майорами, однимъ секундъ-майоромъ и однимъ капитаномъ [1]).

Съ назначеніемъ генералитета и военныхъ отрядовъ по губерніямъ для пересмотра и повѣрки переписи переписное дѣло двигалось такъ же медленно и вовсе не пошло съ тою быстротой, какой ожидало правительство. Всю эту работу велѣно было окончить къ декабрю 1723 г. Но бригадиръ фонъ-Менгденъ, занятый переписнымъ дѣломъ въ казанской и астраханской губерніяхъ, писалъ въ маѣ этого года, что онъ не только не успѣетъ кончить переписи къ этому сроку, но не надѣется окончить ее и къ іюлю слѣдующаго 1724 г. Несмотря на настойчивое подтвержденіе Петромъ назначеннаго срока, переписи къ декабрю 1723 г. кончить всетаки не удалось, и новымъ срокомъ былъ назначенъ мартъ 1724 г., когда генералитету было предписано съѣхаться въ Москву для общаго совѣта о дѣлахъ переписи и расположенія полковъ. Къ этому сроку о полномъ окончаніи переписи было прислано увѣдомленіе изъ смоленской губерніи. Генералы, дѣйствовавшіе въ архангелогородской, нижегородской и казанской губерніяхъ, сообщали, что въ главномъ перепись закончена, но еще не составлены изъ добытаго ею матеріала табели по тѣмъ формамъ, какія требовались. Въ губерніяхъ астраханской и азовской перепись и къ этому сроку закончена не была. Только къ маю 1724 г. удалось съ достаточною точностью выяснить цыфру ревизскихъ душъ (5.409.930), что и дало возможность начать сборъ подушной подати съ этого года. Но переписное дѣло всетаки и къ этому времени не было доведено до конца. Еще въ 1725 г. оно продолжалось въ Сибири и въ губерніяхъ: азовской, кіевской и даже смоленской, хотя эта послѣдняя и заявляла о его окончаніи. Вполнѣ во всѣхъ деталяхъ оно не было кончено и въ 1727 г., когда верховный тайный совѣтъ предписывалъ «генералитету, штабъ и оберъ-офицерамъ, которые въ губерніяхъ продолжаются для окончанія переписнаго дѣла, какъ скоро возможно тѣ дѣла оканчивать», назначивъ крайнимъ срокомъ іюль этого года [2]).

[1]) Дѣла углич. пров. канц. №№ 620, 621, 622, 624, 628 и др. Дѣла сен. кн. 225, л. 810; кн. 688, л. 1543—1614; кн. 688, л. 59—99; кн. 686, л. 152—165; кн. 688, л. 1487—1512; кн. 711, л. 5—42; кн. 688, л. 378, 379, 660 и сл. Дѣла орловск. пров. канц. № 1071 и др.

[2]) Дѣл. сен. кн. 701, л. 432, 438. П. С. З. № 4340. Д. сен. кн. 701, л. 754. П. С. З. №№ 4390, 4413. Д. сен. кн. 688, л. 345—346, 342—352, 184. П. С. З. №№ 4503 (итогъ душъ крестьянъ къ 19 мая 1724 г.; по другому документу 5.401.042. *Милюковъ*, Госуд. хоз., 641), 4628. Д. сен. кн. 711, л. 292, 358. Сб. И. О. т. LXXIX, стр. 101.

Можно указать нѣсколько причинъ, почему перепись производилась съ такою медленностью, почему она, начавшись въ 1718 г., не была доведена до конца еще и черезъ 9 лѣтъ—въ 1727 г. Прежде всего составителямъ сказокъ, какъ и переписнымъ канцеляріямъ, провѣрявшимъ впослѣдствіи эти сказки, пришлось имѣть дѣло съ затрудненіями, вызванными соціальнымъ составомъ русскаго общества. Общество начала XVIII в. еще не было сомкнуто въ немногія, но крупныя сословныя группы; по тѣмъ повинностямъ, которыми оно было обязано государству, оно дробилось на множество отдѣльныхъ мелкихъ группъ, или «чиновъ». И теперь изслѣдователю довольно трудно классифицировать эти чины въ болѣе обширныя категоріи. Умы людей того времени гораздо менѣе были способны къ обобщеніямъ. Дробныя перечисленія мелкихъ общественныхъ группъ, которыя приходилось дѣлать за неимѣніемъ общихъ сословныхъ терминовъ, не охватывали однако всего общественнаго состава. Если и теперь, въ вѣкъ статистики и соціальныхъ изслѣдованій, жизнь формируетъ и выдвигаетъ постоянно различныя общественныя группы, не укладывающіяся въ установленныя государствомъ рамки сословнаго дѣленія, то правительство XVII и начала XVIII в., менѣе имѣвшее средствъ слѣдить за процессомъ измѣненій въ составѣ общества, менѣе отчетливо представляло себѣ его пеструю, мозаичную структуру. Эта мозаика, далеко не соотвѣтствовавшая установившимся офиціальнымъ подраздѣленіямъ, была для правительства неясной. Отсюда и неясность первоначальнаго закона о поголовной переписи, въ которомъ его авторъ, предписывая принести правдивыя сказки о томъ, «сколько у кого въ которой деревнѣ душъ мужескаго пола», совершенно не указывалъ, о душахъ какихъ именно общественныхъ классовъ должны были быть поданы сказки. При развитіи этого закона сенату пришлось сдѣлать болѣе обстоятельныя указанія, и въ его указѣ 22 янв. 1719 г. поименовано нѣсколько группъ, которыя слѣдовало внести въ перепись. То были: однодворцы, крестьяне и бобыли различныхъ разрядовъ: дворцовые, государственные, церковные и частновладѣльческіе и тѣ изъ видовъ холопства, которые по своему хозяйственному положенію близко подходили къ крестьянамъ: задворные люди, а изъ дѣловыхъ—сидѣвшіе на отдѣльныхъ земельныхъ участкахъ; кромѣ того татары и ясачные инородцы. Въ этомъ указѣ нельзя не замѣтить стремленія включить въ подушную перепись только классы, обезпеченные самостоятельнымъ хозяйствомъ. Вотъ почему тѣ дѣловые люди, которые не имѣли особыхъ земельныхъ участковъ, а работали исключительно на барской пашнѣ и на барскомъ дворѣ, какъ и другіе station неземледѣльческіе виды холопства въ перепись вносить

не предполагалось. Указъ говорилъ притомъ только о сельскомъ населеніи. Рѣшить вопросъ о посадскихъ людяхъ онъ обѣщалъ, но рѣшеніе его откладывалъ. Только въ началѣ 1721 г. было постановлено внести въ перепись и жителей городовъ, какъ собственно посадскихъ людей, такъ и всѣ тѣ разнообразные общественные элементы, которые не входили въ составъ «регулярнаго гражданства» и получили характерное названіе разночинцевъ. Это столь позднее распоряженіе о взятіи сказокъ на посадахъ и въ слободахъ также не могло не замедлить и безъ того уже медленнаго хода переписи [1]).

Когда военные переписчики разъѣхались по областямъ и приступили къ повѣркѣ переписи, имъ пришлось на мѣстѣ встрѣтиться съ многочисленными и непредвидѣнными изъ центра группами общества, которыя возбудили въ нихъ много недоумѣній и вызвали цѣлый рядъ вопросовъ о томъ, включать ли ихъ въ перепись и, если да, то какъ и гдѣ включать. Такъ, напр., переписчикамъ пришлось на первыхъ же шагахъ встрѣтиться съ группой населенія, которая на практикѣ занимала положеніе, вовсе не принятое въ разсчетъ инструкціями переписчикамъ. Таковы были бѣглые крестьяне и холопы. Гдѣ и за кѣмъ ихъ слѣдовало записывать: за тѣми ли землевладѣльцами, отъ которыхъ они бѣжали, или за тѣми, за которыми они поселились, и за которыми застала ихъ перепись? Первоначально вопросъ разрѣшался совершенно послѣдовательно въ духѣ предыдущаго законодательства: бѣглыхъ велѣно было записывать за ихъ законными владѣльцами, при чемъ обязанность отвозить ихъ на ихъ прежнія покинутыя мѣста возлагалась на ихъ незаконныхъ держателей. Но вотъ оказалось въ иныхъ имѣніяхъ столько бѣглыхъ, что не только половину, но и цѣлыя села слѣдовало бы разослать по различнымъ губерніямъ, и безусловность первоначальнаго предписанія смягчается резолюціей: «гдѣ цѣлыя села или гдѣ половина, или треть — бѣглыхъ, тѣхъ отдавать помѣщикамъ тѣмъ, которые ихъ держали, а гдѣ меньше, велѣть развозить, какъ и прочихъ». Точно такъ же отвозъ бѣглыхъ дворцовыхъ и черныхъ крестьянъ на прежнія мѣста былъ отмѣненъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они селились послѣ побѣга въ такихъ же волостяхъ, какія покинули, т. е. въ дворцовыхъ же и черныхъ, такъ какъ они, мѣняя мѣсто жительства, не мѣняли владѣльца. Срокомъ возвращенія бѣглыхъ ихъ законнымъ владѣльцамъ было назначено 1 іюля 1723 г., но на практикѣ, какъ это бывало обыкновенно, срокъ прошелъ, а дѣла о бѣглыхъ были совершенно не улажены. Споры помѣщиковъ о бѣглыхъ сплетались

[1]) П. С. З. №№ 3245, 3287, 3747.

въ неразрѣшимую путаницу, которая неизбѣжно оказывала свое замедляющее вліяніе на ходъ переписи, такъ какъ переписчикъ совершенно не зналъ до окончанія спора, за кѣмъ изъ тяжущихся слѣдовало записать бѣглыхъ. Генералъ-майоръ Волковъ жаловался сенату, что нерѣдко заявленія о бѣглыхъ подаются уже послѣ того, какъ составлены переписныя книги и подведены итоги, такъ что приходится все вновь передѣлывать и переписывать. «Ежели оное отрѣшено не будетъ», писалъ генералъ, «то ни по которому образу нынѣ книгъ уставить не можно». Тогда правительство принуждено было сдѣлать рѣшительный переворотъ въ своихъ взглядахъ на вопросъ о бѣглыхъ. 22 ноября 1723 г. сенатъ указалъ записывать бѣглыхъ за тѣми помѣщиками, за которыми нашла ихъ перепись, и тамъ, гдѣ переписныя книги уже окончены, никакихъ заявленій о бѣглыхъ не принимать [1]).

Такого же рода недоумѣнія возбуждали и другія группы населенія. Указы о переписи предполагали, что сельское населеніе живетъ по селамъ, а посадское въ городахъ. Но переписчикамъ пришлось встрѣтить посадскихъ людей, живущихъ въ деревнѣ, какъ и наоборотъ крестьянъ, давно уже поселившихся въ посадахъ. Гдѣ записывать тѣхъ и другихъ? Служилые люди не подлежали внесенію въ перепись, но какъ быть съ дѣтьми солдатъ, драгунъ и матросовъ, не принадлежащихъ къ шляхетству, относить ихъ къ податной или неподатной группѣ?—Перепись на сѣверѣ нашла остатки когда-то гораздо болѣе обширнаго класса половниковъ, особый видъ сельскаго населенія, сохранившій право свободнаго перехода. Возникъ рядъ вопросовъ. Сенатъ, повидимому, не имѣвшій объ этомъ классѣ яснаго представленія, приказалъ переписчикамъ подготовить данныя для ихъ рѣшенія, посовѣтовавшись съ мѣстными обывателями. Мѣстные обыватели, хозяева этихъ половниковъ, высказались единодушно за укрѣпленіе за ними половниковъ подобно тому, какъ были укрѣплены крестьяне. Однако генералъ Чекинъ, переписывавшій архангелогородскую губернію, не согласился съ ними, и сенатъ поступилъ согласно съ его мнѣніемъ. Право перехода было сохранено за половниками, но ограничено предѣлами одного уѣзда и обставлено формальностями, обезпечивавшими исправность уплаты половниками подушной подати [2]). Не разъ при-

[1]) П. С. З. №№ 4162, 4192, 4194, 4201, 4371.

[2]) Дѣл. сен. кн. 711, л. 110: «Понеже въ прошломъ 1723 г. окт. въ 23 д. (См. П. С. З. № 4332) е. и. в. указалъ: гдѣ въ поморскихъ городѣхъ обрѣтаются половники, которые переходя живутъ разныхъ чиновъ у людей, объ оныхъ

шлось переписчикамъ обратиться къ сенату съ вопросами о вольноотпущенникахъ, о кабальныхъ людяхъ, вышедшихъ на свободу за смертію ихъ господъ, о разнаго рода вольныхъ людяхъ, не помнящихъ своего происхожденія. Въ губерніяхъ: петербургской, московской, архангелогородской и астраханской оказался особый чинъ «сокольихъ помытчиковъ», можетъ быть, остатокъ стариннаго вѣдомства сокольнича пути, которые промышляли ловлей хищной птицы для птичьей охоты государя. Вопросы о нихъ сенатъ рѣшилъ, предписавъ вносить въ подушный окладъ наравнѣ съ однодворцами тѣхъ изъ нихъ, которые владѣли землею. Наконецъ, переписи пришлось столкнуться съ нѣкоторыми общественными элементами, относительно которыхъ была неясна самая принадлежность ихъ къ составу русскаго государства и внесеніе которыхъ въ подушную могло задѣвать область международныхъ отношеній. Таковы были, напр., «выходцы изъ за польскаго рубежа», о выдачѣ которыхъ велись переговоры съ польскимъ правительствомъ. На сѣверѣ переписчикъ архангелогородской губерніи нашелъ въ кольскомъ уѣздѣ, въ мѣстностяхъ пограничныхъ съ Швеціей, лопарей лютеранской вѣры, считавшихъ себя подданными обоихъ государствъ и платившихъ въ кольскую канцелярію старинную «луковую

съ тамошними обыватели переписчикамъ согласиться и прислать въ сенатъ мнѣнія, какимъ бы образомъ лучшій способъ учинить, чтобъ оные, переходя съ мѣста на мѣсто, подушнаго сбору не избывали, о чемъ, по посланнымъ указомъ къ переписчикомъ архангелогородской, казанской и сибирской губерній, такія мнѣнія присланы, въ которыхъ показано: *бригадира Фамендина* (казанская губ.): чтобъ половниковъ въ другія мѣста не переводить и имъ о переходѣ указами запретить; *полковника Солнцева* (сибирская губ.): кто изъ деревни въ деревню выѣдетъ, такихъ бы никто не принимали, но поймавъ отвозили на прежнія мѣста. *Генералъ-майора Чекина* (архангелогородская губ.): въ бытность де его въ Устюгѣ и въ другихъ поморскихъ мѣстахъ, гдѣ половники бываютъ, владѣльцы объявили, чтобы тѣхъ половниковъ укрѣпить за ними вовсе, какъ за помѣщиками: а по его мнѣнію половниковъ за владѣльцами укрѣпить во крестьянство не надлежитъ. Изъ которыхъ мнѣній прав. сенатъ, слушавъ учиненной выписки, приказали учинить по мнѣнію ген.-м. Чекина». Далѣе приведенъ указъ, напечатанный въ П. С. З. № 4661. Переписка о половникахъ шла съ архангелогородской, казанской и сибирской губерніями. Но въ документѣ, озаглавленномъ: «Табель, что по поданнымъ въ сенатъ переписчиковымъ апрѣля разныхъ чиселъ сего 724 г. вѣдомостямъ явилось однодворцевъ и прочихъ государственныхъ крестьянъ, на которыхъ положено сверхъ настоящаго подушнаго окладу прибавочныхъ же по 4 гривны съ души» (Д. сен. кн. 688, л. 650—51), половники показаны только въ одной архангелогородской губ. въ количествѣ 10.045 душъ муж. пола.

дань», а въ казну королевства шведскаго подушную подать, и увѣдомлялъ, что онъ этихъ лопарей «въ расположеніе писать опасенъ, чтобы не учинить между государствами какой ссоры». Сенатъ согласился съ нимъ, не велѣвъ включать лопарей въ подушную. На югѣ при переписи Астрахани подобнаго же рода сомнѣнія возбуждали выѣзжіе армяне и индѣйцы, давно уже ведущіе тамъ торги, но не считавшіеся русскими подданными [1]).

За рѣшеніемъ всѣхъ подобнаго рода недоумѣній переписныя канцеляріи обращались обыкновенно въ сенатъ, и ихъ вопросами приводилась въ движеніе законодательная машина. Ея дѣйствіе было крайне медленно. Завязывалась переписка между сенатомъ и генераломъ, посланнымъ провѣрять перепись, которая тянулась очень долго. На запросъ, отправленный въ сенатъ въ сентябрѣ, переписчикъ получалъ оттуда отвѣтъ только въ февралѣ слѣдующаго года. Притомъ сенатъ не всегда рѣшалъ поставленные ему вопросы самъ и за ихъ рѣшеніемъ обращался къ государю, что въ свою очередь замедляло ходъ дѣла; часто ни тотъ, ни другой не приходили сразу къ опредѣленному, во всей полнотѣ изчерпывающему вопросъ рѣшенію, оставляя для переписчика многое неяснымъ и возбуждая новые и новые вопросы. Только послѣ многихъ и продолжительныхъ колебаній, только путемъ изданія цѣлаго ряда законодательныхъ нормъ, дѣло выяснялось и разрѣшалось окончательно. Такъ былъ рѣшенъ поднятый переписчиками вопросъ о бѣглыхъ. Такія же фазы проходили вопросы о включеніи въ перепись холопства и нѣкоторыхъ видовъ церковныхъ людей. Для примѣра изложимъ вкратцѣ ходъ каждаго изъ послѣднихъ.

Въ своемъ указѣ 22 янв. 1719 г. сенатъ распространяетъ перепись на задворныхъ людей и на дѣловыхъ, «которые имѣютъ свою пашню», т. е. на тѣ виды холоповъ, которые, сидя на особыхъ земельныхъ участкахъ, не отличались по хозяйственному своему положенію отъ крестьянъ. Въ этомъ же указѣ сенатъ предписалъ представить особые списки только «для вѣдома» и тѣхъ дѣловыхъ людей, которые особыхъ участковъ не имѣютъ, а пашутъ лишь барскую пашню, не внося пока ихъ въ общія сказки. Въ январѣ слѣдующаго

[1]) П. С. З. №№ 3848, 4026, 4336, 4059, 3901_{8}, 4139_{15}, 4145_{6}, 4372 (дѣти стрѣльцовъ, казненныхъ въ Москвѣ), 3817, 4023, 4318, 4335, 4139_{19} (подкидыши и незаконнорожденные), 4145_{4}, 3919 (рабочіе на заводахъ), 4139_{12}. Дѣл. сен. кн. 688, л. 650. П. С. З. № 4265. Д. сен. кн. 701, л. 590 (донесеніе ген.-м. Чекина о лопаряхъ). Д. сен. кн. 688, л. 361—376 (армяне и индѣйцы въ Астрахани).

1720 г. Петръ обратился къ сенату съ такимъ лаконическимъ письмомъ: «понеже я слышу, что въ нынѣшнихъ переписяхъ пишутъ только однихъ крестьянъ, а людей дворовыхъ и прочихъ не пишутъ.., того ради нынѣ подтвердите указомъ, чтобъ всѣхъ писали помѣщики своихъ подданныхъ, какого они званія ни есть». Вопросъ однако рѣшался очень медленно. Только черезъ два года сенатъ предписалъ включать въ сказки всѣхъ тѣхъ холоповъ, которые живутъ въ деревняхъ, даже и тѣхъ которые не имѣютъ своихъ земельныхъ участковъ и вовсе не занимаются пашней, а служатъ во дворѣ. Такимъ образомъ, внѣ переписи оставлены были только тѣ холопы, которые жили въ городскомъ дворѣ господина, пока въ январѣ 1723 г. не послѣдовала собственная резолюція Петра на вопросъ о холопахъ, возбужденный вновь генераломъ Чернышевымъ: «писать всѣхъ и служащихъ (т. е. находящихся въ личномъ услуженіи), какъ крестьянъ и положить въ поборъ». Это была знаменитая резолюція, которою уничтожалось въ Россіи холопство, какъ особое юридическое состояніе [1]).

Еще большій рядъ законодательныхъ колебаній вызванъ былъ вопросомъ объ отношеніи переписи къ духовенству. Первые указы о немъ не говорили. Только въ упомянутомъ выше короткомъ указѣ Петра сенату въ январѣ 1720 г. было сдѣлано распоряженіе включить въ перепись «причетниковъ церковныхъ кромѣ поповъ и дьяконовъ», о которыхъ велѣно было подать особые списки. Такимъ образомъ проведена этимъ указомъ рѣзкая разница между двумя слоями духовнаго чина, между священно и церковно-служителями. Первые освобождались отъ подушной, вторые должны были ее платить. Въ слѣдующемъ году въ отвѣтахъ на вопросы ген. Волкова сенатъ руководится этимъ раздѣленіемъ, предписывая церковно-служителей вносить въ перепись, а священниковъ и дьяконовъ не вносить. Вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ разрѣшеніе вопросъ о томъ, какъ быть съ дѣтьми духовенства: ихъ велѣно было записывать въ окладъ. Однако такое рѣшеніе было уже слишкомъ просто и тотчасъ же вызвало затрудненія на практикѣ. Дѣло въ томъ, что изъ дѣтей обѣихъ категорій церковнаго чина составлялся запасъ будущихъ священно-служителей, которые могли, такимъ образомъ, оказаться въ тяглѣ. 4 апрѣля 1722 г. Петру былъ представленъ общій докладъ сената съ синодомъ, и дѣло получило иной оборотъ. За критерій въ вопросѣ о внесеніи въ окладъ принятъ не только священнослужительскій санъ, но и дѣйствительность службы. Священно и церковно-служители, дѣйствительно служащіе при церквахъ, равно

[1]) П. С. З. №№ 3287, 3481, 4026, 3901, 3906, 4145_2.

какъ ихъ дѣти, освобождены отъ оклада, причемъ было постановлено, что изъ этихъ дѣтей должны назначаться церковные причетники, а также замѣщаться освобождающіяся мѣста священниковъ и дьяконовъ. Но дѣтей священно-служителей, не состоящихъ на дѣйствительной службѣ, заштатныхъ, а также оказавшихся излишними церковно-служителей и ихъ дѣтей велѣно писать въ подушный окладъ, отдавая въ крѣпостную зависимость вотчиннику того села, въ которомъ они живутъ; если же церковный погостъ расположенъ особо, не въ чьей-нибудь вотчинѣ, то приписывать ихъ къ тому вотчиннику, котораго они изберутъ сами. Слѣдующій указъ, касавшійся того же предмета, изданный въ іюнѣ того же года, смягчалъ эту строгость. Онъ не дѣлалъ крѣпостную зависимость для этой части духовнаго класса столь неизбѣжной, открывая ей пути для избавленія отъ угрожавшей неволи. Онъ давалъ ей возможность болѣе широкаго выбора того состоянія, къ которому она могла бы примкнуть, предоставляя право заштатнымъ причетникамъ и дѣтямъ заштатнаго духовенства записываться въ посадъ, въ ремесленные люди, записываться за помѣщика, приписываться къ обществамъ государевыхъ и церковныхъ крестьянъ, зачисляться въ «служебники» въ архіерейскіе дома и монастыри, поступать въ военную или гражданскую службу, словомъ, избирать себѣ какую угодно профессію, лишь бы только не шататься безъ службы и не быть въ гулящихъ людяхъ, «понеже», какъ говорилъ указъ, «отъ таковыхъ, которые шатаются безъ службъ, государственной пользы надѣятися не можно, но токмо умножается воровство». Вскорѣ синодомъ былъ выработанъ точный штатъ духовенства для соборовъ и приходскихъ церквей, который долженъ былъ нормировать количество духовенства, неподлежавшаго подушному окладу. Но штатъ далеко не все предусматривалъ. Въ тамбовской и шацкой провинціяхъ оказались священники и дьяконы во вновь основавшихся поселкахъ, но не при церквахъ, которыми эти поселки еще не успѣли обзавестись, а при часовняхъ, замѣнявшихъ церкви, и переписчикъ азовской губерніи Мякининъ не зналъ, считать ли ихъ дѣйствительными, или заштатными, склоняясь къ первому; сенатъ однако приказалъ записать дѣтей ихъ въ подушный окладъ. Во всѣхъ этихъ колебаніяхъ одно первоначальное правило соблюдалось твердо и неизмѣнно: санъ священника и дьякона избавлялъ носившее его лицо отъ подушнаго оклада. Но практика создала совершенно неожиданное противорѣчіе этому правилу. Церковные причетники, оставшіеся за штатомъ, были положены въ подушный окладъ, а потомъ нѣкоторые изъ нихъ были посвящены въ санъ дьякона и священника, и такимъ образомъ оказались священно-

служителями, на которыхъ падала подушная. Отсюда новые вопросы сенату, который рѣшилъ такихъ священно-служителей всетаки не выключать изъ подушнаго оклада, но на будущее время запретилъ архiереямъ посвящать людей, внесенныхъ въ окладъ [1]).

Эти примѣры съ достаточной наглядностью показываютъ, какъ перепись приводила въ движенiе законодательство и какъ ея слѣдствiемъ была переработка сословнаго строя общества. Вообще, перепись 1718—27 гг. не была простымъ фискально-статистическимъ предпрiятiемъ. Она не ограничивалась только регистрацiей плательщиковъ подати, но и сама создавала этихъ плательщиковъ. Она скорѣе напоминала собою старые смотры и «разборы», чѣмъ податныя переписи. Подобно тому, какъ на этихъ разборахъ разныхъ группъ служилаго общества правительственныя комиссiи перебирали весь наличный составъ служилыхъ людей, однихъ исключая изъ службы, другихъ, напротивъ, включая въ нее, переписныя канцелярiи 1722—27 гг. производили такой же разборъ русскаго общества, только предпринятый въ болѣе широкихъ размѣрахъ; онѣ пересмотрѣли всѣ многочисленные и подчасъ мелкiе составные элементы этого общества съ цѣлью распредѣлить ихъ по двумъ обширнымъ категорiямъ: службы и платежа податей. Реформа не хотѣла знать никакихъ срединъ, рѣзко раскалывая общество на двѣ части, на каждую изъ которыхъ она возлагала свою повинность: службу или платежъ подушной. Перепись и должна была зарегистрировать и ясно опредѣлить составъ послѣдней изъ этихъ группъ. Все, что служило въ военной или приказной службѣ, не вносилось въ перепись и не платило подушной. Все, что не служило, должно было ее платить и заносилось въ перепись. Перепись поэтому иногда рѣшала, какъ судьбу цѣлыхъ общественныхъ группъ, такъ и отдѣльныхъ личностей. Такъ, напр., во время переписи одна старинная группа дворянства, архiерейскiя дѣти боярскiя, очутилась подъ знакомъ вопроса, быть ей въ дворянствѣ или попасть въ податное состоянiе. Ихъ стали было вносить въ сказки, и только въ 1722 г. сенатъ предписалъ выключить изъ оклада тѣхъ изъ нихъ, которые могли доказать свое шляхетство отъ дѣда. Подобныя рѣшенiя были тѣмъ болѣе важны, что занесенiе въ податную категорiю было часто сопряжено съ утратою личной свободы. Переписныя канцелярiи не были только статистическими комитетами; онѣ дѣйствовали, какъ судебныя учрежденiя, разсматривая иски о личной свободѣ. Онѣ, занося въ окладъ, лишали

[1]) П. С. З. №№ 3481, 3802, 3901$_8$, 3932, 4035, 4072, 4186, 4627, 4802.

свободы прежде свободныхъ людей, отдавая ихъ въ крѣпостную зависимость; онѣ же освобождали изъ неволи лицъ, попавшихъ въ нее путемъ насилія [1]).

Итакъ, не ограничиваясь простою регистраціей плательщиковъ подати, перепись производила значительную соціальную перестройку, приписывая къ подушному окладу цѣлыя общественныя группы. Но и этимъ ея дѣло еще не оканчивалось. Она должна была не только привлечь къ тяглу элементы, прежде отъ него свободные, но также имѣла задачей принять мѣры къ обезпеченію исправности подушнаго платежа въ дальнѣйшемъ. Для этого переписныя канцеляріи рѣшали вопросы о мѣстѣ жительства разныхъ группъ населенія и отдѣльныхъ лицъ и притомъ не только приписывали ихъ къ опредѣленному мѣсту, гдѣ они подлежали платежу налога, но и сопровождали эту приписку дѣйствительнымъ переселеніемъ ихъ на назначенное мѣсто. Съ другой стороны, онѣ очищали тяглое общество отъ попадавшихъ въ него нетяглыхъ элементовъ, мѣшавшихъ первому исправно отбывать свое тягло, удаляя, напр., изъ посадовъ служилыхъ людей, которые, заведя тамъ торговлю и конкуррируя съ торговцами изъ посадскихъ, понижали пла-

[1]) П. С. З. № 3901_9. Дѣл. сен. кн. 688, л. 99—156. п. 19. Дѣла елатомск. у. суда, оп. III, passim, напр., д. 36. Переписчикъ шацкой провинціи разсматриваетъ дѣло по жалобѣ посадскаго человѣка на помѣщика, который записалъ его за собою дворовымъ человѣкомъ. Въ переписную канцелярію азовской губерніи въ 1722 г. данковскіе однодворцы три брата Тоушевы подали челобитную, въ которой заявляли, что ихъ дѣдъ служилъ рейтарскую службу по городу Данкову. Отца ихъ, оставшагося малолѣтнимъ сиротой взялъ къ себѣ въ помѣстье нѣкій М. Реневъ и женилъ на своей вольноотпущенной. По смерти отца и матери челобитчики продолжали жить въ томъ же помѣстьѣ, пока одинъ изъ потомковъ М. Ренева не продалъ ихъ помѣщику А. Щепотьеву, какъ своихъ старинныхъ дворовыхъ людей. Братья просили опредѣлить ихъ попрежнему въ службу по г. Данкову и отъ Щепотьева освободить. Очевидно, что дѣйствія переписной канцеляріи были удобнымъ моментомъ для предъявленія подобныхъ исковъ, и если бы она записала челобитчиковъ за Щепотьевымъ въ окладъ, то тѣмъ самымъ рѣшила бы для нихъ вопросъ о свободѣ. Переписная канцелярія принимаетъ искъ, наводитъ справки въ разборныхъ книгахъ 1679 и въ переписныхъ 1710 г., на которыя, очевидно, ссылались истцы и, наконецъ, вызываетъ приказчика Ренева, которому даетъ срокъ для предъявленія крѣпостей на истцовъ. Такъ какъ приказчикъ крѣпостей не представилъ, то канцелярія рѣшила дѣло въ пользу истцовъ, объявила ихъ отъ Щепотьева уволенными, предоставивъ ему искать убытки на Реневѣ обыкновеннымъ судебнымъ порядкомъ, и послала къ данковскому земскому комиссару указъ объ исполненіи своего рѣшенія.

тежную способность послѣднихъ. Этими своими чертами законодательство, связанное съ переписью очень напоминаетъ законодательство эпохи царя Михаила и уложенія. То же привлеченіе къ тяглу, то же принудительное прикрѣпленіе къ мѣсту тягла, то же очищеніе тяглаго общества отъ «бѣломѣстцевъ». Эта сторона дѣла вызвала также много недоумѣній и колебаній, много затруднительныхъ вопросовъ, обращенныхъ къ сенату и много неисполнимыхъ предписаній послѣдняго. На рыбныхъ ловляхъ, на казенныхъ и частныхъ винокуренныхъ заводахъ и мельницахъ явились рабочіе изъ дворцовыхъ, синодальныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ безъ паспортовъ. «Ежели оныхъ выслать», спрашиваетъ переписчикъ, «то остановить вышереченные всѣ заводы; а не выслать, какъ ихъ записывать въ тѣхъ селахъ и деревняхъ, гдѣ они жительство имѣли? ибо его тамъ на тяглѣ нѣтъ, и живутъ съ женами и дѣтьми на заводахъ. И ежели вывозить, то на какихъ подводахъ?» На переписчиковъ возлагалось производство общественной перетасовки, бывшей послѣдствіемъ переписи, иногда неисполнимой вовсе, иногда исполнимой лишь въ очень продолжительное время. Въ 1722 г. генералитету велѣно было переписать во всѣхъ губерніяхъ также и ямщиковъ съ ихъ семьями на ямахъ—почтовыхъ станціяхъ,—причемъ переписчики должны были вернуть немедленно на эти ямы всѣхъ тѣхъ ямщиковъ, которые вышли съ нихъ въ дворцовыя или синодальныя волости, или въ городскія слободы, или къ частнымъ вотчинникамъ. Дворцовыхъ крестьянъ, поселившихся въ посадахъ своими дворами, но не записанныхъ въ посадъ, велѣно было выслать въ дворцовыя волости. Переписывавшій азовскую губернію полковникъ Мякининъ доносилъ сенату, что въ городѣ Павловскѣ «слабостью командирскою» допущены до купечества унтеръ-офицеры и солдаты, которые просили приписать ихъ къ купечеству, причемъ сами павловскіе бурмистры показали, что эти военные «достойное имѣютъ купечество». Сенатъ предписалъ однако унтеръ-офицеровъ и солдатъ въ посадъ не писать и торговать имъ запретить, чтобы отъ того купеческимъ людямъ въ торгахъ ихъ помѣшательства не было. Въ особенности много затрудненій, вопросовъ и хлопотъ должно было подняться при переписи южныхъ губерній, куда колонизаціонное движеніе, издавна начавшееся, сносило и осаживало самые разнообразные общественные элементы. Въ кіевской губерніи оказалось много однодворцевъ, пришедшихъ на Украйну изъ великорусскихъ областей. Они вызвали нѣсколько указовъ. Было предписано произвести имъ обстоятельный допросъ, и тѣхъ изъ нихъ, которые сохранили за собою землю въ покинутыхъ областяхъ, велѣно было вернуть на прежнія жилища; тѣхъ же, которые

земель въ покинутыхъ областяхъ не сохранили, надѣлить землею въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ застала перепись, по соглашенію съ провинціальной администраціей. Въ азовской губерніи такихъ пришлыхъ однодворцевъ закрѣпили за собой помѣщики. Ихъ было велѣно освободить изъ этой крѣпостной зависимости, устроить ихъ земельными надѣлами, нарѣзавъ послѣдніе изъ помѣщичьихъ земель, и запретить имъ работать на помѣщиковъ или платить имъ повинности; тѣмъ же изъ этихъ однодворцевъ, которые пожелали бы вернуться на прежнія жилища или поселиться на другихъ мѣстахъ, вмѣсто земельнаго надѣла выдавать по 50 руб. на человѣка, взыскивая эти деньги съ закрѣпившихъ ихъ помѣщиковъ. Такимъ образомъ, на переписчиковъ возлагалось также и хозяйственное устроеніе нѣкоторыхъ общественныхъ группъ. Они же должны были изслѣдовать самые крѣпостные документы, по которымъ прежде свободные однодворцы оказывались въ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ, и, если бы эти документы найдены были подложными, подвергать помѣщиковъ наказанію. Иногда въ южныхъ губерніяхъ пришлое населеніе въ посадахъ слѣдовало записать тамъ, гдѣ его находилъ переписчикъ. Но иногда переписчикъ долженъ былъ производить цѣлыя переселенія. Такъ, въ 1724 г. въ азовской губерніи было предписано изъ г. Острогожска русскихъ людей вывесть въ Коротоякъ, а изъ Коротояка казаковъ черкасскихъ перевести въ Острогожскъ. Въ астраханской губерніи селились пришельцы изъ великороссовъ и малороссовъ; послѣднихъ разрѣшено было оставить на мѣстѣ, а первыхъ было велѣно выселить на прежнія жилища. Понятно, какъ трудно было иной разъ переписчику разобраться въ той пестрой смѣси общественныхъ частицъ, какую ему приходилось встрѣчать въ этихъ только что заселявшихся мѣстностяхъ, когда онъ долженъ былъ сортировать эти частицы по ихъ племеннымъ, соціальнымъ и хозяйственнымъ признакамъ и когда онъ находилъ какихъ-нибудь «старожильцевъ», которые ровно ничего не могли припомнить о себѣ, откуда и когда они пришли на занятыя ими мѣста, или такихъ новыхъ пришельцевъ, которые укрывались здѣсь отъ крѣпостной неволи, отъ военной службы или тягости налога и которые никакихъ показаній дать о себѣ не хотѣли. Много труда испыталъ переписчикъ нижегородской провинціи, когда пришлось приводить въ извѣстность населеніе, укрывшееся отъ суеты міра въ раскольничьихъ скитахъ въ глубинѣ ея лѣсовъ. Но, безспорно, всего болѣе хлопотъ доставила переписчикамъ великая русская торговая артерія—Волга. Она гостепріимно ютила массу разнороднаго стекавшагося къ ней люда, давая заработокъ на судахъ; своимъ привольемъ манила къ себѣ свободолюби-

вые но несвободные элементы, своею необъятной далью и ширью защищала все то, что не мирилось съ тяжестью государсгвеннаго порядка, съ воеводой и судьей, съ помѣщикомъ, переписчикомъ и сборщикомъ податей, успокаивая наболѣвшее горе и смягчая озлобленный протестъ. У бригадира, назначеннаго переписывать населеніе, которому давала пріютъ Волга, опускались руки передъ неисполнимостью возложенной на него задачи. «Работныхъ людей», сообщаетъ онъ сенату, «переписывали на Волгѣ. Изъ тѣхъ показали многіе о себѣ допросами, что родинъ своихъ и чьихъ они были помѣщиковъ не помнятъ. Также въ томъ числѣ иные показали, что они дворцовые, синодальной команды и помѣщичьи крестьяне. И какъ тѣ работные люди переписаны на стругахъ и прочихъ судахъ, и имъ объявлено, чтобъ они шли въ старыя свои жилища подъ страхомъ смертной казни, дабы никто изъ нихъ не могъ избыть отъ расположенія государственнаго платежа. Но», продолжаетъ переписчикъ, «къ жилищамъ своимъ», какъ явствуетъ изъ полученныхъ имъ донесеній, «они не являются и къ расположенію ихъ числить невозможно, понеже могутъ они сказаться, отбывая отъ платежа и потая прямыя свои жилища и своихъ помѣщиковъ, перемѣняя свои имена. И о такихъ что чинить?» Кажется, этотъ вопросъ такъ и остался безъ сенатскаго отвѣта [1]).

II.

Фискальный характеръ переписи былъ также причиною ея медленнаго хода. Всякая статистика, предпринимаемая съ податными цѣлями, непремѣнно наталкивается на болѣе или менѣе сильное сопротивленіе со стороны плательщиковъ налога, которыхъ она пересчитываетъ. Съ такимъ сопротивленіемъ должна была встрѣтиться и перепись 1718 г. Оно выражалось въ двухъ формахъ: пассивной и активной. Первая заключалась въ томъ, что населеніе «чинилось противно», отмалчивалось, не подавало сказокъ вовсе или затягивало представленіе ихъ до послѣдней возможности. Ландраты, принимавшіе сказки, указывали, какъ на одну изъ причинъ медленнаго хода этого дѣла, на «ослушаніе уѣздныхъ людей», которые не подаютъ сказокъ, несмотря на неоднократныя требованія, и сенатъ въ декабрѣ 1720 г. принуж-

[1]) П. С. З. №№ 4042, 3848, 4026, 4336, 4059, 4000, 4318, 4563, 4335 II, 4373, 4398, 4519. Дѣл. сен. кн. 688, л. 361—376. Описаніе архив. св. синода II, № 853.

денъ былъ издать указъ, грозившій конфискаціей имѣній и взятіемъ къ розыску за такую неподачу. Другою формой противодѣйствія плательщиковъ будущей подати было стремленіе исказить въ свою пользу собираемыя свѣдѣнія, убавивъ, какъ возможно, число податныхъ единицъ, чтобы въ конечномъ результатѣ уменьшить количество налога, тѣмъ болѣе что новую податную единицу, душу, было нетрудно скрыть отъ переписчика, еще гораздо легче, чѣмъ прежній дворъ, который всетаки надо было разбирать или перестраивать для того, чтобы слить два двора въ одинъ. Уже первые указы о переписи предвидятъ возможность утайки душъ и содержатъ достаточное количество угрозъ за такую утайку и землевладѣльцамъ, и вотчинной администраціи: старостамъ, приказчикамъ и выборнымъ, и однодворцамъ[4] и, наконецъ, самимъ переписчикамъ за снисходительное отношеніе къ утаившимъ. Дѣйствительность однако превзошла ожиданія. Несмотря на суровыя угрозы утайка душъ практиковалась повсемѣстно и производилась различными способами. Помѣщики называли крестьянъ дворовыми людьми, что и повело къ ряду послѣдовательныхъ указовъ о включеніи въ перепись одного за другимъ разрядовъ дворовыхъ, пока этотъ путь утайки не былъ совершенно закрытъ резолюціей о переписи всѣхъ дворовыхъ 19 янв. 1723 г. Далѣе, при появленіи переписчиковъ въ уѣздѣ, крестьянъ скрывали отъ нихъ, пряча въ лѣса или усылая на время въ другія деревни. Изъ имѣній въ мѣстностяхъ пограничныхъ съ Польшей, высылали крестьянъ за польскій рубежъ, гдѣ они и проживали время переписи. Укрывали души и сами помѣщики, и сами крестьянскіе міры, иногда даже вопреки помѣщичьему приказу, облекая свои рѣшенія объ утайкѣ душъ въ офиціальную форму приговора сельскаго схода. Сохранившіеся документы рисуютъ намъ изобразительныя картины сценъ, разыгрывавшихся на этихъ сходахъ. Такъ, въ 1721 г. староста одной изъ переяславскихъ вотчинъ кн. Прозоровскаго на допросѣ заявилъ, что утайку душъ учинилъ онъ съ общаго мірскаго совѣту за скудостію, чтобъ податей платить меньше». Въ подтвержденіе этихъ словъ обвиняемый представилъ копію съ приговора сельскаго схода, гласившаго, что переяславской вотчины князя А. Прозоровскаго разныхъ деревень мірскіе люди, собравшись въ деревнѣ Старовѣ на схожемъ дворѣ въ числѣ 59 человѣкъ, сказали: «по указу де помѣщика ихъ велѣно писать мужескъ полъ до сущаго младенца, и они де мірскіе люди приговорили: дворовое число сводить по разсмотрѣнію малолѣтнихъ, а въ семьянистыхъ убавливать по два и по человѣку», пріемъ несовсѣмъ для насъ ясный, но имѣвшій цѣлью убавку показываемаго числа душъ. Въ заключеніе міръ занесъ въ при-

говоръ обязательство въ случаѣ, если убавка будетъ обнаружена, старосту «очищать всѣмъ міромъ и ни въ какое истязаніе не доставить». Другой выборный той же вотчины показывалъ, что онъ уговаривалъ старосту на сходѣ мірскихъ людей не слушать и писать всѣхъ, но за это на него «всѣмъ міромъ вознегодовали» и стали его бранить, такъ что онъ принужденъ былъ удалиться со схода. Въ результатѣ всѣхъ способовъ утайки % утаенныхъ душъ достигалъ значительной величины. Въ шести губерніяхъ: петербургской, московской, нижегородской, кіевской, азовской и смоленской по первоначально поданнымъ сказкамъ значилось всего 2.584.462 души. Къ концу 1721 г. было здѣсь еще найдено сверхъ сказокъ 452.444 души. Но военные переписчики въ тѣхъ же губерніяхъ насчитали еще 1.123.056 душъ. Всего, слѣдовательно, сверхъ первоначальныхъ сказокъ было найдено вновь 1.575.500 душъ, что составляетъ 37,8% того ихъ числа, которое было окончательно установлено для этихъ губерній военными переписчиками и равнялось 4.159.962. Въ азовской губерніи разница между итогомъ конца 1721 г. и итогомъ военныхъ переписчиковъ составляла 27,2%, но по отдѣльнымъ провинціямъ % значительно повышался. Въ тамбовской провинція по сказкамъ значилась 101.431 душа. Ревизія генералитета насчитала 157.888, изъ которыхъ только 3.964 души составляли естественный приростъ населенія путемъ нарожденія и иммиграціи за время, протекшее между ревизіей и подачей сказокъ, и 52.493, т. е. 34% всего дѣйствительнаго числа душъ, оказались утаенными въ сказкахъ. Была пропущена цѣлая громадная вотчина Меньшикова г. Раненбургъ съ деревнями съ населеніемъ въ 2.700 душъ м. п. Въ другой провинціи, бахмутской, въ сказки было включено 2.290 душъ. Но какъ ни была рѣдко населена эта провинція, все же это число оказалось слишкомъ вдвое менѣе настоящаго, и ревизія открыла здѣсь еще 2.936 утаенныхъ, т. е. 56% дѣйствительнаго числа [1]).

Такое сильное сопротивленіе переписи, оказанное обществомъ, вызвало со стороны правительства обычныя мѣры, при помощи кото-

[1]) Д. сен. кн. 127, л. 142 и слѣд. passim. Описаніе архива св. синода II, 854. П. С. З. №№ 3687, 3245, 3287, 3901, ст. 3. Д. сен. кн. 224, л. 2 и сл. П. С. З. № 4145, ст. 16: «Приказчики, старосты и выборные объявляютъ съ розысковъ, что утайку чинили съ совѣта тѣхъ вотчинъ всѣхъ крестьянъ. Такимъ крестьянамъ что чинить?» (вопросы ген. Чернышева; законъ раньше говорилъ только о помѣщикахъ и старостахъ, виновныхъ въ утайкѣ, не касаясь схода). Дѣл. сен. кн. 659, л. 666: кн. 695, л. 323. *Милюковъ*, Госуд. хоз., 639. Дѣла сен. кн. 695, л. 196; кн. 688, л. 660.

рыхъ проводилась реформа. Оно стало примѣнять на практикѣ тѣ кары, которыми оно грозило въ указахъ. Примѣненіе это было возложено на и безъ того уже отягченныя работой переписныя канцеляріи и въ свою очередь должно было вызвать у переписчиковъ цѣлый рядъ недоумѣній и затрудненій, такъ какъ съ самаго начала не было регулировано подробнымъ закономъ. И первый указъ Петра о переписи, гласившій, что «кто что утаитъ, то отдано будетъ тому, кто объявитъ о томъ», и слѣдующій за нимъ указъ сената опредѣляли взысканіе за утайку душъ въ достаточной степени энергично для угрозы, но слишкомъ неточно для исполненія, и въ этомъ случаѣ практика также возбуждала рядъ вопросовъ, обращенныхъ къ сенату, и вызвала рядъ указовъ, разрѣшавшихъ отдѣльные случаи и дававшихъ общія указанія. Въ итогахъ этой работы сената, возбужденной переписчиками, складывалось постепенно обширное, очень разчлененное и казуистически развитое законодательство о взысканіяхъ за злоупотребленія при переписи, цѣлый особый отдѣлъ уголовнаго права, въ которомъ вопросъ о лицахъ, несущихъ отвѣтственность за эти злоупотребленія былъ разработанъ съ такою же подробностью, какъ и вопросъ о самыхъ мѣрахъ наказанія. Уже поверхностнаго обзора содержанія этого законодательства достаточно, чтобы убѣдиться въ степени подробности и казуистичности его разработки. Относительно лицъ различалась отвѣтственность самихъ помѣщиковъ отъ отвѣтственности ихъ приказчиковъ и выборной крестьянской администраціи, причемъ въ опредѣленіи первой приняты во вниманіе мѣстонахожденіе помѣщика, его полъ и возрастъ. Законъ устанавливалъ иное отношеніе къ землевладѣльцу, въ имѣніи котораго обнаружена утайка душъ въ томъ случаѣ, если онъ въ этомъ имѣніи жилъ во время переписи, чѣмъ въ томъ, если онъ отсутствовалъ, находясь на службѣ. Былъ разрѣшенъ также вопросъ, выдвинутый практикою, какъ быть и въ томъ случаѣ, когда помѣщикъ во время производства переписи оказывался въ деревнѣ, но былъ тамъ только временнымъ гостемъ, пріѣхавъ туда лишь въ отпускъ со службы, совпавшій именно съ тѣми днями, когда происходила подача сказокъ. Несправедливость отвѣтственности, грозившей землевладѣльцу, хотя бы онъ и жилъ безотлучно въ деревнѣ, но былъ малолѣтнимъ, не могла вскорѣ же не вызвать затрудненій. Указъ 9 января 1723 г. освободилъ отъ взысканій помѣщиковъ до 15-лѣтняго возраста. Указъ 5 ноября того же года понизилъ этотъ возрастной предѣлъ до 10 лѣтъ, а для помѣщиковъ отъ 10 до 17-лѣтняго возраста условіемъ освобожденія отъ отвѣтственности поставилъ явку ихъ на смотръ: назначенная за утайку кара не постигала тѣхъ изъ

нихъ, которые успѣли побывать на смотру, но ее должны были нести тѣ, которые крылись отъ службы, не являясь на смотръ. Дворянскія жены привлекались къ отвѣтственности, если утайка душъ производилась съ ихъ вѣдома въ отсутствіе ихъ мужей. Къ вдовамъ и дочерямъ помѣщиковъ, самостоятельно владѣвшимъ имѣніями по смерти мужей и отцовъ, примѣнялись тѣ же правила, какъ и къ самимъ помѣщикамъ съ тою, однако, разницею, что для дворянскихъ дѣвицъ вмѣняемость была установлена только съ 20-лѣтняго возраста. Кромѣ землевладѣльцевъ за утайку душъ отвѣчали приказчики и старосты имѣній. Прежде всего въ этихъ случаяхъ путемъ допроса подъ пытками слѣдовало выяснить, таили ли они души по приказу помѣщика, или по собственной иниціативѣ. При наличности приказа они отъ наказаній освобождались, но обязаны были представить письменныя доказательства помѣщичьяго распоряженія, причемъ сенату пришлось разрѣшать вопросъ, поднятый переписчиками, о значеніи собственноручнаго письма помѣщика и написаннаго кѣмъ-либо изъ его людей по его порученію. При собственной иниціативѣ различалась утайка вопреки прямому запрещенію помѣщика, что, конечно, отягощало отвѣтственность отъ того случая, когда помѣщикъ такого запрещенія не давалъ. Наконецъ, Петръ долженъ былъ высказаться по вопросу, возбужденному генераломъ Чернышевымъ, объ отвѣтственности старостъ, когда они дѣйствовали съ совѣта всѣхъ крестьянъ и являлись не болѣе, какъ исполнителями рѣшеній сельскаго схода.

Еще съ болѣе дробною казуистикой былъ разработанъ вопросъ о видахъ и мѣрахъ взысканій. Система наказаній, полагавшихся за злоупотребленія при переписи, составляла цѣлую лѣстницу, ступени которой не отличались неподвижностью и постоянно измѣнялись въ изобиліи сыпавшимися одинъ за другимъ указами. Въ этихъ указахъ можно отмѣтить четыре главныхъ условія, которыя вліяли на виды и размѣры наказаній. Ихъ различіе прежде всего опредѣлялось различіемъ соціальнаго положенія виновныхъ. По первому указу Петра помѣщикамъ, уличеннымъ въ утайкѣ, угрожала конфискація съ отдачею доносителю только именно тѣхъ самыхъ душъ, которыя были утаены. Затѣмъ, мѣра наказанія повышается рядомъ указовъ. Указъ сената 22 янв. 1719 г. грозитъ конфискаціей уже вдвое большаго числа душъ сравнительно съ количествомъ утаенныхъ. Инструкція генералитету 1722 г. предписываетъ конфискацію цѣлыхъ селъ и деревень, въ которыхъ оказались бы утаенныя души, съ отдачею ихъ переписчикамъ. Наконецъ, указъ 5 ноября 1723 г. назначаетъ конфискацію всѣхъ имѣній виновнаго помѣщика и, не ограничиваясь имущественнымъ взысканіемъ,

грозитъ ссылкой виновнаго на галеры. Относительно приказчиковъ и выборной вотчинной администраціи указъ сената 22 янв. 1719 г. началъ съ высшей мѣры наказанія, грозя имъ смертной казнью безъ всякой пощады. Но такъ какъ, исполняя эту угрозу, пришлось бы казнить виновныхъ сотнями, то здѣсь дальнѣйшему законодательному развитію оставалось только отступать отъ своего перваго положенія, смягчая его. Инструкція генералитету 1722 г., хотя и включала въ своемъ текстѣ этотъ указъ сената, предписывала однако подвергать виновныхъ приказчиковъ и старостъ только наказанію кнутомъ съ вырѣзываніемъ ноздрей. Указъ 5 ноября 1723 г., различая двѣ категоріи сельской администраціи, грозитъ приказчикамъ политической смертью, а старостамъ и выборнымъ кнутомъ и денежнымъ штрафомъ въ 10 рублей. Для однодворцевъ и инородцевъ установлены были особыя взысканія: нещадный кнутъ и взятіе за каждую утаенную душу въ рекруты не въ очередь лучшаго человѣка изъ того двора, въ которомъ обнаружена будетъ утайка. Вскорѣ для инородцевъ было придумано особое оригинальное наказаніе. Въ 1723 г. переписчикъ казанской губерніи фонъ-Менгденъ сообщалъ сенату ходатайство сотскаго, старостъ и ясачныхъ черемисовъ двухъ волостей казанскаго уѣзда въ числѣ всего 545 человѣкъ, которые, оказавшись виновными въ утайкѣ душъ, просили наказанію ихъ не подвергать, а крестить ихъ въ православную вѣру. Сенатъ не только согласился на ихъ просьбу, но сдѣлалъ при этомъ и общее постановленіе, чтобы на будущее время иновѣрцевъ, виновныхъ въ утайкѣ душъ, избавлять отъ наказанія, если они пожелаютъ креститься. Очевидно, что освобожденіе отъ наказанія было въ этомъ случаѣ лишь слѣдствіемъ крещенія, какъ особая милость по поводу важнаго момента духовнаго перерожденія, но для инородца, принужденнаго выбирать между кнутомъ и крещеніемъ, избраніе послѣдняго было избраніемъ лишь меньшаго зла.

Кромѣ общественнаго положенія на различіе видовъ и степеней взысканій имѣло вліяніе присутствіе умысла. Указы 1718 и 1719 гг. не различали намѣренной утайки душъ отъ случайнаго ихъ пропуска, всегда возможнаго въ подаваемыхъ сказкахъ въ большихъ имѣніяхъ и многолюдныхъ волостяхъ, но практика переписи показала необходимость такого различія. Указомъ 21 сент. 1722 г. было запрещено подвергать розыску приказчиковъ и старостъ, если они объявятъ, что незначительная по размѣрамъ неточность въ показанномъ ими числѣ душъ произошла «безъ вымысла, забвеніемъ». Неумышленная «прописка» душъ всетаки не оставлена была безъ взысканій, но они уже несравненно мягче. По указу 5 ноября 1723 г. помѣщики подверга-

лись за каждую пропущенную въ сказкахъ по неосмотрительности душу штрафу въ 10 рублей. Денежный штрафъ грозилъ въ такихъ же случаяхъ приказчикамъ и старостамъ. Далѣе, правительство неоднократно давало сроки для добровольнаго заявленія виновными о совершенной ими утайкѣ душъ, и такое раскаяніе вело или къ полному освобожденію отъ наказанія, или, по крайней мѣрѣ, понижало его размѣры. Наконецъ, принято было во вниманіе и самое число непоказанныхъ въ сказкахъ душъ. Генералитетъ былъ отправленъ по губерніямъ въ началѣ 1722 г., но уже въ сентябрѣ того же года сенатъ былъ встревоженъ извѣстіями о томъ, что «за прописку малаго числа людей вездѣ умножились розыски» и предписалъ пріостановить ихъ производство въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ обнаружено малое число утаенныхъ душъ при большомъ количествѣ внесенныхъ въ перепись, и розыскъ былъ дозволенъ только при утайкѣ болѣе 10% всего числа душъ. Впрочемъ, этотъ указъ встрѣтилъ возраженіе со стороны одного изъ переписчиковъ, генерала Чернышева, стоявшаго за крутыя мѣры, и былъ отмѣненъ резолюціей Петра; но эта же резолюція, возстановивъ предварительный розыскъ, смягчила для приказчиковъ и старостъ наказаніе за утайку душъ въ количествѣ менѣе 10%, отмѣнивъ ссылку и вырѣзываніе ноздрей. Количествомъ утаенныхъ душъ стали теперь опредѣляться размѣры конфискаціи для виновныхъ помѣщиковъ: если утаено было 1/3 или болѣе всѣхъ наличныхъ душъ вотчины, тогда конфискаціи подлежали всѣ души; если же менѣе 1/3, то только тѣ именно, которыя были утаены [1]).

Такъ въ общихъ чертахъ развивалось рядомъ указовъ законодательство о взысканіяхъ за утайку душъ, принявшую такіе значительные размѣры. Благодаря подробности и разчлененности этого законодательства, можно было бы и очеркъ его развитія сдѣлать гораздо болѣе подробнымъ. Если бы удалось составить при Петрѣ уголовное уложеніе, то сводъ указовъ о взысканіяхъ при переписи, вѣроятно, вошелъ бы туда въ качествѣ одного изъ крупнѣйшихъ и, быть можетъ, наиболѣе тщательно разработанныхъ отдѣловъ. Разумѣется, что вся эта подробная разработка и развитіе явились далеко не сразу. Онѣ были результатомъ продолжительной совмѣстной дѣятельности государя и сената, работавшихъ въ центрѣ, и переписчиковъ, разосланныхъ по областямъ, и легко представить себѣ, какъ должна была замедлять

[1]) П. С. З. №№ 3245, 3287, 3901, 4139, 4145, 4343, 4211 (отвѣтственность помѣщиковъ, купившихъ деревни съ прописными душами), 3660, 4515 п. 3, 4626, 4267, 4254, 4519 п. 3 (о взысканіяхъ съ духовенства), 4096, 3762.

ходъ переписнаго дѣла вся эта обширная переписка центра съ областями, доклады сената царю, вопросы и недоумѣнія переписчиковъ, ожиданіе указовъ, возраженія на нихъ и ожиданіе новыхъ. Но эта законодательная разработка репрессивныхъ мѣръ, касавшихся переписи интересовала переписчиковъ благодаря тому, что именно на нихъ лежало и самое примѣненіе этихъ мѣръ. Общіе суды были устранены отъ разсмотрѣнія дѣлъ по нарушенію законовъ о переписи, общая полиція отъ исполненія взысканій за такія нарушенія. Эти дѣла разсматривались переписными канцеляріями, и ими же приводились въ исполненіе уголовныя кары. Понятно, какъ эта судебно-полицейская дѣятельность переписчиковъ отвлекала ихъ отъ ихъ прямаго дѣла и какъ она должна была задерживать ходъ переписи. Перепись велѣно было окончить къ декабрю 1723 г. Бригадиръ фонъ-Менгденъ доносилъ, что еще въ началѣ 1723 г. у него была закончена почти вся казанская губернія кромѣ одной провинціи, но, получивъ новый указъ о производствѣ взысканій, онъ вновь разослалъ всѣхъ офицеровъ для розысковъ и наказанія виновныхъ и благодаря этому потерялъ надежду кончить переписное дѣло даже и къ іюлю 1724 г. Въ смоленской губерніи перепись была окончена ранѣе другихъ губерній, въ мартѣ 1724 г., но переписчики офицеры всетаки продолжали тамъ свои дѣйствія, такъ какъ не были окончены дѣла о взысканіи штрафовъ за утайку душъ. Соотвѣтственно обширности обнаруженной утайки душъ преслѣдованія также приняли обширные размѣры. Денежные штрафы предписывалось взыскивать безпощадно подъ страхомъ отписки всѣхъ деревень независимо отъ числа утаенныхъ душъ. Конфискація имѣній грозила разорить такое значительное число дворянскихъ семействъ, что правительство, только что издавъ о ней суровые указы, принуждено было пріостановить ихъ исполненіе и издать нѣсколько смягчающихъ распоряженій, запрещавшихъ офицерамъ переписчикамъ безъ особаго на каждый случай указа вступать во владѣніе подлежавшими конфискаціи и передачѣ въ ихъ собственность имѣніями и выселять изъ нихъ виновныхъ помѣщиковъ и ихъ семейства. Былъ приведенъ въ дѣйствіе весь древне-русскій уголовный арсеналъ. Въ 1721 г. въ центральной переписной канцеляріи Зотова, куда должны были поступать изъ губерній сказки, производился грандіозный розыскъ. Было приведено 127 старостъ и приказчиковъ и изъ нихъ уже подвергнуто пыткѣ 51, да предстояло еще привлечь къ такому же розыску 369 человѣкъ. Но пытки въ центральной канцеляріи были только прелюдіей къ дальнѣйшимъ экзекуціямъ. Старосты и приказчики, оказавшіеся виновными по розыску, должны были быть развезены по своимъ се-

ламъ и деревнямъ и тамъ для устрашенія другимъ подвергнуться наказанію кнутомъ. Съ назначеніемъ переписчиковъ эти розыски децентрализовались, такъ какъ стали производиться на мѣстахъ, и умножились, такъ какъ переписчики открывали все новыя и новыя злоупотребленія. Перепись пріобрѣла кровавый характеръ. Неразлучнымъ спутникомъ переписчика сдѣлался палачъ, и вмѣстѣ съ переписными канцеляріями по всей Россіи усиленно заработали застѣнки. Вотъ примѣры такого рода дѣятельности переписныхъ канцелярій. Въ селѣ Лопаткахъ воронежскаго уѣзда однодворцы сельчане утаили при подачѣ сказокъ 11 душъ. Когда назначена была ревизія сказокъ генералитетомъ, они на сходѣ постановили утайки не открывать; со схода подъ предводительствомъ священника они отправились въ церковь, гдѣ, поцѣловавъ крестъ и евангеліе, присягнули твердо держаться своего рѣшенія, причемъ священникъ обратился къ нимъ съ словомъ увѣщанія не выдавать другъ друга. Переписная канцелярія, разслѣдовавъ дѣло, приговорила: попа Герасима, какъ возмутителя и презирателя указовъ, казнить смертью; девятерыхъ изъ участниковъ схода сослать на каторгу съ вырѣзаніемъ ноздрей. Приговоръ этотъ былъ представленъ на утвержденіе сената, который усилилъ наказанія, наложенныя канцеляріей, предписавъ попа казнить мучительной смертной казнью—«колесовать и, не отсѣкши головы, положить его на колесо», а изъ остальныхъ виновныхъ троихъ также казнить смертью. Переписная канцелярія исполнила приговоръ въ этой измѣненной формѣ, командировавъ для того одного изъ старшихъ своихъ членовъ. Въ великолуцкую провинцію ревизовать сказки въ августѣ 1722 г. былъ назначенъ отъ генерала Волкова полковникъ Стоговъ. Полковникъ вскорѣ же далъ почувствовать всему населенію провинціи свою тяжелую руку. «Будучи во оной провинціи», писалъ о немъ великолуцкій воевода, «чинилъ великія обиды, посылалъ многократно офицеровъ и при нихъ драгунъ и солдатъ по многому числу въ уѣзды въ шляхетскіе домы, и забирали днемъ и ночною порою дворянъ и женъ ихъ и привозили къ нему, Стогову, въ Луки и въ Торопецъ на ихъ лошадяхъ, и держалъ тѣхъ дворянъ и женъ ихъ подъ крѣпкимъ карауломъ въ казармахъ многое время; такожъ забрано было отъ него, Стогова, людей и крестьянъ ста по два и по три человѣкъ, и держались въ казармахъ въ лѣтнее теплое время многія числа подъ жестокимъ карауломъ. И, державъ подъ карауломъ, многихъ дворянъ пыталъ; также изъ людей и крестьянъ многихъ пыталъ же, отъ котораго его за карауломъ многаго числа людей держанія отъ тѣсноты и отъ жестокихъ его пытокъ, какъ шляхетства, такъ людей и крестьянъ безвременно многіе и померли. И отъ

такихъ его, Стогова, обидъ», добавлялъ воевода, «великолуцкой провинціи обыватели пришли въ великій страхъ, бить челомъ и доносить на него не смѣютъ». Сенатъ потребовалъ отъ воеводы болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній, и тотъ представилъ въ извлеченіи 106 жалобъ, поданныхъ ему различными обывателями, потерпѣвшими отъ полковника. Вотъ примѣры: староста вотчины А. Челищева Карпъ Григорьевъ заявлялъ, что присланные отъ полковника Стогова «подпоручикъ да капитанъ съ драгуны и солдаты починили въ селѣ помѣщика его великіе убытки и разореніе, а помѣщицу его держали подъ карауломъ необычно, отъ котораго страху и руганія она, помѣщица его, изъ дому своего ушла, оставя все свое имѣніе». Помѣщикъ Кузьма Нефедьевъ жаловался воеводѣ, что онъ былъ взятъ въ Луки «и держался въ казармѣ многія числа, и въ болѣзни пытанъ жестоко, и въ торговомъ ряду битъ кнутомъ безъ милосердія. А съ нимъ же пытаны дворяне и другіе люди, человѣкъ 30 и больше. А съ нимъ же держалось въ казармахъ подъ карауломъ дворянъ и женъ ихъ, и людей, и крестьянъ человѣкъ съ триста». Вѣроятно, что этотъ дворянинъ, слишкомъ удрученный перенесенной невзгодой, преувеличивалъ цыфру заключенныхъ. По крайней мѣрѣ, воевода въ общемъ итогѣ, приложенномъ въ концѣ своего донесенія сенату, сообщаетъ иныя цыфры, впрочемъ, достаточно характеризующія обстоятельства, при которыхъ производилась перепись. «Отъ него, полковника Стогова», гласитъ этотъ итогъ, «пытано и кнутомъ бито дворянъ—11, изъ оныхъ умре—1; держано въ казармахъ дворянъ—7, изъ оныхъ отъ тѣсноты умре—1; дворянскихъ женъ и дочерей держано—6; людей и крестьянъ пытано и кнутомъ бито—71, изъ оныхъ умре—10; въ батоги бито людей и крестьянъ—14». Полковникъ въ своемъ отвѣтѣ, разумѣется, объяснилъ, что онъ обидъ никому не причинялъ, а дѣлаетъ положенное на него дѣло по данной изъ сената инструкціи, причемъ привелъ свои цыфры: помѣщичьихъ людей и крестьянъ онъ держалъ въ разное время въ заключеніи только сто человѣкъ; держалъ также подъ карауломъ нѣсколькихъ помѣщиковъ и ихъ женъ, виновныхъ въ утайкѣ. Всего же виновныхъ въ утайкѣ душъ въ великолуцкой провинціи онъ насчитывалъ 338 человѣкъ. Онъ соглашался, что изъ заключенныхъ 9 человѣкъ, дѣйствительно, умерло, но признавалъ, что умерли они «изволеніемъ Божіимъ въ болѣзняхъ своихъ», а не отъ тѣсноты и пытокъ. Если истина лежитъ здѣсь не въ серединѣ между показаніемъ воеводы и отвѣтомъ переписчика, а всецѣло въ послѣднемъ, то и тогда приводимыя имъ цыфры краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о тѣхъ пріемахъ и средствахъ, которыми ревизія находила пропущенныя въ первоначальныхъ сказкахъ

души, о томъ, чего она стоила населенію и какую массу работы сверхъ переписи налагала на переписчиковъ [1]).

Итакъ, ревизія душъ не была простою статистическою регистраціей податнаго населенія, и роль переписчика не ограничивалась простымъ занесеніемъ податныхъ единицъ въ графы переписныхъ вѣдомостей. Его работа была гораздо сложнѣе. Прежде всего ему приходилось заняться соціальными изслѣдованіями, оріентироваться въ запутанномъ, нестройномъ и сложномъ составѣ общества и выдѣлить его податныя частицы. Но онъ не останавливался только на изслѣдованіи. На немъ лежала и творческая работа въ соціальномъ строѣ; онъ создавалъ податныя частицы, распредѣляя населеніе по категоріямъ той или другой государственной повинности. Далѣе, формируя податной классъ, онъ долженъ былъ принять мѣры къ обезпеченію уплаты имъ подати; для этого онъ передвигалъ податные элементы съ одного мѣста на другое, устраивалъ ихъ хозяйственное положеніе, надѣляя землею пришельцевъ на новыя мѣста, и ограждалъ ихъ платежную способность, устраняя отъ нихъ тѣ общественныя группы, которыя могли этой способности повредить. Ему приходилось заниматься нерѣдко рѣшеніемъ отдѣльныхъ юридическихъ казусовъ, какими были вопросы о личной свободѣ, возникавшіе при переписи, такъ какъ переписная книга была актомъ, утверждавшимъ крѣпостное состояніе. Фискальный характеръ переписи повелъ къ утайкѣ податныхъ единицъ со стороны населенія, и на переписчика возложена была обязанность обнаруживать эти невѣрныя показанія и затѣмъ выступать въ роли слѣдователя, судьи и исполнителя взысканій за утайку. Эта столь осложнившаяся дѣятельность переписчиковъ не была и не могла быть предусмотрѣна заранѣе во всемъ ея объемѣ и предуказана имъ инструкціями во всѣхъ ея частностяхъ; поэтому на каждомъ шагу своей работы переписчикъ испытывалъ сомнѣнія и искалъ авторитетнаго руководства у сената. Разрѣшеніемъ тѣхъ многочисленныхъ вопросовъ, съ которыми переписчики обращались къ сенату, незамѣтно создавалось цѣлое обширное соціальное и уголовное законодательство, которое и должно было направлять дальнѣйшій ходъ переписи. Понятно, какъ медленно могла двигаться перепись, начатая такими лаконическими указами, какъ указы 26 ноября 1718 и 22 янв. 1719 г., и такъ осложнившаяся впослѣдствіи, въ которой ничего не было подготовленнаго заранѣе и ру-

[1]) Дѣл. сен. кн. 701, л. 432; кн. 711, л. 292. П. С. З. №№ 4343, 4528. Д. сен. кн. 688, л. 345—346, л. 356—359, л. 1487—1512; кн. 659, л. 666; кн. 688, л. 99—156$_{21}$; кн. 224, л. 2 и слѣд.

ководящія начала которой создавались уже во время самаго ея производства послѣ многихъ противорѣчій и колебаній. Медленность ея движенія была также слѣдствіемъ и тѣхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, среди которыхъ она осуществлялась, и тѣхъ чисто техническихъ препятствій, съ которыми она встрѣтилась. Прежде всего самое ея начало—подача сказокъ, шло медленно, потому что совпало какъ разъ съ реформой областной администраціи, съ тѣмъ моментомъ, когда упразднялись доли и вводились провинціи, когда ландраты, правившіе этими долями, замѣнялись новымъ сложнымъ составомъ провинціальнаго управленія. Губернаторы, обязанные наблюдать за ландратами въ сборѣ сказокъ, жаловались на ихъ неисправность; въ свою очередь ландраты оправдывались множествомъ лежавшихъ на нихъ дѣлъ, другими отвлекавшими ихъ отъ переписи занятіями, недостаткомъ находившагося въ ихъ распоряженіи приказнаго персонала и сопротивленіемъ, которое оказывалось переписи со стороны населенія. Какъ разъ во время этого сбора сказокъ ландраты, получавшіе назначенія на новыя должности въ преобразованномъ провинціальномъ управленіи, должны были разъѣзжаться на свои новыя мѣста. Многіе ландраты бросали перепись и отправлялись на новую службу. Съ 1722 г. началась провѣрка сказокъ военными переписчиками. Но ко времени ихъ пріѣзда многое измѣнилось сравнительно съ данными сказокъ. Нѣкоторое количество населенія прибыло путемъ рожденія. Нѣкоторое количество его успѣло умереть. Въ иныхъ мѣстностяхъ переписчики нашли совершенно опустѣвшія деревни, которыя по сказкамъ еще значились населенными. Добрая доля внесеннаго въ сказки населенія передвинулась изъ однихъ областей въ другія, и появились новые поселки, о которыхъ не было сказокъ. Все это создавало цѣлый рядъ препятствій для провѣрки сказокъ, и вмѣсто провѣрки приходилось начинать перепись съизнова. Добываніе статистическихъ данныхъ осложнялось перепиской между собою отдѣльныхъ переписныхъ канцелярій, неизбѣжно медленной при тогдашнихъ средствахъ сообщенія. Обработка этихъ данныхъ затруднена была отсутствіемъ общей однообразной формы переписныхъ вѣдомостей; такая форма была выработана только въ 1724 г., и переписчикамъ пришлось передѣлывать по ней уже оконченную работу. Перепись задерживалась, далѣе, недостаткомъ личныхъ и матеріальныхъ средствъ. Несмотря на то, что переписныя канцеляріи поглотили такую значительную часть офицерскаго контингента полковъ, стоявшіе во главѣ канцелярій генералы жаловались на недостатокъ, ощущавшійся въ переписчикахъ. Денегъ также не хватало. Переписныя канцеляріи терпѣли нужду въ бумагѣ и не знали, на какія средства ее покупать.

Производство переписи и взысканій, которыми она сопровождалась, требовало постоянныхъ разъѣздовъ, но брать подводы съ населенія безъ уплаты прогоновъ было запрещено, а на уплату ихъ никакихъ суммъ ассигновано не было. Со всѣми такого рода жалобами и вопросами переписчики осаждали сенатъ, и дѣло, разумѣется, стояло до ихъ разрѣшенія. Какъ увидимъ ниже, дѣло переписи должно было нерѣдко останавливаться также и потому, что правительство все болѣе и болѣе отвлекало переписчиковъ совершенно посторонними порученіями административнаго характера, пользуясь ими, какъ удобными исполнителями въ областяхъ. Наконецъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что на переписчиковъ 1722 г. были возложены уже при самомъ ихъ назначеніи не одна задача, а двѣ: переписныя канцеляріи должны были не только провѣрить сказки, но и расположить полки на души. Первое дѣло не было еще вполнѣ закончено, какъ уже началось второе. Правительство торопило съ обоими, пришлось исполнять ихъ оба заразъ, и это вредило ходу того и другаго [1]).

III.

Предписавъ въ исходѣ ноября 1718 г. предпринять поголовную перепись податнаго населенія и окончить ее въ теченіе года, Петръ первоначально разсчитывалъ съ 1720 года уже приступить къ расположенію армейскихъ полковъ на податныя души и расквартированію ихъ въ мѣстахъ ихъ расположенія. Однако разсчеты не осуществились, и начать эти операціи въ предположенный срокъ не пришлось. Кромѣ того по мѣрѣ хода переписи выяснялось, что дѣло расположенія и расквартированія не будетъ такъ просто, какъ оно первоначально казалось, и рѣшено было сначала сдѣлать предварительный опытъ въ небольшихъ размѣрахъ, ограничивъ его двумя полками. Въ январѣ 1721 г. былъ командированъ въ новгородскую провинцію генералъ-майоръ Волковъ, которому поручалось расположить въ новгородскомъ уѣздѣ одинъ пѣхотный и одинъ драгунскій полкъ. Въ качествѣ помощниковъ ему назначалось по половинѣ штабъ и оберъ-офицеровъ отъ каждаго изъ этихъ полковъ. Пріѣхавъ на мѣсто назначенія, онъ долженъ былъ созвать мѣстное дворянство, разъяснить ему новый по-

[1]) Дѣл. сен. кн. 127, лл. 47, 73, 91, 142, 159, 222; кн. 191, л. 257. П. С. З. №№ 4485_7, 4515_2, 4563_{4-5}, 4413, 3919. Дѣл. сен. кн. 701, л. 432; кн. 688, л. 361—377.

рядокъ содержанія арміи, указать размѣръ и установить сроки подушнаго платежа, организовать выборы земскихъ комиссаровъ для собиранія этого платежа и предоставить дворянамъ рѣшить вопросъ, будутъ ли они строить для житья солдатамъ особыя слободы, или предпочтутъ размѣстить ихъ по крестьянскимъ дворамъ.

Сохранились документы, дающіе возможность прослѣдить подробно ходъ этого опыта. Волковъ выѣхалъ изъ Петербурга, снабженный инструкціей, послушными указами къ новгородской провинціальной администраціи о помощи ему во всемъ, въ чемъ встрѣтится нужда, и обильнымъ количествомъ необходимаго переписнаго матеріала: подлинными сказками изъ канцеляріи Зотова, съ которыхъ тамъ были оставлены копіи, переписными книгами и перечневыми табелями. Но ему не было вручено самаго главнаго, именно тѣхъ цыфръ, которыя должны были служить базисомъ расположенія. Чтобы начать расположеніе, необходимо было знать, на сколько душъ надо было положить годовое содержаніе каждаго полка. Чтобы знать, на сколько душъ придется это содержаніе, необходимо было установить двѣ цыфры: во-первыхъ, цыфру ежегоднаго расхода на полкъ; во-вторыхъ, цыфру податнаго оклада съ души. Послѣдняя и не была еще вычислена, когда отправляли Волкова. Она должна была опредѣлиться, какъ частное отъ дѣленія числа рублей, которое шло на содержаніе всей арміи на число податныхъ душъ, насчитанныхъ переписью; но перепись, какъ мы уже знаемъ, давала очень неточные результаты, и ея итоги долго не могли быть установлены. Правда, въ январѣ 1721 г. въ канцеляріи Зотова итогъ переписи опредѣлялся въ 4.035.630 душъ, однако эта цыфра настолько не внушала къ себѣ довѣрія, что сенатъ не рѣшился принять ее для вычисленій. Только въ мартѣ могло быть дано указаніе Волкову въ отвѣтъ на его запросы о размѣрѣ подушнаго оклада. Къ 1 марта итогъ, представленный Зотовымъ, уже значительно повысился, дойдя до 4.135.290 душъ, и это число было взято для вычисленія подушнаго оклада. Такъ какъ стоимость содержанія арміи равнялась четыремъ милліонамъ рублей, то участіе въ этомъ расходѣ каждой податной души опредѣлилось въ размѣрѣ 4/4,135=0,97 руб. Этимъ размѣромъ оклада въ 97 к., или въ 32 алт. 2 деньги и было предписано руководиться Волкову [1]).

[1]) П. С. З. № 3720: инструкція Волкову. Дѣла сената, кн. 659, л. 633: доношеніе сенату ген.-м. Волкова, полученное 3 марта 1721 г.: «Сего настоящаго 1721 г. генв. 27 дня по именному е. ц. в. указу за подписаніемъ е. в. собственной руки велѣно мнѣ ѣхать въ Новгородъ и во онаго уѣздъ для расположенія кон-

Получивъ этотъ ключъ къ рѣшенію задачи, послѣдній принялся за работу и къ августу представилъ сенату свои соображенія. По сказкамъ, выданнымъ ему изъ канцеляріи Зотова, въ новгородскомъ уѣздѣ числилось 129.232 души. По первой же провѣркѣ, предпринятой Волковымъ, было найдено еще 35.506 душъ (21% ихъ дѣйствительнаго числа) и всего, слѣдовательно, въ этомъ уѣздѣ оказалось 164.738 душъ. Такъ какъ годовое содержаніе солдатскаго полка обходилось казнѣ въ 37.499 р. 78 к., а драгунскаго—въ 44.596 р. ½ к. то при окладѣ въ 97 к. съ души на первый—требовалось 38.659 душъ съ дробями, а на второй—45.975 душъ съ дробями. Слѣдовательно, въ душахъ новгородскаго уѣзда за расположеніемъ тамъ двухъ полковъ долженъ былъ оставаться значительный излишекъ [1]).

Въ то же время Волковъ открылъ переговоры и съ новгородскими землевладѣльцами. Созвавъ ихъ на съѣздъ къ 11 марта, онъ сдѣлалъ имъ нужныя заявленія. Интересенъ составъ этого съѣзда. Хотя инструкція Волкову предписывала созвать только дворянство, въ составъ съѣзда на дѣлѣ входилъ не одинъ только этотъ общественный классъ. Всего собралось 28 лицъ; въ ихъ числѣ было 12 представителей церковнаго землевладѣнія: судья архіерейскаго дома, архимандриты, игумены, келари и строители монастырей. Дворянство было представлено очень слабо, и Волковъ жаловался, что знатное дворянство не послушалось, указамъ оказалось противно, на съѣздъ не пріѣхало, и спрашивалъ сенатъ, какъ наказывать такихъ ослушниковъ.

наго и пѣхотнаго полковъ по наличнымъ душамъ. А на сколько душъ, какъ драгуна, такъ и солдата опредѣлять и по скольку съ души имать положеннаго денежнаго числа окладныхъ денегъ, того въ данномъ мнѣ указѣ не означено»; л. 636: разсчеты сената: «ежели разложить армейскіе и гварнизонные 4 милліона по нынѣшней вѣдомости на 4.135. 290 душъ (насчитанныхъ канцеляріей Зотова по 1 марта 1721 г.), и имется съ человѣка по 32 алт. 2 деньги. И сверхъ 4 милліоновъ будетъ лишку 11.231 р. 30 к.... 1721 г. марта 5, правит. сен. приказали: ген.-м. Волкову въ Новгородѣ и въ новгородскомъ уѣздѣ армейскіе драгунскій и пѣхотный полки расписывать по душамъ, какъ ему именной ц. в. указъ повелѣваетъ, считая противъ вышеписанной росписки муж. пола по 32 алтына, по 2 деньги съ каждаго человѣка». Замѣтимъ, что этотъ размѣръ оклада превышалъ первоначальныя предположенія Петра, который «генваря 15 дня 1720 г. въ сенатѣ изволилъ говорить: дабы по собраніи о душахъ вѣдомостей на каждую душу денежныхъ сборовъ выше 8 гривенъ и ниже полтины въ годъ не класть». Д. Сен. кн. 659, л. 598.

[1]) Дѣла сен. кн. 379, л. 177. «Табель о расположеніи на драгунскій и пѣхотный полки новгородскаго уѣзду душъ».

Прибыло всего только 16 дворянъ, да и изъ этихъ семеро принадлежали къ составу провинціальной администраціи; это были: оберъ-ландрихтеръ, асессоръ нижняго суда, камериръ, рентмейстеръ, провіантмейстеръ и двое комиссаровъ. Такимъ образомъ, этотъ съѣздъ былъ не дворянскимъ, а скорѣе земскимъ собраніемъ, представлявшимъ оба крупные вида землевладѣнія. На одномъ изъ слѣдующихъ подобныхъ собраній, созванныхъ по тому же дѣлу, засѣдалъ также и представитель третьяго вида землевладѣнія, дворцоваго, въ лицѣ управляющаго дворцовою волостью. Съѣздъ началъ дѣятельность съ просьбы отложить срокъ, данный ему для представленія отвѣта на предложенія Волкова до 15 марта, обѣщая «обо всемъ совѣтовать», но подалъ этотъ отвѣтъ еще позже—18 марта. Землевладѣльцы согласны были построить для полковъ особыя квартиры, но не считали удобнымъ строить ихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ предлагалъ Волковъ — по берегу озера Ильменя, указывая на то, что эта мѣстность покрыта песками, болотами и дрябями, бываетъ затоплена весеннимъ разливомъ, и предложили другія земли, именно по рѣкамъ Верендѣ и Веряжѣ, впадающимъ въ Ильмень, берега которыхъ изобиловали покосами, пастбищами и лѣсомъ. Можно однако думать, что главнымъ мотивомъ такой перемѣны были иныя соображенія: по этимъ рѣкамъ были расположены церковныя, дворцовыя и казенныя земли, на которыя дворянство, игравшее всетаки главную роль на съѣздѣ, и желало перенести всю тяжесть проектируемыхъ военныхъ поселеній; духовенство, впрочемъ, дѣйствовало согласно съ дворянствомъ и подписало рѣшеніе съѣзда. Къ отводу земель для квартиръ, какъ и для постройки послѣднихъ, съѣздъ избралъ 10 особыхъ комиссаровъ, по два отъ каждой пятины. Какъ видится, съ тяжелымъ чувствомъ выслушали землевладѣльцы указъ о расположеніи полковъ и съ большой неохотой приняли всѣ эти рѣшенія. Согласившись «со всеусердіемъ», какъ они заявляли, и скрѣпя сердце, какъ вѣроятно было на самомъ дѣлѣ, отвести земли и строить квартиры, они всетаки заявили, что всего лучше было бы размѣстить пѣхотный полкъ въ самомъ городѣ, въ старинной солдатской слободѣ, а драгунскій невдалекѣ отъ города на порозжей землѣ, что избавило бы отъ расходовъ на пріобрѣтеніе земли подъ полковыя слободы. Свое ходатайство съѣздъ заключалъ просьбой продолжить указанный инструкціей двухлѣтній срокъ, данный для постройки квартиръ. 29 марта Волковъ передалъ эти постановленія съѣзда въ военную коллегію, откуда получилъ указъ продолжать порученное ему дѣло, не обращая вниманія на затрудненія, указанныя мѣстнымъ обществомъ. Тогда съ выбранными съѣздомъ комиссарами онъ отвелъ земли для по-

селенія полковъ именно тамъ, гдѣ онъ намѣтилъ ихъ раньше и гдѣ съѣздъ находилъ это поселеніе такъ неудобнымъ: подъ драгунскій полкъ по рѣкамъ Шелони и Ловати у озера Ильменя, подъ пѣхотный по рѣкѣ Волхову. Окончивъ отводъ земель къ январю 1722 г., онъ отдалъ приказъ комиссарамъ приступить къ постройкѣ квартиръ съ тѣмъ, чтобы окончить ее въ два года, т. е. къ началу 1724 г. Въ апрѣлѣ 1722 г. онъ лично докладывалъ о ходѣ дѣла Петру, который согласился сдѣлать облегченіе мѣстнымъ жителямъ, увеличивъ первоначальный двухгодичный срокъ постройки еще на годъ. Началась заготовка необходимаго строительнаго матеріала, и въ іюнѣ 1722 г. комиссары донесли, что для постройки собрано съ крестьянъ уѣзда 32.311 бревенъ. Въ началѣ 1723 г. былъ назначенъ новый съѣздъ дворянства и духовенства для установленія платы за отведенные подъ полки земельные участки тѣмъ землевладѣльцамъ, которымъ они принадлежали, и среди которыхъ оказались и архіерейская каѳедра, и монастыри. Но ко времени этого съѣзда новгородское дворянство на опытѣ могло почувствовать ту тяжесть, какою ложилась на него постройка квартиръ для полковъ и которую оно предвидѣло. Въ февралѣ 1723 г. оно обратилось къ Волкову съ новою просьбой, и опять ходатайствовало о разрѣшеніи особыхъ квартиръ не строить, а размѣстить солдатъ по крестьянскимъ дворамъ. Такъ какъ генералъ на отрѣзъ отказался принять эту просьбу, ссылаясь на постановленія перваго съѣзда, одобренныя государемъ и уже приводимыя въ исполненіе, то дворянство направило ее въ сенатъ (въ іюнѣ 1723 г.). Какъ на мотивы челобитья дворянство указывало на дороговизну земель, отведенныхъ подъ постройки, выкупъ которыхъ долженъ былъ лечь на него тяжелымъ бременемъ, на дороговизну самой постройки, которая должна была стоить около 22.170 рублей за 909 избъ для драгунскаго и 672 избы для солдатскаго полка, и, наконецъ, на печальное хозяйственное положеніе провинціи, сильно разстроенное бѣдствіями, понесенными въ теченіе шведской войны и заставившими населеніе придти «во всеконечную скудость и брести врознь». Просьба была подписана тринадцатью лицами, причемъ дворянство въ этомъ случаѣ дѣйствовало уже безъ духовенства. Въ своемъ заключеніи, данномъ по поводу этого ходатайства, Волковъ высказалъ совсѣмъ противоположные взгляды: онъ настаивалъ на необходимости строить отдѣльныя квартиры, не видѣлъ никакой тягости отъ этого населенію и пессимистическое настроеніе дворянства объяснялъ постигшимъ въ этомъ году новгородскую провинцію недородомъ хлѣба. Согласившись съ его мнѣніемъ, сенатъ оставилъ ходатайство дворянъ безъ удовлетворенія и предпи-

салъ Волкову исполнять данную ему инструкцію. Итакъ, въ декабрѣ 1723 г., когда состоялось это сенатское рѣшеніе, опытъ, предпринятый въ новгородской провинціи далеко еще не былъ законченъ, и самая постройка квартиръ для двухъ полковъ къ тому времени, къ которому по первоначальному предположенію она уже должна была окончиться, еще не начиналась [1]).

Понятно, что общее расположеніе полковъ на души и расквартированіе ихъ по всей Россіи въ мѣстахъ ихъ расположенія должно было встрѣтить еще большія затрудненія и пойти еще менѣе быстро. Для осуществленія этой грандіозной операціи необходимо было рѣшить три задачи: во-первыхъ, составить предварительный общій планъ расположенія, разсчитавъ, какіе полки въ какихъ губерніяхъ и провинціяхъ должны быть расположены по числу находящихся тамъ душъ; во-вторыхъ, слѣдовало съ помощью мѣстнаго общества построить необходимыя для полковъ зданія и, наконецъ, въ третьихъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда полки должны были быть расквартированы въ мѣстахъ ихъ расположенія на души, передвинуть ихъ туда въ построенныя для нихъ «вѣчныя квартиры». Намъ и предстоитъ теперь познакомиться съ тѣмъ, какъ разрѣшались эти три задачи.

Первый общій планъ расписанія полковъ по губерніямъ былъ составленъ въ началѣ 1722 года. Прежде всего военной коллегіи пришлось привести въ порядокъ свои дѣла и собрать точныя свѣдѣнія о числѣ и составѣ полковъ, стоимости ихъ содержанія и мѣстѣ ихъ нахожденія—эти работы и были исполнены къ концу 1721 г. Затѣмъ, приведенные въ извѣстность полки были расписаны по губерніямъ [2]), но пока

[1]) П. С. З. №№ 3245, 3287, 3460: «расположеніе армейскихъ полковъ на крестьянскіе дворы по указу надлежитъ зачать съ 1720 г. неотложно». Дѣл. сен. кн. 659, л. 598, 633; кн. 659, л. 642; кн. 701, л. 514—543: «о строеніи квартиръ на полки въ новгородскомъ уѣздѣ».

[2]) П. С. З. № 3899. 5 февр. 1722 г.: «Надлежитъ полки расписать и отдать посланнымъ для расписки, гдѣ которые полки раскладывать по числу душъ 5 милліоновъ, гдѣ конные и гдѣ пѣшіе, смотря по ситуаціи мѣстъ». Дѣла сен. кн. 380, л. 390 и сл.: «Февраля въ 28 д. (1722 г.) по указу е. и. в. военная коллегія приговорили: армейскіе и гварнизонные, драгунскіе и пѣхотные полки для расположенія тѣхъ полковъ на число м. п. душъ расписать слѣдующимъ образомъ: *На санктпетербургскую губернію.* Драгунскіе: ярославскій, невскій; пѣхотные: гренадерскій алартовъ, московскій, володимірскій и т. д. Итого 19 полковъ и 1 батальонъ. *На московскую губернію.* Драгунскіе: гренадерскій кропотовъ, с.-петербургскій, каргопольскій — а селить ихъ: кропотовъ въ выборгской провинціи отъ Выборга къ Кексгольму, с.-петербургскій въ ревельской, каргополь-

безъ точнаго раздѣленія губерній на полковые дистрикты. Плана расположенія нельзя было разработать въ деталяхъ до точнаго выясненія результатовъ предпринятой ревизіи, такъ какъ безъ этихъ результатовъ нельзя было получить цыфръ, необходимыхъ какъ основаніе для расположенія. Какъ мы знаемъ, ревизія дала сколько нибудь надежный итогъ податныхъ душъ къ началу 1724 года. Весною этого года послѣ двухлѣтней работы въ губерніяхъ главные переписчики съѣхались въ Москву на коронацію Екатерины, принимали участіе въ торжествахъ и церемоніяхъ и нѣкоторые изъ нихъ, какъ Чекинъ, Волковъ и Салтыковъ, были назначены для несенія балдахина, подъ которымъ императрица шествовала изъ Успенскаго собора въ Архангельскій. Но въ ожиданіи торжествъ и среди нихъ они сообща обсуждали и рѣшали интересовавшіе ихъ вопросы, возбужденные переписью [1]). На этомъ

скій—въ рижской, московскій—въ московской губерніяхъ; пѣхотные: бутырскій, лефортовскій, казанскій, азовскій, великолуцкій, бѣлгородскій, сибирскій, воронежскій, рязанскій, вологодскій, невскій, смоленскій, ярославскій, нарвскій, пермскій, ростовскій, вятскій, выборгскій, кіевскій, нижегородскій, троицкій; гарнизонные: ревельскихъ 4, нарвскій—1, московской губерніи драгунскій шквадронъ, да пѣхотныхъ 2, азовской губерніи 3. Итого 25 полковъ (очевидно полевыхъ, 10 гарнизонныхъ—пропущены въ итогѣ) да 1 шквадронъ. *На кіевскую губ.* Драгунскихъ 6, гарнизонныхъ 5, да глуховскихъ 2 полка; итого 13 полковъ. *На азовскую губ.* Драгунскихъ 6, да гарнизонные той же губерніи: драгунскій же—1, солдатскихъ—2. Итого 9 полковъ. *На рижскую губ.* Драгунскій архангелогородскій и селить его въ смоленской провинціи при самой границѣ; пѣхотныхъ—2; гарнизонные: смоленскіе—2, рижской губерніи—2. Итого—7 полковъ. *На архангелогородскую губ.* Гарнизонные: рижскихъ 3, перновскій—1, котлинскихъ—2, выборгскихъ—3, той архангелогородской губерніи—2. Итого—11 полковъ. *На сибирскую.* Пѣхотные: ингерманландскій, астраханскій, гренадерскій 1-й, гренадерскій 2-й, с.-петербургскій—а селить тѣ пять полковъ около С.-Петербурга. Той же губерніи гарнизонныхъ: драгунскій—1, пѣхотныхъ—3. Итого—9 полковъ. *На казанскую.* Драгунскихъ—7, гарнизонныхъ той же губерніи—2. Итого 9 полковъ. *На нижегородскую.* Драгунскихъ 7, гарнизонныхъ 2. Итого 9 полковъ. *На астраханскую губ.* той же губерніи гарнизонныхъ: драгунскій 1, пѣхотныхъ 4. Итого 5 полковъ».

[1]) *Голиковъ*, IX, 95. Дѣл. сен. кн. 688, л. 414—490: «Апрѣля 15 дня 1724 г. по указу е. и. в. пр. сенатъ приказали: понеже генералитетъ и штабъофицеры, которые были въ губерніяхъ и провинціяхъ для свидѣтельства муж. п. душъ и расположенія полковъ, подаютъ въ сенатъ разныя доношенія, по которымъ объ одномъ дѣлѣ по разнымъ ихъ требованіямъ рѣшенія безъ общаго ихъ согласія учинить не можно; того ради, ежели они о какихъ дѣлахъ точныхъ указовъ не имѣютъ, то бъ они, *согласясь вси обще*, написали пунктами, объявя всѣ обстоятельства въ каждомъ пунктѣ порознь, для чего какія дѣла рѣшить не могутъ, и за

съѣздѣ переписчиковъ былъ составленъ и представленъ сенату общій докладъ о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ ими при производствѣ переписи, обсуждались важнѣйшія переписныя дѣла, какъ, напр., дѣло о прописке громадныхъ раненбургскихъ вотчинъ кн. Меньшикова [1]). Несомнѣнно при ихъ же участіи вырабатывались правила, которыя должны были опредѣлять порядокъ сбора подушной подати и регулировать отношенія полковаго начальства къ провинціальной администраціи и расположенныхъ полковъ къ мѣстному крестьянскому населенію, тѣ правила, которыя составили содержаніе изданныхъ въ 1724 г. «плаката», инструкціи полковнику и инструкціи земскому комиссару. Эти законодательные акты были выслушаны государемъ въ сенатѣ и одобрены 30 апрѣля и 1 мая — именно въ то время, когда находились въ Москвѣ переписчики. Тогда же былъ развитъ и общій планъ расположенія полковъ на основаніи новыхъ болѣе точныхъ данныхъ, привезенныхъ переписчиками. Новый итогъ податныхъ душъ, вычисленный по этимъ даннымъ, 5.409.930, позволилъ установить размѣръ подушнаго оклада въ 74 к., который могъ считаться болѣе устойчивымъ, качество, немаловажное при разсчетѣ числа душъ, по-

руками своими подали въ сенатъ немедленно, въ томъ числѣ и на тѣ доношенія, которыя отъ нихъ въ сенатъ поданы, а резолюцій за разными отъ нихъ требованіями еще не учинено, а на которыя дѣла имѣютъ указы, о тѣхъ резолюцій не требовать и тѣмъ въ окончаніи переписнаго дѣла замедленія отнюдь не чинить». 30 апрѣля генералитетъ и штабъ-офицеры, очевидно собравшіеся уже въ это время въ Москвѣ, подали эти пункты, въ которыхъ выразили свои сомнѣнія по разнымъ вопросамъ за общей подписью. Отвѣтомъ на эти общіе пункты служитъ П. С. З. № 4515. Подписали ихъ: генералы Чернышевъ, Чекинъ, Волковъ, Салтыковъ, бригадиръ ф. Менгденъ, полковники: Мякининъ, кн. Солнцевъ, Чернышевъ, Вельяминовъ.

[1]) Дѣла сен. кн. 688, л. 698: челобитная Меньшикова 23 апр. 1724 г. На него наложенъ былъ штрафъ въ 27.000 руб. слишкомъ. «А означенный Аранибурхъ», пишетъ Меньшиковъ, «отъ меня никогда не таенъ и таить тамошнимъ приказчикамъ отъ меня не велѣно, чему свидѣтельствуютъ посланные въ ту вотчину мои указы и при нихъ приложенные печатные листы... Прошу, дабы о вышеписанной прописке и утайкѣ въ высокоправительствующемъ сенатѣ учинено было надлежащее разсмотрѣніе или *повелѣно бъ было изъ правит. сената то аранибургское дѣло отослать къ разсмотрѣнію обрѣтающимся господамъ генералитету, которые были у свидѣтельства душъ, и чтобъ они о томъ свое мнѣніе подписали»*. Сенатъ, дѣйствительно, передалъ дѣло на разсмотрѣніе собранія переписчиковъ, которое и представило свое мнѣніе, лл. 703—706. Подписали его: Вельяминовъ, Солнцевъ, полк. Чернышевъ, ф. Менгденъ, Салтыковъ, Волковъ, Чекинъ, ген. Чернышевъ.

требныхъ для каждаго полка. Было рѣшено производить расположеніе не сразу, и была установлена постепенность, съ какой должна была вводиться реформа. Расположеніе предполагалось начать съ центра— съ московской губерніи, затѣмъ перейти къ кольцу окружающихъ ее губерній и т. д., ведя его, такимъ образомъ, концентрическими кругами. Распредѣленіе полковъ по губерніямъ въ общемъ сохранено было такое же, какое было намѣчено въ 1722 году. Такъ какъ наибольшее количество населенія насчитано было въ московской губерніи—1.544.646 душъ м. п., то на нее и было положено наибольшее число полковъ: 25 полевыхъ, 10 гарнизонныхъ и 1 эскадронъ, на которые требовалось 1.452.006 душъ, такъ что въ московской губерніи оставался излишекъ въ душахъ. Наименьшее ихъ число оказалось въ смоленской губерніи: къ 203.333 душамъ, насчитаннымъ въ этой губерніи, надо было присоединить изъ сосѣднихъ еще 39.565, чтобы расположить назначенные на нее 3 полевыхъ и 4 гарнизонныхъ полка. На съѣздѣ планъ, разумѣется, могъ быть установленъ лишь въ общихъ чертахъ; разработка детальныхъ расписаній полковъ по отдѣльнымъ провинціямъ съ перекройкою границъ провинцій, служившая непосредственнымъ продолженіемъ исполненной въ Москвѣ работы, должна была происходить на мѣстахъ, въ области.

Составленіе этихъ мѣстныхъ расписаній началось тогда же въ 1724 году съ разъѣздомъ переписчиковъ изъ Москвы, но подвигалось крайне туго. Во-первыхъ, много затрудненій доставляла передача душъ изъ одной губерніи или провинціи, гдѣ былъ въ нихъ излишекъ, въ другую, гдѣ ихъ недоставало; уравнительное ихъ распредѣленіе было для переписчиковъ трудной задачей, и уже въ 1725 г. они все еще не могли столковаться между собою относительно этихъ «остаточныхъ душъ». Переписчикъ кіевской губерніи полковникъ Чернышевъ жаловался, что у него въ расположеніи полковъ учинилась остановка потому, что переписчикъ смоленской губерніи Вельяминовъ потребовалъ еще 8.715 душъ изъ кіевской губерніи, предлагая послѣдней заимствовать души, если ей не хватаетъ, изъ сосѣдней азовской, а Вельяминовъ жаловался, что остановка происходитъ отъ Чернышева, который не даетъ требуемыхъ душъ. Во-вторыхъ, причиною замедленія была новая норма подушнаго оклада, которая заставляла передѣлывать работы по расположенію, начатыя при иной нормѣ. Этотъ окладъ постоянно колебался. Припомнимъ, что въ 1721 году въ указѣ Волкову онъ былъ опредѣленъ для расположенія полковъ въ новгородскомъ уѣздѣ въ 32 алт. 2 д., т. е. въ 97 к. При такомъ размѣрѣ на драгунскій полкъ требовалось 45.975¼ душъ. Въ 1722 г. онъ былъ пониженъ до восьми

гривенъ; цыфра душъ, потребныхъ на кавалерійскій полкъ, измѣнилась и стала равняться 55.748. 1 мая 1724 г. Петръ приказалъ понизить размѣръ подушнаго оклада еще на 6 копѣекъ и взимать по 74 коп. съ души; цыфра душъ на тотъ же полкъ еще разъ измѣнилась и дошла до 60.268 $^{1}/_{8}$. Этими перемѣнами опрокидывались разсчеты расположенія тамъ, гдѣ они уже были подготовлены. Такъ, въ нижегородской губерніи назначено было расположить 9 полковъ, изъ которыхъ 7 драгунскихъ и 2 пѣхотныхъ; на нихъ было расписано 430.684 души, доставлявшихъ при восьмигривенномъ окладѣ 344.547 руб. 20 к., т. е. именно ту сумму, въ какую обходилось содержаніе полковъ. Послѣ майскаго указа на тѣ же полки для доставленія той же суммы при 74 копѣечномъ окладѣ потребовалось уже 465.604 $^{5}/_{8}$ душъ. Такъ какъ до этого числа ихъ въ нижегородской губерніи не хватало, то пришлось занимать недостающія изъ казанской и изъ архангелогородской губерній. Наконецъ, не были иногда твердо установлены въ военномъ вѣдомствѣ самыя суммы на содержаніе полковъ различнаго вида. Въ той же нижегородской губерніи новый разсчетъ расположенія полковъ по 74-копѣечному окладу былъ уже составленъ, какъ вдругъ пришелъ указъ изъ военной коллегіи, въ которомъ на содержаніе гренадерскаго полка опредѣлялась большая сумма и, слѣдовательно, большее число душъ, чѣмъ на содержаніе простаго фузелернаго. Опять всѣ составленные разсчеты рушились. «И ежели противъ онаго указу», писалъ ген. Салтыковъ, переписчикъ нижегородской губерніи, «по табелямъ раскладывать, то все вновь передѣлывать, и написанныя книги и расписанныя квартиры негодны, и въ камеръ-коллежскихъ книгахъ помѣшательство будетъ, понеже деревни изъ полка въ полкъ перейдутъ, котораго въ скорости окончать никакими мѣрами будетъ неможно» [1]).

[1]) П. С. З. № 4.555: «О разсылкѣ для публикованія плаката и инструкціи... хотя оные е. в. собственною рукою еще не подписаны, однакожъ въ присутствіи своемъ въ сенатѣ апрѣля 30 да мая 1 чиселъ апробовать соизволилъ»; №№ 3901, 1—7; 4503: «Табель, сколько на которую губернію положено армейскихъ и гарнизонныхъ полковъ и какихъ душъ», сост. 19 мая 1724 г. Составленіе спеціальныхъ расписаній полковъ въ областяхъ см. дѣл. сен. кн. 688, л. 338 и сл.; кн. 695, л. 196 и сл. Напр., 695, л. 227—228: «Табель о расположеніи опредѣленныхъ на архангелогородскую губернію гарнизонныхъ 11 полковъ. А коликое число въ той губерніи провинцій и въ нихъ м. п. душъ, и которыхъ гарнизоновъ и званіевъ полки въ той провинціи по 74 коп. съ души расположены, и что по тому расположенію на каждый полкъ написано м. п. душъ, и за расположеніемъ остаточныхъ въ другія губерніи отдано, и за отдачею въ остаткѣ, о томъ явствуетъ

Одновременно съ разчисленіемъ душъ на полки переписчики должны были двинуть и другую работу—постройку для полковъ, разселяемыхъ въ мѣстностяхъ своего расположенія на души, особыхъ помѣщеній, или такъ называемыхъ «вѣчныхъ квартиръ», правила устройства которыхъ были указаны инструкціей переписчикамъ. Такихъ разселяемыхъ полковъ было большинство. Размѣщеніе ихъ предполагалось двоякое: или въ особыхъ спеціально для этой цѣли построенныхъ слободахъ, или же по крестьянскимъ дворамъ, не менѣе чѣмъ по одному капральству въ деревнѣ, и мѣстнымъ дворянскимъ обществамъ было предоставлено избрать тотъ или другой способъ. Но для того, чтобы выбрать второй требовалось непремѣнно единогласное рѣшеніе дворянства. Правительство намѣренно затрудняло этотъ выборъ, такъ какъ предпочитало постройку особыхъ слободъ, предвидя ссоры солдатъ съ крестьянами, неизбѣжныя въ томъ случаѣ, если первые, какъ говорила инструкція, «будутъ стоять по дворамъ мужичьимъ». Если бы единогласнаго рѣшенія не состоялось, то та часть дворянства, которая не пожелала бы строить дворы, обязывалась помогать согласившимся ихъ строить по разверсткѣ деньгами или отводомъ земельныхъ участковъ.

При исполненіи этого плана сельская картина Россіи получила бы новый и оригинальный характеръ. По деревнямъ среди крестьянскихъ рубахъ замелькали бы военные мундиры, и среди крестьянскихъ селеній островками вдвинулись бы солдатскія слободы, построенныя по однообразному казенному рисунку. Все въ этой постройкѣ было опредѣлено подробными правилами: размѣры зданій, ихъ число, ихъ внѣшній видъ, ихъ разстояніе другъ отъ друга, и среди прихотливости и безпорядка окружающихъ деревень съ ихъ большими и малыми, крѣпкими и покосившимися избами домики такихъ военныхъ слободъ должны были вытянуться съ такимъ же монотоннымъ однообразіемъ, какъ ихъ обитатели на фронтовомъ ученьѣ. Подъ каждую солдатскую избу слѣдовало по инструкціи отводить участокъ мѣрою въ 15 × 6 кв. саженъ, подъ каждую унтеръ-офицерскую 15 × 5 кв. с. На каждыхъ двухъ рядовыхъ полагалась одна изба, на каждаго унтеръ-офицера отдѣльная. Полкъ располагался ротами, причемъ слѣдовало наблюдать, чтобы ротныя слободы были какъ можно ближе одна отъ другой, во всякомъ случаѣ, чтобы размѣщеніе пѣхотнаго полка не было растянуто болѣе, чѣмъ на 50, а коннаго, имѣвшаго возможность быстрѣе сосредоточиться, болѣе чѣмъ на 100 верстъ. Въ серединѣ

ниже сего.» П. С. З. № 4708: доношеніе Салтыкова. Дѣла сената. кн. 711. л. 124; кн. 688, л. 356—359.

расположенія роты долженъ былъ находиться дворъ для ротныхъ офицеровъ изъ трехъ избъ. Въ серединѣ расположенія полка дворъ для полковаго штаба, т. е. для командира полка, его ближайшихъ помощниковъ и полковыхъ чиновниковъ изъ восьми избъ. При этомъ «полковомъ», или «штабномъ» дворѣ строились: госпиталь, избы для полковаго врача и аптеки, бани, конюшни и сараи для полковыхъ повозокъ. Впрочемъ, эти правила, такъ подробно указанныя инструкціей переписчикамъ, встрѣчаясь съ практикою стали терпѣть немало измѣненій и отступленій, нарушавшихъ ихъ математическую стройность, и дѣйствительность разбивала ихъ шагъ за шагомъ. Постройка квартиръ представлялась для мѣстнаго общества очень тяжелой, встрѣчена была имъ враждебно, и переписчики, за два года успѣвшіе выяснить его взгляды, съѣхавшись въ Москвѣ весной 1724 г., довели до свѣдѣнія правительства, что большинство дворянства предпочитаетъ не строить квартиръ, а размѣщать солдатъ по крестьянскимъ дворамъ. Послѣдовалъ рядъ облегченій въ постройкѣ. Хотя плакатъ, выработанный на съѣздѣ переписчиковъ, всетаки настаивалъ на особыхъ военныхъ слободахъ, однако вносилъ уже нѣкоторыя облегчающія измѣненія. Во-первыхъ, онъ сократилъ первоначально предположенное число избъ въ ротныхъ селеніяхъ: одна изба полагается теперь для трехъ рядовыхъ, а изъ унтеръ-офицеровъ отдѣльной избой можетъ пользоваться только сержантъ, а остальные должны помѣщаться по двое. Затѣмъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ снялъ съ мѣстнаго населенія часть положенной на него работы. Послѣднее обязано заготовить и доставить лѣсъ, мохъ и другіе строительные матеріалы; но постройку должны производить сами солдаты въ тѣхъ мѣстахъ, куда полки уже пришли; на мѣстное населеніе: крестьянъ, посадскихъ и разночинцевъ, положенныхъ въ подушный окладъ, постройка возлагается тамъ, куда полки еще не прибыли. Еще указомъ 3 сентября 1723 года допущена была постройка полковаго двора и не въ серединѣ округа, занятаго полкомъ, если бы постройка въ серединѣ оказалась неудобной. Указомъ 13 января 1725 г. было разрѣшено воспользоваться старыми незанятыми воеводскими дворами, передѣлывая ихъ прямо на полковые, если они находились въ городѣ, занимающемъ удобное для того положеніе въ мѣстности расквартированія полка, или перевозя всѣ ихъ строенія на новыя мѣста въ другихъ случаяхъ, «дабы то порозжее строеніе напрасно не гнило, а уѣзднымъ людямъ въ строеніи полковыхъ дворовъ излишней тягости не было». Но все это были только недостаточные палліативы, мало уменьшавшіе бремя постройки. Гораздо болѣе значительныя уступки были сдѣланы, когда это бремя оказало замѣтное дѣйствіе на посту-

пленіе подушной подати, что чувствительно задѣвало интересы казны. Постройка дворовъ отягощалась условіями строительнаго рынка, которыя она же и вызывала. Вслѣдствіе открывшагося одновременно и повсемѣстно усиленнаго спроса цѣны на строительные матеріалы сразу поднялись; приходилось дѣлать большія затраты на ихъ закупку, а деньги для этого помѣщики собирали съ тѣхъ же крестьянъ, которые должны были платить и подушную. Послѣдняя стала собираться очень неисправно. Вотъ почему новое царствованіе, начавшееся вообще всякаго рода льготами и облегченіями, распространило ихъ и на постройку квартиръ. Указъ 12 февраля 1725 г. допускалъ размѣщеніе войска по крестьянскимъ дворамъ, отмѣняя обязательность постройки ротныхъ слободъ и предоставляя ее доброй волѣ мѣстнаго общества, причемъ тамъ, гдѣ ее предпочли бы, разсрочивалъ ее на четыре года. Обязательно требовалась только постройка полковыхъ дворовъ, срокъ окончанія которой былъ оставленъ прежній, назначенный плакатомъ, именно начало 1726 года [1]).

Какъ это нерѣдко бывало и прежде при наложеніи повинностей государствомъ на общество, повинность постройки вѣчныхъ квартиръ вызывала къ дѣятельности общественныя силы, которыя призывались правительствомъ для разрѣшенія всякаго рода возбужденныхъ повинностью детальныхъ вопросовъ и которымъ поручалась организація ея исполненія. Такъ же, какъ Волковъ при пробномъ расположеніи въ новгородской провинціи, всѣ переписчики должны были по предписанію данной имъ инструкціи, созывая дворянство, знакомить его съ намѣреніями правительства и предоставлять ему разверстку повинности между собою и нѣкоторый выборъ способовъ и средствъ для ея исполненія. Такъ же, какъ и въ новгородской провинціи, на практикѣ привлекается къ дѣлу не одно дворянство, но и другіе общественные классы, задѣтые повинностью и заинтересованные поэтому ея разверсткой и способами исполненія. Повсюду собираются съѣзды, подобные новгородскимъ, но, кажется, болѣе организованные, можетъ быть, благодаря тому, что планъ расположенія полковъ былъ уже къ тому времени выработанъ, и были намѣчены полковые дистрикты, по ко-

[1]) П. С. З. № 4533: Плакатъ, II, 11: «понеже по извѣстію отъ генералитета и штабъ-офицеровъ, что помѣщики большая часть желаютъ, чтобъ полкамъ квартиръ не строить, а стоять бы по крестьянскимъ дворамъ»; № 3901: Инструкція генералитету. Рисунки дворовъ см. дѣл. сен. кн. 706, л. 53—68 (ген. Чернышева); кн. 688, л. 1457 (ген. Чекина). П. С. З. №№ 4611, 4294, 4630, 4654, 4936.

торымъ и собираются, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съѣзды.

Документы, случайно сохранившіеся отъ нѣсколькихъ такихъ дистриктныхъ съѣздовъ, могутъ наглядно познакомить съ ихъ составомъ и дѣятельностью. Въ угличскую провинцію назначены были для расположенія и расквартированія три полка, соотвѣтственно чему она и подраздѣлена была на три дистрикта: угличскій, кашинскій и бѣжецкій. Изъ нихъ въ кашинскомъ предстояло построить вѣчныя квартиры для тобольскаго пѣхотнаго полка. Для обсужденія этого дѣла въ мартѣ 1725 года состоялся первый съѣздъ обывателей дистрикта, на который собралось, какъ видно изъ подписей на его протоколѣ, 170 человѣкъ. Въ это число вошли: во-первыхъ, представители церковнаго землевладѣнія дистрикта, а именно: трое монастырскихъ казначеевъ, одинъ монастырскій стряпчій и тринадцать приказчиковъ монастырскихъ вотчинъ или просто крестьянъ, уполномоченныхъ отъ этихъ вотчинъ. И на этомъ съѣздѣ дворянскій элементъ лишь въ болѣе чѣмъ скромныхъ размѣрахъ участвовалъ лично. Явилось всего тринадцать дворянъ, притомъ все некрупныхъ именъ и неважнаго чина: какой-нибудь Вранниковъ, Молвяниновъ, Суворовъ, солдатъ, капралъ, стряпчій сытнаго двора, прапорщикъ партикулярной петербургской верфи и т. п., тогда какъ въ числѣ землевладѣльцевъ дистрикта были члены многихъ лучшихъ дворянскихъ фамилій: Голицыны, Волконскіе, Сабуровы, Лопухины, Бутурлины, Тютчевы, Пушкины и др. Но самое дворянское землевладѣніе, преобладавшее въ округѣ, было преобладающе и представлено; только представителями его явились не сами землевладѣльцы, а приказчики, старосты, выборные, сотскіе, т. е. лица вотчинной администраціи или даже особо уполномоченные для съѣзда простые крестьяне и холопы: человѣкъ, дворовый человѣкъ, дворовый дѣловой человѣкъ, какъ послѣдніе обозначали себя, подписываясь подъ протоколомъ. Изъ нихъ-то и состояло громадное большинство съѣзда. Точно такъ же въ лицѣ приказчиковъ дворцовыхъ вотчинъ или уполномоченныхъ отъ этихъ вотчинъ крестьянъ было представлено на съѣздѣ и дворцовое землевладѣніе. Наконецъ, въ составъ съѣзда вошелъ командированный отъ города Кашина ратманъ городоваго магистрата, такъ какъ посадскіе люди Кашина были привлечены также къ участію въ постройкѣ квартиръ для полка. 22 марта собравшись въ такомъ составѣ, съѣздъ сдѣлалъ нѣсколько постановленій. Единогласно рѣшено было ограничиться постройкой только полковаго двора, которую и окончить къ 1726 году, какъ требовалъ законъ; «а ротныхъ квартиръ строить за скудостію и за хлѣбнымъ недородомъ не похотѣли и

впредь оныхъ квартиръ строить не желаютъ, а пожелали солдатъ держать по себѣ въ крестьянскихъ дворахъ». Тогда же выбрано было и мѣсто для этого двора—берегъ рѣки Медвѣдицы подъ селомъ Семеновскимъ въ вотчинѣ Новодѣвичьяго монастыря. 23 марта съѣздъ такъ же единогласно выбралъ особаго комиссара изъ кашинскихъ помѣщиковъ, П. М. Скарятина, для постройки полковаго двора и къ нему въ помощники «для посылокъ» трехъ кашинскихъ же помѣщиковъ: М. Гребенкина, М. Деревнина и И. Боркова, и опредѣлилъ собрать съ уѣздныхъ людей и съ купечества по одной копѣйкѣ съ души для составленія суммы, необходимой на постройку, а если бы этихъ денегъ недостало, то произвести дополнительный сборъ по второй копѣйкѣ, принявъ такимъ образомъ для самообложенія ту же податную единицу, по которой разсчитывался и государственный налогъ. Приговоръ съѣзда предписывалъ комиссару построить при полковомъ дворѣ на тѣ же деньги еще двѣ избы для помѣщенія дистриктнаго земскаго комиссара; стараться, какъ возможно, чтобы постройка была непремѣнно кончена къ 1726 году; собраннымъ и израсходованнымъ деньгамъ вести отчетность; съ тѣхъ обывателей, которые стали бы уклоняться отъ взноса необходимыхъ на постройку денегъ, взыскивать ихъ правежомъ; во всемъ поступать сущею правдою и излишнихъ расходовъ безъ вѣдома уѣздныхъ людей, т. е. безъ особаго доклада съѣзду, не производить. Только въ іюнѣ дошелъ до кашинскаго населенія указъ сената 13 января 1725 г., разрѣшавшій перестраивать старые пустые воеводскіе дворы на полковые. Обыватели съ радостью ухватились за это позволеніе, и новый съѣздъ, собранный по полученіи этого указа [1]), единогласно постановилъ перестроить никѣмъ не занятый дворъ прежнихъ кашинскихъ воеводъ, сдѣлавъ необходимыя дополненія и измѣненія, что сулило большое сокращеніе расходовъ. Однако ген. Волковъ, вѣдавшій расположеніе полковъ въ петербургской губерніи, не утвердилъ этого приговора, приказавъ строить полковой дворъ на мѣстѣ, назначенномъ для него на первомъ съѣздѣ. Слѣдующій съѣздъ кашинскаго дистрикта собрался въ началѣ января 1726 г. и былъ гораздо

[1]) Протоколъ этого съѣзда не сохранился, но о немъ ясно упоминается въ дѣл. камеръ-колл. вязка 8, д. 38: «и по тому ордеру (Волкова отъ 12 іюня) кашинскаго уѣзду обыватели единогласно жъ *вторично* приговоромъ предложили, что въ Кашинѣ городѣ прежній воеводскій дворъ подъ штабный дворъ строеніемъ годенъ и стоитъ нынѣ въ пустѣ, а имѣется посреди полка, и еще де въ прибавокъ, что надлежитъ, по рисунку построятъ они въ самой скорости, которое строеніе будетъ имъ безтягостно».

малолюднѣе перваго: на немъ участвовало только 85 человѣкъ. Различныя категоріи землевладѣнія на немъ представлены были такъ же, какъ и на первомъ: было шестеро представителей церковныхъ вотчинъ, явилось лично 17 дворянъ, остальные были приказчики, старосты или просто крестьяне, уполномоченные отъ дворянскихъ и дворцовыхъ вотчинъ. Городской ратманъ на этотъ разъ не упомянутъ. Съѣздъ выслушалъ докладъ комиссара Скаратина о ходѣ постройки, которая всетаки къ сроку окончена не была, постановилъ ее доканчивать; утвердилъ представленіе комиссара о необходимости новаго сбора въ размѣрѣ двухъ копѣекъ съ души на расплату съ плотниками и на закупку разныхъ строительныхъ припасовъ, какъ напр.: желобовъ, прибоинъ, тесу, печей, крючьевъ, скобъ и т. п. На мѣсто прежнихъ двухъ изъ помощниковъ къ комиссару избралъ двухъ новыхъ.

Тотъ же составъ и та же дѣятельность и на другихъ съѣздахъ. Въ угличскомъ дистриктѣ, гдѣ долженъ былъ расквартироваться положенный на него невскій драгунскій полкъ, собралось въ сентябрѣ 1725 г. 55 человѣкъ, въ томъ числѣ 11 представителей церковныхъ вотчинъ, ратманъ города Углича, 12 помѣщиковъ, остальные: приказчики, старосты, выборные и т. п. Приговоръ о постройкѣ полковаго двора для черниговскаго пѣхотнаго полка, располагавшагося въ бѣжецкомъ дистриктѣ подписанъ 147 лицами, и здѣсь въ массѣ приказчиковъ, старостъ, сотскихъ, дворовыхъ людей и пр. мелькаютъ довольно рѣдко мѣстные помѣщики съ чинами сержанта, вахмистра, матроса, солдата, отставнаго недоросля и съ именами Воронина, Дербышева, Сноксарева, Маслова, Попуцкаго, Шигачева и т. п. На второй съѣздъ того же дистрикта, происходившій въ ноябрѣ 1725 года на самомъ строившемся полковомъ дворѣ, съѣхались, какъ гласитъ протоколъ, «помѣщики и вотчинники, а которыхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ въ домѣхъ нѣтъ, и ихъ приказчики и старосты, и синодальнаго вѣдѣнія разныхъ монастырей, и дворцовыхъ волостей приказчики жъ и старосты, и выборные крестьяне» въ числѣ 76 человѣкъ, причемъ на этомъ съѣздѣ дворяне явились сами въ болѣе значительномъ количествѣ, ихъ было 36. Въ псковской провинціи постройка двора для псковскаго пѣхотнаго полка производилась «по приговору шляхетскому и прочихъ управителей». Въ нижегородской постройка двора для нарвскаго полка вызвала постановленіе «уѣздныхъ людей» дистрикта этого полка о самообложеніи въ размѣрѣ по полполушкѣ съ души. Приговоръ о постройкѣ двора на владимірскій пѣхотный полкъ въ той же провинціи подписали «дворяне и прочіе обыватели». Въ арзамасской провинціи въ договорѣ о постройкѣ полковаго двора для кіевскаго драгунскаго

полка съ подрядчикомъ, принявшимъ на себя эту постройку, участвовали «градскіе и уѣздные люди». На этихъ съѣздахъ рѣшался тотъ же рядъ хозяйственныхъ вопросовъ, вызванныхъ наложеніемъ новой повинности, примѣромъ которыхъ служатъ постановленія кашинскихъ съѣздовъ. Сюда относилось рѣшеніе вопроса о томъ, строить ли одинъ полковой дворъ, или также и ротныя квартиры, причемъ этотъ вопросъ иногда рѣшался единогласно, какъ это было на кашинскомъ съѣздѣ, иногда большинствомъ голосовъ, какъ это было на бѣжецкомъ, гдѣ изъ 147 подписавшихъ приговоръ 25 сдѣлали каждый при своей подписи отмѣтку: «строить будетъ», а остальные, огромное большинство, противоположную отмѣтку: «строить не будетъ». Въ азовской губерніи пожелали строить квартиры, какъ сообщилъ губернаторъ, владѣльцы 49 деревень, а большинство, владѣльцы 78 деревень не пожелали. Къ дѣятельности съѣздовъ относились также выборъ и пріобрѣтеніе земли для полковаго двора, постройка котораго была обязательна во всякомъ случаѣ, сборъ денегъ, необходимыхъ на покупку земли и на постройку, и установленіе размѣра этого самообложенія; сборъ строительнаго матеріала: бревенъ, досокъ, драни, мху и т. п., сборъ рабочихъ, причемъ всѣ эти сборы разверстывались по числу душъ, занесенныхъ въ каждой вотчинѣ въ сказки; далѣе, выборъ способа постройки, если она не производилась самими солдатами: нѣкоторые дистрикты предпочитали производство построекъ хозяйственнымъ способомъ, доставляя рабочихъ по разверсткѣ, другіе концессіоннымъ, отдавая работу на подрядъ; наконецъ, избраніе особыхъ комиссаровъ и помощниковъ къ нимъ для сбора денегъ и матеріаловъ, для наблюденія за постройкой, что иногда поручалось также и земскому комиссару, и, можетъ быть, въ другихъ дистриктахъ такъ же, какъ въ бѣжецкомъ, избраніе особаго ревизора для контроля отчетности этихъ строительныхъ комиссаровъ. Такъ, наложеніе повинности строенія вѣчныхъ квартиръ вызвало въ мѣстности новую работу общественныхъ силъ. Законъ призывалъ къ этой работѣ только дворянство. Практика привлекла къ участію въ ней и другіе общественные классы. На съѣздахъ, собиравшихся рѣшать вопросы, касавшіеся постройки, только, можетъ быть, въ очень рѣдкихъ случаяхъ собиралось одно дворянство, какъ это было на съѣздѣ новгородскихъ дворянъ, составившемъ челобитную въ сенатъ, и на второмъ съѣздѣ въ угличскомъ дистриктѣ въ декабрѣ 1725 г., приговоръ котораго подписали одни только дворяне въ числѣ 25. Обыкновенно съ дворянствомъ засѣдаютъ представители и другихъ видовъ землевладѣнія: церковнаго и дворцоваго, иногда и представители города, такъ что эти съѣзды скорѣе подходятъ къ нашимъ теперешнимъ земскимъ, не-

жели къ дворянскимъ собраніямъ. Дворянство, отвлекаемое службой, принимаетъ лично въ этой общей работѣ небольшое участіе: большинство составляютъ на съѣздахъ либо его уполномоченные управляющіе имѣній, либо представители крестьянскихъ міровъ, дѣйствующихъ въ частновладѣльческихъ, церковныхъ и дворцовыхъ вотчинахъ: старосты, сотскіе и выборные крестьяне. На сѣверѣ, въ мѣстностяхъ преобладанія чернаго, государственнаго крестьянства, эти собранія первой четверти XVIII вѣка были уже всецѣло крестьянскими, какъ бы обширными мірскими сходами. Но и въ мѣстностяхъ дворянскаго землевладѣнія очевидцу наблюдателю такой съѣздъ представлялся бы, вѣроятно, сѣрой, мужицкой массой, въ которой должны были утопать дворянскіе камзолы и рясы монастырскихъ келарей и казначеевъ. Повинность,задавъ обществу тяжелую задачу, привлекла къ совмѣстной работѣ различные общественные классы: дворянство, духовенство, городъ и крестьянскіе міры, жившіе полной жизнью на черныхъ земляхъ и не замиравшіе на частновладѣльческихъ; но роли различныхъ классовъ въ разрѣшеніи этой задачи распредѣлились соотвѣтственно ихъ взаимнымъ, вѣками сложившимся отношеніямъ. Своею денежною, матеріальною и чернорабочею стороною повинность упала на тяглые классы: крестьянъ и посадскихъ людей, издавна привыкшихъ нести на своихъ плечахъ этотъ видъ тягла. Средства на постройку квартиръ собирались съ тѣхъ же податныхъ душъ, съ которыхъ собирались и другія прямыя подати. Служилому классу досталась другая сторона повинности: личная служба, соотвѣтственно его исконному значенію. Эта личная служба заключалась въ руководительствѣ отбываніемъ тягла. Дворянство поставляло изъ своей среды комиссаровъ и ихъ помощниковъ, руководившихъ сборомъ средствъ и постройками квартиръ [1]).

И это дѣло постройки точно такъ же, какъ и подушная перепись, и расположеніе полковъ, затянулось долѣе всякихъ ожиданій. Замедленіе въ переписи и въ расположеніи было, разумѣется, причиной замедленія и въ постройкѣ квартиръ, которую нельзя было начать, пока не былъ готовъ планъ расположенія полковъ, не опредѣлились границы дистриктовъ и не обозначились центры, гдѣ слѣдовало ставить штабные дворы, а этотъ планъ не могъ быть составленъ, пока въ главныхъ чертахъ не были выяснены результаты переписи. Плакатъ, опубликованный лѣтомъ 1724 года, назначилъ срокомъ начала строительныхъ

[1]) Дѣла камеръ-коллегіи, вязка 8, д. 38, (а не 3, какъ значится на обложкѣ). Дѣла сената, кн. 690, л. 694—705. Дѣл. курмышск. воев. канц. № 330, 9 апр., 24 дек. Дѣла сен. кн. 230, л. 186 об., л. 153; кн. 711, л. 419.

работъ октябрь того же года, предписавъ окончить ихъ къ 1726 году. Но уже самое начало построекъ сильно запаздывало. Въ азовской губерніи въ февралѣ 1725 года происходила еще заготовка матеріала, шедшая съ большими затрудненіями, такъ какъ лѣсъ приходилось возить въ иныя мѣста издалека, самая же постройка къ тому времени еще не начиналась. Она едва-ли началась и въ декабрѣ 1725 г. и, во всякомъ случаѣ, должна была быть весьма далека отъ конца, такъ какъ въ этомъ мѣсяцѣ азовскій губернаторъ доносилъ сенату, что лѣсу для полковаго двора вывезено уже немалое число, но всетаки не довезена четвертая часть всего необходимаго запаса; для нѣкоторыхъ же изъ ротныхъ квартиръ привезено только по четверти всего матеріала, а на одну и вовсе ничего не привезено. Въ томъ же декабрѣ 1725 г. въ сенатъ поступило, вѣроятно, совершенно неожиданное доношеніе изъ смоленской губерніи отъ одного изъ выбранныхъ къ строенію квартиръ комиссаровъ, въ которомъ этотъ комиссаръ обратился къ высшему правительственному учрежденію государства съ прямодушнымъ вопросомъ, откуда брать печные изразцы и кирпичъ, оконныя стекла и дверные крючья для полковаго двора и какія дѣлать печи и окна въ ротныхъ драгунскихъ избахъ, строившихся въ его дистриктѣ. По всей вѣроятности, это обращеніе къ сенату было вызвано недоумѣніемъ общества, избравшаго этого комиссара, лежитъ ли на немъ обязанность поставлять также упомянутые мелкіе строительные припасы для полковаго двора, а затѣмъ неясностью и неполнотою чертежей ротныхъ избъ, которые ему были присланы для руководства; во всякомъ случаѣ, изъ донесенія этого комиссара видно, что постройка квартиръ въ его дистриктѣ къ сроку не была окончена. Сенатъ разрѣшилъ оба обращенные къ нему вопроса: первый, предписавъ дѣлать постановленія о матеріалахъ для построекъ «земскимъ комиссарамъ съ совѣту шляхетства и другихъ чиновъ, отъ кого они выбраны», т. е. тѣмъ дистриктнымъ съѣздамъ, съ которыми мы уже познакомились; а второй, приказавъ въ ротныхъ и другихъ простыхъ избахъ дѣлать печи кирпичныя, по два окна красныхъ, а двери простыя по крестьянскому обычаю, причемъ эти работы исполнять самимъ солдатамъ и драгунамъ. Но это доношеніе смоленскаго комиссара привлекло вниманіе сената къ дѣлу постройки и дало поводъ еще къ двумъ постановленіямъ. Во-первыхъ, сенатъ распорядился потребовать отъ земскихъ комиссаровъ черезъ камеръ, а отъ начальства располагаемыхъ полковъ черезъ военную коллегію свѣдѣнія о ходѣ постройки квартиръ, о стоимости, въ какую обходились полковые дворы и ротныя слободы, о способахъ постройки, о томъ, по какимъ приговорамъ собирались на нее деньги,

по указамъ ли, или по совѣту уѣздныхъ людей, о размѣрахъ этихъ сборовъ и единицахъ обложенія и, наконецъ, о приходѣ и расходѣ собранныхъ суммъ. Но хорошо зная, съ какою медленностью стали бы поступать эти свѣдѣнія, сенатъ, встревоженный тягостью повинности строенія для мѣстнаго общества, «чтобы не допустить крестьянъ до разоренія», какъ мотивировалъ онъ свое второе постановленіе, указалъ тотчасъ же командировать изъ камеръ-коллегіи въ одну изъ провинцій по выбору коллегіи особаго ревизора, которому ознакомиться съ ходомъ постройки и представить всѣ перечисленныя свѣдѣнія. Въ январѣ слѣдующаго 1726 года въ угличскую провинцію, на которую палъ выборъ коллегіи, такъ какъ эта провинція оказалась единственной, приславшей вѣдомости о ходѣ построекъ, былъ отправленъ особый комиссаръ съ подканцеляристомъ и солдатомъ, представившій въ маѣ 1726 г. свой отчетъ. Вотъ въ какомъ положеніи нашелъ онъ строеніе полковыхъ дворовъ въ трехъ уже знакомыхъ намъ дистриктахъ обревизованной имъ провинціи. Постройка полковаго двора въ кашинскомъ дистриктѣ, которая была рѣшена на мартовскомъ съѣздѣ 1725 года, была начата только 15 октября этого года, и, несмотря на предписаніе, данное съѣздомъ выбранному имъ строительному комиссару непремѣнно окончить постройку къ указанному закономъ сроку, т. е. къ 1726 году, ревизоръ нашелъ дворъ недостроеннымъ. Мало того, оказались несоблюденными размѣры, установленные чертежами, получившими утвержденіе государя. На допросѣ объ этомъ обстоятельствѣ штабъ-офицеръ, распоряжавшійся постройкой, кн. Гагаринъ, свалилъ всю вину на «недознаніе плотниковъ», но плотники обидѣлись и показали, «что они тотъ штабной дворъ строили по окладу и по указыванью его, майора кн. Гагарина, а не собою, и о той де излишней мѣрѣ показалъ онъ, майоръ, на нихъ напрасно». Хотя для производства работъ прибыло уже изъ располагаемаго въ кашинскомъ дистриктѣ полка 129 человѣкъ нижнихъ чиновъ, тѣмъ не менѣе дворъ строился подрядомъ, такъ какъ значительная часть этого прибывшаго отряда была взята переписной канцеляріей и разослана съ оберъ-офицерами разслѣдовать о неправильно показанныхъ душахъ; другая была назначена конвоировать денежную казну; третья—выколачивать съ населенія провинціи запущенныя недоимки, и остальные 40 человѣкъ оказались «больны французскою болѣзнью». Постройка полковаго двора въ другомъ дистриктѣ, угличскомъ, на берегу Волги, около села Мышкина, была начата съ 15 сент. 1725 г. и велась драгунами невскаго полка, къ которымъ, однако, дистриктъ «въ прибавокъ для уставу и показыванья» нанималъ 10 человѣкъ плотниковъ. Ко времени посѣщенія ревизоромъ дворъ

точно такъ же былъ еще неоконченъ и точно такъ же при постройкѣ были сдѣланы отступленія отъ чертежа. Оконченнымъ, но съ такими же нарушеніями плановъ, оказался только полковой дворъ въ третьемъ дистриктѣ, бѣжецкомъ, который и начатъ былъ ранѣе другихъ — съ 1 іюня 1725 года. Этотъ дворъ строился 50-ю нанятыми дистриктомъ плотниками, которымъ помогали и солдаты отъ 20 до 100 человѣкъ.

Такъ же медленно подвигалось строеніе дворовъ и въ другихъ провинціяхъ. Въ новгородской, въ дистриктѣ ярославскаго драгунскаго полка полковой дворъ, строившійся самими драгунами, не былъ оконченъ еще къ 27 августа 1726 г., и въ этотъ день состоялся приговоръ дистриктнаго шляхетства достраивать его подрядомъ. Здѣсь строились также и ротныя квартиры, для которыхъ въ 1727 году 296 избъ были уже окончены, а 146 стояли еще въ срубахъ, и лежало много лѣсу, который по осмотру оказался погнившимъ. Въ дистриктѣ архангелогородскаго пѣхотнаго полка полковой дворъ былъ начатъ солдатами, но такъ какъ полкъ былъ уведенъ, достраивался «по шляхетскому того дистрикта мнѣнію» подрядомъ и былъ оконченъ. Постройка ротныхъ квартиръ такъ и не начиналась, и на мѣстахъ, отведенныхъ для нихъ, лежали и, вѣроятно, также гнили заготовленныя бревна. Въ третьемъ дистриктѣ той же провинціи, гдѣ долженъ былъ поселиться галицкій пѣхотный полкъ, для полковаго двора было построено только 11 избъ, 4 остальныя избы были недостроены, и для нихъ было срублено только по 11 вѣнцовъ (1725 г.). Дворъ для псковскаго пѣхотнаго полка въ псковской провинціи былъ оконченъ къ сроку, но дворъ для шлиссельбургскаго полка въ великолуцкой провинціи продолжалъ строиться еще и въ 1726 г. Въ дистриктѣ тобольскаго драгунскаго полка, расположеннаго въ орловской и сѣвской провинціяхъ, полковой дворъ, который начатъ былъ постройкой въ кромскомъ уѣздѣ, въ селѣ Кривчиковѣ, на берегу Оки, на церковной землѣ, не былъ оконченъ въ декабрѣ 1725 года. Завѣдывавшіе постройкой офицеры доносили, что къ этому времени были срублены и поставлены свѣтлицы для вышняго и нижняго штаба и госпитальный дворъ, и заротная слобода, а сараи и конюшни постройкой еще не начинались — «и онаго строенія», писали офицеры, «къ окончанію вскорѣ привести ни по которой мѣрѣ невозможно». Дворъ былъ недостроенъ, когда изданъ былъ указъ объ отмѣнѣ расквартированія полковъ по дистриктамъ, и въ августѣ 1727 г. администрація орловской провинціи просила сенатъ о разрѣшеніи воспользоваться этимъ дворомъ для тюрьмы, ссылаясь на то, что въ Орлѣ колодниковъ, смертныхъ убійцъ и воровъ бываетъ немалое число, а острога и тюремъ не имѣется. Такъ, сооруженіе вѣчныхъ квартиръ за-

тягивалось до 1727 года, въ которомъ были изданы указы, совершенно отмѣнявшіе планъ расквартированія арміи, принятый преобразователемъ [1]).

Указъ 19 мая 1724 г., опредѣлявшій общій планъ расположенія полковъ на души, предписывалъ полки вводить и ставить по квартирамъ немедленно по окончаніи расположенія, когда должны были обозначиться полковые округа, или дистрикты. Но и эта третья задача, поставленная новымъ способомъ содержанія арміи, рѣшалась съ тѣми же проволочками, какъ и первыя двѣ. До августа 1724 г. майскій указъ оставался безъ исполненія; въ августѣ военная коллегія доложила сенату о невозможности его исполнить въ текущемъ году, такъ какъ расположеніе полковъ переписчиками еще не было кончено, и если бы оно и закончилось въ теченіе осени, то двигать полки осенью или зимой коллегія находила слишкомъ затруднительнымъ въ особенности кавалерійскіе, вслѣдствіе отсутствія конскаго корма. Ея мнѣніе склонялось къ тому, чтобы отложить это передвиженіе полковъ на вѣчныя квартиры до лѣта 1725 г. Петръ настаивалъ однако на своемъ, сдѣлавъ только нѣкоторыя ограниченія подъ вліяніемъ представленія коллегіи; двинуть въ назначенные дистрикты онъ приказалъ только тѣ полки, которые стояли отъ нихъ не далѣе, чѣмъ въ пятистахъ верстахъ. Тѣмъ же полкамъ, которые находились отъ назначенныхъ имъ вѣчныхъ квартиръ далѣе, чѣмъ на такомъ разстояніи, предписано было отрядить по нѣскольку оберъ и унтеръ-офицеровъ и по 30 рядовыхъ отъ каждаго батальона, которые съ самими полковниками во главѣ должны были отправиться для занятія квартиръ, и крайнимъ срокомъ этого занятія былъ назначенъ декабрь 1724 г. Однако военная коллегія не оставила безъ возраженій и этого распоряженія. Она указывала, во-первыхъ, что значительная часть офицерскаго контингента отправлена изъ полковъ въ переписныя канцеляріи по губерніямъ еще съ 1722 года, благодаря чему при полкахъ состоитъ слишкомъ мало офицеровъ, чтобы формировать изъ нихъ новые отряды для занятія квартиръ. При иныхъ полкахъ даже вовсе не оставалось ни одного офицера. Затѣмъ, коллегія представляла доводы и противъ передвиженія цѣлыхъ полковъ. Русская армія въ 1724 году была сосредоточена въ нѣсколько корпусовъ, расположенныхъ на южныхъ окраинахъ государства; таковы были: украинскій, расположенный въ Малороссіи;

[1]) П. С. З. № 4654. Дѣл. сен. кн. 688, л. 1487—1512; кн. 711, л. 419. Дѣла камеръ-коллегіи, вязка 8, д. 38. Дѣл. сен. кн. 690, л. 694—705. Дѣл. сен. кн. 225, л. 596. Дѣла орловской пров. канц. №№ 1392, 1755.

корпусъ при царицынской линіи и низовый, совершившій персидскій походъ и занимавшій взятыя у Персіи провинціи. По своимъ соображеніямъ военная коллегія находила неудобнымъ ихъ разстраивать, а между тѣмъ нѣкоторые полки, входившіе въ ихъ составъ, находясь не далѣе 500 верстъ отъ назначенныхъ имъ квартиръ должны были по новому указу идти туда въ полныхъ составахъ. Кромѣ того были полки, занятые работою на Ладожскомъ каналѣ. Сенатъ принужденъ былъ сдѣлать новыя ограниченія, и нѣкоторые полки, передвиженіе которыхъ коллегія находила неудобнымъ, оставлены были на зиму 1724—25 гг. на своихъ мѣстахъ, хотя бы находились и ближе 500 верстъ отъ квартиръ. Принять ихъ квартиры было приказано тѣмъ офицерамъ изъ этихъ полковъ, которые входили въ составъ переписныхъ канцелярій и въ распоряженіи которыхъ въ губерніяхъ всегда находилось нѣкоторое число рядовыхъ; полки должны были только дополнить эти уже дѣйствовавшіе въ областяхъ и работавшіе надъ переписью свои отряды. Движеніе полковъ и отрядовъ въ опредѣленные имъ дистрикты началось въ теченіе осени 1724 г., но шло вяло и медленно. Въ октябрѣ ген. Чернышевъ доносилъ, что въ провинціи прежней московской губерніи «оберъ-офицеры съ указнымъ числомъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ на вѣчныя квартиры приходятъ, а другіе уже пришли», но до половины ноября такихъ полковъ оказывалось всего лишь три. Изъ смоленской губерніи сообщалось отъ 26 ноября, что въ ней «еще ни одинъ полкъ въ вѣчныя квартиры не введенъ», а изъ нижегородской отъ 5 января 1725 г., что въ квартиры вступили отряды, присланные только отъ пяти полковъ, а отряды отъ остальныхъ четырехъ еще не приходили. Такой ходъ дѣла вызвалъ у Петра въ январѣ 1725 г. всего за нѣсколько дней до смерти жалобу, что уже «годъ насталъ и надлежитъ по указу подушныя подати сбирать, а полковъ и присланныхъ отъ нихъ еще по своимъ квартирамъ не обрѣтается». Онъ приказалъ спѣшить какъ можно скорѣе. Его собственноручныя письма, съ которыми онъ обратился къ нѣкоторымъ переписчикамъ 3 янв. 1725 г., проникнуты раздраженіемъ. «Я съ великимъ удивленіемъ видѣлъ», пишетъ онъ ген. Чернышеву, переписчику московской губерніи, «репортъ вашъ 28 декабря, въ которомъ пишешь, что нѣкоторые полки вступили, а иные приходятъ въ квартиры. А въ указѣ изъ сената октября 6 дня писано, дабы именно репортовать, которые полки приняли квартиры и которые не приняли, и зачѣмъ; о томъ ни о чемъ не репортуешь именно и въ томъ явное преступленіе указа являешь, въ чемъ извиниться нельзя, понеже бумаги и времени довольно. Также у многихъ переписчиковъ комиссары

выбраны всѣ, а у тебя ни одного, какъ самъ явствуешь въ своихъ репортахъ, что кто выберется, писать будешь; къ томужъ словесно вамъ приказано, дабы къ новому году окончать и быть въ Петербургѣ, въ чемъ не токмо исполнено, но ниже репортовано. А тебѣ было надлежало прежде всѣхъ свое дѣло окончать слѣдующихъ ради винъ: 1) что по указу 19 мая 1724 г. велѣно прежде тебѣ въ московской губерніи расположить, а потомъ другимъ пограничнымъ, 2) что ты прежде всѣхъ вступилъ въ дѣло, а другіе еще поѣхали для сего, 3) Москва знакомѣе другихъ мѣстъ и, хотя велика, да вся вмѣстѣ, недалеко ѣздить. Чего для опредѣляется время, дабы къ 10 числу февраля сего 1725 г., соверша, былъ совсѣмъ сюды. А ежели не исполнишь, то привезутъ, и не минешь осужденія». Короче, но еще энергичнѣе письмо къ Салтыкову, переписчику нижегородской губерніи. «Я не вѣдаю, живъ ли ты, или умеръ, или, позабывъ должность свою, явнымъ преступникомъ учинился, понеже какъ съ Москвы поѣхали, ни о чемъ репортовъ отъ тебя нѣтъ; за что самъ вѣдаешь, чему достоитъ, понеже указы довольно знаешь, и ежели къ десятому февраля сюды, скончавъ дѣло свое, не будешь, то самъ погибели своей виновенъ будешь. Петръ. Спб. Генв. 3. 1725». Но хотя и медленно, войска всетаки постоянно двигались и вступали въ свои дистрикты въ теченіе всей зимы, и весной 1725 г. сенатъ заявлялъ, что по свѣдѣніямъ, собраннымъ отъ переписчиковъ, «нѣкоторые цѣлыми полками, а отъ другихъ полковъ командированные офицеры съ указнымъ числомъ рядовыхъ въ вѣчныя квартиры вступили». Если нижегородская губернія можетъ служить примѣромъ для остальныхъ, то можно думать, что занятіе квартиръ полками или ихъ отрядами къ лѣту 1725 г. заканчивалось. По крайней мѣрѣ, въ этой губерніи къ іюню прибыли отряды отъ всѣхъ девяти назначенныхъ на нее полковъ [1]).

IV.

Итакъ, поголовная перепись въ ея двухъ моментахъ: подачѣ сказокъ и ревизіи этихъ сказокъ особыми переписными канцеляріями, и расположеніе полковъ въ его трехъ моментахъ: составленіи предвари-

[1]) П. С. З. № 4503. Дѣл. сен. кн. 688, л. 302, 310—313, 1457—8. П. С. З. № 4542. Дѣл. сен. кн. 688, л. 294, л. 318. П. С. З. № 4589. Дѣл. сен. кн. 711, л. 290. Госуд. арх. кабинетн. дѣла, I, кн. 33, л. 77—80. П. С. З. № 4687. Дѣл. сен. кн. 695, л. 323—324.

тельныхъ разсчетовъ, постройкѣ квартиръ и движеніи войскъ—не были окончены такъ быстро, какъ это предполагалось и затянулись на большее число лѣтъ, чѣмъ ожидалъ Петръ, которому и не суждено было увидѣть ихъ окончанія. И перепись, и расположеніе полковъ были обильны весьма значительными послѣдствіями для вновь введеннаго провинціальнаго управленія, первые шаги котораго какъ разъ совпали съ реформой подати и новымъ устройствомъ содержанія арміи. Отъ проведенія обѣихъ этихъ реформъ провинціальная администрація была устранена, и оно было возложено на особыя наскоро сформированныя переписныя канцеляріи, которыя были ни что иное, какъ военные отряды подъ командой генераловъ и полковниковъ, поставленныхъ во главѣ каждой изъ прежнихъ губерній. Эти канцеляріи были, разумѣется, временными, какъ временнымъ было и самое дѣло, имъ порученное: съ провѣркой переписи, съ расположеніемъ полковъ на души и размѣщеніемъ ихъ въ вѣчныхъ квартирахъ миссія переписчиковъ должна была считаться оконченной, и они должны были выѣхать изъ областей, въ которыхъ дѣйствовали. Но дѣло затягивалось, и благодаря этому временныя канцеляріи переписнаго дѣла, оставаясь въ области цѣлый рядъ лѣтъ, пріобрѣтали характеръ постоянныхъ областныхъ учрежденій. Онѣ открыли свою дѣятельность по всей Россіи въ началѣ 1722 года. Весной 1724 г. генералитетъ собрался въ Москву на общій съѣздъ, но послѣ съѣзда онъ вновь отправляется по областямъ. Переписныя канцеляріи продолжаютъ тамъ функціонировать еще въ теченіе 1727 и даже въ началѣ 1728 года. Въ февралѣ 1727 г. состоялся указъ Екатерины о выѣздѣ изъ губерній генералитета и офицеровъ, назначенныхъ туда для ревизіи душъ и расположенія полковъ, но переписная канцелярія архангелогородской губерніи затруднялась исполнить это повелѣніе и донесла, что у нея остается еще болѣе двухъ тысячъ нерѣшенныхъ дѣлъ объ утайкѣ душъ и другихъ дѣлъ связанныхъ съ переписью, которыхъ ей въ скорости рѣшить невозможно Переписчики въ архангелогородской губерніи дѣйствовали еще и лѣтомъ 1727 г. Только въ февралѣ слѣдующаго 1728 г. могла пріѣхать въ Москву со всѣми своими бумагами, закончивъ всѣ свои дѣла, нижегородская переписная канцелярія. Такимъ образомъ, эти *временныя* учрежденія, возникнувъ почти одновременно съ введеніемъ *постоянной* провинціальной администраціи, оказались долговѣчнѣе ея, по крайней мѣрѣ, они ее пережили и продолжали еще дѣйствовать послѣ отмѣнившихъ ее указовъ 1727 г., когда отъ нея оставалось уже одно только воспоминаніе.

Въ эти годы послѣ весенняго московскаго съѣзда переписчики доканчивали свою главную работу—перепись со всѣмъ тѣмъ цикломъ дѣлъ, которыя она возбуждала: разбирали разныя группы населенія, переселяли ихъ съ однихъ мѣстъ на другія, устраивали хозяйственное положеніе поселившихся на новыхъ мѣстахъ, рѣшали вопросы о принадлежности къ тому или другому состоянію, осложнявшіеся иногда въ цѣлые процессы, производили слѣдствія объ укрытыхъ отъ переписи душахъ и чинили расправу съ виновными въ этомъ послѣднемъ преступленіи. Они вводили новое областное раздѣленіе въ провинціяхъ, учреждая полковые дистрикты. Они созывали собранія мѣстныхъ обществъ для выясненія различныхъ хозяйственныхъ вопросовъ, касавшихся помѣщенія полковъ и наблюдали за постройкою этими обществами вѣчныхъ квартиръ. Они же должны были принимать мѣры къ скорѣйшему занятію этихъ квартиръ полками. Между штабомъ полка, расположеннымъ въ центрѣ дистрикта на полковомъ дворѣ, который по большей части еще достраивается, и переписной канцеляріей завязывается оживленная переписка. Канцелярія шлетъ въ полкъ указъ за указомъ, полковой дворъ дѣлается ея исполнительнымъ органомъ въ дистриктѣ. Перепись и строеніе квартиръ, размѣщеніе полка—составляютъ, разумѣется, главное содержаніе этихъ сношеній. Полковые дворы получали отъ переписчиковъ списки душъ, на которыя располагался тотъ или другой полкъ, но въ этихъ спискахъ постоянно оказывались неточности, о которыхъ населеніе заявляло въ переписную канцелярію и которыя нужно было исправить. Однѣ души оказывались пропущенными, и ихъ надо было включить въ выданные полкамъ списки; другія были неправильно туда внесены, и ихъ слѣдовало выключить. Оказывалось, напр., что въ списки, вопреки указамъ, попали младенцы родившіеся послѣ подачи сказокъ, которыхъ зачислять въ подушный окладъ не полагалось; очень часто одна и та же душа попадала въ списки дважды; крѣпостные одного помѣщика оказывались записанными за другимъ; крѣпостные одного и того же помѣщика записаны были не въ томъ его имѣніи, въ которомъ они дѣйствительно жили; къ извѣстному имѣнію оказывался приписаннымъ посадскій человѣкъ, которому, такимъ образомъ, ошибка переписчика грозила потерей свободы. Съ другой стороны вольные люди подавали въ канцелярію челобитья о записи ихъ въ подушный окладъ въ тотъ или иной посадъ, въ то или другое имѣніе. Обо всѣхъ этихъ дополненіяхъ и исправленіяхъ въ спискахъ душъ и шли указы изъ переписной канцеляріи на полковые дворы. Далѣе, переписная канцелярія то и дѣло пишетъ къ полковому начальству, требуетъ выслать помѣщиковъ самихъ и управителей мо-

настырскихъ вотчинъ для пріема бѣглыхъ, взыскать штрафъ съ нѣкоторыхъ помѣщиковъ за прописныя души, навести справку и донести, сколько душъ въ такой-то деревнѣ, выслать приказчиковъ такихъ-то вотчинъ для учиненія имъ наказанія за утайку душъ, прислать извѣстіе, начато ли строеніе квартиръ и какъ оно будетъ производиться, подряднымъ ли способомъ, или самими обывателями, на какихъ условіяхъ помѣщики отвели земли для строенія и на какой цѣнѣ сговорились, прислать вѣдомость объ офицерахъ, расписаніе ротъ и т. п. Но переписчики касаются и чисто военныхъ вопросовъ: они даютъ указы полковому начальству о порядкѣ сбора рекрутъ; они требуютъ доставить свѣдѣнія объ открывшихся солдатскихъ вакансіяхъ въ полку и производятъ ихъ замѣщеніе. Они служатъ средней инстанціей между полкомъ и военной коллегіей; черезъ нихъ идутъ указы изъ коллегіи въ полки, и въ 1725 г., напр., они передавали въ полки манифестъ о восшествіи на престолъ Екатерины, распоряжались о приводѣ ихъ къ присягѣ и отбирали присяжные листы [1]).

Но помимо этихъ прямыхъ обязанностей на переписчиковъ возлагались и другія. Стоя во главѣ сложной организаціи, расположившейся и дѣйствовавшей параллельно съ сѣтью обыкновеннаго провинціальнаго управленія, притомъ не мимолетной, а имѣвшей наклонность стать постоянной, они сдѣлались въ области удобнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства, и это послѣднее, плохо разсчитывая на дѣйствіе обычной административной машины, медленной и невѣрной, начинаетъ давать постороннія административныя порученія переписнымъ организаціямъ, болѣе исполнительнымъ и надежнымъ благодаря военной дисциплинѣ, которая ихъ связывала. Такъ, на переписчиковъ было возложено распоряженіе выборами земскихъ комиссаровъ для новыхъ дистриктовъ; они посылали къ воеводамъ указъ о выборахъ, отбирали протоколы избранія, такъ называемые «выборы за руками», вручали новымъ комиссарамъ необходимыя для сбора книги, экземпляры плаката и инструкціи, сопровождая врученіе послѣдней еще своимъ наставленіемъ комиссару: «будучи во ономъ дистриктѣ обывателямъ никакихъ обидъ и налогъ не чинить и сверхъ указныхъ сборовъ ничего

[1]) Дѣл. сен. кн. 713, л. 63, 65; кн. 695, л. 426—436: «Вѣдомость о расположеніи полковъ въ архангелогородской губ., присланная *отъ 2 іюня 1727 г.* изъ канцеляріи расположенія полковъ на Вологдѣ»; кн. 706, л. 226—232. Дѣла кам.-колл. вязка 21, д. 22, л. 124—126. Дѣла угличск. провинц. канцел. опись X, дѣло 74, л. 5 и сл. П. С. З. № 4691. Дѣла курмышской воев. канцел. № 330. Дѣла орловской пров. канц. №№ 1287, 1609, 1755.

не имать подъ страхомъ жестокаго истязанія»; наконецъ, они должны были снабдить комиссаровъ необходимымъ канцелярскимъ персоналомъ земскихъ писарей и молодыхъ подьячихъ [1]). Заботы о выборахъ земскихъ комиссаровъ и ихъ устройствѣ могли быть поручены переписчикамъ благодаря тѣсной связи этой новой должности съ подушной податью, надъ устройствомъ которой переписчики вообще и работали; но на нихъ возлагались административныя дѣла, которыя не имѣли никакой, по крайней мѣрѣ, прямой и непосредственной связи ни съ подушной податью, ни съ переписью, ни съ расположеніемъ полковъ и которыя всецѣло входили въ кругъ обязанностей обыкновенной мѣстной администраціи. Таково было, напр., ихъ участіе въ дѣятельности по борьбѣ съ голодомъ. Въ февралѣ 1723 г. Петръ обратился къ сенату съ указомъ, въ которомъ съ откровенностью писалъ, что во многихъ мѣстностяхъ является въ народѣ голодъ, отъ чего нѣкоторые и помираютъ, и что необходимо имѣть «менажъ (или смотрѣніе)», чтобы пропитать неимущихъ въ это тяжелое время. Были задуманы обширныя продовольственныя мѣры. Повышеніе цѣнъ на хлѣбъ скупщиками было предупреждено установленіемъ максимальнаго размѣра прибыли (10%), которую могли получать хлѣбные торговцы. Всѣмъ хлѣбнымъ запасамъ, у кого бы они ни оказались въ пострадавшемъ отъ голода районѣ, велѣно было составить опись, съ тѣмъ чтобы излишній хлѣбъ сверхъ количества, потребнаго на годовой или полуторагодовой расходъ, раздавать заимообразно пострадавшимъ отъ неурожая на продовольствіе и сѣмена съ обязательствомъ немедленнаго погашенія этого займа послѣ новаго урожая. Это обширное и сложное предпріятіе составленія хлѣбныхъ описей и было поручено переписчикамъ, которые должны были прислать эти описи въ сенатъ. Такимъ образомъ, пере-

[1]) Дѣла сен. кн. 701, л. 754: «По доношенію генералъ-фискала Мякинина (переписчика азовской губерніи), въ которомъ означено, что де велѣно имъ изъ дворянъ земскихъ комиссаровъ конечно ко вступленію въ подушный сборъ къ предбудущему 724 году учредить, и *по предложеніямъ де его* въ тамбовской и воронежской, и въ шацкой провинціяхъ къ тому комиссары выбраны»; кн. 706, л. 8; кн. 711, л. 375: «Да притомъ полковникъ Вельяминовъ (переписчикъ смоленской губ.) объявилъ, что для сбору... *велѣлъ онъ* выбрать того ржевскаго уѣзду комиссара изъ тамошняго шляхетства». Дѣла пошех. уѣздн. суда по III описи вязка 2, кн. 3, №№ 1258, 1263. Переписка пошехонской «канцеляріи свидѣтельства душъ» съ воеводой о подьячихъ для земскихъ комиссаровъ ibid., вязка 2, кн. 6, № 12. Дѣла орл. пров. канц. № 1064: распоряженіе кіевской переписной канц. о выборѣ земскихъ комиссаровъ въ орловской пров.; № 1174: требованіе подьячихъ для земскихъ комиссаровъ.

пись хлѣба сосредоточивалась въ тѣхъ же рукахъ, въ какихъ была и перепись людей, и обыкновенная провинціальная администрація устранялась отъ этой чисто административной задачи. Въ ноябрѣ того же года было приказано переписному персоналу собрать въ областяхъ и представить въ сенатъ свѣдѣнія о хлѣбныхъ цѣнахъ за послѣднія пятнадцать лѣтъ, и это требовалось исполнить въ очень короткій срокъ, къ декабрю. Вѣдомости о максимальныхъ и минимальныхъ цѣнахъ были, дѣйствительно, доставлены въ сенатъ черезъ переписчиковъ. Иногда правительство прибѣгало къ дѣйствію переписной военной организаціи послѣ того, какъ усилія добиться исполненія его распоряженій со стороны мѣстной администраціи оставались тщетными. Въ 1722 г. на большой московскій смотръ служилыхъ людей воеводамъ велѣно было выслать подьячихъ по очереди, раздѣливъ ихъ на двѣ смѣны. Но сенатъ нашелъ, что воеводы исполняли этотъ указъ неисправно, подьячимъ въ этой высылкѣ «чинили послабленіе», и поэтому, отстранивъ воеводъ, поручилъ это дѣло переписчикамъ, предписывая высылать подьячихъ, несмотря ни на какія воеводскія отговорки. Въ 1723 г. штатсъ-контора принесла жалобу, что губернаторы и воеводы не только не пересылаютъ деньги по ея требованіямъ, но даже не считаютъ нужнымъ отвѣчать на ея указы. Сенатъ точно такъ же обращается къ переписчикамъ съ приказаніемъ собрать всю наличную казну губерній и прислать ее въ тѣ мѣста, которыя будутъ назначены штатсъ-конторой. Офицеры занялись переписной наличности рентерей, и деньгамъ дано было движеніе въ штатсъ-контору. Такимъ образомъ, военные переписчики переписывали въ провинціи не только податныя души и хлѣбные запасы, но и денежную казну провинціальныхъ рентерей. Впослѣдствіи вмѣшательство ихъ въ провинціальное финансовое управленіе пошло дальше. Имъ поручалось воздѣйствовать на сборъ недоимокъ и высылать собранныя суммы прямо въ военную коллегію, что вызвало горячій протестъ со стороны камеръ-коллегіи, обиженной такимъ необыкновеннымъ порядкомъ сборовъ [1]). Качество этихъ кос-

[1]) Дѣл. сен. кн. 814, л. 418: «Всепресв. державн. Петръ В. имп. и сам. всер. указалъ генералитету и штабъ-офицерамъ, которые посланы въ губерніи и провинціи для переписки и свидѣтельства м. п. душъ, послать указы, чтобъ они собранныя въ губерніяхъ и провинціяхъ по послѣднимъ изъ сената указамъ на прошлые годы изъ доимки деньги табельныхъ доходовъ выслали всѣ въ военную коллегію въ самой скорости. А которыя деньги у нихъ были собраны и отданы въ рентереи, имъ же, генералитету и штабъ-офицеромъ, взявъ тѣ деньги, прислать потомужъ въ военную коллегію безъ всякаго замедленія и остановки. А сколько изъ

венныхъ порученій, возлагавшихся на переписчиковъ, было, какъ видимъ, довольно разнообразно, а количество ихъ было такъ значительно, что естественно должно было отрывать ихъ отъ исполненія ихъ главныхъ дѣлъ: переписи и расположенія полковъ и тормазить эти послѣднія. «Повелѣно мнѣ», пишетъ одинъ изъ генераловъ, «и постороннія дѣла сверхъ переписи и свидѣтельства отправлять, а именно: разбирать подьячихъ и высылать къ смотру въ сенатъ; переписать хлѣбъ во всей губерніи, сколько какого и у кого; также по указу изъ военной коллегіи велѣно сыскивать «великановъ» (для подарка извѣстному любителю солдатъ высокаго роста прусскому королю Фридриху Вильгельму); разыскивать служилыхъ бѣглыхъ всякихъ чиновъ и править деньги за бѣглыхъ солдатъ, у кого кто жили (военная коллегія въ февралѣ 1722 г., дѣйствительно, предписала переписчикамъ разыскивать кроющихся отъ службы и бѣглыхъ офицеровъ, драгунъ, солдатъ, матросовъ и рекрутъ, налагать штрафъ на тѣхъ, кто оказывалъ имъ укрывательство и взыскивать его); поручено жъ мнѣ дѣло слѣдовать о ясашныхъ татарахъ, то оныя вышереченныя дѣла кѣмъ могу обнять и привесть въ скорости къ окончанію [1])?»

Такъ переписчики постоянно уполномочивались указами свыше вмѣшиваться то въ ту, то въ другую отрасль дѣлъ, завѣдываніе которыми составляло обязанность органовъ мѣстнаго управленія. Это постоянное вмѣшательство должно было создавать привычку, и переписчики начинали себя чувствовать какъ бы вторыми органами областной администраціи, притомъ высшими относительно первыхъ. Правительство поддерживало такой взглядъ. Въ виду важности, какую оно придавало поголовной переписи и расположенію полковъ, считая это «главнымъ дѣломъ», оно дало переписчикамъ положеніе, ставившее ихъ высоко надъ общей областной администраціей. Подчиненные только военной коллегіи они заняли мѣсто на равной ступени іерархической лѣстницы съ остальными коллегіями, выражая это равенство

которой губерніи и провинціи тѣхъ денегъ отъ нихъ, генералитета и штабъ-офицеровъ, такъ же и изъ рентереи послано будетъ, о томъ... прислать вѣдомости въ сенатъ», 1723 г. 14 ноября. Жалобы камеръ-колл. см. дѣл. сен. кн. 713, л. 35.

[1]) Дѣл. сен. кн. 814, л. 735, 766. Дѣла угличской пров. канцел. № 750. Дѣл. сен. кн. 706, л. 16. П. С. З. № 4401. Дѣл. сен. кн. 814, л. 880; кн. 710, л. 24—25; кн. 701, л. 432; кн. 814, л. 708. П. С. З. № 4248. Дѣл. сен. кн. 814, л. 258. Дѣла камеръ-колл. вязка 22, д. 42. Дѣл. угличск. пров. канц. № 651. Дѣла камеръ-колл. вязка 22, д. 4. П. С. З. № 4082. Дѣл. сен. кн. 694, л. 298.

канцелярской формой «промеморій», въ какую облекались ихъ сношенія съ коллегіями. Губернаторамъ и тѣмъ болѣе воеводамъ они писали «указами», а тѣ отвѣчали имъ «доношеніями». Выраженіе «и я имъ, воеводамъ, велѣлъ» постоянно встрѣчается въ докладахъ переписчиковъ сенату. Уже по требованіямъ военнаго чинопочитанія воевода—носитель низшаго чина—долженъ былъ стушевываться передъ персоной такого важнаго ранга, какою былъ генералъ переписчикъ. Но кромѣ того, самыя порученія, которыя часто давались переписчикамъ относительно провинціальной администраціи, ставили послѣднюю въ совершенно подчиненное положеніе къ первымъ. Такъ, коллегіи поручали переписчикамъ взыскивать съ воеводъ налагаемые на нихъ за неисполненіе указовъ штрафы. Прибѣгая ко всякаго рода средствамъ, чтобы ускорять дѣйствіе областнаго управленія, правительство пользуется и переписнымъ персоналомъ, какъ однимъ изъ орудій такого ускоренія. Разославъ по провинціямъ гвардейскихъ оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ въ качествѣ «понудителей», оно возлагаетъ ту же функцію и на переписчиковъ, которымъ кстати поручаетъ и разборъ столкновеній, происшедшихъ между гвардейцами и органами администраціи. Предписавъ въ іюнѣ 1723 г. переписчикамъ выслать деньги изъ провинціальныхъ рентерей, сенатъ уполномочилъ ихъ допросить губернаторовъ, воеводъ, камерировъ и рентмейстеровъ, почему они не слушались указовъ изъ штатсъ-конторы и, если бы при этихъ разслѣдованіяхъ оказалось, что провинціальные чины медлили сборами съ населенія изъ корыстныхъ мотивовъ,—сажать губернаторовъ и воеводъ подъ караулъ, донося о томъ сенату, а должностныхъ лицъ меньшаго ранга: камерировъ, рентмейстеровъ и земскихъ комиссаровъ подвергать розыску съ пытками. Такъ какъ производство слѣдствія надъ чинами провинціальной администраціи, отвлекая ихъ отъ исполненія обязанностей, грозило остановить дѣятельность административной машины, то сенатъ по докладу одного изъ переписчиковъ, предоставилъ послѣднимъ еще болѣе широкія полномочія, давъ имъ право камерировъ, рентмейстеровъ и земскихъ комиссаровъ отрѣшать отъ должности и назначать на ихъ мѣста другихъ изъ мѣстнаго дворянства. Нѣтъ недостатка въ свидѣтельствахъ, что эти указы не оставались мертвой буквой. Генералъ Чекинъ, переписчикъ архангелогородской губерніи, сообщаетъ въ одномъ изъ своихъ донесеній сенату, что ему поручено камеръ - коллегіей привлечь къ розыску воеводу и камерира устюжской провинціи по обвиненіямъ, предъявленнымъ къ нимъ мѣстными фискалами, и въ другомъ, что офицеры переписчики, находящіеся подъ его командой, въ лѣтнее время 1723 г.

сверхъ своего дѣла были отягчены производствомъ слѣдствія «о свѣтскихъ командъ управителяхъ» и о недоимкахъ въ синодальной командѣ, т. е. въ церковныхъ вотчинахъ. Переписчикъ азовской губерніи Мякининъ привлекъ къ слѣдствію тамбовскаго воеводу Глѣбова по дѣлу о злоупотребленіяхъ его при сборѣ сказокъ. Слѣдствіе велось переписной канцеляріей, которая и приговорила Глѣбова за каждую пропущенную въ принятыхъ имъ сказкахъ душу къ штрафу по 1 рублю, и этотъ приговоръ былъ утвержденъ сенатомъ. По устраненіи воеводы тамбовской провинціей правили асессоры, но Мякининъ нашелъ, что эти асессоры запустили всѣ дѣла, денежные и провіантскіе сборы, а противъ одного изъ нихъ имѣлось подозрѣніе во взяткахъ, почему онъ и распорядился посадить его подъ арестъ. «Надлежитъ», сообщалъ онъ сенату, «по онымъ дѣламъ его разыскивать, и не долженъ онъ у опредѣленныхъ дѣлъ быть судьею, пока отъ тѣхъ дѣлъ оправдится». Надъ администраціей этой тамбовской провинціи переписчики все время тяготѣли какимъ-то злымъ рокомъ. Уже въ 1727 г., когда переписная канцелярія собиралась выѣзжать совсѣмъ изъ азовской губерніи, полковникъ Чебышевъ, завѣдывавшій переписнымъ дѣломъ въ тамбовской провинціи, обратился къ воеводѣ съ требованіемъ принять дѣла канцеляріи. Послѣдній отказался. Тогда полковникъ поступилъ такъ, какъ обыкновенно поступали съ областной администраціей гвардейцы, переписчики и вообще военные люди: было отряжено шестеро драгунъ подъ командой поручика, которые арестовали воеводу при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей. Полковникъ заключилъ его подъ караулъ при своей канцеляріи и держалъ его тамъ, пока не передалъ ему всѣ ревизскія дѣла «подъ неволею». Камериръ и земскіе комиссары бѣлозерской провинціи не могли отправить въ камеръ-коллегію требуемыхъ у нихъ вѣдомостей о недоимкахъ, такъ какъ находились «въ одержаніи у генералитета». Въ январѣ 1724 г. воевода пошехонской провинціи обратился къ переписчику петербургской губерніи генералу Волкову съ просьбой отпустить камерира, рентмейстера, земскихъ комиссаровъ и подьячихъ, которые съ 12 іюля 1723 г. взяты были въ пошехонскую переписную канцелярію, находившуюся подъ начальствомъ капитана Шестемирева, и тамъ держались для допросовъ и составленія вѣдомостей. Въ 1722 г. карачевскій земскій комиссаръ сѣвской провинціи подвергнутъ былъ розыску по дѣлу о допущенной имъ утайкѣ душъ въ кіевской переписной канцеляріи, которая приговорила его къ конфискаціи движимаго и недвижимаго имѣнія. Та же канцелярія привлекаетъ къ слѣдствію асессора надворнаго суда, обвиняемаго въ укрывательствѣ бѣглаго солдата. Асессоръ отказывается сначала отвѣчать

передъ этимъ трибуналомъ, и переписная канцелярія подвергаетъ его аресту. Донеся о сопротивленіи асессора въ сенатъ, она получила оттуда указъ продолжать начатое слѣдствіе. Въ 1723 г. въ синодъ были присланы извѣстія «о происходящихъ отъ генералитета сборамъ препятствіяхъ», послѣ того, какъ переписнымъ канцеляріямъ было поручено позаботиться о скорѣйшемъ взысканіи недоимокъ. Оказались «забранными» и находились «въ одержаніи» у переписчиковъ правители и приказные люди синодальныхъ вотчинъ, управленіе которыми, вслѣдствіе этого «пришло въ остановку». Такія жалобы поступили въ синодъ изъ провинцій: псковской, бѣлгородской, владимірской, нижегородской, шацкой, воронежской, тверской, галицкой, калужской, сѣвской, суздальской, тульской и ярославской. Но, можетъ быть, нигдѣ столкновеніе переписчика съ администраціей не достигло такихъ обширныхъ размѣровъ, какъ въ великолуцкой провинціи. Полковникъ Стоговъ, отряженный генераломъ Волковымъ для свидѣтельства душъ и расположенія полковъ въ этой провинціи и уже знакомый намъ по своей кровавой расправѣ съ виновными въ утайкѣ душъ помѣщиками, не менѣе свирѣпо отнесся и къ представителямъ мѣстной администраціи. Ознакомившись съ ходомъ дѣлъ провинціальнаго управленія, онъ пришелъ къ заключенію, что камериръ «отправляетъ дѣла весьма слабо, сидитъ неприлежно», и нашелъ его достойнымъ не только «оковъ и желѣзъ», но и «безпощаднаго истязанія и розыска». При ревизіи рентереи онъ обнаружилъ хищеніе денежной казны. Земскихъ комиссаровъ онъ держалъ въ заключеніи въ камерирской конторѣ за запущенныя недоимки. Воевода и камериръ отказались дать ему письменный отвѣтъ на допросные пункты, предложенные имъ полковникомъ о замѣченныхъ безпорядкахъ въ управленіи. Тогда полковникъ обратился къ генералу Волкову, отъ котораго получилъ указъ: «воеводу за преслушаніе и противность указамъ призвать въ канцелярію и арестовать, а камерира держать въ земской конторѣ въ оковахъ, приставя къ оной земской конторѣ свой караулъ и для надзиранія изъ капитановъ одного безперемѣнно». Произошла обыкновенная сцена: въ воеводскую канцелярію явился вооруженный отрядъ подъ начальствомъ штабъ-офицера, который, какъ писалъ воевода, «сказалъ мнѣ и камериру арестъ и взялъ отъ насъ шпаги, а камерира сковалъ въ желѣза и, сковавъ, развелъ насъ порознь и приказалъ держать насъ капитану подъ жестокимъ карауломъ и поставивши на часахъ драгунъ съ ружьемъ, которые насъ изъ подъ караула никуда ни мало не выпускаютъ, а держатъ насъ подъ тѣмъ карауломъ, будто злодѣевъ».

Такъ, кромѣ обыкновенной администраціи въ провинціи установилась другая, своеобразная, временная по назначенію, но постоянная по дѣйствію военная система съ генералитетомъ въ центрахъ старыхъ губерній, съ большимъ количествомъ штабъ и оберъ-офицеровъ, какъ послушныхъ орудій, по провинціямъ и уѣздамъ. Размѣстившись и открывъ свои канцеляріи въ губернскихъ центрахъ, откуда они слѣдили за тѣми или другими дѣйствіями провинціальныхъ властей и откуда слали къ нимъ свои указы, «переписчики» сдѣлались какъ бы генералъ-губернаторами, подчинявшими себѣ провинціальныхъ правителей, и въ этомъ подчиненіи воскресала старая петровская губернія, значеніе которой было уничтожено реформой 1719 г., пытавшейся сдѣлать провинціальнаго воеводу независимымъ отъ губернскаго центра. Этою зависимостью провинціальнаго управленія отъ генерала переписчика, дѣйствовавшаго изъ губернскаго города, подготовлялась будущая зависимость провинціальнаго воеводы отъ губернатора, которую и установитъ контръ-реформа Екатерины I, приводившая систему мѣстнаго управленія въ строгую іерархію. Этотъ неожиданно явившійся наростъ надъ провинціей, какимъ оказывались переписчики, не могъ остаться безъ вліянія на дѣятельность провинціальной администраціи. Переписчики вообще стѣсняли и парализовали эту администрацію. Они стѣсняли ее тѣмъ, что отстраняли ее отъ ряда административныхъ дѣлъ, передаваемыхъ въ ихъ руки правительствомъ, которое выказывало къ нимъ болѣе довѣрія и ожидало отъ нихъ болѣе скораго и отчетливаго исполненія своихъ предписаній. Они парализовали ее тѣмъ, что постоянно обращались къ ней съ различнаго рода требованіями по дѣламъ, касавшимся переписи и расположенія полковъ, привлекали чиновъ администраціи къ своему слѣдствію по порученію свыше, держали ихъ подъ арестомъ и опустошали присутственныя мѣста, забирая къ себѣ ихъ и безъ того скудныя приказныя силы. Правительство не колебалось постоянно ставить чиновъ администраціи въ унизительное положеніе передъ переписчиками, поручая послѣднимъ ревизовать администрацію, подвергать ее взысканіямъ и даже устранять ея чиновъ отъ занимаемыхъ ими должностей, а при столкновеніяхъ въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда администрація оказывала сопротивленіе, переписчики, опираясь на военную силу, находившуюся въ ихъ распоряженіи, одерживали верхъ. Все это не могло не отразиться на отношеніи переписныхъ командъ къ чинамъ мѣстнаго управленія, которое не только у генералитета, но и у простыхъ офицеровъ, приняло пренебрежительный характеръ. Офицеры-переписчики знать не хотѣли мѣстныхъ властей, которыхъ они же допрашивали и штрафо-

вали, при случаѣ не скрывали къ нимъ своего пренебреженія, и провинціальное управленіе оказывалось передъ ними безсильнымъ. Въ 1724 г. капитанъ переписной канцеляріи, дѣйствовавшей въ угличской провинціи, Батуринъ, предъявилъ искъ къ угличскому подканцеляристу Тарханову о похищенномъ платьѣ. Дѣло разбиралось воеводою съ асессоромъ. Батуринъ и явившіеся съ нимъ другіе офицеры въ провинціальной канцеляріи вели себя «дерзостно, вздорили и кричали», а одинъ изъ нихъ даже обратился къ членамъ судебнаго присутствія съ угрозами. Воевода и асессоръ донесли о поведеніи офицеровъ ихъ непосредственному начальству, полковнику, завѣдывавшему переписью въ угличской провинціи. Полковникъ сначала не принялъ бумаги, потому что она не была написана въ формѣ промеморіи, а когда она была отправлена къ нему въ желательной для него формѣ, то на требованіе прислать обвиняемыхъ офицеровъ, отвѣтилъ, что они посланы въ уѣздъ и заняты тамъ государевымъ дѣломъ, о чемъ съ колкою вѣжливостью и просилъ угличскую воеводскую канцелярію «благоволить быть извѣстной». Такое безсиліе администраціи, разумѣется, не содѣйствовало уваженію къ ней со стороны общества, и что было, можетъ быть, еще хуже, заставляло ее терять всякое уваженіе къ самой себѣ. Все болѣе оттѣсняя, парализуя и подавляя новую мѣстную администрацію, переписныя канцеляріи подрывали ея значеніе. Но онѣ не были единственнымъ послѣдствіемъ введенія новой подати, губительнымъ для системы мѣстнаго управленія 1719 г. [1]).

[1]) Дѣл. сен. кн. 688, л. 127; кн. 814, л. 258. Дѣла елатомск. уѣздн. суда оп. III, д. 19. Дѣла курмышской воев. канц. № 330, 1725 г. 20 янв. Дѣл. сен. кн. 814, л. 179. П. С. З. №№ 4145, п. 7; 4248, п. 2. Дѣла сен. кн. 813, л. 384; кн. 814, л. 211; кн. 694, л. 430. Дѣла камеръ-колл. вязка 19, д. 2. Дѣл. сен. кн. 224, л. 2 и сл.; кн. 711, л. 5—42; кн. 688, л. 417; кн. 814, л. 295; кн. 688, л. 342—344; кн. 701, л. 325; кн. 713, л. 65; кн. 813, л. 464; кн. 688, л. 165; кн. 691, л. 175; кн. 700, л. 94—107: «подьячіе взяты къ генералитету и штабъ и оберъ-офицерамъ»; кн. 696, л. 66—79. Дѣл. угличск. пров. канц. № 690. Дѣла пошех. уѣздн. суда по III оп. вязка 2, кн. 6, мартъ, №№ 11, 12; оп. II, кн. 46, л. 58; оп. II, вязка 4, кн. 38, л. 439: завѣдующій переписнымъ дѣломъ въ пошехонской провинціи *капитанъ* Шестемиревъ предписываетъ воеводѣ, *подполковнику* Хитрово, не выѣзжать изъ Романова, не дождавшись его, такъ какъ онъ имѣетъ передать воеводѣ предписаніе генерала Волкова. Оп. III, вязка 2, книга 3: 16 апр. 1724 г. воевода приказалъ позвать въ свою канцелярію писаря земской конторы. Писарь не явился, такъ какъ его не пустилъ находившійся тогда въ земской конторѣ офицеръ переписной канцеляріи капитанъ Зеленый. Послѣ неоднократно повторенныхъ требованій воеводы капитанъ явился самъ въ воеводскую

V.

Переписныя канцеляріи, занявшія такое властное положеніе относительно мѣстной администраціи, были организованы для предварительныхъ операцій по введенію новой подати. Но и самый способъ взиманія подушной какъ онъ былъ устроенъ, повлекъ за собою не менѣе важныя послѣдствія для провинціальной администраціи, чѣмъ ея предварительная подготовка. Онъ вводилъ въ систему областнаго управленія еще новую силу—полковую администрацію, дѣйствіе которой также должно было неизбѣжно отразиться на положеніи и дѣятельности общей провинціальной администраціи, такъ какъ между этими двумя администраціями должны были возникнуть постоянныя отношенія.

Вся Россія была подраздѣлена на новые административно-финансовые округа, полковые дистрикты, съ полковымъ, или штабнымъ, дворомъ въ центрѣ, съ особыми ротными слободами или съ деревнями, въ которыхъ по крестьянскимъ дворамъ были разставлены солдаты, вокругъ. Между помѣщиками дистрикта и крестьянской массой съ одной стороны и между военнымъ элементомъ съ другой получалось неизбѣжное взаимодѣйствіе. Хорошо предвидя, къ чему оно поведетъ, законодатель старался заранѣе возможно полнѣе регламентировать подробности отношеній располагаемыхъ полковъ къ окружающей ихъ землевладѣльческой и земледѣльческой средѣ. Цѣлый рядъ изданныхъ въ 1723 и 1724 гг. обширныхъ и подробныхъ постановленій посвященъ этимъ отношеніямъ. Таковы: указъ 3 сент. 1723 г. о недопущеніи взаимныхъ обидъ между солдатами и обывателями, плакатъ, имѣвшій цѣлью ознакомить общество съ новымъ порядкомъ сбора подати и содержанія войска, инструкція полковнику, указъ о должности полковника и инструкція земскому комиссару. Цѣлый рядъ статей въ этихъ постановленіяхъ стремится оградить сельское населеніе отъ обидъ со стороны полка. Полковымъ чинамъ строго запрещалось вмѣшиваться въ сельскохозяйственное управленіе и работы въ помѣщичьихъ и

канцелярію и сказалъ воеводѣ, «что онаго писаря къ нему, подполковнику и воеводѣ, нынѣ и впредь, пока онъ не отправитъ подушныхъ книгъ, онъ, капитанъ Зеленый, отпускать не будетъ». Дѣла орловск. пров. канц. № 1174: кіевская переписная канцелярія потребовала у орловскаго воеводы подьячихъ для выборныхъ земскихъ комиссаровъ. Воевода отказалъ за недостаткомъ. Тогда изъ переписной канцеляріи былъ посланъ въ орловскую провинцію поручикъ съ предписаніемъ взять четырехъ подьячихъ несмотря ни на какія отговорки.

крестьянскихъ земляхъ; въѣзжать въ угодья съ псовыми и птичьими охотами и для ловли звѣрей и птицъ; ловить рыбу въ рѣкахъ и прудахъ безъ разрѣшенія помѣщиковъ; вредить полямъ и сѣнокосамъ пастьбой лошадей, которыхъ слѣдовало пасти на особыхъ спеціально отведенныхъ выгонахъ; рубить дрова не въ тѣхъ лѣсахъ, которые будутъ отведены для рубки. Только солдаты, разставленные по крестьянскимъ дворамъ могли довольствоваться хозяйскимъ отопленіемъ; ротныя слободы должны были заготовлять топливо сами, причемъ военнымъ поселкамъ законодатель желалъ придать значеніе проводниковъ въ народную массу иноземныхъ хозяйственныхъ пріемовъ: въ степныхъ и безлѣсныхъ мѣстахъ инструкціи предписывали самимъ же солдатамъ выдѣлывать для отопленія торфъ «на голландскій манеръ» или топить печи высушеннымъ дерномъ, какъ это дѣлалось въ Голштиніи.

Можно было предвидѣть, что въ военныхъ поселкахъ, состоявшихъ изъ земледѣльцевъ, одѣтыхъ въ мундиры, оторванныхъ отъ земли и теперь опять такъ близко поставленныхъ къ ней, подъ покровомъ мира, на который надѣялись, станетъ развиваться потребность самостоятельнаго сельскаго хозяйства; законъ предусматриваетъ это и разрѣшаетъ офицерамъ и солдатамъ держать свой скотъ и птицу, соблюдая правила о пастьбѣ и не спрашивая корму съ помѣщиковъ и крестьянъ, притомъ держать только для своего хозяйственнаго обихода, а отнюдь не для сбыта, отчего могли бы пострадать интересы сельскаго населенія. Ту же конкурренцію онъ устраняетъ, запрещая унтеръ-офицерамъ и солдатамъ заниматься торговлей, кромѣ произведеній своего мастерства. Въ свободное отъ службы время рядовымъ позволялось наниматься у помѣщиковъ и у крестьянъ на работу, но не въ далекѣ отъ квартиръ и безъ вреда интересамъ службы. Наконецъ, законъ предусматривалъ и иныя отношенія, которыя должно было породить близкое сосѣдство. Безъ разрѣшенія помѣщиковъ не позволялось военнымъ чинамъ вступать въ бракъ съ ихъ крѣпостными; однако та же статья закона запрещала и помѣщикамъ препятствовать выходу своихъ крѣпостныхъ за военныхъ чиновъ при наличности желанія первыхъ и уплаты обычнаго въ такихъ случаяхъ «вывода» отъ вторыхъ. Таково содержаніе этихъ статей, ограждающихъ сельское населеніе отъ вводимаго въ его среду военнаго элемента: онѣ показываютъ, съ какою пророческою зоркостью правительство предвидѣло, что обѣщалъ для землевладѣльцевъ и крестьянъ новый порядокъ расквартированія арміи [1].

[1]) Дѣл. сен. кн. 701, л. 608—615: докладъ военной коллегіи, гдѣ предла-

Одновременно съ тѣмъ, а въ иныхъ случаяхъ даже и ранѣе того, какъ полки или ихъ части вступали въ массу сельскаго населенія, поселяясь ротными слободами среди деревень или размѣщаясь у крестьянъ въ этихъ деревняхъ, полковой или штабный дворъ, какъ средоточіе полковаго управленія, вдвигался въ систему общей областной администраціи. Параллельно съ тѣмъ, какъ между расквартированными солдатами и мѣстными обывателями возникали безчисленныя ежедневныя отношенія, неизбѣжно должны были сложиться постоянныя отношенія между органами двухъ управленій: провинціальнаго гражданскаго и полковаго военнаго. Ежедневно должны были возникать случаи, когда слѣдовало дѣйствовать обоимъ, такъ какъ затрогивались оба элемента: крестьянскій и военный, и существовали постоянныя дѣла, касавшіяся обоихъ. Полкъ становился такою непремѣнною принадлежностью той мѣстности, въ которой онъ былъ поселенъ на *вѣчныя* квартиры, интересы этой мѣстности дѣлались ему до того близки, что нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что полковнику, кромѣ обязанностей чисто военныхъ и военно-хозяйственныхъ по командованію полкомъ и веденію полковой администраціи, были поручены нѣкоторыя обязанности по земскому управленію. Было и еще основаніе для такого порученія. Благодаря нововведеніямъ въ хозяйствѣ полка между населеніемъ дистрикта и полкомъ завязывалась тѣснѣйшая связь, неразрывными нитями которой были подушные платежи, шедшіе съ душъ дистрикта на содержаніе полка. Подушная подать, высасываемая изъ населенія и питавшая полкъ, одинаково близко касалась ихъ обоихъ. Полкъ былъ заинтересованъ ея своевременнымъ и полнымъ поступленіемъ въ его казначейство; населеніе было заинтересовано размѣромъ оклада, добросовѣстностью и правильностью сбора. Будучи связью обоихъ элементовъ, изъ которыхъ теперь состояло населеніе дистрикта: ея сельскихъ плательщиковъ и ея военныхъ потребителей, подушная подать открывала путь вмѣшательству полковаго начальства въ земскія дѣла. Сборъ подушной подати былъ возложенъ на выборнаго земскаго комиссара, но въ видѣ временной мѣры только на годъ, 1725-й, «для новости дѣла, дабы комиссары какой конфузіи не сдѣлали и дабы добрый анштальтъ ввесть», къ производству этого сбора совмѣстно съ земскимъ комиссаромъ былъ привлеченъ и полковникъ съ своими штабъ и оберъ-офицерами. Это

гаются вопросы, разрѣшенные перечисленными въ текстѣ постановленіями. Самыя эти постановленія см. П. С. З. №№ 4294, 4533, (плакатъ), 4534 (инструкція полковнику), 4535 (указъ о должности полковника), 4536 (инструкція земскому комиссару).

временное правило обнаружило наклонность обратиться въ постоянное; такой порядокъ сбора былъ продолженъ и на слѣдующій 1726 годъ и дѣйствовалъ до самаго указа, отмѣнявшаго расположеніе полковъ по дистриктамъ.

Кромѣ непосредственнаго участія въ самомъ производствѣ сбора, изъ того значенія, какое имѣла подушная подать для полка, выходили и другія обязанности полковаго начальства и по отношенію къ сборщику подати: земскому комиссару, и по отношенію къ ея плательщикамъ — дистриктному населенію. Полковнику было предоставлено участіе въ выборахъ перваго, а именно: онъ вмѣстѣ съ воеводой долженъ былъ созывать дистриктный съѣздъ избирателей въ томъ случаѣ, если бы они не съѣхались сами. Послѣдніе съѣзжались настолько неохотно и туго, что указъ 1725 г. предписывалъ полковому начальству «понуждать» ихъ собираться. Полковнику же вручался и протоколъ избирательнаго съѣзда—«выборъ за руками». Самая дѣятельность земскаго комиссара была поставлена подъ постоянное «надзираніе и смотрѣніе» полковника и за неисправности въ подушномъ сборѣ онъ имѣлъ право по соглашенію съ воеводой предать земскаго комиссара суду. Обязанности полковника относительно населенія дистрикта имѣли цѣлью обезпеченіе исправности уплаты имъ подушнаго платежа. Ему давалось предписаніе уѣздныхъ людей «отъ всякихъ налогъ и обидъ охранять», чтобы оберечь ихъ платежныя силы. Онъ долженъ былъ слѣдить за движеніемъ податныхъ душъ, во-первыхъ, наблюдая, чтобы переводъ крестьянъ помѣщиками изъ одного имѣнія въ другое совершался не иначе, какъ съ разрѣшенія камеръ-коллегіи и чтобы за переведенныхъ подать платилась въ томъ имѣніи, откуда ихъ уводили; во-вторыхъ, снабжая своею подписью и печатью паспорты, которые выдавались изъ канцеляріи земскаго комиссара крестьянамъ, уходившимъ изъ дистрикта на заработки. Ему поручалось предупреждать и пресѣкать незаконный уходъ крестьянъ изъ дистрикта — крестьянскіе побѣги, преслѣдовать бѣжавшихъ, ловить ихъ и отсылать бѣглецовъ къ помѣщикамъ для наказанія и, дѣйствительно, между полковыми дворами происходитъ безпрестанная переписка по поводу бѣглыхъ и пересылка ихъ, такъ что сѣть военныхъ поселеній сдѣлалась удобнымъ орудіемъ для помѣщичьяго класса въ борьбѣ со все болѣе развивающимся побѣгомъ крестьянъ. На полковникѣ лежало также и улаживаніе споровъ и столкновеній, возникавшихъ между чинами полка и обывателями. Что ему приносились населеніемъ жалобы на обиды и притѣсненія отъ солдатъ и офицеровъ и что законъ предоставлялъ ему судить ихъ и наказывать по военному артикулу—это было вполнѣ въ

порядкѣ вещей; но любопытно, что ему поручалась судебная власть и надъ населеніемъ по дѣламъ, гдѣ потерпѣвшей стороной являлись военные чины. Въ случаѣ обидъ, нанесенныхъ офицерамъ и солдатамъ обывателями, онъ привлекалъ послѣднихъ къ своему суду, причемъ на этомъ судѣ требовалось присутствіе земскаго комиссара, если въ качествѣ отвѣтчиковъ являлись крестьяне, и присутствіе, кромѣ земскаго комиссара, еще одного или двухъ дворянъ дистрикта, если отвѣтчиками были сами помѣщики. Изъ юрисдикціи полковника надъ обывателями дистрикта исключались, впрочемъ, важнѣйшія уголовныя, «криминальныя», дѣла, которыя было предписано направлять въ обыкновенные трибуналы. Тяжбы между чинами полка и посадскими людьми должны были разбираться судомъ въ различномъ составѣ, смотря по отвѣтчикамъ. Если отвѣтчикомъ былъ солдатъ или офицеръ полка, дѣло разсматривалось полковымъ судомъ съ участіемъ двухъ депутатовъ отъ городоваго магистрата; если, наоборотъ, отвѣтчикомъ былъ посадскій,— то магистратомъ съ участіемъ депутатовъ отъ полка. Такимъ образомъ, съ расположеніемъ полковъ въ систему судебныхъ учрежденій вдвигались новые полковые трибуналы, непредвидѣнные законами о судебныхъ учрежденіяхъ съ значеніемъ старинныхъ русскихъ «смѣсныхъ», или «вопчихъ» судовъ, разбиравшихъ тяжбы между сторонами, принадлежавшими къ различнымъ вѣдомствамъ [1]).

Таковы были главнѣйшія обязанности полковника. Онѣ были связаны своимъ происхожденіемъ съ подушнымъ сборомъ, и въ нихъ входили, какъ видимъ, нѣкоторыя административныя функціи, направленныя къ соблюденію точности въ сборѣ, къ устраненію возможныхъ при немъ злоупотребленій, къ поддержанію платежной способности населенія, хотя мѣрами исключительно отрицательнаго свойства, какими были пресѣченіе крестьянскихъ побѣговъ и наблюденіе за передвиженіемъ податныхъ душъ; въ нихъ входили также и нѣкоторыя судебныя функціи—по разбору дѣлъ между обоими элементами населенія дистрикта. Но разъ въ провинціяхъ появились учрежденія, обладающія матеріальной силой, какъ полковые дворы, правительство Петра, неразборчивое въ средствахъ, тотчасъ же стало пользоваться ими, какъ

[1]) Инстр. полковн. п. 1—4. П. С. З. №№ 4535, п. 1, 4637. Плакатъ I, п. 4. Д. сен. кн. 711, л. 352: «и въ томъ (въ выборахъ земскихъ комиссаровъ) тѣхъ помѣщиковъ понуждать обрѣтающимся на квартирахъ штабъ и оберъ-офицерамъ съ губернаторами и воеводами обще». П. С. З. №№ 4697, 4752. Инстр. полков. п. 11. П. С. З. № 4535 п. 2, 11—13. Плакатъ II, п. 17, 13, 9, 8. Дѣла каммеръ-колл. вязка 8, д. 31. Дѣла угличск. пров. канц. оп. X, № 35.

орудіями для осуществленія общеадминистративныхъ задачъ. На нихъ прежде всего стала возлагаться полиція безопасности. Полковникъ и офицеры обязаны были смотрѣть, чтобы въ ихъ дистриктѣ не было разбойниковъ, а въ случаѣ ихъ появленія ловить ихъ, не стѣсняясь предѣлами дистрикта и отсылать въ надлежащія судебныя мѣста. Всякій, кто узнаетъ объ ихъ появленіи въ дистриктѣ, обязывался немедленно заявить объ этомъ на полковой дворъ и оказать содѣйствіе военной командѣ въ ихъ поимкѣ. На практикѣ, дѣйствительно, населеніе постоянно подаетъ на полковой дворъ заявленія о произшедшихъ кражахъ, приводитъ туда пойманныхъ воровъ и подозрительныхъ людей. Полковой дворъ, снявъ съ нихъ допросъ, пересылаетъ ихъ въ воеводскую канцелярію и, быть можетъ, дѣятельность военныхъ командъ по охраненію безопасности въ дистриктѣ и уменьшенію разбоевъ была наиболѣе, если не единственною благотворною. Заботамъ полковаго начальства поручалось также наблюдать, чтобы въ дистриктѣ не находили пристанища бѣглые, которыхъ также слѣдовало отсылать къ воеводамъ, чтобы не было корчемства, частной торговли товарами, составлявшими предметъ казенной монополіи, безпошлинной торговли вообще. Полковые дворы играютъ также роль общей исполнительной полиціи. Они служатъ исполнительными органами переписныхъ канцелярій. Ихъ содѣйствіемъ пользуются иногда провинціальныя канцеляріи. Къ нимъ должны обращаться судебныя учрежденія съ требованіями о высылкѣ къ суду крестьянъ. Они производятъ отписку деревень, конфискованныхъ за преступленія у помѣщиковъ по судебнымъ приговорамъ, причемъ на нихъ же возложено наблюденіе за этими деревнями, сборъ съ нихъ государственныхъ податей и помѣщичьихъ доходовъ, изъ которыхъ полковникамъ выдѣляется часть въ вознагражденіе, «смотря по прилежному ихъ тѣхъ деревень содержанію». Черезъ полковниковъ проводитъ правительство усовершенствованные методы въ области сельскаго хозяйства. Еще въ 1721 г. по разнымъ провинціямъ Великороссіи были разосланы лифляндскіе и эстляндскіе крестьяне для обученія русскихъ крестьянъ своимъ пріемамъ жатвы—снимать хлѣбъ вмѣсто серповъ малыми косами съ граблями. Въ 1726 г. камеръ-коллегія представила отчетъ объ успѣхахъ дѣятельности этихъ своеобразныхъ профессоровъ агрономіи; оказались обученными нѣсколько тысячъ русскихъ крестьянъ, и сенатъ предписалъ земскимъ комиссарамъ и штабъ и оберъ-офицерамъ наблюдать, «чтобы то обученіе въ косьбѣ хлѣба не было отъ мужиковъ кинуто» а также по возможности содѣйствовать распространенію новаго способа жнитва, забывая, что этимъ указомъ онъ нарушалъ изданный ранѣе законъ, воспрещающій полковымъ чи-

намъ вмѣшиваться въ сельско-хозяйственныя работы дистриктнаго населенія. Полковнику было поручено, далѣе, попеченіе о лѣсахъ, и полкъ былъ обязанъ оказывать помощь вальдмейстерамъ въ преслѣдованіи лѣсныхъ порубокъ. О каждой порубкѣ въ заповѣдныхъ лѣсахъ вальдмейстеръ долженъ донести полковнику или въ его отсутствіе офицерамъ и земскому комиссару, которые осматриваютъ порубку; въ ихъ же присутствіи производится вальдмейстеромъ и взысканіе штрафа съ виновныхъ. Наконецъ, полковое начальство до извѣстной степени отправляло функціи также и полиціи нравовъ: одновременно съ воеводами и земскими комиссарами оно должно было наблюдать, чтобы отставные военные, живущіе въ дистриктѣ, ежегодно бывали у исповѣди [1]).

Такъ, значительная доля полицейской дѣятельности въ дистриктѣ, въ однихъ случаяхъ состоявшей въ принятіи самостоятельныхъ мѣръ, въ другихъ только въ исполненіи общихъ указовъ полицейскаго характера и отдѣльныхъ постановленій правительственныхъ мѣстъ, легла теперь на полковую администрацію. Легко замѣтить, какъ часто эти полицейскія обязанности совпадали съ тѣми, которыя возлагались на общее провинціальное управленіе, воеводъ и земскихъ комиссаровъ. Въ провинціи появлялось такимъ образомъ два ряда органовъ съ совершенно одинаковыми задачами: провинціальный воевода и полковники расположенныхъ по дистриктамъ полковъ. Эти органы были равнаго служебнаго ранга, занимали одну и ту же ступень іерархической лѣстницы и, хотя компетенція полковаго двора распространялась только на одинъ изъ дистриктовъ провинціи, однако онъ сносился не иначе, какъ въ формѣ промеморіи съ воеводской канцеляріей, компетенція которой простиралась на всю провинцію. При такомъ совпаденіи обязанностей между двумя этими равными администраціями трудно было установить опредѣленно ихъ взаимныя отношенія. Производство нѣкоторыхъ дѣйствій поручалось обѣимъ совмѣстно. Совмѣстно предписывалось пол-

[1]) Плакатъ II, 11. Указъ о должн. полковн. 18. Дѣла угличск. пров. канц. №№ 783, 794, 801, 803; по X описи д. 4. Дѣла муромск. уѣздн. суда оп. I, №№ 31, 29. П. С. З. № 4535, п. 17, 16. Плакатъ II, 10. П. С. З. №№ 4535, п. 14, 19; 4590, 4912, 4754, 4525. Дѣла камеръ-колл. вязка 8, д. 25 (отписка деревень). Дѣла курмышск. воев. канц. № 330, 1725 г. 22 янв. и 24 марта. Дѣла пошехонск. уѣздн. суда по III оп. вязка 2, кн. 6: іюнь №№ 46, 52, 67, августъ № 75: полковой дворъ присылаетъ приведенныхъ на него двухъ человѣкъ съ фальшивой монетой; декабрь № 44. Дѣла орловской пров. канц. №№ 1271, 1298, 1431, 1476, 1477, 1490, 1514, 1556, 1565, 1573, 1589, 1602, 1709.

ковнику съ воеводой созывать дистриктные съѣзды дворянъ для избранія земскаго комиссара, «обще съ воеводой» полковникъ долженъ былъ осуществлять надзоръ надъ дѣйствіями земскаго комиссара и предавать его суду въ случаѣ замѣченныхъ неисправностей. Общая ихъ работа требовалась, далѣе, для обезпеченія безопасности и для исполненія мѣръ, проводимыхъ высшимъ правительствомъ. Въ этихъ случаяхъ они представляются какъ бы равными силами. Но нельзя не замѣтить, при дальнѣйшемъ наблюденіи, что полковая администрація оттѣсняетъ провинціальную на второй планъ. У самого правительства ясно выражается стремленіе отдавать полковой администраціи преимущество: оно, повидимому, больше ей довѣряетъ, чѣмъ провинціальной, подобно тому, какъ оно съ большимъ довѣріемъ относилось къ переписчикамъ, чѣмъ къ воеводамъ. Это преобладаніе полковой администраціи надъ провинціальной является естественнымъ послѣдствіемъ того факта, что въ ея завѣдываніе переходило самое важное дѣло провинціальнаго управленія, самый крупный изъ государственныхъ сборовъ, составлявшій наиболѣе значительную статью бюджета и шедшій на удовлетвореніе государственныхъ потребностей, считавшихся тогда главнѣйшими. Въ уѣздахъ онъ производился земскими комиссарами, всецѣло очутившимися въ распоряженіи полка, такъ что воевода и главный финансовый чиновникъ провинціи, камериръ, оказались отстраненными отъ этого сбора. Въ вѣдомствѣ провинціальнаго финансоваго управленія осталось взиманіе косвенныхъ сборовъ, со введеніемъ подушной потерявшихъ свое прежнее первостепенное значеніе въ бюджетѣ, далѣе, взиманіе такъ называемыхъ «канцелярскихъ сборовъ», а по отдѣлу прямыхъ — лишь собираніе недоимокъ по прежнимъ налогамъ, замѣнить которые и должна была подушная. До чего стѣснены были въ своихъ дѣйствіяхъ по взысканію прежнихъ недоимокъ камерирскія конторы, видно изъ того, что посылать въ уѣздъ своихъ агентовъ, онѣ могли не иначе, какъ съ вѣдома полковаго начальства. Точно такъ же и завѣдываніе другою важною повинностью, рекрутскимъ наборомъ, было изъято изъ вѣдѣнія провинціальной администраціи и, какъ мотивъ этого изъятія, приводилось соображеніе, что если поручить эту обязанность воеводамъ, то произойдетъ уѣздному населенію великая тягость, а въ подушномъ сборѣ остановка и помѣшательство. Поэтому недобранныхъ въ прежніе наборы рекрутъ по 1724 г. включительно предписано было собрать земскимъ комиссарамъ подъ общимъ наблюденіемъ полковыхъ командировъ и воеводъ, а относительно будущихъ наборовъ было постановлено, чтобы губернаторы и воеводы въ нихъ «не мѣшались», такъ же, какъ и въ денежные сборы. Такимъ образомъ, провинціаль-

ная администрація устранялась отъ наблюденія за земскими комиссарами въ дѣлѣ рекрутскихъ наборовъ, и это наблюденіе было предоставлено однимъ полковникамъ. Сосредоточивая въ своихъ рукахъ завѣдываніе двумя важнѣйшими для правительства и для населенія повинностями: подушной податью и рекрутскимъ наборомъ, отъ которыхъ провинціальное управленіе такъ рѣзко отстранялось, полковая администрація получала надъ нимъ естественный перевѣсъ. Этотъ перевѣсъ въ особенности ярко сказывался въ томъ порученіи надзора за дѣйствіями провинціальной администраціи, какое давалось полковому начальству, которому предоставлено было «смотрѣніе за губернаторами и воеводами» относительно исполненія ими указовъ сената и коллегій. Въ случаѣ замѣченной неисправности въ исполненіи этихъ указовъ или нарушенія ихъ, полковники обязаны были доносить въ тѣ учрежденія, откуда присланы были указы. Правда, имъ было запрещено подвергать чиновъ провинціальной администраціи взысканіямъ за такія неисправности и нарушенія по собственной иниціативѣ, но законъ предусматриваетъ случай, когда высшія правительственныя учрежденія предоставятъ производство этихъ взысканій полковникамъ и вполнѣ разрѣшаетъ такой образъ дѣйствій. Иногда полковому начальству поручалось производство слѣдствія надъ чинами провинціальной администраціи. Подьячій Андрей Ивановъ подалъ доносъ въ камеръ-коллегію на орловскаго воеводу, обвиняя его во взяткахъ. Камеръ-коллегія обратилась въ переписную канцелярію кіевской губерніи съ просьбой о разслѣдованіи, а эта послѣдняя предписала произвести слѣдствіе капитану, завѣдывавшему ближайшимъ къ Орлу полковымъ дворомъ тобольскаго драгунскаго полка. Воевода, подполковникъ Хрипуновъ, долженъ былъ явиться лично на полковой дворъ и тамъ подвергнутъ былъ капитаномъ въ присутствіи фискала и доносчика унизительному допросу, при чемъ доносчикъ опровергалъ его показанія. Такому же допросу подвергался и камериръ [1]).

Но разъ что равновѣсіе между двумя властями въ провинціи было нарушено, трудно будетъ удержать перетянувшую сторону въ ея стремленіи продолжать выигрывать все болѣе на счетъ побѣжденной, вторгаться въ ея область и дѣлать въ ней захваты. Отсюда понятенъ цѣлый рядъ недоразумѣній и столкновеній между полковникомъ и воеводой, повлекшій за собою рядъ жалобъ отъ побѣжденной стороны. Тѣ немно-

[1]) Плакатъ I, 4, 10, 11. Инструкція полк. 11. П. С. З. №№ 4637, 4674, 4636, 4714, 4741, 4845, 4859, 4868, 4535_{20}. Дѣла орловск. провинц. канцел. №№ 1517, 1569.

гіе сборы, которые оставались въ вѣдѣніи камерирскихъ конторъ, мѣшали аккуратному поступленію подушныхъ платежей; вотъ почему полковые дворы имѣли здѣсь особый интересъ «не впускать» въ дистриктъ сборщиковъ изъ камерирской конторы, на что горько сѣтуетъ провинціальное финансовое управленіе. Населеніе, разумѣется, пользовалось этими столкновеніями и тотчасъ же, прекрасно понимая, за кѣмъ останется перевѣсъ, отказывалось вносить какіе-либо платежи сборщикамъ изъ камерирской конторы и «во всемъ чинилось непослушно, показуя отговорку, что имъ отъ вѣчныхъ квартиръ офицеры слушать не велятъ», какъ жаловался одинъ воевода въ сенатъ. Юридически отстраненное отъ главнаго сбора, камерирское вѣдомство фактически не допускалось ни къ какимъ сборамъ. За провинціальной администраціей послѣ урѣзокъ ея финансовой компетенціи оставался судъ по важнѣйшимъ дѣламъ; но и въ этой области она была стѣснена. Привлеченіе къ суду было затруднено тѣмъ, что посланные изъ воеводской канцеляріи за отвѣтчиками и свидѣтелями должны были сперва явиться на полковой дворъ и получить оттуда провожатыхъ. Нерѣдко полковое начальство не только отказывало въ провожатыхъ, но и не пускало въ дистриктъ солдатъ воеводской канцеляріи, являвшихся по судебнымъ дѣламъ, не отпускало въ эту канцелярію военныхъ чиновъ, вызываемыхъ въ качествѣ свидѣтелей, не отпускало и простыхъ уѣздныхъ обывателей, которыми еще не внесена была подушная [1]), не давало взыскивать судебныя пошлины и производить отписку конфискованныхъ имѣній, а само производить такую отписку безъ особыхъ указовъ, адресованныхъ именно на полковой дворъ, отказывалось. Мало того, полковые чины сами начинаютъ вмѣшиваться въ судебныя дѣла. Нѣкоторая доля судебной власти по разбору дѣлъ между полкомъ и населеніемъ была, какъ мы видѣли, предоставлена полковымъ командирамъ или замѣнявшимъ ихъ офицерамъ—они идутъ дальше. Имъ вмѣнялась плакатомъ и инструкціями въ обязанность поимка воровъ и разбойниковъ, они, давая широкое толкованіе выраженіямъ закона, привлекаютъ къ отвѣту и простыхъ повздорившихъ гражданъ.

[1]) Дѣла пошех. уѣздн. суда по III оп. вязка 2, кн. 6, апрѣль 1725 г. № 58: доѣздъ солдата (посланнаго изъ воеводской канцеляріи), «что онъ по отвѣтчиковъ ѣздилъ и въ канцеляріи сбору на московскій полкъ подушныхъ денегъ явился, и господинъ подполковникъ посланныхъ отъ себя не далъ и отказалъ, потому что де вышепомянутаго помѣстья крестьяне подушныхъ денегъ и первой трети не платили, не только второй трети». Ср. ibid., кн. 4, №№ 229, 240. Дѣла орловск. пров. канцел. № 1304.

Имъ предоставлено было только производство предварительнаго дознанія; они обращаютъ его въ цѣлое слѣдствіе. Въ апрѣлѣ 1725 г. на полковой дворъ мценскаго дистрикта явился «управитель» города Мценска, т. е. особый подьячій, командированный въ этотъ городъ изъ провинціальной канцеляріи, Заварзинъ и назвалъ другаго мценскаго подьячаго, Ершова, «смертнымъ убійцей». Послѣдній былъ тотчасъ же вызванъ и заявилъ, что Заварзинъ самъ—законопреступникъ: отъ живой жены женатъ на другой. Присутствіе полковаго двора вошло въ разборъ этихъ подьяческихъ дрязгъ, произвело врагамъ подробный допросъ, вызвало и допросило свидѣтеля, на котораго они ссылались, и затѣмъ только препроводило всѣхъ этихъ лицъ и все дѣлопроизводство въ орловскую провинціальную канцелярію, откуда и получило замѣчаніе, что оно вмѣшалось не въ свое дѣло, что ему слѣдовало поступать относительно поимки воровъ и разбойниковъ по указамъ и присылать ихъ для слѣдствія къ воеводѣ, а у себя слѣдствія не чинить. Тѣмъ не менѣе лѣтомъ того же года новый такой же случай. Въ томъ же Мценскѣ, повидимому, вслѣдствіе какихъ-то поземельныхъ недоразумѣній произошла драка между посадскимъ старостой и посадскими съ одной стороны и старинными служилыми обитателями драгунской и солдатской слободъ съ другой. Съ жалобой на посадскихъ избитые слобожане обратились на полковой дворъ мценскаго дистрикта, который вытребовалъ обидчиковъ, произвелъ имъ допросъ и, руководствуясь параграфомъ плаката о поимкѣ разбойниковъ, переслалъ въ качествѣ разбойниковъ въ Орелъ посадскаго старосту и подвѣдомственныхъ ему участниковъ драки, вызвавъ новое замѣчаніе отъ воеводской канцеляріи, что на полковомъ дворѣ «онаго дѣла слѣдовать и чрезъ многія числа онаго старосту и служилыхъ людей держать не надлежало», такъ какъ служилые люди должны были искать управы на старосту и посадскихъ въ магистратѣ, а не на полковомъ дворѣ. Полковое начальство болховскаго дистрикта считало подсудными себѣ дѣла о корчемствѣ, поэтому забирало крестьянъ, на которыхъ падало подозрѣніе въ тайной продажѣ вина на полковой дворъ, держало ихъ тамъ подъ арестомъ и подвергало розыску. Фискалы устюжской провинціи сообщали, что командиры и офицеры полковъ, расположенныхъ въ этой провинціи, вступаютъ въ дѣла между уѣздными людьми, подлежащія «юстицкому суду», т. е. общимъ судебнымъ учрежденіямъ, производятъ судъ и расправу въ дѣлахъ кабальныхъ, помѣстныхъ и розыскныхъ, т. е. въ тяжбахъ по долговымъ обязательствамъ, по поземельнымъ спорамъ и по уголовнымъ преступленіямъ, а тѣхъ уѣздныхъ жителей, которые обращаются къ суду воеводской канцеляріи, «бьютъ смертно». Фискалы

сочли нужнымъ заявить объ этихъ нарушеніяхъ закона не потому, конечно, что ихъ безпокоило умаленіе воеводскихъ прерогативъ, а главнымъ образомъ потому, что эти самозванные судебные трибуналы не взыскивали съ тяжущихся канцелярскихъ и судебныхъ пошлинъ, чѣмъ наносился ущербъ казенному интересу, на стражѣ котораго фискалы стояли. Въ незаконномъ присвоеніи судебныхъ полномочій они обвиняли не только полковое начальство, но и разсылаемыхъ съ полковыхъ дворовъ по деревнямъ для денежныхъ сборовъ солдатъ, которые, какъ писали фискалы, «по заемнымъ письмамъ и кабаламъ, которыя уже и изъ лѣтъ вышли, судъ даютъ и правятъ на крестьянахъ деньги, и бьютъ немилостиво, отъ чего оные крестьяне разоряются напрасно, а свободнаго голоса за страхомъ ихъ не имѣютъ». Можетъ быть, уѣздное населеніе молчало, вовсе не питая такого отвращенія къ суду на полковомъ дворѣ, какъ это казалось фискаламъ; возможно, что оно само обращалось къ нему и предпочитало его, какъ болѣе близкій, такъ какъ онъ находился въ предѣлахъ дистрикта, какъ болѣе дешевый, если онъ, дѣйствительно, не взималъ пошлинъ, а относительно справедливости рѣшеній, стоявшій едва ли на низшемъ уровнѣ сравнительно съ воеводскимъ. Какъ видно изъ приведенныхъ выше примѣровъ, и само населеніе, сбитое съ толку множествомъ мимолетныхъ учрежденій, обращалось на полковые дворы, не умѣя хорошо разобрать предѣлы ихъ компетенціи и не зная, что нарушаетъ прерогативы воеводской власти.

Въ хозяйственной дѣятельности полковая администрація служила также помѣхой для провинціальной. Воеводская канцелярія приговариваетъ произвести ремонтъ большихъ дорогъ провинціи, починить попортившіеся и обветшавшіе мосты и разсылаетъ указы къ земскимъ комиссарамъ о нарядѣ крестьянъ подъ надзоромъ старостъ и сотскихъ на эти работы, но полковые дворы не позволяютъ начинать ихъ, ссылаясь на указъ, запрещающій взимать съ крестьянъ поборы въ лѣтнее рабочее время; дороги остаются непоправленными, а воевода приноситъ безрезультатныя жалобы. Тюрьмы, состоявшія при провинціальномъ управленіи, охранялись особыми тюремными цѣловальниками, избираемыми населеніемъ, на которое это дѣло падало, какъ повинность; вдругъ полкъ присылаетъ требованіе — тюремныхъ цѣловальниковъ немедленно отпустить по домамъ, такъ какъ отъ ихъ отсутствія страдаетъ исправность подушнаго сбора и такъ какъ нѣтъ указа, узаконявшаго такую повинность—и воевода обязанъ исполнить требованіе. Подъ вліяніемъ всѣхъ такого рода столкновеній отношенія обѣихъ администрацій иногда крайне обостряются. Встрѣчается случай,

когда капитанъ, начальствующій надъ полковымъ дворомъ, призвавъ къ себѣ камерира, «кричитъ необычайно», грозитъ, что «будетъ держать его подъ карауломъ и уморитъ на большой цѣпи»; затѣмъ арестуетъ его и держитъ цѣлый день подъ арестомъ, такъ что воевода принужденъ писать жалобы въ военную и въ камеръ коллегіи. Тонъ письменныхъ сношеній полковаго двора съ воеводскою канцеляріей становится высокомѣренъ и рѣзокъ. «Пишешь къ намъ», читаемъ въ одной промеморіи полковаго двора новосильскаго дистрикта къ орловскому воеводѣ, «якобы мы самовольствуемъ, чего было вамъ къ намъ и писать не надлежало». И мы исполняемъ по указу и по даннымъ намъ печатнымъ инструкціямъ и плакату. А вы изволите въ Новосиль и въ новосильскій уѣздъ посланныхъ отъ себя посылать и, которые въ подушный окладъ положены, въ Орелъ вабирать, и затѣмъ въ сборѣ подушныхъ денегъ чинится помѣшательство и остановка... Извольте означенныхъ людей 26 человѣкъ изъ Орла для платежа подушныхъ денегъ прислать къ намъ въ Новосиль съ посланнымъ отъ насъ капраломъ и о томъ извольте отвѣтствовать къ намъ письменно. А ежели тѣхъ людей къ намъ не пришлете и въ дистриктъ нашъ посланныхъ отъ себя безъ нашего вѣдома посылать будете, такихъ будемъ ловить и отсылать къ вамъ подъ карауломъ и для учиненія указа о томъ писать будемъ въ правительствующій сенатъ». Воевода принужденъ былъ исполнить требованіе. Иное столкновеніе принимаетъ характеръ насилія. Становятся возможными эпизоды, подобные происшедшему въ устюжской провинціи, изъ которой поступило въ сенатъ и разсматривалось тамъ дѣло «о пріѣздѣ въ нощное время многолюдствомъ и съ ружьемъ обрѣтающагося на Устюгѣ Великомъ у сбора подушныхъ денегъ подполковника питершанскаго полка къ канцеляріи воеводскаго правленія и къ рентмейстерской конторѣ и въ отбитіи бревномъ у той конторы дверей и оконъ, и въ бою караульныхъ солдатъ, и въ увозѣ содержащагося въ той конторѣ колодника». Можетъ быть, такія грубыя насилія и не были часты, но свидѣтельствомъ тому, что отношенія между двумя управленіями вообще не были гладки, служитъ заявленіе, сдѣланное въ въ 1726 г. военной коллегіей о томъ, что отъ полковниковъ и офицеровъ съ вѣчныхъ квартиръ она получаетъ жалобы на помѣшательства имъ отъ земскихъ управителей, а воеводы и земскіе управители доносятъ на полковниковъ и офицеровъ, что отъ нихъ тамошнимъ обывателямъ чинятся многія обиды и разоренія. Результатомъ этого притока взаимныхъ жалобъ и было назначеніе ревизіи, возложенной на особыя смѣшанныя комиссіи изъ назначенныхъ военной коллегіей высшихъ офицеровъ арміи и вице-президентовъ или асессоровъ надворныхъ су-

довъ, которыя должны были провѣрить на мѣстѣ дѣятельность гражданскихъ и военныхъ властей и разобрать ихъ ссоры. Въ этихъ столкновеніяхъ провинціальная администрація не оказывалась въ выигрышѣ. Ея значеніе быстро таяло. Тотъ широкій кругъ компетенціи съ разнообразными полицейскими задачами, который былъ отведенъ ей первоначальнымъ планомъ, сводился на практикѣ къ отправленію только фискальныхъ и судебно-полицейскихъ функцій. И этотъ кругъ уменьшеннаго радіуса, какимъ онъ сдѣлался на практикѣ, со введеніемъ подушной и расположенія полковъ былъ еще уменьшенъ изъятіемъ управленія главными повинностями и передачей его полкамъ. Трудно себѣ представить болѣе униженное и зависимое положеніе, чѣмъ то, въ какомъ очутилась теперь провинціальная администрація 1719 года. Сфера дѣятельности ея была съужена; свобода ея дѣйствій была стѣснена. Кромѣ приставленнаго къ ней гвардейца, надзоръ котораго тяготѣлъ надъ нею, сверху ее давилъ властный и требовательный переписчикъ, съ боковъ ее сжимали полковые командиры. Наконецъ, существенныя измѣненія потерпѣли и самыя орудія ея дѣйствія на мѣстахъ—земскіе комиссары. Значительная доля ихъ обязанностей, а именно сборъ подушной, была передана другому, новому институту — выборнымъ комиссарамъ при полкахъ, не подчиненнымъ провинціальнымъ властямъ [1]).

[1]) Дѣл. сен. кн. 687, л. 58; кн. 686, л. 255. Дѣла помѣст. у. суда по III оп. вяз. 2, кн. 6, апр. № 26, августъ № 11. Дѣла камеръ-коллег. вязка 8, д. 25, л. 50—51. Дѣл. муромск. уѣздн. суда, вязка 1, д. 24. Дѣла орловск. пров. канц. №№ 1317, 1264, 1375, 1502. Дѣла сен. кн. 711, л. 368, л. 382. П. С. З. №№ 4878, 4857. Дѣла переяславль-залѣсск. уѣздн. суда, по VI описи № 91: жалоба выборнаго выморочной вотчины княгини Велико-Гагиной на взятки подьячаго воеводской канцеляріи, явившагося описывать вотчину, подана на полковой дворъ, который, ссылаясь на статью плаката, предписывавшую полковому начальству охранять уѣздныхъ людей отъ обидъ и наблюдать за отписанными въ казну вотчинами, требуетъ подьячаго къ допросу. Дѣла орловск. канц. № 1824, л. 67—69: родственники слабоумнаго однодворца («дурака») Алексѣева обращаются на полковой дворъ балцырева полка, расположеннаго въ орловской провинціи, съ жалобой на приказчика сосѣдняго имѣнья, который отобралъ у Алексѣева помѣстье, совершивъ обманомъ купчую крѣпость. Полковой дворъ донесъ объ этой жалобѣ въ канцелярію полковника Тараканова (см. гл. IV § 4.), которая предписала обвиняемаго взять на полковой дворъ, допросить *съ пристрастіемъ* (т. е. подъ пыткой) и только уже затѣмъ отослать его къ провинціальному суду.

VI.

Этотъ новый земскій комиссаръ былъ не тотъ дистриктный чиновникъ, подчиненный камериру и воеводѣ, съ дѣятельностью котораго мы уже познакомились ранѣе. Новый комиссаръ отличался отъ прежняго и способомъ назначенія на должность, и положеніемъ, которое онъ сталъ занимать въ системѣ провинціальнаго управленія и, наконецъ, своею дѣятельностью. Первое изъ этихъ различій представляетъ особый интересъ. Источникомъ власти прежняго земскаго комиссара было бюрократическое назначеніе камеръ-коллегіей и, какъ мы видѣли, иногда онъ ничѣмъ не былъ связанъ не только съ тѣмъ дистриктомъ, но даже и съ тою провинціей, въ которую его посылали. Новый комиссаръ былъ избирательнымъ; онъ избирался мѣстнымъ обществомъ дистрикта, къ которому обыкновенно принадлежалъ. Такой же агентъ фиска, такой же органъ бюрократической системы, какъ и прежній, онъ получалъ, однако, свои полномочія не по бюрократическому назначенію, а по земскому выбору, и потому былъ нѣсколько болѣе *земскимъ* комиссаромъ, комиссаромъ «отъ земли», какъ его стали теперь иногда называть. Эпитетъ, бывшій результатомъ механическаго перевода нѣмецкаго названія *Land*fogt, и имѣвшій только значеніе географическаго указанія, опредѣлявшаго мѣсто дѣятельности, получилъ теперь болѣе реальное значеніе, указывая источникъ полномочій. «Землею» здѣсь называлось мѣстное общество, избиравшее комиссара, а не только тотъ географическій округъ, въ предѣлахъ котораго онъ дѣйствовалъ. Мы уже видѣли ранѣе, что этихъ двухъ различныхъ и разновременно начавшихъ дѣйствовать земскихъ комиссаровъ или смѣшивали, утверждая, что съ самаго введенія провинціальной реформы 1719 г. земскій комиссаръ былъ уже выборнымъ или, если и различали, то сомнѣвались не только въ дѣятельности, но и въ самомъ бытіи перваго земскаго комиссара, назначавшагося камеръ-коллегіей [1]). Оба эти взгляда одинаково ошибочны.

Въ ошибку вводило въ этомъ случаѣ противорѣчіе въ планахъ реформатора относительно этой должности, въ свою очередь явившееся послѣдствіемъ того обстоятельства, что обѣ предпринятыя реформы: административная, которая перестраивала областное управленіе, и податная, которая вводила новый налогъ и новый способъ его взиманія, обсуждались и осуществлялись одновременно и параллельно, но порознь

[1]) Глава вторая, VIII.

и безъ малѣйшей попытки согласовать одну съ другой. Административная реформа, подражая шведскому образцу, въ лицѣ земскаго комиссара вводила въ составъ областнаго управленія шведскаго ландфохта, который не былъ выборнымъ. По инструкціи этому земскому комиссару, составленной въ 1719 году, въ основѣ взиманія прямыхъ податей, сборъ которыхъ поручается земскому комиссару, предполагалась, какъ извѣстно, не поголовная перепись, а «переписная земляная книга», т. е. кадастръ. И самый порядокъ отправленія сбора устанавливался иной, чѣмъ тотъ, какой былъ впослѣдствіи принятъ при введеніи подушной. По инструкціи 1719 г. всѣ полученныя съ дистрикта суммы земскій комиссаръ вноситъ въ провинціальную рентерею, а отчетность представляетъ камериру. Первый указъ о подушной и расположеніи полковъ, данный сенату 26 ноября 1718 года, оставался, очевидно, совершенно неизвѣстнымъ составителю этой инструкціи, а между тѣмъ этотъ указъ говоритъ уже о совсѣмъ иномъ земскомъ комиссарѣ, избираемомъ дворянствомъ дистрикта спеціально для сбора подушной подати, которую онъ обязанъ отдавать въ полкъ, расположенный въ дистриктѣ, и несущемъ отвѣтственность передъ избравшимъ его дворянствомъ. Земскій комиссаръ, который предполагался планомъ административной реформы, былъ введенъ на практикѣ и, какъ мы видѣли, существовалъ и дѣйствовалъ до 1724 г. Но земскій комиссаръ, который предполагался планомъ податной реформы, выраженнымъ въ первомъ указѣ о подушной переписи, не былъ забытъ. О выборахъ комиссаровъ по дистриктамъ говорилось и въ наказѣ 1721 г., которымъ долженъ былъ руководиться генералъ Волковъ при опытѣ расположенія двухъ полковъ въ новгородской провинціи, и было повторено въ инструкціяхъ, данныхъ генералитету, отправленному для ревизіи переписи въ 1722 г. Но введеніе подушной подати и расположенія полковъ затянулось гораздо долѣе, чѣмъ оно было разсчитано, а вмѣстѣ съ тѣмъ откладывалось и введеніе выборныхъ комиссаровъ, и по уѣздамъ продолжали собирать подати и вѣдать полицію комиссары, назначенные камеръ-коллегіей.

Только съ 1724 года могло, наконецъ, начаться взиманіе новаго налога, и къ этому году предписано было выбрать на дистриктныхъ дворянскихъ съѣздахъ земскихъ комиссаровъ изъ своей среды, изъ лучшихъ людей, причемъ выборы эти произвести заблаговременно, еще въ октябрѣ 1723 г. Такъ какъ этотъ указъ, очевидно, возымѣлъ такъ же мало дѣйствія, какъ и многіе другіе, то въ октябрѣ 1723 г. онъ былъ подтвержденъ, и переписчикамъ велѣно было «принуждать» дворянъ къ выборамъ. Тогда же въ правилахъ объ этихъ выборахъ было

сдѣлано необходимое дополненіе. Прежніе указы, какъ и инструкціи генералитету, говорили только объ избраніи комиссаровъ уѣздными дворянствами; но было много уѣздовъ, гдѣ не было дворянства, и теперь опредѣлялось, чтобы въ такихъ недворянскихъ уѣздахъ выборы производились «обывателями». Въ концѣ 1723 г. выборы, дѣйствительно, во многихъ мѣстахъ состоялись. Одно изъ распоряженій сената, относящееся къ 20 декабря этого года, предписываетъ переписчикамъ снабдить подьячими земскихъ комиссаровъ, «которые *выбраны* для сбора подушныхъ денегъ» [1]). Какъ на совершившійся фактъ, указываютъ на выборы и донесенія, которыя стали поступать отъ переписчиковъ съ ноября 1723 г. Были выбраны всѣ земскіе комиссары въ губерніяхъ казанской и астраханской. Переписчикъ азовской доносилъ, что выборы комиссаровъ закончены вполнѣ въ трехъ провинціяхъ его вѣдомства: тамбовской, воронежской и шацкой. Полный составъ комиссаровъ былъ выбранъ и къ девяти полкамъ, расположеннымъ въ нижегородской губерніи. По архангелогородской земскіе комиссары были выбраны: въ вологодскомъ уѣздѣ, въ устьянскихъ волостяхъ, въ уѣздахъ: тотемскомъ, двинскомъ, важскомъ, галицкомъ, мезенскомъ, яренскомъ, устюжскомъ, кеврольскомъ, сольвычегодскомъ и кольскомъ. Въ мартѣ 1724 г. переписывавшій московскую губернію генералъ Чернышевъ доносилъ, что земскіе комиссары выбраны и опредѣлены къ полкамъ, но онъ еще не успѣлъ собрать всѣхъ протоколовъ объ избраніи. Вотъ почему, вѣроятно, списокъ земскихъ комиссаровъ московской губерніи и не вошелъ въ тогда же составленный «реестръ земскимъ комиссарамъ, которые выбраны для сбору подушныхъ денегъ къ будущему 1724 г.», представляющій изъ себя сводку всѣхъ полученныхъ отъ переписчиковъ донесеній.

Любопытно отмѣтить нѣкоторыя особенности въ выборахъ, какъ они происходили на практикѣ, о которой свидѣтельствуетъ этотъ документъ, сравнительно съ закономъ. Законъ 26 ноября 1718 г. и другіе болѣе поздніе указы ни слова не говорили о какихъ-либо «подчиненныхъ» земскихъ комиссарахъ, помощникахъ главныхъ, подобныхъ тѣмъ, которые уже состояли въ дистриктахъ съ 1719 г. при земскихъ комиссарахъ, назначенныхъ камеръ-коллегіей; на практикѣ, во многихъ провинціяхъ къ избраннымъ въ концѣ 1723 г. главнымъ земскимъ комиссарамъ были избраны и «подчиненные», при чемъ соотношеніе между числами главныхъ и подчиненныхъ комиссаровъ было очень различно. Такъ, напр., въ новгородской провинціи

[1]) П. С. З. № 4401.

избрано было 6 главныхъ, а къ нимъ 32 подчиненныхъ; въ псковской къ каждому главному было избрано по одному подчиненному, въ пошехонской по два, тогда какъ въ ярославской не у каждаго главнаго былъ подчиненный, такъ какъ первыхъ было 10, а вторыхъ всего семь. Кое-гдѣ были избраны въ 1723 г. еще такія должностныя лица, о которыхъ также не упоминалъ законъ. Отчетность и отвѣтственность выборнаго комиссара ставились на новыя основанія, выводившія его изъ системы провинціальной административной іерархіи. Онъ обязанъ былъ представлять отчетность не камериру, какъ прежній, а тому обществу дистрикта, которое его выбирало, по истеченіи годоваго срока своей службы и несъ отвѣтственность передъ нимъ, а не передъ провинціальными властями. Избирательный съѣздъ, созванный для выбора новаго комиссара, долженъ былъ также провѣрить отчетъ, представленный старымъ, судить его въ случаѣ какихъ-либо неисправностей, допущенныхъ имъ при отбываніи должности, или какихъ-либо жалобъ на него со стороны уѣзднаго населенія, и подвергать штрафу безъ всякихъ предварительныхъ сношеній съ провинціальной администраціей, увѣдомляя только послѣднюю о состоявшемся приговорѣ и его исполненіи. Только дѣла объ общихъ преступленіяхъ земскихъ комиссаровъ, за которыя грозили «смертная казнь или публичное наказаніе» должны были передаваться съѣздомъ въ провинціальный судъ воеводы съ асессорами или въ надворный судъ. Законъ не указывалъ подробно порядка, какимъ слѣдовало судить земскаго комиссара на дистриктномъ съѣздѣ за преступленія по должности; въ большинствѣ провинцій онъ понятъ былъ, очевидно, такъ, что въ роли судебнаго трибунала долженъ былъ выступать въ такихъ случаяхъ непосредственно самый съѣздъ; но въ нѣкоторыхъ заранѣе были избраны съѣздами особыя лица, уполномоченныя производить судебное разбирательство надъ земскими комиссарами въ случаѣ ихъ обвиненія. Такъ, въ новгородской провинціи, кромѣ главныхъ и подчиненныхъ комиссаровъ, въ концѣ 1723 г. были еще выбраны трое дворянъ «къ судейству погрѣшившихъ комиссаровъ въ главные смотрители», какъ они обозначены въ упомянутомъ выше общемъ реестрѣ. Точно такъ же были избраны особые судьи надъ комиссарами и въ смоленской губерніи. Такимъ образомъ, въ этихъ двухъ провинціяхъ судебная власть надъ земскими комиссарами по дѣламъ о преступленіяхъ по должности делегировалась мѣстными съѣздами особымъ лицамъ. Своеобразнымъ пониманіемъ закона отличались отъ другихъ выборы, имѣвшіе мѣсто въ симбирской провинціи. Указъ о введеніи подушной различалъ двухъ комиссаровъ: комиссара отъ земли—

сборщика подушной подати, избираемаго уѣзднымъ обществомъ, и комиссара полковаго, уполномоченнаго отъ полка, которому въ присутствіи офицеровъ полка обязанъ былъ первый вручать собранныя имъ деньги. О земскихъ выборахъ шла рѣчь въ указѣ только относительно перваго, второй же, очевидно, долженъ былъ назначаться полкомъ. Слова указа 26 ноября 1718 г.: «учинить на каждый полкъ два комиссара: одного полковаго, другаго отъ земли, *котораго* надлежитъ по вся годы выбирать дворянамъ», были совершенно ясны въ этомъ случаѣ. И всетаки въ симбирской провинціи параллельно съ земскими комиссарами, по одному на каждый полкъ, были выбраны мѣстнымъ обществомъ пять лицъ и въ полковые комиссары, также по одному на каждый полкъ [1]).

Съ такими особенностями происходили въ разныхъ мѣстахъ въ послѣдніе мѣсяцы 1723 г. выборы земскихъ комиссаровъ. Дальнѣйшіе выборы опредѣлялись изданнымъ въ 1724 г. плакатомъ, въ который вошли тѣ же правила съ нѣкоторыми дополненіями. Такъ, плакатъ, подтверждая годичный срокъ службы выборнаго комиссара, предоставлялъ дистриктному съѣзду право избирать на слѣдующій годъ стараго комиссара, если окажется, что онъ въ своемъ дѣлѣ исправенъ и если съѣзду не будетъ подано на него жалобъ. Случаи такого переизбранія мы иногда и встрѣчаемъ на практикѣ. Изъ 21 главныхъ комиссаровъ архангелогородской губерніи, избранныхъ въ концѣ 1724 г., десять было старыхъ, избранныхъ въ концѣ 1723. Еще и въ 1726 г. изъ комиссаровъ, дѣйствовавшихъ тамъ же, находимъ одного, избраніе котораго относится къ концу 1724 г. Изъ восьми комиссаровъ, которые были избраны въ 1723 г. въ азовской губерніи, одинъ продолжаетъ оставаться тамъ на своемъ мѣстѣ еще и въ 1727 г. Двое изъ четырехъ комиссаровъ 1727 г. въ смоленской губерніи были избраны также въ концѣ 1723 г. [2]).

[1]) Что полковой комиссаръ избирался офицерами полка, видно изъ П. С. З. № 4906: Инструкція полковому комиссару: «Понеже.. полки расположены на число душъ м. п... а для пріему и раздачи жалованья *въ комиссары отъ полку всѣми штабъ и оберъ-офицерами выбранъ онъ*» и т. д.

[2]) П. С. З. №№ 3245, 3720, 3901, 4224, 4332, 4401, 4458. Дѣл. сен. кн. 701, л. 754; кн. 706, л. 8, л. 16; кн. 814, л. 726, 735, 766; кн. 688, л. 156—158, л. 336. Реестръ комиссарамъ отъ земли: дѣл. сен. кн. 701, л. 653—663, см. приложеніе II. Дѣл. камеръ-колл., вязка 19, д. 1, л. 62—70, (подчиненный комиссаръ). Дѣла угличск. пров. канц. № 750. Дѣла камеръ-колл., вяз. 19, д. 2: комиссары московской губерніи. Дѣла камеръ-колл. вязка 23, д. 3. П. С. З. № 4906, 1726 г.

Въ этихъ выборахъ земскихъ комиссаровъ и въ предоставленіи мѣстнымъ обществамъ контроля надъ ними нельзя не видѣть нѣкотораго отступленія отъ того бюрократическаго начала, на которомъ была построена областная администрація 1719 г., нѣкотораго противорѣчія, внесеннаго податною реформой. Не слѣдуетъ однако преувеличивать значенія этого призыва земскихъ силъ къ участію въ правительственной дѣятельности, какой здѣсь обнаружился. Порученіе контроля надъ земскимъ комиссаромъ не имѣло значенія уступленнаго обществу или добытаго имъ политическаго права, въ родѣ права контроля надъ употребленіемъ собираемыхъ съ него средствъ, служащаго фундаментомъ политической свободы; это порученіе было лишь новою обязанностью, которою осложнялась и отягчалась главная повинность, именно обязанностью взиманія подати, которая слагалась правительствомъ съ своихъ органовъ на общество. Вмѣсто того, чтобы требовать отъ общества еще особыхъ средствъ на организацію взиманія наложенной на него повинности, правительство предоставило обществу отбывать эту дополнительную обязанность натурой: поставляя агентовъ и слѣдя за исправностью ихъ дѣятельности. Поэтому право выбора этихъ агентовъ нельзя разсматривать, какъ признакъ самоуправленія, зарождающагося въ области. Не задачи мѣстнаго благосостоянія, составляющія цѣль самоуправленія, имѣло оно въ виду, а лишь задачу исправнаго собиранія казеннаго тягла. Съѣзды и выборы, съ которыми мы обыкновенно соединяемъ представленіе о мѣстномъ самоуправленіи, были только формами или способами отбыванія мѣстнымъ обществомъ новой возложенной на него повинности, хотя съ теченіемъ времени въ эти формы, если бы онѣ привились и укрѣпились, могло бы быть вложено и иное содержаніе. Прежде взиманіе налога поручалось правительственному чиновнику, какимъ былъ комендантъ, затѣмъ ландратъ, назначенный сенатомъ, наконецъ, земскій дистриктный комиссаръ и камериръ, назначенные камеръ-коллегіей. Управленіе финансами въ области, какъ и вся областная администрація 1719 г., было построено на бюрократическомъ началѣ. Предполагалось даже устранить выборную организацію косвенныхъ сборовъ, замѣняя выборныхъ «вѣрныхъ» головъ съ цѣловальниками назначенными отъ правительства чиновниками изъ отставныхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Но подушная реформа проводила въ областное управленіе другое начало—земское, выдвигала мѣстные общественные союзы, которые и привлекались теперь къ государственной службѣ по финансовому управленію. Эта работа земскихъ силъ не была чѣмъ нибудь новымъ и внезапнымъ; напротивъ, податная реформа только вскрывала вѣковыя начала русской государ-

ственной жизни, которыя пыталось игнорировать административное преобразованіе и которыя тѣмъ не менѣе прорвались наружу. Широкое участіе въ финансовомъ управленіи проявляли издавна городскіе міры, избиравшіе не только собственную финансовую администрацію, но и вообще должностныхъ лицъ по финансовому вѣдомству. Далѣе, на русскомъ сѣверѣ, въ «поморскихъ» уѣздахъ, въ мѣстностяхъ свободнаго государственнаго крестьянства общественные союзы, издавна привыкшіе принимать живое участіе въ финансовой дѣятельности въ видѣ раскладки и сбора казенныхъ податей и мѣстныхъ налоговъ, сохранили свою организацію во всей неприкосновенности и подъ бюрократической оболочкой областныхъ учрежденій 1719 г. Замѣчательной чертой этихъ сѣверныхъ земскихъ міровъ была, какъ извѣстно, тѣсная связь между однородно населенными городомъ и уѣздомъ. Городъ здѣсь имѣлъ значеніе скорѣе центральной точки уѣзда, чѣмъ особой общественной единицы; у него не было рѣзко проведенныхъ границъ и онъ какъ бы растворялся въ уѣздѣ, образуя съ нимъ единый земскій міръ, избиравшій общаго «всеуѣзднаго земскаго старосту»—олицетворенное единеніе обоихъ. Этотъ уѣздный міръ на сѣверѣ игралъ ту же роль земской единицы въ финансовомъ управленіи, какою въ другихъ мѣстностяхъ Россіи отличались городскія общины, отграниченныя отъ уѣзда, островками выдѣлявшіяся среди дворянскихъ имѣній съ ихъ крѣпостнымъ населеніемъ. Для населенія сѣверныхъ уѣздовъ поэтому съѣзды и выборы земскаго комиссара — не были совсѣмъ новостью. Оно привыкло къ выборамъ всякаго рода. Кромѣ земскаго старосты и головъ къ таможеннымъ и питейнымъ сборамъ, избираемыхъ на всеуѣздномъ собраніи, тамъ по волостямъ, на которыя дѣлился уѣздъ, избирались волостные старосты и мелкіе чины полицейскаго и финансоваго управленія: сотскіе, пятидесятскіе, десятскіе, таможенные и кабацкіе цѣловальники. Болѣе чуждымъ финансовому управленію было ранѣе дворянство, которое представляло изъ себя лишь пассивный запасъ, откуда правительство черпало элементы для занятія разнаго рода должностей, между прочимъ и финансовыхъ, но которое не выступало, какъ общество, въ активной роли корпорацій, подобной той, какую играли городскія общины и сѣверные уѣзды. Но въ такомъ положеніи оно стояло только относительно финансоваго управленія. Вообще же съѣзды и выборы не были также новостью и для дворянства. Еще давно оно сложилось въ уѣздныя корпораціи, которыя ко времени реформы могли насчитывать уже два вѣка существованія. Эти дворянскія корпораціи имѣли подобное же происхожденіе, но иной характеръ, чѣмъ городскія общины и сѣверные крестьянскіе міры. Онѣ были по-

рождены тѣми же условіями жизни, какъ и послѣдніе, были созданы также тягломъ—и въ этомъ общая ихъ черта и съ городомъ, и съ крестьянской общиной; но это дворянское тягло было иное—не подать, а военная служба—и отсюда различіе дворянскихъ корпорацій отъ другихъ. Ихъ цѣлью была разверстка и отбываніе этой военной службы. Ихъ объединяющими элементами были связи троякаго рода: сосѣдская порука другъ по другѣ въ исправной явкѣ на службу, самая служба въ одномъ полку, который и составлялся изъ наличнаго числа способныхъ къ службѣ помѣщиковъ уѣзда, и, наконецъ, выборы «окладчиковъ», лицъ, которыя и производили разверстку службы, собирая свѣдѣнія о физической и имущественной годности каждаго дворянина. Съ теченіемъ времени эти корпораціи стали получать нѣкоторое политическое значеніе. Въ ихъ обязанности до нѣкоторой степени входили задачи мѣстнаго управленія въ видѣ участія въ выборѣ губныхъ старостъ; онѣ принимали также участіе въ вопросахъ общегосударственнаго управленія, посылая депутатовъ на земскіе соборы. Но основаніемъ ихъ была всетаки военная служба, которая ихъ и поддерживала. Съ измѣненіемъ порядка этой службы въ царствованіе Петра имъ былъ нанесенъ чувствительный ударъ. Регулярная армія съ ея математически правильными и стройными полками, набранными изъ людей безъ различія мѣстности, замѣнившими прежніе уѣздные дворянскіе отряды, должна была ослаблять корпоративныя связи между земляками, помѣщиками одного и того же уѣзда, которые теперь были разбросаны по различнымъ полкамъ и которые, будучи мимолетными и нечастыми гостями въ родныхъ деревенскихъ гнѣздахъ, не имѣли возможности завязывать между собою знакомства, хотя и были сосѣдями. Сосѣди по деревенскимъ усадьбамъ оказывались заброшенными въ различные полки, стоявшіе, быть можетъ, въ разныхъ концахъ Россіи; съ другой стороны, близкіе товарищи по полку оказывались владѣльцами усадебъ, расположенныхъ точно такъ же въ разныхъ концахъ Россіи. Самый армейскій полкъ перемѣнилъ свою физіономію: изъ односословной дворянской дружины онъ сталъ собраніемъ разносословныхъ частицъ, приносимыхъ рекрутскимъ наборомъ, гдѣ дворянство занимало офицерскія должности, теряясь въ рядовой массѣ изъ другихъ сословій. Его составъ не распускался уже ежегодно, какъ это было прежде, на зиму по домамъ, чтобы чередовать полковые интересы и связи съ деревенскими; его рядовой, недворянскій контингентъ становился обществомъ, отрѣзаннымъ, отъ всего остальнаго окружающаго міра, замкнутымъ въ себѣ, живущимъ только полковыми интересами. Эти военныя реформы и не могли не отразиться на положеніи дворянскихъ міровъ, разбивая то

основаніе, на которомъ послѣдніе держались. Но въ то время, какъ военныя реформы, измѣняя порядокъ службы вели къ разрушенію дворянскихъ корпорацій, податная реформа сопровождалась какъ разъ обратными послѣдствіями: она вела къ ихъ возстановленію. Она предъявляла къ нимъ новое требованіе, возлагая на нихъ вмѣсто устроенной на другихъ началахъ военной службы, финансовую службу въ видѣ порученія избирать изъ своей среды комиссара для взиманія подати и контролировать это взиманіе. Эта новая финансовая служба дворянства получала корпоративную организацію въ то самое время, какъ его военная служба такой характеръ теряла. Переставъ быть военными корпораціями, дворянскія уѣздныя общества получали теперь значеніе государственно-хозяйственныхъ организацій, на которыя было возложено завѣдываніе на мѣстахъ такою важною отраслью государственнаго хозяйства, какою сталъ подушный сборъ. Вмѣсто ежегоднаго сбора на лѣто въ полкъ для какого либо похода оно стало съѣзжаться ежегодно на дистриктный съѣздъ въ декабрѣ и вмѣсто выбора окладчиковъ оно должно было избирать земскаго комиссара.

Эта перемѣна дѣятельности не была случайной. Ее нельзя считать только простымъ перечисленіемъ дворянскихъ обществъ изъ военнаго министерства въ финансовое вѣдомство; она являлась результатомъ болѣе глубокихъ перемѣнъ, произшедшихъ въ положеніи и значеніи сословія, какъ и во взглядахъ на него правительства. Съ возникновеніемъ всесословной регулярной арміи, пополняемой рекрутскими наборами, дворянство стало терять свое военно-служилое значеніе, и почти тотчасъ же по смерти преобразователя становится на очередь вопросъ сначала о сокращеніи срока, а затѣмъ и о совершенномъ прекращеніи обязательной службы, разрѣшенный ея отмѣною въ замѣчательно короткое время, всего въ какую нибудь четверть вѣка — быстрота, съ какою, казалось бы, трудно было пасть складывавшемуся столѣтіями институту. Наоборотъ, значеніе дворянства, какъ землевладѣльческаго класса, возрастаетъ. Признаніе этого роста сказывается въ законѣ, уничтожившемъ юридическую разницу между помѣстьемъ и вотчиной. Выростаютъ также и его права на крѣпостной трудъ, которому оно и обязано было своимъ землевладѣльческимъ значеніемъ. На дворянство устанавливается взглядъ, какъ на лучшаго руководителя этимъ трудомъ, могущаго дать ему наиболѣе производительное и полезное для государства направленіе, а результаты этого труда все болѣе получаютъ интересъ для государства, такъ какъ онъ несетъ на своихъ плечахъ наибольшую долю государственнаго бюджета. На крѣпостную зависимость начинаютъ смотрѣть поэтому, какъ на одно изъ средствъ наи-

лучшаго обезпеченія платежа казеннаго налога, и съ этою цѣлью прежде свободные люди отдаются въ крѣпостную зависимость помѣщикамъ. Власть дворянства надъ крестьянами расширяется и растетъ съ каждымъ десятилѣтіемъ, и огромная часть земледѣльческаго труда, несущаго въ казну подать, оказывается въ его распоряженіи. Такимъ образомъ, хозяйственное значеніе дворянства становится на первый планъ, и управленіе имѣніями, откуда притекаетъ въ казну масса налога, получаетъ значеніе важнаго государственнаго дѣла. Меньшая потребность въ дворянствѣ для военной службы могла обѣщать, что оно употребитъ большій досугъ на управленіе имѣніями и улучшеніе притока средствъ въ казну, поступавшихъ отъ подушнаго платежа, и поэтому было естественно возложить на него и отвѣтственность за исправность этого платежа. Фактически сборъ податей съ земледѣльческаго населенія имѣній давно уже лежалъ на землевладѣльцахъ, будучи однимъ изъ условій, подъ дѣйствіемъ которыхъ создавалось самое крѣпостное право. Такой взглядъ на помѣщиковъ, какъ на сборщиковъ подати, ясно сквозитъ въ инструкціяхъ генераламъ переписчикамъ, которые должны были «*дворянамъ* объявить, чтобъ *платили* со всякой души мужескаго пола крестьянъ и дворовыхъ, и дѣловыхъ, и всякаго званія людей, какіе у кого въ деревняхъ обрѣтаются». Государство, какъ видно изъ этихъ словъ указа, имѣетъ непосредственное дѣло съ землевладѣльцемъ, какъ плательщикомъ подати, падающей на души его имѣнья, предоставляя ему самому вѣдаться съ этими душами и собирать съ нихъ необходимыя для взноса въ казначейство суммы. Но отвѣтственность землевладѣльцевъ за податную исправность его крѣпостныхъ не была еще юридически опредѣлена, такъ какъ и самое производство сбора податей землевладѣльцами не выходило изъ области фактическихъ отношеній. Вопросъ о признаніи за этой отвѣтственностью болѣе опредѣленнаго государственно-правоваго характера ставился и обсуждался въ послѣдніе годы царствованія Петра. Его поднималъ между прочимъ въ своихъ проектахъ Генрихъ Фикъ въ цѣляхъ удешевленія администраціи. Имъ очень интересовалось и дворянство, которое придавало ему такое значеніе потому, что практическимъ послѣдствіемъ такого признанія было еще большее расширеніе помѣщичьихъ административныхъ функцій надъ населеніемъ имѣній и избавленіе имѣній отъ столь тяжелаго и страшнаго «въѣзда» въ нихъ неутолимыхъ и любостяжательныхъ чиновъ мѣстной администраціи. Эта отвѣтственность помѣщиковъ за податную исправность своихъ крестьянъ получила ясное юридическое опредѣленіе уже послѣ Петра, закономъ 24 февраля 1727 г., который, пріостанавливая на нѣкоторое время взи-

маніе подушной, въ виду пересмотра податной системы, предписывалъ дворянамъ заботиться о благоустройствѣ своихъ деревень, приводить ихъ въ лучшее состояніе, смотрѣть за крестьянами, чтобы они также приводили себя въ лучшее состояніе и приготовили деньги къ тому времени, когда опять начнется сборъ подати. Выбираніе недоимки за прежніе годы было однако велѣно продолжать, причемъ указъ вмѣнялъ въ обязанность «платить ту доимку за крестьяны самимъ помѣщикамъ, а въ небытность ихъ въ деревняхъ приказчикамъ и старостамъ, и выборнымъ и править на нихъ, а не на крестьянахъ, понеже о томъ всѣмъ извѣстно, что въ небытность помѣщиковъ въ деревняхъ приказчики ихъ что хотятъ дѣлаютъ, то и доимкѣ причиною они». Въ этомъ указѣ рельефными чертами обрисовывается то значеніе, какое получаетъ помѣщикъ съ первой четверти XVIII вѣка. Когда-то главнымъ образомъ служилый человѣкъ и военный защитникъ родной земли, онъ становится теперь устроителемъ хозяйственнаго благополучія крестьянъ въ фискальныхъ цѣляхъ и отвѣтственнымъ сборщикомъ крестьянской подати—значеніе, при которомъ вполнѣ понятной является попытка призвать этихъ устроителей и сборщиковъ къ болѣе широкому участію въ податномъ управленіи, объединивъ ихъ въ корпорацію, связанную избраніемъ общаго сборщика-комиссара, порукою за него передъ правительствомъ, документомъ которой служилъ такой же «выборъ за руками», какой былъ неизбѣженъ при всякихъ выборахъ по финансовому управленію, и, наконецъ, контролемъ надъ его дѣятельностью. Относительно дворянства реформа, намѣченная указомъ 26 января 1718 г. о выборахъ комиссаровъ отъ земли и осуществленная въ концѣ 1723 г., имѣла смыслъ коллективной организаціи дворянскаго участія въ податномъ провинціальномъ управленіи и дворянской отвѣтственности за податную исправность крѣпостныхъ крестьянъ, участія и отвѣтственности, которыя прежде не имѣли такого коллективнаго характера. Прежде каждый дворянинъ собиралъ отдѣльно деньги съ крестьянъ своего имѣнія и вносилъ ихъ правительственному агенту—земскому комиссару, назначенному камеръ-коллегіей, неся отвѣтственность за исправность этого взноса, чѣмъ все дѣло для него и оканчивалось. Теперь все дворянство дистрикта, какъ корпорація, избираетъ изъ своей среды самаго этого агента и, отвѣчая за его дѣятельность, становится отвѣтственнымъ за весь ходъ податнаго сбора въ дистриктѣ. Такимъ образомъ, переставая быть военной корпораціей, дворянство превращалось въ финансовую, и податная реформа заканчивала тѣ измѣненія въ способѣ отправленія уѣзднымъ дворянствомъ его государственныхъ обязанностей, которыя были начаты военною реформой. Прежде дворян-

ство служило корпоративно; теперь оно стало служить порознь, но образовало отвѣтственную корпорацію для завѣдыванія платежами съ населенія его имѣній [1]).

Но было вопросомъ, насколько окажется возможной такая попытка и въ какомъ видѣ застанетъ новое казенное порученіе уѣздныя дворянскія общества. Уже дважды втеченіе первой четверти XVIII в. правительство пыталось призвать ихъ къ участію въ мѣстномъ управленіи, предоставляя имъ выборъ воеводскихъ товарищей въ 1702 г. и выборъ ландратовъ въ 1713; но эти попытки не удались. Военная служба времени Петра съ значительными потерями на поляхъ сраженій и гражданская съ значительнымъ числомъ вновь созданныхъ должностей оттягивали изъ уѣздовъ наиболѣе дѣятельныя единицы, оставляя тамъ лишь элементы, неспособные ни для той, ни для другой, и слѣдовательно, непригодные и для мѣстной общественной дѣятельности. Отъ дворянскихъ корпорацій, порѣдѣвшихъ отъ службы и разбиваемыхъ регулярной арміей, оставались, очевидно, только обломки, безсильные исполнить возлагавшееся на нихъ дѣло участія въ мѣстномъ управленіи путемъ выборовъ воеводскихъ товарищей и ландратовъ. Возможно ли было эксплуатировать эти обломки для новаго рода повинности?

Присматриваясь ближе къ жизни уѣзднаго дворянства, мы видимъ, что его корпоративная дѣятельность, борясь съ разрушительнымъ дѣйствіемъ самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, пробивалась сквозь заглушавшіе ее порядки и не замерла совершенно. Если она не горѣла яркимъ пламенемъ, то всетаки тлѣла; если отъ прежнихъ уѣздныхъ корпорацій остались только обломки, то они всетаки обнаруживали, хотя и слабые, признаки жизни. Эта корпоративная дѣятельность проявлялась не въ самостоятельной работѣ по мѣстному управленію, а лишь въ скромной формѣ ходатайствъ о своихъ нуждахъ, которыя подавались правительству уѣздными дворянствами, но которыя всетаки требовали предварительнаго обсужденія на собраніяхъ дворянства, хотя бы и въ очень малочисленномъ составѣ. Ходатайства отправлялись въ Петербургъ съ особыми выборными, на поѣздку и содержаніе которыхъ дворянства собирали средства путемъ самообложенія, и это уже одно служитъ доказательствомъ не совсѣмъ еще упавшей корпоративной связи. Что же служитъ предметомъ этихъ ходатайствъ, какіе вопросы

[1]) *Ключевскій*. Подушная подать, Русск. Мысль 1886 г. № 5, стр. 119—120. *Милюковъ*, Госуд. хоз., 621. О дѣятельности сѣверныхъ земскихъ міровъ въ первой четв. XVIII вѣка см., напр., дѣла каргопольск. уѣздн. суда, опись II, дд. 145, 254 и другія. П. С. З. № 5017.

интересуютъ уѣздныя дворянскія общества, съ какими нуждами обращаются они къ правительству за содѣйствіемъ и ищутъ его поддержки? Анализируя содержаніе дворянскихъ челобитій, мы и въ нихъ замѣчаемъ то новое значеніе, съ какимъ выступаетъ дворянство въ XVIII вѣкѣ, становясь распорядителемъ массы народнаго труда. Хозяйственные интересы сословія стоятъ на первомъ планѣ. Тревожнымъ вопросомъ дворянскаго хозяйства въ то время было давнее явленіе, разстраивавшее его еще съ XVI вѣка, о которомъ уѣздныя дворянскія общества не разъ уже заявляли правительству втеченіе XVII вѣка и о которомъ они будутъ такъ громко говорить послѣ Петра въ екатерининской комиссіи объ уложеніи 1767 г., бѣгство крестьянъ. Тотъ самый трудъ, все болѣе полноправнымъ хозяиномъ котораго становилось дворянство, ускользалъ изъ его рукъ, и этотъ отливъ начиналъ принимать грозные размѣры. Въ особенности страдали отъ него мѣстности пограничныя съ Польшей, гдѣ казенное тягло, лежавшее на крестьянинѣ, было легче, и куда вслѣдствіе этого переходили изъ Россіи безъ особыхъ патріотическихъ угрызеній крестьянскія массы. Такія ходатайства о принятіи мѣръ противъ разорительныхъ крестьянскихъ побѣговъ представляли Петру дворянства великолуцкаго, псковскаго, торопецкаго и пусторжевскаго уѣздовъ. Съ такимъ же челобитьемъ за подписью 20 лицъ обратились къ нему въ 1723 г. и дворяне новгородскаго уѣзда. Но болѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе другое болѣе раннее ходатайство дворянства этого уѣзда, относящееся, какъ надо полагать (на немъ нѣтъ даты), къ 1719 году, болѣе обширное по размѣрамъ и болѣе обильное по содержанію, заключающее въ себѣ не только жалобы на неудобства существующаго порядка, но и нѣкоторые элементы творческой мысли, замѣтные въ предложеніяхъ относительно устройства желательнаго порядка. Оно составлено по поводу первыхъ указовъ о подушномъ сборѣ 26 ноября 1718 и 22 января 1719 г., опубликованныхъ въ новгородскомъ уѣздѣ, вѣроятно, въ февралѣ 1719 г., на которые и можно видѣть указаніе въ слѣдующихъ вступительныхъ словахъ ходатайства: «Прошедшаго февраля ваше величество изволилъ высокою своею милостію намъ нижайшимъ указъ свой объявить, милосердуя о подданнѣйшихъ своихъ, дабы о прекращеніи съ крестьянъ въ поборахъ прежняго отягченія отъ сборщиковъ и прочихъ тому подобныхъ къ лучшему способу и ко всенародной пользѣ впредь подушные поборы какимъ бы легкимъ порядкомъ собирать и отъ прежняго отягченія свободиться». Припомнимъ, что указъ о подушной 26 ноября 1718 г. былъ именно изданъ «въ такой надеждѣ», что съ плательщиковъ по введеніи новаго налога болѣе никакихъ податей и ра-

ботъ не будетъ», кромѣ какихъ-либо чрезвычайныхъ случаевъ «нападенія непріятельскаго» или «домашняго замѣшанія». Ходатайство подписано всего шестью лицами, составлявшими, вѣроятно, комиссію уполномоченную дворянствомъ для выработки его текста, и въ канцеляріи государя было озаглавлено, какъ «новгородскихъ дворянъ Саввы Корсакова (первое изъ подписавшихъ лицъ) съ товарищи изъясненіе въ 11 пунктахъ противъ государева имъ объявленія о подушномъ сборѣ». Разсматривая эти пункты, мы видимъ, что указъ о подушномъ сборѣ остался для дворянства крайне неяснымъ, по крайней мѣрѣ, возбудилъ въ немъ нѣсколько сомнѣній. Дворянство не знало, будутъ ли съ введеніемъ подушнаго сбора сняты съ него другія тяготившія его повинности, какъ поставка провіанта, фуража, работниковъ, подводъ, мундировъ для рекрутъ. Далѣе его интересовалъ вопросъ, какимъ образомъ будетъ взиматься подушная въ случаѣ истребленія пожаромъ цѣлой деревни, будутъ ли исключаться изъ оклада бѣглые и умершіе. За этими вопросами слѣдуетъ нѣсколько проектовъ, касающихся организаціи подушнаго сбора. Дворянство предполагаетъ сосредоточить этотъ сборъ со всего уѣзда въ рукахъ одного лица съ званіемъ оберъ-комиссара, при которомъ въ качествѣ помощниковъ состояли бы въ каждой пятинѣ «земляные комиссары» изъ дворянъ и по выбору дворянства, а въ погостахъ сотскіе, старосты и десятскіе изъ крестьянъ «за выборомъ обывателей по исчисленію душевнаго числа сколько человѣкъ принадлежитъ». Комиссары пятинъ, собравъ подать при содѣйствіи этихъ низшихъ выборныхъ сельскихъ чиновъ, немедленно должны отвозить собранныя деньги къ оберъ-комиссару. Комиссары должны быть обязаны ежегодной отчетностью, и дворянство проситъ предоставить ему самому право судить оберъ-комиссара и земскихъ комиссаровъ въ случаѣ ихъ неисправности и обидъ отъ нихъ обывателямъ, представляя въ обыкновенные суды только тѣхъ изъ нихъ, которые оказались бы виновными въ «великомъ прегрѣшеніи». Наконецъ, дворянство требуетъ указаній, на какія средства содержать комиссаровъ.

Въ постановкѣ этого комиссарскаго института, какъ его проектируетъ дворянство въ своемъ ходатайствѣ, есть значительная разница, но есть и много сходства съ тою его постановкой, какая намѣчена была въ указѣ 26 ноября 1718 г. Указъ говоритъ объ организаціи института по полкамъ: «учинить на каждый полкъ два комиссара, одного полковаго, другаго отъ земли», въ связи съ идеей расположенія полковъ на души. Ходатайство эту идею совершенно игнорируетъ, полковыхъ округовъ и полковыхъ комиссаровъ, принимающихъ сборы у земскихъ, не знаетъ и предполагаетъ чисто уѣздную организацію комис-

сарства, основанную на старинномъ дѣленіи уѣзда на пятины, притомъ съ іерархическими отношеніями къ оберъ-комиссару, стоящему во главѣ уѣзда, на что въ указѣ нѣтъ никакого намека. Но выборы земскаго комиссара самимъ дворянствомъ, отчетность его передъ ежегоднымъ дворянскимъ съѣздомъ, право этого съѣзда судить комиссара и штрафовать за неисправность—все это были предметы, о которыхъ, казалось, было бы лишнимъ просить послѣ указа 26 ноября 1718 г., такъ какъ всѣ эти черты земскаго комиссара именно и даны указомъ. Ходатайство получило бы высокій интересъ, если бы можно было доказать, что оно возбуждено было ранѣе указа 26 ноября и что въ ссылкѣ его на объявленіе въ февралѣ указа о подушной можно видѣть намекъ не на сенатскій указъ отъ 22 января 1719 года, съ которымъ вмѣстѣ, по всей вѣроятности, былъ присланъ въ новгородскій уѣздъ также и указъ 26 ноября, а на какое-нибудь обѣщаніе Петра, данное въ неопредѣленной формѣ еще въ февралѣ 1718 года. Тогда можно было бы говорить о вліяніи новгородскаго проекта на законодательство, касающееся устройства отношеній новаго земскаго комиссара къ дворянству. Во всякомъ случаѣ, изъ сравненія указа съ ходатайствомъ нельзя не замѣтить, какъ виды правительства въ этомъ случаѣ шли навстрѣчу желаніямъ уѣзднаго дворянства.

Въ ходатайствѣ указываются, затѣмъ, лучшіе, по мнѣнію дворянства, сроки для сбора подушной. Дворянство считаетъ удобнѣе всего производить его дважды въ годъ: во-первыхъ, въ сентябрѣ и октябрѣ по минованіи дѣловой поры у крестьянъ, а во-вторыхъ, въ январѣ и февралѣ, иначе, если установить болѣе частые сроки сбора, крестьянамъ будетъ «не безъ тягости отъ частыхъ поѣздокъ сборщиковыхъ». На практикѣ, какъ мы знаемъ, были установлены три срока. Одна изъ статей ходатайства предлагаетъ мѣры ко взысканію подати съ помѣщиковъ, которые стали бы упорствовать въ ея платежѣ, заключающіяся въ повелѣніи воеводамъ поддерживать земскихъ комиссаровъ, производящихъ взысканіе, отряжая съ ними служилыхъ людей, и въ суровыхъ наказаніяхъ за упорство. Ходатайство заканчивается просьбами о сложеніи особаго окладнаго сбора съ помѣщиковъ, не отбывающихъ лично военной службы, существовавшаго только въ новгородской области, объ упорядоченіи оброчныхъ сборовъ съ рыбныхъ ловель и о порученіи производства этихъ сборовъ тѣмъ же земскимъ комиссарамъ, которые будутъ собирать и подушную, наконецъ, это уже былъ, очевидно, неизбѣжный припѣвъ каждаго дворянскаго ходатайства, — о принятіи крутыхъ мѣръ противъ крестьянскихъ побѣговъ. У насъ есть извѣстія о дальнѣйшей судьбѣ этой челобитной новгородскаго дворянства: она

разсматривалась и принята была во вниманіе сенатомъ въ 1720 г., когда тамъ обсуждался вопросъ о пробномъ расположеніи ген. Волковымъ двухъ полковъ въ новгородскомъ уѣздѣ [1]).

Итакъ, было бы неправильнымъ сказать, что жизнь уѣздныхъ дворянскихъ обществъ совсѣмъ прекратилась въ эпоху Петра. Приведенныя ходатайства служатъ ея отраженіями. Но отъ прежней широкой дѣятельности дворянскихъ міровъ, дѣйствительно, оставались лишь незначительные обломки, такъ же мало способные справиться съ возложенною на нихъ повинностью выбирать и контролировать земскаго комиссара, какъ они были неспособны выбирать ранѣе воеводскихъ товарищей и ландратовъ. Выборы земскихъ комиссаровъ на сѣверѣ въ недворянскихъ поморскихъ уѣздахъ прошли въ концѣ 1723 г. гладко, не встрѣтили никакихъ затрудненій на практикѣ и никакихъ возраженій со стороны правительства. Съѣзды для выборовъ собирались здѣсь по стариннымъ привычнымъ административнымъ единицамъ, уѣздамъ, и не были многолюдны. На собраніи двинскаго уѣзда, напр., участвовало 140 человѣкъ, на собраніи усольскаго—128; въ другихъ уѣздахъ эти цыфры были значительно

[1]) Госуд. арх. каб. дѣл. II, 44, л. 220—224. Челобитье дворянства: «И на сей указъ мы, нижайшіе ваши рабы, просимъ милостиваго объявленія, что сверхъ подушныхъ денегъ другіе поборы будутъ ли. А именно: 1) Провіантъ, фуражъ, работники, подводы, также рекруты противъ прежняго отдавать съ мундиромъ или все вышеписанное въ томъ же сборѣ денежномъ подушномъ будетъ. 2) Ежели учинится какое несчастіе отъ пожару, деревня безъ остатку выгоритъ или явится кто въ бѣгахъ, или помрутъ, и о такихъ какое разсмотрѣніе чинить? 4) Онаго комиссара и земляныхъ комиссаровъ довольствовать и на бумагу, и на чернила, и на прочее потребное деньги отколь брать, о томъ требуемъ указу... 7) Тѣ подушныя деньги дабы съ наличныхъ сбирать въ годъ дважды, а именно первый сборъ въ сентябрѣ и въ октябрѣ, какъ дѣловая пора крестьянамъ минется; второму сбору быть въ генварѣ да въ февралѣ для того: ежели тѣ сборы положить по чети или по трети года, то отъ частыхъ поѣздокъ сборщиковыхъ крестьянамъ будетъ не безъ тягости». Ср. дѣл. сен. кн. 659, л. 598. Выписка при слушаніи дѣла въ сенатѣ: «А во мнѣніи новгородцевъ дворянъ написано:сверхъ подушныхъ денегъ другіе поборы будутъ ли, а именно: провіантъ, фуражъ, работники, подводы, рекруты съ мундиромъ... Которые будутъ у сборовъ подушныхъ денегъ городовой и уѣздные комиссары, чѣмъ ихъ довольствовать и на бумагу, и на чернила, и на прочія потребности отколь брать.—Ежели учинится какое несчастіе отъ пожару или явится кто въ бѣгахъ и помрутъ.—Тѣ подушныя деньги сбирать бы съ наличныхъ душъ въ годъ дважды, по прошествіи дѣловой поры, первый въ сентябрѣ и октябрѣ, второй въ генварѣ и февралѣ. А ежели положить по четверти или по трети года, то отъ частыхъ поѣздокъ сборщиковыхъ будетъ не безъ тягости».

меньше: въ тотемскомъ—77, устюжскомъ—61 и т. д. [1]). Какъ мы видѣли, законъ предоставлялъ въ этихъ мѣстностяхъ выборы земскихъ комиссаровъ «обывателямъ», не опредѣляя точнѣе, кого именно онъ подъ этимъ названіемъ подразумѣвалъ. На практикѣ на съѣздахъ участвовали, вѣроятно, подъ предсѣдательствомъ всеуѣздныхъ земскихъ старостъ члены выборной администраціи волостей: волостные старосты, сотскіе и выборные люди. Иначе обошлось дѣло въ дворянскихъ областяхъ. Съѣзды для избранія земскихъ комиссаровъ происходили здѣсь, по крайней мѣрѣ въ 1723 году, также по уѣздамъ и даже по провинціямъ [2]). Выборы запаздывали. Въ орловской, напр., провинціи съѣздъ не могъ состояться еще и въ маѣ 1724 г., такъ какъ явилось «шляхетства самое малое» число, всего только семеро помѣщиковъ изъ двухъ уѣздовъ, и правительство принуждено было обратиться къ переписчикамъ о «понужденіи» дворянства къ выборамъ. Они отличались тою же чертой, какою было отмѣчено позже участіе дворянства въ общесословныхъ собраніяхъ по поводу постройки квартиръ для войскъ. Лично на съѣздъ собиралось и подписывало протоколы объ избраніи комиссаровъ только небольшое число дворянъ, и ихъ подписи тонутъ среди подписей приказчиковъ и старостъ ихъ имѣній. Такъ, на съѣздъ по галицкому уѣзду явилось всего 24 человѣка дворянъ, остальные 255 были сотскіе, старосты и выборные люди. На многолюдный съѣздъ по обширному вологодскому уѣзду пріѣхало большое число и самихъ дворянъ — 110 человѣкъ, но за то изъ тѣхъ помѣстій, въ которыхъ сами помѣщики отсутствовали, явилось приказчиковъ и старостъ слишкомъ вчетверо больше—488. Съѣзжались не всѣ избиратели одновременно; собраніе приступало къ дѣйствію и избирало комиссаровъ не въ такомъ многочисленномъ составѣ, какъ можно его представлять себѣ по количеству подписей въ протоколѣ, многіе подъѣзжали потомъ

[1]) На Мезени—50 человѣкъ; въ Яренскѣ—56; Кегролѣ—41; въ Устьянскихъ волостяхъ—43; на Вагѣ—24; въ Кольскомъ уѣздѣ—24. Дѣл. сен. кн. 701, л. 653—663; кн. 814, л. 726, л. 766.

[2]) ...«А пока оной (орловской) провинціи шляхетство всѣхъ городовъ не сберутся, онымъ въ выборѣ подписаться невозможно, понеже объ оныхъ комиссарахъ велѣно подписываться *всею провинціей, а не по городомъ*». Дѣла орл. уѣздн. суда № 1064. Это распоряженіе о выборѣ комиссаровъ на провинціальномъ съѣздѣ принадлежитъ, кажется, кіевской переписной канцеляріи, которая и распоряжалась выборами въ 1723—24 гг.; по крайней мѣрѣ, въ своей бумагѣ въ орловскую воеводскую канцелярію она не ссылается на какой либо указъ, говорившій о такомъ порядкѣ выборовъ.

и присоединялись къ выбору, сдѣланному ранѣе собравшимися. «А за обширностью того уѣзда волостей», доноситъ о выборахъ генералъ переписчикъ, «для прикладыванія рукъ къ тому выбору многіе еще съѣзжаются и прикладываютъ руки». Наблюдая отношеніе между цыфрами дворянъ, явившихся на выборы лично и тѣхъ, взамѣнъ которыхъ явились ихъ старосты и приказчики, можно судить о размѣрахъ дворянскаго абсентеизма въ уѣздахъ. Съѣзды для избранія комиссаровъ, которые должны были имѣть чисто дворянскій характеръ, въ 1723 г. имѣли характеръ съѣздовъ представителей крестьянскихъ міровъ при небольшомъ участіи дворянства. Такимъ образомъ, и на сѣверѣ, и въ центрѣ крестьянскій міръ оказывался живучѣе дворянской уѣздной корпораціи и на практикѣ сталъ выступать тамъ, гдѣ законъ требовалъ дѣятельности дворянства. Но законъ неуклонно стремился поддержать эту дѣятельность, требуя непремѣнно личнаго участія дворянъ на съѣздахъ. Когда результаты первыхъ выборовъ приведены были въ извѣстность, былъ изданъ 5 февр. 1724 г. указъ, предписывавшій выбирать земскихъ комиссаровъ самимъ помѣщикамъ, а приказчикамъ на съѣзды не являться. Получивъ это распоряженіе, ген. Чернышевъ, переписчикъ московской губерніи, долженъ былъ передѣлывать протоколы о выборахъ земскихъ комиссаровъ по этой губерніи, исключая изъ нихъ подписи старостъ и приказчиковъ, которые въ большомъ количествѣ участвовали на съѣздахъ [1]).

[1]) Дѣл. сен. кн. 699, л. 89, 32; кн. 690, л. 694—705; кн. 687, л. 168; кн. 701, л. 664; кн. 814, л. 735, л. 766; кн. 688, л. 336: доношеніе сенату ген. Чернышева отъ 11 марта 1724: «а земскіе комиссары, хотя были и выбраны и къ полкамъ опредѣлены, токмо къ тѣмъ выборамъ не всѣ подписывались помѣщики, но многіе приказчики и старосты, чего ради по указамъ... велѣно на оныхъ выборы брать за руками самихъ помѣщиковъ, а приказчикамъ ихъ въ выборѣ тѣхъ земскихъ комиссаровъ не быть, по которымъ еще многіе помѣщики въ выборѣ оныхъ не подписывались, а какъ подпишутся и кто къ которому полку расписаны будутъ, табель въ прав. сенатъ подана будетъ». П. С. З. № 4458. Дѣл. сен. кн. 688, л. 1487—1512: доношеніе полк. Есипова, переписчика азовск. губ. 1 февр. 1725 г.: «въ азовской же губерніи для сбору подушныхъ денегъ земскіе комиссары выбраны (это вторые выборы, состоявшіеся въ концѣ 1724 г.) и къ свидѣтельству душъ съ выборами прислано изъ шляхетства, а именно: воронежской провинціи—3; тамбовской—3; елецкой—1. Итого 7 человѣкъ. А отъ шацкой провинціи присланъ одинъ же человѣкъ, а на онаго выбору, также и другаго комиссара не прислано. А той де провинціи асессоръ Москотиньевъ доношеніемъ объявляетъ, что для взятья другаго комиссара, Степана Вельяминова, посланы отъ него нарочные; а выборовъ на тѣхъ комиссаровъ не послано для того, что по многимъ посланнымъ отъ нихъ

Въ обращеніи къ земскимъ силамъ, къ которому прибѣгло правительство при устройствѣ новой податной системы, и которое проявилось въ созывѣ мѣстныхъ съѣздовъ и выборахъ земскихъ должностей, было противорѣчіе тѣмъ началамъ, которыя были положены въ основу административной реформы 1719 г. Но это противорѣчіе было неизбѣжнымъ, такъ какъ административная реформа шла слишкомъ въ разрѣзъ съ историческими началами, на которыхъ покоилась вся организація русскаго общества. Это было вѣковое свойство русскаго тягла, что оно складывало общество въ обширные классы, различавшіеся соотвѣтственно различію тягла, а въ средѣ этихъ обширныхъ соціальныхъ группъ создавало мелкія мѣстныя единицы, земскіе міры, которые связывались нитями, происходившими изъ повинности, имѣвшими къ ней ближайшее отношеніе: взаимною отвѣтственностью членовъ міра другъ за друга въ формѣ круговой или сосѣдской поруки, разверсткой повинности между членами міра, поставкой ими изъ своей среды должностныхъ лицъ для взиманія повинности, наконецъ, отвѣтственностью за эту поставку въ видѣ такъ называемаго «выбора за руками», служившаго документомъ ручательства за мірскаго избранника. Подать смыкала въ земскіе союзы и сельскія волости, и городскіе посады. Военная служба завязывала дворянскія уѣздныя общества. Тѣми же послѣдствіями сопровождалось введеніе новаго вида тягла, наложеннаго государствомъ на общество въ двадцатыхъ годахъ XVIII вѣка, подушной подати, осложненной расквартированіемъ арміи по уѣздамъ. Крестьянскимъ мірамъ на сѣверѣ и дворянскимъ въ центрѣ задана была усиленная работа. Подушная подать вызвала выборы земскаго комиссара и отвѣтственность за него уѣзднаго общества; расквартированіе арміи вызвало съѣзды для обсужденія вопросовъ о постройкѣ квартиръ для полковъ, самообложеніе для того, чтобы достать на нее необходимыя средства, выборы особыхъ должностныхъ лицъ для ея производства.

указамъ *шляхетства* и однодворцевъ для прикладыванія рукъ *явилось самое малое число*». Дѣла пошех. уѣздн. суда по III описи, вязка 2, кн 6, декабрь 1725 г. № 31: промеморія изъ полковаго двора московскаго пѣхотнаго полка въ воеводскую канцелярію «о высылкѣ дворянъ въ канцелярію штабной квартиры для счету нынѣшняго земскаго комиссара и ради выбора къ 1726 году инаго»; по II описи кн. 54, № 867: донесеніе въ камеръ-коллегію: «о полученіи указу, по которому велѣно въ предбудущій 726 г. выбрать комиссаровъ для сбору подушныхъ денегъ, и по оному указу для высылки самихъ помѣщиковъ посланы нарочные солдаты по наказамъ, чтобъ съѣзжались въ одно мѣсто, гдѣ полковые дворы имѣются и въ предбудущій 726 г. комиссаровъ выбирали».

Все это не могло не оживить съ новой силой дѣятельности и тѣхъ земскихъ міровъ, въ которыхъ она стала было затихать, и не сообщить ей нѣкотораго движенія. Эта вѣками связанная съ повинностью и выраставшая изъ нея дѣятельность, цѣлью которой было казенное дѣло, а не мѣстныя нужды, и не была принята въ разсчетъ, когда вводилась шведская областная организація, построенная на бюрократическомъ началѣ. Реформа, вводя новыя административныя системы, не только не уменьшала вліянія государственнаго тягла, напротивъ, во много разъ усилила его напряженіе. Общественные классы оставались такими же или даже дѣлались еще болѣе тяглыми организаціями при Петрѣ, чѣмъ были до него. Поэтому вполнѣ естественно, что земскіе міры сохранили свое значеніе общественныхъ союзовъ, занятыхъ отправленіемъ государственныхъ повинностей и силою вещей врѣзались въ бюрократическую систему. Податная реформа, сильно отягчавшая прежнія повинности, создавала потребность усилить напряженіе дѣятельности земскихъ міровъ, бывшихъ единственными тогда извѣстными орудіями всякой податной организаціи. Эта давно начавшаяся дѣятельность никогда не прекращалась совершенно. Въ разныхъ общественныхъ классахъ она хранилась въ различной степени въ зависимости отъ формы возложенной повинности и отъ степени воздѣйствія на земскіе міры приказной администраціи, получившей большое значеніе въ XVII вѣкѣ. Всего живучѣе и сильнѣе способность дѣйствовать міромъ сказывалась въ крестьянской общинѣ, связанной круговою порукой и далекой отъ административнаго воздѣйствія; подъ вліяніемъ воеводской власти она уже слабѣла въ городѣ; подъ вліяніемъ перемѣнъ въ отбываніи службы она еще болѣе ослабла въ уѣздныхъ дворянствахъ. Эти различія и отразились на степени участія каждаго изъ этихъ классовъ на различныхъ съѣздахъ двадцатыхъ годовъ XVIII вѣка.

VII.

И округъ выборнаго земскаго комиссара, дѣйствовавшаго въ 1724—27 гг., и компетенція, и положеніе его въ общемъ строѣ провинціальнаго управленія—иные, чѣмъ были у назначенныхъ земскихъ комиссаровъ. Намъ и предстоитъ теперь познакомиться съ этими перемѣнами. Перемѣны совершаются въ предѣлахъ очень близкихъ хронологическихъ граней, но это уже обычное свойство петровской административной реформы.

Дистрикты земскихъ комиссаровъ 1719 г., какъ ихъ по крайней мѣрѣ предполагалось устроить, должны были быть однообразны по количеству населенія. Этому областному раздѣленію предполагалось дать статистическое основаніе — количество тяглыхъ дворовъ, установивъ опредѣленную однообразную для всей Россіи его норму. Мы видѣли, что Фикъ проектировалъ составить дистриктъ изъ 3—4 тысячъ крестьянъ и что при обсужденіи въ сенатѣ вопроса объ административномъ раздѣленіи петербургской губерніи нормой населенія для дистрикта было принято двѣ тысячи дворовъ по переписи 1678 г. Правда, на практикѣ получились округа съ цыфрами дворовъ, отступающими, и иногда очень далеко, отъ этой нормы, но это были уже фактическія уклоненія отъ того, что предполагалось. Дистриктъ выборнаго комиссара строился также на статистическомъ основаніи, но это основаніе было иное. Этотъ дистриктъ былъ округомъ, въ которомъ былъ расположенъ на души полкъ и количество населенія котораго было достаточно для содержанія полка путемъ сбора подушной подати. Но количество податныхъ душъ, необходимыхъ для этой цѣли, не было однообразнымъ; оно колебалось въ зависимости отъ двухъ обстоятельствъ. Во-первыхъ, отъ размѣра оклада подушной подати. Очевидно, что чѣмъ меньше былъ окладъ, тѣмъ больше требовалось душъ для того, чтобы доставить одну и ту же сумму подати; окладъ же, какъ извѣстно, первоначально предположенный въ размѣрѣ 97 коп., постепенно понижался до 80 и до 74 коп. Дистрикты, которые были сформированы при окладѣ въ 80 к., приходилось измѣнить, когда окладъ былъ уменьшенъ. Во-вторыхъ, количество податныхъ душъ дистрикта колебалось въ зависимости отъ того, какой полкъ долженъ былъ съ него содержаться: полевой или гарнизонный, пѣхотный или драгунскій, гренадерскій или фузелерный, такъ какъ содержаніе этихъ полковъ благодаря различіямъ въ ихъ численныхъ составахъ и въ ихъ вооруженіи обходилось въ различныя суммы. До какой степени велика могла быть разница въ количествѣ податныхъ душъ въ разныхъ дистриктахъ, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: ежегодное содержаніе полеваго драгунскаго гренадерскаго полка обходилось въ 44.945 руб. 80½ к. Требовалось 60.737 душъ съ дробями, чтобы доставить такую сумму денегъ при окладѣ въ 74 коп., который окончательно былъ принятъ Петромъ. Полевой пѣхотный гренадерскій полкъ стоилъ ежегодно 37.795 руб., 77 коп.—значитъ, въ дистриктѣ, на который располагался этотъ полкъ, должно было считаться 51.075 душъ. Менѣе дороги были гарнизонные полки. На гарнизонный пѣхотный полкъ тратилось ежегодно 16.200 р. 31¾ к., и соотвѣтственно этому расходу его дистриктъ былъ гораздо

меньше другихъ, заключая въ себѣ всего лишь 21.892 души. На практикѣ въ дистриктахъ 1724—27 гг. мы и находимъ такія различныя цыфры податнаго населенія [1]. Въ общемъ нельзя не замѣтить, что территоріальные размѣры этихъ дистриктовъ были обширнѣе дистриктовъ 1719 г. Такъ, московскій уѣздъ, который прежде дѣлился на семь дистриктовъ, теперь составилъ ихъ всего только три съ дробью. Вся московская провинція, заключавшая въ себѣ прежде цѣлыхъ 19 дистриктовъ, теперь распадалась только на 11. Въ одной тамбовской провинціи было прежде семь комиссарствъ; теперь во всей азовской губерніи, въ составъ которой входила вмѣстѣ съ четырьмя другими провинціями и тамбовская, было образовано всего 10 полковыхъ дистриктовъ. Эти новыя областныя единицы не приведены были въ согласіе съ существовавшимъ провинціальнымъ раздѣленіемъ. Провинціи перекраивались полковыми дистриктами, нарушавшими ихъ границы, такъ что части одного и того же дистрикта могли находиться въ двухъ сосѣднихъ провинціяхъ. Такъ, напр., для составленія дистрикта копорскаго пѣхотнаго полка, на содержаніе котораго требовалось 50.679 $^{1}/_{4}$ душъ, взята была часть тверской провинціи — 42.094 души и часть сосѣдней угличской, въ которой находились остальныя. Въ дистрикты полковъ, расположенныхъ въ шацкой провинціи, были присоединены недостающія души изъ тамбовской. Во всей бахмутской провинціи, не включая особаго округа, приписаннаго спеціально къ желѣзнымъ заводамъ, поголовная перепись насчитала 5.234 души. Къ ней было присоединено изъ сосѣднихъ провинцій: бѣлгородской, елецкой и воронежской еще 55.166 душъ, и составился дистриктъ, на который былъ расположенъ новгородскій драгунскій полкъ. Такимъ образомъ, цѣлая провинція оказалась только частью полковаго дистрикта. Изъ этихъ примѣровъ видно,

[1]) П. С. З. № 4536: табель. Въ московской губ. встрѣчаемъ дистрикты съ слѣдующими цыфрами податныхъ душъ: 50.620; 21.892; 28.738; 60.268; 60.738. Дѣла сен. кн. 711, л. 247—248. Дѣла сен. кн. 695, л. 413—437. Въ трудѣ *Кириллова*: Цвѣтущее состояніе и т. д.., приводятся слѣдующія цыфры ревизскихъ душъ въ дистриктахъ: 50.679 $^{13}/_{16}$; 60.268 $^{5}/_{8}$; 28.688 $^{7}/_{16}$; 21.864; 28.742; 21.891 $^{1}/_{2}$; 28.739 $^{3}/_{8}$; 51.075 $^{3}/_{8}$; 60.223 $^{5}/_{8}$; 21.865; 28.743; 27.325 $^{1}/_{16}$; 21.929 $^{3}/_{4}$; 21.892 $^{1}/_{4}$; 60.269; 27.315; 21.664; 21.997; 82.316 (ингерманландскій трехбатальонный полкъ); 57.538; 50.621; 27.326; 20.892. Существовали еще отдѣльные батальоны и эскадроны, какъ самостоятельныя военныя единицы, не входившія въ составъ полковъ, какъ, напр., великолуцкій батальонъ: въ его дистриктѣ въ петерб. губ.—12.302 $^{1}/_{2}$ души; шлиссельбургскій—14.343 $^{3}/_{16}$; московскій «шквадронъ»—13.948. *Кирилловъ*, II, 162 и сл.

что души недостававшія въ дистриктахъ одной провинціи пополнялись «остаточными» изъ другой, причемъ, можетъ быть, даже не всегда дистриктъ представлялъ изъ себя компактный территоріальный округъ. «Остаточныя» души, неразобранныя на полки, составляли особые дистрикты, образуя какъ бы запасъ, изъ котораго производилось пополненіе душъ въ случаѣ чрезмѣрной убыли наличнаго числа населенія полковыхъ дистриктовъ или въ случаѣ пониженія подушнаго оклада. Такъ, напр., въ галицкой провинціи осталось за расположеніемъ на полки 14.551 такихъ душъ въ трехъ уѣздахъ: галицкомъ, судайскомъ и чухломскомъ, гдѣ онѣ образовали три дистрикта, каждый съ особымъ земскимъ комиссаромъ.

Но и съ учрежденіемъ этихъ новыхъ областныхъ единицъ, какими были полковые дистрикты, значеніе уѣзда не замирало, хотя случаи совпаденія уѣзда съ полковымъ дистриктомъ, какъ это было, напр., въ важскомъ уѣздѣ, еще гораздо рѣже, чѣмъ такіе же случаи совпаденія этой старинной областной единицы съ дистриктами 1719 года. Уѣзды, густо населенные, какъ московскій, или обширные по размѣрамъ и потому обладавшіе значительнымъ населеніемъ, какъ новгородскій, дробились и теперь на нѣсколько полковыхъ дистриктовъ. Обыкновенно же, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, эти дистрикты формировались изъ нѣсколькихъ уѣздовъ или частей уѣзда. Такъ, дистриктъ воронежскаго пѣхотнаго полка, находившійся въ предѣлахъ московской провинціи, былъ составленъ изъ 33.907 душъ дмитровскаго, 11.588— клинскаго и 5.125 душъ рузскаго уѣзда. Въ дистриктъ великолуцкаго пѣхотнаго полка вошли части слѣдующихъ уѣздовъ: тульскаго, крапивенскаго, алексинскаго, одоевскаго, лихвинскаго и перемышльскаго— цѣлая мозаика изъ частей прежнихъ территоріальныхъ подраздѣленій. Сохраняющееся значеніе уѣзда въ этихъ случаяхъ видно уже изъ того, что вся эта бухгалтерія душъ, необходимыхъ для составленія полковаго дистрикта ведется по уѣздамъ; названіе уѣзда не забыто и принадлежность къ нему душъ, вошедшихъ въ составъ дистрикта, не прекращена. Старинная областная единица оказалась обладающей необыкновенной устойчивостью и силой сопротивленія всѣмъ перекройкамъ, которымъ подвергалась въ рукахъ преобразователя административная карта Россіи. Особую живучесть она проявляла на сѣверѣ, гдѣ выборы земскихъ комиссаровъ происходили не по дистриктамъ на полковыхъ дворахъ, какъ въ другихъ мѣстностяхъ, а по уѣздамъ, причемъ для цѣлыхъ уѣздовъ и для частей уѣздовъ, входившихъ, какъ части, въ составъ полковыхъ дистриктовъ, выбирались на уѣздныхъ собраніяхъ отдѣльные комиссары, такъ что ихъ приходилось здѣсь по нѣскольку на полкъ, и

каждый собиралъ подать только съ душъ своего уѣзда. Такъ, напр., при устройствѣ полковыхъ дистриктовъ часть устюжскаго уѣзда была взята въ дистриктъ питершанскаго полка, а другая часть отошла въ дистриктъ шуперина полка. На уѣздномъ собраніи обывателей устюжскаго уѣзда, происходившемъ въ концѣ 1723 г., и было избрано двое комиссаровъ, изъ которыхъ каждому досталось по части уѣзда, и одинъ собиралъ подать на питершанскій, а другой на шуперинъ полкъ. Но дистриктъ питершанскаго полка составился не изъ одной только части устюжскаго уѣзда; въ него вошла также часть устьянскихъ волостей, представлявшихъ изъ себя также старинное территоріальное цѣлое, какъ бы уѣздъ безъ уѣзднаго города въ центрѣ. Надъ каждою изъ этихъ двухъ частей, составившихъ дистриктъ, оказался особый комиссаръ: одинъ, избранный на устюжскомъ уѣздномъ собраніи, другой, избранный на такомъ же собраніи устьянскихъ волостей. Дистриктъ монастырева полка составился изъ уѣздовъ кольскаго, кегрольскаго и части двинскаго. Въ каждой изъ этихъ составныхъ частей дистрикта находится особый комиссаръ отъ земли. Дистриктъ пѣхотнаго карпова полка состоялъ изъ яренскаго и части усольскаго уѣздовъ, поэтому при полкѣ двое комиссаровъ, одинъ для яренскаго, другой для усольскаго уѣзда. Громадный по пространству дистриктъ гулицева полка въ архангелогородской провинціи былъ составленъ изъ уѣздовъ: пустозерскаго, мезенскаго, кемскаго и другой части двинскаго; подать въ каждомъ изъ нихъ собирали особые комиссары, избранные на уѣздныхъ собраніяхъ этихъ уѣздовъ, такъ что полковому начальству этого полка пришлось имѣть дѣло съ четырьмя комиссарами. «Дистриктомъ» въ такихъ случаяхъ нерѣдко и называлась часть всего полковаго округа, управляемая особымъ земскимъ комиссаромъ [1]).

Дѣятельность новаго выборнаго комиссара опредѣлялась новой инструкціей. Еще 22 іюля 1722 г. сенатъ, обезпокоенный близостью срока, съ котораго назначено было приступить къ взиманію подушной, и полной неопредѣленностью, въ которой находились вопросы, касавшіеся будущаго полковаго хозяйства въ связи со сборомъ новаго на-

[1]) П. С. З. № 4534. Инстр. полк. 12_2. Дѣл. сен кн. 695, л. 611 и сл. *Кирилловъ*, Цвѣтущее состояніе, I, 184, 179, 183 и др. Дѣла сен. кн. 688, л. 1468; кн. 695, л. 196, л. 227—228, л. 595—596; кн. 711, л. 375. П. С. З. № 4697. Дѣл. сен. кн. 814, л. 358. Дѣла сен. кн. 695, л. 413—437. Дѣла камеръ-коллегіи, вязка 19, д. 2. Дѣла сен. кн. 688, л. 338—340. Дѣла камеръ-коллегіи, вязка 18, д. 1, л. 329—417; вязка 23, д. 3; вязка 19, д. 1, л. 14—24, л. 38, л. 62—70.

лога, постановилъ сдѣлать военной коллегіи подтвержденіе, чтобы она немедленно «сочинила диспозицію» о взаимныхъ отношеніяхъ земскаго и полковаго комиссаровъ, о срокахъ сбора и о распредѣленіи собранныхъ подушныхъ денегъ между полкомъ и другими военными учрежденіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ сенатъ распорядился, чтобы камеръ-коллегія занялась составленіемъ новой инструкціи земскому комиссару, причемъ такъ какъ дѣятельность выборнаго комиссара касалась предметовъ вѣдомства обѣихъ коллегій, «военной со стороны военныхъ, а камеръ о подданныхъ отъ земли», то этимъ коллегіямъ велѣно было обсудить проектъ инструкціи совмѣстно и затѣмъ представить его въ сенатъ на утвержденіе. Заявивъ съ нѣкоторой обидой, что она никакихъ указовъ о разработкѣ подобныхъ вопросовъ ранѣе 22 іюля не получала и поэтому въ медленности обвиняется напрасно, военная коллегія представила рядъ своихъ соображеній о будущемъ устройствѣ военнаго хозяйства въ обширномъ докладѣ, послужившемъ основаніемъ для сенатскаго указа 3 сент. 1723 г., который впервые подробно опредѣлилъ порядокъ подушнаго сбора, распредѣленіе собранныхъ денегъ, обязанности земскаго комиссара и отношенія полка къ населенію его дистрикта. Работа камеръ-коллегіи затянулась, и инструкція земскому комиссару была готова только къ веснѣ 1724 г. Вмѣстѣ съ плакатомъ и инструкціей полковнику она, вѣроятно, разсматривалась на происходившемъ тогда въ Москвѣ съѣздѣ переписчиковъ, 30 апрѣля или 1 мая была одобрена въ сенатѣ Петромъ, но опубликована и разослана по провинціямъ только въ августѣ того же года. Сравнивая эту инструкцію съ инструкціей земскому комиссару 1719 г., нельзя не замѣтить значительной разницы между ними, хотя при составленіи новой камеръ-коллегіи предписано было принять старую за образецъ. По инструкціи 1719 г. главною изъ обязанностей земскаго комиссара было взиманіе съ населенія налоговъ; по инструкціи 1724 г. это взиманіе является его исключительной обязанностью. Кромѣ главной обязанности по финансовому управленію, прежняя инструкція давала земскому комиссару полномочія полицейскаго характера, отличавшіяся необыкновенной широтой. На немъ лежала не только исполнительная полиція, но и такія дѣла, какъ обученіе обывателей дистрикта страху Божію и добродѣтели, истребленіе всѣхъ пороковъ и насажденіе просвѣщенія. Ни о чемъ подобномъ нѣтъ рѣчи въ новой. Комиссаръ 1724 г. по ней является финансовымъ, а не полицейскимъ въ широкомъ смыслѣ этого слова агентомъ, исключительно сборщикомъ подушнаго налога, ради чего онъ и избирался мѣстнымъ съѣздомъ. Если бы прежняя инструкція съ ея полицейскими параграфами осталась обяза-

тельной для новаго комиссара, то несомнѣнно, что она, по крайней мѣрѣ, именно своей обязательной частью была бы включена въ текстъ новой инструкціи или однородныхъ съ нею актовъ, какъ плакатъ и инструкція полковнику, или, во всякомъ случаѣ, было бы въ ней упомянуто объ обязательности прежней. Ни того, ни другаго въ инструкціи земскому комиссару 1724 г. нѣтъ. Она содержитъ въ себѣ только указанія на технику производства подушнаго сбора. Комиссару предписывается «быть у того дѣла неотлучно и въ домъ свой, и никуда для своихъ потребъ не отлучаться». Отъ переписной канцеляріи онъ принимаетъ переписныя книги всѣмъ занесеннымъ въ сказки душамъ своего дистрикта и на основаніи этого матеріала изготовляетъ окладную книгу дистрикта, обозначивъ въ ней каждое село и деревню, число душъ въ нихъ и размѣръ ежегоднаго оклада. Отъ камеръ-коллегіи ему выдаются приходо-расходныя книги для отчетности по подушному сбору, снабженныя ея печатью. Въ приходной книгѣ плательщики подати расписываются сами въ сдѣланныхъ ими взносахъ; не позже трехъ дней земскій комиссаръ обязанъ выдать каждому уплатившему налогъ квитанцію. Сборъ подати комиссаръ производитъ трижды въ году, раздѣляя годовой окладъ по третямъ: въ январѣ и февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ и затѣмъ осенью въ октябрѣ и ноябрѣ, не безпокоя такимъ образомъ крестьянъ въ пору горячей лѣтней работы. Собранныя деньги онъ долженъ передать полковнику въ присутствіи всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ полка, которые и расписываются въ полученіи въ расходной книгѣ комиссара.

Первый указъ о подушной говорилъ объ учрежденіи двухъ комиссаровъ: «одного полковаго, другаго отъ земли» и о передачѣ земскимъ комиссаромъ собранныхъ подушныхъ денегъ полковому. Мы видѣли, что въ одной изъ провинцій — симбирской — этотъ указъ былъ понятъ такъ, что полковыхъ комиссаровъ слѣдовало избрать на тѣхъ же съѣздахъ, на которыхъ избирались земскіе комиссары, что тамъ и было исполнено; но это былъ единственный или рѣдкій случай. «Полковые» комиссары не имѣли выборнаго земскаго характера. Это были состоявшіе при полкахъ чиновники особаго вѣдомства, комиссаріата, и представляли изъ себя низшую ступень той іерархіи, высшія ступени которой занимали оберъ-комиссары, оберстеръ-кригсъ-комиссаръ и во главѣ которой стоялъ генералъ-пленипотенціаръ-кригсъ-комиссаръ. Обязанности полковаго комиссара опредѣлены были инструкціей для него, составленной въ 1726 г. По этой инструкціи онъ выбирается всѣми офицерами полка. Главный предметъ его дѣятельности — раздача жалованья полку. Денежное хозяйство полка

устраивалось слѣдующимъ образомъ: полковникъ и всѣ офицеры полка, а не полковой комиссаръ, какъ это предполагалось первымъ указомъ о подушной, принявъ отъ земскаго комиссара подушныя деньги, дѣлять ихъ на четыре части. Одну часть — ту, которая идетъ на содержаніе высшихъ неполковыхъ чиновъ арміи—генералитета, а также на уплату за одежду, оружіе и медикаменты, полученные изъ центральныхъ военныхъ учрежденій, отправляютъ въ военную коллегію; другую часть—къ генералъ-провіантмейстеру за доставленный изъ его управленія въ полкъ провіантъ и фуражъ; третью—оставляютъ въ полковой казнѣ на различныя полковыя нужды и, наконецъ, четвертую, «жалованныя деньги» отдаютъ полковому комиссару, который и расходуетъ ихъ на жалованье офицерамъ и солдатамъ полка. Не будучи подчиненъ полковому командиру и сносясь только съ своимъ оберъ-комиссаромъ, полковой комиссаръ наблюдаетъ за исправностью одежды, вооруженія и аммуниціи полка и можетъ удерживать половину жалованья у штабъ-офицеровъ полка и у оберъ-офицера той роты, гдѣ замѣчена неисправность. Такимъ образомъ, земскій комиссаръ въ дѣйствительности сталъ въ болѣе близкія и непосредственныя отношенія къ полку, чѣмъ это предполагалось въ ноябрьскомъ указѣ 1718 г., и не былъ отдѣленъ отъ него полковымъ комиссаромъ. Его связи съ полкомъ были тѣсны. Онъ жилъ обыкновенно на полковомъ дворѣ, гдѣ для него строилась изба рядомъ съ избами полковыхъ чиновъ. Подушный сборъ и всѣ связанныя съ нимъ операціи завязывали непрерывныя отношенія между земскимъ комиссаромъ и полковымъ начальствомъ. Онъ сдѣлался необходимою принадлежностью состава полка. Ему предоставлено было нѣкоторое участіе въ полковыхъ хозяйственныхъ дѣлахъ. Полковникъ обязанъ былъ отправлять подушныя деньги въ мѣста ихъ назначенія не иначе, какъ въ присутствіи земскаго комиссара, и бочки, въ которыхъ пересылались эти деньги, должны были быть запечатаны печатями ихъ обоихъ. Рапортъ полковника о его денежныхъ распоряженіяхъ, представляемый въ военную коллегію, долженъ былъ скрѣпляться земскимъ комиссаромъ и, наоборотъ, рапортъ земскаго комиссара, представляемый въ камеръ-коллегію, долженъ былъ носить на себѣ также и подпись полковника. Въ этихъ случаяхъ ихъ печати и подписи были знаками отвѣтственности, которую несли оба: и полковникъ, и земскій комиссаръ за распоряженіе уже собранными деньгами. Но на обоихъ возлагался также и надзоръ за полнотою самаго источника подати—податнаго населенія дистрикта. Совмѣстно имъ поручалось наблюдать, чтобы помѣщики переводили крестьянъ изъ одной деревни въ другую не иначе, какъ съ разрѣшенія камеръ-коллегіи. Совмѣстно они должны были дѣйствовать

въ паспортной системѣ, которая была установлена для контроля за передвиженіемъ плательщиковъ подушной и которая съ тѣхъ поръ не переставала тяготѣть надъ сельскимъ населеніемъ. Крестьянинъ могъ отлучаться за предѣлы уѣзда только послѣ довольно сложной канцелярской процедуры. Онъ бралъ «отпускное» письмо отъ помѣщика за его подписью или за подписью приходскаго священника. Съ этимъ письмомъ онъ являлся къ земскому комиссару, который изслѣдовалъ его подлинность, вносилъ его въ особую книгу, взималъ пошлины въ размѣрѣ двухъ копѣекъ и выдавалъ просителю паспортъ съ подписями и печатями своими и полковника [1]).

Къ сбору подушной подати въ кругѣ обязанностей выборнаго земскаго комиссара присоединяется и завѣдываніе другими повинностями, падавшими на населеніе. Плакатъ предписываетъ ему собирать провіантъ и фуражъ съ жителей дистрикта въ случаѣ, если это понадобится для марширующихъ черезъ дистриктъ полковъ, не снабженныхъ запасами отъ генералъ-провіантмейстерскаго вѣдомства. Указы, послѣдовавшіе за инструкціей, расширяютъ этотъ кругъ. Въ 1724 г. ему поручается распредѣленіе дорожной повинности между обывателями; въ 1725 къ его вѣдѣнію относится другая важнѣйшая повинность—рекрутскій наборъ, который онъ долженъ былъ производить въ этомъ году подъ высшимъ руководствомъ обѣихъ администрацій: полковой и провинціальной, а на будущее время исключительно одной лишь первой. Всѣ эти вновь наложенныя на земскаго комиссара обязанности относятся, впрочемъ, къ той же области сбора повинностей, которая была намѣчена инструкціей; но рядъ другихъ указовъ, изданныхъ послѣ инструкціи, мѣняетъ нѣсколько его компетенцію, придавая ей опять полицейскій характеръ. По этимъ указамъ земскій комиссаръ въ дистриктѣ пріобрѣтаетъ значеніе исполнительно-полицейскаго органа, который обязанъ приводить въ исполненіе и наблюдать за исполненіемъ отдѣльныхъ частныхъ распоряженій высшихъ правительственныхъ мѣстъ, какъ и законовъ общаго характера, дѣйствуя во всѣхъ этихъ случаяхъ совмѣстно съ начальствомъ того полка, при которомъ онъ состоитъ. При содѣйствіи полка онъ обязанъ производить взысканіе

[1]) Дѣла сен. кн. 701, л. 593 и сл. П. С. З. №№ 4555, 4294, 4536 (инстр. земскому комиссару 1724 г.), 4906 (инстр. полковому комиссару). Дѣла сен. кн. 688, л. 156—158. Дѣла воронежской губ. канцеляріи № 180: біографія полковаго комиссара, изъ которой видно, что онъ въ 1725 г. былъ назначенъ на эту должность военной коллегіей. П. С. З. № 4534 (инстр. полковн.), пп. 4, 6; 4533 (плакатъ) II, п. 13 и 17.

штрафовъ, наложенныхъ за прописку душъ переписными канцеляріями; присутствовать при освидѣтельствованіи вальдмейстерами порубокъ въ заповѣдныхъ лѣсахъ и при взысканіи за нихъ штрафа съ виновныхъ. Еще въ 1722 г. Петръ издалъ правила о постройкѣ крестьянскихъ дворовъ въ селахъ и деревняхъ съ разрывами, предохраняющими отъ пожаровъ; въ 1724 г. этотъ указъ былъ подтвержденъ, и надзоръ за его исполненіемъ былъ порученъ земскому комиссару. Вмѣстѣ съ офицерами полка указъ 4 іюля 1726 г. обязываетъ его слѣдить, за обученіемъ крестьянъ косьбѣ хлѣба на новый нѣмецкій маneръ. Онъ же долженъ былъ наблюдать за бритьемъ бородъ, опрятностью въ одеждѣ и ношеніемъ нѣмецкаго платья военными чинами отставными, уволенными въ отпускъ или исправляющими гражданскія должности. Такимъ образомъ, проводя полицейскія мѣры правительства, земскій комиссаръ былъ обязанъ гнать серпъ изъ крестьянскаго хозяйства, бороду и русскій кафтанъ изъ дворянскаго обихода. Заботой о внѣшнемъ благообразіи и тѣлесной чистотѣ служилыхъ людей его полицейская дѣятельность, однако, еще не ограничивалась. Ему ввѣрялось также попеченіе объ ихъ религіозной чистотѣ, которое онъ долженъ былъ проявлять, наблюдая за тѣмъ, чтобы они ежегодно бывали у исповѣди. Понятно, что всѣ эти предписанія оставались въ громадномъ большинствѣ случаевъ на бумагѣ и столь же мало исполнялись земскимъ комиссаромъ выборнымъ, какъ и земскимъ комиссаромъ назначеннымъ. По крайней мѣрѣ, такого рода полицейская дѣятельность земскаго комиссара втораго періода не оставила послѣ себя никакого слѣда въ сохранившемся дѣлопроизводствѣ. Все его вниманіе и все его время были поглощены его главнымъ занятіемъ, сборомъ подушной [1]).

Особенностью въ компетенціи выборнаго земскаго комиссара, сравнительно съ компетенціей земскаго комиссара 1719 г., было предоставленіе первому нѣкоторой судебной власти въ видѣ участія въ судѣ полковника надъ обывателями дистрикта по дѣламъ о столкновеніи послѣднихъ съ военными чинами, тогда какъ комиссару 1719 г. было совершенно запрещено «касаться до юстиціи». Но наиболѣе рѣзкою разницей отличалось положеніе обоихъ комиссаровъ въ общей административной системѣ, которое для выборнаго комиссара сравнительно съ прежнимъ осложнялось отношеніемъ его къ избирателямъ, не прекращавшимся и послѣ избранія и заключавшимся въ контролѣ надъ

[1]) П. С. З. №№ 4533, I, 6; $4591_{1,2}$; 4636, 4741. Дѣла камеръ-коллегіи, вязка 19, д. 2. П. С. З. №№ 4525, 4691, 4590, 4490, 4940, 4912, 4893, 4903.

его дѣятельностью. Комиссаръ обязанъ былъ представлять отчеты съѣзду дворянъ или обывателей дистрикта на сѣверѣ, который провѣряетъ ихъ, принимаетъ жалобы на неправильныя дѣйствія комиссара, судитъ и штрафуетъ его за упущенія по должности. Кромѣ того и отношенія его къ административнымъ учрежденіямъ измѣнились. Однако, положеніе выборныхъ комиссаровъ въ административной системѣ измѣнилось не относительно центральныхъ органовъ, а лишь относительно областной администраціи. Они не потеряли связи съ центральнымъ финансовымъ органомъ государства — камеръ-коллегіей, и нѣтъ недостатка въ доказательствахъ того, что они продолжаютъ состоять въ ея вѣдомствѣ, какъ и комиссары 1719 г. Прежде всего въ распоряженіяхъ о самомъ производствѣ выборовъ земскихъ комиссаровъ въ концѣ 1723 г. принимаетъ участіе также и камеръ-коллегія, которая шлетъ о нихъ указы воеводамъ и камерирамъ по провинціямъ. То же участіе камеръ-коллегіи мы видимъ и въ выборахъ слѣдующихъ годовъ. Въ сентябрѣ 1725 г. сенатъ предписывалъ «подтвердить изъ камеръ-коллегіи указами, чтобъ конечно въ настоящій срокъ дворяне, а гдѣ дворянъ нѣтъ, то обыватели тѣхъ мѣстъ съѣзжались и о выборѣ въ настоящій (=предстоящій) годъ новыхъ комиссаровъ чинили». Припомнимъ, что составленіе инструкціи новымъ комиссарамъ было поручено сенатомъ—камеръ-коллегіи. Плакатъ и другія инструкціи, изданныя въ 1724 г., разсылались по полкамъ изъ военной коллегіи, а къ земскимъ комиссарамъ изъ камеръ-коллегіи. Этотъ порядокъ сношенія является обычнымъ; черезъ камеръ-коллегію посылаются къ земскимъ комиссарамъ сенатскіе указы общаго характера для исполненія ихъ въ дистриктахъ параллельно съ тѣмъ, какъ такіе же указы идутъ къ полковымъ начальствамъ черезъ военную коллегію. Камеръ-коллегія выдавала земскимъ комиссарамъ приходо-расходныя книги для веденія отчетности подушному сбору, и въ 1725 г. она доносила сенату, что ею такихъ книгъ разослано 1183. По многимъ поводамъ земскіе комиссары должны вести переписку съ камеръ-коллегіей: инструкція обязываетъ ихъ рапортовать туда о собранныхъ подушныхъ деньгахъ, что они дѣйствительно и исполняли, какъ показываютъ ихъ отчеты, сохранившіеся въ бумагахъ камеръ-коллегіи. Туда же они обязаны были представлять донесенія о ходѣ построекъ «вѣчныхъ квартиръ» и за совмѣстными подписями съ полковымъ начальствомъ отчеты о рекрутскихъ наборахъ. Въ 1726 г. «отъ земли комиссаръ» дмитровскаго дистрикта сообщилъ въ находившуюся въ Москвѣ контору камеръ-коллегіи, что онъ получилъ отъ полковника расположеннаго въ этомъ дистриктѣ воронежскаго пѣхотнаго полка указъ изъ военной коллегіи о производствѣ рекрутскаго

набора съ двухсотъ душъ, но что несмотря на «немалое понужденіе», которое чинитъ ему по поводу этого набора полковникъ, онъ всетаки не смѣетъ его начать безъ указа изъ камеръ-коллегіи—примѣръ, изъ котораго вполнѣ ясно, къ вѣдомству какой коллегіи считалъ себя принадлежащимъ этотъ комиссаръ. Въ камеръ-коллегію земскій комиссаръ долженъ былъ обращаться съ жалобами на обиды уѣздному населенію отъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ [1]).

Но сношенія выборнаго земскаго комиссара съ камеръ-коллегіей отличаются одною особенностью сравнительно съ прежнимъ порядкомъ: они ведутся теперь непосредственно. Коллегія адресуетъ свои указы прямо на его имя, минуя провинціальныя власти—воеводу и камерира и точно такимъ же образомъ получаетъ донесенія земскихъ комиссаровъ. Воеводская канцелярія становится въ этихъ случаяхъ только передаточнымъ пунктомъ, переставъ быть инстанціей. Получая изъ камеръ-коллегіи на имя комиссаровъ отъ земли указы, она разсылаетъ ихъ по полковымъ дистриктамъ при препроводительныхъ «промеморіяхъ», показывающихъ равенство положенія. Такую же роль передаточнаго пункта играетъ воеводская канцелярія и въ обратныхъ случаяхъ, пересылая донесенія комиссаровъ въ камеръ-коллегію. Въ этомъ новомъ порядкѣ сношеній съ центромъ сказывается независимое положеніе, занятое выборными земскими комиссарами относительно провинціальной власти. Іерархическихъ отношеній между ними нѣтъ, и выборные комиссары обижаются, если имъ напишутъ изъ провинціи по ошибкѣ «указомъ», а не «промеморіей». Вотъ какъ изображалъ эту перемѣну въ отношеніяхъ указъ 15 іюля 1726 г. «Съ прошлаго 1719 г. въ провинціяхъ опредѣлены отъ камеръ-коллегіи для сборовъ камериры и имъ подчиненные земскіе комиссары, которые сборы чинили въ городахъ и уѣздахъ; а отъ штатсъ-конторы рентмейстеры, которые отъ камерировъ сборныя

[1]) П. С. З. № 4533, I, 3, 4. Дѣл. сен. кн. 701, л. 653—663. Инаго взгляда на отношеніе выборнаго земскаго комиссара къ коллегіямъ держится проф. *Милюковъ*, Госуд. хоз., 686: «новая уѣздная власть, земскій комиссаръ, сталъ спеціальнымъ сборщикомъ подушной въ вѣдомствѣ военнаго приказа». Дѣл. сен. кн. 701, л. 597; кн. 711, л. 352; кн. 701, л. 600 и слѣд. П. С. З. № 4.555, 4536 п. 1, 4.697. Дѣл. сен. кн. 711, л. 294. П. С. З. № 4590, 4687: «а къ земскимъ комиссарамъ послать подтвердительные указы изъ камеръ-коллегіи», 4536 п. 7, 4845. Дѣл. сен. кн. 711, л. 423: «о томъ (о ходѣ построекъ вѣчныхъ квартиръ)—земскимъ комиссарамъ въ камеръ, а полковникамъ и офицерамъ — въ военную коллегію прислать вѣдомости немедленно». Камеръ-колл. вязка 19, дѣло 1, л. 1—243; д. 3; д. 2. П. С. З. №№ 4636, 4662.

деньги въ рентереи принимали и расходъ по ассигнаціямъ штатсъ-конторы употребляли, и такое разное установленіе было тогда, когда съ уѣздныхъ людей сборы вѣдомы были у камерировъ. Но потомъ на уѣздныхъ людей положены подушныя деньги, которыя сбираютъ особливо на то учрежденные земскіе комиссары, а камерирамъ ничѣмъ не подчинены» [1]). Выборный земскій комиссаръ перестаетъ быть орудіемъ воеводы по полицейскимъ и орудіемъ камерира по финансовымъ дѣламъ въ уѣздѣ. Это и понятно, разъ что полицейскія и финансовыя дѣла были теперь изъяты изъ рукъ провинціальной администраціи, и разъ для нихъ явились въ провинціи новые органы въ видѣ полковыхъ дворовъ. Уже устраненные отъ завѣдыванія главнымъ дѣломъ, для котораго избирались земскіе комиссары—подушнымъ сборомъ, воевода и камериръ, естественно, должны были потерять свою власть надъ ними, а кругъ изъятій изъ ихъ вѣдѣнія въ пользу полковаго начальства все расширялся. Съ 1725 г. въ управленіи камерира остались только косвенные сборы: таможенные, питейные и канцелярскіе. Если иногда выборному земскому комиссару поручался сборъ, который онъ долженъ былъ внести камериру, то это не создавало между ними отношеній подчиненности. Выборный комиссаръ, завѣдующій подушнымъ сборомъ и сносящійся непосредственно съ камеръ-коллегіей, занимаетъ въ финансовой іерархіи параллельное мѣсто съ камериромъ, производящимъ косвенные сборы. Такъ, провинціальная администрація перестала быть средней инстанціей между комиссаромъ, дѣйствовавшимъ въ уѣздѣ и центральными учрежденіями. Но выборный земскій комиссаръ не былъ самостоятеленъ, хотя и былъ независимъ отъ воеводы и камерира. Сносясь непосредственно съ камеръ-коллегіей и юридически состоя въ ея вѣдомствѣ, онъ на дѣлѣ очутился въ полномъ распоряженіи у полковаго начальства. Какъ уже было сказано выше, онъ жилъ въ особой избѣ на полковомъ дворѣ, всегда на глазахъ у этого начальства, съ которымъ совмѣстно онъ долженъ былъ отправлять цѣлый рядъ служебныхъ дѣйствій, финансовыхъ и полицейскихъ. Полковой администраціи поручается надзоръ за его дѣйствіями. Въ 1725 и 26 гг. наблюденіе за земскимъ комиссаромъ относительно сбора подушной возложено было на полковника и офи-

[1]) «А что написано изъ оной камерирской конторы указомъ, а не промеморіей», пишетъ комиссаръ болховскаго полковаго дистрикта въ орловскую камерирскую контору, «а отсюда отвѣтствовано промеморіями того ради, что изъ оной конторы указомъ писать не надлежитъ, на что и напередъ сего указомъ не писывано». Дѣла орловск. пров. канц. № 1467. П. С. З. № 4928, 15 іюля 1726 г.

церовъ расположеннаго полка, «дабы ради новости сего дѣла комиссары какой конфузіи не сдѣлали». Точно такому же надзору полковника онъ былъ подчиненъ и въ рекрутскихъ наборахъ. Полковнику же приносятся жалобы на неправильныя дѣйствія комиссара, и онъ по соглашенію съ воеводой предаетъ его суду. Всѣ эти постановленія достаточно ясно указываютъ на зависимость, въ какую былъ поставленъ земскій комиссаръ относительно полковаго начальства по закону. На дѣлѣ его подчиненіе должно было идти еще дальше. Избираемый обыкновенно изъ самаго мелкаго дворянства земскій комиссаръ былъ слишкомъ несоизмѣримой величиной сравнительно съ такою важною особой, какую представлялъ изъ себя полковой командиръ, въ рукахъ котораго была къ тому же послушная военная сила. Если уже сами провинціальные воеводы стушевывались передъ полковой администраціей, которая наблюдала за ихъ дѣятельностью и не церемонилась въ обращеніи съ ними, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что земскій комиссаръ сдѣлается не болѣе, какъ выборнымъ отъ мѣстнаго общества, состоящимъ на посылкахъ при полковникѣ или иногда и при простомъ оберъ-офицерѣ, остающемся на полковомъ дворѣ, когда полкъ уходитъ оттуда. Ограниченная всецѣло сборомъ подушной подати для полка—его дѣятельность на практикѣ оставляетъ послѣ себя слѣдъ только въ квитанціяхъ, выданныхъ плательщикамъ да въ рапортахъ камеръ-коллегіи, а самая его ничтожная фигура тускнѣетъ и заслоняется въ уѣздѣ полковыми чинами [1]).

Плакатъ, инструкціи полковнику и земскому комиссару, изданныя въ 1724 году и отдѣльные указы о дѣятельности земскихъ комиссаровъ, приведенные выше, имѣли, несомнѣнно, въ виду только выборныхъ комиссаровъ. Только о нихъ идетъ рѣчь въ этихъ законодательныхъ памятникахъ, для которыхъ прежніе комиссары, наз-

[1]) Дѣла камеръ-колл., вязка 21, д. 22, л. 124: примѣръ непосредственнаго донесенія земскаго комиссара съ полковаго двора въ камеръ-коллегію. Дѣла орлов. пров. канц. №№ 1664, 1665, 1474. П. С. З. № 4752, 4851, 4533, II, 19; инстр. полк. п. 12. П. С. З. № 4611, 4986. Дѣла угличск. пров. канц., опись X, д. 74. П. С. З. № 4328. Дѣл. сен. кн. 688, л. 336: донесеніе ген. Чернышева, «и для смотрѣнія надъ земскими комиссары, дабы оные въ сборахъ чинили порядочно..., въ провинціяхъ московской губерніи штабъ и оберъ-офицеры опредѣлены». Инстр. полковнику п. 1. П. С. З. №№ 4637, 4636, 4845. Плакатъ I, п. 3. Инстр. полк. п. 11. Дѣла сен. кн. 686, л. 152—165: роль земскаго комиссара, котораго «посылаетъ» простой капитанъ дежурный на полковой квартирѣ и который этому капитану «доноситъ».

наченные камеръ-коллегіей, какъ бы совсѣмъ не существуютъ. А между тѣмъ не было издано закона, который бы отмѣнялъ ихъ, и при наблюденіи дѣйствительности оказывается, что новые избираемые мѣстнымъ обществомъ земскіе комиссары только оттѣснили на второй планъ, но не вытѣснили совсѣмъ прежнихъ камеръ-коллежскихъ; послѣдніе продолжаютъ функціонировать въ своихъ старыхъ дистриктахъ и въ тотъ періодъ времени (1724—27 гг.), въ который дѣйствуютъ выборные комиссары въ новыхъ полковыхъ дистриктахъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что старые камеръ-коллежскіе комиссары сохраняли свои мѣста при существованіи новыхъ выборныхъ. Въ 1726 г. были казнены двое комиссаровъ обонежской пятины новгородскаго уѣзда: Барановъ и Арцыбашевъ за лихоимство; изъ приговора видно, что они были комиссарами въ 1720—25 гг., а между тѣмъ въ спискѣ комиссаровъ, избранныхъ въ концѣ 1723 г. по новгородской провинціи, они не упомянуты; значитъ, это были назначенные камеръ-коллегіей комиссары, продолжавшіе занимать свои должности въ 1724 и въ 1725 гг. Во владимірской провинціи въ 1725 г. дѣйствуетъ земскій комиссаръ Войниковъ, подчиненный камерирской конторѣ, слѣдовательно, прежній, назначенный, а не выборный; въ этомъ году противъ него возбуждено было слѣдствіе въ воеводской канцеляріи, и на его мѣсто былъ назначенъ завѣдывать его старымъ дистриктомъ другой комиссаръ изъ камерирской конторы. Въ концѣ 1723 г. въ пошехонской провинціи было избрано четыре земскихъ комиссара (главныхъ) для вновь образованныхъ въ ней полковыхъ дистриктовъ. Это были: кн. М. Н. Ухтомскій, П. И. Травинъ, Г. П. Языковъ и В. В. Тишининъ. Выборы комиссаровъ возобновлялись въ этой провинціи въ концѣ 1724 и 1725 годовъ; по крайней мѣрѣ, на нихъ приглашалось мѣстное дворянство, а между тѣмъ и въ 1724, и въ слѣдующіе годы неизмѣнно дѣйствуютъ по своимъ старымъ шести дистриктамъ, на которые подраздѣлена была провинція въ 1719 г., шесть старыхъ камеръ-коллежскихъ комиссаровъ: В. Плоховъ, кн. И. Вадбольскій, И. Самаринъ, Я. Башмаковъ, С. Ратаевъ, П. Языковъ, каждый съ своими подчиненными, также совершенно другими лицами, чѣмъ тѣ подчиненные, которые были избраны въ концѣ 1723 г. къ четыремъ главнымъ выборнымъ. Точно то же явленіе наблюдается въ орловской провинціи. Для новыхъ полковыхъ дистриктовъ, на которые она была подраздѣлена, на 1724 г. были избраны слѣдующіе комиссары: Гр. Воейковъ, Ст. Глотовъ, Ст. Левшинъ, Ѳ. Хитровъ, Н. Кривцовъ, А. Рогачевъ, изъ которыхъ четверо сохраняли свои мѣста и въ 1725 г.; а между тѣмъ въ тѣ же 1724—26 гг. мы встрѣ-

чаемъ въ прежнихъ восьми дистриктахъ, образованныхъ въ 1719 г., старыхъ земскихъ комиссаровъ, дѣйствовавшихъ тамъ и въ предшествующіе годы. Это были: Ст. Щербачевъ, Дан. Воейковъ, А. Лутовиновъ, Л. Офросимовъ, Давыдовъ, Спѣсивцевъ, Картавцевъ, Ден. Дѣевъ (подчиненный, все время управлявшій болховскимъ дистриктомъ за неназначеніемъ главнаго) [1]).

Что же дѣлаютъ эти старые камеръ-коллежскіе земскіе комиссары, продолжая оставаться бокъ о бокъ съ новыми избранными? Прежде всего въ теченіе 1724 года—перваго года существованія новыхъ — они собираютъ подушную подать, очевидно потому, что къ этому году, съ котораго впервые она стала взиматься, новый полковой порядокъ ея сбора не могъ еще устроиться, и самыя инструкціи полковымъ начальствамъ и новымъ земскимъ комиссарамъ были опубликованы только къ осени этого года. Такимъ образомъ, подать стала взиматься ранѣе, чѣмъ былъ вполнѣ готовъ новый аппаратъ ея взиманія, а потому и пришлось поручить ея сборъ на одинъ годъ старому аппарату. Свидѣтельствъ объ этого рода дѣятельности старыхъ земскихъ комиссаровъ въ 1724 г. можно найти сколько угодно въ дѣлахъ провинціальныхъ канцелярій. Такъ, 18 ноября 1724 г. упомянутый камеръ-коллежскій земскій комиссаръ пошехонской провинціи В. Плоховъ доноситъ въ воеводскую канцелярію, что онъ едва-ли будетъ въ состояніи собрать сполна «положенныя *подушныя деньги* по окладу», которыя ему велѣно собирать, такъ какъ помѣщики неисправно ихъ платятъ. Одна изъ сохранившихся книгъ камерирской конторы этой провинціи содержитъ въ себѣ ордеры отъ камерира рентмейстеру о принятіи въ рентерею отъ старыхъ земскихъ комиссаровъ денегъ, въ томъ числѣ также и подушныхъ [2]). Въ томъ же

[1]) П. С. З. № 4826. Приложеніе II, реестръ земскимъ комиссарамъ, избраннымъ въ концѣ 1723 г. Дѣла муромск. уѣздн. суда, оп. I, д. 27; оп. II, д. 2. Дѣла пошех. уѣздн. суда, по III оп. вязка 2, кн. 6, дек. 31; по II оп. кн. 54, № 867; кн. 46 passim. Дѣла орловской пров. канц. №№ 1248, 1467, 1176, 1246, 1317, 1070, 1471, 1479, 1507 и др.

[2]) Дѣла пошех. уѣздн. суда по III оп. вязка 2, кн. 3, № 1195; ibid. по II оп. кн. № 50, л. 3: «принять въ рентерею е. и. в. денежной казны по доношенію земскаго комиссара В. Плохова, которыя собраны имъ, комиссаромъ, съ дистрикта его на прошедшіе на апрѣль, да на май мѣсяцы нынѣшняго 1724 г. *новоположеннаго подушнаго сбору* по 38 коп. съ каждой м. п. души съ крестьянъ и дворовыхъ людей». То же въ дѣл. орловск. пров. канц. №№ 1070, 1079: подушную въ 1724 г. собираютъ старые комиссары по старымъ дистриктамъ, напр.,

1724 г. камеръ-коллежскіе земскіе комиссары собирали рекрутъ по вновь назначенному въ этотъ годъ набору съ 250 душъ по человѣку, а также и недоимочныхъ рекрутъ съ 1711 по 1724 г. Тотъ и другой сборъ: и подушной подати и рекрутъ производился ими, однако, подъ наблюденіемъ военныхъ чиновъ: офицеровъ расположенныхъ въ провинціи полковъ, какъ это было въ пошехонской провинціи, или офицеровъ переписной канцеляріи, какъ это было въ орловской. Что сборъ подушной старыми земскими комиссарами въ 1724 г. былъ общимъ явленіемъ, не ограничивавшимся только указанными двумя провинціями, въ этомъ убѣждаетъ указъ камеръ-коллегіи, изданный осенью этого года, въ которомъ читаемъ: «опредѣленнымъ отъ камеръ-коллегіи земскимъ комиссарамъ бытности своей о сборахъ заранѣе учинить счетныя выписки, которыя освидѣтельствовать губернаторамъ и воеводамъ, и камерирамъ и отослать въ камеръ-коллегію для свидѣтельства жъ и отсылки въ ревизіонъ-контору, *понеже съ 1725 г. подушныя деньги по выданному плакату и инструкціямъ будутъ сбирать комиссары отъ земли, а прежде опредѣленные отъ камеръ-коллегіи земскіе комиссары дѣла и сборовъ имѣть не будутъ*». Послѣднія строки указа обнаруживаютъ намѣреніе камеръ-коллегіи съ 1725 г. не только устранить своихъ земскихъ комиссаровъ отъ подушнаго сбора, но и совсѣмъ прекратить ихъ дѣятельность; для этого-то имъ и предписывалось представить отчетность за все время своей службы. Однако это намѣреніе не осуществилось или, по крайней мѣрѣ, не вездѣ осуществилось. И въ слѣдующихъ 1725 и 26 годахъ продолжаютъ существовать старые земскіе комиссары, и не всѣ сборы изъяты изъ ихъ вѣдѣнія. Они не касаются подушной этого 1725 г., но продолжаютъ выбирать съ населенія подушную и рекрутскую недоимки за прошлый годъ. Точно такъ же на нихъ лежитъ производство другихъ сборовъ, остававшихся въ вѣдомствѣ камерирскихъ конторъ: съ бань, рыбныхъ ловель, мельницъ, съ частнаго винокуренія. Въ 1727 г. были представлены въ камеръ-коллегію изъ нѣкоторыхъ провинцій финансовые рапорты за 1726 г. объ этихъ такъ называемыхъ «канцелярскихъ» сборахъ. Рапорты эти составлены по прежнимъ комиссарствамъ 1719 г. и подписаны камеръ-коллежскими, а не выборными, комиссарами. Въ декабрѣ 1725 и въ

л. 24: болховскій комиссаръ Д. Дѣевъ доноситъ, что «обыватели за скудостью и за недородомъ хлѣба, и за рабочею порою означенныхъ подушнаго сбору денегъ не платятъ»; л. 77: «бѣлевскаго комиссарства комиссаръ Щербачевъ имѣетъ въ сборѣ оныхъ денегъ остановку, что у комиссарства его подьячихъ не имѣется ни одного человѣка».

первой половинѣ 1726 г. прежніе комиссары взимали въ южныхъ провинціяхъ по прежнимъ дистриктамъ сборъ съ однодворцевъ и съ служилыхъ людей старой службы: солдатъ, пушкарей, драгунъ и стрѣльцовъ, жившихъ на посадахъ, на содержаніе ландмилиціи. Какъ и прежде, кромѣ сборовъ они исполняютъ разнаго рода порученія воеводской канцеляріи и камерирской конторы: публикуютъ указы, полученные провинціей изъ центра, объявляютъ о назначеніи въ камерирской конторѣ торговъ на откупа и подряды и вызываютъ къ нимъ желающихъ, собираютъ свѣдѣнія объ урожаѣ по требованію камеръ-коллегіи, высылаютъ служилыхъ людей по требованію военной коллегіи и т. п. [1]).

Послѣ всего сказаннаго ходъ кратковременной исторіи института земскихъ комиссаровъ надо представлять себѣ въ слѣдующемъ видѣ. Въ 1719 г. провинціи были подраздѣлены на дистрикты, въ которые назначены были камеръ-коллегіей земскіе комиссары. Въ концѣ 1723 г. произошли первые выборы мѣстными обществами комиссаровъ отъ земли для сбора подушной, задуманныхъ еще въ 1718 г. Но выборные комиссары начали функціонировать только съ 1725 г., причемъ прежніе камеръ-коллежскіе не были отмѣнены, а только оттѣснены, переставъ съ этого года собирать подушную, но оставшись на своихъ мѣстахъ въ распоряженіи воеводскихъ канцелярій и камерирскихъ конторъ. Такимъ образомъ, у каждой власти въ провинціи имѣлись свои спеціальные исполнительные органы: у воеводскаго управленія — камеръ-коллежскіе земскіе комиссары, дѣйствовавшіе по старымъ дистриктамъ; у полковыхъ дворовъ—новые выборные земскіе комиссары, дѣйствовавшіе по новымъ полковымъ дистриктамъ. Къ послѣднимъ и перешла съ 1725 г. главная задача комиссарскаго управленія: сборъ прямой подати, и такимъ параллельнымъ существованіемъ двухъ родовъ комиссаровъ еще болѣе усложнялась безъ того уже сложная система

[1]) Дѣла пошехонск. уѣзд. суда по II оп. кн. 54. №№ 457—9, 771, 811. Дѣла орловск. пров. канц. №№ 1076, 1079, 1661 (указъ камеръ-коллегіи). Дѣла пошех. уѣздн. суда по III оп. вязка 2, кн. 4, мартъ № 112, апр. №№ 144, 146; ibid. по II оп. кн. 54, № 842. Дѣла камеръ-коллегіи, вязка 18, д. 1: рапорты по елецкой, тамбовской и шацкой провинціямъ. Дѣла орл. пров. канц. № 1471. Дѣла пошех. уѣздн. суда по III оп. вязка 2, кн. 6, апр. № 79; май, № 16: «печатными указы публиковать... а для публики въ провинцію *къ земскимъ опредѣленнымъ отъ камеръ-коллегіи комиссарамъ послать печатныхъ по два указа немедленно*»—1725 г., іюнь, №№ 29, 103; ноябрь, № 45. Дѣл. орл. пров канц. №№ 1337, 1507, 1902—декабрь 1726; № 1927—янв. 1727 г.

мѣстной администраціи. Этотъ порядокъ и просуществовалъ до начала 1727 г., когда въ мѣстномъ управленіи произошли новыя важныя перемѣны.

Итакъ, введеніе подушной подати, предпринятое съ военными цѣлями и совершенно несогласованное съ осуществлявшейся одновременно съ нимъ административной реформой, не осталось безъ вліянія на судьбу областной администраціи. И подготовка этого налога, и, затѣмъ, начавшееся его взиманіе сопровождались важными послѣдствіями для этой администраціи, которыя дѣйствовали на нее разрушительно. Подготовительныя операціи для податной реформы заключались въ поголовной переписи, въ расположеніи полковъ на податныя души и въ расквартированіи значительной части этихъ полковъ въ мѣстахъ ихъ душеваго расположенія. Эти операціи съ 1722 г. были поручены особымъ «переписчикамъ» изъ высшихъ чиновъ арміи, при которыхъ въ губернскихъ центрахъ создались особыя управленія, «переписныя канцеляріи», іерархически развѣтвившіяся по провинціямъ, гдѣ также возникли переписныя канцеляріи» при штабъ и оберъ-офицерахъ, командированныхъ туда главными переписчиками и имъ подчиненныхъ. Области покрылись цѣлою сѣтью этихъ переписныхъ учрежденій, губернскихъ и провинціальныхъ, составленныхъ исключительно изъ военнаго контингента съ «генералитетомъ» во главѣ. Цѣлью ихъ дѣятельности было, какъ тогда выражались, «свидѣтельство душъ и расположеніе полковъ», т. е. ревизія поголовной переписи, произведенной ранѣе областной администраціей, разсчетъ душъ на полки и устройство полковыхъ поселеній. Правительство разсчитывало произвести всѣ эти операціи очень скоро; но на дѣлѣ исполненіе ихъ затянулось гораздо долѣе ожиданій. Ревизія переписи во многихъ случаяхъ обратилась во вторичное производство переписи, такъ какъ прежнія данныя были крайне недостовѣрны. Кромѣ того, при переписи былъ на практикѣ встрѣченъ рядъ препятствій, которыя не были предвидѣны при отправленіи переписчиковъ, на которыя не давали имъ указаній врученныя имъ инструкціи и которыя вызвали обширную и медленную переписку ихъ съ сенатомъ, а сената съ царемъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ препятствій была неясность соціальнаго состава общества, благодаря которой переписчики наталкивались на цѣлыя общественныя группы, возбуждавшія недоумѣніе, и благодаря которой перепись вмѣсто простой регистраціи существующаго, пріобрѣла творческій характеръ, не только констатируя плательщиковъ, но и создавая ихъ. Фискальный характеръ переписи породилъ новыя затрудненія: населеніе уклонялось отъ нея или извращало показанія, и съ этимъ приш-

лось бороться репрессивными мѣрами, разработка и примѣненіе которыхъ также должны были занять не мало времени. Наконецъ, оказали свое замедляющее дѣйствіе и другія обстоятельства техническаго характера, недостатокъ личныхъ и матеріальныхъ средствъ, отсутствіе общаго однообразнаго плана статистическихъ работъ, отвлеченіе переписныхъ канцелярій посторонними порученіями. Словомъ, переписная работа не была окончена къ сроку, задержавъ начало другой работы порученной переписчикамъ, расположенія полковъ. Это дѣло, начавшись позже, чѣмъ слѣдовало, пошло медленнѣе, чѣмъ ожидалось. И самый разсчетъ душъ на полки, и постройка квартиръ для полковъ, и переводъ полковъ на квартиры—все это настолько затянулось, что преобразователю не пришлось уже видѣть осуществленія задуманной реформы. Въ результатѣ оказалось, что штабы переписчиковъ, которые наводнили губерніи въ видѣ временныхъ явленій, пріобрѣли тамъ постоянный характеръ, пережили даже областную администрацію 1719 г. и дѣйствовали въ области еще и тогда, когда эта администрація была уничтожена. Они то и содѣйствовали въ значительной степени ея разрушенію. Они ее подавили и принизили, поставивъ ее въ подчиненное положеніе; они парализовали ея дѣятельность той массой требованій, которыя они къ ней предъявляли; наконецъ, они ее отстранили отъ цѣлаго ряда административныхъ функцій, которыя поручались имъ правительствомъ, видѣвшимъ въ нихъ болѣе надежныя и достойныя довѣрія орудія. При такомъ все болѣе захватывающемъ военномъ управленіи обыкновенная областная администрація стала во многихъ случаяхъ чѣмъ-то лишнимъ.

Точно такое же разрушительное вліяніе на областную администрацію стало оказывать и самое взиманіе подати, которое началось съ 1724 г. Оригинальность въ устройствѣ этого взиманія заключалась въ томъ, что полки, на содержаніе которыхъ назначена была подать, разселялись возлѣ тѣхъ самыхъ душъ, которыя должны были ихъ питать своими взносами. Этотъ порядокъ создавалъ много затрудненій для душъ, но такое сосѣдство едва ли было пріятно и для провинціальнаго управленія. Бокъ о бокъ съ провинціальнымъ воеводой и камериромъ появились въ области полковники, всегда имѣвшіе въ распоряженіи военную силу, подъ надзоромъ которыхъ и совершалась главнѣйшая функція областнаго управленія—сборъ подати. И въ этомъ случаѣ правительство, неразборчивое въ средствахъ, взглянуло на полки, какъ на болѣе вѣрныя административныя орудія въ мѣстности и не замедлило поручить имъ также цѣлый рядъ полицейскихъ задачъ, разрѣшать которыя были призваны органы областнаго управленія,

урѣзывая такимъ образомъ компетенцію послѣднихъ. Воевода и камериръ не смѣли послать въ уѣздъ подьячаго для исполненія какихъ либо дѣйствій безъ предварительнаго разрѣшенія съ полковаго двора. Мало того, правительство поручало полковымъ начальствамъ надзоръ за дѣятельностью воеводской администраціи. У камерира осталось только завѣдываніе косвенными сборами, потерявшими свое прежнее значеніе въ бюджетѣ съ 1724 г. У воеводы осталась судебная власть. Наиболѣе значительнымъ перемѣнамъ подверглась дистриктная администрація. Въ новыхъ полковыхъ дистриктахъ появились новые земскіе комиссары, которыхъ слѣдуетъ различать отъ земскихъ комиссаровъ 1719 г., продолжавшихъ, однако, существовать рядомъ съ выборными. Земскіе комиссары 1719 г. назначались камеръ-коллегіей; новые комиссары отъ земли съ 1723 г. выбирались мѣстнымъ обществомъ. Тѣ назначались безсрочно, эти избирались на годъ съ возможностью переизбранія. Округами прежнихъ были дистрикты, установленные вмѣстѣ съ установленіемъ самаго провинціальнаго дѣленія; округами новыхъ были полковые дистрикты съ количествомъ душъ въ каждомъ, достаточнымъ для содержанія расположеннаго въ немъ полка, крайне неравномѣрнымъ, въ зависимости отъ неравенства стоимости полковъ, но въ общемъ значительно превышавшимъ населенность прежнихъ дистриктовъ. Въ кругъ дѣятельности назначенныхъ комиссаровъ, какъ она опредѣлялась инструкціей 1719 г., входили кромѣ финансовыхъ еще и широкія полицейскія задачи, о которыхъ совершенно умалчивала инструкція 1724 г. Комиссары 1719 г. были подчинены камерирамъ и входили въ общую систему мѣстнаго управленія, низшими ступенями котораго они были. Выборные, хотя и состояли въ вѣдомствѣ камеръ-коллегіи, но заняли положеніе въ сторонѣ отъ провинціальной администраціи и сдѣлались не болѣе какъ особыми агентами, находившимися въ полномъ распоряженіи полковаго начальства, къ которому перешли важнѣйшія финансовыя и полицейскія функціи отъ провинціальной администраціи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Отмѣна областныхъ учрежденій Петра Великаго.

I.

Прежде, чѣмъ перейти къ разсказу о дальнѣйшихъ судьбахъ изученныхъ областныхъ учрежденій, оглянемся на пройденный путь и подведемъ итоги предыдущему изложенію.

Въ реформѣ Петра Великаго, въ особенности въ ея послѣдней стадіи, хронологическими гранями которой были послѣднія десять лѣтъ его царствованія, ясно замѣтно вліяніе политическихъ идей, господствовавшихъ въ западно-европейской политической литературѣ и практикѣ со второй половины XVII вѣка, въ эпоху начинавшагося разцвѣта раціонализма въ области мысли и абсолютизма въ сферѣ политики. Реформа не ограничивалась только спѣшною подготовкой средствъ для усиленной внѣшней борьбы; она ставила себѣ болѣе широкую задачу; она стремилась преобразовать Россію въ «регулярное» государство, о какомъ учила тогда политическая философія и какое до нѣкоторой степени осуществляла политическая практика. Это государство ставило себѣ цѣлью общее благо, достигаемое самымъ бдительнымъ и всеобъемлющимъ попеченіемъ абсолютной верховной власти надъ подданными, охватывающимъ всѣ стороны жизни послѣднихъ. Такое попеченіе верховная власть осуществляетъ, дѣйствуя двумя средствами: законами и учрежденіями. Законодательство Петра отразило на себѣ духъ эпохи: оно стало всеобъемлющимъ, стремясь опредѣлять и регулировать не только кругъ государственныхъ и общественныхъ отношеній, но и частную жизнь подданныхъ до самыхъ ея интимныхъ областей и до мельчайшихъ подробностей включительно; оно стало раціоналистическимъ не только потому, что руководилось требованіями естественнаго разума въ своихъ нормахъ, но также и по тѣмъ способамъ, которыми оно разсчитывало вліять, стремясь воздѣйствовать на разсудокъ подданныхъ. Духъ эпохи должно было неизбѣжно отражать на себѣ и другое орудіе верховной власти—учрежденія;

старыя исторически наслоившіяся учрежденія московскаго государства казались болѣе неудовлетворяющими новымъ понятіямъ и потребностямъ; они и должны были уступить мѣсто иной системѣ, построенной на разумныхъ началахъ.

Заимствованіе учрежденій было важнымъ моментомъ въ процессѣ сближенія Россіи съ западомъ и наиболѣе оригинальной, не имѣвшей прецедентовъ, чертой петровской реформы. Оно не было ни случайнымъ, ни слѣпымъ. Сами обстоятельства жизни, разрушеніе стариннаго административнаго строя, подвели къ нему; заимствованіе шведскихъ образцовъ явилось результатомъ выбора, который обусловленъ былъ ихъ репутаціей въ то время, интересомъ къ нимъ, знакомствомъ съ ними въ Россіи и мыслью о близости природныхъ и соціальныхъ свойствъ сосѣднихъ странъ. Ясно намѣчалось у Петра намѣреніе подвергнуть ихъ переработкѣ и приспособить ихъ къ условіямъ русской среды; но изучить эти условія не было достаточныхъ средствъ. Къ тому же шведскія учрежденія казались наиболѣе раціональными, а XVII и XVIII вѣка были эпохой, когда не сомнѣвались въ возможности приложить раціональныя учрежденія ко всякой средѣ.

Какого-либо общаго предварительнаго плана преобразованія выработано не было, но о намѣреніяхъ преобразователя, о томъ, чѣмъ должна была быть реформа учрежденій, позволяютъ судить многочисленные регламенты и инструкціи, содержащіе въ себѣ нормы дѣятельности отдѣльныхъ учрежденій. Этими памятниками достаточно выясняются основныя черты, какъ устройства новыхъ учрежденій, такъ и тѣхъ цѣлей, для достиженія которыхъ учрежденія создавались. Правильное разчлененіе органовъ администраціи на двѣ ступени: центральную и областную и на каждой логическое раздѣленіе органовъ по роду дѣлъ; далѣе, единство въ управленіи, которое должно было быть результатомъ однообразія въ устройствѣ и регламентаціи отдѣльныхъ его частей, таковы были главныя черты строя новой системы, какъ ее предполагалъ реформаторъ. Новымъ учрежденіямъ ставились и новыя цѣли, очень замѣтныя въ регламентахъ и инструкціяхъ, ставшіяся на ряду съ прежними. Предметы ихъ дѣятельности не ограничиваются уже задачами обороны, элементарнаго правосудія и сбора рессурсовъ. Въ ихъ кругъ входитъ самое широкое полицейское попеченіе о матеріальномъ, умственномъ и даже нравственномъ процвѣтаніи населенія соотвѣтственно идеямъ времени, по которымъ цѣлью государства считалось общее благо, достигаемое посредствомъ всесторонней опеки абсолютной власти надъ подданными.

Таковы были идеалы реформы. Дѣйствительность съ первыхъ же шаговъ стала обманывать ожиданія. Неуспѣхъ реформы выразился прежде всего съ внѣшней стороны въ томъ, что новыя административныя учрежденія могли открыть свои дѣйствія гораздо позже, чѣмъ это было предположено; коллегіи должны были начать функціонировать съ 1719 г., но едва начинали дѣйствовать и въ 1720 г. И областныя учрежденія не были готовы къ сроку, и смѣна двухъ администрацій въ мѣстностяхъ не могла не вызывать значительной путаницы въ управленіи. А затѣмъ,—и это былъ уже неуспѣхъ съ внутренней стороны,—начиная функціонировать, новыя учрежденія, центральныя и областныя, во многомъ принуждены были отступить отъ тѣхъ первообразовъ, которые были намѣчены инструкціями. Прослѣдить борьбу началъ, положенныхъ въ основу областной реформы 1719 г. съ дѣйствительностью и составило задачу настоящаго изслѣдованія. Цѣли, которыя ставились областнымъ учрежденіямъ ихъ регламентами, были разнообразны и широки. Цѣли, которыя они стали осуществлять на практикѣ, получили болѣе односторонній и узкій характеръ. Въ инструкціяхъ ясно свѣтилась широко понимаемая идея общаго блага; областныя учрежденія должны были стремиться къ ея осуществленію путемъ заботъ о благѣ мѣстности, въ которой имъ назначено было дѣйствовать, причемъ кругъ ихъ обязанностей обозначенъ былъ съ соотвѣтствующей основной идеѣ разносторонностью. Въ него входили, помимо заботъ о безопасности, охрана правъ и преимуществъ всѣхъ классовъ общества, попеченіе о народномъ здравіи, народное просвѣщеніе, общественное призрѣніе, нравственное совершенствованіе жителей мѣстности. Въ него входилъ также цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ подъему матеріальнаго благосостоянія провинціи, которое должно было оказать свое дѣйствіе и на полноту притока рессурсовъ въ государственное казначейство, и если инструкціи отводятъ значительную долю вниманія вопросамъ финансоваго хозяйства, заботамъ о точности разнаго рода казенныхъ сборовъ, то онѣ ставятъ эти вопросы очень широко, видя причину успѣха сборовъ не въ выжиманіи податей, а въ развитіи мануфактуръ и торговли, въ попеченіи о сельскомъ хозяйствѣ, въ устройствѣ и улучшеніи путей сообщенія, въ охранѣ государственнаго имущества и его доходности. Все это и должно было составлять предметъ дѣятельности мѣстной администраціи по даннымъ ей наказамъ. Но всѣ эти задачи остаются только на бумагѣ. Дѣятельностью провинціальнаго воеводы и дистриктнаго земскаго комиссара, главныхъ органовъ мѣстной администраціи въ ея двухъ инстанціяхъ, изъ всего этого обширнаго круга полицейскихъ задачъ удо-

влетворяются лишь немногія, лишь самыя элементарныя требованія безопасности. По всѣмъ остальнымъ вопросамъ съ такою широтой составленной программы если въ практикѣ провинціальнаго управленія и замѣтны какія-нибудь предпріятія, то они находятся въ жалкомъ, зародышевомъ состояніи.

Было двѣ причины, почему практика провинціальной администраціи не могла разрѣшать намѣченныхъ ей реформою задачъ. Эта администрація, снабженная обширными по объему полномочіями, была лишена тѣхъ средствъ и тѣхъ качествъ, которыя необходимы для широкой полицейской дѣятельности въ мѣстности. Прежде всего у нея не было рессурсовъ для какихъ-либо предпріятій широко-полицейскаго характера; она лишена была права обложенія на мѣстныя нужды, а изъ средствъ провинціальнаго казначейства она могла съ трудомъ покрывать скудныя издержки по содержанію управленія. Съ другой стороны, мѣстная администрація не развиваетъ иниціативы, которой требуетъ всякая хозяйственная дѣятельность. Она отличается пассивностью и дѣйствуетъ только по побужденіямъ сверху или снизу; она не слѣдитъ сама за нуждами населенія, не изыскиваетъ ни способовъ къ облегченію лежавшихъ на немъ тягостей, ни средствъ къ улучшенію его положенія, не изслѣдуетъ его быта и не законодательствуетъ путемъ изданія мѣстныхъ законовъ для урегулированія этого быта. Она не развиваетъ этого качества потому, что она мало интересуется мѣстностью, что все ея вниманіе поглощено центромъ, что къ центру направлена вся ея дѣятельность, что мѣстность получаетъ для нея служебное значеніе относительно центра. Интересы центра становятся для нея руководящими и направляющими. Но въ этой дѣятельности отъ нея и не требуется самостоятельности, она должна быть лишь послушнымъ орудіемъ центра и она дѣлается не болѣе, какъ механическимъ передаточнымъ аппаратомъ, черезъ который идутъ велѣнія центральнаго правительства въ область. Она или наблюдаетъ за ихъ исполненіемъ, притомъ не внося ничего своего въ средства и способы исполненія, или, и такъ бывало по большей части, сама должна выступать въ роли слѣпаго исполнительнаго орудія этихъ велѣній. Работа на центръ въ особенности еще потому мѣшала пріобрѣтенію мѣстной властью всякой иниціативы, что вмѣсто обширной и разносторонней хозяйственной дѣятельности, о которой гласятъ инструкціи, она свелась къ узко фискальнымъ рамкамъ, обращая органы областнаго управленія не болѣе, какъ въ простыхъ агентовъ по взысканію податей и повинностей съ населенія и дѣлая изъ воеводы 1719 г. непосредственное продолженіе воеводы XVII вѣка, губернатора и ланд-

рата предшествующаго десятилѣтія. Такое свойство органовъ понужденія къ отбыванію повинностей проявляется въ отношеніяхъ мѣстной администраціи ко всѣмъ классамъ провинціальнаго общества. Воевода, на котораго инструкція возлагала обязанности попеченія о каждомъ изъ классовъ, только въ очень, можетъ быть, рѣдкихъ случаяхъ выступитъ передъ высшимъ правительствомъ въ качествѣ ходатая и заступника за то или другое сословіе своей провинціи, да и въ этомъ случаѣ, онъ сдѣлаетъ это не по собственной иниціативѣ, а исполнитъ лишь обращенную къ нему просьбу передать ходатайство. Обыкновенно же по отношенію къ населенію провинціи онъ отправляетъ функціи надзора за исполненіемъ имъ разныхъ видовъ тягла, являясь такимъ образомъ гораздо въ большей степени представителемъ требованій центра, предъявляемыхъ къ мѣстности, чѣмъ защитникомъ интересовъ мѣстности, доводимыхъ до свѣдѣнія центра. Безъ этой фискально-понудительной дѣятельности мѣстной администраціи, оттѣснявшей на задній планъ всѣ ея другія задачи, оказывалось до такой степени невозможнымъ обойтись, что правительство впадало въ постоянныя противорѣчія, прибѣгая къ ней по отношенію къ тѣмъ общественнымъ группамъ, которыя оно, ради развитія ихъ благосостоянія, только что выдѣляло изъ вѣдомства общихъ органовъ мѣстнаго управленія. Такъ, изъявъ города изъ управленія воеводъ, создавъ для нихъ свои органы управленія и суда, объединенные въ особомъ центральномъ учрежденіи, правительство то и дѣло нарушаетъ это изъятіе и пускаетъ въ ходъ воеводскую власть надъ городомъ. Въ свою очередь и воевода, и само городское населеніе не успѣли отвыкнуть отъ стараго порядка въ короткое время; воевода вмѣшивается постоянно въ городское управленіе, налагая на него свою тяжелую руку, а граждане нерѣдко сами, несмотря на данное самоуправленіе, ищутъ этой руки, не умѣя безъ нея обойтись. Такое же явленіе и съ населеніемъ церковныхъ земель, также изъятыхъ изъ вѣдѣнія мѣстной администраціи. Такимъ образомъ, тягло было еще слишкомъ дѣйствительной силой, продолжало регулировать всѣ административныя отношенія и давало новымъ органамъ старое направленіе.

Функціи по сбору прямыхъ и косвенныхъ налоговъ провинціальный воевода дѣлитъ съ камериромъ, ближайшимъ его совѣтникомъ и помощникомъ по финансовому управленію, рентмейстеромъ и провіантмейстеромъ, хранителями собираемыхъ рессурсовъ. Въ инструкціяхъ этимъ второстепеннымъ чинамъ областнаго управленія также можно найти статьи, вызывающія ихъ иниціативу, побуждающія ихъ къ заботамъ объ улучшеніяхъ и усовершенствованіяхъ въ интересахъ государст-

венной пользы, о которыхъ они уполномочивались дѣлать представленія правительству. На практикѣ они явились только исполнителями казенныхъ требованій, безгласными частями финансоваго механизма, который они усложняли сравнительно съ прежнимъ. Въ дистриктахъ, на которые дѣлились провинціи, земскіе комиссары, назначаемые камеръ-коллегіей, были отраженіями въ миніатюрѣ того, чѣмъ былъ въ болѣе крупныхъ размѣрахъ въ провинціи воевода. Ихъ полицейскія функціи въ инструкціи обозначены наиболѣе широко; ихъ дѣятельность на практикѣ оказалась настолько ограниченной, что ее нельзя иначе характеризовать, какъ назвавъ ихъ простыми сборщиками казенныхъ податей и повинностей, исполнителями указовъ провинціальной власти, подобно тому, какъ она сама была исполнительницей указовъ центра. Все это провинціальное управленіе, задачей котораго на практикѣ и стало исполненіе требованій центра, оказалось сильно централизованнымъ. Каждая провинція была самостоятельнымъ административнымъ цѣлымъ, непосредственно подчиненнымъ центральнымъ учрежденіямъ, сносилась прямо съ сенатомъ и коллегіями помимо губерніи, отъ которой она была независима.

Наиболѣе замѣчательною чертой въ устройствѣ новыхъ учрежденій, шедшею совершенно въ разрѣзъ съ прежними понятіями и привычками, было отдѣленіе суда отъ администраціи, которое ясно намѣчено въ планахъ судебныхъ учрежденій, легшихъ въ основу реформы. Намѣреніе провести его высказывалось и при самой организаціи судебныхъ учрежденій. Въ устройствѣ системы этихъ учрежденій за короткое время ея существованія необходимо различать двѣ эпохи: первую съ 1719 до 1722 г. и вторую съ этого года, служащаго датой многихъ другихъ нововведеній, до 1727 г., до уничтоженія Екатериной I учрежденій своего предшественника. Въ первые три года своего дѣйствія судебная система представляется въ слѣдующемъ видѣ: во главѣ ея стоитъ сенатъ, соединявшій въ своихъ рукахъ всѣ виды власти, такъ какъ ему, какъ замѣстителю государя, ввѣрялась вся сумма верховной власти. Раздѣленіе судебной власти отъ административной начиналось съ юстицъ-коллегіи, имѣвшей двоякое значеніе: во-первыхъ, министерства юстиціи, которое объединяло въ своемъ управленіи судебныя учрежденія государства, пополняя ихъ личный составъ, наблюдая за ихъ дѣятельностью и руководя ею; во-вторыхъ, юстицъ-коллегія была судебнымъ трибуналомъ непосредственно слѣдующей за сенатомъ низшей инстанціи. Далѣе, въ каждомъ изъ судебныхъ округовъ, на которые раздѣлилась территорія Россіи въ судебномъ отношеніи, и которые по большей части совпали съ прежними губерніями

1708 г. или крупными областями, выдѣлившимися изъ губерній, учрежденъ былъ надворный судъ, коллегіальный трибуналъ, который представлялъ изъ себя среднюю инстанцію между юстицъ-коллегіей и «нижнимъ» судомъ. Этотъ нижній судъ составляли трибуналы двоякаго рода: въ нѣкоторыхъ наиболѣе значительныхъ областныхъ центрахъ эти трибуналы имѣли коллегіальный составъ и состояли подъ предсѣдательствомъ оберъ-ландрихтеровъ изъ нѣсколькихъ асессоровъ. Въ остальныхъ городахъ съ уѣздами, иногда для нѣсколькихъ городовъ вмѣстѣ, судомъ первой инстанціи были единоличные трибуналы «городовыхъ» судей. Но коллегіальные нижніе суды и единолично дѣйствовавшіе городовые судьи были совершенно тождественной инстанціей, одинаково подчиненной надворному суду, съ равными размѣрами компетенціи, такъ что восхожденія дѣла отъ городоваго судьи къ коллегіальному нижнему суду быть не могло. Такимъ образомъ, судебная система первой эпохи, 1719—22 гг., слагалась изъ четырехъ инстанцій: сената, юстицъ-коллегіи, надворныхъ судовъ и нижнихъ судовъ: коллегіальныхъ или единоличныхъ. По этимъ четыремъ инстанціямъ и совершалось движеніе дѣлъ снизу вверхъ въ порядкахъ: апелляціонномъ— по жалобѣ сторонъ, и ревизіонномъ: по свойству дѣла, по инициативѣ самой разсматривавшей дѣло инстанціи или по требованію высшей инстанціи. Но отдѣленіе судебной власти отъ административной не было усвоено, какъ отвлеченная идея, какъ необходимый постулатъ, а лишь какъ полезная принадлежность шведскаго судебнаго порядка, который служилъ образцомъ для реформы; поэтому оно не было прочно. Оно было нарушено уже при организаціи надворныхъ судовъ назначеніемъ въ нихъ предсѣдателями губернаторовъ и вице-губернаторовъ, которое разсматривалось сначала лишь какъ временное, но затѣмъ стало общимъ правиломъ. Въ личномъ составѣ нижнихъ судовъ отдѣленіе судебной власти отъ административной проведено было гораздо болѣе отчетливо, чѣмъ въ составѣ надворныхъ судовъ; но и здѣсь въ разрѣзъ съ этимъ началомъ шло изъятіе нѣкоторыхъ категорій лицъ и нѣкоторыхъ категорій дѣлъ изъ компетенціи общихъ судовъ и подчиненіе ихъ юрисдикціи административныхъ учрежденій. Практика повела къ дальнѣйшимъ нарушеніямъ начала раздѣленія власти съ первыхъ же шаговъ дѣятельности новаго суда. Нарушенія эти шли и съ той, и съ другой стороны, и отъ судебной, и отъ административной власти. Иногда судьи вмѣшивались въ администрацію; иногда само правительство поручало судьямъ административное управленіе. Еще чаще отклоненія бывали въ противоположную сторону. Уже самое законодательство давало нѣкоторый перевѣсъ администраціи надъ судеб-

ной властью, поручая воеводѣ надзоръ за дѣятельностью судьи, а начало раздѣленія властей слишкомъ противорѣчило традиціямъ, взглядамъ и привычкамъ административнаго персонала и было для него слишкомъ невыгодно, чтобы онъ легко могъ съ нимъ примириться. Отсюда постоянные захваты судебныхъ дѣлъ администраціей, вторженіе воеводъ въ область юстиціи, ссоры и столкновенія съ судьями, препятствія послѣднимъ исполнять свое дѣло. И само общество не могло скоро привыкнуть къ новому порядку вещей, смѣшивало власти, обращаясь къ судьямъ по административнымъ, а къ воеводамъ по судебнымъ дѣламъ. Наконецъ, были дѣла, относительно которыхъ оба вида власти затруднялись установить опредѣленную компетенцію. Всѣ эти обстоятельства вносили большое замѣшательство въ отправленіе правосудія и содѣйствовали перемѣнѣ въ строѣ судебныхъ учрежденій въ 1722 г., открывшей собою новый періодъ ихъ существованія, который и продолжался до 1727 г. Перемѣна состояла въ томъ, что нижніе коллегіальные суды, дѣйствовавшіе подъ предсѣдательствомъ оберъландрихтеровъ, равно какъ и городовые судьи, были отмѣнены. Судебная власть была передана вновь воеводамъ. Въ каждомъ провинціальномъ центрѣ организованъ былъ коллегіальный «провинціальный судъ», состоявшій изъ воеводы съ асессорами, кромѣ тѣхъ центровъ, гдѣ были надворные суды, которые для своихъ провинцій получили значеніе провинціальныхъ судовъ. Въ отдѣльные города провинцій стали назначаться особые судебные комиссары съ ограниченной компетенціей, подчиненные воеводѣ, состоявшіе подъ его «командой». Такимъ образомъ, въ послѣдніе пять лѣтъ существованія судебныхъ учрежденій Петра число судебныхъ инстанцій дошло до пяти; это были: судебный комиссаръ, провинціальный судъ, надворный судъ, юстицъ-коллегія и сенатъ. Но число инстанцій не для всѣхъ мѣстностей было одинаково: оно сокращалось до четырехъ для жителей провинціальнаго города, для которыхъ первой инстанціей былъ провинціальный судъ, и до трехъ для жителей города, гдѣ находился надворный судъ, для которыхъ онъ и былъ первой инстанціей. Началу отдѣленія суда отъ администраціи перемѣнами 1722 г. нанесенъ былъ значительный ударъ соединеніемъ въ рукахъ воеводы власти обоихъ видовъ. Впрочемъ, начало это не угасло совершенно; оно сохраняло свое значеніе въ существованіи особаго высшаго органа, объединявшаго судебное вѣдомство—юстицъ-коллегіи, въ особомъ присутствіи асессоровъ, въ которомъ воевода отправлялъ судебныя дѣла, въ подчиненіи воеводы по этимъ дѣламъ надворному суду и, наконецъ, въ существованіи особыхъ судебныхъ комиссаровъ — должностей съ исключительно судебными функціями.

Такъ, широкія полицейскія задачи, какъ цѣль управленія, и раздѣленіе власти, какъ основаніе его устройства не дали тѣхъ положительныхъ результатовъ, которые отъ нихъ ожидались. Дѣятельность органовъ администраціи получила узко-фискальный характеръ; судебныя функціи были вновь соединены съ административными въ однихъ и тѣхъ же рукахъ, послѣ очень кратковременнаго опыта ихъ разобщенія. Эти начала оказались безсильными и недолговѣчными, потому что совершенно не соотвѣтствовали силамъ и качествамъ той среды, въ которую вводились учрежденія на нихъ основанныя. Прежде всего они оказались для этой среды совершенно не по средствамъ: у казны недоставало денегъ, чтобы содержать новыя учрежденія, а у общества людей, чтобы ихъ наполнить. Отсюда постоянное нарушеніе на практикѣ того значенія вознаграждаемой государственной службы, которое предполагалось придать имъ по первоначальному плану; отсюда же тѣ измѣненія въ нихъ, произведенныя въ 1722 году, къ которымъ пришлось прибѣгнуть для того, чтобы приладить ихъ къ имѣвшимся денежнымъ и личнымъ средствамъ, и которыми извращались начала, положенныя въ ихъ основаніе. Недостатокъ личныхъ средствъ сказался не только въ количественномъ, но и въ качественномъ отношеніи. Общество не могло поставить для новыхъ учрежденій ни достаточнаго количества людей, ни людей достаточно подготовленныхъ къ ихъ задачамъ, а сами учрежденія не успѣли еще оказать какого-либо воспитательнаго вліянія на общество, чтобы подготовить для себя болѣе пригодный контингентъ, хотя бы въ новомъ поколѣніи. Старое вино, влитое въ новые мѣхи, продолжало хранить старый ароматъ: невознаграждаемый государствомъ служилый персоналъ, воспитавшійся въ традиціяхъ кормленія, продолжалъ смотрѣть на службу въ новыхъ учрежденіяхъ такъ же, какъ смотрѣли на гражданскую службу его отцы—и отсюда цѣлый рядъ злоупотребленій, потому что кормленіе стало теперь нарушеніемъ закона. Не будучи въ состояніи снабдить вновь введенныя учрежденія способностью проявлять свои ожидавшіяся достоинства, реформа потратила множество усилій на изысканіе средствъ, которыя бы помѣшали проявляться ихъ скоро обнаружившимся недостаткамъ. Система администраціи и суда была осложнена цѣлой системой различныхъ, обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ органовъ надзора, которые частью бездѣйствовали, оказавшись безсильны, частію только увеличили сумму недостатковъ новаго управленія еще своими, а не рѣдко парализовали всю его дѣятельность. Они пополнялись изъ той же общественной среды, какъ и тѣ органы, за которыми они были назначены наблюдать и которые они должны были исправлять.

Нормальнымъ процессомъ государственной жизни можно считать такой, когда развитіе учрежденій идетъ параллельно развитію общества. Отклоненіемъ отъ нормы будутъ два возможныхъ случая: или общество будетъ опережать учрежденія, и тогда старыя учрежденія, оказавшись изношенными формами, должны будутъ пасть и замѣниться новыми, болѣе соотвѣтствующими потребностямъ развившагося общества; или, наоборотъ, учрежденія могутъ опережать общество. Реформа передѣлывала учрежденія и стремилась передѣлать общество. Но скорости, съ какою производятся перемѣны въ томъ и другомъ случаяхъ неодинаковы, и, если перестроить учрежденія можно однимъ почеркомъ пера, то перемѣны въ обществѣ совершаются сложнымъ и медленнымъ процессомъ. Общество первой четверти XVIII вѣка, несомнѣнно, переросло старинныя московскія учрежденія, которыя поэтому и пали такъ естественно; но тѣ учрежденія, которыя вводила реформа Петра на мѣсто вывѣтрившихся и отлетѣвшихъ старыхъ, несомнѣнно, опережали общество, которое до нихъ еще не доросло. Вотъ почему скороспѣлыя новыя учрежденія были осуждены на такой же неуспѣхъ, какъ и устарѣвшія прежнія. Послѣднія, переставъ удовлетворять измѣнившимся потребностямъ, должны были неизбѣжно уступить мѣсто новымъ; первыя, созданныя для потребностей, для которыхъ не настала еще пора, которыхъ еще не чувствовало или, во всякомъ случаѣ, не ощущало живо общество, скоро должны были передѣлаться на старый ладъ и приспособиться къ существующимъ потребностямъ, если только они не были осуждены на полное бездѣйствіе. Притомъ они неизбѣжно должны были сохранить старое содержаніе, если даже и удерживали новыя формы и новыя имена. Они черпали свой личный составъ изъ старой общественной среды, а этотъ личный составъ приносилъ съ собою и старые, медленно мѣняющіеся нравы. Общество оказалось могущественнѣе учрежденій; оно сбросило съ себя тѣ учрежденія, которыя оно оставило за собою, но оно притянуло къ себѣ, передѣлало на свой ладъ, приспособило къ своимъ задачамъ и наложило свои черты на тѣ учрежденія, которыя были поставлены реформаторомъ слишкомъ далеко впереди его.

Несоотвѣтствіе учрежденій тому обществу, въ которое они вводились, не было единственной причиной ихъ разрушенія. Другихъ надо искать во вліяніи тѣхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, при которыхъ проводилась административная реформа, изъ которыхъ важнѣйшимъ была грандіозная и необыкновенно смѣлая податная реформа, предпринятая одновременно съ административной и шедшая съ нею параллельно. Это было введеніе подушной подати. Областная администрація строилась

по нѣкоторому, хотя и плохо, но все таки предварительно обсужденному плану, который приходилось постоянно измѣнять, сталкиваясь съ встрѣчавшимися затрудненіями. Податная реформа осуществлялась по еще болѣе примитивно высчитанному проекту, причемъ на каждомъ шагу приходилось еще больше его приспособлять къ непринятымъ въ разсчетъ условіямъ окружавшей дѣйствительности. Между обѣими реформами должно было непремѣнно оказаться взаимодѣйствіе. Но необходимость предварительно сообразить оба плана вмѣстѣ и нѣсколько предусмотрѣть возможныя вліянія одной реформы на другую была совершенно упущена изъ виду. Для такихъ предварительныхъ операцій въ области государственныхъ учрежденій едва ли давала тогда средства и самая теорія государственнаго права; тѣмъ, конечно, менѣе могло ихъ произвести правительство, не обладавшее никакой теоретической подготовкой. Съ трудомъ усваивая принципы реформъ, оно не было въ состояніи предусматривать хоть сколько нибудь ихъ послѣдствія, и нѣкоторыя изъ этихъ послѣдствій были для него совершенными сюрпризами. Податная реформа наносила областной администраціи неожиданный ударъ, дѣйствіе котораго не было совсѣмъ предусмотрѣно и вычислено.

Такъ, исторія кратковременнаго существованія областныхъ учрежденій 1719 г. есть не болѣе, какъ исторія ихъ быстраго разрушенія. Вся она заключается въ рядѣ отступленій отъ первоначальнаго замысла. Этотъ замыселъ былъ близокъ къ шведскому образцу. При перенесеніи шведскаго оригинала на русскую копію сдѣланы были измѣненія, казавшіяся достаточными сообразно съ различіями условій двухъ странъ, насколько эти различія тогда могли быть выяснены. Не была заимствована вовсе низшая шведская областная единица—приходъ; иначе были устроены судебныя инстанціи; сдѣланы были измѣненія въ текстахъ инструкцій различнымъ чинамъ управленія. При перенесеніи учрежденій съ бумаги въ дѣйствительность, при организаціи ихъ, пришлось сдѣлать новыя отступленія отъ первоначальныхъ плановъ, важнѣйшимъ изъ которыхъ было временное соединеніе судебныхъ и административныхъ функцій въ рукахъ губернаторовъ, поставленныхъ во главѣ надворныхъ судовъ. Едва только организовавшіяся со всѣми этими отступленіями учрежденія стали налаживать свою дѣятельность, какъ въ 1722 г. послѣдовала новая существенная перемѣна въ ихъ строѣ, заключавшаяся главнымъ образомъ въ окончательномъ соединеніи судебной и административной власти въ однихъ рукахъ и въ новой организаціи суда. Съ этого же года открываютъ свои функціи въ провинціяхъ новыя учрежденія, совершенно непредвидѣнныя при на-

чалѣ административной реформы—«переписныя канцеляріи», имѣвшія задачей подготовку подушной подати путемъ ревизіи переписи и расположенія полковъ, но практикою жизни поставленныя въ близкое соприкосновеніе съ администраціей, которую онѣ отстраняли и унижали. Въ 1724—25 гг. новыя перемѣны: начинается взиманіе подушной подати; располагаются полки; вмѣстѣ съ тѣмъ вводится новая областная единица—полковой дистриктъ—и новые органы податнаго, а въ значительной мѣрѣ и общеадминистративнаго управленія—полковые штабы и «комиссары отъ земли», причемъ послѣдніе частью замѣняютъ прежнихъ земскихъ комиссаровъ, частію дѣйствуютъ съ ними рядомъ, осложняя и безъ того уже сложный правительственный механизмъ провинціи. Но и въ такомъ видѣ этотъ механизмъ существуетъ недолго, всего едва три года. Въ 1727 г. мы встрѣчаемъ новыя и на этотъ разъ наиболѣе рѣшительныя перемѣны въ строѣ областнаго управленія, поворачивающія его назадъ и приближающія его къ дореформенному воеводскому управленію конца XVII вѣка. Къ изложенію этихъ послѣднихъ перемѣнъ мы и должны теперь обратиться.

II.

Недостатки провинціальной организаціи во всѣхъ тѣхъ ея фазахъ, въ какихъ она дѣйствовала съ 1719 г., отчетливо сознавались въ правительственныхъ кругахъ и вызывали противъ себя все болѣе и болѣе рѣзкую критику. Уже самыя перемѣны, которыя ей пришлось испытать, въ значительной мѣрѣ были результатомъ того недовольства, которое она возбуждала, не удовлетворяя возлагавшихся на нее ожиданій и разочаровывая своихъ авторовъ. Было ясно, что отправленіе правосудія не стало лучше со введеніемъ новыхъ судебныхъ учрежденій ни до 1722 г., ни со времени ихъ переустройства, предпринятаго въ этомъ году, и «потщиться исправить судъ, о которомъ единымъ словомъ сказать, что его нигдѣ нѣтъ», по выраженію одной изъ записокъ, составленныхъ послѣ смерти Петра, стало задачей, включенной въ программу новаго царствованія [1]). Но и дѣятельность администраціи въ тѣсномъ смыслѣ не приносила желанныхъ плодовъ. Широкія перспективы, намѣченныя въ инструкціяхъ, оказались ей не по силамъ; но и съ узко-фискальными задачами, къ которымъ ея дѣятельность сводилась на практикѣ, она справлялась плохо. Главный авторъ

[1]) Госуд. архивъ, кабин. д. II, 93, л. 626.

новыхъ учрежденій Генрихъ Фикъ былъ, повидимому, недоволенъ первыми шагами только что созданныхъ дѣтищъ и, обладая неистощимо обильнымъ запасомъ политическаго творчества, уже въ 1723 г. представлялъ проектъ новыхъ реформъ областнаго управленія. Въ этомъ проектѣ онъ твердо держался своего любимаго начала раздѣленія власти и, различая въ управленіи «тройныя главныя дѣла: дѣла правительства, юстицкія и финанскія», предлагалъ для каждаго рода дѣлъ особыя областныя учрежденія: «губернаментъ, или правительство» (губернское правленіе) для администраціи, «камеру» для финансовъ и существующіе надворные суды для юстиціи. Всѣ эти учрежденія уже имѣлись въ областномъ устройствѣ 1719 г., но особенностью этого проекта сравнительно съ прежними была большая степень децентрализаціи мѣстнаго управленія. Перечисленныя губернскія учрежденія получали коллегіальный характеръ, при чемъ губернаментъ и камера составлялись каждое изъ двухъ совѣтниковъ подъ предсѣдательствомъ губернатора, посвящающаго три дня въ недѣлю одному и три дня другому, и должны были имѣть значеніе высшихъ инстанцій, гдѣ большинство дѣлъ рѣшались бы окончательно, не восходя въ центральныя коллегіи, которыя принуждены были тратить много времени на разсмотрѣніе множества неважныхъ текущихъ дѣлъ. Большую пользу для народа авторъ проекта видѣлъ въ томъ, чтобъ «каждый въ губернаментѣ дѣла свои скончать могъ». Не совсѣмъ ясно, о какой областной единицѣ идетъ рѣчь въ проектѣ, называетъ ли авторъ губерніей провинцію, или подразумѣваетъ подъ этимъ словомъ только губернскіе центры и предлагаетъ подчиненіе провинцій губерніямъ попрежнему. Послѣднюю мысль можно видѣть въ словахъ о томъ, что «учрежденіе правительствъ въ нынѣшнемъ порядкѣ остаться можетъ, токмо чтобъ оныя во всѣхъ случаяхъ губернаторамъ и правительству, а въ камерныхъ дѣлахъ губернаментской камерѣ подчинены были и съ коллегіями посредствомъ ихъ дѣло имѣли». Что проектъ имѣетъ въ виду не провинцію, а именно прежнюю губернію, видно также изъ того, что онъ, предполагая въ каждой своей областной единицѣ надворный судъ, въ то же время не считаетъ нужнымъ увеличивать ихъ число и напротивъ считаетъ существующее число достаточнымъ. Итакъ, предлагая раздѣленіе власти и учрежденіе мѣстныхъ административныхъ, финансовыхъ и судебныхъ коллегій съ характеромъ высшихъ инстанцій по губерніямъ, Фикъ исходитъ изъ тѣхъ двухъ началъ, которыя осуществлены были черезъ пятьдесятъ лѣтъ въ губернскомъ устройствѣ Екатерины II, также переносившей центральныя коллегіи въ мѣстность въ видѣ палатъ и проводившей въ извѣстной степени раздѣ-

леніе власти путемъ устройства особыхъ учрежденій для каждаго рода дѣлъ, причемъ и самыя учрежденія эти: губернское правленіе, казенная и судебная палаты близко напоминаютъ проектируемыя Фикомъ губернскіе правительство, камеру и надворный судъ [1]). Причину плохаго дѣйствія областной административной машины Фикъ видѣлъ въ ея излишней централизаціи, обременяющей коллегіи притокомъ въ нихъ множества неважныхъ дѣлъ, которыя мѣшали коллегіямъ сосредоточить свое вниманіе на общихъ вопросахъ организаціоннаго

[1]) Дѣла сен. кн. 58. «Какимъ образомъ чаемо дѣла сенатскія и всего государства способнѣе и легче учреждены и управляемы быть могутъ», л. 61: «Что касается до губернаментскихъ каморъ, то хотя и знаю, что е. и. в. причины имѣлъ губернаменты отставить и, гдѣ нѣтъ губернаторовъ, тамо губернаментскимъ каморамъ быть нельзя, однакоже мню я, что всеподданнѣйше долженъ въ семъ случаѣ, что къ е. и. в. интересу... и къ пользѣ народа по моему мнѣнію служить можетъ, объявить, а именно: 1) Генеральный губернаментъ начально тройныя главныя дѣла чинить имѣетъ, сирѣчь, губернаментскія, или дѣла правительства, юстицкія дѣла и финанскія. А что касается до юстиціи, ради оныхъ надворные суды уже учреждены, и тако токмо надобны будутъ служители къ дѣламъ правительства и каморнымъ. Сіе могло бъ отправлено быть однимъ губернаторомъ, однимъ вице-губернаторомъ, двумя правительства и двумя камеръ-совѣтниками во всякомъ губернаментѣ. И губернаторъ могъ бы три дня въ правительствѣ и три дня въ каморѣ президовать. А въ отсутствіи его вице-губернаторъ и совѣтники съ канцеляріями могли бъ ежедневно чинъ свой управлять. 2) Учрежденіе правительствъ въ нынѣшнемъ порядкѣ остаться можетъ, токмо чтобъ оныя во всѣхъ случаяхъ губернаторамъ и правительству, а въ каморныхъ дѣлахъ губернаментской каморѣ подчинены были и съ коллегіями посредствомъ ихъ дѣло имѣли. 3) И въ оныхъ губернаментахъ многія бъ дѣла вершены и въ порядокъ приведены были и не столько бъ дѣлъ въ коллегіи посылалось. 4) И хотя учрежденіе губернаментовъ больше служителей и жалованья требовать будетъ, однакоже тогда меньше членовъ, служителей и подьячихъ въ нѣкоторыхъ коллегіяхъ надобно будетъ, и коллегіямъ можно будетъ случающіяся дѣла скорѣе отправлять и время имѣть мысли и совѣты свои на исправленіе употреблять. А нынѣ онѣ много времени весьма малыми дѣлами тратить принуждены. 5) Важнѣйшее бы дѣло состояло въ пользѣ народа, когда бы каждый въ губернаментѣ дѣла свои скончать могъ. 9) Въ Испаніи, Франціи и Прусской землѣ и прочихъ въ большихъ губернаментахъ кромѣ правительствъ такія коллегіи совершенно особливы суть, которыя всѣ своихъ собственныхъ президентовъ имѣютъ. 10) А ежели е. и. в. не похвалитъ такія губернаментскія правительства (Gouvernements Regierung) и камеры во всемъ государствѣ учредить, то однакоже надобны оныя бъ были въ Сибири и прочихъ такихъ весьма далекихъ провинціяхъ, которымъ, почитай, невозможно въ урочное время счеты и репорты здѣсь поставить». 1723, ноября 9.

характера и на заботахъ о различнаго рода усовершенствованіяхъ и исправленіяхъ существующихъ недостатковъ. Такой притокъ дѣлъ кромѣ того задерживалъ ходъ машины благодаря медленности сношеній на далекихъ разстояніяхъ.

Въ непривлекательныхъ чертахъ рисовалъ финансовую администрацію и сотоварищъ Фика по службѣ въ камеръ-коллегіи Кохіусъ въ извѣстномъ уже намъ проектѣ подъ заглавіемъ «Generale Reflexions über die Ordnung und Oeconomie der Finanzen in Russland», составленномъ около того же времени. «Большая часть государственныхъ доходовъ», пишетъ онъ, «собирается неправильно и не во время; плательщики не знаютъ, какіе налоги и въ какомъ размѣрѣ они должны платить; они не получаютъ надлежащихъ квитанцій въ платежѣ; счета и книги не содержатся въ должномъ порядкѣ; нѣтъ контроля за взиманіемъ доходовъ, откуда необходимо слѣдуетъ, что принадлежащее императорской казнѣ туда не поступаетъ, такъ что отъ нѣкоторыхъ доходовъ поступаетъ только третья часть и даже еще менѣе, хотя подданные платятъ полный окладъ и даже слишкомъ. Нѣкоторые доходы остаются по нѣскольку лѣтъ въ рукахъ сборщиковъ, отчего часто случается, что многое приходитъ въ забвеніе и если о чемъ вспомнятъ, то большое счастье, когда казна при этомъ ничего не теряетъ... Такъ какъ хозяйство страны (die Land-Oeconomie)», продолжаетъ авторъ, «поддерживается хорошо организованной полиціей и юстиціей, то слѣдуетъ позаботиться о введеніи этихъ двухъ устоевъ—я не хочу сказать объ улучшеніи, разъ что они еще не введены — и объ ихъ постоянной поддержкѣ. Это единственныя средства сохранить для бѣдныхъ подданныхъ, въ которыхъ и заключается источникъ всѣхъ государственныхъ доходовъ, ихъ собственный доходъ, избавить ихъ отъ насилія и мучительства несправедливыхъ судей, несвоевременныхъ и безжалостныхъ сборщиковъ» [1]).

Дѣйствительность подтверждала для правительства вѣрность замѣчаній иностранныхъ прожектеровъ ежедневными фактами, рисовавшими неуспѣхъ фискальной дѣятельности областныхъ учрежденій. Прежде всего областная администрація не могла справиться съ новымъ, установленнымъ инструкціями порядкомъ провинціальной финансовой отчетности. Этотъ порядокъ, правда, былъ очень сложенъ, долженъ былъ сильно развить бумажное дѣлопроизводство въ комиссарскихъ и

[1]) *Posselt*, Peter der Grosse und Leibnitz, прилож. XI, 243—244, 252. О принадлежности Кохіусу и времени составленія этого проекта см. *Милюковъ*, Госуд. хоз., 681—682.

провинціальныхъ канцеляріяхъ и поглощать собою все вниманіе областнаго управленія. Ежемѣсячно каждый земскій комиссаръ былъ обязанъ представлять отчетъ камериру, который въ свою очередь, провѣривъ отчеты земскихъ комиссаровъ, составлялъ такой же отчетъ по всѣмъ комиссарствамъ провинціи. По окончаніи года составлялась годовая отчетность съ приложеніемъ оправдательныхъ документовъ и разнаго рода общихъ «обстоятельныхъ вѣдомостей» и «перечневыхъ экстрактовъ». По адмиралтейскому регламенту, правила котораго были обязательны для всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, приходо-расходныя записи разносились по пяти или шести книгамъ. На чрезмѣрное развитіе бумажной отчетности указываетъ Посошковъ, предлагая въ ней упрощенія, благодаря которымъ земскіе комиссары могли бы, по его мнѣнію, въ своихъ отчетахъ управиться тремя строками вмѣсто трехъ листовъ, а камериры «вмѣсто ста вѣдомостей послать только одну вѣдомость на одномъ листу», тогда какъ при существующемъ порядкѣ отчетности «паче сбору пекутся о вѣдомостяхъ». Эта новая, заведенная Петромъ форма отчетности съ многочисленными книгами, съ разчлененіемъ на рубрики «дебетъ» и «кредитъ», была, несомнѣнно, болѣе стройной и правильной сравнительно съ системой прежняго счетоводства; но ея составленіе требовало навыка и затраты гораздо большаго количества приказныхъ силъ, чѣмъ то, какое находилось тогда въ областныхъ канцеляріяхъ. Сложность формъ, новость самаго дѣла, недостатокъ приказнаго элемента, дальность разстояній, неудобные способы пересылки бумагъ изъ областей въ центръ — всѣ эти обстоятельства мѣшали составленію и доставкѣ въ срокъ отчетовъ изъ провинцій. Притомъ благодаря частой перемѣнѣ системъ и лицъ въ управленіи и при обычаѣ должностныхъ лицъ увозить казенныя бумаги съ собою при перемѣнѣ службы, архивы мѣстныхъ канцелярій приходили иногда въ такой безпорядокъ, что нельзя было собрать въ нихъ нужныхъ справокъ. Такъ, напр., въ 1725 г. орловская провинціальная администрація не могла представить требуемыхъ отъ нея вѣдомостей о рекрутской недоимкѣ по наборамъ съ 1711 г., такъ какъ отъ прежнихъ воеводъ и ландратовъ никакихъ документовъ по этому вопросу не осталось, а живые хранители старины—старые подьячіе—частію умерли, частію были разобраны изъ орловской канцеляріи по другимъ мѣстамъ. Отчеты иногда сильно запаздывали, иногда и вовсе не составлялись, и штрафы, которые начислялись на воеводъ и камерировъ за неприсылку въ срокъ мѣсячныхъ вѣдомостей по полтинѣ за каждый просроченный день, достигали колоссальныхъ размѣровъ, значительно превышая платежныя силы этихъ областныхъ чиновъ. Такъ, въ 1724 г.

были наложены штрафы: на воеводу новгородской провинціи въ размѣрѣ 1820 руб., тверской—1000 р., ярославской—332 р. 50 к., бѣлозерской—743 р., псковской—424 р. 50 к., великолуцкой—92 р., суммы, которыя нужно помножить на 10, чтобы перевести на современныя намъ деньги. «А ежели тѣ штрафы платить не будутъ», предписывала камеръ-коллегія «то, забравъ людей губернаторскихъ, воеводскихъ и камерирскихъ, бить ихъ на правежѣ, пока оныя штрафованныя деньги доправлены и отданы будутъ въ рентереи». Тѣ крутыя мѣры «понужденія» мѣстной администраціи къ скорѣйшей высылкѣ разнаго рода отчетности, къ которымъ прибѣгало правительство, пользуясь содѣйствіемъ въ изобиліи разсылаемыхъ по провинціямъ офицеровъ и солдатъ, всѣ эти угрозы и жестокости, аресты областнаго правительственнаго персонала и причиненіе физической боли его ни въ чемъ неповиннымъ крѣпостнымъ людямъ на правежѣ, не ускоряли движенія дѣла. Бумаги съ отчетными вѣдомостями стягивались къ центру все такъ же медленно, и камеръ-коллегіи приходилось постоянно жаловаться, что губернаторы, воеводы и камериры о приходѣ и расходѣ денежной казны рапортовъ не присылаютъ, или заявлять, что «оныхъ репортовъ изъ нѣкоторыхъ провинцій въ присылкѣ самое малое число, а изъ другихъ изо многихъ провинцій на сей годъ и по нынѣ ничего не прислано». Въ мартѣ 1723 г. въ камеръ-коллегіи не было получено еще ни одной мѣсячной вѣдомости за текущій годъ и ста двадцати трехъ за предыдущій. Въ 1725 г. воевода и камериръ орловской провинціи получили выговоръ изъ камеръ-коллегіи за то, что «отъ неприлежнаго своего смотрѣнія, пренебрегая указы и генеральный регламентъ, не токмо на сроки, но и послѣ сего за многіе мѣсяцы прошлаго 1724 г. репортовъ и вѣдомостей не прислали». Изъ тамбовской провинціи за 1725 и 1726 годы не было послано ни одной вѣдомости въ сроки, и онѣ были отправлены только въ концѣ 1727 г. [1]).

Такъ же далеко отъ идеальнаго порядка оказывалось и самое взиманіе сборовъ, которое въ особенности ухудшилось со времени введенія подушной подати. До насъ дошла довольно подробно составленная таблица государственныхъ доходовъ за 1724 г., цѣнная между про-

[1]) Дѣла орловской провинц. канцеляріи №№ 1069, 1160, 1248. *Посошковъ*, изд. Погод. I, 236. Дѣл. сен. кн. 813, л. 490—536; кн. 814, л. 367; кн. 126, л. 1405; кн. 814, л. 173. Дѣла камеръ-коллегіи, вязка 18, д. 1, л. 329—417. Дѣл. сен. кн. 700, л. 94—107. Дѣла орловск. пров. канц. № 1246. Дѣла курмышской воеводской канц. опись III, д. № 329 passim.

чимъ потому, что она заключаетъ въ себѣ два параллельные ряда цыфръ, изъ которыхъ въ одномъ находятся цыфры предположеннаго оклада, а въ другомъ цыфры дѣйствительнаго поступленія, такъ что является возможность сравнивать смѣту съ ея исполненіемъ. Оказывается, что исполненіе росписи доходовъ на 1724 г. окончилось сравнительно съ предположенной цыфрой смѣты громаднымъ недоборомъ, составляющимъ 26,7%, т. е. болѣе четверти всего оклада. Слѣдовало собрать по окладу въ этомъ году 7.804.980 руб.; было взято дѣйствительно 5.718.941 и затѣмъ недобрано 2.086.039 руб. [1]). Изучая эту таблицу доходовъ, легко замѣтить, что она распадается на двѣ главныя рубрики, одну изъ которыхъ составляютъ сборы «въ губерніяхъ и провинціяхъ», другую доходы по финансовымъ операціямъ, произведеннымъ «въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ», т. е. въ различныхъ отдѣльныхъ вѣдомствахъ. Для выясненія роли областной администраціи въ государственномъ хозяйствѣ, разумѣется, должна быть полна интереса первая изъ этихъ рубрикъ, которую въ свою очередь можно подраздѣлить также на два отдѣла: во-первыхъ, прямой налогъ, какимъ въ 1724 г. является подушная подать, такъ какъ ея взиманіе началось именно съ этого года, и затѣмъ ко второму отдѣлу можно отнести косвенные налоги, промысловые сборы, оброки, откупы и пошлины. Сборъ тѣхъ и другихъ въ этомъ году производился провинціальной администраціей черезъ прежнихъ, назначенныхъ камеръ-коллегіей земскихъ комиссаровъ, и собранныя деньги проходили черезъ провинціальныя рентереи, такъ что финансовая машина еще дѣйствовала по старому. Подушной подати предполагалось собрать по смѣтѣ 4.614.638 р., а въ дѣйствительности ея поступило 3.215.982 р., т. е. на 1.398.656 р. менѣе, такъ что получилась громадная недоимка въ 33% окладной суммы или ровно въ треть этой послѣдней. Только въ двухъ губерніяхъ, казанской и астраханской, дѣйствительное поступленіе превысило на 8% смѣту; въ остальныхъ вездѣ оказалась недоимка, доходившая въ московской и азовской губерніяхъ до 34% оклада, въ архангелогородской до 37%, въ петербургской до 39%, въ смоленской до 42% и, наконецъ, въ сибирской до 59%, и опускавшаяся ниже средней цыфры въ губерніяхъ: кіевской (21%) и нижегородской (10% оклада). Таковы же были результаты исполненія и по второму отдѣлу сборовъ: косвеннымъ налогамъ, промысловымъ сборамъ, оброкамъ, откупамъ и пошлинамъ. По окладу ихъ предполагалось собрать въ губерніяхъ и провинціяхъ 2.628.747 руб. и было взято всего 1.925.949 р.,

[1]) *Милюковъ,* Госуд. хоз., прилож. IV.

такъ что недоимка въ 702.798 р. (26%) превышала нѣсколько четверть оклада, достигая по отдѣльнымъ сборамъ гораздо болѣе значительныхъ размѣровъ. Такъ, недоимка табачныхъ денегъ составляла 45% оклада, недоимка пошлинъ съ клейменья кубовъ (употребляемыхъ частными лицами при винокуреніи, если оно имъ разрѣшалось)—48%, оброчныхъ и откупныхъ денегъ: съ мостовъ и перевозовъ—58%, съ рыбныхъ ловель--69%, съ мельницъ—73% и т. д. Эти недоборы, разумѣется, невыгодно должны были отражаться на бюджетѣ расходовъ. Армія вмѣстѣ съ флотомъ были предметомъ самыхъ тщательныхъ заботъ со стороны правительства; ихъ нужды удовлетворялись быстрѣе и полнѣе всѣхъ другихъ. Но военная коллегія принуждена была жаловаться на хроническую недосылку слѣдующихъ ей суммъ. Въ ея годовой окладъ, равнявшійся 1.898.965 руб., за 1720 годъ ею было не дополучено 373 тысячи, за слѣдующій 318 тысячъ, за 1723 годъ даже 1.309.786 руб., т. е. 69% оклада; наконецъ, за 1724 годъ 704 слишкомъ тысячъ. Всего за пять лѣтъ дѣйствія новой администраціи съ 1720 по 1724 включительно эта коллегія не дополучила 2.875.650 р., что составляетъ почти 33% той суммы, которую она должна была получить за эти годы (9.494.825 р.). Въ свою очередь эта брешь въ бюджетахъ коллегіи отражалась на выдачѣ жалованья войскамъ, и за тѣ же годы оставалось недоданнымъ жалованья 137.597 руб. За 1725 г. эта недодача жалованья, вслѣдствіе недоимки подушной, достигала колоссальныхъ размѣровъ 832.629 руб., и коллегія предупреждала въ своемъ докладѣ, что армія можетъ благодаря такому недостатку рессурсовъ придти «въ вящую неисправность и совершенное разореніе».

Не лучше обстояло дѣло съ прямыми и косвенными сборами и въ слѣдующемъ 1726 г. Недоимка подушной подати, собираемой теперь земскими комиссарами при полкахъ, во многихъ полковыхъ дистриктахъ превосходила половину оклада, доходя въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 82 и 83% окладной суммы. Такъ, напр., въ вологодской провинціи, въ дистриктѣ островскаго полка недоимка подушной за первую треть года, такъ какъ эта подать взыскивалась по третямъ, равнялась 15% оклада, за вторую треть 56,9% и за третью 83%. Въ дистриктѣ перновскаго полка, въ той же провинціи, за первую треть недоимка составляла 21%, за вторую 82% оклада. Въ вятской провинціи, въ дистриктѣ ингерманландскаго полка недоимка за годъ составляла 63% оклада. Въ устюжской, въ дистриктѣ шушерина полка за первую треть 31%, за вторую 62%; въ симбирскомъ уѣздѣ въ дистриктѣ астраханскаго полка за первую треть 6%, за вторую 13%. Та часть подушной подати, которая должна была поступить въ этомъ году въ военную кол-

легію, составляла—2.509.418 р. Но за первые восемь мѣсяцевъ года туда поступило не $^2/_3$ этого оклада, какъ бы слѣдовало ожидать, а всего лишь 928.767 руб. и такимъ образомъ недоимка составила 44% окладной суммы. Косвенные сборы поступали еще болѣе неисправно. Въ елецкой провинціи годовой размѣръ недоимки по этому отдѣлу сборовъ доходилъ до 60%. Въ Каргополѣ на посадѣ недоборъ таможенныхъ и кабацкихъ денегъ, наиболѣе важнаго разряда косвенныхъ сборовъ, равнялся 54% оклада; въ уѣздѣ этихъ денегъ не было собрано вовсе. По отдѣльнымъ дистриктамъ шацкой провинціи недоимка составляла 58%, 75%, даже 96% оклада. Въ пяти комиссарствахъ изъ восьми по нѣкоторымъ разрядамъ косвенныхъ, такъ называемыхъ, «канцелярскихъ» сборовъ: съ мельницъ и рыбныхъ ловель не было ничего собрано. Окладъ такихъ же канцелярскихъ сборовъ по тамбовской провинціи за 1726 г. выражался цыфрой 19.696 руб.; но собрано было только 7.711 руб., слѣдовательно въ недоимкѣ осталось 60% оклада. По отдѣльнымъ дистриктамъ она превышала это отношеніе. Такъ, по первому тамбовскому дистрикту окладъ былъ 7648 руб., въ недоимкѣ оказалось 7602 р., т. е. 99,4%. По козловскому дистрикту окладъ равнялся 667 руб. 59 к., было взято только 2 руб. 5 к. и въ недоимкѣ осталось 665 р. 54 к., т. е. 99,7% [1]).

III.

Какъ же смотрѣли современники на такое печальное положеніе финансоваго хозяйства и въ чемъ они видѣли причины этихъ громадныхъ и хроническихъ недоимокъ? Указывали прежде всего на разстройство народнаго хозяйства вслѣдствіе недородовъ хлѣба. Послѣдніе годы царствованія Петра были обильны неурожаями въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Въ запискѣ, составленной въ началѣ новаго царствованія, генералъ-прокуроръ Ягужинскій говорилъ, что «уже нѣсколько лѣтъ хлѣбу родъ худой, и отъ подушнаго сбору происходитъ великая тягость..., чего ради въ такое неурожайное время крестьяне не токмо лошадей и скотъ, но и сѣменной хлѣбъ распродавать принуждены, а

[1]) Дѣл. сен. кн. 713, л. 10—12. Дѣла камеръ-колл. вязка 19, д. 1: рапорты о подушномъ сборѣ за 1726 г. Сб. И. О. т. LVI, стр. 295 сл. Дѣла камеръ-коллегіи, вязка 8, д. 25, л. 21; вязка 18, д. 1: рапорты по елецкой пров. за 1726 г.; ibid. л. 329—417: рапорты по тамбовской пров.; л. 417—681: рапорты по шацкой провинціи; вязка 18, д. 2: рапорты по бѣлозерской провинціи.

сами терпятъ голодъ, и большая часть можетъ быть такихъ, что къ пропитанію своему впредь никакой надежды не имѣютъ, и великое уже число является умершимъ ни отъ чего инаго, токмо отъ голоду (и не безъужасно слышать, что одна баба отъ голоду дочь свою, кинувъ въ воду, утопила), и множество бѣгутъ за рубежъ польскій и въ башкиры, чему и заставы не помогаютъ». Сенатъ соглашался съ генералъ-прокуроромъ и осенью 1725 г. докладывалъ Екатеринѣ, что «нѣсколько лѣтъ, какъ хлѣбный недородъ учинился, а въ нынѣшнемъ году сначала о плодоносномъ лѣтѣ хотя и была надежда, но потомъ все жатвенное самое время отъ великихъ и непрестанныхъ дождей и мокроты едва не вездѣ, какъ рожь, такъ и яровые хлѣба не сняты и съ поль не убраны и многіе проросли». Эти мрачные взгляды на положеніе крестьянскаго хозяйства, главнаго источника государственныхъ доходовъ, находили себѣ опору въ донесеніяхъ провинціальной администраціи, а впослѣдствіи въ донесеніяхъ штабовъ расквартированныхъ полковъ, въ которыхъ положеніе мѣстностей, постигнутыхъ неурожаемъ, рисовалось въ самыхъ печальныхъ чертахъ. Въ 1723 году земскій комиссаръ одного изъ дистриктовъ орловской провинціи, получивъ приказаніе взыскать приходившееся на его дистриктъ количество провіанта, доносилъ, что «уѣзднымъ многимъ обывателямъ онаго провіанта за недородомъ хлѣба съ великаго принужденія за всеконечной скудостью везть нечего и денежныхъ сборовъ платить нечѣмъ.., пришли въ совершенную скудость, дня по два и по три не ѣдятъ, покиня домы свои ходятъ по міру и питаются травою и орѣховыми шишками, мѣшая съ мякинами и оттого лежатъ въ болѣзни, и многіе голодною смертью помираютъ, а которые скотъ у себя имѣли, на платежъ у комиссарства денежныхъ сборовъ продали напередъ сего». Въ томъ же году земскіе комиссары московской провинціи заявляли, что «въ высылкѣ провіанта чинится великая остановка за скудостью уѣздныхъ людей и за недородомъ хлѣба; питаніе имѣютъ: толкутъ льняное сѣмя и дубовые желуди и мѣшаютъ съ мякиною, пекутъ и ѣдятъ. И живутъ неѣвши дня по четыре и по недѣлѣ, и отъ того неяденія многіе пухнутъ и помираютъ, а другія села и деревни стоятъ пусты, крестьяне вышли въ разныя мѣста для прокормленія». Камеръ-коллегія свидѣтельствовала, что крестьяне сами просили отъ голода взять ихъ въ галерную работу, ссылкой въ которую коллегія грозила имъ за недоимки въ своихъ указахъ. Встревоженный извѣстіями «о крестьянской конечной скудости», шедшими въ 1723 г. изъ московской и изъ другихъ провинцій, сенатъ предписалъ пріостановить взысканіе недоимокъ до сентября, а сборъ оклада до августа, до новаго хлѣба, распорядившись, впрочемъ, о производствѣ

сборовъ въ эти сроки уже безъ всякаго снисхожденія. Дѣло въ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностяхъ не поправляется и въ слѣдующемъ 1724 году. «А подушный денежный сборъ», пишетъ отъ 14 іюня 1724 г. изъ Бѣлева орловскій камерпръ своему воеводѣ, «зѣло за недородомъ хлѣба остановился, и взять нечего, и ѣдятъ хлѣбъ: гнилую колбу и траву, и подаютъ доношенія, что платить нечѣмъ, и приносятъ хлѣбъ для свидѣтельства, который и посланъ до вашего благородія». Тѣ же вѣсти изъ разныхъ концовъ Россіи и въ слѣдующихъ 1725 и 1726 годахъ. «По Каргополю табельныхъ сборовъ доимка въ семъ году не взята, а именно таможенныхъ за умаленіемъ въ продажѣ товаровъ и хлѣбныхъ припасовъ, а кабацкихъ за умаленіемъ питуховъ, понеже имѣется народная скудость», доноситъ бѣлозерская провинція. Крестьяне устюжской провинціи не могутъ платить податей «за скудостью ихъ крестьянскою», какъ сообщаютъ земскіе комиссары при расположенныхъ тамъ полкахъ. «За всеконечною скудостью и нищетою въ указное время въ скорости собрать не могли», пишутъ земскіе комиссары двинскаго, кегрольскаго и сумскаго уѣздовъ. Огромная недоимка подушной въ дистриктѣ островскаго полка, расположеннаго въ вологодской провинціи, какъ читаемъ въ рапортѣ его комиссара, «упущена за всеконечною народною скудостью и за недородомъ хлѣба, и за умаленіемъ скота, и за пустотою..., о чемъ и посланные солдаты доѣздами объявляютъ, что де весьма крестьяне оскудали и хлѣба, и скота многіе не имѣютъ, а которые и имѣютъ, и то по малому числу». Въ галицкомъ уѣздѣ, въ дистриктѣ рижскаго вице-губернаторскаго полка подушныхъ денегъ сполна «съ уѣздныхъ людей собрать ни по которой мѣрѣ за скудостію и за неприспѣніемъ ржанаго и яроваго хлѣба, также за скотскимъ рогатаго и конскимъ падежемъ и за пустотою было невозможно». «Доимка собирается безъ послабленія», пишутъ земскій комиссаръ и офицеры кунингамова полка, расположеннаго въ юрьевецъ-повольскомъ и въ галицкомъ уѣздахъ, «но собрать сполна весьма отчаянны того ради, что за совершенною скудостью крестьяне за умершихъ, взятыхъ въ рекруты и бѣглыхъ недоплачиваютъ» [1]).

[1]) Чт. О. И. Др. Рос. 1860 кн. 4, смѣсь: Записка Ягужинскаго о состояніи Россіи. Ibid. 1897 г. кн. 2, смѣсь: «О содержаніи въ нынѣшнее мирное время арміи и какимъ образомъ крестьянъ въ лучшее состояніе привесть». Изъ дѣлъ моск. отдѣл. Арх. Главн. Штаба. Дѣла сен. кн. 814, л. 340, 367. Дѣла орловск. пров. канц. № 1076. Дѣла камеръ-коллегіи, вязка 19, д. 1: рапорты о подушномъ сборѣ; вязка 18, д. 2; вязка 4, д. 14, л. 217.

Рядомъ съ естественной причиной разстройства народнаго хозяйства въ 20-хъ годахъ XVIII в., какою во многихъ мѣстностяхъ были неурожаи, современники указывали на другую причину, крывшуюся въ самомъ финансовомъ хозяйствѣ страны и заключавшуюся въ увеличенiи податной тягости. Ростъ бюджета въ эпоху реформы, увеличившагося съ 1680 г. къ концу царствованiя болѣе чѣмъ втрое, какъ это показано проф. Милюковымъ, объясняется не прогрессомъ народнаго хозяйства, а лишь усиленнымъ напряженiемъ податнаго бремени, доведеннымъ до своихъ крайнихъ предѣловъ. По мѣрѣ того, какъ росли цыфры бюджета, увеличивалась ихъ тяжесть для плательщиковъ. Вычисленiе степени увеличенiя этой тяжести—не легко разрѣшимая задача. Вообще трудно произвести точное сравненiе тяжести подати за разное время. Абсолютные размѣры налога здѣсь ничего не скажутъ, такъ какъ могутъ измѣняться положенiя тѣхъ хозяйствъ, на которыя онъ падаетъ. Цыфра подати можетъ оставаться неизмѣнною, но въ слѣдующемъ году она будетъ тяжелѣе, чѣмъ въ предыдущемъ, благодаря тому, что условiя хозяйства стали хуже, или будетъ легче, если эти условiя улучшились. Цыфра можетъ уменьшаться, но подать будетъ тяжелѣе, или, наоборотъ, цыфра подати можетъ увеличиваться, и всетаки подать будетъ легче въ зависимости отъ положенiя хозяйства, отъ увеличенiя или уменьшенiя его доходности. Надо абсолютныя цыфры переводить въ относительныя, вычислять каждый разъ долю ежегоднаго дохода, отнимаемую податью и сравнивать эти доли. Но и такого прiема еще недостаточно. Для полной точности сравненiя пришлось бы привлекать данныя не только экономическаго характера, которыя могутъ быть выражены числами, но и данныя психологическiя, не подлежащiя числовымъ выраженiямъ. Чтобы судить о тяжести подати, не довольно знать внѣшнее выраженiе ея вѣса, надобно знать и самое ощущенiе, вызываемое этимъ вѣсомъ. Можно очень точно вычислить, какую долю дохода извѣстнаго хозяйства отнимаетъ подать и сравнить эти доли въ различные моменты времени, но не слѣдуетъ забывать, что съ теченiемъ времени мѣняется не только количество потребностей, но и самая степень ихъ интенсивности, самая острота чувства при ихъ удовлетворенiи и неудовлетворенiи. Раздраженiе, съ которымъ люди разныхъ поколѣнiй отнесутся къ отказу въ тѣхъ или другихъ благахъ вслѣдствiе возвышенiя подати, очень различно и не поддается точному выраженiю. Въ томъ, отъ чего одно поколѣнiе отказывалось довольно легко, слѣдующее будетъ чувствовать лишенiе. Но такой психологическiй коеффицiентъ имѣетъ серьезное значенiе только при сравненiи на значительныхъ разстоянiяхъ времени; при сравненiи подат-

ной тяжести на близкихъ разстояніяхъ для одного и того же хозяйства, для одного и того же поколѣнія плательщиковъ имъ можно пренебречь. Такъ и можно будетъ поступить при сравненіи цыфръ, представляющихъ количество прямыхъ податей, которое приходилось платить крестьянскому двору въ 1720—23 гг. съ такими же цыфрами для эпохи перваго учрежденія губерній. Первыя находятся въ докладѣ камеръ-коллегіи, представленномъ ею въ особую учрежденную при Екатеринѣ I комиссію подъ предсѣдательствомъ кн. Д. М. Голицына, имѣвшую цѣлью пересмотръ податной системы и сосредоточившую въ своихъ рукахъ обширный матеріалъ по финансовому управленію; вторыя—вычислены проф. Милюковымъ. Оказывается, что количество подати, приходившееся на крестьянскій дворъ въ 1720 и 1721 гг., въ большинствѣ случаевъ повысилось сравнительно съ 1710 г. Такъ, напр., на черносошный крестьянскій дворъ въ архангелогородской губерніи приходилось въ 1710 г. прямыхъ податей (окладныхъ и запросныхъ денегъ) 3 р. 82 к., въ 1720 г.—3 р. $95^5/_8$ к., а въ 1721 г. уже 4 р. $00^7/_8$ к.; въ церковныхъ земляхъ той же губерніи крестьянскій дворъ въ 1710 г. платилъ 3 р. 46 к., въ 1720 г.—4 р. 27 к., а въ 1721 г.—4 р. 32 к. Наконецъ, въ помѣщичьихъ земляхъ соотвѣтствующія цыфры равняются 2 р. 54 к., 3 р. 75 к., 3 р. 80 к. Нѣкоторое пониженіе замѣтно только въ дворцовыхъ земляхъ. Точно то же явленіе въ предѣлахъ казанской губерніи. Въ 1710 г. на церковныхъ земляхъ крестьянскій дворъ платилъ 3 р. 33 к.; въ 1720 г.—4 р. 43 к., въ 1721 г.—4 р. 73 к.; на помѣщичьихъ—2 р. 70 к., 3 р. 14 к. и 3 р. 45 к.; на дворцовыхъ—2 р. 65 к., 3 р. 48 к., 3 р. 78 к. Нѣтъ, разумѣется, возможности перевести эти абсолютныя цыфры въ относительныя, выразить ихъ долями дохода крестьянскаго двора за соотвѣтствующіе годы; но нѣтъ также основаній думать, что за десятилѣтній періодъ съ 1710 по 1720 г. крестьянское хозяйство въ двухъ названныхъ губерніяхъ стало въ общемъ въ болѣе благопріятныя условія. Если оно измѣнилось, то скорѣе ухудшилось; въ особенности въ первой изъ этихъ губерній, гдѣ населеніе замѣтно рѣдѣло. Слѣдовательно, повышеніе размѣровъ подати должно было сопровождаться увеличеніемъ ея тягости и притомъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда начинали свои дѣйствія новыя областныя учрежденія. Правда, въ слѣдующіе годы 1722 и 1723 эти цыфры во многихъ случаяхъ опять нѣсколько спустились, приближаясь болѣе или менѣе къ цыфрамъ 1710 г.; но послѣдовавшая затѣмъ съ 1724 г. подушная, которая должна была замѣнить собою всѣ эти прямые сборы, легла на общество новою тягостью. При имѣющихся данныхъ невозможно разсчитать, сколько сталъ платить кресть-

янскій дворъ послѣ введенія подушной, чтобы сравнить эту цыфру съ цыфрой его платежа при подворномъ налогѣ; но приблизительное понятіе о степени увеличенія этого платежа даетъ вычисленіе проф. Милюкова, показавшаго, что бюджетъ государственнаго дохода, составлявшій для времени, непосредственно предшествовавшаго введенію подушной, въ переводѣ на рубли нашего времени—51.214.095 р., за первый же годъ ея введенія (1724-й) сразу возрастаетъ до 76.739.040 р., т. е. увеличивается почти на 50%. Осенью 1725 г. сенатъ находилъ, что подушная подать, отъ которой ожидалось облегченіе податнаго бремени, на практикѣ оказалась гораздо тяжелѣе прежнихъ налоговъ и что даже въ уменьшенномъ до семи гривенъ окладѣ крестьяне ее «никакимъ образомъ понести не могутъ», а въ слѣдующемъ 1726 г. верховный тайный совѣтъ заявлялъ, что считаетъ подушную «несравнительной» съ податнымъ бременемъ предыдущей эпохи и выражалъ опасеніе, что крестьяне подъ давленіемъ ея тяжести могутъ придти въ «непоправляемое бѣдство», если не принять немедленныхъ мѣръ къ ея облегченію. Раздраженіе противъ новой подати въ народѣ вырывалось иногда въ рѣзкихъ и опасныхъ словахъ, которыя влекли произносившихъ ихъ въ преображенскій приказъ. «Похваляютъ, что императоръ нашъ былъ мудренъ», разглагольствовалъ нѣкій священникъ, «а что его мудрость? затѣялъ подушную перепись себѣ на безголовье, а всему народу на изнуренье!»[1]).

Тяжесть подушной подати увеличивалась еще благодаря тому, что съ ея введеніемъ не были отмѣнены всѣ другія повинности, какъ обѣщалъ указъ 26 ноября 1718 г., который предписывалъ при разсчетѣ ея оклада принять во вниманіе, что съ крестьянъ не будетъ требоваться больше никакихъ податей и работъ, кромѣ чрезвычайныхъ случаевъ непріятельскаго нашествія или «домашняго замѣшанія». Между тѣмъ во многихъ мѣстахъ эти подати и работы продолжали существовать рядомъ съ подушной. «Крестьянство сверхъ подушнаго окладу», замѣчаетъ одинъ изъ проектовъ, относящійся или къ концу петровскаго, или къ началу екатерининскаго царствованія и хранящійся среди бумагъ кабинета, «съ великимъ бѣдствомъ платятъ канцелярскіе сборы, которые начались въ бывшихъ ижорскихъ канцеляріяхъ въ минувшую съ Швеціей войну и внесены въ табельный окладъ отъ прибыльщиковъ, а именно: съ мельницъ, съ рыбныхъ ловель, съ мостовъ и перевозовъ, съ бань и проч.... И можно разсудить, что тѣ канцелярскіе сборы положены во время тяжкой войны, а не вѣчно, которые съ бѣд-

[1]) Дѣла камеръ-коллегіи, вязка 22, д. 3. *Милюковъ*, Госуд. хоз., 278 и сл., 660, примѣч. 2, 695. *Соловьевъ*, XVIII, 270.

ныхъ крестьянъ не можно ль сложить». Уже впослѣдствіи, въ 1729 г., очевидно, для работъ финансовой комиссіи кн. Голицына, были наведены повсемѣстныя справки о томъ, не было ли съ 1724 г., т. е. съ тѣхъ поръ, какъ началось взиманіе подушной подати, иныхъ денежныхъ и натуральныхъ сборовъ сверхъ подушнаго платежа и работъ, за которыя крестьянамъ не выдано вознагражденія. Въ отвѣтахъ, присланныхъ изъ отдѣльныхъ провинцій, были указаны такіе сборы и повинности. Такъ, архангелогородская провинція сообщила, что въ двинскомъ дистриктѣ сверхъ семигривенной подушной (съ 1725 года) и четырехгривеннаго сбора, который наложенъ былъ на черныхъ и синодальныхъ крестьянъ взамѣнъ помѣщичьяго оброка — земскіе старосты собирали еще особыя деньги на мѣстныя нужды, «въ земскіе расходы» съ дворового числа въ размѣрѣ по 1 р. 15 к. съ каждыхъ 75 дворовъ. Крестьяне того же дистрикта вотчинъ архангельскаго и николаевскаго монастырей чрезъ своихъ сотскихъ жаловались, что имъ сверхъ четырехгривеннаго сбора, который долженъ былъ замѣнять собою землевладѣльческій оброкъ, всетаки приходится платить еще въ монастыри оброки деньгами и натурой: съ «землянаго тягла» по 25 и по 15, и по 10 руб., да столовыхъ припасовъ на Пасху и на Петровъ день: яицъ по 1800 и по 3000, и по 4000 въ годъ, да молочныхъ сыровъ по 30 и больше, и меньше, да дровъ сѣкутъ и возятъ по 120 саженъ и больше, и меньше и т. д. Земскій комиссаръ сумскаго острога, вотчины соловецкаго монастыря, доносилъ, что крестьяне платятъ въ монастырь съ каждой души по 40 коп. да сверхъ того поставляютъ на ихъ монастырскія необходимыя нужды подводы, а также на монастырскія работы плотниковъ и работниковъ, на содержаніе которыхъ собираютъ въ годъ по 3 и по 4 коп. съ души безъ зачета въ число четырехгривенныхъ денегъ. Въ дворцовыхъ важскихъ волостяхъ кромѣ подушной дворцовые доходы въ 20-хъ годахъ XVIII вѣка собирались съ дворовъ, по старымъ переписнымъ книгамъ 1678 г., а именно «стрѣлецкія деньги» по 1 руб. и деньги «на покупку конскихъ кормовъ по 15 к. съ двора. Все это были или сборы на мѣстныя мірскія нужды, производившіеся путемъ мірскаго самообложенія, или землевладѣльческіе поборы въ церковныхъ и дворцовыхъ вотчинахъ. Однако, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ указывались и чисто казенныя повинности, продолжавшія существовать при подушной. Такъ, нѣкоторыя мѣстности жаловались на казенную подводную повинность. Плакатъ 1724 г. предусматривалъ возможность этой повинности поставки подводъ для ѣдущихъ по казеннымъ дѣламъ должностныхъ лицъ тамъ, гдѣ не было почты, но требовалъ, чтобы непремѣнно выдавалось крестьянамъ вознагражденіе за постав-

ленныя подводы, а между тѣмъ это условіе не соблюдалось, и крестьяне жаловались, что «ѣдущіе за казною и за колодниками, и за другими е. и. в. дѣлами офицеры и другихъ чиновъ люди уѣздныя подводы съ крестьянъ берутъ изъ-за принужденія, а прогоновъ по силѣ того плаката ничего не платятъ». На крестьянахъ придорожныхъ мѣстностей, прилегавшихъ къ большимъ почтовымъ трактамъ тяготѣла повинность содержанія и ремонта дороги, отбываемая натурою или переложенная на деньги. Такъ, напр., комиссары двинскаго дистрикта сообщали, что крестьяне черныхъ волостей, прилегавшихъ къ почтовой дорогѣ, по распоряженію губернской канцеляріи ежегодно мостятъ мосты по болотамъ, по грязямъ и ручьямъ, выставляя работниковъ изъ своей среды или нанимая отъ постороннихъ, собирая для этого найма отъ 5 до 10 руб. съ волости. Наконецъ, начавшаяся въ двадцатыхъ годахъ постройка квартиръ для войскъ также падала на крестьянское населеніе сверхъ подушнаго платежа, какъ особая экстраординарная казенная повинность, которая благодаря промедленіямъ принимала совершенно хроническій характеръ. Установленная одновременно съ введеніемъ подушной, эта повинность раскладывалась по новой податной единицѣ, отбывалась и деньгами, и натурою, въ послѣднемъ случаѣ въ видѣ поставки рабочихъ рукъ и строительныхъ матеріаловъ. Въ мѣстахъ, изобиловавшихъ лѣсомъ, она, разумѣется, принимала болѣе натуральный, въ мѣстахъ безлѣсныхъ болѣе денежный характеръ. Мы уже познакомились съ тѣми земскими собраніями, на которыя съѣзжались помѣщики, ихъ приказчики, представители церковнаго и дворцоваго землевладѣнія и на которыхъ происходила ея разверстка. Повинность эта была крайне неравномѣрна и разнообразилась по провинціямъ и дистриктамъ, такъ какъ ея размѣры зависѣли отъ цѣны строительныхъ матеріаловъ, отъ разстояній, на которыя ихъ надо было перевозить, отъ высоты заработной платы, которую приходилось уплачивать нанимаемымъ плотникамъ, отъ степени участія въ постройкахъ самихъ располагаемыхъ полковъ, наконецъ, отъ хозяйственной сноровки и распорядительности лицъ, завѣдывавшихъ этими постройками, словомъ, — отъ всѣхъ тѣхъ условій, отъ которыхъ зависѣла большая или меньшая дороговизна постройки. Такъ, въ одной и той же новгородской провинціи, въ дистриктѣ одного полка на постройку квартиръ было собрано по 3 коп. съ души, въ дистриктѣ другаго натурой по $2^1/_2$ бревна съ души, да на достройку въ этомъ послѣднемъ случаѣ было потомъ взято по $3^5/_{16}$ коп. съ души; въ дистриктѣ третьяго полка собиралось съ трехъ душъ по одному бревну. Въ угличской провинціи, въ одномъ полку повинность была переложена на деньги и взималась въ размѣрѣ 4 к.

съ души, въ дистриктѣ другаго на души были разложены: все количество матеріала, требовавшагося смѣтою постройки, и все число необходимыхъ работниковъ, а именно съ каждой души по драницѣ, съ каждыхъ четырехъ душъ по бревну, съ каждыхъ ста душъ по возу мху и съ каждыхъ 1028 душъ по одному плотнику. Въ галицкой провинціи, въ двухъ полкахъ собиралось по 2 коп., въ третьемъ по $3^1/_4$ коп. и въ четвертомъ по 5 коп. съ души. Въ дистриктахъ псковскаго и шлиссельбургскаго полковъ, расположенныхъ въ псковской и великолуцкой провинціяхъ, собиралось по 1 коп. съ души, въ дистриктѣ оберъ-комендантскаго полка въ бѣлозерской провинціи по $4^1/_2$ коп. и т. д. Въ общемъ повинность считалась очень тяжелой, и сенатъ осенью 1725 г. писалъ въ докладѣ императрицѣ, что «полковые дворы съ великою народною тягостью и во многія деньги становятся, а наипаче въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мѣста безлѣсныя» [1]).

Итакъ, подушная подать по абсолютной своей величинѣ была тяжеле прежней подворной. Ея тяжесть увеличивалась еще благодаря тому, что параллельно съ ней сохранили свое существованіе нѣкоторые платежи, которые съ ея введеніемъ предназначались къ отмѣнѣ. Наконецъ, третья причина тяжести подушной крылась въ самомъ характерѣ податной единицы. Можетъ быть, когда Петръ писалъ свой знаменитый первый указъ о подушной 26 ноября 1718 г., въ его воображеніи мелькала душа, какъ реальная плательщица подати. Но такое представленіе могло быть только мимолетнымъ, и какъ скоро пришлось войти глубже въ разработку вопроса о новой подати, ревизская душа потеряла свое реальное значеніе и получила значеніе счетной единицы. Съ такимъ значеніемъ она и является въ инструкціи генералитету, которая предписывала души, занесенныя въ сказки и затѣмъ умершія, изъ переписи не выключать, а положить въ сборъ съ прочими душами, но зато не включать въ перепись младенцевъ, родившихся послѣ подачи сказокъ. Разъ, что сборомъ облагалась душа уже умершая, не могло быть и рѣчи о ней, какъ о реальной плательщицѣ, и ясно, что она разумѣлась какъ счетная единица служащая только для опредѣленія количества оклада, падающаго на извѣстную общину.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и подать получила раскладочный характеръ. На извѣстную частную вотчину, на крестьянскую волость въ черныхъ земляхъ или на городскую общину налагалась сумма подати по

[1]) Госуд. арх. каб. д. II, 93, л. 618—619. Дѣла сен. кн. 690, л. 694—705; 719—730.

числу душъ, записанныхъ въ этой вотчинѣ, волости или городской общинѣ въ подушную перепись, вычислявшаяся путемъ умноженія душеваго оклада на число душъ. Но платить эту сумму въ дѣйствительности приходилось не всѣмъ душамъ, а только дѣйствительнымъ плательщикамъ, какими могли быть только работоспособные люди или люди, обладавшіе капиталомъ. Въ каждомъ тягломъ округѣ, будь то частное населенное имѣніе или черная волость, или городская община, всегда должно было оказаться нѣкоторое число душъ, немогущихъ уплачивать подать по неспособности работать при недостаткѣ имущества; сюда относились: малолѣтніе—недостигшіе рабочаго возраста, старики—перешедшіе за предѣлъ этого возраста, больные и увѣчные, необезпеченные имущественно и принужденные питаться подаяніемъ. Кромѣ того, въ частныхъ имѣніяхъ подать за барскую дворню, состоявшую въ личномъ услуженіи и по обычаю того времени очень многочисленную, жившую при барскихъ дворахъ въ деревнѣ или въ столицахъ и также засчитанную въ подушную перепись, падала въ концѣ концовъ, разумѣется, на производительно-рабочее населеніе имѣній, съ котораго она и взыскивалась помѣщиками въ видѣ прибавки къ крестьянскому оброку. Чтобы заплатить подать за дворовыхъ, не лишаясь прежняго дохода, помѣщикъ долженъ былъ прибѣгнуть къ повышенію крестьянскихъ платежей. Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, каждому дѣйствительному плательщику приходилось уплачивать ежегодно количество подати, значительно разнившееся отъ офиціальнаго оклада, падавшаго на душу, такъ какъ къ его платежу за себя лично прибавлялась еще нѣкоторая доля платежа за неплательщиковъ. Между этими дѣйствительными плательщиками и разверстывалась вся сумма подати, приходившаяся на тяглую общину, причемъ размѣры взноса, падавшаго на каждаго отдѣльнаго плательщика, отступая вообще отъ офиціальной нормы душеваго оклада, были неравномѣрны и варьировались въ зависимости отъ его семейнаго и имущественнаго положенія. Внутри общинъ и по введеніи подушной шла та же раскладка, которая происходила тамъ и при прежнемъ подворномъ обложеніи. Въ подтвержденіе мысли о такомъ репартиціонномъ характерѣ подушной можно указать на разверстку ея въ городахъ, гдѣ инструкція магистратамъ предписывала выборной администраціи съ согласія общаго собранія гражданъ «въ подушномъ сборѣ учинить уравненіе по разсмотрѣнію каждаго гражданина въ пожиткахъ состоянія самою сущею правдою безъ лицемѣрія, чтобъ пожиточные и несемейные облегчены, а средніе и бѣдные, и семьянистые отягчены не были». Такое же подтвержденіе можно видѣть и въ другомъ нѣсколь-

ко болѣе позднемъ указѣ, изданномъ въ отвѣтъ на запросъ о раскладкѣ изъ сибирской губерніи и гласившемъ, что «хотя въ той губерніи такъ, какъ и въ прочихъ губерніяхъ, скудные, также и старые, и дряхлые, и малолѣтніе находятся, однакожъ по указамъ безъ платежа подушныхъ денегъ быть имъ невозможно, токмо таковымъ въ платежѣ тѣхъ денегъ надлежитъ верстаться *по землѣ и по тягламъ*, усматривая, чтобъ однимъ передъ другими тягости не было». Въ этихъ выраженіяхъ закона нельзя видѣть попытокъ какихъ-либо нововведеній въ порядокъ раскладки подати внутри тяглыхъ общинъ; они только отражаютъ порядокъ, уже существовавшій на практикѣ. Ко внутреннимъ финансовымъ дѣламъ тяглой общины, къ тому, какъ въ ней устраивается сборъ подати, правительство оставалось довольно равнодушно, такъ какъ его главный интересъ состоялъ лишь въ томъ, чтобы подать была собрана въ полнотѣ и своевременно. Поэтому оно и не брало на себя задачи устраивать порядокъ сбора внутри общины, а предоставляло ему складываться самому, дѣйствовать такъ, какъ онъ дѣйствовалъ и раньше, касаясь его лишь по стольку, по скольку это требовалось аккуратностью сбора. Что дѣло съ раскладкой въ дѣйствительной жизни обстояло именно такъ, какъ того требовали приведенные законодательные акты, свидѣтельствуютъ документы практическаго характера. Вотъ какъ изображаетъ порядокъ раскладки подушной подати, практиковавшійся въ дворцовыхъ и синодальныхъ вотчинахъ вологодской провинціи, донесеніе воеводы этой провинціи Тормасова, представленное имъ въ камеръ-коллегію. «Государственная камеръ-коллегія», пишетъ воевода, «соизволитъ принять въ высокое свое разсужденіе, какъ о томъ всѣмъ есть извѣстно: не всякій крестьянинъ можетъ не токмо за бѣглыхъ и умершихъ, и за малолѣтныхъ дѣтей своихъ сполна по розвытку заплатить, но и за себя одного заплатить не можетъ. И того для, *бываетъ разверстка по тяглу и по промыслу купечества и бываетъ то, что и одинъ за пятьдесятъ душъ платитъ, а съ инаго, видя его скудость и разореніе, доколѣ онъ въ силу войдетъ, и ничего не берутъ*». Обрисовавъ практику, этотъ воевода, одинъ изъ немногихъ, проявившій нѣкоторую иниціативу, хотя и посвященную исключительно фискальнымъ вопросамъ, предлагалъ довести порядокъ разверстки до большей степени совершенства путемъ сосредоточенія подушнаго сбора съ дворцовыхъ и синодальныхъ вотчинъ въ рукахъ ихъ администраціи, т. е. дворцовыхъ «управителей» и «комиссаровъ синодальной команды», которые ближе стоятъ къ населенію, могутъ слѣдить за колебаніями въ положеніи отдѣльныхъ хозяйствъ, за

«ниспаденіемъ и возстаніемъ крестьянъ», какъ онъ выражается, и потому точнѣе «чинить разверстъ» между ними [1]).

Эта раскладка подушнаго налога, конечно, должна была нѣсколько смягчать его тягость, распредѣляя его пропорціонально капиталамъ и рабочимъ силамъ; но несмотря на такое уменьшеніе тягость эта была всетаки очень чувствительна и иногда превосходила средства и силы, на которыя она падала. Нечего и говорить, что при раскладкѣ внутри общинъ могли возникать такія же притѣсненія людей маломочныхъ «пожиточными», какими полна была жизнь этихъ общинъ и ранѣе, тѣмъ болѣе что возможно было толкованіе подушной подати, какъ такой, которая исключаетъ всякую раскладку и которая должна уплачиваться поровну всякой наличной душой независимо отъ ея хозяйственной обстановки. На такіе случаи толкованія, бывавшіе на практикѣ, указываетъ тотъ же вологодскій воевода, замѣчая, что «и то бываетъ, что богатый заплатилъ свое, а о достальныхъ указываетъ на бѣднаго, съ котораго не можно никогда копѣйки взять». Но было въ новомъ податномъ устройствѣ одно условіе, которое даже и при самой строгой и добросовѣстной пропорціональной раскладкѣ налога дѣлало его бремя непосильнымъ и для состоятельныхъ плательщиковъ. Это условіе оказывало свое вліяніе благодаря счетному, а не реальному характеру податной единицы и заключалось въ слишкомъ большой убыли населенія въ тяглыхъ общинахъ сравнительно съ тѣми цифрами, которыя обозначены были въ нихъ переписью и по которымъ

[1]) П. С. З. №№ 3901_8, 4624_{18}, 4737. *Милюковъ*, Госуд. хоз., 693—694. Дѣла камеръ-коллегіи, вязка 23, д. 3: докладъ Тормасова. «И то все оныхъ крестьянъ ниспаденіе и возстаніе», читаемъ далѣе въ этомъ докладѣ, «помянутые командиры сами всегда могутъ видѣть и разверстъ чинить, а отъ воеводскаго правленія того никако видѣть и разверстки чинить немочно, но едино только богатъ ли кто, или убогъ, правятъ равно. Къ тому же и то бываетъ, что богатый заплатилъ свое, а о достальномъ указываетъ на бѣднаго, съ котораго не можно никогда копѣйки взять. И тако оный подушный сборъ никогда въ совершенство придтить не можетъ. Ежели же оный сборъ положенъ будетъ на управителей тѣхъ командъ въ такой силѣ, что имъ прежде всѣхъ сборовъ собравъ подушныя деньги, отдать въ воеводское правленіе и потомъ сбирать и прочіе сборы; а буде не заплатитъ на указный терминъ, то отъ воеводскаго правленія править на помянутыхъ управителяхъ, и тако можетъ оный сборъ порядочнѣе быть, и крестьянство въ разореніе не будетъ приходить. Будетъ же и то подумать, что не одного суть состоянія управители: овіи могутъ назидать и охранять, овіи же расхитить, и на оное есть резонъ: во оныхъ большихъ командахъ всегда бываютъ выборные сотскіе и старосты лучшіе люди, которые до того безчеловѣчія никогда не могутъ допустить».

опредѣлялась сумма налога. Многіе изъ записанныхъ въ перепись умерли. Умершіе не исключались изъ списковъ, но зато въ нихъ не включались и рождавшіеся послѣ подачи сказокъ, съ тѣмъ разсчетомъ, что приростомъ населенія будетъ покрываться его убыль. Если бы причиною этой убыли была одна только смертность, то возможно, что даже и при тѣхъ повышенныхъ размѣрахъ, какіе должна была принять смертность благодаря недороду, разсчетъ на нормальное движеніе населенія съ преобладаніемъ числа рожденій надъ числомъ смертей оказался бы правильнымъ и привелъ бы къ облегченію плательщиковъ, когда ихъ число оказалось бы больше ревизскаго. Естественнымъ приростомъ населенія покрылись бы и тѣ вычеты изъ его состава, которые производились другими обстоятельствами, помимо смерти, какъ то: наборами въ рекруты и работники, ссылкой и пр. Но при разсчетѣ отношенія между числомъ ревизскихъ и числомъ наличныхъ душъ не было принято во вниманіе дѣйствіе еще одной причины убыли населенія, которое и измѣняло это отношеніе въ неблагопріятную для числа наличныхъ душъ сторону, чрезмѣрно увеличивая число убылыхъ. Это былъ крестьянскій побѣгъ, въ тяжелые годы царствованія Петра принявшій особенно увеличенные размѣры. Крестьянскій побѣгъ съ сѣвера и изъ центра представлялъ изъ себя обратную сторону въ фактѣ колонизаціи незаселенныхъ южныхъ и юговосточныхъ пространствъ. Будучи благотворнымъ явленіемъ для тѣхъ мѣстностей, куда шелъ приливъ населенія, онъ сопровождался хозяйственнымъ разореніемъ для тѣхъ мѣстностей, откуда происходилъ отливъ. Присоединяясь въ качествѣ могущественнаго фактора къ другимъ причинамъ убыли населенія, онъ давалъ ей перевѣсъ надъ его приростомъ, а результатомъ этого превышенія убыли населенія надъ прибылью было слишкомъ невыгодное несоотвѣтствіе между ревизскимъ числомъ душъ и ихъ наличнымъ числомъ, принужденнымъ платить за ревизское. Притомъ побѣгъ уносилъ обыкновенно наиболѣе молодыя, здоровыя и работоспособныя силы, сокращая еще болѣе число дѣйствительныхъ плательщиковъ, которое и безъ того было значительно меньше общаго числа наличныхъ душъ.

На убыль населенія и жалуются современники, какъ на главную причину тяжести подушной. Въ дистриктѣ одного изъ полковъ, расположеннаго въ устюжскомъ и сольвычегодскомъ уѣздахъ, обыватели дистрикта, «деревенскіе владѣльцы», а также представители плательщиковъ налога въ лицѣ старостъ и сотскихъ черныхъ земель и стряпчихъ синодальныхъ вотчинъ, собравшіеся въ 1726 г. на полковой дворъ, ставшій центромъ и пріютомъ для подобнаго рода земскихъ собраній,

изобразили положеніе податнаго дѣла въ дистриктѣ въ такомъ свѣтѣ: въ числѣ душъ, записанныхъ въ перепись, обнаружилась значительная убыль; оказалось большое число умершихъ, бѣглыхъ и взятыхъ въ рекруты. Ревизскіе списки страдали неточностью, въ нихъ иногда включались по два раза однѣ и тѣ же души, чѣмъ ощутительно для плательщиковъ увеличивался размѣръ оклада. Наконецъ, въ тяглыхъ общинахъ накопился значительный осадокъ неспособныхъ къ платежу налога элементовъ, податнаго балласта, повышавшаго бремя подати для дѣйствительныхъ плательщиковъ, которымъ приходилось брать на себя чужія доли. Сюда относились неработоспособные по возрасту или болѣзни люди: малолѣтнія сироты, престарѣлые, дряхлые и слѣпые и пролетаріатъ: бездворные бобыли, неимѣющіе домовъ и пашенныхъ земель солдатскія дѣти, нищіе, словомъ, всѣ тѣ бездомные люди, «которые», по выраженію съѣзда, «не токмо за себя подушнаго семигривеннаго такожъ и четырехгривеннаго сборовъ денегъ платить, но и пропитанія себѣ имѣть не могутъ, а скитаются межъ дворы и питаются отъ мірскаго подаянія Христовымъ именемъ, а прочіе живутъ въ тѣхъ же волостяхъ при погостахъ въ богадѣльняхъ и питаются отъ мірскаго подаянія». За всѣ эти выбылыя и неналогоспособныя души приходилось расплачиваться крестьянамъ, которые, какъ заявляло собраніе, «не токмо за оныхъ, но и за себя за недородомъ хлѣба и за совершенною скудостью ни по которой мѣрѣ платить не могутъ», тѣмъ болѣе, что имъ пришлось еще платить штрафъ за прописку душъ, налагавшійся на цѣлыя общины и платимый также по разверсткѣ. Тѣ же картины и въ другихъ сѣверныхъ дистриктахъ. Питершанскій полкъ былъ расположенъ въ устюжскомъ и тотемскомъ уѣздахъ и въ устьянскихъ волостяхъ на 30.381 душу. Изъ этого числа къ 1727 г. умерло—3644, было взято въ рекруты—396, бѣжало—1054 и выбыло отъ другихъ причинъ—12, всего—5106, и въ дистриктѣ полка оставалось наличныхъ душъ—25.275, въ числѣ которыхъ, разумѣется, было много неналогоспособныхъ. На тобольскій драгунскій полкъ въ орловской провинціи было положено 60.223 души. Къ 1726 г. ихъ осталось въ наличности уже только 55.845. На три полка, расположенные въ вологодской провинціи: хотяинцевъ, перновскій и островскій было назначено всего 86.229 душъ. Изъ этого числа къ 1727 г. умерло 13.481, (15,6%), бѣжало 8.884 (10,3%), было взято въ рекруты 573 (0,6%), постриглось въ монахи 2, осуждено было на каторгу и смерть 16 и выбыло отъ разныхъ другихъ причинъ 84, а всего убыло 23.040 (27%), и полки должны были содержаться только съ 63.189 душъ. Изъ этихъ цыфръ можно видѣть, что въ ряду причинъ убыли населенія на сѣверѣ крестьянскій по-

бѣгъ занимаетъ второе мѣсто послѣ смерти. Въ результатѣ въ дистриктахъ этихъ трехъ полковъ накопилась огромная недоимка, и вологодскій воевода разсчитывалъ, что если разложить платежъ этой недоимки на всѣ наличныя души, то придется по 1 р. 41 коп. на каждую, а если распредѣлить его только между недоимщиками, что казалось справедливѣе, то на каждаго пришлось бы по 3 рубля слишкомъ, количество, какъ увѣрялъ воевода, совершенно невозможное для взысканія. «Отъ 1719 г. по нынѣшній 1725 годъ», докладывалъ сенатъ Екатеринѣ, «въ разные поборы взято въ рекруты болѣе 70.000 человѣкъ, столько же въ тѣ шесть лѣтъ умершихъ, какъ натуральною смертью, такъ и отъ хлѣбнаго недороду, также бѣглыхъ и написанныхъ въ окладъ старыхъ, дряхлыхъ, увѣчныхъ и сущихъ младенцевъ, отъ которыхъ никакой нѣтъ работы, токмо требуютъ хлѣба, а за всѣхъ тѣхъ вышеписанныхъ подушныя деньги правятъ на наличныхъ. Отъ такого несноснаго имъ отягощенія пришли въ крайнюю нищету и необходимо принуждены побѣгами другъ за другомъ слѣдовать, и многія тысячи уже за чужія границы побѣжали, и никакими крѣпкими заставы удержать отъ того не можно». О томъ же свидѣтельствовалъ въ своей запискѣ и генералъ-прокуроръ Ягужинскій. «Множество бѣгутъ», читаемъ мы въ ней, «за рубежъ польскій и въ башкиры, чему и заставы не помогаютъ, и такой послѣ расположенія полковъ на квартиры въ душахъ ущербъ является, что въ одномъ вологодскомъ полку, который расположенъ въ казанской губерніи убыло слишкомъ 13.000 душъ, изъ которыхъ показано умершихъ—8000, бѣглыхъ—3000, взятыхъ въ солдаты—340, а прочія вдвое написаны и вывезены бѣглые на прежнія жилища. Да изъ той же губерніи пишетъ бригадиръ Фамендинъ, что изъ опредѣленнаго числа душъ на тамошній гарнизонный полкъ (не упоминая о умершихъ и взятыхъ въ солдаты) бѣжало въ башкиры 2043 души. И понеже въ одномъ и другомъ мѣстѣ такіе случаи показались, то, безъ сумнѣнія, во всѣхъ армейскихъ и гарнизонныхъ во 128 полкахъ, которые на души положены, не безъ ущербу». Предположенія Ягужинскаго, выведенныя изъ наблюденій надъ двумя дистриктами, оправдывались на дѣлѣ въ болѣе широкомъ масштабѣ. Въ 1727 г. въ камеръ-коллегіи были собраны статистическія свѣдѣнія относительно убыли населенія въ дистриктахъ 61 полка, давшія такіе общіе итоги. Всего положено было на эти полки 2.529.880 душъ. «Изъ этого числа», пишетъ коллегія, «померло, бѣжало, взятыхъ въ рекруты, въ плотники, въ матросы, въ ландъ-милицію, вывезенныхъ на прежнія жилища, живущихъ въ другихъ дистриктахъ и числящихся въ двойномъ окладѣ, по именнымъ книгамъ написано, а жительства ихъ не явилось (неточ-

ности переписи), слѣпыхъ, дряхлыхъ и прочихъ тому подобныхъ—325.885. Затѣмъ въ остаткѣ 2.203.995 душъ... А ежели изъ другихъ кромѣ оныхъ, а именно отъ достальныхъ 68 полковъ, отъ которыхъ репортовъ не прислано, покажутъ такую жъ выбыль, и за оныхъ выбылыхъ на полковыя дачи недостанетъ многая сумма, и полки удовольствовать за такихъ убылыхъ будетъ не изъ чего. А ежели такую немалую сумму собирать на оставшихъ наличныхъ, и отъ той тягости и изъ достальныхъ могутъ быть бѣглые, отъ чего и паче въ сборахъ сверхъ вышеписаннаго будетъ многая убыль». Правда въ эти представленныя камеръ-коллегіей сенату цыфры не внесены были младенцы, родившіеся послѣ подачи сказокъ въ 1719 г., но къ 1727 г. и старшіе изъ этихъ младенцевъ достигали всего только восьмилѣтняго возраста [1]).

IV.

Печальное положеніе народнаго хозяйства и недоборы подати, опрокидывавшіе весь новый порядокъ содержанія арміи, вызвали тревогу въ правительствѣ Екатерины, признававшемся, что несмотря на неусыпное прилежаніе и труды покойнаго императора, всетаки «едва ли не всѣ дѣла, какъ духовныя, такъ и свѣтскія въ худомъ порядкѣ находятся и скорѣйшаго поправленія требуютъ.., что не токмо крестьянство, на которое содержаніе войска положено, въ великой скудости обрѣтается и отъ великихъ податей и непрестанныхъ экзекуцій, и другихъ непорядковъ въ крайнее и всеконечное разореніе приходитъ, но и прочія дѣла, яко коммерція, юстиція и монетные дворы, весьма въ разоренномъ состояніи обрѣтаются». Съ первыхъ же дней новаго царствованія стали приниматься и мѣры къ устраненію обозначенныхъ выше явленій. Почти тотчасъ же по восшествіи на престолъ Екатерины былъ убавленъ съ 74 до 70 коп. подушный окладъ. Затѣмъ слѣдовало обсужденіе вопросовъ о причинахъ народной тягости и о способахъ выхода изъ затруднительнаго положенія, объ облегченіи податнаго бремени и о возможномъ сокращеніи расходовъ. Какъ на при-

[1]) Дѣла камеръ-коллегіи, вязка 19, д. 1, л. 24—37, 56—61; вязка 23, д. 3. Дѣла орловской пров. канц. № 1592. Чт. О. И. Др. 1897, II, смѣсь, стр. 30—31; 1860, IV, смѣсь, записка Ягужинскаго. Цыфровыя данныя взяты Ягужинскимъ изъ доношенія бригадира фонъ-Менгдена, переписчика казанской и астраханской губерній. Ср. П. С. З. № 4733. Дѣл. сен. кн. 225, л. 600.

чины тягости стали при этомъ обсужденіи указывать на тѣ или иныя части реформы Петра, какъ на средство выхода изъ труднаго положенія указывалось на перемѣны въ томъ или другомъ устройствѣ, введенномъ реформой. Такимъ образомъ, началась критика реформы, сперва довольно робкая, желавшая дальнѣйшаго развитія плановъ преобразователя и видѣвшая причину бѣды именно въ томъ, что эти планы остались неосуществленными. Критика затѣмъ становится болѣе рѣшительной, указываетъ на необходимость отмѣны тѣхъ или другихъ нововведеній Петра, ссылаясь при этомъ на его же авторитетъ и припоминая иногда высказанное имъ самимъ сознаніе ошибки. Еще шагъ далѣе, и она требуетъ радикальной перестройки многаго созданнаго реформой, усваиваетъ реакціонное направленіе и кончаетъ восхваленіемъ стараго дореформеннаго порядка. Весь этотъ путь былъ пройденъ менѣе чѣмъ въ два года, и быстрота реакціи соотвѣтствовала въ этомъ случаѣ быстротѣ реформы.

Вскорѣ послѣ смерти Петра составилъ свою записку, о которой не разъ уже приходилось упоминать, любимецъ его въ послѣдніе годы, пользовавшійся его наибольшимъ довѣріемъ, генералъ-прокуроръ П. И. Ягужинскій. Записка эта дѣлится на двѣ части, изъ которыхъ первая указываетъ на внутреннюю опасность государства, отмѣчая недостатки его экономическаго состоянія и административнаго строя, вторая посвящена внѣшней опасности, т. е. вопросамъ, касавшимся международнаго положенія Россіи. Обрисовавъ мрачными чертами разстройство народнаго хозяйства вслѣдствіе неурожаевъ и тяжелаго податнаго устройства, авторъ предлагаетъ проектъ, направленный къ предотвращенію внутренней опасности, въ которомъ имѣетъ въ виду частію повтореніе, а частію продолженіе и развитіе мѣръ, предпринятыхъ, но не доведенныхъ до конца преобразователемъ и, такимъ образомъ, всецѣло отправляется отъ исходной точки реформы Петра. Чтобы облегчить крестьянскій классъ въ тяжелое время, онъ предлагаетъ, не мѣняя податнаго устройства, сдѣлать новую убавку подушнаго оклада—«нѣчто еще подушныхъ денегъ убавить» [1]), и привести податную тягость въ большее соотвѣтствіе съ платежными силами подданныхъ. Для сокращенія расходовъ онъ рекомендуетъ мѣры, къ ко-

[1]) Это предложеніе даетъ возможность ближе опредѣлить время составленія записки, не имѣющей никакой даты; очевидно, что она составлена послѣ указа 8 февр. 1725 г., убавившаго окладъ до 70 коп., но до составленія сенатскаго доклада (Чт. О. И. Др. 1897, II, смѣсь), который относится къ началу октября 1725 г. и, несомнѣнно, возбужденъ этою запискою.

торымъ уже прибѣгалъ Петръ: во-первыхъ, временное сокращеніе жалованья военнымъ чинамъ—средство, испытанное правительствомъ и раньше и возведенное въ общее правило указомъ 9 февраля 1723 г. Другое средство, проектированное Ягужинскимъ для сокращенія расходовъ, былъ отпускъ служилаго шляхетства по домамъ по очереди. Авторъ прямо ссылается при этомъ на практику Петра, который, по его словамъ, «изволилъ опредѣлить отпускать шляхетство и прочихъ, которые вотчины имѣютъ по перемѣнамъ въ домы», и видитъ двоякую пользу отъ такихъ отпусковъ: экономію для казначейства, такъ какъ отпускаемые не будутъ получать жалованья, и выгоду для домашняго хозяйства благодаря личному надзору за нимъ помѣщиковъ. Но въ этой мѣрѣ онъ идетъ нѣсколько дальше Петра и высказываетъ пожеланіе, чтобы хотя одинъ изъ «кадетовъ» оставлялся постоянно въ домѣ для хозяйства, отчего предвидитъ большее попеченіе о крестьянахъ и большую аккуратность въ поступленіи государственныхъ сборовъ, — мысль, которая впослѣдствіи нашла себѣ осуществленіе въ указѣ 31 дек. 1736 г., разрѣшившемъ одному изъ сыновей служилой семьи оставаться при домѣ и не поступать на службу. Относительно улучшеній въ администраціи Ягужинскій возлагалъ большія надежды на усиленіе контроля надъ нею,—точка зрѣнія, которой держался и Петръ. Онъ проситъ привести въ исполненіе мысль Петра о посылкѣ по областямъ ревизующихъ сенаторовъ, вооруженныхъ самыми широкими полномочіями, утверждая, что безъ такихъ ревизій «ни страху, ни порядку въ провинціяхъ не будетъ». Спеціально для контроля сборовъ онъ предлагаетъ возстановить вмѣсто несамостоятельной ревизіонъ-конторы при сенатѣ прежнюю ревизіонъ-коллегію, какъ учрежденіе болѣе авторитетное. Наконецъ, высказывая такой физіо-меркантилистическій общій взглядъ, что каждое государство «на двухъ подпорахъ содержится, т. е. отъ земли и коммерціи», онъ настаиваетъ на необходимости особеннаго попеченія о второй, также составлявшей предметъ усиленныхъ заботъ Петра. Итакъ, проектъ Ягужинскаго касается уменьшенія налога, сокращенія расходовъ, усиленія контроля и поднятія торговли, какъ источника доходовъ. За исключеніемъ ревизіонъ-коллегіи авторъ ни слова не говоритъ о какихъ-либо перемѣнахъ въ учрежденіяхъ и желаетъ только исправленія и болѣе совершеннаго дѣйствія уже существующихъ. Всѣ свои доводы онъ подкрѣпляетъ указаніемъ на дѣйствія или намѣренія Петра, къ которому онъ проникнутъ благоговѣніемъ и извѣстную рѣчь котораго къ министрамъ, сказанную 22 окт. 1721 г. въ троицкомъ соборѣ во время празднова-

нія ништадтскаго мира, онъ цитируетъ «съ немалымъ ужасіемъ и страхомъ» въ заключеніе своей записки [1]).

Тѣ же вопросы, возбужденные по иниціативѣ генералъ-прокурора, обсуждались осенью 1725 г. и въ сенатѣ, причемъ матеріаломъ для обсужденія послужили донесенія отъ офицеровъ расположенныхъ по дистриктамъ войскъ въ военную коллегію и такія же донесенія, поступившія отъ земскихъ комиссаровъ въ камеръ-коллегію. Сенатъ, усмотрѣвъ «конечныя невозможности» въ положеніи крестьянства, рѣшилъ представить императрицѣ особый докладъ, который и былъ подписанъ 13 октября. Въ этомъ докладѣ поддерживалась мысль генералъ-прокурора о сбавкѣ подушной подати, но сенатъ сдѣлалъ и дальнѣйшія предложенія, указывая точный размѣръ убавки, именно до 60 коп., и совѣтуя въ теченіе 1726 г. предпринять провѣрку переписныхъ вѣдомостей съ цѣлью исключенія оттуда всѣхъ выбылыхъ душъ съ тѣмъ, чтобы съ 1727 г. брать подать уже только съ наличныхъ и опять въ прежнемъ семигривенномъ окладѣ. Эта поправка переписи, родъ стариннаго «дозора», должна была по проекту сената быть произведена офицерами расположенныхъ полковъ совмѣстно съ земскими комиссарами. Къ мнѣніямъ генералъ-прокурора сенатъ присоединился также и по вопросу о сокращеніи расходовъ, предлагая выдавать жалованье генералитету и офицерамъ по старой табели 1712 года, отличавшейся меньшими размѣрами окладовъ сравнительно съ новой, составленной въ 1720 году и поддерживая съ своей стороны мысль объ отпускѣ по домамъ двухъ третей всего состава офицеровъ и рядовыхъ помѣщиковъ, въ чемъ сенатъ также видѣлъ большія выгоды, какъ для крестьянскаго, такъ и для помѣщичьяго хозяйства, такъ какъ отпущенные помѣщики получили бы возможность «крестьянамъ помощь и исправленіе показать и стараться, чтобъ въ доброе состояніе привесть въ заводѣхъ лошадей и скота и въ распашкѣ и въ удабриваніи земли». Но и въ этомъ вопросѣ о сокращеніи расходовъ сенатъ шелъ дальше генералъ-прокурора и предложилъ сократить комплектъ арміи, уменьшивъ численный составъ драгунскихъ и пѣхотныхъ полковъ. Кромѣ облегченія казначейству эта мѣра, по мнѣнію сената, должна была благодѣтельно отозваться на населеніи, такъ какъ ея послѣдствіемъ могла бы быть отмѣна предположеннаго на 1726 г. рекрутскаго набора въ количествѣ 23 тысячъ человѣкъ. Народъ былъ бы избавленъ, разсуждалъ сенатъ, отъ убытковъ, сопряженныхъ съ

[1]) Сборникъ отдѣл. русскаго яз. и словесности т. IX, 85. П. С. З. №№ 4650, 4163. Чт. О. И. Др. 1860, IV, записка Ягужинскаго.

поставкой рекрутъ, въ средѣ населенія осталось бы «многотысячное число» производительныхъ работниковъ, и оставшимся не пришлось бы платить подушную подать за взятыхъ. Наконецъ, сенатъ предложилъ и еще болѣе радикальную мѣру. Онъ высказался за необходимость отмѣны введеннаго Петромъ расквартированія войскъ по дистриктамъ, находя это расквартированіе слишкомъ тяжелымъ для крестьянства и вреднымъ для арміи. Въ качествѣ мотивовъ, которыми подкрѣплялась послѣдняя мысль, приводились: невозможность дѣйствительнаго надзора за солдатами, когда полкъ растянутъ на 50 и на 100 верстъ, затрудненія въ командованіи полкомъ и обученіи его, такъ какъ не легко было быстро собирать полкъ, а иногда, во время разливовъ рѣкъ, и совсѣмъ невозможно. Въ качествѣ основаній для мысли о тяжести расквартированія для крестьянъ сенатъ указывалъ на трудность для нихъ въ случаѣ обидъ отъ военныхъ находить правосудіе, такъ какъ крестьянинъ принужденъ былъ бы отрываться отъ работъ и предпринимать далекую поѣздку на полковой дворъ, рискуя притомъ и не получить удовлетворенія. Указывалась также обременительность самой постройки полковыхъ дворовъ. Вмѣсто расквартированія войскъ по уѣздамъ сенатъ проектировалъ поселить ихъ въ городахъ, указывая, какъ на удобства и выгоды такого порядка, на быстроту сбора, на легкость передачи команды и осуществленія надзора, на развитіе торговли въ городахъ, на увеличеніе таможенныхъ и питейныхъ доходовъ. Выступать съ такимъ предложеніемъ значило уже прямо заносить руку противъ учрежденій Петра, которыя всего болѣе занимали его мысль въ послѣдніе годы его жизни, на которыя ему пришлось потратить столько энергіи и труда. Но сенатъ ссылался въ своемъ докладѣ на тотъ же авторитетъ преобразователя и разоблачилъ намъ сознаніе неудобствъ предпринятаго расположенія арміи, высказанное имъ самимъ: «а о расположеніи полковъ въ городѣхъ», читаемъ мы въ сенатскомъ докладѣ, «что лучшая польза быть могла, нежели въ уѣздахъ, его императорское величество самъ не однажды разсуждать изволилъ, токмо то для нѣкотораго сомнѣнія отмѣнилось».

Свои соображенія, касавшіяся военнаго дѣла, сенатъ нашелъ необходимымъ передать на разсмотрѣніе военныхъ специалистовъ—«генералитета и штаба», и, дѣйствительно, его докладъ поступилъ на обсужденіе особой комиссіи генераловъ, собранной при военной коллегіи. Допуская возможность временнаго пониженія подушнаго оклада въ цыфрѣ, предложенной сенатомъ и соглашаясь и съ сокращеніемъ жалованья военнымъ чинамъ съ тѣмъ однако, чтобы эта мѣра распространена

была также и на чины морскіе и статскіе, и съ отпускомъ $^2/_3$ офицеровъ и солдатъ помѣщиковъ по деревнямъ подъ условіемъ взятія съ нихъ даточныхъ, военные авторитеты высказались рѣшительно противъ сокращенія комплекта полковъ, находя, что «крѣпость государства вся въ сухопутной и морской арміи состоитъ». Точно такъ же рѣшительно они объявили себя противниками новой ревизіи переписи, которую проектировалъ сенатъ, справедливо обращая вниманіе на тягость этого дѣла для народа. Новая ревизія, по мнѣнію комиссіи, будучи поручена офицерамъ и земскимъ комиссарамъ, не можетъ быть произведена такъ скоро, какъ разсчитывалъ сенатъ, когда и первая ревизія, предпринятая съ большою тщательностью, въ иныхъ мѣстахъ не была еще окончена. Вмѣсто сложной и громоздкой операціи, какою неизбѣжно должна была быть новая провѣрка переписи, комиссія предложила рѣшить дѣло болѣе просто и по военному, а именно: выяснить причины, отчего такая громадная недоимка запущена за 1724 и 1725 годы, отъ совершенной ли народной нужды и пустоты, или отъ «слабости» комиссаровъ и упрямства плательщиковъ. Тамъ, гдѣ она оказалась бы слѣдствіемъ первой причины, освидѣтельствовать размѣры этой нужды и пустоты черезъ полковниковъ и земскихъ комиссаровъ подъ надзоромъ генераловъ, которые отправлялись изъ военной коллегіи для ревизіи отношеній полковыхъ начальствъ къ провинціальной администраціи. Тамъ, гдѣ причиной недоимки оказалась бы слабость сборщиковъ и упрямство плательщиковъ, подвергнуть первыхъ суду и штрафу, а съ вторыхъ взыскивать недоимку правежомъ. Выгоды такого рѣшительнаго образа дѣйствій комиссія резюмировала такъ: во-первыхъ, приведена будетъ въ извѣстность крестьянская пустота; во-вторыхъ, сборщикамъ и плательщикамъ «дастся страхъ», который заставитъ ихъ быть аккуратнѣе. Не остался безъ возраженія и проектъ сената о переводѣ полковъ въ города. Генералитетъ опасался, что эта мѣра будетъ обременительна для населенія, такъ какъ придется бросать уже построенные полковые дворы въ уѣздахъ и строить ихъ съ большими издержками въ городахъ, указывалъ далѣе на несправедливость относительно жителей городовъ, на которыхъ однихъ падетъ вся тяжесть военнаго постоя и на опасность для уѣздовъ, послѣ того какъ войска, обязанныя ловить разбойниковъ и воровскихъ людей, оттуда удалятся. Съ особымъ мнѣніемъ выступилъ также приглашенный въ составъ комиссіи будущій фельдмаршалъ Минихъ. Исходя изъ тѣхъ общихъ соображеній, что отъ войска зависитъ прочность верховной власти и безопасность государства отъ враговъ внѣшнихъ, онъ желалъ не только не уменьшенія, но даже увеличенія численности вой-

ска, такъ какъ отъ одного слуха объ уменьшеніи комплекта или объ убавкѣ жалованья произойдетъ пониженіе кредита и значенія, которыми уже пользуется Россія. Считая возможнымъ достигнуть сбереженій путемъ отпуска офицеровъ, сокращенія гарнизоновъ, расквартированія арміи въ мѣстностяхъ съ дешевымъ провіантомъ, онъ совѣтовалъ убавить въ то же время налоги и находилъ эту мѣру особенно полезной для начала царствованія по тому впечатлѣнію, которое она могла произвести на народъ. Онъ ждалъ, наконецъ, подъема благосостоянія отъ развитія торговли и какъ на могущественное средство для этого развитія указывалъ на свое любимое дѣтище — ладожскій каналъ, для дальнѣйшихъ работъ на которомъ требовалъ усиленныхъ рессурсовъ [1]).

Такъ, въ запискѣ Ягужинскаго, въ докладѣ сената и въ работахъ комиссіи генераловъ былъ намѣченъ рядъ мѣръ къ поднятію разстроеннаго народнаго хозяйства и къ улучшенію финансовъ. Эти мѣры должны были заключаться съ одной стороны въ уменьшеніи бремени подушной подати и переустройствѣ ея взиманія, съ другой въ сокращеніи государственныхъ расходовъ. Докладъ комиссіи генераловъ помѣченъ 18 января 1726 г. Въ февралѣ этого года возникаетъ новое высшее государственное учрежденіе, верховный тайный совѣтъ, и въ немъ втеченіе всего года время отъ времени возбуждается вопросъ о народныхъ тягостяхъ и о средствахъ ихъ облегченія. 6 мая 1726 г. въ журналѣ совѣта записано, что «разсужденіе было о показаніи къ народу милосердія въ сбавкѣ подушныхъ денегъ», причемъ было постановлено справиться о рѣшеніи этого вопроса въ сенатѣ. Въ іюнѣ совѣтъ опять возвращается къ народнымъ тягостямъ въ платежѣ подушныхъ денегъ, «отчего крестьяне пришли во всеконечную скудость», и разсуждаетъ, что «ежели какого поправленія нынѣ имъ не показать, то впредь въ непоправляемое бѣдство придтить могутъ». Такія же отмѣтки въ сентябрьскихъ и октябрьскихъ журналахъ совѣта. 4 ноября совѣтъ «имѣли разсужденіе, каковымъ бы образомъ учинить поселянамъ въ сборѣ подушныхъ денегъ облегченіе, ибо до того дойдетъ, что взять будетъ не съ кого, понеже оные отъ тягостныхъ податей бѣгутъ за рубежъ въ Польшу, въ башкиры и въ дальніе сибирскіе городы». Разсуждали о сбавкѣ по 12 или по 20 коп. съ души. Вѣро-

[1]) Чт. О. И. Др. 1897, II, смѣсь, стр. 29—34: докладъ сената; стр. 34—40: мнѣніе комиссіи генераловъ. Въ составъ комиссіи, судя по подписямъ, вошли генералы: Фаминцынъ, Блеклой, Вяземскій, Вилимъ Ферморъ, Корчминъ. И. Шуваловъ, П. Воейковъ, А. Волковъ; стр. 41—42: мнѣніе Миниха.

ятно, исполняя мысль Ягужинскаго, также высказанную имъ въ его запискѣ, Екатерина потребовала отъ членовъ совѣта и отъ нѣкоторыхъ другихъ сановниковъ письменныхъ мнѣній по возбужденнымъ вопросамъ. Такія мнѣнія подали: Меньшиковъ, Остерманъ, Головкинъ, Д. М. Голицынъ, Апраксинъ, герцогъ Голштинскій, Волковъ и кабинетъ-секретарь Петра Макаровъ, вѣроятно, въ концѣ 1726 г. Въ началѣ слѣдующаго 1727 года изъ нихъ былъ составленъ обширный сводъ, причемъ принятъ былъ во вниманіе и разсмотрѣнный выше докладъ сената; этотъ сводъ, облеченный въ форму проекта манифеста отъ 9 янв. 1727 г., вновь подвергся обсужденію по статьямъ въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, который по нѣкоторымъ статьямъ постановлялъ приговоры о способахъ ихъ исполненія, по другимъ приговаривалъ войти вновь съ докладомъ къ императрицѣ или полнѣе выяснить дѣло путемъ дальнѣйшихъ справокъ, потребовавъ мнѣнія сената и коллегій. Нѣкоторыя статьи были приняты единогласно, относительно другихъ голоса раздѣлились и рѣшить вопросъ, очевидно, должна была императрица. Манифестъ 9 января въ его цѣломъ видѣ опубликованъ не былъ, но въ февралѣ 1727 г. отдѣльныя его статьи приводились въ исполненіе, какъ увидимъ ниже, особыми указами [1]).

И въ поданныхъ сановниками письменныхъ мнѣніяхъ, и въ манифестѣ 9 янв. 1727 г., и при его обсужденіи въ верховномъ тайномъ совѣтѣ—вопросъ о подушной подати занялъ видное мѣсто. Всѣ были согласны, что подать была чрезмѣрно тяжела, но относительно податной реорганизаціи мнѣнія раздѣлились. Герцогъ Голштинскій считалъ необходимымъ ввести въ устройство подушной подати два ограниченія: во-первыхъ, зачислять въ подушный окладъ податное населеніе только въ извѣстномъ, работоспособномъ періодѣ жизни, именно въ возрастѣ

[1]) Сб. И. О. Журналы и протоколы В. Т. С. LV, 268, 377; LVI, 107, 261, 324. Манифестъ 9 янв. 1727 г. напечатанъ въ Сборн. отд. русск. языка и словесности Импер. Акад. Наукъ т. IX, стр. 81—108. При сравненіи его съ письменными мнѣніями, которыя подали отдѣльные сановники, содержаніе которыхъ изложено Соловьевымъ въ XVIII т. Исторіи Россія, стр. 289—294, изд. 1884 г., легко замѣтить, что мнѣніе Меньшикова почти цѣликомъ вошло въ §§ 1, 2, 3, 4, 5, 7 манифеста. Въ § 2 вошли также статьи изъ мнѣній Апраксина и герцога Голштинскаго; конецъ § 5 принадлежитъ Головкину и кн. Голицыну; § 6 взятъ изъ сенатскаго доклада; § 12 о возстановленіи ревизіонъ-коллегіи, вѣроятно, изъ записки Ягужинскаго. Въ манифестѣ за вычетомъ этихъ мнѣній, есть и нѣкоторый самостоятельный элементъ, напр.: предложеніе учредить комиссію для пересмотра податей.

отъ 10 до 60 лѣтъ, причемъ онъ ссылался на примѣръ Швеціи [1]; во-вторыхъ, установить опредѣленный срокъ для платежа тяглой общины за бѣглыхъ ея членовъ, по истеченіи котораго этотъ обременительный платежъ долженъ былъ бы прекращаться. Меньшиковъ для облегченія подати выступилъ съ другимъ планомъ. Онъ проектировалъ отсрочить начало ея взиманія до сентября 1727 г., первыя же двѣ трети этого года посвятить на взысканіе недоимокъ прошлыхъ лѣтъ. Съ нимъ не соглашались Апраксинъ, Головкинъ и Толстой и возражали противъ отсрочки, напоминая, что указы о ней въ отдаленныя провинціи придутъ только въ мартѣ, послѣ того уже, какъ взиманіе первой трети будетъ тамъ закончено; они сами предлагали пониженіе подушнаго оклада на $1/3$. Но манифестъ заранѣе объявлялъ пониженіе оклада невозможнымъ. Не допуская сокращенія государственныхъ доходовъ, манифестъ прибѣгалъ къ сокращенію расходовъ и провозглашалъ необходимость пересмотра военныхъ штатовъ и улучшенія податной организаціи. Для каждаго изъ этихъ двухъ послѣднихъ дѣлъ манифестъ проектируетъ назначить по особой комиссіи вродѣ той, которая уже была учреждена для разсмотрѣнія вопроса о коммерціи. Первая комиссія должна была состоять изъ генералитета и флагмановъ съ присоединеніемъ къ нимъ одного члена верховнаго тайнаго совѣта, одного сенатора и, затѣмъ, президента и нѣсколькихъ членовъ камеръ-коллегіи. Въ составъ второй должны были войти, кромѣ члена верховнаго тайнаго совѣта и сенатора, еще по нѣскольку человѣкъ изъ знатнаго шляхетства и изъ «посредственныхъ персонъ» всякаго чина. Ея задачей былъ бы полный и всесторонній пересмотръ податнаго устройства. Комиссія должна была установить единицу обложенія, причемъ могла или оставить существующую—душу, или вернуться къ старой—двору, или избрать еще какую-либо новую. Комиссія должна была также установить размѣръ новаго оклада, причемъ ей предоставлялось разнообразить норму оклада по мѣстностямъ, принявъ во вниманіе различіе ихъ хозяйственныхъ условій. Въ этомъ вниманіи къ различію хозяйственныхъ условій въ разныхъ мѣстностяхъ, которое совершенно игнорировалось податною реформою Петра, замѣтно сознаніе главнаго недостатка этой реформы и стремленіе его исправить. Съ большимъ оптимизмомъ смотрѣлъ манифестъ на дѣятельность будущей комиссіи, вмѣняя ей въ обязанность закончить работы непремѣнно къ сентябрю 1727 г. съ тѣмъ, чтобы съ этого мѣсяца начать взиманіе по вновь установлен-

[1] Такіе предѣлы возраста для плательщиковъ были уже приняты въ азовской губ. вице-губернаторомъ Колычевымъ еще въ 1715 г. См. глава пятая, I.

нымъ единицамъ и окладамъ. Предлагаемыя манифестомъ мѣры нашли себѣ практическое осуществленіе. Взиманіе подушной за майскую треть было отсрочено до сентября (первая треть была уже собрана), и были назначены военная и податная комиссіи, послѣдняя подъ предсѣдательствомъ кн. Д. М. Голицына. Вопреки ожиданіямъ манифеста она не окончила своихъ работъ не только къ сентябрю 1727, но и къ 1730 г., времени паденія Голицына, и подать продолжала собираться по старой единицѣ и окладу [1]).

Что касается до другаго пути къ приведенію въ равновѣсіе бюджета, именно до сокращенія государственнаго расхода, то и во мнѣніяхъ членовъ верховнаго тайнаго совѣта, и въ манифестѣ 9 янв. 1727 г., и затѣмъ при его обсужденіи были затронуты тѣ же мѣры, которыя ранѣе дебатировались въ сенатѣ. Гр. Апраксинъ предлагалъ сдѣлать вычетъ изъ жалованья офицеровъ, ссылаясь на прецедентъ 1723 г. Противъ этого предложенія при обсужденіи манифеста 9 января возражалъ Меньшиковъ, находившій, что русскому офицерству жалованье дается въ несравненно меньшихъ размѣрахъ сравнительно съ офицерствомъ западно-европейскихъ армій, та часть его, которая не имѣетъ помѣстій, «пробавляется съ немалою нуждою, приходитъ въ конечное мизерство,—и всякій можетъ разсудить, какой службы можно ожидать отъ офицера, живущаго въ такой бѣдности и не имѣющаго въ пропитаніи куража». Упорный защитникъ интересовъ арміи, кн. Меньшиковъ предлагалъ вмѣсто вычета изъ жалованья или убавки его размѣровъ для военныхъ пересмотрѣть штаты гражданскаго управленія. Это мнѣніе и получило перевѣсъ. Отчасти на практикѣ уже ранѣе правительство прибѣгло къ сокращенію жалованья гражданскимъ чинамъ: 23 мая 1726 г. имъ было велѣно выдать жалованье только въ размѣрѣ трети оклада за текущій годъ, а выдачу остальной части пріостановить до пересмотра штатовъ, «покамѣстъ штатъ совершится»; въ то же время жалованье для приказнаго персонала юстицъ и вотчинной коллегій, надворныхъ судовъ и главнаго магистрата было совершенно отмѣнено, и ему было велѣно по прежнему «довольствоваться отъ дѣлъ съ челобитчиковъ, кто что дастъ». Въ октябрѣ того же года это правило было распространено и на низшій служительскій штатъ «разсыльщиковъ» провинціальныхъ воеводскихъ канцелярій, которые вмѣсто жалованья должны были взимать старинные древнерусскіе поборы: «хоженое» и «ѣздъ». Другое предложеніе, направленное къ сокращенію расходовъ—объ отпускѣ $^2/_3$ офицерскаго состава по до-

[1]) Маниф. 9 янв. 1727 г. ст. 2. П. С. З. № 5010, 9 февр. 1727 г.

мамъ въ томъ видѣ, какъ оно было формулировано во мнѣніи кн. Меньшикова, указавшаго на тѣ же мотивы, какіе прежде приводились Ягужинскимъ, сенатомъ и генералитетомъ, было принято единогласно и осуществлено затѣмъ на практикѣ указомъ 24 февраля 1727 г. [1]).

Въ тѣхъ же цѣляхъ увеличенія доходовъ, облегченія населенія и сокращенія расходовъ проектировались въ поданныхъ письменныхъ мнѣніяхъ и въ манифестѣ и другія мѣры. Предполагалось допустить уплату части подушнаго оклада натурою въ видѣ провіанта, пріостановить тѣ постройки, которыя оказались бы ненужными, улучшить монетное дѣло, упорядочить судебныя пошлины и пошлины при переходѣ имуществъ, установить сборы съ патентовъ на титулы и чины, улучшить финансовый контроль, окончить скорѣе новое уложеніе, децентрализовать дѣлопроизводство вотчинной коллегіи по губерніямъ и тѣмъ избавить челобитчиковъ отъ издержекъ, связанныхъ съ поѣздками въ столицу и проживаніемъ тамъ для поземельныхъ дѣлъ [2]). Но, безспорно, наиболѣе замѣчательными являются тѣ пункты мнѣній и включившаго ихъ манифеста, которые касались областной администраціи, подвергшейся въ нихъ безпощадной критикѣ. Въ средѣ верховнаго тайнаго совѣта явно было открытое несочувствіе новымъ областнымъ учрежденіямъ, которое не было результатомъ какой-нибудь принципіальной вражды къ новому порядку, какъ именно къ новому, а происходило благодаря сознанію неудачи областныхъ учрежденій, выяснившейся на практикѣ. Областныя учрежденія стали разсматриваться, какъ непригодныя. Мало того, ихъ начали считать прямо вредными. Наконецъ, по степени ими причиняемаго зла ихъ стали ставить наравнѣ съ естественнымъ бѣдствіемъ, какое видѣли въ голодѣ. Въ нихъ открывали одну изъ главныхъ причинъ того печальнаго состоянія государственнаго и народнаго хозяйства, на которое жаловались по смерти преобразователя. Тяжесть естественныхъ бѣдствій, разстраивавшихъ народное хозяйство, увеличивалась высотою подати, слишкомъ грубой, слишкомъ неэластичной, нежелавшей знать перемѣнъ въ хозяйственныхъ силахъ населенія и приспособляться къ нимъ; тяжесть подати увеличивалась дурнымъ устройствомъ областнаго управленія. Таковъ былъ взглядъ современниковъ на вещи. Современники иностранцы свидѣтельствовали, что Россія гораздо менѣе разоряется отъ податей, чѣмъ отъ лихоимства сборщиковъ. Но тѣ же взгляды высказывали и русскіе люди, притомъ не только тѣ, которыми областная администра-

[1]) П. С. З. №№ 4889, 4971, 5016.

[2]) Маниф. 9 янв. 1727 г., 2, 3, 10, 11, 12, 8, 9.

ція управляла, но и тѣ, которые стояли выше ея и должны были руководить ея дѣйствіями. Впрочемъ, въ воззрѣніяхъ иностранныхъ наблюдателей и русскихъ людей была одна существенная разница. Между тѣмъ какъ Веберъ и Кампредонъ, напр., считали разорительными для народа злоупотребленія администраціи, русскіе ея критики не видѣли ничего кромѣ вреда и отъ нормальнаго ея дѣйствія, не говоря уже о злоупотребленіяхъ. Областное управленіе Петра никого не удовлетворяло и во всѣхъ оставляло нѣкоторый горькій осадокъ. Недостатки его судебныхъ функцій заставляли страдать населеніе и хорошо сознавались правительствомъ; отъ введенія новыхъ судебныхъ учрежденій правосудіе не выигрывало ни въ скорости, ни въ справедливости. И съ другою, притомъ главною своею задачею изъ этихъ двухъ, къ которымъ и свелась вся дѣятельность этого управленія,—сборомъ рессурсовъ оно также плохо справлялось. Администрація не умѣла собирать доходы безъ недоимокъ и представлять во время финансовые отчеты изъ областей, необходимые при составленіи бюджета, и этою неспособностью вызывала противъ себя досаду правительства въ то же время, какъ жестокостью, съ какою она отправляла свои финансовыя функціи, «сбирая и правя денно и нощно съ великимъ принужденіемъ безъ пощады», какъ она выражалась въ своихъ донесеніяхъ—она возбуждала противъ себя негодованіе въ обществѣ. Сравнительно съ прежними, отъ новыхъ учрежденій, правда, болѣе правильно разчлененныхъ, однообразныхъ и стройныхъ не ощущалось никакой реальной пользы, на которую можно было бы сослаться въ ихъ защиту. Благосостоянія мѣстности они не увеличивали, такъ какъ вовсе не развили той дѣятельности широко-полицейскаго характера, которая на нихъ возлагалась; но и поступленіе казенныхъ доходовъ не стало сколько-нибудь замѣтно болѣе исправнымъ отъ той административно-финансовой дѣятельности, которую они развивали. Напротивъ, въ ней можно было указать многое такое, что можно было поставить ей въ минусъ сравнительно съ прежней. Въ жестокости ея дѣйствія, въ тѣхъ экзекуціяхъ, путемъ которыхъ выколачивалась подать, когда администрація съ расположеніемъ полковъ приняла военный характеръ, стали видѣть именно одну изъ причинъ, разстраивавшихъ платежную способность населенія. «Платежемъ подушныхъ денегъ», писалъ сенатъ въ докладѣ императрицѣ, «земскіе комиссары и обрѣтающіеся на вѣчныхъ квартирахъ штабъ и оберъ-офицеры такъ принуждаютъ, что не токмо пожитки и скотъ распродавать принуждены, но многіе и въ землѣ посѣянный хлѣбъ, которымъ было пропитаніе имѣть и обсѣять землю, за безцѣнокъ отдаютъ и отъ того необходимо принуждены бѣгать за чужія границы».

Другую невыгодную сторону новой администраціи сравнительно съ прежней видѣли въ томъ, что не будучи въ своей дѣятельности ничѣмъ лучше ея, отличаясь тѣми же «непорядками и продолженіемъ» въ дѣлахъ, новая администрація ложилась гораздо болѣе тяжелымъ бременемъ на бюджетъ сравнительно съ прежней и тѣмъ въ свою очередь подрывала платежную способность населенія. Верховный тайный совѣтъ считалъ напраснымъ убыткомъ жалованье, которое получалось ея многочисленнымъ составомъ. Именно въ этомъ множествѣ учрежденій, которымъ отличалась провинціальная администрація, къ которому вели разчлененіе органовъ и несогласованность различныхъ частей реформы между собою и видѣли современники главное зло новой администраціи. Эта множественность учрежденій не соотвѣтствовала ни финансовымъ, ни личнымъ средствамъ страны, не могшей ихъ содержать и пополнять персоналомъ. Чрезмѣрная сложность и дробность въ первоначальной структурѣ провинціальныхъ учрежденій заставила уже въ 1722 г. отказаться отъ отдѣленія суда отъ администраціи и упростить учрежденія, соединивъ опять обѣ эти функціи въ одннхъ рукахъ. Новыя осложненія были внесены послѣдовавшимъ затѣмъ производствомъ ревизіи душъ и расположеніемъ на нихъ арміи—операціями, создавшими новыя учрежденія въ видѣ переписныхъ канцелярій и полковыхъ дворовъ. Уже въ 1725 г. сенатъ указалъ на тяжесть народу отъ полковыхъ дворовъ, осложнявшихъ администрацію, не касаясь самыхъ административныхъ учрежденій. Въ верховномъ тайномъ совѣтѣ многочисленность учрежденій въ областномъ управленіи, какая получилась тамъ къ концу царствованія Петра, вызвала согласную и ожесточенную критику, противъ которой не раздалось ни одного голоса. «Теперь надъ крестьянами», писалъ въ своемъ мнѣніи Меньшиковъ, «десять и больше командировъ находится, вмѣсто того, что прежде былъ одинъ, а именно: изъ воинскихъ, начавъ отъ солдата до штаба и до генералитета, а изъ гражданскихъ — отъ фискаловъ, комиссаровъ, вальдмейстеровъ и прочихъ до воеводъ, изъ которыхъ иные не пастырями, но волками, въ стадо ворвавшимися, назваться могутъ». «Кажется крестьянству ничто такъ не чувственно», вторилъ ему Апраксинъ, «какъ разныя имъ команды, а ни одного опекуна такого или подобнаго тому, какъ прежде бывали воеводы, нѣтъ. Но въ одной провинціи первое—воеводы; второе—камериры; третье—комиссары; четвертое—многоперемѣнные пріѣзжающіе отъ полковъ офицеры съ солдаты, что имъ бы только взять сполна, а послѣ его какъ хочетъ другой. И не подъ единымъ послушаніемъ въ провинціи обрѣтаются. Изъ сихъ подлый мужикъ не вѣдаетъ, кто у нихъ боль-

шой, всѣхъ боится, отъ всѣхъ, увидя, въ лѣса бѣжитъ, прячется или откупается, и пріѣзды ихъ не меньше тяжелостью приходятъ, какъ самые платежи ихъ». И дѣйствительно, если припомнить тѣ учрежденія, которыми снабжена была въ концѣ царствованія Петра любая провинція, обладавшая всего какой-нибудь сотней тысячъ душъ мужескаго пола, занесенныхъ въ ревизію, будетъ понятно, что областное управленіе этого времени не могло не казаться слишкомъ сложнымъ. Во главѣ управленія провинціей—воевода съ асессорами, такъ называемый «провинціальный судъ»; при нихъ подъ начальствомъ земскаго секретаря канцелярія съ цѣлымъ штатомъ подьячихъ; далѣе, земская контора съ камериромъ, при которомъ состоитъ земскій писарь съ подьячими и которому подчинены таможенныя избы и кружечные дворы, находящіеся подъ начальствомъ особыхъ надзирателей изъ отставныхъ оберъ и унтеръ-офицеровъ; провинціальная рентерея съ рентмейстеромъ; провіантмейстеры при имѣющихся въ провинціи хлѣбныхъ магазинахъ. Разчленившееся на такія первоначальныя клѣтки ядро провинціальнаго управленія осложняется еще множествомъ другихъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ должностныхъ лицъ и учрежденій, канцелярій и конторъ, каковы были: контора крѣпостныхъ надсмотрщиковъ, или нотаріусовъ, фискалъ отъ шляхетства, фискалъ отъ купечества, канцелярія вальдмейстерскихъ дѣлъ, наблюдавшая за лѣсами, съ вальдмейстеромъ и лѣсными надзирателями; канцелярія рекрутныхъ дѣлъ, принимавшая рекрутовъ; канцелярія «розыскныхъ дѣлъ», въ которой засѣдалъ офицеръ, присланный въ провинцію съ спеціальной миссіей истребленія разбойниковъ; канцелярія свидѣтельства душъ и расположенія полковъ, оканчивавшая перепись, располагавшая полки, взимавшая штрафы за утайку душъ; полковые дворы расположенныхъ въ провинціи полковъ; канцеляріи «отъ земли комиссаровъ», состоявшія въ полковыхъ дистриктахъ; канцеляріи старыхъ земскихъ комиссаровъ, продолжавшихъ свое существованіе и дѣйствовавшихъ по старымъ дистриктамъ; судебные комиссары въ отдаленныхъ отъ провинціальнаго центра городахъ; особые «управители» изъ подьячихъ съ канцеляріями для передачи указовъ и исполнительныхъ дѣйствій въ ближайшихъ городахъ,—такова была многоколесная правительственная машина, работавшая въ провинціи. Мѣткую характеристику далъ ей манифестъ 9 января, заявляя, что «умноженіе правителей и канцелярій во всемъ государствѣ не токмо служитъ къ великому отягощенію штата, но и къ великой тягости народной.., и можно всякому легко разсудить, какая народу отъ того тягость происходитъ, что вмѣсто того, что прежде сего къ одному управителю адресоваться имѣли во всѣхъ дѣлахъ, а

нынѣ къ десяти и, можетъ быть, больше. Всѣ тѣ разные управители имѣютъ свои особливыя канцеляріи и канцелярскихъ служителей и особливый свой судъ; и каждый по своимъ дѣламъ бѣдный народъ волочитъ; и всѣ тѣ управители, такъ и ихъ канцеляріи и канцелярскіе служители, жить и пропитанія своего хотятъ, умалчивая о другихъ непорядкахъ, которые отъ безсовѣстныхъ людей къ вящей народной тягости ежедневно происходятъ и происходить будутъ» [1]).

V.

Изъ тѣхъ рѣзкихъ нападокъ, которымъ подверглась областная администрація Петра Великаго въ критической части мнѣній членовъ верховнаго тайнаго совѣта, ясно въ значительной степени, какія требованія будутъ предъявляться мнѣніями въ ихъ положительной части. Это, конечно, возможно большее упрощеніе учрежденій. Сложный механизмъ провинціальнаго управленія подвергся быстрому разбору по своимъ составнымъ частямъ, которыя и стали теперь изъ него удаляться одна за другою.

Какъ на первое средство упростить систему провинціальныхъ учрежденій, указывалось на выводъ изъ уѣздовъ всякаго рода военныхъ командъ, переписныхъ канцелярій и полковъ, расположенныхъ на души. Манифестъ 9 янв. всецѣло принялъ соображенія сената, рекомендовавшаго вывести полки изъ уѣздовъ и разставить ихъ по городамъ. Практическое осуществленіе этой мѣры было предписано указомъ 9 февраля 1727 г., удалявшимъ изъ провинціи всякаго рода военные начальства и отряды. Генераламъ и полковникамъ, посланнымъ въ 1726 г. изъ военной коллегіи по губерніямъ для обревизованія отношеній полковыхъ начальствъ къ областной администраціи, велѣно было выѣхать оттуда, сдавъ дѣла губернаторамъ и воеводамъ. Слишкомъ замедлившимъ своими дѣйствіями въ областяхъ переписнымъ канцеляріямъ съ ихъ многочисленнымъ военнымъ персоналомъ назначенъ былъ крайнимъ срокомъ для окончанія ихъ работъ іюль 1727 г., притомъ чинамъ этихъ канцелярій было позволено жить только въ городахъ и запрещено самимъ ѣздить по уѣздамъ, такъ что всѣ исполнительныя дѣйствія они должны были совершать только черезъ губернаторовъ и воеводъ. Наконецъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, находившимся въ пол-

[1]) Чт. О. И. Др. 1897, II. смѣсь, 30. *Соловьевъ*, XVIII, 290. Госуд. арх. кабин. д. II, 93, л. 620—625. Манифестъ 9 янв. 1727 г., ст. 8.

ковыхъ дворахъ у сбора подушныхъ денегъ, было предписано вернуться къ своимъ частямъ—въ тѣхъ, разумѣется, случаяхъ, когда эти части не были расквартированы въ дистриктахъ, въ которыхъ онѣ были расположены на души, передавъ состоявшихъ при нихъ земскихъ комиссаровъ и всѣ дѣла по подушному сбору губернаторамъ и воеводамъ. Такъ какъ производство сборовъ въ частныхъ имѣніяхъ было возложено на самихъ помѣщиковъ, то и выборнымъ земскимъ комиссарамъ, которыхъ рѣшено было на время сохранить, запрещено было самимъ отправляться въ уѣзды, и вся ихъ дѣятельность должна была сосредоточиться на пріемѣ подати въ городѣ отъ привозившихъ ее приказчиковъ и старостъ. Полки рѣшено было поселить въ городахъ и поэтому указомъ 24 февраля предписывалось пріостановить производившуюся по дистриктамъ постройку полковыхъ дворовъ и ротныхъ слободъ. Военная коллегія должна была представить перечень тѣхъ городовъ, въ которыхъ было бы удобно размѣстить войска, и свои соображенія о разборкѣ и перевозкѣ въ эти города изъ дистриктовъ построенныхъ или неоконченныхъ полковыхъ и ротныхъ зданій. Въ дистриктахъ при вѣчныхъ квартирахъ позволялось оставить до весны только полковыхъ лошадей, для которыхъ въ городахъ не могло найтись достаточнаго запаса корма, подъ надзоромъ одного оберъ-офицера и погонщиковъ, сколько ихъ будетъ нужно; но даже и за ними строго вмѣнялось въ обязанность губернаторамъ и воеводамъ смотрѣть, чтобъ уѣзднымъ людямъ никакихъ обидъ отъ нихъ не было. Съ первыми признаками весны и лошади должны были покинуть дистрикты. Однако связь полковъ съ провинціями не прекращалась; прекращалось только размѣщеніе полковъ по деревнямъ и сборъ денегъ съ этихъ деревень полковымъ начальствомъ. Переставая быть расквартированными въ дистриктахъ, полки не переставали пока быть расположенными на населявшія эти дистрикты души, и каждый полкъ получалъ подушныя съ того дистрикта, на который былъ расположенъ, черезъ посредство общей областной администраціи. Такимъ образомъ, тяжелое бремя военныхъ квартиръ и полковой администраціи въ дистриктахъ было снято [1]).

Но и въ структурѣ очищенной отъ военнаго нароста провинціальной администраціи въ собственномъ смыслѣ предполагались сокращенія, уничтожавшія расчлененіе органовъ и стремившіяся сосредоточить всѣ функціи управленія и всѣ виды власти въ однихъ рукахъ. Члены верховнаго тайнаго совѣта говорили въ своихъ мнѣніяхъ о не-

[1]) П. С. З. №№ 5010, 5017, 5018, 5033.

обходимости упразднить всѣхъ лишнихъ управителей, канцеляріи и конторы. Практически сокращеніе провинціальнаго штата началось уже съ лѣта 1726 г. уничтоженіемъ должности рентмейстеровъ, которую верховный тайный совѣтъ находилъ и обременительной для бюджета и вредной для хода финансоваго управленія, такъ какъ благодаря ей финансовое управленіе въ провинціи раздваивалось между камериромъ и рентмейстеромъ, и отсюда происходила задержка въ отправкѣ денежной казны, несогласіе въ финансовой отчетности, представляемой тѣмъ и другимъ, и необходимость ревизовать два ряда финансовыхъ учрежденій вмѣсто одного. Послѣ же того какъ сборъ подушныхъ денегъ былъ возложенъ на комиссаровъ отъ земли, вовсе не подчиненныхъ провинціальному финансовому управленію, верховный тайный совѣтъ считалъ должность рентмейстеровъ совершенно излишней. Результатомъ этого мнѣнія былъ указъ 15 іюля 1726 г., предписавшій: штатсъ-контору подчинить камеръ-коллегіи и быть въ нихъ одному президенту, а въ провинціяхъ, кромѣ Петербурга, Москвы и Тобольска, рентмейстерамъ и ихъ подчиненнымъ не быть. Ихъ обязанности поручались камерирамъ. Въ декабрѣ того же 1726 г. была отмѣнена также должность вальдмейстеровъ; была при этомъ сокращена и самая площадь заповѣдныхъ лѣсовъ, и попеченіе о нихъ возложено было на воеводъ подъ высшимъ надзоромъ адмиралтействъ-коллегіи [1]).

Съ февраля 1727 г., послѣ того какъ обсужденіе мнѣній, сгруппированныхъ въ манифестѣ 9 янв. было окончено, предпринятъ былъ рядъ новыхъ сокращеній въ областномъ устройствѣ. Рѣшено было, «какъ надворные суды, такъ и всѣхъ лишнихъ управителей и канцеляріи, и конторы камерировъ, земскихъ комиссаровъ и прочихъ тому подобныхъ вовсе отставить», какъ гласилъ указъ 24 февраля, повторяя предложеніе Меньшикова. Эти несовсѣмъ ясныя выраженія относились къ надворнымъ судамъ, къ воеводскимъ асессорамъ въ провинціяхъ, къ камерирамъ и ихъ конторамъ, къ старымъ камеръ-коллежскимъ земскимъ комиссарамъ тамъ, гдѣ они сохранились. Этимъ указомъ, подтвержденнымъ 15 марта, разрушеніе провинціи Петра Великаго, получившей начало въ 1719 г., было закончено. Провинціальныя

[1]) Сенатъ представилъ свѣдѣнія о стоимости содержанія камерирскихъ и рентмейстерскихъ управленій по всей имперіи; оказывалось, что на первыя тратилось ежегодно 8.624 руб., а на вторыя 9.240 р. Благодаря уничтоженію должности рентмейстеровъ сенатъ разсчитывалъ экономить ежегодно 5.440 руб. Сб. И. О. т. LV. стр. 413, 458. П. С. З. №№ 4928, 4995.

учрежденія, имъ созданныя, были окончательно уничтожены [1]). Ихъ уничтоженіе должно было вызвать вопросъ о томъ, что же поставить имъ на смѣну. Но правительство разрушало учрежденія Петра съ готовымъ планомъ; вопросъ о томъ, какъ устроить новое областное управленіе, уже былъ разрѣшенъ заранѣе и разрѣшенъ всецѣло въ реакціонномъ духѣ. «Положить всю расправу и судъ *по прежнему* на губернаторовъ и воеводъ» — таковъ былъ базисъ предпринимаемой контръ-реформы. Мнѣнія членовъ верховнаго тайнаго совѣта не обнаруживали относительно схемы будущаго областнаго устройства, которую они предлагали, какой-либо значительной доли оригинальности и не изобрѣтали какихъ-либо новыхъ построеній. Они просто возвращались къ старинѣ. Старое устройство администраціи съ его сліяніемъ властей и съ единоличнымъ порядкомъ возбуждало сочувствіе, его изображали въ привлекательныхъ чертахъ, ему отдавали преимущество при сравненіи съ новымъ. «Что нынѣ опредѣлены въ однихъ провинціальныхъ городахъ воеводы», читаемъ въ докладѣ верховнаго тайнаго совѣта, «и съ ними по нѣскольку человѣкъ асессоровъ, секретарей, и къ тому особливыя правленія имѣютъ камериры и рентмейстеры, и при нихъ подьячіе и солдаты, такожъ вальдмейстеры, и каждые изъ нихъ имѣютъ особливыя канцеляріи или конторы, отъ чего происходитъ: въ дѣлахъ непорядки и продолженіе, въ дачѣ жалованья напрасные убытки, народу отъ многихъ и разныхъ управителей тягости и волокиты. А понеже прежде сего бывали во всѣхъ городѣхъ одни воеводы и всякія дѣла, какъ государевы, такъ и челобитчиковы, такожъ по присланнымъ изо всѣхъ приказовъ указомъ отправляли одни и были безъ жалованья, *и тогда лучшее отъ одного правленіе происходило, и люди были довольны*». Какъ это часто бываетъ съ реакціей, она и въ этомъ случаѣ шла слишкомъ далеко, идеализируя даже такое явленіе стараго порядка, какъ воеводская власть, и совершенно забывая тотъ взглядъ на эту власть, къ которому пришло само же правительство въ концѣ

[1]) П. С. З. №№ 5017, 5033. Уничтожались вмѣстѣ съ ними и должности надзирателей таможенныхъ и питейныхъ сборовъ изъ военныхъ чиновъ, которымъ на жалованье, какъ говорилъ манифестъ 9 янв. ежегодно тратилось около 70.000 руб. и отъ которыхъ «пользы никакой нѣтъ, кромѣ ссоръ и кражи, которыя подаютъ причины къ великимъ розыскамъ и кровопролитіямъ». Эти сборы были отданы въ вѣдѣніе магистратовъ. П. С. З. № 5016. Какъ на странное противорѣчіе, характеризующее тогдашнее дѣлопроизводство, надо смотрѣть на указъ 21 февр. 1727 г., назначавшій сибирскаго губернатора президентомъ тобольскаго надворнаго суда,—слѣдовательно, за два дня до отмѣны этого учрежденія.

XVII вѣка. Предлагая закрытіе лишнихъ канцелярій и отставку ихъ управителей, Меньшиковъ проектировалъ поручить вновь всѣ сборы воеводамъ, которымъ на помощь назначить въ каждую провинцію по одному штабъ-офицеру и видѣлъ превосходство такого порядка, какъ въ томъ, что отвѣтственность падающая на одного такого штабъ-офицера будетъ серьезнѣе и дѣйствительнѣе, чѣмъ прежняя отвѣтственность, раздѣляемая многими учрежденіями и въ сущности не падающая ни на одно, такъ и, съ другой стороны, въ сокращеніи административнаго персонала, въ томъ, что вмѣсто пятисотъ командировъ будетъ штабъ-офицеровъ по всей Россіи только пятьдесятъ—по числу провинцій. Воеводская власть признавалась панацеею всѣхъ золъ мѣстнаго управленія настолько, что даже самое названіе «воевода» казалось особенно дѣйствительнымъ. Екатерина, соглашаясь на установленіе во всѣхъ непровинціальныхъ городахъ «особыхъ управителей», которыхъ предлагалъ ей ввести верховный тайный совѣтъ, потребовала, чтобы имъ непремѣнно дано было названіе воеводъ, «разсуждая, что чинъ воеводскій уѣзднымъ людямъ въ отправленіи всякихъ дѣлъ можетъ быть страшнѣе», а, затѣмъ, приводя въ пользу такой терминологіи также и традицію, то основаніе, «что и въ старину во всѣ такіе города, которые были приписаны къ главнымъ городамъ, посылали воеводъ же» [1]).

Устройство этого воеводскаго управленія, какъ оно было установлено въ 1727 г., отличалось нѣсколькими чертами отъ предыдущаго управленія провинціальныхъ воеводъ и прежде всего окончательнымъ сліяніемъ всѣхъ функцій управленія въ единоличной власти воеводы. Послѣдніе остатки «разнаго установленія», какъ тогда обозначали разчлененіе органовъ власти, уничтожались. Съ закрытіемъ надворныхъ судовъ исчезали, хотя и въ значительной степени слитые съ администраціей, но всетаки особые по устройству областные органы судебной власти; съ закрытіемъ камерирскихъ конторъ—особые органы финансоваго управленія: функціи тѣхъ и другихъ возлагались на губернатора и воеводу. Воеводская власть объединила въ своихъ рукахъ и тѣ вѣдомства, которыя прежде выдѣлялись въ особыя управленія и должны были состоять лишь подъ болѣе или менѣе отдаленнымъ надзоромъ воеводы. На практикѣ имъ, какъ мы видѣли, такъ и не удалось освободиться отъ подчиненія воеводѣ; теперь практика получила опять юридическое освященіе. Указомъ 24 февраля 1727 г. подчинены были воеводской юрисдикціи по прежнему синодальныя вотчины

[1]) Сб. И. О. LV, 363, 406.

въ виду тѣхъ обидъ, которыя причинялись населеніемъ этихъ неподсудныхъ воеводѣ вотчинъ другимъ сельскимъ обывателямъ. Подтверждая эту юрисдикцію, общій наказъ воеводамъ, изданный въ 1728 г. и объединившій всѣ реакціонныя мѣры въ мѣстномъ управленіи, проведенныя по смерти Петра, распространялъ ее и на дворцовыя земли. Она касалась всѣхъ дѣлъ, въ которыхъ сторонами были лица разныхъ вѣдомствъ и только важнѣйшихъ дѣлъ, въ которыхъ сторонами были лица одного и того же вѣдомства, дворцоваго или синодальнаго, по неважнымъ дѣламъ судившіяся у своей вотчинной администраціи, у дворцовыхъ управителей и комиссаровъ синодальной команды. Наказъ подчинялъ также воеводской юрисдикціи и самую администрацію дворцовыхъ и синодальныхъ вотчинъ.

Падала также и послѣдняя тѣнь независимости посадскаго управленія отъ воеводы, и городской магистратъ былъ опять подчиненъ ему. Мысль о возвращеніи къ этому прежнему порядку вещей мы находимъ въ одномъ проектѣ неизвѣстнаго автора, сохранившемся въ дѣлахъ кабинета Петра и озаглавленномъ: «О перемѣнахъ магистратскихъ по провинціямъ членовъ». Проектъ выступаетъ съ требованіемъ поручить воеводамъ «смотрѣніе надъ магистраты такъ, какъ изстари бывало», видя большую выгоду для городовъ отъ подчиненія воеводамъ. Ту же мысль высказывалъ въ своемъ письменномъ мнѣніи и кн. Д. М. Голицынъ съ тою, впрочемъ, весьма существенною разницею, что онъ предлагалъ подчиненіе магистратовъ не мелкимъ воеводамъ, а только губернаторамъ, должность, на которую назначались обыкновенно сановитыя и вліятельныя лица, могшія дѣйствительно оказывать городамъ защиту и покровительство своимъ голосомъ за нихъ въ высшихъ сферахъ. Кн. Голицынъ желалъ, слѣдовательно, возстановленія того недавняго порядка городскаго управленія, который существовалъ въ 1715—19 гг., когда городъ, не подчиняясь ландратамъ, какъ начальникамъ долей, подчинялся прямо губернатору—мысль понятная у Голицына, лучшаго губернатора той эпохи, дѣйствительно бывшаго попечителемъ для управляемаго имъ края. Проектъ неизвѣстнаго одушевленъ стремленіемъ воскресить болѣе старое допетровское устройство съ властью воеводы надъ городомъ. Въ указѣ 24 февраля 1727 г. получили перевѣсъ идеи проекта, и магистраты «для лучшаго посадскимъ охраненія» предписывалось подчинить не только губернаторамъ, но и воеводамъ. Это былъ не первый и не послѣдній въ исторіи нашего городскаго управленія случай смѣны двухъ противоположныхъ взглядовъ, изъ которыхъ одинъ видитъ лучшее средство преуспѣянія мѣстнаго населенія въ освобожденіи его отъ воздѣйствія мѣстной пра-

вительственной власти и въ развитіи широкой мѣстной автономіи, другой наоборотъ, не довѣряя силамъ самоуправленія, настаиваетъ на усиленіи и расширеніи полномочій мѣстной администраціи, считая такой путь наиболѣе цѣлесообразнымъ для мѣстнаго благосостоянія. Указъ 24 февраля 1727 г. былъ реакціоннымъ относительно законодательныхъ мѣръ, которыя стали приниматься правительствомъ лѣтъ за сорокъ до него въ 80-хъ годахъ XVII в. и клонились къ высвобожденію городовъ изъ подъ воеводской власти. Но воеводская власть, возстанавливаемая надъ городомъ, получала теперь нѣсколько иное значеніе сравнительно съ тѣмъ, какое она имѣла въ XVII вѣкѣ. Въ воеводѣ и губернаторѣ, какъ ихъ понимаютъ и проекты, возстановлявшіе ихъ власть, и законодательные акты, приводившіе эти проекты въ исполненіе, т. е. указъ 24 февраля 1727 г. и воеводскій наказъ 1728 г., черты попечителя и защитника должны были преобладать надъ чертами правительственнаго агента, поставленнаго надъ городомъ для наблюденія за исправнымъ отбываніемъ казеннаго тягла. Именно «для лучшаго охраненія» торговопромышленнаго класса и возстанавливалась въ своихъ прежнихъ правахъ воеводская власть, и въ этомъ отношеніи и проекты, и законодательные акты 27—28 гг. XVIII в. столько же продолжали взглядъ на значеніе представителя мѣстной администраціи, уже высказанный въ инструкціяхъ Петра, сколько служили съ другой стороны провозвѣстниками законодательства Екатерины II, отчетливо и ясно развившаго опекунское значеніе власти генералъ-губернатора. Въ наказѣ 1728 г. были подробнѣе обозначены отношенія представителя общей администраціи къ городской. Охранитель городскаго населенія и ходатай за него передъ высшимъ правительствомъ, воевода предписываетъ магистратамъ принятіе тѣхъ или другихъ полицейскихъ мѣръ. Въ судебномъ отношеніи важнѣйшія уголовныя дѣла: татьба, разбой и убійство выдѣлены изъ компетенціи магистрата и отнесены къ юрисдикціи воеводы; по остальнымъ дѣламъ магистратъ разсматривается, какъ низшая инстанція относительно воеводы. Къ воеводѣ переносятся въ апелляціонномъ порядкѣ дѣла, рѣшенныя въ магистратѣ; ему же приносятся жалобы на медленность веденія судебныхъ дѣлъ въ магистратѣ, и онъ можетъ понуждать магистратъ къ скорѣйшему рѣшенію; наконецъ, ему дѣлаются подсудны и чины городскаго управленія—бурмистры по частнымъ челобитьямъ на нихъ.

Сосредоточивая въ себѣ всѣ виды власти и простираясь на всѣ прежде раздѣленныя вѣдомства управленія въ области, воеводская власть становилась въ то же время болѣе единоличной. Прежніе асес-

соры, участіе которыхъ придавало воеводскому управленію и въ особенности суду до нѣкоторой степени коллегіальный характеръ, отмѣнялись. 4 ноября 1726 г. въ верховномъ тайномъ совѣтѣ обсуждалось предложеніе сената о томъ, чтобы при провинціальныхъ воеводахъ асессорамъ не быть, и рѣшено было потребовать изъ сената историческихъ справокъ, въ какихъ городахъ бывали прежде съ воеводами дьяки и подьячіе съ приписью. 11 января 1727 г. докладъ объ отмѣнѣ асессоровъ при воеводахъ былъ утвержденъ, и они были оставлены только при губернаторахъ. Указомъ 24 февраля 1727 г. предписывалось назначать, какъ и предлагалъ Меньшиковъ въ своемъ письменномъ мнѣніи, къ каждому провинціальному воеводѣ по штабъ-офицеру отъ одного изъ расположенныхъ на провинцію полковъ въ качествѣ помощника главнымъ образомъ для сбора и отправки подушной подати; для того же, чтобъ этотъ штабъ-офицеръ былъ въ полномъ повиновеніи у провинціальнаго воеводы, послѣднему на время исполненія должности присваивался полковничій рангъ. Впрочемъ, пришлось сохранить институтъ земскихъ комиссаровъ также въ качествѣ вполнѣ подчиненныхъ воеводамъ помощниковъ по сбору подушной подати. Было уже упомянуто выше, что съ выводомъ полковъ изъ дистриктовъ выборные земскіе комиссары, собиравшіе въ этихъ дистриктахъ подушную подать, передавались въ распоряженіе воеводъ, на которыхъ возлагался теперь этотъ сборъ. Но правительство предусматривало, что съ этой обязанностью уѣздные воеводы не будутъ въ силахъ справляться одни, такъ какъ она вовлекала ихъ въ очень сложную сѣть отношеній съ полками, содержавшимися съ жителей уѣзда. Въ самомъ дѣлѣ, только въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ извѣстно, уѣздъ совпадалъ съ полковымъ дистриктомъ; обыкновенно бывало такъ, что въ уѣздѣ было расположено полностью или частями два—три полка, а иногда наоборотъ цѣлый уѣздъ составлялъ лишь часть полковаго дистрикта. Такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ при сохраненіи порядка содержанія каждаго полка съ опредѣленнаго дистрикта уѣздному воеводѣ пришлось бы имѣть дѣло по сбору и доставкѣ подати съ нѣсколькими полками, какъ и многимъ изъ полковыхъ командировъ—имѣть дѣло каждому съ нѣсколькими уѣздными воеводами, и все это, конечно, не могло не вызывать путаницы. «Понеже полки», говорилось въ указѣ 16 марта 1727 г., «расписаны и расположены были не такъ, чтобъ одинъ полкъ въ одномъ уѣздѣ, но многіе есть, что одинъ полкъ въ двухъ или трехъ уѣздахъ, такожъ и въ одномъ уѣздѣ нѣсколько полковъ.... и тако впредь уже невозможно одному воеводѣ на разные полки по вышеозначенному разсчитать и въ разныя мѣста отправлять».

Поэтому указъ 16 марта и предписывалъ собирать подать каждому въ своемъ дистриктѣ земскимъ комиссарамъ, какъ уже знакомымъ съ ходомъ податнаго дѣла, руководясь дистриктными окладными книгами. Собранныя съ своего дистрикта деньги земскій комиссаръ долженъ былъ передавать воеводѣ. Послѣдній отправлялъ ихъ по инстанціямъ въ губернскій центръ, куда являлся за ними особый назначенный отъ военной коллегіи офицеръ, который затѣмъ и доставлялъ ихъ въ полки. При уѣздномъ воеводѣ наказъ предписывалъ быть для сбора подушной по одному, а въ большихъ уѣздахъ по два и по три земскихъ комиссара, которымъ состоять въ командѣ у воеводы, будучи ему во всемъ послушными. Тому, кто продолжитъ это изслѣдованіе, предстоитъ выяснить, избирались ли въ слѣдующіе годы эти земскіе комиссары уѣзднымъ дворянствомъ, или занимали должности по назначенію. Нельзя не замѣтить, что относительно порядка содержанія полковъ и указъ 16 марта 1727 г., и повторившій его затѣмъ наказъ 1728 г. занимаютъ переходное положеніе: они сохраняютъ податное значеніе полковыхъ дистриктовъ и оставляютъ земскихъ комиссаровъ, очевидно, разсчитывая на прежнюю связь каждаго полка съ своимъ дистриктомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливаютъ централизацію подушнаго сбора, стягивая его въ губернскій городъ, что должно было прекратить непосредственныя сношенія полка съ своимъ дистриктомъ, повести къ уничтоженію связи между ними и къ установленію новаго порядка содержанія полка изъ центральнаго казначейства, которое должно было сдѣлаться посредникомъ между полкомъ и плательщиками подати [1]).

Итакъ, сосредоточеніе всѣхъ дѣлъ областнаго управленія въ рукахъ воеводы, ставшаго притомъ единоличнымъ правителемъ — такова была первая черта воеводской власти, какъ ее устанавливалъ наказъ 1728 г. Другою ея чертой была ея повсемѣстность. Воеводы были назначены по всѣмъ тѣмъ городамъ и даже пригородамъ, куда они назначались въ XVII вѣкѣ, до реформы. Рѣчь о такомъ повсемѣстномъ назначеніи зашла впервые лѣтомъ 1726 г., когда верховный тайный совѣтъ подалъ Екатеринѣ докладъ о томъ преимуществѣ прежняго судоустройства передъ новымъ, которое заключалось въ большей близости судебной власти къ населенію. Прежде, говорилъ совѣтъ, воеводы бывали въ каждомъ городѣ, теперь же только въ провинціальныхъ, а въ остальныхъ, приписанныхъ къ провинціальнымъ, нѣтъ никакихъ

[1]) П. С. З. № 5333: воеводскій наказъ 1728 г. Госуд. арх. каб. дѣл. II, 93, л. 183—184: проектъ «О перемѣнахъ магистратскихъ по провинціямъ членовъ». Сб. И. О. LVI, 326; LXIII, 22.

общихъ судебныхъ органовъ, и только въ дальнихъ, отстоящихъ отъ провинціальнаго центра верстъ на 200 учреждены судебные комиссары, да и тѣ съ ограниченной компетенціей. Вслѣдствіе такого неравномѣрнаго распредѣленія судебной власти по провинціи страдаетъ отправленіе правосудія: челобитчики принуждены ѣздить по судебнымъ дѣламъ верстъ за 200 и за 300 въ провинціальный городъ и входить въ убытки благодаря разстоянію и волокитѣ, такъ какъ въ провинціальныхъ учрежденіяхъ накопляется такая масса дѣлъ, что быстрое рѣшеніе ихъ невозможно. Такимъ образомъ, оказывалось, судя по этому докладу верховнаго тайнаго совѣта, что штатъ провинціальнаго управленія былъ тяжелъ не только потому, что былъ многочисленъ и сложенъ, но и потому, что несмотря на свою многочисленность и сложность былъ неравномѣрно распредѣленъ, и окраины провинцій страдали отъ недостатка судебной власти въ то время, какъ вообще раздавались жалобы на чрезмѣрное количество всякихъ властей. Результатомъ доклада былъ указъ 15 іюля 1726 г., предписывавшій назначить воеводъ во всѣ тѣ города, гдѣ они бывали прежде, въ XVII в., съ судебной властью «для всякихъ судныхъ и розыскныхъ дѣлъ», не ограничивая ихъ компетенціи какими-либо предѣлами иска и съ апелляціей отъ этихъ городовыхъ воеводъ къ провинціальнымъ судамъ воеводъ съ асессорами и отъ этихъ послѣднихъ къ надворнымъ судамъ. Итакъ, въ іюлѣ 1726 г. дѣло шло только объ увеличеніи числа областныхъ судебныхъ органовъ, недостатокъ которыхъ почувствовался съ уничтоженіемъ городовыхъ судей въ 1722 г. и не былъ восполненъ мѣрами этого года, установившими судебныхъ комиссаровъ въ отдаленныхъ городахъ. Городовые воеводы, о какихъ говорилъ іюльскій указъ 1726 г. и были очевидно ничѣмъ инымъ, какъ развитіемъ этого института судебныхъ комиссаровъ. Подъ именемъ воеводъ число ихъ теперь увеличивалось, такъ какъ они назначались не только въ отдаленные, но во всѣ города, и компетенція ихъ расширялась, такъ какъ вѣдѣнію ихъ подлежали иски всякихъ размѣровъ. Притомъ весь остальной судебный строй: провинціальные и надворные суды предполагалось сохранить, и указъ 15 іюля 1726 г. не имѣетъ еще въ виду ихъ отмѣны. На практикѣ однако этотъ указъ не осуществился, и городовые воеводы съ судебною властью, о которыхъ онъ говорилъ, назначены не были. Въ началѣ 1727 г. произошла ломка областныхъ судебныхъ и административныхъ учрежденій, которой онъ не имѣлъ въ виду, и воеводы по всѣмъ городамъ въ этомъ году стали назначаться уже не съ одною только судебною, а и съ административною властью. Что послѣдняя даже преобладала въ ихъ компетенціи, видно уже изъ самаго

порядка этихъ назначенiй: воеводы провинцiальныхъ городовъ назначались верховнымъ тайнымъ совѣтомъ; воеводы остальныхъ утверждались верховнымъ тайнымъ совѣтомъ по совмѣстному представленiю сената и камеръ-коллегiи, мѣсто которой, несомнѣнно, заняла бы юстицъ-коллегiя, если бы эти воеводы были только судебными органами. И по наказу 1728 г. въ составъ обязанностей городовыхъ воеводъ вошли не только судебныя, но также и полицейскiя обязанности, и въ особенности обязанности по финансовому управленiю, такъ какъ на уѣзднаго воеводу возложенъ былъ сборъ подушной подати, производство казенныхъ расходовъ по ассигновкамъ отъ губернатора или отъ провинцiальнаго воеводы. Съ функцiями административной и судебной власти городовые воеводы и существовали впослѣдствiи до екатерининскаго учрежденiя о губернiяхъ. Они были назначены не только въ «настоящiе» города, но и въ пригороды, приписанные къ другимъ городамъ, какъ это бывало въ XVII вѣкѣ, и въ этомъ повсемѣстномъ назначенiи воеводъ воскресало не замиравшее, впрочемъ, совершенно значенiе старинной областной единицы—уѣзда [1]).

Наконецъ, третьей чертой въ устройствѣ воеводскаго управленiя, какъ оно было введено съ 1727 г., былъ iерархическiй порядокъ. Воеводы пригородовъ подчинены были воеводамъ настоящихъ городовъ; городовые воеводы провинцiальнымъ, а эти послѣднiе губернаторамъ. Соотвѣтственно подчиненiю распредѣлялась и отвѣтственность. На губернатора возложена передъ высшимъ правительствомъ отвѣтственность за управленiе всей губернiи, провинцiальный воевода отвѣчалъ за исправность городовыхъ воеводъ провинцiи. Вводя такiя iерархическiя отношенiя, правительство также возвращалось къ старинѣ, хотя и недавней, возстановливая отношенiя къ губернатору 1708 г. подчиненныхъ ему уѣздныхъ комендантовъ и провинцiальныхъ оберъ-комендантовъ. За возстановленiе стараго порядка подчиненiя воеводъ губер-

[1]) Сб. И. О. LVI, 326; LXIII, 22; LV, 377, 404, 458. П. С. З. № 4929—15 iюля 1726 г. Объ изложенномъ порядкѣ назначенiя воеводъ говорилъ указъ 24 февр. 1727 г. Изъ журналовъ в. т. с. видно, что избранiе кандидатовъ въ воеводы на практикѣ происходило въ соединенномъ засѣданiи верховнаго тайнаго совѣта, сената и коллегiй. Сб. И. О. LXIII, 45, 49—52, 93, 182, 185, 206, 244, 426, напр.: 1727 г. 18 янв.—«призвать сенатскаго секретаря и объявить ему, что для выбиранiя въ городы, въ которыхъ нѣтъ воеводъ, такожъ и на перемѣну другихъ, *какъ позваны будутъ въ в. т. с. во время собранiя сенаторы и изъ коллегiй президенты съ членами*, тогда бъ оные имѣли при себѣ извѣстiе» и т. д.

наторамъ при обсужденіи вопроса въ верховномъ тайномъ совѣтѣ высказались Головкинъ и Остерманъ и въ особенности горячо на ней настаивавшій Меньшиковъ. Были указаны при этомъ и тѣ цѣли, достиженіе которыхъ ожидалось отъ іерархическаго устройства. Предлагавшіе его члены совѣта разсчитывали на лучшее исполненіе воеводами своихъ обязанностей и на ускореніе дѣлопроизводства подъ губернаторскимъ надзоромъ. Съ другой стороны представлялось полезнымъ содѣйствіе, которое губернаторъ могъ оказать провинціальному управленію, располагая военной силой, такъ какъ подъ его начальствомъ состояли гарнизонные полки губерніи. Помогать воеводамъ въ производствѣ денежныхъ сборовъ, въ отправкѣ рекрутъ, въ искорененіи разбойничества было вмѣнено губернаторамъ въ обязанность. Такимъ образомъ, весь административный составъ губерніи поставленъ подъ надзоръ губернатора, который долженъ наблюдать за мѣстными властями и оказывать имъ поддержку, и въ этомъ новомъ строѣ замѣтна та же основная децентрализующая тенденція, съ которою и была установлена губернаторская власть въ 1708 г.: усилить и ускорить дѣйствіе мѣстныхъ частей административной машины посредствомъ давленія на нихъ этой власти. Вотъ почему власть губернаторовъ надъ воеводами получаетъ такое сильное развитіе по наказу 1728 г. Губернатору предоставлено право налагать на подчиненныхъ ему воеводъ штрафъ. Провинціальные воеводы сообщаютъ ему о неисправностяхъ городовыхъ воеводъ, а эти послѣдніе о неисправностяхъ воеводъ пригородныхъ. При обсужденіи реформы въ верховномъ тайномъ совѣтѣ Меньшиковъ предлагалъ расширить эту власть еще болѣе порученіемъ губернаторамъ представлять кандидатовъ въ городовые воеводы,—мысль эта однако не была принята, и какъ назначеніе, такъ и смѣщеніе воеводъ удержано было за высшими правительственными органами. Іерархія воеводскаго устройства была проведена послѣдовательнѣе въ административномъ, чѣмъ въ судебномъ отношеніи. Въ послѣднемъ всѣ воеводы, какъ пригородные, такъ и городовые и провинціальные одинаково составляли низшую инстанцію, откуда апелляція шла къ губернатору. Апелляція отъ городовыхъ воеводъ къ провинціальнымъ не допускалась; къ нимъ можно было лишь обращаться съ жалобой на медленность веденія дѣла городовымъ воеводой, и провинціальному давалось право побуждать его къ скорѣйшему рѣшенію дѣла. Этотъ судебный порядокъ былъ, слѣдовательно, иной сравнительно съ тѣмъ, какой предполагалось ввести указомъ 15 іюля 1726 г., по которому городовые воеводы должны были являться низшей инстанціей относительно провинціальнаго, и хорошая его сторона заключалась въ

сокращеніи инстанцій, такъ какъ ихъ въ области оставалось теперь всего двѣ: воевода и губернаторъ. Апелляція на губернатора идетъ въ юстицъ-коллегію, которая однако лишена была права подвергать губернатора штрафу, какъ прежде она подвергала надворные суды, и должна была обращаться въ такихъ случаяхъ въ сенатъ. Компетенція суда первой инстанціи, т. е. воеводскаго, была ограничена единственнымъ постановленіемъ, по которому ея приговоры, назначавшіе виновнымъ смертную казнь или ссылку на галеры, должны были приводиться въ исполненіе не иначе, какъ по утвержденіи ихъ губернаторами. Въ административномъ отношеніи воеводское управленіе представляло изъ себя строго-іерархическую лѣстницу, по которой проходило со ступени на ступень административное дѣлопроизводство. Городовые воеводы пересылаютъ собранныя деньги и представляютъ отчетность провинціальнымъ, провинціальные губернаторамъ, и эти послѣдніе сносятся съ коллегіями. Непосредственныя сношенія воеводъ съ высшими правительственными мѣстами: сенатомъ и коллегіями не допускались. «И понеже все», гласилъ наказъ 1728 г., «какъ денежные сборы, такъ и прочее всякое правленіе положено на губернаторахъ, и принадлежащіе къ губерніямъ провинціи и города подчинены имъ, губернаторамъ, того ради всѣ указы, какъ изъ сената, такъ изъ коллегій и изъ канцелярій, о чемъ откуда надлежитъ, отправлять къ однимъ губернаторамъ, и по тѣмъ указамъ всякаго исправленія взыскивать на нихъ, а къ воеводамъ мимо ихъ, губернаторовъ, никакихъ указовъ не посылать, чтобъ о всѣхъ дѣлахъ всей своей губерніи былъ свѣдомъ и по полученнымъ указамъ на воеводахъ исправленія взыскивалъ» [1]).

Итакъ, новое воеводское управленіе, какъ оно опредѣлилось наказомъ 1728 г., отличалось въ своемъ устройствѣ отъ провинціальнаго управленія Петра Великаго тремя изложенными чертами, каковы были: *сліяніе власти* всѣхъ видовъ въ лицѣ воеводы и подчиненіе ему всѣхъ прежде изъятыхъ изъ его компетенціи вѣдомствъ; *повсемѣстность* воеводской власти, т. е. возстановленіе ея повсюду, гдѣ она существовала въ XVII в.; наконецъ, *іерархія*, проведенная по всей системѣ мѣстной администраціи. Но оно разнилось отъ предыдущаго также и по тѣмъ зада-

[1]) П. С. З. № 5333 ст. 5: о командѣ губернатору надъ провинціальными и городовыми воеводами, «чтобъ они, вѣдая надъ собою ближнюю команду, осторожнѣе поступали и рапорты отъ нихъ чрезъ губернаторовъ исправнѣе доходили»; 9: о судахъ и переносахъ дѣлъ; 11: о челобитчикахъ на городовыхъ воеводъ въ волокитахъ: «Хотя провинціальному воеводѣ отъ городовыхъ воеводъ апелляціи быть не позволено и т. д.; 20_{12}.

чамъ, которыя ему ставились и которыя составляли его содержаніе. Это не были тѣ широкія, трудно осуществимыя задачи поднятія мѣстнаго благосостоянія, распространенія просвѣщенія и прогресса нравственности съ конечною цѣлью снискать благословеніе Божіе, о которыхъ торжественнымъ, напыщеннымъ и велерѣчивымъ языкомъ говорили заимствованныя у Швеціи инструкціи областнымъ чинамъ 1719 г. Задачи новаго управленія были проще и практичнѣе, какъ и самый языкъ наказа 1728 г. былъ проще и дѣловитѣе языка инструкцій. Правительство, наслѣдовавшее преобразователю, трезвѣе смотрѣло на вещи, очевидно, лучше понимало ихъ дѣйствительное положеніе, поэтому не увлекалось иностранными образцами, предъявляло къ мѣстному управленію болѣе исполнимыя требованія и выражало эти требованія въ наказѣ болѣе понятнымъ и точнымъ языкомъ. Элементъ попеченія не остался, какъ мы уже видѣли выше, чуждъ воеводской и губернаторской власти. Ей подчинены города для лучшаго охраненія посадскихъ людей. Воеводамъ и губернаторамъ вмѣнялось также въ обязанность и вообще оберегать отъ разоренія и отъ обидъ людей всякихъ чиновъ, находящихся подъ ихъ вѣдѣніемъ. Но это попеченіе заключается главнымъ образомъ въ охранѣ слабаго люда отъ насилій властей и сильныхъ согражданъ и не имѣетъ широкаго полицейскаго характера. Кругъ полицейской дѣятельности, направленной на благосостояніе мѣстности сравнительно съ инструкціями Петра съуженъ. Зато входящія въ его составъ обязанности опредѣлены точнѣе. Этотъ кругъ довольно близко подходитъ къ тому, который обозначался въ воеводскихъ наказахъ XVII вѣка, и только пополненъ нѣкоторыми постановленіями, взятыми изъ петровскихъ инструкцій. Благодаря его несложности его нетрудно изложить въ краткихъ чертахъ. На губернаторѣ и воеводѣ лежитъ полиція безопасности отъ злой воли человѣка, куда относятся: искорененіе разбойниковъ, учрежденіе въ городахъ карауловъ для ловли воровъ, бродягъ, бѣглыхъ и подозрительныхъ людей, и отъ огня, куда относится принятіе противопожарныхъ мѣръ, заимствованныхъ въ большей своей части изъ воеводскихъ наказовъ XVII вѣка. Затѣмъ слѣдуетъ санитарная полиція. Параграфъ о мѣрахъ въ случаѣ моровой язвы взятъ изъ наказовъ XVII в., а другія три относящіяся сюда статьи наказа о наблюденіи за чистотой на улицахъ и объ опрятности въ торговлѣ мясными продуктами и другими съѣстными припасами — изъ полицейскихъ распоряженій Петра. Далѣе, надзоръ за мѣрами и вѣсами; «ниспроверженіе подозрительныхъ домовъ», этихъ, по выраженію наказа, «мерзостей, отъ чего всякое зло происходитъ»,—какъ требованіе полиціи нравовъ; охраненіе чистоты вѣры въ видѣ предписанія

ловить и доставлять въ синодъ еретиковъ и сжигать своею властью безъ всякаго милосердія иновѣрцевъ, уличенныхъ въ совращеніи православныхъ въ свою вѣру—вотъ и все, въ чемъ заключались полицейскія обязанности воеводы и губернатора по наказу 1728 г. Ни слова о народномъ просвѣщеніи, объ академіяхъ и школахъ, о медицинѣ и общественномъ призрѣніи въ видѣ госпиталей и сиротскихъ домовъ, объ охраненіи правъ каждаго сословія, объ особомъ попеченіи надъ крѣпостными крестьянами и защитѣ ихъ отъ помѣщичьяго произвола, объ устройствѣ путей сообщенія, объ изысканіи способовъ для развитія и процвѣтанія торговли и промышленности—предметы, о которыхъ такъ много говорилось въ инструкціяхъ 1719 г. Не въ полицейской дѣятельности лежалъ по наказу 1728 г. центръ тяжести обязанностей мѣстной власти. Въ немъ, послѣ того какъ мечты инструкцій 1719 г. разсѣялись, эта власть ярко выступаетъ опять съ своими вѣковыми функціями суда и дани. Казенные сборы и отправленіе правосудія—вотъ главныя обязанности губернатора и воеводы, точно обозначенныя и подробнѣе другихъ развитыя въ наказѣ 1728 г., который, касаясь положительныхъ задачъ мѣстнаго управленія, указываетъ воеводамъ и губернаторамъ «паче простираться между жителями судъ и расправу чинить и въ сборахъ съ нихъ положенныхъ податей поступать по указамъ самою правдою». Воевода по наказу 1728 г. это—опять финансовый и судебный агентъ правительства, побуждающій населеніе къ отбыванію тягла и творящій судъ, болѣе активный, чѣмъ по инструкціямъ, ограничивавшимъ его роль лишь надзоромъ за разными отраслями управленія, тотъ, какимъ онъ былъ въ XVII в., какимъ въ сущности онъ оставался на практикѣ и въ годы провинціальныхъ учрежденій. Чуждый широкихъ и неосуществимыхъ размаховъ наказъ 1728 г. вѣрно отражалъ дѣйствительность; въ этомъ и заключался секретъ его долговременнаго дѣйствія [1]).

VI.

Наблюдая предпринятую Петромъ реформу учрежденій, французскій посланникъ при петербургскомъ дворѣ Кампредонъ въ мартѣ 1721 г. писалъ своему правительству, что есть основаніе думать, что созданныя царемъ учрежденія не переживутъ его. Эту увѣренность

[1]) П. С. З. № 5333 ст. 52, 15, 40, 41, 47, 39, 38, 42, 43, 44, 45, 46, 18, 19.

поддерживалъ въ немъ и его прусскій коллега Мардефельдъ. «Умри этотъ государь», говорилъ послѣдній, «они, большинство русскихъ, всѣмъ пожертвуютъ, даже своей жизнью, лишь бы вернуться къ своему прежнему порядку управленія и бросить нововведенныя учрежденія царя, которыя поддерживаются только его строгостью и страхомъ его подданныхъ». Какъ видимъ, эти предсказанія сбылись, по крайней мѣрѣ, относительно областныхъ учрежденій. Было возстановлено областное управленіе, во многомъ вернувшееся къ порядку, дѣйствовавшему при Петрѣ до введенія шведскихъ учрежденій 1719 г., во многомъ даже къ дореформенному порядку XVII в. Если вѣрить другому французскому дипломату, Лави, Петръ и самъ ясно видѣлъ непрочность своихъ учрежденій. «Хотя ты всегда одобрялъ мои дѣйствія», говорилъ онъ по свидѣтельству Лави въ 1719 г. генералъ-адмиралу Апраксину, «въ особенности по отношенію къ флоту, но я все же читаю въ твоемъ сердцѣ, что умри я прежде тебя, ты одинъ изъ первыхъ осудишь все, что я сдѣлалъ». Но царю вовсе не нужно было умирать, чтобы дать начало разрушенію созданныхъ имъ учрежденій. Они стали разрушаться еще при немъ и даже нерѣдко при его же собственномъ содѣйствіи [1]).

Мы познакомились въ предыдущемъ изложеніи съ окружающими условіями: и съ общественной средой, изъ которой новымъ учрежденіямъ пришлось формироваться и въ которой имъ пришлось дѣйствовать, и съ внѣшними случайными вліяніями, которыя они должны были на себѣ испытать. Мы прослѣдили, какъ эти окружающія условія подтачивали построенную по иностранному образцу административную систему и заставляли ее быстро таять, приспособляться къ жизни, терять прежнія и принимать новыя формы, до неузнаваемости непохожія на свои иностранные первообразы, и приближаться къ старому дореформенному строю. Но учрежденія 1719 г. пали не только потому, что они подверглись губительному вліянію разрушавшихъ ихъ окружающихъ обстоятельствъ. Они крыли и въ самихъ себѣ внутреннія причины своей непрочности, какія сыграли бы неизбѣжно свою роковую роль и помимо вліянія внѣшнихъ обстоятельствъ. Эти внутреннія разлагающимъ образомъ дѣйствовавшія причины заключались въ недостаткѣ у новыхъ учрежденій тѣхъ свойствъ, которыя были необходимы для ихъ поддержки. Паденіе учрежденій и совершилось потому, что при наличности многихъ разрушавшихъ и разлагавшихъ ихъ условій они были совсѣмъ лишены условій поддерживающихъ и скрѣп-

[1]) Сб. И. О. XL, 181; XL, 38.

ляющихъ. Если бы они обладали этими поддерживающими и скрѣпляющими свойствами, они, можетъ быть, справились бы съ тѣми невзгодами, которыми были постигнуты и вышли бы изъ нихъ побѣдоносно. Они пали потому, что не носили въ себѣ свойствъ, которыя давали бы имъ нужную имъ силу сопротивленія. Два недостатка лишали ихъ этой силы.

Первый заключался въ томъ, что они не опирались на опредѣленный, хорошо сознанный и твердо установленный принципъ. Реформаторъ, какъ и тотъ общественный кругъ, который поддерживалъ его дѣло, не влагали въ преобразованіе административныхъ учрежденій отвлеченнаго принципа, которымъ бы они были воодушевлены и за который они были бы готовы бороться. Если въ структурѣ вводимыхъ учрежденій можно отмѣтить нѣкоторыя основныя начала, какъ стройность и правильность раздѣленія, то это были начала только формальныя, опредѣлявшія внѣшнюю сторону устройства, да и они не были настолько отчетливо сознаны и глубоко усвоены, чтобы вызвать стойкую защиту въ случаѣ угрожавшей имъ опасности. Они являлись не плодомъ ясно продуманнаго отвлеченнаго взгляда, а скорѣе безсознательно и поэтому нетвердо усвоеннымъ продуктомъ эпохи, отъ котораго нетрудно было и отказаться при встрѣченныхъ препятствіяхъ.

Система административныхъ учрежденій въ эпоху Петра строилась искусственно и поэтому нуждалась въ той скрѣпляющей связи, безъ которой легко могутъ обходиться старинныя сложившіяся историческимъ путемъ и естественно выросшія на родной почвѣ учрежденія. За послѣдними есть одно важное преимущество: они вызываютъ къ себѣ уваженіе, какъ древнія, поросшія мхомъ твердыни, они освящены стариной и поддерживаются упорною силою привычки. Новымъ, искусственно вводимымъ учрежденіямъ всегда придется выдержать болѣе или менѣе сильную борьбу, и только отвлеченная идея способна замѣнить собою для нихъ святость старины, внушаемую естественно сложившимися учрежденіями. Только идея есть сила, могущая бороться съ успѣхомъ противъ безсознательной вѣковой привычки. Она возбуждаетъ къ себѣ вѣру, становится догматомъ и заповѣдью, руководящею поведеніемъ и вдохновляющею до энтузіазма. Она сообщаетъ политической постройкѣ ея крѣпость, разливаясь прочнымъ связующимъ цементомъ по ея частямъ, придавая ея матеріалу надежную силу сопротивленія противъ грозящихъ разрывовъ. Она, наконецъ, обладаетъ еще однимъ цѣннымъ свойствомъ: способностью привлекать къ постройкѣ и пускать въ дѣло лучшій и наиболѣе прочный матеріалъ, дѣлая такимъ образомъ зданіе еще болѣе пригоднымъ для борьбы. Учрежденія со-

стоятъ изъ людей; они хороши и прочны, когда составлены изъ лучшихъ силъ общества, а лучшія силы общества знаютъ одинъ родъ борьбы, борьбу за идеи. Слѣдовательно, учрежденія тогда только составятся изъ лучшихъ силъ и тогда только завоюютъ себѣ прочный успѣхъ, когда они будутъ проникнуты идеей, когда будутъ служить средствами для проведенія ея въ жизнь. Даже и тогда, когда идея, лежащая въ основѣ учрежденій, какъ это нерѣдко бываетъ, является лишь не болѣе какъ покровомъ, подъ которымъ болѣе тщательный анализъ различитъ самыя реальныя стремленія того или другаго общественнаго класса—таково уже свойство общественныхъ отношеній, что въ борьбѣ и самые практическіе интересы облекаются идеологической формой—все равно, идея необходима, какъ источникъ вдохновенія въ борьбѣ, потому что люди, какъ бы они энергично ни дѣйствовали во имя матеріальныхъ интересовъ, вдохновляться могутъ не ими, а только возвышающейся надъ ними идеей. Въ политической борьбѣ отвлеченная идея есть то лучшее, чѣмъ вполнѣ искренно прикрываются и скрашиваются дѣйствія, направленныя, если ихъ пристальнѣе разсмотрѣть, матеріальными и низменными побужденіями. Пусть извѣстная революція, если дорыться до ея корней, является результатомъ эгоистическихъ и корыстныхъ стремленій одного общественнаго класса, но она непремѣнно облекается въ идейную окраску, и только эта послѣдняя вызываетъ къ ней сочувствіе и обезпечиваетъ ей успѣхъ, ставя на ея сторону лучшія общественныя силы.

Отблесками восходящихъ идей просвѣщеннаго абсолютизма озарена была и реформа Петра. Общее благо народа, абсолютная, но послушная требованіямъ разума верховная власть, руководящая въ достиженіи этой возвышенной цѣли, государь, «за отечество и люди живота своего не жалѣющій», какъ выражался Петръ,—«первый слуга государства», какъ съ большимъ изяществомъ формулируетъ впослѣдствіи ту же мысль Фридрихъ Великій; математически правильная, построенная по требованію разума система государственныхъ учрежденій, замѣнившая собою средневѣковой безпорядокъ—всѣ эти идейные элементы просвѣщеннаго абсолютизма налицо въ эпоху Петра. Но все это слишкомъ широкія, слишкомъ общія идеи, которыя пригодны быть отправными точками для дедукціи изъ нихъ дальнѣйшихъ болѣе частныхъ положеній, политическія аксіомы, изъ которыхъ должны быть послѣдовательно выведены частныя теоремы. Для общаго направленія правительственной дѣятельности этихъ общихъ идей достаточно. Для мелочей и деталей, для ежедневно возникающихъ передъ практическимъ политикомъ вопросовъ ихъ мало. Ему нужны частныя положенія, въ которыхъ онъ могъ бы получать

скорые отвѣты на занимающіе его вопросы и въ которыхъ онъ могъ бы находить основанія для своихъ плановъ. Если требуется построить учрежденіе, необходима выведенная изъ общей аксіомы частная теорема, по которой оно и должно быть построено—тогда только учрежденіе будетъ необходимымъ логическимъ постулатомъ общей идеи, носящимъ на себѣ ея печать, крѣпко связаннымъ съ нею, проникнутымъ ею, единственнымъ и незамѣнимымъ никакимъ другимъ, какъ единственны и незамѣнимы логическіе выводы. Когда законодатель 1789—1791 гг. столкнулся съ вопросомъ объ устройствѣ областныхъ учрежденій во Франціи, онъ отдѣлялъ въ нихъ органы законодательные отъ исполнительныхъ и судебныхъ, такъ какъ онъ строилъ ихъ по теоремѣ раздѣленія мѣстныхъ властей, выведенной имъ съ необходимой логическою послѣдовательностью изъ основной аксіомы о раздѣленіи власти, которая была для него вдохновляющимъ его догматомъ и которую онъ готовъ былъ упорно отстаивать въ борьбѣ. Но для такого послѣдовательнаго развитія системы и для яснаго вывода частныхъ политическихъ теоремъ, которыя служили бы основаніями для практическихъ построеній, необходима была предварительная обширная теоретическая разработка вопросовъ государственнаго права. Для реформатора эпохи Великой революціи такая разработка была уже совершившимся фактомъ, онъ имѣлъ ее за собою, онъ воспитывался на трактатахъ великихъ политическихъ мыслителей, которые становились для него евангеліемъ. Петръ и его сотрудники въ началѣ XVIII в. такой подготовки не имѣли.

Правда, политическая теорія въ русскомъ обществѣ въ эпоху реформы возбуждала къ себѣ нѣкоторый интересъ, сила котораго поддерживалась многими обстоятельствами. Прежде всего реформа широко распахнула двери въ западную Европу, въ которую она вывела, большею частію противъ воли, множество русской наиболѣе интеллигентной молодежи того времени изъ лучшихъ дворянскихъ домовъ учиться кораблестроительному искусству и морскому дѣлу. Но, работая на верфяхъ и плавая на учебныхъ судахъ, эти русскіе гардемарины находили досугъ присматриваться и къ инымъ областямъ заграничной жизни. Они стали знакомиться и съ хозяйственнымъ бытомъ, и съ общественнымъ строемъ, и съ политическими порядками тѣхъ странъ, гдѣ проводили учебное время. Они ужаснули эти страны невиданнымъ буйствомъ и необузданнымъ поведеніемъ, доставили много хлопотъ западнымъ правительствамъ, незнавшимъ, какъ отъ нихъ отдѣлаться, и тѣмъ русскимъ надзирателямъ, которымъ поручалось наблюдать за ними и которые должны были краснѣть отъ ихъ «срамотныхъ поступковъ»,

и многіе изъ нихъ вернулись изъ заграницы такими же варварами, какими туда и поѣхали, вынеся изъ путешествія развѣ только болѣе широкое знакомство съ тѣми удовольствіями, какія давала европейская жизнь. Но въ наиболѣе развитыхъ натурахъ впечатлѣнія, полученныя на западѣ были серьезнѣе, не проходили безслѣдно, влекли къ болѣе пристальнымъ наблюденіямъ и возбуждали обобщающую работу мысли. Случилось такъ, что дворянская молодежь была введена заграницу именно въ тотъ моментъ, когда такъ блестяще стала развиваться тамъ политическая философія,—и вотъ въ библіотекахъ столичныхъ барскихъ домовъ и подмосковныхъ усадебъ стали появляться книги и рукописи, заключавшія въ себѣ въ подлинникахъ и переводахъ трактаты крупныхъ свѣтилъ европейской политической мысли: Гроція, Пуфендорфа, Томазія, окруженные цѣлымъ сонмомъ произведеній теперь уже давно забытыхъ звѣздъ мелкой величины въ той же области, посвященныхъ описанію устройства западно-европейскихъ государствъ, подъ разными мудреными заглавіями въ родѣ книгъ: «Камень опыта политическаго», «Ѳеоремата, или разсужденіе о правомъ и мирномъ царствѣ» и др. Распространенію знакомства съ этой политической литературой много содѣйствовалъ и самъ Петръ, видя въ ней средство для полученія образованнаго чиновничества, необходимаго для гражданскихъ должностей, и прибѣгая къ ея содѣйствію для проведенія извѣстныхъ взглядовъ въ публику и для оправданія въ глазахъ общества нѣкоторыхъ своихъ дѣйствій, возбуждавшихъ въ немъ толки и пересуды. Наконецъ, и обстоятельства, окружавшія русскихъ людей того времени, когда чуть не ежедневно ломались одни и созидались другія государственныя учрежденія,—держали мысль въ напряженномъ состояніи, давая ея работѣ также направленіе въ сторону государственнаго права. Размышленія въ этой области стали занимать образованнѣйшихъ людей времени. Кн. Д. М. Голицынъ, президентъ камеръ-коллегіи, а ранѣе кіевскій губернаторъ, по цѣлымъ часамъ бесѣдовалъ съ извѣстнымъ голштинскимъ публицистомъ Фикомъ, обсуждая вопросы государственнаго права. Исторія событій 1730 г. вскрываетъ для насъ интересъ къ этого рода вопросамъ въ болѣе широкихъ дворянскихъ кругахъ, дебатировавшихъ въ январскіе и февральскіе дни этого года о сравнительныхъ достоинствахъ монархической, аристократической и республиканской формъ правленія.

Однако этотъ интересъ не отличался ни глубиной, ни прочностью и былъ не болѣе, какъ мимолетнымъ настроеніемъ. Изъ политическихъ размышленій русскихъ людей первой четверти XVIII в. не выработалось никакой оригинальной теоріи, а чужія не увлекали настолько,

чтобы, сдѣлавшись своего рода евангеліемъ, возбудить и поддерживать борьбу за свое осуществленіе. Учрежденія, вводимыя реформой, не скрывали за собой никакой отвлеченной теоретической подкладки. Реформа была только приспособленіемъ къ русской жизни иноземнаго заимствованія изъ соображеній практическаго удобства, а не послѣдовательнымъ проведеніемъ отвлеченныхъ началъ. Нѣкоторые отдѣльные институты были всетаки болѣе теоретически обоснованы: таковъ былъ коллегіальный порядокъ. Но не видно, чтобы это теоретическое обоснованіе логически было выведено изъ какого-нибудь общаго отвлеченнаго принципа. Законодатель ограничивается простымъ объясненіемъ практическихъ удобствъ правительственнаго механизма такъ устроеннаго. Но въ реформѣ областныхъ учрежденій нѣтъ даже и такого малаго количества теоретическаго элемента, и если здѣсь можно говорить о теоріи, то развѣ только въ томъ смыслѣ, который даетъ этому термину проф. Градовскій, говоря, что «Петромъ руководила теорія, выработанная не путемъ науки, а весьма практическимъ соображеніемъ: такія-то учрежденія существуютъ въ такомъ-то государствѣ, и оно по своему образованію, могуществу и богатству превосходитъ Россію; причина этого превосходства, несомнѣнно, хорошія учрежденія; слѣдовательно, если Россія будетъ обладать такими учрежденіями, то и она станетъ наряду съ европейскими государствами» [1]. Вотъ и вся государственно-правовая теорія Петра, лежащая въ основѣ его административной, въ особенности областной реформы. Въ этой именно части реформы отсутствіе какого-либо теоретическаго основанія выступаетъ наиболѣе ярко; единственнымъ руководящимъ началомъ ихъ введенія служитъ только практическій разсчетъ. Они и вообще въ то время не привлекали къ себѣ вниманія политической мысли, вращавшейся въ области общихъ вопросовъ государственнаго права, едва начавшей разрабатывать теорію учрежденій высшаго порядка и совершенно оставлявшей въ тѣни мѣстное управленіе. Только публицисты нашего времени доказали всю важность мѣстнаго управленія для государственнаго строя. Но разъ не опредѣленный отвлеченный принципъ, а соображенія практики руководили реформаторомъ въ устройствѣ областныхъ учрежденій, это открывало широкій просторъ выбора изъ различныхъ системъ и могло повести къ попыткамъ сочетать въ одну систему самыя противоположныя основанія. При такомъ недостаткѣ руководящаго принципа трудно было построить искусственно въ сферѣ мѣстнаго управленія что-либо прочное, что могло

[1]) *Градовскій*, Высшая админ. 45.

бы замѣнить органически сложившіяся учрежденія. Отсюда цѣлый рядъ колебаній. Подобно тому, какъ отсутствіе опредѣленнаго міровоззрѣнія направляетъ по очень волнообразной кривой поведеніе отдѣльнаго человѣка, отсутствіе руководящаго принципа у законодателя подвергаетъ создаваемыя имъ учрежденія безпрестаннымъ перемѣнамъ и дѣлаетъ его ненадежнымъ другомъ, а иногда и прямо разрушителемъ имъ же созданныхъ учрежденій. Исключая возможность узкаго увлеченія одной какой-либо доктриной, въ чемъ заключается его достоинство, эклектизмъ съ другой стороны не даетъ вдохновенія и силъ къ борьбѣ за поддержаніе того или другаго начала, такъ какъ при немъ уживаются разныя начала. При трудности провести въ жизнь намѣченный планъ реформаторъ отъ него отказывается. Въ первоначальный планъ реформы 1719 г. входило отдѣленіе судебныхъ учрежденій отъ административныхъ, но при первомъ же столкновеніи съ трудностями жизни реформаторъ легко разстается съ этимъ началомъ. Въ неоднократныхъ преобразованіяхъ мѣстнаго управленія, которыя Петръ предпринималъ до 1719 г., онъ обнаруживалъ настойчивое стремленіе призвать къ участію въ этомъ управленіи мѣстное землевладѣльческое общество, въ качествѣ выборныхъ воеводскихъ товарищей въ 1702 и 1705 гг., а затѣмъ въ формѣ ландратскихъ губернскихъ коллегій въ 1713 г. Реформа 1719 г. построена уже исключительно на бюрократическомъ началѣ, земскимъ силамъ не дано мѣста въ системѣ областныхъ административныхъ и судебныхъ учрежденій. Но и это начало непрочно: преобразователю скоро пришлось нарушить это бюрократическое единство и вновь обратиться къ мѣстному обществу, привлекая его къ выбору земскихъ комиссаровъ и поручая ему контроль надъ ними. Стремясь къ практическимъ удобствамъ, онъ не добивался торжества идеи во что бы то ни стало и уступалъ дѣйствительности съ тою легкостью, съ какою не уступилъ бы ей убѣжденный ученикъ Монтескье и Руссо. Чисто практическая реформа Петра не могла поставить себѣ девизомъ тѣхъ словъ, которыя произнесла революція, увлеченная идеей: vivent les principes, périssent les colonies.

Другой недостатокъ, бывшій причиною слабости областныхъ учрежденій 1719 г., заключался въ томъ, что они не вызвали къ себѣ сочувствія въ какомъ-либо общественномъ классѣ, который бы ими дорожилъ и ихъ поддерживалъ. Государственныя учрежденія служатъ орудіями удовлетворенія общегосударственнаго интереса. Но единый общій для всего государства интересъ это—только довольно незначительный остатокъ, общій для всѣхъ классовъ и получающійся за вычетомъ отдѣльныхъ интересовъ каждаго класса. Онъ не поглощаетъ

собою этихъ разнообразныхъ и взаимно-противоположныхъ интересовъ, борьба которыхъ ярко разыгрывается на его блѣдномъ фонѣ, никогда не прекращаясь совершенно и только замирая въ моменты общаго патріотическаго подъема, не часто случающіеся въ исторіи каждаго народа. Борьба этихъ классовыхъ стремленій даетъ равнодѣйствующую, по которой направляется общегосударственный интересъ и налагаетъ свой отпечатокъ на орудія удовлетворенія этого интереса — государственныя учрежденія. Учрежденія, выростающія органически, складываются подъ двоякимъ вліяніемъ: во-первыхъ, на нихъ отражается вліяніе общегосударственнаго интереса, а затѣмъ, они въ болѣе или менѣе значительной степени приспособляются къ выгодамъ того общественнаго класса, который является правящимъ, неизбѣжно дѣлаясь также средствами для осуществленія его стремленій, орудіями его власти. Они потому то и бываютъ прочны, что ихъ издавна поддерживаетъ могущественный классъ, готовый вести за нихъ борьбу, чтобы отстаивать свои интересы, связанные съ учрежденіями, какъ цѣль со средствами. Очевидно, что учрежденія, искусственно вводимыя, если разсчитываютъ на прочность, должны сообразоваться съ обоими этими обстоятельствами. Служа или, по крайней мѣрѣ, не противорѣча удовлетворенію общегосударственныхъ потребностей, они должны найти себѣ опору въ какомъ-либо изъ общественныхъ классовъ, который былъ бы заинтересованъ ихъ поддержкой. Изобрѣсти такую систему учрежденій, которая въ равной мѣрѣ могла бы удовлетворять противоположныя и сталкивающіяся стремленія всѣхъ общественныхъ классовъ и поэтому была бы въ одинаковой степени для всѣхъ нихъ дорога и всѣми ими поддерживалась, не удавалось, кажется, еще ни одному законодателю. Отъ проницательности послѣдняго зависитъ понять, за какимъ классомъ останется побѣда въ борьбѣ, какому изъ нихъ принадлежитъ будущее, чтобы съ нимъ именно, а не съ другимъ, хирѣющимъ и отживающимъ свой вѣкъ, связать проектируемыя учрежденія, подобно тому какъ отъ мудрости архитектора зависитъ выбрать наиболѣе прочный слой грунта для утвержденія на немъ фундамента постройки.

Административныя и судебныя учрежденія Петра не заинтересовали собою ни одного общественнаго класса, который сталъ бы ихъ поддерживать. Они никому не были дороги. Положенія низшихъ классовъ они нисколько не облегчали, а правящему классу, дворянству, они не давали въ руки ничего болѣе того, что оно уже и безъ нихъ имѣло. Они вовсе не способствовали усиленію его вліянія и въ этомъ отношеніи нисколько не были для дворянства важнѣе старыхъ. Дво-

рянство, которое пріобрѣтало все болѣе преимуществъ, обезпечивало за собою владѣніе земельнымъ капиталомъ страны, обращая право на это владѣніе въ привилегію своего сословія, и параллельно съ тѣмъ утверждало свою власть надъ трудомъ, все болѣе закрѣпощая его, — не становилось, въ самомъ дѣлѣ, сильнѣе отъ того, что единоличный порядокъ управленія и суда замѣнялся коллегіальнымъ или отъ того, что судъ отдѣлялся отъ администраціи. При томъ и при другомъ, при старомъ и при новомъ порядкахъ, оно одинаково держало въ своихъ рукахъ и управленіе, и судъ, наполняя своими членами единоличныя, какъ и коллегіальныя учрежденія, занимая воеводскія и судейскія мѣста. Не это тогда интересовало въ государственномъ устройствѣ все болѣе становящееся вліятельнымъ сословіе; другіе вопросы стояли для него на очереди. Облегченіе обязательной военной службы и ограниченіе произвола въ конфискаціи имѣній—вотъ гдѣ крылись пружины стремленій дворянства первой половины XVIII вѣка. Исключительное вліяніе въ учрежденіяхъ второстепеннаго порядка, каковы были коллегіи и областныя учрежденія, не давало еще дворянству средствъ для рѣшенія этихъ насущнѣйшихъ вопросовъ въ благопріятномъ для него смыслѣ. Оно смотрѣло выше и стремилось обезпечить за собою руководство самымъ престоломъ въ своихъ интересахъ, добиваясь для этого широкаго участія въ верховномъ управленіи. Движеніе 1730 г. дало возможность дворянству ясно высказать эти свои стремленія, и оно выступило тогда съ цѣлымъ рядомъ проектовъ учрежденій именно верховнаго управленія, желало преобразовать верховный тайный совѣтъ и сенатъ, создать палату шляхетства въ цѣляхъ утвержденія за собою руководства верховной властью. Вопросъ о второстепенномъ центральномъ и всемъ областномъ управленіи былъ тогда, въ 1730 г., въ сторонѣ. Дворянство оставляло за собой только замѣщеніе личнаго состава этихъ управленій, не касаясь самой системы.

Но мало будетъ сказать, что областная реформа 1719 г. встрѣтила въ современномъ ей дворянствѣ равнодушіе. Она вызвала въ немъ къ себѣ прямо отрицательное отношеніе. Совершенно неправильно было бы думать, что дворянство двадцатыхъ годовъ XVIII вѣка не интересовалось вообще мѣстнымъ управленіемъ и подтвержденіемъ такой мысли считать молчаніе о немъ дворянскихъ проектовъ 1730 г. Если оно молчало о немъ въ 1730 г., то вовсе не потому, чтобы пренебрегало имъ, а единственно потому, что какъ разъ только что передъ этимъ, въ 1727 г., оно получило полное удовлетвореніе своихъ стремленій относительно системы мѣстной администраціи, которая была перестроена согласно съ его желаніями. Реформа 1727 г.

явилась отвѣтомъ на эти желанія и поэтому позволяла дворянству сосредоточить въ 1730 г. всѣ свои помыслы на верховныхъ учрежденіяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ вопросъ о мѣстномъ управленіи очень занималъ собою дворянство, и какъ только со смертью нетерпѣвшаго противорѣчій преобразователя явилась для него нѣкоторая свобода и возможность высказать свои взгляды и заявить желанія, они были высказаны и заявлены. Не слѣдуетъ забывать, что устами членовъ тогдашняго сената и генералитета, съ мнѣніями и проектами которыхъ мы познакомились, и говорило именно само дворянство, такъ какъ эти корпораціи изъ него формировались и были съ нимъ неразрывно связаны. Мысли, имъ высказанныя, для областныхъ учрежденій Петра были враждебны. Созданное Петромъ подверглось самой рѣзкой критикѣ, а перемѣны, которыя предлагались, шли въ значительной мѣрѣ въ разрѣзъ съ тѣмъ, что было заведено преобразователемъ. Хорошо замѣтна исходная точка этой критики и этихъ требованій: это были сельско-хозяйственные интересы сословія, становившагося все менѣе служилымъ и все болѣе землевладѣльческимъ. Администрація 1719 г. была разорительна для деревни. Слишкомъ сложная и дорогая, она тяжелымъ бременемъ ложилась въ конечномъ счетѣ на бюджетъ дворянскаго имѣнія и потому становилась ненавистной землевладѣльцу, не искупая этой ненависти какими-либо положительными качествами, если злоупотребленіе властью было едва ли не чаще, чѣмъ ея нормальное дѣйствіе. Въ основѣ тѣхъ плановъ переустройства мѣстнаго управленія, которые проводятся дворянствомъ послѣ смерти Петра и осуществляются въ реформѣ 1727 г., лежитъ желаніе обойтись какъ можно болѣе безъ участія администраціи и потому какъ только возможно упростить ея систему. Одновременно съ сокращеніемъ функцій и упрощеніемъ состава администраціи предлагается сдѣлать болѣе активной и усложнить роль въ мѣстномъ управленіи самихъ землевладѣльцевъ, предоставивъ имъ надъ своими имѣніями прерогативы, какими пользовались агенты государственной администраціи. Но главнымъ предметомъ мѣстнаго управленія было въ то время производство казенныхъ сборовъ, и именно эту функцію дворянство желало предоставить въ руки самихъ помѣщиковъ, устранивъ отъ нихъ администрацію. Оно добивалось признанія за помѣщичьей властью значенія офиціальной посредницы между крестьянами плательщиками податей съ одной стороны и правительственными учрежденіями съ другой. Казенные сборы, по этимъ планамъ, должны были взиматься съ крестьянъ помѣщикомъ, къ которому предъявляются всѣ взысканія отъ казны и на котораго падаетъ

передъ послѣднею вся отвѣтственность за исправность сборовъ. Предвидѣлись большія выгоды отъ такого порядка вещей для всѣхъ трехъ сторонъ, заинтересованныхъ въ сборахъ: для казны, для плательщиковъ и для ихъ владѣльцевъ. Казна могла уменьшить расходы на взиманіе путемъ сокращенія штата служащихъ по финансовому управленію; крестьяне избавлялись отъ разорительныхъ наѣздовъ чуждаго имъ, хищнаго чиновника, вызова въ провинціальныя учрежденія въ рабочую пору, жестокихъ правежей и поспѣшной распродажи имущества за безцѣнокъ для уплаты подати, такъ какъ свой помѣщикъ, уплативъ за крестьянина въ казну самъ, допуститъ ему въ платежѣ разсрочку, не разоряя его хозяйства. Наконецъ, вслѣдствіе тѣсной связи между крестьянскимъ и помѣщичьимъ хозяйствами всякое повышеніе благосостоянія въ первомъ тотчасъ же отзовется и на второмъ. «Крестьяне», читаемъ въ одномъ проектѣ неизвѣстнаго автора, исходящемъ, повидимому, изъ дворянскихъ круговъ или, во всякомъ случаѣ, хорошо формулировавшемъ дворянскіе интересы, «за которыхъ пожелаютъ помѣщики платить подати, весьма будутъ довольны и въ покоѣ жить, и безобидны, и помѣщикамъ отъ того будетъ изрядная польза сицевымъ образомъ: надлежитъ тому помѣщику, сколько за нимъ душъ мужскаго пола и почему съ души подушныхъ денегъ платить надлежитъ, дать изъ провинціи за рукою воеводскою окладную роспись и брать съ него тѣ деньги по третямъ года. А посланныхъ для сбору денегъ къ крестьянамъ отнюдь не посылать и подводъ у нихъ также и харчей съ нихъ никакихъ не брать, и въ городъ ихъ для платежа денегъ не сыскивать, и во время пашни и страдное по челобитчиковымъ дѣламъ никогда не посылать, кромѣ убійственныхъ и татиныхъ дѣлъ. И тако съ Божіею помощью крестьяне могутъ не токмо себя исправить, но и помѣщиковъ съ прибылью, что они на правежѣ не станутъ стоять безвременно ничего, также и въ землѣ хлѣба за безцѣнокъ не продадутъ, и всегда время отъ времени земля помѣщикова и крестьянская удобрена, и хлѣбъ запасный будутъ имѣть, *понеже помѣщикъ, яко добрый правитель, со временемъ съ нихъ возьметъ и никогда не изневажитъ*». Ту же мысль о помѣщичьей опекѣ надъ крестьянствомъ въ верховномъ тайномъ совѣтѣ проводилъ извѣстный представитель и защитникъ интересовъ дворянства гр. Ѳ. М. Апраксинъ. «Крестьянину вотчинникову», заявлялъ онъ въ своемъ мнѣніи, «ничто такъ нужно, какъ одинъ бы вотчинникъ его вѣдалъ». Вотчинники могутъ беречь своихъ крестьянъ, «яко свою утробу, съ такою обороною, чтобы вышепомянутыхъ разныхъ командировъ имъ не было и не токмо не было, но и не въѣз-

жать къ нимъ въ тѣ деревни»[1]). Эта мысль объ офиціальномъ посредничествѣ помѣщика въ финансовомъ управленіи или о фискальномъ значеніи помѣщичьей власти не была уже новостью въ 1725—27 гг. Она замѣтна была и ранѣе; она высказывалась въ проектахъ, представленныхъ Петру новгородскимъ дворянствомъ по поводу учрежденія выборныхъ земскихъ комиссаровъ и легла въ основу этого института. Выборы сборщика подати, земскаго комиссара, съѣздомъ помѣщиковъ, контроль надъ нимъ и отвѣтственность за него передъ правительствомъ, возложенные на тѣ же съѣзды, служили уже достаточнымъ, хотя и косвеннымъ выраженіемъ взгляда на землевладѣльца, какъ на лицо, отвѣтственное за исправность сборовъ. Теперь рѣчь шла о болѣе прямомъ выраженіи того же взгляда. Требовалось болѣе офиціальное его признаніе и, какъ слѣдствіе такого признанія, еще большее разобщеніе помѣщичьихъ крестьянъ отъ администраціи, все еще безпокоившей имѣнія, такъ какъ даже и выбранный дворянствомъ земскій комиссаръ, втягиваясь въ общую бюрократическую машину и становясь ея звеномъ, тотчасъ же дѣлался грознымъ пугаломъ для имѣній своей же братіи, его избравшей. Это желанное признаніе и было сдѣлано, какъ приходилось уже говорить ранѣе, въ манифестѣ 9 января 1727 г. Проектируя отсрочку взиманія подушной до сентября 1727 г., манифестъ предполагалъ подтвердить помѣщикамъ, чтобы «старались свои деревни въ лучшее состояніе приводить, понеже съ сентября мѣсяца *положенную подать на крестьянъ... сами помѣщики платить принуждены будутъ*». Эти предположенія манифеста были приведены въ исполненіе въ указѣ 24 февраля 1727 г., повторившемъ ихъ буквально, и такимъ образомъ помѣщикъ былъ теперь офиціально объявленъ плательщикомъ подати за крестьянъ. Это признаніе рождало важныя послѣдствія. Прежде всего оно сильно подчеркивало хозяйственное значеніе помѣщика, такъ какъ, очевидно, исправность его, какъ плательщика подати, зависѣла отъ благосостоянія его имѣнія. Манифестъ и указъ и намѣчали попеченіе объ улучшеніи хозяйства въ имѣніи, какъ задачу помѣщика. Это значеніе помѣщика, какъ землевладѣльца хозяина, побуждало, далѣе, облегчить ему возможность принимать въ своемъ хозяйствѣ большее личное участіе и соглашаться на частые и продолжительные отпуски со службы, оживлявшіе осиротѣлыя безъ хозяевъ сельскія усадьбы, а затѣмъ и на сокращеніе срока самой службы. Наконецъ, это офиціальное признаніе помогало разрѣшить вопросъ объ упрощеніи провинціальной администраціи. Разъ, что очень важная

[1]) Госуд. арх. каб. д. II, 93, л. 618—619, л. 620—625.

часть обязанностей по финансовому управленію возлагалась на землевладѣльцевъ, многочисленный штатъ этого управленія, заведенный въ 1719 г., могъ быть теперь сокращенъ. Все болѣе осѣдая въ своихъ деревняхъ, помѣстное дворянство какъ бы входило по своему положенію въ составъ провинціальнаго правительственнаго штата, исполняя роль финансовыхъ и полицейскихъ агентовъ, даровыхъ полицеймейстеровъ, какъ будутъ о немъ говорить впослѣдствіи. Изъ всего сказаннаго ясно, какія стремленія воодушевляли дворянство въ концѣ двадцатыхъ годовъ XVIII в. Въ центрѣ оно желало править государствомъ, руководя верховною властью. Это стремленіе не осуществилось или осуществилось не въ той степени, въ какой хотѣло дворянство, такъ какъ оно неизбѣжно должно было столкнуться съ сопротивленіемъ другихъ классовъ, въ которыхъ верховная власть находила опору. Въ мѣстности оно желало править имѣніями, населенными крѣпостными «подданными» съ прерогативами администраціи, отстранивъ вмѣшательство послѣдней. Это желаніе увѣнчалось успѣхомъ, такъ какъ не только не противорѣчило интересамъ другихъ классовъ, но даже совпадало съ ними, въ особенности съ интересомъ крѣпостнаго крестьянства, во власти барина видѣвшаго меньшее зло сравнительно съ властью приказнаго. Но при такихъ стремленіяхъ могло ли дворянство поддержать навязанную ему областную бюрократію 1719 г., идущую какъ разъ въ разрѣзъ съ этими стремленіями?

Итакъ, областныя учрежденія 1719 г. не могли оказать сопротивленія разрушавшимъ ихъ условіямъ потому, что въ нихъ самихъ не было тѣхъ условій, которыя давали бы имъ внутреннюю крѣпость и которыя позволили бы имъ вступить въ борьбу. Они не являлись послѣдовательнымъ и твердымъ проведеніемъ ясно сознаннаго принципа и не заинтересовали какого-либо общественнаго класса, выгодамъ котораго они бы служили. Они пали и были замѣнены старымъ, до нихъ существовавшимъ и опять возстановленнымъ порядкомъ. Но сошли ли они со сцены безслѣдно? Появились ли они только лишь для того, чтобы изчезнуть? Нѣтъ, наблюдая порядокъ, ихъ замѣнившій, не трудно замѣтить, что онъ былъ далеко не совсѣмъ старый, и можно отличить въ немъ слѣды, положенные на него именно этой областной реформой Петра, столь мимолетной и непрочной.

И во внѣшнемъ устройствѣ областныхъ учрежденій 1719 г., и въ ихъ цѣляхъ были новыя черты, въ которыхъ отражались требованія и взгляды просвѣщеннаго абсолютизма. Во внѣшнемъ устройствѣ это были: однообразіе конструкціи и дѣйствія, правильность раздѣленія частей. Эти свойства оказали свое вліяніе на дальнѣйшій порядокъ и стали ему

болѣе или менѣе присущи. Существеннымъ различіемъ новаго воеводскаго управленія, установленнаго въ 1727 г., отъ воеводскаго управленія XVII в. является его однообразіе, покончившее съ тѣмъ хаосомъ и той разнокалиберностью, которыя представляла изъ себя дореформенная мѣстная администрація съ ея средневѣковымъ, историческимъ характеромъ. Мѣстное управленіе, начавшее дѣйствовать съ 1727 г., представляетъ изъ себя стройную систему іерархіи, совершенную бюрократическую пирамиду и въ областномъ раздѣленіи, и въ областномъ управленіи. Въ первомъ—съ усовершенствованной административной картой, съ губерніями, подраздѣленными на прочныя съ тѣхъ поръ провинціи, съ провинціями, подраздѣленными на уѣзды; во второмъ—съ стройнымъ порядкомъ, съ губернаторами, подчиненными верховнымъ органамъ, съ провинціальными воеводами, подчиненными губернаторамъ, съ уѣздными воеводами, подчиненными провинціальнымъ, и съ пригородными, подчиненными уѣзднымъ. Разъ государство должно было пережить бюрократическій фазисъ управленія, такая стройность системы являлась успѣхомъ сравнительно съ безпорядочной бюрократіей XVII в. Затѣмъ, въ самомъ дѣйствіи этой системы стало теперь больше единства, такъ какъ дѣятельность всѣхъ частей системы регулировалась единымъ общимъ наказомъ. Содержаніе наказа было заимствовано въ значительной мѣрѣ изъ наказовъ XVII вѣка, но именно въ его единствѣ, замѣнившемъ ихъ прежнюю пестроту, нельзя не признать успѣха, такъ какъ административная машина, однообразно регулируемая, становилась болѣе послушнымъ орудіемъ центральной воли, а въ этомъ и заключается цѣнное свойство бюрократіи. Менѣе привилась къ жизни другая черта устройства учрежденій 1719 г.—раздѣленіе власти. Попытка отдѣленія судебной власти отъ административной, а въ сферѣ послѣдней—отдѣленія функцій надзора отъ исполненія, финансоваго управленія отъ полицейскаго, не удалась въ области. Но правильность раздѣленія дѣлъ между коллегіями въ центрѣ, рѣзко замѣтная, если припомнить приказы XVII вѣка, была прочнымъ результатомъ реформы Петра. Да и въ областныхъ учрежденіяхъ начало отдѣленія суда отъ администраціи не угасло безслѣдно. Оно сохранило свое значеніе въ подчиненіи воеводы по судебнымъ дѣламъ особому высшему органу—юстицъ-коллегіи.

Менѣе всего оказали вліяніе на дальнѣйшій порядокъ тѣ возвышенныя цѣли, которыя ставила администраціи реформа 1719 года. Широкія задачи, о которыхъ такъ много говорилось въ 1719 г., для администраціи 1727 г. не повторялись. Онѣ не были по плечу обществу, для котораго онѣ были назначены, и опережали то время, въ которое были провозгла-

шены. Слова инструкцій о просвѣщеніи, благотворительности, нравственномъ совершенствованіи общества остались прекрасными, но безплодными словами. Каждое время разрѣшаетъ свои задачи. Передъ Россіей въ началѣ XVIII в. не переставала еще стоять одна, до разрѣшенія которой рано было думать о подъемѣ внутренняго благосостоянія до того высокаго уровня, о какомъ мечтали философы эпохи просвѣщеннаго абсолютизма. Эта задача была—пріобрѣтеніе естественныхъ границъ. Она настойчиво привлекала къ себѣ все вниманіе правительства и повелительно требовала напряженія всѣхъ силъ общества въ видѣ тягла, которое опутывало и давило всѣ его классы. Въ то время, какъ инструкціи 1719 г. пытались измѣнить на новый европейскій ладъ порядокъ жизни въ государствѣ и были компасомъ, указывавшимъ ему путь въ заманчивую даль, въ обѣтованную землю, на которой почіетъ «благословеніе Божіе», эта задача не позволяла ему взять другое направленіе, и созданное ею тягло, продолжая, какъ могучій рычагъ, въ глубинахъ его корпуса свою глухую работу, мѣшало мѣнять установившіеся въ немъ вѣковые порядки по произволу реформатора.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Приложеніе I.

Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣла сената, кн. 382, лл. 190—254.

Высокоправительствующему Сенату изъ Юстицъ-коллегіи доношеніе.

Въ нынѣшнемъ 1722 г. по е. и. в. указамъ изъ прав. сената велѣно быть въ провинціяхъ воеводамъ и при нихъ асессорамъ, а инструкціи дать имъ изъ юстицъ-коллегіи, а для апробаціи взнесть въ прав. сенатъ. И по тѣмъ е. и. в. указамъ инструкція, по которой воеводамъ съ асессоры въ правленіи дѣлъ поступать, въ оной коллегіи сочинена и для апробаціи въ прав. сенатъ взнесена іюня 28 д. И хотя отъ коллегіи-юстиціи о присылкѣ той инструкціи для разсылки въ провинціи августа 29, октября 3 чч. доношенія поданы, токмо той инструкціи и понынѣ въ юстицъ-коллегію не прислано; а изъ провинцій воеводы съ асессоры въ юст.-коллегію непрестанно пишутъ за неприсылкою де инструкціи въ произведеніи дѣлъ, принадлежащихъ до тѣхъ провинцій, чинится остановка, и требуютъ дабы надлежащія инструкціи были къ нимъ присланы. Того ради юстицъ-коллегія прав. сенату о томъ симъ доноситъ и проситъ, дабы взнесенная изъ оной коллегіи въ прав. сенатъ инструкція для разсылокъ въ провинціи ко управленію дѣлъ прислана была въ юст.-коллегію. Графъ Петръ Апраксинъ. Василій Исленьевъ. Кн. Алексѣй Львовъ. Өедоръ Змѣевъ. Оберъ-секретарь Аврамъ Сверчковъ. Гаврило Колкоцкой. Дек. 4 д. 1722 г.

Высокоправительствующему Сенату изъ Юстицъ-коллегіи доношеніе.

По е. и. в. указамъ, присланнымъ изъ прав. сената, велѣно, надворнымъ судамъ для отправленія дѣлъ инструкціи сочиня, дать изъ юст.-коллегіи, а для апробаціи взнесть въ сенатъ. И по тѣмъ е. и. в. указамъ инструкція въ той коллегіи сочинена и прилагается при семъ доношеніи. (*Подписи какъ выше*). Секретарь Дмитрій Невѣжинъ. Дек. 17 д. 1722 г.

А. Инструкція надворному суду.

Е. и. в. инструкція, или наказъ, надворному суду данъ въ Москвѣ лѣта 1722 — дня, по которому оный надворный судъ и къ нему принадлежащія канцеляріи и конторы имѣютъ поступать въ отправленіи своего чина и должности по предложеннымъ нижеписаннымъ пунктамъ: Понеже самая истина есть, яко благополучію государства въ совершенномъ разсмотрѣніи и правдѣ быть долженствуетъ, какъ о томъ е. и. в. соизволилъ всемилостивое попеченіе имѣть и учредить госуд. коллегіи, между которыми госуд. юст.-коллегія и подчиненные той коллегіи надворные суды въ знатныхъ 10 городѣхъ опредѣлены есть къ пользѣ государственной, дабы каждому истинное правосудіе и оборона чинена была, того ради оный надворный судъ и съ своими подчиненными долженъ въ тѣхъ принадлежащихъ до юст.-коллегіи дѣлахъ по сей инструкціи поступать со всесовершенною вѣрностію и со всемѣрною прилежностію безъ всякаго лицемѣрія въ цѣлости правды содержать, не взирая ни на чье лицо, кто бы какого званія и имени ни былъ, а наипаче обидимымъ всегда правосудными и безволокитными рѣшеніи поступать безъ всякой склонной къ той или другой сторонамъ причины. Во 1-хъ надворнаго суда президентъ и вице-президентъ, и прочіе члены, и всѣ служители обще, и каждый особо, имѣетъ паче всего е. и. вел—ву и ея вел—ву государынѣ императрицѣ, и высокимъ наслѣдникамъ вѣрные, честные и добрые люди и слуги быть, пользу и благополучіе его всякимъ образомъ и по всей возможности искать и поспѣшествовать, убытокъ, вредъ и опасность отвращать и благовременно о томъ объявлять, и во учрежденіи и произведеніи своего званія въ достойное правленіе приводить, и для того имѣть стараніе по крайней мѣрѣ и возможности, какъ сіе честнымъ людямъ и подданнымъ е. и. в. пристойно и принадлежитъ, и въ томъ предъ Богомъ и е. вел—вомъ, такожъ и предъ всѣмъ честнымъ свѣтомъ собственною своею совѣстію отвѣтъ дать могутъ, чего для каждый высокій и нижній служитель особливо, какъ письменно, такъ и словесно въ томъ присягою обязатися имѣетъ сицевымъ образомъ: Азъ, нижеименованный, обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ предъ святымъ Его евангеліемъ, что хощу и долженъ своему природному и истинному императору и государю всепресвѣтлѣйшему и державнѣйшему Петру Великому и всероссійскому самодержцу и проч., и по немъ е. и. в. высокимъ законнымъ наслѣдникамъ, которые по изволенію и самодержавной е. и. в. власти опредѣлены и впредь опредѣляемы и къ вос-

пріятію престола удостоены будутъ, и ея вел—ву государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ вѣрнымъ, добрымъ и послушнымъ рабомъ и подданнымъ быть и всѣ къ высокому е. и. в. самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и прерогативы (или преимущества), узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности преостерегать и оборонять, и въ томъ живота своего въ потребномъ случаѣ не щадить, и при томъ по крайней мѣрѣ старатися споспѣшествовать все, что къ е. и. в. вѣрной службѣ и пользѣ во всякихъ случаяхъ касатися можетъ; о ущербѣ же е. в. интересу, вредѣ и убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мѣрами отвращать и не допущать тщатися буду; когда жъ къ службѣ и пользѣ е. в. какое тайное дѣло или какое бъ оно ни было, которое приказано мнѣ будетъ тайно содержать, и то содержать въ совершенной тайнѣ и никому не объявлять, кому о томъ вѣдать не надлежитъ и не будетъ повелѣно объявлять, и повѣренный и положенный на мнѣ чинъ, какъ по сей данной инструкціи, такъ и отъ времени до времени е. и. в. именемъ отъ представленныхъ надо мною начальниковъ опредѣляемымъ инструкціямъ и регламентамъ, и указамъ надлежащимъ образомъ по совѣсти своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды и противно должности своей и присяги не поступать, и такимъ образомъ себя весть и поступать, какъ доброму и вѣрному е. и. в. рабу и подданному благопристойно есть и надлежитъ, и какъ я предъ Богомъ и судомъ Его страшнымъ въ томъ всегда отвѣтъ дать могу, какъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ. Въ заключеніе же сей моей клятвы цѣлую слова и крестъ Спасителя моего. Аминь.

1) *О должности того суда.* Понеже оный надворный судъ состоитъ въ президентѣ и вице-президентѣ, и асессорахъ и имѣетъ подъ управленіемъ своимъ подчиненные суды и судьи, и, какъ выше упомянуто, долженъ въ содержаніи гражданскихъ дѣлъ, принадлежащихъ до юст.-коллегіи, поступать и рѣшеніе чинить, и разсмотрѣніе надъ подчиненными своими судами имѣть по государственнымъ правамъ, уложенію и по всѣмъ надлежащимъ е. и. в. указамъ и уставамъ, и регламентамъ, и чтобъ оные всегда ко исполненію тѣхъ е. в. повелѣніевъ впредь въ осторожности и въ незабвенной памяти были, при семъ пунктѣ е. в. именной указъ, состоявшійся за собственною е. в. рукою сего жъ 722 г. апрѣля 18 ч. (включается), который яко зеркало всегда предъ очима судящихъ поставленъ имѣетъ быть на столѣ въ той канцеляріи.

2) *О силѣ и дѣйствіяхъ надворнаго суда* (по силѣ генерал. регламента 2-й главы). Понеже всѣ надворные суды подъ особливымъ повелѣніемъ и указами оной госуд. юст.-коллегіи содержатся, буде же что о какомъ дѣлѣ коллегіумъ повелитъ, а надворный судъ усмотритъ, что то е. в. указамъ и высокому интересу противно, то оный надворный судъ не долженъ того вскорѣ исполнить, но имѣетъ въ оный коллегіумъ предложить письменно; и ежели коллегіумъ, не взирая на оное, при прежнемъ своемъ опредѣленіи пребудетъ и повторительно повелитъ указомъ, то въ томъ отвѣтъ дать повинно коллегіумъ, а надворный судъ по письменному указу коллежскому исполнять и потомъ въ сенатѣ объ ономъ донести долженъ, а ежели не извѣститъ, то надворный судъ весь подверженъ будетъ тому наказанію по силѣ вреды. Того ради е. и. в. всякіе указы изъ коллегіи въ надворные суды, такожъ изъ надворныхъ судовъ въ подчиненные ихъ городы отправлять письменно, а словесные указы никогда отправляемы быть не надлежатъ.

3) *О исполненіи указовъ* (по примѣру генерал. регламента 4-й главы). И понеже оный судъ имѣетъ свое правленіе подъ главнымъ смотрѣніемъ и надзираніемъ госуд. юст.-коллегіи и всегда въ положенныхъ дѣлахъ своей коллегіи чистый отвѣтъ принести и по указамъ той коллегіи исполнить долженъ, того ради надлежитъ о исполненіи присланныхъ изъ оной коллегіи письменныхъ указовъ тому суду поступать по генеральному регламенту и по особливымъ о томъ состоявшимся указамъ прошлаго 719 г. марта 19-го и 721 г. генваря 24 числъ, и за неисправленіе того штрафованъ быть, какъ ген. регламентъ и вышеознач. е. в. указы повелѣваютъ, и для того всѣмъ посланнымъ е. и. в. указамъ изъ юст.-коллегіи имѣть двѣ записки,—которые вершены и дѣйствомъ исполнены, тѣ вносить въ книгу, а которые не вершены или и вершены, а дѣйствомъ не исполнены, тѣмъ держать роспись на столѣ, дабы непрестанно въ памяти было. Притомъ же особливо смотрѣть, чтобъ по посланнымъ указамъ о полученіи ихъ, по которымъ вскорѣ исполнить не можно, присылать отвѣты по генер. регламенту, что оный полученъ и въ которое время по оному исполнить можно, однакожъ не далѣ того срока, какъ положено въ регламентѣ.

4) *О собраніи въ канцелярію.* Понеже въ генер. регламентѣ по главѣ 3-ей о назначенныхъ къ сидѣнію дней и часовъ именно показано, того ради по содержанію онаго регламента надворный судъ звычайное свое собираніе имѣть долженъ въ тѣ указные къ сидѣнью дни и часы, а буде кто изъ нихъ сіе безъ важнаго препятія учинитъ,

тотъ повиненъ за всякій часъ по сту копѣекъ въ гошпиталь заплатить и положить того времени на столъ; а буде кто за какою важною причиною быть не можетъ, то ему о томъ въ собраніе письменное прислать вѣдѣніе, дабы онаго болѣ ожидать не могли, но токмо наипаче надлежитъ имъ всѣмъ должность своего чина со всякою прилежностью хранить и исполнять, дабы въ собраніи того надворнаго суда всѣ члены по всякой возможности были въ полномъ собраніи, и за отлучками ихъ челобитчики въ дѣлахъ своихъ напрасной волокиты не терпѣли, чего смотрѣть по должности чина своего того суда прокурору.

5) *Должность вице-президента.* Вице-президентъ есть товарищъ президенту и въ небытность его отправляетъ вмѣсто президента вице-президентъ и по немъ старшій асессоръ.

6) *О случайной небытности членовъ въ канцелярію.* Если кто изъ членовъ того надворнаго суда въ опредѣленные имъ дни отлучится, то однакожъ прочимъ присутствующимъ членамъ же, хотя бъ ихъ только и трое было, приключившіяся дѣла по разсмотрѣнію принимать и въ слѣдованіи ихъ до вершенія споспѣшествовать, а приговоръ чинить всему собранію, какъ о томъ во главахъ 6-й и 7-й генер. регламента напечатано.

7) *О расположеніи дней къ слушанію дѣлъ.* Ежели кто въ надворномъ судѣ похочетъ подать челобитныя доношенія или иныя какія дѣла, и то тѣмъ непремѣнно чинить, а въ собраніи, принявъ и разсмотря, слушать и столько часовъ при томъ сидѣньѣ быть, какъ о томъ въ генер. регл. во главѣ 3-й, такожъ и въ публикованномъ е. и. в. изъ госуд. юст.-коллегіи указѣ 720 г. генв. 19 д. имянно напечатано, и опредѣлено; при томъ же и другія нужныя дѣла отправлять, чтобъ никому никакой излишней волокиты не было; а для важныхъ дѣлъ, которыя надлежатъ рѣшены быть въ самой скорости и для немедленнаго по присылаемымъ изъ юст.-колл. указамъ исправленія долженствуетъ несмотря на помянутые дни и часы съѣзжаться и рѣшить немедленно.

8) *О раздѣленіи трудовъ.* Надворный же судъ имѣетъ расположить по содержанію генер. регл. особливые труды членомъ, такъ чтобъ одинъ асессоръ фискальскія и прочія интересныя дѣла исправлялъ даже до конечнаго изслѣдованія, другой же всѣ тѣ дѣла исправлялъ, что допросами между тяжбу имѣющихъ и пріемомъ ставочныхъ челобитенъ принадлежитъ, а потомъ что ихъ сумнительства будетъ или къ конечному рѣшенію дѣло приблизится, то учиня выписки докладывать и обще всему надворному суду дѣла тѣ рѣшить такъ, какъ указы повелѣваютъ. Однако жъ оные труды не всегда однимъ асессорамъ ис-

правлять, но перемѣняючись по полугодно или, по послѣдней мѣрѣ, по третямъ года, и каждый своего дѣла труды по окончаніи срока имѣетъ протоколъ или повседневную записку объявить; оный же асессоръ во время прочихъ засѣдающихъ членовъ дѣла долженъ обще рѣшить, кромѣ тѣхъ положенныхъ трудовъ, а оные труды въ прочіе дни и часы исправлять; а въ расположеніи тѣхъ трудовъ президентъ опредѣляетъ, дабы прочіе отъ того остановки не имѣли, и притомъ же долженъ президентъ и вице-президентъ накрѣпко смотрѣть, чтобъ всѣ члены двороваго суда о повѣренныхъ дѣлахъ и въ приказномъ ихъ осмотрѣніи съ надлежащимъ стараніемъ и прилежаніемъ попеченіе имѣли; а буде усмотритъ президентъ, что нѣкоторый изъ нихъ малоразуменъ или по должности чина его отъ слабости дѣла свои отправлять не можетъ, то долженствуетъ президентъ оное съ надлежащими обстоятельствы въ свой коллегіумъ объявить, дабы въ его мѣсто искуснѣйшаго опредѣлить могли, и о томъ о всемъ такъ поступать, какъ генер. регл. въ 8-й и 25-й главѣ напечатано.

9) *О позволеніи въ отпускъ.* Президентъ и члены надворнаго суда всегда должны у своего опредѣленнаго дѣла быть, а ежели президентъ или вице-президентъ и прочіе члены суда намѣрены будутъ для какихъ нуждъ ѣхать кромѣ опредѣленныхъ и свободныхъ дней, а время болѣе 8-ми дней востребуетъ, то должны о томъ они въ коллегіи позволенія просить, а служителямъ надворнаго суда отпуски требовать того надворнаго суда отъ президента и вице-президента, а по отпуску которые на сроки къ своему дѣлу не явятся, въ срокахъ чинить по генер. регл. 10-й главы.

10) *О ваканціяхъ* (или упалыхъ мѣстахъ). Надлежитъ надворному суду всегда въ полномъ числѣ состоять, а когда изъ членовъ того суда кто умретъ или къ другому дѣлу указомъ изъ сената, или изъ коллегіи опредѣленъ будетъ, то немедленно о томъ писать въ коллегію, а коллегіи требовать на ихъ мѣсто въ сенатѣ, а собою въ тѣ чины, также и въ секретари, не опредѣлять; а нотаріевъ опредѣлять изъ той коллегіи, а прочіе канцелярные и конторные служители имѣютъ отъ коллегіевъ и отъ тѣхъ надворныхъ судовъ по изобрѣтенію учреждены быть и патенты свои отъ оныхъ получать, и о таковыхъ упалыхъ мѣстахъ поступать по регламенту 11-й главы.

11) *О печати.* Всѣ письма, которыя подлежатъ въ пакетахъ послать въ сенатъ и въ коллегіи, и въ прочія мѣста, запечатывать оному надворному суду печатью своей коллегіи, кромѣ той государственной печати, которою печатаются указы и грамоты, и прочія письма съ пошлинами, чего для, сдѣлавъ по одной, разослать во всѣ надворные

суды и о содержаніи той печати, и о распечатываніи входящихъ въ надворный судъ писемъ поступать по регламенту 13-й и 16-й главы.

12) *О переносѣ дѣлъ и какъ въ томъ поступать надлежитъ.* Понеже въ именномъ е. и. в. указѣ, состоявшемся дек. 22 д. прошлаго 718 г. напечатано: для полнаго удовольства челобитчикамъ всѣмъ суда праваго по прошеніямъ тѣхъ къ правосудному ихъ рѣшенію будутъ вездѣ по губерніямъ, по провинціямъ и по городамъ учреждены суды и судьи, а надъ ними всѣми высшій надворный судъ въ знатныхъ губерніяхъ учрежденъ будетъ, куда отъ нижнихъ судовъ, ежели неправдою вершить или волочить за срокъ будутъ, переносить противъ регламента; а на тотъ надворный судъ бить челомъ въ юст.-коллегіи, которая особливо только для расправы учинена; а въ указѣ жъ е. и. в., состоявшемся февр. 27 д. нын. 1722 г. напечатано: велѣно всякихъ чиновъ людямъ, кому въ чемъ на кого надлежитъ бить челомъ, прежде челобитныя свои подавать въ нижнихъ провинціальныхъ судахъ; буде же въ тѣхъ судахъ будутъ въ рѣшеніи продолжать или неправедными судами утѣснять, то на таковыхъ бить челомъ тамо во опредѣленныхъ надворныхъ судахъ; буде же и въ надворныхъ судахъ будутъ такими жъ волокитами и неправыми судами тѣснить, и на таковыхъ бить челомъ въ коллегіяхъ, о чемъ гдѣ надлежитъ; буде же и въ коллегіяхъ въ указныя числа рѣшенія чинить не будутъ или, хотя и учинятъ, да неправо, и на оныя для пріему челобитенъ и смотрѣнія, чтобъ въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ скоро и справедливо дѣла рѣшили по е. и. в. указамъ и регламентамъ въ указныя числа, опредѣленъ генералъ-рекетмейстеръ, какъ должность его въ томъ свидѣтельствуетъ; да по состоявшемуся е. и. в. указу апр. 4 д. нын. 1722 г. велѣно въ губерніяхъ и въ провинціяхъ судить и всякія расправы чинить губернаторамъ и воеводамъ, кромѣ тѣхъ городовъ, гдѣ учинены надворные суды, а къ нимъ для вспоможенія въ знатные городы, гдѣ надворныхъ судовъ нѣтъ, дать по два человѣка асессоровъ, а въ прочія провинціи по одному асессору. А которые городы ото всѣхъ провинцій отстоятъ разстояніемъ по 200 верстъ, и въ тѣхъ городѣхъ учинить для суда по особливому судебному комиссару, которымъ судить челобитчиковы дѣла до 50 руб., и о всякихъ дѣлахъ явочныя челобитныя принимать, и осмотры чинить, и быть тѣмъ судебнымъ комиссарамъ подъ командою тѣхъ провинцій воеводъ, а больше онаго числа не судить, а выше 50 руб. бить челомъ воеводамъ, а гдѣ надворные суды, въ тѣхъ надворныхъ судахъ; а провинціальнымъ судамъ, гдѣ есть надворные суды, не быть, а судить и прочія расправы чинить противъ вышеписаннаго жъ въ тѣхъ надвор. судахъ. Того ради, по содержанію помяну-

тыхъ е. и. в. указовъ, воеводы и асессоры во управленіи принадлежащихъ до юст.-коллегіи дѣлъ имѣютъ подчинены быть своему надворному суду, къ которому ихъ провинціи приписаны; и ежели будутъ челобитчики, что въ провинціяхъ тѣхъ по дѣламъ ихъ чинятъ продолженіе и волокиту, и по тѣмъ челобитнымъ изъ надворныхъ судовъ въ провинціи посылать указы, дабы тѣ дѣла вершили безволокитно, не допуская указнаго времени, а что учинять, о томъ бы писали въ такое жъ немедленное время; а буде и за тѣми посланными указы тѣхъ дѣлъ не рѣшатъ и зачѣмъ не отвѣтствуютъ, а челобитчики будутъ паки на нихъ въ тѣхъ волокитахъ бить челомъ, къ тому жъ и больше полугода, и по тѣмъ челобитнымъ такожъ посылать указы, дабы какъ наискорѣе вершили, а ежели зачѣмъ рѣшить будетъ не можно, то бъ о томъ отвѣтствовали въ надворный судъ, по полученіи указа конечно въ недѣлю (выключая въ оба пути проѣздные дни) по генер. регл. И какъ о томъ въ надворномъ судѣ отвѣтствованіе получено будетъ, и оныя разсматривать и резолюціи чинить немедленно жъ, дабы отъ того челобитчикамъ напрасныхъ волокитъ не было, а неверщеныхъ дѣлъ изъ провинцій въ надворные суды не имать; а ежели за тѣми указы въ ½ года тѣхъ дѣлъ не рѣшатъ, или зачѣмъ рѣшить будетъ немочно, отвѣтствовать не будутъ, и за то тѣхъ провинцій воеводъ и асессоровъ штрафовать, какъ указы и регламентъ повелѣваютъ; буде жъ и челобитчикъ въ такомъ неправомъ челобитьѣ явится, то оный штрафованъ быть имѣетъ такими жъ мѣрами, что бы надлежало взять на томъ судѣ, дабы и челобитчики напрасно судей клеветать не дерзали; а ежели въ челобитныхъ напишутъ, что въ провинціяхъ черезъ одного члена, а не всѣхъ, учинена неправда, и по такимъ челобитнымъ тѣхъ дѣлъ изъ провинцій не имать, а посылать указы, чтобъ оныя дѣла вершили и мнѣнія свои подписали обще воеводы и асессоры, потому жъ въ указныя числа подъ взятьемъ за невершеніе помянутаго жъ штрафа. Паки долженъ надворный судъ надъ тѣми правительствы и того смотрѣть, дабы оныя собою ни для какой причины изъ другой провинціи дѣлъ вершеныхъ и невершеныхъ не переносили, развѣ отъ истца и отвѣтчика въ томъ общее прошеніе будетъ для ихъ пользы, и не въ свои подчиненныя правительства въ такихъ случаяхъ безъ указовъ отъ того надв. суда не вступали, и ниже вновь о допросѣ челобитье принимать на тѣхъ, которые въ другихъ провинціяхъ обрѣтаются, не дерзали, понеже для полнаго удовольства всѣмъ челобитчикамъ правосуднаго рѣшенія вездѣ во всѣхъ провинціяхъ учреждены суды и судьи, и ежели кому на кого надлежитъ, бить челомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ отвѣтчикъ явится. А буде случатся дѣла, о

которыхъ челобитчики станутъ бить челомъ, что въ провинціяхъ вершены неправдою, а какая неправда и противность указамъ, въ тѣхъ челобитныхъ съ ясными доводы и достовѣрными свидѣтельствы и обидамъ съ улики того неправаго вершенія написано будетъ имянно (однакожъ при томъ надлежитъ смотрѣть накрѣпко, чтобы на тѣ рѣшенія прямыя, а не притворныя доказательства въ челобитныхъ объявлены были, дабы челобитчики напрасно только отбывая вины время не продолжали, отчего бъ и другихъ излишнихъ волокитъ и тягостей не было), и такія челобитныя принимать, и тѣ дѣла изъ провинцій отъ воеводъ имать въ надворный судъ, и какъ взяты будутъ, по онымъ разсматривая рѣшеніе чинить по надлежащимъ е. и. в. указамъ, по уложенью и генер. регламенту. А ежели тотъ надв. судъ самъ отъ своихъ подчиненныхъ судовъ возьметъ перенесетъ дѣло такое, которое къ его рѣшенію не подлежитъ, или явнаго доказанія при переносѣ дѣла на неправое рѣшеніе принято не будетъ, то оный надв. судъ имѣетъ штрафованъ быть каждаго дѣла по генер. регл. за напрасную проволочку дня по 30 руб. на день, дабы отъ того напрасныхъ волокитъ челобитчикомъ впредь чинить опасались.

13) *О переносѣ дѣлъ съ срокомъ.* Хотя выше уже упомянуто, что всякій челобитчикъ долженъ на рѣшеніе, которое нижнихъ судовъ признавать будутъ неправымъ, бить челомъ съ яснымъ доказаніемъ въ надворномъ судѣ, а на надворный судъ въ юст.-коллегіи; однакожъ, дабы обвиненный переносомъ тѣхъ дѣлъ только однимъ продолженіемъ время не отбывалъ, чѣмъ бы могъ отъ платежа иску оправданнаго отбыть, того ради, когда между тяжбу имѣющихъ дѣло рѣшено будетъ тогда обвиненный долженъ выслушать приговоръ и подписаться, заплатить положенныя деньги; а ежели будетъ просить сроку о томъ подумать, оному болѣе 8-ми дней не давать, и то съ надлежащею подпискою, что ему того 8-го дня явиться, а какъ явится и объявитъ, что онъ никакого подозрѣнія на то рѣшеніе не имѣетъ, то онаго слова записавъ въ протоколъ съ его прикладываніемъ руки, поступать по тому рѣшенію о взятьѣ пошлинъ и канцелярскихъ денегъ и истцова иску по надлежащимъ е. и. в. указамъ; а ежели на помянутый срокъ безъ важныхъ причинъ не явится, то впредь нигдѣ на то рѣшеніе челобитья не принимать; а ежели оный обвиненный объявитъ, что онъ имѣетъ на то рѣшеніе подозрѣніе, то записавъ въ протоколъ же, дабы далѣ продолженія не имѣли, дать указный срокъ по уложенью оному бить челомъ о переносѣ того дѣла, какъ выше упомянуто на нижній въ провинціальномъ, а на провинціальный—въ надворномъ судѣ, а на надворный въ госуд. юст.-коллегіи.

14) *О сумнительныхъ дѣлахъ.* Понеже многажды то приключается, что для недовольныхъ причинъ и смѣшенія дѣлъ, и для недостатка указовъ или какого сумнительства, а особливо въ важныхъ криминальныхъ дѣлѣхъ (что до живота человѣческаго касается), а по уложенію и надлежащимъ указамъ рѣшеніе дѣла учинить не могутъ (ибо уложенье никогда такъ довольнымъ быть достаетъ, чтобъ оное все къ приключившимся случаямъ содержать могло), то изъ тѣхъ дѣлъ учиня краткія выписки, къ которымъ по содержанію е. и. в. указовъ, посланныхъ изъ оной же коллегіи того жъ 719 г., должны подписаться своеручно, буде челобитчиковы—сами челобитчики, а буде фискальскія—фискаламъ, а ежели при оныхъ дѣлахъ которой стороны кого не случится за какимъ препятіемъ, тогда подписывать секретарю, и потомъ судьямъ закрѣпя своими руками при доношеніяхъ своихъ для разсмотрѣнія и рѣшенія присылать въ тое жъ коллегію юстиціи съ объявленіемъ своихъ мнѣніевъ; однакожъ не надлежитъ такого дѣла отослать, хотя бъ и со мнѣніемъ, которое рѣшить можно; а ежели сему противно учинятъ, то за такую напрасную проволочку дѣла оный надворный судъ штрафовать, какъ повелѣваютъ е. и. в. указы.

15) *О взятіи при первомъ вершеніи пошлинъ и канцелярскихъ денегъ.* Понеже въ уложеньѣ въ 10-й главѣ въ 124-й статьѣ напечатано: пошлинъ имать по суднымъ дѣламъ съ рубля по гривнѣ, да съ суда и пересуду по 6 алтынъ по 4 деньги, да съ праваго десятка по 4 деньги, а со лживыхъ кабалъ и записей и за насильство противъ того пошлины имать вдвое, а по именному е. и. в. указу, состоявшемуся 715 г. генв. 28 д., велѣно во всѣхъ губерніяхъ со всякихъ исковъ, гдѣ первое рѣшеніе будетъ, при взятіи пошлинъ имать за труды и на канцелярію съ денежнаго числа съ праваго по алтыну, а съ виноватаго по гривнѣ съ рубля; а по указу жъ е. и. в., состоявшемуся 719 г. окт. 21 д., велѣно: по посланнымъ, изъ коллегіи-юст. указамъ въ ту коллегію вершеныя дѣла присылать, взявъ по нихъ пошлины и канцелярскія, и штрафныя деньги на комъ надлежитъ, а не взявъ тѣхъ пошлинъ и канцелярскихъ, и штрафныхъ денегъ, такихъ вершеныхъ дѣлъ отнюдь не присылали бъ, и сбирать тѣ пошлинныя деньги по вершеніи всякаго дѣла въ самой скорости, не запуская ничего въ доимку; того ради, по содержанію вышеозначенныхъ е. и. в. указовъ, при первомъ вершеніи, при взятіи пошлинъ, имать на канцелярію съ праваго по алтыну, съ виноватаго по гривнѣ съ рубля, не запуская ничего въ доимку; такожъ и изъ провинцій вершеныхъ дѣлъ, не взявъ по нихъ пошлинъ и канцелярскихъ денегъ, отнюдь не имать и въ коллегію-юст. не отпускать, и тѣхъ канцелярскихъ денегъ ни на какіе

расходы безъ указу изъ коллегіи-юст. не держать. А съ исковъ же, въ которыхъ безъ допросовъ помирятся, имать пошлины, какъ о томъ именной е. и. в. прошлаго 706 году февр. 4 д. указъ повелѣваетъ, а канцелярскихъ денегъ съ такихъ дѣлъ, которыя въ дѣйствѣ не были, не имать, понеже оныя деньги велѣно имать за труды судьямъ и на канцелярію по вершенымъ дѣламъ, а въ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ безъ допросовъ помирятся, судейскихъ трудовъ не было. А на приказные расходы, а именно на свѣчи, на чернила, на дрова, на бумагу, на прогоны, безъ чего по крайней нуждѣ пробыть невозможно, держать въ расходъ изъ пошлинныхъ денегъ безъ передачи, справясь подлинно, какъ о томъ е. и. в. указами изъ штатсъ-конторъ-коллегіи повелѣно.

16) *О подозрительныхъ судьяхъ.* Когда кто изъ членовъ въ надворномъ судѣ кому изъ челобитчиковъ явится законныхъ ради причинъ подозрителенъ, а именно родственникъ или свойственникъ съ истцомъ, или съ отвѣтчикомъ имѣетъ явную какую ссору и недружбу, между тяжбу имѣющими, того ради для такихъ причинъ не токмо такого судью за подозрительнаго вмѣнять, но и о томъ просить, чтобъ за вышеобъявленными причины того дѣла не судить и въ приговорѣ своего голоса не давать, дабы надворному суду или такой изъ нихъ особѣ отъ того умаленія чести не принять, для того прямому судьѣ пристойно, чтобъ онъ безъ просьбы челобитчиковой самъ себя отъ разсужденія и рѣшенія таковаго дѣла имѣлъ свободна, и протоколомъ оное суду и тяжбу имѣющимъ объявить долженъ, и въ томъ же о всемъ имъ, судьямъ, такъ поступать, какъ о томъ е. и. в. именной указъ, состоявшійся въ 720 г. генв. 5 д. повелѣваетъ.

17) *О допущеніи челобитчиковъ и о пріемѣ челобитенъ.* Челобитчиковъ и доносителей въ канцелярію надворнаго суда должно всегда допускать и по прошеніямъ ихъ немедленное отправленіе чинить; противнымъ же образомъ и челобитчикамъ, при допущеніи ономъ весьма со всякою учтивостью и съ надлежащимъ почтеніемъ да приступаютъ, сіе такъ исправлять, какъ слѣдуетъ генер. регламентъ, и стулъ въ надворномъ судѣ приходящимъ поставлять такому, который бы рангъ имѣлъ не меньше маіорскаго.

18) *О учиненныхъ выпискахъ изъ дѣлъ челобитчиковыхъ и о допросахъ по фискальскимъ дѣламъ.* Тому жъ надворному суду смотрѣть надлежитъ, у которыхъ тяжбу имѣющихся будутъ въ томъ судѣ дѣла принадлежащія до юст.-коллегіи, чтобъ учиненныя изъ тѣхъ дѣлъ выписки и по фискальскимъ дѣламъ допросы были конечно со обоихъ сторонъ по челобитчиковымъ дѣламъ за истцовыми, по фискальскимъ за фискальскими и соперниковъ ихъ руками, какъ о томъ посланными

изъ коллегіи-юст. во всѣ надв. суды е. и. в. указы генв. 24 д. прошл. 1719 г. повелѣно. Ежели же съ которой стороны по челобитчиковымъ дѣламъ кого не будетъ, то къ тѣмъ выпискамъ велѣть прикладывать повѣреннымъ ихъ; ежели же и таковыхъ не будетъ, то тѣ выписки велѣть свидѣтельствовать секретарю, а безъ свидѣтельства никакая бъ выписка и по фискальскимъ дѣламъ допросъ не былъ, дабы никто въ томъ, что будто выписка изъ дѣла или вышепис. допросы учинены неисправно, бить челомъ и спорить напрасно не могъ.

19). *О слушаніи дѣлъ и о дачѣ голосовъ.* Когда помянутымъ образомъ выписка учинена будетъ, тогда оную слушать и притомъ для лучшаго усмотрѣнія и подлинное дѣло имѣть на столѣ, и къ приговору вступать, и всѣ со обоихъ сторонъ объявленныя причины дѣльно разсуждать и разсматривать по уложенью и указамъ, и потомъ голосы членовъ того надвор. суда всякому по содержанію регламента и по порядку давать, а при спорѣ и несогласіи тѣ голосы въ протоколъ вносить, и голосы давать по порядку, и потомъ таковымъ же порядкомъ другіе члены одинъ за другимъ послѣдовать, и каждому изъ нихъ надлежитъ по своей совѣсти и по обстоятельствамъ дѣлъ и съ подлиннымъ изъясненіемъ причинъ, чрезъ которыя онъ голосъ свой объявитъ, и тогда, согласяся съ президентомъ, приговоръ свой обще объявлять. А буде въ дѣлѣхъ тѣхъ разныя мнѣнія объявятся, тогда къ большему числу голосовъ дѣла тѣ вершить, и о томъ о всемъ такъ исправно и непремѣнно поступать, какъ о томъ е. и. в. именной указъ за приписаніемъ собственной е. в. руки состоявшійся 714 г. апр. 4 д. и генер. регламентъ повелѣваетъ.

20) *О твердомъ содержаніи голосовъ.* Въ истинныхъ при дѣлахъ голосахъ всякое упрямство оставить надлежитъ, и для того изъ судей никому не отказывать голосъ свой перемѣнять, ежели онъ мнѣніе другихъ основательнѣе быть признаетъ, ибо то упрямство есть едина изъ самыхъ большая человѣческой жизни злоба, которая наипаче помрачаетъ судью, которому весьма надлежитъ свое мнѣніе и склонность на одну правду имѣть; однако жъ и перемѣну голоса только до тѣхъ мѣстъ допускать, пока приговоръ еще не объявленъ, понеже послѣ объявленія приговору изъ перемѣны голосовъ всякій непорядокъ и смущеніе учиниться можетъ.

21) *О спорѣ голосовъ.* Если же приключится, что нѣкоторые члены въ тѣхъ своихъ мнѣніяхъ не согласятся, и равное число оныхъ останется, притомъ изъ которыхъ половина къ одному, а другая—къ другому мнѣнію склонятся, а именно какъ 6 судей случится — изъ нихъ 3 къ одному, а другіе 3—къ другому мнѣнію склоняются, тогда въ

гражданскихъ дѣлахъ то мнѣніе, къ которому президентъ, или, при при небытіи его, вице-президентъ склонятся, превосхожденію быть, а въ осужденныхъ къ смерти и къ тяжкому наказанію дѣлѣхъ разсмотрительное мнѣніе имѣетъ свое превосхожденіе, хотя и меньшая половина да ко осужденію легче разсуждаетъ, понеже разумъ и на ономъ основаніи править весьма повелѣваетъ, ибо въ сумнительныхъ и не въ ясныхъ дѣлѣхъ сей способъ праведнѣе и безопаснѣе есть—лучше повиннаго оправдать, нежели неповиннаго безразсмотрительно осуждать; а за непорядочное даяніе голосовъ чинить, какъ ген. регл. повелѣваетъ.

22) *О должномъ смотрѣніи надворнаго суда президента.* 1) Наипаче президенту онаго правительства надлежитъ такъ управлять, чтобъ онъ гражданскія дѣла по такому доброму порядку осторожно разсматривалъ, какъ тѣмъ дѣламъ перенесеннымъ быть и чтобъ порядку не нарушить, и послѣднимъ челобитчикамъ передъ первыми, кромѣ крайнихъ и самыхъ необходимыхъ причинъ, упрежденія отнюдь не дозволилъ. 2) Когда президентъ и прочіе судейскіе члены тяжбу имѣющихъ по вершенымъ дѣламъ о перевершиваніи по прошеніямъ оныхъ будутъ слушать и разсмотрительное разсужденіе предлагать, тогда онымъ тяжбу имѣющимъ съ почтеніемъ велѣть вонъ выступить, пока по слушаніи оные позваны быть имѣютъ, а паче же тѣмъ, которымъ до тѣхъ дѣлъ ни малой нужды нѣтъ, тѣхъ весьма при томъ быть не допускать, чтобъ на разсужденіе и на голосы ихъ президента и прочихъ членовъ, они своего разсужденія и приговоровъ не предлагали и отъ того бъ помѣшательства и остановки не учинили; а когда тяжбу имѣющіе выступятъ, тогда о томъ со всякою кротостью и съ терпѣливостью слушать и по выслушаніи разговаривать надлежитъ, и потомъ всякому члену свое мнѣніе объявлять свободно есть. 3) Во время же бытности тѣхъ тяжбу имѣющихъ ему, президенту, говорить одному, а прочимъ членамъ молчать, развѣ въ такой случай, когда что припамятовать понадобится, тогда о томъ съ надлежащимъ почтеніемъ ему, президенту, объявить, и того безъ крайней нужды имъ не чинить, дабы честный порядокъ и власть того суда въ добромъ респектѣ тѣмъ состоялась, ибо изъ того безстройство и смущеніе немалое приключается, ежели бъ всякъ изъ нихъ, членовъ, говорилъ и другъ другу въ слышаніи дѣлъ мѣшалъ. 4) Когда же къ голосамъ дойдетъ, тогда президенту съ нужными причинами и съ принадлежащими обстоятельствы дѣла тѣ предлагать своимъ товарищамъ, а самому своего мнѣнія напредъ отнюдь не открывать до тѣхъ мѣстъ, пока прочіе онаго суда члены по порядку своему голосовъ своихъ не объявятъ, дабы никто изъ членовъ

тѣхъ причины имѣть не могъ согласнаго мнѣнія съ нимъ, президентомъ, для угожденія какого или ради страха и прочихъ намѣреній своихъ принимать. 5) А наипаче ему, президенту, надъ канцеляріею и надъ управленіемъ ихъ накрѣпко смотрѣть, чтобъ все при томъ вѣрно по самой совѣсти его и прилежности управляемо было, какъ должность каждаго чина слѣдуетъ.

23) *О тайномъ содержаніи дѣлъ.* Понеже молчаніе есть едино отъ начальнѣйшихъ добродѣтелей судьямъ, отъ нихъ же тяжбу имѣющимъ людямъ отнюдь не надлежитъ свѣдомымъ быть о разсужденіяхъ онаго надвор. суда, того ради, какъ президенту и вице-президенту надвор. суда, такъ и членамъ накрѣпко въ томъ обязаннымъ быть, чтобы ничего того никому не открывать, что тайно къ рѣшенію и разсужденію опредѣлено бываетъ, и никому изъ того надвор. суда не дерзать челобитчикамъ отъ себя совѣты подавать, какимъ бы образомъ имъ въ своемъ дѣлѣ поступать, понеже тѣмъ мнѣніе судейское весьма легко къ одной сторонѣ склонить мочно, а наипаче чтобъ никому съ обоихъ сторонъ не вѣдать о томъ, кто изъ судей въ какомъ дѣлѣ свои голосы подали, ибо изъ сего разныя злыя причины приключаются, какъ и генеральнымъ регламентомъ о томъ накрѣпко заповѣдано.

24) *О слушаніи протоколовъ.* Все, что при томъ судѣ учинится, учрежденному къ тому нотаріусу по должности чина своего, какъ слѣдуетъ въ генер. регламентѣ, всегда прилежно въ протоколъ вносить и оные протоколы на другой день, когда судьи съѣдутся, прочитать, а выслушавъ, секретарю въ тожъ время вѣрно закрѣплять, дабы вѣдать повсевременно, что исправно ли дѣла тѣ въ протоколъ внесены были отъ нихъ, или еще что прибавить надлежитъ, понеже такіе протоколы помѣсячно надлежитъ набѣло переписывать, и присматривая повсегодно переплетать и съ надлежащими реестрами хранить.

25) *О невступленіи въ государственныя дѣла.* Въ именномъ е. и. в. указѣ генв. 19 д. 718 г. напечатано: велѣно доносить е. в.— 1) ежели кто за кѣмъ знаетъ умышленіе на его государево здоровье, 2) о бунтѣ и измѣнѣ, 3) о похищеніи е. и. в. казны, а дек. 22 д. того жъ 718 г. велѣно доносить е. в. по силѣ того указу только по 2 пунктамъ, по 1 и 2-му, а о 3-емъ, т. е. о похищеніи казны, объявлять фискаламъ, понеже они для того устроены, а ежели фискалы въ томъ утаивать и манить будутъ, то доносить имъ въ юст.-коллегіи, а е. в. о томъ не докучать подъ жестокимъ наказаніемъ. А окт. 14 д. 719 г. по посланнымъ е. и. в. указомъ изъ оной коллегіи во всѣ надворные суды подтвержено, дабы изъ подчиненныхъ къ той коллегіи надворныхъ и нижнихъ судовъ тѣхъ людей, которые станутъ сказы-

вать за собою государево слово, не распрашивая отсылать въ преображенскій приказъ, а юстицкимъ судьямъ въ дѣла такія отнюдь не вступать, а буде о похищеніи казны будутъ касаться дѣла жъ, и тѣ дѣла для изслѣдованія изъ нижнихъ судовъ отсылать въ надворные суды, а изъ надворныхъ описываться въ юст.-коллегію въ скорости; да именнымъ е. и. в. нын. 722 г. апр. 28 д. указомъ подтвержено: буде впредь гдѣ въ городѣхъ и селѣхъ, и деревняхъ явятся какіе злодѣи въ злыхъ словахъ, касающихся до превысокой чести е. и. в. и весьма вредительныхъ государству, и ихъ въ самой скорости имая, приводить въ городы къ правителямъ, а правителямъ, принявъ ихъ и заковавъ въ ручныя и ножныя желѣза, не распрашивая, присылать въ тайную канцелярію или въ преображенскій приказъ за крѣпкимъ карауломъ. Того ради, по содержанію тѣхъ е. и. в. именныхъ указовъ, оному надворному суду въ такія дѣла отнюдь не вступать и осторожно того смотрѣть, что ежели такіе злодѣи явятся, и ихъ не распрашивая и не державъ нимало, отсылать во учрежденныя на то помянутыя мѣста въ скорости, подъ такимъ карауломъ, какъ вышепис. е. в. апр. 28 д. указъ повелѣваетъ.

26) *О пріемѣ изъ провинціальныхъ судовъ дѣлъ.* Дѣла провинц. суда и изъ прочихъ конторъ и наличную денежную казну, и колодниковъ, и прочее, что имѣется, описавъ вновь имянно, и что по которымъ дѣламъ прежніе судьи учинили или чего по присланнымъ указамъ не исполнили, о томъ изслѣдовать, оныя дѣла—кѣмъ и для чего безъ слѣдованія остановлены, и тѣ дѣла изслѣдовать и по изслѣдованіи опредѣленіе чинить, какъ указы повелѣваютъ, и о томъ въ госуд. юст.-коллегію писать; а что по фискальскимъ интереснымъ и истцовымъ и по крѣпостнымъ дѣламъ штрафа, пошлинъ и канцелярскихъ денегъ было въ сборѣ, и куда, и по какимъ указамъ въ расходѣ, и затѣмъ въ доимкѣ, и кѣмъ оная доимка упущена, о томъ о всемъ изслѣдовать же и учиня по приходнымъ счетныя выписки, и тѣ вѣдомости и счетныя выписки прислать, тако жъ и о прочемъ, что въ томъ надворномъ судѣ упущено, писать о всемъ имянно въ госуд. юст.-коллегію, то жъ немедленно взыскать и надъ всѣми подчиненными своими судами.

27) *О присылкѣ репортовъ.* Надворному суду надлежитъ непрестанное имѣть попеченіе о денежной казнѣ, что въ томъ судѣ и въ провинціяхъ, и въ городѣхъ, которые къ тому надвор. суду по расписанію подчинены, принадлежащихъ до коллегіи-юст. сборовъ, какъ по дѣламъ, такъ и по крѣпостной конторѣ собрано и въ рентерею въ отдачѣ и въ расходѣ будетъ; репортъ изъ каждаго мѣста, гдѣ оные сборы имѣются, собравъ въ надвор. судъ, по посланнымъ изъ юст.-

коллегіи фурмулярамъ—образцамъ,—по окончаніи каждаго мѣсяца немедленно въ надвор. судѣ сочинить изо всѣхъ тѣхъ репортовъ мѣсячные помѣсячно, а годовые по годамъ; всего того надв. суда исправный репортъ присылать въ коллегію юст. подъ опасеніемъ за неприсылку штрафа, какъ въ прежнихъ посланныхъ о томъ е. и. в. изъ госуд. юст.-колл. во всѣ надв. суды указѣхъ прошл. 721 г. написано. А воеводамъ мимо тѣхъ надв. судовъ вѣдомостей собою въ юст.-колл. не посылать, подъ опасеніемъ за каждое доношеніе или репортъ по 50 р.; а таковы жъ репорты помѣсячно отсылать къ камерирамъ, а денежную казну отдавать въ рентерею по указу съ расписками.

28) *О рѣшеніи криминальныхъ дѣлъ и о экзекуціяхъ.* По которымъ дѣламъ колодники подлежать будутъ смертной казни или къ отсылкѣ на каторгу, тогда по окончаніи розысковъ ихъ, тѣхъ колодниковъ имая въ надвор. судъ предъ собраніе свое, и со всякою прилежностью, не устращивая никакими причинами, спрашивать ихъ, подлинно ль они то, что въ роспросѣхъ и въ розыскахъ ихъ показано, говорили и не оболгали ль они кого, или сами себя чѣмъ напрасно; и ежели станутъ говорить то жъ, что въ прежнихъ ихъ роспросѣхъ и розыскахъ показано, тогда по окончаніи того всего разсматривать съ прилежнымъ предусмотрѣніемъ и опасностью, прямо ль освидѣтельствовано и указными розыски, что такая вина есть, понеже иные, огорчася отъ нестерпимыхъ пытокъ, винятся чего они и не учинили, и за что какая казнь по уложенью и по надлежащимъ е. и. в. указамъ чинить подлежитъ; а понеже по именному е. и. в. указу ноября 8 д. прошл. 721 г. велѣно въ губерніяхъ и провинціяхъ въ нижнихъ судахъ, ежели по какимъ дѣламъ за вины кто будетъ достоинъ ссылки на галеру или смертной казни, и о таковыхъ, подписавъ приговоры, тѣ дѣла и тѣхъ людей, кто чему осуждены будутъ отсылать въ надвор. суды, а которые надв. суды въ губерніяхъ и къ тѣмъ приговорамъ призывать и губернаторовъ, и вице-губернаторовъ и съ ними обще по тѣмъ сентенціямъ разсматривать и свидѣтельствовать, и по свидѣтельству подписать приговоры жъ, и по подписаніи тѣхъ людей для экзекуціи отсылать въ тѣ городы, изъ которыхъ присланы будутъ, по прежнему. А ежели по которымъ дѣламъ въ надв. судахъ усмотрѣно будетъ, что тѣ нижнихъ судовъ приговоры подписаны противно указамъ, и имъ по тѣмъ дѣламъ указъ чинить по указамъ е. и. в., а о тѣхъ нижнихъ судахъ, въ которыхъ тѣ приговоры подписаны будутъ противно указамъ, и за такую ихъ вину какому штрафу подлежать будуть, о томъ требовать указа изъ юст.-коллегіи; а не отсылая тѣхъ дѣлъ для апробаціи въ надвор. суды, въ тѣхъ нижнихъ судахъ экзекуціи отнюдь не чинить, дабы отъ

недознанія въ разсужденіи напрасно такого тяжкаго осужденія не было; токмо по такимъ отъ нижнихъ судовъ посылаемымъ дѣламъ въ надвор. судахъ чинить рѣшеніе безъ всякаго продолженія. А разбойникамъ и татямъ чинить экзекуціи: разбойникамъ за одинъ и за 2 разбоя, ежели смертнаго убійства не чинилъ, по розыску учиня наказанье и вырѣзавъ ноздри, ссылать на каторгу въ вѣчную работу, а ежели хотя и на одномъ разбоѣ кто былъ, а учинилъ смертное убивство, и такихъ казнить смертью, а за три разбоя, хотя и смертнаго убивства не учинилъ — казнить смертью жъ. Татямъ за первую и за вторую татьбу чинить наказанье и свобожать на поруки, какъ указы повелѣваютъ, а за три—вырѣзавъ ноздри, ссылать на галеру въ вѣчную работу. Буде же кто гдѣ въ какихъ воровствахъ пойманъ будетъ, а у кого будутъ ноздри вырѣзаны, и таковыхъ, какъ разбойниковъ, такъ и татей казнить смертью. Того ради надвор. судъ долженъ по силѣ того именнаго е. и. в. указу поступать и въ коллегію писать неотложно, чтобъ виноватому достойнаго наказанія не упустить, а неповинному безвинно казни своей и на тѣлѣ наказанія, и лишенія во имѣніяхъ не терпѣть, боясь въ такой неправдѣ тяжкаго себѣ наказанія; а по учиненію надвор. суда рѣшеній въ провинціяхъ экзекуціи по подобающему и дѣйствительному образу исполнять и по третямъ года въ свой надвор. судъ изъ тѣхъ провинцій о экзекуціяхъ репортъ въ такое жъ время изъ надвор. суда въ юст.-коллегію присылать со объявленіемъ винъ ихъ и указовъ подъ взятіемъ штрафовъ по указу.

29) *О пріуготовленіи осужденному на смерть.* Ежели кто по дѣламъ осужденъ будетъ къ смерти, то надлежитъ его по уложенью посадить въ особую избу для покаянія, какъ о томъ въ уложеньи показано, въ которое время при немъ всегда быть священнику, искусному въ законѣ, чтобъ того осужденнаго всегда по всей возможности утверждалъ и увѣщалъ, дабы оный осужденный содержалъ себя твердо въ чистой совѣсти и покаяніи, и за одинъ день до назначенія тому осужденному экзекуціи, долженъ тотъ священникъ исправить все, что надлежитъ по правиламъ и христіанской должности; и какъ поведутъ того на мѣсто казни, долженъ тотъ священникъ быть при немъ безотлучно до окончанія той экзекуціи и при самомъ окончаніи той экзекуціи опрашивать его, что онъ по его дѣлу все ли право сказалъ и ничего не потаилъ, такожъ и въ законѣ христіанскомъ твердо ли себя содержалъ, что все послѣ сего пункта ненарушимо содержать и нималаго не упущать подъ жестокимъ штрафомъ, понеже о такихъ людяхъ по должности христіанской наибольшее стараніе и попеченіе имѣть надлежитъ.

30) *О фискальскихъ дѣлахъ.* Въ именномъ е. и. в. указѣ генв. 18 д. нын. 722 г. написано: надворнымъ судамъ не одни росправныя дѣла дѣлать, но и прочія всѣ по доносамъ фискальскимъ или хотя кто и не фискалъ донесетъ на кого, которыя повинны они сыскивать и сыскавъ послать дѣло и виноватыхъ въ тое коллегію, кто гдѣ вѣдомъ (а вмѣсто его приказать дѣло его кому заблагоразсудятъ до опредѣленія коллегіи), а самимъ не вершить; а ежели кто ложно донесетъ кромѣ фискала, то тѣхъ по винамъ наказывать, а ежели фискалъ то учинитъ, то сыскавъ его и дѣла отсылать къ генералу-прокурору. Того ради, по содержанію того е. и. в. указу, фискальнымъ дѣламъ, которыя нынѣ есть въ надворномъ судѣ и кои доношенія впредь будутъ поданы, немедленно чинить по надлежащимъ указамъ слѣдованіе и по изслѣдованіи отсылать дѣла и виноватыхъ въ тѣ мѣста, кто гдѣ вѣдомъ. А въ провинціяхъ воеводамъ съ асессорами въ фискальскія дѣла не вступать и прежнія такія дѣла, которыя въ провинціяхъ имѣются для слѣдованія немедленно взять въ надворный судъ съ описью и съ росписками по указу; а ежели впредь въ провинціяхъ фискалы или доносители подавать станутъ доношенія, и оныя высмотря, буде явится дѣло важное и требуетъ скораго слѣдованія, то по тѣмъ доношеніямъ слѣдовать и по изслѣдованіи въ самой скорости все то дѣло, запечатавъ своими и того доносителя печатьми, отсылать въ надворный судъ; ежели же такого скораго отправленія по-тому поданному доношенію не покажется, то оное доношеніе того жъ времени, какъ отъ фискала или доносителя подано будетъ, запечатавъ своею и его печатьми, отсылать въ надворный же судъ.

31) *О корашпанденціи провинціямъ съ надворными судами, о чемъ въ юст.-коллегію не писать.* Понеже юст.-коллегія отъ нижнихъ судовъ излишній трудъ имѣла того ради, что о всякихъ дѣлахъ нижніе мимо надворныхъ судовъ писали въ оную госуд. юст.-коллегію и требовали на все во оной коллегіи указовъ, чего ради посланными е. и. в. указы изъ той коллегіи мая 15 и 31 чч. 721 г., въ чемъ нижнимъ судамъ велѣно о всякихъ прилучившихся у нихъ дѣлахъ изъ тѣхъ судовъ описываться въ надворные суды развѣ о такихъ дѣлахъ, ежели надворные суды по двумъ отъ тѣхъ нижнихъ судовъ требованіямъ исполнять не будутъ; того ради воеводамъ съ асессорами надлежитъ поступать такимъ же образомъ, какъ въ вышеозначенныхъ е. и. в. указѣхъ предложено, а надвор. суду, по требованію воеводъ съ асессоры немедленно резолюцію учинить, а ежели надворный судъ по тѣмъ требованіямъ зачѣмъ сего учинить не можетъ, тогда со обстоятельствы дѣла и указовъ и съ подписаніемъ мнѣнія писать въ государ. юст.-коллегію.

32) *О искорененіи воровъ.* Понеже многими е. и. в. посланными изъ коллегіи-юст. апрѣля 13, іюня 19, августа 10 и 19, октября 2 чиселъ прошл. 719 г. указы всѣмъ надворнымъ и нижнимъ судамъ жестоко подтвержено, дабы какъ возможно искоренить воровъ и чинить такъ, какъ въ тѣхъ указѣхъ пространно изображено, какъ о томъ тѣмъ судьямъ поступать, чего ради надвор. судъ симъ подтверждается, дабы въ провинціяхъ, которыя подчинены къ надвор. суду, весьма тщательное и прилежное стараніе имѣть, чтобъ воровъ и становщиковъ какъ возможно искоренить, дабы отъ нихъ напраснаго государственнаго разоренія не происходило, и поступать въ томъ такъ, какъ е. и. в. вышеозначенные указы повелѣваютъ; а какъ оные воры пойманы будутъ и ими розыскивать, и по розыскамъ чинить по е. и. в. указамъ безо всякаго упущенія, а во время розысковъ пыточныя рѣчи закрѣплять того жъ числа, котораго розыскъ былъ, тѣмъ судьямъ и секретарямъ, и дьякамъ, которые при розыскѣ были, чтобъ въ томъ споръ какой не былъ.

33) *О колодникахъ.* Колодниковъ не надлежитъ долго продолжительное время держать и ниже мало кому задержаніе чинить безъ слѣдованія и рѣшенія ихъ дѣлъ, а надлежитъ имѣть попеченіе, чтобъ по тѣмъ дѣламъ, по которымъ имѣются колодники, было слѣдованіе и рѣшеніе, а по рѣшеніи исполненіе немедленное, какъ о томъ е. и. в. указъ сего 722 г. апрѣля 16 ч. повелѣваетъ, и что такихъ дѣлъ и о колодникахъ какое слѣдованіе будетъ производиться, изъ провинцій писать въ надворные суды, а изъ надворныхъ въ госуд. юст.-коллегію подъ опасеніемъ такого штрафа, какъ прежде объявленными е. и. в. указы повелѣно.

34) *Какимъ образомъ съ обвиненными по дѣлу поступать.* Послѣ вершенія дѣла обвиненный долженъ оправленнаго въ осьми дняхъ по рѣшенію удовольствовать, ежели онъ, оправленный, тому обвиненному больше того сроку дать не похощетъ; а буде тотъ обвиненный въ такомъ состояніи есть, что онъ во время помянутыхъ тѣхъ 8 дней оправленнаго удовольствовать не можетъ, тогда надворному суду опредѣлить по уложенью письменный срокъ ко удовольству, на который срокъ обоимъ тяжбу имѣющимъ явиться и удовольствовать; а буде онъ и сего не учинитъ, тогда надворному суду по просьбѣ оправленнаго учинить исполненіе по уложенью и по надлежащимъ указамъ; а ежели будутъ чинить во исполненіи по приговору продолженіе, а законныхъ причинъ не покажутъ, то штрафовать тѣхъ судей юст.-коллегіи за каждую проволочку дня по генер. регламенту.

35) *О штрафованныхъ по дѣламъ, которымъ оплатиться нечѣмъ.* Буде же кто деньгами и пожитками платить не можетъ, и того, послѣ-

дуя именному е. и. в. указу 1718 г. генв. 15 д. и генер. регламента 52-й гл., что о штрафованныхъ, которымъ платить будетъ нечѣмъ, посылать на каторгу, ибо оправленному въ своей правдѣ своевольно отпустить невозможно, того ради, чтобы цѣлость уложенья въ своей силѣ содержана была.

36) *О содержаніи крѣпостныхъ дѣлъ.* Крѣпостнымъ дѣламъ, по именному е. и. в. указу прошл. 719 г., велѣно быть въ вѣдѣніи въ госуд. юст.-коллегіи, и къ тѣмъ дѣламъ опредѣлить секретаря нарочнаго, который, по содержанію того указа, въ С.-Петербургѣ при госуд. юст.-коллегіи и опредѣленъ, а въ губерніи въ такой же силѣ для правленія тѣхъ дѣлъ опредѣлены особливые, которые подчинены надв. судамъ, а въ городѣхъ крѣпостнымъ дѣламъ надсмотрщикамъ и писцамъ, посланными е. и. в. указы изъ госуд. юст.-колл., велѣно быть въ вѣдомствѣ у опредѣленныхъ судей; какимъ образомъ тѣмъ судьямъ о тѣхъ крѣпостныхъ дѣлахъ поступать и о приходѣ, и о расходѣ денежной казны въ надвор. судъ помѣсячно репортовать, и съ надсмотрщиками, и съ писцами имъ поступать, и въ какомъ охраненіи ихъ содержать, о томъ въ посланныхъ изъ госуд. юст.-колл. во всѣ надвор. суды е. и. в. указѣхъ іюня 3 ч. прошл. 721 г. съ явнымъ объявленіемъ написано; того ради въ томъ надвор. судѣ немедленно взять о всѣхъ присланныхъ о тѣхъ крѣпостныхъ дѣлахъ указѣхъ извѣстія, и что по онымъ исполнено, и для чего не исполнено, изслѣдовавъ, и тѣхъ крѣпостныхъ дѣлъ надсмотрщиковъ и писцовъ по учиненнымъ о тѣхъ крѣпостныхъ дѣлахъ пунктамъ считать, а въ провинціи воеводамъ и асессорамъ съ данной крѣпостныхъ дѣлъ комиссару инструкціи и статей о крѣпостныхъ дѣлахъ изъ надвор. судовъ сообщить копіи.

37) *О подчиненныхъ Святѣйшаго Синода.* По е. и. в. указу прошл. 721 г. марта 8 д., синодальныхъ и архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ служителей, кому какія обиды, на тѣхъ велѣно бить челомъ, какъ о томъ е. в. указъ повелѣваетъ; да по его жъ и. в. состоявшемуся въ 718 г. дек. 22 д. указу, для полнаго удовольства челобитчикамъ всѣмъ суда праваго, по прошеніямъ тѣхъ къ правосудному ихъ рѣшенію по городамъ и по провинціямъ учреждены будутъ суды и судьи, а надъ тѣми судьями высшій надворный судъ въ знатныхъ мѣстѣхъ учрежденъ, куда отъ нижнихъ судовъ, ежели оные неправдою вершатъ или за срокъ волочить будутъ, переносить; а въ генер. регламентѣ во гл. 51-й напечатано: въ партикулярныхъ дѣлѣхъ между собою всякаго чина люди въ юст.-коллегіи и въ подчиненныхъ судахъ по выданному регламенту о челобитчикахъ судимы и штрафованы будутъ; того ради съ подчиненными Свят. Синода поступать же такъ,

какъ о томъ въ вышеознач. е. и. в. указѣхъ изъяснено именно; а ежели что между тѣхъ подчиненныхъ вѣдомства и въ тѣхъ, которые принадлежатъ до вѣдѣнія оной коллегіи касатися будетъ, о томъ списыватьcя промеморіями того синодальнаго вѣдѣнія со управителями и о прочемъ поступать, какъ о томъ е. и. в. именные указы повелѣваютъ, а именно апрѣля 28, ноября 19 числъ прошл. 721 г., которые указы учинены по докладу Свят. Синода.

38) *О подчиненныхъ главнаго магистрата.* Въ регламентѣ глав. магистрата въ 9-й гл. напечатано: е. и. в., милосердуя о купецкихъ людяхъ, яко о разсыпанной храминѣ, указалъ всѣхъ купеческихъ и ремесленныхъ людей во всякихъ дѣлахъ судомъ и росправою, татинными и разбойными дѣлами вѣдать (кромѣ всякихъ государственныхъ дѣлъ) въ главномъ магистратѣ, кто бъ на оныхъ въ чемъ ни билъ челомъ; чего для, въ знатныхъ городѣхъ, въ которыхъ по 3 и по 4 человѣка бурмистровъ обрѣтается, велѣть имъ одного межъ себя къ такимъ дѣламъ заобычайнаго человѣка выбрать и опредѣлить, придавъ ему въ товарищи другихъ такихъ же отъ магистрата, къ тому способныхъ людей; и ежели гдѣ въ городѣхъ случатся татинныя и разбойныя, и убивственныя дѣла однихъ граждановъ, а не иныхъ чиновъ людей, и въ тѣхъ дѣлахъ розыскъ чинить въ магистратѣ, и по розыску, ежели которое дѣло подлежать будетъ смертной казни о рѣшеніи, подписавъ сентенцію, писать имъ въ главный магистратъ, и пока отъ него на оное подтвержденіе къ нимъ прислано не будетъ, то до тѣхъ мѣстъ въ такихъ дѣлахъ экзекуціи имъ не чинить. Того ради въ томъ глав. магистратѣ оное разсмотря, подписавъ свою сентенцію по указу, писать къ нимъ немедленно, а прочее рѣшать въ магистратѣ самимъ, а притомъ надлежитъ же смотрѣть накрѣпко, чтобъ въ магистратахъ вездѣ судъ и розыскъ по дѣламъ были праведными по уложенью и по е. и. в. указамъ. Ежели гдѣ въ малыхъ городѣхъ бурмистры (а магистрата не будетъ) учинятъ по какимъ дѣламъ неправый судъ, и на такихъ бить челомъ, и дѣла переносить во опредѣленный тамо магистратъ, а ежели и тѣмъ магистратскимъ рѣшеніемъ кто будетъ недоволенъ, и такое переносить въ провинціяхъ въ магистраты къ президентамъ, а ежели и тѣмъ судомъ кто будетъ недоволенъ, и такія переносить въ высшій магистратскій судъ. А буде случится изъ оныхъ такія дѣла у гражданъ съ людьми другихъ чиновъ, которые не магистратскаго вѣдомства, и о такихъ розыскивать надворнымъ судьямъ съ президенты магистрата обще, и для того быть изъ нихъ притомъ съ обѣихъ сторонъ по нѣскольку персонъ равнымъ числомъ; и ежели будетъ челобитье на гражданина, то притомъ за президента быть отъ купечества, а буде будетъ

челобитье отъ гражданина другихъ чиновъ на людей, то за президента быть отъ юстицкаго суда, и по розыску вершить имъ тѣ дѣла общимъ приговоромъ по уложенью и по правамъ; а ежели за чѣмъ имъ такихъ дѣлъ вершить будетъ невозможно, и о томъ надворнымъ судьямъ писать въ юст.-коллегію, а отъ магистрата въ высшій магистратъ, и по тѣмъ дѣламъ снесшись, онымъ чинить немедленное рѣшеніе, и о томъ потому жъ писать не мотчавъ. И по содержанію того регламента изъ госуд. юст.-коллегіи е. и. в. указы во всѣ надворные и въ подчиненные къ нимъ суды о томъ, чтобъ до подчиненныхъ того главнаго магистрата не касались, но поступали такъ, какъ во ономъ пунктѣ изображено, многими указы подтверждено и особливо для того исполненія тотъ регламентъ въ каждый надвор. судъ при указѣхъ посланъ, а отъ глав. магистрата о томъ госуд. юст.-коллегіи приносятся жалобы, что опредѣленные отъ юст.-коллегіи судьи купечеству въ городѣхъ многія обиды и разоренія чинятъ. Того ради надворнымъ судамъ и подчиненнымъ ихъ вѣдѣнію со всякою прилежностью все осмотрѣть за оными посланными указами, кому и какія обиды отъ судей опредѣленныхъ отъ коллегіи-юст. купечеству учинены, и ежели такія дѣла о комъ явятся, а по вышепис. регламенту подлежатъ къ правленію магистрата, оныя разсылать въ магистратское правленіе, и что куда тѣхъ дѣлъ разослано будетъ, о томъ въ госуд. юст.-коллегію репортовать въ скорости, и впредь магистрата дѣлъ, кои не касаются юст.-коллегіи, отнюдь не вступать.

39) *О вотчинныхъ дѣлахъ.* Понеже по именному е. и. в. указу для умноженія дѣлъ опредѣлена вотчинная коллегія, что прежде того былъ Помѣстный приказъ, особливо правленіемъ, того ради надворному суду въ дѣла той вотч. коллегіи отнюдь не вступать; а ежели изъ той вотч. коллегіи объ отправленіи той коллегіей дѣлъ будутъ присылаться мимо юст.-коллегіи въ тотъ надвор. судъ и въ подчиненные суды указы, а касается оное дѣло до той коллегіи, а именно для отказу или межеванья какихъ вотчинъ и помѣстій, то исполнять, а въ прочихъ дѣлахъ, которыя слѣдуютъ не ихъ вѣдома, безъ послушныхъ изъ госуд. юст.-коллегіи указовъ исполненія не чинить.

40) *Объ объявленіи приговоровъ и дѣлъ тяжбу имѣющимъ по вся недѣли по вторникамъ и четверткамъ.* По дѣламъ рѣшеніе приговоровъ или зачѣмъ слушаннымъ дѣламъ учинится остановка объявлять всѣмъ имянно, кому о томъ вѣдать надлежитъ, и того ради всегда въ послѣдующій день въ той палатѣ, гдѣ челобитчики бываютъ на дцкѣ означивать подлинно, о чемъ приговоры и рѣшенія, и прочія дѣла для народнаго объявленія приготовлены быть имѣютъ, чтобъ возможно было

черезъ такія объявленія всякому о своемъ дѣлѣ вѣдать и порядочно ль по реестру слушано, или къ слушанію изготовлено есть по генер. регламенту.

41) *О содержаніи генер. регламента, что принадлежитъ до того суда.* Надворный же судъ долженъ поступать по генер. регламенту: 1) о немедленныхъ докладѣхъ по дѣламъ, 2) о дачѣ голосовъ, 3) о корешпонденціяхъ съ прочими надвор. суды и канцеляріи, 4) о пріемѣ доносовъ у доносителей съ свидѣтельствомъ, 5) о надзираніи въ поступкахъ надъ служительми и должности ихъ, о содержаніи дѣлъ тайно и о противностяхъ, которыя въ должности своей погрѣшатъ, и особливомъ смотрѣніи президентамъ надъ членами въ ихъ порядочныхъ поступкахъ, и о прочемъ, что слѣдуетъ по генер. регламенту до правленія того суда, имѣть имъ въ томъ всегдашнее и немедленное исполненіе о всемъ обще, чтобы въ противность е. и. в. указовъ ничего не происходило, понеже оный генер. реглам. слѣдуетъ на коллегіумъ и на подчиненныя имъ канцеляріи и конторы, какъ явственно воономъ напечатано.

42) *О должности секретаря.* Понеже по генер. регл. о секретарѣ, въ какой силѣ оному себя содержать, изображено имянно, того ради и того надвор. суда опредѣленному секретарю, по содержанію онаго жъ генер. регламента, должность имѣть въ непремѣнномъ состояніи и поступая во всемъ исправлять такъ, какъ о томъ онаго регламента въ 6-й и 29 гл. означено, подъ опасеніемъ себѣ объявленнаго въ тѣхъ же главахъ штрафа, и въ повседневную роспись вносить о всѣхъ при судѣ обходимыхъ дѣлѣхъ, и изготовя оную роспись, къ собранію ради слушанья дѣлъ имѣть на столѣ судейскомъ.

43) *О должности нотарія.* Нотаріусъ содержать долженъ протоколъ и въ той книгѣ записывать день собиранія, кто изъ судей въ пріѣздѣ будетъ и въ которомъ часу всякій изъ нихъ пріѣдетъ. Ему же еще записывать, которое дѣло къ слушанію принято и притомъ вкратцѣ описывать, что по оному дѣлу учинено или вершено, чтобы въ протоколѣ томъ о голосахъ дневная записка согласна была. Его же нотаріевой должности есть требовать изъ дѣлъ и предлагать, когда помѣты къ крайнему рѣшенію дойдутъ и при отлучкѣ секретаря во время самой его нужды канцелярное осмотрѣніе во всемъ, какъ о должности секретаря написано, нотарію содержать и надзирать въ прочемъ и такъ поступать, какъ въ генер. регл. въ 30-й гл. о должности нотарія изображено.

44) *О содержаніи записныхъ книгъ.* Всѣ криминальные (т. е. ко осужденію приличныя сказки) приговоры, всѣ гражданскія рѣшенія,

вершенія и отправляемые промеморіи и указы, всякій съ надлежащими реестрами или росписьми по нумерамъ и поденно въ особливыхъ книгахъ записывать и по вся годы оныя переплетать такъ, чтобъ о криминальныхъ дѣлѣхъ особно, а о гражданскихъ особожъ, а въ прочихъ книгахъ особливо жъ содержаніе имѣть, какъ генер. реглам. повелѣваетъ.

45) *О должности фискала при надв. судѣ.* Понеже должность онаго, по силѣ именнаго е. и. в. указа 714 г. марта 17 д., съ такимъ прилежнымъ смотрѣніемъ во всѣхъ интересныхъ и безгласныхъ дѣлѣхъ и въ преступленіи указовъ поступать, того ради ему, ежели что въ положенномъ штрафѣ скорое взятье или противъ данной сей инструкціи что упущено будетъ, доносить позволяется, весьма осмотрѣть съ прилежнымъ радѣніемъ, чтобъ оныя для управленія дѣлъ всегдашнее неотлучное собраніе имѣли всѣ купно, дабы въ дѣлахъ немедленное рѣшеніе отправлялось. А ежели кто изъ нихъ, безъ всякой причины куда отлучится и при томъ ихъ собранія не будетъ, то оный отлучившійся повиненъ за то заплатить свой штрафъ за каждую свою небытность; а ежели тотъ отлучившійся въ томъ будетъ противенъ, и ему фискалу надлежитъ о томъ доносить того надв. суда прокурору, которому, принявъ доносъ, по должности чина своего поступать надлежитъ; и во всемъ оный фискалъ долженъ поступать по сей инструкціи и по генер. регл. неотмѣнно, а особливо оный имѣетъ быть подчиненъ того надвор. суда прокурору. А будетъ онъ, фискалъ, того смотрѣть не будетъ или въ чемъ будетъ пренебрегать, то взыскивать по той его должности прокурору.

46) *О доносителяхъ.* А ежели доносители будутъ подавать о какихъ важныхъ или о другихъ причинныхъ дѣлѣхъ свои доношенія, и онымъ тѣ доношенія велѣть подавать провинціалъ-фискалу или фискалу, какъ о томъ слѣдуетъ е. и. в. указъ 718 г. дек. 22 д.; а имъ принимавъ, должны провѣдавъ о томъ подлинно доносить ибо они для того учреждены есть. А ежели провинціалъ и фискалы то пренебрегутъ и тѣхъ доношеній у тѣхъ доносителей принимать не будутъ, тогда у оныхъ доносителей тѣ доношенія принимать, токмо бъ во оныхъ описывали тѣ доносители имянно, что тѣмъ фискаломъ подавали, и потомъ оныя въ тотъ надвор. судъ принимать и по нимъ слѣдовать, и указъ чинить до чего доведется, а за то что фискалы надлежащаго доношенія у того доносителя не приняли, инстиговать прокурору.

47) *О прилежномъ смотрѣніи надъ дѣлами.* Хотя по сей инструкціи съ одной стороны разсудить можно, въ чемъ правленіе на-

дворнаго суда состоять имѣеть, однако жъ паки симъ въ заключеніе имъ опредѣляется накрѣпко, чтобъ тотъ надвор. судъ по своей повинности всѣ надзирательству своему подчиненныя дѣла прилежно разсматривалъ, и для того имъ всякое изъ своей должности принадлежащее разсмотрѣніе чинить, чтобъ криминальныя и фискальскія нужнѣйшія дѣла, е. и. в. собственныя пользы и пріобрѣтенія, такожъ и гражданскія дѣла безъ всякаго помѣшательства и безъ всякія волокиты рѣшены были, дабы всякъ въ покоѣ своемъ и безопасности быть могъ, понеже многіе челобитчики и отвѣтчики по тѣмъ дѣламъ, вѣдая свои явныя вины, не токмо о скоромъ рѣшеніи просятъ, но паче волокитами продолжаютъ, отчего правымъ чинятъ напрасныя волокиты и убытки; и того ради, о томъ предостерегательно усмотря, такія отбывательства всемѣрно пресѣкать.

48) А ежели они, асессоры, по означеннымъ въ сей инструкціи пунктамъ, по е. и. в. указамъ и регламенту, со всякимъ прилежаніемъ исполнять не будутъ, и за такое ихъ неисполненіе истязаны будутъ е. и. в. указомъ жестоко; а которыя провинціи (московскому) надворному суду во управленіи подчинены, и кто въ нихъ воеводы и асессоры опредѣлены, тому при сей инструкціи прилагается реестръ.

49) Надворному суду для надлежащаго въ провинціяхъ исправленія дѣлъ и порядка въ провинціи и воеводамъ, и асессорамъ съ генер. регламента и съ сей инструкціи послать печатныя, и поступать по сей же инструкціи и по генер. регл., дабы то общее государственное правленіе безъ помѣшательства исполнялось.

В. Инструкція провинціальному суду.

Е. и. в. наказъ, или инструкція, изъ его госуд. коллегіи-юстиціи, по которому по е. и. в. указамъ и въ расправныхъ дѣлахъ чинить по предложеннымъ нижеписаннымъ пунктамъ. Понеже самая истина есть, яко благополучіе государства въ совершенномъ разсмотрѣніи и правдѣ быть долженствуетъ, какъ о томъ е. в—во соизволилъ всемилостивое попеченіе имѣть и учреждать всѣ госуд. коллегіи, между которыми госуд. коллегія юстиціи и подчиненные той коллегіи суды во всѣхъ провинціяхъ и городѣхъ, дабы челобитчики прежде по прошеніямъ ихъ удовольствованы были въ тѣхъ судахъ, а надъ тѣми для разсмотрѣнія и чтобъ челобитчики въ рѣшеніи ихъ дѣлъ притѣснены и проволочены за указный срокъ не были, оная коллегія уставлена есть. И хотя прежде того опредѣлены были въ провинціяхъ отъ той коллегіи особливые нижніе суды и судьи, а воеводы только должны

были надъ тѣми судами имѣть смотрѣніе, а въ дѣла имъ вступать не велѣно, какъ ихъ инструкціи повелѣваютъ, а нынѣ по его жъ и. в. указамъ, состоявшимся въ госуд. прав. сенатѣ: по первому, марта 18 ч., вмѣсто тѣхъ нижнихъ судовъ имѣть правленіе дѣлъ той коллегіи въ провинціяхъ воеводамъ и для скораго управленія, и чтобъ въ дѣлахъ челобитчикамъ волокиты не было, придать ко управленію такихъ дѣлъ въ каждую провинцію асессоровъ изъ отставныхъ офицеровъ или изъ дворянъ по два человѣка къ тому дѣлу заобычайныхъ, а въ которыхъ провинціяхъ городы и уѣзды отстоятъ отъ настоящаго города, гдѣ воеводы, по 200 верстъ и больше, и въ тѣ городы, дабы тамошнимъ обывателямъ отъ дальной поѣздки лишнихъ убытковъ не было, опредѣлить для того дальнаго разстоянія еще другой меньшій нижній судъ въ пристойномъ городѣ по разсмотрѣнію воеводскому, а въ тотъ судъ опредѣлить тому воеводѣ асессора одного человѣка, кромѣ тѣхъ двухъ, которые при немъ будутъ, подьячихъ чел. двухъ или трехъ, токмо судить ему до 10 и до 20-ти руб., а больше того отнюдь не судить, а ежели будутъ челобитчики выше 20 руб., и таковыхъ отсылать ему въ провинціальный судъ той провинціи; а надворнымъ судамъ быть по прежнему е. и. в. указу, а инструкціи имъ дать изъ коллегіи юст. Во второмъ, апрѣля 4 ч.: въ губерніяхъ и провинціяхъ судить и всякія расправы чинить губернаторамъ, вице-губернаторамъ и воеводамъ, кромѣ тѣхъ городовъ, гдѣ учинены надвор. суды; а къ нимъ для вспоможенія въ знатные городы, гдѣ надвор. судовъ нѣтъ, дать по 2 чел. асессоровъ, а въ прочія провинціи по одному асессору; а которые городы ото всѣхъ провинцій отстоятъ разстояніемъ по 200 верстъ, и въ тѣхъ городѣхъ учинить для суда по особливому судебному комиссару, которымъ судить челобитчиковы дѣла до 50 руб. и о всякихъ дѣлахъ явочныя челобитныя принимать и осмотры чинить, и быть тѣмъ судебнымъ комиссарамъ подъ командою тѣхъ провинцій воеводъ, а больше онаго числа не судить, а выше 50 руб. бить челомъ воеводамъ, а гдѣ надворные суды—въ тѣхъ надвор. судахъ; а провинціальнымъ судамъ, гдѣ есть надвор. суды—не быть, а судить и прочія расправы чинить противъ вышеписаннаго жъ въ тѣхъ надвор. судахъ. Того ради оный воевода долженъ въ тѣхъ принадлежащихъ до юст.-коллегіи дѣлахъ по сей инструкціи, данной изъ госуд. коллегіи юст., всесовершенною вѣрностью и со всемѣрною прилежностью, безъ всякаго лицемѣрія въ цѣлости правды содержать, не взирая ни на чье лицо, кто бы какого званія и имени ни былъ, и наипаче обидимымъ и всеправосудными и безволокитными рѣшеніи поступать безъ всякой склонной къ той или другой сторонамъ причины. А во пер-

выхъ оный воевода и асессоры того суда, и всѣ подчиненные канцеляріи его служители во управленіи томъ обще и каждому особо имѣть паче всего е. и. вел—ву и ея вел—ву государынѣ императрицѣ, и высокимъ наслѣдникамъ вѣрные, честные и добрые люди и слуги быть, пользу и благополучіе его всякимъ образомъ и по всей возможности искать и споспѣшествовать, убытокъ, вредъ и опасность отвращать и благовременно о томъ объявлять, и въ учрежденіи и произведеніи своего званія въ достойное правленіе приводить, и для того имѣть стараніе по крайней мѣрѣ и возможности, какъ сіе честнымъ людямъ и подданнымъ е. и. вел—ву пристойно и принадлежитъ, и они въ томъ предъ Богомъ и е. вел—вомъ, такожъ и предъ всѣмъ честнымъ свѣтомъ собственною своею совѣстью отвѣтъ дать могутъ, чего для каждый высокій и нижній служитель особливо, какъ письменно такъ и словесно въ томъ присягою обязатися имѣетъ сицевымъ образомъ:— «Азъ, нижепоименованный, обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ предъ святымъ Его евангеліемъ, что хощу и долженъ своему природному и истинному императору и государю всепресвѣтлѣйшему и державнѣйшему Петру Великому и всероссійскому самодержцу и проч., и проч., и по немъ е. и. вел—ва высокимъ законнымъ наслѣдникамъ, которые по изволенію и самодержавной е. и. в. власти опредѣлены и впредь опредѣляемы и къ воспріятію престола удостоены будутъ, и ея вел—ву государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ вѣрнымъ, добрымъ и послушнымъ рабомъ и подданнымъ быть и всѣ къ высокому е. и. в. самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и прерогативы (или преимущества) узаконенныя и впредь узаконяемыя по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять и въ томъ живота своего въ потребномъ случаѣ не щадить и притомъ по крайней мѣрѣ старатися споспѣшествовать все, что къ е. и. в. вѣрной службѣ и пользѣ во всякихъ случаяхъ касатися можетъ, о ущербѣ жъ е. и. в. интереса, вредѣ и убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мѣрами отвращать и не допущать тщатися буду; когда же къ службѣ и пользѣ е. и. в. какое тайное дѣло, или бъ какое оно ни было, которое приказано мнѣ будетъ тайно содержать, и то содержать въ совершенной тайнѣ и никому не объявлять, кому о томъ вѣдать не надлежитъ и не будетъ повелѣно объявлять, и повѣренный и положенный на мнѣ чинъ, какъ по сей данной инструкціи, такъ и отъ времени до времени е. и. в. именемъ отъ представленныхъ надо мною начальниковъ опредѣляемымъ инструкціямъ и регламентамъ, указамъ надлежащимъ образомъ по совѣсти своей исправлять и для своей корысти, свойства и

дружбы, и вражды противъ должности своей и присяги не поступать, и такимъ образомъ себя весть и поступать, какъ доброму и вѣрному е. и. в. рабу и подданному благопристойно есть и надлежитъ, и какъ я предъ Богомъ и судомъ Его страшнымъ въ томъ всегда отвѣтъ дать могу, какъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ. Въ заключеніе же сей моей клятвы цѣлую слова и крестъ Спасителя моего. Аминь.

1) *О должности того суда.* И понеже оный судъ имѣетъ въ своемъ содержаніи гражданскія дѣла цѣлой провинціи, въ которой и еще ему подчиненные нижніе суды уставлены быть могутъ, того ради въ принадлежащихъ до коллегіи-юст. дѣлахъ долженъ онъ, воевода, со опредѣленными съ нимъ асессоры въ той провинціи и надъ подчиненными своими судами рѣшеніе чинить и смотрѣніе имѣть (по государственнымъ правамъ) (по уложенью и) по надлежащимъ е. и. в. указамъ и уставамъ и регламентамъ, а чего во оныхъ не обрѣтается, то по прежнему уложенью и по новоуказнымъ статьямъ, которыя сочинены въ пополненіе, а не въ премѣну уложенья; и чтобъ оные всегда ко исполненію тѣхъ е. в. повелѣніевъ впредь во осторожности и въ незабвенной памяти были, при семъ пунктѣ тотъ е. в. именной указъ за собственною е. в. рукою, состоявшійся сего жъ года апрѣля 18 ч. включается, который яко зеркало всегда предъ очима судящихъ поставленъ имѣетъ быть на столѣ въ той канцеляріи какъ слѣдуетъ, которыхъ указовъ печатныхъ въ надворные суды по нѣскольку и разослано.

2) *О исполненіи указовъ.* Воевода жъ и асессоры, хотя и особливо отъ надвор. судовъ, въ своихъ провинціяхъ имѣютъ быть, а въ тѣхъ дѣлѣхъ подъ главнымъ смотрѣніемъ и надзираніемъ госуд. юст.-коллегіи и въ положенныхъ дѣлахъ отвѣтъ чистый всегда принести и по указамъ той коллегіи исполнять, однакожъ оный прежде дворовому суду подчиненъ есть, и того ради надлежитъ, какъ о исполненіи присланныхъ изъ коллегіи-юст. указовъ, такъ и въ указѣхъ надворныхъ судовъ поступать ему, воеводѣ, и асессорамъ по генер. регламенту и по особливымъ о томъ состоявшимся указамъ прошл. 719 г. марта 19 и 1721 г. генваря 27 числъ, и за неисправленіе того штрафованъ быть, какъ генер. регл. и вышеозначенные и впредь объявляемые состоявшіеся е. и. в. указы повелѣваютъ, понеже оный надвор. судъ самъ той коллегіи и порядочно одинъ другому суду отвѣтъ дать долженъ, дабы тѣмъ яко общее государственное правленіе могло всегда быть исправное. Притомъ же особливо смотрѣть, чтобъ по посланнымъ указамъ о полученіи ихъ, по которымъ вскорѣ исполнять не мож-

но, присылать отвѣты по генер. регламенту, что оный полученъ и въ которое время по оному исполнить можно, однакожъ не далѣе того срока какъ положено въ регламентѣ.

3) *О допущеніи челобитчиковъ и о пріемѣ челобитенъ.* Челобитчиковъ и доносителей оный воевода съ асессорами долженъ всегда во управительную канцелярію къ себѣ допускать и по прошеніямъ ихъ должно немедленное отправленіе чинить; противнымъ же образомъ и челобитчики при допущеніи ономъ весьма со всякою учтивостью поступать должны и съ надлежащимъ почтеніемъ приступать, и никому о другихъ дѣлахъ разговоры имѣть позволяется. Сіе все чинить подъ такимъ опасеніемъ, какъ о таковыхъ противностяхъ слѣдуетъ генер. регламентъ, съ котораго требовать отъ надвор. суда копіи, которыхъ о посланіи изъ госуд. коллегіи-юст. въ надвор. суды указы посланы будутъ.

4) *О рѣшеніи челобитчиковыхъ дѣлъ.* Дабы челобитчиковы дѣла въ вершеніяхъ продолжены за сроки отнюдь не были, какъ о томъ по генер. регламенту положено, того ради всегда имѣть въ томъ попеченіе, понеже за оное штрафованы быть имѣютъ неотмѣнно по тому генер. регл. отъ надвор. судовъ, ежели въ томъ какое прошеніе принесено будетъ.

5) *О учиненныхъ выпискахъ изъ дѣлъ челобитчиковыхъ и о допросахъ по фискальскимъ дѣламъ.* Ему жъ, воеводѣ, съ подтвержденіемъ подъ опасеніемъ немалыхъ штрафовъ въ провинціи своимъ подчиненнымъ приказать, у которыхъ будутъ имѣться дѣла, принадлежащія до юст.-коллегіи, чтобъ учиненныя изъ дѣлъ челобитчиковыхъ, кромѣ крѣпостныхъ дѣлъ, выписки и по фискальскимъ дѣламъ допросы были конечно со обѣихъ сторонъ—по челобитчиковымъ дѣламъ за истцовыми, а по фискальскимъ за фискальскими и соперниковъ ихъ руками, какъ о томъ посланными изъ коллегіи-юст. во всѣ надворные и къ нимъ подчиненные суды е. и. в. указы генв. 24 д. прошл. 719 г. повелѣно. Ежели же съ которой стороны по челобитчиковымъ дѣламъ кого не будетъ, то къ тѣмъ выпискамъ велѣть прикладывать повѣреннымъ ихъ, ежели же таковыхъ не будетъ, то къ нимъ посылать въ домы и въ деревни и давать имъ сроки, гдѣ самихъ помѣщиковъ нѣтъ, (выписать изъ указу), то тѣ выписки велѣть свидѣтельствовать секретарю, а безъ свидѣтельства, кромѣ крѣпостныхъ, отнюдь не были, дабы никто продерзостію своею ихъ воеводъ въ томъ, что будто выписка изъ дѣла или вышеозначенные допросы учинены неправо, бить челомъ и спорить не могъ.

6) *О переносѣ дѣлъ.* Понеже въ именномъ е. и. в. указѣ, состоявшемся дек. 22 д. прошл. 718 г. напечатано: для полнаго удовольства челобитчикомъ всѣмъ суда праваго по прошеніямъ тѣхъ къ правосудному ихъ рѣшенію будутъ вездѣ по губерніямъ, по провинціямъ и по городамъ учреждены суды и судьи, а надъ ними всѣми вышній надворный судъ въ знатныхъ губерніяхъ учрежденъ будетъ, куда отъ нижнихъ судовъ, ежели неправдою вершить или волочить за срокъ будутъ, переносить противъ регламенту, а на тотъ надворный судъ бить челомъ въ юст.-коллегіи, которая особливо только для расправы учинена. А въ указѣ жъ е. и. в., состоявшемся февраля 27 д. нын. 722 г. напечатано: велѣно всякихъ чиновъ людямъ, кому въ чемъ на кого надлежитъ бить челомъ, тѣ бъ прежде челобитныя свои подавали въ нижнихъ провинціальныхъ судахъ, буде же въ тѣхъ судахъ будутъ въ рѣшеніи продолжать или неправедными судами утѣснять, то на таковыхъ бить челомъ тамо во опредѣленныхъ надворныхъ судахъ. Буде же и въ надвор: судахъ будутъ такими жъ волокитами и неправыми судами тѣснить, и на таковыхъ бить челомъ въ коллегіяхъ, о чемъ гдѣ надлежитъ; буде же и въ коллегіяхъ въ указныя числа рѣшенія чинить не будутъ или хотя и учинятъ, да не право, и на оныя для пріема челобитенъ и смотрѣнія, чтобъ въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ скоро и справедливо дѣла рѣшили по е. и. в. указамъ и регламенту въ указныя числа опредѣленъ генералъ-рекетмейстеръ; того ради, по содержанію тѣхъ именныхъ е. и. в. указовъ, ежели случатся дѣла нижняго суда такія, о которыхъ челобитчики покажутъ, что оныя рѣшены неправо, тѣ имать ему, воеводѣ, въ свой судъ и разсматривать по надлежащимъ указамъ, однакожъ притомъ надлежитъ смотрѣть, чтобъ на тѣ рѣшенія прямыя доказательства въ спорныхъ ихъ челобитныхъ объявлены были, дабы челобитчики напрасно только отбывая вины время не продолжали, отъ чего бъ и другимъ излишнихъ волокитъ и тягостей не было; а въ прочихъ дѣлахъ, на которыя показано будетъ, что оныя рѣшены будутъ у него, воеводы, неправо, то оныя дѣла переносить въ надворные суды, къ которому та провинція приписана, а надворному суду въ переносѣ тѣхъ дѣлъ въ вершеніи поступать такъ, какъ о томъ е. в. указы и регламентъ повелѣваютъ.

7) *О взятіи при первомъ вершеніи пошлинъ и канцелярскихъ денегъ.* Понеже въ уложеньѣ въ 10-й главѣ во 124-й статьѣ напечатано: пошлинъ въ государеву казну по суднымъ дѣламъ имать всякаго чина у людей съ рубля по гривнѣ, да съ суда и пересуду по 6 алтынъ по 4 деньги, да праваго десятка по 4 деньги, а со лживыхъ кабалъ и записей и за насильство противъ того пошлины имать вдвое;

да по именному е. и. в. указу, состоявшемуся 715 г. генв. 28 д. велѣно во всѣхъ губерніяхъ со всякихъ исковъ, гдѣ первое рѣшеніе будетъ, при взятіи пошлинъ имать за труды и на канцелярію съ денежнаго числа съ праваго по алтыну, а съ виноватаго по гривнѣ съ рубля, а съ земляныхъ дѣлъ (буде кому какая вотчинная или помѣстная справка лучится быть безспорно) брать по деньгѣ съ четверти. А по указу жъ е. и. в., состоявшемуся 719 г. окт. 21 г., велѣно по посланнымъ изъ коллегіи-юст. указамъ въ ту коллегію вершеныя дѣла присылать, взявъ по нихъ пошлины и канцелярскія, и штрафныя деньги на комъ надлежитъ по указу; а не взявъ тѣхъ пошлинъ и канцелярскихъ и штрафныхъ денегъ, такихъ вершеныхъ дѣлъ отнюдь не присылали бъ, и сбирать тѣ пошлинныя деньги по вершеніи всякаго дѣла въ самой скорости, не запуская ничего въ доимку. Того ради и ему, воеводѣ, по содержанію вышеозначенныхъ е. и. в. указовъ, при первомъ рѣшеніи при взятіи пошлинъ имать на канцелярію съ праваго по алтыну, а съ виноватаго по гривнѣ съ рубля, не запуская ничего въ доимку; такожъ если по указамъ изъ надвор. судовъ будутъ требовать вершеныхъ дѣлъ, то оныхъ, какъ выше писано, не взявъ по нихъ пошлинъ и канцелярскихъ денегъ, отнюдь не отпускать и тѣхъ канцелярскихъ денегъ ни на какіе расходы не держать, и въ раздѣленіе безъ указу изъ коллегіи-юст. не имать; а съ исковъ же, въ которыхъ безъ допросовъ помирятся, имать пошлины, какъ о томъ именной е. и. в. прошлаго 710 г. февраля 4 д. указъ повелѣваетъ, а канцелярскихъ денегъ съ такихъ дѣлъ, которыя въ дѣйствѣ не имѣлись, не имать, понеже оныя деньги велѣно имать за трудъ по вершенымъ дѣламъ, а въ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ безъ допросовъ помирятся, судейскихъ трудовъ не имѣлось. И на приказные расходы, а именно на чернила, на дрова, на бумагу, безъ чего по крайней нуждѣ пробыть невозможно, держать въ расходъ изъ пошлинныхъ денегъ безъ передачи, справясь подлинно, какъ о томъ е. и. в. указами изъ штатсъ-конторъ-коллегіи повелѣно.

8) *О содержаніи генеральнаго регламента, что принадлежитъ до того суда.* Оный же воевода и асессоры должны поступать по генер. регламенту: 1) о немедленныхъ докладѣхъ по дѣламъ, 2) о поданіи голосовъ, 3) о корешпонденціяхъ съ прочими провинціями, 4) о пріемѣ доносовъ у доносителей съ свидѣтельствомъ, 5) о надзираніи въ поступкахъ на служителей и должности ихъ, о фискалѣхъ, которые имѣютъ быть въ его провинціи, о содержаніи дѣлъ тайно и о противностяхъ, которые въ должности своей погрѣшатъ, и о прочемъ, что слѣдуетъ по генер. регл. до его правленія, имѣть ему въ томъ всег-

дашнее и немедленное исполненіе о всемъ обще съ опредѣленными асессоры, чтобъ въ противность е. и. в. указовъ ничего не происходило.

9) *О пріемѣ отъ нижнихъ судовъ дѣлъ.* А сколько нижнихъ судовъ въ той провинціи было и кто судьи были, о томъ ему, воеводѣ, и асессорамъ сообщается при сей инструкціи вѣдомость; того ради ему, воеводѣ, въ тѣхъ судахъ дѣла правленія и колодниковъ пріѣхавъ принять съ роспискою и со описаніемъ имянно, по которымъ дѣламъ прежніе судьи учинили или чего по присланнымъ указамъ не исполнили, о томъ ему, воеводѣ, и асессорамъ изслѣдовать, оныя дѣла кѣмъ и для чего безъ слѣдованія оставлены и тѣ дѣла изслѣдовавъ, писать въ надворные суды. А о прочемъ, что въ тѣхъ нижнихъ судахъ явится упущено до прибытія ихъ, и то все взыскано будетъ на тѣхъ прежде бывшихъ судьяхъ, и о томъ о всемъ писать ему воеводѣ въ надвор. судъ со обстоятельствы дѣла имянно; а что по фискальскимъ и интереснымъ, и истцовымъ, и по крѣпостнымъ дѣламъ пошлинъ было въ сборѣ и куда, и по какимъ указамъ въ расходѣ, и затѣмъ въ доимкѣ, и кѣмъ оная доимка упущена, о всемъ о томъ изслѣдовать же, и учиня по приходамъ счетныя выписки, и тѣ вѣдомости, и счетныя выписки прислать въ надвор. судъ, о чемъ въ надворные суды особливо указы посланы.

10) *О присылкѣ репортовъ.* Каждому воеводѣ надлежитъ непрестанное имѣть попеченіе, дабы о денежной казнѣ, что въ его провинціи принадлежащихъ до коллегіи-юст. сборовъ, какъ по дѣламъ, такъ и по крѣпостной конторѣ, что собрано и въ рентерею въ отдачѣ и въ расходѣ будетъ, репортъ изъ каждаго мѣста, гдѣ оные сборы имѣются, собравъ по посланнымъ изъ коллегіи-юст. образцамъ чинить по окончаніи каждаго мѣсяца немедленно, отсылать въ надвор. судъ, которому надв. суду велѣно тѣ репорты такимъ же образомъ собирая изо всѣхъ провинцій своего правленія, сочинять изо всѣхъ тѣхъ репортовъ одинъ, мѣсячные помѣсячно, а годовые по годамъ всей провинціи, всего того надвор. суда (образцу жъ) репорты каждаго мѣсяца, а по окончаніи года и годовой исправный присылать въ коллегію-юст. подъ опасеніемъ за тое неприсылку штрафа, какъ въ прежнихъ посланныхъ о томъ е. и. в. изъ госуд. коллегіи-юст. во всѣ надвор. суды указѣхъ іюня 3 ч. пр. 721 г. написано; а имъ, воеводамъ, мимо тѣхъ надвор. судовъ вѣдомостей собою въ юст.-коллегію не присылать, подъ опасеніемъ указнаго штрафа за каждое доношеніе и репортъ по 50 руб.

11) *О экзекуціяхъ.* По которымъ дѣламъ въ провинціи вашего правленія колодники подлежать будутъ смертной казни или къ отсылкѣ на каторгу, тогда по окончаніи розысковъ ихъ, тѣхъ колодниковъ вамъ, воеводѣ съ асессоры, брать передъ себя и со всякою прилежностью, не устращивая никакими причинами, спрашивать ихъ, подлинно ль они то, что въ роспросѣхъ и въ розыскахъ ихъ показано, говорили и не оболгали ль они кого или сами себя чѣмъ напрасно? И ежели станутъ они говорить то же, что въ прежнихъ ихъ роспросѣхъ и розыскахъ показано, тогда вамъ, воеводѣ съ асессоры, для разсмотрѣнія для учиненія онымъ колодникамъ экзекуціи учиня изъ тѣхъ дѣлъ исправные статейные списки съ подлинными обстоятельствы и съ яснымъ показаніемъ винъ ихъ и съ подписаніемъ указовъ закрѣпя своими руками и подписавъ имянно, что о всемъ изъ тѣхъ дѣлъ выписано со свидѣтельствованіемъ сущей правды со мнѣніями отсылать въ надвор. суды; и буде надвор. суду изъ тѣхъ статейныхъ списковъ возмнится какое сумнительство, и для того сумнительства станутъ для разсмотрѣнія требовать тѣхъ подлинныхъ дѣлъ, изъ которыхъ оные статейные списки учинены, тогда тѣ дѣла для разсмотрѣнія къ нимъ въ тотъ надвор. судъ отсылать, которыя дѣла тотъ надворный судъ разсмотря, долженъ по прежнему къ вамъ возвращать немедленно, о чемъ къ нимъ изъ госуд. коллегіи-юст. и указы е. и. в. посланы. А ежели тѣ колодники при вышеозначенномъ вашемъ ихъ вопросѣ станутъ говорить, что въ прежнихъ ихъ роспросѣхъ и розыскахъ показано какая либо отъ нихъ неправда, тогда вамъ, воеводѣ со асессоры, со всякою своею прилежностью немедленно, о чемъ они покажутъ, изслѣдовать и розыскать подлинно кѣмъ надлежитъ въ сущую правду и по розыску чинить такъ же, какъ въ семъ пунктѣ показано.

12) *О фискальныхъ дѣлахъ и по интереснымъ.* Въ именномъ е. и. в. указѣ генв. 18 д. нын. 722 г. написано: надворнымъ судамъ не одни росправныя дѣла дѣлать, но и прочія всѣ по доносамъ фискальскимъ или, хотя кто и не фискалъ донесетъ на кого, которыя повинны они сыскивать и, сыскавъ, послать дѣло и виноватыхъ въ тое коллегію, кто гдѣ вѣдомъ (а вмѣсто его приказать дѣла его кому заблагоразсудятъ до опредѣленія коллегіи), а самимъ не вершить; а ежели кто ложно донесетъ кромѣ фискала, то тѣхъ по винамъ наказывать, а ежели фискалъ, то учинить то сыскавъ его и дѣло отсылать къ генералъ-прокурору. Того ради вамъ, воеводѣ со асессоры, по содержанію онаго именнаго е. и. в. указа, въ фискальныя дѣла не вступать и прежнія такія дѣла, которыя въ провинціи вашего правленія имѣются, отослать немедленно въ надвор. судъ, а которыя впредь вамъ фискалы

или доносители провинціи вашего правленія подавать будутъ доношенія, и оныя высмотрѣть, и ежели явится оное, чего по тому доношенію оставить не мочно, то слѣдовать оное, и по изслѣдованіи въ самой скорости и запечатавъ все своею и того фискала или доносителя печатьми, отсылать въ надвор. судъ, ежели же такого скораго отправленія по тому поданному доношенію не покажется, то оное доношеніе того жъ времени, какъ отъ фискала или доносителя подано будетъ, запечатавъ своею и его печатьми, отсылать въ надворный же судъ.

13) *О корешпонденціи нижнихъ судовъ съ надворными, о чемъ въ коллегію не писать.* Коллегія-юст. отъ нижнихъ судовъ излишній трудъ имѣла того ради, что о всякихъ дѣлахъ нижніе мимо надвор. судовъ писали въ оную госуд. юст.-коллегію, требовали на все указовъ изъ оной коллегіи; чего ради посланными е. и. в. указы изъ той коллегіи-юст. мая 15 да 31 числъ 1721 г. всѣмъ нижнимъ судамъ велѣно о всякихъ прилучившихся у нихъ дѣлахъ изъ тѣхъ судовъ описываться въ надвор. суды, развѣ о такихъ дѣлахъ, ежели надвор. суды по двумъ отъ тѣхъ нижнихъ судовъ требованіямъ исполнять не будутъ; того ради и ему, воеводѣ, со асессоры надлежитъ поступать такимъ же образомъ, какъ въ вышеозначенныхъ е. и. в. указѣхъ предложено.

14) *О искорененіи воровъ.* Понеже многими е. и. в. посланными изъ коллегіи-юст. іюня 19, августа 10 и 19, окт. 2 числъ пропіл. 719 г. указы всѣмъ надворнымъ и нижнимъ судамъ жестоко подтверждено, дабы какъ возможно искоренить воровъ и чинитъ такъ, какъ въ тѣхъ указѣхъ о всемъ пространно изображено, какъ о томъ тѣмъ судьямъ поступать; чего ради вамъ, воеводѣ со асессоры, симъ подтверждается, дабы въ провинціи вашего вѣдомства весьма тщательное и прилежное стараніе имѣть, чтобъ воровъ и становщиковъ какъ возможно искоренить, дабы отъ нихъ напрасно государственнаго разоренія не происходило и поступать въ томъ такъ, какъ е. и. в. вышеозначенные указы повелѣваютъ; а какъ оные воры пойманы будутъ, и ими розыскивать и по розыскамъ чинить по е. и. в. указамъ.

15) *О колодникахъ.* Колодниковъ не надлежитъ долго продолжительное время держати, ниже мало кому задержаніе чинить безъ слѣдованія и рѣшенія ихъ дѣлъ, а надлежитъ имѣть попеченіе, чтобъ по тѣмъ дѣламъ, по которымъ имѣются колодники, было слѣдованіе и рѣшеніе немедленное; и что такихъ дѣлъ и о колодникахъ какое слѣдованіе будетъ производиться, писать въ надворный судъ, подъ опасеніемъ такого штрафа, какъ прежде посланными е. и. в. изъ коллегіи-юст. указы марта 3 ч. 1719 г. объявлено.

16) *О содержаніи крѣпостныхъ дѣлъ.* Крѣпостнымъ дѣламъ, по именному е. и. в. указу прош. 1719 г., велѣно быть въ вѣдѣніи госуд. юст.-коллегіи. Къ тѣмъ дѣламъ опредѣлить секретаря нарочнаго, который по содержанію того указа въ С.-Пб. при госуд. коллегіи-юст. и опредѣленъ. А въ губерніи въ такой же силѣ для правленія тѣхъ дѣлъ опредѣлены комиссары, которые подчинены надворнымъ судамъ; а въ городѣхъ крѣпостнымъ дѣламъ надсмотрщикамъ и писцамъ посланными е. и. в. указы изъ госуд. коллегіи-юст. велѣно быть въ вѣдомствѣ у опредѣленныхъ судей. Какимъ образомъ тѣмъ судьямъ о тѣхъ крѣпостныхъ дѣлахъ, о приходѣ и о расходѣ денежныя казны въ надвор. судъ помѣсячно репортовать и съ надсмотрщиками, и писцами имъ поступать, и въ какомъ охраненіи ихъ содержать, о томъ въ посланныхъ изъ госуд. юст.-коллегіи во всѣ надвор. суды е. и. в. указѣхъ іюня 3 ч. прошл. 1721 г. съ явнымъ объявленіемъ написано: (токмо что по тѣмъ указамъ). Чего ради вамъ, воеводѣ со асессоры, по пріѣздѣ своемъ немедленно взять о всѣхъ присланныхъ о тѣхъ крѣпостныхъ дѣлахъ указѣхъ извѣстіе, и что по онымъ исполнено или неисполнено, изслѣдовавъ, писать въ надвор. судъ, и тѣхъ крѣпостныхъ дѣлъ надсмотрщиковъ и писцовъ вамъ, воеводѣ и асессорамъ, по учиненнымъ о тѣхъ крѣпостныхъ дѣлахъ пунктамъ считать; чего ради вамъ воеводѣ и ассессорамъ съ данной крѣпостныхъ дѣлъ комиссару инструкціи и статей о крѣпостныхъ дѣлахъ, требовать изъ надвор. судовъ копіи, по которымъ управлять съ прилежнымъ радѣніемъ.

17) *О подчиненныхъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода.* По е. и. в. указу прошл. 1721 г. марта 8 д. патріаршихъ и архіерейскихъ, и монастырскихъ вотчинъ отъ служителей, кому какія обиды, на тѣхъ велѣно бить челомъ, какъ о томъ е. и. в. указъ повелѣваетъ; да по е. и. в. состоявшемуся въ 718 г. дек. 22 д. указу для полнаго удовольства челобитчикамъ всѣмъ суда праваго по прошеніямъ тѣхъ къ правосудному ихъ рѣшенію по городамъ и по провинціямъ учреждены будутъ суды и судьи, а надъ тѣми судьями вышній надворный судъ въ знатныхъ мѣстѣхъ учрежденъ будетъ, куда отъ нижнихъ судовъ, ежели оные неправдою вершатъ или за срокъ волочить будутъ, переносить. А въ генер. регламентѣ въ главѣ 51-й напечатано: въ партикулярныхъ дѣлѣхъ между собою всякаго чина люди въ юст.-коллегіи и въ подчиненныхъ судахъ по выданному регламенту о челобитчикахъ судимы и штрафованы будутъ; того ради ему, воеводѣ, съ подчиненными свят. правит. синода поступать такъ, какъ о томъ въ вышеознач. е. и. в. указѣхъ изъяснено имянно. А ежели что между тѣхъ подчиненныхъ синодальнаго вѣдѣнія и тѣхъ, которые принадле-

жатъ до вѣдѣнія оной коллегіи, касатися будетъ, о томъ вамъ списываться промеморіями того синод. вѣдѣнія со управителями.

18) *О подчиненныхъ главнаго магистрата.* Въ регламентѣ глав. магистрата въ 9-й главѣ напечатано: его имп. величество, милосердуя о купецкихъ людяхъ, яко о разсыпанной храминѣ, указалъ всѣхъ купецкихъ и ремесленныхъ людей во всякихъ дѣлахъ судомъ и росправою, и татинными, и разбойными, и убивственными дѣлами вѣдать (кромѣ всякихъ государственныхъ дѣлъ) въ главномъ магистратѣ, кто бъ на оныхъ въ чемъ ни билъ челомъ; чего ради въ знатныхъ городѣхъ, въ которыхъ по 3 и по 4 чел. бургомистровъ обрѣтаются, велѣть имъ одного межъ себя къ такимъ дѣламъ заобычнаго человѣка выбрать и опредѣлить, придавъ ему въ товарищи другихъ такихъ же отъ магистрата къ тому способныхъ людей, и ежели гдѣ въ городѣхъ случатся татинныя и разбойныя, и убивственныя дѣла однихъ гражданъ, не иныхъ чиновъ людей, и въ тѣхъ дѣлахъ розыскъ чинить въ магистратѣ, и по розыску ежели которое дѣло подлежать будетъ смертные казни, о рѣшеніи, подписавъ сентенцію, писать имъ въ глав. магистратъ, и пока отъ него на оное подтверженіе къ нимъ прислано не будетъ, то дотѣхъ мѣстъ въ такихъ дѣлѣхъ экзекуціи имъ не чинить. Того ради въ томъ глав. маг—тѣ оное разсмотря, подписавъ свою сентенцію, по указу писать къ нимъ немедленно; а прочія рѣшить въ магистратѣхъ самимъ и притомъ надлежитъ же смотрѣть накрѣпко, чтобъ въ магистратѣхъ вездѣ судъ и розыскъ по дѣламъ былъ праведный по уложенью и по е. и. в. указамъ. А ежели гдѣ въ малыхъ городѣхъ бургомистры (а магистрата не будетъ) учинятъ по какимъ дѣламъ неправый судъ, и на такихъ бить челомъ и дѣла переносить во опредѣленный тамо магистратъ; а ежели и тѣмъ магистратскимъ рѣшеніемъ кто будетъ недоволенъ, и такія переносить въ провинціяхъ въ магистраты къ президентамъ, а ежели и тѣмъ судомъ кто будетъ недоволенъ же, и такія переносить въ вышній магистратскій судъ. А буде случатся изъ оныхъ такія дѣла у гражданъ съ людьми другихъ чиновъ, которые не магистратскаго вѣдѣнія, и о такихъ розыскивать надворнымъ судьямъ съ президенты маг—та обще, и для того быть изъ нихъ притомъ съ обѣихъ сторонъ по нѣскольку персонъ равнымъ числомъ; а ежели будетъ челобитье на гражданина, то притомъ за президента быть отъ купечества, а буде будетъ челобитье отъ гражданина другихъ чиновъ на людей, то за президента быть отъ юстицкаго суда, и по розыску вершить имъ тѣ дѣла общимъ приговоромъ по уложенью и по правамъ. А ежели зачѣмъ имъ такихъ дѣлъ вершить будетъ невозможно, и о томъ надвор. судьямъ писать въ юст.-коллегію, а отъ

магистрата въ вышній магистратъ, и по тѣмъ дѣламъ спесшись, онымъ чинить немедленное рѣшеніе и о томъ потому жъ писать немотчавъ. И по содержанію того регламента изъ госуд. юст.-коллегіи е. и. в. указы во всѣ надворные и въ подчиненные къ нимъ суды о томъ, чтобы до подчиненныхъ того глав. маг—та не касались, но поступали такъ, какъ во ономъ пунктѣ изображено, многими указы подтвержено; а отъ глав. маг—та о томъ госуд. юст.-коллегіи приносятся жалобы, что опредѣленные отъ юстицъ-коллегіи судьи купечеству въ городѣхъ многія обиды и разоренія чинятъ. Того ради вамъ, воеводѣ со ассессоры, въ провинціи своего вѣдѣнія со всякою прилежностью все осмотрѣть, за оными посланными указами, кому и какія обиды отъ судей, опредѣленныхъ отъ коллегіи-юст., купечеству учинены, и ежели такія дѣла о комъ въ вашей провинціи явятся, оныя разсылать въ магистратское правленіе и что куда тѣхъ дѣлъ разослано будетъ, о томъ въ надворный судъ репортовать въ скорости.

А ежели вы, воевода со асессоры, по вышеозначеннымъ учиненнымъ въ сей инструкціи пунктамъ, по учиненнымъ е. и. в. регламенту и указамъ, со всякимъ прилежаніемъ исполнять не будете, и за такое ваше неисполненіе истязаны будете по е. и. в. указамъ.

Приложеніе II.

Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣла сената, кн. 701, лл. 653—663:

Реестръ земскимъ комиссаромъ, которые выбраны для сбору подушныхъ денегъ къ будущему 724 году.

Санктъ-Петербургской губерніи.

Въ новгородской провинціи:

Къ судейству погрѣшившихъ комиссаровъ въ главные смотрители:

Иванъ Наумовъ сынъ Ушаковъ
Лаврентей Андреевъ с. Веригинъ
Герасимъ Афанасьевъ с. Корсаковъ

Въ уѣздъ для сбору подушныхъ денегъ:

Въ главные комиссары:

Тимофей Савельевъ Зеленинъ
Григорій Дмитріевъ Кушелевъ
Князь Клементій княжъ Михаиловъ с. Мещерскій
Иванъ Калининъ Веревкинъ
Өедоръ Никифоровъ Лупандинъ
Иванъ Петровъ Скобельцынъ

Къ нимъ въ помочь:

Воинъ Васильевъ Гурьевъ
Иванъ Өедоровъ Зиновьевъ
Андрей Козьминъ Ласунской
Сергѣй Өедоровъ Обольяниновъ
Борисъ Петровъ Чертовъ
Григорій Михайловъ Воронинъ
Өедоръ Богдановъ Чертовъ
Савва Өедоровъ Коптевъ
Миронъ Григорьевъ Коптевъ
Мина Васильевъ Лодыженской
Якимъ Трофимовъ Скобельцынъ
Никита Осиповъ Пушкинъ
Өедосѣй Васильевъ Курицынъ
Степанъ Сергѣевъ Авсѣитовъ
Өедоръ Тимофеевъ Мартьяновъ
Калистратъ Кононовъ Свіязевъ
Павелъ Ефимовъ Кутузовъ
Иванъ Астафьевъ Диринъ
Өедоръ Өоминъ Вараксинъ
Ефимъ Максимовъ Нармацкой
Ефимъ Калининъ Веревкинъ
Никита Ивановъ Аничковъ
Максимъ Ивановъ Бачмановъ
Іовъ Тимофеевъ Благово
Романъ Петровъ Висленевъ
Михайло Өедоровъ Кутузовъ
Петръ Денисьевъ Мельницкой
Василій Васильевъ Палицынъ
Илья Тимофеевъ Рябининъ
Өедоръ Ефимовъ Мордвиновъ
Семенъ Григорьевъ Бестужевъ
Михайло Никитинъ Тырковъ
Итого въ Новгородской—41.

Во псковской

Въ главные:

Матвѣй Карповской
Савинъ Неклюдовъ
Иванъ Бочкинъ
Дмитрій Бибиковъ

Къ нимъ въ помочь:

Яковъ Дубровской
Иванъ Карповской
Самсонъ Патрушевъ
Кирила Горяиновъ
Итого въ псковской—8 человѣкъ.

Въ великолуцкой

Въ главные:

Пантелей Степановъ Дубровинъ

Къ нему въ помочь:

Миронъ Владимировъ Лаптевъ
Афанасій Кирьяковъ Тулубьевъ
Дмитрій Ивановъ Мякининъ
Кн. Любимъ княжъ Ивановъ с. Шаховской
Иванъ Андреевъ Арбузовъ
Лука Степановъ Арбузовъ
Итого—7 человѣкъ

Въ тверской

Въ главные:

Ѳедосѣй Ивановъ Толстой
Евтифей Ивановъ Шишковъ

Къ нимъ подчиненные:

Артамонъ Елизарьевъ Мерлинъ
Семенъ Прокофьевъ Тыртовъ
Сергѣй Михайловъ Кутузовъ
Клементій Ефремовъ Наумовъ
Афанасій Тимофеевъ Тулубьевъ
Василій Тихоновъ Соймоновъ
Яковъ Ивановъ Давыдовъ
Андрей Матвѣевъ Саврасовъ
Итого—10 человѣкъ.

Въ углицкой

Главные:

Афанасій Даниловъ Шубинской
Иванъ Матвѣевъ Еремѣевъ
Кн. Иванъ княжъ Матвѣевъ с. Щербатой
Аника Петровъ Неицынъ
Итого—4 человѣка.

Въ ярославской

Въ главные:

Василій Андреевъ Борщовъ—изъ счетной канцеляріи у рекрутскаго розыску.
Григорій Васильевъ Меркуровъ—на Вологдѣ асессоръ
Григорій Семеновъ Васильчиковъ въ Ярославлѣ въ надворномъ судѣ асессоромъ.
Савва Васильевъ Култашевъ
Сила Васильевъ Мотовиловъ
Левъ Савинъ Мусинъ-Пушкинъ
Алексѣй Ивановъ Алябьевъ
Иванъ Михайловъ Ярославовъ
Иванъ Григорьевъ Поздѣевъ
Михайло Ѳедоровъ Шушериновъ

Въ подчиненные:

Иванъ Михайловъ Угримовъ
Тихонъ Михайловъ Коробовской
Петръ Никитинъ Третьяковъ
Яковъ Дмитріевъ Чириковъ
Василій Григорьевъ Побѣдинской

Михайла Даниловъ Кудрявцевъ
Афанасій Васильевъ Волоцкой

Итого 17 человѣкъ

Въ бѣлозерской

Степанъ Бердяевъ—на Вологдѣ у надсмотру лѣсовъ
Трифонъ Сназинъ
Савва Козловской
Григорій Дерновъ
Иванъ Рудневъ
Никита Никулинъ
Иванъ Коротневъ
Левъ Лесковъ
Иванъ Витезевъ
Өедоръ Голской
Василій Козминъ
Андрей Перской
Иванъ Емельяновъ
Матвѣй Китаевъ
Кн. Тимофей Вадбольской
Иванъ Дементьевъ
Григорій Воропановъ
Иванъ Нелидовъ

Итого—18 человѣкъ.

Въ пошехонской

Въ главные:

Кн. Михайла княжъ Никитинъ с. Ухтомской
Петръ Ивановъ Травинъ
Григорій Петровъ Языковъ
Василій Васильевъ Тишининъ

Въ подчиненные:

Кн. Яковъ княжъ Васильевъ с. Морткинъ
Иванъ Васильевъ Скобельцынъ
Григорій Афанасьевъ Бизюкинъ
Андрей Михайловъ Плоховъ
Савва Ивановъ Стенинъ
Сергѣй Андреевъ Суковъ
Леонтій Афанасьевъ Тарбѣевъ
Никита Григорьевъ Лопотовъ

Итого—12 человѣкъ.

Всего въ санктъ-петербургской губерніи 117 человѣкъ.

Нижегородской губерніи

Нижегородской провинціи:

Иванъ Дмитріевъ Лѣнивцевъ
Яковъ Васильевъ Пановъ
Өедоръ Радиловъ
Василій Григорьевъ Алфимовъ

Арзамасской.

Никита Степановъ Болтинъ
Василій Васильевъ Зиновьевъ
Павелъ Алексѣевъ Левинъ

Алаторской

Иванъ Михайловъ Шипиловъ
Иванъ Осиповъ Мертвой

Кіевской губерніи

Бѣлгородской провинціи:

Въ Бѣлгородѣ—Данила Масловъ
Въ Обояни — Харламъ Переверзевъ
Въ Суджѣ—Иванъ Лукинъ
Въ Валуйкахъ и въ Тополяхъ—Афанасій Анисимовъ
Въ Чугуевѣ—Андрей Костромитиновъ
Въ Мирополье—Сергѣй Звягинъ
Въ Яблоновѣ—Максимъ Коншинъ
Въ Карповѣ—Алексѣй Кондыревъ
Въ Болховцѣ—Яковъ Безсоновъ
Въ Корочѣ—Иванъ Ярыгинъ
Въ Хотмыжескѣ—Иванъ Видиневъ

Въ Нижгольскѣ—Иванъ Богачевъ
Въ Салтовѣ—Калина Кузнецовъ
Въ Вольномъ—Василій Горловъ
Въ Алешнѣ—Григорій Звягинъ
Въ Курскѣ—Петръ Блѣдной
Въ Ст. Осколѣ—Владиміръ Переверзевъ
Въ Новомъ Осколѣ—Өедосъ Головинъ
Въ Полатовѣ—Иванъ Головинъ

Сѣвской провинціи:

Къ вотчинамъ генерала фельдмаршала свѣтлѣйшаго князя да свѣтлѣйшаго кн. Кантемира изъ сѣвскихъ дворянъ Ив. Нестеровъ

А къ дворцовымъ камарицкимъ волостямъ выбраны изъ дворцовой камарицкой волости жители: Василій Борисовъ, Алексѣй Пановъ, Василій Никитинъ, Иванъ Булатовъ.

Изъ дворянъ

Въ Рыльскѣ—Гаврило Полянской
Въ Кромахъ—Петръ Похвисневъ
Въ Путивлѣ—Иванъ Трифоновъ
Въ Брянскѣ—изъ отставныхъ майоръ Яковъ Шушериновъ
Въ Трубчевскѣ—изъ помѣщиковъ Яковъ Бряновъ
Въ Недрыгайловѣ, въ Каменномъ—изъ дворянъ Максимъ Влесковъ
Въ Карачевѣ—Иванъ Клеменовъ Бовыкинъ

Орловской провинціи:

Въ Орлѣ—Григорій Воейковъ
Въ Новосили—Степанъ Глотовъ
Въ Бѣлевѣ—Степанъ Девшинъ
Въ Болховѣ—Өедоръ Хитровъ
Во Мценскѣ—Никифоръ Крявцовъ
Въ Черни—Аксенъ Рогачевъ
Бѣлгородской провинціи въ Сумахъ и въ Ахтыркѣ выбираютъ.

Смоленской губерніи

Въ смоленскій уѣздъ къ сборомъ:
Хорунжій Григорій Григорьевъ Пенскій
Стольникъ Данила Гавриловъ Чеславскій
Шляхтичъ Дмитрій Казиміровъ Мастыка
Въ Вязьмѣ—Дмитрій Львовъ Волжинскій

Къ строенію домовъ и для суда:
Стольникъ Гаврила Ивановъ Вистицкій
Шляхтичъ Григорій Семеновъ Зубрицкій
Шляхтичъ Андрей Степановъ Рарогъ

Азовской губерніи

Воронежской провинціи:

Өаддей Антоновъ Веневитиновъ
Автамонъ Трофимовъ Стерлеговъ
Алексѣй Ивановъ Карѣевъ

Въ шацкой

Кн. Илья Бектемиревъ Маматовъ
Борисъ Степановъ Мерлинъ
Степанъ Лукьяновъ Вельяминовъ

Въ тамбовской

Алексѣй Гавриловъ Кошкаровъ
Трофимъ Даниловъ Неклюдовъ
Итого—8 человѣкъ.

Казанской губерніи

Симбирской провинціи

Отъ земли:

Дмитрій Петровъ Топоркинъ
Иванъ Андреяновъ Кадышевской
Илья Михайловъ Бѣликовъ
Степанъ Осиповъ Мещериновъ
Иванъ Васильевъ Куроѣдовъ

Въ полковые:

Ив. Яковлевъ Бѣликовъ
Иванъ Никитинъ Ляховъ
Яковъ Афанасьевъ Ховринъ
Яковъ Андреевъ Алфимовъ
Григорій Даниловъ Неклюдовъ

Архангелогородской губерніи

Въ вологодской провинціи

Изъ дворянъ:

Никита Тихоновъ Беклемишевъ
Матвѣй Ивановъ Лызловъ
Иванъ Матвѣевъ Даниловъ-Домнинъ
Ѳедоръ Владиміровъ Межаковъ

Изъ черносошныхъ:

Въ Устьянскихъ волостяхъ

Деревни Ананьинской: Андреянъ Афанасьевъ Крюковъ
Окологородной волости Верхнихъ Починковъ Илья Ивановъ Климовъ
Околопосадной волости деревни Окатовской Петръ Ивановъ Кокинъ
Устьянской волости деревни Носовки Галактіонъ Поликарповъ Шиловъ
Сумскаго острога обыватель Степанъ Григорьевъ Круглой
Пустозерецъ Василій Кирилловъ Антоновъ.

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:						Слѣдуетъ читать:
Стр. 24	строка	9	снизу	на		на
» 26	»	16	сверху	матеріалной		матеріальной
» 37	»	6	снизу	инстукціяхъ		инструкціяхъ
» 145	»	11	сверху	помѣщики		помѣщики»
» 242	»	18	снизу	Маинскѣ		Заинскѣ

Цѣна 2 руб. 50 коп.

Bogoslovskij, Michail M.,

Oblastnaja reforma Petra Velikago provincija 1719 - 27 gg

Moskva 1902

4 Russ. 59 y
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11173335-6